

P Slaw 652.10

Harvard College
Library

By Exchange

918

СОВРЕМЕНИКЪ

1863

№ IX СЕНТЯБРЬ

• САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

(На Литейной, близъ Невскаго проспекта, домъ Зыбиной № 60)

I. — НЕКРОЛОГЪ Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.	
II. — ВЕЧЕРИНКА У БѢДНОЙ РОДСТВЕННОИЦЫ. Сцены АЛЕКСѢЯ ПОТЪХИНА.	5
III. — НАПУЩЕНИЕ. Разсказъ Е. ЛУКЪЯНОВА.	27
IV. — ЖАЛОБЫ МУЗЫ. Стихотв. Я. П. ПОЛОНСКАГО.	37
V. — ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ. — II. — А. СЛѢНЦОВА.	41
VI. — ТРИ ПОКОЛѢНІЯ. Повѣсть. Часть вторая. НЕИЗВѢСТ- НАГО.	67
VII. — ИЗЪ ГЕЙНЕ. Стихотв. А. Н. ПЛЕЩЕЕВА.	153
VIII. — ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ НАКАЗАНИЙ МАЛОЛѢТНИХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ И РАЗВИТІЕ ИСПРАВИТЕЛЬ- НЫХЪ КОЛОНИЙ ДЛЯ МАЛОЛѢТНИХЪ ВО ФРАН- ЦИИ. А. ПАССЕКА.	155
IX. — ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ. Сцены изъ московской жизни. А. Н. ОСТРОВСКАГО.	205
X. — ВОПРОСЪ ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА РАБОЧИХЪ ВЪ ГЕРМАНИИ. — II. — Э. ВАТСОНА.	251
XI. — «ПРОЩАЮСЬ, АНГЕЛЪ МОЙ, СЪ ТОБОЮ!» Провин- ціальныи романсъ въ дѣйстви. Н. ЩЕДРИНА.	292
XII. — ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ. Н. А. НЕКРАСОВА.	312

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XIII. — СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ БЕСѢДЫ ВЪ МОСКВѢ. М. С.	1
XIV. — ОЧЕРКЪ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕ- РАТУРЫ.	31
XV. — КЛАССИЧЕСКІЯ ИЛИ РЕАЛЬНЫЯ ГИМНАЗІИ? (По по- воду спора гг. Каткова и Леонтьева съ г. Вороновымъ).	58
XVI. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — НОВЫЯ КНИГИ: Повѣ- сти Кохановской (66). — Стихотворенія А. А. Фета. Изданіе К. Солдатенкова 2 части (83). — Народныя сказ- ки, собранныя сельскими учителями. Изданіе А. А. Эр- ленвейна (87). — Крестовый походъ императора Фрид- риха второго изъ дома гогенштауфенскихъ герцоговъ (18 іюня 1228—10 іюня 1229). Разсужденіе, представ- ленное въ историко-филологическій факультетъ импера- торскаго с.-петербургскаго университета, для полученія степени магистра всеобщей исторіи. В. Бильбасовымъ.	95
XVII. — ОТВѢТЪ МОСКОВСКИМЪ УЧЕНЫМЪ.	97

ОБЪ ИЗДАНИИ
СОВРЕМЕННОГО
ВЪ 1864 ГОДУ.

Въ ряду многочисленныхъ законодательныхъ мѣръ, проектируемыхъ въ настоящее время правительствомъ, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, безъ сомнѣнія, занимаетъ измѣненіе тѣхъ условій, въ которыхъ донынѣ находится печатное русское слово. Необходимость этого измѣненія очевидна. Тѣмъ не менѣе, правила, которымъ на будущее время должно подчиниться наше книгопечатаніе, еще не изданы, и литература наша, ожидающая ихъ съ 1861-го года, подчиняется до сихъ поръ дѣйствию временныхъ переходныхъ мѣръ, нѣсколько разъ измѣнявшихся въ теченіи двухъ послѣднихъ годовъ. Необходимость примѣняться къ этимъ колебаніямъ и измѣненіямъ не могла не отразиться невыгодно на журналистикѣ,

а между прочимъ и на нашемъ журналѣ. Мы сознаемъ, что «Современникъ» не всегда соединялъ въ себѣ всѣ тѣ условія, которыхъ присутствіе необходимо для того, чтобы журналъ былъ журналомъ, а не сборникомъ случайныхъ статей, представляющихъ чтеніе болѣе или менѣе разнообразное. Понятно, что соединеніе этихъ условій и невозможно будетъ до тѣхъ поръ, пока не устранится неопредѣленность въ положеніи литературы. Теперь, кажется, эта неопредѣленность приходитъ къ концу. Мы надѣемся, что будущій уставъ книгопечатанія, утвердивъ на прочныхъ основаніяхъ положеніе печати, точно определитъ границы, въ предѣлахъ которыхъ каждый журналъ будетъ имѣть возможность дѣйствовать самостоятельно, безъ колебаній и безъ всякихъ опасеній, которыя при настоящемъ неопредѣленномъ положеніи отнимаютъ у журнала увѣренность, необходимую для успѣшной дѣятельности. Въ этой надеждѣ мы и рѣшаемся продолжать изданіе «Современника» въ будущемъ 1864 году.

«Современникъ» будетъ издаваться въ 1864 году подъ редакціею нижеподписавшагося, при постоянномъ участіи въ трудахъ редакціи М. Е. Салтыкова (Щедрина), А. Н. Пыпина и М. А. Антоновича, — по слѣдующей программѣ.

I. Романы, повѣсти, драмы. — Стихотворенія. — Статьи по части наукъ, искусствъ и пр.

II. Современное обозрѣніе, въ которомъ соединятся: а) статьи по текущимъ событіямъ и во-

просамъ, занимающимъ русское общество; б) заграничная корреспонденція; в) критическія статьи о замѣчательныхъ явленіяхъ въ русской литературѣ и журналистикѣ; библіографія вновь выходящихъ русскихъ книгъ; статьи по поводу замѣчательныхъ новыхъ явленій въ иностранныхъ литературахъ; г) политическое обозрѣніе; д) внутреннее обозрѣніе; е) фельетонъ; ж) свистокъ, какъ собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ, будетъ появляться по мѣрѣ накопленія годныхъ и удобныхъ для него матеріаловъ.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія такъ: въ *Петербургскую контору Современника*. (Адресъ конторы всегда извѣстенъ почтамту). Можно также адресовать требованія и письма, надписывая: въ *С.-Петербургъ, Управляющему конторою Редакціи*. Письма, деньги и посылки, такимъ образомъ адресованныя, будутъ тотчасъ по полученіи попадать въ руки редакціи, и въ удовлетвореніи требованій подписчиковъ не произойдетъ промедленій.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе «Современника» въ С.-Петербургѣ безъ доставки: *пятнадцать руб. сер.*, съ пересылкою: *шестнадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.*

Н. НЕКРАСОВЪ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ
Санктпетербургъ, 28-го сентября дня 1863 года.

НЕКРОЛОГЪ.

5 октября, въ 2 ч. 20 м. пополудни, на 29 году отъ рожденія, скончался нашъ извѣстный писатель Николай Герасимовичъ Помяловскій. Недолго пожилъ онъ, мало еще высказался, но уже и въ этой кратковременной дѣятельности онъ успѣлъ заявить намъ о даровитости своей натуры и сразу сталъ на ряду съ нашими лучшими талантами.

Николай Герасимовичъ родился въ С.-Петербургѣ, на Малой Охтѣ. Отецъ его, дьяконъ тамошней кладбищенской церкви, не имѣя средствъ дать сыну порядочное воспитаніе, опредѣлилъ его, на казенный счетъ, въ духовно-уѣздное училище, что при Невскомъ монастырѣ, и здѣсь покойный 8 лѣтъ провелъ среди той непривлекательной обстановки, которую онъ съ такою яркою правдою описалъ въ своихъ «очеркахъ бурсы». Потомъ его перевели въ семинарію, гдѣ онъ прожилъ еще 6 лѣтъ, и уже послѣ этой 14-лѣтней выправки Николая Герасимовича выпустили наконецъ на свѣтъ Божій отыскивать жизнь по сердцу.

Бурса имѣла громадное вліяніе на характеръ и образъ мыслей покойнаго. Здѣсь, подъ вліяніемъ вѣчныхъ затрещинъ, заушеній и біеній, какими бурса того времени вразумляла своихъ питомцевъ, Помяловскій впервые отнесся враждебно къ бурсацкой наукѣ и выработавъ свой «навѣки нуль» относительно этой науки, началъ постепенно пріобрѣтать самобытный, реальный взглядъ на вещи. Но эта же самая бурса и загубила его; она отравила его младенчество, надломила его лучшія упованія, поселила въ немъ недовѣрчивость и болѣзненную апатію къ жизни такъ, что до послѣднихъ дней своей жизни онъ не могъ вспомнить о бурсѣ безъ ужаса и отвращенія.

Немного знаній вынесъ Помяловскій изъ бурсы, и собственной головой да собственнымъ опытомъ пришлось ему вырабатывать свои убѣжденія. Вглядываясь въ жизнь, онъ увидѣлъ, что многое здѣсь совсѣмъ не такъ дѣлается, какъ казалось въ бурсѣ, и съ жаромъ началъ отыскивать истину: читалъ книги, проверялъ прочитанное съ жизнью, анализировалъ встрѣчныя явле-

нія... Плодомъ такой работы было его «Мѣщанское счастье» и «Молотовъ». Эти двѣ повѣсти обратили на Помяловскаго общее вниманіе. Новые языкъ, новые типы и честный взглядъ на жизнь говорили о новой силѣ таланта, силѣ, обещающей многое впереди. Послѣ этого Николай Герасимовичъ завелъ обширный кругъ знакомства и съ новымъ жаромъ началъ анализировать жизнь человѣческую въ разныхъ ея проявленіяхъ, заглядывая мимоходомъ въ самыя темныя закоулки нашего общественнаго быта... Горькія убѣжденія вынесъ онъ изъ своихъ наблюденій, и эту горькую правду задумалъ онъ повѣдать міру въ своемъ новомъ романѣ «Братъ и сестра», но этому роману уже не суждено было явиться, при его жизни, вцолнѣ обдѣланнымъ и окончениымъ.

Рано сломилась могучая натура Помяловскаго и почти въ самомъ началѣ прекратилась его литературная дѣятельность. Главная работа его была еще впереди и многое похоронилъ онъ съ собою въ своей ранней могилѣ. А можетъ быть имя его было бы однимъ изъ великихъ именъ на Руси... Не легко достались ему его честныя убѣжденія, но за то они вошли въ плоть и кровь его, такъ что обратный путь былъ для него невозможенъ. Онъ не выдумывалъ фактовъ, не сочинялъ кабинетныхъ сочиненій: все, что писалъ онъ, было цѣлкомъ выхвачено изъ жизни, пережито имъ, прочувствовано до послѣдней строки... И эта искренность и правда разсказа составляла главную силу его таланта.

Кромѣ романа «Братъ и сестра», Помяловскій въ послѣднее время писалъ еще разсказъ «Портняга» и задумывалъ новый романъ «Гражданскій бракъ», Всѣхъ «очерковъ бурсы» предполагалось до 15, и въ нихъ онъ надѣялся исчерпать весь бытъ современной намъ бурсы, до окончанія семинарскаго курса включительно.

Впослѣдствіи мы подробнѣе взглянемъ на жизнь Николая Герасимовича и тогда эта замѣчательная личность обрисуется предъ нами болѣе рельефно...

11 окт. 1863.

СОВРЕМЕНИКЪ

СОВРЕМЕННОЕ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Н. А. НЕКРАСОВЫМЪ

ТОМЪ ХСVIII

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

=
1863

P Slav 652.10

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ.

Санктпетербургъ, сентября 19-го дня 1863 года.

ВЕЧЕРИНКА У БѢДНОЙ РОДСТВЕННИЦЫ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Авдотья Алексѣвна Сукодавлева.

Павелъ Васильичъ, ея сынъ.

Барбара Васильевна, ея дочь.

Алексѣй Петровичъ Пичугинъ, молодой человѣкъ, незначительный чиновникъ, не имѣющій никакого состоянія.

Александра Семеновна, жена его.

Татьяна Андреевна Дроздова, жена дѣйствительнаго статскаго совѣтника, бывшій боярыня во всѣхъ отношеніяхъ; происхожденіемъ изъ купческаго званія.

Михайло Ивановичъ, сынъ ея, 20 лѣтъ, прекрасный молодой человѣкъ.

Анята, сестра его, 15 лѣтъ, существо еще не опредѣлившееся окончательно, но подающее надежды.

Небогато убранная гостиная съ мягкой мебелью, обитою ситцемъ, на окнахъ кисейныя драпировки и цвѣты. Передъ диваномъ круглый столъ покрытый бѣлой скатертью. Въ простѣнкѣ, между окнами, обѣдennyй столъ, на которомъ приготовленъ чайный сервизъ и кипитъ самоваръ. Алексѣй Петровичъ сидитъ на диванѣ. Александра Семеновна хлопочетъ около самовара.

Алексѣй Петровичъ. Ну, что же, Саша, скоро ли же дашь ты мнѣ чаю?

Александра Семеновна. Сейчасъ, сейчасъ, мой другъ.

Алексѣй Петровичъ. Пожалуйста, моя радость, поскорѣе.

Александра Семеновна. Куда ты такъ торопишься?.. Что у тебя за спѣшное дѣло?..

Алексѣй Петровичъ. Особенно спѣшнаго дѣла нѣтъ, а просто мнѣ хочется поскорѣе уйти на службу, чтобы не застали меня твои гости...

Александра Семеновна. А мнѣ такъ напротивъ очень хотѣлось, чтобы ты сегодняшній вечеръ пробылъ дома... Ты подумай только, какъ это будетъ весело: Дроздовы вмѣстѣ съ Сукодавленными... Вѣдь это будетъ чудо, какъ смѣшно!.. (Подаетъ ему чай).

Алексѣй Петровичъ. Ну, смѣйся, мой ангелъ, на здоровье, если можешь, а мнѣ не до смѣха... Эти люди въ моихъ глазахъ не столько смѣшны, сколько ненавистны... Да я ужъ разучился и смѣяться.

Александра Семеновна. Что въ самомъ дѣлѣ ты сталъ за бука!.. Помнишь, какой ты прежде былъ веселый, а теперь улыбки не увидишь!..

Алексѣй Петровичъ (вздыхнувъ). Да, мой другъ, нужда да забота не уживаются со смѣхомъ.

Александра Семеновна. Ты упрекаешь меня, что я беззаботна... Ты, можетъ быть, сердись, что я пригласила къ себѣ гостей... Но тегушка вѣдь почти сама напросилась... И вѣдь это все, право, не дорого будетъ стоить...

Алексѣй Петровичъ (вспыхнувъ). Сапа, не добивай меня... Неужели ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ, что я могу чего нибудь пожалѣть для твоего удовольствія?.. И зачѣмъ ты напоминаешь мнѣ о томъ, что я не въ состояніи доставить своей жонѣ никакого развлеченія... что я долженъ ее оставлять въ обществѣ такихъ господъ, какъ Сукодавленныя и Дроздовы... А вѣдь это что за люди?.. Вѣдь они смотрятъ на тебя съ чувствомъ покровительства, какъ на бѣдную родственницу... Они считаютъ большимъ одолженіемъ, что пріѣдутъ къ тебѣ... А знаютъ ли они, что я не пустилъ бы ихъ на порогъ своего дома, еслибы была возможность ввести тебя въ другой кругъ общества... Ахъ, бѣдность... это позорное ярмо человѣка, это самый страшный деспотъ, стѣсняющій свободу, разрушающій всякое счастье...

Александра Семеновна. Ну, полно, Алеша... Развѣ мало людей, которые гораздо насъ бѣднѣе?.. Оставимъ этотъ разговоръ...

Алексѣй Петровичъ. Разговоръ можно оставить... но на службу, которая даетъ насущный кусокъ хлѣба, все-таки нужно идти...

АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВНА. Богъ съ тобой... Какой ты желчный...

(Слышенъ звонокъ).

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ. Чу, кто-то изъ твоихъ гостей ужъ является... Экая досада, не успѣлъ уйти: придется встрѣтиться... Гдѣ моя фуражка?

(Въ гостиную быстро входитъ Михайло Ивановичъ Дроздовъ, одѣтый щегольски, въ новыхъ тѣльнаго цвѣта перчаткахъ, въ лаковыхъ сапогахъ, раздушенный и завитой).

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Ахъ, ma belle cousine... (Берегъ руку Александры Семеновны и нѣсколько разъ нѣжно целуетъ). А гдѣ же благовѣрный?

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ (выходя изъ сосѣдней комнаты съ фуражкой въ рукахъ). Благовѣрный уходитъ, чтобы оставить на свободѣ прекраснаго кузена вмѣстѣ съ прелестною кузиною...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ (нѣсколько смутившись). А я нарочно призвалъ по раньше, чтобы поболтать вмѣстѣ втроемъ.

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ. Вы знаете, прекрасный кузенъ, что я болтать не умѣю, что я, какъ справедливо замѣчаетъ жена, немножко бука... Ваше дѣло летать беззаботно по Москвѣ, любезничать, побѣждать и увлекать сердца, однимъ словомъ, срыпать розы жизни, а наше дѣло нюхать архивную пыль... Гдѣ ужъ мнѣ болтать съ вами!.. Вотъ вамъ моя жена, votre belle et charmante cousine... освѣжите ее вашимъ благоуханіемъ, только, ради Бога (съ ироніей) пожалѣйте меня, не вскружите ей голову... А мнѣ ужъ позвольте убраться въ свою берлогу... (Кланется и идетъ къ дверямъ).

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ (вслѣдъ ему). Фу, какой ядовитый!.. Вѣчно желчь и сарказмы на языкѣ... Подумаешь, что въ самомъ дѣлѣ злится... Коли такъ, на зло весь вечеръ буду любезничать съ кузиной...

АЛЕКСѢЙ ПЕТРОВИЧЪ (изъ другой комнаты). Саша, пожалѣй своего бѣднаго мужа... Не увлекайся этими амурами, а то я оболую его чернилами — единственное мщеніе, дозволенное бѣдному чиновнику... (Уходитъ; всѣ смѣются).

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Послушайте, кузина: неужели вы все еще влюблены въ вашего мужа?...

АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВНА. Если и такъ... Что же вамъ-то до этого, милый кузенъ?..

Михайло Ивановичъ Да вѣдь это скучно наконецъ, кузина... и несовременно,—что такое мужъ?.. Это не больше, какъ средство для женщины создать себѣ извѣстное общественное положеніе... Выйти замужъ это все равно, что... какъ бы вамъ сказать?... все равно, что получить наслѣдство, взять какую нибудь должность на службѣ... Вы получаете наслѣдство не для того, чтобы сидѣть около него и беречь его, а для того, чтобы проживать его въ кругу общества... И никакой чиновникъ не посвятитъ всей своей жизни до послѣдней минуты своей должности... У него всегда останется время для общественныхъ удовольствій, для жизни въ обществѣ... Не правда ли, кузина?...

Александра Семеновна (молча улыбается).

Михайло Ивановичъ. Увѣряю васъ, кузина, это послѣднія слова современной философій... Ну, помните, что у васъ есть мужъ; исполняйте относительно его всѣ ваши обязанности... тамъ напойте его чаемъ, закажите обѣдъ... Но жить исключительно для одного мужа, отказаться для него отъ общества... Фи!.. это невозможно и непозволительно... это рабство... Ни одинъ человѣкъ въ мірѣ не имѣетъ права на такое самопожертвованіе со стороны другаго...

Александра Семеновна (улыбаясь). Въ самомъ дѣлѣ?

Михайло Ивановичъ. Еще бы! А знаете, кузина, я въ самомъ дѣлѣ думаю, что вашъ мужъ ревнуетъ меня къ вамъ... Впрочемъ я былъ бы чрезвычайно счастливъ, еслибъ это была правда... (Садится рядомъ съ Александрой Семеновной). А, какъ вы объ этомъ думаете, прелестная кузина?...

Александра Семеновна (съ улыбкою). Я думаю, что къ вамъ нельзя меня ревновать!... Хотите чаю?...

Михайло Ивановичъ. Мегсі, позвольте... Но что вы хотите этимъ сказать?... Неужели вы отказываете мнѣ въ сладкой надеждѣ сколько нибудь заслужить ваше вниманіе?.. Неужели я такъ дуренъ въ вашихъ глазахъ?

Александра Семеновна. О, нѣтъ, напротивъ: вы слишкомъ блестящи, вы всегда въ большомъ свѣтѣ, вы видите такъ много хорошенькихъ свѣтскихъ женщинъ, что, конечно, не захотите и вниманія обратить на меня...

Михайло Ивановичъ. О, смиреніе паче гордости, милая кузина... Вы очень хорошо знаете себѣ цѣну, вы очень хорошо понимаете, что въ состояніи вскружить голову всякому, если захотите...

АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВНА. Полноте, полноте, милый кузень...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Увѣряю васъ, что вы бы имѣли страшный успѣхъ въ свѣтѣ... скажите пожалуйста, отчего вы никуда не выѣзжаете?... Повторяю опять: вѣдь это грѣшно вашему мужу скрывать отъ свѣта такое сокровище... Я это называю эгоизмомъ... Вы посмотрите на себя въ зеркало, вѣдь вы совсѣмъ красавица... Этотъ античный профиль, эти чудные, глубокіе, полные выраженія глаза... Этотъ очаровательный бюстъ... Да вы бы фуроръ произвели своимъ появленіемъ... А эти ручки... (Беретъ руку Александры Семеновны и хочетъ поцаловать).

АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВНА (выдергиваетъ руку). Ну, Михайло Иванычъ, довольно... я пока еще не выѣзжаю въ свѣтъ... А до тѣхъ поръ, пожалуйста, поменьше восторговъ и побольше скромности... Я этого не люблю...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Вотъ, кузина, вы ужъ и разсердились!... Я просто по праву родства...

АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВНА. Вы можете ваши родственныя чувства выражать немножко приличнѣе...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Но послушайте: что я сдѣлалъ неприличнаго?... Поцаловать руку женщины... это, кажется, такъ просто, такъ позволительно... тѣмъ болѣе, что вы мнѣ родственница... А что я говорилъ съ увлеченіемъ о вашей красотѣ, такъ въ этомъ, полагаю, тоже нѣтъ ничего обиднаго... Развѣ можно видѣть красавицу и оставаться равнодушнымъ? Для меня по крайней мѣрѣ это не возможно.

АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВНА (серьезно и строго). Ну, а если вы не можете не оскорблять женщину, когда видите ее... такъ я попрошу васъ избавить себя отъ этого труда и не посѣщать меня....

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Э, кузина, да вы совсѣмъ разсердились на меня... Но чѣмъ же я оскорбилъ васъ... Объясните мнѣ, ради Бога, и простите меня...

АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВНА. Пожалуста, безъ объясненій...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Нѣтъ, я васъ умоляю, кузина, вы объясните мнѣ, что въ моихъ словахъ показалось вамъ оскорбительнымъ... Я, право, не хотѣлъ этого... И напередъ прошу у васъ прощенія...

АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВНА. Оскорбленіе иногда не въ словахъ, но въ тонѣ...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Вамъ, право, показалось, кузина... Я

не думать этого... Я, право, считаю себя обязаннымъ быть любезнымъ со всякой женщиной... И увѣряю васъ, ни одна свѣтская женщина не разсердилась бы на меня за то, что я вамъ сказалъ...

Александра Семеновна. Вѣдь ужъ я вамъ сказала, что я не свѣтская женщина...

Михайло Ивановичъ. Но вы, по крайней мѣрѣ, простите и не сердитесь на меня... Это, право, дѣло привычки... Я со всѣми женщинами одинаково любезенъ...

Александра Семеновна (нѣсколько подумавъ). А вотъ я увижу: сейчасъ пріѣдетъ одна моя родственница и если вы будете любезны къ ней, то я васъ прощу... Она же свѣтская дѣвушка и любить, чтобы за нею ухаживали...

Михайло Ивановичъ. О, если только этимъ я могу заслужить ваше прощеніе, то вы увидите... Только вы, пожалуйста, не подумайте, кузина, что я увлекаюсь каждой женщиной съ перваго взгляда... Увлечусь я могу только одной женщиной... (Дѣлаетъ страстные глаза). А быть любезнымъ вообще со всѣми женщинами я считаю обязанностью свѣтскаго человѣка... Вотъ вы не хотите выгнать въ свѣтъ, вашъ мужъ смѣется надъ свѣтскими людьми... А знаете ли вы, кузина, сколько обязанностей лежитъ на свѣтскомъ человѣкѣ!.. По моему мнѣнію, жить такимъ отшельникомъ, какъ вашъ мужъ — это величайшій эгоизмъ, это желаніе освободить себя отъ всѣхъ общественныхъ обязанностей... Вы подумайте... Свѣтскій человѣкъ долженъ наблюдать за собою каждую минуту, онъ долженъ слѣдить за каждымъ своимъ словомъ, за каждымъ движеніемъ, за послѣдней мелочью своего туалета... Напримѣръ: если я вхожу въ собраніе, я долженъ предварительно обдумать, съ кѣмъ какъ обойтись, кому сказать какую любезность, я всегда долженъ имѣть въ головѣ запасъ ловкихъ, игривыхъ фразъ. А манеры? А умѣнье держать себя! А туалетъ?.. Вашъ мужъ сошьетъ себѣ сюртукъ да и носить его, пока не изотретъ рукавомъ и лапканомъ... А я долженъ знать, куда въ чемъ пріѣхать... По первому появленію моему, по покло-ну, этого мало: по сапогамъ, по перчаткамъ, по тому какъ я держу въ рукахъ шляпу, — въ свѣтъ съ разу опредѣлять, что я за человѣкъ, могу ли быть принятъ въ порядочномъ домѣ, или нѣтъ... Одинъ выѣздъ на балъ — это цѣлая цѣлая забота... Я долженъ бояться, чтобы меня по одному только неловко повязанному банту на галстухѣ не осмѣяли за безвкусіе, за фатовство, или за

ишанское незнаніе приличій... Да послушайте, до какихъ мелочей свѣтскій человѣкъ несвободенъ... Напримѣръ, когда я въ обществѣ сажусь на стулъ, я долженъ думать о томъ даже, какъ мнѣ положить или поставить ногу... Нѣтъ, кузина, это тоже своего рода фанфаронство и даже неуваженіе общественнаго мнѣнія—уклоняться отъ общества и освобождать себя отъ исполненія условій общественной жизни... По моему, каждый гражданинъ долженъ принадлежать обществу и уважать его законы... иначе онъ не имѣетъ права и считать себя гражданиномъ... Ну скажите-ка: какъ вы объ этомъ думаете, ma belle cousine?..

АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВНА (съ улыбкою). Конечно, всякій служить обществу по своему...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Да, да, кузина... Вы не смѣйтесь: я вполне убѣжденъ, что свѣтскій человѣкъ тоже несетъ на себя службу уже только потому, что онъ свѣтскій человѣкъ и живетъ въ обществѣ... И вы, милая кузина, очень виноваты передъ обществомъ, что прячетесь отъ него... Ну-съ, а что ваша родственница, въ самомъ дѣлѣ, хорошенькая?..

АЛЕКСАНДРА СЕМЕНОВНА. Это дѣло вкуса... А только она очень богатая невѣста...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. А-а... это интересно... Мы ею займемся... Только смотрите, кузина, не ревновать...

(Слышенъ звонокъ, и вслѣдъ за ними входятъ Татьяна Андревна, набѣленная и наруганная, и дочь ея Анета).

ТАТЬЯНА АНДРЕВНА (къ Александрѣ Семеновнѣ). Здравствуй, ангелочикъ, здравствуй... (цалуются).

(Анета также цалуется съ Александрой Семеновной).

ТАТЬЯНА АНДРЕВНА. Извините, что поздно. Хотѣла было пораньше пріѣхать, да со своимъ благовѣрнымъ муженькомъ сразилась... Надоѣлъ... Куда ѣдешь? Да тебѣ что за дѣло: куда хочу, туда и ѣду... Не тебя ли прикажешь спрашиваться?.. А зачѣмъ дочь берешь съ собой?.. Да что я, не мать что ли ей... Куда захотѣла, туда и поѣхала... Захотѣла одна ѣхать, одна поѣду, захотѣла дочь взять — дочь возьму... Не смѣй, говорить, дочь брать съ собой... Я не позволяю... Ну ужь, это бываетъ, да рѣдко, чтобы не по моему, а по твоему... Ну, и сразились... Попрыгаль, попрыгаль, да съ тѣмъ же и остался... И сама уѣхала, и дочь взяла, и куда поѣхала, не сказала...

Александра Семеновна. Что же вы, тетенька, не сказали: может быть, и дяденька приѣхалъ бы къ намъ...

Татьяна Андреевна. Ну его!.. Куда его!.. Не видала ты что ли карявой-то рожи!.. Сидить и дома, а захочетъ, найдетъ себѣ мѣсто и безъ нашей компаніи....

Александра Семеновна (усмѣхается). Ахъ, тетенька...

Татьяна Андреевна. Да право... Надоѣлъ, проклятый, до смерти...

Александра Семеновна. Ахъ, тетенька... Что она говорить!

Татьяна Андреевна. Ничего, ангелъ, ничего... Поживешь, и ты то же заговоришь... Это теперь-то только на первыхъ порахъ ты не можешь на своего насмотрѣться... А погоди, поживешь, и ты то же заговоришь...

Михайло Ивановичъ. Вотъ видите, кузина... Вотъ вамъ примѣръ: у меня шатаю современная, эманципированная женщина... Она съ бою беретъ свои женскія права...

Татьяна Андреевна. Что?.. Какая?... Ты что? Тебя кто спрашиваетъ про мать говорить?... Хочешь, за уши выдеру?... Думаешь, не смѣю что-ли? а?... (Подходить къ Михайлу Ивановичу и обѣими руками беретъ его за уши).

Михайло Ивановичъ (стараясь освободиться). Мамаша, да перестаньте: вы меня всего растреплете...

Татьяна Андреевна. А, плутишка, испугался?... Говори: виновать что ли? Ну, говори, что виновать... А то всѣ твои кудри растреплю... Ну, говори, виновать...

Михайло Ивановичъ. Да ну... виновать...

Татьяна Андреевна. То-то... Ну, цалуй ручку... (Михайло Ивановичъ лѣниво цалуетъ руку). Не такъ, крѣпче, ласковѣй цалуй... (Михайло Ивановичъ опять цалуетъ). Ну, то-то... Вотъ васъ какъ надо учить... Ахъ ты, ангелъ, ангелъ! (Цалуетъ его вѣсколько разъ сряду). Красавчикъ мой, милый... Саша, погляди, какой красавчикъ... а?... Вѣдь хорошій?... Ну, скажи, что хорошъ... Неужели не хорошъ?..

Александра Семеновна. Кто же это говорить?... Кузенъ очень красивый мужчина...

Татьяна Андреевна. Какой еще онъ мужчина... Просто мальчишка... Что разсердился?... Вотъ какъ стукнетъ тридцать, вотъ тогда будешь мужчина... а теперь еще мальчикъ... А вѣдь влюбленъ, влюбленъ... Ей Богу, влюбленъ... въ тебя, Саша... Ей

Богу!.. Давеча и помадится, и завивается, и на часы безпрестанно смотреть, чтобы къ тебѣ ѣхать... Смотрю, а его и слѣдъ ужъ простыгъ... Уѣхалъ, и никому не сказанъ... И меня не дождалъ... Это чтобы ему здѣсь одному около кузиночки своей полебезить...

Михайло Ивановичъ. Нѣтъ, мамаша, кузина такъ влюблена до сихъ поръ въ своего мужа, что къ ней и подступиться страшно...

Татьяна Андреевна (къ Александрѣ Семеновѣ). Надоѣсть, мнѣ, надоѣсть... Правда, ты тѣмъ счастлива, что за молодого вышла... А вотъ мой старый, такъ просто противенъ мнѣ былъ съ перваго же дня... Вѣдь онъ этакой же рябой да не хорошій былъ, когда и женился-то на мнѣ... А я вѣдь красоточка была... Бывало у папеньки, въ дѣвкахъ еще, когда одѣнусь передъ гостями... надѣну бѣлое платье, волоски въ локончики завью, плечики, ручки голыя... У насъ домъ огромный былъ: папенька вѣдь мой большой миллионеръ былъ, и даромъ, что купецъ, а лучше благороднаго жилъ... Такъ, бывало, всѣ двери изъ комнаты въ комнату отворю и порхаю, и порхаю... по стѣнамъ у насъ вездѣ зеркала, мнѣ себя и видно... Ну, ангелъ, ангелъ! сама, бывало, на себя люблюсь... Локончики около шейки вьются, шейка полная, бѣлая, на щекахъ румянчики, глазки веселенькія, вездѣ полно, бѣло, пышно... Ну, купидонъ, просто купидонъ!... И вотъ за какого каряваго поцалась... Извелъ онъ меня, погубилъ... Я еще и теперь была бы красавица, какъ бы не съ этакий Богъ связалъ...

Александра Семеновна. Зачѣмъ же вы, тетенька, шли за дядю, если онъ вамъ не нравился?..

Татьяна Андреевна. Это вы нынче, дѣвушки, такую волю взяли, что жениховъ сами себѣ выбираете, а прежде, дѣвокъ объ этомъ и не спрашивали... Понравился бы женихъ отцу съ матерью, а дочкѣ до этого предмета и дѣла нѣтъ; за кого родителя приказываютъ, за того и поидеть... А мой карявый къ родителямъ подольстился... ну, и то было мнѣ лестно, что дворянинъ, и въ чинѣ большомъ, и крестъ у него былъ на шеѣ... Ну, и отдали... Не подумали о томъ, что вотъ онъ теперь и со звѣздой, да противнѣй горькой рѣдки... Еще сначала что выдумалъ: я вѣдь всегда такая веселая, бойкая была, такъ вздумалъ было меня степенности да скромности учить, началъ манеры преподавать и приемы показывать... А тутъ какъ папенька

обанкрутился, и онъ увидѣлъ, что кромѣ приданнаго ничего больше не получить, вздумалъ было и совсѣмъ меня въ руки забрать... Да я сама не дура: потерпѣла годъ, другой, а тутъ и сама большая сдѣлалась... У насъ вѣдь до чего доходило: одинъ разъ собралась я съ визитами ѣхать, карету себѣ велѣла подать, не спросившись, видишь, его, а онъ говоритъ: ты, говоритъ, дома останься, а въ каретѣ я поѣду... Нѣтъ, говорю, не ты поѣдешь, а я... а ты можешь извозчика взять... Нѣтъ, говоритъ, я поѣду, а ты дома останешься... Слово за слово: я одно, а онъ другое, и шляпу надѣлъ, и шубу сталъ надѣвать... У меня даже кровь къ сердцу подступила, очень горько мнѣ сдѣлалось... Такъ, я говорю: ты въ самомъ дѣлѣ хочешь ѣхать?... Видишь, говоритъ: шубу надѣлъ... Такъ на же, я говорю, поѣзжай: взяла да ногтями всю рожу ему и исцарапала...

Александра Семеновна (съ невольнымъ отвращеніемъ). Тетенька!..

Татьяна Андревна. Да... Будь же по моему, а не по его... Меня лучше убей, да по моему сдѣлай... А онъ этого моего характера понять не хотѣлъ... Ну, и пеняй... Ничего, ангелчикъ, поживешь, всего случится... Я только секретничать не люблю: у меня все въ открытую, у меня все сердце на распашку... Кого люблю, такъ люблю, а не люблю, такъ прямо и скажу... Вотъ, мои ангелы... Анеточка! что задумалась: поди ко мнѣ... (Анета подходитъ къ матери. Татьяна Андревна насильно сажаетъ ее къ себѣ на колѣни и цалуетъ). Я какая бы ни была, а дѣтей люблю и передъ Богомъ не покаюсь... Вотъ у меня ангелъ какой... (Цалуетъ Анету). Ужъ не бойся, не отдамъ за немилаго... У меня, въ кого хочешь влюбись: полюбить—за любовь всякому отдамъ, самому послѣднему человѣку... Только мнѣ скажи... Я сама безъ любви-то измаялась... все свое сердце на вѣтеръ пустила, все по разнымъ сторонамъ на пустяки разошлось... А дай-ка мнѣ хорошаго мужа, можетъ, и я бы умѣла любить не хуже другихъ... Вотъ теперь только и люблю (цалуетъ дочь)... А то все пустяки... Ну, ну, что... батюшка мой, ангелъ... Ну, Христосъ съ тобой, Господь съ тобой... (Креститъ Анету и цалуетъ) Ну, ступай... (Толкаетъ ее отъ себя).

Михайло Ивановичъ. Мамаша, а вотъ какъ вы думаете? не правду ли я говорю, что кузинѣ слѣдовало бы выѣзжать въ свѣтъ?... Кромѣ того, что она со своей красотой могла бы имѣть блестящій успѣхъ въ свѣтѣ... мнѣ кажется даже, что постоянно

видѣть одного только мужа и не участвовать ни въ какихъ общественныхъ удовольствіяхъ — это невыносимая тоска... и... и... мнѣ кажется, я возненавидѣла бы того человѣка, съ которымъ мнѣ пришлось бы просидѣть нѣсколько лѣтъ почти безвыходно, въ одномъ и томъ же домѣ... Это...

Татьяна Андревна. Эхъ, глупенькій, такъ неужели ты думаешь, что ей не хотѣлось бы повеселиться?... Состоянія нѣтъ... Ей, бѣдненькой, я думаю, не на что и платица бальнаго сшить...

Александра Семеновна (краснѣетъ и хмуритъ брови).

Михайло Ивановичъ. Ну, нѣтъ, мамаша, это что за причина... Денегъ можно достать... это такое пустое дѣло... И наконецъ, мужъ обязанъ...

(Слышится бряцаніе сабли. Входитъ все семейство Сукодавлевыхъ: впереди мать, за нею дочь и наконецъ, сынъ).

АНЕТА (на ухо Александрѣ Семеновнѣ). Это онъ?

Александра Семеновна (тихо). Онъ.

Александра Семеновна здороваается съ ними и знакомитъ съ Дровдовыми. Всѣ садятся группами. Сукодавлева, мать, и Татьяна Андревна на ливанѣ. Около нихъ на креслахъ Анета и Варвара Васильевна; Михайло Ивановичъ рядомъ съ Павломъ Васильичемъ по другую сторону круглаго стола. Александра Семеновна помещается возлѣ стола съ чайнымъ сервизомъ.

Татьяна Андревна. Сегодня холодно...

Авдотья Алексѣвна. Да, должно быть, но мы ѣхали въ каретѣ, и потому я почти не замѣтила погоды... Мнѣ такъ пріятно встрѣтиться съ вами... я такъ много слышала и давно желала познакомиться съ вами... Сашенька такъ благодарна вамъ за вашу любовь къ ней... Вы такъ добры...

Татьяна Андревна. Да кто же можетъ не любить ее, мою душеньку!... Она такая милая...

Авдотья Алексѣвна. Сашенька, а Алексѣя Петровича нѣтъ дома?

Александра Семеновна. Онъ на службѣ.

Авдотья Алексѣвна. Какъ, даже и вечеромъ!.. Какой старательный молодой человѣкъ... Этакъ онъ скоро выслужится...

Татьяна Андревна. Да, онъ прекраснѣйшій человѣкъ... А какъ они живутъ мило! совершенно, какъ голуби....

Авдотья Алексѣвна. Да, это всего дороже... это первое счастье въ нашей жизни... Конечно, состояніе многозначитъ, но безъ любви и оно не дастъ полного счастья...

Татьяна Андреевна. Вотъ я съ вами совершенно согласна.

Авдотья Алексеевна. Конечно, еслибы у Сашеньки было хорошее состояніе, она была бы еще счастливѣе... Но что же дѣлать? на все есть судьба... Надобно быть довольною тѣмъ, что Богъ предназначилъ...

Анета (къ Варварѣ Васильевнѣ). Вы живете въ губерніи?...

Варвара Васильевна. Да, мы только лѣто проводимъ въ деревнѣ, а на зиму всегда пріѣзжаемъ въ Москву... Знаете, это еще больше требуетъ расходовъ, но мама расходами не дорожитъ, потому что это такіе пустыки... А вотъ братъ Поль постоянно живетъ въ Москвѣ... Онъ здѣсь служитъ... гусаромъ...

Анета. Да, я вижу...

Варвара Васильевна. Мы пріѣзжаемъ въ Москву въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ и бываемъ здѣсь до весны... И все это время проходитъ для меня, какъ одна минута... Знаете, у насъ такъ много знакомыхъ... Постоянно выѣзды, визиты, вечера... Не успѣешь оглянуться, какъ подойдетъ это несносное время, весна...

Анета. Вы не любите весны!...

Варвара Васильевна. Да, потому что она лишаетъ столичныхъ удовольствій... Мама такая хозяйка и непременно хочетъ сама смотрѣть за хозяйствомъ, хоть у насъ и есть управляющій... даже два... Но она непременно сама во все входитъ... и даже желаетъ меня пріучить... Но я создана для столичной жизни... А вашъ братъ служить?...

Анета. Я, право, не знаю хорошенько... Кажется... Мишель, ты служишь?...

Михайло Ивановичъ. Да... пожалуй, служу... то есть я числюсь на службѣ... Что это тебя такъ интересуеть?...

Анета. Нѣтъ... Вотъ m-me спросила меня...

Михайло Ивановичъ. А-а... pardon!..

Варвара Васильевна (вспыхнувъ). Нѣтъ... я къ тому... я хотѣла знать: вы постоянно живете въ Москвѣ? Мы говорили про службу брата Поля...

Михайло Ивановичъ. Вотъ видите: я такъ усердно служу, что, право, не знаю даже хорошенько того вѣдомства, по которому числюсь... Впрочемъ, я объ этомъ нисколько не беспокоюсь... Я пока служу свѣту и обществу вообще, а отличія придутъ сами собою... Я вполне увѣренъ, что мнѣ стоитъ только заняться нѣ-

сколько какимъ нибудь дѣломъ, а отцу попросить за меня, и черезъ два года я буду камеръ-юнкеромъ.

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА (съ блестящими отъ восторга глазами). Ахъ, камеръ-юнкерскій мундиръ прелесть!...

ПАВЕЛЪ ВАСИЛЬИЧЪ. Я удивляюсь всѣмъ тѣмъ молодымъ людямъ, которые не служатъ въ военной... Во первыхъ, этотъ прелестный мундиръ, который, *parдон*, по моему, гораздо лучше камеръ-юнкерскаго.

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Ну нѣтъ-съ... я съ вами не согласенъ.

ПАВЕЛЪ ВАСИЛЬИЧЪ. Какъ, вы не согласны, что гусарскій мундиръ лучше камеръ-юнкерскаго?... Помилуйте!... Одинъ этотъ ментикъ... Эти шнуры... И потомъ на конѣ... Это что-то внушающее, марсовское...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Ну, что жь такое марсовское... Вы меня извините, этотъ воинственный видъ нынче не въ модѣ... Да и вообще, вся военная форма очень прismoтpѣлась... Въ камеръ-юнкерскомъ мундирѣ, напротивъ, есть что-то такое изящное... Онъ напоминаетъ роскошь и блескъ баловъ... утонченный этикетъ двора...

ПАВЕЛЪ ВАСИЛЬИЧЪ. Ну, это вы фантазируете, а я вамъ говорю просто о видѣ...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Погодите, погодите: чѣмъ спорить между собой, отнесемте этотъ вопросъ на рѣшеніе дамъ. (Обращаясь къ Варварѣ Васильевнѣ). Я на вашу судъ отдаюсь, *mademoiselle*, скажите безпристрастно: какой мундиръ лучше, гусарскій, или камеръ-юнкерскій?... Рѣшите нашъ споръ...

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Ахъ, какое же сравненіе!... Камеръ-юнкерскій гораздо лучше... И вы прекрасно выразились, что онъ сейчасъ напоминаетъ дворъ... это изящество... этотъ блескъ...

МИХАЙЛО ИВАНЫЧЪ. Вотъ видите, я побѣдилъ...

ПАВЕЛЪ ВАСИЛЬИЧЪ. Въ такомъ случаѣ я къ вамъ подаю на апелляцію, Анна Михайловна: защитите насъ военныхъ... Неужели и вамъ не нравится гусарскій мундиръ?...

АНЕТА. Напротивъ, мнѣ гусарскій гораздо больше нравится.

ПАВЕЛЪ ВАСИЛЬИЧЪ. Благодарю васъ: вы меня воскресили... Теперь я снова уважаю себя и свое званіе...

ТАТЬЯНА АНДРЕЕВНА. Правда, правда, Анеточка; и я за тебя: какъ можно этихъ штафировъ сравнить съ военными!...

Военные всё молодцы, ловкие, они всегда могут защитить женщину... А это что?... (Указывает на сына) Такъ... только изъ-за людей...

Авдотья Алексевна. Конечно, это правда, что военная служба гораздо лестнее для молодого человека, особенно если онъ хорошо идетъ, вотъ какъ мой Поль: въ такихъ молодыхъ лѣтахъ и ужь эскадронный командиръ... только все это очень дорого стоитъ... Надобно имѣть очень хорошее состояніе, чтобы прилично поддерживать себя...

Татьяна Андревна. Ну, вѣдь это, матушка, какъ кто поведетъ себя... Вотъ у меня Михайло Ивановичъ и штатскій, да не хуже всякаго военного мотаесть...

Авдотья Алексевна. Ужъ будто и мотаесть? не можетъ быть, это вы такъ говорите только... Нѣтъ, я такъ могу своимъ похвастать... Мой даже разсчетливъ, я даже иной разъ бравюсь со своимъ... Чтожъ?... состояніе у насъ, слава Богу, хорошее... Можно себѣ и позволить иногда...

Павелъ Васильичъ (подсаживаясь къ Анетѣ). Я очень счастливъ, что вы отдали пальму первенства военнымъ...

Анетта. Я хотѣла быть только справедливой... Зачѣмъ же говорить противъ себя?...

Михайло Ивановичъ (подходя къ Варварѣ Васильевнѣ). И такъ, вы одни только защитили мою мысль... и согласились съ моимъ вкусомъ...

Варвара Васильевна (стыдливо опуская глаза). Миѣ такъ пріятно, что я сошлась съ вами во вкусѣ...

Михайло Ивановичъ. Но вы хотѣли, можетъ быть, только ободрить меня...

Варвара Васильевна (выразительно смотря на Михайлу Ивановича). Я не умѣю говорить противъ чувствъ... Я говорю только истину...

Михайло Ивановичъ. Но неужели вы вообще предпочитаете штатскихъ военнымъ?...

Варвара Васильевна. Чтожъ, военные?... Конечно, они носятъ усы... Но вѣдь нынче не запрещено носить усы и штатскимъ... Впрочемъ, для меня рѣшительно все равно... Я всегда цѣню душу и сердце человека... его образованіе и даръ слова... которымъ вы такъ владѣете... а костюмъ... это все равно... Всякій можетъ быть и военнымъ, и штатскимъ...

Михайло Ивановичъ. Вы меня приводите въ восторгъ ва-

шимъ образомъ мыслей... Мнѣ почти вся Москва знакома, но признаюсь, я рѣдко встрѣчаю дѣвицъ, которыя бы такъ мало обращали вниманія на эту мелочность, на этотъ мундиръ, который... И въ самомъ дѣлѣ, развѣ костюмъ что нибудь прибавляетъ въ человѣкѣ?... Въ немъ остается все то же сердце, все та же душа, какое бы онъ платье ни надѣлъ... Въ васъ должна быть поэтическая душа...

Варвара Васильевна. О, да, я ужасно люблю поэзію... Стихи — это моя страсть... Вы, вѣроятно, сочиняете?...

Михайло Ивановичъ. Почему вы это думаете?

Варвара Васильевна. Вы такъ хорошо говорите... Какъ здѣсь жарко и душно... Походимте... Бѣдная кузина, какъ у нея здѣсь тѣсно!... (Встаетъ и, проходя мимо Александры Семеновны, цалуетъ ее и говоритъ ей на ухо) Онъ чудо какъ милъ, и какъ уменъ!...

(Михайло Ивановичъ слѣдуетъ за Варварой Васильевной. Ходятъ по комнатѣ и продолжаютъ разговоры, причемъ Варвара Васильевна безпрестанно кидаетъ выразительные взгляды на Михайла Ивановича).

Павелъ Васильичъ (вполголоса Анегъ). Да, я до сихъ поръ велъ жизнь разсѣянную, я весь отдавался общественнымъ удовольствіямъ... Я какъ-то счастливъ: меня всѣ любятъ, и я, какъ говорится, былъ просто на расхватъ... Но однажды, въ одномъ домѣ, на балѣ, я встрѣтилъ одно небесное существо, отъ котораго весь вечеръ не могъ отвести глазъ... Это дивное созданіе овладѣло всѣмъ моимъ существомъ... Со встрѣчи съ нею мнѣ опротивѣли всѣ общественныя удовольствія, я не сталъ почти никуда ѣздить... у меня только и мыслей было, что о ней одной...

И на яву, и во снѣ
Она мерещится мнѣ,

какъ говоритъ поэтъ. (Глубоко вздыхаетъ).

Анета (опустивъ къ полу глазки и играя перчатками). И вы не узнали, какъ ее зовутъ, какъ ей фамилія?

Павелъ Васильичъ. О, разумѣется, узналъ... Ея имя такое же, какъ ваше, а фамилія... Отгадайте сами...

Анета. Но какъ же я могу узнать... это такъ мудрено...

Павелъ Васильичъ. Напротивъ, это такъ легко... Я увидалъ ее въ первый разъ на балу у Хоботовыхъ, гдѣ были и вы... Вы ее знаете хорошо... Я танцевалъ съ нею вальсъ, польку...

кадриль... ангажировалъ на мазурку, но къ несчастію, она была уже ангажирована другимъ счастливцемъ... я танцевалъ мазурку съ другою, но нарочно сѣлъ съ нею рядомъ и выбиралъ во всѣхъ фигурахъ... Я даже ничего не могъ говорить съ своей дамой и не сводилъ глазъ съ того восхитительнаго существа... Неужели вы все еще не отгадали?

Анета. Кто же бы это могъ быть? Вы говорите, что я ее знаю?

Павелъ Васильичъ. О, даже очень хорошо знаете...

Анета. И имя ея такое же, какъ у меня?

Павелъ Васильичъ. То же самое... О, какъ люблю я это имя!...

Анета. Неужели Анета Мухина?

Павелъ Васильичъ. Нѣтъ, я ее не знаю.

Анета. Ну такъ Anette Перигорская?

Павелъ Васильичъ. И съ этой незнакомъ,

Анета. Ну, въ такомъ случаѣ я рѣшительно не могу отгадать...

Павелъ Васильичъ (выразительно). И вы точно не отгадываете?

Анета (съ притворнымъ недоумѣніемъ). Право, нѣтъ... Кто бы это могъ быть?

Павелъ Васильичъ. Ну, хотите, я опишу вамъ ея наружность?

Анета. Пожалуйста!

Павелъ Васильичъ (пристально смотря на Анету). Во первыхъ, она очаровательна, какъ ангелъ... Ея глаза голубые, какъ море, такъ же глубоки и таинственны, какъ оно... Ея волосы черные... или нѣтъ, темно-каштановые... Причесывается она... совершенно такъ, какъ вы... Ея носъ съ небольшимъ очаровательнымъ горбикомъ... Ея губки... но это такое блаженство, котораго я описать не могу... для этого нужно или кисть Рафаэля, или перо... самого Лермонтова. Одинъ поцалуй этихъ устъ можетъ испепелить человѣка... воспламенить его на всю жизнь...

Анета (раскрасившись и махавъ платкомъ). Однако... какъ здѣсь душно и жарко. (Встаетъ и, подойдя къ Александръ Семеновиъ, цалуетъ ее) У тебя ужасно жарко, Саша...

Павелъ Васильичъ (слѣдуя за Анетой, къ Александръ Семеновиъ). Да, прелестная кузинка, нельзя сказать, что вы просторно помѣщаетесь...

Татьяна Андревна. Ты бы, матушка, приказала убрать самоваръ отсюда, а то отъ него еще жарче... И ты устала сидѣть за нимъ. Подѣля бы къ намъ да поговорила.

Александра Семеновна. Можетъ быть, кому нибудь еще угодно чаю?

Нѣсколько голосовъ. Нѣтъ, нѣтъ!

Александра Семеновна. Сейчасъ уберутъ. (Уходитъ въ другую комнату).

Павелъ Васильичъ (изъ Анетъ). Походимте. Я вамъ докончу портретъ, если вы и теперь даже не догадались...

Анета. Вы его описываете такими красками, что она должна быть необыкновенная красавица... А я изъ своихъ знакомыхъ никого не знаю такой...

(Ходить, продолжая разговоръ, при чемъ Анета безпрестанно краснѣетъ, а Павелъ Васильичъ кидаетъ молящія взоры и крутитъ усы).

Авдотья Алексѣевна. Да, вотъ бѣдная Сашенька вышла замужъ по одной любви, за человѣка безъ всякаго состоянія, и должна жить въ такихъ лишеніяхъ...

Татьяна Андревна. Что же, матушка, дѣлать-то: всякому своя судьба... За то, говорить, счастлива, а вѣдь иногда бываетъ, и черезъ золото слезы льются...

Авдотья Алексѣевна. Да, конечно... Только ужъ согласитесь, мудрено представить и полного счастья безъ состоянія... Хорошо теперь, еще молода, все тѣшить, а пойдутъ дѣти, заботы, нужда... а состоянія-то нѣтъ... неприятно,...

(Входитъ Александра Семеновна въ сопровожденіи горничной, которая несетъ на подносѣ десертъ).

Татьяна Андревна (беря лакомство). Ахъ ты, мой ангелочикъ, все ты хлещешь, безпокоишься!

Авдотья Алексѣевна. Да ужъ это напрасно, Сашенька... Къ чему, мой ангелъ, этакія траты... Можно бы и безъ этого...

Александра Семеновна (краснѣя и скрывая досаду). Тетенька, позвольте же мнѣ быть хозяйкой... (Съ насмѣшливой улыбкой). Вы у меня такіе рѣдкіе и дорогіе гости...

Татьяна Андревна. Ну-ка, садись сюда, рядышкомъ со мной да подалуй меня, ангелочикъ... Люблю, люблю... Ей Богу, люблю...

Авдотья Алексѣевна. Сашенька всегда съ большой бла-

годарностью отзывается о вашемъ вниманіи и расположеніи къ ней...

Татьяна Андреевна. Да какъ мнѣ ея не любить-то! вѣдь она мнѣ родная...

Авдотья Алексѣвна. Конечно, мы съ вами еще держимся стараго завѣта и помнимъ родство, а въ нынѣшнемъ свѣтѣ не всѣ его почитаютъ... Вотъ вашъ супругъ, по своему большому чину и по связямъ, я думаю, могъ бы доставить мѣсто Алексѣю Петровичу.

Александра Семеновна (вспыхнувъ). Мой Алексѣй не хочетъ быть никому обязанъ, кромѣ себя...

Авдотья Алексѣвна. Ну, это ужъ, моя душенька, гордость одна... Гдѣ же всего самому собой достигнуть... Гордымъ и Богъ противится... Отчего же бы не желать себѣ лучшаго, особливо если есть такой случай, и еще родственнѣйшій... Отчего же бы и не попросить такого добраго и почтеннаго родственника... Нѣтъ, это гордость непозволительная...

Татьяна Андреевна. Горденекъ, горденекъ, Алексѣй Петровичъ, это правда... Да чего бы это стоило!.. Да только заикнись онъ, я бы и покою не дала своему: сейчасъ бы велѣла мѣсто найти... Еще какое бы мѣсто-то нашли, хорошее, выгодное... Нѣтъ, гордъ... Я люблю правду говорить... Не то, что попросить дядю... и не заглянетъ никогда... А заикнулась я однажды объ мѣстѣ, такъ въ такой азартъ вошелъ: чуть дерзостей не наговорилъ... Я и языкъ прикусила...

Авдотья Алексѣвна (качаетъ головой). Не хорошо, не хорошо... Этого я не хвалю... За родственное расположеніе и такъ платить!.. Нѣтъ, это гордость!... Не хорошо!...

Александра Семеновна (съ улыбкою). Вотъ видите, тетенька, вамъ это не нравится, а мужъ мой говоритъ, что въ немъ только и хорошаго, что эта гордость, что онъ и уважаетъ себя только за нее одну...

Авдотья Алексѣвна. Не понимаю, мой дружочекъ, не понимаю я этого... Чтожъ тутъ, извини ты меня, умнаго и хорошаго,—не желать себѣ пользы и добра?... Это какое-то вольнодумство... Это ни до чего хорошаго не доведетъ... Неужели это и тебѣ нравится?...

Александра Семеновна. Чрезвычайно, тетенька... я въ восторгѣ отъ моего мужа...

Авдотья Алексѣвна. Очень сожалью, мой дружокъ, что

онъ поселилъ въ тебѣ такія мысли... Миѣ такъ очень прискорбно и даже обидно это слышать отъ тебя... Эта гордость можетъ васъ погубить... Съ ней вы никогда не разбогатѣете...

Александра Семеновна. Мы, тетенька, и не ищемъ богатства... Отъ того мы такъ счастливы и покойны...

Авдотья Алексѣвна (обидѣвшись). Не понимаю я этого, извини меня, не понимаю... И понять не могу... По моему, первое достоинство молодыхъ людей—скромность, уступчивость и почтительность къ старшимъ... По крайней мѣрѣ, я своихъ дѣтей такъ воспитываю... и твои родители тебя, вѣроятно, тому же учили... (Переменяя тонъ и обращаясь къ Татьянѣ Андреевнѣ). На васъ въ какомъ магазинѣ шьютъ?...

Татьяна Андреевна. Да во всѣхъ почти... какъ случится...

Авдотья Алексѣвна. Ахъ, это не совсѣмъ пріятно... Надо, чтобы принаровились ко вкусу... Въ одномъ магазинѣ заказывать, миѣ кажется, лучше...

Татьяна Андреевна. У меня вонъ больше Анета этимъ распоряжается: гдѣ вздумается, тамъ и закажетъ... Я эту часть ей передала... Пусть забавляется, пока молода... (Обращаясь къ Павлу Васильичу) О чемъ это вы, господа, такъ горячо разговаривались?... Не пора ли намъ и домой?... Поди сюда, Анета, ангельчикъ, поцалуй-ка меня...

Павелъ Васильичъ. Мы вспоминали нашихъ общихъ знакомыхъ, и я имѣлъ счастье напомнить Аннѣ Михайловнѣ, что на одномъ балу даже танцевалъ съ нею...

Татьяна Андреевна. Милости просимъ къ намъ...

Павелъ Васильичъ (раскланиваясь). Очень вамъ благодаренъ... Почту за особую честь...

Татьяна Андреевна. Милости прошу... Очень рады будемъ... У насъ хоть большихъ баловъ не бываетъ... но тоже попрыгать, потанцевать, повеселиться можно... Случается нерѣдко...

Варвара Васильевна (Михайлѣ Ивановичу въ полголоса). Смотрите же, не забудьте вашихъ словъ, а то я буду думать, что вы не исключеніе изъ мужчинъ, а такъ же вѣтренны и непостоянны, и только любите говорить комплименты, какъ и всѣ они... Я падаюсь скоро видѣться съ вами... (Кидаетъ выразительный взглядъ на Михайла Ивановича и подходитъ къ матери).

Авдотья Алексѣвна (къ Татьянѣ Андреевнѣ). Какъ пріятно,

право, что имѣла удовольствіе съ вами встрѣтиться и познакомиться... Это такъ пріятно... Мы вѣдь приходимся, хоть очень дальняя, а все-таки родня...

Михайло Ивановичъ (остановившись за стуломъ Александры Семеновны, шепчетъ ей на ухо). Ну, кузина, я истощилъ весь свой запасъ любезностей, и кажется, успѣлъ побѣдить это неопытное, тридцати-лѣтнее сердце... За то измучился до такой степени, что больше видѣть ее не могу ни одной минуты и сейчасъ уѣзжаю... Надѣюсь, что въ другой разъ вы будете милостивѣе ко мнѣ... (Вслухъ) До свиданія, кузина!

Татьяна Андревна. А ты развѣ хочешь ѣхать?

Михайло Ивановичъ. Да, тамап...

Татьяна Андревна. Такъ поѣдемъ вмѣстѣ... Пора... Анеточка, поѣдемъ. (Встаютъ и начинаютъ прощаться. Всѣ мѣняются пріѣзжими. Дроздовы уходятъ).

Павелъ Васильичъ. Ну, кузинушка, благодарю васъ... Ручку, ручку... Тысячу разъ приношу мою благодарность за сегодняшний вечеръ... (Цалуетъ руку Александрѣ Семеновнѣ).

Александра Семеновна. За что это, кузень, такая горячая благодарность?

Павелъ Васильичъ. Сегодняшній вечеръ дѣлаетъ мнѣ карьеру... Я приглашенъ къ Дроздовымъ... Съ Анеточкой я говорилъ, тонко высказался и замѣтилъ, что ей нравлюсь... Слѣдовательно, конечно: пять, шесть визитовъ, и дѣлаю предложеніе... Прочь всѣ волненія бурной молодости! черезъ мѣсяцъ я степенный, счастливый, богатый семьянинъ.

Варвара Васильевна. Какъ, ты рѣшительно хочешь дѣлать предложеніе?

Павелъ Васильичъ. Рѣшительно, всенепремѣнно... И получу согласіе, потому что ей нравлюсь, а она сама мнѣ сказала, что мать ее отдастъ за того, кто ей понравится...

Варвара Васильевна. Но почему же ты знаешь, что понравится ей?

Павелъ Васильичъ. Гм!.. Она краснѣла, трепетала, она была вся въ огнѣ, когда я говорилъ съ ней... Прощаясь, я пожалъ ей ручку, она тоже...

Варвара Васильевна. Но это гадко, Поль, это мерзко: съ первой же встрѣчи и жать руки мужчины!.. Это значитъ, она вѣтреная, дурная дѣвушка...

Павелъ Васильичъ. Атанде-съ, та зовиѣ, въ этомъ слу-

чаѣ никто не остановитъ, не разувѣритъ, никого не послушаю, ни даже мамаша, еслибъ она стала останавливать...

Авдотья Алексѣвна. Зачѣмъ, мой другъ, останавливать: была бы только по душѣ и по сердцу, да не обманули приланнымъ... А то съ Богомъ... А это что же за важность такая, что дѣвушка, которая намѣрена выйти замужъ за молодаго человека, пожалала ему руку, прощаясь... Если это только такъ, оно конечно не хорошо... А если имѣетъ намѣреніе, въ этомъ ничего нѣтъ такого...

Варвара Васильевна (со слезами). Вы вѣчно этакъ, мамаша... Вы все только для брата, и ничего для меня... Ему во всемъ счастье... а я, видно, навсегда должна остаться несчастною...

Всѣ. Что ты? что ты?...

Варвара Васильевна (вскликивая). Какъ что, мамаша!.. Только было блеснула надежда, только было... и вдругъ опять все разрушено...

Авдотья Алексѣвна. Да что такое? Что съ тобою, мать моя?

Варвара Васильевна. Какъ что, мамаша!.. Вы видѣли, кажется, онъ не отходилъ отъ меня цѣлый вечеръ, онъ говоритъ, что не встрѣчалъ женщины съ такой возвышенной душой, которая бы ему такъ нравилась... Онъ, прощаясь, тоже пожалъ мнѣ руку, и я ему... И вдругъ братъ хочетъ дѣлать предложеніе этой дѣвчонкѣ... Вѣдь я не могу же бѣжать впередъ его и сдѣлать предложеніе... Я дѣвушка...

Авдотья Алексѣвна. Такъ ты думала, что этотъ молоко-сосъ захочетъ жениться на тебѣ?.. Да какъ тебѣ не стыдно, Варенька? вѣдь онъ моложе тебя... Неужели ты думаешь, что я отдамъ тебя за него?.. Вѣдь онъ еще мальчикъ совсѣмъ... Ему еще, я думаю, не больше двадцати лѣтъ... (Павелъ Васильичъ хохочетъ).

Варвара Васильевна. Что же это такое, мамаша!.. То ищи себѣ жениха, и сами ищите, хлопочете... А какъ только женихъ найдется, такъ вѣчно что нибудь помѣшаетъ.. Вамъ стыдно, Павелъ Васильевичъ, смѣяться надъ сестрой. Вы забыли, что я старше васъ. Если бы ты былъ порядочный братъ, ты сначала бы долженъ подумать о сестрѣ, ее устроить, а потомъ уже и самъ жениться. Нѣтъ, я вѣдь ужъ измучилась въ этой жизни!.. (Бросается на шею къ Александрѣ Семеновѣ). Сашенька, душенька, скажи ей, этой дѣвчонкѣ, чтобы она не шла за брата, скажи ей, что мы

вѣдь совѣтъ не богаты, что мы это такъ только хвастаемъ, а у насъ всего полтора ста душъ у всѣхъ... А если ты не скажешь, я сама скажу... А ужъ этой свадьбѣ не бывать, не бывать!.. Не смѣяться тебѣ надо мной... Это безсовѣстно, это низко!..

Авдотья Алексѣевна. Да ты съ ума сошла!.. Дайте ей воды... Поѣдемъ хоть домой поскорѣе... Паша, подай ей салопъ поскорѣе... Вѣдь это срамъ, срамъ!.. Что это, что это?..

Варвара Васильевна. Нѣтъ, мамаша, нѣтъ... я всѣмъ, всѣмъ буду говорить, что вы не любите меня, не желаете мнѣ счастья, что только объ одномъ братѣ и думаете... Я вѣдь не ребенокъ... Мнѣ вѣдь тридцать лѣтъ слишкомъ, тридцать лѣтъ!..

Авдотья Алексѣвна (совѣтъ растерявшись). Господи, Господи... Что это, что это?.. Павелъ, да веди ее... хоть въ карету-то бы посадить... Прощай, Саша, прощай, мой дружочекъ! Пожалуйста, не скажи кому... по родству... Ты вѣдь родная наша... Паша, веди ее, веди... Безстыдница, хоть людей-то постыдись, хоть передъ людьми-то не срами и меня и себя! Перестань плакать-то... Боже мой, Боже мой!... Что это! (Уводитъ подъ руки Варвару Васильевну, за ними Павелъ Васильичъ. Александра Семёновна бросается на диванъ и хохочетъ).

АЛЕКСѢЙ ПОТЪХИНЪ.

И П У Щ Е Н І Е.

Свадебный вечеръ у кухмистра Плисова. Женился купчикъ и задалъ пиръ на славу. Пустилъ въ ходъ всѣ свои наличныя, въ чаяніи грядущихъ благъ, и долгу прихватилъ на четвертую часть женина приданого. За то комплектъ пріятелей и знакомыхъ почти полный. Вотъ молодежь. Особенно разсматривать ее нечего. Она сама поголовно оказываетъ свое полное уваженіе и почитаніе пожилымъ гостямъ, значить сама сознается, что послѣдняя спица въ колесницѣ. И пожилые смотрятъ на нее такъ снисходительно, словно на дѣтей, тѣмъ болѣе, что она сразу взялась за танцы. Надо поискать постарше кого нибудь, посолиднѣе. На «молдыхъ» посмотришь? Но и это молодежь. Ихъ дѣло еще учиться, какъ жить, да со старшихъ примѣръ брать. На игроковъ не взглянуть ли?—почтенные люди. Но что же это за люди? Карты, такъ карты и есть. Вотъ хоть бы и эти почтенныя головы, люди солидные, картами и танцами не занимаются, умные и разсудительные, и дѣльцы большіе. Да дѣла-то ихъ все мірскіе и суетные, и не говорятъ они больше ни о чемъ. А на тѣхъ пять, шесть человѣкъ, — подгуляли они, — и смотришь не стоитъ. Не заглянуть ли вотъ въ этотъ кружокъ? Тутъ все домовитыя хозяйки, и обсуждаются разныя разности. Тутъ и литература летучая, и критика, и біографіи, и цѣлыя исторіи, и чистая ученость есть, вся кухонная химія, какъ что стряпать, солить. Но и это все

попросту сплетни, суетные разговоры. А вопъ въ томъ кружкѣ сидитъ хозяйка кирпичнаго завода, такъ та, по разговорамъ, и мірскія дѣла ведетъ, да и въ жизни испытала такихъ вещей, что не всякому и въ умъ приходитъ. По всей справедливости надо съ нея начать.

— Жизнь-то наша на землѣ какая трудная, проповѣдуетъ она:—чего не повстрѣчаешь! Всего, какъ есть, всего увидишь, и добраго, и худаго, а худаго больше. Чего не перетерпишь! и бѣды, и напасти, и ссоры это, и все, все формально. А все для того, чтобъ человѣкъ очистился. Вотъ и теперь, весело, весело, а Богъ знаетъ, что послѣ будетъ! Я также веселилась, грѣшница, на своей свадьбѣ, за то Богъ и послалъ испытаніе.

Разсказчица вздохнула. Кружокъ сталъ внимательнѣе: что это такое она хочетъ сказать?

— Да, вотъ—никто ее не спрашивалъ, да и поцеремонились бы: богатая, но ей показалось, что фizioноміи у всѣхъ были такія вопросительныя, что никакъ нельзя было обойтись безъ этого «да»:—да, вотъ, жила, жила за мужемъ, все хорошо было лѣтъ съ пять, вдругъ на шестомъ мѣстѣ стало что-то чудиться. То дверью будто кто стукнетъ, а посмотрю, дверь на мѣстѣ. Стулья, покажется, двигаютъ въ сосѣдней комнатѣ, пойду посмотрю, ничего. А то шумъ эдакъ какой-то, звонъ, либо что. Такъ мѣсяца три прошло, и все бывало больше, когда я одна въ комнатѣ. Потомъ начало чудиться, словно будто кто ходитъ, такъ по полу шарчитъ да и шарчитъ, какъ вотъ у кого старые ноги, либо около меня, либо у кровати, а то занавѣски словно отъ вѣтру закачаются, а окна заперты. Прилягу это соснуть послѣ обѣда, опять слышу, кто-то ходитъ около меня, я такъ и вскочу, а никого нѣтъ. Иногда дня два, три, недѣля пройдетъ такъ, ничего не слышу такого и не вижу, а потомъ опять. И это тянулось съ полгода. Я и привыкла почти. Мужъ все смѣется надо мной, въ бѣлой горячкѣ, говоритъ, ты, на яву бредишь. Такъ тѣмъ и порѣшили. Сяжу я послѣ этого какъ-то одна со свѣчкой, вдругъ свѣчку кто-то потушилъ, просто дунулъ, до меня даже достало. Я пошла за огнемъ, а около меня такъ и шныряютъ, а кто, и сама не знаю, и не вижу никого. Стулья двигаютъ, двери хлопаютъ, я побѣжала, а за мной словно сто человѣкъ. Позабывши это, что у меня въ спальнѣй лампадка всегда теплится, прямо въ кухню за огнемъ, вбѣжала чуть живая, всѣ даже ужастились,

глядя на меня. Я ихъ всѣхъ съ собой, пошли. Все, какъ было, словно ничего не трогано! А самое дрожь; думаю, быть худу. Однако успокоилась. Потомъ кто-то сталъ стонать по ночамъ. Думаю, мужъ. Нѣтъ, посмотрю, онъ ничего, да и слышно не тутъ, а словно будто подъ кроватью, либо въ углу гдѣ. Сначала я думала, не мошенникъ ли какой зашелъ, встанемъ оба, обсмотримъ, ничего нѣтъ. Послѣ я догадалась, что это долженъ быть домовой. Надо бы спросить, къ добру, или къ худу, а сама не смѣю и подумать; ну, какъ вдругъ скажетъ, къ худу? да и языкъ не шевелится, мужа вскричать опасуюсь. Сама не шелохнусь, словно окаменѣлая. Когда это думаю, думаю, да и стану понемногу засыпать, засыпать, а сама все нѣтъ, нѣтъ, да услышу,—стонетъ, такъ и совсѣмъ забудусь, усну и ничего. А когда эдакъ меня ужъ больно ужастъ забираетъ, возьму да потихоньку, чтобъ не слышно было, достану подъ одѣяломъ мужа, растолкаю его,—и щипала бывало, грѣшница, не запираюсь: онъ больно крѣпко у меня спитъ. Ну, какъ онъ заговоритъ, и я ничего, смѣлѣе стану и ему скажу. Послушаемъ оба, ничего нѣтъ. Словно на зло не стонетъ, молчитъ да и только. А мужъ насмѣхаться пойдетъ; мнѣ и не до смѣху. Шло все эдакъ нѣсколько времени, а что и прежде бывало, такъ и то почудится. А это онъ все приступалъ, значить, ко мнѣ понемногу, а сперва домового засылалъ.

Можно представить, какъ разнообразны были ощущенія въ ея кружкѣ. Тутъ была портниха, съ весьма недовѣрчивой физиономіей, двѣ старухи въ очень темныхъ платьяхъ, одна тетка молодой, простенькая женщина, да жена кухмистера. Можно также вообразить, какъ возрастало здѣсь любопытство, и понемногу занималось дыханіе, и становилось все тише и тише, пока слушательницы не оставали неподвижными статуями. Только въ экстренныхъ случаяхъ усиленные вздохи и охи въ приличныхъ мѣстахъ вознаграждали ихъ легкія за недостатокъ воздуха и давали случай выдохнуть вмѣстѣ съ тѣмъ накопившійся ужасъ. Да скромныя движенія рукъ и ногъ измѣняли нѣсколько статуямъ; другаго моціона и нельзя было сдѣлать: негодныя стулья, кажется, заразь приросли къ полу и къ платьямъ.

— Потомъ, немного погодя, сталъ мнѣ кто-то подошвы гладить по ногамъ, продолжаетъ рассказчица.—Протянусь это я во снѣ, ноги высунутся изъ подъ одѣяла, а онъ гладить,—и во снѣ

слышу, что гладить, и проснусь, слышу. А никого нѣтъ. Уберу ноги подъ одѣяло, и ничего. Думаю, что будетъ дальше. Прошло эдакъ еще немного время, онъ сталъ на ноги наваливаться, тяжело такъ, словно свинецъ, ни выдернуть, ни пошевелинуть ихъ не могу. Это только въ просонкахъ, проснусь, ничего. И чѣмъ дальше, тѣмъ больше. То словно на меня руку кто наложить, тяжелая претяжелая, и такая холодная, а то будто кирпичи, мало кирпичи, пудовики словно такъ на всемъ тѣлѣ: сама задыхаюсь это, ни пошевелинуться, ни крикнуть нельзя, такъ совсѣмъ задыхаюсь, потомъ отходить начнетъ понемногу, словно что къ ногамъ по мнѣ скатывается. Скатится, перевернусь я, ну и ничего. Мужу скажу, а онъ опять смѣяться учнетъ: экъ, говорить, къ тебѣ домовой-то повадился! а какъ онъ скажетъ это слово, я какъ осиновый листъ, такъ и задрожу.

Немного погодя, онъ и другія штуки сталъ со мной дѣлать. Сплю я это и слышу, кричатъ, словно на пожарѣ. Разбудилась отъ этого, еще громче слышу; стала вслушиваться, а это ругаются, да какъ нельзя хуже. Разбудила мужа; гдѣ это, говорю, бранятся. Онъ слушалъ, слушалъ, посмотрѣлъ на меня, да какъ засмѣется, а они пуще того: — заругались, закричали, затопали. Уши зажму, все слышу до капельки, каждое словечко! Мужъ увидалъ, что я больно испугалась, взялъ да обнялъ меня, я такъ и забылась. И послѣ того я почти до послѣднихъ годовъ все слышала это по временамъ, особенно когда одна, да и не одна, и то слышала. Начнетъ это далеко раздалеко гдѣ-то шумѣть. Мнѣ кажется, будто верстъ за десять, больше, тамъ за Новой, за Новой деревней: тамъ позади-то болота есть, такъ будто оттуда подходятъ, да такъ все ближе да ближе, съ минуты на минуту, все громчей да громчей, и подойдутъ къ самымъ моимъ дверямъ, орутъ изъ всей мочи на разные голоса. Чего я не переслушала?—Ко мнѣ не входятъ, а только все за стѣнами слышно. Накричатся тутъ досыта, потомъ все дальше и тише, дальше и тише, опять будто уходятъ по старой дорогѣ. Я и въ гости, и къ себѣ гостей, нѣтъ: какъ имъ вздумается, такъ и придутъ; либо сама вспомнишь, и то придутъ, словно знаютъ, что я вспомнила. Когда по улицѣ пойдешь бывало, и тутъ не отстаютъ, словно по дворамъ гдѣ кричатъ. Стала я попривыкать къ этому, а они еще сочинили новость. Сижу это разъ, вдругъ предъ моими глазами стулъ пошевелинулся, словно его кто подвинулъ, а никто не трогалъ его, и не было никого.

Не успѣла я опомниться, вдругъ затрещало: тутъ затрещить, тамъ затрещить, да такъ въ пересыпу, мебель, полъ, все это трещить, да какъ вѣдь? Словно изъ пушки. Когда съ толкучки возьмешь мебель, такъ вотъ эдакой трескъ и пойдетъ. Я лежу ни жива ни мертва, ноги не поднимаются, а сама того и гляжу, какъ бы что не откололось, да не полетѣло въ меня. Слыхала я, бываетъ эдакъ-ту въ такихъ нехорошихъ домахъ, гдѣ они водятся. А у меня, Богъ миловалъ, домъ испоконъ вѣку не былъ эдакой, и мѣсто хорошее. Натѣшились они, перестали; я опомнилась, смотрю, мебель цѣлехочка! А по этому треску на всяки щепочки надо бы ей разлетѣться! Тутъ я не мало подивилась, чѣмъ это они дѣлають. Только все это ничего.—Потомъ мнѣ сталъ представляться человекъ какой-то. Промелькнетъ мимо меня въ комнату, либо въ сторонѣ, и нѣтъ его, и на меня не смотритъ, и молчитъ, и не сдѣлаетъ тебѣ ничего, а только прошмыгнетъ. Вышла я разъ въ коридоръ, а тамъ у насъ лѣстница деревянная стояла небольшая. Посмотрѣла сперва, какъ есть лѣстница; подняла зачѣмъ-то голову, а на верху-то у ней и руки, и плечи, и голова, какъ есть человекъ, только безъ ногъ, а лѣстница словно будто за мѣсто ихъ. Я сейчасъ драла. А сама про себя думаю, что это такое все дѣлается, не напущение ли какое. Вѣдь бываетъ это, я слыхала. Снжу я разъ дома, въ своей спальнѣ, зонтикъ у меня былъ, я его поставила такъ въ уголку. Немного погодя посмотрѣла, зонтикъ мой поднялся съ полу, такъ самъ, и отъ стѣнки отошелъ, да такъ и стоитъ не зная на чемъ. Взяла, опять поставила его въ уголъ. Немного годя гляжу, опять стоитъ да словно повертывается. Такъ все время и стоялъ, я ужъ и не трогала. Послѣ я стала чаще ходить въ церковь, думаю, нечистый, надо отвадить. Пошла какъ-то я, подхожу къ паперти, вдругъ меня догоняетъ человекъ, сибирка на немъ не сибирка, шляпа, самъ черный, съ бородой, носъ большой. Догналъ, да и не пускаетъ меня въ церковь. «Не ходите, говорить, пожалуйста не ходите». Я обернулась на него, думала, мазурикъ какой; а свѣтло еще было. Я было отъ него скорѣй, онъ за мной, уцѣпилъ меня за бурнусъ да и не пускаетъ. Я говорю ему, а сама смотрю въ землю: что вы дѣлаете? такъ сердито: чего вамъ угодно? «Пожалуйста, говорить, не ходите». Я было вырваться отъ него, не тутъ-то, взялъ да и загородилъ дорогу. Думаю, что за напасть такая, хоть бы отвязаться какъ: у меня все въ умѣ, что это ма-

зурикъ. Отошла немного на другую сторону улицы, оглянулась, его нѣтъ. Тутъ я подумала, вѣрно это ужъ самъ нечистый. Гдѣ же тутъ домовымъ быть? Осмотрѣлась еще, бѣгомъ въ церковь. Только стала подходить, а меня опять за полу, огаянулась, а это онъ же; всмотрѣлась я въ него хорошенько, а рожа та самая, что на лѣстницѣ видѣла, и фигура вся такая же, какъ мимо меня шмыгаль. Я сейчасъ сотворила молитву, рванулась изъ всей мочи, вырвалась, да и какъ разъ въ церкви. Только тамъ и опомнилась немножко. Кончилась вечерня, думаю извозчика взять, какъ бы чего не надѣлалъ. Только выхожу это изъ церкви, смотрю, и онъ какъ тутъ и есть, и извозчикъ у него: «прошу, говорить, покорно, садитесь». Я въ сторону, онъ за мной, за мной, не отстаётъ. «Я, говоритъ, вмѣстѣ съ вами пойду». Я туда, сюда, идти за мной, да и шабашъ! Я говорю: оставьте меня, я не хочу съ вами. «Нѣтъ, говоритъ, какъ можно, я васъ провожу». Говоритъ учтиво, а не отстаётъ. Я извозчика, не того, а другаго. Смотрю, и онъ со мной садится. Я слѣзла: что это, говорю, какой вы невѣжа! отстаньте, говорю; а онъ одно твердитъ, провожу, да провожу, а глаза такіе злые. Извозчикъ это смотритъ на меня, думаетъ, Богъ знаетъ что. Попадается на встрѣчу какой-то мужчина, я говорю ему—такъ и такъ, онъ вступился за меня. А тотъ ругаться съ нимъ пошелъ. Только человѣкъ—то, не говоря ни слова, оттолкнулъ нечистаго, скликнулъ извозчика. «Извольте, говоритъ, я васъ провожу». Я и, батюшки, какъ рада! Стали мы садиться, а нечистый взялъ да и сдернулъ его съ пролетки. «Колѣ, говоритъ, не я, такъ и не вы же, а пусть, говоритъ, одна поѣзжаетъ». Я кричу извозчику: скорѣе! сама ихъ такъ и оставила, оба уцѣпившіеся держатъ другъ дружку да бранятся. Какъ ужъ они тамъ раздѣлались промежъ себя, я не знаю. Только пріѣхала я, сняла съ себя бурнусъ и шляпку. Захотѣлось мнѣ чулки шерстяные снять,—я и лѣтомъ ихъ носила. Кричу дѣвкѣ: поди съими чулки. Не успѣла я вымолвить, слышу, чулокъ сымается, такъ самъ и сымается, носокъ вытягивается, словно кто за него тащить. Я себѣ дивуюсь и не знай какъ, а никого нѣтъ, вотъ штука—то! Снялся это чулокъ, самъ легъ на полъ, все таково проворно; вдругъ меня какая-то мягкая, мохнатая что ли да холодная рука и гладитъ по ногѣ, и гладитъ: ай, говоритъ, ножка, хорошенькая, говоритъ, ножка, пухленькая, бѣленькая, гладитъ да такъ и приговариваетъ, а никого нѣтъ, дѣвка запропастилась

что ли куда-то. Я вскрикнула, что было силы, дѣвка прибѣжала, сняла съ меня другой чулокъ. А я такъ безъ памяти и легла на диванъ, дѣвку при себѣ оставила. Никакъ я часа три лежала, заснула опомнилась. Начала я послѣ этого чаще да чаще все въ церкву, да не одна, а съ кѣмъ нибудь. Только это ему не понравилось. Онъ и примись за меня вплотную. Разъ что сдѣлалъ! да не одинъ ужь. Сижу я какъ-то дома, посмотрѣла на полъ, полъ отъ паркетный, мнѣ и показалось, что-то шевелится въ щелкахъ. Смотрю, изъ каждой это щелочки такъ и встаютъ какіе-то люди, не люди, а похожи. Сперва такіе маленькіе, тоненькіе, а кругомъ будто шепчутъ: князья идутъ, князья идутъ. И все это они выше да выше лѣзутъ, словно растутъ, такіе тонкіе, высокіе стали, доросли до потолка, потомъ начинаютъ толстѣть, толстѣть; около меня толстѣютъ, а сквозь нихъ, сквозь каждого мнѣ видно, какъ и другіе толстѣютъ, даже до меня иные стали доставать, а сами шепчутъ: князья, князья! Мнѣ такъ душно, страшно, готова умереть, подобрала я подъ себя ноги, скорчилась, сижу, не шевелюсь, а они все толще дѣлаются; мнѣ слышно потому, что давить ужь меня начали, такъ и совсѣмъ сдавили, дальше я и не знаю, что было. Мужъ такъ и нашелъ меня скорченную на диванѣ, разбудилъ; смотрю, никого нѣтъ. Рассказываю ему, и онъ призадумался и смѣяться пересталъ. Проходитъ все эдакъ нѣсколько мѣсяцевъ, все что нибудь эдакое представится. Когда увижу будто миллионы, такъ миллионы ихъ, маленькіе разменькіе копошатся въ каждой щелочкѣ на полу, въ обояхъ, гдѣ въ мебели, бѣгаютъ это другъ за дружкой, дерутся, грызутъ другъ друга, ругаются, — вдругъ все пропадутъ. А то на платьѣ у меня очутятся, такъ въ складкахъ, въ складкахъ, миллионы, кажется, несмѣтное множество! Я встряхну, они и повалятся, ругаться начнутъ, зачѣмъ стряхнула; опять ползутъ на платье, карабкаются это. Смотрю на одно мѣсто куда, тутъ станутъ и не двигаются, а въ другихъ складкахъ такъ и ползутъ, такъ и ползутъ; я опять стряхну, молитву сотворю, пропадутъ. Послѣ этого сидимъ мы какъ-то за столомъ, подали рыбу на сковородѣ. Разобрали ее, сковорода осталась. Поѣла я немного да и взглянула на сковороду, а тамъ опять эти князья, многое множество, разложили дрова, на дрова еще положили сковороду, зажгли, да меня, — гдѣ-то еще взяли, какъ есть я, — и положили на сковороду. И на диванѣ-то я, да и на сковородѣ-то я лежу да

жарюсь. Потомъ покажись мнѣ, что вмѣсто стола стали дрова; на диванѣ-то меня не жгутъ, а на сковородѣ жгутъ, и больно разболно, а кругомъ князья пляшутъ да поютъ пѣсни, самыя-то негодныя выбрали. Я какъ смотрѣла на сковороду, такъ и сижу, остаѣла. Вдругъ мужъ спрашиваетъ, что ты, Анюта, засмотрѣлась на сковороду, не встаешь? Какъ услышала я это, все у меня изъ глазъ пропало, опять столъ какъ есть, и всѣ ужъ вышли, одна я сижу. Я рассказала ему, онъ еще пуще задумался. Послѣ этого что дѣлали? Сижу эдакъ, вдругъ меня словно что потянетъ за голову, посмотрю на обои, на какой нибудь цвѣточекъ, а тамъ въ самой-то середкѣ меня на колесѣ мучать эти же князья. Такъ себя и вижу, и больно мнѣ это самой, а сама смотрю, смотрю, и глазъ оторвать не могу. Кончится это, опять цвѣтокъ, какъ есть цвѣтокъ. Немного погодя взглянешь на другое мѣсто. Смотрю, тамъ меня заставляютъ сковороду каленую лизать, а кругомъ все эти же князья. Покончится это, взгляну еще куда, а тамъ меня князья на кусочки рѣжутъ да дѣлятся, потомъ каждый кусочикъ пойдутъ рѣзать, опять пойдутъ дѣлиться. А то вдругъ будто я стою надъ пропастью, меня толкнутъ князья, а я лечу, лечу, все лечу, а они около меня, такъ и вертятся, такъ и вертятся. Закричусь я это, сбѣгутся ко мнѣ домашніе, я опомнюсь, а сама на полу лежу. Сколько я страсти перетерпѣла! Мужъ меня потомъ и не оставлялъ ужъ одну, бояться сталъ. Разъ цѣлый мѣсяцъ просто съ ума сходила, хотѣлось мнѣ либо зарѣзать всѣхъ, либо самой зарѣзаться. Князья-то мнѣ подсказываютъ, зарѣжь мужа, зарѣжь, а самой смерть какъ хочется зарѣзать кого ни попадя. Говорю мужу: убери молъ все, а то я либо тебя зарѣжу, либо кого другаго, либо сама зарѣжусь, князья, молъ, велятъ мнѣ. Вотъ онъ меня и засадилъ въ спальню, все оттуда унесъ, что было опаснаго: ключи тамъ, все формально, только и остались диванъ, кровать, да подушки, а самъ все со мной. И ѣла я все руками, не давали мнѣ ни ножей, ни вилокъ, принесли все накрошенное, либо жиденькое. Ложкой самъ меня кормилъ. Прошло и это. Легли мы какъ-то послѣ этого спать, а дверь-то у насъ была видна съ кровати. Взглянула я на нихъ ненарочно, вижу, стоитъ въ дверяхъ страшный мужичинища, образина такая гадкая, во рту огонь, глаза горятъ, и изъ ушей полымя. Это, значить, самъ. А прежде того я и не видала его, только князья приходили. И манить меня, и говорить сердито:

«иди сюда». А мнѣ и страшно таково, и такъ вотъ словно что тянетъ къ нему. Да спасибо скоро мужъ догадался, закрылъ меня кругомъ одѣяломъ и ничего. Послѣ этого еще разъ было. Выглянула я въ окно на улицу, мнѣ показалось, шумятъ тамъ больно. Смотрю, а это князья, и самъ съ ними. «Иди, говоритъ, къ намъ». Я не хотѣла сначала. «Прыгай, говорятъ, изъ окна, а то силкомъ вытащимъ, хуже будетъ». А я все упираюсь, не прыгаю: не хочу, говорю. Сама отъ окна и отойти не могу. «Прыгай!»! говоритъ, а у самого глаза такъ и засверкали. Вотъ я и послушаться-то не смѣю, да и страшно мнѣ, а самой ужъ хочется спрыгнуть. Помаленьку да помаленьку все больше высовываюсь изъ окна. А они то и дѣло кричатъ: «прыгай, прыгай»! Только вдругъ меня дернули за платье. Это мужъ. — Что это, говоритъ, ты какъ свѣсилась изъ окошка? Оглянулась я на себя, чуть чуть не вся изъ окошка вылѣзла! Еще немножко бы, и поминай какъ звали. Такъ бы и вылетѣла, кабы мужъ не подоспѣлъ. Разказала я ему это подробно, онъ давай окна вставлятъ. Доктора пригласилъ. Ничего не помогъ. — Спасибо, одна знакомая прислала мнѣ старушку. Такая почтенная и старенькая; она меня начала отчитывать. Это ужъ въ прошломъ году никакъ было. Такъ сначала чего-то они надо мной не дѣлали! Озмились, значить. Всѣ страсти, какія въ нѣсколько лѣтъ я претерпѣла, въ день, въ два покажутъ. А меня все отчитываютъ. Потомъ стало все меньше и меньше. Подъ конецъ стало мнѣ казаться, словно будто у печки языкъ высунется, либо вмѣсто заслонки, либо изъ отдушники, словно дразнить меня. Это, значить, онъ ужъ только на послѣдкахъ меня застращивалъ, а сила-то его не взяла. Потомъ стало слышно, что они всѣ кричатъ за стѣнами гдѣ-то, по прежнему, а самихъ перестала видѣть. Начнутъ отчитывать, а они и завопятъ, и завопятъ. Я-то все слышу отъ слова до слова, а старушка съ мужемъ только гулъ какой-то слышатъ. Такъ и мужъ у меня удостоился слышать. Они вѣдь не всѣмъ открываются. Читаютъ, читаютъ это до тѣхъ поръ, пока они замолчатъ. Ну, я тогда скажу, и старушка замолчитъ, спать пойдемъ. Такъ ужъ меня и не беспокоятъ ту ночь. И эдакъ я лѣтъ пятнадцать промаялась. Теперь, слава Богу, очень рѣдко когда слышу шумъ, далеко гдѣ-то, и словъ не разбираю, а только шумъ. Богъ дастъ, и совсѣмъ кончится. Я стороной узнала, что это мой женихъ прежній все надѣлалъ. Онъ хотѣлъ меня взять, на заводъ

мой кирпичный позарился, а я за другаго вышла, вотъ онъ и сходи къ ворожейкѣ, тамъ гдѣ-то за Новой Деревней. Она и напустила, такъ оттуда мнѣ все и казалось. Послѣ-то, говорятъ, онъ и самъ жалѣлъ меня, да воротить нельзя было никакъ. Не послушались бы. Ихъ только напустить, а потомъ и не остановишь. Вотъ какова жизнь-то бываетъ! а посмотрѣть снаружи, акъ моя жизнь и очень завидная.

И весь вечеръ и цѣлый ужинъ тянулся этотъ рассказъ со вздохами, охами и остановками; цѣлый вечеръ ея кружокъ еле-еле дышалъ; всю ночь послѣ этого слушательницы чего-то ждали и дрожали, и долго еще будетъ отзываться имъ дрожью этотъ рассказъ. Затѣмъ и некогда было посмотрѣть на другихъ, да и хозяйка завода обидѣлась бы, что наравнѣ съ ней занялись другими, которые и вниманія передъ ней не заслуживали.

Е. ЛУКЬЯНОВЪ.

ЖАЛОБЫ МУЗЫ.

Не жди ты меня,
Не кличь! не зови меня музою. — Нѣтъ,
На закатѣ тревожнаго дня
Я пѣть не могу, — я устала, поэтъ!

Я пѣть не могу, —
Я встрѣчаю на каждомъ шагу
Озлобленныхъ, бѣдныхъ, измятыхъ судьбой: —
Идутъ они порознь изъ сумрака въ мглу,
Отъ извѣстнаго зла къ неизвѣстному злу,
И не ищутъ звѣзды путевой,
И не нужно имъ сердце мое — факель мой! —

Сама я сняла
Вѣнокъ съ моего молодаго чела,
И все позабыла; не знаю, о чемъ
Бесѣдуютъ звѣзды въ туманѣ ночномъ,
И точно ли жаждутъ упиться росой
Цвѣты полевые въ полуденный зной.
Не знаю, о чемъ волны моря шумятъ,
О чемъ грезятъ сосны, когда они спятъ,
Чей голосъ звенитъ надъ рѣкой,
Что думаетъ роза весной,

Когда ей во мракѣ поётъ соловей —
И, даже не знаю, поётъ ли онъ ей!...

Въ толпѣ я бродила, гдѣ труженикъ чуждъ
Свободы и славы подъ бременемъ нуждъ,
И не цвѣты, и не мирты росли
На пажитяхъ потомъ политой земли —
Бурьянъ всюду росъ, за бурьяномъ росла
Нужда за нуждой, и къ работѣ звала.

Ня свѣтъ — ни заря, вышелъ пахарь; за нимъ
За плугомъ его я пошла полосой.
Помочь не могла ему слабой рукой,
Хотѣла помочь ему пѣньемъ моимъ, —
Но пахарь и слушать меня не хотѣлъ,
Попрежнему пѣсню степную онъ пѣлъ,
Сама я заслушалась пѣсни родной, —
И въ городъ ушла за рабочей толпой. —

Какъ вешняго солнца сквозь пыльную щель
Пробившійся лучъ къ бѣдняку на постель, —
Я съ пѣньемъ проникла на темный чердакъ,
Но встрѣтилъ меня горькимъ словомъ бѣднякъ:
«Ступай, онъ сказалъ мнѣ, угрюмый какъ ночь,
Ты можешь утѣшить, — не можешь помочь.
Ты къ свѣту зовешь — благъ земныхъ не даешь...

На вытертый грошъ
Не вижу я пользы отъ пѣсенъ твоихъ:
Пусть уши богатыхъ ласкаютъ твой стихъ! —

И вотъ, проходя вереницей колоннъ
Къ палатамъ, гдѣ царствуютъ пѣга и сонъ,
Я стала стучаться въ чертогъ богача.
Онъ принялъ меня про себя бормоча:
«Какъ бѣдно одѣта! какъ трудно узнать!
Гдѣ прежнія рѣчи, гдѣ прежняя статья!
О бѣдныхъ ему я шепнула; богачъ
Сказалъ мнѣ: все знаю — напрасно не плачь...
Не нужно мнѣ горькихъ совѣтовъ твоихъ,
Пускай бѣдняка развращаетъ твой стихъ!

Зашла я въ больницу и слышала бредъ
Преступницы бѣдной семнадцати лѣтъ,
Во снѣ она плакала — Бога звала, —
Проснувшись, опять равнодушна была,
И усмѣхалась при словѣ «развратъ».
Никто не зашелъ къ ней — ни братъ,
Ни другъ, только я наклонилась надъ ней,
Какъ няня съ сердечною пѣсней моею...
Напрасно! Больная махнула рукой,
И молвила мнѣ: — уходи! Богъ съ тобой!
Я вѣрила грѣзамъ — пора перестать!
Я пала, и знаю, что мнѣ ужь не встать.

И съ горькимъ упрекомъ пошла я къ тому,
Кто бросилъ дитя это въ вѣчную тьму.

.
Его уязвила я мѣткимъ стихомъ,
Но мѣдному лбу стихъ мой былъ нипочемъ.

Зашла я въ темницу — мнѣ сторожъ помогъ
Переступить заповѣдный порогъ. —
Къ холодной стѣнѣ прислонясь головой,
Сидѣлъ тамъ одинъ человѣчекъ больной:
Я знала его, то былъ сущій добрякъ,
Убить комара не рѣшился бѣ никакъ,
Подстрѣленной птицы ему было жаль, —
Сидитъ онъ — мечта унесла его вдаль —
И думаетъ онъ. О! если бѣ воля да власть,
Я могъ бы все сдвинуть, поднять и потрясть.
Я залилъ бы кровью предѣлы земли,
Чтобъ новые люди родиться могли...

И ты, я сказала, ручаешься въ томъ,
Что новая будетъ природа потомъ,
Что терны и роза — царица садовъ —
Покрытые кровью взойдутъ безъ шиповъ?
«Ручаюсь!» сказалъ онъ — и ты поручись,
Вѣрь новому чуду — не то провались!
— Мой другъ, провалиться я рада — но какъ?!
Мнѣ руку пожалъ и заплакалъ бѣднякъ.

Вдали колокольный слышался звонъ,
И съ сердцемъ измученнымъ вышла я вонъ.
Кудажь мнѣ уйти отъ неволи и думъ!
Что новаго скажетъ мнѣ уличный шумъ!
Отъ гула шаговъ да отъ стука колесъ
Раздастся ли въ воздухъ новый вопросъ?...
И чудилось мнѣ... мысль носилась одна:
— И мы всѣ не нужны, и ты не нужна...

.

Я. П. ПОЛОНСКИЙ.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ БЕСѢДЫ.

II.

ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ НАЧАЛО ВОСПИТАНІЯ. — ОРГАНИЗМЪ ЧЕЛОВѢКА, КАКЪ ОСНОВАНІЕ ВСѢХЪ ЕГО ОТНОШЕНІЙ. — ОСОБЕННЫЯ ДОСТОИНСТВА ЭТОГО ОСНОВАНІЯ ДЛЯ ПЕДАГОГИИ. — ОРГАНИЗМЪ ЧЕЛОВѢКА ПРИ РОЖДЕНІИ — ИСХОДНЫЙ ПУНКТЬ, ДАННЫЙ ВОСПИТАТЕЛЮ. — УСЛОВІЯ, ПОДЪ КОТОРЫМИ ОБРАЗУЕТСЯ ОРГАНИЗМЪ. — ДАЛЬНѢЙШІЯ НА НЕГО ВЛІЯНІЯ: ПИЩА, ВОЗДУХЪ, ТЕМПЕРАТУРА И ПР. — КАРТИНЫ ПРИРОДЫ, ЛЮДИ. — ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ. — ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ НАБЛЮДЕНІЯ. — ТРУДНОСТЬ ТѢХЪ И ДРУГИХЪ, БѢДНОСТЬ НАСТОЯЩИХЪ ДАННЫХЪ. — НЕ СМОТРА НА ТО, АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ОСНОВАНІЕ ПЕДАГОГИИ ПРОЧНѢЕ ДРУГИХЪ. — ПРИ ОСНОВАНІЯХЪ, ДОСЕЛѢ ИЗБИРАЕМЫХЪ, ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАУКА НЕВОЗМОЖНА. — НАУЧНАЯ ПРОЧНОСТЬ ФИЗИОЛОГО-ПСИХИЧЕСКОЙ ПЕДАГОГИИ (*).

Въ прошлой бесѣдѣ сдѣланъ былъ самый краткій очеркъ того положенія, въ которомъ новѣйшая педагогія оставила свое дѣло, и тѣхъ

(*) Первая бесѣда была напечатана въ «Современникѣ» вышедшаго года № 1. Приводимъ здѣсь оглавленіе этой первой бесѣды, которое можетъ служить руководящей нитью для читателя и которое не было тогда поставлено въ своемъ мѣстѣ:

«I. Цѣль воспитанія: выгода, достиженіе уровня современныхъ понятій, образованіе человѣка. — Неясность послѣдняго стремленія. — Что такое человѣкъ? — Сохраненіе его силъ. — Что мѣшаетъ этому сохраненію. — Авторитеты науки и жизни. — Избѣжаніе ихъ посредствомъ критики. — Условія ея состоятельности: матеріалы и приемы критики».

выводовъ, на которые она намекнула. Но въ этомъ очеркѣ просмотрѣнъ цѣлый рядъ вопросовъ, изъ которыхъ каждый требуетъ полнѣйшаго разбора. Эти вопросы тѣсно связаны другъ съ другомъ, прямо обуславливаютъ другъ друга, потому-то я и счелъ полезнымъ выставить ихъ всѣ въ одномъ болѣе или менѣе послѣдовательномъ цѣломъ, а затѣмъ уже разсматривать одинъ за другимъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, придется ссылаться на предметы, хотя еще не разъясненные, но знакомые. Они впоследствии всѣ подвергнутся болѣе подробному изслѣдованію. Начнемъ съ вопроса о физиологической основѣ воспитанія.

Всѣ элементы, смѣшавшіеся въ Европѣ послѣ нашествія варваровъ, до XVI вѣка жили въ хаотической борьбѣ, и каждый изъ нихъ, на-примѣръ, церковь и свѣтское владычество, феодализмъ и монархическая власть, очевидно стремились къ преобладанію, но замѣчательно, что въ этой борьбѣ самобытно дѣйствующими лицами являлись только завоеватели римскаго міра (завоеватели въ сферѣ политической и философской). Потому, когда, наконецъ, извѣстныя начала восторжествовали и установились, результатъ сталъ ясенъ и клонился прямо въ пользу боровшихся сторонъ; наименѣе счастливая изъ нихъ все-таки вышла съ правами, болѣе широкими, чѣмъ масса, не заявлявшая и не отстаивавшая никакихъ правъ. На это опять были причины, да не въ томъ дѣло... Оказавшійся результатъ, съ общечеловѣческой, виѣ исторической точки зрѣнія, не всегда удовлетворялъ идеѣ справедливости. И не успѣлъ этотъ видъ общества установиться, какъ сперва меньшинство, а затѣмъ все большія и большія массы увидѣли тягость новаго положенія. Неучаствовавшіе прежде въ борьбѣ, безправные, начали подавать свой голосъ. Окончившіе борьбу элементы сплотились противъ общаго врага, инстинктивно почувлавъ опасность. Это былъ XVI вѣкъ, вѣкъ начала возрожденія. Едва критика коснулась сооруженнаго зданія съ одной стороны, какъ и многое оказалось негоднымъ въ самыхъ основаніяхъ, и реформація, обнимая сферу за сферой, разросталась съ неимоверной быстротой, колебля существующее и создавая новыя идеи, все болѣе и болѣе совершенныя, — отъ утопіи Мура до теорій нашего вѣка. Но въ основаніи всякой борьбы лежитъ идея: средневѣковые элементы опирались на исторію, въ которой сила дала имъ перевѣсъ; противники же съ постепенно-возрастающею ясностью понятій указывали на то, что есть начала неразрушимыя, начала естественныя, общечеловѣческія, начала физиологическаго сходства. Первые требовали безпрекословнаго признанія традицій, вторые же смѣло призывали критику, не боясь суда. Они полагали въ основаніе дѣйствительные факты, слѣдовательно, преимущественно факты естественныя, и на нихъ со-

здали права — прямые выводы изъ фактовъ. Но зналъ, что каждое поколѣніе обогащается новыми свѣдѣніями, и что большія свѣдѣнія дѣлаютъ вѣрность выводовъ болѣе вѣроятною, и убѣдившись опытомъ прошлаго, какъ невозможно и вредно человѣчеству стоять неподвижно, они предлагали каждый изъ своихъ выводовъ подвергать непрестанному анализу на основаніи новыхъ данныхъ или пріемовъ. Этому логическому прогрессу конца быть не можетъ, и приводящее къ нему сужденіе и его корень (организмъ чловѣка, какъ основаніе всѣхъ его отношеній) никакъ не могутъ быть разсматриваемы, единственно какъ идеи какой нибудь партіи. Нельзя назвать исключительною идеею партіи истины въ родѣ слѣдующихъ: у васъ двѣ руки и у меня двѣ руки, у васъ желудокъ и у меня желудокъ, вы умрете безъ пищи и я тоже, вы замерзнете съ холоду и я тоже... Такія истины неоспоримы и принадлежатъ каждому сознательно живущему существу. Также, идея о возможности постояннаго совершенствованія посредствомъ критики и анализа никакъ не составляетъ достоянія партіи, а есть мысль общечеловѣческая, доказанная тысячу разъ. И дѣйствительно, какъ бы мы ни искали, намъ не найти болѣе неоспоримыхъ, прочныхъ, произвольныхъ данныхъ. Если (въ чемъ нѣтъ сомнѣній) мышленію нужна точка отправленія, и если (что еще яснѣе) эта точка должна быть особенно тверда, — гдѣ для нея источникъ болѣе вѣрный и соотвѣтствующій, чѣмъ факты естественныхъ наукъ? На нихъ зиждется вся частная и общественная жизнь, ихъ, волей-неволей, обойти невозможно. Доказательства этому встрѣчаются ежедневно. Въ частности за выборъ такого основанія педагогической системѣ говоритъ и его практичность: вы воспитываете чловѣка, основываясь на его природѣ. О другомъ началѣ — о критикѣ, рѣчь впереди; теперь же разсмотримъ, какъ примѣняется идея физиологическаго основанія къ сохраненію, укрѣпленію и возможному развитію силъ воспитанника, а затѣмъ и къ образованію его міросозерцанія.

Силы чловѣка, конечно, находятся въ прямой зависимости отъ его физическаго организма. Это кажется просто, а между тѣмъ такъ часто оспаривается. Человѣчество всего позже доходитъ до самыхъ простыхъ вещей. Виноваты опять тѣ помѣси мысли, которыя препятствуютъ смотрѣть на фактъ прямо, безъ предзанятости, а непремѣнно юмаютъ его на тысячу ладовъ, чтобы какъ нибудь подогнуть подъ тезисъ, критика надъ которымъ какъ будто пугаетъ. Признаемъ же, что какъ физическія, такъ и умственные и нравственные силы чловѣка при рожденіи — прямо зависятъ отъ его организма, и что если по мѣрѣ развитія подъ вліяніемъ внѣшняго міра силы эти измѣняются, перемѣна ихъ обуславливается одновременнымъ, даже предварительнымъ измѣненіемъ въ организмѣ.

Мы часто до того боимся слова, что встрѣтивъ его въ книгѣ, не разсуждая, есть ли въ ней какія нибудь истины, независимыя отъ ужаснаго выраженія, прямо бросаемъ ее. Объ этомъ явленіи мы еще скажемъ многое, теперь же вотъ какое размышленіе останавливаетъ перо: пояснитель извѣстныхъ авторитетовъ, прочитавъ приведенное положеніе, назоветъ его произведеніемъ матеріализма, и тѣмъ сразу, невозвратно погубить его и всѣ сдѣланные изъ него выводы въ глазахъ многихъ честныхъ людей. Конечно, людямъ, дѣйствующимъ такимъ образомъ, привыкшимъ покорять свои мысли авторитетамъ, я бы могъ привести слова Декарта: «мысль до такой степени зависитъ отъ темперамента и отъ расположенія тѣлесныхъ органовъ, что если возможно найти какое нибудь средство, которое бы вообще дало людямъ болѣе ума и ловкости, — искать его слѣдуетъ въ медицинѣ». Но если и французскій идеалистъ не способенъ переувѣрить васъ, пожалуйста читайте слѣдующія страницы, какъ дуалистъ, только не оставляйте ихъ безъ вниманія и судите безпристрастно. Съ своей точки зрѣнія вы иное не найдете ослзательно яснымъ, но философствовавшіе дѣйствительные тайные совѣтники Пруссіи: Гегель, Шеллингъ и пр., кажется, не избаловали идеалистовъ ослзательностью выводовъ.

По опредѣленію доктора Фоссати, — свойственное каждому лицу физическое строеніе, происходящее отъ различія количественнаго и качественного отношенія между собою элементовъ, составляющихъ организмъ, — называется темпераментомъ. О темпераментахъ много говорили, да много еще и будутъ говорить. Старинное дѣленіе ихъ на флегматическій, сангвиническій, желчный и меланхолическій, основанное на гипотезѣ Галіена, оставлено, но еще плохо замѣнено. Изъ приводимыхъ теперь почти во всѣхъ гигиеническихъ трактатахъ — темпераментовъ (сангвиническій, нервный, желчный и лимфатическій) только два первые могутъ быть анатомически изслѣдованы, но и по этому предмету еще мало сдѣлано. Счастливый поворотъ, принятый для изслѣдованія о человѣкѣ въ послѣднее время, преимущественно благодаря физиологін, уменьшилъ значеніе анатоміи въ вопросѣ о темпераментахъ. Напримѣръ, не должно ли обращать вниманіе не только на относительное развитіе аппаратовъ кровообращенія, но еще и на качество обращающейся крови. Количество шариковъ не можетъ измѣниться въ крови человѣка даже на короткое время, не приводя за собою глубокихъ измѣненій во всякомъ субъектѣ. За тѣмъ Бекларъ предлагаетъ два подраздѣленія сангвиническаго темперамента, смотря по тому, что болѣе склонено развиваться процессъ уподобленія: мускульную ткань, или жиръ? Не знаю, при болѣе строгомъ и внимательномъ наблюденіи, удержится ли настоящее дѣленіе темпераментовъ; врядъ ли, на примѣръ, не придется обратить большаго вліянія на му-

скулы: вліяніе движенія и пищи на увеличеніе мускульныхъ массъ ясно доказываетъ, что онѣ безпрестанно мѣняются, т. е. питаются, и въ животныхъ, еще не вполне развитыхъ, — особенно быстро. Примѣненіемъ этихъ свѣдѣній отчасти выведены породы скота, въ которыхъ преобладаетъ мускульная система. Приготовленіе англійскихъ боксеровъ ясно доказываетъ то же, и вдобавокъ позволяетъ наблюдать за дѣйствіемъ мускульнаго развитія, напримѣръ, на умственные силы и характеръ. Шведъ Лингъ когда-то выражалъ мысль о педагогической гимнастикѣ... Изъ всего этого слѣдуетъ, что самаго основанія для дѣленія темпераментовъ еще не найдено; тѣмъ не менѣе, фактъ ихъ различія неоспоримъ. Еще Руссо (*Nouvelle Heloise*) писалъ: «каждый человѣкъ при рожденіи имѣетъ характеръ, склонности и таланты, ему свойственныя. Чтобъ измѣнить ихъ, надобно измѣнить темпераментъ, отъ котораго они зависягъ. Слышали ли вы когда нибудь, чтобы вспыльчивый человѣкъ сдѣлался флегматикомъ, или чтобы методическій и холодный умъ пріобрѣлъ воображеніе! По моему, такъ же легко сдѣлать блондина изъ брюнета, или умнаго человѣка изъ глупца!»

Я рѣдко находилъ что нибудь по остроумію превосходящее слѣдующую характеристику Вольтера по доктору Распайлю: «Вольтеръ — это нервная система, доведенная до высшаго своего могущества... Слабая натура, вырабатывающая мало питательнаго сока, слѣдовательно и мало крови, общее строеніе, отъ рожденія обреченное глистамъ, т. е. всѣмъ этимъ безпокойствамъ и тысячамъ непріятностей, превращающимъ пищеварительную лабораторію въ адъ, пламя котораго тогдашняя медицина поддерживала прохладительными напитками. Желудокъ для Вольтера до 50 лѣтъ былъ сѣдалищемъ его мукъ, источникомъ всѣхъ его опасеній. Въ 30 лѣтъ онъ никогда не надѣялся дожить до пятидесяти; впрочемъ, преувеличивая свое положеніе, заботился о помѣщеніи капиталовъ въ пожизненную ренту, чѣмъ учетверялъ свои доходы. Не мало спекуляторовъ попало въ эти сѣти, разставленныя Вольтеромъ ихъ алчности.» Если бы меня спросили, что такое характеръ, я бы отвѣтилъ: это послѣдствіе темперамента.

Слѣдовательно, исходный пунктъ для воспитателя составляетъ организмъ ребенка при рожденіи. Но не только съ перваго дня, а еще и прежде началось на него вліяніе окружающей среды черезъ посредство родителей. Далѣе мы въ краткихъ чертахъ познакомимся съ разнородными вліяніями, дѣйствующими на человѣка; всѣ они, дѣйствуя на мать, посредствомъ ея отражаются и на ребенкѣ. Этому много доказательствъ, да врядъ ли они нужны кому нибудь. Всякій знаетъ, какъ женщину во время беременности стараются избавить отъ дурныхъ

впечатлѣній, испуга, непріятныхъ зрѣлищъ и т. д., отчасти для ея личнаго здоровья, но въ значительной степени и ради ребенка. Не менѣе этихъ впечатлѣній важны, и опять именно для зародыша, климатъ, въ которомъ живетъ мать, ея пища и т. п. Бекларъ дѣлалъ опыты надъ развитіемъ цыплятъ, и замѣтилъ, что при искусственномъ выводѣ въ 40 — 50 градусной температурѣ, цыплята выходили на свѣтъ съ огромной, почти уродливой головой, съ блѣдными тканями и очень небольшимъ сердцемъ. Напротивъ, при выводѣ въ меньшей температурѣ (35 — 40°), голова и вообще нервная система были мало развиты, сердце велико, ткани наполнены кровью. Затѣмъ онъ прибавляетъ слѣдующее размышленіе: сравнивая вообще сѣверные народы съ южными, мы удостовѣримся въ подобной же разницѣ. Первые массивнѣе, развитѣе, питательная жизнь сильнѣе нервной. У южныхъ народовъ нервы преобладаютъ и даютъ физиономіи характеристическое оживленіе. Если разница въ развитіи нервной и кровяной системъ рѣзче у животныхъ, рожденныхъ изъ яйца, — это ясно: вліянія дѣйствовали на образующавшійся зародышъ, на человѣка же они непосредственно дѣйствуютъ уже тогда, когда онъ перенесъ значительнѣйшія измѣненія въ утробѣ матери, а вообще извѣстно, что температура человѣка довольно сходна на всѣхъ широтахъ. Конечно, всѣ эти условія болѣе сильны въ послѣдствіи, дѣйствуя на ребенка непосредственно, но въ этотъ, такъ сказать, дожитенный періодъ они обуславливаютъ его первоначальное органическое строеніе. Причинъ слабѣйшаго вліянія внѣшнихъ дѣятелей на ребенка въ это время двѣ: во первыхъ, конечно, посредственность дѣйствія, во вторыхъ — вліяніе внѣшнихъ дѣятелей гораздо слабѣе послѣ извѣстнаго возраста, потому для матери, особенно если она достигла извѣстныхъ лѣтъ, оно слабѣе, чѣмъ для дитяти. У ребенка при рожденіи жизнь замѣчательно дѣятельна, она кажется тѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ болѣе приближаешься къ рожденію. Сила роста обратно пропорціональна лѣтамъ, каждый истекшій годъ менѣе содѣйствуетъ окончательному развитію, чѣмъ предшествующій. Ребенокъ въ первые 3 года (и 9 мѣсяцевъ) пріобрѣтаетъ въ ростѣ столько же, сколько въ слѣдующіе 10 — 15 лѣтъ. То же, что замѣчается въ ростѣ тѣла, происходитъ и со всѣми его составными частями. Опыты Фалька надъ собаками очень интересны въ этомъ отношеніи. Развитие мужчины совершенно оканчивается около 25 лѣтъ, онъ остановился въ ростѣ уже нѣсколько лѣтъ прежде, но до этого возраста скелетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ еще сохраняетъ хрящеватость... На вполне сформировавшуюся натуру внѣшніе дѣятели имѣютъ очевидно менѣе дѣйствія. Но кромѣ этого вліянія внѣшнихъ дѣятелей на ребенка во время беременности матери, оба родителя еще имѣютъ значительное вліяніе по закону наслѣдственности. Наслѣд-

ственность способностей, характеровъ и привычекъ (*) конечно происходитъ отъ наследственности органическаго сложенія, которая врядъ ли кѣмъ ибудь не замѣчена. Одинъ сельскій хозяинъ для овцеводства дѣлалъ замѣчательные опыты въ этомъ смыслѣ. Между прочимъ онъ сообщилъ точный журналъ того, какъ, выкалывая лѣвый глазъ у цѣлой генераціи собакъ, добился, что щенята родились кривыми въ которомъ-то поколѣніи. «Мы можемъ создать породу съ какими хотимъ свойствами, если мы имѣемъ родичей, одаренныхъ зачатками этихъ свойствъ. Мистеръ Денни десять лѣтъ сряду производилъ опыты надъ кроликами, избравъ ихъ сто паръ для произведенія особенностей. Постоянно избирая родителей, онъ получилъ цѣлый рядъ уродливостей, сообразно своимъ намѣреніямъ.» Подобныхъ опытовъ надъ разными птицами и животными было произведено множество. На томъ же законѣ преимущественно основано улучшение породъ въ рациональномъ скотоводствѣ. Разсмотрѣніе этого явленія и слѣдующихъ изъ него заключеній повело бы насъ слишкомъ далеко, намъ важно только его существованіе. Въ книгѣ Льюиса: «Физиологія обыденной жизни», довольно распространенной въ Россіи, есть интересная глава объ этомъ предметѣ, но особенно блистательная для каждаго, недовольствующагося однимъ поверхностнымъ знаніемъ вопроса, книга Дарвина «On races», также переведенная недавно на русскій языкъ.

Слѣдовательно, при самомъ рожденіи ребенка, воспитатель имѣетъ организмъ, крайне воспріимчивый, но уже подлежащій извѣстнымъ самобытнымъ условіямъ. Много остается неисправимымъ, но многое, очень многое можно измѣнить. Съ перваго дня дѣйствуютъ на ребенка пища, воздухъ, окружающіе природа и люди. Курсъ физиологіи былъ бы здѣсь конечно неумѣстенъ, намъ важно только сознать, что дѣйствительно вліяніе этихъ дѣятелей существуетъ, и что оно весьма сильно. Что касается пищи, то важность ея прямо бросается въ глаза по одной сущности закона питанія: движеніе, дыханіе и проч. приводятъ къ потерѣ составныхъ частей нашего тѣла, — пища должна вознаграждать ихъ, и вознаграждать не только по количеству, но и по качеству, т. е. доставить всѣ тѣ вещества, которыя потеряны мозгомъ, мускулами, костями и проч. Изъ пищи дѣлается кровь. Вотъ для примѣра одинъ изъ результатовъ разницы въ пищѣ: работниковъ въ куз-

(*) Одинъ острейскій рыцарь на мой простой вопросъ: «Какъ ваша фамилія?» отвѣчалъ: «Баронъ М..., но я не изъ тѣхъ М..., а изъ такихъ-то; тѣ извѣстны своимъ яркимъ, упрямымъ, непріятнымъ характеромъ, нашъ родъ напротивъ знаютъ за веселыхъ и любезныхъ людей.» Вотъ гдѣ иногда можно найти физиологическія наблюденія!

нидахъ Торна всегда кормили растительной пищей. Каждый изъ нихъ среднимъ числомъ терялъ по болѣзни 15 рабочихъ дней въ годъ. Въ 1833 году, г. Талабо, депутатъ верхней Вѣнны, принявъ эти кузницы въ свое управленіе и ввелъ мясо въ ежедневную пищу. Здоровье работниковъ такъ поправилось, что они среднимъ числомъ теряютъ въ годъ не болѣе трехъ дней. Кабанисъ (*Rapports du physique et du moral de l'homme*) указалъ на это вліяніе пищи на человѣка, и съ тѣхъ поръ факты за фактами подтверждаютъ то же. Кромѣ того, каждая пища оказывасть свойственное ей вліяніе преимущественно то на одни, то на другіе органы. На этомъ частью основана медицина... но еще разъ, ученіе о пищѣ составляетъ первую главу почти всѣхъ курсовъ физиологій. Разъ постановивъ вліяніе организма на умственную и нравственную нашу дѣятельность, мы естественно должны признать и вліяніе на нихъ употребляемой пищи. Также очевидно вліяніе воздуха. Опять, самая важность дыханія убѣждаетъ насъ въ важности вдыхаемаго воздуха. Напримѣръ, постоянное пребываніе въ атмосферѣ, содержащей избытокъ углекислоты, разстроиваетъ мало по малу организмъ — медленно убиваетъ. «Кто незамѣчалъ, какъ измѣняются въ лицѣ дѣти, начинающіе посѣщать школы, и какъ они поправляются во время каникулъ, особенно въ деревнѣ? Посмотрите на блѣдныя лица солдатъ, живущихъ въ тѣсныхъ казармахъ. Посмотрите на заключенныхъ въ тюрьмахъ, на работниковъ, посѣщающихъ фабрики и мастерскія. Сравните ихъ съ людьми, живущими на чистомъ, вольномъ воздухѣ, и вы поймете, что значить для человѣка чистый воздухъ. Посмотрите на тѣхъ же солдатъ послѣ лагерей или послѣ стоянки въ деревнѣ. Посмотрите на заключеннаго послѣ того, какъ ему дозволили прогуливаться на чистомъ воздухѣ, или на работника, наприм., плотника, который, живя въ одной квартирѣ съ другимъ, посѣщающимъ фабрику или мастерскую, самъ работаетъ въ чистомъ воздухѣ, и вы убѣдитесь, что требованіе для людей, во имя человѣчности, чистаго воздуха — не пустая фраза.» (Арт. Ж. 1862, № IX). Самое количественное отношеніе составныхъ частей воздуха между собой даетъ ему то или другое свойство: раздражающее, крѣпительное, усыпляющее и т. д. Къ иному воздуху можно привыкнуть и жить въ немъ, но такого рода привычка большею частью есть только превращеніе быстрой смерти въ медленную, въ теченіе же всего этого процесса «умиранія» очевидно всѣ способности совершенно разстраиваются. Если птицу подъ колоколомъ мало по малу приучать къ извѣстному составу воздуха, она еще часа три проживетъ въ атмосферѣ, въ которой въ нѣсколько минутъ или тотчасъ же умретъ такая же птица, впущенная подъ коло-

голь съ чистаго воздуха. «Смертность дѣтей отъ перваго до 15-го дня жизни, доходившая въ Дублинскомъ воспитательномъ домѣ до 2,944 на 7,650 рожденій въ теченіе четырехъ лѣтъ, вдругъ понизилась до 279 смертей въ такое же время, когда была введена новая система вентиляціи.» Нельзя предполагать, чтобы прежній воздухъ остался безъ вліянія и на дѣтей, продолжавшихъ жить въ немъ. Такое же вредное вліяніе, какъ дурной воздухъ, имѣетъ и узкое платье. По изслѣдованіямъ Гербста, мужчина, который голый могъ вдыхать однимъ дыханіемъ 190 кубическихъ дюймовъ воздуха, одѣтый — могъ вдохнуть только 130 дюймовъ... но опять, этихъ примѣровъ достаточно, чтобы убѣдить думающихъ людей; для подробныхъ изслѣдованій отсылаемъ ихъ къ фізіологическимъ сочиненіямъ. Потребность для тѣла известной степени теплоты наконецъ ставитъ насъ въ значительную зависимость отъ температуры. Вліяніе ея, прямо отражалось на всей нервной системѣ, сильно дѣйствуетъ на наши мыслительныя способности и волю. Холодъ, благодаря особенно болѣе возможности противопоставить ему оборонительныя средства (пища, огонь, движеніе, одежда), легче переносится, чѣмъ жаръ. Холодъ, прежде чѣмъ причиняетъ смерть, поражаетъ всю нервную систему, разстроиваетъ всѣ органы чувствъ, наконецъ поражаетъ бредъ и влеченіе къ непробудному сну. Увы, опытовъ вліянія холода на мыслительныя способности можно собрать вдоволь во многихъ нашихъ училищахъ. Вліяніе жара еще тягостнѣе. Въ 1743 г. отъ 14 до 23 іюля въ Пекинѣ термометръ стоялъ выше 40° (стогр.), что причинило смерть 11,400 человѣкъ. Европейскіе путешественники, предпринимающіе экспедиціи во внутреннюю Африку безъ долгой предварительной акклиматизаціи, идутъ почти на вѣрную смерть. Высшая температура, безопасная для человѣка, приблизительно равна его собственной температурѣ (+37°). Впрочемъ, вліяніе холода и жара каждый осязательнѣе испыталъ на себѣ, потому конечно и болѣе замѣтилъ, чѣмъ вліяніе пищи и воздуха.

И такъ, дыханіе есть средство горѣнія нашего организма, пища возобновляетъ утраченныя части, — потому плодотворность дѣйствія питательныхъ и дыхательныхъ аппаратовъ зависитъ отъ количества и качества пищи и воздуха. Эти аппараты суть орудія жизни составляющей насъ матеріи. Роль нервной системы двоякая: «ею согласуются и управляются всѣ жизненные процессы; посредствомъ нея мы становимся въ соотношеніе съ внѣшнимъ міромъ». Она слѣдовательно можетъ отчасти назваться орудіемъ внѣшней дѣятельности нашего организма, и какъ часть его, состоитъ въ прямой зависимости отъ орудій его жизни... Слѣдовательно, на умственныя и нравственныя наши спо-

способности пища и воздухъ имѣютъ не прямое, посредственное, но сильное вліяніе. Правда, въ силу первой своей дѣятельности (на жизненные процессы), дурное состояніе нервовъ дѣйствуетъ на другія орудія органической жизни, разстройство послѣднихъ опять отзывается на нихъ... Эта связь нескончаема, но покуда не въ томъ дѣло. Намъ нужно было только выразить это прямое, физиологически ясное дѣйствіе пищи и воздуха на умственные и нравственные силы, и характеръ этого дѣйствія. Не зачѣмъ, полагаю, и упоминать, что я въ этой статьѣ никакъ не намѣренъ перебирать одно за другимъ всѣ вліянія. Это было бы бесполезно и вообще въ такомъ объемѣ и не нужно; для нашей цѣли достаточно бросить нѣкоторыя основанія, на которыя бы можно было ссылаться въ дальнѣйшемъ развитіи предлагаемой системы, и пожалуй, указать важность нѣкоторыхъ ежедневныхъ явленій, которыя оставляются безъ достаточнаго вниманія, даже сообразно съ самымъ узкимъ пониманіемъ педагогій. Потому не спрашивайте, отчего не упомянуто напримѣръ о движеніи, сильно вліяющимъ на организмъ, какъ мы уже видѣли, объ опрятности, и проч., и проч. Все это увлекло бы насъ далеко за предположенныя границы. Я буду счастливъ, если когда нибудь удастся мнѣ съ раздѣляющими со мной этотъ трудъ, издать полный опытовъ и наблюденій послѣдовательный курсъ физиолого-психической педагогій; впрочемъ, это *ria desideria*, надежды, которыя вѣроятно еще не скоро исполнятся... Покуда, прочитавъ нѣсколько бесѣдъ, которыя предлагаю вамъ, читатель, подумайте объ общей ихъ канвѣ; можетъ быть, и вы сочтете необременительнымъ и полезнымъ потрудиться для этого дѣла... но дальше — перейдемъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ.

Процессы мышленія и чувствованія еще одни изъ самыхъ спорныхъ пунктовъ физиологій. Въ упомянутомъ сочиненіи Льюиса главы о «мышленіи и чувствованіи» лучшія изъ обоихъ томовъ. Покуда же признаемъ несомнѣнное: ощущеніе, сознаніе, сравненіе — все производится нашимъ организмомъ. «Ощущенія, воспринимаемыя имъ и разрѣшающіяся во вторичное ощущеніе или въ импульсъ къ движенію, или къ тому и другому виѣстѣ», между прочимъ производятся впечатлѣніями, которыя крупно можно подраздѣлить на впечатлѣнія: 1) отъ природы и 2) отъ людей.

Говоря о природѣ, намъ трудно будетъ опять выдѣлить вопросы о воздухѣ, температурѣ, даже о пищѣ, но если они и играютъ роль весьма важную, то не все во вліяніи природы на человѣка принадлежитъ исключительно имъ. Впечатлѣнія ея на органы нашихъ чувствъ и нервы конечно очень сильны даже независимо отъ упомянутыхъ дѣятелей. Вліяніе климата (послѣ сдѣланной оговорки мы можемъ упо-

треблять этотъ терминъ) признано еще Гиппократомъ, Платономъ и Аристотелемъ. Монтескье написалъ цѣлую книгу о климатахъ и объ ихъ вліяніи на человѣка и увлекся своей задачей. Руссо и Вольтеръ посмѣялись надъ нимъ, а потомъ и сами признали то же, вѣроятно забывъ прежнія насмѣшки. Вънецъ этой мысли, говорятъ, сочиненіе Гердера: «Мысли о философій исторіи». Вотъ что написалъ объ ней Прудонъ: «вся система основана на географическомъ, химическомъ и органическомъ фатализмѣ: почва, климатъ, долины, горы, рѣки, озера и моря — а вслѣдствіе ихъ для каждой широты и для cadaго меридіана своя флора и фауна, затѣмъ человѣкъ, наконецъ общество и его исторія. — Нечего и отвѣчать на все это, только спросишь себя: что же тутъ дѣлать свободѣ и прогрессу, не вижу даже, къ чему тутъ разсудокъ?» Я много слышалъ и читалъ о книгѣ Гердера, самой же книги, признаюсь, къ сожалѣнію еще не знаю, но какъ бы то ни было аргументъ Прудона врядъ ли стоитъ опроверженія. Если Гердеръ доказалъ, въ чемъ критикъ и сознается, что климатическія условія имѣютъ сильное вліяніе на человѣка, такъ не зачѣмъ было нападать на цѣлое за слишкомъ, можетъ быть, заносчивые выводы. Вліяніе природы на организмъ ясно и по физиологіи (такъ какъ воздухъ напри- мѣръ долженъ дѣйствовать на дыханіе, нервы, и пр.), и особенно по факту различія національностей... Надѣюсь, Прудонъ не сомнѣвается въ единствѣ человѣческаго рода... Впрочемъ, послѣ защиты права завоеванія, зависимости женщинъ, политическаго воздержанія (*Les démo- crates assermentés et les refractaires*) недалеко и до защиты рабства не- гровъ. Организмомъ объясняется конечно характеръ населенія, этотъ характеръ имѣетъ значительное вліяніе на общественное устройство — это ясно. Но развѣ, опредѣливъ обусловленное естественными обстоя- тельствами учрежденіе, мы уже сказали послѣднее слово? а его при- веденіе въ дѣйствіе? Нѣтъ, еще нужны «свобода и разсудокъ», иначе выйдетъ путаница и конечно прогрессъ невозможенъ. Влія такимъ образомъ на цѣлые народы, природа конечно много дѣйствуетъ и на отдѣльнаго человѣка. Очевидно, самоѣдъ, прожившій десятки лѣтъ въ Италіи, не приметъ вполнѣ итальянскаго характера, на который кромѣ природы и окружающихъ привычекъ, дѣйствуетъ еще наслѣдствен- ность отъ не вѣсть сколькихъ поколѣній, которыя всѣ пережили тѣ же климатическія вліянія. — короче, для самоѣда нѣтъ вліянія націо- нальной крови, да у него есть и прирожденные неизмѣняныя органиче- скія особенности, образовавшіяся до рожденія подъ иными условіями; но многое, многое въ немъ переродится, особенно если онъ пересе- лится съ дѣтства, — въ этомъ нельзя не быть увѣреннымъ. Наконецъ, какій на себѣ чувствовалъ дѣйствіе грандіозности или красоты пей-

зажа... Закончу персидской поговоркой: «не знающій страны не знаетъ растенія». Идея Рия и его книгъ представляютъ много интереснаго въ этомъ отношеніи.

Одно изъ сильнѣйшихъ вліяній есть вліяніе людской среды; но объ ней такъ много придется говорить въ слѣдующихъ бесѣдахъ, что здѣсь можно удовольствоваться простымъ упоминаніемъ.

Что же заключить изъ всего предъидущаго? Ясно, что все въ человѣкѣ тѣсно связано съ его организмомъ, что всѣ его умственные и нравственные силы прямой продуктъ этого организма, что этотъ организмъ особенно подверженъ дѣйствию окружающей среды во все продолженіе своего развитія, своего формированія, что сила этого дѣйствія обратно пропорціональна зрѣлости органическаго развитія, что слѣдовательно для педагогій болѣе, чѣмъ для чего нибудь, физиологическое начало должно служить основаніемъ. Наука же, уже не довольствующаяся простымъ наблюденіемъ органической жизни, но изслѣдующая, какъ организмъ и его отношенія къ вѣшнему міру разрѣшаются въ нравственные и умственные явленія, — я полагаю — будетъ психологія. Потому и педагогическая система, предлагаемая въ этихъ бесѣдахъ, какъ полнѣйшее поясненіе теоріи образованія человека, называется физиолого-психической или антропологической педагогіей.

Антропологія конечно еще очень и очень далека отъ того, чтобы нашъ живой организмъ былъ ей извѣстенъ, какъ клавиатура хорошему пьянисту, и еще долго она не дойдетъ до такого безукоризненнаго знанія, благодаря разницѣ, существующей между индивидуальными строеніями организмовъ, и слѣдовательно, между ихъ проявленіями; но, какъ увидимъ, это не разрушаетъ ни ея важности вообще, ни права ея стать для философскихъ наукъ, и преимущественно для педагогій, основаніемъ, несравненно болѣе прочнымъ, чѣмъ всякое другое.

Наблюденіе вообще трудно, но трудность эта особенно велика въ естественныхъ наукахъ, преимущественно въ физиологій. Труднѣе физиологическихъ опытовъ — опыты психологическіе. Наблюдательность — качество вообще рѣдкое потому, что требуетъ отъ человека и большаго вниманія, и многихъ знаній. Явленіе, съ перваго взгляда имѣющее одну причину, въ дѣйствительности происходитъ отъ другой; различить сразу источники явленія рѣдко удавалось людямъ, а ни одно явленіе не можетъ назваться понятнымъ, покуда мы не знаемъ дѣятелей, его породившихъ. Въ естественныхъ наукахъ, гдѣ болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, встрѣчается опасность объяснить явленіе недѣйствительной причиной, есть еще затрудненіе въ крайней медленности наблю-

деній. Физиологія имѣетъ дѣло съ живымъ тѣломъ, психологія же должна наблюдать въ сферѣ, особенно трудной для физиолога. Безъ точныхъ же наблюденій, какъ я уже отчасти объяснилъ въ первой бесѣдѣ и еще объясню впоследствии, наука не можетъ существовать и всѣ ея теоріи негодны. Между тѣмъ путь опытовъ недавно рѣшительно водворился въ наукѣ, и слѣдовательно, еще не успѣлъ сдѣлать многого, хотя и далъ громадныя результаты пропорціонально съ продолжительностью своего примѣненія. «Такъ зачѣмъ», скажете вы, «предлагать основаніе не разработанное, мало изслѣдованное, не разъясненное». Назовите мнѣ вполне разработанное, изслѣдованное, разъясненное основаніе между всѣмъ, что до сихъ поръ предлагалось за основаніе педагогіи...

Какъ глубоко проникнута была своимъ достоинствомъ многодумная Германія, провозгласивъ когда-то, что воспитаніе должно образовывать гражданъ!

Было бы очень пріятно остановиться хоть на этомъ принципѣ, но онъ разными людьми понимается совершенно различно. Извѣстно, какъ воспитывали и еще воспитываютъ въ Пруссіи гражданъ Exzellenz фонъ-Раумеръ, Борманъ, Бетманъ-Гольвегъ, Штиль и т. д. То ли думаютъ честный Дистервегъ, Шульце-Деличъ, Вирховъ? Нѣтъ. Кому же вѣрить? Если воспитать двухъ дѣтей по этимъ двумъ программамъ, они окажутся врагами другъ другу. Слова, выражающія ближайшія сердцу понятія, стали какими-то декораціями, которыми обставляютъ себя до такой степени всѣ безъ различія, что человѣку, еще свѣжему и чистому, почти совѣстно произнести ихъ.

Если бы людямъ удалось отыскать какой нибудь отвлеченный принципъ, согласиться въ немъ, какъ въ педагогической основѣ, что могло бы выйти изъ этого? къ чему бы привело насъ это согласіе, примѣненное какъ основаніе педагогіи? Къ вѣчной неподвижности, къ совершенному отрицанію прогресса; къ заблаговременному сопротивленію всему, что будущее, можетъ быть, готовить достойнѣйшаго и лучшаго,.... но объ этомъ послѣ.

Наконецъ, остается созданіе человѣка. Если хотите воспитать человѣка, по моему мнѣнію, нѣтъ другой возможности достигнуть цѣли, кромѣ физиолого-психической педагогіи. Бесѣда за бесѣдой разъяснить мою мысль. Далѣе мы ясно увидимъ, что всѣ отвлеченныя понятія, какъ крайне спорныя, если поставить ихъ въ основаніе воспитанію, непременно приведутъ къ тиранніи извѣстной школы понятій, и постановимъ философское достоинство предлагаемой системы, теперь же скажемъ только, что физиологія и психологія — начала болѣе прочныя, чѣмъ другія. До сихъ поръ существовала ли пе-

дагогическая наука? нѣтъ. Заботясь о томъ напимѣръ, чтобы преподать ребенку тѣ или другія добродѣтели гражданина, вы просто приучаете его то къ тѣмъ, то къ другимъ вліяніямъ, и лучшимъ результатомъ часто можно почестъ созданіе фанатика. Выборъ средствъ соотвѣтствующей фанатизаціи, болѣе вліятельныхъ на молодую натуру, мѣнялся сообразно съ цѣлью: ребенку сообщали извѣстныя свѣдѣнія, скрывали ту или другую отрасль человѣческихъ знаній; много наблюдали за тѣмъ, какъ легче взять ребенка, лаской, или побоями, пытались найти лучшія средства передачи научныхъ свѣдѣній — но точныя наблюденія рѣдки и несознательны. Но гдѣ же наука, имѣющая прочныя основы для фактическихъ наблюденій (прошу читателя вспомнить взглядъ нашъ на науку въ первой бесѣдѣ), по мѣрѣ своего развитія строящаяся въ послѣдовательный рядъ фактовъ и выводовъ, образующихъ теоретическую систему, способную къ постоянному совершенствованію въ цѣломъ и въ частяхъ, и къ сознательному примѣненію на практикѣ? Я не вижу этой науки ни въ одномъ изъ доселѣ изданныхъ педагогій, да кажется она и немыслима до тѣхъ поръ, пока не найдетъ себѣ прочной сферы для изслѣдованій. Этой сферой, полагаю, только и могутъ быть фізіологія и психологія. Постепенно изучая разрѣшеніе органическихъ явленій въ умственной и нравственной сферѣ, мы обратно можемъ наблюдать, какими впечатлѣніями производятся тѣ или другія ощущенія нервной системы для измѣненія или поддержанія и укрѣпленія данныхъ разрѣшеній. Мы говоримъ откровенно—вся эта наука *in spe*, и даже еще составляющія ея базисъ науки — фізіологія и особенно опытная психологія, не глубоко разработаны. Но возможность ея неоспорима, и сдѣланные опыты могутъ назваться очень удачными. Прочность же ея также не подлежитъ никакому сомнѣнію: всякій фактъ, приобрѣтенный на этой почвѣ, есть дѣйствительное приобрѣтеніе, за которымъ послѣдуютъ другіе, будетъ возможность выводовъ, сознательнаго примѣненія. Только для подобной науки есть жизнь и будущность.

III.

ЗАДАЧА ВОСПИТАТЕЛЯ ВСЛѢДСТВІЕ ПРИНЯТІЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКАГО ПРИНЦИПА ВЪ ОСНОВАНІЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ НАУКЪ: СОПОСТАВЛЕНІЕ СИЛЪ ОРГАНИЗМА И ВНЕШНЯГО МІРА. — ВЪ КАКИХЪ УСЛОВІЯХЪ ОНО СОВЕРШАЕТСЯ. — НА СКОЛЬКО СИЛЫ ОРГАНИЗМА И ВНЕШНЯГО МІРА ПРИНАДЛЕЖАТЪ ВОСПИТАТЕЛЮ ДЛЯ ТАКОГО СОПОСТАВЛЕНІЯ.

Разъяснивъ по возможности антропологическую идею воспитанія,

мы обратили вниманіе на ея значеніе для основанія педагогической науки, и, высказавъ убѣжденіе, что дѣйствительная наука можетъ создаваться единственно изъ фактовъ, отчасти показали область, въ которой должны быть наблюдаемы факты фізіолого-психической педагогіи. На этотъ разъ область эта уяснится еще болѣе, при обсужденіи вопроса о томъ, въ какое положеніе выведенное начало ставитъ воспитателя и его задачу. Кажется, объ этомъ и говоритъ бы нечего. Принципъ разъясненъ, каждый принявшій его самъ отыщетъ обусловленный путь. Но къ крайнему сожалѣнію, уже высказанному нами прежде, нельзя рассчитывать на то, чтобы всякій принявшій истину принялъ и ея послѣдствія. Въ жизни противорѣчія этого рода являются на каждомъ шагѣ не только на практикѣ, но и въ теоріи. О практикѣ и говорить нечего, согласованіе мысли съ дѣломъ здѣсь рѣдкое явленіе. Для такого согласованія нужно, чтобы мысль возрасла до убѣжденія, т. е. чтобы мы вполне воспріяли ее, искренно полюбили, чтобы отреченіе отъ нея было намъ невозможно иначе, какъ по замѣнѣ ея другою мыслью, еще болѣе удовлетворяющею потребности въ истинѣ, чтобы отреченіе ради нея отъ многихъ благъ казалось не геройствомъ, не подвигомъ, чтобы принятіе этихъ благъ являлось немислимымъ. Увы, такіе примѣры рѣдки. Наука сама по себѣ, жизнь сама по себѣ — вотъ общее правило. Въ теоріи та же непослѣдовательность. Вы встрѣчаете человѣка, близко стоящаго къ рабочему классу; — онъ видитъ его горе, тяжелую нужду, видитъ что самый лучший хозяинъ не можетъ радикально помочь при существованіи того или другаго экономическаго закона... Слѣдовательно, заключаете вы, эти экономическіе законы негодны, надо искать другихъ... «О нѣтъ!» Что же останавливаетъ вашего собесѣдника? выгодъ отъ настоящаго положенія онъ не имѣетъ... Онъ просто не постигалъ прямой связи между понятіями и не подозревалъ, что признаніемъ факта обуславливалъ какія нибудь послѣдствія... Женщина не властна любить, кого ей прикажутъ, такъ ли? — «Да»... Она, не любя мужа, полюбила другаго... — «Преступница». Попробуйте согласовать эти понятія... Ребенокъ прибѣгаетъ къ матери весь въ слезахъ: «я толкнулъ вазу со стола, и она упала?» — Ты же самъ виноватъ! «Нѣтъ, я хотѣлъ столкнуть ее со стола, но не хотѣлъ, чтобы она падала!»... Причины такого явленія ясны; мы невольно наталкиваемся на факты негодности предразсудковъ, но авторитетъ послѣднихъ такъ силенъ, а привычка къ мышленію такъ слаба, что не приходитъ въ голову привести въ соприкосновеніе два совершенно противорѣчащія понятія, они живутъ рядомъ цѣлые годы, не тревожа другъ друга. Такъ приходится полагать, что многіе воспитатели не

увидать обязанностей, налагаемыхъ на нихъ основными положеніями антропологическаго принципа о вліяніи прирожденнаго намъ организма и измѣненій, которымъ онъ подверженъ отъ послѣдующихъ внѣшнихъ дѣтелей.

Уже не разъ было замѣчено, будто человекъ не создалъ ни единой силы, и все совершающееся совершается силами природы, роль же человека (раздѣляемая имъ со многими другими дѣтелями) состоитъ единственно въ приведеніи силъ природы въ соприкосновеніе между собою. Въ опроверженіе говорятъ, что вліятельнѣйшія общественныя силы созданы человекомъ, напримѣръ тупоуміе, предрасудки, и т. д. Въ рѣшеніи такого спора намъ важно только, чтобы воспитатель ясно представилъ себѣ двѣ стоящія передъ нимъ группы силъ, и понялъ свою роль между ними. Одна изъ этихъ группъ—силы организма, другая—силы внѣшнія, какъ природныя, такъ и человѣческія. Театръ ихъ столкновенія тотъ же организмъ; въ немъ, въ его измѣненіяхъ, отражается результатъ столкновенія. Оно продолжается всю жизнь человека, но самое дѣятельное время — дѣтство и отрочество. Въ эти періоды внѣшніе дѣтели могущественны, противоборствующимъ элементомъ является организмъ: 1) физически не установившійся, формирующійся, слѣдовательно, подлежащій очень легкимъ измѣненіямъ; 2) не принявшій еще вкоренившихся привычекъ, твердыхъ путей въ разрѣшеніи своихъ силъ отъ внѣшнихъ стимуловъ. Въ послѣдующіе годы внѣшніе дѣтели встрѣчаютъ уже сформировавшуюся матерію, установленные пути въ разрѣшеніи впечатлѣній; для измѣненій нужна борьба, потрясающая организмъ, неспособный къ большимъ передѣлкамъ, слѣдовательно, особенно тяжелая борьба, которую организмъ часто не въ состояніи вынести. Такъ замѣчено, что въ эпохи общественной жизни, когда борьба эта вызывается наиболее, напримѣръ, въ эпохи великихъ политическихъ потрясеній, число страдающихъ болѣзнями мозга и вообще нервными болѣзнями значительно увеличивается. Довольно интересный анализъ или, лучше, матеріалъ для анализа, въ этомъ смыслѣ представляетъ для дилеттантовъ повѣсть Тургенева «Фаустъ». Изъ этого видно, что воспитатель имѣетъ дѣло съ самою благодатною почвой, но имѣетъ съ тѣмъ, что задача его очень трудна, самая воспріимчивость почвы предписываетъ высшую степень осмотрительности. Для дополненія всей картины соприкасающихся силъ скажемъ еще, что въ самомъ воспитателѣ два элемента, онъ самъ является одновременно и сопоставителемъ органическихъ и внѣшнихъ дѣтелей, и однимъ изъ самыхъ сильныхъ внѣшнихъ вліяній. Это послѣднее свойство воспитателя крайне важно, оно обязываетъ его къ ежеминутному наблюденію надъ собою. По нашему

мнѣнію, которое покажется страннымъ съ перваго взгляда, но уяснится въ послѣдствіи, онъ въ педагогическомъ дѣлѣ долженъ отречься отъ своего я и употреблять личное вліяніе только въ томъ же смыслѣ, какъ и вліяніе другихъ дѣятелей. Во всякомъ случаѣ впредь мы будемъ смотрѣть только на его элементъ опытнаго и наблюдательнаго сопоставителя. Обратимся же теперь къ опредѣленію возникающихъ изъ этого положенія отношеній воспитанника къ воспитателю. Окруженный такимъ образомъ педагогъ, творчеству котораго открыта широкая дорога и даны богатые средства, онъ однако имѣетъ дѣло не съ матеріаломъ, изъ котораго можно лѣпить по произволу, а съ условіями, ограничивающими его волю, которыхъ обойти невозможно. Онъ походитъ на архитектора, которому для сооруженія зданія нельзя руководствоваться единственно законами высокаго творчества, а надо соображаться съ ограниченнымъ пространствомъ, съ матеріаломъ сооруженія, съ назначеннымъ капиталомъ, съ умѣньемъ и талантами художниковъ и рабочихъ, которыми онъ можетъ располагать, съ практическою цѣлью зданія. Передъ нимъ прямо два вопроса: 1) какъ воспользоваться организмомъ ребенка и 2) внѣшними вліяніями. Обыкновенно еще передъ этими вопросами ставятъ третій: въ пользу чего, куда должны быть направлены данныя силы? Вопросъ этотъ, стоящій внѣ педагогій, до сихъ поръ обуславливалъ ее, въ немъ именно искали основанія педагогической наукѣ, отъ него и родились всѣ теоріи образованія гражданина, и т. п. Въ слѣдующихъ бесѣдахъ увидимъ всю несообразность такого пути, которая впрочемъ отчасти объясняется уже первой бесѣдой.

Для рѣшенія этихъ вопросовъ уяснимъ себѣ предварительно нѣкоторые психологическія явленія. Наблюденія клонятъ къ убѣжденію, что ребенокъ рождается со способностями, подлежащими развитію или пригнетію. Организмъ имѣетъ извѣстную силу. Сила эта можетъ быть подраздѣлена на нѣсколько составныхъ силъ: сила мышленія, сила движенія и т. д. Каждая сила есть свойство извѣстныхъ органовъ. Сумму органическихъ условій мы называемъ темпераментомъ. Очевидно, темпераменты отдѣльныхъ лицъ одарены различною силой. Потому каждый изъ нихъ не можетъ выполнить равной задачи, способенъ только на извѣстную степень, на извѣстный характеръ дѣятельности. Потому степень органическихъ силъ, которою обладаетъ индивидуумъ, я называю его способностью (*sein Können*), подраздѣляемую на нѣсколько отдѣльныхъ способностей: способность мышленія, способность движенія, способность уподобленія (уподобленіе пищи составнымъ частямъ организма) и т. д. Способности эти слѣдовательно прямой продуктъ организма, организмъ же частью прирожденъ,

частью измѣняется послѣдующимъ развитіемъ. Такъ умственные способности зависятъ отъ количества, устройства и состава мозга. Мысль измѣняетъ составъ мозга, пища дѣйствуетъ на него, умственная дѣятельность увеличиваетъ его объемъ, всякое умственное разстройство отражается на составѣ мозга, слѣдовательно, самыя умственные способности могутъ быть увеличены или уменьшены. Точно такъ же подлежатъ измѣненію: составъ крови, раздражительность нервовъ и т. д., но все въ извѣстныхъ предѣлахъ, постановленныхъ организмомъ, развившимся до рожденія подѣ условіями, частью указанными въ предъидущей бесѣдѣ. При настоящемъ состояніи науки, трудно опредѣлить, что именно, до какой степени и какими средствами подлежитъ измѣненію, но многія указанія уже существуютъ, и дальнѣйшая разработка этой задачи должна занять физиологовъ, психологовъ и педагоговъ. Трудно даже составить списокъ отдѣльныхъ человѣческихъ силъ съ точнымъ обозначеніемъ органовъ, продуктомъ которыхъ являются эти силы, хотя многое начинаетъ опредѣляться довольно удовлетворительно. Органы имѣютъ свойство при дѣйствіи на нихъ стимуловъ обнаруживать свои способности. Эти обнаруженія, эти отправленія органовъ, составляютъ нашу дѣятельность, которая можетъ проявляться какъ внутри, такъ и внѣ насъ. Напримѣръ, способность уподобленія занята внутреннею дѣятельностью; способность мышленія черезъ посредство органовъ чувствованія и органовъ воли, дѣйствующихъ на соотвѣтственные мускулы, можетъ обнаружиться внѣшнею дѣятельностью. Стимулы, заставляющіе органы обнаруживать свои способности, въ данный моментъ полнаго хода жизни конечно двойны: одни принадлежатъ внѣшнему міру, другіе внутри челоѣка, но внутренніе стимулы очевидно играютъ только посредствующую роль. Такъ напримѣръ мысль, единственный стимулъ органовъ воли, сама есть продуктъ внѣшняго стимула, переданнаго ей органамъ нервными волокнами. Всѣ органы, а слѣдовательно и ихъ свойства, способности, очевидно находятся во взаимодействіи. Сказанное даетъ намъ предварительное понятіе о значеніи окружающаго міра въ воспитаніи; такъ же, какъ въ отдѣльныхъ проявленіяхъ способностей, онъ дѣйствуетъ (опять непосредственно, или съ помощью посредствующихъ органовъ) на самое развитіе органовъ, является слѣдовательно сило-образователемъ (*Könnensschöpfer*) или силоразрушителемъ. Изъ моей комнаты въ кухню проведенъ звонокъ, — я знаю разницу между механизмомъ и живыми органами, но на этотъ разъ сравненіе удовлетворительно, — изъ моей комнаты проведенъ звонокъ. Колокольчикъ имѣетъ способность издавать звукъ, проволока же, рогатка и шнурокъ составляютъ органы, способные приводить его въ дѣйствіе,

когда ихъ сотрясаетъ внѣшній стимулъ, моя рука. Очевидно, звукъ при равной силѣ стимула будетъ зависѣть отъ этихъ органовъ. Звонкій колокольчикъ издастъ слабый звукъ, если проволоки худо проведены и не могутъ сообщить ему сильнаго сотрясенія. Точно такъ же, какъ выгоднѣйшимъ образомъ проведенная проволока, при самомъ большомъ сотрясеніи, не можетъ вызвать сильнаго звука отъ худаго колокольчика. Это въ нѣкоторой степени картина дѣйствія отдѣльных стимуловъ, о которомъ шла рѣчь: органы, сообщая импульсы одинъ другому, производятъ дѣйствія, на которыя они способны, сообразно съ даннымъ стимуломъ. Но на колокольчикъ можно имѣть и другаго рода вліяніе: я, переливъ его, введу въ него болѣе серебра; я ежедневно буду мѣнять его звукъ, урѣзывая по частямъ его языкъ, я химически заставляю его ржавѣть: я сразу или постепеннымъ вліяніемъ измѣняю органъ, слѣдовательно и его способности. Мы уже выше упомянули объ этой возможности измѣнять способности и привели ей примѣры. Теперь прошу только обратить вниманіе на то, что вліянія эти опять истекаютъ изъ внѣшняго міра. Нѣкоторые органы дѣйствуютъ почти исключительно въ пользу этого вліянія, такъ напримѣръ органы уподобленія. Дѣйствіе силообразователей имѣетъ химическій или анатомическій характеръ. Они единовременны или постоянны; напримѣръ, молнія, разразившаяся около насъ, контузія отъ пролетѣвшаго ядра будутъ мгновенныя вліянія. Болѣе или менѣе постоянны: климатъ, пища, воздухъ, гимнастическія упражненія и проч. Врядъ ли нужно и говорить, что рядъ стимуловъ можетъ произвести такое же дѣйствіе, напримѣръ, постоянно хорошее или дурное обращеніе, счастливыя или безотрадныя обстоятельства (вліяющія на органы мышленія). Когда силообразователемъ является рядъ стимуловъ, организмъ получаетъ наклонности, привычки. Въ организмѣ устанавливаются постоянные пути разрѣшенія импульса, полученнаго отъ стимула. Такъ можно приучить себя при извѣстныхъ случаяхъ дѣлать извѣстныя движенія, установивъ путь между органомъ мысли, воли и тѣмъ или другимъ мускуломъ; можно приучить мысль къ извѣстнымъ рѣшеніямъ и т. д.

Такой организмъ имѣлъ бы совершенно видъ механико-химическаго аппарата, способнаго къ модификаціямъ, не будь между его органами — органа мысли, съ зависящими отъ него органами воли и чувства. Въ нихъ наше различіе отъ аппаратовъ; отъ того мы свой механизмъ и называемъ сознательно-живымъ, отъ того мы и можемъ въ извѣстной мѣрѣ не подчиняться внѣшнему міру, иногда умыленно дѣйствовать на него. Органы мысли стоятъ непремѣннымъ, неизбѣжнымъ посредникомъ между внѣшними стимулами и нѣ-

которыми другими органами (напр. органами воли). Мозгъ способенъ разрѣшить импульсъ такъ или иначе. Но не будемъ увлекаться этой блестящей способностью. Она только съ перваго вида является до такой степени свободной, могущественной, самобытной. Внѣшніе дѣтели въ отношеніи къ ней похожи на подсудимаго, который самъ избралъ судью и самъ подготовилъ всѣ данныя для суда. Она въ сущности подвержена тѣмъ же законамъ, какъ и другія. Рядъ стимуловъ произвелъ въ ней наклонности. «Человѣкъ, котораго тотчасъ по рожденіи удалили бы совершенно отъ общества людей, едва ли имѣлъ бы ясное проявленіе человѣческаго разума; а окруженный, при тѣхъ же условіяхъ, «одними животными, онъ непременно усвоилъ бы себѣ всѣ ихъ привычки, разумѣется на столько, на сколько это позволяетъ человѣчская организація». Обладая способностью памяти, мозгъ дѣйствуетъ въ области, созданной внѣшнимъ міромъ. «Что человѣкъ не изъ себя «развиваетъ понятія, а получаетъ ихъ изъ внѣшняго міра, это несомнѣнно доказывается множествомъ наблюденій надъ людьми, находившимися въ какихъ нибудь особенныхъ положеніяхъ. Такъ, на- «примѣръ, слѣпорожденные не имѣютъ никакого представленія о «свѣтѣ и цвѣтахъ; глухіе отъ рожденія не могутъ составить себѣ по- «нятія о музыкѣ. Люди, выросшіе въ лѣсахъ, въ обществѣ живот- «ныхъ, безъ соприкосновенія съ людьми, отличаются дикостью и не- «развитостью понятій. Иногда эта неразвитость доходитъ почти до «совершеннаго отсутствія всякихъ признаковъ разумности, какъ, на- «примѣръ, у извѣстнаго Каспара Гаузера, — «этой неудачной попыт- «ки на разумное существованіе», по выраженію одного нѣмецкаго «писателя». Такъ образуются наклонности мозга, точно такъ же дѣй- ствуютъ на него прочіе силообразователи, точно такъ же онъ подвер- женъ взаимодѣйствию органовъ, точно также, проявляясь силою дру- гихъ органовъ, онъ подвергаетъ эти проявленія ихъ совершенству, на- примѣръ, большая или меньшая раздражительность нервовъ сер- ца можетъ вызвать болѣе или менѣе чувства; импульсъ, сообщенный мыслью органамъ воли, можетъ произвести болѣе или менѣе энерги- ческое движеніе, смотря по способностямъ воли и движенія. Но какъ мозгъ ни ограниченъ въ своей дѣятельности, какъ онъ ни подчиненъ въ особенности внѣшнему міру, въ немъ сравнительно наибольшая свобода, онъ одинъ сохраняетъ сознательныя впечатлѣнія прошлаго, вообще одинъ дѣйствуетъ сознательно, онъ является двигателемъ на- шихъ внѣшнихъ разумныхъ проявленій, потому онъ преимуществен- но и долженъ занять педагогію, потому ему исключительно и будетъ посвящена слѣдующая бесѣда. Если, на- примѣръ, мускулы и имѣютъ нѣкоторую отдѣльную мускульную сознательность, неразумныя про-

явленія ихъ такъ незначительны, что въ этомъ бѣгломъ очеркѣ мы ими заниматься не станемъ. Бесѣда эта была уже написана, когда мнѣ попалась книга доктора Бока «О здоровомъ и больномъ человѣкѣ», затѣмъ и рецензія на нее Добролюбова. Прочитавъ и то и другое, также книжку Шнелля, упомянутую въ этой рецензіи (сочиненія Добролюбова, т. II), я значительно сократилъ всю свою бесѣду и предлагаю читателю самому познакомиться съ приведенными сочиненіями. Все же сохраненное здѣсь я счелъ не бесполезнымъ и рядомъ съ этими книгами. Сдѣлавъ еще нѣсколько заключеній объ отношеніи воспитателя къ организму воспитанника, перейду къ вопросу о внѣшнихъ дѣтеляхъ.

Работа надъ организмомъ должна соответствовать мысли о сохраненіи и укрѣпленіи прирожденныхъ силъ, т. е. помня прирожденные условія, воспитатель долженъ строго согласоваться съ ними и развивать ребенка именно въ направленіи, указанномъ первоначальнымъ темпераментомъ. Такимъ образомъ совершенно исключается воспитаніе по идеалу. До сихъ поръ еще большая часть родителей и присяжныхъ педагоговъ, составивъ себѣ а priori идеалъ совершенства, стремятся достичь его въ воспитываемомъ субъектѣ. Если родитель не любитъ веселыхъ, бойкихъ характеровъ, онъ будетъ останавливать ребенка съ цѣлью укротить, смирить его, думая, что такимъ образомъ достигнетъ цѣли. Нѣтъ ничего болѣе ложнаго, нѣтъ ничего губительнѣе этой системы. Она противорѣчитъ и природѣ воспитанника и общечеловѣческой идеѣ. Ея противорѣчіе природѣ ясно изъ предыдущаго. Для человѣчества же было бы истиннымъ горемъ, если бы всѣ люди обладали однимъ и тѣмъ же темпераментомъ. Тогда ни одинъ вопросъ, ни одна задача не были бы хорошо разработаны. Нужно людей съ энергической инициативой, но они обыкновенно не умѣютъ справиться съ подробностями, нужны быстрые, рѣшительные, иногда медлительные, осмотрительные характеры, и т. д. Великая задача воспитателя прежде всего и состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить темпераментъ субъекта, его прирожденные способности и развивать ихъ затѣмъ въ сообразности. Нельзя безнаказанно ломать человѣческую натуру по упрямому произволу. Во первыхъ, почти утвердительно можно сказать, что предположенная цѣль не будетъ достигнута; во вторыхъ, изъ ребенка не только выйдетъ безхарактерное, неопредѣленное существо, иногда въ постыдной жизни тратящее невольныя проявленія лучшихъ силъ, но еще часто, очень часто организмъ не будетъ въ состояніи перенести этой переработки. Самыя трудныя болѣзни могутъ быть послѣдствіемъ такой системы, между прочимъ тяжелое моральное впечатлѣніе недовольства жизнью, ипохондрія, бо-

лѣзни мозга и пр. и пр. Послѣдствія эти ясны: вы постоянно отказываете натурѣ въ ея требованіяхъ и утомляете ее несвойственной дѣятельностью. Родители довольно откровенно признаются, что къ такому поведенію побуждаетъ ихъ самолюбіе, только самолюбіе это они называютъ любовью къ дѣтямъ... жалкое чувство, доказывающее и совершенное непониманіе любви, и крайнюю превратность общественныхъ понятій, которая впрочемъ легко объясняется господствующими предубѣжденіями. Напр. матери тяжело видѣть въ своемъ сынѣ скромнаго, добросовѣстнаго, но оставленнаго безъ всякаго вниманія и симпатіи труженика, если рядомъ она слышитъ, какъ его сверстникъ хоть бы какимъ нибудь блестящимъ подвигомъ заслужилъ общее удивленіе. Міръ до сихъ поръ проникнутъ глубокимъ уваженіемъ къ людямъ, такъ хорошо обозначаемымъ французскимъ словомъ «les tarageurs». Только при извѣстной степени развитія, мать съ внутреннимъ довольствомъ вспомнить подвиги сына въ борьбѣ съ нуждою, съ обществомъ, со зломъ во всѣхъ его видахъ, съ самимъ собою, мало ли съ чѣмъ! — подвиги, которые онъ свершилъ не замѣчая, изъ скромнаго сознанія долга, по внутренней, неотвратимой потребности... и любовь конечно скажетъ ей, что этого тихаго, чистаго счастья не слѣдуетъ нарушать ни сожалѣніемъ, ни похвалою. Но увы — еще эти матери рѣдки. А ребенокъ? бѣдное созданье, какъ глубоко шевелятъ въ немъ лучшія струны, воспѣвая Александра Македонскаго, Наполеона и другихъ героевъ, читаютъ ему цѣлую исторію непрерывныхъ войнъ, величаютъ правителей, могучею рукою держащихъ цѣлыя страны; его развивающаяся сила естественно сочувствуетъ силѣ, не разсуждая ни о томъ, гдѣ ея источникъ, — въ положеніи или въ самыхъ убѣжденіяхъ, въ характерѣ лица, — ни о примѣненіи этой силы; ему даже нравится Вильгельмъ Оранскій, передъ заключеніемъ Нимвегенскаго мира дающій ненужное сраженіе. Усѣявъ поле трупами, онъ разсуждалъ: «при заключеніи мира войска не будутъ нужны, слѣдовательно отчего не дать сраженія, даже въ ожиданіи значительныхъ потерь!...» *L'individu est une chose de l'état...* А кто нибудь разъяснялъ ли дѣтямъ всю силу и величіе Галилея, Овена, Песталоцци, Фравклина? Почтенный труженикъ, долгими изысканіями собравшій драгоцѣнный матеріалъ для науки, «копотливый кротъ», возбуждаетъ въ нихъ смѣхъ, чуть ли не презрѣніе! Объ уваженіи къ физическому труду нечего и говорить. Общее направленіе общества объясняетъ такое поведеніе воспитателей, но непростительно продолжать беззаботное шествіе тѣмъ же путемъ. Повторяю, ничего нѣтъ губительнѣе такого насилуванія природы, ничего нѣтъ менѣе логическаго, болѣе бессмысленнаго, противнаго природѣ и со-

вѣсти. На заблаговременное назначеніе карьеры часто нападали, но оно нисколько не предосудительнѣе насильованія естественныхъ способностей человѣка. Спокойныя осмотрительныя умы такъ же нужны, какъ быстро творящія натуры, аналитическій разумъ такъ же, какъ синтетическій и т. д. «Jeder ist in seinem gross», сказалъ кто-то... всякому честному дѣятелю — слава.

Не менѣе такого насильованія общаго характера, общаго темперамента ребенка вредно несоразмѣрное напряженіе его отдѣльныхъ способностей. Какъ человѣкъ не можетъ поднять болѣе извѣстной тяжести, такъ и не всякая мысль, не каждое впечатлѣніе ему по силамъ. Какъ мускульная ткань, такъ и желудокъ, и мозгъ имѣютъ мѣру силы, только извѣстную способность, примѣненіе которой должно идти въ строгой параллели съ ея развитіемъ. При противномъ веденіи воспитанія опять можно быть увѣреннымъ, во первыхъ, въ достиженіи результата, совершенно противнаго искомому; во вторыхъ, въ разстройствѣ организма несвойственной работой. И то и другое довольно ясно безъ дальнѣйшихъ поясненій, точному же изслѣдованію здѣсь не мѣсто: читатель вѣроятно уже замѣтилъ, что мы этими бесѣдами едва очерчиваемъ планъ дѣйствія педагогической науки и практики, иначе придется сейчасъ же писать цѣлые томы. Съ другой стороны, и недостаточное упражненіе способностей очевидно вредно, потому что неупражняемая способность скоро притупляется. Это бездѣйствіе поражаетъ даже болѣзненное состояніе. Спросите у человѣка, привыкшаго къ физическому труду, какъ онъ страдаетъ отъ недостатка въ движеніи, какъ мыслящему человѣку тяжело воздержаніе отъ мысли. Попробуйте остановить созерцаніемъ природы, музыкой, чѣмъ бы то ни было возбужденное воображеніе. Для этого нужно извѣстное усиліе, успѣхъ котораго оставляетъ за собою ощущеніе какой-то пустоты. Это частный случай неудовлетвореннаго возбужденія. Точно та же способность, уже приученная возбуждаться извѣстными стимулами, возбуждается ими безъ нашего сознанія, и возбужденіе это требуетъ разрѣшенія. Мысли по привычкѣ возникаютъ, отдаляйте ихъ каждый разъ, стараясь заняться дѣятельностью другихъ органовъ. Мозгъ, не находящій въ заботѣ объ этой дѣятельности достаточнаго упражненія, мало по малу слабѣетъ. При изслѣдованіи нѣкоторыхъ вопросовъ фізіологій, явленіе это отчасти разсмотрѣно, вообще же на него обращено покуда слишкомъ мало вниманія.

При всемъ этомъ неизбѣжно требованіе отъ педагога нѣкоторой привычки къ категорическому мышленію, чтобы онъ могъ при явленіяхъ организма открыть ихъ источникъ, добратся до опредѣленія стимуловъ, вызвавшихъ дѣйствіе. Только подъ этимъ условіемъ

возможно для него наблюдение образующихся наклонностей. Во первыхъ, слѣдуетъ проникнуться мыслью, что способности всегда могутъ дать добрый результатъ, слѣдуетъ строго различать ихъ отъ полученныхъ наклонностей. Къ сожалѣнію, современной психологіи еще трудно составить списокъ основныхъ характеровъ, такъ какъ вопросъ о темпераментахъ еще очень плохо разработанъ. Но примѣръ лучше пояснить дѣло. Положимъ, способности индивидуума обуславливаютъ энергію, дана энергическая натура; уже внѣшнія силы опредѣлятъ, что изъ нея выйдетъ: безтолковое противодѣйствіе, бессмысленное упрямство, или разумная настойчивость. Точно также внѣшніе дѣятели опредѣлятъ, какъ разрѣшатся образовавшіяся наклонности. Возьмемъ два субъекта: оба поняли прелести извѣстнаго комфорта и наклонны къ нему, но одинъ изъ нихъ имѣетъ развитыя понятія о честности, о правахъ и обязанностяхъ и т. д., другой же ихъ не имѣетъ. Первый достигаетъ комфорта трудомъ, второй съ тою же цѣлью дѣлается плутомъ. Или же вообразимъ себѣ, что оба равно неразвиты и равно поняли прелести комфорта, но одинъ имѣетъ ихъ, другой же лишенъ даже необходимаго. Послѣдній дѣлается плутомъ, первый же спасается отъ такого грустнаго проявленія своей неразвитости,

За тѣмъ, что у него наслѣдственное есть.

Неразвитость онъ проявитъ за то въ другихъ сферахъ, на примѣръ, въ своихъ отношеніяхъ къ женщинѣ и т. д. Изъ этого можно вывести нѣсколько правоученій, но мы воздержимся отъ морали, и сдѣлаемъ только слѣдующее заключеніе: если индивидуумъ не имѣетъ положительно аномальныхъ органическихъ недостатковъ, уродствъ, внѣшнія силы виноваты въ худомъ направленіи. Говорятъ: ребенокъ по натурѣ неоткровененъ, упрямъ... совершенная ложь, развѣ ребенокъ боленъ, напр., если съ большой раздражительностью нервовъ, съ сангвиническими органами, онъ родится съ крайне малымъ количествомъ мозга. Тогда воспитатель не имѣетъ направителя энергіи. Идіоты часто бываютъ необыкновенно упрямы (идіоты-сангвиники). Но эти явленія аномальны, это исключенія, которыми теперь заниматься не мѣсто. Мы уже приглашали сообразоваться съ природными силами; онѣ нѣсколько обуславливаютъ характеръ дѣятельности субъекта, но изъ всякаго здороваго индивидуума можетъ выйти полезный членъ общества. Чтобы воспитатель сдѣлалъ въ этомъ случаѣ все отъ него зависящее, необходимо категорическое мышленіе. Видя, какъ въ нѣкоторыхъ школахъ учитель цѣлые часы проводитъ съ учениками, ста-

раюсь преимущественно посредствомъ нагляднаго обученія довести ихъ до полнаго усвоенія понятій о предметѣ и его свойствахъ, о причинѣ и послѣдствіяхъ, о правилѣ, объ исключеніи, объ общемъ и частномъ явленіи, о принципѣ и фактѣ и т. д., видя эти старанія, родители часто удивляются, даже негодуютъ на «напрасную трату времени». Между тѣмъ, трудно употребить время ребенка съ большею пользою. До сихъ поръ цѣлыя общества не понимаютъ собственной жизни единственно по неумѣнію отличить принципа отъ фактовъ. Въ ясности этихъ понятій заключается вся аналитическая часть мышленія, при синтезѣ она составляетъ непремѣнное условіе логическаго сочетанія. Видя вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мышленіе мало развито въ массѣ, мы прямо приходимъ къ убѣжденію, что дѣло не такъ просто и легко, какъ оно кажется съ перваго взгляда.

Врядъ ли теперь придется повторять, что не изучивъ науки о жизни, не зная физиологій, вы не можете сдѣлать ни шагу. Вы не можете знать, ни на что дѣйствовать, ни чѣмъ дѣйствовать, не поймете самыхъ результатовъ собственной дѣятельности. Вообразите себѣ человека, отъ роду не выдавашаго, не слыхавшаго никакого музыкальнаго инструмента, приведите его къ фортепьяно и попросите извлечь гармоническіе звуки. Во первыхъ, онъ не будетъ знать, кто виноватъ въ раздражающихъ диссонансахъ, самъ онъ, или инструментъ, онъ можетъ быть, приметъ фортепьяно за машину, отъ которой невозможно добиться пріятныхъ звукосочетаній, пока не узнаетъ или не найдетъ нѣсколькихъ законовъ, которые выведутъ его изъ заблужденія. Горькая разница только въ томъ, что фальшиво взятая нота не оставляетъ слѣда въ инструментѣ, а въ живомъ организмѣ слѣдъ неизбѣженъ. Этотъ бѣдный аппаратъ, для существованія котораго нужно тысячу виѣшнихъ вліяній, весь зависитъ отъ нихъ, они располагаютъ имъ почти произвольно; что сравнительно значать его прирожденные требованія?... Требованія? Смѣшное слово для ребенка, который не имѣетъ возможности поддержать своихъ правъ... Изъ этихъ прирожденных силъ сдѣлаютъ, что угодно: убьютъ, разовьютъ ихъ, разовьютъ въ ту или другую сторону. Если извѣстнаго характера организмъ рѣшительно принять не въ состояніи, изъ него сдѣлаютъ ни то, ни сѣ, не то, что хотѣли, не то, что онъ хотѣлъ, какую-то неопредѣленную бессмыслицу, уродство. «Организмъ въ вашихъ рукахъ — творите! Вотъ вамъ и вспомогательное средство — наука, воспользуйтесь всѣмъ, что сдѣлано ею, дополните, что можете. Подъ ея руководствомъ берите изъ міра все, что вамъ нужно — творите!»... Когда въ первый разъ, держа на коѣняхъ горячо любимаго ребенка, я сказалъ себѣ эти слова, у меня сердце сжалось,

захватило дыханіе... крѣпко прижавъ къ груди блѣдное созданье, я невольно заплакалъ: дитя, дитя, если бы я могъ доставить тебѣ все, что тебѣ такъ необходимо... Блѣдно было его лицо, надо бы ему подышать чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, — а жили мы въ смрадной улицѣ, въ тѣсныхъ комнатахъ... Пустилъ бы я его побѣгать хоть и по нашей-то улицѣ, да, того и гляди, задавятъ... присмотрѣть за нимъ не кому, мнѣ надо работать, работать... Нѣтъ, читатель, не въ силахъ я пересказывать всю эту повѣсть; только не даромъ мнѣ плакалось!...

А. СЛѢПЦОВЪ.

ТРИ ПОКОЛѢНІЯ.

ПОВѢСТЬ.

Часть вторая.

I.

Пятьдесятъ три года тому назадъ, то есть въ 1810 году, въ ясный февральскій вечеръ, по Литейному проспекту торопливо шла молодая женщина въ старенькомъ мѣховомъ салопѣ и черномъ платкѣ на головѣ. За нею шелъ молодой человѣкъ въ военной шинели съ бобровымъ воротникомъ и уланской шапкѣ.

— Душенька, сказалъ онъ путницѣ, чуть ли не въ двадцатый разъ: — отчего же ты не хочешь сказать мнѣ, куда ты идешь?

Вмѣсто отвѣта, она перебѣжала на другую сторону улицы, уланъ за нею.

— Ты вѣрно нѣмая? продолжалъ онъ, заглядывая ей въ лицо. Путница молча повернула въ Сергіевскую.

— И мнѣ сюда же нужно! продолжалъ уланъ. — Клянусь честью! Ты знаешь домъ Голубцова?

При этомъ имени путница остановилась и произнесла задыхаясь:

— Господинъ офицеръ, скажите ради Бога, что вамъ отъ меня угодно? Оставьте меня.

— Не могу душенька, я упрямъ какъ бѣсъ, особенно съ хорошенькими. Можно зайти къ тебѣ, или ты ко мнѣ поѣдешь чай пить? Ты въ услуженіи?

Бѣдная женщина пустилась бѣжать безъ оглядки и, поровнявшись съ высокимъ, трехъэтажнымъ домомъ, исчезла въ воротахъ.

— Кой чортъ! произнесъ юноша осматриваясь: — да неужли она живетъ въ этомъ же самомъ домѣ, гдѣ и мой почтеннѣйшій папа? славно! Надобно спросить дворника.

Офицеръ вошелъ во дворъ и громко кликнулъ хранителя дома Голубцовыхъ. Послѣ пятого призыва, дверь въ подвалѣ широко распахнулась, и въ клубахъ пару явилась, почесываясь, бородка въ нагольномъ тулупѣ.

— Ты дворникъ? сказалъ офицеръ.

— Дворникъ, ваше благородіе.

— Какъ тебя зовутъ?

— Гаврилой, батюшка.

— Скажи же мнѣ, Гаврило, не живетъ ли здѣсь въ домѣ хорошенькая брюнетка, то есть черноглазенькая бабенка, лѣтъ двадцати? Одѣвается въ черный салопъ съ бѣличьимъ воротникомъ и на головѣ носитъ черный платокъ.

— Какая жь такая, въ бѣличьемъ салопѣ и черномъ платкѣ? проворчалъ дворникъ, окидывая глазами окна всѣхъ этажей, выходившія во дворъ. — Не знаю, такой у насъ, кажись, что и нѣтъ. У чиновника Петрова, точно, есть горничная Наташка, черноглазая, черноволосая, къ ней по праздникамъ двоюродный братъ Павловскаго полка ходитъ... Только у той бѣличьяго салона нѣтъ, а синяя кацавейка. У вѣмца Фишеля кухарка есть, да та чухонка бѣлобрысая; у Щавелевыхъ нешто? Да нѣтъ; у Щавелевыхъ въ прислугѣ однѣ старухи, барыня-то, ишь ты, молодыхъ служанокъ брать боятся, баринъ-то шаловливъ больно. Служила у нихъ лѣтомъ кормилица, такъ и ту барыня прогнала... У генерала Кедровскаго одинъ лакей...

— Этого я знаю, перебилъ уланъ: — генералъ Кедровскій мой отецъ.

— Ахъ, ваше благородіе, вскричалъ дворникъ, низехонько кланяясь: — виноватъ, не призналъ вашу милость. Тятенька-то вашъ въ нашемъ домѣ всего третью недѣлю проживаетъ.

— Да не въ этомъ дѣло. Неужто въ вашемъ домѣ кромѣ Наташки и женщинъ нѣтъ?

Въ эту минуту мимо ихъ промелькнула путница, на этотъ разъ въ одномъ платьѣ и платкѣ на головѣ. Сынъ Кедроливанскаго тотчасъ узналъ ее.

— Вотъ, вотъ она! вскричалъ уланъ, невольно бросаясь вслѣдъ за нею за ворота. Но незнакомки уже и слѣдъ простылъ; вѣроятно она забѣжала въ сосѣднюю лавочку.

— Такъ вотъ кого вамъ надобно! радостно сказалъ дворникъ.

— А я-то ломаю голову... Таперича знаю, ваше благородіе.

— Ну, кто же она?

— Купецкая дочка, Надежда Онисимовна Слѣпнева, съ Ба-
лахны.

— Чѣмъ же она занимается?

— Извѣстно, чѣмъ: прачка, бѣлье стираетъ, а то и питье беретъ. Эфтимъ съ дочкой и кормится.

— Съ дочкой? Да вѣдь она, ты говоришь, дѣвица?

— Дѣвица, наивно отозвался дворникъ:—а дочкѣ четвертой годовокъ, умница такая, и Таней зовутъ.

— Ну, еще молода. Миѣ бы къ мамашѣ-то подбиться хотѣлось. Можно?

— Можно-то можно, ваше благородіе, только трудноовато.

— Ну, а ты будешь помогать миѣ?

— Съ нашимъ удовольствіемъ.

— Смотри же, Гаврило, лицомъ въ грязь не ударь; вотъ тебѣ полтинникъ въ задатокъ. Сперва ты умасли квартирную хозяйку да перемани на нашу сторону.

— Переманю, ваше благородіе.

— Отецъ дома, не знаешь?

— Дома, дома-съ. Недавно я къ нимъ на кухню заходилъ, такъ самоваръ ставили. Надо быть, таперича они чай кушаютъ.

«Послѣ нѣжныхъ приключеній, думалъ Кедроливанскій, поднимаясь во второй этажъ: — послушаемъ нравственныхъ наставленій милаго папаша!»

И онъ позвонилъ у дверей, на которыхъ ярко сіяла мѣдная доска съ надписью: дѣйствительный статскій совѣтникъ Θεопемпъ Платоновъ Кедроливанскій.

II.

На чердакъ дома Голубцова, происходила слѣдующая сцена. Въ бѣдной своей каморкѣ, отгороженной отъ комнаты хозяйки бумажными ширмами, за столомъ, при слабомъ мерцаніи салнаго огарка, сидѣла Надежда Слѣпнева и чинила какое-то тряпье. Противъ нея помѣстилась четырехлѣтняя Таня, а справа хозяйка, Кондратьиха.

— Ну-съ, Надежда Онисимовна, такъ онъ васъ, мою голу-бушку, отъ самой Казанской и сопровождалъ?

— Отъ самой Казанской, отвѣчала Слѣпнева, проворно работая иглой.— Довелъ до дому, съ дворникомъ Гаврилой долго разговаривалъ.

— Синяя уланская шапка?

— Кажется; да я впрочемъ не разглядѣла.

— Бѣлокурый, рыжеватые усики?

— Да, Алена Кондратьевна.

— Ну, это безпремѣнно генерала Кедроливанскаго сынъ. Я его раза два встрѣчала около нашего дома.

При имени Кедроливанскаго, Надежда замѣтно поблѣднѣла, и двѣ крупныя слезы капнули съ ея длинныхъ рѣсницъ на шитье. Чтобы скрыть волненіе, Слѣпнева ниже наклонила голову и чаще принялась шить; но отъ внимательной хозяйки ничего не укрылось.

— Надежда Онисимовна, произнесла она: — да отчего это, матушка, вы про Кедроливанскаго безъ слезъ и слышать не можете? Который разъ замѣчаю, какъ про него скажу, вы и заплачете?

— Такъ, Алена Кондратьевна, отвѣчала Слѣпнева, отирая глаза своимъ шитьемъ.

— Какое же такъ? Совсѣмъ не такъ; тутъ, маточка моя, тайность какая нибудь.

— Никакой нѣтъ тайности, Алена Кондратьевна; это имя напоминаетъ мнѣ очень многое, вотъ все, что я могу сказать вамъ. Оставимъ лучше этотъ разговоръ. Были вы у Сыромятниковыхъ?

— Да какъ же было уйдти, если вы уходили сами; на кого же Таню было оставить? Они прислать хотѣли.

— Да, я и позабыла. Только неужели, Алена Кондратьевна, они мнѣ на домъ работы не довѣрятъ?

— Наврядъ, Надежда Онисимовна. Да посудите сами, кто же незнакомой швейкѣ довѣритъ на домъ приданое шить? Этого не водится. Да отчего вы у нихъ, на мѣстѣ, работать не хотите? Шестъ гривенъ въ сутки, кофей два раза въ день, обѣдъ и ужинъ съ хозяйскаго стола; чего лучше!

— Все прекрасно, а какъ же мнѣ Таню оставить?

— И, матушка, на моихъ рукахъ будетъ цѣла, слава Богу, своихъ пятерыхъ вынянчила. Танюша, любишь меня?

Ребенокъ взглянулъ на старуху, потомъ на мать и потупился.

— Таничка, сказала Слѣпнева, взявъ дочь на руки:—скажи же, мой ангелъ, любишь бабушку?

— Нѣтъ, пролепеталъ ребенокъ, она дерется!

— Алена Кондратьевна? съ грустнымъ упрекомъ въ голосѣ спросила Надежда.

— Ахъ ты лгунья! вскричала квартирная хозяйка краснѣя:— да не стыдно ли тебѣ это говорить; когда я тебя била?

При этомъ грозномъ вопросѣ, Таня прижалась къ матери и тихо заплакала.

— Нѣтъ, ты скажи, когда я тебя била? продолжала допрашивать Кондратьевна.—Вы ей не вѣрьте, Надежда Онисимовна, она лгунья маленькая. Это, что вы у нея на плечикѣ синячокъ видѣли, она сама ушиблась объ стулъ.

— Я знаю, уныло отвѣчала Слѣпнева.

— Прошу покорно, что выдумываетъ! разворчалась старуха.— Стану я младенца бить? Нешто она мое дитя, что ли! Правду люди говорятъ, что дѣти наказаніе Божеское; вотъ и ваша Танюша, только васъ огорчаетъ да по рукамъ, по ногамъ вяжетъ, ужъ хоть бы ее Господь прибралъ поскорѣй!

— Грѣхъ вамъ это говорить! вскрикнула Слѣпнева съ ужасомъ.

— Любя же васъ, я говорю! отвѣчала старуха. Ребенокъ хорошъ, когда его есть чѣмъ кормить, когда онъ отцу либо матери помогаетъ, а безъ того это бремя одно. Не будь у васъ вашей Тани, вы бы спокойнѣе и дѣломъ занимались, а то и мѣсто хорошее достали бы.

— Хорошо, хорошо, Алена Кондратьевна, Таня мнѣ не мѣшаетъ. Таничка, продолжала она цалуя руки дочери:— что же это у тебя ручки, какъ льдушки, холодныя?

— Миѣ холодно, мама! отвѣчала дитя, ёжась и подергивая плечиками.

— Алена Кондратьевна, можно печку немножко протопить?

— На ночь-то глядя? Нонѣ у насъ, Надежда Онисимовна, шестнадцатое число, а дрова-то ужъ на исходѣ, и такъ по два раза въ день топимъ. Вы сами знаете, я человѣкъ бѣдный, уголокъ вамъ даю по семи съ полтиной, на эти деньги не растопишься. Таня спать хочетъ, вотъ ее ознобъ и пробираетъ.

— Но и у меня руки зябнутъ, пальцы закостенѣли...

— А вы надъ свѣчкой погрѣйте, ангелочикъ.

Надежда молча завернула Таню въ свой салонъ, уложила на постель и снова принялась за шитье, проводя по временамъ рукою надъ пламенемъ свѣчи, по разумному совѣту хозяйки. Эта покорность какъ будто тронула старуху.

— Аль протопить? спросила она нерѣшительно.

— Нѣтъ, благодарю васъ, не надобно! кротко отвѣчала Надежда.

Квартирная хозяйка опять къ ней подсѣла,

— Второй мѣсяцъ вы у меня живете, начала она въ полголоса:—а вѣрите, я къ вамъ какъ къ родной привыкла. Я знаю, матушка, что значить сиротское-то житъе; сама пятнадцатый годъ какъ рыба объ ледъ быюсь. Но еще мое дѣло, въ сравненіи съ вашимъ, не въ примѣръ лучше: человѣкъ я уже привычный—это разъ, а два — одна какъ перстъ; а у васъ-то, моя голубушка, и робенокъ-то, и сами-то вы еще такія молоденькія, хорошенькія: родились въ холѣ, воспитанія деликатнаго... Вамъ-то какво горе да нужду терпѣть?

— Благодарю васъ за участіе! овѣчала Слѣпнева, продолжая работать.

— Я правду говорю, что вамъ безъ Танюши не въ примѣръ лучше будетъ. Она у васъ въ Балахиѣ родилась?

— Въ Балахиѣ! произнесла Слѣпнева съ такимъ вздохомъ, будто это слово жгло ей горло.

— Да; вотъ то-то и горе, а будь оно въ столицѣ, снесла въ воспитательный, и дѣло съ концомъ. Ну, а скажите, отецъ-то Тани живъ?

— Умеръ ея отецъ, Алена Кондратьевна, вы объ этомъ ты-тячу разъ меня спрашивали.

— Да вы-то всегда неохотно объ этомъ говорите.

— Потому что разговоръ этотъ мнѣ несносенъ. Говорите о чемъ угодно, только не объ этомъ.

— Ну, ну, хорошо. Вотъ я и думаю, еслибъ у васъ да не было вашей Тани....

— Алена Кондратьевна, скажите Бога ради, мѣшаетъ вамъ мой ребенокъ!

— Вамъ-то онъ мѣшаетъ, моя маточка. Не будь ея...

— Что-же было бы? живо спросила Слѣпнева, оставляя работу и пристально смотря на хозяйку.

— Жили бы вы барыней у васъ въ Питерѣ, я вамъ прямо скажу, стиркой да шитьемъ наживеишь не много, а если далъ Господь пригожую физаномію, да еще молода — знай, наживай деньгу инымъ манеромъ.

— Какимъ же это?

— Вы не осердитесь!

— Зачѣмъ сердиться, говорите.

— Вотъ, примѣрно, сегодня къ вамъ Кедроливанскаго сынъ на улицѣ пристаѣлъ; вы отмачивались, держали себя скромно, какъ должно. Это похвально, спору нѣтъ, только честь да гордость хороши у мѣста. Будь у васъ десятокъ рублей въ карманѣ да дома сотня, тогда, разумѣется, Богъ съ нимъ, съ уланомъ... Но, маточка, когда въ карманѣ гривенничекъ, а дома дочь голодная, тогда иначе поступаютъ на вашемъ мѣстѣ.

— Что же дѣлаютъ?

— Опять говорю — не сердитесь. Онъ звалъ васъ къ себѣ чай пить — вы бы и пошли, онъ вамъ за поцалуи красненькую предлагалъ, вы бы взяли. Въ ваши годы женщины этимъ хлѣбъ достаютъ, а не шитьемъ несчастнымъ! Только, вы душечка, не сердитесь, право, ей Богу, я отъ чистаго сердца говорю.

Во время этого монолога, свѣча догорѣла и запылала бумага, которой она была обернута для вставки въ подсвѣчникъ.

— Вы кончили? спросила спокойно Слѣпнева, складывая свою работу. — Вы все сказали?

— Все; вы не сердитесь?

— Нѣтъ, но прошу же и васъ, въ свою очередь, меня послушать. Я—грѣшница, вы это знаете; Таня дитя незаконное, безъ отца, безъ добраго имени — потому что мое имя опозорено и обезчещено... Я грѣшница. Но не людямъ, а Богу судить меня, Богу одному — дамъ я отвѣтъ въ грѣхѣ моемъ въ день судный. Когда я пала, на меня поднялись вопли, проклятія, обиды ото-

всюду, они принудили меня бѣжать изъ роднаго города, бѣжать отыскивать отца моей дочери—потому что тайный голосъ, не смотря на свидѣтельство о его смерти, шепталъ мнѣ, что онъ живъ!.. Все состояніе мое отдала я за свободу человѣка, котораго избрало мое сердце; но этого ему было мало — я пожертвовала собой, своею честью... Добрая Алена Кондратьевна, рыдая воскликнула Слѣпнева: — онъ могъ разжиться съ денегъ моихъ, но укравъ у меня честь, не сдѣлался — да и во вѣки не сдѣлается честнымъ человѣкомъ — а я, опозоренная, обиженная, надѣюсь умереть безъ новаго пятна на совѣсти.

«Жиличка съ придурью!» подумала Кондратьевна, тихо удаляясь въ свой уголъ.

Когда все утихло въ бѣдной каморкѣ на чердакѣ, свѣча погасла и полная луна засеребрилась на узорахъ, вычеканенныхъ морозомъ на оконницѣ, Надежда тихо склонилась на колѣни.

Двумя этажами ниже, въ это время, молился старикъ, передъ кіотомъ, наполненнымъ иконами въ драгоценныхъ окладахъ, и лучъ лампы такъ ярко озарялъ золотыя ризы, такой ослѣпительной радугой преломлялся въ алмазахъ, рубинахъ и изумрудахъ...

А знаете ли, о чемъ думалъ старикъ во время своей усердной молитвы?

«Вѣнчикъ на большой иконѣ непременно отдамъ передѣлать: бирюзовая запонка, осыпанная брильянтами, будетъ удивительно красива на золотомъ фонѣ!»

III.

Дней черезъ пять, раннимъ утромъ, Слѣпнева сидѣла дома одна за какой-то спѣшной работой; Таня спала, а квартирная хозяйка чуть свѣтъ отправилась по дѣлу къ Спасу Преображенія, обѣщая къ обѣду непременно возвратиться домой.

Со времени послѣдняго разговора съ жилицей, Кондратьиха какъ будто измѣнилась къ лучшему; не докучала болѣе Слѣпневой своими правоучительными наставленіями, съ дочерью ея стала необыкновенно ласково, къ ней самой особенно внимательна. Вчера вечеромъ подарила Танѣ сверточекъ конфетъ и хорошенькую игрушку; на вопросъ Надежды: откуда эти подарки? Кондратьевна отвѣчала, что ихъ посылаетъ Танюшѣ одна добрая

семейная барыня, наслышавшаяся отъ нея, Кондратьевны, о бѣдности Слѣпневой.

— Благодарю васъ, сказала ей Надежда, только вы, Алена Кондратьевна, напрасно постороннимъ людямъ на мою бѣдность плачетесь! Я еще покуда подаянiемъ не живу!

— Будете гордиться, мой ангелочикъ, дойдете и до этого! отвѣчала Кондратьевна со злобной усмѣшкой.

Дѣла Слѣпневой, съ нѣкотораго времени, дѣйствительно приняли дурной оборотъ. Работы было мало, плата ничтожная; въ просьбѣ ея, шить приданое у себя дома, богатые Сыромятниковы на отрѣзъ ей отказали и наняли себѣ другую швею. Если бы Кондратьевна не ссудила Слѣпневой пятью рублями, ей бы пришлось продать что нибудь изъ платья или изъ вещей, а того и другаго у Надежды было очень немного.

Вопреки обѣщанiю, Кондратьевна возвратилась домой гораздо ранѣе обѣда.

— Полноте, ангелочикъ, шить эту дрянъ, сказала она Надеждѣ, кивая головой на ея работу и снимая салопъ: — я нашла вамъ занятiе почище.

— Что же такое! спросила радостно Слѣпнева.

— Генеральшѣ Розенталь бѣлье шить. Слыхали вы эту фамилiю?

— Никогда.

— Извѣстнѣйшая богачка, вдова и страшная модница. Мнѣ ея ключница на встрѣчу попалась: ищу, говорить, хорошую швейку бѣлье шить. А много ли даете за работу? По три съ половиной сорочку... А шить у васъ, или дадите работу на домъ? — Все равно, лишь бы скоро было... Разумѣется я васъ, и отрекомендовала.

— Благодарю васъ, добрая Алена Кондратьевна, благодарю васъ. Что же она, сюда зайдетъ?

— Нѣтъ, маточка, она мнѣ генеральшинъ адресъ дала; сами знаете, хлѣбъ за брюхомъ не ходить.

— Далеко ли живете генеральша?

— Вотъ адресъ, прочтите сами.

Надежда развернула лоскутъ бумажки, на которомъ было написано: вдова генерала Аделаида Карловна Розенталь, у казанской, домъ Артапова № 7.

— Какъ за заборъ, гдѣ церковь строится, завернете, тутъ Ар-

тапова домъ и есть, пояснила Кондратьевна: — войдя въ подъѣздъ, во второмъ этажѣ на лѣво.

— Очень, очень вамъ благодарна.

— Сегодня же къ пяти часамъ часамъ — аккуратъ. Только, ангелочекъ, заранѣе говорю, по полтиникъ со штуки миѣ за рекомендацію; слышите?

— Съ удовольствіемъ.

— А ужъ эту работу, Фишевой кухарки платье, оставьте, она и подождетъ — не велика фря. Вотъ, Надежда Онисимовна, говорите послѣ этого, что я васъ не люблю. Нѣтъ, нѣтъ, а все вамъ услужить стараюсь.

Хозяйка и жилища наскоро отобѣдали, не успѣли оглянуться — ужъ и четвертый часъ по полудни; зимній день коротокъ. По мѣрѣ приближенія часа назначеннаго генеральшею Розентамъ для прихода швен, Кондратьевна становилась суевѣстнѣе. Она пришла въ ужасъ, когда Слѣпнева, пріодѣвшись сама, стала одѣвать и Таню.

— Это что? вскричала старуха.

— Видите, отвѣчала Надежда спокойно: — я одѣваю Таню.

— И возьмете ее съ собой, къ генеральшѣ?

— Съ собой, къ генеральшѣ. Что же это васъ такъ удивляетъ?

— Да какъ же это можно, ангелочикъ! Что генеральша объ васъ подумаетъ?

— Что ей угодно, Алена Кондратьевна.

— Она вамъ работу не дастъ! Скажетъ: знаю я, что женщина, у которой дѣти, плохая швейка.

— А можетъ быть, и не скажетъ.

— Нѣтъ, ангелочикъ, оставьте лучше дома Танюшу. Будь оно днемъ, ну, другое дѣло — отчего не провѣтрить ребенка, а то вечеромъ, въ такой морозъ...

— Я ее укутаю въ салопъ.

— Ну, какъ же вы себѣ хотите, а съ дочерью я васъ просто не пущу! крикнула хозяйка виѣ себя.

Ея настойчивость удивила Слѣпневу; она пристально посмотрѣла на старуху, та смутилась; сердце Надежды почувало что-то недоброе.

— Если такъ, сказала она: — я и вовсе не пойду къ вашей генеральшѣ.

— Вотъ вы и разсердились, отвѣчала Кондратьевна: — вы ду-

маете, я серьезно... Съ вами и пошутить нельзя. Богъ съ вами, идите съ Таней, я любя васъ и ее, сказала, что въ такую стужу съ ребенкомъ носиться не слѣдуетъ, а впрочемъ, какъ хотите.

Укутавъ дочь въ салоуъ, Надежда робко озираясь вышла за ворота, на углу Литейной наняла извозчика и поѣхала къ генеральшѣ Розенталь. Согласно указанію Кондратьевны, она скоро отыскала домъ Артапова; поднялась во второй этажъ и позвонила у дверей, помѣченныхъ № 7. Звонокъ не успѣлъ еще замолкнуть въ прихожей, какъ дверь распахнулась, и Слѣпневу встрѣтилъ лакей со свѣчой въ рукахъ.

— Здѣсь живетъ генеральша Розенталь? робко спросила Надежда.

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ слуга съ какой-то глупой ужимкой.

— Доложите ей, что швейка пришла.

— Слушаю-съ.

Лакей поставилъ свѣчу на полъ и ушелъ во внутреннія комнаты; Слѣпнева между тѣмъ осмотрѣлась. Ее удивило отсутствіе на вѣшалкѣ женскаго верхняго платья; въ углу прихожей стояли сапожные колодки и банка съ ваксой, пустая бутылка съ воткнутымъ въ горлышко оплывшимъ огаркомъ. Думая, что она ошиблась дверьми, Надежда хотѣла было уйдти, но къ ужасу ея дверь была заперта, а ключа въ замкѣ не было.

— Пожалуйте-съ, сказалъ ей въ эту минуту возвратившійся слуга.

Слѣпнева машинально послѣдовала за нимъ; но не успѣла переступить и порога — какъ ее встрѣтилъ сынъ Кедролѣванскаго, въ богатомъ халатѣ и щегольской вышитой ермолкѣ.

— Здравствуй, Наденька, произнесъ онъ съ торжествующей улыбкой, смотря въ глаза Слѣпневой: — видишь ли, я правду говорилъ, что упрямя какъ бѣсъ. Думала-ли ты, моя милочка, идучи къ генеральшѣ Розенталь, попасть къ Платонѣ Кедролѣванскому?

— Этого я не думала, отвѣчала Надежда съ усиліемъ: — но никогда и не думала, чтобы мужчина могъ быть способенъ на подобную низость!

— Чудесно сказано, только этимъ, душенька, меня не запугаешь. Сними же свой салоуъ и этотъ неуклюжій платокъ; здѣсь во первыхъ жарко, а во вторыхъ, я лучше разгляжу тогда твое хорошенькое личико.

Слѣпнева молча отстегнула застежку у салопа и отбросила

платокъ съ головы; пробужденная Таня съ испугомъ охватила рученками лицо матери. Удивленный Кедроливанскій невольно отступилъ.

Новичокъ на поприщѣ разврата, онъ былъ еще не совсѣмъ испорченъ; стыдъ и совѣсть еще тлѣли въ немъ, какъ огонь подъ золою.

— Пошлая выдумка! прошепталъ онъ только, пощипывая свои усики.

Замѣтивъ его смущеніе и пользуясь имъ, Надежда, обнимая дочь, продолжала съ достоинствомъ:

— Обманомъ и кускомъ хлѣба вы заманили меня къ себѣ, г. Кедроливанскій, думая вѣроятно, что я, бѣдная и голодная, сдамся на ваши постыдные предложенія? Какъ же вы жестоко ошиблись! Неужели вы не помните вашей сестры, или наконецъ матери? что бы вы сказали про человѣка, который бы поступилъ съ ними, какъ вы со мною поступаете?

— Виноватъ ли я, что ты мнѣ такъ понравилась? пробормоталъ Кедроливанскій.

— О, вы слишкомъ откровенны, съ горькой улыбкой произнесла Слѣпнева: — отчего бы не сказать что вы полюбили меня?

— Можетъ быть и то.

— Знаете ли, съ кѣмъ вы соперничаете?

— Съ кѣмъ? спросилъ удивленный Кедроливанскій.

— Съ вашимъ холопомъ, вольноотпущенникомъ, Василюмъ Барсуковымъ, который пять лѣтъ тому назадъ выкупился у вашего отца на волю. Я бывшая его любовница, а этотъ ребенокъ дочь его. Если васъ не удержитъ отъ дурныхъ искушеній долгъ честнаго человѣка, авось васъ остановитъ гордость дворянина!

— Василій Барсуковъ... прошепталъ Кедроливанскій — точно, помню, я былъ еще тогда въ корпусѣ... Но что же изъ этого слѣдуетъ? продолжалъ онъ, чувствуя новый приступъ на минуту заглохшей чувственности. — Барсуковъ — самъ по себѣ, а я самъ по себѣ. Покушенія мои были бы преступны, если бы ты была дѣвушкой, но коль скоро ты сама сознаешься, что ты принадлежала другому, — можетъ быть, даже и теперь принадлежишь? Это гадкая метода, Надя, вообще у вашей сестры: съ порядочными людьми жеманиться, корчите изъ себя неприступныхъ, а къ мужикамъ сами лѣзете. Я увѣренъ, что мой деньщикъ Ларька въ своихъ интрижкахъ гораздо счастливѣе меня.

— Очень можетъ быть.

— Послушай, Наденька, ты такъ умна, что съ тобою можно говорить иначе, нежели я обыкновенно говорю съ другими. Ты мнѣ понравилась такъ, какъ донинѣ ни одна женщина не нравилась, клянусь тебѣ. Пять дней тому назадъ мы съ тобою встрѣтились, и я имѣлъ терпѣніе разузнать отъ дворника и отъ твоей хозяйки всѣ касающіяся до тебя подробности. Знаю, что ты дни и ночи проводишь за работою, часто голодаешь, нуждаешься, при всемъ томъ честно ведешь себя...

— И зная меня за честную женщину, вы предлагаете мнѣ сдѣлаться безчестной?

— Душечка, это все слова. Я предлагаю тебѣ и твоему ребенку — столъ, квартиру, деньги, словомъ, все — и за это прошу только любить меня. Ты не безгрѣшна — чему ребенокъ твой улыбка на лицо — я и думаю, что тебѣ беречь себя, право, нечего: потеряннаго не воротишь!

— Стало, грѣшницѣ нѣтъ уже и раскаянія?

— Вотъ эти два слова очень напоминаютъ мнѣ моего почтеннаго родителя!

— Какъ вы думаете, похвалитъ онъ васъ за ваши поступки? Что, если я завтра же расскажу ему все?

Получая отъ отца содержаніе, уланъ боялся его, но это напоминаніе до того показалось ему обиднымъ, что онъ нахмурился отвѣчая:

— Онъ слишкомъ уменъ, чтобы вмѣшиваться въ мои дѣла.

— Но, надѣюсь, довольно благороденъ, чтобы защитить меня отъ васъ?

Кедроливанскій окончательно смутился, недоумѣвая, что ему остается дѣлать? Уступить Слѣпневой — стыдно, настаивать — бесполезно, силу употребить — совѣстно.

— Нечего дѣлать! сказалъ со вздохомъ Кедроливанскій: — насильно милъ не будешь. Но чтобы ты поняла разницу между какимъ нибудь мужикомъ и человѣкомъ благороднымъ, продолжалъ онъ, вынимая изъ бумажника двѣ красныя ассигнаціи: — возьми себѣ эти деньги я тебя заманилъ къ себѣ хитростью, ты шла въ надеждѣ на вѣрную прибыль, надобно же наградить тебя за потерянное время.

— Благодарю васъ, мнѣ ничего не надобно! Приберегите ихъ для женщины, которая уступчивѣе.

— Эти деньги я даю ради твоей дочери...

— Еще того скорѣе не приму ихъ. Дочѣ мою я прокармливаю честнымъ трудомъ!

Удивленный Кедроливанскій молча сѣлъ на диванъ, придерживая голову руками.

— Вы, кажется, хотите, произнесъ онъ съ усиліемъ:—чтобы я удивлялся вамъ, уважалъ васъ?

— Уважьте во мнѣ не женщину, которая пробудила въ васъ гнусныя желанья, съ чувствомъ отвѣчала Слѣпнева:—уважьте во мнѣ мать бѣднаго ребенка. Выпустите меня, и за порогомъ вашего дома я позабуду — и, помолюсь за васъ!

— Ларька! крикнулъ Кедроливанскій:—отвори дверь на лѣстницу.

Въ прихожей щелкнулъ замокъ, а въ комнату повѣяло холодомъ. Пламя свѣчъ, стоявшихъ на столѣ, заколебалось.

— Прощайте! чуть слышно выговорила Надежда и какъ призракъ вышла изъ комнаты.

— Эхъ, сплеховали, ваше благородіе! сказалъ деньщикъ съ обычной фамиллярностью, входя въ гостиную.—Вамъ бы мнѣ свиснуть: дѣвчонку-то я бы у нея выхватилъ, а вы, тѣмъ временемъ...

— Вонъ пошелъ! крикнулъ Кедроливанскій:—учи не меня, а свою братью, холоповъ!

— Колеръ проступилъ! проворчалъ деньщикъ, уходя въ прихожую.

IV.

Слѣпнева возвратилась домой въ восьмомъ часу.

— Загостились, загостились, ангелочикъ! встрѣтила ее Кондратьевна. Ну, что генеральша?

Надежда молча сняла салопъ, выдвинула изъ подъ кровати сундукъ и стала въ немъ рыться.

— Надежда Онисимовна! продолжала умильно квартирная хозяйка:—что же вы это, побымши у генеральши, такія гордыя стали, здороваться не хотите, ангелочикъ? А не мѣшало бы мнѣ спасибо сказать... Или ужъ такая участь моя сиротская, чтобы за свои добрыя дѣла...

— Алена Кондратьевна, перебила ее Слѣпнева, вынувъ изъ сундука двѣ серебряныя ложки: — во сколько вы это оцѣните?

Кондратьевна взяла на пробу, взвѣсила ложки на рукѣ, призадумалась и отвѣчала:

— По восемнадцати рублей за штуку всякій охотно дастъ.

— Много ли я должна вамъ?

— Стоитъ ли считать, ангелочикъ! Сущую бездѣлицу...

— Нѣтъ, сдѣлайте милость, сосчитайте.

— Да что вамъ такъ загорѣлось, прости Господи? Не послѣдній день у меня живете... Али переѣхать хотите? уныло прибавила старуха. — Видно изъ убогой лачужки въ хоромы перебраться намѣрены... Что жъ, давай Богъ счастья!

— Это не ваше дѣло, Алена Кондратьевна, я васъ спрашиваю, много ли я вамъ должна?

— Я чай сами знаете, ангельчикъ, вѣдь вы грамотныя! отвѣчала фыркнувъ старуха. — Пять рублей восемь гривенъ деньгами брали, да за квартиру за одиннадцать день, два рубля семьдесятъ пять; Таюшѣ вашей намедни леденчиковъ кунила на пятакъ... Всего — восемь рублей шесть гривенъ.

— Угодно вамъ принять одну изъ ложекъ въ уплату?

— Можно, отъ чего же. Только вы не сердитесь на то, что я скажу, ангельчикъ. Ложку я оцѣнила въ 18 рублей, это вѣрно, стало, по настоящему вамъ слѣдуетъ сдачи 9 руб. 40 копѣекъ, такъ-съ?

— Такъ, Алена Кондратьевна.

— Но будьте же вы, ангелочикъ, справедливы, и такъ сказать, благодарны. Ежели я сегодня вашу участь устроила, счастье ваше составила, можно бы эти девять рубликовъ мнѣ въ презентикъ пожаловать, а? Хоть я человѣкъ простой, не грамотный, а на столько-то вещи понимаю, что вы на квартиру благодѣтеля переселиться намѣрены. Дѣло доброе, но за чѣмъ же мнѣ то, за мою добродѣтель, въ глаза плевать, ангелочикъ? Это не благородно. И зачѣмъ отъ меня таить, сколько онъ вамъ за визитъ пожаловалъ... хе, хе, хе! Такъ ужъ на ложечкѣ-то, ей Богу, можно было бы сквитаться, ангелочикъ?

— Берите ложку! прошептала Слѣпнева.

— Ну вотъ спасибо вамъ, маточка, дайте ручку поцаловать...

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо! вскричала съ ужасомъ Надежда, отодвигаясь отъ старухи.

— Спасибо, спасибо, ангелочикъ! Вы думаете, можетъ быть, что мнѣ Платонъ Теоцементовичъ Богъ вѣсть сколько заплатилъ?

Ей, ей, ангелочикъ, какъ честный человѣкъ вамъ говорю, всего два цѣлковинькихъ; много-ль, сами посудите? Вѣдь мое дѣло сиротское! За то надѣюсь, впредь не оставите вашими милостями, позвольте когда по старой памяти навѣстить васъ, не пренебрегайте мной, бѣднымъ человѣкомъ!

— Алена Кондратьевна, простонала Слѣпнева:—сдѣлайте мнѣ еще одно одолженіе.

— Все, что прикажете, ангельчикъ! Для васъ въ огонь и въ воду.

— Сходите къ Фишевымъ и попросите ко мнѣ ихъ кухарку.

— Сію секунду! отвѣчала квартирная хозяйка, накидывая на голову платокъ и исчезая за дверью.

Когда шаги ея затихли на лѣстницѣ, Надежда упала на стулъ и, закрывъ лицо руками, горько заплакала. Какъ ни привычна была она къ оскорбленіямъ, но сцена съ Кедроливанскимъ, циническія выходки Кондратьевны, переполнили мѣру ея терпѣнья. Маленькая Таня, видя мать плачущую, захныкала сама, сляясь отнять руки отъ ея лица.

— Вотъ и мы, ангелочикъ! сказала Кондратьиха, влетая въ комнату вмѣстѣ съ сосѣдней кухаркой, чухонкой Триной. Трина, баба лѣтъ тридцати, толстая, бѣлокурая, была за мужемъ за сапожнымъ подмастерьемъ, жившимъ не подалеку.

Недѣли двѣ тому назадъ, встрѣтись съ Надеждой на улицѣ, она восхищалась ея салономъ, и спросила, не хочетъ ли она его продать ей, за шестьдесятъ рублей ассигнаціями. Цѣна была такая умѣренная, что Слѣпнева, разумѣется, отказала; однако чухонка не унималась и не давала Надеждѣ проходу со своей просьбою.

— Трастуй! сказала она, входя въ комнату вслѣдъ за хозяйкой.

— Здравствуй, Тринушка, сказала Слѣпнева: — платье твое еще не дошито, но я непременно его dokonчу.

— Харуссо! отвѣчала Трина.

— А теперь хочу предложить тебѣ покупку. Ты еще не передумала купить мой теплый салонъ?

— Салонъ? нѣтъ, не передумала! съ радостной улыбкой произнесла чухонка.

— За шестьдесятъ рублей?

— Сестесять, та-а!

— Какъ же это можно, ангелочикъ, вмѣшалась хозяйка:—да это просто за даромъ! Онъ, по крайности, вдвое стоитъ, я за него восемьдесятъ дамъ.

— А я за шестьдесятъ отдаю его Тринѣ.

— Ваша воля, маточка, только, ей Богу, дешево. Ужь если дарить охота, мнѣ бы подарили!

Слѣпнева молча отвернулась, а Трина внимательно осматривала салопъ.

— Деньги сейчасъ несутъ! сказала Трина Слѣпневой уходя.

На другой день рано утромъ, изъ воротъ дома Голубцова, на Сергіевской улицѣ, выѣхали легковыя санки, нагруженные сундукомъ, постелью и старенькими ширмами; за санками въ холодномъ салопѣ, съ Танею на рукахъ, шла Слѣпнева.

— Прощайте, ангелочикъ! кричала ей Кондратьевна съ панели, гдѣ стояла вмѣстѣ съ дворникомъ.

Надежда даже не оглянулась.

— Вотъ онъ, подлая души! вскричала разобиженная хозяйка, когда санки скрылись изъ виду.—Имъ же дѣлаешь добро, ихъ же въ люди выводишь, и они же отъ тебя, замѣсто благодарности, рыю воротятъ. Видно моя таковская участь сиротская!

— Мнѣ двугривенный пожаловала! насмѣшливо замѣтилъ дворникъ.

— Разщедрилась! Развратница противная!.. Будь я танерича анаѣма проклятая, ежели когда нибудь да стану помогать людямъ; имъ дѣлать добро,—что горохъ въ стѣну бросать. А ты, Гаврилушко, выѣси у воротъ билетикъ, что молъ, фатера отдается. Лавочникъ, Яковъ Ильичъ, мнѣ напишетъ.

— Ладно.

— А если жильцы придутъ, порекомендуй хорошенько...

— Да знаютъ безъ васъ, что говорить надо!

— А тебѣ, крикнула въ ярости Кондратьевна, погрозивъ кулакомъ въ ту сторону, куда уѣхала Слѣпнева:—не дай Богъ ни дна, ни крыши!

Взойдя къ себѣ на чердакъ, она съ горя развела огонь и поставила кофейныя переварки; злость душила ее, и она по временамъ поглядывала въ пустой уголъ, гдѣ недавно помѣщалась бѣдная жилица. Часовъ въ одиннадцать на лѣстницѣ раздались торопливые шаги, бряцанье сабли, и наконецъ сильные удары въ дверь.

— Кто тамъ? спросила испуганная Кондратьевна.

— Отворяй, старая чертовка! нетерпѣливо крикнулъ голосъ Кедроливанскаго.

— Ахъ, ваше благородіе!..

— Гдѣ твоя жилища! сказалъ запыхавшись уланъ, вбѣгая въ комнату.

— Вамъ лучше знать, батюшка! отвѣчала старуха. — Нешто она не къ вамъ переселилась?

— Съ чего же это ты берешь?

— Да развѣ вчера она не была у васъ?

— Была, да видно не одного поля ягода съ тобой, старая вѣдьма! Куда же она переѣхала?

— Богъ ее знаетъ, она хоть бы словечко сказала. Должно быть, ваше благородіе, денежки съ васъ взяла, и обманула васъ?

Не отвѣчая старухѣ, Кедроливанскій сѣлъ на стулъ и задумчиво опустилъ голову. Съ какой цѣлью шелъ онъ въ квартиру Слѣпневой, какія мысли волновали его въ эту минуту, пусть это остается тайной, и для насъ, и для читателей.

Долго сидѣлъ онъ такъ. Наконецъ старуха, желая его утѣшить, сказала:

— Полноте, Платонъ Теопемптовичъ, я вамъ другую красотку припущу, не этой чета... У меня есть знакомая дѣвушка, дочь арсенальнаго вахтера...

У.

Зима 1810 года была невыносимо жестокая. Къ назначенному ей времени она прихватила два весенніе мѣсяца, и только въ половинѣ мая окончательно разсталась съ Петербургомъ. Мы не будемъ описывать страданій Слѣпневой на ея новосельи, въ подвалѣ одного изъ большихъ домовъ на Загородномъ проспектѣ. Къ чему рассказывать о ея бессонныхъ ночахъ за шитьемъ или за стиркой; о томъ, какъ Слѣпнева, по часу, по два, проводила на плоту, гдѣ, охватываемая ледянымъ вѣтромъ, руками по синѣлымъ отъ холода полоскала бѣлье... Къ чему? — Скажемъ только, что здоровье ея дочери, этой милой Тани, примѣтно разстроилось, и у дѣвочки появился жестокий кашель, особенно по ночамъ. Бѣдная мать обратилась къ доктору, жившему не пода-

леку въ собственномъ домѣ. Въ отвѣтъ на ея мольбы навѣстить больную, благородный врачъ холодно отвѣчалъ:

— Милая, отчего ты не обратишься въ больницу, къ тамошнимъ докторамъ? Человѣкъ я хворый, практика у меня огромная—и менѣе десяти рублей за визитъ я не беру. Полагаю, что это тебѣ не по карману!

Надежда воображала, что кромѣ нея, есть кому нибудь дѣло до ея больной дочери!

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, понесла она Таню къ такъ называемому врачу для бѣдныхъ, члену человѣколюбиваго общества. На ея бѣду, она попала къ нему въ обѣденную пору, а врачъ терпѣть не могъ, когда его тревожили за столомъ и отвлекали отъ этого пріятнаго занятія.

Обязанный салфеткой, съ вилокъ въ рукахъ, онъ вышелъ къ Слѣпневой.

— Ты сама, или ребенокъ боленъ? спросилъ онъ отрывисто.

— Ребенокъ...

— Покажи.

Надежда стала раскутывать дочь; ребенокъ расплакался. Врачъ для бѣдныхъ крикнулъ въ дверь сосѣдней комнаты:

— Котлетокъ не убирайте, я сейчасъ приду.—Что же у твоей дочери? продолжалъ онъ, возвращаясь къ Слѣпневой.

— Кашель, грудка болятъ, испарина сильная...

Докторъ осмотрѣлъ, ощупалъ ребенка, потомъ протяжно свистнулъ и махнулъ рукой.

Надежда не имѣла духу спросить у него, что это значитъ?

— У дѣвочки злѣйшая чахотка, спокойно сказалъ врачъ:—а чахотка болѣзнь неизлечимая. Въмѣсто доктора совѣтую тебѣ обратиться къ гробовщику, оно умнѣе будетъ!

— Таня... умереть? вскричала Слѣпнева.

— Что жъ дѣлать? Для смерти все равно, что Таня, что Катя, что Ваня... И всѣ умремъ долго ли, коротко ли. Есть о чемъ плакать; ты еще молода, вмѣсто этого ребенка другіе будутъ!

— Да неужели же ей спасенья нѣтъ? задыхаясь спросила Надежда.

— Придумай лекарство отъ чахотки! отвѣчалъ докторъ, уходя въ столовую.

Смеркалось; мелкій снѣгъ моросилъ; вѣтеръ выгибалъ кровельные листы, скрипѣлъ флюгерами фонарей; ноги скользили по оледенѣлымъ тротуарамъ. Убитая и оглушенная, Надежда

плелась къ себѣ домой, и въ самыхъ воротахъ встрѣтилась съ достаточнымъ сосѣдомъ, купцомъ Смоквинымъ, жившимъ въ бельэтажѣ. Слѣшнева раза два мыла у него полы и оба раза получила довольно щедрую плату.

— Здорово, Надежда, проговорилъ сосѣдъ торопливо: — на тебѣ двугривенничекъ, да помолись о здравіи моей Анисьи Степановны.

И сунувъ монету въ руки удивленной сосѣдки, Антонъ Петровичъ Смокинъ мелкой рысцой побѣжалъ своей дорогой. Послѣдуюмъ же и мы за нимъ, оставя на время Слѣшневу съ ея умирающей дочерью.

Замѣчено, что извозчикъ никогда не попадетъ на встрѣчу когда въ немъ есть надобность; то же самое случилось и со Смоквинымъ. Ему дорога была каждая минута, а извозниковъ, какъ на смѣхъ, ни у панели, ни на дорогѣ нѣтъ; наконецъ-то у Пяти Угловъ попался общипанный ванька.

— На Грязную и обратно! гаркнулъ купецъ, бросаясь въ санки.

Извозчикъ подобралъ возжи, застучалъ кнутомъ объ облучекъ, но лошадь, какъ видно увѣренная, что возница шутитъ, пошла шагомъ. Извозчикъ зачмокалъ, ругнулъ ее довольно крупно, и того хуже, лошадь стала!

— Черезсѣдельникъ разстегнулся! замѣтилъ извозчикъ, слѣзая съ облучка. — Мигомъ исправимъ.

Но этотъ мигъ продолжался минуты двѣ, показавшіяся двумя вѣками нетерпѣливому Смокину.

Исправленъ чрезсѣдельникъ, санки тронулись далѣе, съ медленностью похоронной процессіи. Въ отвѣтъ на ударъ кнута, лошадь лягнулась задними ногами...

На Грязной, въ тѣ времена, близъ Свѣчнаго переулка, на мѣстѣ нынѣшняго громаднаго каменнаго дома, стоялъ скромненькій, деревянный въ три окна, съ небольшою надъ однимъ изъ нихъ вывѣскою. На вывѣскѣ значилось: «экзаменованная бабка Е. Л.»

Бабушка Лизавета Федоровна только что возвратилась откуда-то и принялась за кофе, до котораго была страстная охотница. Отъ кофе или отъ природы, она была одарена необычайной тучностью, при маломъ ростѣ, что впрочемъ не мѣшало ей быть ловкой и расторопной, особенно въ своемъ дѣлѣ. Кофе

вскипѣлъ, чашка приготовлена, сухари и сливки на столѣ, пей, не хочу.

Сильный звонокъ заставилъ вздрогнуть бѣдную кофейницу.

— Антонъ Петровичъ! вскрикнула она, отворяя дверь.

— Въ сей же моментъ, отвѣчалъ купецъ задыхаясь: — конитъ, къ Анисьюшкѣ... Пришелъ часъ воли Божіей... ухъ!

Бабушка засуетилась.

— Присядьте, присядьте, батюшка! Я мигомъ одѣнусь, а между тѣмъ Оекла домой придетъ, я ее въ баню отпустила!..

— Богъ съ ней-съ, сію же минуту за мной пожалуйте! Очень васъ нужно...

— Вѣрю, вѣрю, Антонъ Петровичъ, только не могу же я огонь на шесткѣ и квартиру пустую оставить?

Вмѣсто отвѣта, купецъ залилъ огонь и, снявъ съ вѣшалки еще не обсохшій салопъ, накинулъ его на бабушку. Лизавета Ѳедоровна только уныло посмотрѣла на свой кофе, на сливки и, замкнувъ квартиру, послѣдовала за Смоквинымъ.

— Я удивляюсь, говорила она дорогою: — какъ обочлась Анисья Степановна! Она ждала, по крайней мѣрѣ, черезъ шесть дней, сама говорила...

— Мало ли что говорится, Лизавета Ѳедоровна! отвѣчалъ со вздохомъ разстроенный Смоквинъ.

Добѣхали, взбѣжали на лѣстницу, позвонили...

— Ну что? спросилъ купецъ у встрѣтившей ихъ кухарки.

— Ничего, батюшка, все такъ же.

— Вѣнчальные наши свѣчи зажгли!

— Зажгли, Антонъ Петровичъ.

— О, Господи, Господи, чѣмъ все это кончится!

— Вы не разстраивайтесь, отвѣчала бабушка, входя въ комнату: — все будетъ хорошо; Богъ милостивъ!

— Такъ-съ, но вѣдь Анисьюшкѣ тридцать семь лѣтъ!

— Это ничего не значить.

— А дитя первое?

— Будьте спокойны.

Теперь покуда у Смоквиныхъ намъ оставаться не слѣдуетъ; мы опустимся въ подвалъ къ Слѣпневой. Восемь обледенѣлыхъ ступенекъ приводятъ насъ къ двери, обитой рогожею; воздухъ тяжелый, могильный. Мы видѣли нищету въ крестьянской избѣ, но нищета городская едва ли не хуже. Въ деревнѣ нищій не лишень хоть воздуха, въ городѣ и этого нѣтъ; въ деревнѣ онъ ви-

доть небо, иногда и солнышко заглядываетъ въ его окно, въ городъ же нищій окруженъ вѣчнымъ мракомъ и вмѣсто неба встрѣчаетъ надъ головой каменный сводъ подвала, съ котораго капаютъ на него, будто слезы, капли отъ сырости.

Конурка Слѣпневой пространствомъ въ четыре квадратныхъ аршина, а вышиною въ средній ростъ человѣка. Ея единственное окно, загороженное желѣзнымъ ершомъ, выходитъ во дворъ, и видны изъ него только ноги проходящихъ, либо кошки да собаки. Опрокинутая вверхъ дномъ кадка служитъ Надеждѣ вмѣсто стола; больная Таня помѣщается на лежанкѣ угарной русской печи...

Тусклый ночникъ — кусокъ тряпки въ помадной банкѣ, наполненной постнымъ масломъ, едва освѣщаетъ мрачную картину. Таня дремлетъ, а Надежда, убитая горемъ, машинально перебираетъ въ памяти недавно минувшее время.

Нѣжно распростился съ нею женихъ, пять лѣтъ тому назадъ, и пріѣхала она изъ Петербурга вмѣстѣ съ бабушкой въ Балахну. Утомленная дорогой, старушка расхворалась, слегла и умерла, недѣли черезъ двѣ послѣ своего пріѣзда. Такъ для Татьяны Федоровны и осталась на вѣки тайною ошибка внучки, ошибка, которая непременно убила бы старушку, еслибъ она о ней узнала. Впрочемъ, если женихъ и употребилъ во зло свои права и довѣренность невесты, скорый бракъ все загладить, все поправить, тѣмъ болѣе, что въ письмѣ, отправленномъ къ Барсукову, Надя умоляетъ его не медлить ни минуты...

Однако прошелъ мѣсяцъ, женихъ не ѣдетъ, и отвѣта нѣтъ. Слѣпнева живетъ у родственниковъ, отъ которыхъ невозможно, наконецъ, долѣе скрывать своего положенія. Сверхъ всякаго ожиданія, они приняли признаніе Надежды весьма снисходительно. «Кто молодъ не бывалъ!» сказалъ дядюшка. «Мнѣ самой Богъ далъ первинькаго черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы», призналась тетенька. Надежда не поняла, что причина этой снисходительности заключается въ томъ, что послѣ бабушки на ея долю очистилось тысячъ семь наслѣдства, а дяденьки и тетеньки вообще не строги къ достаточнымъ племянницамъ. Успокоенная съ этой стороны, Надежда тревожилась объ участи Василья... написала къ нему еще два письма, и, наконецъ послѣ долгаго молчанія, прибылъ давно ожидаемый отвѣтъ изъ Петербурга. Донынѣ этотъ отвѣтъ сохраняется въ сундукѣ у Слѣпневой, донынѣ всецѣло сохранился и въ ея памяти.

Большой, толстый пакетъ, запечатанный пятью черными печатями; на адресѣ, писанномъ незнакомой рукой, значится: «со вложеніемъ ста рублей ассигнаціями и золотого обручальнаго кольца вѣсомъ 2 золотника 17¹/₂ долей». вмѣсто письма въ конвертъ былъ вложенъ паспортъ Василія Барсукова, перечеркнутый красными чернилами съ припискою:

«Значащійся въ семь билетѣ, с.-петербургскій мѣщанинъ, «Василій Максимовъ сынъ Барсуковъ, сего 1805 года октября въ «26 день, волею Божію скоростязно помре отъ разрыва анаврисмы. Въ чемъ и свидѣтельствую съ приложеніемъ казенной печати».

Дѣйствительно, внизу стояла подпись, и какая-то круглая лепешка, сдѣланная накопченой на свѣчкѣ печатью. Въ ту же минуту Надежда лишилась чувствъ, а очнулась недѣли черезъ двѣ, въ постелѣ съ обритой головой, истерзанная мушками и горчишками. Родственники немедленно объявили ей, что жизнью своей она обязана Богу, имъ и уѣздному врачу; на леченье, по ихъ словамъ, употреблено полторы тысячи рублей. Такъ дорого цѣнили милые дяденька и тетенька жизнь своей племянницы.

Черезъ четыре мѣсяца, въ апрѣлѣ 1806 года родилась Таня.

По мѣрѣ истощенія денежныхъ средствъ Слѣпневой, измѣнялось и обхожденіе съ нею милыхъ родственниковъ. Дѣло началось косыми взглядами, а окончилось самыми язвительными упреками. Какъ-то подъ горячій часъ, тетенька назвала Надежду развратной дѣвчонкой, а дяденька сказалъ ей, что она позоритъ ихъ честный домъ; тотъ и другая, при каждомъ случаѣ, намекали ей, что она имъ въ тягость, что имъ трудно содержать ее съ дочерью, что они и сами бѣдные люди... Говорили, однимъ словомъ, все, что говорятъ добрые, благодѣтельные родственники проживающимъ у нихъ въ домахъ, безотвѣтнымъ племянницамъ, младшимъ сестрамъ и свояченицамъ. Желая вознаградить ихъ за причиняемые ею убытки, Надя предложила имъ занять въ ихъ домѣ мѣсто служанки. Родственники согласились, но обхожденіе ихъ съ племянницею сдѣлалось еще хуже прежняго. Въ тѣ времена, должность служанки на Руси святой давала право господамъ лаяться сколько душѣ угодно, а особенно если служанка родня, пожалуй и драться. Тетенька, первая, примѣнила эту теорію къ практикѣ, и однажды, за какую-то провинность, дала Надѣ пощечину; дяденька, раза два (правда, хвѣльной) притаскалъ племянницу за косу. Сосѣдній прикащикъ,

кумъ тетушки, дѣлалъ Слѣпневой довольно милыя предложенія, а когда Надя пожаловалась ей, тетенька племянницу же обвинила кругомъ... Словомъ, грязь, дразги, мерзость, окружали бѣдняжку, и въ этой каторгѣ она провела два года.

Постороннему зрителю, показалось бы всего удивительнѣе то, что Слѣпнева почти не грустила объ умершемъ женихѣ, она только ежедневно перечитывала его паспортъ и роковую приписку. Было ли это отъ желанія составить въ своемъ воображеніи, по описаннымъ примѣтамъ, портретъ усопшаго; было ли ей утѣшеніемъ въ нѣмой скорби?... Богъ вѣсть!

Весною 1809 года, она объявила милымъ родственникамъ, что имѣетъ намѣреніе отправиться въ Петербургъ, и съ Таней на рукахъ, лѣтомъ Слѣпнева была уже въ Петербургѣ, и руководимая какимъ-то инстинктомъ, наняла себѣ комнату въ томъ самомъ домѣ, гдѣ четыре года тому назадъ жила съ бабушкой.

Тотчасъ же принялась она собирать свѣдѣнія о мнимо-умершемъ женихѣ. Въ мѣщанской гильдіи ей сказали, что адресный билетъ Барсукова, въ 1805 году, осенью, былъ показанъ утраченнымъ и вмѣсто его былъ выданъ другой, о чемъ въ свое время было объявлено въ газетахъ. Одинъ изъ чиновниковъ сказалъ ей даже за достовѣрное, что мѣщанинъ Василій Барсуковъ, въ прошломъ году, приписался въ купцы по второй гильдіи. Это извѣстіе подтвердили Надеждѣ и въ городской думѣ. Хитрая выдумка разлеталась въ лохмотья, и нагая истина выступала изъ мрака сомнѣній. «Но чья же выдумка?» спрашивала сама себя Надежда:—«кто могъ отважиться на нее?»

Въ думѣ, предлагали ей дѣлать розыски судебнымъ порядкомъ, полагая, что она жертва какого нибудь самозванца,—Слѣпнева отказалась и спросила только адресъ купца второй гильдіи Василья Максимыча Барсукова. Само собою разумѣется, она умолчала объ отношеніяхъ, которыя существовали между ею и этимъ человекомъ, — настоящимъ Васильемъ, или, въ самомъ дѣлѣ, его двойникомъ?...

Кашель и стонъ больной Тани вывели Надежду изъ ея мрачной задумчивости. Быстро наклонилась она къ дочери.

— Мама!... мама! лепетала бѣдняжка, жалобно всматриваясь въ лицо матери.

— Что ты, мой ангелъ? спросила Надежда, цалуя ея изсохшія руки и обливая ихъ слезами.

— Грудку больно, мама, милая мама!

— Дай, я подышу тебѣ на грудку, согрѣю ее... Такъ хорошо?

— Возьми меня на ручки! простоналъ ребенокъ: — баиньки хочу.

Слѣпнева взяла Таню на руки и, глотая слезы, запѣла слабымъ голосомъ, ходя взадъ и впередъ по подвалу, извѣстную всѣмъ намъ колыбельную пѣсню:

Баюшки баю,
Баю крошечку мою!

И Таня вторила ей жалобнымъ стономъ.

«Лжешь докторъ, думала Слѣпнева, укачивая больную: — у такихъ малютокъ чахотки не бываетъ! Сказалъ ты это для того только, чтобъ отъ меня отдѣлаться... Ладно, есть доктора и кромѣ тебя»...

Баю, баюшки, баю,
Баю, Таничку мою!...

Дыханіе ребенка становилось тяжелѣе съ минуты на минуту; впалыя глазки косились, посинѣлыя губки какъ будто что-то лепетали; предсмертный холодъ оковывалъ ея ножки, худенькія, какъ тростники.

«Завтра же, продолжала мечтать Слѣпнева: — схожу съ Таней къ другому доктору. Сосѣдняя кухарка говорила, что онъ отлично лечитъ дѣтскія болѣзни, вылечить и Таню... А я, въ благодарность у него, полы вымою, можетъ быть, манишки есть... отлично выстираю... Положу Таню, кажется, уснулъ мой солонюшекъ!...»

Головка Тани свѣсилась на плечо, и весь ребенокъ такъ странно вытянулся, отяжелѣлъ...

Въ это самое время, этакемъ выше, въ спальнѣ купца Смоквина, священникъ давалъ женѣ его, Анисѣ Степановнѣ, молитву, по случаю разрѣшенія ея отъ бремени младенцемъ женскаго пола, нарѣченнымъ—Танисіею.

VII.

Крестины у Смоквиныхъ были назначены черезъ три недѣли. Въ кумовья Антонъ Петровичъ пригласилъ городского голову,

въ кумушки супругу секретаря коммерческаго суда, даму деликатную, образованную, окончившую курсъ въ Смольномъ монастырѣ. Гостей приглашено великое множество, а запасы вина, закусокъ и всякихъ сластей обѣщали угощеніе на славу.

Для за три до торжества, началась обычная, предшествующая каждому празднику, суматоха. Шкафъ передвинули на мѣсто комода, комодъ на мѣсто горки; сундуки изъ спальни вынесли въ столовую; навѣшивали занавѣски, мыли полы... Для послѣдней операціи пригласили бѣдную Слѣпневу. Со смерти дочери Надежда страшно измѣнилась физически и морально. Въ черныхъ, роскошныхъ волосахъ засеребрилась сѣдина, лицо приняло блѣдность мрамора, глаза сдѣлались задумчивы, взглядъ упорѣе; улыбка по видимому на вѣки исчезла съ этого, все еще милаго, граціознаго личика. То же можно сказать и о слезахъ Надежды, уже не лившихся изъ глазъ, но ключемъ кипѣвшихъ на сердцѣ и душившихъ бѣдную женщину, не прорываясь наружу.

Пришла Слѣпнева по приглашенію Смоквиныхъ, и привели ее прямо къ Анисѣ Степановнѣ, для условія въ цѣнѣ. Купчиха сидѣла на диванѣ, съ новорожденной въ рукахъ. Не смотря на свои сорокъ лѣтъ—бабій вѣкъ, какъ говорится, Смоквина была еще очень красивая, румяная блондинка, съ весьма выразительными голубыми глазками. Покорная съ мужемъ, ласковая съ окружающими, скорѣе суевѣрная, нежели дѣйствительно набожная, Смоквина не имѣла въ характерѣ никакой особенной черты, отличавшей ее отъ женщинъ ея круга.

— Здравствуй, Надя, сказала она Слѣпневой, кивнувъ ей головой:—поздравь меня съ обновочкой.

— Съ новорожденной васъ, Анисья Степановна! глухо отвѣчала Слѣпнева.

— А твоя, малютка, я слышала, померла?

— Въ самый тотъ день, и только что не въ самый тотъ часъ, когда Богъ далъ вамъ вашу дочку.

— Его святая воля, Наденька!

— Да, Анисья Степановна, во всемъ Божья воля; вамъ послалъ онъ радость, мнѣ—горе. И то сказать, зачѣмъ было жить моей бѣдной пташечкѣ? Пусть лучше въ раю будетъ однимъ ангеломъ больше, а на землѣ одной несчастной меньше.

Маленькая Таисія проснулась и заплакала. Звукъ этого голоса новой жилицы Божьяго свѣта магически подѣйствовалъ

на осиротѣлую мать. Слезы, по обыковенію, приступили къ горлу Надежды, но на этотъ разъ, впервые послѣ смерти дочери, посыпались изъ глазъ ея градомъ. Махнувъ рукой, Слѣпнева быстро вышла изъ комнаты, Смоквина послала кухарку сказать ей, что за мытье половъ назначаетъ ей цѣлковый — цѣну небывало высокую, но это извѣстіе ни мало ее не порадовало; успокоившись отъ волненія, она принялась за работу, по временамъ пріостанавливаясь, чтобы вслушаться въ звонкій голосъ Таисіи. Часа черезъ два, работа была окончена, половики натянуты, деньги Надеждѣ выданы, но она, не принявъ ихъ, попросила только позволенія переговорить съ хозяйкой.

— Некогда ей, отвѣчала кухарка: — она дочку спать укладываетъ.

Часу во второмъ кухарка доложила Смоквиной, что бѣдная сосѣдка опять пришла.

— Что же ей надобно? Вѣдь я ей заплатила?

— Не знаю, хочетъ васъ видѣть.

— Пущай войдетъ.

Вошла Надежда, и едва переступивъ черезъ порогъ спальни, устремила взглядъ, полный невыразимой нѣжности, на колыбель, гдѣ спала въ это время Таисія.

— Чего ты хочешь, Надя? спросила удивленная купчиха.

— Вы дали мнѣ за работу рубль серебромъ, Анисья Степановна?

— Да, милая, на радостяхъ.

— Много мнѣ этого за мои труды, Анисья Степановна, и не хочу я за нихъ ни копѣйки! спокойно отвѣчала Надежда, подавая ей деньги.

— Какая ты странная! Съ какой же стати тебѣ трудиться даромъ?

Слѣпева молчала.

— Полно, Надя, возьми деньги и помолись о здоровьи нашей Таисиньки. Если цѣлковаго тебѣ много, такъ это не я даю, а Таисинька.

— Благодарю васъ, отвѣчала Надежда: — только я вмѣсто платы денежной, другую бы попросила.

— Чего же ты хочешь? съ любопытствомъ спросила Смоквина.

— Голубушка, Анисья Степановна, позвольте мнѣ только взглянуть на вашу малюточку, больше мнѣ ничего не надобно!

— Взглянуть на Таисію! съ пугливой подозрительностію произнесла купчиха: — да что же это тебѣ вздумалось? Извини, Надя, но этого нельзя... До крестинъ младенца не слѣдуетъ чужимъ людямъ показывать, всякіе глаза есть на бѣломъ свѣтѣ, а старые люди *призору очесъ* остерегаться велятъ!

— Вы боитесь, что я сглажу?

— Всяко случается, Надеждушка, и ты не сердись на меня. Послѣ крестинъ, смотри на Таисиньку, сколько хочешь.

— Вы позволите?

— Послѣ крестинъ, пожалуй. Да скажи, сдѣлай милость, что тебя такъ манитъ къ моей дочери? Танюшу ли она тебѣ напомнила, али ты вообще дѣтей любишь?...

— Анисья Степановна, отвѣчала Слѣпнева, въ раздумьи: — съ той минуты, какъ на моихъ рукахъ скончалась дочь покойница, всѣ мои слезы ледяной глыбой застыли у меня на сердцѣ. Одному Господу вѣдомо, какъ я молилась, чтобы онѣ растаяли и изъ глазъ брызнули; какъ онѣ душили, мучили меня!... И вдругъ, сегодня, крикъ вашей дочери растопилъ эти слезы, и я, первый разъ въ семнадцать дней, заплакала... Видите, и теперь плачу... Скажите послѣ этого, неужели я могу сглазить дочь вашу моимъ взглядомъ?

— Все такъ, Надя, отвѣчала тронутая Смковина: — я понимаю, что дѣтскій крикъ сильно подѣйствовалъ на твою душу, и дочь тебѣ напомнилъ... Все такъ!... Но Таисиньки до крестинъ, все же, не покажу, извини.

— Ваша воля, Анисья Степановна. — Но, скажите, какіе глазки у Таисиньки?

— Обнаковенно темненькіе покуда... Какіе еще глаза у трехнедѣльнаго младенца.

— А волоски русые?

— Русые.

— Щечки полныя?

— Ничего, какъ наливные яблочки... Да вотъ потерпи съ недѣлку, сама увидишь.

— Непремѣнно, неpremѣнно увижу, Анисья Степановна! отвѣчала радостно Слѣпнева. — А теперь позволите ли вы мнѣ издали перекрестить вашу Таисиньку?

— Это можешь.

— Да будетъ же надъ тобою, ангелъ хранитель, прошептала Надежда, опускаясь на колѣна и благословляя колыбель. — Когда

въ пустынь, изнуренный жаждою, шелъ народъ, избранный Богомъ, Моисей источилъ воду изъ камня... Такъ и твой голосъ, непорочный младенецъ, изторгъ слезы изъ моего окаменѣлаго сердца. Мое дитя испустило послѣдній вздохъ въ ту минуту, какъ ты свой первый крикъ... И, кто знаетъ, не въ тебя ли вселилась душа моей дочери?

— Возьми же свои деньги, сказала Смоквина, не появившая почти ни слова изъ странныхъ рѣчей Надежды, но тѣмъ не менѣе довольная лаской, оказанной дочери. — Не я даю, Таисинька даетъ.

— Отъ нея возьму, сказала съ улыбкой Надежда: — и сама приду поблагодарить ее.

Когда Смоквина рассказала вечеромъ своему мужу о странномъ поведеніи Слѣпневой, купецъ, поглаживая бороду, мрачно спросилъ:

— Дочку ей не показала?

— Сохрани Господи.

— И хорошо едѣлала, а то долго-ль до бѣды...

— Ты думаешь, сглазила бы?

— А можетъ, спужала бы до смерти. Съ сумасшедшими шутки плохи.

— Да развѣ Слѣпниха?...

— Какъ есть полоумная, это изъ ея рѣчей и изъ ея дѣловъ замѣтно! хладнокровно порѣшилъ Смоквинъ.

Пышно отпраздновали крестины; гости разошлись сыты по горло, а многіе и пьяненькіе. Всѣ единодушно пророчили новорожденной завидную участь; супруга совѣтника требовала серьезно, чтобы Смоквины дали дочери блестящее воспитаніе: «съ хорошимъ приданымъ да съ образованіемъ», сказала она: — «ваша дочка въ дѣвицахъ не засидится!»

На другой день, рано утромъ, Слѣпнева пришла къ Смоквинымъ съ небольшимъ сверткомъ въ рукахъ, спрашивая, можно ли видѣть хозяйку. Черезъ нѣсколько времени ввела ее кухарка въ спальню; распеленутая Тансія не спала и лежала въ колыбели.

— Здравствуй, Надя, сказала купчиха, становясь между нею и входящей Слѣпневой.

— Поздравляю васъ, Анисья Степановна, съ крестинами, а Тансію Антоновну позвольте поднести небольшой подарокъ.

Тутъ Надежда подала свой свертокъ купчихѣ. Смоквина раз-

вернула и увидѣла прекрасную батистовую рубашечку, мастерски вышитую и украшенную розовыми ленточками.

— Ахъ, Надя, произнесла она:—охота же тебѣ тратиться!

— Миѣ эта рубашечка ничего не стоитъ, отвѣчала Слѣпнева:—это я давно шила на заказъ одной барынѣ.

Оно было не совсѣмъ такъ. Матеріалъ былъ купленъ на трудовой цѣлковый, а надъ шитьемъ Слѣпнева убила двое сутокъ, не разгибая спины и не смыкая глазъ.

Смоквина предложила было ей синенькую, Надежда, разумѣется, отказалась и напомнила ей только обѣщаніе показать Тансіню. Скрѣпя сердце, купчиха исполнила ея желаніе—и сама была этому не рада.

Съ вытаращенными глазами, полуоткрытымъ ртомъ, Надежда стояла, какъ вкопанная, протянувъ руки къ хорошенькому младенцу.

Съ этого самого дня, Слѣпнева повелась ежедневно ходить къ сосѣдямъ, не смотря на воркотню Антона Петровича и косые взгляды его сожительницы. Надежда почитала за счастье стирать дѣтское бѣлье, тѣшить Тансиньку шутками, прибаутками—все это, разумѣется, бесплатно.

Ребенокъ замѣтно привыкалъ къ своей незваной нянѣ, замѣтно тосковалъ безъ нея, замѣтно радовался ея приходу.

— Нечего дѣлать! сказалъ Антонъ Петровичъ своей женѣ черезъ полгода:—возьмемъ, пожалуй, Надежду въ няньки нашей Тансін. Дочка-то ужъ къ ней больно привыкла, да и Слѣпниха отъ нея безъ памяти!

— Я сама то же думала, отвѣчала Анисья Степановна. — Нужно ли говорить, съ какимъ восторгомъ приняла Надежда предложеніе Смоквинныхъ?

— Только чуръ, смотри у меня, сказалъ ей купецъ въ первый же день ея вступленія въ должность:—помни, что за андельской душой ходишь; вести же себя честно. Покойную Танюшу ты, говорятъ, прижила съ какимъ-то тамъ офицерикомъ... Чтобъ теперь этого не было! Ежели замѣчу, что съ подлюбовниками шуры-муры заводишь, сей же часъ въ шею, слышишь?

И посвятила душу свою Надя Слѣпнева малюткѣ Тансін, и замкула все свое существованіе между могилою покойной дочери и колыбелью малютки Смоквинныхъ.

VII.

Прошло одиннадцать лѣтъ.

Семейство Смоквинныхъ, по приглашенію родственника Антона Петровича, богатаго фабриканта, переселилось въ Москву, и живетъ въ хорошенькомъ домикъ на Мясницкой. Хозяинъ, компаньонъ фабриканта, занятъ дѣлами; хозяйка толстѣетъ и тупѣетъ; Таисія, въ сопровожденіи Слѣпневой, ежедневно ходитъ по извилистымъ улицамъ древней столицы, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе знакомится съ ея достопримѣчательностями. Слѣпнева имѣла огромное вліяніе на нравственное развитіе Таисіи.

Года черезъ три послѣ своего переселенія въ Москву, Смоквинъ, слѣдуя давнишнему собственному желанію и просьбамъ жены, собрался на богомолье въ Троицко-Сергіевскую лавру. Таисія была внѣ себя отъ восторга, когда родители объявили ей о ихъ намѣреніи.

— Конечно съ няней Онисимовной? спросила она.

— Конечно, нѣтъ, отвѣчала мать:—на кого же намъ, кромѣ нея, домъ оставить?

— Маменька, голубушка, возьмемъ Онисимовну! умоляла Таисія.

— Нельзя, душенька.—На будущее лѣто, Богъ дастъ, живы, здоровы будемъ, ты сама съ ней сходишь, а таперича куда съ нами пойдешь!...

— Да мнѣ безъ няни скучно!

— Видно она тебѣ милѣе отца и матери? обидчиво возразила Смоквина.

— Нѣтъ, только я люблю молиться съ нею...

— Будетъ еще время, помолишься и съ ней. А какъ возвратишься, ты все ей расскажешь, ласково замѣтилъ отецъ:—а она порадуется, какъ будто и сама была съ нами.

За заставой число попутчиковъ, особенно же попутницъ, всякаго возраста, примѣтно умножилось. Однѣ опережали Смоквинныхъ; другія поотстали, присѣвъ отдохнуть на поляхъ, разстилающихся по обѣимъ сторонамъ дороги.

Въ Пушкинѣ Смоквины собрались ночевать. Насилу нашли они себѣ пріютъ.

Изба, въ которую ихъ впустили, была просторная и довольно чистая; при входѣ ихъ встрѣтила постоялица, великодушно предложившая нашимъ путникамъ раздѣлить съ ними свой ночлегъ. Это была женщина высокаго роста, смуглая, черноглазая, лѣтъ сорока. Одежда ея состояла изъ чернаго фланелеваго платья, перепоясаннаго ремнемъ, и большаго чернаго же платка на головѣ; въ углу на скамьѣ лежала небольшая котомка и бѣлый посохъ.

— Не за что, не за что! отвѣчала странница въ отвѣтъ на благодаренія Смоквинныхъ. — Вы изъ Москвы?

— Московскіе, матушка, московскіе, отозвалась Анисья Степановна, садясь на скамью. — Про купцовъ Смоквинныхъ не слыхали-ль?

— У которыхъ фабрика за Калужской заставой?

— Мы самые и есть-съ.

— Слыхала, отвѣчала странница, хоть я сама и не изъ Москвы.

— А откуда-съ? спросилъ Смоквинъ.

— Я изъ Кіева, а въ Москвѣ проѣздомъ.

— Такъ-съ, за сборомъ должно быть-съ?

— Нѣтъ, я не изъ монастыря.

— А я думалъ, судя по одеждѣ...

— Нѣтъ, черное платье я ношу по обѣщанію съ самаго дѣтства. Господь спасъ меня отъ потопленія, и съ той поры я дала клятву не носить цвѣтнаго платья...

— Такъ-съ, святое дѣло, святое дѣло-съ. Имя ваше, смѣю спросить?

— Меня зовутъ Иларіей Фотіевной.

— Не угодно ли, Иларія Фотіевна, чайку съ нами откушать?

— Благодарю, чай я уже пила.

— Такъ закусить не угодно ли?

— Когда я иду на поклоненіе святыни, я ничего не ѣмъ, кромѣ черстваго хлѣба, сухо замѣтила странница. Чревоугодіе— грѣхъ великій.

— Папаша, дайте-ка мнѣ пирожка! сказала Тансія, до этого времени сидѣвшая недвижно подлѣ матери.

Странница быстро взглянула на нее, съ выраженіемъ глубокаго презрѣнія.

— Ты бы, какъ видно, черствымъ хлѣбомъ не довольствовалась? произнесла она съ улыбкой.

— Зачѣмъ ѣсть сухой хлѣбъ, спокойно отвѣчала дѣвочка, принимаясь за пирогъ: — если можно ѣсть пирогъ?

— Видно ты дитя балованное?

— Спросите моихъ родителей, а я не знаю.

Отецъ и мать Таисіи робко переглянулись; странница закусила тонкія губы.

— Вы, матушка, бывали у Троицы-Сергія? спросила Анисья Степановна.

— Разъ шесть сподобилъ Господь.

— А мы впервой идемъ, матушка. Вотъ бы славно, еслибъ съ вами вмѣстѣ идти? Вы бы нашей руководительницей были...

— Охотно. Только я завтра выйду въ пятомъ часу, а вы, пожалуй, разоспитесь?

— Таперича одиннадцатый часъ, сказалъ Смоквинъ, взглянувъ на свою серебряную луковицу. — Шести часовъ для нашего сна за глаза довольно.

— А я довольствуюсь и тремя часами въ сутки! замѣтила странница. — Ежели хочется идти завтра со мной, совѣтую вамъ спать ложиться.

— Сейчасъ, сейчасъ, почтительно отвѣчалъ Смоквинъ, собирая остатки ужина въ котомку.

— Надѣюсь, что вы идете на Хатьковъ? спросила странница, безъ церемоніи ложась на солому въ углу комнаты.

— Какъ же-съ, безпремѣнно!

— То-то. Такъ я васъ завтра разбуджу.

Слѣпневы, на противоположномъ углу, угибѣздились тоже въ свою очередь на соломкѣ, и минутъ черезъ пять уснули богатырскимъ сномъ, изнуренные продолжительной ходьбой по лѣтнему зною.

VIII.

Вѣрная своему обѣщанію, странница чуть свѣтъ разбудила Смоквиныхъ. Всѣ они вышли вмѣстѣ и продолжали свой путь въ лавру.

Уже Хатьковъ монастырь скрылся изъ виду, какъ частый дождь зашумѣлъ лѣсомъ. Толпы богомольцевъ разбѣжались подъ деревья и по кустамъ; крупныя капли, упавая на пыльную дорогу, рассыпались сначала дробинами, наконецъ слились въ необо-

зримыя лужи... Вдругъ, свѣтло-фіолетовая змѣйка пробѣжала по темнымъ тучамъ...

— Святъ, Святъ, Святъ Господь Саваоѡ! раздалось по лѣсу изъ подъ каждаго дерева.

Дождь усилился, и шумъ его, и свистъ слился, съ приближающимися громовыми перекатами. Въ воздухѣ запахло смолой молодого березняка, листья блестѣли, будто покрытые лакомъ. Второй громовой ударъ былъ сильнѣе и долго повторяло его эхо радонежскихъ лѣсовъ и овраговъ. Страница дрожала какъ въ лихорадкѣ, на искаженномъ ея лицѣ былъ написанъ непритворный ужасъ; Аниѣя Степановна, глядя на нее, тоже была ни жива, ни мертва; Смоквинъ хмурился... одна Таисія была спокойна. Гроза удалялась... Богомольцы снова окружили Иларію Фотіевну.

— А знаете ли, честные христіане, говорила она, оправясь отъ испуга: — отчего Божій громъ происходитъ и что онъ знаменуетъ?

— Илья пророкъ батюшка, на огненной колесницѣ по облакамъ воздушнымъ шествуетъ! прошамшила близъ стоявшая старушка.

— Это вѣрно; а что громъ знаменуетъ? спросила Иларія Фотіевна, окидывая все собраніе величественнымъ взглядомъ; и только что готовилась сама же дать себѣ отвѣтъ, какъ подошедшая къ этой группѣ Таисія громко спросила, обращаясь къ отцу:

— Тятенька, громъ отъ того, что Илья пророкъ на огненной колесницѣ ѣдетъ. Да?

— Да вѣдь ты слышишь что матушка Иларія Фотіевна, говорить? отвѣчалъ Смоквинъ.

— Но вѣдь Богъ создалъ громъ до Ильи пророка... Отчего же тогда-то дѣлался громъ? пылливо спросила Таисія. — Няня говорила мнѣ, что это не правда, будто громъ отъ Ильи пророка. Вотъ, тоже мѣсяцъ...

— Славная же няня у твоей дочери, Аниѣя Степановна! сказала язвительно Иларія Фотіевна: — научила она Таисію уму разуму, хорошо! То-то я замѣчаю, что дѣвочка что-то бойка не по лѣтамъ, старшихъ не уважаетъ, да козыремъ на нихъ поглядываетъ. Надо полагать, у васъ няня изъ еретичекъ!

— А что это такое еретичка? спросила Таисія.

— Значитъ—богоотступница! пояснила странница. — Значитъ, она святыхъ уставовъ не признаетъ и лукаво мудрствуетъ!

— Нѣтъ, крикнула Таисія, заплакавъ: — это вы лукавите, а моя няня добрая!..

— Таисія, перебили ее сконфуженные отецъ и мать: — да какъ ты смѣешь?

— А зачѣмъ она смѣетъ няню бранить, когда сама ее никогда не видала? Няня, можетъ быть, получше ея самой, хоть въ черномъ платьѣ и не ходитъ!

— Что, родители, каково ваша дочка поговариваетъ! спросила блѣднѣя отъ ярости Иларія Фотіевна: — видно нянюшка-то сѣяла на добрую почву? Ну, продолжала она, приподнимаясь съ земли: — дождь пересталъ, можно идти дальше... Только ужъ извините, а вы мнѣ больше не товарищи. Гдѣ мнѣ, неразумной, съ такими умниками бесѣдовать!

Богомолки, окружавшія Иларію, тоже отхлынули отъ Смоквинныхъ, косясь на Таисію.

И подъ деревомъ остались одни Смоквины съ дочерью.

— Видишь ли, крикнула мать, толкнувъ ее въ плечо:—видишь ли, дрянъ дѣвчонка, что ты надѣлала! И какъ ты посмѣла такіа дерзости говорить смиренной странницѣ? Ты не думаешь ли, и въ самомъ дѣлѣ, что умнѣй твоей няни и человѣка нѣтъ? Али потому, что она тебя, дуру, читать выучила?..

— Ты видѣла, какъ мы съ уваженіемъ слушали правдивыя изреченія праведной странницы, замѣтилъ отецъ нѣсколько мягче: — слушали и молчали, а ты споръ затѣяла...

— Хорошо, Иларія Фотіевна души не злобой, и долго не будетъ гнѣваться, ну, а ежели ты ее и въ самомъ дѣлѣ обидѣла?

— Изволь у ней прощенья попросить!

— Я не виновата! всхлипывая произнесла Таисія.

— Виновна ли, нѣтъ ли, все равно, проси прощенья! Она старше тебя, значитъ и умнѣе...

— Антошъ Петровичъ, догонимъ ее, нашу голубушку, торопливо замѣтила Смоквина: — авось она хоть насъ-то проститъ. А ты, Таисія, ежели прощенья не попросишь, мы тебя на дорогѣ одну оставимъ... пусть тебя...

— Нечего пустяками страшать, перебилъ мужъ:—одну ее мы не оставимъ, а прощенья она попроситъ. Да, Таисинька, если папу и маму любишь?

Догнали Иларію Фотіевну, и Смоквина бросилась къ ней на шею, умоляя не гнѣваться.

— За что? спросила странница съ притворнымъ удивленіемъ.

— За глупость дочки-то нашей, матушка! Таисія, сію же минуту руку цалуй...

— За что, за что? спрашивала Иларія Фотіевна, будто ничего не понимая...

— Она согрубила вамъ...

— А я право ужъ и позабыла, я долго гнѣваться не люблю, матушка, да и не умѣю. Одно тебѣ скажу, дочери много воли даешь. Наскочитъ она на инаго человѣка, посердитъе меня, такъ въ такую кашу тебя съ мужемъ запутаетъ, что и не выкупитесь.

— Таисинька, проси же прощенья!

Таисія, истерически рыдая, краснѣя отъ стыда, пролепетала что-то.

— Руку поцалуй, дрянная дѣвчонка! крикнула мать, наклоня ея головку къ рукѣ странницы.

— Ну, ну, прощаю! величественно произнесла та:—и вы меня простите, если я что лишнее сказала... Сами знаете: языкъ нашъ —врагъ нашъ. Теперь мы съ тобой друзья, Таисія?

— Вотъ-то андельская душа! сказалъ кто-то въ толпѣ богомолковъ.

— Я-бы не простила!

— Со мной бы дѣвчонка такъ дешево не раздѣлалась.

Странники приближались къ святой обители.

Богомолки принялись размахисто креститься, многія заголосоли, нѣкоторыя и всплакнули... А вечернее солнце озаряло обитель и играло на крестахъ многочисленныхъ ея храмовъ.

IX.

Со дня отбытія Смоквиныхъ на богомолье, прошла недѣля, и Надежда Онисимовна стала тревожиться. Въ послѣдніе два дня, она по цѣлымъ часамъ стояла за воротами, поджидая хозяевъ; ночью глазъ не смыкала—не ѣдутъ!

Съ перваго дня разлуки съ Таисіей, Слѣпнева, не смотря на ея отсутствіе, ежедневно перестилала ея постельку; ложась спать, крестила и цѣловала ея чистенькую подушечку; перебирала ея игрушки, книжки, купленные большею частію на свое скудное

жалованье. Въ эти одиннадцать лѣтъ, память о покойной дочери не изгладилась изъ сердца Слѣпневой, но она, такъ сказать, сплавилась съ любовью къ Таисіи.

Наконецъ, на восьмой день, въ полуденную пору, къ воротамъ подъѣхала рогожная кибитка — и Надежда, внѣ себя отъ радости, приняла Таисію въ объятія; за дѣвочкой Смоквинъ, за нимъ — хозяйка, а за нею — Иларія Фотіевна.

— Все ли цѣло и благополучно! спросилъ купецъ вѣрную няню.

— Все, слава Богу, отвѣчала она, на минуту отрываясь отъ поцалуевъ Таисіи. — Только съ фабрики, отъ Евсигнѣя Прохорыча конторщикъ два раза приходилъ.

— Эта и есть няня? шепнула странница хозяйкѣ, искоса взглянувъ на Слѣпневу. — Она еще молода, да и собой для няньки больно красива!

Послѣднія слова были сказаны какимъ-то страннымъ, двусмысленнымъ тономъ.

Хозяева и гостя гурьбой вошли въ домъ; Таисія, сопровождаемая няней, побѣжала въ свою комнату, Смоквина повела странницу къ себѣ въ гостиную, хозяинъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

— Дому вашему миръ и благословеніе! произнесла Иларія Фотіевна, снимая съ плечь котомку и ставя въ уголъ свой посохъ.

— Какъ тебя благодарить, матушка, ужъ и не знаю! сказала хозяйка, обнимая странницу и усаживая ее на диванъ. — Чѣмъ просить тебя съ дорожки?

— Сегодня пятница, а я уже говорила тебѣ, что по средамъ и пятницамъ я ничего не ѣмъ.

— Твоя воля, матушка, твоя воля! Наше грѣшное дѣло, на тебя, праведную душеньку, дивоваться да примѣръ съ тебя брать...

— Трудновато моему примѣру слѣдовать, Анисьюшка, трудновато! Я скажу тебѣ по дружески; вѣдь миѣ въ дѣтствѣ откровенія были, а даръ прозорливости и по сіе время иногда проявляется. Ты говоришь, я осчастливила васъ своимъ посѣщеніемъ, а вѣдь оно дѣйствительно такъ, если хочешь знать. Куда я ногой ступлю, такъ на этотъ домъ благодать и посыплется, гдѣ я побываю — тамъ прибыль! Иду по ножевой линіи въ городъ, такъ вѣришь ли, купцы умоляютъ, чтобы я въ лавку зашла:

«счастье приносите», говорят. И помани мое слово, что домъ вашъ постигнетъ неожиданное благополучіе...

Въ эту минуту въ гостиную вошелъ Смоквинъ.

— Ну, Анисья, сказалъ онъ женѣ: — я къ брату Евсигнѣю Прохорычу пойду, можетъ быть, тамъ и переночую. А вы, матушка, Иларія Фотіевна, располагайтесь, какъ у себя дома, милости просимъ. Угодно ночевать здѣсь на диванѣ, а не то въ нашей спальнѣ...

— Миѣ на твоємъ грѣшномъ ложѣ спать не подобаетъ! отвѣчала странница.

Смоквинъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но только крикнулъ и вышелъ съ поклономъ. Не смотря на вѣжливое его обхожденіе со странницей, онъ былъ не совсѣмъ-то доволенъ ея присутствіемъ у нихъ въ домѣ. Онъ терпѣливо выслушивалъ ея душе-спасительные рассказы въ дорогѣ и во время богомолья; тамъ онъ были еще у мѣста, но теперь аскетическое настроеніе духа у купца прошло, онъ начали ему набивать оскомину. Ему не нравились выходки странницы на счетъ Таисіи, ея рѣзкій повелительный тонъ; какъ деспотъ у себя въ домѣ, онъ не могъ терпѣть посторонняго вліянія. Иларію Фотіевну зазвала хозяйка, очарованная ея знакомствомъ. По уходѣ хозяина, гостя и Анисья Степановна вздохнули какъ будто спокойнѣе, а разговоръ сталъ живѣе и свободнѣе.

— Доскажи миѣ исторію про вашу няню, сказала странница: — такъ она къ вамъ въ домъ и втерлась?

— Разжалобила меня, да и Таисію къ себѣ приучила, матушка!

— А мужъ не противился? вкрадчиво спросила странница, смотря въ глаза хозяйкѣ.

— Антонъ Петровичъ сначала и руками, и ногами, а тамъ — согласился, отвѣчала та простодушно.

— Ну, разумѣется! подхватила Иларія съ язвительной улыбкой. — Ей тогда было лѣтъ двадцать, такъ?

— Такъ, матушка.

— А тебѣ, подъ сорокъ?

— Тридцать семь, матушка.

— А мужу?

— Пятьдесятъ первый годъ. А что, матушка?

— Такъ, ничего. Удивляюсь только, какъ можно брать въ няньки потерянную женщину, грѣшницу? Не разумно!

— Она вела себя отлично, матушка, надобно правду сказать. Опять же обиды отъ насъ никакой не было, жалованье хорошее, подарки къ праздникамъ. Служила намъ вѣрнѣй собаки, а какъ Антонъ Петровичъ въ позапрошломъ году боленъ былъ, она девять ночей глазъ не смыкала!..

— Ну еще бы!.. отвѣчала странница съ прежней ужимкой. — Впрочемъ, будетъ говорить объ этой блудницѣ: у меня отъ нихъ вообще отвращеніе какое-то. Знаешь, какъ сама-то я до сорока лѣтъ дожила въ цѣломудріи, такъ грѣшницы противны какъ-то.

— Вѣрю, Иларія Фотіевна, вѣрю. Одно слово, ты чиста, акн... акн... эхъ, не знаю, какъ это по книжному говорится.

— Все равно. На счетъ няньки скажу тебѣ только, держи ухо востро и воли ей не давай. Мужъ-то твой съ ней ласково обходится?

— И словомъ не обидитъ. Онъ, ради Таисіи, ее какъ родную любитъ.

— Такъ, такъ! Еще бы не любить. Не хочу я устъ моихъ сквернить, а то-бы поговорила съ вашей няней... Миѣ кажется, я не ошибаюсь!

— Въ чемъ это, матушка? живо спросила Смоквина.

— Про-то я знаю, Анисьюшка. Дай Богъ, чтобы прибытіе мое въ вашъ домъ принесло счастье и водворило доброе согласіе. Время-то миѣ дорого, а то бы я все до тонкости узнала.

Станница имѣла многочисленныхъ поклонницъ, къ которымъ присоединилась и Смоквина. Онѣ слушали ее съ благоговѣйнымъ ужасомъ, слѣдовали ея совѣтамъ, исполняли безпрекословно ея приказанія, считали ее праведницей...

Часовъ въ шесть Смоквина повела свою дорогую гостью къ чайному столу, куда вскорѣ пришла и Таисія съ своей няней. Глаза дѣвочки горѣли лихорадочнымъ огнемъ, яркій румянецъ пылалъ на щекахъ, губы были сухи, обкусаны; она съ трудомъ смотрѣла на пламя свѣчи.

— Таисинька! вскричала Смоквина: — ты больна?

— Голова болитъ, маменька! прошептала дѣвочка.

— Солицемъ припекло, хладнокровно замѣтила странница: — лягъ спать и за ночь все пройдетъ. Небойсь, не помрешь.

— О смерти, сударыня, Таисіи рано думать! возразила Надежда, нахмуривъ брови.

— Напрасно, милая! отвѣчала Иларія Фотіевна, бросивъ на

нее презрительный взглядъ. — Каждый изъ насъ долженъ вспоминать о смертномъ часѣ.

— Да, изъ насъ, а не изъ безгрѣшныхъ дѣтей, сударыня. Мы съ вами ужъ пожили, а Таисіа только жить начинаетъ.

— Послушай, милая, произнесла медленно странница: — я тебя покорно прошу со мной не равняться, потому что нощный вранъ не товарищъ голубицѣ. У меня душа, можетъ, быть почище нежели у твоей Таисіи. О твоей душѣ ужъ не говорю...

— Я и безъ васъ знаю, что я грѣшница, сударыня! спокойно отвѣчала Слѣпнева:—но въ сравненіи съ Таисіей вы, какъ уголь передъ снѣгомъ.

— Анисья Степановна, слышишь?

— Молчать, Надя! крикнула Смоквина.

— Замолчу, если вы приказываете, но и странницѣ смиренной помолчать не мѣшало бы!

— Передъ тобой? крикнула Иларія, блѣднѣя и вскакивая съ мѣста.

— Передъ Таисіей, сударыня. Меня обижайте, какъ хотите, а хозяйскую дочку оставьте въ покоѣ. Довольно вы ребенкомъ дорогой натѣшились, а здѣсь увольте. Пойдемъ, Таисинька!

И Слѣпнева на рукахъ унесла свою воспитанницу.

— Слушай, Анисья, сказала странница, дрожа отъ ярости: — да кто же изъ васъ хозяйка въ домѣ, ты, или эта негодяйка?

— Матушка, не сердись на нее, она съ дуру!

— Нѣтъ, голубушка, она поумнѣй насъ съ тобой! Видишь, волю какую взяла, тварь! Она помыкай твоимъ мужемъ, а надо мной форсъ показывать я не позволю.

— Какъ моимъ мужемъ? спросила удивленная купчиха.

— А такъ! злобно отвѣчала странница. — Вольно же тебѣ было въ одиннадцать лѣтъ не замѣтить того, что мнѣ въ одинъ день въ глаза бросилось. Ухаживая за дочкой, она къ тятенькѣ не подбилась ли грѣшнымъ дѣломъ?

— Ну, ужъ на счетъ этого извини, Иларія Фотіевна, не такой Антонъ Петровичъ человекъ! обидчиво возразила Смоквина. — Честнѣй его мужа во всей Москвѣ не сыщешь.

— Не ручайся, Анисья. Всѣ мужчины грѣхомъ живутъ.

— Всѣ, да не Антонъ Петровичъ! онъ у меня праведной жизни человекъ, да и Надежда честная женщина.

— Защищай ее, защищай на свою голову! злобно прошипѣла

Иларія Фотіевна. — Видно, она васъ обоихъ чѣмъ нибудь обнесла. Я какъ чрезъ порогъ вашего дома переступила, такъ почувствовала что-то недоброе, а у меня сердце вѣщунъ...

Смоквина хотѣла-было что-то сказать, но понурила голову, а Иларія Фотіевна, ободренная ея молчаніемъ, продолжала вкрадчиво:

— Будь ваша Надежда дѣвушка безгрѣшная, какъ я сама, тогда дѣло другое. А то сама же ты говоришь, у нея, незамужней, дочь была, и она чуть не силой къ вамъ въ домъ втерлась. Отчего же она не пошла въ услуженіе къ какому нибудь бѣдному человѣку, у котораго большая семья, а выбрала именно домъ богатаго купца Смоквина? Таисія на ея дочь похожа? Да всѣ дѣти на одно лицо, это всѣмъ извѣстно. Повѣрю я, чтобы, поступивши къ вамъ по двадцатому году, молодая, красивая женщина, жила словно отшельница!

— Никуда отъ насъ ни ногой не выходила, живо замѣтила Смоквина.

— Проста же ты, Анисья! Да на что ей далеко было искать, когда Антонъ Петровичъ былъ подъ носомъ?

— Знаешь, Иларія Фотіевна, отвѣчала Смоквина таинственно:—первую пору мнѣ самой это въ голову приходило; сознаюсь, грѣшный человѣкъ! Ну, и слѣдила за ней да за мужемъ, но ничего и похожаго не было...

— Такъ неужто, мать моя, они при тебѣ стали бы любезничать? Ужъ вѣрно же улучали минутку, когда тебя не было дома... Случалось тебѣ оставлять ихъ однихъ?

— Случалось... Только нѣтъ, не можетъ быть! каждому твоему слову вѣрю, а этому вѣрить не могу.

— Не вѣрь, твоя воля! да, признаться, и не слѣдъ мнѣ говорить объ этихъ мерзостяхъ, прости Господи!

Смоквина остальную часть вечера была молчалива и задумчива; будто ничего не замѣчая, странница продолжала свои рассказы, но купчиха слушала ее разсѣянно. Разсужденія о причинахъ ея разстройства завлекли бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ только, что Смоквина на столько любила своего мужа и такъ мало — слѣпневу, что сказанное странницей стало принимать въ ея воображеніи нѣкоторый видъ правдоподобія.

Часу въ восьмомъ Смоквинъ возвратился домой. Его встрѣтила Слѣпнева извѣстіемъ о болѣзни дочери; вотъ почему купецъ, не заходя къ женѣ, прошелъ прямо въ комнату дочери.

Это простое обстоятельство не укрылось отъ вниманія Иларіи Фотіевны, и она, выразительнымъ взглядомъ, по своему перетолковала его Смоквиной.

— Надобно бы послать за докторомъ, сказалъ Антошъ Петровичъ, входя въ комнату жены: — у Таисіи жаръ и бредъ...

— Все пустое, вмѣшалась Иларія Фотіевна: — всѣ эти доктора ничего не смыслятъ. Всего лучше пошли ты на Болканъ, въ домъ Розовой. Тамъ проживаетъ Тимоша, старецъ юродивый, онъ всякія болѣзни лечитъ...

— Такъ-съ, отвѣчалъ купецъ съ худо скрываемымъ неудовольствіемъ: — только, мнѣ думается, докторъ благонадежнѣе будетъ.

— Твоя воля, я тебѣ же добра желаю.

— Ты опять къ Таисіи? спросила Смоквина, видя, что мужъ идетъ изъ комнаты.

— Да, пошлю за докторомъ! отвѣчалъ Антошъ Петровичъ.

— Ну, Анисья, говорила странница черезъ нѣсколько минутъ, взваливая за плечи свою котомку: — спасибо тебѣ за пріютъ, и храни тебя Господь отъ всякаго бѣдствія. Вижу я, мать моя, что въ вашемъ домѣ у одной тебя душа праведная, а то грѣхъ въ воздухѣ растворенъ. Вотъ тебѣ на память четки съ Аѳонской горы, авось онѣ охранять тебя отъ злаго наважденія... На обратномъ пути, авось, увидимся!

— Зачѣмъ спѣшишь такъ, родная моя! упрасивала купчиха: — у меня въ головѣ такая сумятица...

— Что же дѣлать, мать моя, всяко бываетъ! Терпи и помни, что мы не на радость, а на горе родимся на свѣтъ Божій. Воли вашей Надеждѣ не давай, не то всѣмъ вамъ худо будетъ, слово мое не ложно. Слѣди за ней и за мужемъ, они недоброе мыслятъ.

— Голубушка ты моя, чуть не плача возразила купчиха: — ты сказывала, счастье въ домъ приносишь, а какое же таперича мое счастье будетъ?

— Какъ же не счастье, если я открыла тебѣ глаза на счетъ этой обманщицы? Да постой, мѣсяца черезъ два опять свидимся, авось я что нибудь придумаю. Ну, а пожертвованіе на обитель святую дашь?

— Какъ же, какъ же! Вотъ два золотыхъ лобанчика да синенькая...

— А вещами?

— Есть лому серебрянаго немножко, собрать надо.

— Ну, это въ будущій разъ, до свиданія!

И странница оставила домъ Смоквиныхъ.

Болѣзнь Таисіи, по заключенію доктора, была не опасна. Онъ нашелъ небольшое нервное разстройство и прописалъ успокоительное лекарство, отъ котораго послѣ двухъ, трехъ пріемовъ двѣдушкѣ примѣтно сдѣлалось легче. Обрадовалась Слѣпнева, но въ то же время не могла не замѣчать, что обхожденіе съ нею хозяйки замѣтно измѣнилось, и поняла, что пробѣжавшая между ними черная кошка, никто иной, какъ Иларія. Настоящая причина охлажденія хозяйки, разумѣется, не приходила ей въ голову...

Дней черезъ пять послѣ ухода странницы, рано утромъ, когда Смоквины еще были въ постели, къ нимъ прибѣжалъ старшій конторщикъ отъ брата Евсигія Прохорыча.

— Что случилось, Павлуша? спросилъ встревоженный Антонъ Петровичъ, выбѣгая въ кухню.

— Евсигій Прохорычъ приказали долго жить! отвѣчалъ конторщикъ.

— Братецъ умеръ?!

— Ударомъ-съ. Съ полчала назадъ пришли въ контору, стали фактурки подписывать, да вдругъ захрапѣли — и Богу душу отдали-съ!...

Х.

Смерть Евсигія Прохорыча громовымъ ударомъ поразила Смоквиныхъ. Антонъ Петровичъ повѣсилъ носъ; а ревнивыя мечты, внушенныя Анисѣ Степановнѣ благочестивой странницей, смѣнились иными, болѣе пріятными мыслями. Мужъ—компаньонъ покойнаго, кромѣ Смоквина у Евсигія Прохорыча родни нѣтъ, а имущество осталось огромное, капиталы богатѣйшіе. Ежели нѣтъ духовной, по закону все должно принадлежать Антону Петровичу... Что, если?...

Тутъ промелькнули въ памяти Анисы Степановны знаменательныя слова Иларіи Фотіевны при вступленіи въ ихъ домъ: «гдѣ бываю, тамъ людямъ счастье приношу!» Если наследство достанется Антону Петровичу, еще ли причиною этому счастью

не назвать страничку? Эта мысль до такой степени занимала Смоквину, что она рѣшилась сообщить ее и супругу.

— Да неужто тебѣ Иларія Фотіевна это предсказала? спросилъ удивленный Смоквинъ.

— Да, Антонъ Петровичъ, и еще какъ явственно, словно въ руку положила. Въ скоромъ, говорила, времени, получите неожиданное богатство и благополучіе.

— Неужто?

— Ей-Богу. Ну что, если это сбудется?

— Сбудется, тогда пожалуй и я готовъ сознаться, что Иларія Фотіевна женщина прозорливая. Только сумлѣваюсь, Анисья, крѣпко сумлѣваюсь. Покойный братецъ, въ послѣднее время, очень часто бесѣдовали со своимъ закадычнымъ другомъ, Варнавою Савичемъ Послушнымъ...

— Этимъ толстякомъ, что мы на панафидахъ видали?

— Именно. Дѣловъ они вмѣстѣ никогда не водили, а между тѣмъ, покойникъ отъ него ничего не скрывалъ, и Послушный знаетъ на перечетъ всѣ его долги и капиталы, какъ свои пять пальцевъ. Что, ежели братецъ все ему одному отказали?

— Да вѣдь онъ, ты говорилъ, самъ страшный богачъ?

— Денегъ куры не клюютъ, но ты знаешь, что деньга къ деньгѣ льнегъ. А какой же богачъ въ свѣтѣ отъ полумилліона откажется!

— Онъ столовѣръ?

— Да, раскольникъ.

— Пустое, братецъ не могъ ему все имущество отказать...

— Увидимъ, увидимъ!

— Увидишь, что Иларія Фотіевна не напрасно сказала!

Черезъ шесть недѣль вскрыли духовную. Душеприкащикомъ покойный назначилъ Варнаву Савича Послушного, а наследникомъ — Антона Петровича Смоквина. Такимъ образомъ ему достались: фабрика со всѣмъ наличнымъ товаромъ, все движимое имущество, и, за уплатой немногихъ долговъ, около трехсотъ тысячъ капитала. Незабвенный день въ жизни Антона Петровича, но еще болѣе радостный для Анисьи Степановны!

— Что, что, твердила она мужу: — можно ли послѣ этого не вѣрить Иларіи Фотіевнѣ?

Богатство ни на волосъ не измѣнило домашняго быта Антона Петровича; прибавилось только нѣсколько новыхъ знакомыхъ, изъ должностныхъ лицъ или имѣвшихъ дѣла съ покойнымъ

Евстигійемъ Прохорычемъ. Между ними, особеннымъ расположеніемъ Смоквина пользовался Варнава Савичъ Послушный. Обращаемъ вниманіе читателей на этого человѣка, сдѣлавшагося въ короткое время для Антона Петровича тѣмъ же, чѣмъ была странница для Анисьи Степановны.

Варнава Савичъ слылъ по всей Москвѣ за первѣйшаго богача, предъ которымъ самые именитые были тѣмъ же, что въ лѣсу березовики предъ боровикомъ, не смотря на то, что Послушный проживалъ въ Москвѣ наѣздами, останавливаясь обыкновенно въ скиту, за Рогожской заставой. Никто не могъ съ точностью опредѣлить ни постоянного мѣста его жительства, ни постоянного предмета его торговли. Высокій ростомъ, очень тучный, Варнава Савичъ отличался отъ прочихъ смертныхъ какими-то младенческими чертами безбородаго лица и тонкимъ, почти женскимъ голосомъ, вовсе не гармонирующимъ съ его колоссальной фигурой. Никто никогда не видалъ слезъ на глазахъ этого страннаго человѣка, не подмѣчалъ улыбки на его тонкихъ, блѣдныхъ устахъ... однимъ словомъ, это была какая-то мумія, набитая золотомъ. Говорилъ онъ только о деньгахъ и денежныхъ оборотахъ, сопровождая свои разговоры пощелкиваніемъ костяжекъ на счетахъ... этотъ звукъ былъ обычнымъ аккомпаниментомъ нѣжнаго сопрано Варнавы Савича.

Не успѣла еще Смоквина опомниться отъ радости, доставленной ей полученіемъ наслѣдства, какъ ее постигла новая радость. Въ августѣ того же года, на обратномъ пути изъ Новгорода, у нихъ остановилась Иларія Фотіевна. Нужно ли описывать восторгъ, съ которымъ встрѣтила ее купчиха; какъ разсыпалась передъ нею Анисья Степановна въ благодареніяхъ за сбывшееся пророчество? На этотъ разъ даже равнодушный Антонъ Петровичъ оказалъ странницѣ искреннее уваженіе, которое она принимала съ спокойствіемъ и величіемъ королевы.

— Все это я предвидѣла, отвѣчала она: — какъ предвижу многое. Вы знайте, разъ на всегда, что за ласку, оказанную мнѣ, Господь воздастъ сторицей.

На этотъ разъ обхожденіе странницы съ Таисіей и со Слѣпцовой было совсѣмъ другое, какъ при первомъ посѣщеніи. Она неудостоивала ихъ даже разговоромъ и смотрѣла на обѣихъ съ совершеннымъ пренебреженіемъ, чему, впрочемъ, и няня, и воспитанница были душевно рады. Анисья Степановна вздумала было возобновить разговоръ объ отношеніяхъ мужа къ Надеждѣ,

при чемъ сказала, что не замѣтила за ними ничего подозрительнаго.

— И не замѣтишь ничего, отвѣчала странница: — что было, то прошло. Береги только мои четки. Онѣ водворяютъ чистоту въ супружествѣ и поддерживаютъ доброе согласіе. Я все простила вашей служанкѣ, прости же ей и ты; нынѣ у меня есть намѣреніе, къ которому приступить должна съ чистымъ, незлобнымъ сердцемъ.

— Что же это, матушка?

— Я собираюсь съ одной помѣщицей знакомой въ путешествіе ко святымъ мѣстамъ.

— Въ Ерусалимъ? воскликнула купчиха задыхаясь.

— Да, въ Палестину.

И начались рассказы о предстоящемъ пути, его трудностяхъ и рѣдкостяхъ, которыя странница надѣется увидѣть въ землѣ обѣтованной. Это еще выше прежняго подняло ее во мнѣніи Смоквиныхъ, и она окончательно подчинила купчиху своему вліянію. Аписья Степановна смиренно сдала ей бразды домашнего управленія и изъ хозяйки сдѣлалась служанкой своей гостьи. Съ этой минуты — будто мрачная туча осѣнила домъ Смоквиныхъ. Вставали утромъ, обѣдали, спать ложились въ часы, удобные Иларіи Фотіевнѣ; прежній сытный, хотя и постный столъ, смѣнился какимъ-то отшельническимъ сухоядѣніемъ. Умолкъ рѣзвый смѣхъ Таисіи и смѣнился монотоннымъ голосомъ странницы, читающимъ четив-минен или какую нибудь другую, подобную ей духовную книгу. Такъ прошло пять недѣль, показавшихся пятью вѣчностями Таисіи и Слѣпневой. Антонъ Петровичъ менѣе ихъ терпѣлъ отъ этого деспотизма, онъ хлопоталъ по вводу во владѣніе, а потому очень рѣдко былъ дома; принимая же къ себѣ дорогаго Варнаву Савича, сидѣлъ съ нимъ въ кабинетѣ, куда не долетали псалмопѣнія Иларіи Фотіевны...

Какъ-то въ первыхъ числахъ октября, рано утромъ, когда странницы не было дома, Аписья Степановна съ тревожнымъ видомъ вошла въ кабинетъ къ мужу.

— Что скажешь? спросилъ ее Смоквинъ.

— Послѣ завтра, голубушка наша оставляетъ насъ, произнесла со вздохомъ купчиха.

— Неужели? — и Антонъ Петровичъ испустилъ вздохъ, скорѣе однако же радостный, нежели печальный.

— Да, ѣдетъ, ко святымъ мѣстамъ.

ТРИ ПОКОЛѢНІЯ.

— Дай ей Богъ благополучно.

— Трудный путь, Антонъ Петровичъ, очень трудный путь. Она говоритъ, что тамъ есть мѣста, гдѣ сорокъ верстъ надобно идти степью, а въ степи — львы, тигры, змѣи, медвѣди и волки такъ вотъ и рыщутъ, а изъ-за каждаго куста азіаты въ христіанъ изъ ружей стрѣляютъ.

— Знаю, знаю, что опасно; на то ея усердіе.

— Вчера Иларія Фотіевна заходила къ Дубровскому проситъся, и Николай Романычъ далъ ей двѣсти рублей, она сама показывала...

— Это на дорогу?

— Нѣтъ, на дорогу-то у нея есть. Николай Романычъ далъ ей денегъ на записку себя въ синодикъ, въ синайскомъ монастырѣ. Вотъ я и хочу тебя спросить, много ли ты пожертвуешь?

— Гм! произнесъ Смоквинъ переминаясь: — мнѣ думается, ежели она хочетъ за насъ помолиться, такъ не грѣшно бы и даромъ за нашу хлѣбъ соль...

— Ну, ужъ это тебѣ стыдно, Антонъ Петровичъ! Ты вспомни только, что по ея милости наслѣдство получилъ. Вѣдь Евсигій Прохорычъ ровно черезъ пять дней послѣ ея посѣщенія скончался, ты хоть это вспомни...

— Много ли же ей дать? спросилъ Смоквинъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Ужъ какъ себѣ хочешь, Антонъ Петровичъ, хоть мой личный салонъ заложи, а сотъ пять пожертвовать надобно!

— Да ты рехнулась, Анисья?

— Нѣтъ, батюшка, куда еще въ своемъ умѣ. Вѣдь въ синодикъ-то на вѣчныя времена запишутъ, ты это пойми! Да кромѣ того, Иларія Фотіевна обѣщала привезти елею святаго, пальмовую вѣтку, воды іорданской, да четки изъ святыхъ раковинокъ... Вотъ и разочти самъ... Пяти сотъ только что хватитъ.

Поспорили, поспорили супруги, — и помирились на сотиѣ цѣлковыхъ. За это странница, уѣзжая, даже прослезилась, разцѣловалась со всѣми и съ Надеждой Слѣпневой; всѣмъ подарила финифтяные образки. Съ ея отъѣздомъ, какъ будто посвѣтлѣло въ домѣ Смоквиныхъ.

Въ первыхъ числахъ іюня 1822 года, Антонъ Петровичъ былъ введенъ во владѣніе наслѣдствомъ, отказаннымъ ему Евсигіемъ Прохорычемъ. Вздумалъ стгоряча продолжать фабричное производство, да дѣла пошли вкривь и вкосъ, не въ примѣръ

хуже, нежели при покойномъ. Обратился Смоквинъ за совѣтомъ къ своему оракулу, Варнавѣ Савичу Послушному.

— Фабрика твоя идетъ очень дрянно, отвѣчалъ тотъ—потому что ты въ этомъ дѣлѣ очень мало смыслишь. Я бы на твоёмъ мѣстѣ фабрику-то съ рукъ сбылъ, да за другіе обороты и принялся бы. Ты рожденъ быть купцомъ, такъ и не лѣзь въ фабриканты. Покойный Евсигій общимъ довѣріемъ держался, а къ тебѣ довѣрія нѣтъ; потому его нѣтъ, что ты не Москвичъ, а Петербургская выскочка. Будешь продолжать фабрикой заниматься, такъ весь капиталъ ни за копѣйку просолишь, помани мое слово. Сбывай-ка ее съ рукъ! Поѣзжай въ Питеръ, домъ купи; тамошніе дома хорошій процентъ даютъ. Торговлей займись, да не мелочной, а на биржѣ торгуй; я, пожалуй, къ тамошнимъ тузамъ могу дать тебѣ рекомендательныя письма.

Вѣрный своему обѣщанію, Варнава Савичъ далъ Смоквину рекомендательныя письма, вводившія его въ кругъ петербургскаго биржеваго купечества. Холодно отвѣчалъ онъ на всѣ изъясненія благодарности Антону Петровичу.

— Ежели будете въ Питерѣ, говорилъ тотъ при прощаньи:—надѣюсь, посѣтите?

— Едва ли, другъ любезный...

— Но въ три года нашего знакомства я такъ привыкъ къ вамъ, такъ полюбилъ васъ!

— Полно, полно, Антонъ Петровичъ, не вѣрю я ни чьей любви, ни чьей дружбѣ, а то, что тебя особенно привлекаетъ ко мнѣ, будетъ съ тобою и въ Питерѣ неразлучно.

— Что же это-съ, Варнава Савичъ? простодушно спросилъ Смоквинъ.

Вмѣсто отвѣта, Послушный звякнулъ туго набитымъ кошелькомъ.

XI.

Октябрь 1825 года.

Часы на колокольнѣ Петропавловской крѣпости заунывно пробили одиннадцать; имъ откликнулись часы зимняго дворца, адмиралтейства, думы, но едва ли кто могъ вѣрить, чтобы было утро. Туманъ, полусумракъ, порывистый вѣтеръ взмываетъ гру-

ды желтыхъ листьевъ по адмиралтейскому бульвару. Не приведи Богъ жить въ Петербургѣ въ осеннюю пору!

Въ это время по Лиговкѣ, не подалеку отъ Знаменья, опираясь на кокой-то вычурный посохъ, брела знакомая намъ странница, Иларія Фотіевна. Въ четыре года она почти не измѣнилась, только пополнила да смуглѣе стала, надобно полагать, отъ палящаго зноя Палестины. По нерѣшительной походкѣ и частымъ остановкамъ передъ воротами домовъ, не трудно было отгадать, что наша богомолка отыскиваетъ кого-то по данному адресу.

— Да этотъ, что ли, домъ купца Смоквина? спросила она съ досадою у какой-то бабы, вышедшей изъ воротъ небольшого деревяннаго домика.

— Нѣтъ, матушка, отвѣчала та:—домъ Смоквина вы прошли; вонъ онъ, третій отъ угла.

— Спасибо, голубушка. Разъ пять мимо его прошла! Доску-то хоть бы на воротахъ прибили.

— Кого вамъ? грубо спросилъ дворникъ.

— Гдѣ квартира хозяевъ?

— Антона Петровича, значить? Въ подъѣздъ, на лѣву руку, во второй этажъ... Только вы, того, напрасно, матушка...

— Какъ напрасно? живо спросила странница, сверкнувъ глазами.

— Потому, они только по субботамъ подаютъ, а нонѣ у насъ понедѣльникъ...

— Ахъ ты негодяй! взвизгнула Иларія Фотіевна:—да что же я, по твоему мнѣнію, нищая, что ли? погоди же, голубчикъ, вотъ какъ Антонъ Петровичъ тебя въ три шеи выгонитъ, такъ ты и узнаешь, что я за нищая!

— А кто васъ знаетъ! отвѣчалъ дворникъ, тономъ ниже и пятясь отъ сердитой гостьи.

— Узнаешь, узнаешь, невѣжа, мужикъ этакой, обломъ!...

— Во второй этажъ, на лѣву руку! крикнулъ дворникъ, скрывшись въ свой подвалъ.

— Скотина, неучъ! продолжала браниться Иларія Фотіевна, поднимаясь на лѣстницу, по указанію дворника.

Антонъ Петровичъ, по обыкновенію, былъ въ то утро на биржѣ; Анисья Степановна копошилась у себя въ спальнѣ; Таисія занималась съ учителемъ; все было тихо, мирно... вдругъ на

кухнѣ раздался звонокъ и, вслѣдъ за тѣмъ, громкій споръ женскихъ голосовъ.

— Да вы скажите сперва, кто вы такія! кричала кухарка, а такъ прямо въ комнаты лѣзть не годится!

— Видно вы всѣ въ Питерѣ одурѣли съ богатства! отвѣчалъ другой женскій голосъ:—словно стоворились, нехристи! Меня въ генеральскихъ домахъ...

— Матушка, Иларія Фотіевна! вскричала Смоквина, вошедшая въ кухню на этотъ шумъ и бросаясь къ странницѣ съ распростертыми объятіями.

— Ну, Анисья Степановна! отвѣчала та задыхаясь: — я чай, къ министру легче попасть, нежели къ тебѣ... Отъ великаго богатства больно важны стали!..

— Ну что мужъ твой, дочка? отрывисто спрашивала странница, садясь въ кресла.

— Слава Богу, слава Богу. Какъ ты насъ, родная, отыскала?

— Въ Москвѣ, на фабрикѣ сказывали... Какъ я изъ святыхъ мѣстъ возвратилась...

— Сподобилъ Господь? съ восторгомъ спросила Анисья Степановна.

— Была, была. Ну, захожу въ вашъ домикъ въ Москвѣ, анъ и слѣдъ простылъ... — Ну, а вы какъ въ Питерѣ устроились?

— Хорошо, матушка, очень прекрасно! Супротивъ Москвы не въ примѣръ лучше. — Позволь же тебя чайкомъ попросить, а тамъ наши покои тебѣ покажу, если желаешь. Ахъ ты моя ненаглядная! чуть ли не въ сотый разъ повторила Смоквина: — въ Ерусалимѣ была!

И она торопливо вышла изъ комнаты.

«Поглупѣла, мое сокровище, за это время!» подумала странница, посмотрѣвъ ей вслѣдъ съ презрительной усмѣшкой.

Рядомъ съ кабинетомъ Антона Петровича была въ квартирѣ Смоквиныхъ небольшая комнатка, въ одно окно, почему-то называемая буфетной, хотя въ ней никогда не стояло буфета, ни даже шкафа съ посудой. Года два тому назадъ, буфетную уступили Тансиі, для ея учебныхъ занятій, и съ того времени комнатка совершенно преобразилась. На стѣнахъ явились ландкарты, на столѣ, сдвинутомъ на средину комнаты — книги, тетради, письменныя принадлежности, и здѣсь-то, раза по четыре въ недѣлю, въ присутствіи неразлучной Онисимовны, дочь Смокви-

ныхъ занималась со своимъ учителемъ, Евлампіемъ Егорычемъ Витязевымъ.

Въ то самое утро, когда Иларія Фотіевна, послѣ долговременныхъ странствованій по святымъ мѣстамъ, осчастливила домъ Смоквиныхъ своимъ посѣщеніемъ, въ буфетной былъ классъ нѣмецкаго языка, и Таисія, по диктовкѣ Витязева писала какое-то стихотвореніе Шиллера. Потомъ Евлампій Егорычъ попросилъ ее прочесть написанное и перевести на русскій языкъ.

— Чудесные стихи! произнесла Таисія по окончаніи.

— Въ будущій разъ, отвѣчалъ учитель: — я принесу вамъ для прочтенія нѣсколько отрывковъ изъ его трагедій, Марія Стюартъ, и заранѣе увѣренъ, что они вамъ понравятся.

Въ эту минуту дверь въ буфетную распахнулась, и въ комнату вошла Смоквина въ сопровожденіи Иларіи Фотіевны.

— Здѣсь Таисинька учится, сказала купчиха.

Учитель вѣжливо поклонился, а ученица вмѣстѣ съ нянею быстро вскочили съ мѣстъ...

— Иларія Фотіевна! прошептала удивленная Таисія.

— Богомолка! подумала Онисимовна.

— Узнала меня, Таисія? ласково спросила странница, подходя къ столу.

— Въ одну минуту, отвѣчала дочь Смоквиныхъ: — вы очень мало перемѣнились.

— За то ты и выросла, и похорошѣла, и поумнѣла авось?

— Хе, хе, хе! отозвалась Смоквина: — ужь объ этомъ, родная моя, ты господина учителя спроси.

Странница быстро подняла глаза на Витязева и свела ихъ не очень-то скоро. Хотя она и походила по бѣлу свѣту, и насмотрѣлась на всякія фізіономіи, однако же лица, подобнаго Евлампію Егорычу, давно, давно не встрѣчала.

Учителю было, по видимому, лѣтъ подъ тридцать. Правильное лицо его, вмѣсто юношескаго пушка, было подернуто легкимъ загаромъ; большіе сѣрые глаза свѣтились умомъ; ироническая улыбка блуждала на тонкихъ, красиво очерченныхъ губахъ. Не укрылись отъ внимательнаго взгляда странницы ни изящная форма бѣлыхъ рукъ учителя, ни стройныя его ноги, обутыя въ довольно поношенныя, хотя и тщательно вычищенные сапоги.

— Я съ вашей ученицей не видалась четыре года, произнесла Иларія Фотіевна съ замѣшательствомъ. — Она тогда была

ребенкомъ... Надѣюсь теперь найти въ Таисіи умную, отлично образованную дѣвочку, благодаря вашимъ стараніямъ?

— Въ этомъ случаѣ ея собственныя старанія несравненно важнѣе моихъ, сухо отвѣчалъ Витязевъ съ легкимъ поклономъ.

— Однакожь... отозвалась странница съ принужденной улыбкой и продолжала, быстро обращаясь къ хозяйкѣ: — уйдемъ-ко, Анисьюшка, чтобъ не мѣшать...

— Сюда, сюда, матушка, въ кабинетъ Антона Петровича, отвѣчала хозяйка, уводя ее изъ комнаты.

— Кто такой этотъ учитель? живо спросила странница, когда онѣ вышли изъ буфетной.

— Жилецъ нашъ, жилецъ, матушка, въ садикѣ мезонинчикъ занимаетъ. Онъ у прежняго хозяина квартировалъ и вмѣстѣ съ другими жильцами намъ достался. Замѣсто платы за уроки, Антонъ Петровичъ ему скидочку съ найма сдѣлалъ: квартирка-то по настоящему ходитъ за двадцать рублей, а мы ему за восемь уступаемъ. Такимъ манеромъ, за двѣнадцать рубликовъ, онъ Таисенькѣ четыре урока въ недѣлю даетъ... Вѣдь сходно?

— Чего дешевле!

— По французскому говорить выучилъ, да по нѣмецкому, а ужъ про исторіи да географіи и говорить нечего.

— А изъ какихъ онъ, этотъ Евлампій Егорычъ?

— Изъ дворянъ, матушка, ярославской губерніи, а фамилія ему Витязевъ. Прежній хозяинъ здѣшняго дома сказывалъ Антону Петровичу, будто Евлампій Егорычъ сочинитель, только это пустяки — онъ человѣкъ непьющій, скромный и съ поведеніемъ... Одно худо, на фортуныахъ не умѣетъ играть; потому Таисинькѣ особая учительница, нѣмка ходитъ, по пяти рублей за урокъ.

— Господи прости! воскликнула странница:— да что вы вашу Таисію въ принцессы, что-ли, прочите? А бываетъ когда у васъ въ гостяхъ Евлампій Егорычъ?

— Иногда чай у насъ пьетъ, и то очень рѣдко; все больше дома сидитъ да книжки читаетъ... Да Богъ съ нимъ; ты мнѣ лучше про святой градъ Ерусалимъ расскажи.

— Это еще впереди, а я прежде всего отдамъ тебѣ разные священные предметы, что я изъ Палестины привезла, они у меня тамъ, въ котомкѣ.

— А какіе-же такіе предметы?

— Камешки и воду изъ рѣки іордана, елей....

— Ахъ ты Господи! всхлынувая и крестясь прошептала купчиха.—Родная ты наша, да чѣмъ же отблагодарить тебя?

— А ничѣмъ. Люблю васъ, оттого такъ щедро и дѣлюсь моими сокровищами.

Классы Таисіи кончились; къ обѣду возвратился и Антонъ Петровичъ и непритворно привѣтливо поздоровался съ Иларіей. За обѣдомъ она было вздумала задать Таисіи два, три вопроса, по старой памяти и по привычкѣ старшихъ говорящихъ съ младшими — не то покровительственнымъ, не то насмѣшливымъ тономъ; но дѣвочка отвѣчала ей такъ, что странница языкъ прикусила и потеряла дальнѣйшую охоту трактовать Таисію, какъ глупенькаго рабенка. Вечеромъ, покуда дочь Смоквиныхъ приготавлила урокъ на фортепіано, а хозяинъ въ кабинетѣ работалъ надъ книгами — Иларія душила Анисью Степановну разсказами о своихъ странствованіяхъ. Болѣе развитой слушатель могъ бы замѣтить съ первыхъ ея словъ, что въ Палестинѣ она никогда и не бывала, а просто на просто — вычитала всѣ подробности изъ путешествія Коробейникова... Смоквина только охала, качала головой и ежеминутно крестилась; странница постепенно выросла въ ея глазахъ выше облака ходячаго, и наконецъ купчиха поставила ее въ своемъ мнѣніи чуть не во святыхъ...

Иларія пришла къ Смоквинымъ въ понедѣльникъ а въ среду, въ десять часовъ утра, въ буфетной былъ классъ русской словесности и географіи. Опять учитель съ ученицей сидѣли за столомъ, за книгами: опять вѣрная няня сидѣла подъ окномъ съ чулкомъ въ рукахъ.

— Знаете ли, что я прошедшій разъ замѣтилъ? сказалъ Витязевъ, поздоровавшись съ Таисіей.

— А напримѣръ, Евлампій Егорычъ? спросила она съ улыбкой.

— Что вы не совсѣмъ-то довольны посѣщеніемъ этой Иларіи Фотіевны... Такъ?

— Не трудно угадать, если я вамъ еще годъ назадъ говорила, что эта странница единственное въ мірѣ существо, къ которому я чувствую непреодолимую антипатію.

— Чувствовали — четыре года назадъ?

— Нѣтъ-съ, чувствую даже въ настоящую минуту. Это дурная женщина.

— Ай, ай, Таисія Антоновна! судя по вашему тону, я могу подуматъ что вы ее бонтесъ...

— Боюсь, Евлампій Егорычъ; именно боюсь. У меня есть

какое-то предчувствіе, что эта женщина будетъ причиною большаго несчастія въ нашемъ домѣ, и именно со мной.

— Стыдно, сударыня! съ притворной важностью произнесъ Витязевъ. — Это суевѣріе...

— Называйте какъ угодно...

— Займитесь-ка лучше дѣломъ. Что вы мнѣ приготовили къ нынѣшнему разу?

Классы начались.

Не слѣдить же намъ шагъ за шагомъ за учителемъ съ ученицей. Метода Витязева была чужда всякаго педантизма, а Таисію Богъ одарилъ завидными способностями. Въ комнату вошла Иларія Фотіевна.

— Не помѣшала ли я? любезно произнесла она, раскланиваясь съ присутствующими.

— Нисколько-съ, отвѣчалъ Витязевъ. — Напротивъ, вы можете пренести намъ огромную пользу. Мы сегодня географіей занимаемся, и какъ разъ рѣчь идетъ объ азіатской турціи, гдѣ вы изволили быть, говорятъ?

— Отродясь въ Турціи не бывала! наивно отвѣчала странница.

— А въ Іерусалимѣ?

— Ахъ, это совсѣмъ другое дѣло, Іерусалимъ — значитъ — Палестина, святыя мѣста, а въ Турціи мухамедъ...

Таисія отвернулась, чтобы скрыть улыбку, а Витязевъ продолжалъ невозмутимо:

— Такъ-съ, но Іерусалимъ-то именно и принадлежитъ мухамеду...

— Это правда-съ, отвѣчала Иларія. — Я тамъ очень много мухамедовъ видала...

— Вотъ и потрудитесь рассказать намъ про Палестину, любезнательно сказалъ Витязевъ.

— Куда ужъ мнѣ, съ замѣшательствомъ пробормотала Иларія Фотіевна: — вы люди ученые и вѣроятно все это лучше меня знаете... Я тамъ хоть и была... Тутъ она запнулась и какъ-то жалобно посмотрѣла на Витязева. Молодому человѣку стало совѣстно, и онъ сказалъ совершенно другимъ тономъ:

— Все же книжныя описанія далеко не то, что живой рассказъ человѣка бывалаго. Не такъ ли?

Страница опустила голову и, не отвѣчая ни слова, пощипы-

вала бахрому своего чернаго платка; яркій румянецъ рдѣлъ на ея щекахъ, на глаза будто слезинки набѣжали.

— Извините, прошептала она чуть слышно и вышла изъ комнаты.

— Няня, что это съ ней? сказала удивленная Таисія, посмотрѣвъ ей вслѣдъ.

— Нашла коса на камень! отвѣчала Надежда. — Видишь, какъ ее сръзалъ Евлампій Егорычъ.

— И право, напрасно, сказали учителя: — теперь самому жаль... Удивляюсь, какъ Таисія Антоновна можетъ бояться этой дурочки?

— Не смѣйтесь, Евлампій Егорычъ, отвѣчала Таисія: — это она только съ вами присмирѣла, и по какому-то чуду не спорила... рта никому не дастъ разинуть.

— Можетъ быть, она въ четыре года измѣнилась?

XII.

Черезъ три недѣли, позднимъ вечеромъ, когда Смоквины и ихъ гостя покоились уже глубокимъ сномъ, въ комнаткѣ Таисіи, между нянею и питомницею шла оживленная бесѣда, имѣвшая предметомъ нашу странницу.

— Да, няня, говорила Таисія: — Иларія Фотіевна просто переродилась, ее рѣшительно узнать нельзя,

— Не говори! отвѣчала Слѣпнева съ улыбкою.

— Шелковая стала, ты сама видишь! Куда дѣвались ея расказни, болтливость, нравоученія? Со мною кротка, съ тобой ласкова... даже знаешь ли, наружностью-то она какъ-то лучше сдѣлалась.

— Да, Иларія Фотіевна точно измѣнилась и лучше стала, за то и въ тебѣ, за эти три недѣли, большая перемѣна...

— А что, няня?

— А то, что ты сдѣлалась какой-то сердитой... Да и какъ будто недовольна чѣмъ.

— Чѣмъ же мнѣ быть недовольной, скажи?

— Не хитри, я тебя насквозь вижу. Скажи, по доброй совѣсти: хоть Иларія несравненно добрѣй противу прежняго стала, а ты бы желала, чтобъ она поскорѣе убралась отсюда. Такъ?

— Правда, у меня сердце было бы спокойнѣе...

— А теперь чѣмъ оно неспокойно? спросила Онисимовна, пристально всматриваясь въ глаза Таисіа.

— Во первыхъ тѣмъ... что...

— Что?

— Тѣмъ, что она мѣшаетъ мнѣ учиться — во первыхъ. Ни одного класса не проходитъ, чтобъ она не явилась въ буфетную и не торчала у стола, разиня ротъ... И зачѣмъ, ежели ее спросить?

— Учиться видно хочетъ.

— Надоѣдаетъ Евлампію Егорычу своими пустыми разспросами, книгъ у него проситъ, про ярославскіе монастыри рассказываетъ...

— А пускай себѣ,...

— Потомъ я еще за нею кой-что замѣтила, да не знаю, говорить ли?

— Отчего же не говорить... Что ты замѣтила?

— По вечерамъ, она обыкновенно садится подъ окномъ въ столовой и смотритъ во дворъ.

— Что жъ за бѣда. Пусть любитъ на сушильню да на сараи съ конюшнями...

— Она не на конюшни глядитъ, прошептала Таисіа: — она глядитъ на окна Евлампія Егорыча.

— А если оно и такъ, тебѣ-то что за забота: няня ты, что ли, Евлампію Егорычу?

— Я не хочу чтобъ она за нимъ надсматривала.

— За другими ты замѣчаешь, Таисіа, строго и протяжно сказала Онисимовна: — но не худо было бы и за собой присмотрѣть. Все, что ты мнѣ до сихъ поръ сказала, доказываетъ, что ты ревнуешь... Оно, конечно, учителя любить и уважать слѣдуетъ, но всему же есть мѣра.

— Правду тебѣ сказать, отвѣчала Таисіа простодушно: — я и не знаю, есть ли мѣра моей привязанности къ Витязеву! Ты только вспомни, чѣмъ я ему обязана? Не обижайся, но право, я люблю Евлампія Егорыча — такъ же, какъ тебя, а это очень, очень много.

— Прекрасно все это, я не обижаюсь; однако ты не только не сердись на тѣхъ, кто со мной ласковъ, а напротивъ, еще желаешь, чтобы другіе любили меня; отчего же учителя-то одна хочешь любить, а другія на него и взглянуть не смѣй?.. Отчего бы это?

Таисія покраснѣла и потупилась, а Онисимовна глубоко задумалась. Припомнила добрая няня, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, точно такъ же ночью, въ тѣхъ же почти годахъ, какъ и Таисія, она призналась своей покойной бабушкѣ въ любви къ Василю Барсукову... Неужели Таисія стоитъ теперь на той же дорогѣ?

При этой мысли заняла старая рана въ сердцѣ Слѣпневой, и она, перекрестивъ свою питомицу, быстро отошла къ своей постелѣ.

На другой день часу въ шестомъ вечера, въ тусклыхъ окнахъ мезонина, гдѣ жилъ Витязевъ, засвѣтился огонекъ. За столомъ, заваленномъ книгами, Евлампій Егорычъ занимался какой-то спѣшной перепиской; онъ до того углубился въ работу, что и не слышалъ, какъ кто-то постучался у дверей, а посѣтитель стучался долго.

— Кто тамъ? спросилъ наконецъ Витязевъ, подходя къ двери.

Отвѣта не было. Евлампій Егорычъ живо отворилъ и глазъ не повѣрилъ — на порогѣ стояла странница.

— Можете ли удѣлить мнѣ десять минутъ? спросила она перерывистымъ, слабымъ голосомъ.

— Покорно прошу, Иларія Фотіевна! отвѣчалъ жилецъ, сильно переконфуженный: — садитесь пожалуйста. Чему обязанъ я вашимъ посѣщеніемъ?

— Ахъ, Евлампій Егорычъ, дайте съ духомъ собраться... Я знаю, вамъ оно кажется страннымъ, что я рѣшилась... Но не думайте чего нибудь дурнаго... ради Бога...

— Зачѣмъ же непременно дурное думать, помиуйте! Вѣроятно Таисія Антоновна просила васъ...

— Нѣтъ, она меня ни о чемъ не просила. Я пришла къ вамъ сама отъ себя... Послушайте!..

— Слушаю, Иларія Фотіевна.

— Къ вамъ никто не придетъ?

— Рѣшительно никому, а еслибы кто и пришелъ, я могу не принять.

— Во первыхъ, прошу васъ не сердиться на то, что я вамъ скажу. Вы бѣдны, нуждаетесь, не такъ ли?

— Станный вопросъ! — Да, я не богатъ, хотя особенно и не нуждаюсь ни въ чемъ.

— Ни въ дружбѣ, ни въ заботахъ о себѣ?

— Друзья бываютъ только у богачей, а въ заботахъ нуждаются только больные, а я, слава Богу, какъ видите!

— Но неужели вы никогда не искали души, которая бы понимала и цѣнила васъ?

— На что же мнѣ подобная душа? Извините, Иларія Фотіевна, но разговоръ нашъ престранный. Будьте такъ добры, перейдите къ цѣли вашего посѣщенія.

— Я пришла къ вамъ, томно произнесла странница: — чтобы узнать, какого вы мнѣнія обо мнѣ?

— Мнѣнія? о васъ? повторилъ озадаченный Витязевъ. — Да какъ вамъ сказать... Я еще такъ мало васъ знаю, что и не могъ составить никакого мнѣнія; право, такъ!

— Но почему же я, зная васъ также очень мало, составила себѣ о васъ самое вѣрное понятіе? съ жаромъ спросила странница.

— Оно слишкомъ скоро, чтобъ быть справедливымъ, и конечно ошибочно.

— О нѣтъ! Вы честнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, добрый, чисто-сердечный, у котораго наружность вполне соотвѣтствуетъ душевнымъ качествамъ...

— Иларія Фотіевна, ваши комплименты очень крупнаго разбора.

— Я говорю правду, Евлампій Егорычъ; я съ перваго разу оцѣнила васъ и понимаю, какъ вамъ должно быть тяжело въ кругу неучей, полу-дикарей...

— Вотъ этого я не понимаю. Кто же эти неучи и дикари?

— Смоквины. Помилуйте, продолжала странница съ увлеченіемъ: — съ вашимъ ли умомъ, съ вашимъ ли образованіемъ, ради квартирнки давать уроки тупой, безмозглої дѣвчкѣ и терпѣть выходки дурака-отца и ханжи-матери!

— Позвольте, Иларія Фотіевна, позвольте. Вы удивительно быстры въ заключеніяхъ — хорошихъ на счетъ меня, и дурныхъ въ отношеніи этого добраго семейства, въ которомъ вы приняты какъ родная, а это не хорошо-съ! Таисія Антоновна не дѣвочка, и еще того менѣе не безмозглая; отецъ ея — далеко не дуракъ, а мать, ежели и ханжа, то я полагаю, вы отъ этого менѣе когонибудь въ убытокъ, потому что...

— Договаривайте. Потому что... я странница; потому что съ сѣмага мною суевѣрія собираю богатую жатву; потому, наконецъ, что благодаря ханжамъ, слыву не тѣмъ, что я есть въ

сущности? — И въ отвѣтъ на это, я скажу вамъ, что вы правы. Я — ханжа и лицемерка, слышите ли? Никому въ мірѣ до сего времени я не говорила объ этомъ, а вамъ говорю...

— И не знаю, зачѣмъ, Иларія Фотіевна? Подобныя вещи говорятъ только отцу духовному.

— Нѣтъ, я вамъ говорю для того, чтобы вы поняли всю мѣру моей искренности и чистосердечія. Съ первой встрѣчи съ вами я какъ будто переродилась. Прошлая жизнь показалась мнѣ до того гнусною, что я ужаснулась и раскаялась!

Послѣднія слова странница произнесла дрожащимъ, страстнымъ голосомъ.

— Евлампій, продолжала она, сжавъ въ своихъ холодныхъ какъ ледъ рукахъ, руку Витязева: — не отталкивай меня и не смѣйся. Клянусь тебѣ всѣмъ, что только есть святаго, что страсть моя выше моихъ силъ — чѣмъ болѣе я борюсь съ ней, тѣмъ она дѣлается непреодолимѣе... Никто, никогда и не любилъ да и не будетъ любить тебя, какъ я!

И рыдая истерически, Иларія Фотіевна осыпала руки Витязева слезами и поцалуями.

— Не то любовь, когда дѣвушка жертвуетъ собою любимому и изъ непорочной дѣлается развратною, но вотъ любовь, когда грѣшница дѣлается честною...

Витязевъ отошелъ отъ нея въ смущеніи и сѣлъ у стола, бессмысленно устремивъ глаза на пламя нагорѣвшей свѣчки. Прошло нѣсколько минутъ тяжелаго молчанія,

— Евлампій! произнесла наконецъ Иларія Фотіевна.

— Дайте мнѣ опомниться, отвѣчалъ Витязевъ, не оборачиваясь: — я задыхаюсь отъ стыда — за васъ, но не за себя, сударыня.

— А! правоученіе, сказала горько странница: — отъ того что я не семнадцатилѣтняя дѣвочка...

— И вы, еще минуту назадъ, называли меня честнымъ и благороднымъ? съ силою перебилъ Витязевъ. — Нѣтъ, еслибы на вашемъ мѣстѣ была и семнадцатилѣтняя дѣвочка — я бы и давно поступилъ такъ, какъ съ вами поступаю... Все говоренное вами кажется мнѣ сномъ, и пусть же все мною сказанное и вамъ тѣмъ же покажется... Забудьте все, наша бесѣда для всѣхъ останется тайной...

— Я вамъ даже не нравлюсь, какъ женщина?

Витязевъ пожалъ плечами и отвернулся. Странница медленно

подошла къ нему и прошептала, наклонясь такъ близко къ его лицу, что Витязевъ почувствовалъ на своей щекѣ ея дыханіе.

— Не ты ли скорѣй моего лицемѣръ?

— Я?

— Да, смиренникъ, ты. Сказать ли тебѣ настоящую причину отвращенія ко мнѣ? Ты говорилъ, что красишь за меня, а теперь, авось, и за себя покрасишь... Сказать ли?

— Говорите, сдѣлайте милость! произнесъ Витязевъ съ усиліемъ.

— Ты въ свою ученицу влюбленъ — а она въ тебя, дѣло ясное!

Евламій не отвѣчалъ.

— Да, продолжала торжествующая Иларія Фотіевна:—вѣдь я не слѣпая, голубчикъ! Не думаешь ли ты, что я и правду въ тебя влюбила?.. Ха, ха, ха! Ахъ ты, простота, простота! Я именно хотѣла только удостовѣриться, ну, и удостовѣрилась...

— Безумная ты! прошепталъ учитель Таисіи.

— Вы умны съ Таисіей да съ ея нянюшкой. Хотя я иностраннымъ языкамъ и не обучена, географіи не знаю, за то у меня глазъ зорокъ и ухо чутко... За эти три недѣли подмѣтила я, какъ нѣжно учитель на ученицу посматриваетъ, да какъ ученица учителемъ будто пѣшкой помыкаетъ! Четыре года назадъ, я въ Таисіи угадала будущую развратницу, и...

Она не dokonчила: Витязевъ будто въ желѣзныхъ тискахъ сжалъ ея руку — и Иларія Фотіевна едва устояла на ногахъ.

— Грязная гадина! прошепталъ онъ сквозь зубы.

— Я правду говорю, отвѣчала странница, силась вырваться.

— И вы смѣете говорить это въ моей квартирѣ? Мнѣ стоитъ крикнуть дворника, и я опозорю васъ на весь домъ...

— Я могу сказать, что пришла по порученію твоей ученицы! До свиданья, Евламій Егорычъ, смотри не запоздай завтра... Вѣдь я думаю ждутъ не дождутся!

И странница исчезла какъ дымъ, какъ призракъ... Всю ночь за зеленой коленкоровой сторой у жилья въ садовомъ флигелѣ горѣла свѣча; занялась тусклая осенняя заря — огонекъ не угасалъ, и только часу въ десятомъ поднялась стора и за окномъ мелькнуло блѣдное лицо Витязева. Глаза его были красны; лицо истомлено... Таисія вскрикнула, когда онъ въ урочное время вошелъ въ классную комнату.

— Вы больны, Евламій Егорычъ? заботливо спросила она.

— Пѣтъ, слава Богу.

— Какъ, слава Богу, на васъ лица пѣтъ!

— Я читалъ всю ночь на пролетъ, работа была... Ничего, добрая Таисія Антоновна, право, ничего! А что гостя ваша дома?

— Она со вчерашняго дня ушла куда-то, а что? спросила отрывисто и нахмурилась Таисія.

— А маменька ваша?

— На кухнѣ, кажется... Нѣтъ, Евлампій Егорычъ, что ни говорите, а вы больны; у васъ и взглядъ-то сегодня какой-то дикій... Учиться ли намъ сегодня?

— Нѣтъ, прошепталъ Витязевъ, не учиться... Миѣ нужно поговорить съ вами о довольно важномъ дѣлѣ, и заранѣе прошу васъ извинить меня и не сердиться...

— Да полно вамъ пугать насъ, вмѣшалась Онисимовна: — ей-ей, вы какую-то горячку несете. Больны — такъ идите съ Богомъ домой, а не невольтесь.

— Говорите, Евлампій Егорычъ! сказала умоляющимъ голосомъ Таисія, и личико ее поблѣднѣло...

XIII.

— Вчера, началъ Витязевъ съ усиліемъ: — заходилъ ко миѣ помощникъ редактора того самаго журнала, для котораго я занимаюсь переводами; предлагаютъ миѣ у нихъ постоянное мѣсто.

— И слава Богу! отозвалась Слѣпнева.

— Жалованье отличное, но и занятія почти непрерывныя, такъ что съ самаго ранняго утра до поздней ночи я долженъ находиться въ конторѣ редакціи...

— И потому желаете перемѣнить учебные часы? спросила Таисія.

— Нѣтъ, Таисія Антоновна, я принужденъ и совѣмъ отказаться отъ уроковъ, потому что перемѣняю квартиру.

— Не можетъ быть! воскликнула Таисія.

Голосъ ея задрожалъ, и крупныя слезы повисли на длинныхъ рѣсницахъ и капнули на тетрадь.

— Вы шутите? прошептала она, силясь улыбнуться.

— Что жъ, сказала Таисія: — желаю вамъ удачи, и надѣюсь, что переставъ быть учителемъ, вы останетесь нашимъ добрымъ знакомымъ?..

Витязевъ молчалъ.

— Будете навѣщать насъ?

Учитель отрицательно покачалъ головой.

— Если такъ, съ силою и вспыхнувъ произнесла Таисія: — такъ все, что вы говорили о мѣстѣ, только выдумка, чтобы отъ насъ отдѣлаться... Скажите прямо: мы вамъ надоѣли — это будетъ лучше...

— Таисинька, сказала Слѣпнева, поди-ко, матушка, въ свою комнатку; мнѣ по секрету надобно поговорить съ Евлампіемъ Егорычемъ... Сердиться-то, попусту нечего. Иди, иди, я послѣ позову, когда будетъ нужно.

Дѣвушка, покорно опустивъ головку, вышла изъ буфетной...

— Господинъ учитель, строго начала Слѣпнева: — тутъ что-то не чисто. Авось, я имѣю право знать, что это за оказія?

— И узнаете всю правду.

Тутъ Витязевъ разсказалъ вчерашнюю сцену со странницей и грубыя ея выходки на счетъ Таисіи. Няня сначала слушала съ напряженнымъ вниманіемъ, нахмуривъ брови, но потомъ мало по малу лицо ея стало проясняться и наконецъ просіяло веселой улыбкой.

— Только?

— Развѣ этого мало? съ жаромъ спросилъ Витязевъ. — Эта гадина позоритъ Таисію, а я буду давать тому поводъ? Никогда.

— Эхъ, голубчикъ, Евлампій Егорычъ, человѣкъ вы умный, образованный, а этого не понимаете, что для женщины, какъ Иларія Фотіевна, первое наслажденіе порочить все доброе и чистое. Вы думаете, что, оставивъ здѣшній домъ, зажмите ей ротъ? Полноте, она вдесятеро противу прежняго бѣсноваться станетъ. «Вотъ» скажетъ, «ежели бы люди безъ пятна были, они бы и ухомъ на мои слова не повели, а то, видно, на ворѣ шапка горитъ!» Ходите себѣ по прежнему, а на рѣчи этой черной змѣи — плюньте, извините! Стоитъ ли ихъ такъ горячо къ сердцу принимать?

— Но она можетъ пустить молву...

— Пускай себѣ, что хочетъ — чистое чистымъ и останется... Нѣтъ, батюшка, погорячились, погорячились некстати...

— Ну, а если странница права? задыхаясь прошепталъ Витязевъ.

— Какъ такъ!

— Таисія Антошна, разумѣется, не чувствуетъ ко мнѣ ничего

особеннаго, кромѣ расположенія и дѣтской пріязни, но мои чувства къ ней совсѣмъ другаго рода. Всю нынѣшнюю ночь я строго, беспристрастно разбиралъ свои чувства къ моей ученицѣ — и не нашелъ имъ другаго имени, кромѣ любви... Имѣю ли я послѣ этого право продолжать быть ея учителемъ, и не требуетъ ли честь моя отказаться отъ моей обязанности? Скажите?

— Честно-то оно честно, съ вашей стороны, отвѣчала въ раздумьи Слѣпнева: — послѣ этого вамъ, дѣйствительно, оставаться здѣсь не слѣдуетъ, только дѣло-то вы повернули больно круто и неловко. Вамъ бы, ни слова не говоря Таисинькѣ, переговорить сперва съ Антономъ Петровичемъ; и такъ повести дѣло, чтобы отказъ вамъ былъ слѣланъ прямо отъ него. Тогда и Таисія была бы спокойнѣе, да и странница, или срамница-то наша съ носомъ а теперь ни то, ни се: вы, вашей торопливостью, все дѣло испортили. Вы не успѣете изъ дому выѣхать, она сейчасъ же скажетъ хозяевамъ, что ея стараніями ваша связь разстроена... Эхъ, Евлампій Егорычъ, все это очень гадко! Видите, Таисія и правду говорила, что Иларія женщина опасная и ядовитая... Удалось же ей уязвить васъ!

— Вы сказали: «Таисія была бы спокойнѣе» но развѣ мой отказъ ее разстроиваетъ?

— Кажется, видите сами — на ней лица нѣтъ! Ваша правда, вамъ надобно разстаться съ ученицей, да и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше... Полноте блѣднѣть, ободритесь, вспомните, что вы мужчина. Обождите немного. я позову Таисію.

Черезъ минуту няня съ ученицей вошли въ буфетную.

До сихъ поръ, говоря о Таисіи, я еще не успѣлъ набросать ея портрета. Пятнадцати лѣтъ, она, по своему развитію, казалась старше. Она далеко не красавица. Любителю солидныхъ греческихъ или римскихъ профилей не понравится остренькій, нѣсколько вздернутый, ея носикъ и нѣсколько круглыя губы. Ея большихъ, сѣрыхъ глазъ нельзя назвать звѣздочками, наконецъ ея круглое личико едва ли годится для Психеи или Мадонны; свѣтлорусые волосы вьются — а косы двойными кольцами обвиваютъ ея кругленькую головку...

— Таисинька, сказала Слѣпнева взявъ ее за дрожавшую руку: — Евлампій Егорычъ мнѣ всѣ свои дѣла разсказалъ, и точно ему непремѣнно надобно отъ насъ выѣхать... Проститесь же здѣсь.

— Прощайте! чуть слышно выговорила Таисія, ни живая, ни

мертвая: — будьте счастливы. Богъ свидѣтель что я никогда не забуду, чѣмъ вамъ обязана—вы дикарку обратили въ человѣка... Благодарю васъ, мой добрый Евлампій Егорычъ?

И прежде, нежели Витязевъ успѣлъ опомниться, Тансіа поцаловала у него руку.

Тансіа шатаясь опустилась на стулъ — лицо ея помертвѣло, глаза полузакрылись. Витязевъ взялъ эту головку въ обѣ руки, крѣпко поцаловалъ ее и пожавъ руку Слѣпневой быстро выбѣжалъ изъ комнаты.

На другой день, вечеромъ, за чайнымъ столикомъ сидѣли Смоквины, Тансіа, Иларія, Слѣпнева поодавъ. Лица хозяевъ были не веселы, одна Иларія посматривала на всѣхъ съ ледянымъ самодовольствіемъ.

— Все же вотъ и выходитъ, произнесъ Антонъ Петровичъ утрюмо: — что Витязевъ этотъ — сочинитель, писатель, литераторъ!.. Чѣмъ у насъ было худо. . нѣтъ, спорхнулъ... ну, и Богъ съ нимъ.

— Да слышишь, отвѣчала хозяйка:—говорить, будто Тансіа и такъ довольно знаетъ!

— Не губернанкой же ей быть—и то сказать! ввернула слово Иларія Фотіевна.—По моему излишняя учепость вредъ, и къ гордыни ведетъ человѣка...

Прогостила она въ домѣ Смоквинныхъ до великаго поста 1826 года — а тамъ странствовать отправилась, обѣщая возвратиться къ сентябрю, даже и ранѣе. Наканунѣ ухода, она о чемъ-то долго говорила съ хозяевами. О чемъ была бесѣда, вѣдаетъ Богъ, только послѣ того Смоквинъ уже не вспоминалъ о жильцѣ, жена его какъ-то назвала его прощальгой, шарлатаномъ — а къ Слѣпневой и тотъ и другая примѣтно охладѣли и стали на нее посматривать съ обидной недовѣрчивостью.

Витязевъ нанялъ себѣ квартирку гдѣ-то на Пескахъ, отъ жильцовъ и стончески переносилъ всѣ неудобства своего новаго помѣщенія.

XIII.

Теперь мы отправимся съ читателемъ къ нашему старинному пріятелю, Василью Максимычу Барсукову, нынѣ уже второй гильдіи купцу, богатому чайному торговцу и лѣсопромыш-

леннику въ компаніи съ Алексѣемъ Степанычемъ Ракитинымъ. Живетъ Барсуковъ въ Измайловскомъ полку, въ собственномъ домѣ, каменномъ, четырехъ-этажномъ; тутъ же внизу помещается чайный магазинъ, который Василій Максимычъ называетъ своей мѣняльной лавочкой: здѣсь, молъ, крупныя денежки на мелочь размѣниваемъ.

Раннее іюльское утро 1826 года, а хозяинъ уже давно на ногахъ, и въ какихъ нибудь полтора часа обдѣлалъ столько дѣлъ, сколько другому не обдѣлать и въ два дня, только листы въ шнуровыхъ книгахъ шелестятъ, да костяжки на счетахъ щелкаютъ; желтое лицо значительно постарѣвшаго Барсукова дышетъ самодовольствомъ, и вмѣсто отдыха, онъ, чуть ли не десятый разъ, перечитываетъ письмо, вчера вечеромъ полученное отъ Ракитина изъ Лодейнаго поля.

«Другъ любезный! Вчера въ Лодейнопольскомъ уѣздномъ судѣ подписана наша общая купчая: лѣсная дача Бронникова съ пустошами Лебедянкиной и Незамайхой—наши. Мурашевы «сбили таки цѣну, по семи съ полтинкой за десятину—и, такимъ «родомъ, за 132,225 рубликовъ, мы пріобрѣли 17,630 десятинъ «земли, а изъ нихъ больше половины лѣсу, да какого, я чай, «знаешь самъ?»

«Выдринскую дачу, за долги г. Кедроліванскаго, точно, съ «молотка продаютъ: 2600 десятинъ, и лѣсъ-то дрянной, правду «сказать, да купить можно дешево, я ужъ и благопріятелей под- «говорилъ; въ сентябрѣ аукціонъ назначенъ. Ежели можно тебѣ «поспѣшить свадьбой, не худо бы: двѣсти тысячъ, въ настоящее «время были бы очень кстати. Недѣли черезъ три буду въ Пи- «теръ. Твой другъ А. Ракитинъ».

«Поспѣши свадьбой, подумалъ Барсуковъ, складывая пись- «мо, и такъ не медлимъ, на будущей недѣлѣ смотрины, мо- «жетъ до спожинокъ и окрутимся. Сваха говоритъ, что съ при- «даннымъ проволочекъ не будетъ... да и ну ихъ, эти тряпки! Миѣ «двѣсти-то тысячъ подай; къ нимъ въ придачу невѣсту и въ од- «номъ платьишкѣ взять можно»...

Въ прихожей брякнулъ звонокъ.

— Василій Максимычъ, сказалъ черезъ минуту мальчикъ: — тамъ какая-то женщина отъ господина Смоквина васъ спра- шиваетъ...

— Отъ Антона Петровича?

— Точно такъ-съ; оченно, говоритъ, нужно васъ видѣть.

— Зови, зови сюда.

— Пожалуйста-съ, сказалъ мальчикъ, вводя въ кабинетъ скромно одѣтую женщину, лѣтъ около сорока, блѣдную, съ черными выразительными глазами, однимъ словомъ, Надежду Слѣпневу. Хотя ее и раздѣляла съ Барсуковымъ восемнадцатилѣтняя разлука, однако же купецъ въ одну секунду узналъ свою первую невѣсту. Лицо его изъ блѣднаго стало зеленоватымъ, онъ принужденно закашлялся, чтобы скрыть волненіе, и потупясь спросилъ, съ притворнымъ спокойствіемъ:

— Что вамъ угодно-съ?

Не вдругъ отвѣчала Слѣпнева. Взглядъ ея скользилъ по лицу Василья Максимыча.

— Все ли въ добромъ здоровьи? произнесла, наконецъ, Слѣпнева. — Не ждалъ, я чай, такой гостыи?

— Что вамъ угодно? сухо повторилъ Барсуковъ: — я васъ не знаю!...

— Не знаешь? Такъ знай на всякій случай: я мать двѣ-вухи, за которую ты сватаешься... Я мать Таисіи Антоновны Смоквиной.

— Извините-съ, опрометчиво отвѣчалъ Барсуковъ: — ея мать зовутъ Анисей Степановной...

— А меня Надеждой Слѣпневой, живой покойникъ!

— Право, не понимаю, что вы говорите...

— Сейчасъ поймешь все, дай срокъ. — На будущей недѣлѣ вы намѣрены смотрины справить?

— Да... Антонъ Петровичъ... черезъ сваху...

— И просимъ милости, если тебѣ голова надоѣла! Привсѣхъ гостяхъ, и еще при двухъ свидѣтеляхъ отъ полиціи, я обличу тебя, Іуда, и докажу, что ты либо самозванецъ, либо выходецъ съ того свѣта... Вѣдь твой паспортъ съ помѣткой о смерти у меня еще цѣлъ, и еще два, три письма твоей руки...

— Они съ вами?

— Дуру нашолъ! Нѣтъ, документы эти въ рукахъ у чиновника, которому мнѣ слово сказать, и ты, какъ муха въ паутинѣ. Я подниму со дна всю старую исторію, прохожу тебѣ не дамъ, и знай, что не видать тебѣ моей Таисіи, какъ ушей своихъ!

— Надежда Онисимовна...

— А! теперь ты даже и отчество мое припомнилъ?...

— Надежда Онисимовна, объяснимся же деликатнымъ манеромъ... Что тебѣ угодно отъ меня, за что ты мнѣ зла желаешь?

Ты молчала восемнадцать лѣтъ, совсѣмъ позабыла обо мнѣ... Еще два года назадъ, я сватался за купчиху Лукачеву, ты не выѣживалась, а теперь...

— А какое мнѣ дѣло до Лукачевой? Женись, на комъ хочешь, только Таисіи-то за тобой не бывать!

— Да что вамъ Таисія?

— Дочь, говорятъ тебѣ: — та самая дочь, которую я прижила съ тобой... Что глаза вытаращилъ? Она пріемышъ Смѣловыхъ!

— Нѣтъ, Надежда Описимовна; твоей дочери было бы теперь двадцать лѣтъ, а Таисіи Антоновнѣ только шестнадцать...

— Вѣрно считаешь, и можетъ быть, впервые въ жизни не лжешь. Видишь ли, если я стану тебѣ объяснять, что меня привлекаетъ къ этому ангелу, ты меня не поймешь, эти чувства тебѣ недоступны. Таисія дочь души моей, она родилась въ тотъ самый мигъ, когда покойная дочь твоя, Таня, испустила послѣдній вздохъ... Оставимъ это, припомнимъ лучше старину. Помнишь ли слова мои, восемнадцать лѣтъ тому назадъ? «Живи самъ для себя, живи для другихъ, а для меня—ты умерь!» Могла бы я искать на тебя управы, могла бы искать законной защиты... да на что? Богъ съ тобой: — живи, а я давно, давно простила тебя!

— Видно нѣтъ, ежели теперь кляузы подводишь...

— Какія кляузы, Василій Максимычъ? откажись только отъ Таисіи, и я, какъ въ море кану, и не услышишь обо мнѣ во вѣки вѣковъ. Тебѣ не жена, деньги тебѣ нужны, и найдешь ихъ... Я готова пріискать тебѣ другую невѣсту, вдесятеро богаче... Но Таисію, Таисію оставь, и не смѣй о ней думать! Не откажешься доброй волей, сраму не побойшься...

— Что же тогда? перебилъ Барсуковъ, чувствуя невольный страхъ.

— Самъ знаешь, отвѣчала Слѣпнева. — Для меня ты умеръ восемнадцать лѣтъ назадъ, ну, а теперь и для всѣхъ умереть можешь... Себя погублю, за то спасу Таисію!

— Слушай, Надежда Описимовна: — передъ тобой я точно виноватъ, видишь, не запираюсь... Тамъ, что мы съ тобой въ чемъ оба грѣшны, того ужъ не воротить; за то, на счетъ денегъ дѣло можно поправить. Занялъ я у тебя и у бабушки твоей покойной, царство ей небесное, рай ей свѣтлый — восемь тысячъ? Въ семнадцать лѣтъ, ежели причислить проценты—капиталъ на

капиталъ будетъ? (Барсуковъ щелкнулъ костяжками), ну, шестнадцать тысячъ бери за проклятый пачпортъ—и аминь дѣлу?

— Мало! сказала Слѣпнева съ улыбкой.

— Серебромъ четыре тысячи отсчитаю, а вѣдь это больше выйдетъ; нынче большой лажъ даютъ!

— Мало, Василій Максимычъ!

— Да сколько же тебѣ, наконецъ?

— Все свое состояніе отдай, да Божье солнышко въ придачу прихвати, и тогда не продамъ моей Тансін!

— Ну, такъ и даромъ все дѣло уладится! И вправду, чего я, дуракъ испугался? Дѣло давнее, а ежели захочу тысячки три разсорить, такъ и тебя упеку въ теплое мѣстечко, Надежда Онисимовна... Иди съ Богомъ!

— Прощай, на смотринахъ увидимся...

— Такъ тебя и пустили къ Смоквинымъ, насмѣшливо сказалъ Барсуковъ.

— Глупецъ,—да я шестнадцать лѣтъ живу у нихъ въ домѣ! отвѣчала Надежда, идя къ дверямъ.

— Надежда Онисимовна, воротилъ ее Барсуковъ:—эй возьми шестнадцать тысячъ!

Она только рукой махнула.

— Будь по твоему! отчаянно крикнулъ Барсуковъ:—я откажусь черезъ сваху.

— Нѣтъ, Василій Максимычъ, формальнымъ образомъ, письменно... Садись да и пиши, а я посмотрю.

— Причину надобно придумать...

— Причина на лицо: тебѣ сорокъ пятый годъ, а Тансін шестнадцать... Хочешь, я, пожалуй, продиктую...

— Не спиши, сударыня. Я откажусь, а ты мнѣ тѣхъ проклятыхъ бумажекъ и не отдашь? подозрительно произнесъ Барсуковъ.

— Какъ мошенникъ-то во всемъ проглядывается?—Не бойсь, все въ цѣлости получишь, пиши только.

Барсуковъ взялъ дрожащей рукой перо и листокъ бумаги, Слѣпнева, положивъ ему руку на плечо, сказала:

— Ужь будь такъ добръ, Василій Максимычъ, возьми листокъ съ бланкомъ, гдѣ твоя фамилія отпечатана, а то, пожалуй, послѣ и отъ подписи своей отступишься... а? вѣдь писать-то тебѣ все равно.

Купецъ машинально повиновался.

«Милостивый государь! Антонъ Петровичъ», диктовала Слѣпнева медленно: — «покуда сватовство мое за достойнѣйшей дочерью вашей не ушло далеко, и нѣтъ ничего формальнаго...» Написано? «спѣшу симъ, принося мое извиненіе, увѣдомить, что, «соображая неравенство лѣтъ, а также и различіе характеровъ «и воспитанія, я отъ притязаній на руку Таисіи Антоновны совершенно отказываюсь, и лишаясь чести быть вашимъ зятемъ, «осмѣлюсь назваться покорнымъ слугою...» Ну и подпишись, заключила Слѣпнева. Хорошо; годъ и число выставь. Ну, теперь прощай, спасибо... Не поминай лихомъ старую неvěсту, и позабудь молодую; моли Бога, чтобъ намъ во вѣки не встрѣчаться больше...

— Избави Господи!

Барсуковъ, проводивъ Слѣпневу и мальчика, самъ заперъ за ними двери; видѣлъ изъ окна, какъ они сѣли на извозника и покатали... Черезъ часъ кто-то сильно позвонилъ у дверей; за отсутствіемъ прислуги, хозяинъ отворилъ самъ и встрѣтилъ румяную женщину, лѣтъ пятидесяти, въ черномъ атласномъ сальопѣ и двучичевой косынкѣ на головѣ, уши бѣлымъ платкомъ обвязаны. Звали ее Катериной Павловной, а ремесломъ она была терпимая обществомъ — сводчица, или сваха, какъ угодно.

— Здорово, соколъ ясный, сказала она, отирая лицо бѣлымъ платочкомъ, свернутымъ дудочкой. — Я къ тебѣ, на счетъ смотринь уговориться.

— Провалилась бы ты и со смотринами, чертова перечница! яростно отвѣчалъ Барсуковъ.

Сваха и глаза вытаращила.

XIV.

Недѣли черезъ три, эти же самыя слова говорилъ Барсукову другъ его, возвратившійся изъ Лодейнаго поля, Ракитинъ. Друзья сидѣли въ кабинетѣ, за чаемъ.

— Какъ же не дуракъ? повторилъ Ракитинъ. — Бабѣ, дрянной тряпкѣ, поддался, и уступилъ! что ты струсилъ? Пачпорта съ помѣткой о смерти? А она сама не могла его поддѣлать? Баранъ ты, право! Дивлюсь, какъ еще она денегъ съ тебя не взяла. Будь я на ея мѣстѣ, я бъ съ тебя не токмо шестнадцать, двадцать тысячъ слупилъ! Ну право, двадцать лѣтъ назадъ, ты въ

пятьсотъ разъ умнѣе былъ! Помню, какъ она пришла да уличать тебя стала: ты, хоть бы смигнулъ. Ужъ на что я, кажется, до тонкости все произошелъ, а вѣришь, даже я подумалъ, что вы другъ другу вовсе незнакомые. Да, братъ, тогда ты былъ и смышленъ, и ловокъ, а нынче не то... Этакую чудовую невѣсту изъ рукъ упустилъ... Э-эхъ, сѣчь бы тебя, да сѣчь, стараго олуха!

— Сваха обѣщала найти другую, еще лучше!

— Да, да, держи карманъ. Нѣтъ, какъ себѣ хошь, продолжалъ Ракитинъ, откусывая кусочекъ сахара и отряхая осколки въ блюдечко:—а свадьба твоя съ Тансіей Смоквиной дѣло возобновленія требующее. Надобно будетъ объ этомъ хорошенько подумать да посудить... авось, дѣло и поправить можно!

— Да чѣмъ, и какъ? Вѣдь отказъ формальный, письменный, а послѣ этого миѣ къ Смоквинымъ и на глаза показаться совѣстно!

— Совѣстно! совѣстно! Нашего брата совѣсть-то всегда до бѣды доводитъ, и ты, если помнишь, всегда въ дураки попадался, когда начиналъ совѣститься. Совѣсть, дружище, первый врагъ человѣку.

— Да съ чего жъ ты берешь, что я совѣстливъ? оправдывался Барсуковъ.

— А Слѣпнихѣ отчего уступилъ?—Совѣсть заблуждала!.. Хе, хе, хе! Сплоховалъ, сплоховалъ!

Тутъ перешли къ общимъ торговымъ дѣламъ, и рѣчь коснулась недавней покупки лѣсной дачи.

— Былъ я, между прочимъ, сказалъ Ракитинъ:—и въ деревнѣ Выдрихѣ, знаешь, на родинѣ-то? Не знаю, какова она тогда была, а теперь—сущее нищенское гнѣздо!

— Всегда была дрянь!

— Избы всѣ развалившися; народъ голодный, оборванный. Видѣлъ и твою роденьку...

— Это какую еще тамъ роденьку выкопалъ? Вѣдь сестра Лиза и матушка давно померли!

— Такъ; только послѣ Лизы дочь осталась... знаешь, отъ Борьки Бухаринскаго, что въ солдаты-то сдали?

— Ну, ну...

— Дочка эта вышла замужъ, за какого-то Петруху Дорошеева — и тоже померла, въ прошломъ году, а ужъ послѣ нея сынишко, Борисъ, остался, парнишко лѣтъ десяти, да шустрый

такой!.. Я его съ баткой нанялъ въ помощники лѣсникамъ нашъ лѣсъ сторожить...

— Эку родословную вытянулъ! небрежно сказалъ Барсуковъ.

— Ну ладно, — а вотъ придумай, какъ бы Смоквинское дѣло поправить.

— Да говорятъ же тебѣ, никакъ нельзя! Эта Слѣпниха всему дѣлу помѣха.

— Ишь ты; а свидѣтельство, говоришь, отдала?

— Въ тотъ же день; и праху отъ него не осталось.

— Такъ чегожь ты трусишь! И гни Слѣпневу въ бараний рогъ.

— Какъ?

— Да очень просто. Поѣзжай къ Смоквинымъ и объяви настоящую причину твоего отказа: Слѣпниху въ шею выгонять; полиція ее подпиской обяжетъ въ чужія дѣла не мѣшаться — а за угрозы ее, голубушку, еще и въ смиренный упрятать можно. Ты ей съ перепугу шестнадцать тысячъ давалъ, а это обойдется вдесятеро дешевле...

— Пстой, пстой! Говоришь-то ты ладно, да на дѣлѣ-то иначе выйдетъ. Смоквины, за мой отказъ, злятся — пріѣду къ нимъ, на глаза не пустятъ, а Слѣпниха у нихъ въ дому семнадцать лѣтъ живетъ... Что, ежели она приберегла какую нибудь улику? а?

— Полно трусу праздновать, дура-голова!

— Въ смиренный ее не такъ-то легко упрятать: она по правамъ миѣ ровная!

— Какія, къ чорту, права, ежели въ карманѣ дыра? Подавай прошеніе, что угрожали на твою жизнь, Слѣпнева покушалась свадьбу разстроить; подавай на имя генералъ-губернатора, на двухъ рублевомъ листѣ, безъ титула. Отъ него бумага пойдетъ въ управу благочинія... Подмажь, подсыпь — и дѣло пойдетъ какъ по маслу!

— А сраму-то что наберусь?

— Ровно никакого. Хочешь, я тебѣ все устрою?

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно; напередъ знаю, что толку не будетъ. Почнутъ меня доить, по управамъ да по совѣстнымъ судамъ таскать... ну ихъ!

Въ прихожей раздался звонокъ.

— Страница какая-то пришла! доложилъ вошедшій въ кабинетъ Мишка.

— Пущай дальше странствуетъ! небрежно отвѣчалъ Ракитинъ, наливая себѣ чуть ли не одиннадцатый стаканъ чаю.—Василій, вышли ей пятакъ мѣди.

— Она не за милостыней, замѣтилъ Мишка осклабясь:—говорить, по дѣлу къ Василию Максимычу. Я сказалъ, что у нихъ гость, такъ она просила вызвать хозяина въ прихожую.

— Эге, Максимычъ, лукаво мигнувъ, сказалъ Ракитинъ:—ужь не шашни ли какія?

— Какія шашни... тоже выдумалъ! Выдь куда хоть въ столовую, что ли; вѣроятно на бѣдность просить.

— Ладно, ладно. Выпроваживай ее поскорѣй...

И взявъ свой стаканъ, Ракитинъ ушелъ въ другія комнаты. Только что затихъ шумъ его шаговъ, въ залѣ раздался шорохъ женскаго платья и въ комнату вошла — Иларія Фотіевна.

— Господи!.. воскликнулъ Барсуковъ, вскакивая съ мѣста и дрожа всѣмъ тѣломъ... Неужто Наталья Абрамовна?!

— Не совсѣмъ — упыло отвѣчала странница.—Племянница покойнаго Василия Никандрыча Грохотова, многогрѣшная раба Божія Наталья — умерла, и изъ ея праха родилась смиренная странница и богомолица Иларія Фотіевна!

— Господи! прошепталъ всматриваясь въ нее, растерявшійся Барсуковъ: — судьба мнѣ нынче встрѣчать старыхъ знакомыхъ: съ кѣмъ двадцать лѣтъ не видался, являются словно съ того свѣта... Откуда вы, Наталья Абрамовна?

— Иларія Фотіевна, поправила странница.—Ахъ, Василій Максимычъ, тяжела моя жизнь... Все наслѣдство покойнаго дялюшки прахомъ ушло, и чего, чего только я не перенесла за эти восемнадцать лѣтъ! Изнурительный постъ, молитва, неосушаемая слезы, воздыханія...

— Эхъ, Наталья Абрамовна, перебилъ Барсуковъ, кого другаго, а меня-то, кажется, морочить нечего. Называйтесь какъ угодно: Иларіей, Сусанной, Капитолиной — а все вы прежняя Наталья Абрамовна.

— За то ты, благодаря моимъ денежкамъ, изъ дрянныхъ прикащиковъ въ купцы второй гильдіи попалъ... Кому бы, по настоящему, въ каторгѣ быть... Что блѣдишь!..

— А охота вамъ старое поминать...

— Не я, ты самъ началъ, мнѣ стариной глазъ колоть. Оставимъ-ка лучше старину, да о будущемъ поговоримъ. Разъ я тебя

въ люди вывела, помогу Богъ дать, и въ другой... Свадьба твоя съ Таисіей Смоквиной разладилась?

— Почему вы знаете?

— Какъ же мнѣ не знать, когда я у Смоквиныхъ свой чело-
вѣкъ?

— Фу, ты пропасть! И вы, и Слѣпнева — все-то у Смокви-
ныхъ свои люди, что за чудный домъ за такой! Право, точно
бѣлый свѣтъ клиномъ сошелся... Все знакомые!

— Тебѣ я знакома только здѣсь, а за порогомъ дома другъ
друга не знаемъ. Такъ твоя свадьба разстроилась?

— Совершенно.

— Знаешь ли ты, что Смоквины даютъ за дочью? Двѣсти
тысячъ деньгами; бѣльемъ, платьями — тысячъ на пятнадцать и
около двухъ пудовъ серебра столоваго, и божьяго милосердія...
хорошъ кусокъ?

— Чего лучше!

— Да послѣ ихъ смерти — вѣдь дочь-то одна — каменный
домъ и тысячъ триста капиталу...

— Господи! Да вы шутите?

— Какія шутки... Хочешь ли, я все дѣло поправлю?

— Еще бы не хотѣть, Наталья...

— Иларія Фотіевна, по складамъ поправила странница. —
Да, я все дѣло поправлю и за этимъ-то собственно къ тебѣ и при-
шла... Хочешь?

— Можно ли еще спрашивать? Да какъ?

— Я у Смоквиныхъ первое лицо; хозяйева по моей дудкѣ пля-
шутъ, и если я только слово скажу, все будетъ по моему. Дру-
гая бы конечно употребляла ихъ довѣренность во зло, но я не
такова, и говорю тебѣ, что теперь вся цѣль моей жизни — иску-
пать добрыми дѣлами грѣхи бурной юности; да и Смоквиныхъ
не мѣшаетъ за ихъ хлѣбъ-соль отблагодарить устройствомъ
судьбы ихъ дочери.

— Честно, честно, Иларія... какъ бишь по новому-то?

— Все равно. Если женишься на Таисіи, будешь мнѣ благо-
даренъ?

— Да еще и какъ... пуще матери родной!

— Я ли, скажешь, не истинная христіанка? я ли не оплачи-
ваю добромъ за зло? Ты принудилъ меня подѣлиться съ тобою,
помнишь... Ты моего дядю, а своего крестнаго отца убилъ...

— Тыфу, какія вы скверности говорите!..

— А все же я тебѣ добра желаю, договорила странница.— Скажи мнѣ, во первыхъ, чѣмъ тебѣ опасна Слѣпнева? Я подслушала ея разговоръ съ Таисіей, и она сказала, что ты ее боишься. Правда это?

— Правда. На самомъ этомъ мѣстѣ она поклялась меня погубить.

— Подлая тварь! Семнадцать лѣтъ въ домѣ живетъ, сыта, одѣта, обута, и въ благодарность, отъ хозяйской дочери счастье отнимаетъ... Да что же тебя съ ней связываетъ?

— Это все прошлое, и вспоминать не стоитъ... Только она мнѣ первый врагъ. Денегъ ей давалъ, чтобъ отступилась — не беретъ.

— А много ты давалъ?

— Шестнадцать тысячъ.

— Еще бы взять! какая же дура возьметъ шестнадцать тысячъ, ежели можетъ получить вдвое...

— Откуда? съ удивленіемъ спросилъ Барсуковъ.

— Василій! крикнулъ изъ зала Ракитинъ: — вынеси мнѣ шапку, я въ магазинъ пойду.

— Сию минуту, сказалъ Барсуковъ, захватывая картузь Ракитина и выходя изъ кабинета.

Друзья пошептались съ минутой, тамъ дверь въ прихожей стукнула, Алексѣй Степанычъ ушелъ, а Василій Максимычъ возвратился въ кабинетъ.

ХV.

— Что же вы про Слѣпневу-то начали говорить, я не разслушалъ? сказалъ онъ, плотно притворяя за собою дверь.

— А вотъ что говорю: ты думаешь, Слѣпнева хлопочетъ по ненависти къ тебѣ?

— А то какъ же?

— Или изъ любви къ Таисіи? Просто-на-просто изъ собственныхъ выгодъ... она отказалась отъ твоихъ шестнадцати тысячъ потому, что отъ Витязева, конечно, вдвое получить.

— Кто это такой Витязевъ?

— Бывшій учитель Таисіи, года три ей уроки давалъ, а въ послѣднее время, кажется, бывалъ въ домѣ совсѣмъ для другихъ видовъ, и Слѣпнева помогала ему. Если бъ не я, Богъ вѣсть,

чѣмъ бы кончились ихъ продѣлки... Но я настояла, чтобъ учителю отказали, и его вытолкали вонъ...

— И неужто у него съ Таисіей какія продѣлки были? Она еще дитя...

— Да, да, смотри ей въ зубы. Была бы что серьезное, не знаю, только ручаться ни за что нельзя, особенно при нынѣшнемъ развращеніи нравовъ.

— Впрочемъ мнѣ все равно, мнѣ приданое-то было бѣ въ исправности. Разумѣется, ежели за женой что замѣчу, ребра переломая, а до ея поведенія въ отцовскомъ дому мнѣ что за дѣло?

— Правда, правда. Теперь страшна ли тебѣ Слѣпнева?

— Не то, чтобы... а все же, покуда она у Смоквиныхъ въ домѣ...

— Чудакъ, да кто же тебѣ говорить, что она у нихъ останется?... Мы ее выпроводимъ.

— Ой ли?

— Какъ Богъ святъ, и очень скоро. Дней черезъ десять поѣзжай къ Смоквину, извинись за свой отказъ, и скажи, что нянька оговорила Таисію, будто она съ учителемъ въ связи, вотъ, молъ, настоящая причина моего отказа. А я все это время разузнавалъ, развѣдывалъ сторонкой, узналъ, что все клевета, и считаю долгомъ снова за Таисію Антоновну посвататься.

— А откажутъ?

— Полно; никогда, они спятъ и видятъ, какъ бы дочь пристроить, а старикъ отъ тебя просто безъ памяти.

— Вотъ это отлично! Ай, да Наталья Фотіевна!... И послѣ этого дураки говорятъ: у бабы волосъ дологъ, умъ коротокъ.

— Какой тутъ умъ? Все это, какъ видишь, очень просто...

— Мнѣ все еще что-то не вѣрится... мудрено тебѣ будетъ Слѣпнику выжить изъ дому Смоквиныхъ. За семнадцать-то лѣтъ она у нихъ, я чай, корни пустила.

— А если корни пустила, такъ ужъ ее и не сдвинешь? Деревя съ корнемъ не всегда Божьей грозой вывертывается, ину пору и червь подточить. Да послѣднее время ей лафа поотошла, и хозяева совсѣмъ иными глазами на нее смотрятъ, особенно какъ я шашни съ учителемъ на свѣжую воду вывела. Первое время, когда она съ Антономъ Петровичемъ въ связи была...

— Да неужто? Можетъ ли быть?

— Нашей сестрѣ все возможно, а Слѣпнева самая что ни есть развратная женщина.

— Ну, ладно, вы ее изъ дому выкурите, но вѣдь и тутъ она мнѣ повредить можетъ?

— Да, если будетъ на волѣ, а ежели за желѣзную рѣшетку попадетъ?...

— Чѣмъ же тогда отблагодарить тебя?

— Молись за меня, грѣшную. Впрочемъ, я пожалуй удвою мое доброе дѣло и сниму съ души твоей тяжкій грѣхъ... Ужь такъ и быть: возврати мнѣ половину данныхъ тебѣ денегъ изъ дядюшкинаго наслѣдства, и совѣсть твоя очистится... Вспомни, на тѣхъ деньгахъ кровь!

— М-м, промычалъ Барсуковъ, хватаясь за счеты: — много...

— Слѣпыхъ ты больше предлагалъ...

— Ладно, ладно! обмаклери только, а ужъ за наградой не постоимъ!

— По рукамъ же?

— По рукамъ.

— Когда надобно будетъ, я тебя увѣдомлю, только чуръ у Смоквиныхъ виду не показывай, что мы знакомы, не то все испортишь!

— Ну, еще бы!

— Обдѣлаемъ дѣло, ты мнѣ какъ же, вексель дашь, али чистоганомъ?

— Ужь на счетъ этого не сомнѣвайся. Сегодня, напимѣръ, свадьба, а завтра денежки получай.

— Не надуешь? побожись!

Барсуковъ, смотря на икону, троекратно перекрестился.

— Ну, до свиданія же, Василій Максимычъ!

— До свиданія, Иларія Абрамовна!

— Фотіевна, Фотіевна... не позобудь!

«Все та же змѣя, только въ новой шкурѣ! подумалъ онъ, проводивъ странницу и возвратясь въ кабинетъ: — по чужому паспорту проживаетъ, шельма... Да ничего, и та пригодилась, пушай себѣ орудуешь. Удастся ей, свадебку-то сыграемъ, а ужъ на счетъ денежекъ, ха, ха, ха, еще подумаемъ... Вѣдь я не прежній Васька, а дядюшку-то мы за одно душили!»

Дня черезъ два, утромъ, въ кабинетѣ Смоквина происходила страшная суматоха. Хозяинъ блѣдный, встревоженный, позабывъ тучность и степенные года, на карачкахъ ползалъ по полу, заглядывая подъ столы, подъ стулья; всѣ ящики у бюро были вы-

двинуты и перерыты. Анісія Степановна плакала, а бывшая тутъ же Иларія Фотіевна ежеминутно крестилась и шептала: «вотъ грѣхъ-то, вотъ напасть!»

— Нѣтъ, сказалъ приподнимаясь Антонъ Петровичъ: — и искать нечего — украли, украли!

— А много ль было въ бумажникѣ? спросила странница.

— Шесть тысячъ двѣсти рублей, да вексель Томсона и Мавроконаки въ четыре...

— Ахъ ты, Господи! Да припомни хорошенько, Антонъ Петровичъ, не обронилъ ли на улицѣ?

— Да нѣтъ же, родная моя! Какъ вечеромъ вчера домой пришелъ, такъ вотъ сюда на столъ выложилъ и платкомъ прикрылъ... Какъ отужинали, еще хотѣлъ въ ящикъ запереть, да передумалъ... Ну вотъ и съ праздникомъ!

— Антонъ Петровичъ, спокойно сказала странница: — времени терять нечего, сію же минуту пошли въ кварталъ за надзирателемъ, иначе ничего не отыщешь. Воръ непременно свой: повальный обыскъ учинить надо, допросъ снять; я первая очиститься хочу. Какъ бы то ни было, я лицо постороннее!

— Да посмѣемъ ли подумать!... въ голосъ отвѣчали хозяева.

— Нѣтъ, нѣтъ; чужая душа потѣмки; заподозрить и родную дочь можно. А на кого вы, примѣрно, думаете?

— И подумать не на кого. Кухарка служить второй годъ, баба честная; про Слѣпневу и говорить нечего...

— Ну, перебила хозяйка: — не ручайся. Что намъ въ прошломъ году Иларія Фотіевна на счетъ учителя-то?...

— Ну, это дѣло стороннее, а ужъ красть Надежда не станетъ.

— Я ее не виню, наивно сказала странница: — только, когда мы за ужиномъ сѣли, я посылала ее въ буфетную за платкомъ, а вѣдь буфетная съ кабинетомъ рядомъ...

— Иди же, Антонъ Петровичъ, въ кварталъ, покуда, кромѣ насъ, никто въ домѣ о пропажѣ не знаетъ.

— И знать не долженъ. Нечего дѣлать, хоть я и не охотникъ до этихъ исторій, да казусъ-то такой вышелъ... Да, вотъ еще что. Вы бы, Иларія Фотіевна, нашу Таисію въ зало изъ ея комнаты увели? а? Неловко дѣвушкѣ при этихъ дѣлахъ быть, да если рѣчь Слѣпневой коснется, она вмѣшиваться станетъ, а?

— Хорошо, хорошо, будьте спокойны, она и не узнаетъ ничего... Жаль, со двора-то уйти нельзя!

— Вамъ-то съ ней можно бы... Да нѣтъ, и дома можно отдалить ее, до зала и голосъ не дойдетъ.

И перекрестясь, Смоквинъ пошелъ въ кварталъ.

Таисія съ няней сидѣли въ это время въ комнатѣ первой, и молча занимались какимъ-то шитьемъ. Со дня удаленія Витязева изъ ихъ дома, на лицо бѣдной дѣвушки будто туча опустилась. Она стала молчалива, задумчива, и только недавнее сватовство и спасеніе отъ него доброй нянею не на долго вывели ее изъ страшной апатіи. Послушная, неизмѣнно почтительная съ отцомъ и матерью, къ странницѣ чувствовала она ужасъ и инстинктивно дрожала при ея приближеніи. Какой-то тайный голосъ шепталъ ей, что внезапное удаленіе Витязева не обошлось безъ ея участія. Единственной ея отрадой были: музыка да чтеніе давно знакомыхъ учебныхъ книгъ. Тутъ каждая помѣтка, каждая черточка вызывала изъ глубины ея души рой воспоминаній.

Дверь скрипнула, вошла Иларія Фотіевна.

— Милая Таисинька, сказала она нѣжнымъ, медовымъ голоскомъ:—есть у меня до тебя, моя красавица, просьба... Исполнишь ли?

Таисія вздрогнула: впервые, въ шесть лѣтъ, Иларія обращалась къ ней съ подобной рѣчью.

— Что вамъ угодно? спросила она, отложивъ шитье и обмѣниваясь со Слѣпневой удивленнымъ взглядомъ.

— На дняхъ играла ты на фортепіанѣхъ какую-то чудесную пѣсенку, она мнѣ страхъ понравилась... Не сыграешь ли теперь?

— Что же это вамъ такъ вздумалось?

— Сгрустилось что-то, такъ разсѣяться хочу...

— Вы видно какъ царь Саулъ?

— Да, да, шалунья... А ты будь моимъ Давидомъ.

— Поди, Таисинька, сказала Слѣпнева: — тебѣ и самой не мѣшаетъ разсѣяться.

Таисія со вздохомъ пошла за странницей. Вскорѣ въ залѣ раздались громкіе звуки фортепіано; съ лихорадочной быстротой забѣгали пальчики. Скоро позабыла она и странницу, подъ обаяніемъ музыки; Иларія стояла поодаль, закативъ глаза и покачивая головой, но не музыку слушала она...

Изъ кухни, черезъ анфиладу комнатъ, долетали въ залу смутные голоса.

— Играй погромче! сказала странница.

Въ это самое время дверь въ комнату Таисіи широко распахнулась, и на порогѣ показалась фигура квартальнаго, высокаго роста, со смуглымъ опухлымъ лицомъ; за нимъ вошли хозяева. Удивленная Слѣпнева встала съ мѣста.

— Здравствуй, голубушка, началъ квартальный. — Не дашь ли мнѣ ключика отъ твоего сундучка... Слышалъ я, что у тебя тамъ есть разныя рѣдкости, а я до рѣдкостей охотникъ.

Тутъ онъ подмигнулъ Смоквину.

— У насъ, видишь ли... началъ было тотъ.

— Пожалуйста помолчите! крикнулъ квартальный: — васъ я вѣдь не спрашиваю?

— Ключъ отъ сундука? повторила удивленная Слѣпнева. — Рѣдкости? Какія же у меня рѣдкости?

— А вотъ увидимъ. Ну же, шевелись, жива-а? крикнулъ губерискій секретарь Сыроѣжкинъ.

Тутъ въ комнату вошли понятые, подчаски и дворникъ.

— Извольте ключъ и ройтесь какъ знаете! спокойно отвѣчала Слѣпнева.

— Смѣешь ли ты мнѣ такъ дерзко говорить? Эй вы, сундукъ на средину комнаты. Ну-съ, посмотримъ, продолжалъ онъ выгребая изъ сундука пожитки Слѣпневой своими широкими лапами. — Три рубахи... Это что? Дѣтскія распашонки и свивальники... Не родить ли собираешься?

— Это вещи моей покойной дочери! съ негодованіемъ отвѣчала Слѣпнева.

— Умно, что припрятала; можетъ на предки пригодятся, ты же еще баба, того... ничего. Платье шелковое — вотъ мы какъ-съ?

— Это я ей подарила, вмѣшалась Анисья Степановна.

— Сударыня, молчите-съ, ради Бога, сурово замѣтилъ Сыроѣжкинъ. — А-а! вотъ и бумажникъ!

Лицо благороднаго блюстителя общественнаго порядка омрачилось; шутливый и граціозно-любезный при обыскѣ, онъ мгновенно превратился въ строгаго судію, при находкѣ украденнаго бумажника.

— Это что?! вскрикнула Слѣпнева вся вспыхнувъ.

— Антонъ Петровичъ, онъ ли? крикнулъ квартальный, высоко поднявъ надъ головою засаленный темно-вишневый бумажникъ.

— Онъ, онъ! радостно откликнулся Смоквинъ.

— Откуда... чей? задыхаясь произнесла Слѣпнева, подходя къ квартальному.

— Антонъ Петровичъ, продолжалъ квартальный спокойно: — одолжите бумажки листокъ, перышко и чернилусекъ, мы протоколецъ составимъ...

Слѣпнева поблѣднѣла, зашаталась и схватясь за голову, какъ снопъ упала на полъ.

— Много ль денегъ было въ бумажникѣ? спросилъ квартальный, садясь къ столу и развертывая роковую находку.

— Шесть тысячъ двѣсти рублей, и вексель въ четыре тысячи...

— Ну-съ, а здѣсь, въ наличности и половины нѣтъ, да и векселя не оказывается...

— Какъ же такъ-съ? Гдѣ же?

— А вотъ, про это намъ расскажетъ ваша нянюшка... Что, еще не очнулась?

— Нѣтъ еще, отвѣчала Смоквина, хлопотавшая около безчувственной Слѣпневой.

— Э! сударыня, сказалъ квартальный: — охота вамъ съ этой мошенницей возиться? Вы думаете, она и въ правду въ обморокъ упала? Это штуки; замашка-то обыкновенная, только меня этимъ не запугаешь. Оедюхинъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ подчаску: — помни-ко ей хорошенько бока, да виски потри...

Въ комнату быстро вошла Иларія и что-то шепнула хозяйкѣ, та робко спросила Сыроѣжкина:

— Миѣ можно выйти?

— Куда угодно-съ, вы къ дѣлу не причастны...

— Я къ Тансін пойдю, сказала хозяйка, взглянувъ на мужа и выходя изъ комнаты.

— Ну что? съ участіемъ спросила странница разстроеннаго Смоквина: — нашлись деньги!

— Да, половина...

— Ахъ, Боже мой, что же это съ Онисимовной? жалобно произнесла Иларія: — видно испугалась...

— Еще бы не испугаться, сказалъ квартальный: — когда деньги у нея въ сундукѣ нашлись!

— Что вы?!

— А вотъ-съ, какъ видите... Очнется, такъ авось сама расскажетъ, какъ было дѣло. Что? все еще въ обморокъ? продол-

жалъ онъ, обращаясь къ подчаску: Надобно на другое мѣсто переложить, авось очнется?

— Герасимъ Ильичъ, сказалъ ему хозяинъ въ полголоса: — покража, слава Богу, гдѣ найдена...

— Ну-съ? перебилъ Сыроѣжкинъ насмѣшливо.

— Чего не хватаетъ, хоти и большая сумма... Куда ни шло, я не гонюсь! Ежели Онисимовна сознается, куда вексель дѣвдала...

— Ну-съ, ну-съ? торопилъ Сыроѣжкинъ съ такой улыбкой, что я, молъ, понимаю, что ты хочешь сказать.

— Нельзя ли будетъ, дѣло покончить домашнимъ образомъ? робко досказалъ Смоквинъ.

Квартальный вытаращилъ глаза.

— Нѣтъ-съ, Антонъ Петровичъ, законъ выше всего съ важностью продолжалъ квартальный: — стыдно вамъ и говорить-то, что выдумали — домашнимъ порядкомъ!

— Приходить въ себя, надобно ей воды принести...

Слѣпнева приподнялась съ мѣста и, потирая лобъ, какъ-то странно озиравалась, Сыроѣжкинъ что-то строчилъ перомъ; изъ толпы понятыхъ раздавалось чье-то хриплое дыханье. Подъ предлогомъ подавнїя помощи несчастной нянѣ, странница прошла въ спальню хозяйки заглянуть, что тамъ дѣлается... тамъ ничего, все тихо; догадливая Анисья Степановна, чтобы занять Таисію, попросила ее вслухъ псалтирь почитать.

— Что, матушка, Иларія Фотіевна? Живо спросила хозяйка.

— Ничего... я такъ зашла... отвѣчала она съ выразительнымъ взглядомъ.

Между тѣмъ начался допросъ. Вмѣсто отвѣтовъ, Слѣпнева молча улыбалась квартальному — такъ что онъ, наконецъ, изъ терпѣнїя вышелъ.

— Слушай, сказалъ онъ: — нашъ слѣдственный приставъ, Ковонъ Родіонычъ, не такъ будетъ допрашивать, онъ у насъ шутить не любитъ. У него, матушка, есть такіе способы для упрямыхъ, что любо дорого... Ну, ладно... Антоць Петровичъ, продолжалъ онъ посаѣ минутнаго ожиданїя, подписывайте вмѣстѣ со свидѣтелями протоколъ; дайте сюда паспортъ этой негодницы, а ты, Надежда Слѣпнева, надѣвай салонъ — и маршъ.

Процессія тронулась, и въ дверяхъ столкнулась со странницей. Слѣпнева, до сихъ поръ послушно давшая связать и вести себя, прїостановилась, глаза ея вспыхнули огнемъ, жилы на вы-

скахъ натянулись, и она плюнула Иларіи въ лицо такъ быстро, что злодѣйка не вдругъ и опомнилась.

— Что это, что это? вскричала она, растерявшись.

— Не буянить, каналья! крикнулъ Сыроѣжкинъ, замахиваясь...

— Оставьте, оставьте, господинъ офицеръ, сказала кротко Иларія:—Господь велѣлъ обиды прощать, и я прощаю! Она не знаетъ, что дѣлаетъ!

— Подлинно, сударыня, вы святая женщина, сказалъ Сыроѣжкинъ.

— Я—дѣвица, поправила она, стыдливо опуская глаза.

— Не робей, шепнулъ Слѣпневой, одинъ изъ подчасковъ, на улицѣ:—стой на одномъ словѣ, и все будетъ ладно.

Отъ Таисіи все осталось въ тайнѣ; когда она спросила, гдѣ няня? — ей отвѣчали: со двора ушла и скоро возвратится; въ чемъ однако же, Таисія усомнилась. Вытянутыя лица всѣхъ домашнихъ, заплаканные глаза у кухарки, и какая-то мертвенная тишина, внезапно воцарившаяся въ комнатахъ, казавшихся, будто послѣ покойника, обширнѣе, все это наполнило душу молодой дѣвушки безотчетнымъ ужасомъ. Болѣе всѣхъ былъ переконфуженъ самъ хозяинъ: во первыхъ, отъ разочарованія въ Слѣпневой, а во вторыхъ, а это еще того важнѣе, Сыроѣжкинъ съ собою бумажникъ унесъ, и съ деньгами, разумѣется; для улики-де нужно.

Наступилъ вечеръ, а съ нимъ усилился и паническій страхъ во всѣхъ жившихъ въ квартирѣ Смоквиныхъ, и увеличилось безпокойство Таисіи. Чего бы, кажется, бояться хозяевамъ? Воръ человекъ свой, уличенъ, схваченъ, а между тѣмъ Смоквинымъ, мужу и женѣ мерещилось, что въ каждомъ темномъ углу разбойникъ сидитъ и посматриваетъ на нихъ страшными глазами. Часу въ седьмомъ, въ прихожей брякнулъ звонокъ, да такъ бойко, что всѣ дрогнули. Такъ сильно звонятъ, какъ замѣчено, разношители афишъ и газетъ, господа не обращающіе вниманія на дверную доску и сердито спрашивающіе сосѣда, живущаго этажомъ выше или ниже, и, наконецъ, блюстители общественнаго благочинія. Антонъ Петровичъ и Анисья Степановна, оба со свѣчами, выбѣжали въ прихожую. Вошелъ Сыроѣжкинъ.

— Ну, батюшка, сказалъ онъ, снимая калоши:—изъ-за этой проклятой покражи, теперь такая каша вышла, что и не приведи Господи! Вѣдь нянька-то ваша ума рехнулась!

— Быть не можетъ, Герасимъ Ильичъ!

— Я самъ, то же говорю, а на дѣлѣ иначе выходитъ. Вѣрите ли, съ утра по сіе время рыщу по городу какъ собака; маковой росинки во рту не было... Угостите чайкомъ, въ ножки поклонюсь! заключилъ квартальный, бросаясь въ кресла.

— Сейчасъ велю самоваръ ставить...

— Съ ромкомъ бы, если можно, а? Да изъ съѣстнаго чего нибудь, балычка, что ли, или калбасы съ языкомъ?... Пошлите къ Глухареву, въ Александровскій рынокъ, тамъ недавно получили... Да ужь, къ довершенію благодѣяній, и водочки.

— Что же Слѣпнева-то?

— Сначала думали, что притворяется, пришелъ докторъ; смотрѣлъ, смотрѣлъ: «нѣтъ», говоритъ — это не притворство... Случайstrанный и очень рѣдкій... Съ ней... ахъ, Богъ мой! какъ онъ сказалъ по латинскому? Можетъ, сказалъ, увидя хозяина, она очнется!

— И... и мнѣ... надо ѣхать?

— Да. Не бойтесь, полноте, не на долго... А вотъ и закуска! вскричалъ онъ, съ жадностью бросаясь къ столу.

Вслѣдъ за кухаркой вбѣжала испуганная хозяйка.

— Антонъ Петровичъ, сказала она плача:—за докторомъ посылать надо. Дворникъ — анаеема, все Тасиѣмъ разсказалъ, и теперь съ ней истерика, жаръ, бредъ!..

— Отцы святители! возопилъ Смоквинъ, хватаясь за голову. — Родные, голубчики мои, что же это? Тамъ—сумашетствіе, тутъ — горячка... Что за проклятый день выдался!

— Жаръ? спокойно сказалъ Сыроѣжкинъ, съ трудомъ разжевывая огромный ломоть колбасы:—жаръ — это пустяки—съ, тутъ и доктора не нужно. Привяжите вы вашей дочери тертаго хрѣнку къ затылку, а на лобъ компрессы изъ уксусу—и все какъ рукой сниметъ, клянусь честью: средство испытанное!

XVI.

День уходитъ за днемъ; прошла недѣля, мѣсяцъ, другой... наступилъ и октябрь...

Воскресенье, часъ шестой по полудни; у Знаменья, надобно полагать, свадьба; церковь ярко освѣщена; на паперти, не смотря на проливной дождь, толпы зрителей, большею частью

изъ прекраснаго пола, который, какъ извѣстно, до страсти любить радостные и печальныя обряды и церемоніи. Вотъ и теперь сбѣжались со всего околodka и сентиментальныя горничныя, и моралистки — прачки и резонерки — кухарки; послѣднихъ легко узнать по неразлучному съ ними запаху пригорѣлаго масла и рыбы съ легкой примѣсью луку. Говоръ, визгъ, шумъ и смѣхъ... Войдемъ въ церковь.

И здѣсь толпы зрителей намираютъ на перила, которыми обнесено мѣсто, назначенное для великаго обряда; среднее и боковыя панцикала зажжены; царскія врата отворены; дьячокъ снуеть и суетится въ новомъ блестящемъ стихарѣ; батюшка съ отцомъ дьякономъ о чемъ-то тихо разговариваютъ; полковыя пѣвчіе на клиросѣ покашливаютъ да изъ-за мѣстныхъ иконъ на народъ выглядываютъ. Прислушаемся къ говору — не узнаемъ ли чего новаго? вотъ, кстати, группа изъ нѣсколькихъ старушекъ.

— Такъ какъ же было дѣло-то? говорить одна въ красной канавейкѣ.

— Такъ и было, отвѣчаетъ другая въ зеленомъ салопѣ: — то нянька сорокъ тысячъ денегъ украла, да съ ума и сошла!

— Неужто?

— Да, теперь въ жолтомъ домѣ сидитъ.

— Ишь ты... Да ты почемъ знаешь?

— Слава Богу, мнѣ не знать, когда мнѣ кухарка надвирателя Сыроѣжкина сказывала. Говорятъ еще...

— Женихъ, женихъ! раздалось у входа и изъ устъ въ уста пробѣжало по толпѣ зрителей; всѣ головы оборотились къ дверямъ; давка усилилась. Пѣвчіе на клиросѣ зашепестали нотами; рослый регентъ шепнулъ:

— Ну, дружно! Дишканты — не фальшить, а басы, тянутъ поровнѣе, особенно ты, Мордашкинъ... Ну, разъ, два, три!

И онъ брякнулъ камертономъ.

Западные двери распахнулись, толпа разступилась — и, въ щегольскомъ кафтанѣ, съ двумя медалями на шеѣ — гордый, спокойный, вошелъ въ церковь Василій Максимычъ Барсуковъ. За нимъ шествовалъ шаферъ, Раикитинъ, и еще нѣсколько чело- вѣкъ свидѣтелей, между которыми особенное вниманіе присутствующихъ, обратилъ на себя посаженный отецъ — генералъ, директоръ больницы, куда Барсуковъ поставлялъ дрова. Впрочемъ, и кромѣ генерала было довольно чиновныхъ людей; три

майора комиссаріатскихъ, да изъ сиротскаго суда, изъ думы—секретари и гласные. Установились за перилами.

— Эхъ, Алеша, шепнулъ женихъ шаферу:—зачѣмъ было боковые паникадилы зажигать? Только расходъ лишній...

— Поваляжнѣй будетъ.

— Известно, да все же!.. И вотъ опять пѣвчіе въ парадныхъ кафтанахъ? Къ чему, кто ихъ видитъ?

— А поютъ хорошо!

— Еще бы!.. И денежки хороши. Да, чтобъ не забыть: кучеру ты фуляръ подари тотъ, синій... а лакеямъ только на водну дай; да пожалуйста не щедрись...

«Слава и слава!» — гремѣли пѣвчіе.

— Кончатъ концертъ, за невѣстой можно ѣхать, не далеко вѣдь. Неужто Самойло Мосеевичъ не будетъ!

— Въ церковь-то, едва ли; вѣдь онъ еврей...

Въ это время, изъ темнаго угла церкви, куда не достигають ни одинъ изъ тысячи лучей, озарявшихъ храмъ, быстро вышелъ молодой мужчина, въ ветхой шинели, застегнутой бронзовой цѣпочкой — и протѣснился къ самому выходу. Молодая, проходя мимо, не могла бы не увидать его... Что жъ? увидитъ — и ужъ конечно не узнаетъ въ этомъ скелетѣ своего бывшего учителя Евлампія Егорыча Витязева. Двери скрипнули, сырой воздухъ ворвался въ церковь и заколыхалъ пламя на свѣчахъ. Вотъ свѣчникъ съ образомъ; вотъ, несомая цестрой волной поѣзжанъ обоюго пола, въ особенности женщинъ — вотъ и невѣста. За два мѣсяца исхудала такъ, что взглянуть страшно; лицо будто восковое — ни кровинки, и еслибъ не слезы на красныхъ, опухшихъ глазахъ — Таисію можно было бы принять за покойницу. Пропустивъ невѣсту и поѣзжанъ за перила, толпа сомкнулась и сжалась. Великій обрядъ начался.

Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, зрители тѣснились къ самой срединѣ храма, а потому углы церкви и придѣлы были совершенно пусты. Къ одному изъ нихъ отошелъ Витязевъ, и шатаясь опустился на колѣна.

«Исаіе, ликуй!» пѣли пѣвчіе, и Витязевъ быстро повернулъ голову въ ту сторону.

— Кончено! прошепталъ онъ, вставая съ колѣнъ: — отпѣли мою Таисію... Кончено! Прощай, Таисія, бормоталъ онъ, расталкивая зрителей на наперги и поспѣшно выходя на улицу:—каждому свое: тебѣ — брачное же, а мнѣ — могила!... Добѣжалъ

Витязевъ до своей бѣдной каморки; квартирной хозяйки, на его счастье, дома нѣтъ, и за стѣной у сосѣда — тихо. Дождь капаетъ, да гдѣ-то маятникъ постукиваетъ.

Евламій Егорычъ замкнулъ дверь на ключъ, и зажегъ небольшой, полуоплывшій огарокъ... осмотрѣлся... съ горькой усмѣшкой махнулъ рукой на свои книги; потомъ, схвативъ перо, сѣлъ къ столу и крупно написалъ на листѣ бумаги двѣ строки; подъ ними вмѣсто подписи въ дребезги расплющилъ перо...

Потомъ онъ выдвинулъ ящикъ у своего письменнаго стола и досталъ оттуда небольшой пистолетъ, съ кремненнымъ замкомъ, и свертокъ съ порохомъ...

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Глаза мои ночь застилала,
Уста мои скованы были.
Съ холоднымъ челомъ, неподвижный,
Лежалъ я въ глубокой могилѣ.

И долго ли спалъ я, не знаю,
Но вотъ я проснулся и слышу,
Что кто-то и громко, и часто
Стучится въ гробовую крышу.

«Иль встать ты не хочешь, мой милый!
«Ужъ вѣчнаго дня надъ вселенной
«Заря занялася, и мертвыхъ
«Зоветь она къ жизни нетлѣнной.

— Я встать не могу, дорогая!
Не будетъ конца моей ночи.
Давно ужъ ослѣпъ я... Ты знаешь,
Потухли отъ слезъ мои очи.

«Я въ очи тебя поцалую
«И мракъ прогоню я лобзаньемъ.
«Ты ангеловъ долженъ увидѣть,
«Небесъ насладиться сіяньемъ.

— Но какъ же я встану? Изъ сердца
 Все кровь еще льется потокомъ,
 Сама нанесла эту рану
 Ты мнѣ ядовитымъ упрекомъ.

«Мой милый! Я тихо на сердце
 «Тебѣ положу свои руки...
 «И кровь перестанетъ струиться,
 «И стихнутъ въ груди твоей муки.

— Не встать мнѣ, моя дорогая,
 И въ черепѣ рана сочится.
 Его прострѣлилъ я, какъ время
 Пришло намъ съ тобой разлучиться.

«И въ черепѣ рану зажму я
 «Волосъ моихъ прядью густою;
 «И кровь удержу, о, мой милый,
 «Чтобъ всталъ и пошелъ ты со мною.

Такъ страстно, такъ нѣжно звучалъ мнѣ
 Тотъ голосъ знакомый и милый...
 Противиться дольше не могъ я,
 И встать ужъ хотѣлъ изъ могилы...

Какъ вдругъ мои раны раскрылись,
 И хлынули крови потоки
 Съ какою-то бѣшеной силой...
 Но тутъ я проснулся...

А. ПАЩЕЕВЪ.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ НАКАЗАНИЙ

МАЛОЛѢТНИХЪ ПРЕСТУПНИКОВЪ

И РАЗВИТІЕ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХЪ КОЛОНІЙ ДЛЯ МАЛОЛѢТНИХЪ ВО ФРАНЦІИ.

I.

По мѣрѣ того, какъ государство проходитъ различныя фазы своей исторической жизни, уголовное право, находясь въ непосредственной связи съ жизнью народа, отражая въ себѣ степень развитія его государственной жизни, принимаетъ тотъ или другой характеръ.

Въ старомъ, дореволюціонномъ французскомъ уголовномъ правѣ, еще необработанномъ, неподвергнутомъ строгой философской критикѣ, мы находимъ присутствіе самыхъ разнообразныхъ элементовъ, явившихся подъ вліяніемъ различныхъ эпохъ исторической жизни Франціи и еще сохранившихъ большую или меньшую жизнѣнность. Мы находимъ въ немъ и остатки права варварскаго, и права обычнаго (*coutumes*), и феодальнаго, и правила, выработанныя судебною практикою, наконецъ, въ большомъ размѣрѣ, примѣненіе текстовъ римскаго права и положеній права каноническаго. Всѣ эти элементы права имѣли жизнь и приложеніе въ судебной практикѣ, обработанные и сведенные въ извѣстную систему юрисконсультами, составляли науку права, или вѣрнѣе комментированный сводъ дѣйствующаго права. Положительное законодательство, какъ напр. *Ordonnance* Людовика XIV (1670), только подтверждаетъ тѣ же правила, которыя

выводятся изъ общей системы дѣйствующаго права юрисконсультами.

Господствующій характеръ этого права—отплата за зло преступленія зломъ наказанія, — характеръ общественной мести отъ лица представителя общества и власти, которая мало по малу сосредоточивается исключительно въ рукахъ короля, и съ другой стороны, — устрашеніе примѣромъ жестокости наказанія; къ этимъ двумъ началамъ, болѣе или менѣе примѣшивается еще характеръ искупленія *ирѣха* преступленія посредствомъ наказанія — *expiation*.

По характеру уголовного права того времени, фактъ преступленія требуетъ, какъ непремѣннаго послѣдствія, — отмщенія ⁽¹⁾, которое выражается въ наказаніи, наказаніе же является преимущественно въ формѣ извѣстнаго физическаго страданія. Личность преступника отодвигается на второй планъ, на первомъ стоитъ самый фактъ злодѣянія, которое не можетъ остаться безъ видимаго отрицанія. Преступленіе нарушаетъ законы правды и справедливости, нарушаетъ законы нравственной гармоніи; чтобы возстановить эту гармонію, требуется отмщеніе, воздаяніе равнаго за равное. Преступленіе есть нарушение обязанностей относительно общества и Божества, какъ оскорбленіе вѣчной правды и справедливости, и наказаніе является и отъ лица общества, и отъ лица Божества; такимъ образомъ оно является какимъ-то средствомъ искупленія *ирѣха* преступленія передъ людьми и передъ Богомъ. Этотъ актъ искупленія, актъ общественной мести и отрицанія явленія зла, необходимо долженъ быть выраженъ образно на причинѣ явленія зла — преступникѣ, но такъ какъ на главномъ планѣ стоитъ собственно само отмщеніе преступленія, а не преступникъ, то, за немѣнимъ налицо самаго преступника, возможны были наказанія его изображенія, въ случаѣ смерти виновнаго — наказаніе его тупа, возможны были приговоры къ смертной казни животныхъ, если они лишали жизни человѣка.

Съ другой стороны, жестокость кары общественной имѣетъ еще цѣль — внушить страхъ другимъ, которые иначе, можетъ быть, рѣшились бы на преступленіе. При недостаточности мѣръ предупрежденія, главной мѣрой предупрежденія преступленій представляется устрашеніе жестокостью наказанія, которое въ этомъ стремленіи скоро уже выходитъ изъ границъ равномѣрнаго возмездія.

Все это составляло главную идею наказанія; нечего прибавлять, что судебное преслѣдованіе и наказаніе слишкомъ часто служили не

⁽¹⁾ *Beaumanoir. Coutumes de Beauvaisis. Cap. XXX. «La vengeance doit être prise de chacun malfet».*

для возстановленія «вѣчной правды и справедливости», а для достиженія многихъ иныхъ, часто противныхъ и правдѣ, и справедливости, цѣлей.

Отличительная черта этого права — неопредѣленность; наказанія уголовныя, полицейскія, гражданское вмѣненіе недовольно раздѣлены; наказаніе, какъ кара, смѣшивается съ предупрежденіемъ преступленій.

Что касается до самаго наказанія, то мѣра и родъ его зависѣли во первыхъ, отъ характера самаго преступленія, легкія преступленія наказываются менѣе жестоко, чѣмъ преступленія тяжкія (*atrocés*). Въ видѣ уступки внутренней сторонѣ преступленія, злонамѣренности дѣйствія, въ болѣе легкихъ преступленіяхъ наказаніе могло смягчаться во имя личности преступника, напр., если виновный былъ ребенокъ, сумасшедшій и т. д. или, если преступленіе было совершено безъ всякаго злаго умысла. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ преступленіе даже вовсе не влѣялось въ вину; но все это было не болѣе, какъ уступка: тяжкія преступленія и особенно такія, которыми оскорблялась религія или власть, не могли оставаться неотмщенными. Вмѣстѣ съ этимъ на родъ и степень наказанія имѣло значительное вліяніе общественное положеніе лица: дворянинъ наказывался иначе, чѣмъ человекъ изъ народа, *vilain*. Но главнымъ образомъ вмѣненіе преступленія и назначеніе наказанія зависѣло отъ произвола судьи. Король вѣрялъ, приобрѣтенную имъ въ монополію, власть суда своимъ чиновникамъ, которые, дѣйствуя безъ всякаго общественнаго контроля, употребляли всѣ усилія для поддержанія страха власти королевской. Судья не имѣлъ только права произвольно приговаривать къ смертной казни, но въ его власти было опредѣлить образъ казни, простое лишеніе жизни или колесованіе, четвертованіе и т. д. и всѣ прибавочныя истязанія.

Такимъ образомъ личность человека и гражданина могла почти совершенно стираться характеромъ преступленія и произволомъ судьи.

Относительно малолѣтнихъ, мы видимъ въ старомъ французскомъ правѣ примѣненіе положеній римскаго права. Изъ римскаго права, сообразно съ общепринятымъ тогда толкованіемъ относящихся сюда текстовъ, перешло раздѣленіе на возрасты: ребенокъ до 7 лѣтъ назывался *дитя*, *enfant* (въ рим. пр. *infans*), потомъ наступалъ возрастъ отроческій; мальчикъ до 14 лѣтъ и дѣвочка до 12 были *impubères* (*impuber*), затѣмъ наступалъ возрастъ юношескій, *puberté* (*pubertas*), а въ 25 лѣтъ совершеннолѣтіе. Кромѣ того, отроческій возрастъ раздѣлялся еще на два періода: возрастъ отъ 7 до 10 или 11 лѣтъ для мальчика и до 9 съ половиною, или 10 для дѣвочки назывался близкимъ къ дѣтству (*proche* или *peu éloigné de l'enfance*; — дѣти въ

этомъ возрастѣ должны были соответствовать *infanti proximi*, по римскому праву). Другая половина отроческаго возраста называлась *приближающеюся или близкою къ юношеству* (*proche de la puberté*;—дѣтѣмъ въ этомъ возрастѣ должны были соответствовать *pubertati proximi* по римск. праву).

Наконецъ юношескій возрастъ имѣлъ тоже свои отбѣнки, смотря по тому, былъ ли юноша ближе къ отрочеству, или къ совершеннолѣтію.

Сообразно этимъ возрастамъ предполагалась и степень развитія челоѣка, съ тѣмъ вмѣстѣ степень виновности, а согласно съ этимъ родъ и степень наказанія.

Общее правило, тоже перешедшее изъ римскаго права, было то, что дѣти и близкіе къ дѣтству, то есть до 10 съ половиною, или 11 лѣтъ мальчики и до 9 съ половиною или 10 лѣтъ дѣвочки, не могутъ подвергаться никакому наказанію. Отроки, приближающіеся къ юношеству (*impubères, proches de l'âge de puberté*), подвергаются наказанію въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ юноши (*pubères*); юноши, близкіе еще къ отрочеству, въ свою очередь, должны наказываться менѣе строго, чѣмъ приближающіеся къ совершеннолѣтію, и наконецъ полная вмѣняемость начинается съ 25-лѣтняго возраста.

Но рядомъ съ этими общими правилами мы находимъ еще одно замѣчательное правило, принятое всѣми юрисконсультами того времени, это то, что есть преступленія, въ которыхъ злостность (*malice*) или преступность дѣйствія какъ бы пополняютъ относительную молодость возраста (*malitia supplet aetatem*); въ такого рода случаяхъ, безнаказанность въ силу дѣтскаго возраста, даже снисхождение сами собою уничтожаются (¹).

Но вообще можно сказать, что положительно опредѣленныхъ правилъ, въ какихъ случаяхъ должно предполагать, что *malitia supplet aetatem*, и приговаривать къ полному наказанію, въ какихъ снисходить къ возрасту виновнаго, вовсе не существовало. Здѣсь произволу судьи дается полная свобода; своею «мудростію и благоразуміемъ» онъ долженъ опредѣлить характеръ и степень сознательности преступленія

(¹) *Ortolan Elements du droit pénal. 1839, p. 116.*

Jousse id. T. II, Part. III, Liv. IV, Tit. XXV, № 223.

Jousse id. T. I, Part. III, Liv. I, Tit. I, № 30.

Serpillon — code criminel, ou commentaires sur l'ordonnance de 1670. Lyon. 1767, in 4°. Tit. III, art. I, № 22.

Правило это принято было во всей Европѣ, мы находимъ его и въ законодательствѣ Карла V (C. C. C. Art. CLXXIV). См. изданіе 1701 года, съ комментаріями (art. CLXIV и CLXXIX).

Julius Clarus — lib. 8, quest. 6, № 3 и др.

и, сообразно съ этимъ, назначить наказаніе. Такимъ образомъ наказаніе ребенка гораздо болѣе зашито отъ личнаго усмотрѣнія судьи, чѣмъ отъ какого нибудь положительнаго правила. И дѣйствительно, въ приговорахъ суда мы находимъ то полное оправданіе малолѣтняго, то приговоръ ограничивается какимъ нибудь денежнымъ взысканіемъ, то, за подобное же преступленіе, ребенокъ присуждается къ наказанію уголовному и часто очень жестокому.

Но есть, какъ мы сказали выше, такія преступленія, которыхъ правосудіе того времени никакъ не можетъ оставить безъ отмщенія, хотя бы преступникъ дѣйствовалъ совершенно безсознательно; безсознательность дѣйствія въ такихъ случаяхъ предполагается невозможною: таково преступленіе *leze Majesté*—оскорбленіе величія Божескаго или человѣческаго. Не только ребенокъ, виновный въ подобномъ преступленіи, не могъ быть извиненъ, но даже оставаясь совершенно невиннымъ, могъ подвергнуться наказанію за вину своихъ родителей. «Чтобы внушить родителямъ больше ужаса и отвращенія отъ такого рода преступленій (здесь говорится собственно о *leze Majesté au premier chef*), за преступленія отцовъ наказывали и совершенно невинныхъ дѣтей» ⁽¹⁾. Имѣніе виновнаго конфисковалось, часто всѣ члены его семейства лишались всѣхъ своихъ правъ и изгонялись за предѣлы отечества. Таковы были приговоры надъ семействами Даміена (1610 г.) и Раваляка (1757 г.).

Въ преступленіяхъ *leze Majesté*, ребенокъ 10 или 11 лѣтъ (*impubère*) могъ быть даже подвергнутъ пыткамъ ⁽²⁾.

Недовольно того, что въ ребенкѣ карали совершенное имъ преступленіе, мы встрѣчаемъ и относительно дѣтей наказаніе, какъ мѣру общественнаго благочинія и предупрежденія преступленій. Въ XVI, XVII и отчасти въ XVIII ст., при большомъ развитіи во Франціи нищенства и бродяжничества, съ тѣмъ вмѣстѣ чрезвычайно распространились воровство и грабежъ; бродяги кочевали часто цѣлыми ордами и находили пріютъ и покровительство у богатыхъ владѣльцевъ (*seigneurs*); при трудности съ одной стороны доставить имъ занятія и дать осязательность, а съ другой, при невозможности постоянно наблюдать за ними, какъ единственное средство остановить такого рода безпорядки, представляются угрозы строгими наказаніями. Галеры, тѣлесныя наказанія, позорныя выставки угрожаютъ не только взрослымъ нищимъ и бродягамъ, но даже и дѣтямъ, которые отъ колыбели, не зная дома, не имѣя понятія о трудѣ, живя постоянно съ бро-

⁽¹⁾ Jousse id. T. III; Part. IV; tit. XXVIII, art. III, № 34.

⁽²⁾ Jousse id. T. II; Part. III; liv. II: Tit. XXII, № 20.

дѣтами, конечно не могли видѣть преступленія въ томъ, чтобы ходить съ своей семьей изъ мѣста въ мѣсто и просить милостыню ⁽¹⁾.

Рядомъ съ тѣлесными наказаніями, мы находимъ существованіе денежнаго выкупа; на примѣръ, въ *ordonnance* Людовика IX ⁽²⁾.

Относительно гражданской отвѣтственности въ преступленіяхъ, общее правило было, что хотя наказаніе малолѣтняго должно смягчаться во вниманіе его возраста, но подобное снисхожденіе не должно имѣть мѣста относительно отвѣтственности гражданской, и протори и убытки могутъ быть съ нихъ взысканы точно такъ же, какъ и со взрослыхъ. Если же виновный еще дитя (*enfant*), то ни онъ, ни его родители или попечители обыкновенно не подлежатъ никакой уплаты. Но въ судебной практикѣ мы часто встрѣчаемъ, что вина дитяти (*enfant*) не всегда оставалась безъ всякаго вмѣшенія, и если онъ самъ не могъ подвергнуться никакому наказанію и взысканію, то часто за него должны были отвѣчать его родители или попечители. Здѣсь опять мы встрѣчаемся съ произволомъ судьи: онъ могъ уголовное преслѣдованіе малолѣтняго перемѣнить на гражданское; подсудимому назначался опекунъ, противъ котораго направлялся процессъ и, въ случаѣ, если находили съ его стороны небрежность, которая могла бы быть причиною преступленія, совершеннаго ребенкомъ, то его присуждали ко взысканію проторей и убытковъ.

Такимъ образомъ, положительныхъ правилъ относительно наказаній малолѣтнихъ мы находимъ очень мало, и тѣ часто теряютъ свое значеніе подъ произволомъ судьи. Одинъ судья оправдываетъ, потому что подсудимый неразуменъ и, слѣдовательно, не можетъ отвѣчать за свои поступки; другой точно въ такомъ же случаѣ обвиняетъ, на томъ основаніи, что злонамѣренность дѣйствія пополняетъ малолѣтство возраста, *malitia supplet aetatem*, и приговариваетъ къ смертной казни или тѣлесному наказанію. Одинъ оправдываетъ ребенка и прекращаетъ всякое преслѣдованіе, потому что отвѣчать долженъ только виновный лично, а виновный оправданъ, слѣдовательно и всякое преслѣдованіе должно кончиться; другой оправдываетъ, но начинаетъ преслѣдованіе гражданское, подвергаетъ денежному взысканію родителей или опекуновъ подсудимаго, на томъ основаніи, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они должны отвѣчать за поступки малолѣтняго, который находится подъ ихъ попеченіемъ, а судья находитъ должнымъ примѣнить это правило къ данному случаю.

⁽¹⁾ См. *Dection contre les Bohemiens ou Egiptiens* 11 Juiller 1682.

Declaration concernant l'ouverture et la police des ateliers de mendacité. 13 Avril 1685 г.

⁽²⁾ *Ordonnance au parlement contre le blasphème.* 1268 ou 1269.

Наказанія уголовныя, полицейскія, гражданское вѣнненіе, смѣшныя и примѣняются, главнымъ образомъ, по личному усмотрѣнію судьи. Родъ наказанія ограничивается преимущественно наказаніями тѣлесными; въ нѣкоторыхъ неважныхъ случаяхъ — взысканіемъ денежной пени. Что же касается до наказанія тюремнымъ заключеніемъ, то въ старомъ французскомъ уголовномъ правѣ оно не было принято и существовало только для исключительныхъ случаевъ.

Существованіе тюрьмы мы видимъ еще въ глубокой древности, но тогда, какъ и во все время почти до XIX столѣтія, она играетъ совершенно другую роль, чѣмъ въ наше время. Еще въ XVIII столѣтіи французскіе юрисконсульты говорятъ, что тюремное заключеніе не есть наказаніе, а только мѣра храненія арестованныхъ (*pour la garde des prisonniers*) во время процесса. Какъ наказаніе, оно назначалось только въ исключительныхъ случаяхъ, напримѣръ, когда король лично заимѣляетъ смертную казнь или ссылку на галеры пожизненнымъ заключеніемъ, или когда, желая спасти честь имени, перемѣняютъ обыкновенное наказаніе на заключеніе въ тюрьмѣ; наконецъ, изъ снисхожденія къ полу и возрасту, для женщинъ и дѣтей. Только 25 сентября 1791 г. тюремное заключеніе признается однимъ изъ главныхъ наказаній, и опредѣляются различныя его виды.

Но какова была тюрьма, куда отсылали, изъ снисхожденія, женщинъ и дѣтей, и гдѣ они проводили часто цѣлыя годы? Общій характеръ этихъ тюремъ извѣстенъ. Въ XVI, XVII даже въ XVIII, стол. они часто помѣщались въ подвалахъ; заключенные жили тамъ постоянно въ сырости, въ полутьмѣ, дыша воздухомъ, пропитаннымъ испареніями всевозможныхъ нечистотъ; подсудимые и обвиненные, преступники, бродяги, должники, — мужчины, женщины, дѣти — все вмѣстѣ. Отъ сырости на нихъ ветшала одежда; полуодѣтые, они должны были спать на полу, на гнилой соломѣ, больные и здоровые, взрослые и дѣти, все вмѣстѣ. И эта несчастная жизнь еще часто ухудшалась постоянными оскорбленіями и побоями тюремщика. Lizet, писавшій въ концѣ XVI вѣка, говоритъ о заключенныхъ, что они содержатся съ такой строгостью, въ такой нищетѣ, въ такомъ недостаткѣ самыхъ необходимыхъ вещей, что тюрьма для нихъ служитъ уже не средствомъ храненія (*garde*), но великимъ наказаніемъ и мученіемъ (*peine et supplice*) (¹). Не смотря на многія распоряженія и приказы объ улучшеніи быта заключенныхъ, между прочимъ, и *ordonnance* 1670 года, на дѣлѣ никакого существеннаго улучшенія не было. Еще въ концѣ прошлаго вѣка, когда съ такою силою высказались идеи равенства и уваженія человѣческой личности, хотя

(¹) *Pierre Lizet, Pratique Judiciaire*. 1613. in 4° p. 147.

Т. XCVIII. Отд. I.

бы и преступнаго человѣка; когда новое правительство старалось ограничиться въ уголовныхъ наказаніяхъ только необходимымъ стѣсненіемъ лица, отстраняя всевозможныя истязанія, которыми такъ богато было прежнее уголовное законодательство, и тогда еще мы находимъ тюрьмы въ самомъ ужасномъ состояніи, и положеніе заключенныхъ дѣтей—самое безотрадное.

Thièret Grandpré въ своемъ рапортѣ совѣту пятисотъ говоритъ: «почти во всѣхъ департаментахъ, тюрьмы, нечистые остатки древней «феодалности, состоятъ изъ вонючихъ мѣстъ, настоящихъ клоаковъ, «грязныхъ, тѣсныхъ, безъ воздуха, куда дневной свѣтъ проникаетъ «съ трудомъ; гдѣ подсудимые и осужденные, мужчины и женщины, «старики и дѣти, все вмѣстѣ брошены на кучу гнилаго навоза; гдѣ «они томятся, сибдаемые нищетой, голодомъ и отчаяніемъ, от- «куда тѣ, которые вошли невинными или виновными въ легкихъ про- «ступкахъ, не могутъ выйти иначе, какъ съ зародышемъ неизлечи- «мыхъ болѣзней и съ самой сильной склонностью къ преступленіямъ «всѣхъ родовъ, съ которыми они имѣли слишкомъ много времени «сродниться».

Изъ «снисхожденія» къ нѣжному возрасту ребенка, его сажаютъ въ тюрьму, воспитываютъ подъ вліяніемъ дурныхъ обстоятельствъ и дурныхъ примѣровъ на свободѣ; въ тюрьмѣ онъ попадаетъ въ избранное общество сознательныхъ преступниковъ, изъ которыхъ многимъ уже осталась открытою одна дорога — преступленіе. Тюрьма для ребенка дѣлается великолѣпною школою разврата и преступленій. Благодаря своей впечатлительности, ребенокъ гибнетъ безвозвратно; онъ выходитъ изъ тюрьмы, чтобы совершить новое тяжчайшее преступленіе и снова возвратиться въ тюрьму или на лобное мѣсто. Благодаря правосудію, участь его рѣшается окончательно, выбора ему нѣтъ. За что же такая жестокая кара? За то, что у ребенка не было семьи, не было руководителя, не было можетъ быть крова, куска хлѣба; за то, что онъ былъ всеми покинутъ, никому до него дѣла не было; за то, что онъ былъ окруженъ съ колыбели нищетой, одиночествомъ, дурнымъ совѣтомъ, дурнымъ примѣромъ. Не имѣя ни средствъ, ни возможности различать добро отъ зла, ребенокъ совершаетъ преступленіе безсознательно; у него не можетъ быть и борьбы съ совѣстью. Какія у него есть средства самозащиты? Его совѣтники только безпризорность, невѣжество, нищета — за что же карать его! Дѣтямъ, выросшимъ въ такой обстановкѣ, дѣлается невозможною нравственная оцѣнка поступка; не имѣя ни возможности, ни умѣнья помочь себѣ трудомъ, понятно, что они идутъ просить милостыню, или, лишенные самого необходимаго и видя вокругъ себя довольство, до котораго имъ нельзя коснуться, какъ до запрещеннаго плода, — прибѣ-

гаютъ къ кражѣ, какъ самому легкому способу удовлетворить своимъ потребностямъ, и мы видимъ, что большая часть проступковъ, въ которыхъ обвиняются дѣти, заключается въ мелкой кражѣ, преимущественно предметовъ первой необходимости: съѣстныхъ припасовъ, одежды, денегъ отъ 20 сантимовъ до 195 франковъ⁽¹⁾. Начиная съ мелкихъ проступковъ, мало по малу, они переходятъ къ проступкамъ болѣе важнымъ (*délits*) и относительно только очень малое число изъ нихъ приводится къ уголовному суду за преступленія⁽²⁾.

Чтобы точнѣе опредѣлить причины преступности дѣтей и степень ихъ виновности, рассмотримъ статистическія данныя⁽³⁾.

На 100 преступленій, въ которыхъ были обвиняемы малолѣтніе, находящіеся въ исправительныхъ заведеніяхъ, въ среднемъ выводѣ за девять лѣтъ было:

преступленій противъ лицъ только . . .	5,7
преступленій противъ собственности . . .	60,6
нищенство, бродяжничество	31,8

Одно изъ самыхъ тяжелыхъ положеній — положеніе ребенка незаконнорожденнаго; онъ не имѣетъ семьи, никому онъ не близокъ, часто отъ самаго рожденія оставленъ на произволъ судьбы. Такое безпризорное положеніе непременно должно имѣть вліяніе на судьбу его, и дѣйствительно, мы находимъ, что на 100 дѣтей, находящихся въ исправительныхъ заведеніяхъ, относительное число дѣтей

законнорожденныхъ приблизительно . . .	22,5
незаконныхъ — . . .	77,5

т. е. незаконныхъ болѣе чѣмъ вътрое больше дѣтей законныхъ.

Но еще несравненно худшее вліяніе, чѣмъ отсутствіе попеченія семьи, имѣютъ семья дурная и нищета. Какъ велико это вліяніе, мы можемъ судить изъ слѣдующихъ данныхъ:

На 100 дѣтей, находящихся въ исправительныхъ заведеніяхъ, относительное число

дѣтей, у которыхъ родители подверглись наказанію	39,6
дѣтей, которыхъ родители нищіе, цыгане, бродяги, публичныя женщины, лица, не имѣющія никакого занятія . . .	54,7

⁽¹⁾ Buequet, Tableau de la situation moral et materiel des Jeunes détenus et des Jeunes libérés en France. Paris 1883, p. 13.

⁽²⁾ Mittermaier. Die Gefängnisverbesserung etc. 1838. p. 171.

⁽³⁾ Первый спеціальный отчетъ о статистикѣ тюремъ и исправительныхъ заведеній (*Statistique des prisons et des établissements pénitentiaires*) былъ изданъ въ 1882 г. Съ тѣхъ поръ выходитъ ежегодно подъ редакціею Perrot, главнаго инспектора тюремъ.

Первый отчетъ уголовной статистики (*Statistique criminelle*) былъ изданъ за 1823 г.

Между тѣмъ дѣтей, у которыхъ родители живутъ работой или доходами съ имѣній и капиталовъ 5,7

Относительно степени образованія дѣтей, поступающихъ въ исправительныя заведенія, мы находимъ, что $\frac{2}{3}$ изъ нихъ не получили ни малѣйшаго образованія, остальные умѣютъ только читать, или читать и писать болѣею частью очень плохо, и только очень немногіе (около 0,6) знаютъ что нибудь болѣе.

Относительно ихъ занятій до поступленія въ исправительное заведеніе, мы видимъ, что $\frac{2}{3}$ изъ нихъ не имѣли никакого занятія и никакой работѣ не учились.

Такимъ образомъ и статистическія данныя показываютъ намъ, что причины преступности ребенка лежатъ главнымъ образомъ въ его обстановкѣ, съ которой стать въ борьбу онъ не имѣетъ никакихъ возможностей: ни просвѣщенія, ни возможности труда, ни добраго совѣта, ни помощи. Отстраните эту обстановку, откройте ребенку другой путь — труда и просвѣщенія, помогите ему утвердиться на этомъ пути, и онъ сдѣлается честнымъ, полезнымъ человѣкомъ. Но за что же истязать тѣлесными наказаніями? За что развращать тюрьмой? Какая цѣль такихъ наказаній? Слѣдствіе — увеличеніе числа преступниковъ? Изъ *ста* заключенныхъ дѣтей (до введенія настоящей исправительной системы), по выходѣ изъ тюрьмы, снова подвергались наказанію за болѣе тяжкія преступленія *семдесятъ пять* и болѣе ⁽¹⁾.

Во имя какой же идеи правосудія государство имѣетъ право произвольно образовывать изъ своихъ гражданъ преступниковъ?

Неужели нѣжность, мягкость, впечатлительность души ребенка, обуславливающія какъ его паденіе, такъ равно и исправленіе, должны служить къ окончательной его гибели? А между тѣмъ такъ было еще въ XIX столѣтіи.

II.

Въ первый разъ законодательство относится къ ребенку человѣчески при началѣ революціи; въ законѣ 25 сентября 1791 г. ⁽²⁾ Titre V, сказано: ст. I. «Если обвиняемый (accusé), объявленный присяжными виновнымъ, совершилъ преступленіе, за которое подвергся судебному преслѣдованію, будучи моложе исполнившихся шестнадцати

⁽¹⁾ Borenger. De la repression pénale. Tom I, p. 443.

Buequet. Tab. de la situat. mor. et mater. etc. p. 42.

⁽²⁾ Loi. Code Pénal. Donnée à Paris, le 6 Octobre 1791. Décret de l'Assemblée nationale, du 25 Septembre 1791.

лѣтъ, то присяжные рѣшаютъ обыкновеннымъ путемъ своихъ разсужденій (délibération) слѣдующій вопросъ: *виновный совершилъ преступленіе съ сознаниемъ или безъ признанія?* (avec ou sans discernement).

Ст. II. Если присяжные рѣшаютъ, что виновный совершилъ преступленіе безъ признанія, то онъ будетъ оправданъ (acquitté du crime); но уголовный судъ (tribunal criminel) можетъ, смотря по обстоятельствамъ, или приказать отдать виновнаго его родителямъ, или отправить въ исправительный домъ (maison de correction), чтобы онъ тамъ воспитывался и содержался въ продолженіи числа лѣтъ, какое определитъ судъ (jugement), но которое во всякомъ случаѣ не можетъ продолжаться далѣе того времени, когда ему совершится 20 лѣтъ ⁽¹⁾.

Въ ст. III говорится о томъ, что когда присяжные найдутъ, что виновный совершилъ преступленіе съ сознаниемъ, то онъ будетъ осужденъ (condamné), но во вниманіе его возраста, наказаніе будетъ смягчено и замѣнено заключеніемъ въ исправительный домъ (вмѣсто каторжныхъ работъ въ цѣпяхъ — peine des fers, тюрьмы, съ разными видами заключенія: reclusion dans la maison de force, gêne, détention) на срокъ, равный тому, на который онъ былъ бы осужденъ къ тюремному заключенію, будучи шестнадцати лѣтъ или старше. Смертная казнь замѣняется двадцати-лѣтнимъ содержаніемъ въ исправительномъ домѣ.

Ст. IV отменяетъ относительно малолѣтнихъ публичную выставку, исключая случая, когда смертная казнь замѣняется двадцати-лѣтнимъ заключеніемъ.

Эти положенія 1791 г. сохранились почти слово въ слово въ кодексѣ Наполеона 1810 года (ст. 66—67), и еще были сдѣланы нѣкоторыя облегченія; такъ по закону 1791 г. малолѣтній обвиненный долженъ быть заключенъ въ исправительную тюрьму на срокъ, равный тюремному заключенію, которому онъ бы подвергся, имѣя шестнадцать лѣтъ и больше, а по кодексу 1810 г. содержаніе его въ исправительномъ домѣ можетъ равняться только $\frac{1}{2}$ и не больше $\frac{1}{3}$ этого срока (ст. 67).

Смертная казнь, пожизненныя каторжныя работы, ссылка, замѣняются заключеніемъ въ исправительномъ домѣ на время отъ 10 до 20 лѣтъ (ст. 67).

Публичная выставка совершенно отменяется относительно малолѣтнихъ, моложе шестнадцати лѣтъ (ст. 62) ⁽²⁾.

Въ ст. 69 правило о невмѣняемости преступнаго дѣйствія мало-

⁽¹⁾ Въ новомъ уголовномъ кодексѣ эти положенія изложены въ ст. 66.

⁽²⁾ Публичная выставка уничтожена совершенно (и для взрослыхъ) декретомъ 12—14 1848 г.

лѣтняго примѣняется не только къ уголовнымъ преступленіямъ (crimes), но и къ проступкамъ (délits).

Законъ 25 іюня 1824 г. полагаетъ, что если малолѣтній, моложе 16 лѣтъ, не имѣетъ взрослыхъ сообщниковъ, и преступленіе, въ которомъ онъ обвиняется, по закону не влечетъ за собою наказаній смертною казною, пожизненными каторжными работами, ссылкой и заключеніемъ — *detention*, то онъ долженъ быть судимъ судомъ исправительнымъ (*sera jugé par les tribunaux correctionnels*), сообразно правиламъ, изложеннымъ въ ст. 66 и 67 (1).

Дальнѣйшая судебная практика еще болѣе развила этотъ основной принципъ невмѣняемости поступковъ малолѣтнихъ имъ въ вину и необходимости для нихъ исправительнаго воспитанія.

Преимущества, предоставленныя малолѣтнимъ ст. 66, распространяются и на случаи полицейскихъ проступковъ (*contraventions de police*) (2).

Съ 1841 года малолѣтніе пользуются этими преимуществами и относительно нарушеній законовъ спеціальныхъ (*Lois spéciales*): таможенныхъ (3), лѣсныхъ (4), охоты (5) и др.

Если малолѣтній признается совершившимъ дѣйствіе безъ сознанія, даже въ случаяхъ бродяжничества, онъ не можетъ быть подвергнутъ полицейскому надзору, такъ какъ полицейскій надзоръ признается за наказаніе (6) (ст. 11), а обвиняемый не долженъ подвергаться никакому наказанію (*sera acquitté*); но если дѣйствіе его было сознательно, то онъ можетъ быть отданъ подъ присмотръ полиціи на время отъ 5 до 10 лѣтъ (ст. 67).

Если присяжные найдутъ малолѣтняго виновнымъ, но въ то же время характеръ преступленія позволитъ примѣненіе обстоятельствъ смягчающихъ (*circonstances atténuantes*); то судья долженъ прежде смягчить наказаніе въ силу смягчающихъ обстоятельствъ, чтобы потомъ уменьшить во вниманіи малолѣтства (въ силу ст. 67) (7).

Изъ всѣхъ этихъ положеній мы можемъ опредѣлить общій характеръ законовъ, дѣйствующихъ въ настоящее время относительно ма-

(1) Это положеніе закона 1824 г. вошло въ изданіе уголовного кодекса 1832 въ ст. 68, кромѣ словъ: *et la détention*, которое выпущено.

(2) Cass. 20 Janv. 1837; 13 Avr. 1844.

(3) Cass. 20 Mars. 1842.

(4) Cass. 26 Dec. 1843.

(5) Cass. 3 Janv. 1843.

(6) Cass. 26 Août. 1822; Paris 16 Jenv. 1834; Cass. 12 Août. 1834; Cass. 28 Fevr. 1852. Nancy 28 Juin 1848.

(7) Cass. 17 Sept. 1839; 6 Juin 1840; 26 Fevr. 1841; 27 Mai 1852; 24 Mars 1853.

лолѣтнихъ во Франціи, это во первыхъ, предположеніе, что человекъ, до шестнадцати-лѣтняго возраста, дѣйствуетъ въ большей части случаевъ безъ сознательнаго пониманія нравственной стороны дѣйствія и его послѣдствій, безъ полной и сознательной оцѣнки своего дѣйствія и безъ достаточной степени сознательной воли (*sans discernement*), и потому дѣйствіе его не должно вѣнчать ему въ вину, онъ не долженъ подвергаться никакому наказанію. Въ то же время признается возможнымъ, что не смотря на свой дѣтскій возрастъ, онъ можетъ быть достаточно развитъ для того, чтобы дѣйствовать сознательно, хотя и не съ полнымъ сознаніемъ; въ такомъ случаѣ, онъ долженъ быть наказанъ, но не такъ, какъ взрослый. Во вторыхъ: всѣ наказанія малолѣтнихъ ограничиваются исправительнымъ заключеніемъ.

Въ чемъ же состоитъ разниа прежняго законодательства съ новымъ? Въ чемъ заслуга новаго?

Прежде не было такого рѣзкаго разграниченія возрастовъ на періоды, какъ въ новомъ законодательствѣ: періодъ до шестнадцати лѣтъ, и періодъ отъ шестнадцати лѣтъ. Прежде, сообразно съ постепеннымъ развитіемъ сознательности человека вмѣстѣ съ возрастомъ, принималось нѣсколько періодовъ возраста, которымъ соотвѣтствовала большая или меньшая вѣняемость. Если огнать отъ прежней судебной практики безграничный произволъ судей и необходимость искупительной жертвы въ преступленіяхъ тяжкихъ, мы получимъ, пожалуй, болѣе логическую систему вѣняемости: въ ребенкѣ десяти или одиннадцати лѣтъ не развиты ни разумъ, ни воля; онъ не въ состояніи сознательно различать добро отъ зла, не можетъ оцѣнить нравственнаго характера, даже часто послѣдствій своего поступка, дѣйствуетъ подъ впечатлѣніемъ постороннихъ вліяній, и поступокъ его не вѣняется ему въ вину. Вмѣстѣ съ развитіемъ, съ опытомъ жизни, въ немъ является возможность обсуживать свои дѣйствія, развивается возможность оцѣнки поступковъ, развивается воля, съ тѣмъ вмѣстѣ человекъ дѣлается все болѣе отвѣтственнымъ за свои дѣйствія, и прежнее законодательство полагаетъ постепенно возрастающую вѣняемость: шрибѣе долженъ быть наказанъ мѣнѣе строго, чѣмъ рибѣе; четырнадцати-лѣтній мѣнѣе, чѣмъ двадцати-лѣтній, и во всей строгости наказаніе примѣнимо только къ совершеннолѣтнимъ двадцатипяти лѣтъ. Если вмѣсто прежняго произвола судьи, мы постановимъ извѣстную опредѣленную градацію въ наказаніяхъ, то получимъ чрезвычайно послѣдовательную систему, основанную на вѣненіи соотвѣтственно развитію человека и способности его быть виновнымъ, или отвѣчать за свои поступки.

Такого рода система легла, въ настоящее время, въ основаніе ис-

панскаго законодательства: до девяти лѣтъ — полная безотвѣтственность; отъ девяти до пятнадцати — сознательность дѣйствія (disseguement) не предполагается, но признается ея возможность, и въ такомъ случаѣ виновный наказывается, но наказаніе должно быть смягчено, по крайней мѣрѣ, на двѣ степени. Такимъ образомъ вмѣсто смертной казни могутъ быть назначены временныя каторжныя работы. Отъ пятнадцати до восемнадцати лѣтъ сознательность дѣйствія предполагается, но не полная, и наказаніе должно быть уменьшено, по крайней мѣрѣ, на одну степень — напр. вмѣсто смертной казни — пожизненные каторжныя работы.

Произволъ судьи ограниченъ; онъ не можетъ малолѣтняго извѣстнаго возраста подвергнуть наказанію выше опредѣленнаго закономъ, а законъ сообразуется съ постепеннымъ развитіемъ сознательности въ человѣкѣ.

Но гдѣ мы возьмемъ масштабъ развитія сознательности? Какъ можно сказать, что человѣкъ въ шестнадцать лѣтъ непременно дѣйствуетъ болѣе сознательно, чѣмъ въ пятнадцать? По какимъ признакамъ можемъ мы дѣлать разграниченія періодовъ сознательности?

Вмѣстѣ съ физическимъ развитіемъ, развивается въ человѣкѣ разумъ, сознательность, воля; но физическое развитіе не всегда одинаково обуславливаетъ развитіе внутреннее, которое не менѣе зависитъ отъ воспитанія и впечатлѣній всей окружающей его среды. Разница вліяній, подъ которыми развивается человѣкъ, разница восприимчивости натуръ производятъ необходимо и разницу въ его развитіи: одинъ, въ десять лѣтъ гораздо развитѣе и сознательнѣе, чѣмъ другой въ четырнадцать. Но во всякомъ случаѣ, здравый смыслъ показываетъ намъ существованіе періода, въ которомъ человѣкъ дѣйствуетъ исключительно подъ вліяніемъ постороннихъ впечатлѣній, не внося въ свои дѣйствія самобытной воли, истекающей изъ самостоятельной оцѣнки поступка — періодъ, въ которомъ невозможна никакая отвѣтственность, невозможно никакое вмѣшеніе.

Вмѣстѣ съ жизнью, съ опытомъ, человѣкъ все болѣе освобождается изъ подъ постороннихъ вліяній; въ немъ развиваются разумъ, способность и возможность сопоставленія и нравственной оцѣнки; является возможность свободы выбора, воля, съ тѣмъ вмѣстѣ является отвѣтственность. Но когда наступаетъ возрастъ полного развитія и полной отвѣтственности — опредѣлить трудно; опять являются вліянія воспитанія, обстановки и т. д.

Опредѣлить границы этихъ періодовъ можно только приблизительно, по наведенію, что въ извѣстный возрастъ большинство дѣйствуетъ безъ яснаго пониманія значенія своихъ поступковъ, безъ сознательной воли, а въ другой, позднѣйшій — съ сознаніемъ, понима-

ніемъ значенія и характера поступка, со всѣми его послѣдствіями и съ самобытной волей. Конечно, всегда будутъ случаи, когда отрокъ пятнадцати, шестнадцати лѣтъ дѣйствуетъ сознательно и свободно отъ вліяній обстановки, чѣмъ взрослый, хотя это уже будутъ исключенія, но и ихъ законъ долженъ по возможности предвидѣть.

Такимъ образомъ мы можемъ опредѣлить три періода:

1) Періодъ полного невмѣненія.

2) Переходный періодъ, когда сознательность возможна, но не полная, возможна и вмѣняемость, но тоже не полная.

3) Періодъ полной сознательности и полного вмѣненія.

Раздѣленіе на эти періоды необходимо для того, чтобы не подвергнуть отвѣтственности ребенка, который до извѣстнаго возраста не можетъ быть преступнымъ, слѣдующіе два періода для того, чтобы опредѣлить различный родъ наказаній, соотвѣтственно сознательности виновнаго.

Всякое дальнѣйшее раздробленіе возрастовъ на періоды непременно будетъ невѣрно, основано на чрезвычайно маломъ большинствѣ, и различіе степеней наказанія, соотвѣтственно этимъ періодамъ, *поведетъ къ несправедливости.*

Второй, переходный періодъ, особенно если онъ продолжителенъ, можетъ еще имѣть свои оттѣнки, относительно рода исправительнаго содержанія, сообразно съ возрастомъ (напр. виновный двѣнадцати лѣтъ и виновный двадцати лѣтъ) и со степенью сознательности дѣйствія виновнаго, но эти оттѣнки не измѣняютъ общаго характера вмѣненія въ этотъ періодъ.

Искусственное раздѣленіе возраста человека на пять, шесть періодовъ можетъ существовать только тамъ, гдѣ существуетъ одна извѣстная лѣстница наказаній, примѣняемыхъ ко всѣмъ возрастамъ. Въ старомъ французскомъ правѣ общее правило ограничивалось увеличеніемъ наказанія вмѣстѣ съ возрастомъ, и по личному усмотрѣнію судьи: въ новомъ испанскомъ опредѣлено, въ какой періодъ возраста, на сколько степеней выше или ниже, судья можетъ выбирать наказаніе изъ общей лѣстницы наказаній; опредѣленъ максимумъ, выше котораго онъ идти не можетъ. Но наказаніе выбирается все такъ же изъ общей лѣстницы наказаній; во вниманіе къ малолѣтству виновнаго, наказаніе *только понижается* на извѣстную степень, а не приѣмляется къ его возрасту. Между тѣмъ наказаніе взрослого и наказаніе малолѣтняго, какъ и самое вмѣненіе ихъ преступныхъ дѣйствій, должны имѣть огромное различіе. Малолѣтній никогда не въ состояніи оцѣнить свой поступокъ на столько, чтобы принять наказаніе, которое, по мнѣнію судьи, соотвѣтствуетъ его преступленію, какъ справедливую или законную кару, и чѣмъ менѣе онъ сознавалъ нрав-

ственный характеръ своего поступка, тѣмъ болѣе наказаніе, непри-
мѣненное къ его возрасту, понятіямъ, возможностямъ, покажется ему
только мученіемъ, насильственной мѣрою.

Неужели цѣль наказанія есть возмездіе за преступленіе — извѣст-
нымъ мученіемъ, а неразумность ребенка *только смягчающимъ* об-
стоятельствомъ, во вниманіе котораго наказаніе должно быть *только*
умевшено? Мы не можемъ не видѣть въ наказаніи другой цѣли,
законной и справедливой, и стремиться къ которой земное правосу-
діе имѣетъ болѣе возможностей, чѣмъ стараясь отплатить за зло
равномѣрнымъ зломъ, эта другая цѣль — гарантія общества отъ но-
выхъ преступленій разъ виновнаго лица, гарантія, при сохраненіи
полнаго уваженія его правамъ и какъ человѣка, и какъ гражда-
нина; помня, что мы не можемъ прослѣдить всего внутренняго про-
цесса, которымъ онъ дошелъ до преступленія, всей душевной борьбы
его; не забывая, что самое несовершенство общественной жизни мно-
гихъ ставитъ слишкомъ въ тяжкое, слишкомъ горькое и иногда без-
выходное положеніе, часто не давая никакихъ средствъ даже для
нравственной борьбы, никакихъ средствъ самозащиты, — не имѣя
возможности прослѣдить весь этотъ путь, которымъ болѣе или менѣе
проходитъ преступникъ, можемъ ли мы воздавать равнымъ за рав-
ное?.. Но гдѣ же въ наказаніи гарантія относительно малолѣтняго?
Страхъ наказанія? но и тотъ въ немъ не можетъ быть долго силенъ и
скоро проходитъ: вытерпѣвъ наказаніе, онъ точно такъ же, какъ и
прежде, не сознаетъ, въ чемъ собственно состоитъ преступность его
поступка, онъ снова входитъ въ ту же среду, которая обыкновенно и
доводитъ до преступленія. Устрашающее наказаніе не поможетъ его
развитію, не устранистъ пагубной для него обстановки, оно, можетъ
быть, только научитъ его быть осторожнѣй, но рано или поздно, онъ
снова явится на скамьѣ подсудимыхъ, чтобы вынести болѣе тяжкое
наказаніе.

Съ принятіемъ исправительной системы, какъ основанія наказа-
ній, вопросъ о наказаніи малолѣтнихъ разрѣшается легче, но и здѣсь
должна быть большая разица между исправленіемъ взрослого и ис-
правленіемъ малолѣтняго. Взрослому надо помочь его самостоятель-
ной внутренней работѣ, ребенка надо просто воспитывать. Взрослый
дѣйствуетъ, сознавая свой поступокъ; онъ, можетъ быть, совершилъ
преступленіе, когда страсть или обстановка пересилили его волю и
разумъ, когда не было силъ, а пожалуй, и возможности долѣе бороться,
это все можетъ смягчить характеръ преступленія, но не отнимаетъ
присутствія въ совершеннѣйшемъ человѣкѣ сознательности, способ-
ности оцѣнки дѣйствія и сознательной воли; такой свободой самодѣя-
тельности малолѣтній никогда не пользуется; какъ мы видѣли выше,

статистическія свѣдѣнія показываютъ, какъ дѣйствія его зависятъ отъ вѣшнихъ вліяній.

Если мы возьмемъ его изъ этой обстановки, устранимъ отъ вредныхъ для него вліяній, разовьемъ въ немъ разумъ, дадимъ возможность трудомъ стать независимымъ въ жизни, — мы спасемъ его. Про преступнаго ребенка нельзя сказать, что онъ пороченъ: порокъ въ немъ привитой извнѣ, не обдуманнѣй, не прочувствованный, не сознанный, не вкоренившійся; это родъ коры, все-таки вѣшняго вліянія, которая уничтожается, какъ скоро мы устранимъ отъ него это вліяніе и окружимъ другою, до тѣхъ поръ незнакомою ему жизнію. Справедливость этого намъ подтверждаютъ статистическія данныя: при прежней системѣ наказаній, изъ ста наказанныхъ малолѣтнихъ снова подвергались наказанію, за новыя преступленія, *семдесятъ пять* и больше; при новой системѣ — воспитанія *четыринадцать* и меньше, а *восемдесятъ шесть* остаются честными людьми.

Съ принятіемъ исправительной системы для всѣхъ преступниковъ, и опредѣленіе періодовъ возраста дѣлается легче. Съ совершеннолѣтіемъ мѣняется только родъ исправительнаго заключенія, тѣмъ не менѣе опредѣлить границы каждаго періода все-таки необходимо. Въ настоящее время различныя государства принимаютъ различныя границы этихъ періодовъ: въ Англіи періодъ невмѣненія кончается въ 7 лѣтъ, въ Ольденбургѣ въ 12; періодъ полного вмѣненія начинается точно такъ же различно: такъ въ Англіи и Греціи онъ начинается въ 14 лѣтъ, въ Бразиліи и Сардиніи въ 21.

Французское законодательство вовсе не принимаетъ періода невмѣненія; этотъ огромный недостатокъ законодательства по возможности сглаживается родомъ наказанія для малолѣтнихъ, который всегда ограничивается исправительнымъ воспитаніемъ и, главнымъ образомъ, родомъ устройства заведеній для этого воспитанія: какъ бы то ни было, законъ не вправе подвергать даже суду лицъ, которые не могутъ быть отвѣтственными за свои дѣйствія. Но принимая шестнадцать лѣтъ, какъ возрастъ, въ который наказаніе должно примѣняться во всей его строгости, законъ не искушаетъ этого недостатка ничѣмъ. Шестнадцатилѣтній можетъ быть казненъ, можетъ быть пожизненно сосланъ на галеры; между тѣмъ развѣ онъ можетъ отвѣчать за свои поступки, какъ взрослый? ⁽¹⁾ Въ шестнад-

⁽¹⁾ Если бы нашли, что шестнадцатилѣтній дѣйствовалъ безъ сознанія (*sans discernement*), то это не можетъ имѣть никакихъ юридическихъ послѣдствій, *См. 1, Sept. 1826.*

Если же присяжные будутъ убѣждены, что шестнадцатилѣтній дѣйствовалъ

цать лѣтъ еще невозможна полная оцѣнка дѣйствій. Самое дѣйствіе часто совершается подъ вліяніемъ увлеченія, обыкновенно безъ яснаго сознанія всѣхъ послѣдствій его. Въ этотъ возрастъ еще нѣтъ обдуманности дѣйствія, нѣтъ сдержанности; въ этотъ возрастъ человѣкъ еще не привыкъ и не имѣетъ силъ мириться съ окружающимъ, часто очень тяжкимъ и несправедливымъ, не находитъ силъ и возможности выйти изъ своего положенія; и за минутную ошибку, за увлеченіе, за заблужденіе, его, какъ закоренѣлаго преступника, отправляютъ на галеры или сажаютъ лѣтъ на десять въ тюрьму. Само законодательство находитъ невозможность сознательной самостоятельности дѣйствій въ такой юный возрастъ, когда гражданское совершеннолѣтіе оно же назначаетъ только въ двадцать одинъ годъ. Хотя нѣкоторые юристы и утверждаютъ, что совершеннолѣтіе въ уголовныхъ дѣлахъ должно наступать раньше, чѣмъ въ гражданскихъ, но вопросъ этотъ далеко не рѣшенъ. Трудно себѣ представить, чтобы тотъ человѣкъ, который неспособенъ самъ вести дѣла свои, управлять своимъ имуществомъ, могъ вполне сознательно, обдуманно готовить преступленіе, понимать весь нравственный характеръ его и совершать, чтобы извлечь изъ него свои выгоды.

Въ 1832 году было сдѣлано предложеніе распространить періодъ малолѣтства до восемнадцатилѣтняго возраста, но предложеніе это осталось и до сихъ поръ непринятымъ.

Такимъ образомъ, по законамъ, дѣйствующимъ въ настоящее время во Франціи, совершеннолѣтіе въ уголовныхъ дѣлахъ начинается съ шестнадцатилѣтняго возраста, до тѣхъ поръ всякое вмѣненіе ограничивается исправительнымъ воспитаніемъ. Въ этотъ періодъ сознательность дѣйствія предполагается невозможною; какъ исключеніе, признается возможность дѣйствія съ сознаніемъ, но не съ полнымъ; и какъ для однихъ малолѣтнихъ преступниковъ довольно просто только воспитаніа, до того ихъ дѣйствія не самостоятельны и не сознательны, такъ для другихъ необходимо воспитаніе исправительное, когда они имѣли время уже сродниться съ порокомъ; поэтому и законодательство полагаетъ, что въ первомъ случаѣ, малолѣтній оправдывается (*est acquitté*) и, смотря по обстоятельствамъ, отдается родителямъ, или отправляется на воспитаніе въ извѣстнаго рода заведеніе, во второмъ, отсылается на исправительное воспитаніе, при болѣе строгомъ содержаніи; но во всякомъ случаѣ всякое вмѣненіе ограничивается *воспитаніемъ*.

безъ сознанія, то если они не хотятъ подвернуть его наказанію, какъ взрослому, они должны объявить его невиннымъ. См. Chauveau et F. Hélie. T. I, p. 477 (édition 3-me). Rossi, Traité du droit pénal. T. II, p. 132.

Въ положеніи этихъ правилъ и состоитъ главная заслуга законодательства новаго времени.

Но можно возразить, что не дѣло суда заниматься воспитаніемъ. Судъ долженъ или оправдать и отпустить подсудимаго, или обвинить и наказать. Какъ положеніе системы, это вѣрно; но мы имѣемъ дѣло не съ сухой системой, а съ живой жизнью. Если судъ находитъ, что виновный ребенокъ дѣйствовалъ безсознательно, что поступокъ его былъ слѣдствіемъ окружающихъ его вліяній, онъ оправдываетъ его, но невозможно же оставить ребенка на жертву прежнихъ вліяній, въ прежней обстановкѣ; общество имѣетъ право вмѣшаться въ его воспитаніе уже во имя его проступка; оставить ребенка, который стоитъ въ такой близкой опасности отъ окончательнаго паденія, безъ помощи, оставить его на вѣрную гибель, было бы страшной несправедливостью, а отсылаетъ ли ребенка на воспитаніе судъ присяжныхъ, или судъ присяжныхъ только оправдываетъ его и поручаетъ наблюдению общины, а община своей властью заботится о его воспитаніи, это дѣло второстепенное, дѣло формы. Какъ мы увидимъ дальше, на правительствѣ даже не остается и бремени воспитанія: судъ находитъ необходимымъ для оправданнаго виновнаго ребенка воспитаніе, частныя лица помогаютъ общему дѣлу своей дѣятельностью, стараясь, по мѣрѣ силъ своихъ, искупить недостатки общественнаго устройства, жертвою которыхъ большею частію падаютъ эти несчастныя дѣти.

Обратимся теперь къ тому, какимъ образомъ вопросъ о воспитаніи малолѣтнихъ преступниковъ разрѣшенъ былъ во Франціи?

III.

Воспитаніе малолѣтнихъ преступниковъ было совершенно новой мѣрой, и устройство тюремъ не могло отвѣчать подобнаго рода требованіямъ. Въ 1814 году предполагалось, въ видѣ опыта, устроить специальную тюрьму (*maison d'essai*) для малолѣтнихъ, моложе 21 года, осужденныхъ за уголовныя преступленія (*crimes*) и принадлежащихъ къ судебному округу Парижа; но политическія событія помѣшали осуществленію этого проекта. Черезъ три года, при организаціи центральныхъ тюремъ (*maisons centrales*), предписывается особенный родъ ихъ устройства, съ цѣлью раздѣленія малолѣтнихъ отъ взрослыхъ, а черезъ два года такое же распоряженіе дѣлается и относительно тюремъ департаментскихъ. Вскорѣ во многихъ мѣстахъ Франціи были открыты особенныя отдѣленія для заключенныхъ дѣтей (*quartiers speciales*): въ Безансонѣ въ тюрьмѣ *Béllevaux*, въ 1824 г. въ Страсбургѣ, въ 1826 г. въ Руанѣ въ тюрьмѣ *Vicétre*; въ Парижѣ

всѣ дѣти, находящіеся въ разныхъ тюрьмахъ города, въ 1831 г. были собраны въ особое отдѣленіе тюрьмы S-te Pelagie, потомъ переведены въ тюрьму Madelonette, и наконецъ въ 1835 г. тюрьма La Roquette была сдѣлана центральнымъ домомъ для воспитанія малолѣтнихъ заключенныхъ департамента Сены (¹).

Но неудобства такого рода устройства почувствовались очень скоро; не говоря уже о недостаткахъ департаментскихъ тюремъ, гдѣ совершеннаго раздѣленія между взрослыми и малолѣтними никогда не было, не говоря о трудности управленія такими разнохарактерными отдѣленіями тюрьмы, какъ отдѣленіе взрослыхъ и отдѣленіе малолѣтнихъ, самая тюрьма, какъ говоритъ главный инспекторъ тюремъ во Франціи, Perrot (²), «какъ бы хорошо ни было ея внутреннее устройство, никогда не можетъ быть мѣстомъ воспитанія дѣтей, какъ то предписываетъ законъ. Пребываніе въ тюрьмѣ, даже смягченное всѣми попеченіями челоуѣколюбія, всегда должно имѣть разрушительное вліяніе и на физическое, и на нравственное состояніе живущихъ въ ней дѣтей и въ будущемъ должно оставить на нихъ пагубный отпечатокъ». Само правительство сознавало весь страшный вредъ пребыванія дѣтей въ тюрьмахъ. Въ циркулярѣ министерства внутреннихъ дѣлъ 3 декабря 1832 г. это сознаніе высказывается очень ясно. Во первыхъ, говорится въ немъ, въ тюрьмѣ по необходимости заставляютъ всѣхъ заниматься работами самыми простыми, которыя могли бы доставить немедленно какой нибудь заработокъ, чѣмъ исключаются всѣ работы, которыя требуютъ болѣе или менѣе долгаго ученія, а между тѣмъ осужденныя дѣти принадлежатъ преимущественно къ классу бѣдныхъ, и воспитаніе должно приготовить ихъ къ занятіямъ, которыя могли бы впослѣдствіи доставить имъ средства существованія. Кромѣ этого, продолжаетъ циркуляръ, воспитаніе въ тюрьмѣ тѣмъ неудобно, что оставляетъ дѣтей внѣ всякаго сообщенія съ обществомъ, безъ знанія общественныхъ отношеній, безъ всякихъ связей, кромѣ тѣхъ, которыя они образуютъ съ товарищами своего заключенія и которыя могутъ быть опасны для ихъ будущности... Самое пребываніе въ тюрьмѣ непременно дѣйствуетъ разрушительно на здоровье дѣтей, которыя, по выходѣ, должны жить трудами рукъ своихъ...

Уже изъ этихъ словъ, высказанныхъ самимъ правительствомъ,

(¹) Въ тридцатыхъ годахъ были устроены исправительныя отдѣленія (quartiers correctionnelles) при тюрьмахъ въ Лионѣ, Тулузѣ, Каркассонѣ и другихъ мѣстахъ. См. *Bucquet Tableau de la situation morale et matérielle, etc.*

(²) Perrot — Rapport sur la statistique des prisons et établissements pénitentiaires pour l'année 1833 p. XLIV.

видно, какъ сильна была необходимость измѣненія существующаго образа заключенія дѣтей въ форму, при которой возможно было бы ихъ воспитаніе и исправленіе, какъ того требуетъ законъ 1791 г.

Потребность реформы все росла, необходима была какая нибудь немедленная помощь; эта помощь предлагается тѣмъ же циркуляромъ (отъ 3 декабря 1832 г.). По закону, говорится въ немъ, дѣти, дѣйствовавшія безъ сознанія (*sans discernement*), оправдываются и не подвергаются никакому наказанію; они должны быть, смотря по обстоятельствамъ, или отданы родителямъ, или должны воспитываться отъ правительства. Дѣти, признанныя дѣйствовавшими сознательно (*avec discernement*), осуждаются (*sont condamnés*), и должны быть заключены на извѣстный срокъ въ исправительный домъ; между тѣмъ на дѣлѣ заключенныя оправданныя дѣти, вопреки смыслу закона, подвергаются наказанію наравнѣ съ обвиненными. Предписанное закономъ отдѣленіе различныхъ классовъ заключенныхъ, на дѣлѣ, никогда не было совершенно и постоянно осуществляется, и не прежде можетъ быть достигнуто, какъ по окончаніи чрезвычайно дорогихъ построекъ, которыя нѣкоторые департаменты не окончили, а другіе еще не предпринимали, и, не смотря на всѣ успія, другія издержки, не терпящія отлагательства, позволятъ окончаніе этихъ построекъ очень не скоро. Такимъ образомъ, если невозможно разомъ уничтожить это смѣшеніе печальное зрѣлище котораго представляетъ большее число тюремъ, то тѣмъ болѣе надо стараться найти и осуществить частныя улучшенія, которыя могли бы уменьшить опасность...

Съ другой стороны, самая тюрьма не можетъ быть мѣстомъ воспитанія, котораго требуетъ законъ... Въ такихъ обстоятельствахъ, циркуляръ считаетъ за лучшее средство помощи—отдавать дѣтей, оправданныхъ въ силу ст. 66 У. К., въ обученіе въ хорошія семьи ремесленниковъ или земледѣльцевъ, оставляя подъ присмотромъ полиціи, прокуроровъ (*ministère public*); кромѣ того, для наблюденія за ихъ воспитаніемъ, приглашаются члены тюремной комиссіи и благотворительныхъ учрежденій.

Помѣщеніе дѣтей въ семьи ремесленниковъ или земледѣльцевъ была дѣйствительно лучшая мѣра, которую можно было тогда предложить. Во первыхъ, такимъ образомъ, дѣти разобщены между собою, и не могутъ передавать другъ другу нравственную порчу; способность къ работѣ пріобрѣтается гораздо скорѣе подъ надзоромъ хозяина, заинтересованнаго въ успѣхахъ своего ученика; самая жизнь должна быть лучше въ семьѣ, хотя и чужой, чѣмъ въ тюрьмѣ, и хорошій воспитанникъ въ послѣдствіи можетъ имѣть въ своихъ пріемныхъ родителяхъ и помощь, и опору; но съ другой стороны, понятно, что, не смотря на всѣ благотворныя послѣдствія, которыхъ можно было ожи-

дать отъ такого рода устройства, оно должно было имѣть и огромныя невыгоды. Уже при самомъ вступленіи въ чужія семьи, падшія, хотя и оправданныя дѣти, встрѣчали опасенія, подозрѣнія, часто отвращеніе къ себѣ. Объ исправленіи и образованіи хозяева и не думали, а только старались всѣми средствами извлечь побольше матеріальной выгоды отъ нихъ. Но важно то, что истинный путь былъ найденъ; ясно создалась и положительно была высказана необходимость для виновныхъ дѣтей семейнаго воспитанія, оставалось найти возможно лучшую форму такого рода воспитанія.

Главныя причины паденія ребенка мы находимъ въ отсутствіи попеченія семьи, съ тѣмъ вѣстѣ въ отсутствіи добраго направленія и руководства, въ недостаткѣ просвѣщенія, въ непривычкѣ къ труду, которая большею частію зависитъ отъ недостатка средствъ научиться какой нибудь работѣ и трудности, особенно для ребенка, найти работу. Слѣдовательно, чтобы помочь ребенку стать на добрый путь и дать возможность утвердиться на немъ, необходимо, во первыхъ, по возможности замѣнить попеченія семьи внимательнымъ воспитаніемъ, дать извѣстное нравственное направленіе, развитъ способность здраваго мышленія, дать осѣдлость, давши возможность трудомъ зарабатывать свой хлѣбъ.

Необходимость семейнаго воспитанія, какъ мы видѣли, уже ясно высказалась въ циркулярѣ 3 декабря 1832 года, но мѣры вызванныя ими, не принесли ожидаемой пользы; надо было найти другой способъ воспитанія. Но какъ замѣнить семью? Кто захочетъ взглянуть на дѣтей-преступниковъ, какъ на своихъ дѣтей? Какъ устроить ихъ воспитаніе? Вопросъ былъ трудный; возможно успешному разрѣшенію его помогла частная дѣятельность.

Еще въ 1817 году аббатъ Агнонх, при содѣйствіи еще нѣсколькихъ человекъ, устроилъ въ Парижѣ *убѣжище улицы Грѣ* (maison de refuge de la rue de Grés) для дѣтей, которыя выбирались изъ тюремъ, какъ заслуживающія большаго вниманія (1).

Въ тридцатыхъ годахъ въ нѣкоторыхъ департаментахъ, заботами частныхъ лицъ устраиваются дома для воспитанія и техническаго образованія дѣтей, къ которымъ примѣнялись ст. 66 и 67 У. К.; такъ въ Бордо, съ этою цѣлью, устраиваютъ центральный домъ аббатъ Dubuch и Buch, въ Марсели — аббатъ Fissiaux; въ Тулузѣ — аббатъ Barttieg. Но истинный переворотъ въ судьбѣ этихъ гибнущихъ дѣтей произвели земледѣльческія колоніи.

Мысль устройства земледѣльческихъ колоній для воспитанія была

(1) До 1832 года въ этомъ заведеніи было воспитано 230 дѣтей, изъ которыхъ впоследствии снова подверглось суду около 10%.

не новая; чуть ли не въ первый разъ подобныя заведенія начали образовываться еще въ концѣ прошлаго столѣтія, въ Швейцаріи, благодаря Песталоци и его послѣдователямъ, потомъ, въ началѣ нынѣшняго вѣка много было сдѣлано опытовъ устройства земледѣльческихъ колоній для дѣтей нищихъ и покинутыхъ, въ Голландіи. Въ Гамбургѣ образовалось подобнаго же рода заведеніе съ исправительною цѣлью, подъ названіемъ Rauhen Haus. Во Франціи первая мысль образованія земледѣльческихъ колоній для воспитанія относится къ 1828 г., когда была устроена маленькая протестантская колонія въ Нейгоффѣ (Neuhoff) близъ Страсбурга. Почти въ то же время нѣкто Bazin устроилъ другую колонію Mesnil Saint Firmins для бѣдныхъ дѣтей, но требованія родителей на помѣщеніе туда дѣтей были такъ велики, что вскорѣ онъ долженъ былъ отказаться отъ воспитанниковъ этой категоріи ⁽¹⁾. Въ 1835 г. аббатъ Rey устроилъ въ общинѣ Oullins, не въ далекомъ отъ Ліона, убѣжище св. Іосифа для дѣтей бѣдныхъ и дѣтей освобожденныхъ изъ заключенія, но въ то же время туда могли поступать и осужденнымъ на исправительное воспитаніе (ст. 66 и 67. У. К.).

Въ 1839 г. аббатъ Fissiaux устроиваетъ ферму и ремесленныя мастерскія для заключенныхъ дѣтей въ Марселѣ. Въ томъ же году Demetz и баронъ де-Courteilles образовываютъ извѣстную земледѣльческую колонію Mettray; 22 января 1840 г. въ ней были приняты первые воспитанники, выбранные изъ малолѣтнихъ заключенныхъ въ тюрьмахъ.

Мы не будемъ здѣсь разбирать достоинствъ и недостатковъ этихъ колоній, достаточно сказать, что ихъ успѣшныя результаты и особенно успѣхъ блестящей и болѣе извѣстной изъ нихъ Mettray, возбуждали всеобщее вниманіе; во всей Франціи начали устраиваться подобныя колоніи и черезъ десять лѣтъ послѣ основанія Mettray въ 1850 г. 5 августа былъ принятъ національнымъ собраніемъ законъ, которымъ утверждается воспитаніе малолѣтнихъ, заключенныхъ въ силу ст. 66 и 67 У. К., и дѣтей, отданныхъ родителями на исправленіе (par voie de correction paternelle) въ исправительныхъ земледѣльческихъ колоніяхъ, отдавая преимущество колоніямъ частнымъ и только въ случаѣ недостатка послѣднихъ, опредѣляется устройство казенныхъ.

Колоніи предполагаются двухъ родовъ: колоніи пенитенціарныя (colonies pénitentiaires), для дѣтей оправданныхъ (aéquittés), какъ дѣйствовавшихъ безъ сознанія (sans discernement) и отосланныхъ на

⁽¹⁾ Впоследствии онъ устроилъ общество усыновленія сиротъ и найденныхъ (société d'adoption pour les orphelins et les enfants trouvés).

воспитаніе въ силу ст. 66 У. К. и осужденныхъ (*condamnés*), какъ дѣйствовавшихъ съ сознаніемъ (*avec discernement*) (ст. 67) и отправленныхъ на исправительное содержаніе отъ 6 мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ и колоніи *исправительныя* (*colonies correctionnelles*) для дѣтей осужденныхъ на исправительное содержаніе (ст. 67) срокомъ болѣе чѣмъ на два года.

Далѣе этотъ законъ опредѣляетъ занятія дѣтей въ колоніяхъ, поставляя на первомъ планѣ занятія земледѣльскія, а потомъ ремесла, относящіяся какимъ нибудь образомъ къ земледѣлію.

Опредѣляетъ образъ заключенія въ исправительныхъ домахъ для дѣвочекъ.

Узаконяетъ предоставленіе предварительной свободы (*liberté provisoire*), то есть помѣщеніе надежныхъ воспитанниковъ исправительныхъ заведеній, прежде ихъ окончательнаго освобожденія, въ заведенія и подлѣ условіемъ хорошаго поведенія.

Наконецъ опредѣляетъ степенъ участія правительства въ устройствѣ колоній и образъ наблюденія за ихъ дѣятельностію.

Такимъ образомъ законъ 1791 г. полагаетъ единственнымъ справедливымъ возмездіемъ за преступленіе, совершенное малолѣтнимъ, отправленіе его на воспитаніе и исправленіе; законъ 1850 г. признаетъ устройство земледѣльскихъ колоній лучшею мѣрою ихъ воспитанія ⁽¹⁾ и исправленія. Опредѣляя устройство колоній, законъ выражаетъ желаніе, чтобы преимущественно устраивались колоніи частныя и земледѣльскія.

Дѣйствительно, воспитаніе не есть дѣло административное; судебная власть, разсматривая поступокъ виновнаго ребенка, находитъ для него необходимымъ исправительное воспитаніе; при невозможности поручить это дѣло его семейству, какъ естественной средѣ воспитанія, оно поручаетъ его частнымъ лицамъ, желающимъ взять на себя эту обязанность. Воспитаніе дѣло очень трудное, а тѣмъ болѣе воспитаніе исправительное; чтобы успѣшно заняться имъ, надо быть проникнутымъ любовью къ этому дѣлу, иначе, это будетъ только внѣшняя форма, родъ дисциплинарной выправки, поэтому понятно, что воспитаніе должно идти успѣшнѣе въ рукахъ лицъ частныхъ, вызвавшихся на него по призванію и ручательствомъ за которыхъ служить уже

(1) Въ рѣшеніяхъ кассационнаго суда (*Arrets des cassation*) 21 іюля 1811 г., 17 іюля 1812 г., 23 марта 1843 г. говорится, что заключеніе, предполагаемое ст. 66 У. К. не есть мѣра наказанія, а должно быть разсматриваемо, какъ мѣра, имѣющая цѣлью исправить воспитаніе (*rectifier l'éducation*). Рѣшеніемъ 17 апрѣля 1824 г. эта мѣра разсматривается какъ мѣра только дисциплинарная. Рѣшеніемъ 16 августа 1822 г., какъ дополненіе къ домашнему воспитанію.

итъ безкорыстное посвященіе себя этому дѣлу, чѣмъ въ рукахъ чиновниковъ.

Съ другой стороны законъ очень справедливо отдаетъ преимущество колоніямъ земледѣльческимъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что жизнь въ деревнѣ, среди природы, должна дѣйствовать во всѣхъ отношеніяхъ несравненно лучше, чѣмъ жизнь въ четырехъ стѣнахъ самаго лучшаго заведенія. Ребенка не наказываютъ; оплата за зло преступленія, совершеннаго ребенкомъ, зломъ наказанія со стороны общества была бы самою несправедливою несправедливостью. Испорченнаго ребенка, который стоитъ на пути порока и преступленія, но въ которомъ порокъ еще не успѣлъ укорениться, хотятъ исправить, сдѣлать честнымъ, полезнымъ человекомъ. Поступокъ его не можетъ поставиться въ вину ему; его не караютъ, его хотятъ воспитать; гдѣ же лучше ему воспитываться, какъ не среди живой природы, среди приволья сельскихъ занятій. Въ колоніи дѣти не стѣснены оградой заведенія, не тоскуютъ по волѣ, они постоянно на свободѣ, къ тому же и самое разстроенное здоровье большей части этихъ дѣтей необходимо требуетъ постоянного движенія на чистомъ воздухѣ. Вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ педагоговъ, которые утверждали, что исправительное воспитаніе должно совершаться въ однообразномъ заключеніи, на дѣлѣ оказалось, что чѣмъ привольнѣе жизнь этихъ дѣтей, чѣмъ свѣжѣе окружающія ихъ впечатлѣнія, чѣмъ ближе они съ природой, тѣмъ ровнѣе и органичнѣе идетъ дѣло воспитанія. Самая жизнь въ деревнѣ, простыя деревенскія занятія скоро производятъ переворотъ въ душѣ ребенка, дѣлаютъ его мягче, укрощаютъ зародившіяся въ немъ дурныя инстинкты, дѣлаютъ впечатлительнѣе доброму вліянію воспитателей; отдаляя отъ искусственныхъ потребностей жизни городской, приучаютъ къ жизни простой, къ довольству необходимымъ.

Разсматривая статистическія данныя, мы видимъ, что среднимъ числомъ, на 100 дѣтей, отправленныхъ на исправленіе, относительное число дѣтей, принадлежащихъ къ классу жителей городскихъ, 71,0. Между тѣмъ, какъ дѣтей, принадлежащихъ къ классу жителей сельскихъ, только 29,0.

Жизнь въ городѣ развиваетъ потребности жизни болѣе или менѣе изысканной, искусственной, которыя скоро дѣлаются необходимостью и при этомъ, чѣмъ сильнѣе невѣжество, чѣмъ менѣе развито внутреннихъ средствъ, а съ другой стороны, чѣмъ сильнѣе нищета и трудность удовлетворить этимъ потребностямъ, тѣмъ ближе къ преступленію. Дѣти, выросшія въ этой средѣ, съ младенчества оставленныя безъ призора родителями, которые цѣлый день внѣ дома, оставленныя болѣе или менѣе на собственный произволъ, окруженныя всѣми соблазнами город-

ской жизни, скоро подчиняются ея влиянію; въ нихъ развиваются потребности уже не простой жизни, желаніе удовольствій и наслажденій искусственныхъ, а тутъ еще постоянное влияніе и взрослыхъ, уже успѣвшихъ сродниться со всѣми пороками. Гдѣ же болѣе разврата, порока и преступленія, какъ не въ большихъ городахъ, въ городахъ торговыхъ, въ городахъ, гдѣ развита производительность фабричная, вмѣстѣ съ бѣдностью и невѣжествомъ рабочаго класса.

Въ департаментѣ Сены, гдѣ преимущественно развита жизнь городская, такъ что на 100 жителей приходится слишкомъ 97 жителей городскихъ, число дѣтей, ежегодно поступающихъ въ исправительныя заведенія, простирается отъ 1180 до 1369; или на 100,000 жителей 70,2 этихъ дѣтей.

Въ департаментѣ Роны на 100 жителей приходится около 59 жителей городскихъ. Мануфактурная дѣятельность развита въ огромномъ размѣрѣ, число дѣтей, отправляемыхъ въ исправительныя заведенія—отъ 329 до 445 въ годъ, или 62,3 на 100,000 жителей.

Между тѣмъ какъ въ департаментахъ, гдѣ преимущественно развита жизнь сельская, относительное число дѣтей, отсылаемыхъ въ исправительныя заведенія уменьшается; такъ въ д. Верхней Луары, гдѣ на 100 жителей только около 14 жителей городскихъ, на 100,000 жителей дѣтей, отсылаемыхъ въ исправительныя заведенія въ годъ, среднимъ числомъ 2,7 (отъ 3 до 10 ежегодно). Въ департаментѣ Канталь число жителей городскихъ съ небольшимъ 9 на 100 всего населенія, число отсылаемыхъ дѣтей 3,1, на 100,000 жителей отъ 2 до 12 въ годъ.

Вообще въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ преимущественно развитъ элементъ сельскій, гдѣ нѣтъ большихъ мануфактурныхъ и торговыхъ центровъ, какъ на примѣръ въ департаментахъ южной и частию средней Франціи, процентъ преступныхъ дѣтей чрезвычайно незначителенъ. Напротивъ того, въ тѣхъ департаментахъ, въ которыхъ развитъ преимущественно элементъ городской, дѣятельность фабричная, процентъ преступныхъ дѣтей возрастаетъ до невѣроятности; таковы на примѣръ департаменты: Сены, Роны, нижняго Рейна и т. д. и большая часть приморскихъ департаментовъ на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, гдѣ находятся большіе торговые пункты. Земледѣльческіе департаменты нижнихъ и верхнихъ Альпъ даютъ чрезвычайно малый процентъ преступныхъ дѣтей (7,4 и 9,9 на 100,000 жителей), а департаментъ устьевъ Роны, смѣжный съ ними, но дѣятельность котораго преимущественно торговая и фабричная и гдѣ находится значительный торговый портъ Марсель, даетъ 42,6 преступныхъ дѣтей на 100,000 жителей. Департаментъ Нижней Луары, замѣчательный по своей ввозной и вывозной торговлѣ, на 100,000 жителей даетъ 33,4

малолѣтнихъ преступниковъ, а рядомъ съ нимъ, департаментъ Вандея, жители котораго преимущественно занимаются земледѣліемъ и рыбнымъ промысломъ или домашними мануфактурными издѣліями, на 100,000 жителей даетъ только 5,3 малолѣтнихъ преступниковъ.

Земледѣльческія колоніи встрѣтили большое сочувствіе какъ со стороны общества, такъ и со стороны правительства, слѣдствіемъ чего и былъ изданъ законъ 1850 г. Какъ правительство, такъ и частныя лица старались всѣми средствами помогать развитію этихъ колоній; министерства, судебныя мѣста и другія учрежденія ежегодно дѣлали и до сихъ поръ продолжаютъ дѣлать пожертвованія въ пользу учреждающихся исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ; частныя лица, съ своей стороны, дѣлаютъ сборы съ этою же цѣлію, и почти всѣ колоніи были устроены, главнымъ образомъ, на частныя пожертвованія, а многія изъ нихъ стоили очень дорого: такъ только одна земля съ старымъ зданіемъ бывшаго монастыря, купленная для колоніи Снто, стоила 1,000,000 франковъ и была пріобрѣтена единственно при помощи частныхъ лицъ. До 1 января 1853 г. вспоможенія, оказанныя дѣтскимъ исправительнымъ заведеніямъ, простирались уже до 4,424,785 фр. 47 сант., и изъ нихъ 2,267,203 фр. 22 сант. были собраны частными подписками, балами, лотереями и т. п. (1). Правительство, кромѣ того, выдавало постоянно на каждого малолѣтняго колониста отъ 60 до 90 сант. въ день и полное одѣяніе, при его поступленіи въ колонію; въ настоящее время поденная плата, выдаваемая правительствомъ, снизошла до 70 и 60 сант. среднимъ числомъ.

Такимъ образомъ, благодаря этимъ вспоможеніямъ, исправительныя заведенія для малолѣтнихъ, и въ особенности частныя земледѣльческія колоніи стали быстро образовываться. Къ 31 декабрю 1851 года всѣхъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ было уже 49. Изъ нихъ 12 правительственныхъ и 2, колонія Ostvald для мальчиковъ и пріютъ въ Масон для дѣвочекъ, принадлежащихъ департаментамъ. Въ тѣхъ и другихъ, число содержащихся дѣтей было 2570 (мальчиковъ 2082 и дѣвочекъ 488).

Частныхъ исправительныхъ заведеній было 35 (17 для мальчиковъ и 18 для дѣвочекъ), въ которыхъ помѣщалось 3073 малолѣтнихъ (мальч. 2639, дѣвоч. 398).

Изъ числа 12 правительственныхъ заведеній, 7 были устроены въ формѣ колоній или особыхъ исправительныхъ отдѣленій при центральныхъ тюрьмахъ (*quartiers correctionnels annexes aux maisons cent-*

(1) Bucquet tab. de la situat. morale et. materielle en France — des jeunes detenus etc. p. 23.

rales) съ населеніемъ 1743 малолѣтнихъ (мал. 1395, дѣв. 348); 3 отдѣленія при тюрьмахъ департаментскихъ съ населеніемъ 124 мал. и 37 дѣв.; селюлярная исправительная тюрьма La Roquette и отдѣленіе при женской тюрьмѣ St. Lazare.

Къ 31 декабря 1860 г. число исправительныхъ заведеній возросло до 58, изъ которыхъ правительственныхъ 9, въ томъ числѣ 2 большихъ земледѣльческихъ колоній; отдѣленія при центральныхъ тюрьмахъ уничтожены; а остались только 3 колоніи, въ которыхъ помѣщалось 1105 мальчиковъ, дѣвочекъ ни одной; отдѣленій при департаментскихъ тюрьмахъ 2 съ населеніемъ только 12 мал. и 4 дѣв.; la Roquette, отдѣленіе при тюрьмѣ St. Lazare и департаментскихъ заведеній: колонія Ostwald и приютъ въ Mazon, продолжали существовать по прежнему. Во всѣхъ правительственныхъ и департаментскихъ заведеніяхъ находилось 2312 малолѣтнихъ, и изъ нихъ мальчиковъ 2229, дѣв. 83.

Частныхъ заведеній было 47; (для мал. 25 и для дѣв. 22), число содержащихся въ нихъ малолѣтнихъ было 6226 (мальчиковъ 4608, дѣв. 1618).

По этимъ даннымъ мы можемъ судить, какъ съ одной стороны, система исправительнаго воспитанія въ колоніяхъ постоянно распространялась и, мало по малу, исключала всѣ другія системы; съ другой стороны, какъ исправительное воспитаніе постепенно переходило въ руки частныхъ лицъ; такъ что въ девять лѣтъ изъ 45,8 процентовъ дѣтей, воспитывающихся въ правительственныхъ заведеніяхъ, остается только 27,1, и тѣ всѣ почти воспитываются въ земледѣльческихъ колоніяхъ. Въ послѣднее время, даже относительно дѣвочекъ, находятъ чрезвычайно полезнымъ приучать ихъ къ сельскимъ занятіямъ и стараются о присоединеніи къ исправительнымъ заведеніямъ для дѣвочекъ фермъ (').

Мы не станемъ здѣсь дѣлать подробнаго разбора воспитанія въ дѣтскихъ исправительныхъ колоніяхъ, впослѣдствіи мы постараемся представить описанія нѣкоторыхъ, болѣе замѣчательныхъ изъ нихъ; здѣсь же ограничимся только краткимъ очеркомъ жизни и занятій малолѣтнихъ въ этихъ заведеніяхъ.

Дѣвочки преимущественно воспитываются подъ надзоромъ «сестеръ» разныхъ духовныхъ обществъ, занимаются рукодѣліями, хозяйствомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ огородничествомъ, садоводствомъ и уходомъ за скотомъ; только въ послѣднее время, какъ мы сказали,

(') Въ 1861 году всѣхъ земледѣльческихъ колоній для дѣтей преступныхъ, сиротъ, найденныхъ считалось во Франціи 82.

См. *Notice sur la colonie agricole de Mettray*. 1861. p. 1—2.

обращается большее вниманіе на сельскія занятія, а до сихъ поръ въ большей части заведеній занятія дѣвочекъ ограничивались шитьемъ; вышиваньемъ, стиркой и стряпаньемъ на кухнѣ. Вообще воспитаніе этихъ дѣвочекъ во Франціи требуетъ большихъ улучшеній, начиная съ измѣненія монастырскаго характера ихъ воспитанія, со всею его односторонностью и другими очень важными недостатками. Во многихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Швейцаріи, даже въ Бельгіи въ исправительной школѣ—фермѣ Бернемъ, гдѣ стараются раздѣлять сельскія работы между мальчиками и дѣвочками, воспитаніе дѣвочекъ идетъ несравненно правильнѣе, чѣмъ во Франціи.

За то исправительное воспитаніе мальчиковъ во Франціи организовалось чрезвычайно хорошо и дало самыя благотворительныя результаты. Почти всѣ мальчики воспитываются въ земледѣльческихъ колоніяхъ ⁽¹⁾. Главныя ихъ занятія составляютъ: земледѣліе и относящіяся къ нему занятія, какъ напримѣръ, огородничество, садоводство, скотоводство, винодѣліе, мельничество и т. п.; потомъ ремесла, преимущественно предметовъ первой необходимости, и производство которыхъ не требуетъ непремѣнной жизни на фабрикѣ или въ городѣ, какъ напримѣръ, хлѣбничество, портное мастерство, сапожное, шляпное, плотничье, столярное, слесарное, кузнечное, бочарное, колесное и т. п., наконецъ, въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, для дѣтей, которые по своимъ обстоятельствамъ должны готовиться въ работники на фабрики или въ городскія мастерскія, устроены рабочія, гдѣ образуются ткачи, ткачи бархата (въ колоніи Oullins около Ліона), рѣзчики, токари, обойщики, парусники, мраморщики, машинисты и т. д. ⁽²⁾.

Въ то же время обращается большое вниманіе и на умственное образованіе; всѣ колонисты ежедневно, въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, смотря по возрасту и способностямъ, берутъ уроки: ихъ учатъ читать, писать, считать, черченію первыхъ геометрическихъ фигуръ, системѣ мѣръ и вѣсовъ и музыкѣ, большею частію хоровому пѣнію. Кромѣ того, ихъ учатъ закону Божію и даютъ элементарное

(1) Мы здѣсь не говоримъ объ исправительной селюлярной тюрьмѣ La Roquette въ Парижѣ, гдѣ къ 31 декабря 1860 г. было 372 малолѣтнихъ. Она существуетъ еще, какъ остатокъ попытокъ, и очень неудачныхъ, примѣненія селюлярной системы къ воспитанію малолѣтнихъ.

(2) Среднимъ числомъ за послѣдніе четыре года (съ 1857 до 1860 г.) на 100 мальчиковъ, находящихся въ исправительныхъ заведеніяхъ, занимались

	земледѣліемъ	56,1
	ремеслами	35,4
на 100 дѣвочекъ занимались	земледѣліемъ	8,2
	ремеслами	77,2

понятіе о географіи и исторіи; въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, напримѣръ въ Марселѣ, для болѣе способныхъ, восходятъ до синтаксическаго разбора, черченія, рисованія, исторіи и географіи въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, алгебры и геометріи, такъ что мальчикъ, имѣющій призваніе къ наукамъ, легко можетъ подготовиться къ поступленію въ спеціальное учебное заведеніе.

О матеріальномъ содержаніи дѣтей въ колоніяхъ чрезвычайно заботятся, тѣмъ болѣе, что поступающіе туда дѣти обыкновенно бываютъ слабаго, разстроеннаго здоровья. Не приучая ихъ къ роскоши и изнѣженности ни въ помѣщеніи, ни въ пищѣ, ни въ одѣваньи, имъ даютъ здоровую, но простую пищу, самое простое, но опрятное платье и чистую постель въ свѣтлой залѣ съ свѣжимъ воздухомъ.

Вообще при содержаніи колонистовъ избѣгаютъ приучать ихъ къ тѣмъ излишествахъ и даже удобствамъ, которыхъ они были бы лишены по выходѣ изъ колоніи.

Въ жизни, во всѣхъ занятіяхъ въ колоніяхъ, наблюдается самый строгій порядокъ; но не мѣрами строгости и не страхомъ наказанія держится весь внутренній организмъ колоніи, а внутреннею, нравственною силою директора и его помощниковъ.

Тѣлесныя наказанія не приняты ни въ одной колоніи, хотя очень понятно, что между дѣтьми, не получившими никакого направленія и уже испорченными, проступки, какъ, напримѣръ, ссоры, лѣность, мелкая кража, драка и т. д., случаются очень не рѣдко, а наказанія главнымъ образомъ ограничиваются запрещеніемъ говорить и играть во время рекреаціи, запрещеніемъ посѣщенія родными и переписки съ ними, удержаніемъ той части денегъ, которая отдается въ собственное распоряженіе колониста (*partie disponible*), отдѣленіемъ во время обѣда отъ общаго стола или оставленіемъ на хлѣбъ и на водѣ; (противъ послѣдняго наказанія многіе изъ директоровъ очень справедливо возстаютъ, какъ противъ вреднаго и въ нравственномъ, и въ физическомъ отношеніяхъ, равно какъ и противъ награды прибавкою въ пищу). Кромѣ того, очень употребительны: публичный выговоръ, лишеніе довѣренной должности, если такую занималъ провинившійся, стираніе имени съ почетной доски (*tableau d'honneur*). Болѣе тяжелыя проступки наказываются свѣтлымъ или темнымъ карцеромъ и, наконецъ, за самыя тяжелыя, колонистовъ отправляютъ въ казенныя исправительныя заведенія при центральныхъ тюрьмахъ, туда же отсылаются такъ называемые несправимые, присутствіе которыхъ въ колоніи могло бы быть вредно для другихъ колонистовъ. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, гдѣ принято раздѣленіе дѣтей на отдѣленія или, какъ иногда ихъ называютъ, семейства, напримѣръ, въ колоніи Metzger, употребляются коллективныя наказанія, падающія на все отдѣ-

леніе, къ которому принадлежалъ виновный:—обыкновенно оно состоитъ въ лишеніи какихъ нибудь преимуществъ, которыми пользовалось это отдѣленіе; такимъ образомъ думаютъ развивать единодушіе въ семействахъ и заставляютъ каждого изъ его членовъ заботиться о сохраненіи чести отдѣленія, къ которому онъ принадлежитъ; но многіе изъ директоровъ колоній, между прочими и извѣстный директоръ колоній Сито, аббатъ Rey, сильно возстаютъ и противъ коллективныхъ наказаній, находя ихъ несправедливыми и развивающими родъ шпионскаго наблюденія другъ за другомъ, и даже противъ самаго раздѣленія на семейства, предполагая, что такого рода отдѣленія способствуютъ къ развитію вражды между членами различныхъ семействъ.

Съ другой стороны, имѣя въ виду развивать въ колонистахъ чувства чести и долга, за хорошее ихъ поведеніе, даже часто за хорошій, благородный поступокъ, назначаютъ награды, каковы, напримѣръ, публичная похвала, записка на почетную доску, нашивка галуновъ, награда какимъ нибудь крестикомъ, или медалькой, которые отличившійся носитъ на груди и т. п. Нѣкоторые изъ директоровъ колоній не сочувствуютъ такого рода наградамъ, и дѣйствительно они гораздо болѣе вредны, чѣмъ полезны; уже не говоря о томъ, что подобные знаки отличія возбуждаютъ зависть и часто ненависть въ товарищахъ отличившихся, они заставляютъ ребенка быть нравственнымъ не по внутреннему чувству, поступать хорошо не изъ сознанія своего долга и своихъ обязанностей, а изъ-за награды; такимъ образомъ, внутренний смыслъ поступка для него затемняется, онъ поступаетъ такъ, а не иначе, потому, что за это онъ получитъ награду, да еще награду, которая наглядно отличитъ его отъ товарищей. Онъ не задумывается надъ своими поступками, онъ знаетъ, какого рода дѣйствія, какого рода поведеніе, какимъ образомъ награждаются, самъ не старается дѣлать имъ оцѣнки, онъ знаетъ, что такой-то родъ дѣйствій уже оцѣненъ и, стараясь поступать честно и нравственно, имѣетъ въ виду выгоду своихъ поступковъ.

Назначеніе въ какую нибудь довѣренную должность, мѣра тамже очень употребительная въ колоніяхъ, можетъ быть очень полезною; замѣчательно, какъ всякое довѣріе укрѣпляетъ въ ребенкѣ силу духа и воли; онъ начинаетъ наблюдать за собой, задумываться надъ своими поступками, старается доказать, что онъ достоинъ довѣрія, которое ему оказываютъ, надобно только, чтобы эти довѣренныя должности не ставили его въ положеніе надзирателя или начальника надъ товарищами, какъ это часто бываетъ, иначе необходимо является стараніе вести себя хорошо извѣстнымъ образомъ, для того только, чтобы получить извѣстную награду, кромѣ того, легко развивается власто-

любие, желаніе достигнуть власти надъ своими товарищами. Чрезвычайно хорошее вліяніе имѣетъ также введеніе такъ называемый предварительной свободы (*liberté provisoire*); директоръ имѣетъ право тѣхъ изъ колонистовъ, въ исправленіи которыхъ онъ увѣренъ, помѣщать, по ихъ желанію, къ мастерамъ или на фермы, до истеченія срока содержанія, на который они были приговорены; такимъ образомъ пребываніе въ колоніи не представляется колонисту какимъ-то заключеніемъ, которое, какъ бы то ни было, надо отбыть въ продолженіи положеннаго числа лѣтъ, напротивъ, онъ знаетъ, что отъ него самого зависитъ уменьшить этотъ срокъ, и что живетъ онъ въ колоніи не для того только, чтобы вытерпѣть въ продолженіи извѣстнаго времени кару заключенія ⁽¹⁾.

Для поощренія колонистовъ къ трудолюбію, имъ выдають за работу извѣстную плату, смотря по искусству каждаго, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ принимается въ расчетъ и поведеніе; плата эта составляетъ извѣстный процентъ цѣны ихъ труда. Цѣна труда колониста обыкновенно раздѣляется на двѣ половины, одна половина идетъ въ пользу колоніи, а другая въ пользу колониста, эта послѣдняя еще дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ одна идетъ въ составъ капитала, который ему выдается при выходѣ его изъ колоніи, другая выдается ему немедленно, и онъ можетъ пріобрѣтать на нее, тутъ же въ колоніи, разныя вещи, какъ, на примѣръ, тетради, карандаши, пожички, книги и т. д. Иногда колонистамъ выдаются просто въ видѣ наградъ различныя инструменты или денежныя награды; замѣчательна въ этомъ отношеніи колонія St. Ilan, гдѣ колонисты за свои успѣхи въ работахъ получаютъ родъ премій, состоящихъ въ различнаго рода агрономическихъ инструментовъ или сельскихъ животныхъ.

Но все это только внѣшнія мѣры, которыя могутъ способствовать исправительному воспитанію дѣтей; главное — духъ господствующій въ колоніи, общее направленіе, которое невольно подчиняетъ себѣ всѣхъ живущихъ въ колоніи; поживши въ колоніи, это можно видѣть и понять, но словами передать трудно; можно только замѣтить, что чѣмъ ближе воспитатели снисходятъ къ возрасту воспитанниковъ, чѣмъ съ большею любовью, мягче, кротче, но не слабѣе дѣйствуютъ, чѣмъ болѣе относятся къ ребенку, не какъ начальникъ къ подчиненному, а какъ человѣкъ къ человѣку, съ уваженіемъ его человѣческаго достоинства, и принимая въ соображеніе его индивидуальность, чѣмъ съ большею вѣрою въ него, тѣмъ лучше, органичнѣе идетъ дѣло воспитанія.

Чтобы воспитаніе шло успѣшно, прежде всего надо быть про-

⁽¹⁾ Отъ 1833 до 1860 г., такимъ образомъ было освобождено 1622 дѣтей, изъ нихъ мальчиковъ 1424, дѣвочекъ 198.

пикнутымъ любовью къ этому дѣлу и надо браться за него съ умѣньемъ. По одной доброй воли и умѣнья директора недостаточно, надо, чтобы весь персоналъ колоніи былъ преданъ дѣлу воспитанія и чтобы всѣ дѣйствовали дружно. Сознавая эту истину, директора нѣкоторыхъ колоній образовали родъ братствъ или корпорацій, посвятившихъ себя воспитанію дѣтей; такого рода братства основали аббатъ Rey, директоръ колоніи Сито и аббатъ Fissiaux, директоръ марсельскихъ колоній. Въ колоніи Mettray съ этою же цѣлью была устроена особенная школа (*école des contremaitres*), куда могутъ поступать молодые люди отъ пятнадцати-лѣтняго возраста; тамъ они воспитываются въ духѣ этой колоніи, получаютъ хорошее образованіе и мало по малу приучаются заниматься съ находящимися въ колоніи дѣтьми; но они остаются совершенно свободными, по окончаніи курса въ школѣ, остаются ври колоніи, или заняться по своему выбору другою дѣятельностью. Замѣчательно состояніе духа и даже состояніе здоровья дѣтей, воспитывающихся въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, гдѣ ихъ воспитаніемъ занимаются такого рода братства, гдѣ воспитатели и воспитанники стоятъ въ отношеніяхъ равныхъ къ равнымъ. Директоръ и его помощники даютъ направленіе всему воспитанію не сухимъ словомъ, не проповѣданіемъ морали, а своимъ собственнымъ примѣромъ, живя одною жизнью съ колонистами. Отрадно видѣть, какъ дѣти въ этихъ колоніяхъ довѣрчиво, свободно обращаются съ своими надзирателями; какъ во время отдыха они вмѣстѣ играютъ, бѣгаютъ, но едва наступаетъ время работъ, все утихаетъ, и водворяется строжайшій порядокъ; всѣ отъ директора или его помощниковъ до самаго маленькаго колониста одинаково прилежно и весело работаютъ.

Сначала вновь поступающему кажется и странной, истѣснительной эта новая для него жизнь въ колоніи, но мало по малу онъ свыкается съ ней, невольно увлекается общимъ направленіемъ и скоро уже не хочетъ перемѣнить свой образъ жизни на прежній; этимъ объясняется между прочимъ и малое число бѣгствъ, между тѣмъ какъ никакихъ препятствій къ бѣгству нѣтъ. Въ продолженіе 1860 года число бѣжавшихъ было 110 т. е. съ небольшимъ 1 (1, 3) на 100 всѣхъ малолѣтнихъ, находящихся въ исправительныхъ заведеніяхъ; изъ нихъ болѣе двухъ третей (63) были обратно возвращены въ колоніи; часто бѣжавшіе сами возвращаются съ повинною; многіе, по выходѣ изъ колоніи, изъ далека приходятъ навѣстить мѣсто своего воспитанія.

Чтобы дать понятіе о результатахъ дѣятельности исправительныхъ колоній, мы представимъ нѣсколько статистическихъ данныхъ ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Выводы наши мы дѣлали на основаніи среднихъ чиселъ за 9 лѣтъ (1832—1860), т. е. отъ изданія перваго спеціальнаго отчета о статистикѣ исправительныхъ заведеній до послѣдняго, появившагося за 1860 годъ.

На 100 поступающихъ въ колоніи были совершенно безграмотныхъ	66,1
Изъ числа выходящихъ, только	10,0
Изъ числа поступающихъ не имѣло никакого занатія	70,2
До своего поступленія въ колоніи занимались ремеслами	20,4
земледѣіемъ	9,4

Изъ числа выходящихъ занимались въ колоніяхъ земледѣліемъ	56,8
ремеслами	43,2

На 100 малолѣтнихъ, вышедшихъ изъ исправительныхъ колоній, во время пребыванія своего тамъ отличались поведеніемъ	
хорошимъ	62,6
посредственнымъ	26,7
дурнымъ	10,7

На 100 выходящихъ были въ состояніи зарабатывать свой хлѣбъ	80,8
не были въ состояніи	19,2

Изъ числа послѣднихъ около $\frac{1}{4}$ больныхъ; вычтя ихъ — остается только 14,5, которые не могутъ трудомъ зарабатывать свой хлѣбъ, при этомъ надо еще замѣтить, что многіе изъ дѣтей, отсылаемыхъ въ колоніи, посылаются слишкомъ на короткій срокъ, такъ что не успѣваютъ порядочно ничему выучиться (изъ колоній ежегодно выходитъ около 200 дѣтей (12,8 %), моложе шестнадцати лѣтъ).

Изъ числа вышедшихъ, въ 1858 году, въ первые три года своего освобожденія, были судимы за новые проступки, большею частію за кражу, нищенство и бродяжничество, — 14,3 на 100.

Изъ нихъ мальчиковъ, вышедшихъ изъ правительственныхъ колоній	14,4 на 100
вышедшихъ изъ частныхъ колоній	9,6

Дѣвочекъ, вышедшихъ изъ правительственныхъ заведеній	25,0
изъ частныхъ	8,2

Процентъ освобожденныхъ малолѣтнихъ, которые были снова судимы, мѣняется, смотря по заведеніямъ: такъ изъ числа правительственныхъ, въ колоніи при тюрьмѣ въ Loos, онъ составляетъ только 9,4, въ la Roquette — 14,3; въ Gaillon — 20,5.

Изъ числа частныхъ, въ колоніи Mettray — 2,3; въ Citeaux 3,4 и только въ Бордо 19,2. Изъ числа освобожденныхъ колоній St. Ilan не было ни одного вновь судимаго, но надо замѣтить, что въ 1858 году изъ нее вышло всего только 14 малолѣтнихъ ⁽¹⁾.

⁽¹⁾ См. *Compte général de l'administration de la justice criminelle en France pendant l'année 1860*. (изданъ 1862 г.) стр. 190—192.

Оставляя колонію, колонистъ получаетъ кромѣ денегъ, заработанныхъ имъ въ колоніи, полную пару платья, среднею цѣною франковъ въ 25, сверхъ того нуждающимся выдается денежная помощь на дорогу. Такимъ образомъ, обеспеченные на первое время, они вступаютъ въ самостоятельную жизнь.

IV.

Но ни знаніе какойнибудь работы, ни искреннее желаніе вести честную жизнь, часто бываютъ недостаточны для того, чтобы освобожденный колонистъ остался вѣрнымъ доброму пути, который открываетъ ему колонія. Большая часть изъ нихъ, по выходѣ изъ колоніи, должны стать въ то же тяжкое положеніе, которое, можетъ быть, довело ихъ до заключенія.

Оставленному на свои силы, безъ опыта, безъ практическаго знанія жизни, безъ помощи, освобожденному колонисту не легко твердо и самостоятельно стать въ жизни, устоять противъ вліянія дурнаго примѣра, уберечься отъ многихъ искушеній, которыя онъ встрѣтитъ. И при желаніи трудомъ зарабатывать свой хлѣбъ, ему часто очень трудно будетъ найти работу, — и тогда, безъ всякихъ средствъ существованія, куда дѣться? что дѣлать?... И зачѣмъ онъ былъ тогда въ исправительномъ заведеніи? Отъ неумѣнья стать въ жизни, часто отъ того, что вовремя не было ни помощи, ни добраго совѣта, онъ гибнетъ, не смотря можетъ на долгую борьбу съ самимъ собою, и все доброе, что въ немъ было пробуждено, — гложетъ. Но будь у него въ трудную минуту опора; пусть онъ знаетъ, что есть близко ктонибудь, къ кому онъ можетъ придти и за совѣтомъ, и за помощью, онъ вышелъ бы изъ всѣхъ затрудненій и сталъ бы съ честью въ своемъ положеніи. Beranger (de la Drome) говоритъ: «надобно, чтобы система бодрствовала надъ освобожденными во время ихъ освобожденія и, когда они его получили, могла бы давать имъ направленіе въ новой жизни, которая передъ ними открывается, ободряя ихъ въ добрѣ, доставляя имъ работу и защищая противъ неумолимыхъ предразсудковъ, отталкивающихъ ихъ.» Эту поддержку, эту защиту, по возможности, стараются доставить *покровительственныя общества* (*sociétés de patronage*).

Потребность въ помощи сначала для заключенныхъ въ тюрьмахъ, потомъ и для освобожденныхъ, чувствовалась очень давно, и еще въ средніе вѣка многія духовныя братства посвящали себя этой цѣли; въ нынѣшнемъ столѣтіи, вмѣстѣ съ распространеніемъ исправительныхъ системъ, ясно создалась насущная потребность въ устройствѣ покровительственныхъ обществъ для освобожденныхъ изъ тюремъ и вооб-

ще всѣхъ исправительныхъ заведеній; во Франціи образованіе подобныхъ обществъ для малолѣтнихъ преступниковъ предупредило основаніе земледѣльческихъ колоній. Чѣмъ болѣе развивалась система исправительнаго воспитанія малолѣтнихъ, тѣмъ сильнѣе чувствовалась необходимость покровительственныхъ обществъ.

Въ отчетѣ о статистикѣ тюремъ за 1853 годъ говорится: «исправительное воспитаніе имѣетъ необходимымъ пополненіемъ — патронатъ (patronage). Напрасно государство будетъ дѣлать пожертвованія для того, чтобы содержать, воспитывать и научать какому нибудь занятію порученныхъ ему дѣтей, если при освобожденіи, ихъ не приметъ какое нибудь вспомошествовательное учрежденіе (institution secourable), не будетъ направлять ихъ и наблюдать за ними (*)».

Правительственный патронатъ надъ освобожденными не можетъ отвѣчать той цѣли, къ которой патронатъ стремится. Наблюденіе за поведеніемъ освобожденнаго чиновниками того мѣста, гдѣ онъ находится, чрезвычайно стѣснительно, оно всегда имѣетъ большое сходство съ полицейскимъ надзоромъ, потому что непременно бросаетъ тѣнь подозрѣнія на того, кто ему подвергается, и заставляетъ остерегаться хозяевъ, къ которымъ бы онъ могъ поступить; свѣдѣнія объ образѣ жизни и занятіяхъ освобожденнаго, которыя должны собираться чиновниками, лично ничѣмъ не заинтересованными въ его судьбѣ и совершенно чуждыми ему, всегда будутъ поверхностны и часто невѣрны; — такимъ образомъ самое покровительство правительства въ этомъ случаѣ становится болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ.

Опытъ правительственнаго патроната былъ сдѣланъ въ 1847 году. По распоряженію (decision), данному 17 февраля, директоры исправительныхъ заведеній обязываются составлять для каждаго освобожденнаго бюлетени, въ которыхъ означается: возрастъ освобожденнаго, время, проведенное имъ въ исправительномъ заведеніи, свѣдѣнія о его здоровьи, его нравственности и степени религіозности (état moral et religieux), степени его научнаго образованія и знанія какого нибудь ремесла, отношенія его къ семейству, наконецъ означаются его будущее мѣсто пребыванія и издержки, сдѣланныя на него при его освобожденіи. Копіи подобныхъ бюлетеней сообщаются префектамъ, префекты сообщаютъ ихъ мерамъ тѣхъ общинъ, въ которыхъ освобожденный поселяется. Каждые шесть мѣсяцевъ управленіе патроната предлагаетъ мерамъ рядъ вопросовъ относительно поведенія, нравственности, образа занятій, общественнаго положенія, отношеній, средствъ существованія и здоровья покровительствуемыхъ. Чтобы

(*) Statistique des prisons etc. pour l'année 1853 p. XXVI.

отвѣчать на эти вопросы, меры собираютъ свѣдѣнія черезъ городскихъ полицейскихъ служителей (*sergents de ville*) или, въ деревняхъ, черезъ полевыхъ стражей (*gardes champêtre*). Понятно, что свѣдѣнія, собранныя такимъ образомъ, съ одной стороны неточны и невѣрны, съ другой — самый родъ собранія ихъ часто влечетъ за собою очень дурныя послѣдствія для освобожденныхъ: хозяева, у которыхъ они живутъ, видя полицейское наблюденіе за ними, думаютъ имѣть дѣло съ освобожденными преступниками, находящимися подъ надзоромъ полиціи и стараются избавиться отъ нихъ, а оставшемуся такимъ образомъ безъ мѣста трудно найти другое. Кромѣ того, освобожденному изъ исправительнаго заведенія, какъ человѣку не только вполне свободному, но и никогда не бывшему подъ наказаніемъ, если онъ воспитывался въ силу ст. 669 К., должно быть въ высшей степени стѣснительно и оскорбительно находиться до совершеннолѣтія подъ постояннымъ полицейскимъ надзоромъ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отдавать отчетъ полицейскимъ сержантамъ или полевымъ стражамъ, а въ заключеніе, всѣ эти собранія свѣдѣній никогда не имѣли для покровительствуемыхъ никакихъ полезныхъ результатовъ. Поэтому понятно, что изъ 865 освобожденныхъ, которые находились подъ правительственнымъ патронатомъ въ 1853 году, скрылись отъ такого покровительства 265 т. е. около $\frac{1}{3}$. Не разъ префекты получали предписанія, въ которыхъ имъ предлагалось найти средства помощи настоящему печальному положенію административнаго патроната, но, не измѣняя всей его системы до основанія, помочь нечѣмъ, и потому въ настоящее время онъ существуетъ болѣе только какъ пустая форма (1).

Совершенно другой характеръ имѣетъ частное покровительственное общество; во первыхъ, оно состоитъ не изъ обязанныхъ чиновниковъ, а изъ частныхъ людей, которые соединяются по доброй волѣ, чтобы поддерживать вновь освобожденныхъ первое время ихъ вступленія въ жизнь. Покровительственное общество состоитъ обыкновенно изъ неопредѣленнаго числа членовъ; члены бываютъ: члены подписчики (*souscripteurs*, *donateurs*), которые жертвуютъ какую нибудь сумму денегъ въ пользу общества; члены патроны или покровители (*patrons*), которые добровольно берутъ на себя обязанность покровительствовать одному или нѣсколькимъ освобожденнымъ, и члены корреспонденты. Общество управляется совѣтомъ; президентъ и члены этого совѣта выбираются изъ среды членовъ общества. Чло-

1) См. Rapport sur les sociétés de patronage par Lamarque. Помѣщенъ въ *Annales de la charité*. Juin 1853.

ны покровители, чтобы лучше ознакомиться съ дѣтьми, которые вступаютъ подъ ихъ покровительство, посѣщаютъ еще въ заведеніи тѣхъ изъ нихъ, которые готовятся къ выпуску и которые желаютъ вступить подъ покровительство общества. Ко времени ихъ выхода изъ заведенія, общество приготовляетъ имъ мѣста и составляетъ за нихъ контракты. Члены покровители заботятся о томъ, чтобы дѣтямъ, которые находятся подъ ихъ покровительствомъ, не было никакихъ притѣсненій, чтобы они хорошо учились работѣ, чтобы не было въ небреженіи ихъ умственное образованіе ⁽¹⁾ и чтобы хорошо вели себя. Отчетъ объ образѣ жизни и нуждахъ этихъ дѣтей покровители представляютъ обществу; въ случаѣ нужды, общество выдаетъ покровителямъ извѣстную помощь, для нуждающихся дѣтей, находящихся подъ ихъ попеченіемъ.

Если мѣсто, на которомъ покровительствуемый помѣщенъ, окажется почему нибудь нехорошимъ, — ему приписываютъ другое. Если онъ захочетъ открыть свою мастерскую, или если онъ женится и общество знаетъ его за человѣка надежнаго, то помогаетъ ему обзавестись.

Покровительствуемый съ своей стороны не обязывается ничѣмъ; вступаетъ онъ подъ покровительство общества добровольно, и отношенія его къ обществу легки, потому что свободны.

Кромѣ вполне освобожденныхъ (*libérés définitifs*), покровительственные общества принимаютъ подъ свое покровительство и предварительно освобожденныхъ (*libérés provisoires*), которые такимъ образомъ остаются подъ наблюденіемъ правительства посредствомъ этихъ обществъ. За предварительно освобожденныхъ покровительственные общества, какъ и колоніи, получаютъ около 60 сантимовъ въ день на каждаго. Объ ихъ занятіяхъ и поведеніи общества представляютъ два раза въ годъ рапортъ министру внутреннихъ дѣлъ.

Покровительство общества продолжается три года надъ вполне освобожденными, а надъ предварительно освобожденными до истеченія времени, на которое они были приговорены къ содержанію въ исправительномъ заведеніи; но связь покровительствуемаго съ его покровителемъ часто остается очень на долго, иногда на всю жизнь.

Первое покровительственное общество для малолѣтнихъ во Франціи было основано въ Страсбургѣ въ 1822 г. *Société pour amélioration morale et pour le patronage des jeunes libérés des prisons civiles de Strasbourg*.

⁽¹⁾ Хозяева, у которыхъ живутъ малолѣтніе освобожденные, объявлены посылатъ ихъ въ вечеровыя школы, но они выполняютъ это очень небрежно и неохотно.

Въ 1833 году, подъ вліяніемъ Ch. Lucas, главнаго инспектора тюремъ, было основано покровительственное общество въ Парижѣ. *Société de patronage pour les jeunes libérés du département de la Seine.*

Въ 1836 г. образовалось подобное же общество въ департаментѣ Роны; въ томъ же году, благодаря аббату Duruch—въ Бордо; въ 1841 г. въ Сомюрѣ; въ 1850 г. въ Тулузѣ и т. д.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ покровительственныхъ обществъ, есть общество департамента Сены; покровительство его служить переходнымъ состояніемъ отъ жизни въ исправительномъ заведеніи къ жизни въ обществѣ. Имѣя своимъ президентомъ извѣстнаго Beranger de la Drôme, однимъ изъ вице-президентовъ Ch. Lucas и главнымъ агентомъ Grellet-Wammy, уже извѣстнаго по сдѣланнымъ имъ улучшеніямъ въ женевской тюрьмѣ, парижское общество съ самаго своего основанія организовалось прекрасно ⁽¹⁾. Оно при-

⁽¹⁾ Общество состоитъ изъ жертвователей (*donateurs*), подписчиковъ (*souscripteurs*) и покровителей или патроновъ (*patrons*). Жертвователи обязаны вносить въ пользу общества не менѣе 100 франковъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ; пожертвованія подписчиковъ совершенно произвольны, патроны обязываются вносить ежегодно, въ продолженіе трехъ лѣтъ извѣстную сумму, которую определяютъ сами и обязываются тоже въ теченіе трехъ лѣтъ покровительствовать тѣмъ воспитанникамъ, которыхъ имъ довѣритъ общество; члены-корреспонденты, находясь внѣ департамента Сены, помогаютъ обществу помѣщать покровительствуемыхъ ими дѣтей и наблюдать за ними.

Общество управляется *советомъ* (*conseil d'administration*), во главѣ котораго стоитъ комитетъ или *bureau*, состоящее изъ президента, трехъ вице-президентовъ, главнаго секретаря (*secrétaire général*) и казначея; кромѣ того, изъ среды членовъ совета составляются три комитета: 1) *Comité du matériel et finances*, 2) *Comité d'enquête*, 3) *Comité de placement*. *Comité du matériel et finances* заведуетъ счетной частью, заботится о движимой собственности общества, ведетъ расчеты съ поставщиками и т. п. *Comité d'enquête* собираетъ всѣ свѣдѣнія относительно дѣтей, которые должны получить предварительную свободу. *Comité de placement* составляется изъ членовъ патроновъ и управляется посредствомъ *bureau*, состоящаго изъ пяти членовъ совета управленія; этотъ комитетъ обсуждаетъ всѣ дѣла, относящіеся до помѣщенія освобожденныхъ, назначенія имъ патрона и т. д.

Въ комитетахъ председательствуютъ вице-президенты, хотя президентъ имѣетъ право всегда председательствовать лично.

Вся канцелярская часть, веденіе протоколовъ собраній, реестровъ всѣхъ членовъ общества съ обозначеніемъ ихъ пожертвованій и всѣхъ членовъ патроновъ, веденіе главнаго реестра всѣхъ дѣтей покровительствуемыхъ обществомъ, съ обозначеніемъ всѣхъ свѣдѣній, касающихся до нихъ, лежитъ на главномъ агентѣ общества (*agent général*), подъ надзоромъ главнаго секретаря.

Комитеты собираются разъ въ мѣсяцъ, въ случаѣ надобности могутъ собираться и чаще. Члены совета выбираются тайною подачею голосовъ изъ членовъ общества, которые собираются на общія собранія два раза въ годъ; одно

нимаетъ подъ свое покровительство совершенно и предварительно освобожденныхъ, главнымъ образомъ, изъ парижской тюрьмы для малолѣтнихъ La Roquette. Помѣщая ихъ на выучку или работниками къ мастерамъ, общество заботится, чтобы они не были притѣснены, чтобы хорошо были одѣты, имѣли здоровыя помѣщенія, чтобы посѣщали школу. Объ одѣждѣ, постеляхъ, стиркѣ бѣлья, заботится само общество. Два раза въ годъ коммиссія отъ общества ревизуетъ помѣщенія покровительствуемыхъ. Для тѣхъ изъ нихъ, которые не имѣютъ мѣста или нездоровы, общество устроило въ Парижѣ приютъ (asile); въ залѣ этого приюта въ первое воскресенье каждаго мѣсяца бывають засѣланія комитета помѣщенія (de placement); въ этотъ день покровительствуемые обществомъ собираются въ приютъ къ обѣднѣ, потомъ они представляютъ свои книжки съ отмѣтками отъ хозяевъ о ихъ поведеніи, трудолюбіи, чистоплотности, успѣхахъ и вѣжливости; судя по этимъ отмѣткамъ имъ назначаются bons points, родъ баловъ, высшій балъ 5, каждая единица имѣетъ цѣнность одного су, такимъ образомъ, получившему изъ пяти вопросныхъ статей по пяти, отмѣчается 25 bons points, что равняется цѣнности 1 фр. 25 сант. Каждые три мѣсяца въ приютѣ общества устраивается родъ базара, на которомъ покровительствуемые могутъ покупать, сообразно цѣнности прибрѣтенныхъ имъ отмѣтокъ, разныя вещи, какъ напр. пальто, шляпы, портфели, карандаши, бумагу, различныя инструменты и т. д. Кромѣ того, на торжественномъ годичномъ собраніи, отличившимся раздаются на-

изъ этихъ собраній бываетъ публично. Право голоса имѣютъ всѣ члены жертвователи (donateurs) и члены покровители (patrons).

На собраніяхъ совѣта, по предложенію bureau или одного изъ членовъ, разсуждается о принятіи и исключеніи патроновъ, о назначеніи или отъѣненіи агентовъ, о замѣщеніи вакантныхъ мѣстъ, въ случаѣ надобности, о возможныхъ измѣненіяхъ въ уставѣ внутренняго управленія общества (réglement d'administration intérieure); вообще о всѣхъ предметахъ, могущихъ интересовать общество. На *полугодовыхъ общихъ собраніяхъ* общества выслушиваются рапорты патроновъ и отчетъ президента о работахъ совѣта управленія, предлагаются къ одобренію перемены, которыя были сдѣланы и т. д. Выборы могутъ производиться какъ на полугодовыхъ собраніяхъ, такъ и на особенныхъ, назначаемыхъ исключительно съ этою цѣлью. На *годичномъ собраніи* читается отчетъ о состояніи общества, работахъ совѣта управленія и отчетъ состояніи кассы. Отчетъ общества и имена всѣхъ членовъ его публикуются.

Въ 1860 году число членовъ жертвователей было 8; подписчиковъ 91; патроновъ 112. Доходъ общества былъ 33,213 фр. 90 сант.; расходъ 29,662 фр. 63 сант. Изъ экономій своихъ общество составляетъ запасный капиталъ, въ 1860 году оно имѣло въ различныхъ бумагахъ капиталъ въ 90,788 фр. 30 сант. Всего же имущества (запасное платье, постели и т. д.) на 103,925 фр. 70 сант. См. отчетъ общества за 1858, 1859 и 1860 годъ.

грады (recompenses et encouragements), книги, книжки сохранный казны, въ 50 франковъ и пр.; чтобы получить награду, надо быть представлену потрономъ на полугодовомъ собраніи, послѣ чего особая комиссія разсматриваетъ эти представленія, соображаясь съ рапортами ревизоровъ общества; въ случаѣ надобности выслушиваютъ хозяевъ, у которыхъ помѣщены покровительствуемые, и свой отчетъ представляютъ на разсмотрѣніе и утвержденіе совѣта.

Покровительство общества департамента Сены, какъ и другихъ покровительственныхъ обществъ, продолжается три года для окончательно освобожденныхъ и до окончанія срока времени содержанія въ исправительномъ заведеніи для предварительно освобожденныхъ.

Первые три года существованія этого общества, изъ числа покровительствуемыхъ имъ, вновь провинившихся было 19 на 100; первые десять лѣтъ, среднимъ числомъ, слишкомъ 13⁰/₀; съ 1843 года до 1857, число вновь провинившихся мѣнялось между 5 и 9-ю, потомъ стало быстро уменьшаться и въ 1860 г. было только 3,47⁰/₀. (7 изъ числа 202 покровительствуемыхъ) (').

Многіе изъ освобожденныхъ тюрьмы La Roquette, которые были подъ покровительствомъ общества департамента Сены, завели свои мастерскія, нѣкоторые, изъ поступившихъ въ военную службу, получили офицерскіе чины.

Въ 1837 году г-жа Ламартинъ и маркиза де-ла-Гранжъ основали покровительственное общество для молодыхъ заключенныхъ и освобожденныхъ дѣвушекъ департамента Сены. Общество это принимаетъ подъ свое покровительство: 1-е, предварительно освобожденныхъ; 2-е, дѣвушекъ дурнаго поведенія, отосланныхъ въ тюрьму св. Лазаря административнымъ порядкомъ, и которыхъ префектъ полиціи довѣряетъ обществу; 3-е, вполне освобожденныхъ, когда, при выходѣ изъ монастыря или тюрьмы, онѣ находятся безъ всякихъ средствъ существованія и безъ всякой опоры; 4-е, дѣвушекъ, которыя никогда не были въ тюрьмѣ, но сестры и матери которыхъ принадлежатъ къ одной изъ первыхъ трехъ категорій, или матери которыхъ находятся въ заключеніи; 5-е, молодыхъ дѣвушекъ, которыя хотя не были осуждены, но поручаются обществу генеральными прокурорами и слѣдственными судьями.

Общество помѣщаетъ довѣренныхъ ему дѣвушекъ служанками или работницами, оставляя подъ наблюденіемъ своихъ членовъ (dames de l'oeuvre). Но прежде онѣ должны пробыть нѣкоторое время въ устроенномъ этимъ обществомъ *домѣ испытанія* (maison d'épreuve).

(') Compte rendu de la société pour le patronage des jeunes détenus et de jeunes libérés du département de la seine. Années 1858, 1859, 1860.

Въ 1849 г. основано покровительственное общество въ Руанѣ для молодыхъ дѣвушекъ, заключенныхъ и освобожденныхъ изъ исправительнаго отдѣленія руанской тюрьмы и изъ центральной тюрьмы въ Клермонъ. Это общество устроило приютъ (atelier refuge), гдѣ освобожденные дѣвушки могутъ жить и заниматься работами, пока для нихъ не откроется какого нибудь мѣста.

Кромѣ названныхъ нами обществъ много было основано и другихъ, имѣющихъ ту же цѣль—помочь освобожденному самостоятельно утвердиться первое время вступленія его въ жизнь. Особенно благотворительна въ этомъ отношеніи ихъ дѣятельность въ Парижѣ, гдѣ малолѣтнія помѣщаются въ исправительныхъ тюрьмахъ, а не въ колоніяхъ, и выходятъ оттуда совершенно незнакомые съ свободою жизнью. Благодаря этимъ обществамъ, большее число заключенныхъ малолѣтнихъ не остаются въ тюрьмѣ всего времени, на которое они были приговорены, а переходятъ подъ ихъ покровительство, получая предварительную свободу.

Не смотря на всю огромную пользу, которую покровительственные общества могутъ приносить и многія изъ нихъ дѣйствительно приносятъ, число и кругъ ихъ дѣйствій всегда были слишкомъ ограничены сравнительно съ огромнымъ числомъ дѣтей, ежегодно выходящихъ изъ исправительныхъ заведеній; это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что устройство подобныхъ обществъ чрезвычайно трудно; чтобы такого рода общество могло хорошо дѣйствовать, необходимы деньги и, что еще важнѣе, много людей, безкорыстно и твердо преданныхъ задачѣ общества. Будетъ недостатокъ въ такихъ людяхъ, небрежность, или дурная администрація общества, и оно непременно падетъ; такъ случилось съ покровительственнымъ обществомъ въ Орлеанѣ (société de patronage de St. Vincent de Paul), которое существовало около года, покровительствовало двумъ освобожденнымъ, оба бѣжали изъ Орлеана, и общество прекратило свое существованіе. Такъ исчезли общества въ Греноблѣ, въ Руанѣ, въ Безансонѣ.

Съ устройствомъ земледѣльческихъ колоній, необходимость въ образованіи покровительственныхъ обществъ почувствовалась еще сильнѣе и еще сильнѣе почувствовался недостатокъ ихъ. Многіе изъ директоровъ исправительныхъ заведеній пробовали сами устраивать подобныя общества для своихъ воспитанниковъ, какъ аббатъ Barthier, директоръ исправительнаго заведенія въ Тулузѣ, аббатъ Dupuch, — въ Бордо. Общества эти болѣе или менѣе имѣли успѣхъ, но всѣхъ больше имѣло успѣхъ прекрасно организованное, такъ называемое *отеческое общество* société paternelle, которое основало колонію Mettray, и большая часть дѣтей, выходящихъ изъ этой колоніи, поступаютъ

подъ его покровительство ⁽¹⁾. Подобное устройство, соединяющее колонию съ покровительственнымъ обществомъ, для выходящихъ изъ нея, въ высшей степени способствуетъ уменьшенію случаевъ совершеній вторичныхъ преступленій, между освобожденными колонистами.

Многія изъ монастырскихъ заведеній (établissements conventuels), въ которыхъ воспитываются молодыя дѣвушки, не имѣя возможности образовать покровительственныхъ обществъ, по окончаніи срока воспитанія, на время оставляютъ у себя тѣхъ изъ своихъ воспитанницъ, которыя не имѣютъ ни средствъ существованія, ни семьи, которая бы могла ихъ принять. Главныя изъ этихъ заведеній: *Назарейская пустыня* (solitude de Nazareth) около Монпелье; *убѣжище Дора* (Refuge du Dorat), въ департаментѣ Haute Vienne; *монастырь добраго пастыря въ Анжерѣ* (le couvent du Bon Pasteur d'Angers) и общества, которыя отъ него зависятъ ⁽²⁾.

Но какъ ни ограниченъ въ настоящее время кругъ дѣятельности покровительственныхъ обществъ, сравнительно съ потребностію въ нихъ, тамъ, гдѣ они существуютъ, они приносятъ огромную пользу. Благодаря отеческому обществу изъ освобожденныхъ колоній Mettray, снова впадаютъ въ преступленія только 2,3 на 100. На 100 освобожденныхъ изъ тюрьмы La Roquette, судятся за новыя преступленія 14,3, между тѣмъ какъ изъ числа тѣхъ изъ освобожденныхъ этой тюрьмы, которые вступаютъ подъ покровительство общества департамента Сены, только 3,47.

V.

При видѣ такихъ счастливыхъ результатовъ является вопросъ: вслѣдствіе чего, со времени устройства исправительныхъ колоній, количество малолѣтнихъ, находящихся въ этихъ заведеніяхъ начало быстро увеличиваться?

	Число малолѣтнихъ, находящихся въ ис- прав. заведеніи 31 дек. каждаго года.	Увели- ченіе.
1837	1,334	
1838	1,607	273

⁽¹⁾ Въ 1862 году покровительство этого общества распространялось на 1,700 освобожденныхъ колонистовъ.

⁽²⁾ См. Rapport sur les sociétés de patronage par Lamarque (Annales de charité. Juin 1855).

	Число малолѣтнихъ, находящихся въ ис- прав. заведеніи 31 дек. каждаго года.	Увели- ченіе.
1839	1,813	206
1840	2,120	307
1841	2,172	52
1842	2,271	99
1843	2,567	296
1844	2,779	212
1845	3,167	388
1846	3,624	457
1847	4,276	652
1848	4,642	366
1849	4,758	116

Такимъ образомъ мы видимъ ежегодное увеличеніе группами во 100, 200 и 300 малолѣтнихъ и только два раза въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ увеличеніе было выше 400, а именно въ 1846 г. — 457 и въ 1847 г. — 652 (¹).

Въ 1850 г. является законъ, которымъ воспитаніе въ исправительныхъ колоніяхъ признается лучшимъ возмездіемъ за вину малолѣтняго, съ этимъ вмѣстѣ число малолѣтнихъ въ исправительныхъ заведеніяхъ начинаетъ увеличиваться въ огромныхъ размѣрахъ.

	Число малолѣтнихъ въ исправ. заведе- ніи 31 дек. кажда- го года.	Увеличеніе
1850	5,280	522
1851	5,638	358
1852	6,443	805
1853	7,715	1,272
1854	9,158	1,443
1855	9,818	660

Увеличеніе группами отъ 522 до 1,443 и только одинъ разъ въ шесть лѣтъ оно не превышало 358. Такимъ образомъ число малолѣтнихъ, находящихся въ исправительныхъ заведеніяхъ, болѣе чѣмъ удвоилось, между тѣмъ какъ для взрослыхъ, заключенныхъ въ центральныя тюрьмы, прогрессія остается между $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{5}$.

Въ 1856 и 1857 гг. увеличеніе почти останавливается; съ 1858 и 1859 гг. начинается значительное уменьшеніе.

(¹) Замѣчательно, что въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ цѣны на сѣбные припасы были очень высоки, особенно въ 1847 г., который былъ годомъ голоднымъ.

Число малолѣтнихъ въ исправ. заведе-
ніяхъ 31 дек. каж-
даго года.

		+	Увеличеніе
		-	уменьшеніе
1856	9,758	—	60
1857	9,896	+	138
1858	9,336	—	560
1859	8,921	—	415
1860	8,538	—	383

Почему же съ 1850 года, со времени узаконенія справедливаго улучшенія быта малолѣтнихъ заключенныхъ, число ихъ начинаетъ такъ быстро увеличиваться, а потомъ начинаетъ уменьшаться?

Отвѣчать на оба эти вопроса очень легко. Земледѣльскія колоніи отвѣтили общественной потребности;—они могли явиться только вслѣдствіе того убѣжденія, что малолѣтній въ большей части случаевъ, лично невиненъ въ совершенномъ имъ поступкѣ; что дѣйствія его являются слѣдствіемъ его положенія, его обстановки, что первая причина зла, есть само общественное устройство, допускающее подобную обстановку, допускающее часто безвыходнаго невѣжество и нищету; что, стало быть, на самомъ обществѣ лежитъ святая обязанность поправить вредъ, наносимый его несовершеннымъ устройствомъ, спасти беззащитныхъ дѣтей, невинно падающихъ жертвою такой обстановки. Убѣжденіе это приняло легальную форму. Нравственный долгъ, лежащій на обществѣ относительно всѣхъ падшихъ дѣтей, всѣхъ безпріютныхъ, стоящихъ на пути къ окончательной гибели, ясно сказался въ обществѣ явленіемъ частныхъ воспитательныхъ колоній и покровительственныхъ обществъ и отозвался въ судѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ открылась возможность воспитанія для этихъ несчастныхъ дѣтей, возможность жить честнымъ трудомъ, судьи уже не задумываются посылать въ колоніи дѣтей, которыхъ недавно приговаривали къ кратковременному аресту или совершенно оправдывали и отпускали, боясь, чтобы пребываніе въ тюрьмѣ не погубило ихъ вѣрнѣе, чѣмъ жизнь на свободѣ, которая однако уже довела ихъ до преступленія. Малолѣтніе отсылаются на исправительное воспитаніе за самыя небольшіе проступки и, по возможности, на большій срокъ, для того чтобы жизнь тамъ могла принести истинную пользу; часто за нищенство или бродяжничество приговариваютъ къ содержанію въ исправительномъ заведеніи до двадцатилѣтняго возраста (').

(') «J'ai indiqué la disposition des parents à se débarrasser sur l'Etat des charges de l'éducation de leurs enfants à la quelle il est pourvu d'une manière plus tute-
laire peut-être que répressive et intimidante. J'ai signalé en outre la tendance des
tribunaux à assurer par l'aquittement et l'envoi en correction, à cette classe non

Разсматривая статистическія данныя, мы находимъ, что число малолѣтнихъ, ежегодно приговариваемыхъ къ отправленію въ исправительныя заведенія, увеличивалось далеко не въ той прогрессіи, какъ наличное число тамъ находящихся. По отчетамъ за всѣ года, начиная съ 1826, число малолѣтнихъ, подсудимыхъ за проступки (*prévenus*), почти постоянно въ одинаковомъ отношеніи съ числомъ подсудимыхъ (*prévenus*) взрослыхъ, а между взрослыми мы не видимъ такого увеличенія числа заключенныхъ. Относительное число осужденныхъ на исправительное содержаніе (*condamnés*), съ устройствомъ исправительныхъ заведеній, во всѣ года почти одинаково, но число дѣтей оправданныхъ и отосланныхъ на воспитаніе (ст. 66 У. К.) постоянно, вмѣстѣ съ улучшеніемъ быта малолѣтнихъ заключенныхъ, значительно увеличивается; увеличивается и число приговоровъ на долгіе сроки содержанія.

Между воспитывающимися въ исправительныхъ заведеніяхъ, число осужденныхъ въ силу статей 67 и 68 У. К. остается почти одинаковымъ—около 260, между тѣмъ какъ число оправданныхъ и посланныхъ на воспитаніе (ст. 66) увеличивается сотнями и тысячами.

Все это убѣждаетъ насъ, что огромное увеличеніе числа малолѣтнихъ въ исправительныхъ колоніяхъ зависитъ во первыхъ: отъ участія случаевъ отправленія малолѣтнихъ подсудимыхъ на воспитаніе (ст. 66), во вторыхъ, и главнымъ образомъ, отъ того, что судьи стали назначать срокъ пребыванія въ исправительныхъ заведеніяхъ несравненно болѣе продолжительный, чѣмъ прежде, поэтому и при меньшемъ числѣ вновь поступающихъ, наличное число дѣтей въ этихъ заведеніяхъ должно было значительно увеличиваться.

Другой фактъ, остановка увеличенія въ 1856 и 1857 гг. и потомъ начавшееся уменьшеніе числа малолѣтнихъ въ исправительныхъ заве-

moins abandonnée que celle des orphelins un asile contre les desordres et les exemples de leurs familles et un enseignement religieux, moral et professionnel, que la courte durée des peines ne comporte pas égalementa l'égard des condamnés.»

Statistique des prisons etc. pour l'année 1855. p. LI.

«Les renseignements fournis par les tableaux dont le résumé va suivre, sur le jeune âge de ces dilinguents dont le tiers environs est audessus de treize ans, sur la proportion considérable des petits délits, sur le faible nombre des condamnés comparé à celui des acquittés envoyés en correction (33 sur 1000) prouvent, en effet que la repression n'est pas le principal objet de cette éducation correctionnelle.»

Statistique des prisons etc. pour l'année 1853. p. XX.

Справедливы и въ этомъ случаѣ слова, сказанныя въ *Statist. des prisons etc.* за 1852 г. стр. XXI: «les institutions ont donc comblé une lacune de l'ancien état de choses et répondu à un veritable besoin social.»

деніяхъ, также легко можетъ быть объясненъ. Остановка должна была произойти отъ начинающагося равновѣсія между вступающими и выходящими, равновѣсія, которое было нарушено особенно послѣ закона 1850 года, вслѣдствіе начавшихся осужденій на болѣе продолжительные сроки содержанія, кромѣ того еще въ 1855 году были сдѣланы нѣкоторыя распоряженія, клонящіяся къ тому, чтобы остановить дальнѣйшее увеличеніе ⁽¹⁾. Уменьшеніе же было прямымъ слѣдствіемъ новаго распоряженія министерства. Огромное число дѣтей въ исправительныхъ заведеніяхъ становилось несоразмѣрнымъ съ ихъ средствами и, по примѣру прежнихъ лѣтъ, обѣщало еще увеличиться, между тѣмъ какъ соотвѣтственнаго образованія новыхъ частныхъ исправительныхъ заведеній ожидать было трудно. Такое положеніе дѣла испугало правительство и побудило искать рѣшительнаго средства остановить это увеличеніе. Обращаясь къ характеру преступленій, совершаемыхъ малолѣтними, найдено, что на 100 подсудимыхъ дѣтей около 30 судятся за бродяжничество и нищенство, между тѣмъ какъ возрастъ почти $\frac{1}{3}$ дѣтей, находящихся въ исправительныхъ заведеніяхъ, не превышаетъ 13 лѣтъ, и на 10,000 дѣтей судимыхъ приходится едва 250 осужденныхъ (*condamnés*), остальные оправдываются и посылаются на исправленіе. При этомъ явился вопросъ: какая отвѣтственность передъ закономъ можетъ лежать на такихъ молодыхъ существахъ? Не скрывается ли для нихъ, подъ видомъ наказанія, только видъ общественной благотворительности и можетъ быть поощреніе нѣкоторыхъ бѣдныхъ родителей въ ихъ стремленіи незаконнымъ путемъ сложить на правительство воспитаніе своихъ дѣтей ⁽²⁾.

Вслѣдствіе этихъ разсужденій министръ юстиціи сдѣлалъ распоряженіе, по которому судебное преслѣдованіе за нищенство и бродяжничество маленькихъ дѣтей (*les plus jeunes*) можетъ продолжаться только въ томъ случаѣ, когда вопросъ о сознательности дѣйствія (*discernement*) повидимому долженъ быть рѣшенъ утвердительно, потому что, говорится въ отчетѣ за 1858 г. ⁽³⁾, «хотя этотъ классъ дѣтей, оставленныхъ всѣмъ искушеніямъ нищеты и немогущихъ дѣтскихъ лѣтъ и имѣетъ право на попеченіе государства, но забота эта лежитъ на благотворительныхъ учрежденіяхъ, а при судебномъ наказаніи (*répression judiciaire*) нельзя смѣшивать этихъ дѣтей съ тѣми, которыхъ дѣйствительно виновные поступки и испорченныя склонности подвергаютъ строгости закона и которые (по освобожденіи)

⁽¹⁾ Statistique des prisons etc. pour l'année 1855, p. LI.

⁽²⁾ Statistique des prisons etc. pour l'année 1858. p. XXIV.

⁽³⁾ Id. ib.

«должны стать въ борьбу противъ печальныхъ предразсудковъ, пре-
«пятствующихъ имъ устроиться въ свободной жизни».

Слѣдствіемъ этого распоряженія мы видимъ уменьшеніе числа на-
ложѣнныхъ подсудимыхъ (*prévenus*) и уменьшеніе населенія исправ-
тельныхъ заведеній.

Но дѣйствительно ли хороша эта мѣра?

Многіе изъ директоровъ исправительныхъ заведеній жалуются на
нее; находятъ несправедливымъ закрывать двери честнаго существо-
ванія, уже разъ открытыя для этихъ несчастныхъ дѣтей, присужден-
ныхъ въ такомъ раннемъ возрастѣ искать пропитанія милостыней, и
тѣмъ болѣе несправедливой, что самая молодость ихъ вполнѣ обеспе-
чиваетъ возможность образовать изъ нихъ честныхъ и полезныхъ
людей.

Дѣйствительно, нищенство и бродяжничество не предумышленные
(*sans discernement*) не такія дѣйствія, за которыя дѣти могутъ быть
приговариваемы судомъ на заключеніе, хотя бы и для исправленія;
попеченіе о нихъ скорѣе лежитъ на обществѣ, чѣмъ на правосудіи, и
надо желать, чтобы скорѣе устроивались заведенія, гдѣ бы они могли
найти пріютъ себѣ, но пока такого рода заведеній нѣтъ или слиш-
комъ мало, за что же правительство отказывается этимъ дѣтямъ и изъ
нихъ еще только самымъ маленькимъ, самымъ безпомощнымъ, въ
возможности, посредствомъ воспитанія въ колоніи, стать на добрую
дорогу, слѣлаться честными людьми, тѣмъ болѣе, что исправитель-
ныя заведенія не считаются мѣстами наказанія, а воспитанія или пе-
ревоспитанія дѣтей, стоящихъ на дурной дорогѣ, а конечно дѣти ни-
щія и бродяги не стоятъ на хорошей. И на что обрекаются эти дѣти,
отпущенныя на свободу безъ всякой помощи потому, что слишкомъ
молоды и только нищіе и бродяги, безъ сознанія? На то, чтобы воз-
вратиться въ судъ сознательными нищими и бродягами, ворами или
другими болѣе тяжкими преступниками. Что же выигрываетъ госу-
дарство?

Боязнь, отправленіемъ такого рода дѣтей на воспитаніе въ колоніи,
поощрить нѣкоторыхъ родителей въ ихъ стремленіи сложить на пра-
вительство обязанность воспитанія своихъ дѣтей, совершенно неосно-
вательна, подобные случаи очень рѣдки и къ устраненію ихъ уже въ
1853 г. были приняты мѣры, но насколько они и проявляются, то
показываютъ этимъ только, какъ великъ недостатокъ мѣстъ воспита-
нія для бѣдныхъ и какъ сильна потребность образованія, которая
не останавливается даже передъ подобными средствами. Такъ же
не основательна боязнь смѣшивать этихъ дѣтей съ дѣтьми, ко-
торыя совершили дѣйствительныя проступки или преступленія и
у которыхъ «испорченныя склонности»; въ исправительныхъ за-

веденіяхъ мы видимъ не однихъ только преступныхъ дѣтей, во многихъ мы встрѣчаемъ дѣтей покинутыхъ (*abandonnés*), сиротъ, дѣтей, помѣщенныхъ по ходатайству общинъ или приходскихъ священниковъ; за недостаткомъ заведеній болѣе соответственныхъ для нищихъ и безпріютныхъ дѣтей, ихъ не боятся помѣщать въ исправительныя заведенія, и они выходятъ оттуда навѣрно не худшими, чѣмъ если бы были оставлены на жертву «всѣмъ искушеніямъ нищеты и немощности дѣтскихъ лѣтъ» въ положеніе бродягъ и нищихъ, и предразсудки, которые ихъ встрѣчаютъ при освобожденіи, навѣрно не такъ опасны, какъ нищета, невѣжество и безпомощность, на которыя они обрекаются.

Говоря въ строгомъ смыслѣ, правовую справедливость выше приведеннаго распоряженія оспаривать нельзя, но мы имѣемъ дѣло не съ проведеніемъ только строгой судебной системы, мы должны не приносить все въ жертву системѣ, а по возможности извлекать изъ самой системы все, что только можетъ она дать полезнаго, не нарушая законовъ справедливости. Возвращеніе это на путь такой строгой послѣдовательности было совершенно не кстати, и многіе думаютъ, что это распоряженіе не можетъ долго держаться въ силѣ; что обстоятельства заставятъ обратиться къ прежнему образу дѣйствій относительно маленькихъ бродягъ и нищихъ, и что прежній порядокъ долженъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не образуется достаточное число удовлетворительно и целесообразно устроенныхъ заведеній, назначенныхъ исключительно для такихъ дѣтей, но съ этимъ вмѣстѣ является потребность въ устройствѣ колоній и ремесленныхъ заведеній, для дѣтей покинутыхъ (*abandonnés*), для дѣтей, родители которыхъ находятся въ заключеніи и т. д.; а пока они или вовсе не существуютъ или число ихъ слишкомъ ограничено, надо стараться извлечь возможно большую пользу уже изъ существующихъ заведеній, и вѣчею правительству бояться расходовъ, когда дѣло идетъ о правдивости гражданъ, и когда оно встрѣчаетъ такое сочувствіе въ обществѣ и такую дѣятельную помощь со стороны частныхъ лицъ, жертвующихъ трудомъ своимъ и средствами (').

Оканчиваемъ нашъ очеркъ припоминая, что благодаря устройству земледѣльческихъ колоній и покровительственныхъ обществъ въ продолженіи 9 лѣтъ ихъ существованія, объ которыхъ составлены

(') День содержанія каждаго малолѣтняго въ частныхъ заведеніяхъ обходится около 68 сантимовъ среднимъ числомъ; въ казенныхъ колоніяхъ дороже: такъ въ колоніи *st. Antoine* 93 сант. (съ чрезвычайными издержками 1 фр. 33 сан.) въ колоніи *st. Hibaire* 99 — см. *Statistique Des prisons et établissements pénitentiaire—L'année 1860—p. 170, 171.*

статистическіе отчеты, спасено болѣе 10000 дѣтей, когорые, вмѣсто того чтобы погибнуть въ нищетѣ, невѣжествѣ и порокахъ, сдѣлались честными и полезными людьми. Пожелаемъ и мы отъ всего сердца, чтобы у насъ въ Россіи были заведены подобныя исправительныя земледѣльческія колоніи, основанныя на потребностяхъ, вытекающихъ изъ положенія страны и духа народа, заведенія, гдѣ бы несчастныя падшія дѣти могли найти пріютъ, могли бы встрѣтить должную имъ заботливость, гдѣ бы они могли научиться полезному труду и возвратиться обществу честными, хорошими людьми и достойными гражданами своего отечества.

А. ПАССЕКЪ.

Парижъ.
1862.

ТЯЖЕЛЫЕ ДНИ.

СЦЕНЫ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

въ 3-хъ дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ВАСИЛІЙ ДМИТРИЧЪ ДОСУЖЕВЪ, чиновникъ, занимающійся частными дѣлами.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ БРУСКОВЪ, купеческій сынъ.

ВАСИЛИСКЪ ПЕРЦОВЪ, служилъ въ какой-то службѣ, теперь давно въ отставку, праздношатающійся человекъ.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА КРУГЛОВА, купеческая дочь.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ, незначительный чиновникъ.

Дѣвушка и разныя проходящія лица безъ рѣчей.

Гротъ въ кремлевскомъ саду, передъ нимъ площадка. Черезъ сцену изрѣдка проходятъ люди разнаго званія.

ЯВЛЕНІЕ I.

Досужевъ (прохаживается передъ гротомъ, навстрѣчу ему идетъ) молодой человекъ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Скажи, пожалуйста, гдѣ ты пропадаешь? Ты точно сквозь землю провалился. У насъ безъ тебя никакого веселья нѣтъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Какое веселье! Проходи мимо! Я теперь всего себя посвятилъ на пользу человѣчества.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Полно! Я тебя знаю; ты вѣдь шутъ гороховый! Какую ты пользу можешь оказать человѣчеству! У тебя какая нибудь новая потѣха на умѣ.

ДОСУЖЕВЪ.

Вотъ видишь ты, я теперь изучаю нравы одного очень дикаго племени и, по мѣрѣ возможности, стараюсь быть ему полезнымъ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ничего не понимаю. Ты скажи, по крайней мѣрѣ, гдѣ ты живешь теперь?

ДОСУЖЕВЪ.

Ну, я объяснюсь проще, я оставилъ службу и занимаюсь частными дѣлами. А живу въ той сторонѣ, гдѣ дни раздѣляются на легкіе и тяжелые; гдѣ люди твердо увѣрены, что земля стоитъ на трехъ рыбахъ, и что, по послѣднимъ извѣстіямъ, кажется, одна начинаетъ шевелиться; значить, плохо дѣло; гдѣ заболѣваютъ отъ дурнаго глаза, а лечатся симпатіями; гдѣ есть свои астрономы, которые наблюдаютъ за кометами и рассматриваютъ двухъ человѣкъ на лунѣ; гдѣ своя политика, и тоже получаютъ депеши, но только все больше изъ Бѣлой Арапіи и странъ, къ ней прилежащихъ. Однимъ словомъ, я живу въ пучинѣ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Гдѣ же эта пучина?

ДОСУЖЕВЪ.

Вездѣ; стоитъ только опуститься. Она къ сѣверу граничитъ съ сѣвернымъ океаномъ, къ востоку съ восточнымъ и такъ далѣе. Я переѣхалъ на самое дно. Милости просимъ. Вотъ мой адресъ (Подаетъ адресъ). Заѣзжай ко мнѣ, я тебѣ покажу такіе чудеса, что останешься доволенъ.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Какія выгоды доставляетъ тебѣ твоё занятіе?

ДОСУЖЕВЪ.

Выгоды довольно большія; а главное: что ни дѣло, то комедія (Подходитъ Перцовъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ПЕРЦОВЪ.

ДОСУЖЕВЪ (протягивая Перцову руку).

Bon jour! Вотъ, напримѣръ, господинъ Перцовъ! Рекомендую. Знаешь ли ты, чѣмъ онъ занимается?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

По чемъ же мнѣ знать!

ДОСУЖЕВЪ.

Онъ сочинитель, сочиняетъ фальшивые документы.

ПЕРЦОВЪ.

Послушайте, господинъ Досужевъ, при постороннихъ такіа слова...

ДОСУЖЕВЪ.

Ничего, будьте какъ дома. Ну гдѣ это можетъ быть, кромѣ пучины? человѣкъ ничего ровно не дѣлаетъ, живетъ бариномъ на чужой счетъ, буйствомъ приводитъ въ ужасъ всю окрестность и пьетъ, какъ сорокъ тысячъ братьевъ не могутъ пить.

ПЕРЦОВЪ.

Неумѣстные шутки, господинъ Досужевъ!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Ну, прощай!

ДОСУЖЕВЪ.

Прощай, заходи!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Непремѣнно зайду (Уходитъ).

ДОСУЖЕВЪ (Перцову).

Ну, и... Чего жъ вы еще дожидаетесь? Дѣло кончено, и толковать намъ съ вами не о чемъ.

ПЕРЦОВЪ.

Послушайте, господинъ Досужевъ, вы мнѣ скажите, какъ благородный человѣкъ: отдадите вы мнѣ этотъ документъ, или нѣтъ?

ДОСУЖЕВЪ.

За четверикъ бриліантовъ, извольте.

ПЕРЦОВЪ.

Къ чему эти злыя насмѣшки надъ несчастіемъ ближняго! Вы знаете, я бѣденъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Но благороденъ.

ПЕРЦОВЪ.

Кто же смѣетъ сомнѣваться?

ДОСУЖЕВЪ.

А фальшивые-то документы зачѣмъ писать? Какое же это благородство?

ПЕРЦОВЪ.

Удары судьбы и роковая необходимость заставили меня прибѣгнуть къ этому не всѣми одобряемому способу.

ДОСУЖЕВЪ.

Какая же роковая необходимость? Вы могли бы служить, у

вась такая величественная физіономія. Да и кромѣ физіономіи, вы всѣмъ обезпечены: ваши родные даютъ вамъ квартиру, столъ да и денегъ гораздо больше, чѣмъ мы своимъ горбомъ зарабатываемъ. А вы за это на сестру фальшивый вексель написали, да передали какому-то мошеннику.

ПЕРЦОВЪ.

Господинъ Досужевъ, это дѣла или, лучше сказать, тайны семейныя. Они должны быть скрыты подъ покровомъ неизвѣстности.

ДОСУЖЕВЪ.

Хороши тайны! Женщина ни душой, ни тѣломъ не виновата, вдругъ съ нея требуютъ по векселю деньги, да еще страшатъ, хотятъ представить ко взысканію. Еслибъ она повела дѣло-то, какъ слѣдуетъ, то есть допустила вась представить вексель ко взысканію, да и подала бы отзывъ, что подпись-то подъ векселемъ фальшивая: что бы тогда произошло? Штука плачевная!

ПЕРЦОВЪ.

Я сознаюсь вамъ, какъ человѣку благородному, что въ этомъ случаѣ я вышелъ изъ предѣловъ приличія, и подвергалъ себя большой непріятности.

ДОСУЖЕВЪ.

А какъ вы думаете, какой?

ПЕРЦОВЪ (улыбаясь).

Я могъ провести остатокъ дней моихъ въ тундрахъ сѣвера.

ДОСУЖЕВЪ.

Совершенно справедливо, именно въ тундрахъ сѣвера.

ПЕРЦОВЪ.

Господинъ Досужевъ, я очень хорошо понимаю мое ослѣпленіе; но войдите въ мое положеніе, и вы поймете всѣ фибры души моей, которыя подвинули мою совѣсть дѣйствовать безъ зазрѣнія. Имѣя возможность жить подъ покровомъ благодѣянія моихъ родныхъ, я оставилъ службу; но, хотя я и предался бездѣйственной и празднои жизни, все-таки они не должны забывать, что я имѣю благородное званіе, которое прибрѣлъ на поприщѣ службы.

ДОСУЖЕВЪ.

Они и не забываютъ.

ПЕРЦОВЪ.

Да. Но по ихъ невѣжественному заблужденію, я не всегда имѣю достаточно финансовыхъ средствъ для поддержки нашей фамиліи, которую я облагородилъ. Я съ нѣкотораго времени лишился даже кредиту.

ДОСУЖЕВЪ.

Въ Марьиной рошѣ?

ПЕРЦОВЪ.

И въ нѣкоторыхъ другихъ заведеніяхъ. Я нѣсколько разъ обращался съ требованіемъ къ моимъ родственникамъ, но не видя для себя благопріятнаго результата, я рѣшился...

ДОСУЖЕВЪ.

Сдѣлать фальшивый вексель.

ПЕРЦОВЪ.

Но вѣдь сестра заплатила за немъ, значить, признала его.

ДОСУЖЕВЪ.

То-то и есть, что нѣтъ. Она его и не видала; я заплатилъ деньги и получилъ его съ бланковою подписью.

ПЕРЦОВЪ.

На что же онъ вамъ?

ДОСУЖЕВЪ.

Для рѣдкости. Я такія вещи собираю.

ПЕРЦОВЪ.

Никакой рѣдкости нѣтъ, дѣло очень обыкновенное. Я очень хорошо знаю, что вы выкупили его на сестрины деньги; не захотите же вы требовать съ нея въ другой разъ по этому векселю.

ДОСУЖЕВЪ.

А почему вы знаете? Можетъ быть, придетъ время, когда я и потребую?

ПЕРЦОВЪ.

Но будетъ ли это благородно?

ДОСУЖЕВЪ.

Очень. Она въ другой разъ и не заплатитъ, а дѣло пойдетъ прямо въ уголовный судъ.

ПЕРЦОВЪ.

Господинъ Досужевъ, вы готовите новыя испытанія для суровой души моей; вы хотите, чтобы мой жалкій жребій находился въ вашихъ рукахъ...

ДОСУЖЕВЪ.

Можетъ быть.

ПЕРЦОВЪ.

Но для чего?

ДОСУЖЕВЪ.

Для того, чтобы изрѣдка напоминать вамъ о тундрахъ сѣвера.

ПЕРЦОВЪ.

Но зачѣмъ же играть, какъ игрушкой, судьбой человѣка души непреклонной?

Т. ХСVIII. Ота. I.

ДОСУЖЕВЪ.

Я вамъ скажу, зачѣмъ. Вы страхъ и трепетъ для всей окрестности, вы наводите ужасъ на мирныхъ обывателей, при одномъ вашемъ имени весь женскій полъ въ нашей сторонѣ приходитъ въ содроганіе, всѣ извозчики отъ васъ разбѣгаются, всѣ лавочники отъ васъ разбѣгаются, какъ отъ чумы, изъ всякой малости вы заводите мамаево побоище.

ПЕРЦОВЪ.

Я согласенъ, я жестокъ; но я караю только за неуваженіе.

ДОСУЖЕВЪ.

Вы караете тѣхъ, кто слабѣе васъ, и съ кого взять нечего. А съ богатыми людьми у васъ другая политика: вы заводите ссору, лѣзете въ драку, да потомъ требуете за безчестье.

ПЕРЦОВЪ.

Моя личность, какъ благороднаго человѣка, ограждена закономъ противъ всякихъ превратностей, и я по праву требую безчестья за оскорбленіе.

ДОСУЖЕВЪ.

Вотъ по этому-то случаю я, какъ сосѣдъ вашъ, и хочу для безопасности имѣть всегда подъ руками оружіе на случай встрѣчи съ вами.

ПЕРЦОВЪ.

Послушайте, господинъ Досужевъ, покройте все это дѣло покровомъ вѣчнаго забвенія.

ДОСУЖЕВЪ.

То есть, какъ же?

ПЕРЦОВЪ.

Отдайте мнѣ вексель!

ДОСУЖЕВЪ.

Нѣтъ, ужъ это зачѣмъ же!

ПЕРЦОВЪ.

А если такъ, пусть онъ останется у васъ; но, господинъ Досужевъ, бойтесь разорвать завѣсу, скрывающую эту тайну.

ДОСУЖЕВЪ.

Нѣтъ, ужъ лучше вы бойтесь меня!

ПЕРЦОВЪ.

Не ожидалъ, господинъ Досужевъ, не ожидалъ. Но я надѣюсь, что мы, какъ благородные люди, останемся друзьями. (Протягиваетъ Досужеву руки).

ДОСУЖЕВЪ.

Очень пріятно.

ПЕРЦОВЪ.

Честь имѣю кланяться. (Уходитъ).

ДОСУЖЕВЪ.

Ишь ты, Франтъ какой! Какъ же, отдамъ я тебѣ вексель, дождайся! Я радъ, что могу теперь безопасно по улицамъ ходить. Ты вѣдь разбойникъ извѣстный! (Подходитъ Андрей Титычъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

ДОСУЖЕВЪ И АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

ДОСУЖЕВЪ.

А, милый другъ! Андрюша, здравствуй!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ (кланяясь).

Василью Митричу!

ДОСУЖЕВЪ.

Покурить хочешь?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Пожалуйте папироску! (Досужевъ достаетъ папиросы, закуриваютъ).

ДОСУЖЕВЪ.

Куда, мой другъ, стремительно спѣшишь?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Маменька послали къ тятенькѣ, они теперь въ судѣ по дѣлу, такъ чтобъ домой вмѣстѣ. А то, пожалуй, уѣдутъ куда съ судейскими, да и загуляютъ. А если они загуляютъ-съ, такъ ужъ лучше бѣги вѣкъ изъ дому вонъ, потому такая война пойдетъ дня на три, что хуже французскаго раззоренія. Къ тому же нынче маменька не пускали тятеньку въ судъ, потому нынче понедельникъ, тяжелый день, а маменька этому очень вѣрують; ну, а тятенька не послушались, такъ маменька еще больше боятся.

ДОСУЖЕВЪ.

Отчего жъ ты пѣшкомъ? Лошадей что ли у васъ нѣтъ? Врешь ты, должно быть. Не назначилъ ли здѣсь въ саду какого свиданьяшка?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Нѣтъ-съ, Василій Митричъ, не до того-съ! Я вамъ скажу, просто нѣтъ никакой возможности на свѣтѣ жить; вотъ что.

ДОСУЖЕВЪ.

Отецъ что ли свирѣпствуетъ?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Кому жъ еще! Извѣстно, тятенька. И прежде тятенька были люты, а теперь ужъ и описать нельзя. До того дошли, что никакихъ себѣ границъ не знаютъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Воюетъ что ли очень?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Теперича въ газетахъ про Черкесовъ пишутъ, что они злые хищники и бунтовщики; такъ повѣрьте душѣ моей, что ни одному Черкесу того не сдѣлать, что тятенька могутъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Чтожь за причина такая?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Все на счетъ моей женидбы. Помышляютъ мной такъ, хуже чего быть не можетъ. Повезутъ меня невѣсту смотрѣть, куда имъ вздумается, и сейчасъ тамъ изъ-за приданого или изъ чего другого ссору заведутъ, крикъ подымутъ, такъ домой и уѣдутъ. Потомъ въ другомъ мѣстѣ то же самое. Вотъ теперь въ Таганкѣ: повѣрите ли, съ матерью невѣсты два раза нехорошими словами ругались; поругаются. недѣли двѣ не ѣздятъ, — потомъ опять помирятся. А ужъ я, не то, чтобъ сказать что, а и дышать-то не смѣю. Невѣсты же, Василій Митричъ, вотъ ужъ мы ихъ никакъ восемь смотрѣли, все мнѣ не по сердцу-съ; только что одно тѣлесное сложеніе, а больше ничего нѣтъ-съ.

ДОСУЖЕВЪ.

Жаль, братъ, мнѣ тебя, Андрюша.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

И къ тому же, по моимъ чувствамъ, мнѣ теперь жениться никакъ невозможно-съ.

ДОСУЖЕВЪ.

Отчего же?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Я теперича очень влюбленъ-съ.

ДОСУЖЕВЪ.

Что ты?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Ужъ это такъ точно-съ.

ДОСУЖЕВЪ.

Въ кого же?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Ужъ есть такая дѣвушка-съ.

ДОСУЖЕВЪ.

Какъ же это тебя догадало?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да развѣ долго-съ? Одинъ разъ взглянулъ, и довольно-съ.

ДОСУЖЕВЪ.

Ну что жъ, старайся, хлопочи!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Хорошо вамъ разговаривать-то! Какъ тутъ хлопотать! Кабы я человѣкъ былъ, тогда другое дѣло; а то, что я такое? Арестантъ какой-то, да еще хуже. Свободы никакой не имѣю, выходу изъ дому нѣтъ.

ДОСУЖЕВЪ.

А изъ какихъ она?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

То есть, вы на счетъ моего предмета?

ДОСУЖЕВЪ.

Да, на счетъ твоего предмета.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Изъ купеческихъ, только не изъ богатыхъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Что жъ, ты познакомился, али одними взглядами пробавляешься?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Очень хорошо знакомы, даже у насъ въ домѣ бываютъ-съ; только очень неспособно дома разговаривать-съ.

ДОСУЖЕВЪ.

Что жъ ты, въ любви объяснился?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да вамъ на что же-съ? Собственно только для смѣху-съ?

ДОСУЖЕВЪ.

Ну вотъ еще!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Ужъ я васъ знаю-съ. Да мнѣ что жъ! Смѣйтесь, пожалуй! Мы свое дѣло знаемъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Ну какъ же ты съ ней объяснялся? Скажи, Андрюша, голубчикъ?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

А вотъ какъ-съ! Были они у насъ какъ-то съ матерью въ гостяхъ, да и засидѣлись, такъ что ужъ смерклося почти. Вотъ старуха-то и говоритъ: «какъ же мы такъ поздно пойдемъ?» А маменька имъ на это: «да вотъ Андрюша васъ проводитъ». А я этому дѣлу и радъ; сейчасъ шапку въ руки и говорю: «съ большимъ нашимъ удовольствіемъ». Вотъ пошли-съ, старуха сзади, а мы впереди-съ. Только она меня и спрашиваетъ: «вы, говорить, любите шибко ѣздить?» Я говорю: «это первое мое удовольствіе». «Я тоже, говорить, сама до смерти люблю. Хорошо бы, говорить, знать, что человѣкъ думаетъ». «А для чего же,

говорю, вамъ знать-съ?» «А для того, говорить, что сейчасъ можно видѣть, правду человекъ говорить, или нѣтъ». «А развѣ, говорю, такъ нельзя этого замѣтить?» «Я, говорить, никогда не могу замѣтить, я всему вѣрю, что мнѣ говорятъ. Отчего, говорить, вы никогда къ намъ не зайдете?» «Оттого говорю, что не своей волей живу». «Вонъ, говорить, окошко, я всегда подлѣ него сижу; вы каждый день мимо ѣздите, а никогда не взглянете; а я такъ не въ васъ, безъ того отъ окна не встану, чтобы не дожидаться, какъ вы изъ городу проѣдете». Такъ меня эти слова за сердце и ухватили, а сказать ничего не умѣю. «Жаль мнѣ васъ, говорить, такой вы робкій». «Я, говорю, очень робокъ-съ». Тутъ мы подошли къ дому, остановились, старуха прошла въ калитку; а я сейчасъ оглянулся, вижу, на улицѣ никого нѣтъ, не говоря худаго слова, въ охапку ее да я поцаловалъ-съ.

ДОСУЖЕВЪ.

Ну, и молодецъ!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Она какъ прыгнетъ въ калитку и сейчасъ ее захлопнула. Такъ мнѣ стало совѣстно, лучше бы я, кажется, на этомъ самомъ мѣстѣ сквозь землю провалился.

ДОСУЖЕВЪ.

Вотъ хвалю! Ты всегда что ли такъ?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да что про меня, дурака, и говорить-съ! Одно слово, невѣжа въ высшей степени, обломъ, какъ есть. Полѣномъ бы меня въ тѣ поры хорошенько.

ДОСУЖЕВЪ.

Ну, какъ же ты послѣ? Подыгрался опять, или все еще сердится?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Все сердится-съ.

ДОСУЖЕВЪ.

Ты дѣвичьему-то сердцу не очень вѣрь.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Развѣ я не знаю-съ; да эта дѣвушка-то другой сортъ-съ. Всѣмъ нашимъ барышнямъ, которыя даже и въ пансіонѣ воспитывались, до нея далеко. Я, хоша и дуракъ, а вижу.

ДОСУЖЕВЪ.

Ну, твое счастье! Что жъ, неужели ты такъ и бросилъ свое волокитство?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Эхъ, Василій Митричъ! Ужь такъ и быть, всю вамъ истинную правду расскажу. Вотъ проходить недѣля, мучусь я совѣстью черезъ свое невѣжество, а идти къ нимъ боюсь. Проходить другая, третья; да ужъ и самъ не знаю, какъ-то осмѣлялся, дай, думаю, пойду. Что не будетъ, то будетъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Разумѣется.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Прихожу я къ нимъ, она одна сидитъ, работаетъ. Взглянула на меня-сь, и вдругъ у ней въ одну минуту слезы на глазахъ-сь. Началъ я извиненія просить въ своемъ собственномъ невѣществѣ, а она мнѣ на мои извиненія ничего не говоритъ, а твердитъ только одно: «что жъ вы не приходили? что жъ вы не приходили? Значитъ это была только шалость съ вашей стороны?» Я опять даже со слезами начинаю ее просить-сь: «вы, говорю, только меня простите, а ужъ я впередъ, говорю, никогда не осмѣлюсь». Она взглянула на меня и засмѣялась. «Въ чемъ, говоритъ, простить-то! Грѣхъ-то небольшой». А у самой, гляжу, опять слезы на глазахъ. Тутъ мать вошла, я за шапку да домой. Что же это такое, Василій Митричъ?

ДОСУЖЕВЪ.

Извѣстно, что. Значитъ она тебя любитъ. Надо съ тебя моргарычъ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

За этимъ дѣло не станетъ-сь. Только прихожу я домой-сь, хочу ей самое жестокое письмо написать; а тятенька вдругъ ко мнѣ. «Что, говоритъ, ты шлешься, какъ соврасъ безъ узды! Собирайся, говоритъ, ѣхать невѣсту смотрѣть!» Какъ тутъ жить!

ДОСУЖЕВЪ.

Что дѣлать-то! Терпи казакъ, атаманъ будешь! Что жъ ты, послалъ письмо?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Послалъ-сь.

ДОСУЖЕВЪ.

Что же ты написалъ? Ну сдѣлай милость, Андрюша, скажи!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Всѣ чувства свои выразилъ, какія только есть. Три дни писалъ. И въ концѣ пишу, чтобы она мнѣ на отвѣтъ написала, гдѣ я могу ее видѣть, и когда, и чтобы никого при томъ не было, и что если мнѣ будетъ въ этомъ отказъ, то я могу себя потерять

черезъ это и она будетъ за меня Богу отвѣчать. Это письмо я вчера отдалъ нашей дѣвушкѣ и сейчасъ же отвѣтъ получилъ. Я васъ давеча обманулъ немного-съ. Пишетъ, что она пойдетъ въ городъ и, чтобы я сегодня утромъ былъ въ кремлевскомъ саду, здѣсь мы и можемъ видѣться.

ДОСУЖЕВЪ.

Значить, ты въ судъ не пойдешь?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Въ судъ само собой-съ. Да вѣдь еще теперь рано-съ.

ДОСУЖЕВЪ.

Вѣдь отецъ твой самъ ничего не смыслить, кто же вамъ дѣла стряпаетъ?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Былъ Сахаръ Сахарычъ, да его теперича за безобразіе прогнали; а теперь у насъ умнѣйшій человѣкъ: Харлампій Гаврилычъ Мудровъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Да, дуракъ извѣстный. Его, лѣтъ тридцать тому назадъ, изъ управы за взятки выгнали. И дѣла ничего не знаетъ, онъ только тѣ законы и помнитъ, которые при немъ были. Даромъ деньги беретъ. А ты скажи отцу про меня; я и лучше сдѣлаю, и возьму дешевле.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Хорошо-съ. У насъ вѣдь все больше дѣла по тятенькиному буйству-съ. Ужъ вы, Василій Митричъ, меня оставьте, а то намъ будетъ совѣстно васъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Что дашь?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Что угодно-съ.

ДОСУЖЕВЪ.

Обѣдомъ угостишь съ шампанскимъ?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да помилуйте! Нешто объ этомъ какой разговоръ быть можетъ-съ! Вонъ они идутъ-съ.

ДОСУЖЕВЪ.

Ну, такъ я въ гротѣ тебя подожду. (Уходитъ изъ гротъ. Входятъ: Александра Петровна Круглова и дѣвушка).

И

ЯВЛЕНИЕ IV.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ И АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ (кланяясь)

Наше вамъ почтеніе-съ!

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Здравствуйте!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Чему это приписать-съ?

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Что приписать?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Ваше снисхожденіе-съ.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Вы такое письмо написали, что я не могла не придти. Вы пишете, что можете себя потерять.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Это такъ точно-съ.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Что же это значитъ, что вы себя потеряете? Какъ же вы себя потеряете?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Очень просто-съ. Сдѣлать загулъ хорошій, да такъ всю жизнь этимъ дѣломъ и заниматься-съ.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Что это вы говорите! Это слушать страшно.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Съ горя-то что нибудь сдѣлаешь надъ собой. Жизнь-то моя вамъ извѣстна. Дома все одно, что въ острогѣ, знакомства хорошаго по своему образованію не имѣю, любить меня за мое невѣжество никто не соглашается; а еще, пожалуй, женять на уродѣ. Какая это жизнь! Только одно и остается, что запить-съ. Да вѣдь это я вамъ говорю кромѣ всякихъ шутокъ-съ. Вы сами изволите видѣть, у васъ примѣры на глазахъ. Можетъ быть не одна сотня нашего брата, очень хорошихъ людей, такимъ манеромъ погибла. Значитъ и мнѣ не уйти своей судьбы, потому что я не лучше другихъ.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА (тихо).

Чѣмъ же я могу помочь вамъ?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Какая помощь-съ! Никто меня изъ этого омутъ не вырветъ, развѣ только одна могила.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА (ласково).

Что же вамъ нужно отъ меня?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Я только хотѣлъ знать на счетъ вашихъ чувствъ-съ.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Да что же вамъ до моихъ чувствъ! Вѣдь вамъ жениться на мнѣ не позволятъ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Хоша и не позволятъ-съ, все таки я буду знать, что хоть одинъ человѣкъ на свѣтѣ меня любитъ. Да при всемъ томъ ужъ я тогда тятенькѣ про все скажу прямо, какъ отрѣжу, пущай хоть убьетъ. Да и маменьку заставлю, такъ и будемъ къ нему приставать; побьется, побьется, да, можетъ, и сжалится. Много я всякой муки натерплюсь, да ужъ по крайности...

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Если я и выду за васъ, каково мнѣ будетъ жить въ вашей семьѣ!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Нѣтъ ужъ тогда чтобы врознь-съ. Я ужъ тогда буду жена-тый, значить, могу больше разговаривать. Теперь меня за человѣка не считаютъ, собственно потому, что холостой, а тогда со-всѣмъ другое дѣло-съ.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Ну что же мнѣ вамъ сказать на это?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Что чувствуете, то и скажите. Теперь я весь въ вашихъ рукахъ. Черезъ васъ только я и могу быть человѣкомъ; а то я чувствую самъ въ себѣ, что такихъ дѣловъ могу надѣлать, что чертямъ будетъ тошно. Со мной то дѣлается, чего никогда не бывало: отчаянность какая-то стала находить-съ. Такъ вотъ кипулся бы на народъ, да и грызъ всѣхъ зубами. А ежели въ этакъ разѣ да запитъ, такъ вѣдь какихъ крамболой надѣлать можно! Ума помраченіе. Теперича я скромный-съ, а ежели только начать, такъ я чувствую, что во мнѣ вся тятенькина натура покажется.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Ахъ, какой вы, Андрей Титычъ! Да развѣ вы не видите, что я васъ давно люблю!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Ежели это такъ точно, какъ вы говорите, значитъ, счастли-
вѣе меня человѣка нѣтъ. Я такъ о себѣ понимаю.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Ну и слава Богу! Я и очень рада.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Теперь ужъ я вашъ по гробъ жизни...

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Не хорошо здѣсь разговаривать-то, народу очень много; а
вы лучше приходите ужъ къ намъ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Коли урвусь, такъ непременно-съ.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Ну, прощайте! (Шопотомъ) Миленькій мой!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Эхъ! Надо бы ручку поцаловать-съ, да народъ.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Теперь ужъ ручку! Испугался!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Школить надо нашего брата, такъ мы будемъ обращеніе по-
нимать; а мало мальски слободно пустить, такъ вѣдь для насъ
границъ нѣтъ. До пріятнаго свиданія-съ. (Александра Петровна и дѣ-
вушка уходятъ. Досужевъ выходитъ изъ грота).

ЯВЛЕНІЕ V.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ И ДОСУЖЕВЪ.

ДОСУЖЕВЪ.

Ну что, приладилъ дѣло?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Приладилъ-съ. Теперича какое прикажите угощеніе, всякое
можемъ. Я полагаю, намъ къ Гурину идти-съ. Теперича я такъ
радъ, что меня даже опасно одного оставлять-съ, какъ бы я отъ
радости какого нибудь колѣна не выкинулъ!

ДОСУЖЕВЪ.

А ты порядку не теряй! Держи себя въ струнѣ!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Хорошо вамъ разговаривать-то! Васъ, можетъ быть, женщины
любили, такъ для васъ это ничего; а вѣдь меня въ первый разъ
въ жизни-съ. Пожалуйте къ Гурину-съ (Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ II.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ТИТЪ ТИТЫЧЪ БРУСКОВЪ, богатый купецъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, жена его.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ, сынъ ихъ.

ХАРЛАМПИЙ ГАВРИЛЫЧЪ МУДРОВЪ, стряпчій, пожилой человекъ, очень важнаго вида. Качаетъ головой и грустно улыбается.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА КРУГЛОВА, купчиха.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА, ея дочь.

ЛУША, горничная дѣвушка.

Гостиная въ домѣ Брусковыхъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЛУША И НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА КРУГЛОВА (входятъ).

ЛУША.

Вы изъ саду, Наталья Никаноровна?

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Изъ саду.

ЛУША.

Сама то идеть тоже?

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Да, сейчасъ за мной.

ЛУША.

Такъ надо велѣть самоваръ ставить.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Она ужъ приказала. Что это, дѣвушка, ваши хозяева-то какіе скучные, какая тоска съ ними.

ЛУША.

Ужъ и не говорите! Такое-то постылое житье, не накажи Господи!

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Динибъ денегъ не было, а то съ такими-то деньгами да все думаютъ о чемъ-то, да сокрушаются. Мы съ дочкой люди не богатые, а не въ примѣръ веселѣе вашего живемъ. А будь-ко у меня деньги...

ЛУША.

Ужъ какая у васъ дочка красавица! Вотъ бы нашему Андрею Титычу.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Что жь мнѣ, набиваться что ли, коли не хотятъ? Какъ же, была оказія! Да она къ вашей жизни и не привыкнетъ, у насъ каждый день веселье, а здѣсь точно хоронятъ кого. Я и постарше ея, да кажется, съ тоски бы пропала. Мы живемъ не по вашему, у насъ, что ни день, либо мы въ гостяхъ, либо у насъ гости, а то такъ за городъ. Я такъ разсуждаю. милая: ученье наше было на мѣдныя деньги; какъ образованные люди живутъ, мы жить не можемъ; а денегъ-то на нашъ вѣкъ хватить; по крайности, мы хоть весело поживемъ.

ЛУША.

Пойти, чай готовить! Никакъ сама идетъ. (Уходитъ. Входятъ: Мудровъ и Настасья Панкратьевна).

ЯВЛЕНІЕ II.

МУДРОВЪ, НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА И НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Что это, Китъ Китычъ не ѣдетъ! У меня сердце не на мѣстѣ. Присядьте, любезные гости!

МУДРОВЪ.

Присядемъ-съ, присядемъ-съ. Отчего не присѣсть. Ох-ох-охъ! Грѣхи наши тяжкіе! (Садятся).

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Тяжкіе, батюшка, тяжкіе! (Натальѣ Никаноровнѣ). Да гдѣ жь дочка-то ваша?

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Да чай, въ саду гуляетъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну, пушай гуляетъ.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Что ей съ нами-то дѣлать! Что мы ей за компанія! Разговоры наши слушать скучно.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Скучно, матушка, скучно. Ужь посидите вы у меня, Бога ради, подождемте вмѣстѣ Китъ Китыча. Все какъ-то при людяхъ лучше, а то одной-то мнѣ страшно. (Молчаніе). Такъ вотъ, Урлапій Гаврилычъ, я и говорю...

МУДРОВЪ.

Харлампій, сударыня.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да, Харлапій Гаврилычъ! Такъ вотъ я и говорю: тяжело на свѣтѣ-то жить! Ужъ какъ тяжело!

МУДРОВЪ.

Да, не легко-съ, не легко-съ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Особенно кому съ большими деньгами.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Ну, еще съ деньгами-то стерпѣть можно, вотъ безъ денегъ такъ плохо.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Какъ это можно! Какое сравненіе! Безъ денегъ не въ примѣръ легче жить. Безъ денегъ-то какая забота! Только бѣ былъ сытъ, вотъ и все.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

А съ деньгами-то что? Только что причудъ больше.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Какъ это вы говорите! Да деньги-то что такое? Вѣдь деньги-то—кандалы!

МУДРОВЪ.

Охъ, кандалы, сударыня, кандалы!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ежели теперь у насъ очень много денегъ, значить, мы должны жить точно такъ, какъ другіе прочіе богатые люди живутъ; а то насъ всякій осудить можетъ. Значить ужъ я никакого удовольствія съ деньгами не могу себѣ имѣть, а должна только смотрѣть даже до всякой малости, какъ у другихъ; чтобы все такъ точно и сама потрафлять. А не сдѣлай я такъ точно, такъ вѣдь меня засмѣютъ. А какъ это тяжело, особенно въ лѣтахъ! Ну ихъ, эти деньги проклятыя! Я и глядѣть-то на нихъ боюсь. Мнѣ одинъ странникъ сказывалъ, что ежели часто смотрѣть на нихъ, такъ отъ этого сердце ожесточается.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Безъ денегъ-то скорѣй ожесточится.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ужъ вы, Наталья Никаноровна, не спорьте! Ужъ странникъ знаетъ, что говорить. Значить, онъ въ какихъ нибудь книгахъ читалъ. Урлапій Гаврилычъ...

МУДРОВЪ.

Харлапій, сударыня.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ужъ извините, батюшка; все сбиваюсь. Языкъ-то одинъ, приболтается. Скажите, Харлапій Гаврилычъ, есть такія книги?

МУДРОВЪ.

Книги? (Вздыхаетъ). Книги-съ? Книги всякія есть-съ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Вотъ бы почитать когда!

МУДРОВЪ.

Книги всякія есть-съ, да не всякія читать нужно.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Какихъ же это книгъ читать не нужно?

МУДРОВЪ.

Свѣтскихъ-съ. Свѣтскихъ книгъ нетвердымъ умамъ читать нельзя-съ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Какія же такія свѣтскія книги? Это что гражданскими словами написано?

МУДРОВЪ.

Не въ томъ сила, сударыня; а надо знать, какой духъ въ книгѣ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

А какъ ее узнаешь, какой въ ней духъ?

МУДРОВЪ.

Я знаю-съ. Другой не знаетъ, а я знаю, какой духъ. Вотъ поэтому-то нетвердымъ умамъ и нельзя всякую книгу читать, а надо спроситься. Я могу, я читаю, я всякую книгу читаю. Я читаю, а самъ не вѣрю тому, что написано; какіе бы мнѣ документы ни приводили, я не вѣрю; хоть будь тамъ написано, что дважды два — четыре, я не вѣрю, потому что я твердъ умомъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Зачѣмъ же пишутъ такія книги, которыя читать нельзя?

МУДРОВЪ.

Отъ заблужденія; совратились.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Совратились, батюшка, совратились.

МУДРОВЪ.

Вотъ хоть нынѣшніе, такъ называемые, романы! Не то что молодого человѣка, но даже и старца многолѣтняго могутъ въ соблазнъ ввести.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Какой тамъ соблазнъ: просто сказки. Есть веселыя, есть скучныя.

МУДРОВЪ.

Какой соблазнъ-съ? А вотъ какой соблазнъ: въ этихъ сказкахъ любовь человѣческая изображается для взоровъ въ привлекательномъ видѣ.

НАСТАСЬЯ НИКАНОРОВНА.

Ну такъ что жъ за бѣда?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ужъ намъ этихъ книгъ не читать. Вотъ хорошихъ-то бы книгъ почитала. Только вотъ... какъ васъ, батюшка?

МУДРОВЪ.

Харлампій Гаврилычъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Только вотъ, Харлампій Гаврилычъ, въ хорошихъ-то книгахъ очень не хорошо про богатство пишутъ.

МУДРОВЪ.

Да, неодобряютъ-съ, очень неодобряютъ-съ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Вотъ оно и страшно такія книги-то читать.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Да лучше не читать никакихъ, меньше думается.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Отъ думы-то вѣдь тоже вредъ человѣку,

МУДРОВЪ.

Дума разная бываетъ-съ, разная.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да какая хочешь дума, все человѣкъ худѣетъ отъ нея; ужъ на немъ того тѣла нѣтъ. Вотъ я еще мудреныхъ словъ боюсь.

МУДРОВЪ.

Да, есть слова, есть-съ. Въ нихъ, сударыня, таинственный смыслъ сокрытъ, и сокрытъ такъ глубоко, что слабому уму-съ...

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Вотъ этихъ-то словъ я, должно быть, и боюсь. Богъ его знаетъ, что оно значить, а слушать-то страшно.

МУДРОВЪ.

Вотъ, на примѣръ-съ...

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Охъ, ужъ не говорите лучше, право, я всегда себя послѣ какъ-то нехорошо чувствую.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Нѣтъ, что жъ, пускай говорятъ; интересно послушать.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Развѣ ужъ одно словечко какое, а то, право, страшно.

МУДРОВЪ.

Вотъ, на примѣръ, металлъ! Что-съ! Каково слово! Сколько въ немъ смысловъ! Говорятъ: «презрѣнный металлъ!» Это одно зна-

читъ; потомъ говорятъ! «металлъ звенящій.—Глаголъ время, металла звонъ». Это значить, сударыня, каждая секунда приближаетъ насъ ко гробу. И колоколь тоже металлъ. А то есть еще благородные металлы...

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну, будетъ, батюшка, будетъ. Не тревожьте вы меня! Разуму у меня немного, сообразить я вашихъ словъ не могу; мнѣ цѣлый день и будетъ представляться.

МУДРОВЪ.

Вотъ тоже я недавно въ одномъ сочиненіи читалъ, хотя и свѣтскаго писателя, по достойнаго уваженія. Обаче, говорить...

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Оставьте, я васъ прошу. Ужъ я такая робкая, право, ни на что непохоже. Вотъ тоже, какъ услышу я слово: «жупедь», такъ руки-ноги и затрясутся.

МУДРОВЪ.

Да, есть словечки, есть-съ. Вотъ тоже...

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Батюшка, оставьте! Убѣдительно я васъ прошу. Конечно, всѣ мы смертны; развѣ кто спорить! Ну, тамъ ужъ послѣ будь, что будетъ. Что жъ теперь заживо-то такія страсти слушать.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

И въ самомъ дѣлѣ, что за разговоръ завели!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Давно я собираюсь, хочется мнѣ объ жизни поговорить съ какимъ нибудь умнымъ человѣкомъ.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

А что такое объ жизни-то?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да какъ жить на свѣтѣ?

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

И жить такъ, какъ жили. Слава Богу, лѣтъ до шестидесяти прожили, теперь не переучиваться стать.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да развѣ мы такъ живемъ, какъ человѣку указано! Вотъ такъ бы жить, чтобы все исполнять.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Ужъ я не знаю, что еще исполнять.

МУДРОВЪ.

Много нужно, сударыня, охъ, какъ много!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Возьмемъ хоть то: знаемъ ли мы, въ какіе дни что нужно дѣлать?

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Что тутъ знать-то! Какое дѣло есть, то и дѣлай!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну нѣтъ, матушка! Кто поумнѣй-то насъ, какое ни будь у него необходимое дѣло, а въ понедѣльникъ не начнетъ. А мы не исполняемъ.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Вздоръ, я думаю.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Какой вздоръ! Кабы не было примѣровъ; а то примѣры были. Какъ вы скажете, Урла...

МУДРОВЪ.

Харлампій.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да, Харлампій Гаврилычъ. Какъ вы скажете?

МУДРОВЪ.

На это, сударыня, принужденія нѣтъ. Всякому отдано на волю: кто не вѣритъ, не вѣрь; а кто вѣритъ, и тому благо.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Вотъ Китъ Китыча не уговорить никакъ. А ужъ сколько я разъ замѣчала, какъ онъ въ понедѣльникъ за какимъ важнымъ дѣломъ выѣдетъ изъ дому, такъ либо пьяный пріѣдетъ, либо безобразіе какое ужъ непременно сдѣлаетъ.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Чай вѣдь и въ другіе дни тоже?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Все какъ-то порѣже. Вотъ теперь важное дѣло въ судѣ, а онъ поѣхалъ сегодня, не разбираетъ того, что нынче понедѣльникъ.

МУДРОВЪ.

Да вѣдь сегодня срокъ, сударыня.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да чтожь такое, что срокъ! Дѣло-то не медвѣдь, въ лѣсъ не уйдетъ. Къ чему торопиться-то! Въ судѣ-то тоже не басурманы сидятъ, а не хотятъ того понять, каково мнѣ дома-то сидѣть, дожидаться-то его! Ужъ я къ нему Андрюшу послала, чтобы сейчасъ же его и тащилъ домой.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Вы ужъ Андрюшу-то своего загоняли совсѣмъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да развѣ я, все отецъ. Сраму-то что дѣлаетъ! По всей Москвѣ возить невѣсть смотрѣть. Нигдѣ на него не угождать.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Дали бы вы Андрюшѣ дѣлю какое, да и оставилибъ въ покоѣ, пусть себѣ занимается.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Китъ Китычъ и хотѣлъ было, да опять передумалъ: прежде, говорить, женить надо.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Вотъ вы умный человѣкъ считаетесь, Харлампій Гаврилычъ, вы бы и поговорили Титъ Титычу.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

И въ самомъ дѣлѣ поговорили бы; а то, что онъ надъ сыномъ-то издѣвается. Вы теперь Китъ Китычу первый другъ; можете, онъ васъ и послушаетъ.

МУДРОВЪ.

Вотъ еще! Нужно мнѣ очень! Да хоть онъ съѣшь сына живаго, мнѣ все равно. Я даю совѣты, сударыня, по дѣламъ юридическимъ, и то не даромъ, а получаю за то вознагражденіе.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

За кляузныя дѣла. То-то, видно, вы умны-то только съ нами разговаривать. (Входитъ Александра Петровна).

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Кто-то подъѣхалъ къ воротамъ. (Смотритъ въ окно).

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ахъ батюшки! Побѣжать встрѣтить.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Одинъ Андрей Титычъ, на извозикѣ, съ нимъ нѣтъ никого.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Чтожь это такое значить? Ума не приложу.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

А вотъ войдетъ, расскажетъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Батюшки! Ну какъ грѣхъ какой, сохрани Господи! Ужъ живъ ли Китъ Китычъ-то!

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Да что вы сокрушаетесь! Должно быть, Титъ Титычъ послалъ его впередъ; вотъ и все. (Андрей Титычъ входитъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТЪ ЖЕ И АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ (раскланиваясь).

Маменька, бѣда!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Живъ ли, живъ ли, ты мнѣ скажи!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да тятенька ничего, слава Богу-съ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Загулялъ?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Загуляли-съ. И такихъ дѣловъ надѣлали, что страшно сказать!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да ужъ говори, что тамъ такое!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Тятенька барина прибили-съ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Какого барина?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Не знаю-съ, только баринъ настоящій.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Вотъ онъ понедѣльникъ-то! Даромъ не прошелъ! Говорила вѣдь я ему, говорила!

МУДРОВЪ (надѣвая очки).

Потрудитесь, молодой человѣкъ, изложить намъ подробно обстоятельства дѣла.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Вотъ-съ, прихожу я въ судъ, а у нихъ ужъ все дѣло кончено. Тятенька отобрали изъ судейскихъ человѣкъ шесть и повели ихъ въ трактиръ обѣдомъ подчивать-съ. Пообѣдали честь честью-съ, выпили они, сколько имъ слѣдуетъ; потомъ наняли судейскимъ извозчиковъ, а я съ тятенькой на своихъ и поѣхали въ Марьину рощу-съ. Все бы это ничего-съ; только тятенька въ Марьиной рощѣ встрѣтили знакомую компанію-съ; человѣка четыре подрядчиковъ какіе-то могоарычи запиваютъ-съ. Тутъ ужъ и пошло-съ! Шенпанскаго съ разу ящикъ потребовали; цыгачокъ пѣть заставили.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Все это въ порядкѣ, дѣло очень обыкновенное.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да и все хорошо было-съ, и тятенька были очень веселы; только ужь конечно понять разговору было нельзя, потому всѣ вмѣстѣ вдругъ говорили. И догадало жь кого-то изъ судейскихъ качать тятеньку! Только взяли его на руки, качали, качали, да и уронили.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Больно ушибли-то?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Ушибить-то, не ушибли, только ужь очень тятенька въ сердце вошелъ. Обозвали всѣхъ, какъ нельзя хуже... А тутъ, еще прежде, какой-то баринъ все вертѣлся, съ разговорами приставалъ ко всѣмъ, вино наше пилъ; ужь очень ему хотѣлось въ компанію втереться. Ужь его не одинъ разъ мы и гоняли отъ себя, а онъ все лѣзетъ. Да подъ сердитую-то руку и наскочилъ на тятеньку; а тятенька, ужь извѣстно, много разговаривать не станутъ, должно быть, его раза два и ударили.

МУДРОВЪ.

Ну, а онъ сейчасъ свидѣтелей?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Такъ точно-съ. Судиться хочетъ съ тятенькой.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Чтожъ моему будетъ за это? Вы, батюшка, дѣла-то знаете.

МУДРОВЪ (снимаетъ очки).

Какъ дѣло пойдетъ, сударыня. Коли на мировую, такъ деньгами только отдѣлается.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

А какъ цѣна-то, батюшка, за это?

МУДРОВЪ.

Разная, сударыня; глядя по человѣку.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ужъ вы похлопочите!

МУДРОВЪ.

Да было бы изъ чего хлопотать-то, сударыня. Мы тоже не воздухомъ питаемся. Можетъ быть, и дѣло-то грошевое; на пятидесяти рубляхъ сойдутся. Не велика мнѣ корысть.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Ну нѣтъ, пятидесяти рублей баринъ не возьметъ-съ.

МУДРОВЪ.

Развѣ ужь былъ разговоръ?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Бытъ-съ.

МУДРОВЪ.

Много ли же онъ просить?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Триста тысячъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Батюшки! Да гдѣ же вдругъ этакихъ денегъ взять!

МУДРОВЪ (вскачетъ).

Триста тысячъ? Ну вотъ это дѣло хорошее.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Чтожь тутъ хорошаго?

МУДРОВЪ.

Для меня, сударыня, хорошее, собственно для меня. Давно я такого дѣла дожидаясь.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да вамъ-то что тутъ интереснаго?

МУДРОВЪ.

Большія деньги возьму, сударыня, большія деньги.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Съ кого же это? съ Китъ Кытыча?

МУДРОВЪ.

Да, сударыня, съ Титъ Титыча. Все, что только можно взять, все и возьму.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

И вамъ это не совѣстно, Урлацъ Гаврилычъ?

МУДРОВЪ.

Харлампій, сударыня.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну все равно.

МУДРОВЪ.

Вотъ еще! Чего тутъ совѣститься, сударыня? Мы тѣмъ живемъ. Да я дуракъ буду, если съ него мало возьму. Онъ самъ послѣ смѣяться станетъ. Такія-то дѣла у насъ не каждый день. Всякій отъ своихъ трудовъ пятается.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

А еще другъ называешься!

МУДРОВЪ (ходитъ въ волненіи).

Да меня надо бить палкой, если я съ него мало возьму. Съ кого жъ и взять!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Такъ и грабить!

МУДРОВЪ.

Не грабить, а самъ отдасть. Своими руками вынетъ изъ кармана и отдасть. Миѣ самому его жаль, да чтожь дѣлать, сударыня. Не попадайся! А попался, такъ платись. Наше дѣло все

равно, что игра, тутъ жалости нѣтъ; можно рубашку снять, такъ снимаемъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Этакъ мы и другаго стряпчаго найдемъ.

МУДРОВЪ.

Ищите, сударыня; ваша воля. Про меня говорятъ, что во мнѣ челоуѣчества мало, а въ другихъ еще меньше.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА (сыну).

Ты чтожь пріѣхалъ одинъ, не подождалъ отца-то?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Тятенька меня прогнали-съ. Они и сами, я думаю, сейчасъ будутъ; потому что вся компанія разошлась (Луша входитъ).

ЛУША.

Чай готовъ-съ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Пожалуйте!

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА.

Да ужъ намъ бы пора.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

По чашечкѣ выкушаете и пойдете, а безъ чаю не пущу.
(Уходитъ: Настасья Панкратьевна, Наталья Никаноровна, Мудровъ и Луша).

ЯВЛЕНІЕ V.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА И АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Александра Петровна-съ!

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА (подходитъ къ нему).

Что?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Наше дѣло въ ходъ пошло.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Неужели?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Сейчасъ умереть. Только бы вотъ эта исторія не помѣшала.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Какъ же это случилось?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Ужъ и самъ я не знаю, какъ я такую смѣлость взялъ на себя. Поѣхали мы съ тятенькой изъ трактиру, вижу, онъ веселъ, я ему и говорю: «чтожь это за несчастіе мое, что невѣсть подхо-
дящихъ нѣтъ для меня». «Вотъ подижь ты!» говорятъ. «Не да-
леко ли, говорю, мы, тятенька, ищемъ? Намъ бы гдѣ поближе,

кругомъ себя поискать, нѣтъ ли на нашу руку!» Онъ, какъ взглянетъ на меня, да какъ крикнетъ: «ты, говоритъ, мошенникъ, должно быть ужь высмотрѣлъ? Сказывай сейчасъ: высмотрѣлъ?» Я думаю: что робѣй, то хуже. «Высмотрѣлъ», говорю. «Сейчасъ, говоритъ, сказывай: какая такая?» «Александра Петровна Круглова», говорю.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Неужели?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Провалиться на этомъ мѣстѣ! «Да у нихъ, говоритъ, денегъ немного». «Немного, говорю». «А тебѣ, говоритъ, больно много нужно! Молчи, говоритъ, не смѣй разговаривать! А она пойдетъ за тебя?» «Отчего, говорю, не пойти». «Ну, говоритъ, и шабашъ, и чтобъ скорѣе! Потому женить тебя давно пора. А деньги, говоритъ, я дамъ. Мнѣ говоритъ, нынче много въ судѣ отсудили; я ихъ ужь давно пропащими считалъ, значитъ, все равно, что на улицѣ нашелъ. Вотъ вамъ на раззаводъ».

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Ну вотъ, значитъ, мы и закутимъ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Страсти, что надѣлаемъ! Началъ потомъ онъ мнѣ наставленія читать. «Кабы, говоритъ, не отцы да не матери, чтобъ вы на свѣтѣ были? Вотъ не жени мы тебя, ты будешь пьянствовать, потомъ станешь воровать; а намъ съ матерью сокрушеніе сердечное, потому мы за тебя должны Богу отвѣтъ дать». (Обнимаетъ Александру Петровну).

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА (отходитъ).

Андрей Титычъ, вы опять!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да вѣдь ужь теперь мы почти что свои.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Ну, еще когда будемъ. (Подходитъ къ нему).

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

«Что, говоритъ, ты по Москвѣ-то собакъ гоняешь! Бѣгаешь ты, какъ соврасъ безъ узды!» (Обнимаетъ и целуетъ).

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА (съ неудовольствіемъ).

Андрюша!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Какой же я, говорю, соврасъ? «А ты, говоритъ, молчи; это тебѣ, дураку, на пользу». (Опять обнимаетъ).

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА (съ сердцемъ).

Андрюшка!

НАТАЛЬЯ ПИКАНОРОВНА (за сценой).

Саша!

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Вонъ, слышишь? Что!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Ну чтожь такое!

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА (за сценой).

Саша, ступай чай пить!

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Я, маменька, не хочу. (Подходить къ Андрею Титычу). Какой ты! Ну какъ кто войдетъ!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да, вѣдь я, Сашенька, смотрю въ дверь-то. Неужто жъ я...

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА (подвигаясь къ нему).

Ну?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Ну и все. (Цалуетъ ее).

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Когда ты женишься, чтобъ лошади были у насъ хорошія.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Еще бы! Само собою. (Обнимаетъ ее).

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Знаешь, что? Я очень соболя люблю. Да ты смотри въ дверь-то!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да смотрю, смотрю.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Какъ красиво выѣхать на хорошей-то лошади въ соболяхъ! Сошью себѣ шубу бархатную.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Малиновую.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Малиновую? Эхъ ты! Вотъ вкусъ!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да какую хочешь, нешто мнѣ не все равно.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Черную.

НАТАЛЬЯ НИКАНОРОВНА (за сценой).

Саша!

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА (взглянувъ въ дверь).

Кажется, маменька-то домой собирается. Такъ и есть.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ (взглянувъ въ окно).

Да и тятенька пріѣхалъ.

АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВНА.

Ну, прощай!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Прощай! (Цалуются). Не сегодня, такъ завтра непременно забѣгу. (Александра Петровна уходитъ, Андрей Титычъ одергивается, дѣлаетъ скромную физиономію и становится у двери. Входятъ: Тигъ Титычъ, Мудровъ и Настасья Панкратьевна).

ЯВЛЕНИЕ VI.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ, МУДРОВЪ, НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА И АНДРЕЙ
ТИТЫЧЪ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ (садится. Молчаніе).

Слышали?

МУДРОВЪ.

Слышали, братъ, слышали. (Молчаніе).

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Куда меня рѣшать? (Молчаніе). Эй, ты, ябеда! чтожь ты молчишь? Съ тобой говорятъ, аль нѣтъ! Говори, не испугаюсь. По дѣломъ миѣ, окаянному! (Молчаніе). Что ты молчишь, что глаза-то вытаращилъ?

МУДРОВЪ.

Много ты денегъ заплатишь!

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

А ты хлопочи! Ты отъ меня пользуешься, ты и долженъ .. стараться.

МУДРОВЪ.

Много ты денегъ заплатишь!

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Не твое дѣло! Ты, знай, пиши кляузы! Вотъ и все.

МУДРОВЪ.

Нѣтъ ужъ, теперь намъ съ тобой кляузъ не писать; а на насъ писать будутъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

А ты имъ на отвѣтъ строчи.

МУДРОВЪ.

Что?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Пиши, что будто я... въ изступленіи ума.

МУДРОВЪ.

Въ изступленіи ума? Ну, на цѣпь.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Какъ такъ на цѣпь?

МУДРОВЪ.

Такъ, на цѣпь. Для предупрежденія, чтобъ ты кого досмерти не убилъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Нѣтъ, этого не надо. Ты пиши, что я... въ здоровомъ разсудкѣ.

МУДРОВЪ.

А въ здоровомъ разсудкѣ, такъ въ смиреннѣйшій домъ,

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ну, такъ дѣлай, что знаешь; ты за это деньги берешь.

МУДРОВЪ.

Одно дѣло теперь—скрывать.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Скрываться?

МУДРОВЪ.

Во всякомъ дѣлѣ это первое. Ты разсуди умомъ: если за тобой звѣрь лютый или сильный врагъ погонится, вѣдь ты скрываешься?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Скрываюсь.

МУДРОВЪ.

Ну, такъ и это. Долженъ ли ты много, бѣду ли какую сдѣлать, значить, тебя ищутъ, преслѣдуютъ. Неужели ты такъ прямо и пойдешь: вотъ дескать я, берите меня. Твоя натура заставляетъ тебя скрывать, законъ самосохраненія

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Развѣ есть такой законъ?

МУДРОВЪ.

Есть... Вотъ ты и ѣдешь, напрямѣръ, въ Подольскъ, а изъ Подольска въ Москву, а изъ Москвы въ Звенигородъ, а изъ Звенигорода опять въ Москву. Пишутъ объ тебѣ въ подольскую полицію,—она отвѣчаетъ, что выѣхалъ въ Москву; пишутъ въ московскую, — она отвѣчаетъ, что выѣхалъ въ Звенигородъ. Такъ ты и ѣзди, сколько хочешь. Надоѣстъ тебя искать-то.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Это вѣрно, точно, что надоѣстъ.

МУДРОВЪ.

А тутъ родственники со стороны сдѣлочку предложить, или на мировую; такъ дѣло-то пустяками и кончится.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Это точно. Кудажь теперь мнѣ скрывать?

МУДРОВЪ.

Ступай ложись въ тарантасъ; вели лошадей заложить, да и поѣзжай въ Косино, изъ Косина на Угрѣшу, потомъ въ Берлюки. Какъ Москвой поѣдешь, такъ вели себя закрыть.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

И ужь не выглядывать?

МУДРОВЪ.

Ужь не выглядывай! А мы здѣсь за тебя отписываться станемъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Только ты смотри, пиши хорошенько.

МУДРОВЪ.

Да денегъ мнѣ на расходы оставь!

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ишь ты, крапивное сѣмя! А многоль тебѣ денегъ?

МУДРОВЪ.

Тысячъ пять.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Гоните его вонъ!

МУДРОВЪ.

Вѣдь съ тебя триста просятъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Гоните его, говорю я вамъ. Пошелъ вонъ! Я и безъ тебя помирюсь.

МУДРОВЪ.

Ну, ужъ это шалишь! Ты будешь драться, да потомъ самъ мириться; а я ни при чемъ, я своихъ доходовъ долженъ лишиться! Нѣтъ, братъ! Я не дамъ помириться, я разобью.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Гоните его вонъ сейчасъ!

МУДРОВЪ.

Я пойду. Только если ты опять пришлешь за мной, такъ десять заплатишь. (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ, НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА И АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Вотъ до чего я дожилъ. Видите вы это? Вотъ вы и казнитесь! Вотъ, глядите на меня, и казнитесь! А все черезъ кого? Черезъ васъ. Вотъ выросилъ сына, — еще жениться хочешь, дуракъ! — а какая мнѣ отъ него теперь помощь!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Вы сами, тятенька, желали, чтобъ я женился на Александрѣ Петровнѣ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ты разговаривать! Ты разговаривать сталъ! Ты и дышать не смѣй! А то я такую женитьбу задамъ. Этакое несчастіе въ домѣ, а ты жениться! Мы, можетъ быть, нищіе будемъ, а ты жениться! Вотъ дыхни еще разъ!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Что ты, что ты, Андрюша! Этакое въ домѣ несчастіе, а ты жениться!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Маменька, молчите! Богъ съ вами, тятенька! Вы меня на вѣкъ несчастнымъ хотите сдѣлать, такъ вы за это Богу отвѣтите. Что я вамъ, на мытарство что ли достался? что жъ мнѣ, на каменный мостъ бѣжать? Руки на себя наложить, что ли? А я вамъ сынъ всегда былъ и есть такой, какъ должно-съ. Это я вамъ на дѣлѣ докажу. А вамъ достану человѣка, который васъ изъ бѣды выручитъ. А если не онъ, такъ никто. А за мои слезы вамъ Богъ заплатитъ (Убѣгаетъ. Луша входитъ).

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Держите его! Какъ онъ можетъ! Вотъ вернись ты только! Ведите меня въ тарантасъ. (Настасья Панкратьевна и Луша берутъ его за руки и ведутъ) Настасья! Коли ежели кто съ краснымъ воротникомъ, такъ сейчасъ ему говорите, что уѣхалъ изъ Москвы. (Уходитъ).

ДѢЙСТВІЕ III.

дѣйствующія лица:

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

ДОСУЖЕВЪ.

ПЕРЦОВЪ.

ЛУША.

НЕИЗВѢСТНЫЙ, въ мундирномъ сюртукѣ, застегнутъ на всѣ пуговицы, на фуражкѣ кокарда, въ рукѣ свертокъ бумагъ.

Комната 2-го дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА и ЛУША (у окна).

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Вотъ страсти-то! Вотъ и сиди да трясись! Луша, гляди хорошенько!

ЛУША.

Ахъ, матушка, Настасья Панкратьевна, вѣдь идетъ!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Кто идетъ?

ЛУША.

Да буточникъ, матушка!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Охъ, грѣхъ! Ужь не за Кить ли Китьчемъ? Бѣги, скажи, что дома нѣтъ.

ЛУША.

Нѣтъ, не къ намъ; на ту сторону перешелъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну, слава Богу! Смотри, Луша, хорошенько!

ЛУША.

Андрей Титычъ съ какимъ-то бариномъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Отопри поди, да опять запри на запоръ. (Луша уходитъ) Вотъ не ждали, не чаяли, какая бѣда случилась. Теперь всякаго человека, который по улицѣ идетъ, бойся. А ужъ про полицію и говорить нечего! Сохрани Господи, квартальный покажется, да я тутъ же, кажется, на мѣстѣ умру. Все мнѣ вотъ такъ въ глазахъ и представляется: придутъ вдругъ неизвѣстные люди, покажутъ бумагу, возьмутъ Кить Китьча, — только я его и видѣла! (Смотритъ въ окно) Вонъ онъ, голубчикъ мой, въ тарантасѣ сидитъ одинъ, точно сирота какая! (Входитъ: Андрей Титычъ и Досужевъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ И ДОСУЖЕВЪ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Гдѣ тятенька?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

При нихъ-то можно говорить?

ДОСУЖЕВЪ.

Сдѣлайте одолженіе, не конфузьтесь!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Вонъ онъ, мой батюшка, сидитъ въ тарантасѣ одинъ одинехонекъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Зачѣмъ его туда занесло?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Скрывается, батюшка. Урлапъ Гаврилычъ приказалъ; страпчій такой есть, Мудровъ; знаете?

ДОСУЖЕВЪ.

Онъ-то его и посадилъ?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Онъ, батюшка. А развѣ отъ этого пользы не будетъ?

ДОСУЖЕВЪ.

Пускай сидить, коли ему нравится.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Что, маменька, баринъ еще не былъ?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Нѣтъ еще, Андрюша. Вотъ всѣ въ страхѣ ходимъ, все ждемъ.
Это ты по тятенькиному дѣлу что ли привелъ?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да, маменька!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Какъ ихъ звать-то?

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Василій Митричъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Похлопочи, Василій Митричъ! Если ты намъ наше дѣло хо-
рошо сдѣлаешь, я ужъ и не знаю что! Я тебя въ поминанье за-
пишу. Ты холостой, чай?

ДОСУЖЕВЪ.

Холостой.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Я тебѣ невѣсту найду, хорошую; богатую высватаю.

ДОСУЖЕВЪ.

Надобно франта-то этого видѣть, физику-то его посмотре-
ть; тогда можно прямо сказать, чего дѣло стоитъ. (Луша входитъ).

ЛУША.

Какіе-то два барина подъѣхали.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Вотъ грѣхъ-то! Вотъ бѣда-то! Вѣдь это они! Пускать ли ужъ?

ДОСУЖЕВЪ.

Пустите! А я изъ другой комнаты посмотрю на нихъ, да по-
слушаю, что говорить будутъ; тогда дѣло видно будетъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну, пусти, поди! (Луша уходитъ).

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Кто же это другой-то съ нимъ?

ДОСУЖЕВЪ.

Приказнаго какого нибудь для острастки взялъ. (Уходитъ въ дру-
гую комнату. Входятъ: Перцовъ и Неизвѣстный).

ЯВЛЕНИЕ III.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ, ПЕРЦОВЪ И НЕИЗВѢСТНЫЙ.

ПЕРЦОВЪ.

Господинъ Брусковъ дома?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Нѣтъ, батюшка, нѣту.

ПЕРЦОВЪ.

Какъ же онъ мнѣ сказалъ, что будетъ меня ждать для переговоровъ! Это чортъ знаетъ, что такое! (Шепчетъ что-то на ухо Незвѣстному). А скоро ли онъ будетъ?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Не знаю, батюшка.

ПЕРЦОВЪ (Незвѣстному).

Садись, подождемъ. (Садятся и шопотомъ разговариваютъ).

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Вы ихъ супруга, должно быть?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Да, батюшка.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Дѣтокъ имѣете?

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Два сына, батюшка. (Молчаніе).

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Не хорошо, сударыня, не хорошо-съ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Что жъ дѣлать-то, батюшка; грѣхъ попуталъ. Ужъ видно бѣсъ какъ нибудь ихъ благородіе подъ руку-то ему подсунулъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Кончать надобно, сударыня, кончать. Коли дѣло до суда дойдетъ, такъ вашему мужу очень плохо будетъ.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Мы этого знать не можемъ.

ПЕРЦОВЪ.

Что ты съ ними толкуешь! Они не понимаютъ, какіе громы могутъ обрушиться надъ ихъ головами.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Вы посовѣтуйте вашему супругу, чтобы онъ кончилъ съ господиномъ Перцовымъ.

ПЕРЦОВЪ.

Да, въ противномъ случаѣ я поступлю съ нимъ жестоко.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Пусть онъ удовлетворитъ господина Перцова суммою, которую онъ требуетъ...

НАСТАТЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Гдѣ жъ намъ взять такихъ денегъ! Легко сказать, триста тысячъ!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Вы не извольте пугаться этой суммы! Это такъ, примѣрно сказано, съ горяча. Господинъ Перцовъ, вѣроятно, будутъ такъ снисходительны, что сдѣлають уступочку.

ПЕРЦОВЪ.

Да, если ужъ очень расплачутся, такъ уступлю что нибудь.

НЕИЗВѢСТНЫЙ (Пошептавшись съ Перцовымъ).

Я думаю, что господинъ Перцовъ на половину согласится, если только сейчасъ деньги.

ПЕРЦОВЪ.

Только въ такомъ случаѣ. Такъ вы и скажите своему мужу и повелителю.

НАСТАСЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Хорошо, батюшка.

ПЕРЦОВЪ.

Ну, пойдемъ! Что жъ намъ его дожидаться!

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Такъ вы, сударыня, скажите господину Брускову, что если онъ не удовлетворитъ сегодня же господина Перцова, то завтра дѣло пойдетъ въ судъ. Часа черезъ два я зайду навѣдаться. За тѣмъ прощенія просимъ.

ПЕРЦОВЪ.

Онъ еще не ученъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ.

Да-съ. Благородное обращеніе плохо понимаетъ.

ПЕРЦОВЪ.

Ну, такъ я выучу. Василискъ Перцовъ выучитъ обращенію.
(Входитъ Досужевъ).

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ДОСУЖЕВЪ.

ДОСУЖЕВЪ.

Господинъ Перцовъ! Васъ ли я вижу.

ПЕРЦОВЪ.

Здравствуйте, господинъ Досужевъ! Представьте, какой со мной страшный случай!

ДОСУЖЕВЪ.

Да, я слышалъ.

ПЕРЦОВЪ.

Вся жизнь моя преисполнена разными приключеніями.

Т. ХCVIII. Отд. I.

ДОСУЖЕВЪ.

Господа, мнѣ нужно съ господиномъ Перцовымъ по секрету поговорить.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Мы, батюшка, уйдемъ. Пойдемъ, Андриуша! (Уходитъ; Андрей Титычъ за ней).

ДОСУЖЕВЪ.

Сего неизвѣстнаго тоже отправьте домой! Что ему здѣсь дѣлать?

ПЕРЦОВЪ.

Какъ же безъ вознагражденія? Ему довольно будетъ самаго незначительнаго.

ДОСУЖЕВЪ.

Ужъ это ваше дѣло! (Перцовъ шепчетъ что-то Неизвѣстному, тотъ уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ V.

ДОСУЖЕВЪ И ПЕРЦОВЪ.

ДОСУЖЕВЪ.

Вы опять за свой промыселъ?

ПЕРЦОВЪ.

Какъ вы могли подумать! Вы меня обижаете, господинъ Досужевъ! Вся жизнь моя есть игра непостижимости. Вотъ и сегодня я поѣхалъ въ Марьину рощу наслаждаться благами природы и попалъ въ хаосъ необразованности.

ДОСУЖЕВЪ.

Довкій вы человекъ!

ПЕРЦОВЪ.

Я несчастный человекъ, господинъ Досужевъ. Удары судьбы...

ДОСУЖЕВЪ.

Во сколько же вы цѣните вашу обиду?

ПЕРЦОВЪ.

Какими же деньгами можно оцѣнить оскорбленіе, господинъ Досужевъ!

ДОСУЖЕВЪ.

Я съ вами согласенъ. Значитъ, вы денегъ не хотите. Да оно и подло, деньги брать! Вызовемте его на дуэль!

ПЕРЦОВЪ.

Ну нѣтъ; ежели бы приличную сумму...

ДОСУЖЕВЪ.

Такъ вы бы взяли?

ПЕРЦОВЪ.

И я надѣюсь, господинъ Досужевъ, что вы, какъ благородный человѣкъ, мнѣ мѣшать не станете.

ДОСУЖЕВЪ.

Какъ можно! Я хочу хлопотать за васъ. Хотите, я даже назначу сумму, которую Брусковъ долженъ вамъ отдать, и онъ меня послушаетъ.

ПЕРЦОВЪ. (Пожимая Досужеву руку).

Мегсі, господинъ Досужевъ! Вы не жалѣйте этого безмысленнаго невѣжду; требуйте съ него больше, мы съ вами подѣлимся.

ДОСУЖЕВЪ.

Я ужъ и такъ много назначаю, больше требовать нельзя.

ПЕРЦОВЪ.

Позвольте узнать хоть приблизительно.

ДОСУЖЕВЪ.

Сто цѣлковыхъ.

ПЕРЦОВЪ.

Злая насмѣшка, господинъ Досужевъ!

ДОСУЖЕВЪ.

Неужели жъ вамъ въ самомъ дѣлѣ полтораста тысячъ дать!

ПЕРЦОВЪ.

Отъ полтораста тысячъ до ста рублей еще разстояніе велико.

ДОСУЖЕВЪ.

Берите сто рублей; я вамъ совѣтую: Хорошія деньги.

ПЕРЦОВЪ.

Вы знаете, что я человѣкъ непреклонный.

ДОСУЖЕВЪ.

Не хотите ста, такъ и ничего не получите.

ПЕРЦОВЪ.

Мало, господинъ Досужевъ!

ДОСУЖЕВЪ.

Берите, право, берите. Вы меня понимаете?

ПЕРЦОВЪ. (Беретъ Досужеву за руку).

Господинъ Досужевъ, только для васъ соглашаюсь. Только для васъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Вотъ и прекрасно. (Кричитъ въ дверь) Андрюша, пришли перо съ чернильницей, да листъ бумаги!

ПЕРЦОВЪ.

Къ чему это, господинъ Досужевъ?

ДОСУЖЕВЪ.

Вы дадите подписку, что на Брускова претензіи не имѣете и

за обиду считаете себя удовлетвореннымъ. (Луша приноситъ бумагу и чернила). Давай сюда! (Садится къ столу). Не дурна дѣвочка-то.

ПЕРЦОВЪ.

Пріятный сюжетецъ.

ДОСУЖЕВЪ. (Принимая бумагу и чернила).

Кто изъ хозяевъ съ тобой ласковѣе-то? Чай Андриуша? Али самъ старикъ?

ПЕРЦОВЪ.

Ты, душенька, говори, не конфузься!

ЛУША.

Да будетъ вамъ! Безстыдники! (Уходитъ).

ДОСУЖЕВЪ.

Такъ вотъ-съ. (Пишетъ). Вотъ подпишите. А деньги получите завтра утромъ отъ меня. Вѣрите мнѣ или нѣтъ? а то возьмите росписку.

ПЕРЦОВЪ. (Подписываетъ).

Помилуйте, господинъ Досужевъ, между благородными людьми довольно одного слова.

ДОСУЖЕВЪ.

Значитъ, до свиданія!

ПЕРЦОВЪ.

Честь имѣю пребыть-съ. (Уходитъ. Андрей Титычъ входитъ).

ЯВЛЕНІЕ VI.

ДОСУЖЕВЪ И АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Какъ дѣла, Василій Митричъ?

ДОСУЖЕВЪ.

Вотъ и мировая готова; а сторговаться съ твоимъ отцомъ Перцовъ мнѣ поручилъ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Много ли жъ вы съ тятеньки возьмете?

ДОСУЖЕВЪ.

Страсть! Ограблю.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Вы хоть меня-то пожалѣйте! Если вы съ тятеньки много денегъ возьмете, онъ разсердится такъ, что -бѣда; и ужъ тогда не видать мнѣ Александры Петровны, какъ ушей своихъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Какое же мнѣ дѣло до тебя и до твоей Александры Петровны!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Чтожъ мнѣ теперь дѣлать?

ДОСУЖЕВЪ.

Да что хочешь, то и дѣлай! Я человѣкъ бѣдный, долженъ о себѣ заботиться, а не о васъ.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

У меня, 'Василій Митричъ, только и надежды было, что на васъ. А теперь, значитъ, все одно хотъ умирай!

ДОСУЖЕВЪ.

Разговаривай еще!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

А еще пріятелемъ называетесь! Развѣ такъ пріатели дѣлаютъ!

ДОСУЖЕВЪ.

Мало ты еще на свѣтѣ жилъ, коли на пріателей надѣешься! Такъ-то, мой милый! Деньги всегда дороже пріателей.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

А вы думаете, такъ вамъ тятенька и дастъ денегъ! Какъ же! Дожидайтесь.

ДОСУЖЕВЪ.

А не дастъ, такъ въ смиренномъ посидить.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Господи! Что же это такое! Это ужъ еще хуже! Какой страмъ-то! Какая мараль на все семейство!

ДОСУЖЕВЪ.

Ну, да что мнѣ съ тобой разговаривать! Поди, зови отца изъ тарантаса!

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Не хотите вы меня теперь пожалѣть, ну, такъ послѣ пожалѣете, да ужъ поздно будетъ (уходить).

ДОСУЖЕВЪ.

Посмотримъ, что это за звѣрь, Титъ Титычъ! Ужъ я не радъ, что взялся за дѣло-то! Вѣдь, чортъ его знаетъ, поколотить по-жалуй. Еще въ чужомъ домѣ съ нимъ, говорятъ, можно разговаривать; а ужъ къ нему-то придти, все-равно, что къ медвѣдю въ берлогу. Главное, не робѣть! (Входитъ Титъ Титычъ).

ЯВЛЕНІЕ VII.

ДОСУЖЕВЪ И ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ (садится на кресло и нѣсколько времени мрачно смотритъ).

Здравствуй!

ДОСУЖЕВЪ.

И ты здравствуй!

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ты Андрюшинъ знакомый?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Нѣтъ, не помирить; а оправить совсѣмъ, чтобы я чистъ былъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Да какъ же тебя оправить, когда ты виноватъ?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Виноватъ! Это я и самъ знаю, что виноватъ. Зачѣмъ же ты и страпчій, коли ты не можешь оправить человѣка? А ты такую клязуу напиши, чтобъ я былъ не виноватъ ни въ чемъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Этого нельзя. Надобно помириться.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ни подъ какимъ видомъ. Ты не смѣй и заикаться! Я и слышать не хочу.

ДОСУЖЕВЪ.

Буянить твое дѣло; а мириться такъ вотъ не хочешь!

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Да ты съ кѣмъ говоришь! Учить что ли ты меня пришелъ у меня-то въ домѣ! Хочу буянить, и буяню; нешто ты мнѣ заказать смѣешь! Вотъ я уже Андрюшкѣ задамъ, чтобы онъ этакихъ стракулистовъ ко мнѣ не водилъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Да ты потише! Отъ меня вѣдь въ тарантасъ не спрячешься.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ (встаетъ и Досужевъ тоже).

Да ты къ чему тутъ присталъ! Ты человѣкъ посторонній! Зачѣмъ ты ко мнѣ въ домъ зашелъ? Тебѣ что тутъ нужно? Ишь ты, влѣзъ въ гостиную, разсѣлся, тоже важничаетъ! Какъ ты смѣлъ придти меня безноkontъ? Я вотъ сейчасъ велю тебя со двора согнать. Чтобъ ты и носу сюда показывать не смѣлъ. Я тебя и знать не хочу.

ДОСУЖЕВЪ.

Радъ бы не хотѣть, да нельзя. Ты грамотѣ знаешь? Такъ вотъ смотри! (Показываетъ бумагу). Перцовъ далъ подписку, что дѣло съ тобой прекращаетъ и подписку эту отдалъ мнѣ. Теперь я, что хочу, то съ тобой и сдѣлаю. Захочу, отдамъ ее тебѣ, и дѣло кончено; а не захочу, подадимъ на тебя завтра прошеніе и упрячемъ тебя въ смиренный.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ (садится).

Значить, я съ тобой теперь долженъ дѣло дѣлать?

ДОСУЖЕВЪ.

Со мной.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ну, садись! Сейчасъ выпьемъ чего нибудь.

ДОСУЖЕВЪ (садясь).

Нѣтъ, ужь прежде давай дѣло кончимъ!

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ну давай! Значить, я тебѣ за эту росписку долженъ деньги заплатить?

ДОСУЖЕВЪ.

Похоже на то.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

А ты имѣй сколько нибудь совѣсти, не грабь меня. Грабить-то не хорошо. Пора ужь вамъ эту привычку скверную бросить. Слышишь ты! Ты дѣлай дѣло почестиѣ!

ДОСУЖЕВЪ.

Слышу, слышу.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ну многолижъ ты съ меня потребуешь?

ДОСУЖЕВЪ.

Вотъ, во первыхъ, сто цѣлковыхъ Перцову за обиду. Это ты пошли съ сыномъ завтра утромъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Это ничего! Это на чести, не дорого! Это и въ другой разъ, коли случится.

ДОСУЖЕВЪ.

Такъ ты опять поколотишь?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Эти деньги я всегда въ состояніи заплатить, когда хочешь.

ДОСУЖЕВЪ.

Нѣтъ ужь, въ другой-то разъ тебѣ много дороже станетъ. Для меня только онъ съ тебя сто цѣлковыхъ, а то просилъ полтора-ста тысячъ. Ну, теперь за хлопоты.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Многолижъ тебѣ?

ДОСУЖЕВЪ.

Мнѣ много надобно.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Будь почестиѣ! будь почестиѣ, я тебѣ говорю. Не хорошо вѣдь. Много запросишь, вѣдь не дамъ. Только ты меня растревожь! А я старый человекъ. Ну, прошу я тебя! Кончимъ подружески, много не ломи!

ДОСУЖЕВЪ.

Ты обѣщала женить сына на Кругловой?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Тебѣ что за дѣло?

ДОСУЖЕВЪ.

Кабы не было мнѣ дѣла, я бъ и разговаривать не сталъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Обѣщаль, да раздумалъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Ну такъ ты передумай опять, да и жени его поскорѣе!

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Какъ же ты можешь мнѣ въ такомъ дѣлѣ указывать! Да гдѣ же это видано! Нѣтъ ты, должно быть, сегодня отъ меня добромъ не хочешь уйти? Дождешься, что я тебя изуродую.

ДОСУЖЕВЪ.

Ну, видно, говорить съ тобой нечего; а надо сейчасъ къ полиціймейстеру ѣхать (Берегъ шляпу).

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Постой, ты! Какъ тебя?

ДОСУЖЕВЪ.

Ну, что еще?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Да ты почему знаешь, можетъ, я и самъ хочу женить его на Кругловой, и передумывать мнѣ нечего. Можетъ быть, я тебя обманулъ!

ДОСУЖЕВЪ.

Это ужь твое дѣло.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

То-то! Ты не подумай, что это я тебя послушалъ! Это я самъ. А еслибъ не я самъ, и никтобъ меня на свѣтѣ... Слышишь ты, я самъ. Слышишь ты, что я тебѣ говорю?

ДОСУЖЕВЪ.

Слышу, слышу.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Я хочу, чтобъ Андрюшка женился на Кругловой, такъ тому и быть! Никто мнѣ ни указывать, ни приказывать не смѣетъ. Что хочу, то у себя дома и дѣлаю.

ДОСУЖЕВЪ.

Ну вотъ, когда ты женишь сына, тогда я тебѣ росписку и отдамъ, такъ дѣло твое и кончится.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Эй! Кто тамъ? (Входитъ Настасья Панкратьевна). Подайте шампанскаго, да идите всѣ сюда!

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Ну, слава Богу! Должно быть, дѣло на ладъ идетъ. (Уходитъ).

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

А деньгами многоль тебѣ?

ДОСУЖЕВЪ.

Ничего.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Ты не важничай? Ты проси! Проси, я тебѣ говорю: я, можетъ быть, дамъ. Не въ состояннѣмъ я чтоли заплатить тебѣ?

ДОСУЖЕВЪ.

Я знаю, что въ состояніи; да не надо мнѣ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Фальшивишь ты что нибудь?

ДОСУЖЕВЪ.

Кабы я для тебя хлопоталъ, такъ я бы съ тебя взялъ денегъ много. Ну, много не много, а взялъ бы, сколько слѣдуетъ. А я для сына твоего хлопочу, понимаешь ты?

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Понимаю. Ты приходи ко мнѣ чаще, я тебя полюбилъ.
(Входятъ: Настасья Панкратьевна, Андрей Титычъ и Луша съ шампанскимъ).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ, НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА, АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ И
ЛУША.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Слушай ты, Андрюшка! Будетъ тебѣ по Москвѣ собакъ-то гонять! Что ты шляешься, какъ соврасъ безъ узды! Пора тебѣ, дураку, за умъ браться! Кабы не родители, кто бы о тебѣ, дуракъ, подумалъ! Собирайся сейчасъ къ невѣстѣ съ матерью! Къ Кругловымъ ступайте! Проси, чтобы отдали за тебя, за дурака.

АНДРЕЙ ТИТЫЧЪ.

Да я теперь счастливѣе всѣхъ на свѣтѣ! Когоже мнѣ только за это благодарить-съ? Я такъ думаю, что васъ, Васи́лій Митричъ.

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

Разумѣется его: потому онъ все дѣло кончилъ благополучно.

НАСТАСЬЯ ПАНКРАТЬЕВНА.

Говорила я, что въ тяжелый день ничего дѣлать не нужно! Вотъ какая бѣда-то было вышла, кабы добрый человекъ не помогъ!

ТИТЪ ТИТЫЧЪ.

За это мы всѣ его будемъ благодарить такъ, что онъ, можетъ, и не ожидаетъ.

ДОСУЖЕВЪ.

Ничего мнѣ отъ васъ не надо (Беретъ стаканъ вина). Живите, женитесь, плодитесь, ссорьтесь, миритесь, судитесь; а я буду глядѣть на васъ да радоваться! (Выпиваетъ стаканъ).

А. ОСТРОВСКІЙ.

В О П Р О С Ъ

ОБЪ УЛУЧШЕНІИ БЫТА РАБОЧИХЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Статья вторая.

Ф. ЛАССАЛЬ И ЕГО УЧЕНІЕ О ЗНАЧЕНІИ РАБОЧАГО КЛАССА И О СРЕДСТВАХЪ КЪ УЛУЧШЕНІЮ ЕГО ПОЛОЖЕНІЯ.—СУЖДЕНІЕ ЛАССАЛЯ О ШЛЕЙКЕ-ДЕЛИЧЪ И О ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.—ОТНОШЕНІЕ КЪ ЛАССАЛЮ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВЛАСТЕЙ (ПРОЦЕССЪ ЛАССАЛЯ).—ОТНОШЕНІЕ КЪ ЛАССАЛЮ НЕМЕЦКОЙ ПРЕССЫ.—АНТАГОНИЗМЪ ШЛЕЙКЕ-ДЕЛИЧА И ЛАССАЛЯ.—ПОЛОЖЕНІЕ НЕМЕЦКИХЪ РАБОЧИХЪ ВЪ ЭТОМЪ СПОРѢ: РАСПАДЕНІЕ ИХЪ НА ДВА ЛАГЕРЯ: ЛЕЙНИЦСКИЙ КОМИТЕТЪ И ФРАНКФУРТСКИЙ КОНГРЕССЪ РАБОЧИХЪ.

Фердинандъ Лассаль, будучи еще очень молодымъ человѣкомъ (онъ родился въ 1825 году), принималъ дѣятельное участіе въ событіяхъ 1848 года, и за это онъ, послѣ возстановленія прежняго порядка, подвергся полугодовому тюремному заключенію. Впослѣдствіи во все время господства Мантейфелевой системы, о немъ не было слышно ничего особеннаго, и только въ послѣдніе года онъ сталъ извѣстенъ въ Германіи своими рѣчами и сочиненіями, въ которыхъ онъ трактуетъ о необходимости дать рабочему классу иное положеніе въ обществѣ, чѣмъ то, которое онъ занималъ и занимаетъ доселѣ. Съ особенною отчетливостью и ясностью Лассаль изложилъ свои мысли о значеніи и нуждахъ рабочаго класса въ двухъ брошюрахъ, изъ которыхъ первая вышла въ концѣ прошлаго года, а вторая въ началѣ нынѣшняго года.—Первая изъ этихъ брошюръ носитъ заглавіе Arbeiterprogramm, и составляетъ не что иное, какъ перепечатку рѣчи, про-

изнесенной Лассалемъ въ апрѣлѣ 1862 года передъ собраніемъ берлинскихъ рабочихъ. Вторая брошюра озаглавлена слѣдующимъ образомъ: *Offenes Antwortschreiben an das Leipziger Central-Comité von Ferd. Lassalle*. Основываясь преимущественно на этихъ двухъ брошюрахъ, мы постараемся познакомить нашихъ читателей съ экономически-соціальнымъ ученіемъ Лассалю, возбуждившимъ въ послѣднее время не мало толковъ въ Германіи.

1.

Въ своемъ *Arbeiterprogramm* Лассаль старается опредѣлить исторически роль рабочаго класса въ общественномъ строѣ и доказать, что самая логика исторіи требуетъ измѣненія въ отношеніяхъ класса рабочихъ къ прочимъ классамъ. Въ средніе вѣка, говоритъ онъ, преобладающимъ элементомъ въ общественномъ строю былъ элементъ дворянства и духовенства, и преобладаніе это основывалось на томъ, что въ ихъ рукахъ находилась вся поземельная собственность, которая, при низкой степени развитія промышленности, составляла почти все богатство извѣстной страны. Съ развитіемъ промышленности образуется капиталъ, значеніе котораго мало по малу уменьшаетъ значеніе поземельной собственности, и который производитъ переворотъ въ общественномъ строѣ государствъ: Французская революція 1789 года была послѣднимъ фазисомъ этого переворота, начавшагося лѣтъ за 300 до этого событія. Послѣ революціи 89-го г. большой капиталъ занялъ такое же мѣсто въ государствѣ, какое прежде занимало поземельное владѣніе; господство феодализма замѣнилось господствомъ буржуазіи. Буржуазія сумѣла подчинить массу народа своей власти и приобрѣсти для себя всевозможныя привилегіи, сваливая въ то же время съ себя на массу народа большую часть государственныхъ тяжестей. Лассаль доказываетъ, что буржуазія сумѣла посредствомъ прямаго и косвеннаго ценза, посредствомъ установленія залоговъ и гербовыхъ пошлинъ для прессы, а преимущественно посредствомъ косвенныхъ налоговъ, сдѣлать крупный капиталъ необходимымъ условіемъ для участія въ общественномъ управленіи(*). Въ этомъ отношеніи, по мнѣнію автора, буржуазія поступала еще съ большею послѣдовательностью и съ большимъ эгоизмомъ, нежели въ средніе вѣка дворянство по отношенію къ поземельной собственности. Но и

(*) Въ доказательство этого своего утвѣренія, Лассаль приводитъ между прочимъ то, что въ Пруссіи на 108 милліоновъ дохода, приходится только 12 милліоновъ прямыхъ налоговъ, которые обуславливаютъ избирательное право, а слѣдовательно, и право участія въ общественномъ управленіи.

этотъ второй періодъ, наполнившій собою не менѣе 350 лѣтъ, окончился, по мнѣнію Лассалья, съ 1848 годомъ. Съ этого времени, говоритъ онъ, начинается новый (третій) историческій періодъ, въ которомъ непослѣдняя роль должна принадлежать *четвертому* сословію: провозглашенный въ этомъ году принципъ всеобщей подачи голосовъ даетъ всякому человѣку, независимо отъ того, богатъ ли онъ, или бѣденъ, одинаковую долю участія въ управленіи государствомъ, и устанавливаетъ такимъ образомъ принципъ свободнаго труда господствующимъ принципомъ въ обществѣ, не ставя его въ зависимость отъ владѣнія землею или капиталомъ. За тѣмъ авторъ развиваетъ свои понятія о различіи нравственной идеи буржуазіи и нравственной идеи рабочаго сословія, и о вытекающемъ отсюда различіи въ понятіи о *цѣли государства* у обоихъ классовъ. Если феодалы среднихъ вѣковъ ставили значеніе индивидуума въ зависимость отъ происхожденія его и отъ соціальнаго его положенія, то нравственная идея буржуазіи состоитъ въ томъ, что всякое подобное ограниченіе несправедливо, что всякій индивидуумъ долженъ имѣть значеніе самъ по себѣ, и что ему прежде всего должно гарантировать безпрепятственное употребленіе его собственныхъ силъ. Еслибъ, объясняетъ Лассаль, мы всѣ были одарены отъ природы одинаковымъ богатствомъ, одинаковымъ умомъ и образованіемъ, то пожалуй эта нравственная идея была бы удовлетворительна. Но такъ какъ подобнаго равенства нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ мы являемся въ свѣтъ не просто какъ индивидуумы, а съ извѣстнымъ различіемъ въ способностяхъ и въ богатствѣ, отъ которыхъ въ свою очередь зависятъ различіе образованія, то эта нравственная идея неудовлетворительна. Еслибъ общество должно было обезпечивать своимъ членамъ одну только безпрепятственную самостоятельность индивидуума, то это повело бы прямо къ тому, что сильный сталъ бы эксплуатировать слабого. Нравственная же идея рабочаго класса заключается въ томъ, что свободное употребленіе индивидуальныхъ силъ само по себѣ еще недостаточно, что для правильнаго общественнаго строя кромѣ этого еще необходимы: солидарность интересовъ; совокупность и взаимность развитія. Этимъ различіемъ въ нравственной идеѣ у обоихъ классовъ, по мнѣнію автора, обуславливается и различіе понятій ихъ о *цѣли государства*. Буржуазія создала доктрину: задача государства заключается въ томъ, чтобы защищать свободу и имущество отдѣльнаго гражданина. Такова доктрина научныхъ представителей буржуазіи, такова доктрина ихъ политическихъ вождей, такова, однимъ словомъ, доктрина *либерализма*. По мнѣнію Лассалья, эта теорія весьма недостаточна, вовсе ненаучна и нисколько не соответствуетъ истинному значенію государства. Истинное назначеніе государства формулируется слѣдующимъ образомъ въ

брошюрѣ Лассалля: посредствомъ соединенія отдѣльныхъ личностей въ одно государство, отдѣльнымъ индивидуумамъ должна быть дана возможность достигнуть такихъ цѣлей и такихъ ступеней развитія, которыхъ они никогда бы не могли достигнуть, какъ отдѣльныя единицы; — государство должно такимъ образомъ способствовать развитію человѣчества и стараться вызвать къ дѣйствительности всю ту степень цивилизаціи, какой только можетъ достигнуть человѣчество. — Лассаль полагаетъ, что изложенную имъ идею о государствѣ можно назвать идеей рабочаго класса по преимуществу. Конечно, говоритъ онъ, и всякій другой можетъ дойти до этой идеи, при нѣкоторомъ образованіи и при нѣкоторой способности разсуждать; но рабочій классъ, по самому безпомощному состоянію, въ которомъ находятся члены его, какъ отдѣльныя единицы, долженъ инстинктивно доходить до этой идеи: экономическое положеніе этого класса по необходимости рождаетъ въ немъ инстинктивное понятіе о томъ, что государство, черезъ соединеніе многихъ единицъ, должно помогать каждой отдѣльной единицѣ доходить до такой степени развитія, которая недоступна для нея, какъ для единицы. Съ 1848 года началось осуществленіе этой идеи. Впослѣдствіи провозглашенъ былъ принципъ всеобщей и прямой подачи голосовъ, которая, по мнѣнію Лассалля, составляетъ лучшее средство къ осуществленію вышеизложенной идеи о государствѣ (*). Лассаль не хочетъ этимъ сказать, что система, которая даетъ рабочему классу значительную долю участія въ управленіи государствомъ, хороша потому, что рабочій классъ лучше прочихъ классовъ. Лассаль далекъ отъ той странной мысли, чтобы въ рабочемъ классѣ не было недостатковъ, свойственныхъ другимъ классамъ, чтобы въ немъ, напримѣръ, не было того эгоизма, который онъ видитъ въ дворянствѣ или въ буржуазіи. Но онъ находитъ, что рабочій поставленъ въ этомъ отношеніи въ особенно благоприятныя обстоятельства; что преслѣдуя, хотя бы изъ эгоистическихъ видовъ, улучшеніе своего собственнаго состоянія, онъ стремится въ то же время къ улучшенію состоянія цѣлаго рабочаго класса, а слѣдовательно, его личный интересъ совпадаетъ съ развитіемъ массы народа, съ распространеніемъ свободы, съ благомъ цѣлаго человѣчества.

Изложеніе этихъ общихъ разсужденій о роли, предназначенной

(*) Лассаль повидимому не принадлежитъ къ огромному большинству европейскихъ политиковъ, которые при видѣ тѣхъ злоупотребленій, къ которымъ подала поводъ система всеобщей подачи голосовъ (провозглашеніе второй французской имперіи, присоединеніе къ Франціи Савойи и Ниццы), поспѣшили произнести осужденіе цѣлой системѣ.

рабочему классу въ исторіи человѣчества, и объ истинномъ значеніи рабочаго, составляетъ содержаніе одной изъ его брошюръ — Arbeiter-programm, за которую онъ былъ преданъ суду (о чемъ рѣчь будетъ ниже). — Въ другой своей брошюрѣ: Offenes Antwortschreiben etc., онъ говоритъ о неудовлетворительности настоящаго общественнаго положенія рабочаго класса, о недостаточности того, что сдѣлано Шульце-Деличемъ и другими для улучшенія этого положенія, и о томъ, что собственно слѣдовало бы сдѣлать въ этомъ отношеніи.

2.

Сначала авторъ этой брошюры касается вопроса о томъ, какое положеніе нѣмецкіе рабочіе должны занять по отношенію къ политическимъ движеніямъ своей родины. По этому поводу въ концѣ прошлаго года высказаны были два противоположныя мнѣнія. Одно изъ этихъ мнѣній состояло въ томъ, что рабочіе вовсе не должны заботиться о политическихъ движеніяхъ страны, и что эти послѣднія не интересны для нихъ. Другое же мнѣніе клонилось къ тому, что нѣмецкіе рабочіе должны непременно прикнудить, и притомъ самымъ тѣснымъ образомъ, къ партіи прусскихъ прогрессистовъ. — Лассаль одинаково энергически возстаетъ противъ того и другаго мнѣнія. — Первое изъ этихъ мнѣній онъ считаетъ совершенно ошибочнымъ потому, что рабочій можетъ ожидать осуществленія его законныхъ стремленій только отъ политической свободы страны: самые вопросы о томъ, могутъ ли рабочіе свободно собираться, могутъ ли они обсуждать свои интересы, могутъ ли они образовывать для защиты послѣднихъ союзы и ассоціаціи — всѣ эти вопросы зависятъ отъ политическаго положенія страны и отъ той степени политической свободы, которою она пользуется; поэтому Лассаль считаетъ излишнимъ долѣе останавливаться на этомъ предметѣ. Но не менѣе странно было бы, по его мнѣнію, если бы нѣмецкіе рабочіе вздумали смотрѣть на себя, какъ на безусловныхъ послѣдователей прусскихъ прогрессистовъ. Лассаль допускаетъ, что эти господа оказали въ прошедшемъ году нѣкоторую, хотя довольно умѣренную услугу странѣ, отстаивая конституціонныя права прусской палаты депутатовъ. Но даже тогда не было достаточнаго основанія, чтобы все сословіе нѣмецкихъ рабочихъ объявило себя въ пользу политики этой партіи, тѣмъ болѣе, что еще неизвѣстно было, воспользовалась ли бы эта партія своей побѣдой для блага всего народа, для блага низшихъ классовъ. Теперь же, говоритъ авторъ, партія эта совершенно потеряла всякое право на уваженіе со стороны рабочихъ: вмѣсто того, чтобъ отказаться засѣдать въ палатѣ до тѣхъ поръ, пока пра-

вительство не возвратится къ конституціи, — она сама даетъ правительству возможность соединить всѣ выгоды неограниченной власти со всѣми выгодами мнимо-конституціоннаго образа правленія; этимъ она ставитъ сама себя въ очень невыгодное положеніе. Изъ всего этого Лассаль выводитъ заключеніе, что нѣмецкіе рабочіе по отношенію къ политическому движенію страны, отнюдь не должны дѣлаться безусловными послѣдователями политики прусскихъ прогрессистовъ. Вотъ какимъ образомъ онъ опредѣляетъ то положеніе, въ которое они должны стать по отношенію къ правительствамъ и политическимъ партіямъ Германіи: «рабочіе должны составить самостоятельную партію, совершенно отдѣльную отъ партіи прогрессистовъ. Они должны поддерживать эту послѣднюю партію въ тѣхъ вопросахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ объ онѣ имѣютъ общій интересъ; но они должны рѣшительно отворачиваться отъ нея и противодѣйствовать партіи прогрессистовъ, какъ скоро эта послѣдняя дѣйствуетъ наперекоръ ихъ интересамъ, чтобы черезъ это принудить ее или дѣйствительно идти впередъ, или же погрузиться еще глубже въ болото безсилія и безполезности. Въ то же время рабочій классъ, сложившійся въ самостоятельную политическую партію, долженъ провозгласить всеобщую и прямую подачу голосовъ девизомъ своимъ, и написать этотъ девизъ на своемъ знамени. Представительство рабочаго класса въ законодательныхъ собраніяхъ Германіи — вотъ что можетъ удовлетворить въ политическомъ отношеніи его законнымъ интересамъ. Политическая программа партіи рабочихъ должна состоять въ томъ, чтобы изыскивать средства къ достиженію этой цѣли».

Отъ политическаго положенія германскаго рабочаго Лассаль переходитъ къ соціальному положенію его. Сначала онъ выражаетъ свое удивленіе, свое сожалѣніе о томъ, что при обсужденіи средствъ къ улучшенію соціальнаго положенія рабочихъ, между германскими рабочими еще подымается вопросъ о свободѣ ремесленника переходить съ мѣста на мѣсто (*Freizügigkeit*) и о ремесленной свободѣ (*Gewerbefreiheit*). Онъ замѣчаетъ, что разсужденія о подобномъ предметѣ могли имѣть мѣсто полтора столѣтія тому назадъ, но что теперь они смѣшны и унижательны для нѣмецкихъ рабочихъ; что свобода переселенія и ремесленная свобода принадлежать къ такимъ вещамъ, которыя всякое законодательное собраніе постановляетъ совершенно безмолвно, но о которыхъ оно не разсуждаетъ. Затѣмъ онъ переходитъ къ образованію сберегательныхъ, вспомогательныхъ, инвалидныхъ кассъ, и кассъ на случай болѣзни, какъ къ средствамъ, которыми предполагается достигнуть улучшенія быта рабочаго класса. Онъ допускаетъ, что всѣ эти учрежденія могутъ приносить относительную, хотя весьма незначительную и почти не стоящую упоминанія

пользу. Онъ спрашиваетъ себя, къ чему должны стремиться рабочіе? Къ тому ли только, чтобы сдѣлать сносите бѣдственное положеніе отдельныхъ рабочихъ индивидуумовъ? Къ тому ли, чтобы находить противоядіе противъ легкомыслія, старости, болѣзней, и всякаго рода несчастныхъ случаевъ, вслѣдствіе которыхъ отдельные индивидуумы между работниками приходятъ еще въ худшее положеніе противъ нормальнаго положенія работника? Въ такихъ случаяхъ всѣ вышеупомянутыя кассы приносятъ извѣстную долю пользы; но для достиженія подобной ничтожной цѣли нечего было поднимать движеніе рабочихъ по всей Германіи. — Или же, спрашиваетъ онъ далѣе, рабочіе должны стремиться къ тому, чтобы улучшить нормальное положеніе всего рабочаго класса и поднять его выше теперешняго его уровня? Если такова цѣль рабочихъ (а не подлежитъ сомнѣнію, что она должна быть именно такою), то нечего и доказывать, какъ недостаточны вышеозначенныя учрежденія для достиженія ея; они напротивъ могутъ принести даже отрицательный вредъ рабочимъ, отвлекая вниманіе ихъ отъ чего нибудь лучшаго и раздробляя ихъ силы.

«Но, — продолжаетъ Лассаль въ своемъ обращеніи къ рабочимъ, — вамъ твердятъ отовсюду, чтобы вы стремились къ улучшенію своего быта при помощи учрежденій Шульце-Делича, при помощи кредитныхъ обществъ, обществъ для доставленія сырья и жизненныхъ припасовъ». Коснувшись Шульце-Делича, авторъ разсматриваетъ его дѣятельность съ трехъ сторонъ: какъ политическаго дѣятеля, какъ экономиста-теоретика, и какъ практическаго дѣятеля на поприщѣ улучшенія быта рабочихъ. Какъ политическій дѣятель, Шульце-Деличъ принадлежитъ къ партіи прусскихъ прогрессистовъ, а свое мнѣніе объ этой партіи Лассаль высказалъ уже прежде. Какъ экономистъ-теоретикъ, Шульце принадлежитъ, по мнѣнію Лассали, къ либеральной школѣ, и раздѣляетъ всѣ ея ошибки, заблужденія и самообольщенія; самое лучшее доказательство тому авторъ видитъ въ его публичныхъ лекціяхъ, которыя онъ читалъ прошедшею зимою берлинскимъ рабочимъ (*), и которыя, по мнѣнію автора, представляютъ собраніе фальшивыхъ представленій, умозаключеній, не вытекающихъ изъ своихъ посылокъ, и пр. Но на этихъ двухъ сторонахъ дѣятельности Шульце-Делича Лассаль мало останавливается: онъ останавливается больше на третьей сторонѣ его дѣятельности, которая интересуетъ насъ гораздо болѣе, а именно на дѣятельности его какъ экономиста-практика, какъ друга рабочихъ. Лассаль отзываясь о немъ, что это единственный человѣкъ изъ всей партіи

(*) Мы говорили объ этихъ лекціяхъ въ первой статьѣ и еще возвратимся къ нимъ впоследствии.

прогрессистовъ, который сдѣлалъ что нибудь для народа. При помощи неутомимой его дѣятельности, ему удалось одному, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, стать основателемъ нѣмецкой ассоціаціонной системы, и дать этой системѣ толчекъ, который въ короткое время привелъ къ весьма утѣшительнымъ результатамъ. Лассаль приписываетъ также ему заслугу въ томъ, что въ настоящее время въ Германіи поднять вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ, что въ Германіи существуетъ движеніе рабочихъ: это составляетъ, по мнѣнію Лассалья, великую заслугу со стороны Шульце-Делича, заслугу, которую нельзя оцѣнить довольно высоко. Мы видимъ такимъ образомъ, что Лассаль совершенно иначе относится къ Шульце-Деличу, нежели тотъ относится къ нему самому. Онъ не называетъ его пустымъ фразеромъ, подогрѣвателемъ старины, лопнувшихъ ученій и пр.; напротивъ, онъ отдаетъ должную справедливость своему, хотя не болѣе искусному, но за то болѣе счастливому противнику (мы упомянули въ первой статьѣ нашей, почему г. Шульце можно назвать болѣе счастливымъ противникомъ). Но указавши на хорошую и полезную по его мнѣнію сторону дѣятельности Шульце-Делича, Лассаль относится къ ней съ критической стороны и разсматриваетъ, насколько она способствуетъ къ улучшенію быта рабочихъ вообще. Онъ спрашиваетъ себя, въ состояніи ли различныя виды обществъ, учрежденныхъ Шульце-Деличемъ, произвести всеобщее улучшеніе въ бытѣ рабочихъ, и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательнымъ образомъ. Затѣмъ онъ приступаетъ къ доказательству этого своего мнѣнія. Есть три главные вида рабочихъ обществъ, учрежденныхъ Шульце: кредитныя общества, общества для доставленія рабочимъ сырья и общества для доставленія имъ жизненныхъ продуктовъ. Что касается двухъ первыхъ категорій рабочихъ обществъ — кредитныхъ обществъ и обществъ для доставленія сырья, то Лассаль замѣчаетъ, что выгодами, представляемыми этими обществами, могутъ пользоваться только тѣ рабочіе, которые занимаются производствомъ на собственный свой счетъ, т. е. мелкіе ремесленники. Что же касается до класса рабочихъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, то есть тѣхъ рабочихъ, которые работаютъ въ большой фабричной производительности, то они не могутъ пользоваться благодѣяніями кредита и дешеваго доставленія сырья; для нихъ оба эти вида ассоціацій вовсе не существуютъ. Ассоціаціи этого рода могутъ сдѣловательно приносить пользу только мелкой ремесленной промышленности. Но и при этомъ Лассаль обращаетъ вниманіе на два обстоятельства. Во первыхъ, въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ, крупная фабричная производительность все болѣе и болѣе распространяется насчетъ мелкой ремесленной промышленности, и такимъ образомъ число самостоятельныхъ мелкихъ

ремесленниковъ все болѣе и болѣе уменьшается, а число фабричныхъ работниковъ все болѣе увеличивается. Изъ этого слѣдуетъ, что два вида обществъ, учрежденныхъ Шульце-Деличемъ, если бы они даже были въ состояніи произвести дѣйствительное улучшеніе въ бытъ рабочихъ, приносили бы пользу сравнительно весьма незначительному числу работниковъ; и то еще это число уменьшается съ каждымъ днемъ, по мѣрѣ того, какъ возрастаетъ число фабричныхъ рабочихъ, для которыхъ этого рода ассоціаціи не приносятъ ни малѣйшей пользы. Но Лассаль полагаетъ еще, что то улучшеніе, которое подобныя ассоціаціи вносятъ въ бытъ тѣхъ немногихъ мелкихъ ремесленниковъ, для которыхъ онѣ доступны, само по себѣ не очень значительно. Онъ говоритъ, что ассоціаціи эти все-таки не даютъ мелкимъ ремесленникамъ возможности успѣшно конкурировать съ крупной фабричной производительностью. Все, чего онѣ могутъ достигнуть, состоитъ въ томъ, что онѣ дадутъ небогатому ремесленнику возможность конкурировать съ ремесленникомъ зажиточнымъ, который имѣетъ достаточный капиталъ для продолженія своего небольшого производства. Но дѣло въ томъ, что даже тотъ ремесленникъ, который имѣетъ свой небольшой капиталъ, не въ состояніи успѣшно конкурировать съ большимъ капиталомъ и съ значительнымъ фабричнымъ производствомъ, потому что при этомъ видѣ производства удешевляются расходы на производство и представляется возможность пользоваться меньшимъ барышомъ съ каждой произведенной штуки. Слѣдовательно оба эти вида ассоціацій могутъ, при настоящихъ условіяхъ, послужить только къ продолженію борьбы, которую мелкая ремесленная промышленность ведетъ съ крупнымъ фабричнымъ производствомъ, и къ продленію агоніи первой изъ нихъ; собственно же рабочаго класса, участвующаго въ фабричномъ производствѣ, они вовсе не касаются.

Затѣмъ остается третій видъ рабочихъ обществъ — общества для доставленія жизненныхъ потребностей рабочимъ; на разсмотрѣніе этого рода обществъ Лассаль обращаетъ въ своей брошюрѣ особенное вниманіе. Этого рода общества отличаются отъ первыхъ двухъ видовъ тѣмъ, что дѣятельность ихъ охватываетъ весь рабочій классъ вообще.

Но и эти общества, по мнѣнію г. Лассалья, не въ состояніи произвести радикальнаго измѣненія въ положеніи всего рабочаго класса. Онъ объясняетъ, что рабочій находится въ невыгодномъ положеніи преимущественно какъ производитель, а не какъ потребитель: поэтому, желая улучшить его положеніе, слѣдуетъ преимущественно имѣть въ виду производителя, а не потребителя. Конечно, рабочій и какъ потребитель находится въ болѣе невыгодномъ положеніи,

нежели прочіе потребители, потому что ему приходится запасаться всѣмъ нужнымъ у мелочныхъ продавцовъ и платить за покупаемые матеріалы большій процентъ. Этому, сравнительно небольшому злу, конечно помогаютъ существующія въ Германіи ассоціаціи; но онѣ могутъ сдѣлать только болѣе сноснымъ печальное положеніе рабочаго, но не могутъ произвести улучшенія состоянія рабочаго класса вообще, потому что не улучшаютъ его положенія, какъ производителя. Вотъ какимъ образомъ Лассаль объясняетъ безсиліе подобнаго рода ассоціацій произвести радикальное измѣненіе быта рабочихъ. При настоящихъ обстоятельствахъ, говоритъ онъ, при преобладаніи предложенія надъ запросомъ, сложился слѣдующій экономическій законъ, которымъ опредѣляется заработная плата: «заработная плата сводится вообще къ той суммѣ, которая въ извѣстномъ народѣ считается необходимой для продолженія существованія человѣка и для распространенія рода человѣческаго». Около этой точки заработная плата движется маятникообразнымъ движеніемъ: она рѣдко значительно возвышается надъ этимъ пунктомъ и рѣдко падаетъ значительно ниже его. Какъ скоро она значительно возвысится надъ этимъ пунктомъ, происходитъ значительное увеличеніе браковъ между рабочими, происходитъ значительное размноженіе рабочаго населенія, увеличеніе числа рабочихъ рукъ — и вслѣдствіе увеличенія предложенія заработная плата понижается до прежняго своего уровня и пожалуй ниже его. Но заработная плата не можетъ также долго оставаться ниже этого уровня, потому что тогда является усиленная эмиграція, воздержаніе отъ браковъ и уменьшеніе числа рожденій, отчего происходитъ уменьшеніе предложенія и возвращеніе заработной платы къ прежнему положенію. Этотъ законъ, продолжаетъ Лассаль, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; онъ признается извѣстѣйшими экономистами, и даже вышеупомянутой либеральной экономической школой, которая сама открыла этотъ законъ и подтвердила его многими доказательствами (*); онъ единогласно признается Адамомъ Смитомъ и Сэемъ, Рикардо и Мальтусомъ, Бастіа и Дж. Стюартомъ Миллемъ; на этомъ пунктѣ сходятся всѣ экономисты-теоретики. Доказавши несомнѣнное существованіе этого закона, Лассаль разсматриваетъ дѣйствіе его. Послѣдствіемъ этого закона, по его объясненію, является то, что изъ суммы, вырученной за извѣстное производство, сначала вычитается и распределяется между рабочими столько, сколько необходимо для продленія ихъ существованія (заработная плата); за тѣмъ весь излишекъ этой суммы составляетъ барышъ крупнаго

(*) Безъ сомнѣнія авторъ имѣетъ здѣсь въ виду извѣстный законъ Мальтуса объ увеличеніи народонаселенія.

производителя, фабриканта. Такимъ образомъ, въ силу вышеупомянутого закона, сами работники исключены отъ возможности пользоваться выгодами отъ увеличенія суммъ сбыта извѣстнаго производства: они все-таки получаютъ только то, что необходимо для продленія ихъ существованія. Если сравнить положеніе рабочихъ въ различныя эпохи, то можетъ оказаться, что вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ въ различное время норма *необходимая* для продленія существованія работника была различна: такимъ образомъ можетъ случиться, что положеніе рабочаго улучшилось сравнительно съ положеніемъ его въ предшествовавшія столѣтія или въ предшествовавшемъ поколѣніи. Это улучшение, какъ бы незначительно и ничтожно оно ни было (оно на столько ничтожно, что даже самое существованіе его сомнительно), служитъ однако экономистамъ либеральной школы, и во главѣ ихъ Бастіа, поводомъ къ непрерывнымъ декламациямъ о томъ, что теперь положеніе рабочихъ несравненно лучше, чѣмъ оно было прежде. — Но Лассаль замѣчаетъ, что работнику, заработная плата котораго сведена къ *минимуму* его жизненныхъ потребностей, вовсе не интересно знать, что этотъ *минимумъ* былъ гораздо менѣе 80, 200 или 300 лѣтъ тому назадъ, когда вовсе не существовало извѣстныхъ потребностей, которыя теперь считаются жизненною необходимостью, или что его положеніе гораздо лучше, нежели на примѣръ положеніе новозеландца, который за то и не знаетъ никакихъ потребностей. — Работникъ сравниваетъ свое настоящее положеніе съ настоящимъ же положеніемъ другихъ людей, другихъ классовъ его согражданъ, и изъ этого сравненія, а не изъ какого-либо другаго, онъ выводитъ заключеніе объ удовлетворительности или неудовлетворительности своего положенія. А изъ подобнаго сравненія не могутъ выходить особенно утѣшительные результаты, потому что оказывается, что по отношенію рабочаго къ прочимъ классамъ, положеніе его осталось и теперь то же, какое существовало и 80, и 200, и 300 лѣтъ тому назадъ. Возвращаясь отъ этихъ общихъ разсужденій къ вопросу объ ассоціаціяхъ для доставленія рабочимъ жизненныхъ потребностей, Лассаль полагаетъ, что пока только незначительное число работниковъ приступаетъ къ этимъ обществамъ, приступившіе къ нимъ находятся въ болѣе выгодномъ положеніи, нежели прочіе, живущіе въ окрестностяхъ рабочіе, и поэтому составленіе этихъ обществъ можетъ послужить къ частному облегченію положенія нѣкоторыхъ рабочихъ. Но какъ скоро эти общества охватятъ *весь* рабочий классъ, то необходимымъ слѣдствіемъ этого распространенія явится удешевленіе жизненнаго пропитанія рабочаго и его семейства, а слѣдовательно, въ силу вышеприведеннаго закона, и соразмѣрное съ этимъ удешевленіемъ пониженіе заработной платы. Слѣдовательно подобныя

общества могутъ принести частную пользу только до тѣхъ поръ, пока они остаются изолированными явленіями, и не нашли достаточно подражателей; всему же рабочему сословію они никогда не могутъ принести существенной пользы.

Разобравши всѣ виды ассоціацій Шульце-Делича и показавши, что въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ теперь, онѣ не могутъ приносить и не приносятъ дѣйствительной пользы *всему* рабочему классу, Лассаль ставитъ слѣдующій вопросъ: «Неужели принципъ свободной индивидуальной ассоціаціи рабочихъ не можетъ произвести улучшеніе въ бытѣ рабочаго сословія?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ, по мнѣнію Лассалья, заключается въ томъ, что ассоціація конечно можетъ произвести это улучшеніе — но только въ томъ случаѣ, если она распространится и будетъ примѣнена къ большому фабричному производству. Единственное средство къ устраненію вышеприведеннаго жестокаго закона, опредѣляющаго заработную плату, заключается въ томъ, чтобы сдѣлать самого работника собственникомъ мастерскихъ и фабрикъ, въ которыхъ онъ работаетъ; въ такомъ только случаѣ уничтожается разность между дѣйствительностью цѣнностью произведеннаго предмета и заработной платою за него, и въ такомъ только случаѣ вся сумма, вырученная за производство известнаго предмета, дѣлается собственностью самихъ производителей, т. е. работниковъ. Это единственный, законный, мирный и простой путь къ справедливому, дѣйствительному, не воображаемому улучшенію положенія рабочаго сословія.

Мы видимъ, что въ этомъ отношеніи Лассаль совершенно сходится съ Шульце-Деличемъ. И тотъ, какъ мы видѣли въ первой статьѣ нашей, считаетъ всѣ уже существующіе виды рабочихъ обществъ только приговорительною ступенію къ настоящему виду ассоціаціи, отъ которыхъ рабочимъ слѣдуетъ ожидать улучшенія своего быта—къ ассоціаціямъ производительнымъ, при которыхъ весь барышъ отъ производства оставался бы исключительно въ рукахъ самихъ производителей, въ рукахъ рабочихъ. Того же, какъ мы сейчасъ показали, желаетъ и Лассаль: слѣдовательно оба противника сходятся на томъ пунктѣ, что только подобнаго рода ассоціаціи могутъ произвести радикальное измѣненіе въ бытѣ рабочихъ. Но какимъ образомъ достигнуть образованія подобныхъ ассоціаціи? Вотъ пунктъ, на которомъ оба противника совершенно расходятся. Въ то время, какъ Шульце-Деличъ, увлекшись идеей о собственной помощи рабочихъ, старается увѣрить себя и самихъ рабочихъ, что имъ удастся составить изъ копѣчныхъ сбереженій и взносовъ своихъ капиталы, которые будутъ въ состояніи успѣшно конкурировать съ огромными капиталами крупныхъ производителей, Лассаль смотритъ на дѣло

совершенно иначе. Если мы бросимъ взглядъ, говорятъ онъ, съ одной стороны на желѣзныя дороги, на верфи, на литейные и другіе заводы, на хлопчатобумажныя, шерстяныя и нныя фабрики, на миллионы, необходимые для основанія и поддержанія всѣхъ этихъ заведений, а съ другой стороны на пустые карманы работниковъ, то мы по неволѣ спросимъ себя, откуда работникамъ взять всѣ эти гигантскіе капиталы и какимъ образомъ имъ вести на свой счетъ большое производство? И конечно не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что они никогда не будутъ въ состояніи достигнуть этого, если они будутъ предоставлены исключительно только собственнымъ своимъ силамъ, своимъ индивидуальнымъ усиліямъ. Поэтому, продолжаетъ Лассаль, обязанность государства состоитъ въ томъ, чтобы дать работникамъ возможность достигнуть этого, чтобы взять въ свои руки великое дѣло свободныхъ ассоціацій рабочихъ и способствовать ихъ развитію, и чтобы поставить себѣ священнѣйшею обязанностью предоставленіе рабочимъ возможности и средствъ къ самоорганизациіи и самоассоциациіи. Высказавши подобную мысль, Лассаль долженъ былъ по необходимости коснуться увѣреній тѣхъ экономистовъ, которые утверждаютъ, что всякое вмѣшательство государства уничтожаетъ дѣятельность самого общества. Онъ доказываетъ во первыхъ, что эти увѣренія несправедливы даже въ томъ случаѣ, если подъ государствомъ разумѣть то, что экономисты-теоретики обыкновенно разумѣютъ подъ этимъ именемъ. Во вторыхъ, онъ замѣчаетъ, что всѣ эти экономисты, поднимающіе такой страшный крикъ каждый разъ, какъ дѣло идетъ о поддержкѣ, оказываемой государствомъ неимущимъ классамъ, вовсе не прочь принимать интервенцію государства тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ оказаніи покровительства и помощи крупному капиталу. Въ третьихъ же, онъ доказываетъ, что всѣ крики противъ вмѣшательства государства неосновательны уже потому, что обыкновенно экономисты подъ именемъ государства разумѣютъ вовсе не то, что онъ разумѣетъ подъ этимъ именемъ, и что, по его мнѣнію слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ именемъ.

Относительно перваго пункта онъ говоритъ слѣдующее: «Не правда, что я мѣшаю кому нибудь влѣзть собственными силами на башню, если я подаю ему для совершенія этого дѣла лѣстницу и веревку, что я мѣшаю кому нибудь вспахать собственными силами поле, если я даю ему для этой цѣли плугъ. Не правда, что я мѣшаю кому нибудь разбить собственными силами непріятельское войско, если даю ему въ руки оружіе. Не правда, что государство мѣшаетъ юношеству образоваться собственными своими силами, если оно содержитъ учителей, школы, библіотеки. И если иногда случается, что кто нибудь влѣзетъ на башню безъ лѣстницы и безъ веревки, если крестьяне Вандеи раз-

бывали войска Французской республики безъ оружія, если случалось, что кто-нибудь выучивался безъ учителей, школъ и библіотекъ, то всѣ эти исключенія не уничтожаютъ общаго правила, а напротивъ скорѣе подтверждаютъ его. Точно такъ же, хотя и случалось, что отдѣльные кружки рабочихъ (преимущественно въ Англіи), успѣвали при извѣстныхъ обстоятельствахъ установить болѣе или менѣе успѣшную конкуренцію съ большимъ капиталомъ, но всѣ эти случаи не измѣняютъ однако же общаго закона, состоящаго въ томъ, что общаго улучшенія быта рабочихъ можно ожидать только при посредствѣ и помощи государства». Лассаль замѣчаетъ, что ревнители собственной помощи рабочихъ готовы объявить стремленіемъ къ социализму и коммунизму всякую попытку заставить государство принять участіе въ улучшеніи быта рабочихъ. Но, по мнѣнію Лассалья, нѣтъ и слѣда такъ называемаго социализма или коммунизма въ томъ, если рабочіе классы сохраняютъ полную индивидуальную свободу, индивидуальный образъ жизни (экономистамъ либеральной школы все мерещатся какія-то промышленныя казармы) и индивидуальное распределеніе заработной платы, и не будутъ стоять ни въ какомъ иномъ отношеніи къ государству, кромѣ какъ въ томъ отношеніи, что государство доставитъ имъ необходимый капиталъ или необходимый кредитъ для составленія большихъ промышленныхъ ассоціацій. А въ томъ-то, по увѣренію Лассалья, и заключается великая задача и великое назначеніе государства, чтобы облегчать шаги человечества на пути къ социальному развитію: доказательствомъ тому служить участіе государства въ проведеніи каналовъ, шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, въ учрежденіи сухопутныхъ и морскихъ почтовыхъ сообщений, въ основаніи поземельныхъ и другихъ кредитныхъ банковъ, во введеніи улучшеній въ земледѣліи, и пр. и пр.; Лассаль находитъ слѣдовательно непонятнымъ, почему именно въ настоящемъ пунктѣ у извѣстныхъ экономистовъ является такое непобѣдимое отвращеніе къ вмѣшательству государства въ устройство участи рабочихъ классовъ.

Что касается до втораго пункта, то мы замѣтили уже въ первой статьѣ нашей, что крупный капиталъ не гнушается пользоваться особннымъ покровительствомъ государства, и что экономисты либеральной школы ничего противъ этого не имѣютъ. Стоитъ только бросить взглядъ на законодательства различныхъ государствъ по отношенію къ торговлѣ и къ фабричной промышленности, на привилегіи, даруемыя законами фабрикантамъ и на стѣсненія, налагаемыя ими на рабочихъ, на законы, запрещающіе стачки рабочихъ и не запрещающіе стачки фабрикантовъ, и на многія другія особенности законодательствъ всѣхъ почти странъ, чтобы убѣдиться, что крупный капи-

такъ и крупное производство, но мнѣнію многихъ экономистовъ и не экономистовъ, должны пользоваться и пользуются выгодами вмѣшательства и спеціальною защитою государства, между тѣмъ какъ интервенція государства не допускается по отношенію къ низшимъ классамъ. Но Лассаль обращаетъ въ своей брошюрѣ вниманіе еще на особенный видъ спеціальнаго покровительства, оказываемаго государствомъ крупному капиталу: онъ замѣчаетъ, что при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ частными средствами въ большей части случаевъ государство беретъ на себя гарантировать капиталистамъ извѣстный процентъ за затраченный капиталъ. Эта гарантія процентовъ, говоритъ Лассаль, представляетъ въ сущности не что иное, какъ слѣдующаго рода контрактъ капиталистовъ съ государствомъ: если предпріятіе окажется невыгоднымъ, то невыгоды эти падутъ на государство; если же оно окажется выгоднымъ, то всѣ барыши съ него — значительные дивиденды — достанутся на долю акціонеровъ, т. е. капиталистовъ. Безъ этихъ гарантій со стороны государствъ, на материкѣ Европы до сихъ поръ, можетъ быть, не было бы почти вовсе желѣзныхъ дорогъ. А между тѣмъ эти гарантіи представляютъ собою весьма сильное вмѣшательство государства въ частную дѣятельность гражданъ. Этого вмѣшательства требовала и требуетъ вся буржуазія, пользующаяся почти исключительнымъ обладаніемъ капиталовъ и кредита, и этому требованію вторили многіе изъ извѣстныхъ экономистовъ либеральной школы. А когда дѣло идетъ о вмѣшательствѣ государства въ пользу тѣхъ, которые не обладаютъ ни капиталами, ни кредитомъ, то эти экономисты, и за ними вся буржуазія, кричатъ о социализмѣ и коммунизмѣ. Между тѣмъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, по мнѣнію Лассалья, вмѣшательство государства несравненно болѣе способствовало бы развитію человѣчества, нежели при облегченіи проведенія желѣзныхъ дорогъ, и поэтому въ настоящемъ случаѣ его можно бы гораздо скорѣе оправдать. Не вдаваясь въ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ предметѣ, Лассаль полагаетъ однако же, что государство посредствомъ основанія большихъ кредитныхъ и оборотныхъ учреждений (банковъ) легко могло бы доставить работникамъ возможность съ успѣхомъ основывать обширныя промышленныя ассоціаціи; при этомъ оно висколько не брало бы на себя болѣеи отвѣтственности, нежели при гарантированіи процентовъ съ желѣзныхъ дорогъ.

Доказавши, что возраженія противъ вмѣшательства государства въ пользу рабочихъ неосновательны даже въ тѣхъ случаяхъ, когда подъ государствомъ разумѣть то, что обыкновенно разумѣется подъ этимъ именемъ, т. е. центральную власть, администрацію страны, Лассаль переходитъ къ третьему пункту своихъ возраженій, и ста-

вить слѣдующій вопросъ: «что же такое государство»? Для разрѣшенія этого вопроса Лассаль обращается къ статистическимъ таблицамъ и находитъ, что въ Пруссіи, по вычисленію извѣстнаго статистика Дитерици, $\frac{1}{2}\%$ населенія пользовалось доходомъ свыше 1000 талеровъ; $3\frac{1}{4}\%$ — пользовались доходомъ отъ 400 до 1000 талеровъ; $7\frac{1}{4}\%$ — доходомъ отъ 200 до 400 талеровъ; $16\frac{3}{4}\%$ — доходомъ отъ 100 до 200 талеровъ, и $72\frac{1}{4}\%$ — доходомъ ниже 100 талеровъ. Слѣдовательно $96\frac{1}{4}\%$ — населенія находятся или въ состояніи положительной бѣдности, или въ довольно стѣсненныхъ обстоятельствахъ (при доходѣ въ 100, 200 даже 300 талеровъ), и только $3\frac{3}{4}\%$ — населенія пользуются извѣстной степенью зажиточности и богатства. А между тѣмъ, не только чиновники и администраторы выходятъ изъ этой послѣдней категоріи населенія, но ей же принадлежитъ по преимуществу избирательное право, а слѣдовательно и участіе въ управленіи страны; значитъ это незначительное меньшинство составляетъ въ Пруссіи государство. Лассаль полагаетъ, что великая ассоціація низшихъ классовъ, слѣдовательно и рабочихъ, должна тоже явиться составною частью въ государствѣ; а этого, по его мнѣнію, можно достигнуть только посредствомъ введенія всеобщей подачи голосовъ. Только въ такомъ случаѣ эта великая ассоціація въ состояніи будетъ оказывать благотворное и оживляющее вліяніе на болѣе тѣсныя ассоціаціонныя кружки. Иначе и этимъ кружкамъ угрожаетъ опасность подпасть подъ общую рутину; иначе и они не въ состояніи будутъ освободиться отъ вліянія вышеупомянутаго закона о повышеніи и пониженіи заработной платы, что отчасти уже замѣтно въ извѣстномъ обществѣ Рочдальскихъ піонировъ. Въ этомъ обществѣ работники-акціонеры, увлеченные ученіемъ разныхъ экономическихъ школъ и господствующимъ въ настоящее время въ Англіи настроеніемъ, уже изъявили желаніе отнять у работниковъ неакціонеровъ право пользоваться дивидендомъ съ прибыли, доставляемой мастерскими общества. Подобныя явленія, по мнѣнію Лассалья, будутъ повторяться до тѣхъ поръ, пока не произойдетъ радикальной перемѣны въ социальномъ положеніи рабочаго, и пока ему не предоставлено будетъ участіе въ управленіи государствомъ.

Коснувшись Рочдальскаго общества, въ которомъ многіе видятъ доказательство того, что рабочіе могутъ одними своими средствами достигнуть обширнаго производства, безъ поддержки государства, Лассаль показываетъ на этомъ самомъ обществѣ, что подобная вещь невозможна. Рочдальское общество имѣетъ 1600 работниковъ-акціонеровъ, а на фабрикахъ его работаетъ только 500 человѣкъ; нужно было произвести складчину между 1600 работниками, чтобы доставить работу 500 человѣкъ; отношеніе акціонеровъ къ работни-

камъ равняется отношенію 3: 1. (Лассаль доказываетъ, что это еще очень выгодная пропорція, что въ другихъ отрасляхъ производства и при другихъ обстоятельствахъ на 1 рабочаго могли бы приходиться 4, 5, 8, 10, 20 и болѣе акціонеровъ). Но, принимая даже пропорцію 3: 1, оказывается, что пока подобныя ассоціаціи, составленныя изъ собственныхъ средствъ общества, представляютъ отдѣльныя явленія—онѣ еще могутъ способствовать улучшенію быта рабочихъ. Но еслибы эти ассоціаціи должны были распространиться на все рабочее сословіе, если бы пришлось основать столько фабрикъ, принадлежащихъ самимъ рабочимъ, чтобы все рабочее населеніе могло найти въ нихъ занятіе, то откуда бы набралось тройное, четверное, десятерное и пр. число работниковъ-акціонеровъ, которые должны бы составлять капиталы для основанія такого числа фабрикъ? Отсюда Лассаль выводитъ заключеніе, что мысль о томъ, чтобы вывести рабочій классъ изъ настоящаго его соціальнаго положенія посредствомъ успій однихъ только его членовъ является математической невозможностью и не выдерживаетъ никакой критики.

Единственнымъ же средствомъ къ уничтоженію вышеупомянутаго жестокаго закона о заработной платѣ является, по мнѣнію Лассалья, основаніе свободныхъ, индивидуальныхъ ассоціацій съ участіемъ и при помощи государства. Ассоціаціонное движеніе, основывающееся исключительно на атомистически-изолированныхъ усиліяхъ рабочихъ единицъ, имѣло только ту заслугу — и заслугу немаловажную, — что на практикѣ показало средства къ достиженію желаемой цѣли, и черезъ это самое возложило на государство обязанность дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на пользу рабочихъ. Такъ какъ, по мнѣнію Лассалья, государство должно представлять собою великую ассоціацію всѣхъ рабочихъ классовъ, то значитъ помощь, оказываемая имъ меньшимъ ассоціаціямъ, представляла бы въ сущности не что иное, какъ ту пресловутую *самопомощь*, о которой такъ много хлопчутъ Шульце-Деличъ и другіе.

Что касается до средствъ, посредствомъ которыхъ можно достигнуть этого участія государства въ устройствѣ судьбы рабочихъ классовъ, то Лассаль въ заключеніи своей брошюры еще разъ повторяетъ, что это возможно только при введеніи всеобщей и прямой подачи голосовъ. Государство, говоритъ онъ, тогда только будетъ въ состояніи исполнить эту свою обязанность, если законодательныя собранія Германіи составятся посредствомъ прямыхъ выборовъ. Тогда можно будетъ поднять въ нихъ требованіе о вмѣшательствѣ государства въ пользу рабочихъ, тогда можно будетъ опредѣлить границы и формы этого вмѣшательства, и тогда работникамъ придется обвинять самихъ себя, если защитники ихъ интересовъ будутъ состав-

лать, какъ теперь, слабое меньшинство въ законодательныхъ собраніяхъ. Слѣдовательно, право всеобщей подачи голосовъ является основнымъ принципомъ не только въ политическомъ, но и въ социальномъ отношеніи, является главнымъ основаніемъ всякаго социальнаго перерожденія и единственнымъ средствомъ къ улучшенію матеріальнаго быта рабочихъ. Лассаль предлагаетъ нѣмецкимъ рабочимъ организовать законную и мирную, но постоянную и энергическую агитацию для введенія во всей Германіи всеобщей подачи голосовъ; онъ совѣтуетъ имъ пропагандировать эту мысль всѣми возможными, законными средствами—устно и печатно, — и совѣтуетъ имъ учредить для этой цѣли въ разныхъ мѣстахъ Германіи особенныя кассы. Онъ уговариваетъ ихъ, чтобы они пока концентрировали на этомъ пунктѣ всѣ свои усилія, потому что въ настоящее время этотъ пунктъ составляетъ предметъ первостепенной важности, и имъ обуславливается всякое улучшеніе въ бытѣ рабочихъ.

Вотъ сущность ученія Лассалья, изложеннаго имъ преимущественно въ вышеупомянутыхъ нами двухъ брошюрахъ. Въ учрежденіяхъ Шульце-Делича онъ видитъ только частное и палліативное облегченіе участи рабочихъ классовъ. Радикальнаго же улучшенія онъ ожидаетъ только отъ дѣятельнаго участія въ этомъ дѣлѣ государства, но такого государства, въ которомъ вслѣдствіе всеобщей подачи голосовъ, сами рабочіе являлись бы не послѣднимъ факторомъ государственной власти. Если это будетъ достигнуто, тогда составленныя такимъ образомъ законодательныя собранія опредѣлятъ, на сколько и какъ должно выразиться участіе государства въ улучшеніи быта рабочихъ, какимъ образомъ и изъ какихъ средствъ государство должно учреждать кредитныя и оборотныя банки для рабочихъ, какія оно должно давать имъ гарантіи, и пр. и пр. и пр.

3.

Вторая брошюра Лассалья (*Offenes Antwortschreiben*), въ которой онъ излагаетъ сущность своего взгляда на нужды рабочаго класса и на средства къ улучшенію положенія этого класса, не имѣла для автора никакихъ непріятныхъ послѣдствій, и не вызвала со стороны правительства никакихъ особенныхъ мѣръ противъ автора. Но первая брошюра (*Arbeiterprogramm*), въ которой авторъ разсматриваетъ съ исторической точки зрѣнія значеніе рабочаго класса и приходитъ къ заключенію о важной роли, которую этому классу предназначено играть въ будущемъ, почему-то показалась опасною, и авторъ ея былъ преданъ суду за произнесеніе рѣчи передъ собраніемъ берлин-

скихъ рабочихъ и за напечатаніе этой рѣчи въ видѣ отдѣльной брошюры. Процессъ Лассала производился въ началѣ нынѣшняго года въ одномъ изъ отдѣленій берлинскаго уголовного суда. Лассала обвиняли въ томъ, что онъ покушался нарушить общественное спокойствіе, возбуждая публичнымъ образомъ одинъ классъ гражданъ противъ другихъ классовъ. Въ длинномъ обвинительномъ актѣ государственнѣйшій прокуроръ разбираетъ содержаніе брошюры Лассала; онъ доказывалъ, что выводъ параллель между дворянствомъ, буржуазіей и рабочимъ классомъ, авторъ брошюры имѣлъ въ виду прославить послѣдній и унижить, выставить въ невыгодномъ свѣтѣ первые два класса, и что онъ такимъ образомъ намѣревался возбудить перасположеніе класса немущихъ къ владѣтельнымъ классамъ; прокуроръ находилъ, что авторъ раздѣливши исторію общества на три большихъ періода и провозгласивши наступленіе третьяго періода, періода преобладанія класса трудящихся, какъ бы приглашаетъ рабочихъ произвести революцію и низвергнуть прежде существовавшій порядокъ; въ заключеніе обвинительнаго акта прокуроръ ставитъ въ вину Лассалу то, что тотъ облекъ свое изложеніе въ минимонаучную форму, съ тѣмъ чтобы укрыться за этою формою отъ преслѣдованій полиціи и суда, и чтобы пустить этимъ пылъ въ глаза своимъ слушателямъ и читателямъ, людямъ болѣею частию необразованнымъ, благоговѣющимъ передъ всѣмъ, что имѣетъ хотя бы видъ научности; прокуроръ находилъ, что на дѣлѣ изложеніе Лассала подъ видомъ научности скрываетъ чисто-практическія тенденціи. Лассалъ взялся самъ защищать свое дѣло передъ судомъ, и въ отвѣтъ на этотъ обвинительный актъ произнесъ оправдательную рѣчь, которая, при неоднократныхъ прерываніяхъ со стороны президента суда, продолжалась безъ малаго 5 часовъ. Въ этой рѣчи обвиненный съ большою энергіей и искусствомъ опровергалъ всѣ пункты обвинительнаго акта и доказывалъ ихъ неосновательность. Сначала онъ возражалъ очень остроумно противъ того мѣста обвиненія, гдѣ прокуроръ обвиняетъ его въ томъ, что онъ въ своей рѣчи за мнимой научностью скрываетъ практическія тенденціи. Онъ спрашивалъ прокурора, на какомъ основаніи тотъ считаетъ практичность и научность двумя вещами, взаимно исключаящими другъ друга, и почему онъ полагаетъ, что наука должна быть непременно непрактична, а практика не научна. Онъ не отвергаетъ того, что въ своей рѣчи онъ имѣлъ въ виду практическія тенденціи, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ тщательно доказываетъ, что рѣчь его была изложеніемъ чисто-научнымъ, и что поэтому онъ долженъ быть освобожденъ отъ всякаго судебного преслѣдованія, потому что въ прусской конституціи есть параграфъ, который говоритъ, что «наука и ученіе ся должны быть

свободны». Затѣмъ онъ обращается къ той части обвинительнаго акта, гдѣ прокуроръ излагаетъ и по своему толкуетъ содержаніе его рѣчи (или брошюры), и доказываетъ, что толкованіе прокурора ошибочно во всѣхъ пунктахъ. Онъ замѣчаетъ, что онъ въ своемъ изложеніи не отрицалъ всемірно-историческаго значенія дворянства и буржуазіи, и что ихъ господство онъ объяснялъ и оправдывалъ историческою необходимостью; что поэтому онъ и не думалъ утверждать, будто преобладаніе ихъ надъ прочими классами было всегда историческою несправедливостью, но что, по его мнѣнію, теперь, вслѣдствіе той же самой исторической необходимости, является на сцену еще четвертый, рабочій классъ. Лассаль доказывалъ своимъ судьямъ, что рассматривая назначеніе рабочаго класса съ этой, исторической точки зрѣнія, онъ не только не думалъ вызывать революціи, не только не приглашалъ рабочіе классы подняться противъ классовъ владѣтельныхъ, но напротивъ приглашалъ ихъ уважать чужую собственность, стараясь примирить эти классы между собою, и имѣлъ въ виду сдѣлать невозможными всякіе насильственные соціальныя и политическіе перевороты и повтореніе мартовскихъ событій 1848 года; онъ замѣтилъ, что слушатели и читатели его поняли его гораздо лучше, нежели государственный прокуроръ, потому что ни одинъ изъ нихъ не увидалъ въ его рѣчи приглашенія подняться противъ владѣтельныхъ классовъ и лишить ихъ однажды пріобрѣтенной ими собственности. Не смотря на эту искусную оправдательную рѣчь, судъ нашелъ автора виновнымъ въ возбужденіи нерасположенія классовъ неимущихъ къ владѣтельнымъ классамъ, и приговорилъ Лассалья къ четырехъ-мѣсячному тюремному заключенію, къ конфискаціи его брошюры и къ уплатѣ судебныхъ издержекъ. Лассаль апеллировалъ противъ этого рѣшенія, но мы не знаемъ, чѣмъ кончилось это дѣло въ апелляціонномъ судѣ (*).

Хотя читатели наши могли убѣдиться изъ вышеприведеннаго изложенія ученія Лассалья, что въ этомъ ученіи нѣтъ ни малѣйшаго слѣда желанія произвести насильственные перевороты въ строѣ общества и вызвать въ рабочихъ ненависть къ владѣтельнымъ классамъ; однако несомнѣнно то, что Лассаль желаетъ хотя мирнаго, но радикальнаго преобразованія въ социальномъ устройствѣ общества. Поэтому весьма естественно, что прусское правительство смотрѣло не

(*) Послѣ этого процесса Лассаль подвергнутъ былъ новому судебному преслѣдованію; его обвинили въ томъ, что въ своей оправдательной рѣчи онъ позволилъ себѣ въ 13 мѣстахъ оскорбить государственнаго прокурора; судъ приговорилъ его за это къ мѣсячному тюремному заключенію.

совсѣмъ благопріятно на его ученіе и старалось, при помощи средствъ находящихся въ его распоряженіи, остановить дальнѣйшее распространеніе этого ученія.

Понятно также, что руководимые желаніемъ парализировать дѣйствіе этого ученія противники Лассалля давали ему толкованіе, которое въ сущности невѣрно. Поэтому мы легко можемъ объяснить себѣ то обстоятельство, что правительственная пресса въ Пруссіи оказала неблагосклонный пріемъ ученію Лассалля и старалась дискредитировать его въ глазахъ своихъ читателей. Но гораздо страннѣе то обстоятельство, что органы, именующіе себя представителями либеральныхъ партій, отнеслись къ Лассалю съ явнымъ нерасположеніемъ и употребляли всевозможныя усилія, чтобы приписать его ученію такія свойства и такія наклонности, которыхъ оно никогда не имѣло и не могло имѣть. Возьмемъ напр. извѣстную «National-Zeitung», органъ партіи прусскихъ прогрессистовъ. Газета эта имѣетъ большія претензіи прослыть газетою крайне либеральной. До постановленія 1 іюня, ограничивающаго свободу газетъ говорить о политикѣ, она энергически нападала на г. Бисмарка, одобряла оппозицію палаты депутатовъ и пр. Однако все это не помѣшало ей помѣстить на столбцахъ своихъ двѣ статьи, представляющія ученіе Лассалля въ самомъ искаженномъ видѣ, взваливающія на него самыя нелѣпыя обвиненія и приписывающія ему самыя невѣроятныя намѣренія. Она мститъ г. Лассалю за его нападки на поведеніе этой партіи и за то недовѣріе, которое онъ постоянно высказывалъ и высказываетъ къ способностямъ и къ патріотизму прусскихъ прогрессистовъ. Въ одной изъ этихъ статей (№ 15) Лассаль не называется по имени, но дѣлаются довольно прозрачныя намекы на его ученіе. Статья эта говоритъ, что есть нѣкоторые благодѣтели общества, которые подъ видомъ организаціи труда хотятъ сдѣлать изъ свободныхъ рабочихъ *крѣпостныхъ*, и что желая уничтожить деспотизмъ фабрикъ, они дѣлаютъ изъ государства *крѣпостнаго владѣтеля* всего рабочаго сословія. (Это показываетъ отличное пониманіе ученія Лассалля; если читатели наши вспомнятъ, во первыхъ, что Лассаль разумѣлъ подъ именемъ государства, во вторыхъ, какое онъ хотѣлъ установить отношеніе между государствомъ и рабочими, то они увидятъ насколько добросовѣстны увѣренія «National-Zeitung»). За тѣмъ статья эта пускается въ ламентации о томъ, что новые благодѣтели человѣчества хотятъ уничтожить (?) капиталъ, вдается въ избитыя и прѣсныя, но повсене убѣдительныя разсужденія о томъ, что интересы работника и интересы крупнаго капиталиста тождественны, что положеніе рабочаго улучшается по мѣрѣ того, какъ накапливается капиталъ (въ чужихъ рукахъ!) и пр. и пр. Въ заключеніе статья эта говоритъ весьма красно-

рѣчиво о настоящей *полной* свободѣ рабочаго, которую будто бы хотѣтъ уничтожить благодѣтели челоуѣчества и союзники ихъ, феодалы и члены крестовой партіи (остроумное сопоставленіе!) Трудно представить себѣ, какое понятіе объ умственныхъ способностяхъ читателя имѣлъ авторъ статьи этой, когда онъ писалъ слѣдующія строки: «Рабочій сталъ челоуѣкомъ свободнымъ; онъ самъ, посредствомъ добровольнаго соглашенія, опредѣляетъ свои отношенія къ фабриканту и капиталисту, и ни государство, ни полиція не вмѣшиваются въ это соглашеніе, какъ это было прежде. Онъ самъ долженъ заботиться о своей будущности, о своемъ образованіи, и онъ охотно принимаетъ на себя эту заботу; онъ способенъ достигнуть въ этомъ отношеніи благопріятныхъ результатовъ, опираясь на свои собственные силы и на свою бережливость, или на соединеніе своихъ силъ съ другими силами тамъ, гдѣ силы одиночнаго челоуѣка оказываются недостаточными. Онъ гордится тѣмъ, что ему приходится рассчитывать только на силу своихъ рукъ, на проицательность своего взгляда, на мыслительную способность своей головы для улучшенія своего положенія. Но при этомъ ему долженъ быть открытъ обширный рабочій рынокъ...», и отсюда либеральная газета прямо приходитъ къ заключенію, о необходимости свободы переселенія для рабочаго (Freizügigkeit): вотъ чѣмъ эта прогрессивная газета думаетъ достигнуть радикальнаго улучшенія въ бытѣ рабочаго класса.

Въ другой статьѣ своей (№ 203) National-Zeitung прямо называетъ Лассалья, и говоритъ, что онъ, возбуждвши своими смутными ученіями движеніе въ рабочемъ классѣ, подалъ прусской феодальной партіи поводъ вмѣшаться въ это дѣло и воспользоваться для своихъ цѣлей раздоромъ (вовсе не существующимъ) между буржуазіей и рабочимъ классомъ. Очень можетъ быть, что прусскіе феодалы дѣйствительно задумали ухватиться за ученіе Лассалья и извлечь для себя пользу изъ происшедшаго въ Пруссіи и Германіи движенія рабочихъ. Но нужно имѣть особенное желаніе очернить челоуѣка, чтобы изваливать на него вину въ томъ, что нѣкоторые люди изъ эгоистическихъ видовъ искажали его мысли. Высказавши подобное странное обвиненіе, авторъ статьи довольно неловкимъ образомъ обнаруживаетъ настоящую причину своихъ нападокъ на Лассалья, упомянувши съ горечью объ отношеніяхъ его къ партіи прогрессистовъ и о томъ неуваженіи, съ которымъ онъ относится къ этой партіи. Затѣмъ авторъ статьи старается увѣрить своихъ читателей, что Лассаль видитъ во владѣтельныхъ классахъ отсутствіе всякой нравственности, а въ рабочемъ классѣ замѣчаетъ преобладаніе нравственной идеи. Авторъ статьи видитъ безнравственность преимущественно въ томъ, что Лассаль старается разрознить сословія и поставить ихъ въ

отношеніе взаимнаго противодѣйствія; что онъ обнаруживаетъ стремленіе эксплуатировать государство въ пользу извѣстнаго сословія и развивать благосостояніе этого сословія на счетъ другихъ сословій. Въ этомъ его стремленіи авторъ статьи замѣчаетъ сродство Лассалля съ феодалами и съ консервативной партіей и причину антипатіи его къ прогрессистамъ, которые, будто бы, высказываются противъ раздробленности по сословіямъ и противъ соперничества сословій между собою. Отъ этого оригинальнаго замѣчанія авторъ переходитъ къ насмѣшкамъ надъ Лассалемъ за то, что онъ проповѣдуетъ интервенцію государства въ дѣло рабочихъ ассоціацій; онъ видитъ въ этомъ желаніе дать нѣкоторымъ ассоціаціямъ возможность жить на счетъ плательщиковъ податей; мало того, онъ видитъ въ этомъ желаніе установить такой порядокъ, при которомъ многіе будутъ жить на счетъ немногихъ (т. е. вѣроятно по мнѣнію автора статьи, Лассаль желаетъ, чтобы всѣ рабочіе или большая часть ихъ жили на счетъ капиталистовъ; хорошо же онъ понялъ Лассалля). Авторъ статьи этой заканчиваетъ свое сужденіе о Лассалѣ слѣдующими словами, которыя лучше всего показываютъ узкость взгляда его и совершенное непониманіе съ его стороны того, что говоритъ ему Лассаль. «Г. Лассаль оскорбляетъ рабочихъ, называя ихъ *сословіемъ*, потому что сословіе предполагаетъ замкнутость, и слѣдовательно, говоря о сословіи рабочихъ, онъ признаетъ невозможность для нихъ подняться выше положенія наемнаго работника. На дѣлѣ капиталисты ежедневно выходятъ изъ среды рабочихъ, потому что матеріальный капиталъ пріобрѣтается способностью и силою человѣческаго ума (всегда ли такъ?); онъ увеличивается въ рукахъ человѣка способнаго ко благу рабочихъ, благосостояніе которыхъ зависитъ отъ объема наличнаго капитала (?), и исчезаетъ изъ рукъ человѣка неспособнаго» и т. д. Подобнымъ же недоброжелательнымъ и даже болѣе — недобросовѣстнымъ образомъ, относятся къ ученію Лассалля и другіе органы прусскихъ прогрессистовъ и нѣкоторыхъ другихъ либеральныхъ фракцій.

4.

Нѣмецкіе экономисты старыхъ школъ, и въ числѣ ихъ также приверженцы школъ, которую Лассаль называетъ либеральной экономической школой, отнеслись къ ученію Лассалля, какъ и слѣдовало ожидать, весьма неблагоклоннымъ образомъ. Мы не станемъ приводить здѣсь отзывовъ и сужденій о теоріи Лассалля разныхъ нѣмецкихъ экономистовъ, выразившихъ эти сужденія свои съ большимъ или меньшимъ талантомъ, съ болѣею или меньшею основательностью.

Мы остановимся только на противодѣйствіи, обнаруживаемомъ распространенію ученія Лассалля Шульце-Деличемъ. Хотя Шульце-Деличъ также принадлежитъ къ партіи прогрессистовъ, и хотя поэтому его нерасположеніе къ Лассалю можно бы объяснить тѣми же побудительными причинами, какъ наприм. нерасположеніе *National-Zeitung*; однако дѣятельность его, направленная исключительно ко благу нѣмецкихъ рабочихъ, и старанія его произвести улучшеніе ихъ быта, въ томъ смыслѣ конечно, какъ онъ понимаетъ это улучшеніе, освобождаютъ его отъ подобнаго подозрѣнія, и даютъ намъ право предполагать, что если онъ возстаетъ противъ ученія Лассалля, то имъ руководитъ въ этомъ случаѣ не мелкій личный интересъ или оскорбленное самолюбіе, а дѣйствительное желаніе быть полезнымъ рабочимъ, и изъять ихъ изъ подъ вліянія вредной, губительной по его мнѣнію теоріи. Дѣло въ томъ, что Шульце-Деличъ вообразилъ себѣ, будто Лассалль желаетъ распространить между нѣмецкими рабочими социалистическія ученія французскихъ школъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, будто онъ уговариваетъ ихъ произвести у себя социальный переворотъ въ смыслѣ ученія этихъ школъ. Между тѣмъ Шульце считаетъ и всегда считалъ ученія эти самымъ страшнымъ ядомъ, который долженъ былъ непременно повести къ разложенію общественнаго организма; вся его дѣятельность, всѣ его заботы объ основаніи ассоціацій для улучшенія быта рабочихъ, имѣли цѣлью спасти ихъ отъ этого яда и удалить отъ нихъ всякія социалистическія и коммунистическія стремленія. Поэтому Шульце-Деличъ и возсталъ съ такимъ жаромъ противъ теоріи Лассалля, въ которой онъ видѣлъ присутствіе страшнаго для него социалистическаго яда. Но чтобы объяснить опасенія Шульце относительно распространенія между рабочими французскихъ социалистическихъ идей, мы должны сдѣлать здѣсь маленькое отступленіе и упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ о томъ вліяніи и о тѣхъ успѣхахъ, которые имѣли въ сороковыхъ годахъ въ Германіи социалистическія идеи, и которыя, собственно говоря, и вызвали къ жизни дѣятельность Шульце-Делича, желавшаго парализировать вліяніе этихъ идей на рабочихъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что уже во время первой французской революціи идея о равенствѣ всѣхъ гражданъ одного государства проникла въ Германію. Трудно опредѣлить, на сколько идея эта распространилась тогда въ низшихъ слояхъ германскаго народа, но есть несомнѣныя доказательства тому, что уже въ то время въ сферахъ этихъ появились смутныя идеи о правахъ отдѣльной личности, о правѣ большинства населенія занять иное, лучшее положеніе въ обществѣ, нежели то, которое оно занимало доселѣ и т. д. Но эти смутныя понятія тогда не развились еще до болѣе глубокаго сознанія,

и ни въ чемъ не проявились на дѣлѣ. Послѣ 1815 года нѣкоторыя изъ нѣмецкихъ государствъ получили новое политическое устройство; но нововведенія были незначительны, да и то касались почти исключительно только меньшинства гражданъ: въ положеніи же низшихъ слоевъ общества не произошло почти никакой перемѣны. Но за то со втораго десятилѣтія вышнѣшняго столѣтія нѣкоторыя нѣмецкія правительства начинаютъ заботиться объ образованіи низшихъ классовъ народа и въ особенности сельскаго населенія; основаны были народныя школы, и даже журналистика нашла доступъ къ народу, и стала распространять въ немъ новыя, недоступныя ему прежде идеи. Вслѣдствіе всего этого умственный горизонтъ нѣмецкаго простолюдина несомнѣнно расширился; а между тѣмъ матеріальный бытъ его оставался въ томъ же положеніи, какъ и прежде. Это имѣло очень важныя послѣдствія для Германіи, потому что положило начало развитію пролетаріата. Въ Германіи, какъ и во всякой другой странѣ, большинство населенія всегда принадлежало къ разряду людей неимущихъ, не владѣющихъ никакою собственностью. Два главные вида собственности — поземельная собственность и капиталъ въ болѣе тѣсномъ значеніи этого слова, то есть денежная собственность, съ давнихъ временъ сосредоточились въ весьма немногихъ рукахъ: все же огромное большинство населенія, какъ городского, такъ и сельскаго, составляло классъ неимущихъ, и при извѣстныхъ условіяхъ изъ этого класса могъ образоваться нѣмецкій пролетаріатъ. Пролетаріатъ часто смѣшиваютъ съ неимѣніемъ никакой собственности; подъ пролетаріемъ многіе разумѣютъ несобственника, бѣдняка, человѣка имѣющаго для своего существованія только пару рукъ, и при этомъ никакого капитала. Но по замѣчанію нѣмецкаго ученаго Штейна (*), которое мы находимъ довольно справедливымъ, подобное смѣшеніе понятій совершенно неосновательно. По опредѣленію Штейна, пролетарій есть человѣкъ неимущій, который, основываясь на правѣ личности, изъявляетъ притязаніе на улучшеніе своего положенія и на необходимое условіе этого улучшенія — на право собственности. Такимъ образомъ, по мнѣнію Штейна, пролетарій есть не просто бѣднякъ, не собственникъ, но бѣднякъ, видящій въ своей бѣдности явленіе аномальное и желающій выхода изъ этого положенія посредствомъ пересозданія общества. Сначала человѣкъ неимущій только *видитъ* неравномѣрность распредѣленія имущества, но дальше вышнѣшняго усвоенія себѣ этого факта онъ не идетъ; онъ считаетъ подобное явленіе нормальнымъ, законнымъ и поэтому безъ всякаго

(*) Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs, von L. Stein. Zweite Auflage, Leipzig 1848.

сопротивленія принимаетъ всѣ его послѣдствія: въ такомъ случаѣ этотъ человѣкъ не является еще пролетаріемъ. Но затѣмъ, вслѣдствіе распространенія образованія въ массѣ населенія, вслѣдствіе развитія въ отдѣльныхъ индивидуумахъ понятія о личности и о ея правахъ этотъ самый неимущій человѣкъ начинаетъ сознавать, что каждый индивидуумъ имѣетъ право на свободу и на владѣніе собственностью. Вся эта масса людей неимущихъ, пришедши къ сознанию своего права на владѣніе собственностью, начинаетъ тяготиться тѣмъ противорѣчіемъ, которое существуетъ между идеальными требованіями, вытекающими изъ сознанія правъ личности и даннымъ положеніемъ массы, между общечеловѣческими правами отдѣльной личности и бѣдственнымъ положеніемъ значительной части населенія. Сознаніе этого противорѣчія вызываетъ, по мнѣнію Штейна, явленіе пролетаріата, а это явленіе въ свою очередь вызываетъ въ массѣ народа, въ мыслящихъ бѣднякахъ, въ пролетаріяхъ — коммунистическія стремленія. Нѣмецкій простолюдинъ началъ именно приходить къ сознанію этого противорѣчія въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, по мѣрѣ того, какъ образованіе распространялось въ массѣ, и городской простолюдинъ и крестьянинъ стали всматриваться въ свои отношенія къ капиталу и къ поземельной собственности, стали лучше понимать эти отношенія и права свои — и вслѣдствіе этого въ нихъ зародилось сомнѣніе, дѣйствительно ли все такъ устроено, какъ бы оно слѣдовало быть устроеннымъ. Въ это время, около начала сороковыхъ годовъ, въ Германіи основались особые періодическія изданія, которыя посвятили себѣ исключительно разсматриваемому нами предмету. *Die Rheinische Zeitung* и *Die Deutschen Jahrbücher* были именно такими органами: въ нихъ говорилось о свободѣ личности, о попраніи правъ ея, и проч. Правда, все это говорилось большею частью тономъ не слишкомъ доступнымъ малообразованному большинству; правда, всѣ эти вопросы разсматривались большею частью съ теоретической и философской точки зрѣнія: но тѣмъ не менѣе изданія эти находили и въ низшихъ классахъ общества многихъ читателей, которые хотя и не всегда понимали то, что говорилось въ прочтываемыхъ ими статьяхъ, но какъ бы инстинктивно чувствовали, что здѣсь защищаются ихъ интересы; поэтому низшіе классы очень сочувствовали этимъ изданіямъ, и не мало были раздражены тѣмъ, что нѣмецкія правительства запретили ихъ. Такимъ образомъ въ началѣ сороковыхъ годовъ почва въ Германіи была уже достаточно подготовлена для коммунистическихъ идей, и Германія ожидала только сѣятеля, который бы явился и посѣялъ на этой почвѣ сѣмена новыхъ ученій.

Въ это время, когда въ Германіи стремленія къ преобразованію

общества были еще довольно смутны и несистематичны, когда, по удачному выраженію того же Штейна, въ ней не было еще коммунизма, но былъ только запросъ на коммунизмъ, въ сосѣдней Франціи стремленія эти опредѣлялись, сложились въ системы, изъ отрицательной формы перешли въ положительную и достигли возможно полнаго развитія. Въ началѣ сороковыхъ годовъ во Франціи уже извѣстны были ученія Фуррье, Луи Блана, Леру, послѣдователей Бабёфа, и другихъ. При тогдашнемъ настроеніи Германіи нужно было только найти связующее звено, для того чтобы соединить эту сторону внутренней жизни одного народа съ жизнью другого народа. Этимъ связующимъ звеномъ сдѣлалось ученіе швейцарской коммунистической школы, основателемъ которой былъ саксонецъ Вейтлингъ.

Вейтлингъ былъ портнымъ въ Лейпцигѣ, когда тамъ въ 1830 году вспыхнула революція; онъ принялъ довольно дѣятельное участіе въ этой революціи, и вслѣдствіе этого долженъ былъ для своей безопасности оставить Лейпцигъ. Сначала онъ удалился въ Вѣну; но такъ какъ онъ и тамъ не считалъ себя достаточно безопаснымъ, то изъ Вѣны онъ переехалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ познакомился съ учеными французскихъ коммунистовъ и сдѣлался ихъ послѣдователемъ. Здѣсь же, въ Парижѣ, онъ написалъ первое свое сочиненіе: «Человѣчество, какъ оно есть и какъ бы ему слѣдовало быть»; въ этой брошюрѣ онъ уже выражалъ довольно рѣшительнымъ образомъ свои коммунистическія тенденціи. Изъ Парижа Вейтлингъ въ 1840 году переехалъ въ Швейцарію, и поселился въ Женевѣ, съ цѣлью распространять отсюда свое ученіе въ Германіи. Въ первый же годъ своего пребыванія въ Женевѣ онъ основалъ ежемѣсячное изданіе: «Крикъ о помощи нѣмецкаго юношества» (*Hülferuf der deutschen Jugend*). Впрочемъ въ первыхъ своихъ опытахъ онъ еще не усвоилъ себѣ искусства излагать свои мысли языкомъ понятнымъ для малообразованнаго нѣмецкаго простолюдина: поэтому изданіе его имѣло мало успѣха и не достигало своей цѣли. Такая же судьба постигла и новое коммунистическое изданіе его «Молодое поколѣніе»: оно также не имѣло успѣха у рабочаго населенія Швейцаріи и Германіи. Но въ это время на дѣятельность его обратили вниманіе нѣкоторые нѣмецкіе патріоты, желавшіе политическаго и соціальнаго преобразованія своей родины, и убѣжденные въ томъ, что инициатива этого преобразованія должна исходить изъ низшихъ классовъ; они уговорили Вейтлинга обратиться къ рабочему сословію не съ отрывочными, малопонятными и мало-интересными для простолюдина статьями объ отдѣльныхъ вопросахъ, но съ цѣльнымъ, систематическимъ и по возможности удобопонятнымъ изложеніемъ своего ученія. Вейтлингъ послушался этого совѣта и въ 1842 году издалъ подобное обстоятель-

ное изложеніе своего коммунистическаго ученія, подъ заглавіемъ «Гарантія гармоніи и свободы». Собственно говоря, Вейтлингъ не предлагалъ въ этомъ сочиненіи своей оригинальной системы; изложенная имъ система имѣла характеръ совершенно эклектическій; онъ заимствовалъ изъ ученій Фуррье, Каба, Луи Блана и Прудона то, что по его мнѣнію болѣе всего подходило къ потребностямъ нѣмецкаго (а также и швейцарскаго) народа, и составилъ изъ всего этого особенное ученіе, извѣстное въ социалистической литературѣ подъ именемъ Вейтлинговой системы или швейцарской коммунистической школы. При помощи людей, посовѣтовавшихъ Вейтлингу написать изложеніе своего ученія, это сочиненіе, писанное при томъ языкѣ болѣе удобопонятнымъ для рабочаго сословія, распространено было по всей Германіи, получило большую извѣстность и имѣло не малое вліяніе на нѣмецкое рабочее населеніе. Не менѣе замѣчательно другое его сочиненіе, вышедшее въ 1843 г. подъ заглавіемъ «Евангеліе грѣшника». Въ этомъ сочиненіи онъ доказываетъ истину своего ученія требованіями христіанской любви, и подтверждаетъ многіе изъ своихъ выводовъ текстами Новаго Завѣта: это сочиненіе его имѣло огромное вліяніе на религіозную часть нѣмецкаго рабочаго населенія и склонило многихъ нѣмцевъ къ принятію идей Вейтлинга (*).

И такъ ученіе швейцарской коммунистической школы нашло въ Германіи многихъ адептовъ. Лучшимъ доказательствомъ того, что идеи о необходимости перерожденія общества не остались чужды нѣмецкаго народа, можетъ служить то обстоятельство, что въ Германіи въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ составила чрезвычайно богатая литература по этому предмету. Литература эта въ свою очередь не оставалась безъ значительнаго вліянія на общество, и тщательно продолжала дѣло, начатое Вейтлингомъ. Одни изъ писателей, занимавшихся этимъ предметомъ, ограничивались изложеніемъ ученій французскихъ школъ, и только знакомили читателей своихъ съ идеями французскихъ социалистовъ и коммунистовъ, не прибавляя къ этому ничего своего; другіе трактовали (большею частью свысока и съ свойственнымъ германскимъ ученымъ педантизмомъ) о недостаткахъ общественнаго строя вообще, восходили къ причинамъ этихъ недостатковъ — но не предлагали никакихъ средствъ къ уничтоженію ихъ. Но нѣкоторые писатели умѣли излагать свои мысли языкомъ удобопонятнымъ, и не останавливаясь на однихъ только причинахъ зла, принимались также — худо ли, хорошо ли — за исправленіе его. Къ подобнымъ со-

(*) Самъ авторъ былъ преданъ суду за это сочиненіе и приговоренъ къ какому-то наказанію; судъ этотъ производился въ Цюрихѣ.

чиненіямъ, не оставшимся безъ вліянія на рабочее населеніе, можно отнести сочиненія Адольфа Шмидта, Лювига, Макса Штирнера. Периодическая литература также тщательно занялась разработкой этого вопроса. Начиная съ 1843 года стали выходить особые періодическія изданія, которыя занимались исключительно распространеніемъ въ германскомъ обществѣ коммунистическихъ и социалистическихъ идей; всѣ эти изданія придерживались большею частью самаго радикальнаго направленія. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣли въ виду преимущественно тотъ классъ читателей, которые только что умѣютъ читать, и поэтому очень много способствовали распространенію проповѣдуемыхъ ими идей въ низшихъ классахъ общества.

Неудивительно, что при томъ сознаніи недостатковъ общественнаго строя, которое давно уже обнаружилось въ низшихъ слояхъ германскаго общества, при томъ сильномъ вліяніи, которое обнаруживало на это общество литература сороковыхъ годовъ, социалистическія и коммунистическія идеи были сильно развиты въ Германіи. Неудивительно также, что въ 1848 году, въ эпоху народнаго броженія, сдѣланы были попытки осуществить эти идеи, примѣнить ихъ къ дѣйствительности. Въ народныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, даже во Франкфуртскомъ нѣмецкомъ парламентѣ, раздавались голоса, требовавшіе, чтобы при новомъ устройствѣ нѣмецкаго общества рабочимъ классамъ дано было иное, болѣе соответствующее новымъ идеямъ, положеніе, нежели то, которое они занимали доселѣ. Но это не осуществилось. Настала реакція 1849 и 1850 годовъ, и въ положеніи рабочихъ все осталось по старому.

Между тѣмъ Шульце-Деличъ, пришедши въ 1848 году въ столкновение со многими представителями нѣмецкихъ рабочихъ, имѣлъ случай убѣдиться, на сколько въ рабочемъ классѣ распространены коммунистическія идеи и стремленія. А такъ какъ онъ былъ убѣжденъ, что распространеніе этихъ идей не можетъ принести пользы ни нѣмецкому обществу вообще, ни самимъ рабочимъ, то онъ съ этого же времени и рѣшился противодѣйствовать этому распространенію всѣми зависящими отъ него мѣрами. Вся его дѣятельность въ распространеніи по Германіи ассоціаціонной системы была вызвана желаніемъ доказать рабочимъ, что можно улучшить ихъ бытъ, не прибѣгая къ социалистическимъ теоріямъ. Вся его литературная дѣятельность, начиная съ 1850 года, не имѣетъ другой цѣли.

Во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, о которыхъ мы упоминали въ первой статьѣ нашей, онъ предостерегаетъ нѣмецкихъ рабочихъ, чтобы они не увлекались лживыми увѣреніями мнимыхъ благодѣтелей чело-вѣчества, то есть социалистовъ, и не вообразили себѣ, что можно

достигнуть дѣйствительнаго улучшенія, положенія рабочихъ при помощи средствъ, предлагаемыхъ этими школами. Когда же въ прошломъ году началось, или лучше сказать, возобновилось движеніе рабочихъ, вызванное брошюрами Лассалля, Шульце-Деличъ, увидѣвшій въ ученіи его ядъ социализма, рѣшился противодействовать вліянію этого яда, посредствомъ распространенія между рабочими здравыхъ экономическихъ понятій. Это желаніе было главною побудительною причиною, которая заставила его прочесть передъ собраніемъ берлинскихъ рабочихъ, шесть популярныхъ публичныхъ лекцій, о которыхъ мы говорили въ первой статьѣ нашей. Правда, что въ этихъ лекціяхъ Шульце-Деличъ въ самомъ популярномъ изложеніи сообщаетъ своимъ слушателямъ нѣсколько дѣйствительно полезныхъ свѣдѣній о трудѣ, о подспорьяхъ человѣческаго труда, о пользѣ машинъ, и пр. Но рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ въ его бесѣдахъ полемическую сторону, въ которой онъ старается опровергать мнѣнія Лассалля и послѣдователей его, посредствомъ сообщенія своимъ слушателямъ довольно странныхъ, а часто и совершенно ошибочныхъ понятій о капиталѣ, о процентахъ, о конкуренціи, о вѣшателствѣ государства въ судьбу рабочихъ и о полной свободѣ и независимости послѣднихъ. Остановимся на нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ его бесѣдъ, чтобы показать, что и Шульце-Деличъ часто совершенно ошибочно понималъ Лассалля, и что желая, безъ всякаго сомнѣнія, принести пользу рабочимъ, онъ сообщалъ имъ подчасъ не совсѣмъ вѣрныя экономическія понятія.

Во второй бесѣдѣ своей Шульце говоритъ между прочимъ о необходимости соединенія труда съ капиталомъ, и говоритъ о томъ весьма разсудительно. Но затѣмъ коснувшись происхожденія капитала, онъ находитъ совершенно естественнымъ скопленіе его въ немногихъ рукахъ, потому что, говоритъ онъ, «капиталъ образуется посредствомъ сбереженія, посредствомъ усиленнаго труда и особенно выдающихся умственныхъ способностей», а эти качества полагаетъ онъ, даются не многимъ, и поэтому очень естественно, что капиталы сосредоточиваются не во многихъ рукахъ. Странно слышать, что Шульце-Деличъ, который такъ хорошо знаетъ бытъ рабочихъ, обращается съ подобными увѣреніями къ самимъ рабочимъ, которые конечно тоже хорошо знаютъ свой бытъ, и что онъ увѣряетъ ихъ, будто капиталы и состоянія потому неравномѣрно распределены на свѣтѣ, что способности людей неравномѣрны. Объяснивши такимъ образомъ происхожденіе, или лучше сказать, распределеніе капитала, Шульце доказываетъ необходимость процента съ капитала. «Такъ какъ, говоритъ онъ, прежде составленный капиталъ служитъ въ свою очередь къ составленію новаго капитала въ рукахъ

того, кто имъ пользуется, то пользующійся по справедливости долженъ платить процентъ за право пользованія капиталомъ и образованія съ его помощью новаго капитала». «Что случилось бы съ работникомъ, продолжастъ въ другомъ мѣстѣ Шульце-Деличъ, еслибы его скудныя сбереженія не приносили ему извѣстной ренты, если бы его маленькій капиталъ не увеличивался и не приносилъ ему процентовъ на проценты? Онъ не могъ бы основать сберегательныхъ, инвалидныхъ и эмеритальныхъ кассъ, которыя обезпечивали бы сколько нибудь его старость. Нѣтъ, проценты въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ въ обществѣ, являются спасеніемъ, благодѣиіемъ для человѣчества, равно какъ и капиталъ, возрастающій посредствомъ процентовъ. Еслибы не существовала рента съ капитала, то никто не отдавалъ бы другому своего капитала. Поэтому замѣйте себѣ, господа, слѣдующее правило: безъ процента нѣтъ кредита; а для работника въ одномъ только кредитѣ заключается возможность къ улучшенію его состоянія; слѣдовательно безъ процента — нѣтъ возможности улучшить положеніе рабочаго». Ставши съ самаго начала на ложную точку, принявши за основаніе всего своего построенія настоящее, несстественное и нераціональное отношеніе людей между собою, Шульце, въ силу законовъ логики, долженъ былъ конечно прийти къ тому удивительному, чудовищному выводу, къ которому онъ пришелъ въ послѣдней, выписанной нами, фразѣ его рѣчи. «Безъ процентовъ нѣтъ улучшенія положенія рабочихъ», вотъ что провозглашаютъ одинъ изъ лучшихъ друзей германскаго рабочаго, вотъ до какого заключенія довело этого человѣка желаніе спасти рабочихъ отъ яда социализма.

Заговоривши въ шестой своей бесѣдѣ о свободной конкуренціи, Шульце позволилъ себѣ относительно Лассалю и послѣдователей его ту же несправедливость, какую мы уже замѣчали напр. въ статьяхъ *National-Zeitung*: онъ приписываетъ ему такія увѣренія и такія ученія, о которыхъ мы не находимъ и слѣда въ теоріи Лассалю. Онъ сталъ вдругъ увѣрять своихъ слушателей, что противники его отрицаютъ пользу и значеніе капитала, ведутъ войну съ капиталомъ, и проч. и проч., и затѣмъ онъ вдается въ длинныя разсужденія съ цѣлью доказать, что вести войну съ капиталомъ неразумно, что капиталъ необходимъ, и т. д. Но запуганный социалистическимъ призракомъ, который повсюду его преслѣдуетъ, Шульце вовсе не замѣтилъ того, что онъ вступилъ въ борьбу съ вѣтранными мельницами; — онъ совершенно упустилъ изъ виду то, что ни въ одной строкѣ своихъ сочиненій Лассаль не объявляетъ войны капиталу, какъ совокупности всего необходимаго для успѣшнаго производства работы, но что онъ возстаетъ только противъ распредѣленія капитала

и противъ скопленія его въ рукахъ самаго незначительнаго меньшинства, которое держитъ въ крѣпостномъ состояніи огромное большинство народа; онъ какъ будто нарочно не хочетъ видѣть, что противники его требуютъ не уничтоженія, а только болѣе справедливаго и равномѣрнаго распредѣленія, демократизація капитала. Въ пятой и шестой бесѣдѣ своей Шульце говоритъ очень много о необходимости собственной помощи рабочихъ и о вредѣ вмѣшательства государства въ устройство судьбы рабочихъ. Не знаемъ, преднамѣренно ли, или вслѣдствіе способности своей черезъчуръ увлекаться, Шульце даетъ въ настоящемъ случаѣ опять фальшивое толкованіе словамъ Лассалля. Онъ не хочетъ понять того, что разумѣетъ Лассаль подъ именемъ государства, которое должно принять участіе въ улучшеніи соціальнаго положенія рабочаго; онъ не хочетъ понять, въ какой формѣ Лассаль желаетъ установить это вмѣшательство государства. Вмѣсто того чтобы безпристрастно разсмотрѣть требованія Лассалля, онъ начинаетъ распространяться о вредныхъ послѣдствіяхъ опеки государства надъ рабочими и приводитъ тому примѣры: какъ будто Лассаль требуетъ вмѣшательства того вида государствъ, которыя существуютъ въ настоящее время, и въ той формѣ, въ которой до сихъ поръ выражалась и выражается опека государствъ надъ рабочими. Шульце говоритъ очень много о природной лѣности человѣка, вслѣдствіе которой онъ не станетъ работать, какъ скоро онъ получитъ средства къ существованію помимо собственнаго труда (кто же предлагаетъ что-нибудь подобное!), о необходимости учредить множество надзирателей за рабочими въ случаѣ, если государство станетъ давать этимъ послѣднимъ работу, о трудности распредѣлить въ этомъ случаѣ заработную плату, и многое другое. Но во всѣхъ этихъ рѣчахъ его высказывалось только то, что онъ представлялъ себѣ нѣмецкаго рабочаго въ видѣ барщиннаго работника, который обрадуется случаю ничего не дѣлать, какъ скоро крѣпостной владѣтель его (т. е. государство, по представленію Шульце-Делича) возьметъ на себя обязанность кормить его; онъ опасался, что какъ скоро государство станетъ помогать рабочему, то этотъ послѣдній будетъ только работать изъ-подъ палки (сравни слова Шульце о многочисленныхъ надзирателяхъ надъ рабочими—«National. Zeitung» № 131).

Шульце-Деличъ очень много говоритъ о свободѣ рабочаго, но подъ этою свободою онъ разумѣетъ что-то весьма странное: его требованіе, чтобы свобода нѣмецкаго рабочаго сословія не была стѣснена, очень похоже на то, если бы кто сталъ требовать, чтобы человѣку, у котораго спутаны ноги, не мѣшали идти впередъ, чтобы не стѣсняли его свободы движеній; осыпая упреками Лассалля и сторонниковъ его, онъ поступаетъ столь же основательно, какъ и тотъ по-

клонникъ свободы, который сталъ бы кричать, что человекъ, распутывающій ноги своему ближнему, стѣсняетъ его свободу. Приведемъ въ подтвержденіе нашихъ словъ нѣкоторые отрывки изъ бесѣдъ Шульце-Делича, въ которыхъ онъ говоритъ о свободѣ рабочихъ и изъ которыхъ видно, что онъ понимаетъ эту свободу именно въ томъ смыслѣ, на который мы только что указывали: «Нѣмецкіе рабочіе, говорилъ Шульце въ заключеніе одной изъ своихъ бесѣдъ, постоянно боролись за свободу, и я надѣюсь, что они не продадутъ теперь этой свободы. Потомки прежнихъ рабочихъ не откажутся отъ того, что предки ихъ сдѣлали для самостоятельности и свободы работника посредствомъ учрежденія цеховъ; они сдѣлаютъ поддержать свободу труда, основанную при помощи цеховъ, и найдутъ въ свободныхъ ассоціаціяхъ ту же силу, которую отцы ихъ находили въ цехахъ. Свободный трудъ найдетъ средства и пути для того, чтобы помочь самому себѣ; кто отчаявается въ своихъ собственныхъ силахъ, тотъ даетъ себѣ свидѣтельство въ бѣдности; а вы, господа, не захотите выставить сами для себя подобное свидѣтельство. Отвергайте все, что имѣетъ видъ помощи извнѣ; если вамъ предлагаютъ помощь государства, то это дѣлается съ тѣмъ, чтобы взять васъ подъ опеку: а опека равносильна потерѣ свободы и способности развиваться. Изберемъ для себя слѣдующій девизъ: мы беремъ на себя отвѣтственность, но мы за то требуемъ для себя свободы». Въ другомъ мѣстѣ своихъ бесѣдъ Шульце говоритъ объ этомъ предметѣ слѣдующимъ образомъ: «Всѣ нѣмецкіе рабочіе должны отвергнуть всякую милостыню и всякую опеку и гарантію со стороны государства. Вы опираетесь и должны опираться только на собственные свои силы. Вы берете на себя полную отвѣтственность, потому что вы знаете, что свобода и отвѣтственность неразрывнымъ образомъ связаны между собою. Вы имѣете право на свободу только въ томъ случаѣ, если вы берете на себя извѣстную обязанность, а вы навѣрное не захотите отказаться отъ первой. Если вы хотите приобрести свободу въ гражданской и въ промышленной жизни вашей, то вы должны взять на себя отвѣтственность за всѣ ваши дѣйствія. Поэтому вы должны сказать: мы готовы принять на себя полную отвѣтственность за наши дѣйствія, но дайте намъ вмѣстѣ съ тѣмъ и свободу».

Всѣ эти фразы о полной свободѣ и о собственной отвѣтственности рабочаго класса очень хороши, какъ красивыя и громкія фразы; но если вникнуть въ сущность дѣла, то непременно окажется, что за изящною фразою кроется ужасная сбивчивость понятій, и что воображая, будто онъ требуетъ для рабочаго свободы, Шульце-Деличъ требуетъ для него все, что угодно, но только не свободы.

Мы ограничились немногими общими замѣчаніями касательно

опроверженій, направленныхъ Шульце-Деличемъ противъ ученія Лассалля, потому во первыхъ, что подробное разсмотрѣніе каждой изъ бесѣдъ Шульце-Делича завлекло бы насъ слишкомъ далеко, а во вторыхъ потому, что мы полагаемъ, что читатель, который припомнитъ изложенное нами выше ученіе Лассалля, самъ легко пойметъ несомнительность опроверженій Шульце и невѣрность его собственныхъ теоретическихъ взглядовъ. Поэтому мы не станемъ долѣе останавливаться на этомъ предметѣ, а перейдемъ прямо ко вліянію, которое то и другое ученіе имѣло на рабочее населеніе Германіи, и къ успѣхамъ, одержаннымъ въ разныхъ мѣстахъ Германіи теоріей Шульце-Делича и теоріей Лассалля.

5.

Мы замѣтили уже въ первой статьѣ нашей, что Шульце-Деличъ находился въ гораздо болѣе благопріятномъ положеніи, нежели противникъ его, въ силу того обстоятельства, что онъ имѣлъ возможность явиться на судъ общественнаго мнѣнія съ готовыми результатами примѣненія своей теоріи къ жизни, что онъ могъ представить своимъ цѣнителямъ практическіе результаты своей дѣятельности, между тѣмъ какъ Лассаль былъ лишенъ этой возможности. Читатели видѣли, чего требовалъ для рабочихъ Шульце-Деличъ и чего желалъ для нихъ Лассаль; они могли замѣтить, что первый изъ этихъ дѣателей имѣлъ возможность привести хоть отчасти въ исполненіе свои планы относительно улучшенія быта рабочихъ, и показать рабочимъ, что онъ другъ ихъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Но они могли также видѣть изъ изложенія ученія Лассалля, что то, чего требовалъ для рабочаго класса соперникъ Шульце-Делича, были такого рода требованія, которыхъ Лассаль не могъ даже отчасти привести въ исполненіе. Какимъ образомъ Лассаль далъ бы рабочимъ право всеобщей подачи голосовъ и право широкаго участія въ государственномъ управленіи? Какимъ образомъ онъ употребилъ бы доходы государственные на основаніе кредитныхъ банковъ для рабочихъ, въ которыхъ недвижимыя рабочіе могли бы пользоваться кредитомъ на совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, на которыхъ Шульце считалъ возможнымъ кредитъ? Это все было дѣломъ совершенно невозможнымъ для одного лица; подобный планъ могъ осуществить цѣлый народъ, а не одинъ какой нибудь человекъ, какъ бы гениаленъ онъ ни былъ и какою бы популярностью онъ ни пользовался. Поэтому Лассаль поневолѣ принужденъ былъ явиться передъ нѣмецкими рабочими съ пустыми руками, съ голословнымъ изложеніемъ своей тео-

ріи, не подкрѣпленной никакими практическими опытами. Этимъ невыгоднымъ его положеніемъ воспользовались противники, и въ особенности Шульце-Деличъ, который не упускалъ ни одного случая указать нѣмецкимъ рабочимъ на непрактичность ученія своего противника. Эти старанія его, конечно, не пропадали даромъ. Во многихъ мѣстахъ, гдѣ основаны были рабочія ассоціаціи по мысли Шульце-Делича, рабочіе видѣли какое нибудь улучшение своего быта вслѣдствіе введенія ассоціаціонной системы; между тѣмъ ученіе Лассалля казалось имъ дѣломъ совершенно бесполезнымъ. Они не вникали въ различныя обстоятельства, обусловливающія возможность или невозможность практическаго примѣненія того и другаго ученія, а прямо высказывали одобреніе тому ученію, отъ котораго они видѣли практическую пользу, и неодобреніе тому, которое казалось имъ непрактическимъ и бесполезнымъ. Если присоединить къ этому еще то личное уваженіе, которымъ пользуется Шульце у нѣмецкихъ рабочихъ, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ привилась его ассоціаціонная система, то намъ не трудно будетъ объяснить себѣ, почему ученіе Лассалля встрѣтило неблагоприятный пріемъ во многихъ мѣстахъ Германіи. Въ особенности замѣчательна холодность, съ которою встрѣтили ученіе это берлинскіе рабочіе (Берлинъ есть центръ дѣятельности Шульце-Делича). 19 апрѣля нынѣшняго года въ Берлинѣ назначено было большое собраніе рабочихъ, на которомъ долженъ былъ рѣшиться вопросъ, должны ли рабочіе пристать къ принципамъ, выраженнымъ Лассалемъ въ извѣстной своей брошюрѣ (*Offenes Antwortschreiben*), или же оставаться при системѣ, проповѣдуемой Шульце-Деличемъ. Вотъ какимъ образомъ «*National-Zeitung*» сообщаетъ о результатахъ этого собранія. «Результаты этого собранія представляютъ явленіе, можетъ быть небывалое съ тѣхъ поръ, какъ подобныя вопросы, способные по самому политическому характеру своему произвести глубокое раздвоеніе, обсуждаются на открытомъ форумѣ. Собранія рабочихъ, высказавшіяся въ Лейпцигѣ, Дюссельдорфѣ, Кельнѣ и Гамбургѣ въ пользу ученія Лассалля, болѣею частью постановляли свои рѣшенія только незначительнымъ большинствомъ. Въ настоящемъ же собраніи, въ которомъ приняли участіе тысячи рабочихъ, никто не сказалъ ни одного слова въ пользу ученія Лассалля; всѣ ораторы осуждали его теорію и предложеніе коммиссіи безусловно объявить себя въ пользу системы Шульце-Делича было принято единогласно».

Вотъ это единогласно принятое предложеніе: «Принимая въ соображеніе, что изложенныя г. Лассалемъ въ его открытомъ посланіи къ Лейпцигскому комитету политическіе принципы, клонящіеся къ введенію всеобщей подачи голосовъ, представляются собранію несвоевре-

менными, потому что вся нація должна быть единодушна въ оппозиціонной борьбѣ, которую она начала; принимая далѣе въ соображеніе то, что собственная помощь и собственная отвѣтственность представляютъ рабочимъ единственное средство занять достойное ихъ мѣсто въ государствѣ и обществѣ: берлинское собраніе рабочихъ объявляетъ во 1-хъ намѣреніе свое оставаться вѣрнымъ принципамъ, высказаннымъ г. Шульце-Деличемъ въ его публичныхъ бесѣдахъ; во 2-хъ объявляетъ, что оно перестаетъ признавать за лейпцигскимъ центральнымъ комитетомъ, оказавшимся слишкомъ одностороннимъ, право руководить движеніемъ рабочихъ въ Германіи». «Берлинское собраніе рабочихъ, продолжаетъ *National-Zeitung*, показало единогласнымъ рѣшеніемъ своимъ, что оно очень хорошо понимаетъ достоинство рабочаго и основаніе его благосостоянія; къ чести его служить то обстоятельство, что оно само сумѣло оцѣнить по достоинству и осудить подогрѣтыя фантазіи погибшей школы, которой послѣдніе ученики хотѣли возобновить направленіе, давно уже осужденное наукою. Въ лицѣ г. Лассала политическая реакція, мечтавшая о раздвоеніи партій прогрессистовъ, потерпѣла жестокое пораженіе; недовѣріе берлинскихъ рабочихъ къ системѣ, узаконяющей покровительство государства, а черезъ это лѣность и разрозненность интересовъ, показало, что они чужды той слабости и шаткости, которая обнаруживается у товарищей ихъ на Рейнѣ и въ Лейпцигѣ. Въ этомъ почетномъ для Берлина результатѣ мы видимъ новое обстоятельство, говорящее въ пользу великаго значенія практической и теоретической дѣятельности г. Шульце-Делича». Въ этомъ побѣдномъ кликѣ либеральной *National-Zeitung* мы видимъ опять то же умышленное или неумышленное непониманіе ученіе Лассала, на которое мы указывали выше. Подобное и даже еще болѣе странное непониманіе мы видимъ въ протестахъ нѣкоторыхъ рабочихъ союзовъ противъ принциповъ, высказанныхъ Лассалемъ. Напримѣръ мы читаемъ, что нюрнбергскіе рабочіе высказались также противъ ученія Лассала, и пригласили Лейпцигскій комитетъ прекратить свою дѣятельность и передать руководство движеніемъ рабочихъ въ руки людей болѣе способныхъ, которые не позволяютъ какому нибудь Лассалу ослѣплять ихъ и вводить ихъ въ обманъ. Мотивируя подобное свое рѣшеніе, они не только увѣряютъ, что Лассаль хлопочетъ о разъединеніи сословій, объ уничтоженіи дѣятельности рабочихъ и т. д., но они даже находятъ, что «брошюра Лассала не только не признаетъ образованія рабочаго класса основаніемъ его благосостоянія, но что она даже объявляетъ его образованіе) вреднымъ для благосостоянія рабочихъ». Трудно представить себѣ, чтобы люди, умѣющіе читать и не лишенные вполне способности разсуждать, могли неумышленно исказить такимъ образомъ

чужія мысли и представлять чернымъ то, что собесѣдникъ ихъ называетъ бѣлымъ. Другіе товарищи ихъ поступаютъ гораздо откровеннѣе, и отвергая ученіе Лассалля, не прибѣгаютъ къ искаженію его мыслей. Напримѣръ рабочіе баварскаго города Ландсгута благоговѣютъ передъ прусскими прогрессистами, а Лассаль, какъ извѣстно, имѣетъ объ этихъ господахъ не слишкомъ выгодное понятіе. Рабочіе Ландсгута просто объявляютъ съ похвальной откровенностью, что они никогда не согласятся идти по слѣдамъ человѣка, который обвиняетъ въ неспособности партію прогрессистовъ.

Но если ученіе Лассалля встрѣтило такой неблагоприятный пріемъ въ тѣхъ мѣстахъ Германіи, гдѣ у рабочихъ на глазахъ была дѣятельность Шульце-Делича, или гдѣ особенно любили прусскихъ прогрессистовъ, то въ другихъ мѣстахъ Германіи оно встрѣчено было съ сочувствіемъ и съ одобреніемъ. Еще прежде обнародованія послѣдней брошюры Лассалля, въ Лейпцигѣ образовался центральный комитетъ, который взялся руководить движеніемъ рабочихъ во всей Германіи (самая брошюра Лассалля *Offenes Antwortschreiben* была отвѣтомъ его на приглашеніе комитета изложить свои мнѣнія по вопросу о положеніи рабочихъ классовъ). Комитетъ этотъ открыто высказался въ пользу теоріи Лассалля, и вся его дѣятельность постоянно была направлена къ тому, чтобы распространить эту теорію, популяризировать ее и способствовать по возможности ея осуществленію. Послѣ изданія брошюры Лассалля комитетъ этотъ обнародовалъ проектъ устава всеобщей ассоціаціи нѣмецкихъ рабочихъ; главная цѣль этого общаго союза рабочихъ должна состоять въ томъ, чтобы посредствомъ мирныхъ и законныхъ средствъ и особенно посредствомъ силы общественнаго мнѣнія, добиться права всеобщей подачи голосовъ, какъ главнаго основанія всякой дальнѣйшей мѣры къ улучшенію быта рабочихъ. Союзъ этотъ долженъ былъ охватить весь германскій союзъ и восточную Пруссію; изъ среды его долженъ былъ образоваться исполнительный комитетъ, который состоялъ изъ президента (предполагалось назначить Лассалля президентомъ на первые пять лѣтъ), секретаря и 23 членовъ; каждый членъ союза долженъ былъ вносить еженедѣльно по $\frac{1}{2}$ зильбегрошу на расходы общества. Это общія основанія устава союза рабочихъ, въ томъ видѣ, какъ онъ составленъ былъ временнымъ Лейпцигскимъ комитетомъ. Но для того чтобы обсудить этотъ уставъ въ подробности и окончательно принять или отвергнуть его, комитетъ приглашалъ депутатовъ отъ всѣхъ частныхъ нѣмецкихъ рабочихъ обществъ, согласныхъ съ принципами, изложенными въ брошюрѣ Лассалля, собраться къ 23 мая въ Лейпцигъ для общаго совѣщанія. Это приглашеніе Лейпцигскаго комитета подало поводъ рабочимъ союзамъ различныхъ нѣмецкихъ городовъ

высказаться за или противъ ученія Лассалю, за или противъ системы Шульце-Делича. Въ большей части значительныхъ германскихъ городовъ происходили собранія рабочихъ, въ которыхъ съ жаромъ обсуждался вопросъ, слѣдуетъ ли принять приглашеніе Лейпцигскаго комитета и образовать общій союзъ рабочихъ на основаніи принциповъ Лассалю, или нѣтъ. Во многихъ мѣстахъ Германіи стали раздаваться подобныя же странныя и ошибочныя сужденія о принципахъ, будто бы проповѣдуемыхъ Лассалемъ, какъ вышеприведенныя нами сужденія берлинскаго и нюрнбергскаго собраній рабочихъ. Въ другихъ мѣстахъ рабочіе, на подобіе ландсгутскихъ своихъ товарищей, ставили Лассалю главнымъ образомъ въ вину его неуваженіе къ прогрессистамъ, и на этомъ основаніи отвергали приглашеніе Лейпцигскаго комитета. Въ Дармштадтѣ противъ ученія Лассалю говорилъ извѣстный ученый Лудвигъ Бюхнеръ. Во Франкфуртѣ борьба между приверженцами и противниками Лассалю была особенно упорна. Здѣсь противъ Лассалю говорилъ извѣстный нѣмецкій экономистъ Максъ Виртъ, который однакоже въ настоящемъ случаѣ ограничивался ключительно общими мѣстами о полной свободѣ рабочаго и о вредѣ государственнаго вмѣшательства. Самъ Лассалю прибылъ сюда изъ Берлина для того, чтобы защищать свое ученіе, и съ свойственнымъ ему многословіемъ говорилъ рѣчь, въ которой объяснялъ свое ученіе и опровергалъ теоріи своихъ противниковъ: однакоже не смотря на это, онъ потерпѣлъ во Франкфуртѣ пораженіе, и франкфуртскіе рабочіе рѣшили не принимать приглашенія Лейпцигскаго комитета и не посылать депутатовъ въ Лейпцигъ для составленія устава всеобщаго союза рабочихъ. Изъ болѣе значительныхъ нѣмецкихъ городовъ примѣру Берлина, Нюрнберга и Франкфурта послѣдовали Хемницъ, Маннгеймъ, Оффенбахъ, Дармштадтъ, Гавау, и другіе. Но ученіе Лассалю не вездѣ было такъ ложно понято, какъ въ этихъ мѣстностяхъ, и не вездѣ встрѣтило такой неблагоклонный пріемъ. Кромѣ лейпцигскихъ рабочихъ, въ его пользу высказались рабочіе многихъ другихъ, значительныхъ нѣмецкихъ городовъ. Такъ для примѣра упомянемъ здѣсь только о томъ, что рабочіе союзы Гамбурга, Дюссельдорфа, Кёльна, Касселя объявили, что они вполне согласны съ принципами, провозглашенными Лассалемъ, и готовы содѣйствовать ихъ распространенію и осуществленію. Всѣ эти общества послали къ 23 мая своихъ депутатовъ въ Лейпцигъ для разсмотрѣнія устава и вообще для разсужденія о средствахъ къ распространенію принциповъ Лассалю. Изъ политическихъ и научныхъ дѣятелей Германіи нѣкоторые тоже объявили себя въ пользу ученія Лассалю. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательна поддержка, оказываемая этому ученію г. Родбертусомъ, однимъ изъ са-

ыхъ вліятельныхъ членовъ берлинскаго національнаго собранія 1848 года, и Лотаромъ Бухеромъ — экономистомъ и берлинскимъ публицистомъ.

Въ отвѣтъ на лейпцигское собраніе рабочихъ 23 мая, въ которомъ представители различныхъ рабочихъ обществъ въ Германіи высказались въ пользу теоріи Лассалля, противники этой теоріи рѣшились сдѣлать блистательную демонстрацію противъ этой теоріи; они не хотѣли довольствоваться частными своими успѣхами въ Берлинѣ и въ другихъ мѣстахъ, но рѣшились дать Лассалю генеральное сраженіе и разбить на голову его ученіе. Съ этою цѣлью къ 7 іюня во Франкфуртъ созваны были представители *всѣхъ* германскихъ рабочихъ обществъ для разсмотрѣнія того вопроса, который въ апрѣлѣ уже былъ рѣшенъ берлинскими рабочими, а именно, къ чьему ученію слѣдуетъ пристать рабочимъ, къ ученію ли Лассалля, или къ ученію Шульце-Делича. Но рабочія общества, послѣдователи ученія Лассалля, зная, что съѣздъ этотъ устроивается безъусловными приверженцами Шульце-Делича, отказались участвовать въ немъ, тѣмъ болѣе что они только за нѣсколько недѣль высказали въ Лейпцигѣ свою *profession de foi*. Поэтому во Франкфуртъ вмѣсто представителей *всѣхъ* рабочихъ обществъ явились только 120 представителей 54-хъ обществъ изъ 48 городовъ; оказалось, что эти 54 общества, имѣвшія во Франкфуртѣ своихъ представителей, считали въ себѣ только 36,000 членовъ, и что изъ этого числа почти половина, а именно 16,000 рабочихъ приходилось на долю Берлина, гдѣ, какъ извѣстно, особенно распространены идеи Шульце-Делича. Противники Лассалля не мало торжествовали, указывая на тотъ фактъ, что на этомъ собраніи теорія Лассалля была *единогласно* осуждена, а ученіе Шульце-Делича о самостоятельности рабочихъ *единогласно* провозглашено единственнымъ пригоднымъ для улучшенія быта нѣмецкихъ рабочихъ; но если вспомнить то обстоятельство, что на этомъ собраніи были только представители одной стороны, то подобное единогласіе дѣлается очень понятнымъ и теряетъ всякую цѣну. Корреспондентъ газеты «*Indépendance Belge*», говоря объ этомъ конгрессѣ, удивляется той умѣренности и тому парламентарному такту, который нѣмецкіе рабочие обнаружили при этомъ случаѣ: онъ видитъ въ этомъ обстоятельстве доказательство тому, что ученія разумныхъ экономистовъ не пропали для нихъ даромъ. Собраніе это закончило двухдневныя пренія свои постановленіями, изъ которыхъ нѣкоторыя сами по себѣ очень разумны и заслуживаютъ полнаго одобренія, но недостаточность которыхъ очевиднымъ образомъ доказана Лассалемъ. Вотъ эти постановленія Франкфуртскаго собранія рабочихъ: «Конгрессъ рабочихъ признаетъ, что рабочіе для того, чтобы подняться въ мораль-

номъ, матеріальномъ и политическомъ отношеніи, должны всегда оставаться соединенными между собою и идти впередъ вмѣстѣ съ партией прогрессистовъ и со всѣми тѣми, кто трудится для усовершенствованія человѣчества. Конгрессъ полагаетъ, что слѣдуетъ доставлять рабочимъ средства усовершенствоваться въ знаніи политико-экономическихъ и нравственныхъ принциповъ, которые необходимы для успешнаго хода ихъ труда: черезъ это они разовьютъ свои способности, обработаютъ свой умъ, увеличатъ сферу своего образованія; а для того, чтобы достигнуть этой цѣли рабочія общества должны основать школы для малолѣтнихъ и находить для взрослыхъ такіа средства къ развлеченію, которыя удерживали бы ихъ отъ праздности и разврата. Конгрессъ находитъ, что слѣдуетъ заботиться объ отмѣненіи всѣхъ законовъ, стѣсняющихъ свободу рабочаго въ выборѣ имъ рода занятій и мѣста жительства. Рабочіе должны заботиться объ основаніи сберегательныхъ кассъ для больныхъ и престарѣлыхъ, обществъ для доставленія сырья, жизненныхъ потребностей и кредитныхъ обществъ, складовъ для продажи и вывоза различныхъ произведеній, и наконецъ общихъ мастерскихъ для совокупнаго производства при помощи паровыхъ машинъ и другихъ двигательныхъ силъ».

Этимъ мы заканчиваемъ нашу статью о настоящемъ положеніи рабочихъ въ Германіи и о способахъ, предлагаемыхъ для улучшенія этого положенія. Мы старались представить въ возможной полнотѣ сдѣланныя до сихъ поръ попытки къ достиженію этого улучшенія; мы разсмотрѣли безпристрастно дѣятельность двухъ замѣчательныхъ друзей нѣмецкихъ рабочихъ, гг. Шульце-Делича и Лассала, хорошія и слабыя стороны этой дѣятельности; описали взаимныя отношенія двухъ различныхъ ученій, представителями которыхъ служатъ эти два лица; наконецъ показали, какъ относятся къ тому и другому ученію сами нѣмецкіе рабочіе, объ улучшеніи быта которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Время покажетъ, которому изъ этихъ двухъ ученій принадлежитъ болѣе счастливая и блестящая будущность: въ настоящее время перевѣсъ находится по видимому на сторонѣ системы Шульце-Делича, но объ этомъ дѣлѣ нельзя еще сказать послѣдняго слова!

Э. ВАТСОНЪ.

«ПРОЩАЮСЬ, АНГЕЛЪ МОЙ, СЪ ТОВОЮ!»

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ РОМАНСЪ ВЪ ДѢЙСТВІИ.

Очень ужъ нынче часто приходится намъ съ начальниками прощаться. Бывало, какъ пріѣдетъ начальникъ, такъ ужъ сидѣть онъ, сидѣть—даже мѣсто подъ собой продать, такъ прилежно сидѣть! А нынче пріѣдетъ—не успѣетъ еще надлежащей распорядительности показать—гляды, его ужъ смѣнили, новаго шлютъ! Поэтому мостовая въ вислоуховскомъ переулкѣ и доднесь недокончена, а проектъ о-распространеніи въ народѣ надлежащихъ чувствъ такъ и лежитъ въ канцеляріи переписанный набѣло. Одинъ начальникъ, какъ пріѣхалъ, такъ первымъ дѣломъ приступилъ къ сломкѣ пола въ губернаторскомъ кабинетѣ—и что же? сломать-то сломалъ, а новаго на его мѣсто постронть не успѣлъ! «Много», говорилъ онъ потомъ, когда прощался съ нами: «много намѣревался я для пользы сдѣлать, да видно, Богу, друзья мои, негодно!» И дѣйствительно, пріѣхалъ на мѣсто его новый генералъ, и тотчасъ же разушилъ, что полъ надо было ломать не въ кабинетѣ, а въ гостиной, и соотвѣтственно съ этимъ сдѣлалъ надлежащее распоряженіе. Слѣдовательно, если и этого генерала скоро смѣстятъ, то другой генералъ, пожалуй, найдетъ, что надо ломать полъ въ столовой, и такимъ образомъ весь губернаторскій домъ постепенно перепакостятъ, а распорядительности надлежащей все-таки не покажутъ.

Говорятъ, будто это такъ нужно. Говорятъ, что прежде можно было допускать засиживаться на одномъ мѣстѣ, потому что тогда ничего больше отъ администратора не требовалось, кромѣ того, чтобъ былъ онъ администраторомъ; нынче же будто бы требуется, чтобъ онъ, кромѣ того, какую-то «суть» понималъ. Я полагаю, однакожь, что все это одна пустая фанатерія, ибо, по мнѣнію моему, всякій человѣкъ всякую «суть» всегда понимать способенъ: стоитъ только внушить. Возражаютъ противъ этого, что иногда такая «суть» бываетъ, которую будто бы и внушить нельзя, но это возраженіе, очевидно, неосновательное, потому что человѣкъ надежный и благонравный (а кто же будетъ такъ самонадѣянъ, чтобъ отрицать эти качества въ администраторахъ прежняго времени?) отъ самой природы одаренъ такою внутреннею закваскою, которая, въ эмбрионическомъ видѣ, заключаетъ въ себѣ матеріалъ для всякаго рода «сути»; слѣдственно, тутъ даже и внушеній прямыхъ не нужно, а достаточно только крючекъ запустить: непременно какуюнибудь бирюльку да вытащишь! Скажу, напримѣръ, про себя: сдѣлайте меня губернаторомъ—я буду губернаторомъ; сдѣлайте цензоромъ—я буду цензоромъ. Въ первомъ случаѣ: сломаю на губернаторскомъ домѣ крышу, распространю больницу, выбѣлю въ присутственныхъ мѣстахъ потолки и соберу старыя недонмки; если, кромѣ этого, надобно будетъ еще «суть» какуюнибудь сдѣлать, и «суть» сдѣлаю: останетесь довольны. Во второмъ случаѣ: многія сочиненія совѣмъ забракую, многія оциплю, многія украшу изреченіями моего собственнаго вымысла; если же, кромѣ этого, потребуется, чтобы я сдѣлалъ «суть», то и «суть» сдѣлаю. Всѣмъ быть могу; могу даже быть командиромъ фрегата «Паллада», и, если Богъ мнѣ поможетъ, то, чего добраго, выиграю морское сраженіе. Многимъ, напримѣръ, кажется очень труднымъ быть редакторомъ официальной газеты—формально никакой трудности нѣтъ! Всталъ пораньше утромъ, умылся, чаю напился, сходилъ, спросилъ, «что прикажете?», воротился домой, все сіе написалъ, отдалъ въ типографію—и правъ! Потому что вѣдь и здѣсь, какъ и вездѣ, кромѣ доброй воли, ничего другаго не требуется, а доброю волей всякій изъ насъ, слава Богу, одаренъ предостаточно. Повторяю: если иногда намъ кажется, что кто либо изъ нашихъ подчиненныхъ дѣйствуетъ не вполне согласно съ нашими видами, что онъ не понимаетъ «сути», и недостаточно дѣлаетъ распоряженій, то это кажется намъ оши-

бочно: не нужно только торопиться, а просто призвать такого подчиненнаго и рассказать, въ чемъ «суть». Вѣрьте, что онъ постигнетъ это дѣло столь же отчетливо, какъ и всякій другой «благонадежный», котораго вы желали бы видѣть на его мѣстѣ; и почнетъ онъ послѣ того такіа чудеса отчеканивать, что даже вы залюбуетесь на него глядя. Это все равно, какъ видѣлъ я однажды на желѣзодѣлательномъ заводѣ молотъ плющильный; молотъ этотъ однимъ ударомъ разбивалъ и сплющивалъ цѣлыя кувалды чугуныя, которыя всилу было поднять двумъ чело-вѣкамъ, и тотъ же самый молотъ, когда ему было внушаемо о правилахъ учтивости, разбивалъ кедровый орѣшекъ, положен-ный на стекло карманныхъ часовъ, и притомъ разбивалъ такъ ласково, что стекла нисколько не повреждалъ. Стало быть, дѣло совсѣмъ не въ томъ, какой молотъ, большой или малый, а въ томъ, какое сдѣлано ему свѣше внушеніе...

Но будетъ философствовать; расскажу о томъ, какъ мы на дняхъ лишились своего начальника. Но прежде считаю не лишнимъ познакомить читателя съ моею собственной особой.

Я человѣкъ преданный; всѣ начальники знаютъ это и смот-рятъ на меня одинаково; я съ своей стороны тоже смотрю на всѣхъ начальниковъ одинаково, потому что всѣ они — началь-ники. Растолковать это, какъ слѣдуетъ, я не могу, но полагаю, что читатель пойметъ меня и безъ объясненій. Всѣхъ на-чальниковъ я одинаково жалѣю, всѣмъ — одинаково радуюсь. Знаю, что если начальникъ безъ причины вспылить на меня, то онъ же, когда будетъ нужно, и проститъ меня. Знаю, что я ви-новать; если не виновать въ дѣйствительности, то виновать тѣмъ, что сунулъ на глаза начальнику не во время; потому что и онъ тоже человѣкъ, и по временамъ имѣетъ надобность въ уединеніи. Начальство, съ своей стороны, снисходительно, и хотя знаетъ, что я виновать, но видитъ, что и я это очень чув-ствую, и потому прощаетъ мнѣ. Въ этихъ мысляхъ я воспиталъ жену свою, и надѣюсь воспитать все семейство. Весь городъ за это насъ уважаетъ, и когда случается провожать стараго или встрѣчать новаго начальника, то я всегда при этомъ играю вид-ную роль. Потому что мнѣ, какъ отъ природы преданному, бо-лѣе, нежели прочимъ, извѣстны всѣ доблести, которыми началь-ство должно быть одарено.

«Встрѣчать» — дѣло не трудное; тутъ чѣмъ больше раду-шія, чѣмъ больше привѣтствій, тѣмъ лучше: начальники это

любятъ. Возражаютъ иные, что и здѣсь излишествомъ можно пересолить, потому что начальникъ еще не заслужилъ; но начальникъ никогда такъ не думаетъ, а думаетъ, что онъ ужъ тѣмъ заслужилъ, что начальникъ. Но «прощанья» своего рода политики требуютъ. Тутъ надобно такъ устроить, чтобъ новый начальникъ не обидѣлся излишними похвалами, отбывающему воздаваемыми, а думалъ бы только, что «и тебѣ то же современемъ будетъ». Слѣдовательно, необходимо прежде всего, чтобъ торжество прощанья имѣло исключительно характеръ преданности. А потому, если отбывающій начальникъ учинилъ что нибудь очень великое, какъ, на примѣръ: воздвигнулъ монументъ, неплодоносныя земли обратилъ въ плодородныя, безлюдныя пустыни населилъ, изъ сплавной рѣки сдѣлалъ судоходную, промышленность поощрилъ, торговлю развилъ, или приобрѣлъ новый шрифтъ для губернской типографіи и т. п., то о такихъ дѣлахъ можно упомянуть съ осторожностью, ибо сіе не всякому доступно, и новый начальникъ самое упоминаніе объ нихъ можетъ принять за преждевременное ему напоминаніе: и ты дескать дѣлай то же. Но если отбывающій дѣлалъ дѣла среднія, какъ, на примѣръ, тогда-то усмирилъ, тогда-то изловилъ, тогда-то къ наградѣ за отлично-усердную службу представилъ, а тогда-то репримандъ сдѣлалъ, то о такихъ дѣлахъ можно говорить со всею пространностью, ибо они всякому уму доступны, а слѣдовательно и новый начальникъ будетъ ихъ совершать непременно. Все это опытный устроитель прощальныхъ торжествъ долженъ имѣть въ виду. Въ особенности же, надлежитъ быть мудрымъ въ такихъ случаяхъ, когда оба начальника, — и выходящій, и вновь назначенный — на лицо (а это тоже иногда бываетъ, потому что нѣкоторые новые начальники такъ нетерпѣливы, что наѣзжаютъ, такъ сказать, черезъ нѣсколько минутъ послѣ назначенія). Тутъ надобно быть осторожнымъ не только въ рѣчахъ, но и въ кушаньяхъ, и винахъ. И тѣми и другими нужно потчивать въ средней степени.

И такъ, мы лишились нашего начальника. Уже за нѣсколько дней передъ тѣмъ я начиналъ ощущать жалость по всемъ тѣлѣ, а въ ночь, наканунѣ самого происшествія, даже жена моя — и та безпокойно металась на постели и все говорила: «другъ мой! я чувствую, что съ его превосходительствомъ что нибудь непріятное сдѣлается!» Дѣти тоже находились въ жару и плакали; даже собаки на дворѣ выли.

Генералъ нашъ былъ старикъ добрый, но еще годный. Назначень онъ былъ къ намъ еще при прежнемъ главноначальствующемъ; но не долго повластвовалъ. Несправедливость явная, потому что старикъ мнѣ самъ по секрету не разъ въ послѣдствіи говорилъ: «не знаю, подлинно не знаю, за что отъ общенія отметаюсь! если новое начальство новые виды имѣеть, то стоило только приказать—я готовъ!» И если при этомъ вспомнить, сколько этотъ человѣкъ претерпѣлъ прежде, нежели мѣсто свое получилъ, то именно можно сказать: великій былъ страсто-терпецъ! Прежде всего, у начальника отдѣленія въ послушаніи былъ, да еще не у одного, а у нѣсколькихъ; по воскресеньямъ съ праздникомъ поздравлять ѣздилъ, по буднямъ между тремя и четырьмя часами въ департаментъ анекдоты рассказывать ходилъ! А въ брюхѣ—то щелкъ! а на умѣ—то только и есть одна мысль: Господи! вскую! Потомъ попалъ въ передѣлъ къ директору, ну, тутъ тоже сноровку надо имѣть! ждетъ, бывало, сердечный у двери кабинета, и не для того совсѣмъ, чтобъ что нибудь сообщить, а только чтобъ показать, что готовъ молъ... хоть на куски! Ну, и пройдетъ директоръ, улыбнется: «что, старикъ, готовъ?»—Хоть въ Астрахань, ваше превосходительство! — «Гм... въ Астрахань! туда Шарлотта Федоровна тоже объ одномъ старичкѣ просила!» скажетъ директоръ, и пройдетъ мимо. Даже въ кабинетъ къ себѣ не допуститъ, выплакаться—то не дастъ. «Господи! вскую!» только и твердилъ бывало нашъ старикъ, покуда не подобрался, наконецъ, къ Шарлоттѣ Федоровнѣ. Понравился онъ ей, впрочемъ, не чѣмъ другимъ, а именно только строгостью правилъ. И такъ пришелъ по душѣ, что вмѣсто Архангельска—то угодилъ къ намъ! Каково же, послѣ такого—то искуса, нѣсколько лишь мѣсяцевъ повластвовать, и вдругъ—хлопъ! Какъ хотите, а этого самая сильная натура и — та не вытерпитъ.

Первое извѣстіе о постигшемъ насъ ударѣ я получилъ отъ вице-губернатора. Еще невѣжественный, пріѣхалъ я утромъ къ нему и засталъ его расхаживающимъ взадъ и впередъ по кабинету: по всей вѣроятности, онъ обдумывалъ, какая участь должна постигнуть нашу губернію. Нашъ вице-губернаторъ человѣкъ правовъ придворныхъ, и потому чувствительности большой не имѣеть, но и онъ былъ тронутъ.

— А знаете ли вы, что нашего—то уволили? спросилъ онъ меня съ перваго же слова.

Въ груди у меня словно оборвалось что—то. Не смѣя, съ од-

ной стороны, предполагать, чтобы господинъ вице-губернаторъ отважился, безъ достаточнаго основанія, распускать такой серьезный слухъ, а съ другой стороны, зная, что онъ любилъ иногда пошутить (терпѣть не могу этихъ шутокъ, въ которыхъ нельзя понять, шутка ли это, или испытаніе!), я принялъ его слова со свойственною мнѣ осмотрительностью.

— Про кого это ваше превосходительство говорить изволите? спросилъ я, по силѣ возможности мягкостью тона умѣряя рѣзкость моего вопроса.

— Про кого? извѣстно, про кого! про нашего! про Шарлотты Оедоровны выкормка!

Тогда сердце въ груди моей окончательно упало. Я вспомнилъ все: и дѣтей, метавшихся цѣлую ночь въ жару, и собакъ, которыя не переставали выть на дворѣ, хотя ихъ за это нѣсколько разъ ошпаривали кипяткомъ.

— А извѣстно вашему превосходительству, кого на мѣсто ихъ назначаютъ?

Сердце мое мало по малу поднималось: я начиналъ понимать, что не буду оставленъ безъ начальника.

— А назначаютъ Ударъ-Ерыгина.

— Генерала-съ?

— Генерала-съ.

Сердце мое окончательно устоялось на своемъ мѣстѣ, ибо я получилъ увѣренность, что предчувствіе мое сбылось.

— Изъ какихъ-съ они? спросилъ я нѣсколько смѣлѣе.

— Изъ млекопитающихъ-съ! отвѣчалъ вице-губернаторъ (онъ вообще былъ ужаснѣйшій кивникъ).

Мы оба задумались, и стали въ молчаніи ходить по кабинету (въ первый разъ въ жизни я шелъ рядомъ съ начальникомъ, а не слѣдовалъ за нимъ «пѣтушкомъ»: несчастіе уравниваетъ всѣ ранги).

— Я думаю, нужно будетъ старому начальнику прощальный обѣдъ устроить? первый прервалъ я молчаніе.

— Гм... да... знаю я этого Ударъ-Ерыгина... знаю!

— Я думаю, ваше превосходительство, что можно и купцовъ пригласить какую нибудь преданную демонстрацію сдѣлать?

— Гм... купцовъ... Однажды призываетъ меня этотъ Ударъ-Ерыгинъ къ себѣ и говоритъ: «я, говорить, по утрамъ занятъ, такъ вы ко мнѣ въ это время не ходите, а приходите каждый день обѣдать»...

— Такъ они и гостепріимные?

— Гм... да... гостепріимень!.. «Только, говорить, такъ какъ я за обѣдомъ отъ трудовъ отдыхаю, такъ люблю, чтобъ у меня было весело».

— Преданность всякое испытаніе, ваше превосходительство, превозмочь можетъ! прервалъ я, невольно потупяя глаза.

— Да-съ, но вѣдь веселье-веселью рознь-съ; бываютъ веселья ужасныя-съ... «Такъ вы, говорить, съ этимъ соображайтесь»...

— И сообразовались, ваше превосходительство?

— И сообразовался-съ.

Мы опять умолкли; я чувствовалъ, что на душѣ у меня смутно, и что сердце опять начинаетъ падать въ груди, не смотря на то, что сожалѣніе о смѣнѣ любимаго начальника умѣрялось надеждою на присылку другаго любимаго начальника.

— Только этимъ и замѣчательнъ новый начальник? вновь прервалъ я молчаніе.

— Только этимъ и замѣчательнъ-съ.

— Но, быть можетъ, они снисходительны?

— Для тѣхъ, кто веселиться умѣетъ...

— Стало быть, ваше превосходительство...

— Находимся съ его превосходительствомъ въ наилучшихъ отношеніяхъ. Кстати, однакожь: вѣдь прощальный-то обѣдъ все-таки устроить слѣдуетъ...

— Это, ваше превосходительство, и для новаго начальника будетъ поощреніемъ...

— Ну да; будетъ, по крайности, видѣть, что мы втунѣ не оставляемъ...

Я вышелъ на улицу и просто даже удивился. Представьте себѣ, что все стояло на своемъ мѣстѣ, какъ будто вничего и не случилось; какъ будто бы добрый нашъ старикъ не подвергнулся превратностямъ судьбы, какъ будто бы въ прошлую ночь не проросъ сквозь него и не процвѣлъ совершенно новый и вовсе нами неожиданный начальник! По прежнему, на парѣ бойкихъ саврасенькихъ, спѣшилъ съ утреннимъ рапортомъ полиціймейстеръ («вотъ-то вытянется у тебя физіономія, какъ узнаешь!» подумалъ я); по прежнему, сломя голову летѣлъ Сеня Бирюковъ, за какой-то помадой для Матрены Ивановны, и издали привѣтливо махалъ мнѣ шляпой; по прежнему, проклятые мужичонки во все горло галдели и торговались изъ-за копѣйки на базарной

площади. Даже воздухъ былъ совершенно такой же, какъ вчера. Все это какъ-то странно подѣйствовало на мои нервы (я вспомнилъ, какъ я нѣсколько дней сряду томился предчувствіемъ), а ожесточеніе безчувственного мужичья до того меня озлобило, что я почелъ за нужное даже вмѣшаться.

— Что вы тутъ горло дерете! что горло дерете! базаръ что ли здѣсь! крикнулъ я, подходя къ одной кучкѣ.

— А не базаръ нѣшто! отвѣчалъ мнѣ одинъ голосъ.

Я смутился, ибо сообразилъ, что и въ самомъ дѣлѣ стою на базарѣ.

— А знаете ли вы, мужичье проклятое, что у насъ нынче ночью на всю губернію несчастье случилось?

Мужики глядѣли на меня съ недоумѣніемъ.

— Знаете ли вы, что его превосходительство, Анфима Евстратича, отъ должности уволили?

— О! де...

Но не успѣлъ дерзкій договорить, какъ уже рука моя исполнила свою обязанность.

— Да вѣдь, поди, новый на мѣсто его будетъ! новый будетъ! новый будетъ! кричалъ провинившійся.

Сначала я не слыхалъ его объясненія, и продолжалъ дѣлать свое дѣло; но, признаюсь, когда слова: «новый будетъ! новый будетъ!» явственно коснулись моего слуха, то рука моя невольно опустилась. И въ самомъ дѣлѣ, разсудилъ я, если нѣтъ стараго, то это значитъ, что есть новый—и ничего больше! Изъ-за чего же тутъ мѣняться воздуху! изъ-за чего предметамъ уже установившимся и, могу сказать, вросшимъ въ землю перескакивать съ мѣста на мѣсто! Вчерашняя смерть не содержитъ ли въ себѣ зерна сегодняшняго возрожденія? Вчерашнее помраченіе не вознаграждается ли сегодняшнимъ просвѣтлѣніемъ? Однимъ словомъ, я вынужденъ былъ дать гривенникъ напрасно—обиженному мной поселянину, и, успокоивши себя разными солидными размышленіями, отправился съ визитомъ къ закатившейся нашей звѣздѣ.

Въ приемной я засталъ правителя канцеляріи и полиціймейстера; оба стояли понуривши головы и размышляли. Первый думалъ о томъ, какъ его сошлютъ въ губернское правленіе; второй даже и о ссылкѣ не думалъ, а просто въ очію видѣлъ себя съѣденнымъ.

— Вы читали бумагу? спросилъ я правителя канцеляріи.

— Читалъ, отвѣчалъ онъ грустно.

— Но что же за причина?

— Да никакой причины не прописывается. Напротивъ того, даже похвалы нашему генералу примѣчаются... преклонность лѣтъ!

— Какая преклонность лѣтъ! и всего-то по формуляру семдесятъ пять лѣтъ значится! въ самой еще порѣ!

— Только бы управлять еще старику!

Въ это время къ намъ вышелъ самъ закатившійся старикъ нашъ. Лицо его было подобно лицу Печорина: губы улыбались, но глаза смотрѣли мрачно; по видимому, онъ весело потираетъ руками, но въ этомъ потирании замѣчалось что-то такое, что вотъ, казалось, такъ и сдеретъ съ себя человѣкъ кожу съ живота.

— Наконецъ, давнишнее желаніе моего сердца свершилось! сказалъ онъ, обращаясь къ намъ.

— Весь городъ, ваше превосходительство... началъ было я.

— Наконецъ, давнишнее желаніе моего сердца свершилось! повторилъ онъ, и остановился, чтобы перевести духъ.

Я понялъ, что старикъ играетъ роль, но что роль эту онъ выучилъ довольно твердо.

— Намъ остается утѣшаться, что новый нашъ начальникъ будетъ столь же распорядителемъ, какъ и ваше превосходительство! сказалъ я, пользуясь паузой.

Къ удивленію, генералъ былъ какъ будто сконфуженъ моею фразой. Очевидно, она не входила въ его расчеты. На прочихъ свидѣтеляхъ этой сцены она подѣйствовала различно. Правитель канцеляріи, казалось, понялъ меня, и досадовалъ только на то, что не онъ первый ее высказалъ. Но полиціймейстеръ, какъ человѣкъ, по видимому, покончившій всѣ расчеты съ жизнью, далъ дѣлу совершенно иной оборотъ.

— Нѣтъ, ужъ позвольте! такого распорядительнаго начальника у насъ не было и не будетъ! сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ и выступая впередъ.

— Благодарю! сказалъ генералъ.

— Ваше превосходительство! продолжалъ полиціймейстеръ, уже красный какъ ракъ отъ душившаго его чувства преданности.

— Благодарю!

Полиціймейстеръ ловилъ генеральскую руку, которую генералъ очень искусно пряталъ; правитель канцеляріи молчалъ, и

думалъ, что если его сошлютъ въ судное отдѣленіе, то штука будетъ еще не совсѣмъ плохая; я стоялъ какъ на иголкахъ, ибо видѣлъ, что намѣренія мои совсѣмъ не такъ поняты.

— Я хотѣлъ только выразить, пояснилъ я, наконецъ: — что должности вашихъ превосходительствъ никогда не прекращаются, и что провидѣніе...

— Вѣрю-съ!

— Что провидѣніе, осчастлививши насъ однажды правительствомъ, подобнымъ вашему превосходительству, конечно, озаботится и на будущее время...

— Очень вѣрю-съ!

Сказавши это, его превосходительство удалился во внутреннія комнаты; за нимъ послѣдовали полиціймейстеръ и правитель канцеляріи; я же долженъ былъ съ носомъ отправиться въ переднюю.

Въ передней швейцаръ улыбался и спрашивалъ: когда будетъ новый генералъ? Часы, пріобрѣтенные для генеральскаго дома за пять генераловъ передъ симъ, стучали «тикъ-такъ! тикъ-такъ!», какъ будто бы говорили: «мы видѣли пять генераловъ! мы видѣли пять генераловъ! мы видѣли пять генераловъ!»

Оставалось, слѣдовательно, отдать нашему генералу послѣдній долгъ. Избранъ былъ комитетъ изъ самыхъ опытныхъ по этой части обывателей; комитетъ въ свою очередь избралъ распорядителями торжества меня и Сению Бирюкова. Для меня это дѣло привычное, потому что я не разъ ужъ въ своей жизни катафалки-то эти устраивалъ, но Сеня такъ возгордился сдѣланнымъ ему довѣріемъ, что даже шею выгнулъ словно конь сѣдливый, да въ этакоемъ видѣ и носился съ утра до вечера по городу. Когда вопросъ о кушаньяхъ былъ подвергнутъ зрѣлому обсужденію, тогда самъ собою возникъ вопросъ о тостахъ и рѣчахъ. Но это такой важный предметъ, что я считаю необходимымъ сказать объ немъ нѣсколько лишнихъ словъ.

Въ прежнія времена, разрѣшеніе этого вопроса не представляло никакихъ затрудненій; въ прежнія времена, всѣ говорили вдругъ; одинъ изъ распорядителей выступалъ на средину, провозглашалъ тостъ «за здравіе его превосходительства!» и всѣ дружно подхватывали: «прощайте, ваше превосходительство!» «ура, ваше превосходительство!» Его превосходительство въ свою очередь обходилъ кругомъ стола и говорилъ: «нижайше вамъ

кланяюсь, господа!» «усерднѣйше васъ благодарю, почтенные мои сослуживцы!» И смотря по степени воодушевленія, или плакалъ, или просто только утиралъ глаза. И такимъ образомъ, за общимъ шумомъ, ничего понять было нельзя. Конечно, эта форма изъясненія чувствъ была не совсѣмъ правильная, но за то она была трогательна и искренна. Но нынче и этому дѣлу дали совершенно иной оборотъ. Скажу вамъ по секрету, что у насъ разнеслись недавно слухи о какомъ-то конституціонномъ началѣ, которое въ томъ будто бы состоитъ, что одинъ кто нибудь говоритъ, а другіе молчатъ; и когда одинъ кончитъ говорить, то начинаетъ говорить другой, а прочіе опять молчатъ; и такимъ образомъ идетъ это дѣло съ самаго начала обѣда и до тѣхъ поръ, пока присутствующіе не сдѣлаются достаточно веселы. Тутъ-то собственно и начинается настоящая конституція, ибо все, что происходитъ прежде, считается только предварительнымъ къ ней приготовленіемъ. По видимому, самое лучшее было бы прямо начать съ настоящей конституціи, однако этого сдѣлать нельзя, во первыхъ потому, что надобно, чтобъ все происходило по порядку, а во вторыхъ потому, что предварительныя дѣйствія освѣщаютъ путь для предстоящей веселой конституціи и служатъ для нея руководящею нитью. Понятно, что при такихъ условіяхъ, встрѣчается необходимость въ людяхъ, которые умѣли бы говорить даже въ такое время, когда другіе молчатъ; но понятно также, что это положеніе совершенно проклятое, и что люди скромные принимаютъ его весьма неохотно. Это почти то же, что въ одиночку публично производить какое нибудь предосудительное отправленіе, когда ничто кругомъ никакихъ предосудительныхъ отправленій не производитъ. А потому, выборъ людей, для произношенія тостовъ и спичей, всегда сопрягается съ затрудненіями очень серьезными, и обязанность эта представляется такою повинностью, нарядъ на которую почти равносильнъ наряду на барщину.

— Господа! честию васъ завѣряю, что у меня палецъ болитъ! протестуетъ стоящій подъ ударомъ ораторъ.

— А вы развѣ пальцемъ говорить будете?

— Не пальцемъ; однако...

— «Однако»—это только одна отговорка съ вашей стороны! Господа! записать Петра Петровича!

— Записать! записать!

— Господа! Это просто чортъ знаетъ что такое! Я не приѣду! Я просто умру на этотъ день!

— Ничего! воскреснешь!

— Господа! позвольте за меня сыну рѣчь сказать! смиренно отпрашивается другой предполагаемый ораторъ.

— Ловко ли это будетъ?

— Я полагаю, господа, что сынъ Павла Павлыча можетъ сказать отъ себя рѣчь особо, но это нисколько не освобождаетъ самого Павла Павлыча!

— Павелъ Павлычъ долженъ произнести рѣчь отъ лица всей казенной палаты — при чемъ же тутъ сынъ его?

— Такъ нельзя-съ?

— Нельзя, Павелъ Павлычъ, нельзя-съ.

Павелъ Павлычъ вздыхая отходитъ, и думаетъ, что бы такое непредосудительное сказать отъѣзжающему генералу отъ лица казенной палаты.

На этотъ разъ ораторами выбраны были: вице-губернаторъ — отъ лица чиновъ пятаго класса, совѣтникъ губернскаго правленія Звенигородцевъ — отъ лица всѣхъ прочихъ чиновъ, Сеня Бирюковъ — отъ лица молодаго поколѣнія и наконецъ, командиръ гарнизоннаго батальона — отъ имени воинскаго сословія. Полиціймейстеръ до того разревновался, что вызвался сказать сверхштатную рѣчь отъ лица полиціи. Разумѣется, всѣ они тотчасъ же отправились домой и занялись чтеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей», дабы ближе ознакомиться съ политическимъ положеніемъ Россіи и усвоить себѣ нѣкоторые необходимые въ красно-рѣчи обороты.

Но главнымъ украшеніемъ прощальнаго обѣда долженъ былъ служить столѣтній старецъ Максимъ Гаврилычъ Крестовоздвиженскій, который еще въ семьсотъ восемьдесятъ девятомъ году служилъ въ нашей губерніи писцомъ въ намѣстнической канцеляріи. Идея пригласить къ участию въ праздникъ эту живую лѣтопись нашего города, этого свидѣтеля его величія и славы, была весьма замѣчательна, и, какъ увидимъ ниже, имѣла совершенный и полный успѣхъ.

Я не стану описывать дѣйствій депутаціи, на которую возложено было приглашеніе генерала къ прощальному обѣду. Ничего замѣчательнаго при этомъ не произошло, кромѣ того, что отъѣзжающій прослезился и завѣрилъ депутацію, что будетъ

непремѣнно. Приступлю прямо къ описанію торжественныхъ минутъ прощанья.

Въ три часа пополудни, мы собрались въ нарочно приготовленной для того залѣ. Нѣкоторые тотчасъ же выпили водки. Всѣ вообще по видимому уже освоились съ мыслью о предстоящей разлукѣ, и потому держали себя совсѣмъ не такъ какъ бы торжество прощанія того требовало, а такъ, какъ бы просто собрались выпить и закусить; одинъ правитель канцеляріи, по временамъ, еще вздрагивалъ. Въ четыре часа отъѣзжающій прибылъ въ залъ, сопровождаемый двумя ассистентами, и всѣ присутствующіе тотчасъ же сгруппировались вокругъ него. Начались пожатія рукъ, причемъ впопыхахъ, генералъ удостоилъ пожатія даже клубнаго лакея Федора, и тутъ же очень мило самъ разсмѣялся своей ошибкѣ.

За столомъ всѣ размѣстились по старшинству безъ особенныхъ затрудненій; только операторъ врачебной управы (нѣсколько уже выпившій), заупрямился сѣсть на конецъ стола на томъ основаніи, что будто бы ему будутъ доставаться дурные куски, но и это недоразумѣніе было улажено положительнымъ удостовѣреніемъ, что кушанья наготовлено слишкомъ достаточно, чтобы могли имѣть мѣсто подобнаго рода опасенія. Генералъ держалъ себя съ твердостью и достоинствомъ, но когда подали супъ, то невольная слеза канула изъ его глазъ въ тарелку. Послѣ супа слѣдовалъ первый тостъ. Вице-губернаторъ всталъ, и когда все умолкло, произнесъ:

«Ваше превосходительство! одинъ древній сказалъ: *Timeo Danaos et dona ferentes*; это значитъ: опасаясь данайцевъ, даже тогда, когда они приходятъ съ дарами»...

Кругомъ раздается одобрителный шопотъ; совѣтникъ Звенигородцевъ блѣднѣетъ, потому что «*Timeo Danaos*» было включено и въ его рѣчь; онъ обдумываетъ, какъ бы вмѣсто этой цитаты, помѣстить туда другую: «*sit venia verbo*»; операторъ врачебной управы вполголоса объясняетъ своему сосѣду: «*timeo* — боюсь, а не опасаясь; *et dona ferentes* — и дары приносящихъ; а не «даже тогда, когда они приходятъ съ дарами»; слѣдственно «боюсь данайцевъ и дары приносящихъ» — вотъ какъ по настоящему перевести слѣдуетъ». Но вице-губернаторъ не слышитъ этого зловреднаго объясненія, и ободряемый общимъ вниманіемъ, продолжаетъ:

...«съ дарами. Но здѣсь, ваше превосходительство, вы изво-

лите видѣть не «данайцевъ», приходящихъ къ вамъ съ дарами, а преданныхъ вамъ подчиненныхъ, приносящихъ вамъ — и не тѣ дары, о которыхъ говоритъ древній — а дары своего сердца».

— Отлично! великолепно! раздается кругомъ; отъѣзжающій тронуть, ораторъ куражится.

... «своего сердца. Въ особенности скажу я это о тѣхъ, отъ имени которыхъ обращаю къ вашему превосходительству прощальное слово (ораторъ окидываетъ взоромъ небольшое пространство стола, усѣянное чинами пятого класса; отъѣзжающій кланяется и жметъ руки сосѣдямъ; управляющій удѣльной конторой лѣзетъ цаловаться; картина). Эти дары ваше превосходительство можете принять съ полною увѣренностью, что въ нихъ нѣтъ ни орсиніевскихъ гранатъ, ни другихъ разрывающихъ составовъ (отъѣзжающій опять жметъ руки сосѣдямъ; управляющій удѣльной конторой опять лѣзетъ цаловаться, но такъ какъ «настоящая конституція» еще не началась, то криковъ: «да отстань!», «будетъ лизаться!» не слышно). Я принялъ на себя сладкую, но трудную обязанность, ваше превосходительство! Я принялъ обязанность въ устномъ словѣ изобразить передъ вашимъ превосходительствомъ эти скромные, но горячіе дары, которые безмолвно, но краснорѣчиво пламенѣютъ въ нашихъ сердцахъ. Я не боюсь упрековъ; зоилы и свистуны стоятъ ниже меня»...

— Bravo! bravo! урра! раздается кругомъ.

«Зоилы и свистуны стоятъ ниже меня. Но во всякомъ случаѣ, ваше превосходительство не заподозрите меня, если я скажу: дары, которые приносятся здѣсь вашему превосходительству, суть дары сердца, а не тѣ дары, о которыхъ говорилъ «древній». Ура!»

Вице-губернаторъ умолкъ; на средину залы вывели подъ руки «столѣтняго старца», который заплакалъ. Отъѣзжающій былъ такъ тронутъ, что могъ сказать только:

— Успокойте старика! успокойте старика!

Столѣтняго старика увели; подали росбиѣ; Звенигородцевъ, чувствуя приближеніе минуты, дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. Наконецъ, онъ всталъ съ бокаломъ въ рукѣ противъ виновника торжества и произнесъ:

«Ваше превосходительство! Еще недавно, ваше превосходительство, не изволивъ утвердить журналъ губернскаго правленія о преданіи за противозаконныя дѣйствія суду зарѣченскаго зем-

скаго исправника, изволили сказать слѣдующее: «пусть лучше говорятъ про меня, что я баба, но не хочу, чтобъ кто нибудь могъ сказать, что я жестокой человѣкъ!» Какимъ чувствомъ была преисполнена грудь земскаго исправника при извѣстїи, что онъ отъ суда и слѣдствїя учиненъ свободнымъ—это понять не трудно. Гораздо труднѣе понять чувства, волновавшїя при этомъ насъ, подписавшихъ упомянутый выше журналъ. Нечего и говорить о томъ, что мы приняли рѣшеніе вашего превосходительства къ непремѣнному исполненію; этого мало: предоставленные самимъ себѣ, мы думали, что этого человѣка мало повѣсить за его злодѣянія, но узнавши о вашихъ начальническихъ словахъ, мы вдругъ постигли всю шаткость человѣческихъ умозаключеній и внутренно почувствовали себя просвѣтленными»...

— Браво! прекрасно! вотъ истинныя отношенія подчиненныхъ къ начальникамъ!

«Мы поняли, что истинное искусство управлять заключается не въ строгости, а въ томъ благодушїи, которое, въ соединенїи съ прямотою, извлекаетъ дань благодарности изъ самыхъ черствыхъ и непреклонныхъ, повидимому, сердецъ. Эта невольная дань несется къ вашему превосходительству не только отъ лицъ здѣсь присутствующихъ, но и отъ всей губерніи. Да, не одно благодарное сердце бьется въ настоящую минуту въ безвѣстности! не одинъ выпрепный умъ содрогается при мысли о предстоящей разлукѣ! Но для того, чтобы доказать справедливость моихъ словъ, считаю не лишнимъ изложить здѣсь вкратцѣ прохожденіе службы вашего превосходительства».

Ораторъ на мгновеніе останавливается, чтобы перевести духъ, и затѣмъ продолжаетъ:

Умолчу о трудахъ, понесенныхъ вашимъ превосходительствомъ въ теченїи слишкомъ тридцати-пяти-лѣтней службы въ различныхъ вѣдомствахъ, которыя были осчастливлены вашимъ содѣйствїемъ. Начертать такую перспективу было бы подвигомъ, далеко превышающимъ мои слабыя силы. А потому, позволяю себѣ застигнуть ваше превосходительство въ тотъ моментъ, когда наша губернія, въ свою очередь, была, такъ сказать, застигнута вашимъ превосходительствомъ. У насъ прохожденїя вашей службы было всего шесть мѣсяцевъ и пять дней, но этого краткаго періода времени было достаточно, чтобы дать почувствовать, что нами руководить опытная рука...

При этихъ словахъ раздается громъ рукоплесканій, и восторженное «ура!» потрясаетъ стѣны залы. Даже лакеи взволновались; управляющій удѣльной конторой опять идетъ цаловаться. Ораторъ продолжаетъ :

«Прибывши къ намъ, ваше превосходительство не посѣтили ли городовъ нашей губерніи? Посѣтивши города, не обревизовали ли во всей подробности наши присутственныя мѣста? Предложеніе объ этомъ предметѣ вашего превосходительства, по которому губернскимъ правленіемъ въ свое время уже сдѣлано надлежащее распоряженіе, останется вѣчнымъ памятникомъ и вашей распорядительности, и вашей проницательности. Отеческимъ сердцемъ вы изволили отнестись ко всѣмъ нашимъ недугамъ и слабостямъ; отъ взора вашего не укрылось ни то, что наши земскіе суды не пользуются соотвѣтствующими помѣщеніями, ни то, что города наши до сихъ поръ остаются не замощенными. Все это вы поставили губернскому правленію на видъ, и все это должно на будущее время служить этому высшему въ губерніи присутственному мѣсту (вице-губернаторъ охорашивается, прочіе предсѣдатели завистливо, но сомнительно улыбаются) путеводной звѣздой, къ которой имѣютъ устремляться его административныя усилія. За все это: дань благодарности вашему превосходительству! Дань благодарности отъ всѣхъ неиспорченныхъ сердецъ, той благодарности, о которой сейчасъ такъ краснорѣчиво выразился мой достойный начальникъ (вице-губернаторъ) и которую ваше превосходительство можете принять безъ всякихъ опасеній, ибо здѣсь нельзя (крики кругомъ: «да, нельзя! нельзя!») даже сказать подобно «древнему»: *timeo danaos et dona ferentes*. Ура!»

Смута, произведенная этою рѣчью, была такъ велика, что никто даже не обратилъ вниманія, какъ «столѣтній старецъ» вышелъ на средину залы и прослезился. Всѣхъ поразила мысль: вотъ человѣкъ, который слишкомъ тридцать шесть лѣтъ благополучно служилъ въ разныхъ вѣдомствахъ, и въ какіе нибудь шесть мѣсяцевъ невинно погибъ! Этимъ же смятеніемъ воспользовался и полиціймейстеръ, чтобы наскоро сказать свою рѣчь безъ очереди.

— Ваше превосходительство! сказалъ онъ: — я не умѣю говорить, но всегда скажу: вы заставили уважать полицію!

Волненіе насилу стихло; очевидно, что приближалась тор-

жественная минута «настоящей конституціи». Подали и съѣли огромнѣйшую рыбу. На сцену выступилъ Сеня Бирюковъ, въ сопровожденіи всей нашей блестящей молодежи, съ отличіемъ занимающей мѣста чиновниковъ особыхъ поручевій, мировыхъ посредниковъ и судебныхъ слѣдователей. Однимъ словомъ, все наше «воинство возрожденія» было тутъ на лицо.

— Ваше превосходительство! началъ Сеня:—я не ораторъ...

— Я коллежскій регистраторъ, очень явственно прошипѣлъ операторъ врачебной управы, бывшій ужь очень близко къ «конституціи».

— Шшъ!... пронеслось по залѣ.

— Я не ораторъ, но не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о тепломъ участіи, которое вы принимали въ благотѣльныхъ учрежденіяхъ послѣдняго времени. На вашихъ глазахъ совершился ужаснѣйшій переворотъ, котораго когда либо былъ свидѣтелемъ изумленный міръ. Передъ вашимъ превосходительствомъ были двѣ стороны, но вы не склонились ни на ту, ни на другую. Передъ вашимъ превосходительствомъ были двѣ дороги, но вы не пошли ни по той, ни по другой. Результаты дѣятельности вашего превосходительства еще не видны, но они будутъ. Привѣтствуя васъ отъ лица нашего молодаго поколѣнія, я могу прибавить одно: привѣтствіе это есть дань сердца, которую ваше превосходительство можетъ принять со всею безопасностью. Какъ выразились мои уважаемые предшественники, вы не имѣете даже повода сказать въ этомъ случаѣ: *timeo danaos et dona ferentes*, потому что здѣсь всякій приноситъ дары свои отъ чистаго сердца. Ура!

— Ура! ура! ура! дружно грянуло молодое поколѣніе, потрясая бокалами.

Генералъ потупился; онъ скромно сознавалъ въ эту минуту, что успѣлъ угодить всѣмъ. Но настроеніе умовъ постепенно принимало направленіе къ веселости; на многихъ пунктахъ стола громко раздавались требованія, чтобъ оркестръ сыгралъ что нибудь русское; совѣтникъ казенной палаты Храниловъ лилъ на столъ красное вино и посыпалъ залитое пространство солью, доказывая, что при этой предосторожности всякая прачка можетъ легко вывести изъ скатерти какія угодно пятна; правитель канцеляріи уже не вздрагивалъ, но весь покрылся фіолетовыми пятнами — явный признакъ, что онъ былъ близокъ къ буйству.

Однимъ словомъ, во избѣжаніе неожиданностей, я, какъ распорядитель, долженъ былъ просить батальоннаго командира, чтобы онъ сказалъ свою рѣчь какъ можно скорѣе и какъ можно короче, что онъ къ общему удовольствію и исполнилъ.

— Ваше превосходительство! сказалъ онъ: — буду кратокъ, чтобы не задерживать драгоценные ваши часы. Я не краснорѣчивъ, но знаю, что когда понадобилось отвести для батальона огороды, — вы отвели ихъ; когда приказано было варить для нижнихъ чиновъ пищу изъ общаго котла — вы приказали приобрести эти котлы въ лучшемъ видѣ. Вѣреннѣйшій мнѣ батальонъ имѣетъ честь благодарить за это ваше превосходительство. Ура!

Этою рѣчью заключилась первая часть нашего торжества. Затѣмъ уже началась такъ называемая конституція, которую я не стану описывать, потому что, по мнѣнію моему, всѣ проявленія, имѣющія либеральный характеръ, какъ бы преданны они ни были, заключаютъ въ себѣ одно лишь безобразіе...

На другой день я посѣтилъ помѣщеніе, въ которомъ происходило прощальное торжество. На полу валялись объѣдки, скатерть пестрѣла пятнами, нѣмая масса прогорѣлаго дыма висѣла надъ столами. Сердце мое сжалось...

Клянусь, мнѣ не жаль было ни трудовъ моихъ, ни пожертвованныхъ мной на обѣдъ пятнадцати цѣлковыхъ; нѣтъ, другія мысли, другія заботы всецѣло овладѣли душой моей... Скажу откровенно: я имѣлъ въ виду одно — принципъ; жалѣлъ объ одномъ, — о принципѣ. Я вспомнилъ вчерашнія рѣчи (въ особенности же прекрасную рѣчь Крестовоздвиженскаго), и спрашивалъ себя: за что старика обидѣли? Не посѣтилъ ли онъ нашихъ городовъ? не обревизовалъ ли подробно присутственныхъ мѣстъ? Не совершился ли, наконецъ, на его глазахъ ужаснѣйшій переворотъ, повергнувшій въ изумленіе міръ? Чего еще нужно?

Но не въ старикѣ сила; сила въ принципѣ. Старика, конечно, жаль, но здѣсь сожалѣніе умѣряется надеждою на прибытіе другаго такого же старика; напротивъ того, сожалѣніе о гибели принципа не умѣряется ничѣмъ. Что такое принципъ? Свѣдущіе люди отвѣчаютъ на вопросъ этотъ такъ: принципъ есть такое тонкое начало, которое, подобно эону, проникаетъ всѣ части цѣлаго, одухотворяетъ ихъ, оплодотворяетъ ихъ и, исполнивши это, являетъ міру свою работу въ видѣ стройнаго, осмы-

сденнаго цѣлаго. По видимому, такое опредѣленіе представляетъ собой примѣръ тавтологіи («принципъ есть начало» — почему же не «начало есть принципъ?» могутъ возразить мнѣ), но на это не слѣдуетъ обращать вниманія, ибо сила не въ томъ, какой риторическій примѣръ представляетъ собой то или другое изрѣченіе, а въ томъ, чтобъ оно было понятно (намъ часто случается слышать, что русскій человѣкъ человѣческую голову называетъ «вилкомъ» — по видимому, и это тавтологія, но вѣдь не останавливаетъ же она на себѣ ничьего вниманія!). Но для того, чтобъ принципъ дѣйствительно могъ одухотворять, оплодотворять и соединять разрозненныя части въ одно стройное цѣлое, необходимо, чтобъ онъ существовалъ, такъ сказать, въ чистомъ видѣ, чтобы независимость его была вполне ограждена отъ вліянія внѣшней обстановки, чтобы самая рука времени не могла дѣйствовать на него разрушительно. По жизненному пути мы всѣ идемъ какъ заблудшіе путники; окрестъ насъ расположены всякія опасности: въ лѣсахъ — дикіе звѣри, въ водахъ — глубина водная и множество рыбъ; слѣдовательно для того, чтобъ мы могли не погибнуть, необходимо, чтобъ путь нашъ что либо освѣщало. Это освѣщающее «нѣчто» и есть принципъ; если онъ горитъ ярко и независимо, мы остаемся невредимы; если же, будучи подчиненъ вліянію случайныхъ обстоятельствъ, онъ попеременно и горитъ, и потухаетъ, то и мы, слѣдуя тѣмъ же законамъ, то невредимы бываемъ, то погибаемъ. И еще: когда мы въ жизни дѣйствуемъ, то чувствуемъ врожденную потребность объяснять свои дѣйствія. Какъ мы это дѣлаемъ? Мы говоримъ: въ такомъ-то случаѣ я поступилъ хорошо, потому что такъ слѣдовало поступить, а въ такомъ-то случаѣ поступилъ дурно, потому что такъ не слѣдовало поступать. Что жъ это за слова такія: «слѣдовало?» «не слѣдовало?» А это именно тѣ самыя слова, которыми мы секретнымъ для себя образомъ сами себѣ о «принципѣ» напоминаемъ. Но если бы, выражаясь такимъ образомъ, мы не имѣли въ виду чего либо постояннаго и независимаго, то было бы очевидно, что мы сами не знаемъ, объ чемъ говоримъ. Понятія о томъ, что «слѣдуетъ» и что «неслѣдуетъ» перемѣшались бы въ нашихъ головахъ до того, что мы постоянно дѣлали бы «неслѣдуемое» въ чаяніи, что это-то и есть именно «слѣдуемое», и наоборотъ...

Все это очень понятно и совершенно вѣрно. Какое же поученіе слѣдуетъ вывести изъ сказаннаго выше? По мнѣнію моему,

это заключеніе очень просто. Если принципъ есть, и притомъ сохраняются во всей чистотѣ, то нѣтъ никакой надобности знать, кто и что за нимъ находится: онъ пройдетъ и удержится въ мірѣ безъ всякой сторонней помощи, силою одной своей миловидности. Въ этомъ случаѣ, такъ называемые «рабы лѣнивые и лукавые», не только не вредятъ, но даже косвеннымъ образомъ пользу приносятъ. Ибо, всякій, видя ихъ, невольно самъ себѣ говоритъ: «вотъ каковъ у насъ принципъ, что даже Петръ Петровичъ ему повредить не можетъ!» И сказавши себѣ это, разумѣется, успокоится. Такимъ образомъ въ настоящемъ случаѣ...

Но здѣсь я оставляю читателя: пускай додумывается самъ. А если не хочетъ додумываться, то пускай обратится къ началу разсказа.

Н. ЩЕДРИНЪ.

Надрывается сердце отъ муки,
Плохо вѣрится въ силу добра,
Внемя въ мірѣ царящіе звуки
—

Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смѣшанный шумъ;
Ты ликуешь, на мигъ не смолкая,
Какъ дитя, безъ заботы и думъ.
Въ обаяніи счастья и славы,
Чувству жизни ты вся предана, —
Что-то шепчутъ зеленые травы,
Говорливо струится волна;
Въ стадѣ весело ржетъ жеребенокъ,
Быкъ съ землею вырываетъ траву,
А въ лѣсу бѣлокурый ребенокъ —
Чу! кричитъ заунывно: «ау!»
По холмамъ, по лѣсамъ, надъ долиной
Птицы съвера выются, кричатъ,
Разомъ слышны — напѣвъ соловьиной
И нестройные пiski галчатъ,
Грохотъ тройки, скрипѣнье подводъ,
Крикъ лягушекъ, жужжаніе осъ,
Трескъ кобылокъ, — въ просторѣ свободы
Все въ гармонію жизни слилось...

Я наслушался шума инаго...
Оглушенный, подавленный имъ,
Мать-природа! иду къ тебѣ снова
Со всегдашнимъ желаньемъ моимъ —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтобъ душа ощутила покой,
И прозрѣвшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

КАЛИСТРАТЪ.

Надо мной пѣвала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастливъ, Калистратушка!
«Будешь жить ты припѣваючи!»

И сбылось, по волѣ Божіей,
Предсказанье моей матушки —
Нѣтъ богаче, нѣтъ пригожѣе,
Нѣтъ наряднѣй Калистратушки:

Въ ключевой водѣ купаюся,
Пятерней тешу волосыньки,
Урожаю дожидаясь
Съ непосѣянной полосыньки.

А хозяйка занимается
На нагихъ дѣтишекъ стиркою,
Пуще мужа варяжется —
Носить лапти съ подковыркою!

Н. НЕКРАСОВЪ.

СОВРЕМЕНИКЪ

1863

№ X ОКТЯБРЬ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ЕЪ ТИПОГРАФИИ КАРЛА ВУЛЬФА

(На Инженерной, близъ Невского проспекта, домъ Зыбиной № 60)

I. — МѢДНЫЙ ЛЮБЬ-САМАГО НИЗКАГО СОРТА. Разсказъ несовременный. Н. П. ПОЛОНСКАГО.	313
II. — ЧЕТЫРЕ СТИХОТВОРЕНІЯ. — I. «Съ честной любовью покойно живи». — II. На волѣ. — III. Горь. — IV. «Я пробудилъ, лаская и цалуя». А. ПИХ—ЛОВА.	405
III. — ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЛѢДОВАТЕЛЯ. Н. СОКОЛОВСКАГО.	409
IV. — НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНИЯ ПО ВОПРОСУ О ЛИТЕРА- ТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ. Ю. Г. ЖУКОВСКАГО.	447
V. — ТРИ ПОКОЛѢНІЯ. Повѣсть. Часть третья и послѣдняя. НЕИЗВѢСТНАГО.	469
VI. — ГОЛУБЯТНИКИ. Очеркъ изъ жизни тульскихъ оружей- никовъ. В. Л. СОКОВОЛОВА.	509
VII. — ПОЖАРИЩЕ. Стихотв. Н. А. НЕКРАСОВА.	519
VIII. — МОН СКИТАНІЯ ПО БѢЛУ СВѢТУ. — III. — Н. В. ВЕРГА.	521
IX. — АНДРЕЙ ѲЕДОРЫЧЪ ЧЕБАПОВЪ. Изъ романа «Брать и Сестра». Н. Г. ПОМЯЛОВСКАГО.	551
X. — НАТУРИЦА. Стихотв. Н. П. ПОЛОНСКАГО.	561
XI. — ВЪ ДЕРЕВНѢ. — I. Полдень. — II. Лѣто. — III. Осень. Стихотв. Н. М. КОВАЛЕВСКАГО.	563

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XII. — МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ ДЛЯ РАЗВИТІЯ СО- ЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ ВЪ ГЕНТѢ. Э. В.	201
XIII. — PREMIERS-MOSCOU ГАЗЕТЫ «ДЕНЬ» (1868, № 39—41).	217
XIV. — ГЕРМАНСКОЕ ЕДИНСТВО. А. С.	237
XV. — РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — МЕТОДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ. II. — (Учебникъ уголовного права, состав- ленный В. Спасовичемъ). Ю. Г. ЖУКОВСКАГО.	253
XVI. — НОВЫЯ КНИГИ. Настоящий словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія (Справочный Энциклопедиче- скій Лексиконъ), издаваемый Ф. Толлемъ (305). — Географическіе очерки и картины. Составлено по Гру- бе и другимъ источникамъ. Семь выпусковъ. Изданіе А. Плещеева (313). — Сказаніе о томъ, что есть, и что была Россія, кто въ ней царствовалъ, и что она про- исходила. Князя В. В. Львова (Посмертное изданіе) (316). — Кіевскія волненія въ 1855 году. С. С. Гро-	

ОБЪ ИЗДАНИИ
СОВРЕМЕННОГО
ВЪ 1864 ГОДУ.

Въ ряду многочисленныхъ законодательныхъ мѣръ, проектируемыхъ въ настоящее время правительствомъ, одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ, безъ сомнѣнiя, занимаетъ измѣненiе тѣхъ условiй, въ которыхъ донынѣ находится печатное русское слово. Необходимость этого измѣненiя очевидна. Тѣмъ не менѣе, правила, которымъ на будущее время должно подчиниться наше книгопечатанiе, еще не изданы, и литература наша, ожидающая ихъ съ 1861-го года, подчиняется до сихъ поръ дѣйствию временныхъ переходныхъ мѣръ, нѣсколько разъ измѣнявшихся въ теченiи двухъ послѣднихъ годовъ. Необходимость примѣняться къ этимъ колебанiямъ и измѣненiямъ не могла не отразиться невыгодно на журналистикѣ,

а между прочимъ и на нашемъ журналѣ. Мы сознаемъ, что «Современникъ» не всегда соединялъ въ себѣ всѣ тѣ условія, которыхъ присутствіе необходимо для того, чтобы журналъ былъ журналомъ, а не сборникомъ случайныхъ статей, представляющихъ чтеніе болѣе или менѣе разнообразное. Понятно, что соединеніе этихъ условій и невозможно будетъ до тѣхъ поръ, пока не устранится неопредѣленность въ положеніи литературы. Теперь, кажется, эта неопредѣленность приходитъ къ концу. Мы надѣемся, что будущій уставъ книгопечатанія, утвердивъ на прочныхъ основаніяхъ положеніе печати, точно определитъ границы, въ предѣлахъ которыхъ каждый журналъ будетъ имѣть возможность дѣйствовать самостоятельно, безъ колебаній и безъ всякихъ опасеній, которыя при настоящемъ неопредѣленномъ положеніи отнимаютъ у журнала увѣренность, необходимую для успѣшной дѣятельности. Въ этой надеждѣ мы и рѣшаемся продолжать изданіе «Современника» въ будущемъ 1864 году.

«Современникъ» будетъ издаваться въ 1864 году подъ редакціею нижеподписавшагося, при постоянномъ участіи въ трудахъ редакціи М. Е. Салтыкова (Щедрина), А. Н. Пыпина и М. А. Антоновича, — по слѣдующей программѣ.

I. Романы, повѣсти, драмы. — Стихотворенія. — Статьи по части наукъ, искусствъ и пр.

II. Современное обозрѣніе, въ которомъ соединятся: а) статьи по текущимъ событіямъ и во-

просамъ, занимающимъ русское общество; б) заграничная корреспонденція; в) критическія статьи о замѣчательныхъ явленіяхъ въ русской литературѣ и журналистикѣ; бібліографія вповѣ выходящихъ русскихъ книгъ; статьи по поводу замѣчательныхъ новыхъ явленій въ иностранныхъ литературахъ; г) политическое обозрѣніе; д) внутреннее обозрѣніе; е) фельетонъ; ж) свистокъ, какъ собраніе литературныхъ, журнальныхъ и другихъ замѣтокъ, будетъ появляться по мѣрѣ накопленія годныхъ и удобныхъ для него матеріаловъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ «Современника», на Невскомъ проспектѣ, противъ Арсенала Аничкова дворца, въ домѣ Лихачева, при книжномъ магазинѣ А. И. Давыдова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ «Современника», на углу Большой Дмитровки, противъ Университетской типографіи въ домѣ Загряжскаго, при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО:** въ контору *Современника* въ *С.-Петербургѣ*. (Адресъ конторы всегда извѣстенъ почтамту).

Можно также адресовать требованія и письма, надписывая: въ С.-Петербургѣ, Управляющему конторою Редакціи Современника. Письма, деньги и посылки, такимъ образомъ адресованныя, будутъ тотчасъ по полученіи попадать въ руки редакціи, и въ удовлетвореніи требованій подписчиковъ не произойдетъ промедленій.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Цѣна за годовое изданіе «Современника» въ С.-Петербургѣ безъ доставки: пятнадцать руб. сер., съ пересылкою: шестнадцать руб. пятьдесятъ коп. сер.

Н. НЕКРАСОВЪ.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ

Санктпетербургъ, 2-го ноября 1863 года.

МѢДНЫЙ ЛОБЪ

САМАГО НИЗКАГО СОРТА.

РАЗСКАЗЪ НЕСОВРЕМЕННЫЙ.

I.

У Христофорскаго, Мокѣя Трифоныча, случилось маленькое несчастіе: прачка потеряла носовой платокъ.

Трофимъ, нѣчто въ родѣ дворника, и въ то же время нѣчто въ родѣ слуги Мокѣя Трифоныча, стоялъ по этому случаю спиной къ двери, и надувши губы (и безъ того толстыя), упиралъ глаза свои въ затылокъ своего огорченнаго барина. Скуластое лицо его было покрыто сумракомъ негодованія.

Быль поздній часъ утра.

Баринъ сухой и длинный, на длинныхъ ногахъ, какъ на жердахъ, стоялъ у комода спиной къ Трофиму, и то изъ комода на комодъ, то съ комода въ комодъ перекладывалъ бѣлье свое. На ногахъ его были узенькія брюки верблюжьяго цвѣта, на спинѣ крестъ на крестъ рисовались подтяжки, на сухощавой шеѣ, сверхъ повязанной манишки съ высокими стоячими воротничками, не было галстука. Христофорскій только что началъ одѣваться...

Трофимъ, сутулый и плечистый, былъ въ тулупѣ и въ смазныхъ сапогахъ, ибо на дворѣ былъ еще мѣстами снѣгъ, а на

улицахъ грязь, хоть и вѣяло уже весеннимъ воздухомъ. Впрочемъ Трофимъ, не боящійся никакихъ морозовъ, почему-то иногда и лѣтомъ ходилъ въ тулупѣ, вѣроятно потому же, почему и медвѣди лѣтомъ не скидаютъ съ плечъ своихъ мѣдвѣжьей шубы.

Барину было около 27 лѣтъ; Трофиму подъ сорокъ.

Трофимъ, угрюмый на видъ, былъ въ полнѣйшемъ смыслѣ слова неотесанный добрякъ, много на своемъ вѣку испыталъ всякихъ невзгодъ, остерегался и боялся всего на свѣтѣ, въ особенности господъ, но одного только не боялся — не боялся своего новаго барина, Мокѣя Трифоныча. Готовый на послуги всѣмъ и каждому, онъ никакъ не могъ угодить одному только Мокѣю Трифонычу, не смотря на то, что отъ этого господина зависѣла, такъ сказать, вся жизнь его, все его земное пропитаніе. Мокѣй Трифонычъ могъ смѣнить его и найти другаго слугу, разумѣется могъ это сдѣлать не иначе, какъ съ согласія купца и почетнаго гражданина Степана Степаныча Баканова, у котораго нанялся онъ служить при кладовой, куда приносилась, привозилась и отдавалась на сохраненіе, за извѣстный процентъ, всякая движимая собственность. Христофорскій обязанъ былъ выдавать бѣлѣты, вести книги, записывать приходъ и расходъ, и за все это получалъ отъ Баканова: квартиру, состоящую изъ одной комнаты съ перегородкой, дрова, свѣчи и 25 рублей мѣсячнаго жалованья, вдвое больше того, что получалъ онъ въ казенной палатѣ, гдѣ былъ записанъ въ качествѣ канцелярскаго чиновника. Но жалованье Трофиму шло по пяти рублей ежемѣсячно отъ того же Баканова. Такимъ образомъ, и услуги Трофима ему, Христофорскому, ничего не стоили. Христофорскій гордился своимъ завиднымъ положеніемъ.

Пересмотрѣвши всѣ мѣтки и пересчитавши во второй разъ все бѣлье свое, Христофорскій принялся окончательно его укладывать.

Нѣтъ какъ нѣтъ клѣтчатаго фуляроваго носоваго платка, подареннаго ему купчихой Забираевой, въ то еще время, когда онъ азбукѣ училъ ея сынишку и получалъ подарки къ праздникамъ, — нѣтъ, какъ нѣтъ!

— Ты мнѣ гдѣ хочешь, а подавай платокъ, заговорилъ Христофорскій въ носъ, не оборачиваясь и продолжая укладывать остальные платки.

— А гдѣ я его возьму, отозвался Трофимъ, ухватившись за скобку двери.

— Эдакъ-то вы меня съ вашей прачкой-то всего обокрадете...

Трофимъ вытаращилъ глаза, молча мотнулъ раза два головой, очевидно хотѣлъ изъ лица своего скорчить какую-то гримасу, но гримасы никакой не вышло... Личные мускулы, съ непривычки, отказали ему въ повиновеніи, только губы съ большею энергіей выступили впередъ, и еще больше надулись.

— А на что мнѣ вашъ платокъ? проговорилъ Трофимъ.

— На что! Подарилъ кому нибудь, а не то пропилъ. Знаю я васъ — да-а!

— Да-а! а кому я носовой платокъ подарю?

— А почему я знаю... бабѣ какой нибудь... а не то фабричнымъ продалъ... Мало тутъ всякой сволочи, почему я знаю!..

При этомъ Христофорскій осторожно задвинулъ ящикъ, зазвенѣлъ связкой ключей, и комодъ былъ запертъ.

Послѣ этого Христофорскому больше ничего не оставалось дѣлать, какъ только сѣсть на стулъ.

Онъ гордо сѣлъ на стулъ, разставилъ свои ноги и обѣими руками оперся на свои тощія колѣна, какъ бы собираясь экзаменовывать или допрашивать подсудимаго.

— Ну гдѣ ты мнѣ теперь платокъ возьмешь? А?.. спросилъ онъ Трофима, задумчиво скосивши на сторону длинный, совершенно птичій носъ свой, и совершенно спокойнымъ голосомъ.

— А не знаю, гдѣ я вамъ платокъ возьму, отвѣчалъ Трофимъ, тоже совершенно спокойнымъ голосомъ.

— Ну, поковырявши въ ухѣ пальцемъ и не поднимая глазъ, сказалъ Христофорскій: — не знаешь, такъ и хорошо. Платокъ этотъ стоилъ мнѣ карбованецъ, т. е. рубль серебромъ, ты ужъ такъ и знай.

— Чего? Вашъ платокъ-то и 30 копѣекъ не стоитъ. Горячиться-то не изъ чего. — Да!...

Трофимъ смутно понялъ намѣреніе своего барина и явно былъ задѣтъ имъ за самое живое мѣсто, но онъ ошибался, Христофорскій не горячился, онъ только вытянулъ ноги, и еще ниже опустилъ глаза.

— Ты ужъ такъ и знай! повторилъ Христофорскій, въ свою очередь задѣтый за живое, и на впалыхъ щекахъ его, отгнѣнныхъ рѣденькими баками, выступилъ румянецъ.

— Да чего знать-то!..

— По твоему тридцать копѣекъ, а по моему рубль: я за него

въ городѣ заплатилъ рубль, потому что онъ какъ есть шелковый, значить, я за него рубль и вычту изъ твоего жалованья...

Губы Трофима надулись до такой степени, что дрожали и готовы были лопнуть, глаза его также уставились смотрѣть на Христофорскаго.

— Ну, ступай, и нечего тебѣ тутъ стоять!.. Ступай!

— Да что, ступай, помилуйте!

— А за что мнѣ тебя миловать?

— Да какъ за что, я вамъ самъ другой платокъ куплю. Что вы?..

— Мнѣ теперь другаго не надо, украли такъ украли, съ кѣмъ грѣха не бываетъ, вычту, да и все тутъ...

— Да изъ чего вычитать-то. А! развѣ я потерялъ его? Ужъ коли того—такъ съ прачки и взыскивайте.

— Ты съ прачки и взыскивай! Мнѣ-то что?

— Да помилуйте!

— А за что мнѣ тебя миловать!

— Жалованье-то не отъ васъ идетъ. Я...

Христофорскій окончательно весь покрылся румянцемъ. Онъ минуты двѣ водилъ глазами по полу, какъ бы не рѣшаясь взглянуть на губы Трофима, очевидно негодующія. Онъ только покосился на нихъ и въ полголоса отдалъ приказаніе набить ему трубку.

Трофимъ, не переставая глядѣть на барина, обошелъ комнату, досталъ въ углу чубукъ и сталъ неистово продувать его.

— Эдакъ, сударь, не дѣлають, за двадцати-копѣечный платокъ рубли выщитывать, мягкимъ голосомъ заговорилъ Трофимъ, набивая трубку.

— Ну, ну, не дѣлають! Васъ не штрафуй, такъ и безъ сапогъ находишься.

— Это, сударь, того, выходитъ...

— А развѣ ты не знаешь, сказалъ баринъ, величаво одной рукой принимая трубку, а другой подбоченившись: — что отъ меня зависитъ завтра же прогнать тебя.

— Я и самъ другое мѣсто сыщу.

— Ну, хорошо, ищи себѣ, свищи! Хорошо! Ты мнѣ одной своей гармоникой надоѣлъ. Вотъ ты у меня поиграй, попробуй, когда я спать хочу!

— Поиграю! мотнувъ головой и подавая Христофорскому

спичку съ огнемъ, рѣшительно сказалъ Трофимъ. — Ей Богу, поиграю!

— Не смѣешь!

— Ей Богу!

— Ну, попробуй...

— А попробую...

— А вотъ только попробуй... Га!.. Какъ!.. какъ ты смѣешь!.. Какъ ты мнѣ смѣешь такъ отвѣчать? А!.. воскликнулъ Христофорскій, вскочивъ со стула какъ укушенный, вытянувшись въ повелительную позу и приподнявъ чубукъ. Въ узенькихъ сѣрыхъ глазахъ его, подъ двумя заковыками такихъ же маленькихъ бровей, сверкнулъ гнѣвъ, верхняя губа ушла подъ носъ, нижняя приподнялась къверху.

— А, ей Богу же, попробую! съ легкой дрожью на губахъ, еще рѣшительнѣе отвѣчалъ Трофимъ.

— По... по... пошелъ вонъ... болванъ! скотина! чортъ! вонъ пошелъ!.. Закричалъ на него Христофорскій, протянувши къ двери указательный палецъ.

Трофимъ еще разъ побожился и вышелъ вонъ...

Христофорскій съ минуту постоялъ въ той же повелительной позѣ, съ приподнятымъ чубукомъ, потомъ прошелся по комнатѣ...

— Ага, струсилъ! видно, я не свой братъ! подумалъ онъ, и сталъ насасывать чубукъ, но дыму не оказалось: весь табакъ съ огнемъ и пепломъ просыпался на полъ... Христофорскій присѣлъ на корточки и сталъ подбирать его. Тутъ случилось новое маленькое несчастіе. Въ его помочахъ оказалось не довольно растяжимости, сзади оборвалась пуговица и покатила подъ комодъ, Христофорскій не безъ труда отыскалъ ее, заперся, стащилъ съ себя брюки, досталъ иголку съ ниткой и самъ пришилъ костяжку...

Потомъ онъ надѣлъ халатъ и цѣлый часъ ничего не дѣлалъ, сидѣлъ на диванѣ, курилъ Жуковъ табакъ и мечталъ.

II.

А мечтать — это было любимымъ его занятіемъ. Почтенный Мокій Трифоновъ былъ отчасти счастливый смертный.

«Вѣдь такихъ умныхъ людей, какъ я, на свѣтѣ не много, не шутя думалъ про себя Мокѣй Трифонычъ, потому что я все могу... все... стоитъ только мнѣ захотѣть»; тутъ Христофорскій мечталъ, что поступи онъ на сцену, будетъ лучше Мочалова и лучше всѣхъ актеровъ; купи красокъ, натяни холстъ, и начини малевать, выйдетъ картина не хуже тѣхъ, за которые большіе деньги даютъ; доставь лексиконъ риѣмъ, напишетъ стихи, да такіе, что Пушкина заткнетъ за поясъ, а вздумай волочиться — бѣда! никакая мадамъ не устоитъ — будь хоть принцеса... стоитъ только захотѣть!.. Ну, не счастливый ли смертный! и добро бы еще онъ трудился и что нибудь пробовалъ, ничуть: отъ роду не бралъ въ руки кисти, никогда не выдумалъ ни одного стиха, и ни одной интриги не съумѣлъ свести ни съ одной горничной... Откуда жъ была въ немъ такая увѣренность, это ужъ Богъ его знаетъ.

Разскажу въ самыхъ короткихъ всю жизнь его: Христофорскаго Макашу родила, сорока лѣтъ отъ роду, мелкопомѣстная Харьковская дворянка, тоже Христофорская, и родивши его, позабыла свое горе. Мужъ ея, Трифонъ Трифонычъ, прапорщикъ отставной, умеръ ровнехонько за девять мѣсяцевъ до рожденія Мокѣя Трифоныча. Утѣшившаяся вдова повезла своего первенца показывать знакомымъ сѣй зажиточнымъ помѣщикамъ, начиная съ кумы, уѣздной предсѣдательши, и кончая женой отставнаго поручика; такимъ образомъ, младенецъ Мокѣй, до семилѣтняго возраста своего, путешествовалъ за хвостомъ своей маменьки, изъ села въ село, отъ двора къ двору, и проживалъ вмѣстѣ съ нею на хлѣбахъ, то у одной благодѣтельницы, то у другой. Младенца Мокѣя считали всѣ дурачкомъ: тѣшиться надъ нимъ было у инныхъ деревенскихъ барышень зубоскалокъ однимъ изъ лучшихъ препровожденій времени, но маменька маленькаго Мокѣя была въ постоянномъ отъ него умиленіи, она, сама того не замѣчая, отдавала его на всеобщее посмѣяніе: такъ напримѣръ, не разъ она заставляла его при всѣхъ пѣть пѣсню, которой Богъ знаетъ какой чудакъ его выучилъ. Пѣсня эта начиналась словами:

Шильники,
Мыльники
Обдувалы,
Обѣдалы!..

Доходила до какихъ-то не совсѣмъ правильныхъ выраженій и кончалась выразительнымъ восклицаніемъ: «бу»!..

При этомъ «бу»! Макаша надувалъ щеки, и кончалъ пѣню клюнувшись носомъ впередъ при всеобщемъ хохотѣ. Маменька была больше всѣхъ въ восторгѣ, особливо когда вслѣдъ за потѣхой давали ей сынишкѣ орѣховъ или пряниковъ.

Макаша любилъ орѣхи и пряники, но маменька учила его не все сѣдять, а прятать и копить до поры до времени. Мальчикъ, убѣгающій отъ азбуки какъ отъ чумы, слушался своей маменьки и учился бережливости.

Какъ онъ добился или, лучше сказать, какъ добились отъ него, чтобъ онъ выучился грамотѣ, это рассказывать — длинная исторія, тутъ дѣло не обошлось, во первыхъ, безъ кумы предводительши, которая на цѣлую зиму оставила его у себя какъ крестника, во вторыхъ, не обошлось безъ нѣмца, который училъ дѣтей ея по русски, и наконецъ въ третьихъ, не обошлось безъ розогъ, которыми онъ сѣкъ Макашу, въ поощреніе своихъ прочихъ воспитанниковъ.

Но не одни розги его выучили, что розги! розгами онъ даже хвастался. — Э! дѣвки, говорилъ онъ, входя въ дѣвичью. Какъ меня вѣчоръ отодрали! у! никого такъ не драли!.. Нѣтъ, больше всего глупыя внушенія его матери помогли ему... Ючись, гаубчикъ! говорила она, картавя и заливаясь слезами, — ючись! выючисься, генералъ будешь... а не выючисься и генераломъ, никогда ни ни — никогда во вѣки вѣковъ не будешь.

Макашѣ очень хотѣлось быть генераломъ, и онъ съ грѣхомъ по поламъ, нѣтъ, нѣтъ, да что нибудь и выучить...

Наконецъ 11-ти лѣтъ поступилъ онъ въ 1 классъ гимназій, а 17-ти лѣтъ былъ выключенъ изъ пятаго класса за неспособность. Семнадцати лѣтъ Христофорскій уже не былъ дурачкомъ, онъ былъ уже взрослымъ балваномъ, и трудно понять, отчего былъ въ пренебреженіи у всѣхъ своихъ товарищей, отъ того ли, что онъ ко всѣмъ лѣзъ и всѣмъ надоѣдалъ страшно, отъ того ли, что хвастался всѣмъ, чѣмъ не только можно, но чѣмъ кажется и не можно хвастаться — своимъ развратомъ, хвастался тѣмъ, что маменька его боится, или напимѣръ тѣмъ, что онъ однажды до такой степени щипалъ какую-то кухарку, что та его прибила, чуть ухватомъ его въ зубы не ударила, и тому подобное. Были и такіе товарищи, которыхъ хвастовство Христофорскаго потѣшало. Впрочемъ, были и такія минуты для Христофорскаго, когда

онъ, рассказывая что нибудь, вдругъ краснѣлъ и обнаруживалъ смущеніе.

Выключка изъ гимназіи замѣтно была страшнымъ ударомъ для его самолюбія. Онъ побожился, что черезъ годъ или два поступить въ университетъ и всѣхъ обгонитъ, онъ досталъ всѣ нужныя для этого книги, много тетрадей переписалъ самъ своей рукою, и потомъ изрѣдка, лежа у себя на квартирѣ, кой что перечитывалъ, но какое это было чтеніе! Онъ отдыхалъ послѣ каждой страницы, воображалъ, что все знаетъ, и курилъ трубку.

Съ трескомъ провалившись на вступительномъ университетскомъ экзаменѣ въ Харьковѣ, Христофорскій опять пришелъ въ сильное смущеніе. «Это все вздоръ! сказалъ онъ про себя, меня не надуешь! Я знаю не хуже другихъ, все прочелъ... Нѣтъ! я имъ докажу!.. Я не глупѣе ихъ! Черти!» И вотъ, въ одно прекрасное утро рѣшился онъ и выкинулъ такую штуку, что не всякій и повѣритъ: не простившись съ матерью, какъ нѣкогда Ломоносовъ изъ Архангельска, Христофорскій изъ Харькова отправился съ подводами—да чуть не пѣшкомъ,—въ Москву, съ намѣреніемъ учиться, вполне убѣжденный, что его съ распростертыми объятіями примутъ въ медицинскую академію (тогда еще была въ Москвѣ медицинская академія).

Кой что почитавши, въ особенности повторивши латинскія склоненія, Христофорскій смѣло явился въ Москвѣ: на экзаменахъ, говорятъ, смѣлость города беретъ, — увы! Христофорскому и на этотъ разъ не посчастливилось, такъ сказать, съ бою взять студентское званіе. Онъ, чортъ знаетъ, что отвѣчалъ; отвѣчалъ, что Полтавская битва была при Иванѣ Грозномъ; отвѣчалъ, что земля сжата подъ экваторомъ жаркимъ поясомъ; отвѣчалъ, что Пушкинъ будто бы написалъ «Душеньку» Богдановича, однимъ словомъ, всѣхъ смѣшилъ, но отходилъ отъ экзаменаторовъ съ увѣренностью, что отвѣтилъ великолѣпно. Этому конечно не повѣрятъ читатели, тѣмъ болѣе, что Христофорскій послѣ всякаго экзамена былъ часа два красенъ, какъ ракъ, и все потѣлъ. Неужели же, спросятъ меня, онъ не сознавалъ своего невѣжества? Не сердиты ли вы на него, г. авторъ? но авторъ, не смотря на то, что кровь бросалась въ лицо Христофорскому, видѣлъ на губахъ его такую самодовольную, такую неизмѣнно самоувѣренную улыбку, что скорѣе готовъ вообразить себѣ Христофорскаго полупомѣшаннымъ, чѣмъ сознающимъ свое тупоуміе и крайнюю умственную несостоятельность; доказательствомъ этому мо-

жетъ служить и то, что Христофорскій не себя обвинялъ, а профессоровъ, которые будто бы нарочно хотѣли сбить его, и задавали ему самые трудные вопросы, такіе, какихъ я на билетахъ нѣтъ, да не только на билетахъ, но даже и въ книгахъ нѣтъ. И такъ, чѣмъ смѣяться, лучше пожалѣть Христофорскаго. Онъ послѣ неудачныхъ экзаменовъ остался въ Москвѣ съ однимъ только двугривеннымъ, и чуть чуть не умеръ съ голоду, но кривая и тутъ его не вынесла. Сначала онъ примостился къ какому-то студенту Н—ко, старому Харьковскому знакомцу, съ которымъ онъ когда-то въ дѣтствѣ, на какомъ-то лугу змѣйки пускалъ. Студентъ Н—ко сначала принялъ въ немъ участіе, но потомъ не зналъ, какъ отъ него отдѣлаться: Христофорскій каждый день съ утра сталъ приходить къ нему, въ его отсутствіе лежать на его кровати, курить его сигары, торчать съ самодовольной улыбкой на сходкахъ его товарищей, и по временамъ выпрашивать у нихъ деньги. Последнее извинимъ ему, потому что онъ дѣйствительно часто голодалъ, или питался однимъ только чаемъ, тѣмъ болѣе извинимъ, что такое выпрашиваніе совершенно прекратилось, когда Н—ко нашелъ ему урокъ у купчихи Забираевой, гдѣ-то далеко за Москвой рѣкой.

— Слушай, сказалъ ему Н—ко: — даю тебѣ этотъ урокъ, съ тѣмъ, чтобъ только ты никогда больше не приходишь ко мнѣ.

Христофорскій отвѣчалъ, что онъ постарается не приходить къ нему.

— Ты такая деревяшка, нецеремонно сказалъ ему Н—ко на прощаніе: — что на тебя, братецъ ты мой, смотрѣть противно.

Христофорскій не повѣрилъ, что онъ деревяшка, но сталъ ходить давать уроки, то есть учить азбукѣ сынишку г—жи Забираевой.

Тутъ счастье повезло ему. Въ домѣ купчихи повѣрили и тому, что онъ *всѣ науки произошелъ*, и тому, что всѣ экзамены выдержалъ, и тому, что маменька его такая помѣщица, у которой въ саду однихъ яблоковъ въ годъ собирается возовъ на двѣсти. Христофорскій какъ будто въ рай попалъ, сталъ ходить въ домъ этотъ и утромъ, и къ обѣду, и къ вечеру. Получалъ еще за это и подарки къ каждому двенадцатому празднику отъ самой г—жи Забираевой, и наконецъ вообразилъ себѣ, что она, то есть сама г—жа Забираева, Акулина Ѳедоровна, женщина уже довольно пожилая, вдова солидная и богомольная, влюблена въ

него безъ памяти, и что она прочитъ его себѣ въ мужа. «Это неизбежно», думалъ про себя Христофорскій.

— Я скоро буду очень богатъ, сказалъ онъ студенту Н-ко, когда нечаянно на тверскомъ бульварѣ столкнулся съ нимъ.

— А что, нешто ты наслѣдство скоро получишь?

— Нѣтъ, не наслѣдство! задумчиво возразилъ Христофорскій, какъ бы озадаченный новой для него мыслью: «а ну, какъ я и взаправду получу наслѣдство?»

— Такъ что же, коли не наслѣдство?

— Наслѣдство еще я не скоро получу, сказалъ Христофорскій: — нѣтъ! а вотъ что я тебѣ скажу, одна богатая влюблена въ меня.

— Въ тебя! Ахъ ты чучело! сказалъ Н-ко и пошелъ своей дорогой, заломя шапку на бекрень и не протянувъ даже руки счастливому смертному.

Говорятъ, будто люди съ сильнымъ воображеніемъ бываютъ обыкновенно люди очень умные; если это такъ, то Христофорскій былъ умнѣе, чѣмъ мы съ вами, добрые читатели, ибо воображалъ себя постоянно героемъ какого-то, хоть и мелкаго и даже пошлаго міра. Но твердо ходилъ онъ въ этомъ мірѣ на ходуляхъ своего самолюбія. Вполнѣ обладая мѣднымъ лбомъ, самымъ завиднымъ изъ всѣхъ нынѣ существующихъ, смѣло могъ рассчитывать на блистательную карьеру. Но иногда этотъ мѣдный лобъ и звенѣлъ, ударившись въ какой нибудь рожонъ, и далеко звенѣлъ. Такимъ рожномъ совершенно для него неожиданно явилась вдругъ добрейшая купчиха Забираева.

Разъ на масляницѣ послѣ блиновъ съ икрой, семги, хересу и другихъ душеспасительныхъ снадобій, Христофорскій подсѣлъ къ Авдотѣ Ѳедоровнѣ, потеръ руки и спросилъ ее, знаетъ ли она, что онъ уже чиновникъ, что ему наконецъ удалось поступить въ казенную палату на службу царю и отечеству.

— Ну, дай Богъ! дай Богъ! сказала купчиха Забираева, преодолевая сладкую дремоту и улыбаясь привѣтливо.

— Теперь бы мнѣ и жениться не мѣшало бы, сказалъ Христофорскій, подбочившись и улыбаясь двусмысленно.

— А кто-тѣ мѣшаетъ, отецъ мой, коли охота есть; только было бы чѣмъ жену содержать.

— Да у моей невѣсты есть домъ, состояніе, лабазъ на полянкѣ.

— Ну, дай Богъ! дай Богъ! А кто она такая, коли не секретъ?

спросила купчиха не безъ любопытства, но совершенно спокойнымъ голосомъ, даже собиралась зѣвнуть.

— Кто моя невѣста? Гм! Вы! брякнулъ ей Христофорскій и покраснѣлъ какъ разъ.

Хозяйка вытаращила на него глаза.

— Что ты это... начала было она и не договорила, испугалась; ей вообразилось, что Христофорскій съ ума сошелъ. «Чего добраго, еще какого нибудь скандалу надѣлаетъ»...

Встала она, вышла, ни говоря ни слова, и заперлась въ образной, даже къ обѣду боялась выйти и вышла не прежде, какъ удостовѣрилась, что Христофорскій, просидѣвши цѣлый часъ у окна въ залѣ, ушелъ.

На другой день Христофорскій черезъ лавочника получилъ отъ г-жи Забираевой пятнадцать рублей и отъ уроковъ ему отказано.

— А! понимаю! сказалъ себѣ подъ носъ Христофорскій, проводивъ лавочника, плотнаго парня, съ синимъ отливомъ на румяныхъ щекахъ.

Но что въ эту минуту понималъ Христофорскій, это осталось покрыто мракомъ неизвѣстности.

III.

Въ казенной палатѣ сталъ онъ заниматься перепиской бумагъ за очень ничтожное жалованье. Рука у него была хороша, совершенно писарская; букву за букву выставлялъ онъ довольно медленно, но за то красиво. Ему давали переписывать отчеты. Нужда нѣмала вліяніе на нѣкоторые стороны его характера, онъ сдѣлался гораздо трудолюбивѣе и даже какъ будто трусливѣе, лицо его все болѣе и болѣе стало выражать нѣчто въ родѣ конфуза. Онъ уже пересталъ высказывать вслухъ свои гордыя надежды, намѣренія и предположенія; но не отсталъ отъ своей привычки надѣяться своимъ, никому не нужнымъ присутствіемъ. Стоило ему забраться въ чей нибудь домъ хоть на 10 минутъ, чтобъ обратиться надолго въ постоянного посѣтителя, особливо если въ этомъ домѣ пекутъ пироги, подаютъ кофе и есть хоть тѣнь того радушія, которымъ когда-то отличалась Москва. Въ иныхъ семействахъ ни крестомъ, ни пестомъ нельзя было отъ него отдѣлаться. Квартирu нанималъ онъ на Плющихѣ у какой-то прач-

ки, платилъ ей 3 рубля въ мѣсяцъ... Вообще, природная бережливость, даже скупость помогла ему, онъ не тратилъ въ мѣсяцъ болѣе 10 рублей, и въ несчастные для него дни, то есть когда ему некуда было идти обѣдать, отправлялся на толкучку и тамъ съ лотковъ наѣдался всякой дряни... разумѣется, это дѣлалось въ припадкахъ такого волчьяго аппетита, который на волосокъ граничитъ отъ настоящаго голода.

Годъ шелъ за годомъ, судьба Христофорскаго не улучшалась; знакомыхъ было у него множество, но никто на уроки не хотѣлъ рекомендовать его; изрѣдка давали ему кой-что переписывать и платили; онъ не отказывался ни отъ какой платы, и работалъ.

Судьба наконецъ надъ нимъ сжалилась. Услыхалъ онъ гдѣ-то мелькомъ, что есть очень богатый купецъ и почетный гражданинъ Бакановъ, и что онъ что-то сочиняетъ. Христофорскому счастливая мысль пришла въ голову, онъ обходилъ многое множество лавокъ, спрашивая, не знаютъ ли, гдѣ живетъ Бакановъ, и такъ какъ языкъ можетъ даже до Кіева довести, то и довелъ его этотъ языкъ до хороша купца Баканова.

Счастливая мысль натолкнула на счастливый случай. У Баканова была именинница дочь Саша, и Бакановъ только что былъ осыпанъ ея мягкими и теплыми поцалуями за брилліантовую брошку, которую нашла она проснувшись на своемъ туалетномъ столикѣ. Поцалун взрослыхъ дочекъ имѣютъ магическую силу разглаживать морщины на челѣ ихъ пожилыхъ папечекъ.

Въ такую-то минуту доложили Баканову, что пришелъ де какой-то Христофорскій.

— Кто бишь это такой! не помню, сказалъ Бакановъ: — а пусть войдетъ, поглядимъ на Христофорскаго. Позвать къ намъ г-на Христофорскаго!

Уже въ самомъ тонѣ этого голоса слышалось свѣтлое расположение духа.

Христофорскій перешагнулъ порогъ въ дверяхъ кабинета Баканова (такъ Юлій Цезарь нѣкогда перешагнулъ черезъ Рубиконъ).

«А! подумалъ Бакановъ: — вѣрно просить на бѣдность»... У Христофорскаго хоть и была повязана на шеѣ чистая манишка; но жилетъ, сюртукъ и прочее были уже значительно потерты, по крайней мѣрѣ, имѣли столь же потертый видъ, какъ и лицо его. Длинный же, острый носъ Христофорскаго глядѣлъ

особенно меланхолически, на губахъ была подозрительная, натянутая улыбка. Но Христофорскій, надо отдать ему справедливость, никогда не говорилъ о своей бѣдности. Бакановъ былъ пріятно пораженъ неожиданной просьбой Христофорскаго.

— Я-съ, рекомендоваться имѣю честь, харьковскій помѣщикъ Христофорскій, былъ студентомъ, теперь служу въ казенной палатѣ и... и... такъ какъ вы, я слышалъ, много сочиняете, литературой занимаетесь, то я и пришелъ къ вамъ, Степанъ Степавычъ, въ случаѣ, если будете отдавать что нибудь переписывать, то доставьте мнѣ это удовольствіе, ибо я пишу такъ, какъ не многіе писать могутъ-съ.

— Гм! Такъ вы были въ университетѣ! Садитесь пожалуйста, Христофорскій! У меня, дѣйствительно, много есть кой что переписывать, но почему же вы знаете, что я пишу-съ?

— Я слышалъ, что вы занимаетесь философіей.

— Гм! Это вы отъ студентовъ слышали?

— Отъ студентовъ, проскрипѣлъ Христофорскій.

— А вы, ваша какая специальность?

— Моя специальность? Я также изучалъ... я изучалъ литературу, въ особенности же исторію.

— Препользительное занятіе-съ... помните, великолѣпное опредѣленіе исторіи. Гм! *Исторія есть поприще, на которомъ духъ человѣческій совершаетъ свое развитіе*, сказалъ Бакановъ, повторяя только-что вычитанную имъ гдѣ-то фразу:— а изучали ли вы когда нибудь исторію философій?

Христофорскій нахмурился и повѣсилъ носъ.

— Нѣтъ-съ... кажется, этотъ предметъ мнѣ не попадался, сказалъ онъ съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ въ голосъ.

— По крайней мѣрѣ читали ли вы эстетику Гегеля?

Христофорскій еще ниже опустилъ носъ, и Баканову показалось, что онъ обидѣлся. «Смѣшная физіономія!» подумалъ Бакановъ. «Вотъ лѣшій! экзаменовать меня выдумалъ!» подумалъ Христофорскій.

— Мало ли что я читалъ-съ! сказалъ Христофорскій и даже покраснѣлъ съ досады. Онъ всегда краснѣлъ, когда ему что нибудь не нравилось или ставило въ непріятное положеніе.

— А вотъ извольте-ка посмотрѣть, какая у меня библіотека, есть чѣмъ позаняться, сказалъ Бакановъ, указывая рукой на шкапы съ книгами.

— Да, у васъ очень хорошая библіотека.

Бакановъ сталъ показывать ему книги, въ особенности французскія, стараясь вовлечь его въ ученый разговоръ, однимъ словомъ, покопаться въ головѣ своего гостя, но Христофорскій самодовольно улыбался, подбоченивался, оглядывалъ кабинетъ и не давалъ ему копаться въ головѣ своей. Бакановъ, потолковавши съ нимъ четверть часа о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе, сталъ подозрѣвать, что гость его или дѣйствительно глуповатъ, или мазурикъ.

— Хорошо-съ, я непременно дамъ вамъ переписку, непременно, только вотъ что... приходите ко мнѣ въ четвергъ утромъ или хотъ къ обѣду; если хотите впередъ получить, то вотъ вамъ... сколько вамъ?... ну, вотъ вамъ шесть рублей задатку... двѣ трехрублевенькихъ! Довольно?

Христофорскій обрадовался и просіялъ, не умѣвъ скрыть своей радости. Бакановъ подумалъ: «онъ меня надуетъ и не придетъ въ четвергъ, тѣмъ лучше; можетъ быть, онъ и не мазурикъ, да ѣсть нечего, шесть рублей ему пригодятся, а переписывать у меня пока еще и нечего. Коли надуетъ, такъ и слава Богу!»

Такъ съ этой мыслью онъ и раскланялся съ Мокѣемъ Трифоновичемъ.

Но Мокѣй Трифоновичъ надѣлъ въ четвергъ новый галстукъ и явился къ Баканову, какъ разъ къ обѣду, а именно къ двумъ часамъ пополудни. Бакановъ, разумѣется, не ждалъ его.

IV.

Но, быть можетъ, вы хотите знать, что за человѣкъ этотъ Бакановъ.

Это былъ также феноменъ своего рода, одинъ изъ тѣхъ немногихъ купеческихъ сынковъ минувшаго поколѣнія, которыхъ соблазнила и увлекла слава Николая Полеваго. Ему захотѣлось учиться, но къ сожалѣнію, онъ началъ поздно, а именно не раньше двадцати трехъ лѣтъ и не прежде, какъ похоронилъ своего дражайшаго родителя, который, кромѣ псалтыря да Четин-Минен, ничего печатнаго выносить не могъ, на всемъ видѣлъ печать антихриста и проклялъ бы своего Степушку, кабы узналъ, что онъ тайкомъ отъ него долбитъ бусурманскіе французскіе вокабулы.

Жена этого Степушки (онъ уже былъ женатъ) также косо смотрѣла на его занятія. Въ книгахъ она видѣла только разоре-

нѣ, а во французскомъ языкѣ развратъ; но у ней была натура мягкая, довольно податливая, и Степанъ Степанычъ успѣлъ на столько перевоспитать ее, что она рѣшилась отдать къ французской мадамъ въ пансіонъ одиннадцати-лѣтнюю дочь свою.

Бакановъ съ грѣхомъ пополамъ выучился французскому языку и сталъ выписывать «Revue de deux Monde», читалъ романы только что появившагося на сцену Жоржа Занда, углублялся въ Штрауса, изучалъ социалистовъ, хотѣлъ выработать изъ себя практическаго мудреца, и выработалъ средней руки самоучку, удивляющаго недорослей всѣми модными словами, фразами и выводами того времени, тревожно-жизненнаго во Франціи. Странно было слышать въ устахъ Баканова, человѣка той среды, въ которой никто почти ничего не читалъ, въ которой Пушкинъ былъ бы новостью, а курсъ словесности профессора Давыдова недостижимой премудростью—слышать слова: Кантъ, Гегель, эстетика, абсолютный духъ, порлетаріатъ, эманципація, сенсимонизмъ и тому подобное.

Въ дворянскомъ кругу у него почти что не было знакомыхъ (онъ пробавлялся студентами), литераторовъ онъ зналъ только по именамъ, и только къ Полевому, передъ которымъ благоговѣлъ, лично приносилъ свои неудачные опыты драмъ, повѣстей и разсужденій того времени.

Книгопродавцы московскіе, въ особенности Кольчугинъ, кланялись ему издали и считали за особенное удовольствіе бывать у него въ гостяхъ.

Что касается до гостинодворскихъ купцовъ, они знали только, что Бакановъ капиталистъ, что у него чайный магазинъ на Дмитровкѣ, три лавки въ гостинномъ ряду, два дома, дача въ Сокольникахъ и нѣсколько сундуковъ съ серебряной посудой. Про его же начитанность говорили, какъ про такое дѣло, за которое накажетъ его Богъ, или смотрѣли на его занятія, какъ на явное сумасшествіе.

Бакановъ былъ не безъ способностей, но уже рѣшительно безъ всякаго дарованія. Съ трагедій, во вкусѣ Кукольника, переложеннаго въ прозу, и романовъ спустился онъ на проэктъ, собиралъ статистическія данныя и даже писалъ большую статью о русской торговлѣ на востокѣ. Проэктъ эти были переписываемы, разсылаемы и, разумѣется, никѣмъ почти не читаемы.

Мы застаемъ въ разсказѣ нашемъ купца Баканова, перешагнувшаго на пятый десятокъ, уже не мечтающаго о популярно-

сти, нажившаго геморой и понявшаго, что всѣ его творенія или будутъ оцѣнены отдаленнымъ потомствомъ, или никѣмъ, и не смотря на это, нисколько не разочарованнымъ, не раздражительно-жельнымъ, напротивъ, такимъ же, какъ и былъ: смиреннымъ и благодушнымъ халатникомъ. Жизнь его пошла ровнѣе, хоть по временамъ онъ и либеральничалъ по старому; но такъ какъ ни либерализмъ, ни скептицизмъ, ни даже атеизмъ Степана Степаныча нисколько не мѣшали ему ѣсть постное, когда жена его Марья Савишна и дочь Саша постились, или служить молебны, когда этого требовали домашнія соображенія, то и семейная жизнь его текла ровно, весело отпраздновала серебряную свадьбу, и еще тише, еще ровнѣе понесла его къ старости. Ни одна прадедовская лампада не потухла въ ихъ домѣ, не смотря на десятки атеистическихъ запрещенныхъ цензурою книгъ, таящихся въ шкапахъ Баканова, какъ нѣчто особенно интересное, какъ такая кабинетная рѣдкость, которую можно только знатокамъ показывать.

Торговля дѣла его пошла немного лучше. Онъ всю жизнь свою велъ ихъ спустя рукава, но сама судьба берегла Баканова; у него, во первыхъ, были такіе удивительные прикащики, что если подчасъ и надували его, то надували по мелочамъ, по христіански надували, а это не послѣднее счастье; во вторыхъ, у него была жена Марья Савишна, и это была удивительная женщина! Бывало зимой, въ трескучіе морозы, завезетъ дочь свою въ пансіонъ, а сама въ теплыхъ сапогахъ, въ лишемъ салонѣ, въ капорѣ, отправляется въ городъ прямо въ лавку подъ № 85 и усядется она тамъ, какъ насѣдка, гдѣ нибудь въ дальнемъ уголкѣ, за чайнымъ столикомъ, и сидитъ тамъ до самыхъ вечеренъ, и такъ пьетъ чай, что инда отъ нее паръ валитъ; иногда пересматриваетъ, перевѣряетъ счетныя книги, иногда подчуется калачами сидѣльцевъ, иногда шутитъ съ ними, иногда ворчитъ: «дураки! отбиваете посѣтителей, никакой сноровки нѣтъ, никакого поведенія!» Сидѣльцы, парни богобоязливые, молча ее выслушивали и подобострастно ей прислуживали. Купцы, сосѣди по лавкамъ, не разъ тыкали Марьей Савишной прямо въ носъ своимъ разфранченнымъ женамъ. «Вотъ», говорили они имъ: — «Марья Савишна—кладъ жена, лучше всякой бухгалтерин, а вы что? Вы чортъ знаетъ, что такое!» Въ хозяйство Бакановъ также не вмѣшивался, увѣренный, что все будетъ въ свое время по милости Марьи Савишны: и кулебяки, и блины, и настойки, и на-

ливки, и соленые огурцы, и моченая брусника, и квасъ, и медъ, словомъ все, безъ чего бы Бакановъ и дня не прожилъ, не смотря на всю свою философію. Онъ самъ иногда острилъ, приступая къ какому нибудь очень сытному завтраку: «а что», говорилъ онъ: — «кабы у нѣмцевъ была такая физика, не пошла бы имъ въ голову метафизика». Вообще Бакановъ почему-то считалъ себя острякомъ и подчасъ любилъ даже каламбурить.

Дочь его Александра Степановна была также дѣвка добрая, и когда онъ говорилъ ей на неслыханномъ французскомъ языкѣ:

— Э бьенъ, команъ аве ву дорми?

Она старалась понимать его и отвѣчала:

— Très bien, рара.

— Аве ву лю сетъ романъ ке же ву донне?

— Quel roman? а, да! да! я начала его читать.

Александра Степановна была далеко не такъ притка, какъ ее отецъ въ юности, и читать много не любила. Читала же больше по добротѣ своего сердца, для того, чтобы доставить удовольствіе своему папенькѣ. Папенька же воображалъ, что онъ ее развиваетъ, и это льстило его самолюбію.

V.

И такъ, Христофорскій въ четвергъ явился къ Баканову... Бакановъ, чуть было не сказалъ ему. «Ну кто жъ васъ зналъ, что вы придете!...» Пошелъ поискать у себя въ бюро, нѣтъ ли чего нибудь дать ему переписать... порылся у себя въ тетрадяхъ, и ничего не нашелъ. «Ну, сказалъ онъ, въ другое время, извините, а благо пришли къ обѣду, то не хотите ли сперва червячка заморить, чѣмъ Богъ послалъ. Водку-то пьете ли?»

— А коли желудочная, то выпью, сказалъ Христофорскій.

— Ну-съ, пойдемте въ столовую.

И запахнувши халатъ свой, Бакановъ черезъ рядъ комнатъ, богато, но безъ вкуса убранныхъ, повелъ своего гостя въ столовую.

Къ обѣду явилась хозяйка дома, Марья Савишна, въ чепцѣ и капотѣ, дочь ея Саша, или мадемуазель Александринъ, какъ называлъ ее отецъ, да еще низенькій, коренастый, краснощекій, словно изъ дерева выточенный, старичокъ—прикащикъ изъ чайнаго магазина.

Сѣли за столъ, хозяйка разливала супъ. Горничная прислуживала. Старичокъ—прикащикъ вертѣлъ плотно стриженной головой, какъ будто хотѣлъ вывернуть ее изъ тѣснаго гастука... Александрина оглядывала Христофорскаго, находя его похожимъ на общипанную птицу. Христофорскій сначала сидѣлъ вытянувшись, какъ цыпля, потомъ мало по малу разшевелился, налилъ изъ графина квасу въ стаканъ Александры Степановны. Спросилъ Марью Савишну, часто ли она бываетъ у обѣдин? сказалъ, что когда онъ былъ маленькимъ, то всегда ходилъ самъ на клиросъ и пѣлъ, что у него тогда былъ дискантъ, но что теперь дискантомъ онъ уже пѣть не можетъ, потому что у него басъ, и довольно хорошій басъ, но что басомъ пѣть онъ еще не пробовалъ.

Марья Савишна посоветывала ему попробовать.

— Когда нибудь попробую, сказалъ Христофорскій.

Бакановъ опять было завелъ разговоръ о книгахъ, но неудачно, Христофорскій отдѣлывался, говоря, что онъ очень занятъ службой, и что хотя читать его единственное удовольствіе, но что онъ очень занятъ.

— А сколько, примѣрно, вы получаете жалованья? спросилъ Бакановъ.

Христофорскій покраснѣлъ и потупился: — восемь съ половиной, процѣдилъ онъ сквозь зубы, и какъ-то въ носъ; потомъ какъ бы спохватившись, что сказалъ правду, пуще покраснѣлъ и еще ниже потупился.

Присутствующие за столомъ все, кромѣ чайнаго прикащика, замѣтили смущеніе бѣднаго Христофорскаго и почувствовали къ нему нѣчто въ родѣ состраданія; Александра Степановна въ особенности поглядѣла на него съ участіемъ. Она была нехороша собой, но большіе сѣрые глаза ея свѣтились добротой и глядѣли ласково. Христофорскій, въ свою очередь, замѣтилъ устремленный на него взглядъ дѣвушки, и подумалъ: ги! Я ей нравлюсь... прекрасная дѣвушка!

Все помолчали.

— Маловато, сказалъ Бакановъ:—на орѣхи не хватитъ.

— Я орѣховъ никогда не ѣмъ, сказалъ Христофорскій съ чувствомъ достоинства.

— А вотъ мы васъ послѣ обѣда поподчуемъ...

И дѣйствительно, не прошло и четверти часа послѣ обѣда, и не успѣлъ Христофорскій въ кабинетъ хозяина трубку выкурить,

какъ та же самая горничная, что прислуживала за столомъ, явилась съ подносомъ, на которомъ стояли: тарелка съ миндалемъ, тарелка съ пастилой, тарелка съ пряниками и тарелка съ гречкиными орѣхами. Христофорскій взялъ всего по немножку...

Когда въ сумерки онъ рѣшился растаться съ диваномъ и проститься съ Бакановымъ (у него, какъ видно, стало уже проявляться нѣчто въ родѣ такта), Бакановъ попросилъ его въ свободное время заходить къ нему безъ церемоніи, и обѣщалъ ему найти работу.

— Миѣ надо непременно что нибудь работать, сказалъ Христофорскій: — я могу уроки давать и готовить къ экзаменамъ, — это я все могу...

Бакановъ хоть и не слишкомъ повѣрилъ въ его всемогущество, но обѣщалъ кой что для него сдѣлать и проводилъ его до передней.

Пока Христофорскій шагалъ по набережной Москвы рѣки, собираясь послѣ сытнаго обѣда въ Александровскомъ саду послушать музыку, въ кабинетѣ Баканова произошелъ слѣдующій разговоръ.

— А вѣдь... этоть... какъ его, Христофановскій-то... того, глуповать, хоть и не казистъ... сказалъ Бакановъ.

— На лбу не написано, сказалъ старичокъ, съ тѣмъ выраженіемъ невольнаго сожалѣнія, съ какимъ обыкновенно говорить люди о предметахъ, недоступныхъ ихъ пониманію.

— А что, не предложить ли ему мѣсто при моей кладовой, чай, радъ будетъ...

— При кладовой... нечего сказать, придумали.

— Ну да... чтожь такое? что онъ дворянинъ-то! Эка бѣда!

— Бѣды нѣтъ, да и находки нѣтъ.

— Такъ отъ чего же?

— Да вы, батюшка, Степанъ Степанычъ, лучше сядьте у окошечка, да и глядите, кто первой пройдетъ, того и кликните, да и поручите ему исправлять всякія должности...

— Ну, что вы говорите, всякій, кто пройдетъ; ну, а если пройдетъ генераль-губернаторъ?

— Ну и... прикащикъ запиулся и покраснѣлъ: — я не о генераль-губернаторѣ рѣчь веду... Какая стать генераль-губернатору по нашей улицѣ ходить... чего онъ тутъ не видалъ, помилосердствуйте! Я говорю, первый голышъ, коли пройдетъ — голышъ?

•

— Ну голышъ, а если этотъ голышъ — честный человѣкъ?

— А если мазурикъ?

— А если честный?

— Ахъ ты, Господи ты Боже мой! Честный! да много ли честныхъ-то, помилосердствуйте, Степанъ Степанычъ! Ба-а-тюшка!! одинъ, другой, да и обчелся: изъ тысячи, съ пальцемъ девяти не приберешь. Гдѣ вы это нашли, чтобы голякъ честный былъ!?

— А къ чему же послѣ этого провинительность-то? Такъ вы думаете, я и не увижу? Да я на одну физиономію взгляну и все сразу увижу: вѣдь вотъ узналъ же, что недалекъ...

— Да у него и физиономія-то нѣтъ, помилуйте.

— Ну, какъ нѣтъ, у всякаго человѣка есть физиономія.

— Ну такъ вы всякаго и позовите, и доверьтесь, и душу свою раскройте, и сундукъ отоприте, и повѣреннымъ сдѣлайте, и въ прикащики произведите... Заговорилъ старичокъ; разгорячась, какъ уголекъ, на который дуютъ; онъ стоялъ передъ Бакановымъ сложа на брюшкѣ своемъ маленькія, старенькія руки, приподнявши плечи, и при каждомъ словѣ кивая головою.

Баканову было очень пріятно, что онъ раздражилъ своего пѣстуна; онъ принялся ему противорѣчить, и противорѣчилъ до тѣхъ поръ, пока старичокъ не плюнулъ въ сторону, и не замолчалъ.

А когда онъ замолчалъ, тогда Бакановъ совершенно съ нимъ согласился, и позвалъ его играть въ преферансъ, самъ третьей съ Марьей Савишной.

Старичокъ мигомъ утихъ, вынулъ большую круглую табакерку, со скрипомъ отворилъ ее, громко понюхалъ, потихоньку крикнулъ и пошелъ, утираясь синимъ платкомъ, за ломберный столъ въ другую комнату.

VI.

Нечего распространяться о томъ, какъ Христофорскій сперва рѣдко, а потомъ все чаще и чаще сталъ навѣдываться къ Бакановымъ. Они же въ то лѣто оставались въ Москвѣ у Красныхъ воротъ, потому что, изволите видѣть, дачу въ Сакольникахъ, свою собственную дачу, Марья Савишна рѣшилась одной своей даль-ной родственницѣ за хорошую цѣну въ наймы отдать; ну, а въ

другую, чужую даму переѣзжать ей не хотѣлось, особливо жаль было покинуть городской садъ, куда послѣ обѣда выносили тюфяки, клали подушки, и куда вся честная компанія (у Бакановыхъ вѣчно обѣдали гости) выходила полежать подъ тѣнюю древесъ, покурить, пить зельтерскую воду, иногда и шампанское. Гости снимали тамъ сюртуки и даже стаскивали галстуки по приѣзду хозяина, что случалось нерѣдко и въ дамскомъ обществѣ, но дамы или уходили въ другой уголъ сада, или сами не церемонились. Въ саду были скамейки, дорожки, цвѣтники съ жолтенькими цвѣточками, все больше изъ роду ноготковъ да настурцій; красные піоны цвѣли на славу. Малины было много. Изъ-за темныхъ высокихъ заборовъ выглядывали сады сосѣдей, тамъ также иногда слышались голоса, особливо вечеромъ, когда дворовые дѣвушки въ горѣлки играютъ. Въ заборахъ были разумѣется и щелки, къ которымъ охотники подглядывать смѣло могли, присѣвъ на корточки, приставлять глаза свои, — словомъ, садъ былъ Московскій, хорошій садъ. Но какъ бы ни приятно было его описывать, я долженъ не упускать изъ виду Христофорскаго, хоть, можетъ быть, личность его и не слишкомъ интересуеъ моихъ читателей.

Давно Христофорскій не проводилъ такъ хорошо своего времени, онъ даже какъ будто пополнился, покрылся лоскомъ. Въ какомъ-то поэтическомъ настроеніи онъ себя чувствовалъ, когда въ тиши гостепріимнаго сада возлегалъ на кончикѣ ковра, за спиной самага Баканова, особливо если Бакановъ кликалъ свою Александрину, и она являлась въ бѣломъ платьицѣ, полненькая, слегка загорѣлая, и наклонившись, подносила гостямъ корзиночку съ душистою клубникою; Христофорскій безъ зазрѣнія совѣсти глядѣлъ на нее страстными глазами, и такимъ образомъ не рѣдко приводилъ ее въ смущеніе.

Но что за дѣвушка была эта Александра Степановна?

Я долженъ вамъ сказать, господа, что она была хорошая дѣвушка.

Она была бы не дурна собой, еслибъ на крутомъ изжелта блѣдномъ лицѣ ея былъ поменьше ротъ да подлиннѣе носъ, и еслибъ около этого небольшого, словно припухшаго носика не было бородавки. Если бы вы закрыли всю нижнюю часть лица ея, вы нашли бы, что у Александры Степановны такіе глаза, какихъ немного, большіе водянисто-сѣрые, съ длинными загнутыми вверхъ рѣсницами, добрые, ласковые. Нижняя же часть лица ея,

къ сожалѣнію, слишкомъ смахивала на бритый подбородокъ ея бѣлобрысаго папеньки. Если взять въ расчетъ недавно отцомъ ея отпразднованную серебряную свадьбу, надо полагать, что Александра Степановна была уже солидныхъ лѣтъ, была невѣстой, достигшей самой высокой степени дѣвственной зрѣлости; сама Александра Степановна давно уже считала себя старой дѣвушкой, и что всего невѣроятнѣе, воображала себя такимъ уродомъ, что не любила смотрѣться въ зеркало.

Еще въ дѣтствѣ одна тетюшка, подозрѣвавшая въ ней склонности къ кокетству, потому что она часто глядѣла въ окошко, напѣла ей про ея уродливость, и, — что невѣроятно, но это такъ, — сознаніе что она дурна, что никогда, никому она не нравилась, что никто ее не полюбитъ, до такой степени сроднилось съ ней, что она потеряла всякую надежду выйти замужъ; «ужь стало быть я плоха, думала эта дѣвушка, если при моемъ состояніи никто еще, хоть бы на смѣхъ, никто за меня не посватался!» Эти мысли придавали ей нѣчто горько-меланхолическое, и она не разъ казалась даже хорошенькой, стоя въ сумерки у окна и всѣмъ лицомъ своимъ задумчиво обратившись къ полному за синимъ стекломъ мерцающему мѣсяцу.

Чѣмъ старше становилась Александра Степановна, тѣмъ болѣе убѣждалась въ томъ, что она несимпатичная, никому ненужная дѣвушка, ни у кого и рѣчи не было о ея замужествѣ, а между тѣмъ она очень хорошо знала, что въ кругу ея родныхъ и знакомыхъ — та была влюблена, другая кокетничала и возбуждала такія страсти, что хоть пожарной трубой заливай, та — готовилась подъ вѣнецъ, та давно уже была замужемъ и въ 20 лѣтъ такъ уже разиѣжилась, такъ раскисла, что еле еле говорить, еле ногами двигаетъ, однимъ словомъ, никого житейскій романъ не обошелъ, всѣхъ зацѣпилъ, а одну ее обошелъ, одну ее зацѣпить было не за что. Сколько чужихъ секретовъ она знала, сколькимъ помогала по добротѣ души своей и тайно завидовала. Конечно, этого она никому не высказывала... это была тайна, горькимъ отсадкомъ улегшался на днѣ души ея, и только по временамъ возмущаемая.

Заклучите сами изъ того, могла ли Александра Степановна не замѣтить, что Христофорскій глядитъ на нее не такъ, какъ другіе — такъ глядитъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ она ему ужасно какъ нравится.

«Неужто нравлюсь!.. думала она. Вотъ новости! до сихъ поръ

съ малолѣтства ни одному еще мужчинѣ не правила — вдругъ пригласилась? Скажите пожалуйста!...

И съ этою мыслью входила она въ садъ и подчивала Христофорскаго — то ягодами, то пряниками, то орѣхами.

Мало по малу Христофорскій рѣшился на комплименты.

— Какъ жаль, сказалъ онъ ей: — что у васъ нѣтъ розановъ.

— А вамъ хочется, чтобъ были розаны? были у насъ, да пропали.

— Очень жаль, что нѣтъ, всѣ бы видѣли, что вы лучше всякихъ розановъ.

Александра Степановна покраснѣла и отошла: этотъ пошлый комплементъ ей понравился.

«Вѣдь вотъ же, подумала она, правлюсь же и я кому нибудь, хоть Христофорскому, да вѣдь понравилась же... Говорять, глупъ; ну, положимъ, глупъ, ну, а если я ужъ такъ родилась, что только дураку и могу понравиться, что жъ мнѣ дѣлать? глупъ... ну да вѣдь не глупѣе же меня... Дуракъ! плохъ, ну да вѣдь не хуже же меня... Будь онъ умнѣе, да лучше, можетъ быть, и смотрѣть бы на меня не сталъ».

Христофорскій былъ уже вполне убѣжденъ, что она только объ немъ и думаетъ, и Христофорскій на этотъ разъ не совсѣмъ ошибался, къ сожалѣнію.

VII.

Но какимъ образомъ Христофорскій попалъ на службу къ Баканову? Это случилось очень просто: Бакановъ какъ-то осенью проговорился:

— Безъ людей, какъ безъ рукъ, сказалъ онъ кому-то при Христофорскомъ: — есть у меня кладовая... ну, вотъ, куда еще всякую громоздкую движимость складываютъ на сбереженіе... Чай, знаете? около Мясницкихъ воротъ... ну, да какъ же это вы не знаете? въ домѣ моей жены, что ей достался послѣ дяди, не Алексѣя Петровича, а Петра Петровича... Еще тамъ такая вывѣска на голубомъ полѣ золотыми буквами... Домъ на дворѣ... Ну, вотъ тотъ самый, про который, помните, говорили, будто никто не занимаетъ, потому что тамъ, вишь, черти по ночамъ возятся... Дѣйствительно, не занимали... Ну, я сдѣлалъ кладовую... и ничего-съ, черти унялись. Только вотъ бѣда: не найду чело-

вѣрка, который принялъ бы эту кладовую подъ свое вѣдѣніе... У меня теперь тамъ лавочники чередуются... Не удобно—надо записывать, билеты выдавать; надо, однимъ словомъ, тамъ быть по крайней мѣрѣ до двухъ часовъ пополудни. Ну, а они уходятъ, ты не застаешь... Это подрывъ... Я бы и 25 рублей въ мѣсяцъ не пожалѣлъ... далъ бы... и квартиру бы далъ... и все. А то еще, чего добраго, раскрадутъ, такъ еще процессъ наживешь... Просто, бѣда! Ищу такого человѣка, который бы...

Тутъ Бакановъ, обратившись къ другимъ гостямъ, объяснилъ, какого онъ ищетъ человѣка и какія будутъ его обязанности.

Христофорскій въ это время сидѣлъ въ углу и молчалъ. Начала рѣчи онъ не разслышалъ, потому что мимо двери прошла Александра Степановна, заглянула въ комнату, мимоходомъ на него взглянула и скрылась. Но конецъ рѣчи онъ очень хорошо понялъ, и ушелъ домой съ бьющимся сердцемъ. Всю ночь мережились ему 25 рублей, квартира, дрова, прислуга, и просто не давали ему спать. Въ эту же ночь, какъ нарочно, въ его собственной квартирѣ воняло какимъ-то кислымъ мыломъ, а за перегородкой пищалъ хозяйскій ребенокъ.

На другой день, рано утромъ, явился Христофорскій къ Баканову.

— Что это вы, ни свѣтъ, ни заря? спросилъ его Бакановъ, утираясь полотенцемъ, ибо онъ только что всталъ и умылся.

— Я согласенъ-съ, брякнулъ ему Христофорскій.

— Что такое? Бакановъ раскрылъ ротъ и опустилъ полотенце, поддерживая его обѣими ладонями. Въ его рыхлыхъ, свѣтлыхъ бакенбардахъ еще дрожали капли воды; бѣлая, рыхлая шея и розовая грудь были раскрыты, шелковый, коротенькій халатъ висѣлъ на его плечахъ, какъ ряса.

— Я думалъ всю ночь, сообразилъ, и согласенъ, повторилъ Христофорскій.

Воображенію Баканова представилось что-то смѣшное: онъ готовъ былъ по обыкновенію засмѣяться, но Христофорскій облешилъ ему напрямикъ, что онъ согласенъ взять мѣсто при его кладовой, что это мѣсто нисколько не помѣшаетъ ему и въ казенной палатѣ получать жалованье, потому что, во первыхъ, переписывать казенныя бумаги онъ будетъ и вечеромъ, а во вторыхъ, потому, что и столоничальникъ его Сидоренко, Яковъ Ми-

хайлычъ, его очень любить и не будетъ ему ни въ чемъ препятствовать.

Христофорскій такимъ увѣреннымъ тономъ высказалъ свое согласіе, что рѣшительно озадачилъ Баканова. Ему ужь дѣйствительно показалось, что онъ о чемъ-то просилъ Христофорскаго.

— Гм! Такъ вы на это согласны, промычалъ онъ, отходя къ окну и ужь окончательно вытерши свою физиономію:—ну-съ, мы объ этомъ съ вами подумаемъ.

— Я, ничего... Я только пришелъ... такъ сказать, счелъ своей обязанностью объявить вамъ, что я согласенъ, такъ какъ вы хотѣли давно найти мнѣ работу и такъ какъ сама судьба къ тому ведетъ, чтобъ я былъ полезенъ вамъ.

— Хорошо, хорошо! Утро вечера мудренѣе, или, лучше сказать, вечеръ утра мудренѣе, потому что теперь утро, а по утрамъ я занятъ, у меня всегда по утрамъ есть занятія, приходите вечеромъ.

— Покорно васъ благодарю-съ... Очень благодаренъ вамъ, сказалъ Христофорскій съ сіяющимъ лицомъ.

Бакановъ, по уходѣ его, выпилъ стаканъ чаю и началъ философствовать.

— Хоть онъ и того... Бакановъ повертѣлъ у себя надо лбомъ указательнымъ пальцемъ. — Хоть и того, а не промахъ. Надо же и глупости жить на землѣ, и для дураковъ есть работа. Ну, какой образованный пойдетъ ко мнѣ въ кладовую за 25 рублей, когда, на что лавочники, и тѣхъ иногда тамъ одурь беретъ. Нѣтъ, природа знаетъ, что дѣлаетъ, надо только пользу извлекать изъ этой природы, и если глупость Христофорскаго на чтонибудь годится, надо и ее къ чемунибудь приспособить. Чѣмъ же онъ глупѣе какихънибудь паровъ, а эти пары работаютъ же. Къ тому же и то сказать, дай я это мѣсто Христофорскому, онъ будетъ доволенъ предоволенъ, вмѣсто 8 рублей, получать цѣлыхъ 25; ну, а другому дай хоть 100 рублей, такъ онъ счастливъ не будетъ. Отчего же мнѣ не осчастливить человека, тѣмъ паче, что онъ и не воръ, и не пьяница. Значить, имѣетъ всѣ шансы на то, чтобъ жить трудами рукъ своихъ.

Согласитесь, читатель, что все это отчасти очень гуманная философія. Значить, не даромъ же у Баканова была такая библиотека. У другихъ есть и не такія книгохранилища, и все-таки въ головѣ нѣтъ и десятой доли бакановской философіи.

VIII.

Такимъ образомъ Христофорскому удалось обезпечить на цѣлую зиму свое существованіе, промѣнять грязный уголъ свой на довольно чистую и уютную комнату. Къ первому сентября онъ уже былъ на новомъ мѣстѣ. Одинъ изъ прикащиковъ Баканова передалъ ему всѣ счета, списокъ вещамъ, отданнымъ въ кладовую на сохраненіе, съ номѣтою, когда получены, отъ кого приняты, на сколько времени и подѣ какимъ номеромъ; книгу съ выданными и невыданными печатными билетами, книгу для записыванья получаемыхъ денегъ, книгу просроченнымъ вещамъ и тому подобное.

Все это осмотрѣлъ Христофорскій и, надо отдать ему справедливость, очень хорошо понялъ, чего отъ него требуютъ. Въ комнатѣ его была изразцовая печь, кровать, столъ, маленькій диванчикъ, нѣсколько стульевъ, конторка, комодъ и мѣдный тазъ съ умывальнымъ кувшиномъ на окнѣ. Все это Христофорскій привелъ въ порядокъ; на столъ поставилъ свой ящикъ и по бокамъ два подсвѣчника, табачницу и коробочку со спичками, на окнѣ помѣстилъ два своихъ чубука, одинъ длинный, другой короткій; въ комодъ уложилъ все бѣлье свое и даже все свое платье, на комодѣ помѣстилъ бритвенницу и зеркальце, прибилъ гвоздь для шинели и для фуражки, велѣлъ Трофиму вычистить мѣдный позеленѣлый тазъ и послалъ его къ Баканову спросить, нѣтъ ли у него какихъ нибудь ширмочекъ. Ему хотѣлось отъ глазъ посѣтителей загородить постель свою, на которой красовалась ситцевая подушка и старое, стеганое одѣяло, весьма невзрачное. Бакановъ обѣщалъ достать ему ширмы.

На другой день Христофорскій велѣлъ исправить замки въ комодѣ и придѣлать изнутри задвижку. Чуть ли еще не впервые отъ роду Христофорскій такъ распоряжался и видѣлъ у себя въ распоряженіи дворника, сторожа, и наконецъ Трофима, которому, кромѣ должности сторожа, Бакановъ приказалъ чистить Христофорскому сапоги, ставить ему самоваръ и подавать умываться.

Изъ его комнаты шла еще дверь въ бывший кабинетъ бывшаго хозяина и потомъ въ другія комнаты, превращенныя въ кладовыя; дверь эта была заперта, и Христофорскому цѣлыхъ двѣ

почи чудилось, что за этой дверью кто-то шевелится и шарить. Это, конечно, были мыши. Внизу подъ лѣстницей жилъ Трофимъ и, какъ мы уже знаемъ, имѣлъ обыкновеніе упражняться въ музыкѣ: игралъ иногда отъ скуки на своей гармоникѣ. На верху былъ высокій чердакъ, и тамъ, по ночамъ, носились иногда какіе-то звуки. Это, конечно, былъ вѣтеръ. Христофорскій слышалъ, что въ домѣ этомъ нечисто, ждалъ ночью появленія чертей и лежалъ на спинѣ, выставивъ изъ подъ одеяла чуткій носъ, насторожа уши и хлопая глазами до тѣхъ поръ, пока дремота окончательно не одолевала ихъ. Такъ прошло двѣ, три ночи, послѣ чего, убѣдившись, что ничего страшнаго нѣтъ и что черти его не трогаютъ, Христофорскій сталъ спать по прежнему.

Имѣя въ виду, безъ большихъ хлопотъ, получать въ мѣсяцъ двадцать пять рублей отъ Баканова да восемь рублей въ палатѣ, итого тридцать три рубля въ мѣсяцъ, Христофорскій почувствовалъ, что счастье ему улыбнулось.

И вотъ какого рода послѣдствія произошли отъ такого счастья.

Христофорскій превратился въ барина. Превратившись въ барина, онъ вообразилъ, что дѣлаетъ великую честь Баканову, согласившись занять у него такое мѣсто, которое скорѣе прилично какому нибудь мелкотравчатому купцу или отставному писарю: «Бакановъ это, конечно, будетъ цѣнить», думалъ Христофорскій.

Чтобы всѣмъ показать, что онъ не простой смертный, онъ сталъ спѣсиво и величаво обращаться съ своими новыми подчиненными. Трофима сталъ приучать набивать себѣ трубки и подавать себѣ огонь, и сначала совершенно осѣдлалъ этого медвѣдя, хотя этотъ медвѣдь почему-то думалъ, что Христофорскій не баринъ, а просто какой-то приказный, что будь онъ баринъ, у него не было бы такой скверной подушки и такого истасканнаго одеяла.

Потомъ Христофорскій положилъ себѣ за правило конить деньги и дрожать надъ каждой копѣйкой. Нужда, преслѣдующая его столько лѣтъ, развила въ немъ какую-то лихорадочную любовь къ пятакамъ, грошамъ и копѣйкамъ. Онъ почти во всемъ себѣ отказывалъ; только отъ чаю да отъ жукова табаку отучить себя никакъ не могъ. Любимой мечтой его стало накопить триста рублей, сшить себѣ новые брюки, модный фракъ, повязать на шею хорошенькій галстучекъ и плѣнить какую нибудь

богачиху. Такимъ образомъ цѣль накопить деньги хотъ и проис- текала въ немъ отъ любви къ деньгамъ, но представлялась ему чѣмъ-то въ родѣ средства къ достиженію другой, уже совершенно мечтательной цѣли.

Отъ Мясницкихъ воротъ до Красныхъ не слишкомъ далеко, если взять въ расчетъ, что «Москва дистанція огромнаго размѣра», и если при этомъ взять въ расчетъ, что на чужой счетъ питаться гораздо выгоднѣе, чѣмъ тратить свое жалованье, то и не мудрено придти къ заключенію, что всю зиму Христофорскій не оставлялъ Бакановыхъ своимъ посѣщеніемъ. Дѣло свое онъ велъ не дурно, то есть аккуратно — даже переписалъ на чисто какую-то старую счетную книгу, для чего это, и самъ Бакановъ понять не могъ. Впрочемъ, Бакановъ былъ имъ доволенъ; но странно, чѣмъ болѣе Христофорскій важничалъ, тѣмъ менѣе Бакановъ обращалъ на него вниманія, иногда онъ вовсе не замѣчалъ его присутствія, иногда, считая его совершенно домашнимъ, говорилъ ему: «экой ты, братецъ!» или довольно фамильярно надъ нимъ подтрунивалъ. Александра Степановна все болѣе и болѣе привыкала къ его невзрачной птичьей физіономіи, къ его маленькимъ глазамъ, устремленнымъ на нее изподтишка съ выраженіемъ страсти, къ его скрипучему голосу, и главное, воображала, что это для нея онъ такъ часто, чуть не каждый день, ходитъ къ нимъ. Иногда, когда Христофорскій садился у нихъ въ кресла, вытянувши ноги, повѣсивши носъ, и вѣроятно ни о чемъ не думая, она подходила къ нему и говорила смѣясь: «перестаньте думать!» Христофорскій иногда говорилъ, что онъ хотѣлъ быть медикомъ, говорилъ, что у него было много враговъ и ему помѣшали сдѣлать эту карьеру, что мать его, помещица, умерла, и что онъ самъ не знаетъ, что послѣ нея осталось, потому что связанъ былъ ужасными обстоятельствами, и не могъ, никакъ не могъ изъ Москвы выѣхать, что одна богатая его любила, но онъ не любилъ и тому подобный вздоръ. Все это Христофорскій говорилъ, не пускаясь ни въ какія подробности, а такъ, все какими-то намеками. Вообще, онъ, какъ калачъ тертый и уже достаточно жизнью наученный, понималъ, что казаться несчастнымъ человѣкомъ, гонимымъ судьбой, всего выгоднѣе въ сердобольномъ домѣ Бакановыхъ.

Марья Савишна, привыкшая въ домѣ своемъ видѣть всякаго сорта людей, была довольна отрицательными качествами Христофорскаго, то есть, что онъ не могъ, по тракту-

рамъ не пылется, не пьянствуетъ, и, подавая, что онъ нужный человѣкъ для Степана Степаныча, выносила его частыя посѣщенія безъ малѣйшаго ропота; иногда говорила ему «ты»: «ву ужъ, пожалуйста, ты не суйся, когда тебя не спрашиваютъ!» иногда «вы», «пора бы вамъ, батюшка мой, и во свояси, мы спать хотимъ». Не было у ней къ Христофорскому ни симпатіи, ни особеннаго нерасположенія; что же касается до прислуги въ домѣ Баканова, она терпѣть не могла нашего почтеннаго Мокія Трифоныча, въ особенности ключница Улита, кума Трофима. Трофимъ жилъ когда-то водовозомъ при дворѣ Баканова и имѣлъ дружескія связи со всей его дворней. Бывало, нѣтъ-нѣтъ, да и зайдетъ къ кумѣ напиться съ морозу чайку въ прикуску. Пьетъ, бывало, чай, стоя у лежанки въ дѣвичьей, пьетъ — молчитъ, дуется въ блюдечко, да нѣтъ-нѣтъ и заговорить о Христофорскомъ ни къ селу, ни къ городу. «Вишь, боится, что я у него табакъ выкурю, запираетъ, невидалъ какая, табакъ. Я махорку курю, не видалъ я его табаку!»

Потомъ помолчитъ-помолчитъ да и брякнетъ: «Сахаръ тоже, куски считаетъ, боится, сахаромъ его облакомлюсь».

Потомъ опять нальетъ себѣ полное блюдечко, дуется, глядитъ куда нибудь въ уголь печки и опять ни къ селу, ни къ городу.

— Что это за баринъ, такъ, названіе только одно, что баринъ!

— Аль больно строгъ? спросить кто нибудь изъ дворовыхъ.

— Да-а! Хочетъ, чтобъ безъ ваксы сапоги были зеркаломъ. Нѣтъ, шалишь! не будутъ они тебѣ зеркаломъ, коли ваксы нѣтъ. Все собирается самъ изъ какой-то сажки сдѣлать, да и щетки-то порядочной нѣтъ, свою потребляю, ей-Богу, свою!

Такіе толки, конечно, никого изъ дворовыхъ Баканова, избалованныхъ подачками да подарками, не располагали въ пользу Христофорскаго.

Нѣкоторые изъ болѣе частыхъ гостей Баканова, а именно, одинъ докторъ, Захаръ Ивановичъ, большой шутникъ и даже мастеръ играть на гитарѣ, которую лѣтомъ бралъ всегда съ собой за городъ, отправляясь на пикникъ съ компаніей, скоро замѣтилъ, что Христофорскій ухаживаетъ за Александрой Степановной, и явно надъ этимъ тѣшился. Молодой купчикъ, Куляпкинъ, племянникъ Марьи Савишны, также не мало трунилъ надъ нимъ.

Александра Степановна, по видимому, сама смѣялась, но

когда оставалась одна или послѣ ужина уходила въ свою комнату, то думала: «вотъ, въ кои-то вѣки полюбилъ меня человѣкъ, и того-то за это на смѣхъ поднимаютъ! какъ будто досада беретъ ихъ, что я приглянулась, а вѣдь кажется кому какое дѣло, ни одинъ изъ нихъ за мной не ухаживаетъ, только такъ, лзыкъ чешутъ. Господи! и что имъ завидовать! Вѣдь меня за него не выдадутъ. Онъ вѣдь и самъ не станетъ за меня свататься. Онъ глупъ, а вишь они умны, да что мнѣ отъ ихъ ума-то, ни тепло, ни холодно! Нашли себѣ потѣху, вишь умники! дѣлать-то имъ больше нечего! Ахъ, мать Пресвятая Богородица, не успѣла состариться, а ужъ глядятъ на меня, какъ на старую дѣвку, какого-то стараго генерала въ женихи сулятъ!»

Христофорскому же были ни почемъ, какъ къ стѣнѣ горохъ, всѣ эти шуточки, онъ даже былъ радъ, что на него обращаютъ вниманіе, хоть иногда и казался обиженнымъ, но это казалось только потому, что лицо его, краснѣя само собой, принимало какое-то жалкое сконфуженное выраженіе.

Вотъ еще что было особенно замѣчательно, Христофорскій сталъ брать у Баканова книги изъ его библіотеки.

— Какихъ же вамъ? спросилъ его Бакановъ.

— Какихънибудь, я все люблю читать.

— Ну, читали вы романъ такой-то?...

— Не помню, кажется, не читалъ, дайте!

Христофорскій бралъ романъ, приносилъ его домой и клалъ на столъ. Иногда, въ свободныя минуты, раскрывалъ книгу, гдѣ попало, прочитывалъ нѣсколько страницъ, иногда нѣсколько строкъ и успокаивался, клалъ книгу на мѣсто и думалъ: «какъ это было бы хорошо, еслибъ этотъ романъ я самъ сочинилъ, это было бы очень хорошо!...»

Черезъ недѣлю относилъ онъ этотъ романъ къ Баканову, благодарилъ его, бралъ другое какоенибудь сочиненіе и опять клалъ у себя на столъ.

Такимъ точно образомъ въ продолженіе зимы онъ перебралъ и перечиталъ множество книгъ у Баканова, и ни одной изъ нихъ не зачиталъ къ великому удовольствію хозяина.

— Я хочу прочесть у васъ всю библіотеку, говорилъ онъ Баканову.

— Ну, не скоро вы ее перечтете всю.

— Непремѣнно всю перечту, вотъ увидите, утверждалъ коварно Христофорскій, обзрѣвая шкафы.

— Ну, а хотите, я вамъ дамъ логику Бахмана, попробуйте-ка прочесть въ одну недѣлю да понять.

— Ну это, конечно, должна быть скучная книга, логика, но я ничего не хочу пропускать, Степанъ Степанычъ.

Степанъ Степанычъ въ наивности души своей удивился рвѣнію Мокія Грифоныча, хоть и былъ увѣренъ, что онъ серьезной книги никогда не пойметъ, какъ слѣдуетъ.

Такъ прошла зима безъ особенныхъ приключеній, кой-какія приключенія начались именно съ того дня, какъ случилось у Христофорскаго маленькое несчастіе: прачка потеряла платокъ. Вспомнимъ начало и пойдѣмъ далѣе.

IX.

Христофорскій аккуратно въ известное число получалъ деньги на жалованье сторожей, состоящихъ при кладовой, и въ томъ числѣ 5 рублей на Трофима. Но странно, получа эти деньги отъ Баканова, онъ не тотчасъ отдавалъ ихъ кому слѣдуетъ, а дня два, три, иногда даже и дольше держалъ ихъ у себя въ шкатулкѣ. Для чего онъ это дѣлалъ, Господь его вѣдаетъ. Когда прачка потеряла платокъ и проч., жалованье Трофима было у него въ карманѣ. Христофорскій, рѣшившись наказать своего слугу рублевымъ штрафомъ, полагалъ, что онъ вправѣ это сдѣлать, потому что, никогда самъ не покупавши фуляровыхъ платковъ, онъ вообразилъ, что платокъ его дѣйствительно стоитъ не меньше рубля, и что онъ поступить великодушно, если не возьметъ за него двухъ рублей.

Но Христофорскій почему-то сталъ трусить своего губастаго слуги: ужь слишкомъ дерзко тотъ сталъ лупить на него глаза свои. «Чортъ его знаетъ, думалъ Христофорскій: — что у него на умѣ. Не даромъ онъ все съ какими-то подозрительными фигурами за воротами разговариваетъ».

На другой или на третій день послѣ описаннаго мной разговора съ Трофимомъ, Христофорскій пошелъ въ лавочку, купилъ четвертку Жукова, размѣнялъ на мелочь пятирублевую ассигнацію, отсчиталъ четыре рубля и, когда возвращался домой, сунулъ эти деньги въ руки Трофиму, который попался ему въ воротахъ. «Жалованье», сказалъ онъ ему отрывисто и, какъ ни въ чемъ не бывало, вошелъ въ свою комнату.

Трофимъ, скривя губы, положилъ деньги (серебро и мѣдь) на ладонь, поглядѣлъ на нихъ и немедленно опустилъ ихъ въ боковой карманъ нанковыхъ, засаленныхъ шароваръ.

Трудно было бы судить по лицу его, догадался ли онъ, что рубль недостаетъ, или не догадался.

Пошелъ Трофимъ къ знакомому кваснику, выпилъ стаканчикъ квасу, и на его прилавкѣ сталъ пересчитывать свои деньги, пересчиталъ и какъ ошеломленный выпучилъ глаза, потомъ почесалъ затылокъ, но не сказалъ ни слова, даже не выругалъ Христофорскаго.

Христофорскій же цѣлыхъ четыре часа сидѣлъ у себя на диванчикѣ съ трубкою въ зубахъ и ждалъ появленія слуги своего, съ требованіемъ доплатить ему рубль. Давно онъ такъ много не курилъ. Дымъ такъ и ходилъ вокругъ него волнами, но Трофимъ не являлся до самой ночи; на ночь же пришелъ по обыкновенію взять сапоги, взялъ сапоги и, не сказавъ ни слова, даже не оглянувшись на барина, вышелъ.

Это удивило Христофорскаго. Онъ подошелъ къ двери и заперъ ее задвижкой. Потомъ онъ снялъ халатъ, раздѣлся, легъ въ постель и уже сталъ засыпать, какъ вдругъ вскочилъ. А что, если, вдругъ пришло ему въ голову, а что, если этотъ Трофимъ ночью возьметъ его сапоги, да и продастъ за рубль, что тогда?

«Я его тогда!—ну что я тогда буду дѣлать? а?»

И вотъ, озабоченный этой мыслию, онъ уже надѣлъ халатъ и туфли, собираясь спуститься внизъ, удостовѣриться, дома ли Трофимъ, и, пока еще время, выручить сапоги свои. Онъ уже отперъ двери, какъ вдругъ услышалъ ненавистные ему звуки гармоніи. Это убѣдило его, что Трофимъ дома и не думаетъ о сапогахъ его, иначе бы не игралъ на гармоникѣ. Встревоженные мысли его приняли другое направленіе. «А! Это онъ на зло мнѣ играетъ! чтобъ я спать не могъ, это онъ мнѣ на зло! скотина! Нѣтъ ужъ, будь я, не я, а ужъ я жъ его выживу, разбойника!»

Трофимъ, дѣйствительно должно быть на зло, всю ночь наяривалъ на своемъ инструментѣ, и выводилъ такія жалобныя ноты, что даже собака не утерпѣла и начала выть.

Пришло утро.

Сапоги Христофорскаго не пропали, но досада на Трофима также не пропала въ мелочной душѣ Христофорскаго, и когда тотъ по обыкновенію, дуя въ трубу и осыпаясь трескучими искрами, принесъ къ нему самоваръ, онъ сказалъ ему:—а ты, ско-

тина, вчера опять игралъ на гармоникѣ. Вотъ только ты поиграй въ другой разъ!

Трофимъ на это только головой мотнулъ. Самоваръ закипѣлъ и волна пара окатила скуластое лицо его. Сдѣлавъ свое дѣло, Трофимъ молча вышелъ.

На другую ночь Трофимъ вышелъ на дворъ, сѣлъ на скамейку, около лѣстницы. Подлѣ него сѣла какая-то баба (видно въ гости пришла къ нему). Ночь была сырая, но тихая и теплая, Москва кругомъ шумѣла, какъ море. Собаки опять начали жалобно вить, Трофимъ, прижавшись къ бабѣ, опять заигралъ на гармоникѣ. Былъ уже двѣнадцатый часъ ночи, Христофорскій не спалъ, онъ переписывалъ въ тетрадку какіе-то стихи для Александры Степановны и выходилъ изъ себя:—Трофимъ игралъ на гармоникѣ.

На другой день утромъ, у Баканова завтракали: приказникъ изъ чайнаго магазина, докторъ и Христофорскій. Христофорскій пришелъ раньше всѣхъ и передалъ Александрѣ Степановнѣ тетрадку, которая начиналась стихами Державина:

Хоть все теперь въ природѣ дремлетъ,
Одна моя любовь не спитъ;
Твои движенія, вздохи внемлетъ
И только на тебя глядитъ.
Примѣть мои ты разговоры,
Помысль о мнѣ наединѣ,
Брось на меня пріятны взоры
И нѣжностью отвѣтствуй мнѣ.

Подъ этимъ стихотвореньемъ, составляющимъ какъ бы предисловіе къ другимъ не менѣе конфетнымъ стихамъ, не было подписано имени Державина. Очень можетъ быть, что Христофорскому хотѣлось, чтобы стихи его казались собственнымъ его произведеніемъ. Онъ же былъ убѣжденъ, что стихи эти окончательно подѣйствуютъ, въ самое сердце поражаютъ предметъ его страсти, или лучше сказать, предметъ его корыстной, разсчетливой фантазіи.

У дураковъ свой разсчетъ. Дуракамъ счастье, говорить русская пословица.

Александра Степановна сѣла у окошка и стала читать стихи.

Христофорскій. лися передъ Марьей Савишной, былъ даже какъ-то особенно веселъ.

Стали разрѣзывать кулебяку. Гости, подражая хозяину, выпили порюмкѣ забористой водки: докторъ выпилъ, опрокинувши назадъ свою голову, старичокъ—прикащикъ выпилъ, приподнявши только брови, Христофорскій выпилъ, какъ будто только изъ приличія и поморщился. Всѣ закусили, хозяйка сама подавала гостямъ тарелки съ дымящимися кусками удивительно вкуснаго и жирнаго пирога, въ сосѣдней комнатѣ шипѣлъ самоваръ, тамъ готовился кофе.

Докторъ увидѣлъ у Александры Степановны стихи Христофорскаго и сталъ ихъ у нея выпрашивать, Александра Степановна не давала ихъ.

— Это вы сами сочинили стихи? спросилъ докторъ Христофорскаго.

— Очень можетъ быть, что это и я сочинилъ, съ достоинствомъ отвѣчалъ Христофорскій.

— Что же, это стишки амурные, разумѣется! Ха, ха, ха! Степанъ Степанычъ, поди-ка, братъ, сюда: что ты тамъ рассказываешь, попроси-ка Мокѣя Трифоныча намъ какіе нибудь стишки прочесть.

— А вы думаете, я не умѣю стихи писать?

— Онъ все умѣетъ, отозвался Бакановъ.

— А на канатѣ плясать вы умѣете? спросилъ докторъ Христофорскаго, заливаясь смѣхомъ.

Вдругъ Христофорскій пощупалъ у себя въ карманѣ, поблѣднѣлъ, поставилъ на столъ тарелку съ недоѣденнымъ пирогомъ и не говоря ни слова, вышелъ.

Всѣхъ это изумило, кромѣ старичка—прикащика, который всегда имѣлъ невозмутимо смиренный видъ, до тѣхъ поръ, пока кто нибудь его самого не затрогивалъ.

Разумѣется Александра Степановна болѣе всѣхъ изумилась мгновенному исчезновенію Христофорскаго.

— Онъ обидѣлся, сказала она, съ неудовольствіемъ поглядѣвши на доктора.

Докторъ поймалъ этотъ взглядъ и сказалъ: — да пускай обижается.

— Что же это поднимать на смѣхъ человѣка, который ничего дурнаго не дѣлаетъ! вы всегда надъ нимъ смѣетесь.

— Да коли онъ смѣшонъ!? а вы что за него заступаетесь?

Александра Степановна вспыхнула. Докторъ поглядѣлъ на нее съ лукавой миной и добавилъ: — вѣдь это обращикъ дураковъ.

— Дураковъ на свѣтѣ нѣтъ, отозвался Бакановъ.

— Какъ нѣтъ?

— Да такъ же, что нѣтъ!

— Это вы такъ думаете?

— Пушкинъ такъ думалъ. Онъ всю жизнь свою искалъ настоящаго дурака, и никакъ найти не могъ. Онъ самъ это говорилъ однажды въ присутствіи Николай Алексѣича.

— Какого Николай Алексѣича?

— Ну, да у насъ одинъ Николай Алексѣичъ! я о Полевомъ говорю: будто вы и не знаете!

— Такъ по вашему, Христофорскій уменъ? Ха, ха, ха!.. Удивительный вы человѣкъ, послѣ этого! А пирогъ у васъ отличный, Марья Савишна, честь вамъ и слава, сказалъ докторъ.

Прежде чѣмъ кончился завтракъ у Баканова, Христофорскій запыхавшись добѣжалъ до своей квартиры. — Гдѣ Трофимъ? спросилъ онъ дворника, который отперъ ему калитку.

— Сейчасъ тутъ былъ, отвѣчалъ дворникъ.

Быстрѣе молніи Христофорскій взбѣжалъ по лѣстницѣ. Такъ и есть! ключъ въ замкѣ, и замокъ не запертъ! Мысль, что Трофимъ обокралъ его, разомъ охватила все существо его, онъ чуть было не закричалъ: караулъ. Войдя въ комнату, онъ оглядѣлъ ее, бросился подъ подушку за ключемъ, отперъ комодъ, пощупалъ старую фуфайку, въ рукавѣ которой были деньги, вынулъ ихъ, сосчиталъ, все было цѣло. Христофорскій перевелъ духъ и успокоился.

«Хорошо, что я рано пришелъ, подумалъ онъ: какъ это я не заперъ двери! Вотъ былъ бы съ носомъ-то, кабы меня всего обокрали; хорошо еще, что хватился во время».

Посидѣвши на диванѣ да пожадѣвши о пирогѣ, вспомнилъ онъ объ обидѣ и вышелъ.

Заперши дверь, онъ спустился съ лѣстницы. Ему пришло въ голову удостовѣриться, дома ли Трофимъ. Онъ заглянулъ къ нему въ каморку. Трофима не было. На столѣ, рядомъ съ салымъ огаркомъ, воткнутомъ въ желѣзный подсвѣчникъ, лежала гармоника; она первая бросилась ему въ глаза, блестя своими серебристыми клапанами. Христофорскій схватилъ ее, спряталъ подъ шинель и опять поднялся по лѣстницѣ. Видитъ, дверь на

чердакъ отперта, онъ тихонько пріотворилъ ее, и, убѣдившись, что и на чердакѣ Трофима нѣтъ, забросилъ его гармонику въ темный уголъ за кирпичную стѣнку, которая шла къ дымовой трубѣ и отдѣляла большое сорное пространство, не освѣщенное никакимъ слуховымъ окномъ.

Сдѣлавши это великое дѣло, Христофорскій сошелъ на дворъ; лицо его было такъ красно, какъ будто онъ только что былъ въ банѣ и парился.

— Никто меня не спрашивалъ? спросилъ онъ дворника.

— Никто!

— А Прокофій гдѣ?

— Прокофій!

— Ну да! Чортъ ты эдакій, Прокофій?

— Да онъ тутъ былъ. Вонъ и Трофимъ идетъ.

Трофимъ шелъ съ задняго двора и несъ на спинѣ охапку дровъ, согнувшись въ три погибели.

Христофорскій, не дождавшись его, быстро вышелъ на улицу.

Замѣтно, что подвигъ, совершенный имъ, не только радовалъ его, но и смущалъ. Ему не хотѣлось, чтобы Трофимъ заподозрилъ его въ похищеніи гармоники.

Х.

Вечеръ, т. е. сумерки застали Христофорскаго у Бакановыхъ; опишу весь этотъ вечеръ, чтобы показать вамъ, какъ обыкновенно стали проходить вечера нашего ученаго, нашего многодумнаго купца Баканова.

Бакановъ самъ-третей сидѣлъ за ломбернымъ столомъ въ маленькой комнатѣ, около залы, и игралъ въ преферансъ. Онъ сидѣлъ по обыкновенію въ халатѣ, который онъ торопливо и какъ-то машинально запахивалъ у себя на груди всякій разъ, когда приходилось ему сдавать карты. Онъ сидѣлъ на диванчикѣ, сгорбившись, лѣниво загребалъ пальцами сданныя ему карты, и когда приводилъ ихъ на своихъ рукахъ въ порядокъ, подбирая масть къ масти, умильно перекашивалъ лицо свое то въ ту, то въ другую сторону.—Эка мерзость! эка! экъ его! говорилъ онъ, если карты были плохи, или говорилъ: «куплю» и бралъ прикупку съ видомъ коварнаго сомнѣнія, поглядывая на руки играющихъ.

Противъ него сидѣлъ старичокъ, прикащикъ изъ чайнаго магазина. Этотъ смиренный и тихенькій на видъ человѣкъ игралъ съ лихорадочнымъ волненіемъ, пряталъ карты подъ столъ, безпрестанно оглядывался, хохоталъ и выпускалъ разныя смѣшныя восклицанія, когда игра была на его сторонѣ, и какъ-то ершился, когда проигрывалъ, дѣлался молчаливъ и подозрителенъ.

Третій сидѣлъ за столомъ, направо отъ Баканова, отражая въ большомъ зеркалѣ стриженный высокій затылокъ свой; это былъ повидимому нѣмецъ, и игралъ съ такимъ глубокомысліемъ въ лицѣ, какъ будто рѣшалъ какую-то трудную, математическую задачу. Онъ безпрестанно ошибался, но видѣлъ свои ошибки и только ротъ открывалъ, какъ бы отъ великаго изумленія, когда Бакановъ, прицѣлкнувъ пальцами и подскочивши на своемъ диванчикѣ да тряхнувшись всѣмъ своимъ туловищемъ, выхватывалъ карту и поражалъ его.

Старичокъ ремизился, былъ красенъ, какъ свекла, и по своей привычкѣ вертѣтъ головой, не могъ не замѣтить, что за нимъ сидитъ Христофорскій и смотритъ ему въ карты.

Давно ужъ онъ косился на Христофорскаго, наконецъ не вытерпѣлъ.

— Пожалуйста, пожалуйста, батюшка, заговорилъ онъ: — не сидите у меня подъ рукой, сдѣлайте такое ваше-съ одолженіе.

— Да что онъ тебѣ? мѣшаетъ, что ли? возразилъ Бакановъ.

— Я вамъ, кажется, совсѣмъ не мѣшаю, съ достоинствомъ отозвался Христофорскій.

— Не могу-съ, я не могу-съ! Вы меня извините, батюшка, Степанъ Степанычъ. А играть я не могу-съ! Что хотите со мной дѣлайте, когда въ карты подглядываютъ, да замѣчанья разныя дѣлаютъ, да сбиваютъ, не могу-съ! это какъ вамъ угодно-съ.

И старичокъ положилъ на столъ карты.

— Да что ты, помилуй, чѣмъ онъ тебѣ мѣшаетъ? Развѣ онъ тебѣ замѣчаніе дѣлаетъ?

— Я знаю, что онъ замѣчанія никакого не дѣлаетъ, а воля ваша-съ, Степанъ Степанычъ, мѣшаетъ, не могу-съ.

— Чѣмъ я мѣшаю, что такое вы говорите? вступился за себя Христофорскій: — я могу не только васъ, могу кого хотите научить въ преферансъ играть.

— Нѣ-ѣ-ѣтъ-съ! Нѣтъ, ужъ извините! Нѣтъ, мнѣ-такихъ

учетелей—съ не надо—съ. Нѣтъ, Богъ съ вами! Помилосердствуйте!

И старичокъ сдѣлалъ движеніе, въ которомъ заключалось явное намѣреніе совершенно бросить игру и удалиться.

— Мокѣй Трифонычъ, отойди, братецъ, сядь вотъ тамъ, вли поди, никакъ въ гостиной мочоные яблоки, а не то бруснику подали. Да скажи Марьѣ, чтобы мѣлаковъ подала.

Христофорскій всталъ и гордо посмотрѣлъ въ плѣшь старика прикащика.

Въ сумеркахъ въ залѣ встрѣтилась съ нимъ Александра Степановна и подала ему выглаженный, сложенный и даже вспрыснутый духами шелковый носовой платокъ.

Христофорскій сконфузился: это былъ тотъ самый платокъ, за который онъ распекъ и оштрафовалъ Трофима.

Александра Степановна стояла и, казалось, любовалась его смущеніемъ.

Онъ взялъ ея пухленькую ручку и подобострастно влѣпилъ въ нее три поцалуя, изъ которыхъ послѣдній былъ изъ числа самыхъ горячихъ.

Такъ какъ Александра Степановна, повидимому, была очень рада изъявленію его благодарности, то Христофорскій окончательно бы впился и губами, и носомъ въ ея руку, и добрѣйшая Александра Степановна не рѣшилась бы вырывать ее у своего тайнаго и несчастнаго обожателя, но послышался голосъ Баканова:

— Александринъ?!

— Что папа? Перестаньте, Мокѣй Трифонычъ... Не за что, не за что... Что вамъ, папа?

— Вели—ка пожалуйста кваску подать, смерть чтой—то пить хочется, да ужъ и свѣчей пора.

— Истинно, что пора, отозвался прикащикъ, уже успокоенный.

— Да скоро ли тамъ чай?

— Сейчасъ, папа!

И Христофорскій вслѣдъ за Александринной послѣдовалъ въ гостиную.

Въ гостиной онъ засталъ Марью Савишну; она сидѣла въ креслахъ и разматывала шерсть; мотокъ былъ распяленъ на спинѣ другаго кресла, стоящаго къ ней задомъ.

У окна стояли закрытые пальцы Александры Степановны.

— За что это изволили вы благодарить ее? спросила хозяйка Христофорскаго.

— Мой платокъ—съ носовой я забылъ совершенно случайнымъ образомъ, мой шелковый платокъ они изволили вымыть и даже выгладить.

— Не сама мыла, не сама выгладила, отозвалась дѣвушка.

Христофорскій усмѣхнулся въ носъ.

— Все равно, я долженъ благодарить, что вы объ немъ безпокоились, тѣмъ болѣе, что я никакъ не ожидалъ.

Александра Степановна скрылась, Христофорскій сѣлъ возлѣ Марьи Савишны. Марья Савишна не церемонилась съ тѣми, къ кому привыкла, и, не говоря ни слова, перенесла на его руки мотокъ; Христофорскій растянулъ его, и такъ какъ въ домѣ Баканова ему не въ первый разъ случалось такъ служить хозяйкѣ дома, — продолжалъ улыбаться.

— Я что-то хотѣлъ вамъ сказать, Марья Савишна, началъ онъ, отводя съ моткомъ руки въ сторону.

— Ну говори, коли хотѣлъ сказать, да руки-то держи выше. Эхъ! и этого-то не умѣешь сдѣлать, ну куда ты послѣ этого!...

— Я очень недоволенъ Трофимомъ, Марья Савишна.

Марья Савишна продолжала мотать.

— Это мошенникъ, прогналъ Христофорскій, отводя мотокъ въ правую сторону: — я очень боюсь, что онъ меня... продолжалъ Христофорскій и отвелъ мотокъ въ лѣвую сторону: — когда нибудь обокрадетъ или что нибудь сдѣлаетъ. Хочу просить, дайте мнѣ кого нибудь другаго.

— Ну какого еще тебѣ другаго, сказала Марья Савишна, наматывая клубокъ свой: — онъ у насъ всякую службу справлялъ, и я, окромя усердія, никогда ничего за нимъ не видала, ни воровства, ни пьянства. Нешто онъ у васъ какъ нибудь испортился, Господь его вѣдаетъ.

— Онъ удивительно, какъ испортился, отвѣчалъ Христофорскій, поглядывая, скоро ли кончится проклятый мотокъ.

— Ну, скажите объ этомъ Степану Степанычу.

— Я непременно объ этомъ при случаѣ хочу сказать Степану Степанычу (мотокъ пошелъ на-право). Ибо я ничего не могу дѣлать по вечерамъ (мотокъ пошелъ на-лѣво), даже спать не могу. Сядетъ за дверью (мотокъ пошелъ на-право) и начнетъ играть на гармоникѣ. Собаки (мотокъ пошелъ на-лѣво)—собаки вѣтъ начнутъ (мотокъ пришелъ къ концу, къ немалому удоволь-

ствию Христофорскаго) — собаки начнутъ выть, а кому же это приятно, когда собака воетъ. Это дурная примѣта, это, какъ вы хотите, а примѣта! Я жъ не люблю, когда я что нибудь приказываю, и меня не слушаютъ.

Марья Савишца непременно бы приняла участіе въ Христофорскомъ, еслибъ то нерасположеніе, которое возбуждалъ онъ въ ея домашнихъ, незамѣтнымъ образомъ не сообщилося къ ней, и не заставило ее относиться къ словамъ и поступкамъ Христофорскаго съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ. Она почему-то уже не совѣмъ ему вѣрила, и не совѣмъ была довольна имъ, хотя въ сущности и не могла бы ни къ чему придраться какъ бы ни разбирала его поведеніе.

Разговоръ о Трофимѣ конечно бы продолжался, если бы въ передней, а потомъ въ залѣ, не послышался скрипъ сапоговъ, сопровождаемыхъ шелестомъ женскаго платья.

«Кого Богъ несетъ!» подумала Марья Савишна; вошли гости. Это были: Куляпкинъ, молодой, лѣтъ 22-хъ купчикъ, одѣтый по послѣдней модѣ, завитой, съ необычайно-развязными манерами, и сестра его Паша — дѣвушка лѣтъ осьмнадцати, съ плутовскими карими глазками.

— Здравствуйте, здравствуйте! весело отозвался Куляпкинъ, размахивая шляпой: — вашу ручку, почтенная тетушка Марья Савишна. А гдѣ Александра Степановна? Здравствуйте, вашу ручку, началъ было онъ, подходя къ Христофорскому, но отшатнулся, и сдѣлавъ гримасу и сказалъ: — ай! чуть было за даму, Миркиризу Хирбитьевну васъ не принялъ. Фу ты канальство!.. Какая непροстительная разсѣянность! Велите подать свѣчи, Марья Савишна! Всѣ засмѣялись — даже Христофорскій.

Внесли свѣчи.

— А гдѣ же Степанъ Степанычъ? ну, вѣрно что нибудь эдакое сочиняетъ, продолжалъ неугомонный Куляпкинъ, повертывая въ воздухѣ пальцами: — это хорошее препровожденіе времени. Я бы съ удовольствіемъ отдалъ свой старый халатъ за счастье быть сочинителемъ... Сестра, рассказывай, гдѣ мы съ тобой сію минуту были.

— Да что рассказывать? есть что рассказывать? нигдѣ не были, отвѣчала Паша немного охрипшимъ голосомъ.

— Нѣтъ, это я расскажу, надо вамъ сказать, что у сестры моей была соболья муфточка, вдругъ у насъ съ нею очутилась кунья, ну вотъ мы и поѣхали съ ней въ магазинъ совершить по-

вое превращеніе, кунья опять превратилась въ соболю... и зачѣмъ кажется брать съ собой муфту, когда весна!

— Да вѣдь я же брала перемѣнить подкладку... Ты все врешь, да къ тому же, ты вѣрно забылъ, какой былъ холодъ — такъ руки зябли, что ужасъ. Пойдемъ, Саша. Экой мой братецъ — враль, чуть чуть меня не выдалъ.

— А что?

— Какъ, ты не понимаешь! экая невинность! Развѣ я тебѣ не говорила про моего Костю?... Ну вотъ... всякій разъ, какъ пріѣду въ ихъ магазинъ, всякій разъ по забывчивости и обмѣниваемся муфтами. Онъ такой душка, такой милый!.. первый эту шутку выдумалъ. Подложить муфту, по цвѣту точно моя, ну я возьму будто нечаянно и разумѣется сейчасъ же найду въ ней записку: понимаешь, какъ это просто. А ты, неужели ты все еще ни въ кого не влюблена, невинность!

Александра Степановна покраснѣла, тревожно поглядѣла на мать, скользнула взглядомъ по лицу Христофорскаго и отвѣчала: — ни въ кого!..

— Такъ-таки ни въ кого?

— Мое время прошло, шопотомъ отвѣчала Александра Степановна.

— Ахъ какая старуха! чуть не вслухъ воскликнула молоденькая Куляпкина.

Пока происходилъ этотъ интимный разговоръ, Куляпкинъ подсѣлъ къ Христофорскому, Марья разносила чай, ромъ и сливки, за ней мальчикъ носилъ корзинки съ кренделями и съ печеньями. Въ залѣ же, уже освѣщенной двумя свѣчками, слышался голосъ старичка прикащика. «Пѣтъ! нѣ-ѣ-ѣтъ-съ! Эдакъ, батюшка, не играютъ, эдакъ-съ не играютъ!» и голосъ Баканова, который, по видимому, его всячески успокаивалъ.

Но пока горячится краснощекий старичокъ, скажу нѣсколько словъ о молодомъ Куляпкинѣ, хоть онъ и не играетъ никакой роли въ моемъ разсказѣ, или лучше сказать, постоянно, когда былъ у Баканова и видѣлся съ Христофорскимъ, игралъ одну и ту же роль очень тонкаго задираны и насмѣшника.

Куляпкинъ принадлежалъ къ тому разряду молоденькихъ купчиковъ, которые какъ будто положили себѣ за правило во всемъ рѣзко отличаться отъ своихъ почтенныхъ батюшекъ (очень можетъ быть, что такого рода сынки бывали и въ дворянскомъ родѣ при Петрѣ и Екатеринѣ первой)—отличаться во всемъ, кро-

мѣ образованія: онъ поражалъ всѣхъ своею подвижностью, юркостью, франтовствомъ совершенно особеннаго рода, думалъ, что свѣтскость заключается въ развязности, и въ своемъ кругу довелъ эту развязность до послѣдней степени нецеремонности; въ гостяхъ онъ то бросался на диванъ, то вертѣлся на креслахъ, то разговорившись, быстро наклонялъ свою голову къ плечу какойнибудь полногрудой собесѣдницы, вертѣлъ руками у себя подъ носомъ, умѣлъ вдругъ и неожиданно на какуюнибудь Любу или Надю покосить глаза или подмигнуть, слегка скривя улыбнувшійся ротъ. И можете представить, все это въ немъ чрезвычайно какъ правилось въ тогдашнемъ женскомъ купеческомъ обществѣ. За нимъ еще водилась одна особенность: онъ прислушивался ко всевозможнымъ страннымъ, своеобразнымъ купеческимъ выраженіямъ и сыпалъ ими какъ бы на смѣхъ своему почтенному сословію; у него же, не смотря на всѣ его недостатки, была память, наблюдательность и при этомъ постоянная охота надъ чѣмънибудь трунить или когонибудь передразнивать, онъ мастеръ былъ рассказывать и про *Наполеондру* и про *Турецкую принцессу*, у которой во всю щеку лицо, а подъ носомъ румянецъ.

Какъ бы назло патріархальности, преловко волочась за хорошенькими купчихами, онъ рассказывалъ сестрѣ своей о своихъ успѣхахъ, посвящалъ ее въ тайны любовныхъ интригъ своихъ и такимъ образомъ являлъ собой примѣръ рѣдкаго братолюбія, а сестра его Паша, только что вышедшая изъ пансіона, не смотря на то, что осуждала рѣзкія манеры своего братца, была не только дружна съ нимъ, но уже и настолько опытна, чтобы помогать ему, требуя разумѣется и отъ него такой же, въ подобныхъ случаяхъ, братской помощи.

О молодыхъ Куляпкиныхъ больше, какъ кажется, и распространяться не зачѣмъ, послушаемъ лучше разговоръ въ гостиной Бакановыхъ.

— А что? мѣшая въ стаканѣ съ чаемъ ложечкой, спрашиваетъ Куляпкинъ:—если только это не нескромный вопросъ, скоро ли г. Христофорскій напишетъ стихи, которые, какъ кажется, обѣщалъ Александръ Степановичъ?

Христофорскій усмѣхается.

— А развѣ онъ пишетъ стихи? спрашиваетъ Паша Куляпкина.

— Это пустяки стихи писать, говоритъ Христофорскій.

— А какъ вы думаете, кто лучше умѣетъ стихи писать, Пушкинъ, или Булгаринъ?

— Это пустяки стихи писать, повторяетъ Христофорскій, избѣгая отвѣта: — ибо стоитъ только хорошенько приняться.

Паша Куляпкина фыркаетъ.

Марья Савишна смотритъ на Христофорскаго, такъ какъ бы желаетъ сказать!.. экой дѣтина уродился: все умѣетъ дѣлать!..

Александра Степановна сидитъ немного потупившись.

— Ну, чему вы смѣтесъ, чему вы смѣтесъ, medames, возражаетъ Куляпкинъ на смѣхъ сестры своей: — неужели ужъ такъ, таки, кромѣ Пушкина, у насъ никто и писать не въ состояніи? Я убѣжденъ и совершенно убѣжденъ, что влюбись въ кого нибудь г. Христофорскій, храмъ сердца его раскроется, и оттуда польются стихи, да такіе стихи, что вы растаете.

Христофорскій молчитъ и покрывается румянцемъ, онъ не знаетъ, какъ понимать ему слова Куляпкина.

— Не правда ли, Саша, говоритъ Паша на ухо Александрѣ Степановнѣ: — Христофорскій глупъ.

— Можетъ быть... Впрочемъ онъ нарочно такъ прикидывается, чтобы смѣшить, иногда онъ очень разсудителенъ, отвѣчаетъ шопотомъ Александра Степановна, и смѣется, чтобы скрыть свое смущеніе: — «Боже мой, думаетъ она: — нѣтъ-то ни одного человѣка, который бы надъ нимъ не тѣшился! нужно же терпѣніе, чтобы все это выносить! впрочемъ, слава Богу, онъ обидчивъ, это я замѣтила».

— Что вы тутъ толкуете? спрашиваетъ Степанъ Степанычъ, входя въ комнату и подпоясываясь. — Ты тутъ вѣчно, какъ пріѣдешь, начнешь плести турусы на колесахъ.

— Что вы, дядюшка, помилуйте! возражаетъ Куляпкинъ: — какіе турусы! мы говоримъ о поэзіи, о по-э-зі-и! какіе же это турусы?

— Самъ ничего не смыслишь, а туда же! Ну что ты смыслишь о поэзіи?

Христофорскій усмѣхается, Куляпкинъ складываетъ руки и обращается къ Баканову.

— А, вы такъ думаете, что я не смыслю?

— Такъ-таки и думаю.

— И вы... вы это думаете?

— Ну да, думаю.

— И это вы не шутя думаете?

— Не шутя. Что присталь!

— Не шутя... а чему же вы смѣтесъ? вѣдь вотъ сейчасъ и

видно, что шутите. Эхъ вы, поговорилъ бы я съ вами, да вотъ чай несутъ. Мокѣй Трифонычъ, почтеннѣйшій, позвольте мнѣ въ вашъ стаканъ немножко ромку подлить, и, не ожидая отвѣта, онъ бухнулъ въ стаканъ Христофорскаго порядочную дозу коньяку.

Христофорскій сконфузился, даже вспыхнулъ.

— Я съ ромомъ чай никогда не пью, сказалъ онъ: — я даже со сливками никогда не пью.

И поставилъ онъ свой стаканъ обратно на поднось улыбающейся горничной.

— Пойдемъ, Паша, въ залу, сказала Александра Степановна: — да ради Бога вызови сейчасъ какъ нибудь Мокѣя Трифоныча. Твой братъ ужъ очень вольничаетъ, того гляди, опять выйдетъ исторія.

— Неужели за такіе пустяки?

— Пожалуйста вызови.

— Мокѣй Трифонычъ, подите-ка сюда! сказала Паша.

Христофорскій вскочилъ и вышелъ за ними въ залу.

— Гдѣ вы достали такого дурака? заговорилъ Куляпкинъ въ полголоса.

— Ну да вѣдь не всѣмъ же быть такими умниками, какъ ты, отвѣчалъ Бакановъ.

— Опять, опять шутки! почтеннѣйшій Степанъ Степанычъ.

Въ залѣ же происходилъ слѣдующій разговоръ:

— Вы зачѣмъ нынче утромъ ушли? даже пирога не доѣли—и вдругъ ушли! какъ это вамъ не стыдно!

Христофорскій хотѣлъ было откровенно сказать на это, что онъ забылъ въ замкѣ ключъ, испугался, что Трофимъ или кто другой его обокрадетъ, и побѣжалъ домой, но Александра Степановна, не дождавшись его отвѣта, продолжала:

— Докторъ пошутилъ, а ужъ вы сейчасъ и обидѣлись. Конечно, и ему такъ дерзко и такъ глупо шутить не слѣдуетъ, всякій благородный человѣкъ можетъ за такія вещи обидѣться.

— Да... сказалъ озадаченный ея словами и какъ бы просвѣтленный ими Христофорскій.—Докторъ всегда меня обижаетъ, я могъ бы самъ ему отвѣтить, но предпочитаю лучше уходить; я дѣйствительно, Александра Степановна, былъ очень обиженъ, ушелъ отъ того, что докторъ, такъ сказать, позволяетъ себѣ; я этого не люблю, потому что всегда былъ въ хорошемъ обществѣ, и если докторъ опять придетъ, я опять уйду.

Въ эту минуту дверь изъ передней отворилась, и вошелъ докторъ.

Христофорскій остановился какъ вкопанный, даже ротъ разинулъ, онъ былъ и самъ не радъ послѣднимъ словамъ своимъ, но они были сказаны, и онъ смутно понялъ, что дѣлать нечего. Ему надо уйти, чтобы показаться чѣмъ-то особеннымъ въ глазахъ Александры Степановны.

Докторъ подошелъ къ барышнямъ и сталъ съ ними любезничать, взявъ Пашу Куляпкина за пульсъ и сказалъ: — ого!

Паша начала съ нимъ кокетничать, Христофорскій взялъ со стола свою фуражку, вышелъ въ переднюю и, надѣвши тамъ на ноги колоши, вышелъ на улицу.

Докторъ не обратилъ на это ни малѣйшаго вниманія.

Александра Степановна почему-то осталась довольна поступкомъ Христофорскаго. Она вообще не любила, чтобы онъ былъ у нихъ при Куляпкинскихъ.

XI.

Въ 9 часовъ вечера, когда вышелъ Христофорскій отъ Бакавыхъ, было уже темно на улицѣ.

Христофорскій, отошедши нѣсколько шаговъ отъ воротъ, остановился. Долго стоялъ онъ какъ столбъ, немножко на сторону нагнувши голову — очевидно, что онъ размышлялъ. Воротиться ему, или идти домой? Влюблена въ него, или не влюблена Александра Степановна. Тутъ онъ вынулъ изъ бокового кармана шелковый платокъ, отданный ему Александрой Степановной, приложилъ его къ носу — и убѣжденіе, что онъ любимъ безумно, любимъ пламенно, проникло до мозга костей его. Куда же идти? еще рано, — зайду къ моему сослуживцу Стуколкину — онъ дастъ мнѣ совѣтъ, что мнѣ дѣлать въ этомъ случаѣ. Онъ дока и поможетъ мнѣ — непременно поможетъ.

Такъ онъ рѣшилъ и отправился къ Сухаревой башнѣ искать квартиру Стуколкина: онъ же разъ былъ у него съ бумагами — стало быть, найти можно, только если не переѣхалъ.

Стуколкинъ былъ дома; онъ сначала взбѣсился на свою горячую (она же и кухарка), зачѣмъ она впустила къ нему Христофорскаго, даже невытерпѣлъ: оставилъ гостя у себя въ псалмной (она же и кабинетъ) и пошелъ въ кухню, нашелъ

тамъ свою горничную и вытаращилъ на нее глаза свои. Потомъ стиснулъ зубы, ущипнулъ ее за руку и пробормоталъ:—Ты опять не доложила, ты опять, опять! Вотъ погоди ты, что я съ тобой за это сдѣлаю. Блѣдная, получахоточная горничная съ ужасомъ и мольбой посмотрѣла въ грозныя очи своего барина, на его синебагровый носъ, на его бѣлые зубы, на все мясистое, разгнѣванное лицо его — и не смѣла оправдываться.

Пригрозивши своей горничной, Стуколкинъ, отдуваясь, обратно вошелъ въ свой кабинетъ.

— Зная все ваше ко мнѣ расположеніе, истинно родственное расположеніе, началъ говорить ему Христофорскій: — я зашелъ къ вамъ, Осипъ Осиповичъ, поговорить съ вами.

Стуколкинъ надѣлъ на голову ермолку, сѣлъ противъ него у стола, и сталъ на него смотрѣть съ выраженіемъ непріязннаго выжиданія. «Вотъ попробуй—ка только ты у меня денегъ попросить, шельмецъ ты эдакой! — дамъ я тебѣ денегъ, думалъ онъ — дамъ я тебѣ родственное расположеніе!»

— Зная ваше родственное ко мнѣ расположеніе, продолжалъ гнусѣть Христофорскій съ такимъ невозмутимымъ спокойствіемъ, какъ будто былъ вполне убѣжденъ въ глубокой симпатіи къ себѣ Стуколкина: — я рѣшился прибѣгнуть къ вамъ за помощью.

Стуколкинъ пригнулъ голову, какъ бы вслушиваясь, и поглядѣвши на него изъ подлобья, спросилъ: — а позвольте спросить, за какой это помощью въ десятомъ часу ночи вы изволили ко мнѣ пожаловать?

— Вы по добротѣ вашего сердца, я увѣренъ, мнѣ поможете.

«Я тѣ помогу — чортъ ты эдакой!» подумалъ про себя Стуколкинъ. Онъ былъ страшно золъ на своего посѣтителя, ибо расположенъ былъ остаться дома и любезничать со своей горничной. Не приди Христофорскій, была бы сцена самая нѣжная.

— Дайте мнѣ совѣтъ, Осипъ Осиповичъ.

— А! совѣтъ! Гм! а какой это совѣтъ? позвольте васъ спросить.

— Да вотъ какой. Въ меня-съ влюблена одна купеческая дочка: какъ вы совѣтуете, написать ли ей прежде письмо, или прямо идти къ ея отцу и свататься, — хоть я и увѣренъ, что онъ съ радостью за меня отдастъ дочь свою... Только, такъ какъ я знаю, что вы въ этихъ дѣлахъ человѣкъ опытный, такъ сказать, всегда

въ этихъ дѣлахъ успѣхъ имѣете, то я и пришелъ съ вами поговорить, если только вы не разсердитесь.

Выслушавши до конца Христофорскаго и узнавши изъ словъ его, что Бакановъ чуть-чуть не миллионеръ, что у него одна дочь и что дочь эта безъ ума отъ Христофорскаго, Стуколкинъ почесалъ у себя затылокъ, сдвинулъ ермолку на сторону и подумалъ: «чѣмъ чортъ не шутить! чего добраго, пожалуй выкинетъ такую штуку, что женится, будетъ богатъ и наплюетъ на насъ на всѣхъ прежде, чѣмъ мы на него наплюемъ. Вотъ ты и знай!» На широкомъ лицѣ его показалась улыбка; суровые глаза на выкатѣ покрылись влагой и поглядѣли на Христофорскаго дѣйствительно съ какою-то родственной нѣжностью, хоть и мелькало въ нихъ нѣчто въ родѣ скрытаго недовѣрія.

— Вы, началъ Стуколкинъ, упирая въ него глаза свои и въ то же время снисходительно улыбаясь:—вы не врите! потому что я въ нѣкоторомъ родѣ никому шутить съ собой не позволю.

Христофорскій почувствовалъ на себѣ силу глазъ его и нѣжность улыбки, онъ покраснѣлъ и побожился, что не шутить.

Стуколкинъ закусилъ губу и замолчалъ.

— Валяйте съ плеча, куйте желѣзо, пока горячо: это главное, не робѣйте, толцые и отверзется, началъ онъ голосомъ, недопускающимъ возраженія:—сначала пишите къ ней и у нея просите согласія. Нѣжнымъ же эдакимъ вздохамъ, намекамъ, да тамъ эдакимъ всякимъ любезностямъ не вѣрьте! все это вздоръ! Судя по всему, что вы мнѣ говорили, она уже не молодая и не совсѣмъ красивая, рада будетъ этому случаю,—ну, и куйте желѣзо, пишите къ ней,—и вотъ, когда получите ея собственное согласіе, тогда идите къ ея папашкѣ и.... когда женитесь, и когда... Гм! Я, хотите, кстати вамъ и письмо сочиню, такое письмо, что, вѣрьте вы Богу, она съ ума сойдетъ. Только я не философъ, вы это знаете—за письмо я возьму съ васъ взяточку,—я жъ вамъ такъ дѣло обдѣлаю, что вы будете человѣкъ богатый и далеко пойдете.

— Я тогда, Осипъ Осипычъ, тысячи не пожалѣю: что мнѣ тогда тысяча! и Христофорскому дѣйствительно представилось, что тысяча вздоръ, если только у него будутъ сотни тысячъ —и въ то же время какой-то бѣсенокъ нашептывалъ ему на ухо: обѣщай хоть четыре тысячи, вѣдь къ присягѣ не приведутъ тебя — можешь и надуть.

— Тысяча, Гм! не мало ли? Впрочемъ, если вы такой скупой, — пожалуй, идетъ; по рукамъ! сказалъ Стуколкинъ.

— Если поможете, по рукамъ! сказалъ Христофорскій.

— Я вамъ сочиню письмо, вы его перепишите, и....

Тутъ Стуколкинъ, какъ человѣкъ быстрой проницательности, смекнулъ, что можетъ сей же часъ испытать, не вретъ ли Христофорскій.

— Вы его перепишите, мы его запечатаемъ. Вы напишите адресъ, и завтра чуть свѣтъ, я самъ свесу его и отдамъ его горничной, или попрошу дворника передать его барышнѣ, разумеется, за это заплачу дворнику, ну да ужъ это мое дѣло....

— Я, пожалуй... я на все согласенъ... Осипъ Осипычъ.

«Не вретъ!» подумалъ Стуколкинъ: — ну-съ; теперь я начну сочинять письмо, а вы посидите. Вотъ сядьте на этотъ диванъ. Это у меня и диванъ, и постель. Я вамъ послѣ когда нибудь покажу, какъ это я устроилъ.

— А нѣтъ ли у васъ чего покурить?

— Была гдѣ-то тутъ папироска, только чортъ ее знаетъ, кто ее взялъ. Я самъ, знаете, не курю; голова съ табаку у меня кружится; крови много, знаете; боюсь, когда нибудь кондрашка хватить. Ну, да теперь не о томъ рѣчь... Кондрашка, такъ кондрашка! А вотъ мы теперь такую вамъ цидулку сочинимъ, что...

Стуколкинъ сѣлъ къ своему письменному столу; ермолка сѣзла ему на затылокъ; широкій, мясистый лобъ его, озаренный свѣчкой, пришелъ въ волнообразное движеніе. Въ бумагахъ и перьяхъ у Стуколкина недостатка не было; нужно было думать объ одномъ — съ чего начать? И вотъ сталъ онъ припоминать всѣ любовныя записки, которыя онъ когда-то писывалъ, перехватывалъ или получалъ, — а получалъ онъ ихъ не мало съ Кузнецкаго моста, съ Трубы и Плющихи, и не даромъ въ казенной палатѣ считали его чѣмъ-то въ родѣ Донъ-Жуана. Объ его похожденияхъ зналъ даже его столоначальникъ Яковъ Михайлычъ, добродушнѣйшій изъ добродушнѣйшихъ смертныхъ.

Пока Христофорскій сидѣлъ, вытянувши ноги, и мечталъ, Стуколкинъ, коренастый и жилистый, сгорбился надъ четвертушкой казенной бумаги и писалъ:

«Александра Степановна!

— «Мое сердце не лжетъ; и если только вы не коварное существо—вы меня любите. Знайте, божество мое, что я люблю васъ такъ же безумно и пламенно. Рѣшаюсь просить руки вашей. Да, или нѣтъ? Вознесите меня на высоту райскаго неземнаго счастья, или погрузите меня въ бездну отчаянья. Если вы согласны пить

со мной чашу жизни, я на дняхъ явлюсь къ вашему батюшкѣ (слово батюшка Стуколкинъ вымаралъ и написалъ сверху *родителю*) къ вашему родителю и буду просить его подтвердить ваше согласіе и осчастливить меня вашею рукою. Въ вашихъ рукахъ жизнь моя и смерть, ибо съ тѣхъ поръ, какъ я увидѣлъ васъ, я лишился сна, аппетита и только брежу вами. Ты мой ангелъ, мой идеалъ, моя богиня. Цѣненный вами, падаю къ вашимъ ногамъ и говорю вамъ: сжальтесь надъ несчастнымъ и разрѣшите мои тяжкія сомнѣнія. Теряю рассудокъ мой и жду услышать вашъ отвѣтъ, лично или письменно. Остаюсь

вашъ на вѣки

Мокшій Христофорскій.

Подбирая не безъ труда всѣ эти фразы, Стуколкинъ самъ падъ ними мысленно тѣшился, но былъ глубоко убѣжденъ, что кромѣ этихъ фразъ ничего не нужно для того, чтобы заставить сердце любой московской дѣвицы забить тревогу, загорѣться и сжалиться. И что не будь онъ, Осипъ Стуколкинъ, никогда бы Христофорскій не сдумалъ пустить въ ходъ такого зажигательнаго брандера. «Глуповать! сильно глуповать!»! думалъ про него Стуколкинъ. Впрочемъ, заключилъ онъ мысль свою: — «видно еще не очень глупъ, что пришелъ ко мнѣ за помощію».

— Ну, что-съ? спросилъ Христофорскій.

Стуколкинъ молча перечелъ черновое письмо и посмотрѣлъ на Христофорскаго, потомъ опять взглянулъ на письмо и потомъ опять на Христофорскаго.

— Написали?

— Гм! слушайте.

Стуколкинъ оглянулся на дверь, поправилъ на головѣ ермолку и сталъ читать таинственнымъ голосомъ:

«Александра Степановна!

«Мое сердце не лжетъ, и если вы не коварное существо — вы меня любите»... — Хорошо такъ начать?

— Это очень будетъ хорошо, согласился Христофорскій, щуря отъ удовольствия глаза свои.

— Не вреть! подумалъ Стуколкинъ и дочелъ все письмо.

Христофорскій остался совершенно доволенъ имъ. Съѣлъ на мѣсто Стуколкина и началъ на почтовой бумагѣ его переписывать. Въ это время Стуколкинъ ему услуживалъ, подвигалъ къ нему чернилицу, спрашивалъ: хорошо ли перо, не надо ли починить, указывалъ, гдѣ лежатъ облатки, даже не утерпѣлъ самъ

взять коробочку съ облатками и выбралъ изъ нихъ самую красивую, розовую, съ каемкой. Однимъ словомъ, къ будущему богачу онъ невольно чувствовалъ родственное расположеніе.

Когда письмо было переписано, запечатано и налписано, Христофорскій разсыпался въ благодарностяхъ, просилъ Стуколкина сохранять тайну, и проч. и проч.

— Ужь надѣйтесь на меня, какъ на каменную стѣну, сказалъ Стуколкинъ.

— Я это очень знаю и цѣню, сказалъ Христофорскій.

Наконецъ Стуколкинъ, шлепая туфлями, проводилъ его чуть не до воротъ.

Христофорскій исчезъ во мракѣ ночи, а Стуколкинъ, воротившись въ свою спальню, принялся, на чемъ свѣтъ стоитъ, ругать Христофорскаго. «Ну, кто бы могъ подумать, что эдакій дуракъ... что эдакому свинѣ такое счастье! Ни кожи, ни рожи! Да еще и самъ письма сочинить не можетъ. Тьфу! А вѣдь женится, вотъ, помяните мое слово, что женится. Ну, и она хороша—эта Александра Степановна! Ну, для чего она за него выйдетъ?... Для того, чтобъ за носъ его водить. Да я у него отобью ее, вотъ только попробуй онъ—женись! Ей Богу, не будь я Стуколкинъ, если я не отобью у него эту Александру Степановну, и не будь я Стуколкинъ, если она не озолотитъ меня! Малашка, стели постель. Покажи, гдѣ я тебя ущипнулъ?

Малаша, глядя ему въ глаза и какъ бы не смѣя ему противорѣчить, блѣдная, обнажила блѣдную руку.

Стуколкинъ припалъ губами къ ущипанному мѣсту, и за тѣмъ всю ее привлекъ къ себѣ своими широкими лапами.

Она — чужихъ господъ дѣвушка — не имѣла силъ ни возражать ему, ни сопротивляться.

ХІІ.

За часъ до полуночи, воротился Христофорскій домой.

Люди такого громаднaго ума и такихъ гениальныхъ способностей, какъ Мокѣй Христофорычъ, рѣдко бываютъ разсѣяны, но сцѣпленіе маленькихъ приключеній совершенно свернуло ему голову. Спрятанная гармоника и война съ Трофимомъ, найденный платокъ, за который и деньги уже вычтены, и опять таки война съ Трофимомъ, Александра Степановна, ея несомнѣнная

страсть къ нему и война съ докторомъ, неожиданное появленіе доктора въ залѣ у Бакановыхъ и его собственное исчезновеніе изъ этой залы, для него самого неожиданная способность обижаться, открытая въ немъ Александрой Степановной, и опять такъ докторъ, о которомъ онъ и не думалъ, и которому пришлось вдругъ показать свою ненависть, уйти и даже отказаться отъ ужина:—все это вмѣстѣ взятое сдѣлало его до того разсѣяннымъ, что онъ изъ передней Бакановыхъ унесъ чужіе калоши, и именно калоши Куляпкина. Все время калоши эти жали ему ноги, а онъ думалъ, что у него новые сапоги, и еще не разносились.

Стуколкинъ, его соучастіе, письмо къ Александрѣ Степановнѣ, все это еще болѣе разшевелило мозги его и увеличило разсѣянность. Онъ не замѣтилъ, кто ему отперъ калитку, не спросилъ, дома ли Трофимъ, машинально поднялся на лѣстницу, снялъ шинель, сбросилъ калоши, зажегъ свѣчу, заперся и сталъ раздѣваться.

Раздѣвшись, онъ выкурилъ трубку, потомъ осмотрѣлъ на своихъ ногахъ мозоли, наконецъ, легъ и собрался заснуть, перебирая въ головѣ всякую всячину. Такъ вѣтошникъ перебираетъ собранныя имъ тряпки и любитъ на красивые увѣчные лоскутья, Богъ вѣстъ какимъ вѣтромъ занесенныя на улицу, съ тою только разницей, что вѣтошникъ не рядится въ свои тряпки, а Христофорскій съ самоуслажденіемъ наряжался въ нихъ и воображалъ себя героемъ.

Въ эффектѣ письма онъ не сомнѣвался, не сомнѣвался, что Александра Степановна будетъ очень рада его предложенію, онъ воображалъ себя ѣдущимъ въ коляскѣ: подлѣ сидитъ жена его въ салонѣ, а у него бобровый воротникъ подпираетъ уши. Будетъ великолѣпно! думалъ Христофорскій.

Зачѣмъ только я связался съ этимъ Стуколкинымъ, продолжалъ думать Христофорскій, но тутъ конечно ему слѣдовало бы сознаться въ маленькой подлости! Ему хотѣлось передъ своимъ начальствомъ похвастаться своими успѣхами, своимъ намѣреніемъ и тѣмъ будущимъ, которое можетъ ожидать его; но какъ ни былъ иногда подловатъ Христофорскій, онъ этого не сознавалъ, напротивъ, считалъ себя гордецомъ первой степени.

Какъ жаль, думалъ онъ, что я предоставилъ Стуколкину право написать ей письмо. Напиши я самъ, было бы гораздо краснорѣчивѣе, кто жъ лучше меня можетъ написать! Но... что же дѣлать! я долженъ былъ доставить это удовольствіе помощнику на-

шего столоначальника. Онъ такой сердитый, что я очень радъ, что онъ принялъ во мнѣ такое горячее участіе!

Къ часу ночи онъ сталъ засыпать, но все еще съ боку на бокъ поворачиваясь, и такъ упираясь ноги въ задокъ кровати, что она трещала.

Счастливаго смертнаго уже богъ Морфей принималъ въ свои объятья.

Вдругъ онъ вздрогнулъ, упираясь руками въ матрасъ, поднялъ голову и перекосилъ по направленію къ двери носъ свой.

Кто-то входилъ на лѣстницу и шарилъ руками.

Христофорскому вдругъ вообразился Трофимъ (не даромъ у него было такое злобѣющее лицо), Трофимъ съ топоромъ, Трофимъ съ мошенниками—готовыми на все, и Богъ знаетъ, что ему вообразилось. Онъ страшно струсилъ.

Въ дверь кто-то постучалъ, потрогалъ рукоятку замка и опять постучалъ. Христофорскій замеръ.

— Баринъ! послышался глухой голосъ: — отоприте...

Христофорскій вскочилъ съ постели, сталъ искать спичекъ, и не нашелъ.

— Отопните! послышалось за дверьми... Голосъ Трофима послышался въ ушахъ Христофорскаго.

— Кто тамъ!? во все горло заоралъ Христофорскій, да такъ заоралъ, что у него самого встали дыбомъ волосы.

Три удара въ дверь кулакомъ.

— Отоприте... надо... я... жду...

— Караулъ! заревѣлъ Христофорскій. Въ ушахъ у него звенѣло, сердце билось...

— Ну! послышалось за дверью, и опять кто-то сталъ спускаться съ лѣстницы. Послышался чей-то говоръ внизу. Чьи-то шаги по двору, лай собаки, стукъ какого-то экипажа на мостовой за воротами. И опять все стало тихо, только собака все еще ворчала и по временамъ лаяла.

Это онъ не одинъ приходилъ... это онъ съ мошенниками... что еслибъ дверь-то я не заперъ... думалъ Христофорскій, тихонько подходя къ двери и щупая задвижку... Это онъ все за гармоникой... это онъ все за то, что я за платокъ вычелъ... подлець!.. Нѣтъ, я пистолетъ выпрошу у Баканова, что это за житье! Убить хотять... что это за анаемство!.. Ну ужь... стой же, если такъ... если...

Приложивъ ухо къ двери, Христофорскій съ полчаса не двигался съ мѣста.

Наконецъ, когда собака затихла, а пѣтухъ запѣлъ, онъ воротился въ постель и перекрестился. Трофимъ меня хотѣлъ убить, это ясно, думалъ онъ, засыпая.

— Это ясно, онъ хотѣлъ убить меня! думалъ онъ, просыпаясь на другой день ранѣе обыкновеннаго...

ХІІІ.

А Трофимъ и дома не ночевалъ... Изчезновеніе гармоникки огорчило его гораздо сильнѣе, чѣмъ вычетъ рубля изъ жалованья. Онъ зналъ, что приходилъ баринъ, и зналъ, что пока онъ ходилъ за дровами, никого на дворѣ не было: это его штуки, догадался Трофимъ, и напала на него злость и досада великая. Разсердился Трофимъ. Не хочу же ему служить, чортъ онъ эдакой! Прости Господи! не хочу, плевать мнѣ на ихъ жалованье, пойду къ Степану Степанычу, просто скажу, такъ и такъ, не хочу служить...

И пошелъ онъ съ этой мыслью къ Степану Степанычу, да дорогой вспомнилъ свою солдатку и отправился къ ней куда-то къ Крымскому броду. У солдатки нашелъ онъ маленькую трехъ годовалую дочку въ жару, чуть не при смерти, и забывая все на свѣтѣ, несчастный Трофимъ остался у ея тряпичной колыбели. Онъ то бралъ ребенка на руки, то качалъ его, то закутывалъ его ножки въ дырявое стеганое одѣяльце.

Такъ прошелъ весь вечеръ, и такъ прошла половина ночи. Солдатка дала Трофиму поужинать, поднесла ему стаканъ водки и уговорила его почевать, Трофимъ остался ночевать, но проснулся на зарѣ, и ушелъ отъ солдатки прежде, чѣмъ та успѣла за водой сходить: Трофимъ вспомнилъ, что дома надо ему вычистить сапоги Христофорскому и поставить самоваръ. Привычка, или лучше сказать, врожденный инстинктъ долга, заставили его спѣшить домой на послуги къ тому самому Христофорскому, котораго наканунѣ онъ бранилъ всѣми употребительными и въ печати неупотребительными словами. Еще успѣю съ нимъ развязаться! утѣшалъ себя Трофимъ, — шелъ и ворчалъ себѣ подъ носъ. Да — а! — ты еще со мной расквитайся, не то деньги подай, не то струментъ (гармонику свою онъ называлъ *струментомъ*). Стру-

ментъ мнѣ подай, не ты за нее дѣлѣ платилъ, вотъ что... раз-
такой ты сякой!.. и тому подобное...

Когда Трофимъ пришелъ домой, Христофорскій былъ уже на
ногахъ и ходилъ по кладовой, обзрѣвая, все ли цѣло.

Христофорскій узналъ, что Трофима нѣтъ, что камора его
заперта, и его почныя подозрѣнія превратились въ несомнѣнную
увѣренность; онъ уже думалъ, что Трофимъ бѣжалъ, и что онъ,
Христофорскій, обо всемъ этомъ обязанъ дать знать полиціи, какъ
вдругъ, проходя нижніе сѣни, онъ совершенно неожиданно за-
сталъ Трофима подъ лѣстницей. Трофимъ преспокойно ставилъ
самоваръ.

Христофорскій отановился, сначала струсилъ, потомъ вытя-
нулся и подбоченился.

— А гдѣ ты былъ ночью? спросилъ онъ Трофима.

— Въ Москвѣ былъ, спокойно отвѣчалъ Трофимъ, не пово-
рачивая спины.

— Гдѣ ты былъ? я тебя спрашиваю!

— Ходилъ мѣсто искать.

— Мѣста искать! нѣтъ, я тебя въ полицію. Ты зачѣмъ ко
мнѣ ночью стучалъ, зачѣмъ въ двери ломался?—а?...

— Можетъ, кто и стучалъ, почему я знаю. А вотъ вы куда
струментъ—то мой дѣли? вотъ что...

Христофорскій вспылалъ, будущій богачъ не вынесъ, не
могъ вынести такого оскорбленія, онъ схватилъ Трофима за во-
ротникъ его чуйки и сталъ его дубасить.

Трофимъ былъ въ десять разъ сильнѣе Христофорскаго. Тро-
фимъ еще менѣе выносилъ своего барина и еще болѣе былъ на
него золъ, и не смотря на это, не смотря на то, что даже губы
его дрожали отъ негодованія, онъ, не разгибая спины, позволялъ
себя дубасить Христофорскому.

— Вы не смѣете меня трогать... вы!... я еще не вамъ служу,
еще руки у васъ коротки... шумѣлъ Трофимъ, а Христофорскій
продолжалъ, что есть силы, давать ему подзатыльники.

— Я сейчасъ напишу записку Баканову, что ты хотѣлъ ночью
обокрасть меня.

— Я самъ сейчасъ пойду... скажу, что вы меня обокрали,
сейчасъ пойду. Трофимъ, только что перестали его бить, раз-
горячился, расходился не меньше Христофорскаго, уронилъ само-
варную трубу, схватилъ шанку и вышелъ, размахивая сжатыми
кулаками.

Прошло полчаса, у Христофорскаго еще и кровь не успѣла успокоиться, еще глупое лицо его было красно, какъ гребень индѣйскаго пѣтуха, какъ уже пришлось ему вполне разочароваться на счетъ своей почной смѣлости въ минуты явной опасности быть убитымъ и ограбленнымъ.

Только что Христофорскій сталъ мечтать о томъ, что Александра Степановна нынче же съ матерью отправятся къ Иверской и отслужатъ молебенъ за то, что небесныя силы заступились за такое, какъ онъ, сокровище, явился передъ нимъ, какъ листъ передъ травой, кучеръ отъ Куляпкина, и объяснилъ ему, что Куляпкинъ, узнавши о перемѣнѣ калошъ, по дорогѣ отъ Бакановыхъ на Тверскую, заѣхалъ съ сестрой къ нему, Христофорскому, и велѣлъ кучеру достучаться и взять у него калоши, такъ какъ они рано утромъ ему могутъ понадобится, а калоши Христофорскаго сваливаются съ ногъ и до того растоптаны, что и ходить въ нихъ совѣстно.

Передавая все это, кучеръ ухмылялся во всю свою кучерскую бороду. Доказательство у него было въ рукахъ — калоши Христофорскаго.

Христофорскій силился улыбаться, щурилъ глаза, извинялся, сказалъ, что Трофима не было дома, и что онъ боялся открыть дверь, такъ какъ по сосѣдству много воровства, наконецъ, пошелъ за калошами Куляпкина, осмотрѣлъ ихъ со всѣхъ сторонъ, и можете себѣ вообразить, досталъ изъ жилета двугривенный и далъ кучеру на водку. Последнее обстоятельство краснорѣчивѣе всего говорить, до какой степени Христофорскій, не смотря на свой мѣдный лобъ, былъ сконфуженъ. Онъ смутно понималъ, что изъ всего этого можетъ выйти какая нибудь исторія, ибо Трофимъ несомнѣнно побѣждалъ на него жаловаться Баканову и въ какой день! въ тотъ самый день, когда его любовная записка къ Александрѣ Степановнѣ должна рѣшить его участь...

«Гм! какъ только отдылаюсь, рѣшилъ Христофорскій, закуривая трубку, самъ пойду къ Баканову и расскажу ему, что Трофимъ... что... мнѣ отъ этого скота житья нѣтъ, что онъ вывелъ меня изъ терпѣнія... Гм!... Надо будетъ сказать, что онъ и сятаго выведетъ изъ терпѣнія».

XIV.

Трофимъ на этотъ разъ не шутя пришелъ жаловаться къ Баканову, но не засталъ его дома; хозяинъ съ утра уѣхалъ хлопотать по коммерческимъ дѣламъ. Трофимъ зашелъ на кухню, напился тамъ квасу, потомъ отправился въ дѣвичью чай пить, и всей дворни пожаловался на Христофорскаго. Отъ дворни жалоба его какими-то путями черезъ горничныхъ дошла и до Марьи Савишны. Всѣ узнали о дикомъ нравѣ и драчливости Мокія Трифониныча, узнали о пропавшемъ платкѣ и о пропавшей гармоникѣ.

— Вотъ, приди-ка онъ сюда, сударикъ, мы ему намылимъ голову, говорила Марья Савишна.—Экой фофанъ!

— Что такое? спросила Александра Степановна; она дурно спала ночь. Ложась въ постель, перечла стихи, переписанные для нея Христофорскимъ, долго потомъ молилась, потомъ долго думала; подъ глазами у ней были темныя тѣни.

— Дерется фофанъ эдакой! У насъ и въ купеческомъ быту этого не было. Нашелъ отецъ твой эдакое сокровище! Трофима, который жилъ у насъ три года, словечка не слыхалъ, вдругъ ни за что ни про что приколотилъ, разбойникъ эдакой.

— За что?

— Да вотъ поди ты, спрашивай, за что.—Да я бы на мѣстѣ Степана Степаныча прогнала его. Вотъ что!

Александра Степановна, не говоря ни слова, вышла, и блѣдная, очутилась въ дѣвичей. Битый Трофимъ въ своемъ зипунѣ стоялъ у лежанки и уже въ прикуску пилъ чай, поддерживая на толстыхъ растопыренныхъ пальцахъ дымящееся блюдечко. Распрашивать его при свидѣтеляхъ Александрѣ Степановнѣ стало совѣстно. Она отъ всѣхъ скрывала страсть свою, и ни передъ кѣмъ никогда не обнаружила своего участія къ Христофорскому. Къ этой скрытности еще съ дѣтства приучила ее ея тетюшка, которая до послѣднаго издыханія своего пилила ее за нескромность и вѣтренность. Ей иногда казалось, что тѣнь этой тетюшки и до сихъ поръ слѣдитъ за ней и пилитъ ее.

Она обвела глазами горничныхъ, какъ бы прислушиваясь къ толкамъ, и когда всѣ замолчали, судорожно улыбнулась и спросила:

— Говорятъ, кто-то прибилъ Трофима: за что это?

Въ этомъ вопросѣ всѣмъ почудилось, что барышня принимаетъ въ Трофимѣ живѣйшее участіе, и со всѣхъ сторонъ начались розсказы: нянька начала съ того, что Христофорскій озарникъ и прощальга; горничная сказала:—за платокъ; ключница:—за то вишь, что домовой его ночью душить приходитъ; наконецъ, кто-то еще сказалъ: ну, что за бѣда! былъ хмѣленъ, да не выспался.

Послѣднее замѣчаніе отозвалось очевидной клеветой и недоброжелательствомъ въ ушахъ огорченной Александры Степановны; она знала, что Христофорскій ничего не пьетъ. Это возмутило ее до глубины сердца: все клевета, подсказало ей тайное чувство. Женщины всегда оправдываютъ тѣхъ, кто имъ нравится, или даже тѣхъ, кому онѣ нравятся.

— Кто же это лѣзъ ночью къ твоему барину: что за домовой? спросили Трофима.

— А почему я знаю? Кому лѣзть!

— Можетъ быть ты зачѣмъ нибудь?

— Да я... помилуйте: я и дома-то всю ночь не былъ, откровенно ляпнулъ Трофимъ: — я еще вчера ходилъ новое мѣсто искать. Вотъ что.

— А! Такъ ты не ночевалъ!... А!... Вотъ что? Такъ по дѣламъ же тебѣ, сказала Александра Степановна горячо, повернувшись, и разгнѣванная, вышла вонъ изъ дѣвичей.

Всегда такъ, думала она, сядясь за пальцы:—не разберутъ и обвиняютъ. Этотъ болванъ не ночевалъ дома, а тотъ, можетъ быть, только пальцемъ его тронулъ, и вотъ... такая исторія! что онъ за ангелъ, чтобъ и не сердиться! Всѣ сердятся, а онъ не смѣетъ и разсердиться, точно онъ не человѣкъ!

Такъ, вышивая въ пальцахъ почти что до самаго обѣда, продолжала размышлять Александра Степановна и была не въ духѣ. Бѣдная Александра Степановна! въ этотъ день ждала ли она сюрприза! Все, чего она могла ожидать,—это что придетъ Мокѣй Трифоновъ и посмотритъ на нее такъ, какъ еще никто изъ смертныхъ не глядѣлъ въ ея ясныя очи; ей будетъ мысленно жаль его, и она скажетъ ему два три утѣшительныхъ слова; скажетъ: васъ бранятъ, но хорошо вы сдѣлали, что побили Трофима, я бы сама его приколотила до смерти.

Вотъ до чего додумалась эта добрейшая въ мірѣ дѣвушка, ни разу въ жизнь свою не убившая мухи. Но... читатель самъ

можетъ догадаться, какого рода сюрпризъ ожидалъ ее. За часъ до обѣда Марья Савишна позвала ее въ спальню.

— Зачѣмъ это? спросила она горничную.

— Не знаю-съ, отвѣчала Марья:—какое-то письмо.

— Какое тамъ письмо, очень мнѣ нужно!

Александра Степановна накрыла пальцы и съ недовольнымъ видомъ отправилась къ матери.

Мать свою застала она сидящею у окна подъ образомъ, съ письмомъ въ рукѣ и съ вытаращенными на нее глазами.

— Поди-ка сюда, мать моя! сказала она... помолчавъ.

— Ну, что еще?

— Марья, столъ накрывать ступай, сказала она любопытной горничной: — поди-ка сюда, это къ тебѣ письмо подбросили?

— Почему я знаю: вы получили!

— Ахъ ты безсовѣстная, безстыжіе глаза твои, какого жениха нашла!

Дѣвушка вздрогнула, съ недоумѣніемъ поглядѣла на мать и поблѣднѣла: сердце ея забилося, оно смутно подсказало ей, кто *этотъ*, который пожелалъ руки ея.

— Какого я жениха нашла? спросила она съ тѣмъ же тревожнымъ недоумѣніемъ.

— Дурака, безмозглаго, озарника, дракуна такого, что во всей Москвѣ хуже нѣтъ, вотъ кого ты нашла! прочти, мать моя... На, прочти, коли не слѣза; вотъ, гляди!... Читай!

Дѣвушка робко взяла письмо и стала читать, щеки ея ярко вспыхнули, казалось, она вдругъ все поняла, и ударилась въ слезы, бросилась лицомъ на брачное ложе своихъ родителей и стала плакать.

Марья Савишна, какъ вы уже могли замѣтить, читатель, была женщина не глупая, у ней былъ тактъ и было сердце, ее поразили неожиданныя слезы дочери, она подумала, что это она оскорбила дочь свою, что Саша плачетъ отъ злости на Христофорскаго, что этотъ дуракъ жестоко обидѣлъ ее, приславши ей такое письмо съ такимъ предложеніемъ. Долго не унималась Александра Степановна. Письмо выпало изъ ея рукъ и лежало на коврѣ, Марья Савишна подняла его и спрятала къ себѣ въ карманъ, чтобъ оно, проклятое, и на глаза не попалося ей Сашинькѣ.

Наплакавшись, Александра Степановна встала и хотѣла сей-

часть же выйти, но подошедши къ дверямъ, остановилась и полу-обернулась къ своей растроганной матери.

— Маменька! сказала она:—пожалуйста, не говорите ничего папенькѣ, никому не говорите, я сама ему скажу, если надо, сама. Я не хочу, не хочу, чтобъ это кто нибудь зналъ, не хочу!

— Ну, ну! не скажу, не скажу, начала утѣшать ее Марья Савишна:—да и зачѣмъ это, стоитъ ли говорить! Мало ли дураковъ на свѣтѣ, никому не закажешь.

— Ну-да-съ! конечно, дуракъ, но и дураку спасибо за то, что онъ... что онъ одинъ полюбилъ меня.....

Послѣднія слова Александра Степановна произнесла съ усиленіемъ, слезы опять навернулись въ ея глазахъ, и она съ опухшимъ носикомъ ушла къ себѣ въ комнату.

А въ это самое время на другомъ концѣ дома, Степанъ Степанычъ выслушивалъ жалобу Трофима, котораго привели къ нему въ кабинетъ черезъ корридоръ и переднюю, а вслѣдъ за Трофимомъ въ залъ случайно появился Христофорскій, и услыхавши голосъ своего слуги, остановился, вытянулъ лицо, насторожилъ уши и сталъ подслушивать... что такое говоритъ Бакановъ, а Бакановъ, усталый и измученный, только что воротившійся, говорилъ Трофиму:

— А зачѣмъ ты ему сдачи не далъ? эхъ! глупъ же ты, братецъ. Онъ тебя, а ты бы его, ну и были бы квиты.

Христофорскій, услыхавши такую мораль, постоялъ съ минутой и разсудилъ, что онъ пришелъ не во время, незамѣтно скрылся изъ залы и также незамѣтно вышелъ изъ дому.

Его сильно озадачили слова Баканова; онъ никакъ не могъ переварить ихъ. «Чортъ знаетъ какое невѣжество! Вотъ что значить необразованность!» Гордость заговорила въ его мелкопомѣстно-дворянскомъ сердцѣ. Никогда еще лицо его не казалось такимъ измятымъ, никогда еще глаза его не глядѣли такъ мрачно и такъ тупо на проходящихъ и ѣдущихъ по улицѣ.

— А я только-что былъ у васъ, сказалъ Христофорскому знакомый голосъ, и чья-то рука тяжело легла ему на плечо.

Это былъ Стуколкинъ.

— Я ходилъ прогуляться, сказалъ Христофорскій.

— Ну, что?

— Ничего. А вы развѣ отнесли письмо?

— А вы сомнѣваетесь, а?

— Неужели же отнесли?

— Гм! а какъ вы смѣете сомнѣваться? И Стуколкинъ посмотрѣлъ на него свирѣпо и съ недовѣріемъ.

— Я очень напротивъ благодаренъ вамъ.

— Нѣтъ, вы скажите, вы меня вчера, можетъ быть, морочили. А? Можетъ быть, и дѣвицы такой нѣтъ?

— Ей Богу, Осипъ Осипычъ, я...

— Что, ей Богу?

— Ей Богу все есть, и если вы отдали письмо, то какъ вы думаете, дошло оно, или не дошло?

— А почему бы ему не дойти, если я самъ отнесъ его и отдалъ кучеру?... три рубля ему далъ на водку. За вами три рубля серебромъ, вы этого не забываете, и когда я принимаю въ комъ нибудь участіе, то я не шучу. Понимаете вы меня?

— Я увѣренъ, Осипъ Осиповичъ.

— Что вы увѣрены?

— Увѣренъ въ вашемъ истинно-родственномъ ко мнѣ расположеніи.

— Ну то-то же.

— И увѣренъ, что дѣвушка эта до безумія влюблена въ меня и что никакія препятствія...

— А развѣ есть препятствія? Какъ же вы мнѣ вчера сказали, что никакихъ препятствій...

— Очень можетъ быть, что и никакихъ препятствій... Вы курите?

— Нѣтъ, не курю.

— А я хотѣлъ предложить вамъ жукова трубку, если вы ко мнѣ зайдете, то...

— Это еще будетъ, это еще впереди, мой любезнѣйшій, зайду къ вамъ я еще, не разъ и не два зайду, ждите меня черезъ три дня. А гдѣ ваша квартира? А! здѣсь! какъ же это къ вамъ входъ-то—со двора? А! вижу, вижу теперь. Слушайте: черезъ три дня вы мнѣ, какъ отцу родному, должны все сказать и не солгать ни на волосъ, ни, ни... Боже васъ избави! а то вы пожалуй вчера мнѣ наврали съ три короба, ну, не наживите себѣ бѣды. Я на васъ начальству донесу... Вы и такъ никогда въ палату не ходите, только за жалованьемъ и являетесь въ концѣ мѣсяца.

— Неужели вы мнѣ не вѣрите, Осипъ Осипычъ! сказалъ Христофорскій и повѣсилъ носъ.

— Ну, хорошо, вѣрю, снисходительно отвѣчалъ Стуколкинъ,

подозрительно взглянувъ на поникшій носъ Христофорскаго: — погляжу, какъ вы на миллионѣ женитесь, погляжу; прощайте.

И Христофорскій, съ чувствомъ пожавши красную, покрытую волосами руку Стуколкина, расстался съ нимъ.

XV.

Пришла ночь; вслѣдъ за ней, не спѣша, и Степанъ Степанычъ пришелъ въ спальню къ своей Марѣ Савишнѣ.

При свѣтѣ неугасимой лампадки онъ началъ раздѣваться и замѣтилъ, что подруга его жизни глядитъ во всѣ глаза, не спитъ, какъ будто дожидается его такъ, какъ дожидалась когда-то въ медовый мѣсяцъ.

— Аль больна? спросилъ онъ жену:—что болитъ?

— Больна не больна, а ты вотъ ложись, и какъ ляжешь, я тебѣ новость скажу.

— Какую? не безъ удивленія спросилъ Степанъ Степанычъ и даже пріостановился; спальный сапогъ такъ и остался у него въ рукѣ. Онъ вообразилъ, что его или надули, или обокрали прикащики, или какой нибудь вышелъ такой необычный скандалъ, что Марѣ Савишнѣ не терпится, чтобъ не передать его со всѣми подробностями.

— Какую новость?

— А вотъ ложись...

Степанъ Степанычъ снялъ халатъ, обошелъ массивное брачное ложе, легъ подлѣ своей супруги и уперся подбородкомъ въ дебелое плечо ее.

— Ну, вотъ, легъ, матушка ты моя! Ну, какая тутъ у тебя новость? заговорилъ онъ заигрывая:—ничто не ново подъ луной.

— За Сашу женихъ сватается, помолчавъ сказала Марья Савишна.

Бакановъ сѣлъ на постели, какъ человѣкъ, готовившійся говорить о такомъ дѣлѣ, при которомъ спать или дремать не слѣдуетъ.

— Али сваха опять наврала? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, не сваха.

— Ну, такъ что жъ, почему же Александринѣ и не выйти замужъ, дѣвка въ соку; надо судить по человѣчески: коли сама замужемъ, и другимъ не мѣшай.

— А ты не бойсь не помѣшаешь?

— Ну, вотъ! я что за помѣха! Да за кого хочеть, за того пусть и выходитъ, былъ бы человѣкъ, былъ бы...

Тутъ Степанъ Степанычъ собрался чихнуть и сталъ искать платокъ, но чихнулъ безъ платка.

— Значить, правду говорю, сказалъ онъ.

Жена сунула ему въ руку свой платокъ и сказала: «на здоровье».

— Ну, кто же это сватается?

— Ну, отгадай; за тѣмъ и говорю, чтобъ самъ догадывался, коли ты умный человѣкъ.

— Ужь не докторъ ли?..

— Нѣтъ, куда тебѣ... промѣняетъ онъ свою актерку на жену.

— Ну, Косаткинъ?

— Нѣтъ.

— Гмъ! Можетъ быть, отъ Башлыкова или отъ Позументовыхъ—у нихъ сыновья на возрастѣ.

— То-то, что во вѣки вѣковъ не отгадаешь. Что тебя томить. Вотъ самъ прочти, авось догадаешься.

Марья Савишна подала ему записку Христофорскаго и потомъ зажгла свѣчу и помѣстила ее между собой и мужемъ, придерживая подсвѣчникъ обнаженной рукой. Такимъ образомъ, устроилась картина ночнаго семейнаго совѣщанія.

Степанъ Степанычъ сталъ читать, дочелъ до подписи и опять сталъ читать; брови его при этомъ выразительно двигались, губы ушли въ ротъ, натянутая кожа гладко выбритаго подбородка лоснилась, но ни особеннаго безпокойства, ни гнѣва, ни даже особенной, приличной случаю, досады не изобразило лицо его. Наконецъ, онъ слегка иронически засмѣялся.

— Хе, хе! эдакой дурачина! какую галиматью напоролъ! Александрина читала?

— Читала.

Тутъ Марья Савишна задула свѣчу и перевесла ее на ночной столикъ.

— Ну что, смѣялась чай?

— Да, хорошо кабы смѣялась — плакала чуть не до истерики. Что съ ней было, я сама не знаю.

— Такъ она плакала?

— Я жъ тебѣ толкомъ говорю.

— Гм! я что-то не замѣтилъ.

— Да ты, батюшка мой, никогда ничего не замѣчаешь.

И Марья Савишна въ миллионный разъ со дня своего супружества задала ему маленькій нагоняй. Она всегда по ночамъ потихоньку мылила ему голову, какъ обыкновенно поступаютъ всѣ умныя жены, ибо ночью, что ни скажи—все шито-крыто.

— Нечего и замѣчать, оправдывался мужъ-философъ: — этотъ болваниссимумъ сдуру вообразилъ, что дочь моя влюблена въ него. Вотъ и все. Мало чего онъ не воображаетъ; ха, ха, ха! Онъ дуракъ, и стихи, говорить, пишетъ, и въ карты лучше всѣхъ играетъ, и все можетъ сдѣлать. Онъ, чего добраго, вообразить скоро, что у него апельсины на носу растутъ. Онъ просто находится въ легкомъ умопомѣшательствѣ. Вотъ и все. Я давно это вижу и снисхожу... Ему вѣчно, Богъ знаетъ, что мерещится. Вонъ нынче Трофима по утру прибилъ: представилось, что тотъ ночью къ нему въ двери стучалъ. Чортъ знаетъ что!

— Не поминай чорта, нехристь ты этакой!

— Да поневолѣ тутъ и чорта помянешь. Дѣло вздоръ, просто плевое дѣло, смѣяться надо. Что съ него спрашивать? какъ есть дурачина.

— А если Саша сама влюблена въ него?

— Ну, такъ она дура. Вотъ тебѣ и все. Влюблена! Ну, помилуй, что ты говоришь, ну, не глупа ли ты, матушка! Пришла тебѣ въ голову такая фантазія! Тьфу! Только бабамъ и приходятъ въ головы такія фантазіи.

И Степанъ Степанычъ, пользуясь ночною темнотой, въ свою очередь немного помылилъ голову своей супругѣ.

— Не стоитъ объ этомъ говорить, заключилъ онъ: — и ему ничего не надо говорить, какъ будто никакой записки и не было, и не получали. Такъ и скажемъ, что ничего не получали. Ты такъ и Александринѣ скажи, слышишь?

Жена отозвалась на это, что эту штуку она еще раньше его придумала, и показала видъ, что хочетъ спать.

Мужъ также показалъ видъ, что хочетъ спать и, принявъ положеніе болѣе удобное для сна, слегка толкнулся спиной въ спину своей благовѣрной, но, не смотря на это самое удобное положеніе для сна, долго не могъ онъ заснуть; безпрестанно въ мозгу его бродили фразы изъ письма Христофорскаго; онъ шевелилъ губами и думалъ: «ахъ, ты чортъ! аппетитъ потерялъ! ѣсть какъ акула, за двохъ ѣсть! Скажите пожалуйста! Какой

несчастный! Аппетитъ... ха, ха, ха! «Въ вашихъ рукахъ жизнь и смерть моя»... Прямо изъ какой-то книжки, каналья, выписалъ. Господи ты Боже мой! Родятся же такіе дураки на свѣтѣ!»

Такъ размышлялъ отецъ. Иныя, совершенно иныя мысли лѣзли въ голову его дочери. Она также не спала. Ей было досадно, больно, что она не оставила при себѣ письма Христофорскаго. Она была полна жажды опять у себя, наединѣ, перечестъ его. Она ничего не помнила изъ того, что прочитала; помнила только, что онъ ее любитъ и просить руки ея. Она сама сочиняла за него тысячи страстныхъ фразъ и думала, что всѣ эти фразы прочла въ письмѣ его. Однимъ словомъ, она сама себѣ сочинила или передѣлала письмо Христофорскаго, и оно казалось ей такимъ нѣжнымъ, такимъ деликатнымъ, полнымъ такого неисходнаго горя и такихъ безкорыстно-благородныхъ намѣреній. Кто не знаетъ, что разумѣютъ дѣвушки подъ словами *безкорыстно-благородное намѣреніе*? Это намѣреніе—взять ихъ съ душой и тѣломъ въ свое полное, безпардонное и пожизненное обладаніе. Что же всего невѣроятнѣе, это то, что извѣстная намъ съ вами, читатель, фizioномія Мокія Христофорскаго представлялась ей въ сіяніи красоты неописанной. Ей хотѣлось цаловать его въ голову, и въ глаза, и въ губы. Поневоля вспомнишь Шекспира и его Тигнанію, обнимающую ослиную голову.

XVI.

Когда на другой день утромъ Александра Степановна принесла въ кабинетъ къ своему папа чистое полотенце (ибо Степанъ Степанычъ всегда умывался и одѣвался у себя въ кабинетъ за ширмами, гдѣ у него и стоялъ умывальный съ машиною столъ), онъ мелькомъ, но пристально посмотрѣлъ на дочь свою и почему-то нашель, что лицо у ней скучное.

— Отчего ты такая скучная? Съ лѣвой ноги встала, а?

Александра Степановна также мелькомъ и также пристально посмотрѣла на своего папеньку.

— Да чему же радоваться? Никакой нѣтъ радости.

— А вотъ въ маѣ на дачу съѣдемъ, тамъ будетъ веселѣе.

— Миѣ все равно.

— Ну какое же все равно... не все равно. Леръ пюръ е ли

боге де ля натюръ, е пуртанъ ля променадъ, се тре бьенъ пуръ ля санте.

— Я и такъ здорова, зачѣмъ мнѣ здоровье.

— Ахъ ты разочарованная! Ну поцалуй меня и ступай, я буду одѣваться.

«Да, она чѣмъ-то огорчена. Вѣрно, это баба моя принялась бранить да пилить, какъ всегда она это дѣлаетъ, а чѣмъ она виновата?» подумалъ Бакановъ, когда вышла дочь.

«Онъ все знаетъ, иначе не замѣтилъ бы, что я скучная... подумала дочь, воротившись къ самовару и заваривая чай. — Маменька проболталась. Ну да мнѣ все равно... я ни на кого смотрѣть не стану, я не ребенокъ, у нея свой умъ, а у меня свой. Они умные, а я глупая, а если глупая, такъ и не жди отъ меня ничего умнаго».

Но прошло два дня, и Александра Степановна могла бы совершенно убѣдиться, что отецъ ея ничего не знаетъ—о письмѣ не было и помину,—еслибъ Степанъ Степанычъ не вмѣшилъ себѣ въ обязанность и за столомъ, и за чаемъ трунить надъ Христофорскимъ. Обѣдалъ Куляпкины и рассказывалъ, какъ онъ заѣзжалъ за калошами, и какъ Христофорскій, дуракъ, «караулъ» кричалъ на всю улицу, и рассказывалъ это такъ смѣшно, что даже серьезная Марья Савишна смѣялась.

«А! теперь вижу, думала Александра Степановна: —не только папка, но и Куляпка знаетъ, иначе они не выдумывали бы на Христофорскаго такихъ глупостей. Ишь какъ тѣшутся! какъ хохочутъ! Это они нарочно... Ну, если Куляпкины знаютъ, значитъ, вся Москва знаетъ. Такъ-то мама сохраняетъ мои секреты... хорошо же!».

Степанъ Степанычъ, въ свою очередь, сдѣлался проницателемъ. Онъ увидалъ наконецъ, что когда рѣчь идетъ о Христофорскомъ и когда всѣ смѣются, у его дочери лицо дѣлается такимъ холоднымъ, такимъ неестественно спокойнымъ, что какъ будто она глуха и ничего не слышитъ.

«Э! думалъ Степанъ Степанычъ, и нѣчто въ родѣ безпокойства стало закрадываться въ его душу. — Чортъ знаетъ, что у ней на умѣ! Не попробовать ли отказать Христофорскому отъ дому, и сказать ей: что она скажетъ?»

Но Бакановъ на это не рѣшался, онъ обѣщалъ женѣ своей ничѣмъ не обнаружить передъ дочерью, что онъ знаетъ о глупой

запискѣ Христофорскаго! къ тому же это значило бы запискѣ этой придать значеніе, а этого-то ему и не хотѣлось.

XVII.

Христофорскій же, какъ нарочно, не являлся; онъ, во первыхъ, былъ обиженъ тѣмъ, что Бакановъ поставилъ его на одну доску съ Трофимомъ, во вторыхъ, ожидалъ по городской почтѣ отвѣта отъ Александры Степановны. По утрамъ, запуганный угрозой Стуколкина, онъ отправлялся въ палату, вечеромъ сидѣлъ дома. Гдѣ же онъ обѣдалъ? Богъ его знаетъ! Можетъ быть, навѣщалъ своихъ старыхъ знакомыхъ, у которыхъ давно не былъ, и нечаянно попадалъ къ нимъ прямо къ обѣду, можетъ быть, закусывалъ въ трактирѣ.

Если Александра Степановна воображала, что Куляпкины все знаютъ, то она ошибалась, какъ ошибаются всѣ влюбленные. Куляпкины ничего не знали, только палата, гдѣ служилъ Христофорскій, знала о сватовствѣ Христофорскаго, и такъ какъ наши чиновники одарены особенно-развитымъ воображеніемъ, то и вообразили себѣ цѣлый романъ, и Христофорскій, до сихъ поръ существо совершенно для нихъ ничтожное, какъ будущій милліонеръ, вдругъ сталъ для нихъ героемъ или субъектомъ достойнымъ особеннаго вниманія.

Стуколкинъ по секрету сказалъ своему столоначальнику: Христофорскій на богачихѣ какой-то женится, говоритъ, денегъ куры не клюютъ, я этому дураку помогать хочу.

Столоначальникъ сообщилъ о томъ же совѣтнику, и пошли эти слухи и разсыпались по всѣмъ столамъ, принимая всевозможные отбѣнки и толкованія.

Когда Христофорскій неожиданно явился въ палату и сѣлъ на свое мѣсто, онъ уже замѣтилъ нѣкоторую переменъ въ обращеніи; всѣ на него какъ-то странно оглянулись, какъ будто онъ какая пѣвицка, одинъ только Стуколкинъ не оглянулся и по прежнему не обратилъ на него вниманія, только черезъ полчаса упорнаго молчанія онъ пригнулъ къ нему мясистое лицо свое и спросилъ въ полголоса:

— Ну, какъ дѣла?

— Все хорошо идетъ, покраснѣвши отвѣчалъ Христофорскій. Ему показалось, что скажи онъ, «не извѣстно», или «плохо»

или «Богъ знаетъ какъ дѣла идуть», Стуколкинъ, только что кончится присутствіе, догонитъ его на лѣстницѣ и непременно, самымъ безобразнымъ образомъ, при всѣхъ побьетъ его.

— Ну что, пришли!? сказалъ Христофорскому дружелюбно столоначальникъ его, добрыйшій Яковъ Михайлычъ Стороженко. — Какъ будто мы безъ васъ и не можемъ, — и при этомъ ласково поглядѣлъ на покраснѣвшее лицо его: — вотъ развѣ эту бумажонку перебѣдите, да и ее, пожалуй, Прохоровъ переписать. Еще успеете послужить... добавилъ онъ, какъ будто передъ нимъ торчалъ не Христофорскій, а маленькій мальчикъ, только что кончившій курсъ въ гимназій.

— Нѣтъ, пусть ходитъ, замѣтилъ Стуколкинъ, разглядывая какую-то подпись на какой-то бумагѣ: — бѣденъ, такъ служи.

Христофорскій переписалъ бумагу и сѣлъ, откинувшись на спинку казеннаго стула, какъ будто какой графъ, или такой человекъ, которому самъ чортъ не братъ.

Это еще больше внушило къ нему нѣкоторое уваженіе.

— Ишь ты чортъ, какую штуку удереть, коли на миллионѣ-то женится... Чего добраго, въ губернаторы или въ откупщики полѣзеть. Нашлась же дура!... эдакое счастье! завидовали мелкіе чиновники-юноши, изъ кантонистовъ, и пришибленные старички, продолжая выводить строку за строкой, пригибать къ столу голову, и однимъ только лѣвымъ глазомъ коситься на кончикъ пера, а правый глазъ держать на готовѣ, чтобъ успѣть встать, если выйдетъ самъ изъ-за стеклянной двери, за которой блеститъ зеркало, и откуда иногда могутъ появиться всякаго рода регалии.

Какой-то, даже очень важный, чиновникъ съ орденомъ, изъ другаго отдѣленія, проходя въ тѣсномъ пространствѣ между стѣной, забрызганной чернилами, и столами, столкнулся съ другимъ, не менѣе важнымъ, чиновникомъ безъ ордена, но за то съ большимъ, выпятившимся брюхомъ, и вмѣсто того, чтобъ извиниться или попросить табачку, шепнулъ ему что-то на ухо и заставилъ его оглянуться на Христофоракаго.

Однимъ словомъ, Христофорскій и не подозрѣвалъ, какъ онъ шумитъ, и не воображалъ, до какой степени его сослуживцы занялись судьбой его. Они на другой же день узнали, кто такой купецъ Бакановъ, какихъ лѣтъ его дочь, какой капиталъ у него въ оборотѣ, сколько долговъ, на сколько тысячъ лежитъ товару, и рѣшили, что хотя у Баканова далеко нѣтъ еще милліона, но что онъ купецъ богатый и не на одну сотню тысячъ имѣетъ

состоянія. Вслѣдствіе такихъ толковъ изъ какого-то темнаго угла, по городской почтѣ, шло анонимное письмо къ Степану Степановичу Баканову, въ которомъ Христофорскій описывался самыми черными красками, и въ которомъ изъявлялась готовность найти для дочери его жениха болѣе достойнаго.

Но обратися къ чемунибудь другому. Ну хоть къ Трофиму. Если палата была удивлена Христофорскимъ, то Трофимъ еще болѣе былъ удивленъ словами Баканова: «не спускать Христофорекому». Ему показалось, что Бакановъ надъ нимъ тѣнится: «Эхъ! не въ добрый часъ пришелъ!» думалъ онъ, уходя домой и почесывая затылокъ. Съ тѣхъ поръ было все тихо и мирно въ квартирѣ Христофорскаго. Христофорскій ни слова не говорилъ Трофиму, Трофимъ также дня два не говорилъ съ своимъ баринемъ. На на третій, утромъ, когда принесъ самоваръ, поставилъ его на столъ и сталъ уходить, вдругъ обернулся и сказалъ:

— Баринъ!

Христофорскій посмотрѣлъ на него изъ подлобья.

— А баринъ!

— Что тебѣ?

— Что жъ это, такъ все и будетъ?

— Что тебѣ?

— Какъ что! значить такъ моему струменту и пропадать?

— Какому струменту?

— Вы мнѣ скажите, куда вы его дѣли? Что жъ это! нешто другой покупать! Вы и такъ наказали, изъ жалованья цѣлаго рубля недодали.

— Гм! Развѣ я тебѣ не все жалованье выдалъ?

— А какъ же?! и Трофимъ посмотрѣлъ на него вопросительно, а въ то же время съ упрекомъ самаго свирѣпаго качества.

— Я, кажется, тебѣ все выдалъ.

— То-то все, а еще баринъ прозывается...

Трофимъ очевидно собирался грубить, губы его надувались. Христофорскій это почувствовалъ.

— Гм! если не все, значить обчелся, ты зачѣмъ мнѣ не сказалъ, что не все, я бы отдалъ!

— Ну отдайте.

— Ну и отдамъ, что жъ ты стоишь, отдамъ, говорятъ тебѣ, придешь завтра, ну и получишь... Сколько я тебѣ недодалъ?

— Сами знаете...

— Ну и отдамъ, пошелъ!

— А струментъ?

— Я и знать не знаю, и вѣдать не вѣдаю...

Трофимъ постоялъ, поглядѣлъ, подумалъ, повернулся и вышелъ. Христофорскій посиѣлъ, посиѣлъ, да и сталъ ходить по комнатѣ. Онъ всѣ эти дни былъ не въ духѣ, то собирался идти къ Бакановымъ, то не рѣшался. Самолюбіе стало разцвѣтаться въ немъ и мѣшало. Это доказываетъ, что при известной обстановкѣ иногда мѣняются характеры. Мѣдный лобъ Христофорскаго припомнилъ вѣроятно всѣ свои неудачи въ прошломъ и по инстинкту сталъ осторожнѣе. Наканунѣ заходилъ къ нему Стуколкинъ (не вытерпѣлъ, зашелъ раньше трехъ дней) и сталъ стучаться, Христофорскій былъ дома и не отперся, слышалъ, какъ Стуколкинъ за дверью ругалъ его всякими словами, и все-таки не отперся...

Что ему дѣлать? отвѣта нѣтъ какъ нѣтъ — онъ сдѣлался нерѣшительнымъ, даже отчасти раскаялся, что послалъ письмо!

При первой удачѣ, самой маленькой удачѣ, я увѣренъ — и вы читатель увѣрены — у Христофорскаго исчезнетъ и эта нерѣшительность, и это раскаяніе.

Чтобы узнать наконецъ, какъ идутъ дѣла, получено ли письмо или Стуколкинъ и не думалъ отдавать его, или оно не дошло по назначенію — Ахъ, если не дошло!... невольно подумалъ онъ и скрѣпя сердце, отправился къ Бакановымъ.

Бакановъ, получивъ анонимное письмо, былъ страшно золъ на Христофорскаго: вѣрно дуракъ похвастался прежде времени подумалъ онъ, но письма этого не показавъ ни женѣ, ни дочери, чтобъ не тревожить ихъ; ему уже казалось, что все это прошло и кануло въ рѣку Лету, что Христофорскій самъ пойметъ, что онъ глупъ, или будетъ молчать, если обращаться съ нимъ по прежнему и не подавать никакого вида.

— Гдѣ пропадали? спросилъ онъ Христофорскаго ни холодно, ни ласково...

— Былъ не совсѣмъ здоровъ, Степанъ Степанычъ!

— Чѣмъ это ты хворалъ, батюшка, заговорила Марья Савишна: — не головой ли?

— Точно, что у меня все голова болѣла, приливъ знаете, все кружилась. Также ознобъ былъ...

Бакановъ чему-то засмѣялся. Поглядѣлъ на дочь и ушелъ заниматься въ свою комнату.

Марья Савишна продолжала что-то работать, Александра

Степановна также какъ ни въ чемъ не бывало, сидѣла за пальцами и шила.

Марья Савишна, вѣрная своей тактикѣ, и виду не подавала Христофорскому, что она знаетъ о его предложеніи.

— Вы на меня не сердитесь, Марья Савишна? спросилъ ее Христофорскій? У Александры Степановны дрогнула рука, она поблѣднѣла, и низко къ самой канвѣ наклонила свою голову.

— А за что это?... кажется не за что...

— А за то, что я такъ давно у васъ не былъ.

— Какъ же, очень сержусь! Не видала тебя, такое сокровище! отвѣчала Марья Савишна, тряхнувши животомъ отъ невольнаго позыва къ смѣху.

— Еслибъ я не былъ боленъ, я бы давно у васъ былъ. Вы на меня ради Бога не сердитесь за это.

«Экой дурачина!» подумала Марья Савишна, едва сдерживая смѣхъ.

«Экая простая, добрая душа! подумала Александра Степановна, думаетъ, что на него мы сердимся».

Христофорскій поговоривши съ Марьей Савишной, пошелъ поговорить со Степаномъ Степанычемъ, но нашелъ его за чтеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей» и, не желая мѣшать ему, самъ себѣ продулъ одинъ изъ стоявшихъ въ углу черешневыхъ чубуковъ и набилъ трубку. Видя, что все какъ будто по прежнему, онъ убѣдился, что о письмѣ его никто кромѣ дочери не знаетъ, или что оно вовсе не было послано, и совершенно успокоился.

Успокоившись на этотъ счетъ, онъ сталъ ходить къ Бакановымъ по прежнему, чуть ли не каждый день. Александра Степановна была постоянно при матери, и почти ничего не говорила съ нимъ. На разспросы Марьи Савишны она отвѣчала: ей-Богу же онъ ничего такого не говоритъ мнѣ, даже не намекаетъ; онъ можетъ быть, что письмо-то написалъ не онъ, а кто нибудь, такъ ради шутки, мало ли на свѣтѣ забавянокъ.

Родители успокоились. Утромъ, въ какой-то четвергъ, Марья Савишна уѣхала въ лавку, мужъ ея отправился на биржу, Александра Степановна въ одной распашонкѣ была въ залѣ, поливала цвѣты въ горшкахъ и думала о томъ, о чемъ она постоянно думала, — о Христофорскомъ. И вдругъ, вошелъ Христофорскій, Александра Степановна испугалась, и водой облила себѣ платье.

Христофорскій также почему-то сильно сконфузился:

— Какъ вы меня испугали! сказала Александра Степановна.

— Развѣ никого дома нѣтъ? спросилъ Христофорскій.

— Никого...

— Получили вы мое письмо?..

Александра Степановна — вмѣсто да, вздохнула и кивнула ему головой.

— И такъ, могу ли я надѣяться и просить вашей руки?

Александра Степановна съ испугомъ оглянулась на дверь пустаго кабинета, потомъ на дверь пустой гостиной.

— Развѣ... развѣ вы меня очень любите?..

— Можете ли вы сомнѣваться, до какой степени я люблю васъ, какъ я въ васъ жестоко влюбленъ?.. Я такъ въ васъ влюбленъ, Александра Степановна, что умру, если вы мнѣ откажете!

— Говорятъ, вы скупой и злой. За что вы прибили Трофима?..

— Онъ съ утра до ночи грубитъ мнѣ, Александра Степановна, даже спать не даетъ—увѣряю васъ... Если бы не вы... я бы совсѣмъ съ ума сошелъ... Я человѣкъ не богатый, но я дворянскаго происхожденія, и всегда былъ въ хорошихъ домахъ, всѣ меня любили, всѣ... и неужели вы меня не любите?..

— Пойдемте въ гостиную—признавайтесь во всемъ! сказала Александра Степановна. Ей хотѣлось болѣе нѣжной, болѣе страстной сцены. Ей хотѣлось даже ободрить его, придать ему больше смѣлости.

Когда они вошли въ гостиную, она стала у печки; онъ сталъ противъ нея и взялъ ее за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила она задыхаясь: —вы меня не любите.

— Какъ же мнѣ не любить васъ!

— Любите меня больше всего на свѣтѣ, больше денегъ?— больше...

Христофорскій, не зная, что еще говорить и какъ еще увѣрять, обнялъ ее и поцаловалъ.

Александра Степановна вспыхнула, хотѣла вырваться, но рванулась, и остановилась, голова ея склонилась къ его плечу, и она... стала порывисто и тихо говорить ему:—Мокѣй Трифонъ... Мнѣ ничего не надо, кромѣ вашей любви, ничего, ни вашего ума, ни вашего дворянства, я люблю васъ, и ночи не сплю и все объ васъ думаю. Я ни за кого не пойду замужъ.—Кто меня любить, тотъ и будетъ моимъ мужемъ... да говорите же! Ахъ, насъ могутъ увидеть.... отодвиньтесь, дайте я сяду,—сядьте на

этомъ креслѣ. Говорите же въ послѣдній разъ, очень вы меня любите?

— Ей-Богу же люблю, Александра Степановна!

— Ну такъ сватайтесь—я согласна.

Христофорскій, какъ вѣжливый кавалеръ, хотѣлъ взять у нея ручку и поцаловать, но вошла горничная Марья, и не безъ подозрительнаго изумленія посмотрѣла на красныя щечки и красныя ушки своей скромной барышни.

Христофорскій всталъ, раскланялся и ушелъ, радостный и сіяющій. Могъ ли кто думать (онъ самъ всегда думалъ), что такой дуракъ можетъ возбуждать столько страсти.

Теперь на что не рѣшится Христофорскій! не обманувшись въ любви этой дѣвушки, онъ тѣмъ сильнѣе убѣдился, что и все прочее, на что онъ надѣется, не уйдетъ отъ него, не минуетъ рукъ его. Дома онъ остался не на долго, только трубочку выкурилъ, и пошелъ въ палату. День былъ, какъ нарочно, свѣтлый, теплый, въ палатѣ даже одно окно было настежь отворено и даже какой-то молоденькій чиновникъ изъ студентовъ сидѣлъ на немъ, и глядѣлъ на дворъ, куда приводили арестантовъ.

Христофорскій занялъ свой стулъ, Стуколкинъ, по прежнему, не обращалъ на него никакого вниманія; онъ только покосился на него и продолжалъ писать.

Такъ прошло минутъ десять.

— Дайте ему, Яковъ Михайлычъ, что нибудь хоть переписать, сказалъ Стуколкинъ, обращаясь съ недовольнымъ лицомъ къ своему столоначальнику: — терпѣть не могу, когда тутъ сидятъ за однимъ столомъ и ничего не дѣлаютъ.

— Экая вы горячка! проговорилъ ему въ отвѣтъ Яковъ Михайлычъ: — не успѣлъ человекъ придти.

— Да помилуйте! эдакъ и я перестану ходить... Это чортъ знаетъ, что такое! Да и что онъ за птица! я не отдыхаю, когда прихожу, а онъ... это чортъ знаетъ, что...

Христофорскій обидѣлся (сталъ очень обидчивъ), но молчалъ.

Яковъ Михайлычъ не зналъ, что и заключить изъ поведенія Стуколкина. Экая горячка! готовъ надѣлать и мнѣ непріятности! продолжалъ онъ думать, сочиняя отношеніе въ какую-то провіантскую комиссію.

Христофорскій по прежнему молчалъ и сидѣлъ безъ дѣла.

Яковъ Михайлычъ всталъ и пошелъ куда-то за справками.

— Ну, теперь все дѣло въ шляпѣ, согласіе получено, сказалъ Христофорскій на ухо Стуколкину, какъ бы для того, чтобы озадачить его и наказать за дурное обращеніе.

Стуколкинъ продолжалъ писать, но физіономія его значительно смягчилась, наконецъ, онъ покосился на Христофорскаго и сказалъ.

— Я на васъ, милостивый государь, злѣю.

— За что?

— А какъ вы смѣли не принять меня, развѣ я не знаю, что вы были дома?

— Да я не зналъ, что это вы, и я не могъ отворить, потому что, знаете, такой былъ случай: я никого принять не могъ.

— А! понимаю: такъ вы, кромѣ того, что у васъ богатая невѣста есть, еще разные шуры муры съ дѣвчонками заводите... это мы доведемъ до свѣдѣнія. Гм, только вы напередъ знайте, ужъ это вы такъ и знайте:—приду, постучусь, вѣтъ отвѣта, двери вышибу, видите, какой кулакъ! А? что вы на это скажете? Вы однако не уходите безъ меня.

— Я никуда не уйду.

— Ну то-то же.

Часу въ пятомъ уѣхалъ предсѣдатель, и всѣ стали расходиться. Стуколкинъ также сталъ выходить, не выпуская изъ виду Христофорскаго, и какъ тотъ надѣлъ фуражку, вмѣстѣ съ нимъ спустился на площадку по каменной лѣстницѣ.

— Такъ дѣло-то значить, съ моей легкой руки, на ладъ идетъ? А?... заговорилъ Стуколкинъ: — а что вы думаете, кто вамъ помогъ, а? Да я, знаете ли вы, какое я письмо написалъ для васъ? самому себѣ никогда такихъ писемъ не писывалъ! Я вамъ такъ сочинилъ это письмо, что никакая, — вонъ видите, монашка идетъ къ Иверской, получи она такую цедулку, и она не устояла бы. Понимаете ли вы теперь, что значить моя помощь?

— Чтожъ мудренаго письмо написать! я не только письмо, и стихи съ рифмой недавно послалъ моей невѣстѣ своего собственнаго сочиненія, возражалъ Христофорскій довольно небрежно, къ немалому удивленію своего новаго пріятеля.

— Ахъ свинья! подумалъ пріятель: — а зачѣмъ же вы прибѣгали ко мнѣ за помощью, ночью, разбудили меня, помѣшали мнѣ, если вы сами все можете? А? Я васъ спрашиваю, зачѣмъ? За кого же вы меня принимаете, смѣяться, что ли, вы надо мной вздумали!

— Я действительно просилъ васъ, Осипъ Осипычъ, потому что вы человекъ опытный.

— А, вотъ что. Опытный! такъ вы, стало быть, сознаете, что я опытиѣ васъ и могу быть во всѣхъ случаяхъ жизни полезенъ вамъ?

— Это я очень понимаю, проскрипѣлъ Христофорскій.

— Ну, не стану съ вами ссориться, не стану... Если письмо мое подѣйствовало, и вамъ не отказано въ рукѣ этой мадемузели, вы должны сейчасъ же угостить меня, — пойдемъ къ Печкину.

Христофорскій этого никакъ не ожидалъ... Онъ сталъ отиѣкиваться, божиться, что у него въ карманѣ денегъ ни копѣйки нѣтъ.

— Нынче ни копѣйки, завтра ни копѣйки, а послѣ завтра тысячи, сотни тысячъ. Фу, дьяволъ васъ цобери, какое счастье! Пойдемъ же Печкину, закажемъ обѣдъ и кутнемъ, выпьемъ на ты — я... хочу съ вами на ты, — потому что вижу, что вы человекъ хорошій. Идемъ.

— Я ничего не пью, сказалъ Христофорскій.

— Я самъ ничего не пью. — Идемъ.

— Да право же, Осипъ Осипычъ, у меня ни копѣйки съ собой.

— Ничего! Вы думаете, что у меня денегъ нѣтъ, я займы повѣрю на угощенье! сколько вамъ? десять, такъ десять, двадцать, такъ двадцать, будто у насъ денегъ нѣтъ! когда нибудь отдадите мнѣ съ процентами, и Стуколкинъ на ходу раскрылъ свой бумажникъ.

Христофорскій покосилъ на чужой бумажникъ носъ свой. Чтожъ, подумалъ онъ, возьму съ него десять, когда нибудь отдамъ. — Ну, на это я такъ и быть согласенъ, сказалъ онъ: — десять дайте.

— А вотъ погодите: — здѣсь на вѣтру не дамъ, войдемъ.

И они вошли при трубныхъ звукахъ органа въ дымную атмосферу Печкинскаго трактира.

Вовсе не интересно знать, какъ ѣли и пили Христофорскій и Стуколкинъ. Скажу только, что Христофорскій отказался отъ водки, но не устоялъ отъ пива. Пиво онъ любилъ, но побаивался Стуколкина и не хотѣлъ опьянѣть въ его присутствіи, устоялъ же отъ того, что день былъ жаркій, и у него пересохло въ горлѣ. Чѣмъ больше онъ пилъ пиво, тѣмъ больше поддавался внушеніямъ Стуколкина, и по его настоянію подъ вечеръ, часу

въ осѣмомъ, спросилъ бутылку шампанскаго; бутылку эту они распили, чокаясь бакалами, и вышли на «ты». Стуколкинъ хвастался своими побѣдами надъ женщинами и много рассказывалъ Христофорскому, что онъ человѣкъ опасный и рѣшительный. Но тотъ ничего не рассказывалъ, даже подивитесь, читатель, утаилъ отъ своего новаго друга утренній поцалуй. Счастье многихъ дѣлаетъ откровенными, во многихъ и скрытными. Христофорскій рѣшительно поумнѣлъ на два вершка, съ тѣхъ поръ, какъ воображаемое имъ стало отчасти превращаться въ дѣйствительность. Ничто, казалось, не поссорить новыхъ друзей, но вышло иначе.

Половой подалъ счетъ. Въ итогѣ оказалось девять рублей тридцать пять копѣекъ. Стуколкинъ подалъ этотъ счетъ Христофорскому. Христофорскій безсмысленно посмотрѣлъ на него; у него двоилось въ глазахъ; онъ даже улыбнулся.

— Кто же заплатитъ? спросилъ Стуколкинъ.

Христофорскій закрылъ глаза, вытянулъ ноги, подбоченился и не отвѣчалъ.

— Ты вѣдь, кажется, пригласилъ меня, сказалъ Стуколкинъ: — можешь платить, такъ плати, а не то...

— Я не могу, сказалъ Христофорскій.

— Ну, займи у меня. Вѣдь ты хотѣлъ у меня десять рублей занять.

— Когда?...

— А вотъ, какъ мы съ тобой шли сюда.

— Не помню.

— Ну, не помнишь, такъ плати.

Стуколкинъ былъ не пьянъ, но красенъ какъ сафьянъ, и глаза его съ особенной проникательностью останавливались на лицѣ Христофорскаго.

Христофорскій пошарилъ у себя въ жилетномъ карманѣ, нашелъ пятиалтынный и торжественно положилъ на столъ.

— Бери за пиво, сказалъ онъ половому.

Половой поглядѣлъ на обоихъ, взялъ пятиалтынный и спросилъ Стуколкина:

— Значитъ вы, сударь, остальные заплатите?

Этотъ вопросъ окончательно задѣлъ за живое Стуколкина. Онъ всталъ и подошелъ къ Христофорскому.

— Ну, послушай ты, сказалъ онъ, стараясь не рассердить его: — я такъ и быть дамъ тебѣ займы десять рублей, чтобъ ты

расписался. Такъ и быть дамъ, разумеется, съ процентами; иначе будетъ скандалъ: ты заказывалъ, и тебя не выпустятъ. Вотъ тебѣ деньги, ниши росписку. Половой, дай чернилицу.

Половой принесъ бумаги и чернилицу. Стуколкинъ написалъ росписку и далъ перо Христофорскому, чтобы тотъ подписалъ ее.

Въ роспискѣ вмѣсто десяти было написано *пятьдесятъ* рублей. Стуколкинъ былъ увѣренъ, что полупьяный Христофорскій подпишетъ все, что ему вздумается, и что ему, когда онъ женится, будетъ плевое дѣло отдать вмѣсто десяти *пятьдесятъ* рублей.

Но Христофорскій не былъ на столько пьянъ, чтобы даться въ обманъ. Что касается денегъ, у него было побольше характера, чѣмъ у Стуколкина. Онъ самъ былъ бы не прочь надуть его, и рѣшительно отказался подписывать.

— Не надуешь! говорилъ онъ.

— Какъ ты смѣешь такъ говорить? Вспомни, сколько ты у меня занялъ.

— Ничего не занялъ, отвѣчалъ Христофорскій, и закрылъ глаза, притворяясь болѣе пьянымъ, чѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Мелкая хитрость равнялась въ немъ его тупоумію. Сила характера равнялась самоувѣренности, что онъ всехъ умнѣе.

— Послушай ты, подлецъ, такой-сякой. Если ты сейчасъ не заплатишь денегъ или не подпишешь росписки, я морду побью тебѣ, шипѣлъ ему на ухо Стуколкинъ: — слышишь, я до полусмерти избью тебя.

— Хорошо, согласенъ, сказалъ Христофорскій, притворяясь, что хочетъ спать: — хорошо, завтра... приходи завтра... Теперь оставь меня—я пьянъ.

Въ Христофорскомъ, не менѣе, чѣмъ въ сердцѣ Стуколкина, разгоралось тайное желаніе пустить въ ходъ кулаки и ладони.

Но птицеобразный Христофорскій трусилъ, воображая, что звѣрообразный Стуколкинъ его сильнѣе и, чего добраго, наставитъ фонари, изуродуетъ красоту его. Онъ положилъ руки на столъ и уткнулъ въ нихъ свой длинный носъ, рѣшаясь лучше пожертвовать нѣсколькими клочками волосъ изъ своего затылка.

Стуколкинъ непременно бы сдѣлалъ скандалъ, то есть при всѣхъ исколотилъ бы его, если бы, во первыхъ, былъ пьянъ (отъ четырехъ бутылокъ пива и одной шампанскаго онъ пьянъ и быть не могъ), и если бы, во вторыхъ, не понималъ, что будущій богачъ, чего добраго, не тѣмъ, такъ другимъ, отмститъ ему. «Те—

перъ еще и нѣтъ у него ничего», думалъ онъ, «а ужъ столоначальникъ начинаетъ передъ нимъ подличать, а что, когда будетъ? тогда, чего добраго, и предсѣдатель стинетъ руку ему протягивать да о здоровьи осведомляться». Злости его не было границъ, но буйная воля вошла въ границы; онъ смутно понялъ, что какъ ни глупъ Христофорскій, но тертый калачъ, и что угрозой или кулаками отъ него ни копѣйки не вытянешь. Изъ тому же Стуколкинъ дорожилъ мѣстомъ на службѣ и любилъ дееспотизмъ свой упражнять съ глазу на глазъ, а не среди почтенной публики. Онъ видѣлъ, что на нихъ и такъ уже не одни половые стали обращать вниманіе. Скрѣпя сердце, заплатилъ онъ девять рублей съ копѣйками, и первый вышелъ изъ трактира.

Только что онъ исчезъ, Христофорскій почувствовалъ облегченіе и, поднявъ голову, перешелъ въ другое отдѣленіе, сѣлъ въ уголокъ, и цѣлый часъ не рѣшался выйти на улицу. Стуколкинъ сталъ являться въ его воображеніи тѣмъ-то въ родѣ облагороженнаго Трофима, и если онъ могъ побить послѣднiго, то первый очень легко можетъ побить его въ свою очередь.

XVIII.

Можете сами представить, въ какомъ необычномъ расположеніи духа вышелъ Христофорскій изъ трактира Печкина. Голова его была мутна; на улицѣ, переходя съ тротуара на тротуаръ, онъ то гордо усмѣхался, какъ бы радуясь, что не далъ Стуколкину надуть себя, то робко оглядывался и ускорялъ шаги.

Когда онъ пришелъ домой, заперся и легъ спать, образъ Александры Степановны раза два возникалъ передъ нимъ изъ хаоса какихъ-то полусонныхъ, несвязныхъ мыслей; ему ужъ казалось, что Александра Степановна давнымъ давно жена его, и что онъ сердится на нее за то, что она заплатила Стуколкину десять рублей. Ты обѣщала, говоритъ Александра Степановна. — Онъ хотѣлъ меня надуть, возражаетъ засыпающій Христофорскій. Ты хотѣлъ его угостить. — Нѣтъ, онъ меня, а не я его тащилъ въ трактиръ. — Смотри, вотъ онъ тебя однимъ кулакомъ убьетъ... караулъ!... и Христофорскій чуть не закричалъ. Ему приснилось, что его дубаситъ Стуколкинъ. Но мало ли бываетъ всякихъ грѣзъ и мечтаній. Все это очень естественно! Наконецъ, Христофорскій совсѣмъ заснулъ, и даже захрапѣлъ; и

это естественно, но, что вы скажете, читатель, какъ вы объясните его пробужденіе? Это было въ часъ ночи. Прилила ли кровь къ его ушамъ, кошки ли праздновали свадьбу, вѣтеръ ли свистѣлъ въ открытую вьюшку, только Христофорскій проснулся въ ужасѣ. На чердакѣ, почти надъ самой его кроватью, играла гармоника. Да еще какъ играла! сначала какія-то дикія дьявольски жалобныя звуки тянулись, обрывались, и опять тянулись. Христофорскій сѣлъ на кровать и сталъ креститься. Потомъ вдругъ заиграла засвистѣла такая пѣсня, что, «трепакъ» не трепакъ», «во лузяхъ», не «во лузяхъ». Чортъ знаетъ, что! По потолку что-то застучало, затопало. Христофорскому показалось, что тамъ идетъ такая пляска, такая возня, что страхъ! У него и лицо перекошилось отъ ужаса, кой какъ нащупалъ онъ рукой спичку и мазнулъ по стѣнѣ, спичка вспыхнула, гармоника затихла, за то въ окно со двора глянула какая-то красная рожа и высунула огненный языкъ. Христофорскій уронилъ спичку и опять остался въ потьмахъ, тутъ онъ закрылъ глаза, положилъ подушку на голову и до разсвѣта дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ.

Читатели уже знаютъ, что Христофорскій былъ трусъ порядочный. Все это могло ему почудиться, потому, быть можетъ, что въ мозгу его еще бродили пары шампанскаго.

Чортъ знаетъ, что это такое было! подумалъ онъ, продирая глаза, часу въ десятомъ утра; нѣтъ, здѣсь не чисто, заключилъ онъ, надѣвая халатъ, надо поскорѣй жениться, да и... гм! а можетъ быть, это передъ моею свадьбой такъ домовая распотѣшилась.

Онъ отперъ дверь, подошелъ къ зеркалу и увидѣлъ, что лицо его какъ будто осунулось. Пришелъ Трофимъ съ рукою-никомъ.

— Ты ничего вышче ночью не слыхалъ? спросилъ его Христофорскій.

— Чего? ничего не слыхалъ:—али кто выживаетъ?

— Ты... ты ночью не игралъ на гармоникѣ?

— Я! а гдѣ я ее возьму? вотъ куплю новую, ребята обѣщались поддержанную за двугривенный достать.

— Такъ ты не игралъ. А?

Трофимъ поглядѣлъ на своего барина.

— Ну такъ, это черти играли.

— Черти! Какъ черти! Трофимъ ослабился и опять поглядѣлъ на барина.

— Сходи на чердакъ, тамъ поищи, не занесъ ли кто туда твоей гармоникки: — тамъ нынче ночью такая была возня да плясъ, что... это должно быть передъ свадьбой, какъ ты думаешь?

— Я давно знаю, что выживаетъ, отвѣчалъ Трофимъ, приподнимая рукомыльникъ надъ протянувшимися къ тазу ладонями барина.

Христофорскій взялъ мыло. Онъ съ нѣкоторыхъ поръ мылъ мыломъ не только руки, но и лицо.

— А что?...

— Да такъ дверьми стучать: — а вы нешто на чердакъ инструментъ-то мой забросили? А?

— А я не помню. Чтожъ ты стоишь, — лей!

— То-то оно... того значить, проговорилъ Трофимъ, плеснувъ ему на руки.

Христофорскій молча умылся и сталъ полотенцемъ вытирать лицо свое. Трофимъ молча вышелъ.

Ночной страхъ скоро совершенно испарился изъ головы Христофорскаго. Онъ отдалъ приказаніе стоять дворнику у калитки, и если кто придетъ къ нему, сказывать, что дескать Мокшѣ Трифоновичъ ушелъ и не скоро воротится, а самъ сначала вычистилъ свой сюртукъ, потомъ досталъ лучшую манишку, выстригъ свой острый подбородокъ, причесалъ свои рыхлые бакки, одѣлся, и живо представивъ себѣ вчерашнюю сцену въ гостиной съ Александрой Степановной, направилъ шаги свои къ дому Баканова.

Не безъ смущенія, но довольно развязно вошелъ онъ къ нему въ кабинетъ.

Бакановъ сидѣлъ въ халатѣ за конторкой, передъ нимъ стояли два сидѣльца одинъ со щетами, другой съ аршиномъ за пазухой; Бакановъ что-то записывалъ, словомъ, былъ занятъ. Утренній визитъ Христофорскаго, и въ тотъ именно часъ, когда по своимъ занятіямъ онъ не долженъ отлучаться отъ кладовой, наконецъ, примазанный, приглаженный, лоснящійся видъ его, не понравились Баканову; онъ едва кивнулъ ему головой и даже слегка поморщился.

Христофорскій, не желая мѣшать, отошелъ въ уголокъ, набилъ трубку, усѣлся и сталъ покуривать; смотря на лицо его, кажется, въ эту минуту никто бы въ мірѣ не подумалъ, что онъ

сбирается свататься: Христофорскій курилъ, пускалъ дымъ и преспокойно дожидался, скоро ли уйдутъ сидѣльцы, наконецъ, они низко поклонились, встряхнули волосами, и вышли, одинъ придерживая щеты, чтобъ не слишкомъ размахивались, другой положила руку за пазуху. Христофорскій затянулся дымомъ, сталъ, вытянулся, поставилъ трубку въ уголъ и подошелъ къ Степану Степанову. Въ эту минуту лицо его покрылось краской.

— Я къ вамъ по дѣлу, сказалъ онъ.

Бакановъ посмотрѣлъ на него изъ-подъ руки и сказалъ:

— Я теперь занятъ.

— Я-съ къ вамъ, Степанъ Степановичъ, съ великою просьбой.

— Съ какой? не хотя спросилъ его Бакановъ. Онъ уже понималъ, о чемъ сейчасъ бражнетъ ему этотъ ранній гость.

И Христофорскій дѣйствительно бракнулъ:

— Я пришелъ-съ, Степанъ Степановичъ, просить руки вашей дочери.

На лицѣ Баканова, въ особенности на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были слѣды золотухи, выступили розовыя пятна, но, по обыкновенію своему, онъ попробовалъ засмѣяться,

— Вы просите руки моей дочери!...

— Да-съ — потому что очень влюбленъ въ нее... Надѣюсь, что я...

— Ну-съ...

— Я отъ чистаго сердца говорю, Степанъ Степановичъ.

— Ну-съ... Вы знаете, я не стѣсняю ни чьей воли — это не мое дѣло! Что еще скажетъ дочь моя. Думаю, любезнѣйшій, что она не пойдетъ за васъ.

— Александра Степановна согласна-съ. Она сама вчера сказала мнѣ, что она меня очень любитъ, и согласна, Степанъ Степановичъ; иначе я никакъ бы не смѣлъ...

Бакановъ, у котораго уже вертѣлась въ головѣ мысль слѣдовать изъ сватовства Христофорскаго смѣшную сценку, чтобъ потомъ рассказывать объ этомъ, въ родѣ забавнаго анекдота, до того былъ озадаченъ словами Христофорскаго, что измѣнился въ лицѣ и сказалъ, невольно возвышая голосъ:

— Этому я не вѣрю... это ваша фантазія... или она шутила, или... Я допрошу ее... я спрошу у ней... поговорю... Приходите въ другое время, ну, хоть завтра, около... нѣтъ, въ воскресенье утромъ, я буду свободенъ. Теперь я занятъ. Прощайте-съ. Безъ церемоніи, прошу васъ до воскресенья не бывать у насъ.

Христофорскій возмущился духомъ, и въ слѣдъ за тѣмъ...

— По крайней мѣрѣ, Степанъ Степанычъ, я ухажу съ надеждой, такъ какъ мои намѣренія самыя благородныя, сказалъ онъ какъ-то въ носъ, какъ будто обидѣвшись.

— Я хорошо понимаю ваши намѣренія, и надѣйтесь сколько душъ вашей угодно, отвѣчалъ Бакановъ, также какъ будто обидѣвшись.

— Прощайте.

Христофорскій вышелъ.

Бакановъ посидѣлъ на томъ же мѣстѣ, потомъ всталъ, отправился въ переднюю узнать, ушелъ ли Христофорскій. Убѣдившись, что его и слѣдъ простылъ, онъ запахнулъ халатъ и пошелъ въ комнату своей дочери.

— Ну, Александринъ?

— Что, папа?

— Прикажете поздравить васъ?

Александра Степановна вздрогнула и поблѣднѣла.

— Прекраснаго жениха нашли, даже согласіе свое ему объявили! Имѣю честь васъ поздравить, Александра Степановна.

— Что хотите, то и дѣлайте со мной, задыхаясь проговорила Александра Степановна: — я виновата. Онъ одинъ меня любить и я... я покаялась, что буду его женой.

И Александра Степановна заплакала.

Не стану подробно разсказывать о томъ, какъ наконецъ явилась Марья Савишна и узнала, въ чемъ дѣло; что говорилъ отецъ, что говорила мать. Дочь плакала и на всѣ ихъ упреки и усовѣщиванья отвѣчала: «такъ угодно Богу; я дала слово». Разговоръ этотъ, кажется, перешелъ все тоны, отъ шопота до рѣшительныхъ и громкихъ вставленій Марьи Савишны: выкинуть этого дурака изъ головы, потому что, мало того, что онъ дуракъ, но и озарникъ не послѣдней степени.

Чтожъ мудренаго, что весь домъ узналъ о сватовствѣ Христофорскаго. По всему дому пошло шушуканье. Александра Степановна продолжала хныкать, и что ей ни говорили, въ какомъ уродливомъ и смѣшномъ видѣ ни представляли ей личность Христофорскаго—ничего не могли сдѣлать съ Александрой Степановной. Такого упрямства воли до сихъ поръ въ ней никто и подозрѣвать не могъ. Наконецъ Степанъ Степанычъ и рукой мах-

нулъ. «Ну, пусть выходитъ», заговорилъ онъ: «не намъ жить съ дуракомъ, а ей. Любовь зла, влюбится и въ козла, говоритъ русская пословица. Что ты будешь дѣлать? тутъ кажется и разсуждать-то долго не о чемъ. Ну, дура нашла дурака, ну, и съ Богомъ! Не насильно же дѣвку въ дому держать, когда ей вонь изъ дому хочется. Ну, и пусть! Оставь ее, Марья Савишна. Поговорили, ну и довольно. Пора и намъ честь знать. Поздравляю пасъ съ женихомъ, Александра Степановна», заключилъ онъ не безъ горечи и ушелъ въ свой кабинетъ желчный и разстроенный.

XIX.

Мы знаемъ уже, какъ неблагосклонно смотрѣла дворня Бакановыхъ на нашего Христофорскаго. Начались во всемъ домѣ суды да пересуды, толки да оханья, хотя отецъ и мать и унялись, въ надеждѣ, что если отложить свадьбу на годъ, то въ годъ много воды утечетъ. Улита, кума Трофима, и горничная Маша рѣшились не давать покоя бѣдной барышнѣ; одна пришла къ ней съ разными разсказами о гнусномъ нравѣ и продѣлкахъ Христофорскаго, другая пришла сказать, что она простая дѣвка, а позволила бы себя скорѣе удавить, чѣмъ вышла бы замужъ за Мокія Трифоновича. Но Александра Степановна, у которой очень скоро высохли слезы, такъ на нихъ крикнула, такъ токнула ножкой, что Улита ушла браниться въ кухню, и тамъ цѣлый день бранилась, а Маша забралась въ чуланъ и вышла оттуда съ заплаканными глазами. Марья Савишна чутко слѣдила за всѣмъ, что дѣлается и о чемъ говорится въ домѣ, и не вытерпѣла: подъ воскресенье ночью, въ послѣдній разъ рѣшилась поговорить съ своей дочерью. Она застала дочь свою на молитвѣ передъ лампадой и стала подлѣ нея молиться.

Минутъ черезъ десять Александра Степановна обернулась къ ней за благословеніемъ, Марья Савишна перекрестила ее и сказала: ты, Саша, теперь не плачешь, видишь, что мы тебѣ не препятствуемъ, отецъ твой не хочетъ, чтобы мы тебѣ препятствовали. Вѣдь ты ужъ не маленькая, можешь сама, свой умъ-разумъ имѣешь, такъ поговоримъ же съ тобой по дружески. Завтра этотъ фофанъ, прости Господи, придетъ за отвѣтомъ, и уже не много осталось времени.

«Къ чему всё эти толки», подумала дочь и сказала:—будемте толковать», и обняла мать свою.

Минуты двѣ онѣ постояли во взаимныхъ объятіяхъ, приложившись другъ къ другу своими головами, потомъ горячо поцеловались и сѣли рядомъ на кровати, обѣ въ юбкахъ, и обѣ простоволосыя; но при свѣтѣ лампы, дочь казалась трепетной жертвой, мать—суровой старухой, съ насупленными бровями; одинъ край кисейнаго полога прикрылъ бѣлую кацавейку матери, другою—полное дѣйственное плечико отъ слезъ да молитвъ еще не успѣвшей похудѣть дѣвушки.—Пу скажи ты мнѣ, другъ ты мой сердечный, начала мать:—еще разъ скажи, чѣмъ этотъ фюфанъ успѣлъ такъ причаровать тебя? нѣ кожи, нѣ рожи! да еще и дуракъ человѣкъ въ добавокъ.

— Куда ужъ мнѣ за красотой гнаться! голубушка маменька!

— Ну такъ что же, что въ немъ такого особеннаго? только глупъ, до того, мать моя, глупъ, что всё-то дѣлають изъ него посмѣшнице.

— Я знаю, что онъ не далеко, сказала дочь, опустила голову.

— И при этомъ еще дурной человѣкъ, самаго сквернаго нрава, скаредъ.

— Ну, я съ этимъ не согласна. Вы говорите, дурной человѣкъ, ну докажите — докажите, голубушка маменька, что таково дурнаго онъ сдѣлалъ?..

Мать на минуту затруднилась въ отвѣтъ, это не ускользнуло отъ вниманія дочери.

— Докажите! нельзя же завѣрять — дурной, злой, а почему дурной, почему злой?

— Спроси Трофима.

— Не хочу я его спрашивать, съ горячностью перебила дочь:

— Мокѣй Трифоновъ любитъ порядокъ, онъ строгъ, и можетъ быть поколотить его, но за что поколотить? за то, что тотъ дома не ночевалъ! онъ мнѣ самъ сказалъ, что не ночевалъ дома! Что, еслибъ наша Маша пропала на цѣлую ночь, что бы вы сказали? да еще нагрубилъ вамъ въ добавокъ? можетъ быть и вы не утерпѣли бы, за что же винить Христофорскаго? кладовая папины у него на рукахъ: что жъ будетъ если сторожа будутъ пропадать по цѣлымъ почамъ, посудите сами, голубушка маменька! Нѣтъ, вы мнѣ скажите, не перебивайте, меня скажите, пьяница онъ, или нѣтъ? Нѣтъ, ну картежникъ? — и того нѣтъ, ну мотъ, послед-

нія деньги на пустяки тратить? нѣтъ; я слышала, что онъ такъ экономень, что и жалованья своего не проживаетъ—ну, осудите ли вы за это бѣднаго человѣка?

— Да, онъ любить жить на чужой счетъ, это правда! вотъ что правда, то правда! онъ и сватается—то за тебя для того, чтобы и не такъ еще пожить на твой счетъ, на твои денежки.

— А другіе, маменька, развѣ лучше? развѣ отставной полковникъ Топоковъ не выспрашивалъ, сколько у меня состоянья? хорошо, что онъ напѣ не поправился, а то такъ бы меня за него и отдал. Кто меня по любви возьметъ, коли я такая уродилась, что ничего нѣтъ хорошаго! Хотѣлъ посвататься купецъ Полтинниковъ, пріѣхалъ, посмотрѣлъ, осмотрѣлъ, да прямо изъ нашего дома и отправился къ Вѣрочкѣ Салатовой, осмѣлялъ меня, охаялъ, да и сдѣлалъ ей въ тотъ же вечеръ предложеніе. Такъ-то, голубушка маменька! вѣрьте мнѣ, что Христофорскій по простотѣ своей не способенъ пускаться на хитрости, по скупости своей не проживетъ моего состоянья, а что онъ любить меня, это, мама, я давно замѣтила, еще прошлаго года осенью замѣтила! когда я не чаяла, не думала, что онъ возьметъ такую, можно сказать, смѣлость, станетъ за меня свататься; видно, что сильно любить, коли на такую штуку пустился.

— Ну, тебя не переговоришь, вздохнувъ сказала Марья Савишна: — я сама людей знаю, и знаю, что твой Мокѣй, про себя разумѣй, еще и на такія штуки способенъ; у него лобъ, не то что мѣдный, а деревянный лобъ, не ушибется, лѣзетъ съ дуру куда попадо, авось что нибудь да и будетъ! такъ-то, мать ты моя, вспомнишь ты мои слова, да поздно будетъ! мы тебѣ не препятствуемъ, Богъ съ тобой! коли ты насъ на такого дурака мѣняешь! и Марья Савишна прослезилась и поднесла къ глазамъ своимъ кончикъ своей распашонки. Она не играла роли, она дѣйствительно прослезилась, дѣйствительно ей было горько.

Александра Степановна вздохнула и опять повѣсила голову, но въ самомъ наклонѣ головы ея высказывалось такое упрямство, которое мы выражаемъ въ словахъ: «видно такъ ужъ судьбѣ угодно!»

Въ это самое время, въ кабинетѣ Баканова разыгрывалась сцена съ прикащикомъ чайнаго магазина, но чтобъ описать ее, обратимся къ началу вечера.

Бакановъ ни по мягкости своего характера, ни по образу

мыслей своихъ не могъ быть самодуромъ; вотъ почему въ то время въ средѣ московскаго купечества онъ чуть было не прослылъ дуракомъ, а чего добраго, въ глазахъ многихъ изъ числа моихъ читателей покажется лицомъ чуть не идеальнымъ, и въ мірѣ купечества никогда не виданнымъ. Бакановъ чуть не заболѣлъ при мысли, что дочь его будетъ замужемъ за Христофорскимъ. Ему даже представлялось, что вся Москва будетъ хохотать, и что на свадьбу эту сойдется народу видимо не видимо, чтобъ только подивится такому диву дивному. Онъ думалъ наконецъ: «ну умри я, или, упаси Боже! умереть Марья Савишна, всѣ дѣла мои, всѣ наши капиталы перейдутъ въ руки этому болвану, ну что онъ съ ними сдѣлаетъ? какъ онъ съ ними управится! Просто какъ ни посмотри, съ какой стороны ни примѣрь, женихъ не подходящий».

Вотъ о чемъ думалъ онъ и въ пятницу, и въ субботу, и чѣмъ больше думалъ, тѣмъ болѣе уединялся, чувствовалъ себя нездоровымъ, разстроеннымъ, но не заперъ своей дочери, не приходилъ съ ней ругаться, не грозилъ ей своимъ проклятьемъ или лишеньемъ наслѣдства, однимъ словомъ, поступалъ дѣйствительно или какъ дуракъ, по мнѣнію тогдашняго купечества, или какъ идеалистъ, по мнѣнію тѣхъ, кто изучалъ это сословіе въ главныхъ, болѣе рѣзкихъ чертахъ его.

Но Бакановъ былъ не глупъ, и задалъ себѣ задачу найти возможность самымъ благовиднымъ манеромъ отдѣлаться отъ притязаній Христофорскаго и не прослыть тираномъ въ глазахъ дочери.

Вечеромъ, напившись чаю у себя въ кабинетѣ, онъ сѣлъ за конторку и сталъ писать письмо, потомъ поднялъ крышку, досталъ двѣ пачки ассигнацій, ровно двѣ тысячи, положилъ ихъ въ пакетъ, запечаталъ, подписалъ: г-ну Христофорскому отъ Баканова, и обернулся.

Въ кабинетъ его вошелъ старичокъ-прикащикъ.

— Вотъ, кстати пришли! я было хотѣлъ только за вами послать, сказалъ ему Бакановъ.

Старичокъ смиренно остановился поодаль, сложилъ руки, покорно повѣсилъ голову и опустилъ глаза.

— Завтра по утру, около осьми часовъ, отнесите этотъ пакетъ съ деньгами къ Христофорскому.

— Дошелъ до меня пустой слухъ, батюшка, Степанъ Степанычъ, будто дочка ваша изволить въ законный бракъ всту-

пить. Видно правда, коли на расходъ жениху денежки посылать изволите, проговорилъ старичокъ, глядя въ землю, тихимъ, даже отчасти плачевнымъ голосомъ.

— Эхъ, правда, Иванъ Прохорычъ, правда!

— Ну, коли правда...

— Что жъ мнѣ съ ней дѣлать? Хочетъ выйти за него да и только; не моя воля.

Старичокъ вдругъ оживился.

— Господи помилуй! заговорилъ онъ крестясь: — а чья же воля, коли не отцовская! Помилосердствуйте, батюшка, Степанъ Степанычъ! Побойтесь Владыки Всевышняго. Это... это вы въ вашихъ-то бусурманскихъ книжкахъ понавычитали? У отца надъ дочерью воли нѣтъ! Ахъ вы' святители-чудотворцы! впервой слышу я. Да я бы, Степанъ Степанычъ, да я бы пафъ завелъ, какъ бы изъ моей воли да мое родное дѣтище вышло! Да гдѣ жъ это слыхано, чтобъ за такого, такъ сказать, ничего не стоящаго человѣка, да такая невеста, съ такимъ капиталомъ... Ба-а-тюшка, Степанъ Степанычъ! Да мы ей, стоитъ кличъ кликнуть, мы ей такого жениха предоставимъ, что тебѣ генералъ! Такого, что у самого денегъ куры не клюютъ; въ каретахъ, на атласныхъ подушкахъ съ кистями ѣздитъ. Помилосердствуйте, батюшка!

— Ну что тутъ вы пристали! «Помилосердствуйте», «помилосердствуйте», какъ будто я самъ не знаю. Дѣвкѣ не шестнадцать лѣтъ, давно совершеннолѣтняя, у самой глаза не на затылкъ, можетъ видѣть. Отнесите это письмо къ этому дураку.

— Не понесу, Степанъ Степанычъ! Убейте вы меня на мѣстѣ, вотъ сейчасъ провалюсь я... не пойду я къ этому гольшу.

— Не пойдете? ну, что дѣлать!

— И на свадьбу не пойду, Степанъ Степанычъ!

Тутъ старичокъ во всѣ глаза сталъ смотрѣть на Баканова, и лицо его замѣтно приняло угрожающее выраженіе.

Степанъ Степанычъ сталъ ходить по комнатѣ, но не объ отказѣ старика онъ думалъ. Нѣтъ! онъ ходилъ и думалъ: «а что, какъ Христофорскій не приметъ этихъ денегъ, что, если завтра самъ воротитъ ихъ назадъ и явится за отвѣтомъ? Ну, если какой нибудь умный человѣкъ надоумитъ его это сдѣлать! вѣдь онъ, чего добраго, еще выиграетъ черезъ это въ глазахъ Александры Степановны. Господи! хвастунишка, глупъ, тупъ, ничего не

знаетъ и драчунъ, ни *фуа*, ни *дуа*, заключилъ онъ мысль свою по французски. Къ кому относились эти милыя выраженія, кажется, не зачѣмъ договаривать.

Такъ думалъ Бакановъ; вдругъ услыхалъ, что что-то шлепнулось, какъ будто изъ шкапа книга выскочила и упала, обернулся, видитъ, не книга упала, а старикъ—прикащикъ шлепнулся на колѣна.

— Ба-а-а-тюшка, Степанъ Степанычъ. Не отдавай ты за этого прихвостня дочь свою, не посылай ты ему денегъ, вору эдакому... не губи ты себя, ба-а-тюшка! взмолился старикъ со слезами на глазахъ.

— Ахъ, Иванъ Прохорычъ, вы меня взбѣсите! что я, маленькій что ли? на колѣнки встали. Думаете, я самъ дуракъ, не знаю, что дѣлаю.

Старичокъ вскочилъ съ колѣнъ и страшно вспыхнулъ, кровь замѣтно бросилась ему въ голову.

— Ну да! да, дуракъ! дуракъ вы, Степанъ Степанычъ! плювать мнѣ на васъ, не пойду я къ нему, не пойду, хоть повѣсьте. Да и къ вамъ не пойду, вотъ что! цфу!

— Ну, разгорячился! куда вы?

Старичокъ въ дверяхъ обернулся.

— Отпустите меня съ Богомъ домой, Степанъ Степанычъ!

— Ну Богъ съ вами, ступайте! приходите завтра, поговоримъ и дѣло какъ нибудь обработаемъ, такъ что... очень можетъ быть, что и ничего не будетъ.

— Такъ уйти, Степанъ Степанычъ?

— Да вѣдь вы не хотите относить моего письма?

— Не хочу, Степанъ Степанычъ.

— Ну, такъ уйдите!

Старичокъ ушелъ. Степанъ Степанычъ положилъ пакетъ на столъ съ тѣмъ, чтобъ завтра утромъ съ кѣмъ нибудь изъ сидѣльцевъ отправить его къ Христофорскому.

На это письмо онъ надѣялся, какъ на единственное свое спасеніе.

XX.

Наступило воскресенье, день роковой для Александры Степановны, роковой для Мокія Трифоныча. Александра Степанов-

на не сомнѣвалась уже, что Христофорскому не откажутъ. Мокѣй Трифонычъ сильно сомнѣвался... «Вижу, что этотъ купчина неблаговолитъ ко мнѣ, думалъ онъ: — ну, а неблаговолитъ, значитъ, мое дѣло не выиграетъ: еще, чего добраго, ее запрутъ, а меня въ три шен. Это будетъ очень непріятно... чортъ меня дернулъ такъ рано свататься, надо было бы прежде всего, какъ это умные люди дѣлаютъ, соблазнить ее, а потомъ уже и того — жениться, а я пошелъ свататься», и Христофорскій сильно былъ не въ духѣ.

Обстоятельства шлифуютъ людей. Христофорскій замѣтно сталъ шлифоваться, т. е. получилъ возможность быть иногда собой недовольнымъ, чего за нимъ прежде никогда почти не водилось.

Въ воскресенье проснулся Христофорскій не раньше обыкновеннаго, и взглянулъ въ окно; въ окнѣ было мутно, пасмурно, утро было дождливое, тѣмъ не менѣе Христофорскій сталъ собираться къ обѣднѣ, даже думалъ отслужить сначала молебенъ, а потомъ ужъ и отправиться къ Бакановымъ.

Трофимъ принесъ самоваръ; онъ положительно не вѣрилъ, что Христофорскій женится на Александрѣ Степановнѣ, и когда ему объ этомъ говорили, онъ только глупо улыбался и махалъ руками, какъ бы отмахивался отъ такой несообразной новости.

Христофорскій напился чаю, закурилъ трубку и сталъ мечтать; въ это время отворилась дверь, и въ комнату влетѣлъ какой-то круглолицый парень, остриженный въ кружокъ, подалъ ему пакетъ и остановился у двери.

Христофорскій мигомъ почувствовалъ, что подъ пакетомъ пачка денегъ; мурашки забѣгали у него по спинѣ, лицо покрылось румянцемъ, носъ и губы выразили въ одно и то же время и вопросъ, и знакъ удивленья.

Распечатанный пакетъ, кромѣ денегъ, заключалъ въ себѣ слѣдующее письмо:

Милостивый государь!

Мокѣй Трифонычъ.

«Такъ какъ я въ настоящее время ничего почти не могу дать за моей дочерью, ибо капиталъ ея находится въ оборотѣ, и врядъ ли раньше смерти моей она можетъ получить его, то я и рѣшаюсь предложить вамъ все, что у меня нашлось въ эту минуту,

а именно 2000 рублей, съ тѣмъ, чтобъ вы отказались отъ вашихъ притязаній на руку моей дочери и оставили насъ въ покоѣ. Если же вы на это не согласны, то немедленно прошу васъ деньги эти мнѣ воротить съ посланнымъ, которому приказано дожидаться отъ васъ отвѣта. Остаюсь

Готовый къ услугамъ

Степанъ Бакановъ».

Христофорскій прочелъ, и минуты двѣ или три оставался совершенно неподвижнымъ, точно на него столбнякъ нашелъ.

— Подожди отвѣта внизу, сказалъ онъ посланному.

— Прикажете внизу подождать-съ? повторилъ сидѣлецъ, и вышелъ.

Христофорскій заперъ за нимъ дверь и сталъ считать деньги.

Такой суммы никогда еще не было въ рукахъ его. Доживши до 28-ми лѣтъ, онъ могъ скопить всего только семьдесятъ пять рублей. Чего онъ не вымышлялъ, для того только-только, чтобъ лишній рубль приложить къ своему капиталу; онъ дрожалъ надъ каждой копѣечкой, и вдругъ, вдругъ судьба посылаетъ ему двѣ тысячи! и за что посылаетъ! за вздоръ, за то только, что онъ счастливо поволочился за купеческой дочкой. Ему предлагаютъ или отказаться отъ этихъ денегъ, или продолжать волочиться; предлагаютъ вѣрное промѣнять на невѣрное.

Какой хаосъ, какая путаница, какой сумбуръ поднялся въ мозгахъ нашего почтеннаго Мокія Трифоныча! Пальцы его дрожали, въ третій разъ пересчитывая упавшее ему съ неба сокровище, щеки горѣли, губы странно улыбались.

«А что, если онъ хочетъ меня надуть, думалъ Христофорскій, хочетъ двумя тысячами отъ меня отдѣлаться!»

«А что, если пошлю я ему назадъ эти деньги, а потомъ, все-таки, пожалуй, съ носомъ буду; и деньги потеряю, и Александра Степановна не выйдетъ за меня противъ воли своихъ родителей? что тогда? Сперва отложить свадьбу, какъ это разъ сдѣлали съ однимъ моимъ знакомымъ офицеромъ, а потомъ придерутся къ чемунибудь, да и того—откажутъ».

«Чтожь я теперь буду дѣлать!—гм! двѣ тысячи! шутка сказать, двѣ тысячи! да я на двѣ тысячи такъ одѣнусь, такъ щегольну, что за меня и другая богатая невѣста пойдетъ, тѣмъ болѣе, что я такой человекъ, что мнѣ стоитъ только приударить!... или нѣтъ... другой такой не найдешь... А ну-ка онъ и въ самомъ дѣ-

лѣ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть, вдругъ обанкрутился? мало ли бываетъ такихъ случаевъ»...

«Нѣтъ!... лучше синицу въ руки, чѣмъ журавля. Ну, какъ я пошлю къ нему назадъ двѣ тысячи, когда онъ мнѣ ихъ дарить! — Нельзя.... Просто нельзя.... что жъ я ему напишу?»...

Милостивый государь,

Степанъ Степанычъ!

«Душевно благодаренъ вамъ за тѣ присланныя мнѣ сейчасъ деньги двѣ тысячи, которыя я получилъ».

Написавши это, Христофорскій мысленно вообразилъ себѣ лицо Баканова въ ту минуту, когда онъ посватался за дочь его, лицо, не предвѣщавшее ему ничего добраго — и сталъ писать дальше....

«Я хотѣлъ нынче самъ быть у васъ за отвѣтомъ; но вы не хотите этого. Я дворянинъ и не связываюсь, исполню ваше желаніе, принимаю на память вашъ подарокъ и надѣюсь, не беспокоить больше вашу особу ничѣмъ, тѣмъ болѣе, что я знаю себѣ цѣну и никогда нигдѣ не пропаду».

Тутъ Христофорскій остановился, и рѣшительно не зная, что еще болѣе ему написать, заключилъ письмо свое слѣдующей официальной вѣжливой фразой.

«Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи и преданности.

Христофорскій».

Остановимся на этомъ письмѣ и поспѣшимъ заключить рассказъ нашъ болѣе правоописательный, нежели занимательный. Степанъ Степанычъ получилъ письмо Христофорскаго въ тотъ же день, и въ тотъ же день объявилъ Александрѣ Степановнѣ, что женихъ промѣнялъ ее на двѣ тысячи.

Александра Степановна не сказала на это ни слова, страшно поблѣднѣла и ушла въ свою комнату. Она съ той минуты глубоко возненавидѣла своего родителя.

«Онъ не долженъ былъ искушать его», думала бѣдная дѣвушка.

Христофорскій нисколько отъ этого не потерялъ въ глазахъ ея. «Онъ видѣлъ, думала она, что отъ него хотятъ отбояриться деньгами, и такъ какъ онъ очень бѣдный человѣкъ, то, скрѣпя сердце, и рѣшился отретироваться».

Марья Савишна стала изъ всѣхъ силъ хлопотать о томъ, чтобы

выдать замужъ дочь свою, но, хотя и находились женихи, Александра Степановна, какъ бы на зло ей, не хотѣла идти замужъ. «Я скоро умру, у меня грудь болитъ, я вся больна, для чего мнѣ замужъ», — и дѣйствительно она похудѣла.

Степанъ Степанычъ по прежнему торговалъ, по прежнему игралъ въ проферансъ, но въ минуты раздумья сжималъ пальцами нижнюю губу, и думалъ. — Чортъ знаетъ, что хорошо, что дурно! Радовался я, что отдѣлался отъ Христофорскаго, и вотъ вижу съ тѣхъ поръ, что дочь на себя непохожа. За этимъ дуракомъ она была бы, можетъ быть, счастливѣе; хоть бы надувала его, хоть бы ссорилась, все жизнь была бы... можетъ быть и то, что отъ дурака-то мнѣ бы умнаго внука Богъ послалъ, и это бываетъ.... Чортъ знаетъ: что тутъ хорошо, что дурно!...

Такъ философствовалъ Степанъ Степанычъ и всячески старался помириться съ своей дочерью.

Она была къ нему почтительна, но холодна, спокойно сносила намеки и насмѣшки родныхъ и знакомыхъ, на счетъ любви ея къ Христофорскому, и отказывалась отъ всякихъ развлеченій, и отъ театровъ, и отъ пикниковъ, и отъ вечеринокъ. Стала ужасно упрямой и капризной, старой дѣвушкой.

Христофорскій, вскорѣ уволенный отъ занимаемой имъ должности при кладовой, долго упорно держался даровой квартиры, и переѣхалъ на другую квартиру только тогда, когда пришли плотники ее передѣлывать.

Онъ не пропалъ. Счастье, въ которое онъ вѣрилъ, стало служить ему.

Въ палатѣ прежде всего сталъ носиться слухъ, что купецъ миллионеръ не отказалъ ему, а сказалъ: — я очень радъ отдать за васъ дочь свою, только дослужитесь до столоначальника. Этотъ слухъ и его необычайное усердіе, съ какимъ онъ сталъ служить, помогли ему. Года черезъ два онъ уже былъ самъ столоначальникомъ. Стуколкинъ сначала воевалъ съ нимъ, требовалъ съ него денегъ, разглашалъ про него, что онъ и скотина, и мерзавецъ, наконецъ присмирѣлъ; только пересталъ отвѣчать ему, когда тотъ о чемъ нибудь его спрашивалъ.

Прошло еще лѣтъ пять, Христофорскій сталъ еще опытнѣе, и по совѣту одного обязательнаго чиновника, женился на содержанкѣ какого-то богача, разумѣется для того только, чтобы дать свое имя ея дѣтямъ. Съ женой своей онъ выѣзжалъ ка-

таться подъ качели, иногда сопровождалъ ее въ театръ, но не смѣлъ и носу показать въ ея спальню. Онъ получалъ отъ нея нѣчто въ родѣ жалованья, копилъ деньги и былъ очень доволенъ судьбой своей, даже гордился своимъ положеніемъ.

Въ 847 году я слышалъ, не знаю, правда ли, что Христофорскій былъ уже переведенъ на порядочное мѣсто въ какой-то губернскій городъ. Гордо ходилъ съ орденомъ на шеѣ и по прежнему считалъ себя самымъ умнымъ человѣкомъ въ цѣломъ городѣ. Не знаю, правда ли?

Я. ПОЛОНСКІЙ.

Съ честной любовью покойно живи,
Какъ бы ни гналъ, ни давилъ тебя свѣтъ.
Всепокоряющей силъ любви
Въ немъ ничего недоступнаго дѣтъ.

Много есть силы у нѣжныхъ рѣчей;
Первый разъ въ жизни услышавъ: люблю!
Самый отъявленный, грубый злодѣй
Голову склонить въ раздумьи свою.

Все пережитое вспомнить онъ вдругъ,
Все что сгубила въ немъ жизни гроза —
И твою руку сожметъ онъ какъ другъ,
Съ впалыхъ очей его канетъ слеза.

Можетъ быть, этотъ порывъ и пройдетъ,
Дикія страсти возьмутъ перевѣсъ —
Но не однажды въ немъ мысль промелькнетъ,
Что на мгновенье онъ сердцемъ воскресъ.

Вѣрь! еслибъ болѣе было любви,
Если бы мы не таились съ ней —
Рѣже бы желчь закипала въ крови,
Меньше бы было жестокихъ людей.

НА ВОЛѢ.

Нѣтъ рѣшотокъ у оконъ моихъ,
 На рукахъ не надѣто цѣпей
 И не слышно шаговъ часовыхъ
 У избушки убогой моей.

Я на волѣ живу: предо мной
 Разстилается путь широко,
 Лѣсъ зеленый шумитъ и порой
 Чья-то пѣсня звенитъ далеко.

Осѣдлатъ бы коня поскорѣй,
 Посмотрѣть, куда путь тотъ ведетъ,
 Проскакать межъ зеленыхъ вѣтвей
 Да узнать, кто тамъ пѣсни поетъ.

Поскакать бы скорѣй, да коней
 Нищета за долги раздала
 И тяжеле желѣзныхъ цѣпей
 На могучія руки легла.

ГОРЕ.

Горе со свѣту сгонялося
 То мольбами, то проклятьями,
 Да пришло къ намъ и осталось
 Коротать свой вѣкъ какъ съ братьями.

Ходитъ съ парнемъ вороватое
 На свиданье торопливое,
 Умной рѣчью не богатое,
 Поцалуями счастливое.

Стономъ стонетъ надъ работою,
 Вдоль по Волгѣ съ бурлаками претъ,
 На войну идетъ охотою;
 Одежку въ кабаки несетъ.

Ходить въ церковь необутое,
 Подаяньемъ побирается,
 По острогамъ стонетъ лютосъ,
 Отъ прозванья отрекается.

Изъ избы въ избу слоняется,
 Черствый хлѣбъ нашъ поѣдаючи,
 Глупой пѣсню забавляется,
 Пѣсней сердце надрываючи.

Ужъ когда же ты умаешься,
 Нарыдаешься, настонешься,
 Съ мужиками распрощаешься,
 За хлѣбъ, за соль имъ поклонишься?

Я пробудилъ, лаская и цалуя,
 Тебя, мой другъ, отъ тягостнаго сна;
 Ты въ новый путь пошла со мной, ликуя,
 И гордости, и смѣлости полна.

Тотъ пошлый міръ, гдѣ все тебя давило,
 Сталъ для тебя противнѣе тюрьмы;
 И весело, и сладостно такъ было
 Тебѣ бѣжать изъ холода и тьмы.

Младенчески мы оба ликовали
 И не было предчувствія у насъ,
 Что близки дни гоненій и печали,
 Что прозвучитъ разлуки страшный часъ.

Онъ настаетъ... Ты мнѣ сжимаешь руки,
 Къ груди больной склоняешься. Тебѣ
 Не вынести, безпомощная, муки,
 Не побѣдить враговъ своихъ въ борьбѣ.

Ты завтра же, слезами орошая
 Холодный трупъ, услышишь судъ людской,

За то, что ты рѣшилася, святая,
Нести мой крестъ, дѣлать мой трудъ со мной.

За то, что ты ихъ радости смѣнила
На жизнь нужды, лишеній и тревогъ
Съ тѣмъ, чья любовь тебя переродила,
Кто подкупить враговъ твоихъ не могъ.

Несчастливая! глаза мои цалуя,
Охотно бы теперь ты умерла
На той груди, гдѣ силой поцалуя
Пробуждена недавно такъ была.

А. МИХ—ЛОВЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЛѢДОВАТЕЛЯ.

(И. С. РЕПЬЕВУ).

I.

СКВЕРНЫЯ МИНУТЫ.

Воспоминанія прошлаго для каждого не легкая работа: у всѣхъ въ итогъ не велика сумма радостей, за то всѣмъ на долю досталось довольно страданій. На «скверныя минуты» жизнь не скупится, всѣхъ и каждого одѣляетъ она ими въ изобиліи, но я полагаю, что незавидное преимущество въ этомъ случаѣ должно остаться за слѣдователемъ. Врядъ ли кто можетъ вызвать изъ своего прошедшаго такую длинную вереницу печальныхъ образовъ, врядъ ли кому чаще приходилось выслушивать исповѣдь людскихъ страданій, врядъ ли предъ кѣмъ лилось столько слезъ, кому удавалось переживать столько болѣзненно-тяжелыхъ впечатлѣній. По свойству работы, слѣдователь тотъ же анатомъ, только передъ первымъ живой человѣкъ, передъ вторымъ—трупъ, отсюда и разница въ выносимыхъ ими впечатлѣніяхъ: проверка извѣстнаго явленія послѣднимъ не исключаетъ полного спокойствія, спокойствіе перваго,—для меня, по крайней мѣрѣ,—не мыслимо. Слова нѣтъ, привычка дѣло великое; можно гораздо хладнокровнѣе относиться къ явленіямъ, которыя прошли уже передъ вами нѣсколько разъ, но я не знаю, что должны быть за чувства, за нервы, которыя окончательно теряютъ способность отражать въ очію разыгрывающіяся драмы, нерѣдко потрясающія, окрашенные кровавымъ цвѣ-

томъ. Помню, я едва могъ выдержать первое «вскрытіе», потомъ мнѣ приходилось присутствовать при томъ же процессѣ надъ обезображенными, разлагающимися трупами—и ничего, только подергиваетъ нѣсколько, когда полупьяный фельдшеръ начнетъ пилить черепъ или ломать спинную кость; но опять таки здѣсь дѣло идетъ надъ трупомъ, къ нравственной же ломкѣ живаго человѣка привыкнуть нельзя, а если и можно, такъ подъ однимъ только условіемъ—подъ условіемъ утраты своего человѣческаго чувства. Слѣдователь не постороннее лицо тому, что передъ нимъ совершается, онъ самъ участникъ драмы. Если васъ увлекаетъ художественная игра актера, если подъ ея впечатлѣніемъ вы переживаете всѣ моменты драмы, усваиваете, какъ свои собственные, чужія радости и страданія, если вы свое участіе вправѣ считать законнымъ, то еще законнѣе участіе слѣдователя въ проходящихъ предъ нимъ явленіяхъ, еще аномальнѣе тутъ его юпитеровское безстрастіе. Предъ вами—театръ, подмостки, мишура, передъ слѣдователемъ—жизнь, неподдѣльные страданія, изуродованный, но не подкрашенный человѣкъ. Результатъ работы слѣдователя немногосложенъ. Совершилось преступленіе—«выясни фактъ, открывай истину», говорятъ слѣдователю, и вотъ, въ случаѣ успѣха, является: такой-то при такихъ-то обстоятельствахъ убилъ такого-то, такая-то отравила такого-то, такой-то обокралъ такую-то—и затѣмъ общій финалъ, исходъ всѣхъ открытій, приговоръ суда: «подлежать наказанію такому-то». Но этимъ результатомъ не исчерпывается вся глубина жизненной драмы, по нимъ нельзя даже судить о переживаемыхъ слѣдователемъ впечатлѣніяхъ. Окончательное открытіе слѣдователя—только извѣстная формула, выраженная дубово-канцелярскимъ языкомъ, но за нею скрыта вся жизненная суть, всѣ тѣ лихорадочно-страстные проявленія борьбы, свидѣтелемъ которыхъ бываетъ одинъ только слѣдователь. Эти послѣднія не укладываются на бумагу, ихъ не уловишь, какъ не уловишь откуда-то донесшійся звукъ, откуда-то промелькнувшій лучъ...

Три раза мнѣ одинъ и тотъ же воръ понадался: молодой малый, изъ дворовыхъ, по фамиліи Драгуновъ. Попавшись въ первый разъ, Драгуновъ горько плакалъ и все каялся, что впредь онъ лучше руки наложитъ на себя, чѣмъ на воровство пойдетъ. Драгуновъ не лгалъ; въ его словахъ слишкомъ много слышалось простоты, безыскусственности. Попавшись въ третій разъ, воръ уже не каялся, не плакалъ, а все изъ подлобья смотрѣлъ. Я ему напоминалъ нашу первую встрѣчу.

— Нѣшто вамъ приказано вѣрить-то нашему брату? Знамо воръ, былъ воромъ и буду воромъ. Турусы-то на колесахъ мы мастера горюдить, на это насъ возьми. Побольше слушайте! отвѣтилъ мнѣ на напоминаніе Драгуновъ.

Мнѣ слѣдовало обыскъ сдѣлать у Драгунова; я объявилъ ему объ этомъ.

— Такъ что мнѣ. Пойдемте, палаты мои увидите.

На самомъ днѣ глубокаго оврага, раздѣляющаго городъ на двѣ части, гнѣпится нѣсколько низенькихъ, на бокъ покачивувшихся мазанокъ. Грязныя, закоптѣлыя, съ тряпичами вмѣсто оконъ, съ стропилами вмѣсто крышъ, мазанки сами за себя говорили, что за счастливое житіе пребываетъ внутри ихъ. Въ одной изъ этихъ «палатъ» жилъ Драгуновъ.

Драгуновъ вышелъ отъ меня бойко, но, по мѣрѣ приближенія къ мазанкамъ, я сталъ замѣчать въ немъ странную перемену: онъ началъ оглядываться безпокойно назадъ, замедлялъ шаги, въ лицѣ мѣнялся, дышалъ какъ-то труднѣе. Видно, что каждый шагъ впередъ стоилъ ему усилій надъ собой. Мы спустились въ оврагъ, до «палаты» осталось всего сажень сто.

— Не можется мнѣ что-то, ваше б-діе, одни съ обыскомъ идите, — я съ понятіемъ здѣсь подожду. Не бойтесь: не убѣгу.

Драгуновъ былъ блѣденъ, какъ полотно. Я послалъ принести воды: давши оправиться Драгунову, я объявилъ ему, что одинъ въ его квартиру не войду, что онъ непремѣнно самъ долженъ быть при обыскѣ, чтобы видѣть законность его.

Мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ между мазанками, и намъ осталось всего сажень пять. На дворѣ былъ славный, осенній день; въ разрѣженно-холодномъ воздухѣ стояла ничѣмъ не возмутимая тишина. Вдругъ въ этой тишинѣ раздался долгій, болѣзненный стонъ. Затрясся весь Драгуновъ, услыхавъ его, и ни съ мѣста.

— Воля ваша: на куски меня рѣжьте, а не пойду я къ ней. Умирать мнѣ легче.

Стонъ снова повторился, только еще болѣзненнѣе.

— Охъ! Родитъ знать! стономъ же отвѣчалъ Драгуновъ на стонъ, несшійся изъ мазанки и шарахнулся на земь: — бейте меня, а не пойду, не пойду я туда, повторялъ Драгуновъ съ тѣмъ отчаяніемъ, которому и выраженія не подберешь.

Понятно, на сколько эта сцена удивила всѣхъ насъ. Оставивъ Драгунова съ понятіемъ въ оврагѣ, я пошелъ къ мазанкѣ, тихо отворилъ дверь и остановился на порогѣ: подобной безпомощной нищеты и при подобной обстановкѣ я еще не видывалъ. Картина была такого рода: на земляномъ полу мазанки, на грязной рогожѣ, съ чурбаномъ вмѣсто изголовья, лежала молодая женщина, мучимая послѣдними потугами, около нея ползалъ годовою ребенкомъ нагишомъ; двое другихъ ребятишекъ, прикрытыхъ рубищами, прижавшись въ самый уголъ, выглядывали изъ-за корыта, прислоненнаго къ стѣнѣ, какими-то пснуг-

ганными волченками на страдающую мать... Больше въ мазанкѣ ничего и никого не было, только совершенно черныя отъ копоти стѣны да полумракъ дополняли общее впечатлѣніе картины... Это была семья Драгунова въ полномъ ея составѣ.

Я понялъ, почему Драгуновъ шарахнулся на земь и не хотѣлъ изойти изъ свою «палату».

Исторія Драгунова не долга: происхожденіямъ онъ былъ изъ дворовыхъ и состоялъ при псарнѣ; когда ему минуло двадцать лѣтъ, его женили на дворовой же дѣвушкѣ; а въ то время, когда онъ былъ уже отцемъ трехъ дѣтей, Драгуновъ былъ отпущенъ на волю: свободенъ значить. Но непривѣтливо встрѣтила Драгунова съ семьей—свобода: ѣсть надо же было что нибудь. Сначала Драгуновъ пытался найти работу у окружныхъ помѣщиковъ, но тѣ и съ своими-то не знали, куда дѣваться. Должно было искать новыхъ мѣстъ. Собралъ Драгуновъ нищенскій скарбъ свой и потянулся съ беременной женой да съ тройкой ребятишекъ, малъ мала меньше, въ нашъ городъ. Но и здѣсь горькая доля ждала бѣдняка. Драгуновъ въ наймы себя предлагаетъ, а его спрашиваютъ:

— Ты женатъ?

— Женатъ.

— Дѣти есть?

— Есть — трое.

— Проваливай дальше, такихъ намъ не надо.

— Съ женой врозь буду жить.

— Одно все. На сторону станешь часто смотрѣть, въ свой домъ хозяйское добро тащить.

Каждый вопросъ отодвигалъ отъ Драгунова возможность честнаго труда; устами нанимателей судьба произносила надъ нимъ свой приговоръ. Въ перспективѣ уже видѣлась широкая дорога...

Пытался Драгуновъ заняться работой поденной, но какая въ нашей глуши поденная работа? Здоровенный мужикъ, что цѣлую жизнь девяти-пудовые кули на своихъ широкихъ плечахъ таскаетъ, и тотъ копѣекъ тридцать въ день заработаетъ, да за день работы дня три даромъ проходить; а о псарѣ отставномъ и говорить нечего: не на то съ малолѣтства онъ готовился; другимъ художествамъ въ застольныхъ да въ отъѣзжихъ поляхъ его обучали...

Совсѣмъ туго стало Драгунову, съ его немалою семьей: наги и босы всѣ стали, съ голоду приходилось умирать.

Однажды стоялъ Драгуновъ на мосту (гдѣ поденщики у насъ собираются) цѣлый день, но ни одна душа даже не явилась съ предложеніемъ найма. Дома у Драгунова въ это время ни заложить, ни продать уже нечего было, въ карманѣ гроша мѣднаго не имѣлось. Чѣмъ

накормить жену больную, дѣтей малыхъ?... Подавленный думами невеселыми да горемъ неисходнымъ, побрелъ съ моста Драгуновъ, и на этотъ разъ попалъ уже не домой, а въ сибирку: въ первый встрѣтившійся на дорогѣ подъѣздъ завернулъ и своровалъ пальто.

Воспользоваться краденымъ Драгунову не удалось: устigli.

За первымъ воровствомъ послѣдовало другое, а за нимъ и третье. Въ послѣдній разъ Драгуновъ забрался уже ночью въ окно и подломалъ письменный столъ; стало быть преступленіе его сопровождалось «увеличивающими вину обстоятельствами», но за то въ это время Драгуновъ ждалъ съ часу на часъ четвертаго ребенка.

Это исторія одного «преступника», вора. Сознаюсь, она неполна: я представилъ только голый остовъ ея, внѣшнюю сторону; стало быть недостаетъ главнаго: психической борьбы, выдержанной воровомъ, прежде чѣмъ пуститься впервые «на рискованное дѣло», мученій голода, имъ испытанныхъ, и пытки имъ выдержанной при взглядѣ на семью, прежде чѣмъ всадилъ онъ впервые коловоротъ въ чужое добро. Но недостающее предоставляю дополнить читателямъ.

Объ обыскѣ въ «палатѣ» Драгунова не могло быть и рѣчи: и безъ того на долю молодой женщины пришлось слишкомъ много страданій, новымъ приемомъ его можно было совсѣмъ убить ее.

Драгуновъ не вошелъ въ свое жилище.

Во всю обратную дорогу Драгуновъ молчалъ и все смотрѣлъ въ землю. По прежнему онъ былъ блѣденъ, какъ полотно.

Мы возвратились.

— Видѣли, что ли? сказалъ мнѣ задыхаясь, стиснувъ зубы, Драгуновъ: — ну такъ вотъ что: на цѣпь меня сажайте; не то, говорю я вамъ, хуже будетъ! Звѣрь я сталъ, руками своими передую ихъ всѣхъ. Нечего имъ маляться!

Въ эту минуту Драгуновъ говорилъ правду: его рука недрогнула бы, совершая дѣтубійство.

Это одинъ изъ эпизодовъ «слѣдственной» дѣятельности. Скажите, можно ли относиться къ нимъ хладнокровно, можно ли ближайшимъ свидѣтелямъ ихъ, почти участникамъ, не переживать очень много и очень тяжелыхъ впечатлѣній? Безстрастіе достоинство ли тутъ?

Скажутъ: передъ слѣдователемъ преступникъ, чего же тутъ особенно волноваться? Въ видахъ гарантіи общественнаго спокойствія — худая трава изъ поля вонъ. Но въ томъ-то и бѣда, что гораздо легче написать слово «преступникъ», чѣмъ добросовѣстно произнести приговоръ надъ человекомъ. Много разъ приходилось мнѣ стоять лицомъ къ лицу съ «преступниками», но Богъ знаетъ, многіе ли изъ нихъ были дѣйствительными преступниками, почти каждый изъ нихъ тянулъ за собой тяжелую обузу прошедшаго, старался страх-

путь ее съ себя, выбрать другую дорогу помимо той, на которую неуомоимо, неуомоимо толкала его судьба. Кто виноватъ? навязчиво вертится въ вашей головѣ и безконечный лабиринтъ открывается передъ вами, войдя въ который, вы чувствуете себя подавленнымъ, ошеломленнымъ: здѣсь и общество, и личность, и какой-то странный, ничѣмъ неотразимый фатумъ,—все перемѣшалось и перецугалось, все какъ будто сговорилось, чтобъ довести жизнь до проявленія себя протестомъ.

Въ этихъ вопросахъ заключается вся суть, въ нихъ и источникъ переживаемыхъ вами тяжелыхъ впечатлѣній; обойти ихъ вы не можете, они мучительно стучатся къ вамъ, рѣжутъ глаза, не даютъ покоя; въ лицѣ людскихъ страданій, въ болѣзненныхъ протестахъ, въ потрясающихъ душу преступленіяхъ, въ подавленныхъ и давящихъ, вамъ вездѣ слышатся эти вопросы и требуютъ «прямаго отвѣта». Хитрить съ ними, отдѣлываться полунамеками, полуотвѣтами нельзя: угрюмо стоящая жертва ихъ неразрѣшенности безмолвно упрекнетъ васъ же самихъ въ недобросовѣстности...

А что на нихъ полного-то отвѣтите вы, «безпристрастный открыватель истины?» Отречься отъ нихъ вовсе, молча проводить «идею права и справедливости?» Да развѣ это возможно? Развѣ вы не чувствуете, что между «проклятыми» вопросами, тѣмъ, кто задаетъ вамъ ихъ, и вами проходитъ живая связь, разорвать которую внѣ вашихъ силъ, развѣ вы не сознаете общность атмосферы?...

Да, быть лицомъ къ лицу съ «преступникомъ» не легко: цѣлая жизнь проходитъ передъ вами, и вы видите, какъ она безжалостно мнетъ человѣка, какъ она хлещетъ прямо въ лицо ему своими ударами, какъ она гонитъ его изо дня въ день, ни разу не давая вздохнуть свободно, какъ потомъ, натѣшившись вдосталь надъ человѣкомъ, бросаетъ его со всего размаху на людское позорище: казните дескать его, преступникъ онъ, не заурядъ съ прочими осмѣлился идти...

А тутъ еще стонъ раздастся...

И относись послѣ того хладнокровно...

До изданія послѣдняго наказа судебнымъ слѣдователямъ, подсудимыхъ подвергали заключенію въ тюремномъ замкѣ безъ соблюденія формальностей; современное же законодательство, желая гарантировать личность подсудимаго, постановило, на случай лишенія свободы, рядъ извѣстнаго рода формальностей, приведеніе въ исполненіе которыхъ лежитъ на обязанности слѣдователя. Процедура-то эта и составляетъ въ жизни слѣдователя рядъ тѣхъ минутъ, которыя по преимуществу можно назвать скверными. Прежде, то есть до отпра-

ленія преступника въ острогъ, слѣдователь былъ, пожалуй, открыватель истины, теперь же онъ становится исполнителемъ, ему первому приходится нанести ударъ.

Надо вамъ замѣтить, что по существу совершеннаго преступленія дѣлится и рядъ мѣръ, предупреждающихъ возможность уклониться преступнику отъ слѣдствія и суда; мѣры эти: отдача на поруки, подъ домашній арестъ, подъ надзоръ полиціи и наконецъ заключеніе въ тюремный замокъ. Последнему подвергаются люди, совершившіе болѣе или менѣе тяжкія преступленія, какъ напр. влекуція за собой ссылку въ каторжную работу. Процессъ отправленія въ тюремный замокъ происходитъ такимъ образомъ: совершено преступленіе, при производствѣ слѣдствія открывается цѣлый рядъ доказательствъ или уликъ, подтверждающихъ справедливость подозрѣнія, — тогда слѣдователь, зная, что преступленіе должно повлечь за собой болѣе или менѣе тяжелое наказаніе (каторжную работу, ссылку въ Сибирь на поселеніе), долженъ, на основаніи извѣстныхъ статей закона, составить постановленіе объ отправленіи подсудимаго въ тюремный замокъ; въ постановленіи прописываются всѣ улики и доказательства, изъ которыхъ, какъ изъ логическаго построенія, вытекаетъ финалъ: заключеніе подсудимаго. Это постановленіе прочитывается вслухъ слѣдователемъ подсудимому, который и подписывается внизу постановленія: «такой-то слушаю о томъ-то». Если подсудимый не грамотный, то при чтеніи и рукоприкладствѣ должны находиться два свидѣтеля.

По прочтеніи постановленія подсудимый лишается свободы, его тотчасъ отправляютъ въ тюремный замокъ.

Кажется, что же во всей этой процедурѣ такого, что бы тяжело ложилось на васъ? А подите приведите ее въ исполненіе, такъ и узнаете, что въ ней тяжело.

Оно дѣйствительно, какъ со стороны посмотришь, да еще заданься разными высшими принципами, въ родѣ *fiat justitia, pereat mundus*, такъ и ничего: постановленіе составлено вполне добросовѣстно, всѣ улики собраны, вы (въ смыслѣ юридическаго лица) не отвѣчаете ни передъ самимъ собою, ни передъ закономъ, но отчего вамъ такъ трудно произнести роковыя слова: «а потому мною заключено отправить тебя, мѣщанина такого-то, въ тюремный замокъ»? Отчего вы чувствуете какую-то тяжесть на сердцѣ? Отчего вамъ какъ будто неловко взглянуть въ глаза преступнику, въ его помертвѣлое лицо? Отчего, нанося ударъ, дрожитъ ваша рука? Отчего въ головѣ вашей, при всей видимости, лютвенности факта, встаютъ неотвязчивые вопросы и шепчетъ вамъ кто-то, что вы въ этотъ моментъ распоряжаетесь судьбой человѣка, его высшимъ счастіемъ — свободой...

Факты! факты! Да мало ли какіе есть факты! вы сгруппировали

ихъ такъ, какъ вамъ угодно, вы поставили ихъ такъ, какъ вамъ заблагоразсудилось, да потомъ и основываете на нихъ ваше обвиненіе, а освѣтите-ка ихъ внутреннимъ, ихъ собственнымъ свѣтомъ, который вы подчасъ и уловить-то не въ состояніи, такъ то ли тогда выйдетъ?

Или этого не нужно?

Я сказалъ, что актъ слѣдователя о заключеніи подсудимаго въ тюремный замокъ долженъ быть подписанъ самимъ подсудимымъ, въ случаѣ его грамотности. Извѣстно, что нашъ народъ вообще не охотникъ ни до какихъ рукоприкладствъ: «гдѣ рука, тамъ и голова». Крестьяне соглашались на уставныя грамоты, но не шли ихъ подписывать. Слишкомъ много злоупотребляли рукоприкладствомъ, отъ того и такія послѣдствія. У меня разъ было слѣдствіе: полицейскій чиновникъ, подъ предлогомъ какихъ-то распоряженій и объясненій, отобралъ подписки у шести человѣкъ, бывшихъ прежде должностными лицами въ думѣ, а подписки-то оказались довольно важными, относящимися до времени ихъ служенія, такъ что изъ-за нихъ они попались подъ судъ и только по истеченіи многихъ лѣтъ освободились изъ подъ него. Повторяю: нашъ народъ не охотникъ вообще до рукоприкладствъ, но нигдѣ эта боязнь и неохота не проявляется такъ сильно, какъ при актѣ о лишеніи свободы. Почти каждый подписывающійся увѣренъ, что своей подписью онъ изъявляетъ согласіе на мѣру, противъ него предпринимаемую, на себя же накладываетъ руки; для него «слушалъ» дѣлается синонимомъ «согласенъ», исключая возможность протестаціи и обжалованія. Требуется много успѣховъ, чтобы убѣдить въ противномъ. Но и тутъ другая бѣда.

Мѣщанина одного слѣдовало отправить въ острогъ, человѣкъ онъ былъ грамотный; стало, должно было ему зарукоприкладствовать протоколъ. Чтеніе постановленія онъ повидимому выдержалъ хладнокровно; но крайней мѣрѣ, мнѣ такъ казалось; на рукоприкладство онъ сначала не шелъ, но когда я объяснилъ ему, что упорствомъ онъ, не дѣлая себѣ положительно никакой пользы, накликаетъ новую бѣду: сопротивленіе и упорство при слѣдствіи, то и на рукоприкладство онъ согласился.

Я подалъ составленное и уже прочитанное постановленіе. Обвиненный взялъ перо, хотѣлъ подписать, но увы! рука вышла изъ повиновенія, она дрожала такъ, что не могла написать ни одного слова. Обвиненный сдѣлалъ надъ собой усиліе—тѣ же послѣдствія; наконецъ перо выпало у него изъ рукъ.

— Не могу, ваше благородіе, что угодно дѣлайте.

Я посмотрѣлъ на него: точно писать онъ не могъ.

Вообще, чтеніе протокола о лишеніи свободы производитъ на подсудимаго страшное впечатлѣніе. Сила впечатлѣнія зависить главнымъ образомъ отъ того, что протоколомъ разбивается надежда выгородить себя отъ изводимого обвиненія; до той поры, обвиненный, какъ бы ни были велики доказательства противъ него, все еще вѣрилъ, что ихъ недостаточно; онъ надѣялся, что придетъ время, когда скажутъ ему, что онъ «свободенъ отъ слѣдствія и суда»; но теперь между его прошедшимъ и будущимъ встаютъ остражныя двери и за ними перспективой — широкая владимірская дорога, сибирь-сторона и житіе каторжное... Конечно, актъ слѣдователя не есть приговоръ суда, онъ можетъ быть измѣненъ и даже совсѣмъ уничтоженъ не только судомъ, но и самимъ слѣдователемъ (когда вновь открывшіяся доказательства парализируютъ силу предъидущихъ), но такія утѣшенія врядъ ли приходятъ въ голову подсудимому во время чтенія протокола. Впослѣдствіи, обвиненный привыкнетъ къ своему заключенію, онъ станетъ изыскивать средства, какъ бы избавиться отъ него, но это только впослѣдствіи, а не въ моментъ нанесенія удара: тутъ уже не до разсужденій...

Я былъ слѣдователемъ въ мѣстности, гдѣ серьезныя слѣдствія не въ рѣдкость, стало быть, мнѣ приходилось не разъ брать на себя обязанность заключать обвиненныхъ въ тюремный замокъ. Еслибъ вы видѣли лица подсудимыхъ, во время чтенія постановленія, такъ и вы бы согласились со мной, что я не преувеличиваю, рассказывая о тяжести переносимаго впечатлѣнія, и что минуты эти «скверныя минуты». Люди заносчивые, смѣлые до дерзости, бывшіе во всевозможныхъ передрагахъ и положеніяхъ, разомъ утрачивали всю свою заносчивость, закаленность. Когда читаешь протоколъ, такъ видишь, что человекъ сначала не хочетъ вѣрить слышанному, старается не проронить ни одного слова, на лету ихъ хватаетъ; когда же печальная дѣйствительность все уясняется и уясняется передъ нимъ, когда въ перспективѣ нельзя уже обмануться, тогда онъ зеленѣетъ весь, губы дрожать начинаютъ и все лицо выражаетъ такую безпомощность, такое глубокое страданіе, что... что я желаю вамъ какъ можно меньше видѣть на своемъ вѣку такихъ физіономій.

Помню: кладовую подломили и похитили изъ нея вещей на довольно большую сумму. Главный похититель открылся: это былъ Семенъ Дѣдко, уроженецъ западныхъ губерній. Дѣдку уже было лѣтъ подъ сорокъ, психодилъ онъ чуть ли не всю Россію; во все время слѣдствія держалъ себя дерзко, но противъ него открывались все новыя улики, и въ концѣ концовъ онъ долженъ былъ сознаться въ преступленіи. Дѣдко подлежалъ заключенію въ тюремный замокъ, ему стали читать постановленіе. Каждое мое слово приходилось Дѣдку, какъ ударъ но-

жемъ; онъ тяжело дышалъ и становился все блѣднѣе. Я кончилъ чтеніе, Дѣдко стоялъ нѣсколько секундъ, какъ бы не понимая, что съ нимъ дѣлается: окаменѣлъ человѣкъ. Но дѣйствительность выяснилась; Дѣдко схватилъ себя за голову, припалъ къ косяку, и съ глухимъ рыданіемъ изъ груди его вырвались слова:

«Аня моя, Аня! что съ тобой-то будетъ!»

Впоследствии я узналъ смыслъ восклицанія Дѣдка: у него дочка была, дѣвочка лѣтъ четырнадцати, красавица-ребенокъ; ее Дѣдко любилъ до безумія, и этотъ воръ былъ отецъ страстный, нѣжный, всю свою способность любви сосредоточившій на дѣтищѣ.

Чувашенинъ одинъ попался: съ воровской клячей поймалъ, уско-кать не успѣлъ. Чувашенинъ и безъ того былъ изъ придавленныхъ, такъ голъ перекатная, нуждазаплатанная. Воровать онъ сталъ изъ бѣдности больше: земля плохая, песокъ одинъ, надежи, поборы всякіе, — ну и свихнулся мужикъ. Кафтанишка на Чувашенинѣ былъ рваный, лапти чуть ли не цѣлый годъ носилъ, солома изъ разныхъ мѣстъ пучками выглядывала; борода всклокоченная, взглядъ пугливый, — жалость брала смотрѣть на него. Слѣдствіе окончательно прихлопнуло Чувашенина.

Чувашенинъ подлежалъ заключенію въ тюремномъ замкѣ; я составилъ постановленіе и прочиталъ его, Чувашенинъ выслушалъ и упалъ на колѣни.

— Бачка! жалѣй человѣкъ!

Только и сказалъ Чувашенинъ, но за то какъ сказалъ! Сердце кровью облилось, глядя на него.

Бродягу привели, парня лѣтъ двадцати шести, съ краснымъ умнымъ лицомъ. Во время слѣдствія онъ все куражилъ себя (это обыкновенная манера бродягъ): хотѣлось показать, что ему все ни почемъ; изрѣдка только по лицу его какая-то тѣнь пробѣгала. Слѣдствія надъ бродягами кончаются скоро: «зовутъ меня Иваномъ, ни отца, ни матери не помню, деревни, гдѣ родился, тоже, живу гдѣ день, гдѣ ночь, а гдѣ и цѣлый годъ, добрые люди напоятъ — накормятъ, а какъ ихъ звать, не знаю» и т. д. въ томъ же любопытномъ родѣ. Бродяга каждый увѣренъ, что рано или поздно его изловятъ, что не миновать ему острога; а подите-ка, вида помучилъ Иванъ не помнящій родства, губы почернѣли, какъ услышалъ, что его въ тюремный замокъ отправляютъ. Правда, не упалъ «непомнящій родства» на колѣни, но не меньше страданія высказалось и въ его короткомъ восклицаніи:

— Эхъ, Ванька, доля твоя горькая!

Впрочемъ, какъ и вездѣ, бываютъ и здѣсь исключенія; принадлежать же исключенія людямъ бывалымъ, съ острогомъ знакомымъ. «Страшенъ громъ, да милостивъ Богъ», думаетъ бывалый — и ни-

чего: изъ воды-то не впервой сухимъ выходить. Такихъ тоже приводилось мнѣ видѣть. Прочиталъ я одному изъ бывалыхъ свое постановленіе: не мигнувъ глазомъ, онъ выслушалъ его.

— Это токъ значить: на казенну фатеру отправайся, на харчи даровые?

— На казенную.

— Можно. Житьиншко и тамъ нашему брату важнецъ бываетъ; баладайся въ компанствѣ! Стосковались чай голубчики обо мнѣ.

Еще смѣется бывалый человекъ. Но такіе въ рѣдкость.

Женщинъ тоже приводилось мнѣ лишать свободы. Сцены, разыгрывавшіяся въ этомъ случаѣ, были еще тяжелѣе. Мужчина крѣпче, выносливѣе, онъ одаренъ большою способностію взглянуть хладнокровіемъ въ дѣйствительность, какова бы ни была она. Мужчина больше толкается въ жизни, ему приходится знакомиться съ ней во всѣхъ ее проявленіяхъ; въ борьбѣ онъ приученъ надѣяться на себя, — а потому не такъ мучительно испытываетъ на себѣ чувство одиночной безпомощности. Женщина вся заразъ поддается вліянію минуты, дальше этой минуты для нея ничего не существуетъ.

Большинство женщинъ, надъ которыми я производилъ слѣдствіе, были изъ «гулящихъ». Сталкивался также съ дѣтубійцами и другими преступницами.

Однажды меня разбудили часовъ въ пять утра: человекъ какой-то требовалъ немедленнаго свиданія. Я вышелъ къ нему: судя по костюму и фигурѣ, это было купецъ или прикащикъ, лѣтъ двадцати трехъ. Пришедшій смотрѣлъ совсѣмъ помѣшаннымъ и трясся какъ въ лихорадкѣ; увидавъ меня, онъ повалился въ ноги.

— Батюшка, помогите! Раззорили совсѣмъ... пьянъ былъ... убьете меня тятинька-съ... двѣ тысячи... людоѣды они у насъ... Лизка вынула... несвязно бормоталъ пришедшій.

Изъ послѣднихъ фразъ можно было только догадаться, въ чемъ дѣло, но трудно составить о немъ полное понятіе. Давъ пришедшему время поуспокоиться по возможности, я его разспросилъ обстоятельнѣе. Случай въ городахъ весьма обыкновенный: пришедшій былъ купеческій сынъ «изъ верховыхъ», Крыловъ по фамиліи, и приплылъ въ нашъ городъ съ хлѣбомъ. Запродавъ товаръ и получивъ двѣ тысячи рублей серебромъ, Крыловъ отправился съ пріятелями сначала къ трактиръ «магарычи выпить», а оттуда, урѣзавши достаточнымъ манеромъ, въ одинъ изъ «веселыхъ пріютовъ». Большая часть ночи прошла, конечно, въ пьяствѣ. Проснувшись въ пріютѣ на другой день рано утромъ, Крыловъ первымъ дѣломъ хватился за карманъ, но увы!

въ немъ не было бумажника съ двумя тысячами рублей серебромъ. Почти въ безпамятствѣ Крыловъ выпрыгнулъ въ окно и бросился ко мнѣ. У Крылова удержалось одно только воспоминаніе изъ прошедшей жизни: около него одна изъ «гулящихъ» во весь вечеръ ластилась—Лизавета, и ее онъ заподозрѣвалъ въ кражѣ.

Успѣхъ открытія въ подобнаго рода преступленій зависитъ отъ скорости, потому что самое преступленіе (въ большинствѣ случаевъ) совершается подъ пьяную руку, безъ предзаданной цѣли схоронить получше концы. Стоитъ стоять надъ «пріютомъ» пѣсни горланютъ, идетъ гульба, плясъ; крѣпко на веселѣ на кругахъ ходятъ развеселыя дѣвицы, сколько силъ у кого хватаетъ, безобразничаютъ надъ ними «гости»; замѣтитъ «барышня», что карманъ у «гостя» оттопырился что-то больно, не долго думая запуститъ туда руку, заполучитъ добычу, сунетъ ее куда нибудь въ снѣгъ, въ перину, да и опять пошла писать... Если вамъ удалось захватить дѣло по горячимъ слѣдамъ, тогда успѣхъ несомнѣненъ, въ противномъ же случаѣ (когда угаръ у похитившей пройдетъ и краденное успѣетъ перепрятаться) открытіе становится до крайности трудно: похитившая, быть можетъ, и сознается, или будетъ уличена подругами, особенно если вы съумѣете воспользоваться враждой, всегда царствующей между ними, но объ деньгахъ пишите пропало.

Выслушавъ Крылова, я послалъ за понятыми, отправившись въ «пріютъ» и оцѣпилъ его. Было часовъ шесть утра; жизнь «гулящихъ», стало быть, въ полной красѣ предстала предо мной; послѣдствій вчерашней оргіи не успѣли еще убрать: на столѣ и на полу валялись бутылки, полштофы, рюмки, огрызки колбасы, огурцовъ, хлѣба, окурки папирсъ, лужа разлитого вина и какой-то мерзости стояла посреди комнаты; чахоточная, густо насурмянная молодая женщина, съ огромнымъ синякомъ подъ глазомъ, въ изодранномъ клочьями платьѣ, и со цвѣтами на растрепанной головѣ, спала въ углу дивана; въ переднемъ углу, раскинувшись во всю комнату храпѣлъ вчерашній гость, не успѣвшій добратся до постели. Атмосфера хуже острожной, хуже больничной, однимъ только «пріютамъ» свойственная...

Мой приходъ разбудилъ «гулящихъ», но не произвелъ между ними особаго впечатлѣнія: слѣдователь не рѣдкое явленіе въ «пріютахъ». Съ сильнымъ смѣхомъ, съ ужимками и кривляньями встрѣтили насъ заспанная, растерзанная «хозяйки». Дневной свѣтъ, хлынувшій въ растворенные ставни, безжалостно разоблачалъ глубоко проведенныя морщины на изнеможенныхъ, нагло-забитыхъ молодыхъ лицахъ; полдосами удержавшаяся на нихъ вчерашняя татуировка, сквозь которую у многихъ ярко сквозила страшная худоба и ранняя смерть, довершала полную общую впечатлѣнія,

— Банжуръ-съ, вашеска свѣтлость! съ вывертомъ встрѣчала меня одна изъ «дѣвицъ».

— Каманъ-ву парте-ву? не отставая отъ первой, вывертывала другую.

— Манька-сука! вставай! гость пріѣхалъ, кавалеръ расприкрасный! ломалась третья, буда спящую на диванѣ...

— В-о-д-к-и! съ просонья отвѣчала та.

Одной только изъ нихъ не было въ сборѣ и именно Лизаветы: она еще не проснулась; а съ ея комнаты я и долженъ былъ начать, и началъ обыскъ... Сидя на скамейкѣ, не совсѣмъ еще проснавшаяся, Лизавета тупо смотрѣла на всю процедуру обыска: она еще понять не могла хорошенько, что это у ней дѣлается, и зачѣмъ нашло столько народу.

— Дайте панеросочку мнѣ, обращалась она ко всѣмъ...

Осмотрѣвъ все имущество, принадлежащее Лизаветѣ: сундукъ, постель, подушки, и не найдя въ нихъ ничего, я сталъ ощупывать отставшія отъ сырыхъ стѣнъ, ключьями висѣвшіе обои... У самаго пантуса мнѣ попалось подъ руку что-то мягкое: это былъ бумажникъ Крылова.

На два аршина припрыгнулъ отъ радости теперь обезумѣвшій Крыловъ.

— Тятинька-съ не узнастъ! взвизгнувъ онъ первымъ словомъ и бросился обнимать первого попавшагося ему понятнаго.

На лицѣ Лизаветы выступили красныя пятна: совсѣмъ припомнила она вчерашнюю ночь и поняла, что дѣло плохо. Не выдержавъ, она сказала ципически-грязное ругательство.

Съ тѣмъ же силымъ смѣхомъ и кривлявнями провожали насъ изъ дому, напутствуя уводимую отъ нихъ подругу разными пожеланіями...

Лизавета была первая женщина, которую мнѣ пришлось лишити свободы. Зная ея жизнь, зная, какъ весела она для самихъ же «птичвольныхъ», зная, что между фальшивой, насурмленной вишностью и внутреннимъ адомъ этой жизни и острымъ, не большой разницей, я полагалъ, что буду избавленъ на этотъ разъ отъ тяжелой сцены... Но я жестоко ошибся. Молча выслушала «гулящая» мое постановленіе, словно чѣмъ подкошенная, опустилась она на колѣни, схватила меня за ноги и замерла: я хотѣлъ поднять ее, но она была въ глубокомъ обморокѣ... Проводя подобную жизнь, Лизавета все-таки была существо нѣсколько окрѣпнувшее; она знаетъ осторожное общество, скоро сживется, непривыкнетъ къ нему; но вѣдь другія не поставлены въ такое «счастливое» положеніе, для нихъ переходъ рѣзче,

ощутительнѣе, а потому можете представить, что съ ними-то бываетъ въ минуту разставанья съ жизнью, съ свободой...

Жена разъ мужу своему, тирану, яду подсыпала, браги хмѣльной поднесла. Тише, безмолвнѣе этой женщины я рѣдко встрѣчалъ; только долгимъ, нестерпимымъ тиранствомъ, безправіемъ, да безсудностью могли вызвать ее на отчаянную попытку какой бы то ни было исхода найти. Я старался исподволь подготовить «отравительницу» къ ожидающей ее участи, но моя подготовка въ прокъ не пошла: выслушавъ протоколъ, она такъ произительно-истерически зарыдала, что даже дневальный солдатъ Зубенко, — и тотъ не выдержалъ.

— Сгубили бабу; спросить за нее Богъ... проворчалъ онъ, утирая кулакомъ противъ воли катившуюся слезу.

Да, минуты лишенія свободы человѣка «скверныя минуты». Утѣшеніе «законностью» не всегда помогаетъ. Не всякая юридическая правда — человѣческая правда. Мы видимъ только фактъ, выходящій изъ уровня обыденной жизни (чаще только по виѣшней условленной формѣ, а не по внутреннему содержанію), называемъ его преступленіемъ и казимъ совершителя его, — стало быть мы только требуемъ и наказуемъ: требуемъ неисполненія преступнаго, наказуемъ за исполненіе; а чѣмъ уравниваются эти требованія и наказанія?

II.

ЗАВАНЬ.

На самомъ краю города, въ концѣ базарной площади, стоитъ тяжелое мрачное зданіе, обнесенное высокимъ каменнымъ заборомъ, съ массивными башнями по угламъ: острогъ это. Обходитъ стороной народъ угрюмое зданіе, только въ базарные дни, когда крестьяне пріѣдутъ продавать хлѣбъ и другіе припасы, видно у воротъ его нѣсколько тощихъ, мизерныхъ лошадемокъ, да толпится небольшая кучка сермягъ и женскихъ шугаевъ: то братья, жены, сыновья, отцы пріѣхали повидаться съ своими кровными, что въ неволѣ изнываютъ, сидючи въ каменномъ зданіи.

Порой выйдетъ изъ острожныхъ воротъ русая борода, съ тупымъ отчаяніемъ подойдетъ она къ кучкѣ сермягъ, дожидających своей очереди, и начнется между ними не веселый разговоръ..

— Што, Парфентъ, видѣлъ штоли свово-то?

— Видѣлъ, православные, видѣлъ: совѣмъ истомился, соколикъ, хлѣба — нищи не принимаетъ.

— Чаво бантъ, четвертый годокъ съ Миколы зиняго пошелъ!

— Руки, сказываетъ, на себя положу, опостылилъ мнѣ свѣтъ Божій совсѣмъ.

— Ишь ты! Воли-то, значить, лишился!

— Опамясь парнишку я къ нему привелъ, Максютку его, такъ игда затрясся весь, увидавши его, словно рѣка, сердечный, залился.

— Родительско сердце!

— Понапрасну загубили парня, что ни на есть былъ у насъ онъ первой человѣкъ; како поштенъ на міру отъ всѣхъ ему было!

— Да ты бы, дядя Парфень, на поруку его взялъ.

— Эхъ ты, паренекъ молодой, голова твоя мудреная! Али онъ тебѣ ближе, што ты эдакое стараніе объ немъ прикладываешь? На поруку! Ты подь къ намъ на дворъ, да посмотри: што есть? Гуню-то — и ту всю содрали.

— Вона, робя, и нашъ Андрюха тожъ третій годъ сидитъ. Рѣшенъе, баютъ, скоро выдетъ; знакомый такой человѣкъ въ судъ у насъ есть, заѣзжалъ понѣ къ нему: такъ и бантъ, скоро-молъ рѣшенъе, только, бантъ, ихнему набольшему надоть дать.

— Мало они съ васъ брали!

— Непасытныя утробы!

— Провалиться бы имъ!

Калякаетъ такъ промежъ себя кучка сермягъ, не веселъ идетъ у нихъ разговоръ; налетѣла на голову каждого изъ нихъ гроза нежданная, негаданная; мало родостей и прежде бывало, а тутъ какъ увели кровнаго на острожную жизнь, какъ растащили нищенское добро по чужимъ рукамъ, такъ хотъ съ бѣла-свѣта совсѣмъ бѣги.

Но сколько ни калякай сермяга у острожныхъ воротъ, не помочъ тебѣ горю! Крѣпки ворота острожные, висятъ на тѣхъ воротахъ запоры тяжелые, стерегутъ ихъ солдатики съ ружьями...

Разъѣзжаются сермяги по домамъ на всѣ на четыре стороны, поклоняется имъ спѣлая рожь до сырой земли наливнымъ своимъ колосомъ, божья вольная птица летитъ къ нимъ на встрѣчу, и пуще горе, какъ вспомнитъ сермяга кровнаго своего, что сидитъ теперь въ желѣзныхъ заклепахъ, щемитъ да сосетъ его сердце. А какъ поможешь горю?

Э! благо, пѣгашка подь рукой!

А вонъ и знакомая елка стоитъ, подь ней жирный цѣловальникъ въ красной рубахѣ зазываетъ добрымъ словомъ дорогихъ гостей.

— Прру!

Порой выйдетъ изъ угрюмага зданія молодуха, сидеть она у воротъ и начнетъ причитать и голосить на всю площадь, словно по покойникъ. Чего, чего только не приберетъ она въ своемъ причитаніи!

Причитаетъ молодуха:

«Истомили яснаго соколика, наложили на крѣпки рученьки цѣпи тяжелыя: снесли русы кудерушки съ буйной головушки! Осталася я, безталанная, сиротушкой! Закатился божій свѣтъ изъ моихъ очей. Охъ и нетути отца родимаго у малыхъ дѣтей. Идетъ, идетъ зима студеная, нарубить дровецъ намъ некому».

Все припоминаетъ молодуха, чуть ли не съ любовью припоминаетъ даже, какъ пьяный бивалъ ее «другъ сердешный», а то теперь «уму-разуму кто поучить»? Долго и терпѣливо слушаетъ молодуху солдатъ часовой; знать тоже вспоминаетъ, какъ и надъ ними причитаніе шло, когда гнали на службу, какъ и его молодуха осталася сиротинушкой, только сиротинушкой-то теперь утѣшенной...

Но вдали, на площади показалась знакомая саврасая лѣшадь: дежурный по карауламъ ѣдетъ. Солдатъ молодцовато выпрямился и брякнулъ ружьемъ.

— Пошла! Чего развопилась! Вишь, ихъ высокоблагородіе ѣдетъ. Молодуха продолжаетъ причитать.

— Али хочешь, штобъ въ шею тебя! Сказано: пошла!

Угроза подѣйствовала: молодуха оставила причитанія.

Порой выйдетъ изъ угрюмага зданія какая нибудь сгорбленная, древняя старушонка и тоже сядетъ на приворотную скамейку и ужъ такъ-то плачетъ, что и у другихъ вчужѣ сердце болитъ за нее.

Толкуетъ около плачущій народъ:

— Вишь какъ убивается, сердешная!

— Горе-то знать не малое!

— Чай по дѣтищѣ родимомъ?

— А то, кромѣ матери-то, ништо кто такъ плачетъ? Знамо одно материнское сердце настоящее горе чувствуетъ.

Не слышитъ старуха людской жалости: плачетъ.

— Баушка! ты што больно убиваешься?

— Сыночикъ у меня тамъ, родименькій! сыночикъ!

Да, угрюмо зданіе острожное, и печальныя сцены разыгрываются у воротъ его.

— Старшой! раздается внутри угрюмага зданія.

— Ч-е-т-ы-р-е-х-ъ солдатъ въ к-о-н-в-о-й!

— Кличъ арестантовъ-то! Чтобъ скорѣ поворачивались! Что ихъ чертей дожидаться што ли!

— Куда вести-то?

— Въ уголовну палату.

Черезъ нѣсколько минутъ упалъ тяжелый желѣзный запоръ, брякнули цѣпи.

— М-а-р-ш-ъ!

Шесть человѣкъ арестантовъ показалось изъ воротъ. Первымъ дѣломъ каждый изъ арестантовъ усиленно лихорадочно потянулъ въ себя воздухъ да выпрямилъ наболѣвшую грудь.

— Что встали! Маршъ!

Изъ угрюмага зданія выходятъ только угрюмыя лица: около него раздаются одни только вздохи, причитанія да бряцаніе цѣпей.

Но еще угрюмѣе смотритъ угрюмое зданіе ночью: ни одного огонька не свѣтится въ немъ, только передъ огромнымъ образомъ, что виситъ надъ воротами, тускло теплится въ праздничные дни лампада. Прохожій, пуще чѣмъ днемъ, старается обойти его.

— С-л-у-ш-а-й! Протяжно звонко раздается въ ночной темнотѣ на одномъ углу угрюмага зданія.

— С-л-у-ш-а-й! Отвѣчаютъ на другомъ.

Берегутъ больше глазу угрюмое зданіе: и день и ночь ходятъ около него солдатикъ съ ружьями, зорко вглядываясь въ ночную темь, чутко прислушиваясь къ каждому шороху.

«Острожные» не любятъ сидѣть въ камерахъ; только проливной дождь или трескучій морозъ можетъ загнать ихъ туда. Причина понятна: тюремный дворъ, хоть и обнесенный высокимъ заборомъ, все же дастъ больше воздуха, свѣта, больше возможности взглянуть черезъ рѣшетчатые ворота на людскую толку; здѣсь чувствуешь, что не окончательно еще порвана связь съ живымъ міромъ, замкнутая одиночность не такъ тяжело ложится на душу. Камерная жизнь начинается собственно послѣ вечерней переклички.

Огромная со сводами комната, до крайности грязная, закопѣлая, освѣщается нѣсколькими тускло горящими, но страшно воняющими ночниками. Копоть, всѣ возможные газы сперли воздухъ до невозможности дышать имъ свѣжему человѣку, но «острожные» мало того, что дышать въ этой атмосферѣ, они даже «забавляются».

Хотите знать нѣкоторыя острожныя «забавы?»

Нынѣ новичка привели, стало быть, потѣха будетъ: нѣчто въ родѣ посвященія въ братство. Иванъ Красновъ, изъ мѣстныхъ мѣщанъ, чуть ли не десятый разъ сидящій въ острогѣ, записной конокрадъ и писанный красавецъ, предсѣдательствуетъ на многочисленномъ мигингѣ. Вновь прибывшему идетъ экзаменъ. Острожныя, ѣдкія остроты сыплются со всѣхъ сторонъ; простоватый, необглядѣвшійся новичокъ не знаетъ, какъ и отбодриться отъ прозженной компаніи; глупо-печально поглядываетъ онъ на зелено-грязныя лица, его окружающія, еще болѣе глупо-печальная улыбка приподнимаетъ углы его рта на хриплый, натянуто-веселый острожный хохотъ.

Красновъ бѣлъ предложилъ:

Т. ХСVIII. Отд. I.

— Да что съ нимъ дурнемъ балясы-то попусту разводить! «Баушку» ему олуху покажемъ!

Билль принять.

— Баушку! баушку! раздалось со всѣхъ сторонъ.

При словѣ «баушка» арестанты, не принадлежащіе къ митингу Краснова, а занимавшіеся своимъ дѣломъ, подняли головы; только двое, что сидѣли на нарахъ въ самомъ дальнемъ углу, не слышали вызова на общую потѣху, у нихъ была своя, до крайности интересная работа: тонкой, стальной иглой одинъ изъ арестантовъ окончательно отдѣлывалъ только что отлитой, оловянный четвертакъ, и поднося его къ ночнику, съ наслажденіемъ любовался на мастерскую отчетливость работы, товарищъ же съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ слѣдилъ, притавивъ дыханье, за мастерствомъ работника. Словно свѣтлякъ какой, блестѣлъ предъ ночникомъ незаконорожденный четвертакъ, и думалось «ученику» осторожному о вольномъ житьѣ, о томъ, какъ хорошо къ широкому дѣлу приложить осторожную науку.

Баушка была вотирована. «Каряга» принялъ новичка въ свои объятія (Каряга всегда употреблялся на подобные случаи, какъ орудіе, какъ ломъ желѣзный, — онъ во всемъ острогѣ слылъ за представителя чудовищной силы), и точно клещами сжалъ въ нихъ бѣдняка.

— Кто подъ низъ?

— Я! Я! раздались голоса желающихъ.

Нѣсколько арестантовъ, скинувъ съ себя верхнюю одежду, разлеглись рядомъ по полу.

— Валай Каряга!

Новичокъ сталъ кричать благимъ матомъ. Веселость арестантовъ увеличилась.

— Огорошь его по виску-то пустому!

— Заткни ему глотку-то!...

— Нетрожь!

— Ложись, чортовъ сынъ!

Каряга, точно ребенка, поднялъ новичка на воздухъ и повалилъ его на лежащихъ на полу арестантовъ.

— Растянись, апаѣемское тѣло!

Нѣсколько арестантовъ схватили новичка за руки и за ноги; человеку пошевеливаться нельзя.

— Хлѣбова! Хлѣбова!

Егоза подбѣжалъ къ ушатѣ и захватилъ огромный ковшъ воды.

— Растаращивай прорву!

Каряга стиснулъ своими клещами ротъ новичка и заставилъ его раскрыться во всю ширину.

— Наяривай!

Егоза съ обезьяньими ужимками, съ непечатными словами, съ крупной солью сталъ лить въ посвящаемого воду.

— Обрекается рабъ Божій Акимка-Простота острожному житію!

— Накачивай!

— Пару больше!

— Угощай друга!

Веселье розгорается: первый ковшъ вылить, Егоза побѣждалъ за другимъ.

— Засмаливай!

— Казенна водица, жалѣть нечего!

— Крѣпись, шельмецъ!

— Жинку вспоминай!

Еще и еще ковшъ влить въ новичка; судорожно начинаетъ онъ вздрагивать и барахтаться, но острожные крѣпко насади на него: потѣха не можетъ кончиться скоро.

... Егоза и невѣсть сколько накатилъ въ несчастнаго воды; пытка тогда только порѣшилась, когда стала предстоить серьезная опасность.

— Шабашъ, братцы!

Водяная потѣха покончилась, за то начался второй актъ баушки.

— Поцѣлуй бабку въ рыло!...

Но здѣсь опускаю завѣсу...

Это одна изъ острожныхъ «забавъ».

А вотъ забава и ученіе: соединеніе пріятнаго съ полезнымъ.

У одного изъ острожныхъ табакерку нашли. Табакерка съ виду не мудрящая: тавлинка изъ бересты, только дно у ней что-то толсто было; вынули дно, — оно оказалось выдолбленнымъ и въ немъ спрятано двѣ, вырѣзанныя на старыхъ грошахъ фальшивыя печати: одна Казанской градской думы, другая какого-то сельскаго управленія. Новичокъ, у котораго найдена была табакерка, струсилъ, когда повели его къ допросу, и вмѣсто: «знать ничего не знаю, вѣдать ничего не вѣдаю, подкинулъ кто-то изъ злаго умысла», показалъ, что купилъ онъ тѣ печати за рубль серебромъ у татарина Серафетдина Рамазанова, вора отпѣтаго. Потянули Рамазанова къ слѣдствію, тотъ конечно и руками и ногами.

— Что ты вѣру даешь ему? Пущай свидѣтеля ведетъ, улику кажетъ. Онъ злой человѣкъ, судить его нужно, мы такихъ дѣловъ знать не знаемъ.

Свидѣтелей противъ Рамазанова, конечно, нельзя было найти, хотя торгъ шелъ въ открытую, при цѣлой камерѣ; а потому дѣло для него и покончилось, но оно не кончилось для новичка покупателя; проучить его слѣдовало, чтобъ товарищей впередъ не выдавалъ, да и самъ вдругорядъ безъ толку головой въ петлю не совался.

Зажглись почпки въ арестантскихъ камерахъ и собрался судъ рѣшать: къ какому наказанію новичка приговорить, чтобъ понятно ему было, что неладно шутить съ острожнымъ товариществомъ.

Послѣ долгихъ споровъ, судьи положили приговоръ: съ доносителемъ «перевозъ» учинить.

Услыхавъ приговоръ суда, новичокъ поблѣднѣлъ отъ страху, мука ему предстояла очень большая; сталъ умолять онъ, чтобъ сжа-лились надъ нимъ... Но трудно добратъся до «острожнаго» сердца, закалилось оно въ житейскихъ непогодахъ, тиранствъ испытало не мало.

— Пошто же ты, Каряжинька, зѣнками-то хлопаешь, али чинъ свой забылъ? Принимай!

Увидавъ, что Каряга приближается, новичокъ обратился въ бѣгство и залѣзъ подъ нары. Но это только увеличило общую веселость, совсѣмъ стала травля: краснаго звѣря изъ норы нужно добывать. Въ припадкѣ наслажденія, Егоза скакалъ по камерѣ какъ бѣшеный и заливался истерическимъ хохотомъ.

— У-у! Ату его! Ату его! гуломъ несло по камерѣ.

— Ну, Каряжинька, дѣвствуй!...

Каряга полѣзъ за доносителемъ подъ нары, за нимъ послѣдовало еще человѣка три здоровенныхъ арестантовъ. Подъ нарами завязалась ожесточенная борьба... но нельзя же вырваться изъ карягинскихъ клещей: черезъ полминуты, минуту доноситель былъ извлеченъ изъ своего убѣжища и поднятъ на могучія плечи Каряги.

— Становись, ребя, по кавалерски въ двѣ шеренги, да угощье припасай, чтобъ пріятства милому человѣку больше выходило! командовалъ Егоза.

Почти всѣ арестанты, бывшіе въ камерѣ, стали вить изъ чего попало толстые, точно палочье, жгуты, да завязывать въ концы ихъ, кто гривны, кто битки, а кто и просто осколки кирпичей.

— Готово, что ли? раздался командирскій голосъ.

— Имѣются! Въ довольствѣ находится будетъ! отвѣчали импровизированные лекторы.

— Р-а-в-п-я-й-сь! скомандовалъ снова Егоза.

По командѣ Егозы всѣ арестанты выстроились въ двѣ шеренги, между шеренгами проходъ. Каряга съ доносителемъ на плечахъ дожидаясь на концѣ шеренги, чтобъ начать торжественное шествіе.

— М-а-р-шъ!

— Тра-та-та! Тра-та-та! Тра-та-та! звонко, отчетливо подражалъ барабанному бою Егоза, и выходило у него ни дать, ни взять точно барабанный бой.

Надъ доносителемъ началась настоящая экзекуція. Со всего раз-

маху посыпались на него беспощадные удары, Каряга же тихо, ровно шелъ по шеренгамъ... Кричать сталъ доносчикъ, но ему сначала ротъ зажали, а потомъ и самъ онъ пересталъ. Осторожные не даромъ боятся перевоза: спина сдѣлается совсѣмъ черной, какъ трупъ свалить человека на нары, водой откачиваютъ.

Вздумалось разъ осторожнымъ «перевозъ» устроить для Чапурина (*), да не удалось. Попалось Чапурину въ руки полѣно.

— Незамай, говорятъ: башку съ маклака сшибу.

И сдѣлался въ эту минуту Чапуринъ такой страшный, загорѣлись у него глаза такимъ огнемъ, что даже «осторожные» струсили: отступились.

Говорилъ мнѣ одинъ изъ «осторожныхъ»:

— Въдѣ у насъ потѣхъ и не вѣсть сколько: — въ карты играемъ, вино пьемъ, ругаемся. Деньга бы въ карманахъ была, а то хоть птичьяго молока достанемъ. И веселье вдругорядь идетъ у насъ знатное! Намѣднись бродягу привели. Прокурать! За гривенникъ подрядился цѣлую ночь собакой лаять. Привязали его мы къ «парашкѣ» (**), на четверенки парень всталъ, да до бѣла свѣта по собачью и провылъ. Помощникъ (смотрителя) приходилъ: «откуда, спрашиваетъ, собака у васъ взялась», а мы знай только смѣемся: «какой молъ у насъ собакѣ быть, знать нечистый поселился. Веселье! Брюшки всѣ надорвали смѣявшись».

Вотъ какъ, въ острогѣ веселятся и смѣются.

III.

МЫЛЬНЫЕ ПУЗЫРИ.

Въ острогѣ очень любятъ забавляться мыльными пузырями, только тамъ пузыри своего рода, «осторожные». Ихъ очень много, выборъ разнообразный. На этотъ разъ я ограничусь однимъ дѣловыми пузырями.

Обходитъ усатый смотритель острожныхъ камеры.

— Тайну имѣю открыты! взываетъ изъ толпы арестантовъ какой пибудь Федоръ Зубастовъ, которому желательно пустить мыльный пузырь.

— Ну, говори.

(*) См. «Время». Декабрь 1862 года.

(**) Ушатъ для нечистотъ, приносимый на ночь въ арестантскія камеры.

— Столь велика моя тайна, что никому другому, кроме Оку Цареву, господину прокурору открыть ее не могу.

— Да ты чай врешь, такой сякой. Знаю я тебя, ракалью, начальство только утруждать, по городу шлаться хочется, возражаетъ смотритель на желаніе Зубастова повѣдать тайну цареву оку.

— Родители-то мои не врали, да и мнѣ заказали не брать этого грѣха на душу. А вамъ, ваше благородіе, ругаться не пристойно: што — што мы по невинности своей въ несчастіи находимся.

— Залезбизилъ! знаю я тебя, Лиса Патрикѣевна, какъ по невинности ты своей сидишь. И теперь севрюгинскіе мужики каждый праздникъ свѣчки ставятъ, что тебя въ мѣшокъ запрятали.

— Севрюгинскіе мужики што-съ! Знамо, мужикъ-вахлакъ, ничего не понимаетъ. Оклеветать каждого можно, а свидѣтели со злости все показали. Я докладывалъ тогда объ этомъ ихъ милости, господину слѣдователю, да они въ резонтъ не взяли. Одначе я на нихъ жалобу подалъ, какъ еще праведные судьи найдутъ. Чай, и господинъ слѣдователь начальство надъ собой имѣютъ.

— Баламутъ! ты весь и острогъ-то на ноги поднялъ. Доберутся до тебя! Смотритель чуть ли не со скрежетомъ зубовымъ погрозишь кулакомъ арестанту: Зубастовъ солоно приходился ему.

— За смиренность за мое вы всѣ нападать на меня изволите. Одначе позвольте, ваше б-діе, въ контору отправиться: тайну прописать.

И радъ бы смотритель не давать Федору Зубастову своего позволенія тайну прописать, да не можетъ. Не далъ бы своего позволенія смотритель потому, что Зубастовъ арестантъ-то шустрый: объ мукѣ, дровахъ и проч. лучше всякаго эконома свѣдѣнія содержитъ. По милости Зубастова, и онъ смотритель разъ было чуть съ мѣста не слетѣлъ, только друзья въ обиду не дали.

Съ сознаніемъ своего достоинства, глухо побрякивая цѣпью, отправляется Зубастовъ въ острожную контору. Неутомимо ходить по сѣрой бумагѣ осторожная рука, листъ за листомъ исписываетъ она.

— Да што ты, окаленный, расходился очень, ворчитъ на Зубастова искалѣченный Дементьевъ, отставной солдатъ, онъ же и писарь въ острожной конторѣ.

— А ты, помалчивай только, старый чортъ! вишь, какими дѣлами ворочаемъ, цыдулы важнецкія сочиняемъ. Чѣмъ бы лаяться-то нашему генеральскому чину, лучше бы сказали нашему степенству: «отдохните, молъ, Федоръ Зиновичъ, не надсаживайте свою грудку, да табаку съ нами понюхайте». Оно бы и ладно было, отгрызался Зубастовъ.

— Носомъ еще не вышелъ, штобъ въ нашу табакерку лѣзть. Много вашего брата здѣсь перебивается, не наподчужесья.

Перебрасываясь легкимъ разговоромъ, то съ Дементьевымъ, то съ являющимся въ контору почти ежеминутно новымъ лицомъ, строчить Зубастовъ свою тайну. Чуть ли не съ Адама началъ онъ ее, на каждой страницѣ по десятку статей закона выставилъ

На этотъ разъ тайна заключалась не въ смотрительскихъ штукахъ: онѣ поберегались на другое время.

Между прочимъ Зубастовъ прописывалъ слѣдующее:

«По невинности своей, о коей не разъ докладывалъ вашему высокородію, и которую я передъ престоломъ Всевышняго готовъ клятвою подтвердить, претерпѣваю я тяжкія страданія и душевныя, и тѣлесныя. Но сего недостаточно толико мучающему меня року! Обреченный, аки агнецъ неповинный, влечить дни свои въ заточеніи съ людьми, подобными звѣрямъ лютымъ, подвергаю я жизнь свою не малой опасности. Арестантъ Иванъ Николаевъ Лобковъ, содержащійся, какъ извѣстно вашему высокородію, по подозрѣнію въ смертоубійствѣ, затаилъ въ кровожадной душѣ своей черную злобу на меня и замыслилъ лишить меня сокровища, дарованнаго Премудрымъ Творцомъ неба и земли. Злобный злодѣй!!! Невнялъ рѣчамъ нашего благолѣпнаго пастыря! Въ ночи съ 23 на 24 ноября вышерѣченный Лобковъ, подошедъ къ нарамъ арестанта Кузьмы Александрова Салдыренки, сталъ подговаривать его совершить надо мной гнусное убійство, обѣщая за таковое невыразимое дѣло 10 рублей серебромъ деньгами и передавая ему большой ножъ, долженствующій пролить мою кровь...»

Мыльный пузырь начинаетъ приобрѣтать краски.

Чѣмъ дальше прописываетъ Зубастовъ свою тайну, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе разыгрывается его фантазія, тѣмъ все хитрѣе подвоятся обстоятельства, по которымъ можно дать полную вѣроятность замыслу пролить неповинную кровь: два свидѣтеля видѣли, какъ Лобковъ передавалъ ножъ Салдыренкѣ, десять слышали, какъ шелъ договоръ на убійство и заявлено было согласіе. Словомъ, комаръ носу не подточить. Зубастовъ юристъ опытный, онъ хотя и не слушалъ никакихъ курсовъ, да за то жизнь его такъ слагалась, что приходилось ему часто справляться съ законами. Зубастовъ въ четвертый разъ сидитъ въ острогѣ, другой на его мѣстѣ давно бы попалъ «въ страны сибирскія», а онъ, дастъ Богъ, опять по своей волѣ погуляетъ, да и еще раза два, три въ каменные палаты попадетъ.

Такъ взываетъ въ концѣ своей тайны Федоръ Зубастовъ къ прокурору:

«Защитите, ваше высокородіе! Не попустите во цвѣтъ лѣтъ по-

гибнуть мнѣ отъ нечестивой руки гнуснаго убійцы! Невинность моя погибнетъ вмѣстѣ со мною, а я еще льщу себя сладкой надеждой при помощи Вездѣсущаго творца и вашего высокородія, доказать ее передъ праведными судьями. Ваше высокородіе! Слава о подвигахъ вашихъ гремитъ изъ конца въ конецъ всей вселенной, милліоны благодарѣтельствующихъ вами несчастныхъ возсылаютъ къ небу жаркія мольбы о продолженіи драгоцѣннѣйшихъ дней вашихъ! Всемлите же и на сей разъ мольбѣ злополучнаго узника, пролейте бальзамъ въ его душу и прикажите черезъ кого слѣдуетъ, на точномъ основаніи XV Т. Уложенія о наказаніяхъ и вновь вышедшаго наказа судебнымъ слѣдователямъ, произвести строжайшее изслѣдованіе о кровавомъ умыслѣ на мою жизнь вышесказанныхъ Лобкова и Самдыренки, подвергнувъ ихъ за то достойной казни. Сямъ вы пріобрѣтете новый лавръ, и великое имя ваше будетъ и денно и нощно на устахъ черныярскаго мѣщанина, нынѣ гражданскаго арестанта Федора Зиновьева Зубастова».

Открылась великая тайна. Пузырь вышелъ на славу. Знай только распутывай его слѣдователь, да ломай себѣ голову, чтобъ похитрѣе изловить гнусныхъ злодѣевъ, замыслившихъ лишить Федора Зубастова сокровища, дарованнаго премудрымъ творцомъ. А тѣ-то, тѣ-то потѣшаются надъ его благородіемъ: рассказовъ на цѣлый день хватаетъ, животики всѣ со смѣху надрываютъ, особенно какъ самъ же Зубастовъ купно съ Лобковымъ начнутъ слѣдовальщика, епутатовъ, попа представлять. Знатно надули! комедіи не нужно.

При каждомъ доносѣ, а особенно при доносѣ такого рода, какъ настроилъ Зубастовъ, вамъ, конечно, представляются тотчасъ же потрясающія сцены, драматизмъ положенія, сильные характеры. Мрачныя стѣны каземата, бряцаніе цѣпей, ночь, освѣщенное чуть прокравшимся черезъ желѣзную рѣшетку мѣсячнымъ лучемъ страшное лицо злодѣя, подговаривающаго товарища совершить кровавое дѣло и проч. и проч. Не бойтесь: ничего подобнаго не было, да и впереди никакихъ эффектовъ не представляйте. Мыльный пузырь разлетится такимъ же образомъ, какъ и начался: самъ собою, безъ всякихъ поползновеній на драматизмъ.

Какая же потребность пускать осторожнымъ эти ни къ какимъ результатамъ не ведущіе мыльные пузыри?

Тоска. Тяжело сидѣть въ арестантскихъ ротахъ, рабочихъ домахъ, тяжело исполнять подневольную работу, но тамъ какая ни есть, да все же есть работа, упражненіе мышцъ, тамъ подчасъ вышлютъ на берегъ рѣки, въ садъ, и свободно вздохнетъ отравленная, измученная казематнымъ воздухомъ грудь; тамъ, хоть и урывкомъ,

да наглядись на бесконечно-раскинутую передъ тобою даль, тамъ увидишь и другія лица, кромѣ исполосованныхъ, обезображенныхъ каторжнымъ клеймомъ, горько-слезнымъ острожнымъ житьемъ. Спится, по крайней мѣрѣ, лучше, какъ провозишься день деньской на городской мостовой, постукивая тяжелымъ молотомъ по разсыпчатому известняку, да повозивъ до краевъ нагруженную камнями тачку; не такъ безпокойно мечешься ночью по нарамъ, не давить мучительно кошмаръ; разрывающая сердце тоска по утраченной свободѣ, по родной хатѣ, хоть на время, хоть во снѣ, да оставить тебя усталого и измученнаго...

Острожные не имѣютъ и этихъ наслажденій, они лишены всего: ихъ жизнь ничѣмъ законно не сокращается, стѣны острога — ихъ міръ, гдѣ они цѣлые дни бродятъ изъ угла въ уголъ, ничѣмъ не занятые, ничѣмъ не отвлекаемые отъ навязчивыхъ, невеселыхъ думъ; въ мое время, ожиданіе наказанія, торговая площадь, палачъ въ красной рубахѣ, да народъ, въ тысячу глазъ слѣдящій молчаливо за каждымъ взмахомъ плети—вотъ какая стояла передъ ними перспектива; теперь эту перспективу составляютъ: поселеніе, каторга. Чѣмъ бы ни кончилось дѣло, но острожный ждетъ съ нетерпѣніемъ рѣшенія своей участи; самый страшный исходъ для него отраднѣе настоящаго съ его однообразіемъ, съ его праздною, съ его томящею неизвѣстностью. Я зналъ людей, повинившихся въ нѣсколькихъ убійствахъ; ждать имъ пощады, конечно, было нельзя, но и за всѣмъ тѣмъ они съ какимъ-то мучительнымъ нетерпѣніемъ выпрашивали меня о ходѣ дѣла, съ странной радостью узнавали о близкомъ исходѣ его.

— Ужь знамо дѣло, Василій Прокофьевъ (въ мое время существовала торговая казнь) маху не дастъ, такую тебѣ баню устроить, что до свадьбы будешь помнить, иначе все же рѣшеніе.

— Да вѣдь по казанкѣ придется пройтись! Путь не близокъ!

— И по казанкѣ пройдуся. Али ноги у меня купленные? И то истомились въ заклавахъ-то острожныхъ.

Впрочемъ, у многихъ есть и еще причина ожидать нетерпѣливо рѣшенія своей участи, особенно у преступниковъ, обвиненныхъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, за которыя слѣдуетъ каторжная работа. Изъ острога убѣжать очень трудно. Въ продолженіе моего знакомства съ острожной жизнью, было нѣсколько попытокъ «учинить побѣгъ», но всѣ эти попытки оканчивались очень неудачно: или открывался путь предназначенный къ побѣгу, или (что было до крайности рѣдко) если побѣгъ и совершался, то бѣжавшіе перелавливались очень скоро. Стѣны очень толсты и высоки, часовые стоятъ на каждомъ шагу, зеленая дубрава рѣдко шумитъ подъ самымъ городомъ своими листьями, да наконецъ въ острогѣ много всякаго званія людей, которымъ

даже расчесть подслужиться къ начальству доносомъ на своихъ товарищей. Совсѣмъ другое дѣло бѣжать съ дороги.

— Только бы въ Сибирь переселиться, а тамъ ступай душа на всѣхъ на четыре стороны, запрета не будетъ. Тамъ нашего брата, проходимца каторжнаго, и невѣсть што шляется, всѣхъ не переловишь, руки устанутъ, говорили мнѣ не разъ осторожные.

Кстати о побѣгахъ.

Былъ у меня одинъ знакомецъ въ острогѣ—Александръ Залѣскій; «шляхтой» у осторожныхъ онъ прозывался. Личность интересная въ полномъ смыслѣ этого слова, какъ по наружности, такъ и по своему прошедшему. Попалъ Залѣскій къ намъ въ острогъ по «глупости» (слово очень употребительное въ острожномъ нарѣчьи). Залѣскій сосланъ былъ въ каторжную работу, но оттуда бѣжалъ въ числѣ пяти человѣкъ и добрался до нашего города. Плыли они въ лодкѣ и остановились не вдалекѣ отъ города на волжскихъ островахъ, въ тальникѣ. Двое изъ бѣжавшихъ отправились на промыслы въ городъ, но городъ-то имъ былъ совсѣмъ незнакомъ: они забрались въ первый попавшійся на дорогѣ домъ, а этотъ домъ оказался ротнымъ дворомъ. Конечно забравшихся тотчасъ же изловили, и одинъ изъ нихъ выдалъ товарищей, скрывавшихся на островѣ, которыхъ и накрыли спящихъ. Въ числѣ накрытыхъ былъ Иванъ Залѣскій. Я говорю, Залѣскій была личность очень интересная по своему прошедшему; въ его кондуктномъ спискѣ значилось очень коротко: судился за разбой, неоднократныя убійства и побѣги. Стало быть, исторія Залѣскаго не заурядъ съ прочими. Самъ «шляхта» весьма не охотно говорилъ о прошедшемъ. Надо замѣтить, что Залѣскій выражался нѣсколько книжно, картинно. Я его разъ какъ-то спросилъ, за сколько убійствъ онъ судился.

— Про то знаю я, Богъ, да темная ночь, отвѣчалъ Залѣскій.

Разъ какъ-то разговаривалъ Залѣскій.

— Я все больше кистенемъ работалъ: надежный другъ не выдастъ! Поднесешь чару хмѣльнаго, смотришь, паренекъ и свалился. И пожаловаться не успѣть: что вотъ-де такой воръ окаанный разобидѣлъ его. Однажды было намѣнилъ другъ вѣрный, да поправился. Къ помѣщику въ гости пришли, объ здоровьи его справиться, а онъ и проснись въ ту самую пору, какъ гости дорогіе у постели его стояли. Тарарахнулъ я хозяина разъ, да видно не по причинному мѣсту, —на ногахъ остался, душить меня сталъ. Спасибо товарищамъ—они выручили.

— Чѣмъ же кончилось?

— Для хозяина-то радушнаго? На тотъ свѣтъ отправился. Не бывать бы ему тамъ такъ скоро, колибъ не Залѣскій Александръ.

Залѣскому лѣтъ тридцать пять. Красавецъ былъ мужчина: высокій ростъ, густая борода, черные волосы, небольшой носъ съ горбомъ, отлично образовавшіяся губы. Только каторжныя клейма его нѣсколько безобразили, въ особенности на лбу. Какъ видно, Залѣскій когда-то былъ въ «порядочномъ обществѣ»: онъ положительно выходилъ изъ уровня арестантовъ. Залѣскій любилъ очень рисоваться, бить на эффектъ, но эта рисовка шла къ нему. Бывало придетъ въ своемъ желтомъ, широкомъ армякѣ, скинетъ его какъ-то въ складкахъ съ одного плеча, облокотится на косякъ, сложить крестообразно руки на груди, — ну хоть сейчасъ на картину: бандитъ апопическихъ ущелій, да и полно. Въ лицѣ Залѣскаго одно только оттачивало: черные, будто изъ стали выкованные глаза. Подобнаго безстрастія въ глазахъ я ни у кого не встрѣчалъ: холодили они. Объ чемъ бы ни говорилъ Залѣскій, смѣялся ли, сердился ли, глаза его были постоянно одинаковы. Страшные глаза, беспощадные. Думаю, что даже когда «другъ надежный» голову разmozжитъ, и тогда эти глаза не измѣняли своего безстрастнаго выраженія, ничего не могла прочесть въ нихъ жертва. Омуть бездонный.

Однажды я разговаривалъ съ Залѣскимъ объ каторжной жизни, объ ея порядкахъ.

— Тяжело тамъ?..

— Да-съ, не легко, банкеты рѣдко задаются. Впрочемъ, я ее больше пытаться не буду: опротивѣла она мнѣ, какъ жена не любая.

— То есть, это какъ же пытаться не буду?

— Такъ же. Не попаду я на старое мѣсто, съ дороги распро-щаюсь. Въ монастырь желаніе нѣмѣю постричься, грѣхи покаяніемъ искупать.

— Ну, это еще старуха-то на двое сказала.

— Не старуха, а я говорю, что убѣгу. Ужъ помяните мое слово. Я жду не дожусь, когда Василій Прокофійчъ благословитъ меня—на всѣ на четыре стороны отправиться...

Залѣскій говорилъ о своемъ побѣгѣ такъ просто и такъ увѣренно: это дескать дѣло рѣшенное, объ немъ и разсуждать-то не стоитъ, что я исполнѣ убѣжденъ, что онъ или исполнитъ, или уже исполнилъ свое слово.

— А куда ты отправишься, если въ самомъ дѣлѣ удастся убѣжать?

— На родину взглянуть желательно, соскучились чай обо мнѣ. Да и долгишки остались, расплатиться слѣдуетъ... Впрочемъ, и сюда зайду: знакомая сторона стала, благопріятелей много развелось, теперь по старому, какъ куръ во щи, не попадусь.

— Отчего же ты здѣсь убѣжать не попытаешься? Выгоднѣе: миновалъ бы благословенія Василья Прокофьева.

— Здѣсь хлопотъ много, опаснѣе. Вѣдь вонъ Чапуринъ (*) вдулся же. Конечно, я сдѣлалъ бы поумиѣе нѣсколько, — ну, да все не ровень часть. Трудись, трудись, а толку мало. Не по моему.

— Чѣмъ же ты питаешься-то будешь? Воздухомъ однимъ — мало, путь же дальный.

— Питаться! Залѣскій скорчилъ презрительную улыбку. — Это ужь пришествіе антихристова будетъ, если каторжный хлѣба себѣ не найдетъ. Путь широкій, народу всякаго по нему много идетъ, — каторжному каждый поклонъ отдавай, а не то и башку съ маклака можно сшибить: не на мѣстѣ она, коли чина столь важнаго уважать не желаетъ. Вѣдь нашему брату, ночному ворону, что ни понъ, то и батька. Одно все. Примѣрно, и вы попадитесь...

— Что же?

— Особеннымъ манеромъ и съ вами поговорить можно...

— Ну да вѣдь и я тебѣ спуску-то не дамъ, шен не подставлю.

— Зачѣмъ подставлять. Это чья возьметъ. Что въ картахъ: можетъ ваша, можетъ и моя.

Пренитересный народъ эти острожные. Но во всякомъ случаѣ не желалъ бы я сыграть съ Залѣскимъ: ставка очень велика.

— Но возвратимся къ мыльнымъ пузырямъ.

И такъ, одна изъ причинъ «мыльныхъ пузырей» есть желаніе хоть какъ нибудь сократить монотонно-тоскливую жизнь. Все же разнообразіе: къ слѣдователю начнутъ водить, въ судъ, — время-то и идетъ себѣ и мозгъ занять. Вѣдь дѣло съ чиновными особами ведется, стало поднадуть весьма пріятно. Кромѣ того, есть другая причина «мыльныхъ пузырей»: пройтись лишній разъ по городу. Остроги строятся у насъ чаще всего на концѣ базарныхъ площадей, а русскій человѣкъ не привыкъ обходить «несчастлиаго», что гремя цѣпью, въ сопровожденіи солдатъ съ ружьями, пробирается черезъ толпу. Всякій человѣкъ знаетъ, каково лишиться воли ненаглядной, всякій знаетъ, что пострадать легко каждому, а потому и не отворачивается отъ «несчастлиаго» съ презрѣніемъ, а торопливо бѣжитъ на встрѣчу къ нему, суетъ ему свою нищенскую копейку. Многіе возстаютъ противъ подобнаго выраженія народной симпатіи къ «острожнымъ». Это нехорошо.

Вотъ идутъ они печальной вереницей, опустивъ свои буйныя головушки къ сырой землѣ; бойкія ноженъки ихъ сковала желѣзная цѣпь, черныя думы, словно змѣи подколотыя, точатъ и сосутъ ихъ ретивыя сердца, плачутъ по нимъ малыя дѣтушки, покачнулась ихъ

(*) Время. Декабрь 1862 года.

хата бревенчатая, поросла травой къ ней тропа проторенная, поселилась въ ней доля слезная, спротская.

И бьется простое «мужицкое» сердце подъ толстой сермягой, когда встрѣтитъ эта сермяга печальную вереницу; удержу рукъ нѣтъ, что хочеть протянуться къ погибшему брату каторжному... Досугъ ли тутъ раздумывать простому человѣку о вредѣ такой помощи? не на бумагѣ вѣдь дѣло строчится, а сама жизнь проходить, жизнь надломанная, искалѣченная, отравленная.

Пишите что хотите, а народъ будетъ подавать «острожному» при каждой встрѣчѣ съ нимъ. И благо, что будетъ: черство то сердце, что кровью не обливается при этой встрѣчѣ. Да и вреда-то въ томъ нѣтъ, что арестантъ соберетъ нѣсколько лишнихъ грошей... Стало быть источники «мыльныхъ пузырей» тоска и сборъ подалий.

Но есть и еще причина начатія «мыльныхъ пузырей» — причина болѣе грязная: напакостить ближнему. Такого рода мыльные пузыри употребляются больше съ арестантами, имѣющими состояніе. Сидитъ на примѣръ такой арестантъ годъ, сидитъ другой; человѣкъ онъ не бѣдный: около него другіе «острожные» увиваются, кто съ услугой лѣзетъ, кто голубей ловить да продаетъ, кто иное дѣло мастерить, и перепадетъ иной разъ лишняя копѣйка въ острожный карманъ. Выходитъ скоро такому арестанту рѣшеніе, провѣдаютъ о томъ острожные... ну, тутъ ухо держи востро богатый, а то затянутъ дѣло «острожные» такъ, что всплачешься: вѣдь у насъ по совокупности преступленій судятъ. Содержался въ острогѣ нѣкто Войцеховичъ, человѣкъ очень состоятельный. На свободѣ онъ былъ страшный буянъ, около дома его проходу не было; всякія штуки выдѣлывалъ, да деньгами потомъ откупался. Только разъ навернулся на такое дѣло, что и откупиться-то было нельзя: засадили въ острогъ. Въ нашемъ же острогѣ содержался другой арестантъ, по прозванію Антошка Егоза. Какого рода-племени былъ Антошка Егоза, никто не зналъ; когда его спрашивали объ этомъ любопытномъ предметѣ, такъ онъ отвѣчалъ, что родился онъ подъ болотной кочкой отъ стрекозы, а прозвалъ его Антошкой мужичишка-проходимецъ; бродяжничалъ онъ Антошка отъ той самой поры, какъ себя сталъ помнить, прошелъ онъ всѣ страны и близкія, и дальнія, останавливаясь у добрыхъ людей, именъ которыхъ припомнить не можетъ, «гдѣ день, гдѣ ночь, а гдѣ и цѣлый годъ». Парень былъ умный Антошка, глаза его во всѣ стороны такъ и бѣгали, точно насквозь все хотѣли видѣть, зналъ Антошка много, въ особенности мастеръ былъ подъ чужія руки подписываться: возьметъ бывало ассигнацію, да такъ для штуки всѣ подписы съ нея и выведетъ; ни за что не узнаешь, которая подпись фаль-

шивая, которая настоящая. Мало того, что руками мастеръ былъ Антошка писать, ногами — и то писалъ.

Вотъ этотъ-то Антошка Егоза и залѣзъ въ душу Войцеховичу, такъ залѣзъ, точно околдовалъ. Неразлучными все ходятъ. Да и Антошка-то будто переродился, совсѣмъ благородный сталъ въ благо-родной компаніи, не узнаешь, что изъ бродягъ: держитъ себя такъ солидно, у Войцеховича книжки беретъ, читаетъ ихъ, объ книжныхъ матеріяхъ и разговоры ведетъ. Острожные смотрятъ на Антошку, да зубы скалятъ, лизоблюдомъ дворянскимъ зовутъ, а Антошкѣ и горя мало (отгрызаться или обругать кого онъ и самъ былъ не промахъ); съ Войцеховичемъ онъ и обѣдаетъ, и чай распиваетъ, въ тихомолку и водки хватитъ. Словомъ, Антошкѣ около Войцеховича не житье было, а масляница. Дѣло Войцеховича тянулось долго и стоило не дешево; наконецъ прописываютъ ему, что скоро и оно кончится, и что его, Войцеховича, въ подозрѣнія только оставляютъ. Показалъ Войцеховичъ письмо это Антошкѣ другу. Обрадовался Антошка, точно малое дитя, свободѣ, предстоящей покровителю. Два черезъ два послѣ этого, приходитъ Антошка къ Войцеховичу и проситъ у него 25 рублей серебромъ. Денегъ ли не было у Войцеховича, или пожа-лѣлъ онъ ихъ, только отказалъ Антошкѣ.

У Антошки глаза засверкали, злобный такой сталъ.

— Узнаешь, говоритъ, чухало, чѣмъ пахнетъ Антошка Егоза! Я тѣ спѣсь-то сшибу! Отолью крестъ, да и вызолочу!

Въ это время начальство провѣдало, что въ острогѣ дѣлаютъ фальшивые паспорта; такую мастерскую завели тамъ, что чуть ли не всю губернію снабжаютъ и думскими, и волостными, и конторскими. Захотѣлось конечно узнать начальству, кто это мастеритъ такіа дѣла? Сдѣлали обыскъ, но кромѣ формочекъ какихъ-то, ни куда не приго-д-ныхъ, ничего больше не нашли; объ виновныхъ же и разговаривать нечего: въ острогѣ по такимъ дѣламъ виновныхъ нѣтъ, ихъ самъ чортъ не разъищетъ. Пріѣхалъ разъ въ острогъ полиціймейстеръ со стряпчимъ, подходитъ къ нимъ Егоза.

— Позвольте, говоритъ, вашему высокородію дѣло важное по се-крету открыть.

Тотъ конечно ему: изволь.

— Я, говоритъ, знаю, кто фальшивые билеты пишетъ, печати къ нимъ прикладываетъ.

Начальство очень обрадовалось, что такое дѣло важное само въ руки дается; и стало торопить Егозу, чтобъ тотъ открылъ виновнаго скорѣе.

— Паспорты-то подписываю я, только у меня соумышленникъ

есть, онъ меня на такое законопротивное дѣло подбилъ, онъ же печати отливалъ и прикладывалъ ихъ.

Полиціймейстеръ чуть не облобызалъ Егозу: очень ему хотѣлось дѣло распутать.

— Пойдите, ваше высокородіе, съ обыскомъ, я вамъ доказательства представлю, чтобъ человекъ тотъ отъ соумышленничества со мной не отказался. А до обыска имени его открыть не желаю.

Пошли цѣлой гурьбой съ обыскомъ. Егоза впереди всѣхъ гоголемъ летитъ, только порой словно передергиваетъ его. Подошли къ камерѣ Войцеховича. Радость начальства нѣсколько поуменилась: съ Войцеховичемъ свои счеты имѣлись.

— Куда ты насъ ведешь?

— А вотъ пожалуйста въ камеру господина Войцеховича.

Войцеховичъ поблѣднѣлъ, когда увидѣлъ у себя толпу незваныхъ гостей; по присутствію между ними Антошки Егозы онъ сразу понялъ, что собирается надъ его головой новая бѣда.

Антошка сказалъ:

— Какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вами, гг. полиціймейстеръ и стражніи, объявляю я, что одинъ только у меня и есть соумышленникъ: Войцеховичъ господинъ. Вмѣстѣ съ нимъ писали мы билеты фальшивые, въ чемъ и присягу принять готовъ. Прикажите обыскать кровать Войцеховича и увидите вы, что не клевету на него несу я.

Войцеховичъ стоялъ какъ громомъ пораженный. Онъ опомниться не могъ.

Стали дѣлать обыскъ въ кровати. Егоза зорко слѣдилъ за обыскивающими. Распороли тюфякъ, и въ немъ дѣйствительно нашли четыре фальшивыхъ печати, форму для литья ихъ, нѣсколько листовъ гербовой бумаги, два или три совсѣмъ приготовленныхъ паспорта и одинъ только что начатый. Почеркъ начатаго паспорта былъ совершенно почеркомъ Войцеховича.

Кончился обыскъ.

— Не могу значить я! сказалъ Егоза.

Тутъ только опомнился Войцеховичъ и взглянулъ на своего недруга: Антошка стоялъ въ углу; невыразимо злая усмѣшка скользила по его синеватымъ губамъ; дерзкое лицо его дышало довольствомъ удовлетвореннаго мщенія. Егоза выросъ передъ своимъ униженнымъ, обезславленнымъ недругомъ.

«Отолью крестъ да и вызолочу!» припомнилось, чай, Войцеховичу.

Чѣмъ кончилось это дѣло—я не знаю. Только Войцеховичъ послѣ того долго еще сидѣлъ въ острогѣ.

Это тоже мыльный пузырь.

Обыкновенно же мыльные пузыри не кончаются такъ драматично. Самая худшая доля въ нихъ выпадаетъ на долю слѣдователя: фактически онъ доказать не можетъ, что въ производимомъ слѣдствіи вѣтъ и намекъ на преступленіе; вслѣдствіе удачно сгруппированнаго вымысла онъ обязанъ производить слѣдствіе; но на самомъ дѣлѣ слѣдователь, если у него есть только капля здраваго смысла въ головѣ, очень хорошо понимаетъ, какъ «обходить» его, комедію съ нимъ играютъ, воду заставляютъ толочь. Положеніе до невѣроятности глупое.

Вотъ хоть дѣло съ Зубастовымъ Федоромъ.

Два свидѣтеля видѣли, какъ Лобковъ Салдыренкѣ передавалъ, ножъ, долженствующій прекратить драгоценные дни. Стагъ я спрашивать и того и другаго: одинъ говоритъ, что палку передавалъ, а другой—ножъ не ножъ, а что-то очень близкое къ нему: можетъ, даже и ножъ. Надо давать очную ставку: «разногласія чтобъ молъ не было», Сравнишь обоихъ очи на очи, физиономіи одна плутоватѣе другой: одна принадлежитъ крещеному татарину, конокраду жесточайшему, другая дворовому человѣку, парню прозженому. Чувствуешь, что оба потѣшаются надъ тобой, что ихъ и очи-то на очи не зачѣмъ ставить, потому разъ, что ни палки, ни подобія ножа не существовало никогда, что это плоды игриваго воображенія, а во вторыхъ знаешь, что оба свидѣтеля разыграли ужъ при многочисленной публикѣ цѣлую комедію ставленія очи на очи, что при этой комедіи присутствовали въ качествѣ зрителей и Зубастовъ, и Салдыренко, и Лобковъ, и всѣ игроки актеровъ, какъ мастерски исполненной, остались крайне довольны.

Меня это дѣло своей неподражаемой игрой самаго заинтересовало, а тутъ мнѣ еще «предписали» произвести его по всѣмъ правиламъ. Все пошло прахомъ: ни тексты, ни державинскіе стихи, ни цитаты ничего не помогло.

Обыкновенно «мыльные пузыри» заключаются очень просто. Пишешь, пишешь всякую белиберду, наконецъ надоѣстъ видно и арестантамъ играть комедію, поновѣе выдумать захочется,—ну и явится главный виновникъ, изъ-за котораго «весь сыръ боръ загорѣлся», къ зрителю.

— Дозвольте мнѣ, ваше благородіе, къ господину слѣдователю отправиться.

— За чѣмъ?

— Важныя обстоятельства по моему дѣлу открыть.

Идетъ открывать важныя обстоятельства.

— Что тебѣ надо? спросишь.

— Да вотъ что, вашеско благородіе: я все неправду вамъ показывалъ.

— Какъ неправду?

— Такъ-съ. Въ болѣзняхъ пребывалъ, безпамятствомъ одержимъ былъ. Отъ того и не правду показывалъ...

— Что же правда-то?

— Никакова злоумышленія на жизнь мою не было и оговаривалъ я все по пустому. Такъ и запишите, вашеко благородіе: въ безпамятствѣ молъ людей по напрасну оговаривалъ, теперь же покаяніе чисто-сердечное приноситъ, терзаніе совѣсти ощутилъ, что людей черезъ себя неприятностямъ подвергалъ.

И разлетѣлся мыльный пузырь осторожной жизни! А славный такой былъ: большой, раздутый, съ разнообразными переливами свѣта, съ отраженіями различныхъ фигуръ.

Впрочемъ, «мыльные пузыри» не проходятъ безслѣдно: новички арестанты надъ ними очень хорошо практикуются; мѣсяца два не пройдетъ, какъ человѣка посаженнаго въ острогъ узнать бываетъ нельзя: опытность, значить, приобрѣтъ, житейской мудростью проникся. Метаморфоза подъ вліяніемъ острога особенно замѣтно оказывается на крестьянахъ, совершившихъ преступленіе.

Крестьянинъ, дальше плетня своей деревни, или много-много базарной площади ближайшаго городишка ничего не видавшій и совершившій преступленіе, обыкновенно не задаетъ много работы слѣдователю. Происходитъ это потому, что большая часть крестьянскихъ преступленій совершается въ минуту увлеченія, безъ обдуманныхъ заранее шансовъ на успѣхъ скрыть его, безъ хитро подведенныхъ обстоятельствъ, могущихъ замаскировать виновнаго.

Новичокъ сознался, уличенъ обстоятельствами и попадаетъ въ острогъ. Предъ нимъ начинаются пускаться мыльные пузыри, его заставляютъ принимать въ нихъ непосредственное участіе. Осторожные берутъ новичка въ науку, и, благодаря ихъ опытности, метаморфоза быстро совершается.

Я много разъ наблюдаю эти метаморфозы. Надо отлатъ должную справедливость наставникамъ: они мастерски знаютъ свое дѣло.

Побывшаго недѣли три, четыре въ острогѣ новичка опять слѣдуетъ спросить: «для дальнѣйшаго уясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ»; но уввы! вмѣсто уясненія, выходятъ такая непроницаемая, мастерски составленная путаница, что слушаешь и не вѣришь: тотъ ли это человѣкъ, который еще такъ недавно передъ тобой находился? Откуда онъ нахватался такихъ премудростей? Чего, чего только нѣтъ въ его отвѣтахъ: и статейками подпираетъ, и присягу въ невинности своей передъ алтаремъ всемогущаго Творца готовъ принять, и безпамятство съ головокруженіемъ на него прежде находило, и свидѣтели по злости все ложно показали... Слогъ — и тотъ даже переиначился: книжно-дѣловой сталъ.

«Да откуда же все это является?» въ недоумѣніи спрашиваете вы самого себя.

Дѣло выходитъ простое: школу новичокъ произвелъ хорошую, потаціи читаны ему были приличныя, да и мѣры крутыя принимались: «чтобъ понимали дурни, что ихъ уму-разуму учать, объ ихъ же головахъ заботу имѣютъ».

Впрочемъ, вообще надо замѣтить, что русскій человекъ не умѣетъ себя хитро держать при слѣдствіи: онъ или сознается въ преступленіи, или подесетъ такую непроходимую ерунду, что на каждомъ шагу уличается во лжи. Напримѣръ десять человекъ видѣли, какъ онъ замокъ ломалъ, а онъ знай толкуетъ себѣ одно, что съ пріятелями въ кабацѣ въ это время прохлаждался; спросятъ пріятелей, а тѣ и въ глаза его не видали. Изворотливость встрѣтишь только, какъ исключеніе, да и то въ людяхъ «образованныхъ», бывалыхъ. Миѣ приходилось имѣть дѣло и съ другими націями: тѣ (Боже упаси заподозрить меня въ какихъ либо пристрастіяхъ! Я передаю то, что видѣлъ, наблюдалъ), пожалуй, почище будутъ: врутъ тоже на пропащую, но только тогда, когда знаютъ, что ихъ или уличить нечѣмъ, или уличить очень трудно; въ противномъ же случаѣ стараются давать свои отвѣты такъ, чтобы между ними и уличающими обстоятельствами не было рѣзко бросающейся разницы, чтобы они имѣли въ себѣ всѣ признаки «законной» истинности.

Это тоже своего рода мыльные пузыри.

Нѣмцы все больше на туманность быють, національный свой характеръ выдерживаютъ.

Изъ давки одного купца кондитерскихъ припасовъ рублей на полтора ста пропало. Купецъ изъявилъ подозрѣніе на своего кондитера нѣмца и приходившаго къ нему каждый день товарища, тоже изъ нѣмцевъ. У нѣмцевъ сдѣланъ былъ обыскъ, поличное найдено. Сомнѣваться въ виновности дѣтей Германіи было нельзя: все что было въ мастерской, было и у нихъ, съ тѣми же клеймами, въ той же посудѣ, того же качества. Прежде всего нѣмцы въ гоноръ вломались.

— Мы честные нѣмцы, мы не русскіе, мы воровать не умѣемъ. Наше дѣло честной работой заниматься, говорили обиженные.

Стали нѣмцевъ по одиночкѣ спрашивать.

— Гдѣ же вы взяли найденные припасы?

— Миѣ ихъ братъ привезъ.

— Откуда?

— Изъ Нижняго.

— Давно ли?

— Двѣ недѣли тому назадъ.

— На чемъ пріѣхалъ вашъ братъ?

— На пароходѣ.

— На какомъ?

— Не знаю.

— Долго ли онъ пробылъ здѣсь?

— Всего нѣскольکو минутъ.

— Кто его видѣлъ?

— Никто его не видалъ.

— А изъ живущихъ въ домѣ, гдѣ ваша квартира?

— Онъ у меня не былъ, я его встрѣтилъ у воротъ своего дома съ мѣшками: передавъ ихъ мнѣ, онъ тутъ же отправился.

— Кто же видѣлъ, когда вы несли мѣшки?

Пауза.

— Это было очень рано: всѣ еще спали.

— Какъ же вы узнали, что пріѣхалъ вашъ братъ?

— Я на прогулку вышелъ.

— Какъ могъ нести вашъ братъ на себѣ такіе огромные мѣшки?

Новая пауза глубокомыслия со стороны «честнаго» нѣмца.

— О! мой братъ силенъ, какъ Самсонъ.

— Какимъ же образомъ на мѣшкахъ могли очутиться клейма купца Дорожина, когда они прибыли изъ Нижняго.

Еще пауза.

— Стеченіе обстоятельствъ. О! много есть такихъ вещей, которыя трудно объяснить.

Объ трудно объяснимыхъ вещахъ нѣмецъ чуть ли не цѣлый часъ говорилъ: туманно такъ, что страхъ.

— Куда же отправился отсюда вашъ братъ?

Нѣмецъ предался снова глубокому размышленію: надо было родить такое мѣсто, откуда вытребовать брата для справокъ было бы не совсѣмъ удобно.

— Въ Константинополь!

Порѣшивъ вопросъ о мѣстопробываніи брата, нѣмецъ съ торжествомъ посмотрѣлъ на меня: каковы дескать мы, нѣмцы, суньтесъ—ка вы, русскіе, да выдумайте такую штуку!

Подлинно, русскій этого не выдумаетъ.

Купно нѣмцы тоже врутъ жестоко. Нужно мнѣ было у нѣмцевъ повальный обыскъ сдѣлать, собралъ я всѣхъ наличныхъ колбасниковъ, булочниковъ, столяровъ, слесарей. Народъ явился все благообразный; послѣ присяги, пасторъ приличный случаю спичъ сказалъ, — нѣмцы все головой ему въ тактъ мотали. А какъ пошли философы послѣ присяги врать, такъ и оказалось, что они всѣ съ родни константинопольскому туристу.

Съ татарами мнѣ тоже часто приводилось дѣло, по коновкрадству все больше. Татаринъ никогда не сознается. Кажется, на мѣстѣ преступленія поймали, чего ужъ разговаривать: признавайся, — а онъ вамъ такой мыльный пузырь пуститъ, что вы и ротъ разинете.

Татаринъ лошадь слямзилъ, по неудачно, за нимъ въ погоню. Нагнали такъ, что не успѣлъ даже соскочить съ воровскаго, и привели ко мнѣ.

— Помилуй, бачка! отпусти!

— Да какъ же я тебя отпущу, когда тебя поймали на воровской лошади?

— Не воровалъ я, бачка.

— Какимъ же образомъ ты на ней верхомъ-то очутился?

— Шелъ я, бачка, полемъ. Три человѣкъ лошадку ведутъ. Садись, баюгъ три человѣкъ, собака-татаринъ, на лошадку! Убьемъ тебя, собака-татаринъ, коль не сядешь на лошадку! Бачка, жизнь жалѣлъ, — сяди на лошадку!

Татарскіе отвѣты вообще всегда отличались особенной изобрѣтательностью. Молодецъ народъ.

Но довольно о подобнаго рода мыльныхъ пузыряхъ. Въ заключеніе, скажемъ нѣсколько словъ «о благородныхъ» уже мыльныхъ пузыряхъ.

По одному изъ мыльныхъ пузырей, именно по дѣлу о кражѣ денегъ у арестанта изъ дворянъ, Чужедольскаго, привелось мнѣ производить слѣдствіе: то есть играть въ пустую, любоваться блестящими проблесками острожнаго остроумія, а самому разыгрывать жалчайшую роль переливателя изъ пустаго въ порожнее.

По дѣлу Чужедольскаго мнѣ слѣдовало допросить арестанта Троянского. Фамилія арестанта указываетъ его происхождение: Троянский былъ изъ дьячковскихъ дѣтей, обучался въ мѣстной бурсѣ, дошелъ до «философскихъ дѣбрей», въ нихъ запутался и былъ изгнанъ изъ храма наукъ съ непохвальной аттестаціей: за лѣность и нерадѣніе, а наипаче за пьянство и за дурное поведеніе. Исключенный Троянский отправился было къ отцу своему; но и оттуда, сблудивъ съ дочерью управляющаго имѣніемъ, также со срамомъ не малымъ исторженъ бѣ; въ періодъ времени между исторженіемъ изъ отчаго села и вторженіемъ въ острогъ, Троянский скитался изъ угла въ уголъ по губерніи, все больше по писарской части: у становыхъ приставовъ, депутатовъ и т. п. представителей губернской бюрократіи средней руки. Впрочемъ, на мѣстахъ Троянский заснживался не по долгу и отсюду «изверженъ бысть» за то же пьянство и озорство своего характера. Троянский былъ малый очень умный, но сначала бурса, потомъ по-

слѣдующія скитанія испортили его страшно. Въ острогъ Троянский попалъ прямо изъ кабака, гдѣ въ послѣднее время было его главное мѣсто пребываніе и гдѣ онъ тоже занимался все больше по писарской части: фальшивые паспорта приготавлилъ.

Послѣ официального спроса я разговорился съ Троянскимъ объ острожномъ житіи бытіи вообще и объ его, Троянского, въ особенности. Троянский сталъ припоминать свое прошедшее.

— Я больше въ писаряхъ жилъ. Славное житіе, Дмитрій Ивановичъ, писарю: уважаютъ тебѣ больше самого пристава, тѣмъ паче, какъ онъ-то изъ лдащихъ попадется.

— Ну, такихъ-то не рѣдкость.

— Всякіе бывають, Дмитрій Ивановичъ, другой двухъ словъ написать не умѣетъ; за него все дѣлшки обдѣльваемъ. Нѣтъ ужъ, вотъ у господина Ваницкаго такъ житіе было!

— А кто это такой господинъ Ваницкій?

— Онъ-съ въ губернскомъ правленіи служить, только командированъ былъ для повѣрки ревизскихъ сказокъ въ Бабинскій уѣздъ. Онъ меня на время въ писаря къ себѣ нанялъ.

Предупреждаю моихъ читателей: я не рассказываю «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой». Я производилъ свои наблюденія, плодомъ которыхъ являются настоящія «записки», во времена очень и очень недавнія. Прогрессъ, благотѣльная гласность и проч. и проч. были въ то время въ сильнѣйшемъ ходу, — далеко больше, чѣмъ теперь. Словоизверженіе было тогда любимѣйшимъ занятіемъ: всякій гражданинъ языкоблудствовалъ напусердѣйшимъ манеромъ....

Но возвратимся къ разговору съ Троянскимъ.

— Чѣмъ же житіе-то у господина Ваницкаго было преотмѣнное?

— Да помните-съ, намъ съ ними почету было точно поамъ на Пасху. Человѣкъ молодой еще господинъ Ваницкій, а ужъ такой шустрый, что любаго острожнаго за поясъ заткнетъ. Ужъ очень въ разумѣ-то они состоятъ.

Я молчалъ, зная, что острожному стоитъ только разговориться.

— Бабинскій-то уѣздъ весь чувашлишками, мордвой набитъ, народъ все смирный, не мудреный, другой всю жизнь изъ деревни не выѣзжалъ, только дуракъ его по зубамъ не колотитъ. Такъ ужъ какіе мы съ ними шутики не выдѣльвали. Потѣха-съ!

Троянский засмѣялся пріятнымъ воспоминаніямъ.

— Какія же вы тамъ шутики-то выдѣльвали?

— Первое дѣло, Дмитрій Ивановичъ, какъ пріѣдешь въ деревню, сейчасъ старшина является: «што, бачка, твоей милости угодно?» а ты точно генералъ какой приказъ отдаешь: «миѣ штофъ, а ихъ вы-

сокородию четверть каждый день, да штобъ всякіе припасы были наилучшіе».

— И являлось все?

— Еще бы съ. И придумалъ же въ эту пору господинъ Ваницкій штучку одну. Важнецъ штучка! Разъ пообѣдавши говоритъ онъ мнѣ: «поѣзжай ты, душа моя, въ Бабинскъ, да купи мнѣ тамъ двѣ дюжины пуговицъ форменныхъ: фортель мнѣ въ голову пришесть!» Я, знаете, тѣмъ же часомъ въ городъ, все, что слѣдуетъ, исполнилъ... «А ну, говоритъ, нашивай мнѣ еще два борта, да вотъ здѣсь на груди побольше нашей». Нашилъ я господину Ваницкому пуговицъ чуть ли не на всемъ вицъ-мундирѣ и старыя вычистилъ, словно жаръ всѣ горять. Пріѣхали послѣ того мы въ большущее чувашское село, Ахчаки прозывается, и народъ велѣли собрать. Господинъ Ваницкій четырехъ-бортовой вице-мундиръ надѣлъ: «бери, говоритъ, самую большую книгу, да за мной къ народу иди!». Выходимъ. Чувашники такъ всѣ съ диву и дались, какъ увидали господина Ваницкаго въ пуговицахъ всего, — впервой знаете, другіе со страху шапки даже скинуть забыли. Какъ равкнетъ на нихъ Павелъ Ивановичъ: «шапки долой, сволочь!» Страху-то еще больше напустилъ. «Я, говоритъ, рензію посланъ производить. Старшина!» Вышелъ старшина ни живъ, ни мертвъ, какъ листъ дрожить. «Всѣ на лицо?» «Нѣту-ти, бачка». «Какъ, я развѣ бачка! Да ты съ кѣмъ, такой сякой сынъ, говоришь? а, съ кѣмъ?» За бороду старшину. «Чтобы были у меня всѣ на лицо!» И ужь задавали же мы страху этимъ пуговицами; такъ объ насъ и молва пошла, что большаго челоуѣка къ чувашамъ послали: для того его и пуговицами наградили.

Троянскій даже вздохнулъ отъ воспоминанія машиннаго жителя.

— И вѣрите ли, Дмитрій Ивановичъ, продолжалъ онъ послѣ краткой паузы: — коли богатое село, такъ по гривеннику съ души, а коли бѣдно больно живутъ, такъ по пятачку... меньше не брали-съ...

Вотъ-съ какого рода пузыри пускаютъ благородныя особы. Какъ пораздумаешься, да приглядишься вверхъ и внизъ, такъ и оказывается, что наши-то пузыри выходятъ почище острожныхъ. Въ нашихъ сути больше и кругозоръ шире; благородные, значитъ, а потому и дѣла ведемъ на благородную ногу...

Н. СОКОЛОВСКІЙ.

НОВЫЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

ПО ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОЙ СОБСТВЕННОСТИ.

Есть одно слово въ каталогѣ юридическихъ терминовъ, которое свело наконецъ къ покою всѣхъ благомыслящихъ гражданъ Европы. Наука, бюрократія и лавка, клерикалы, легитимисты, конституціоналисты, правые, средніе, лѣвые, даже оборванная купеческая журналистика, вся, словомъ, порядочная половина общества не можетъ кончить дня не помолвившись за это слово, не наругавшись такъ или иначе надъ его критиками, — слово это %.

Что всего утѣшительнѣе, это видимое единодушіе, которое вышло отсюда между разносторонними партіями, переплетная дружба и пожатія рукъ между людьми крайнихъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Люди спорили, вли другъ друга, каждый увѣрялъ и былъ самъ убѣжденъ, что ратуетъ за особыя убѣжденія, и вотъ оказалось на повѣрку, что у всѣхъ было всего одно настоящее убѣжденіе, которое они только и оказались годными отстаивать. Потаскавъ другъ друга за волосы, истощивъ другъ противъ друга всѣ средства брани и клеветы, они убѣдились наконецъ, что не могутъ обойтись одинъ безъ другаго, будутъ оскорблены, выгнаны со стыдомъ, — словомъ, убѣдились, что они до сихъ поръ своя своихъ не познали, и только. Жить иначе стало трудно, и потому также трудно имѣть, что называется, убѣжденія. Прежде человекъ пріобрѣталъ нѣкоторую небрежность манеръ, переставалъ мыть руки, и по одному этому легкому признаку всякій догадывался, что онъ ни за имперіализмъ, ни за старую монархію, ни за Гизо или Тьера, и заключалъ, что онъ человекъ съ убѣжденіемъ.

ми; всякая другая рекомендація была излишкомъ; человекъ не служитъ, не ѣздитъ на министерскіе обѣды, не ходитъ по воскресеньямъ слушать итальянскихъ пѣвцовъ въ храмъ святой Магдалины, стало быть, онъ человекъ какъ слѣдуетъ, не папачъ, не мушаръ и все тутъ. Сколько онъ при этомъ тратитъ на удобства жизни, сколько получаетъ ренты черезъ руки министерства, съ которымъ въ оппозиціи, сколько объѣзжаетъ фермеровъ или не торгуетъ ли даже просто на просто матеріалами, пускающими въ народъ суевѣріе, поющими милитаризмъ, благодѣтелей, фабрикантовъ или министерскіе подкупы, объ этомъ пока не спрашивалось. Это было золотое легкое время въ исторіи убѣжденій, и убѣжденія жили и даже широкой жизнью, не безъ нѣкотораго размаха и ухарства.

При такихъ условіяхъ гражданская доблесть была дѣломъ возможнымъ. Ну, а вотъ наконецъ спросили, спросили на отрывъ безъ оговорокъ: *«вашу расходную книжку, если это васъ не стѣснитъ»*, и расходная книжка рассказала, что собственно не изъ-за чего было презирать ни имперіи, ни Гизо, ни клерикаловъ, не изъ-за чего драться и ѣздить въ чужое ухо, а гораздо разумнѣе пребыть въ мирѣ и братствѣ, ибо что было проку упрекать другъ друга въ отсутствіи гражданской доблести, когда своя собственная доблесть была выведена на чистую воду, показана въ цифрахъ, вымѣряна вершками, которыя во власти каждаго было сосчитать и узнать, сколько въ ней собственно росту.

Такъ какъ ростъ этотъ въ суммѣ оказывался почти одинъ и тотъ же, то тщеславиться было уже нечѣмъ, и вражда прекратилась.

«Вы хотите получать ренту, вы хотите сохранить свою частіцу налога, и т. д., стало быть, изъ-за чего жъ вамъ спорить, всѣ вы одного толка, всѣ за пониженіе рабочей платы, и все тутъ». Вслѣдствіе такого разсчета мѣрка гражданского мужества стала уже чрезвычайно точна и изыскательна, а потому Европа и перестала имѣть, что называлось въ доброе старое время, имѣть убѣжденія.

Пусть Пелдтанъ споритъ съ императоромъ, прусская палата съ королемъ, и «Opinion Nationale» подвергается выговорамъ, мы знаемъ заранее, что это не споръ, а домашній дивертисментъ, дѣло чисто легальнаго свойства, что есть во всемъ случаѣ одинъ важный пунктъ, на которомъ они всѣ сойдутся: и «Opinion Nationale», и французская цензура, и Пелдтанъ, и жандармы, сойдутся и выпьютъ за пониженіе рабочей платы, и этотъ-то тостъ намъ ручается за дальнейшее спокойствіе Европы.

Тамъ только, гдѣ эта сторона дѣла не выяснилась, тамъ только и остались еще политическія партіи, и такихъ мѣстъ въ Европѣ немного: два, три, не болѣе, да и тѣ еще за свою неразвитость называ-

ются въ настоящей Европѣ Азіей. У насъ напримѣръ пока еще дѣйствительно, что ни человекъ, то политическая партія, что ни встрѣча, то грубость и царапанье глазъ изъ-за убѣжденій, но мы знаемъ эти убѣжденія съ пятью или десятью тысячами дохода, и потому увѣрены, что такъ или иначе, а партіи эти должны примириться, и готовимъ себѣ одно изъ умилительнѣйшихъ зрѣлищъ.

Помирившись на одномъ словѣ, Европа могла затѣмъ понять, какой вѣсъ имѣетъ это слово въ самомъ испорченномъ сердцѣ, и какъ легко при его помощи дать устой самымъ зыбкимъ бродящимъ страстямъ, самымъ непостояннымъ элементамъ общества и направить, что называется, всякаго на путь истины. На досугѣ она могла серьезно поразмыслить, какъ легко предохранить себя на будущее время отъ повторенія пережитыхъ ссоръ. Главнымъ виновникомъ нашего враждованія, размышляла она, была до сихъ поръ литература, она насъ травила другъ на друга, и теперь мы знаемъ, почему; разсматривая положеніе благомыслящихъ классовъ, легко замѣтить, что у каждого изъ нихъ былъ свой балластъ. Онъ-то, какъ мы могли убѣдиться, и спасалъ ихъ отъ крайняго легкомыслія и, не смотря на страсть къ взаимному кровопусканію, заставлялъ вернуться къ покою. Разсматривая напротивъ положеніе неблагомыслящихъ, оказывается именно, что у нихъ недостаетъ балласта; и такъ понятно, что все дѣло въ балластѣ, литературный классъ не имѣетъ балласта, и вотъ почему онъ не имѣетъ устоя, почему предается постоянно легкомыслію. Изъ всѣхъ бѣлорабочихъ, сохранившихся въ обществѣ, одна литература не присутствовала во время оно при феодальномъ дѣлѣ балласта и потому была записана въ чернорабочіе, — а такое положеніе несогласно, съ другой стороны, съ той нравственной силой, которую она стала получать въ послѣднее время, и потому понятно, что оставлять ее въ такомъ положеніи не слѣдуетъ, нужно исправить грубую политическую ошибку и дать ей балластъ. Но какъ устроить послѣднее? Пробовали было ограничиться случайными пособіями и пожертвованіями, брали часть на казенное содержаніе, даже помышляли объ устройствѣ чего либо на подобіе *cités ouvrières*. Но эти полумѣры, какъ полумѣры, не помогли ничему равно. Дѣло говорило лено само за себя: нужно устроить литературу на феодальномъ началѣ, какъ единственномъ радикальномъ началѣ устоя, или имѣть въ ней постоянного безпокойнаго поборника, середины здѣсь нѣтъ, никакое нахлѣбничество не въ силахъ ее удовлетворять.

Вотъ почему примирившаяся Европа занимается съ нѣкоторыхъ поръ съ такимъ усердіемъ вопросомъ объ экономическомъ устройствѣ литературы: мнѣ кажется даже, что это единственный внутренний вопросъ, который ее занимаетъ теперь серьезно. Дѣлаетъ она это конеч-

но въ томъ разчетѣ, что рѣшивъ вопросъ литературы, можно будетъ со всѣми остальными покончить безъ всякой церемоніи. Кто же знаетъ, можетъ быть, оно и въ самомъ дѣлѣ окажется такъ; но всякомъ случаѣ нельзя отрицать извѣстнаго смысла и прозорливости въ томъ, что тутъ затѣвается. Одинъ изъ самыхъ догадливыхъ людей, императоръ Наполеонъ III, еще въ 1844 году, будучи принцемъ Наполеономъ, сказалъ Жобару: «произведеніе мысли есть такая же собственность, какъ земля или домъ; она должна пользоваться тѣми же преимуществами и подчиняться экспроприаціи только на общественныя нужды». Проницательный человекъ предвидѣлъ, чѣмъ собственно слѣдуетъ заняться внутренней политикѣ, вмѣсто того чтобъ заколачивать свинцомъ или бумажными тряпками щели въ старой пергородкѣ, изъ которыхъ выглядываютъ голодные лица рабочаго населенія; и дѣйствительно, обстоятельства не могли не подтвердить его догадливости.

27 сентября 1858 г. въ Брюсселѣ собирався конгрессъ писателей, ученыхъ, художниковъ, экономистовъ и юристовъ всѣхъ націй для рѣшенія вопроса о литературной рентѣ.

Предварительно, 15 августа Ламартинъ писалъ президенту конгресса нѣсколько словъ, которыя мы приведемъ какъ образецъ государственнаго смысла бывшаго министра республики 48 года. «Бельгія, страна умственнаго развитія по преимуществу, должна первая сдѣлать тотъ шагъ, который еще остается совершить въ устройствѣ настоящей собственности (*de la vraie propriété*). Одинъ софистъ сказалъ: *рента есть кража*. Вы ему отвѣтите, установивъ самую святую изъ рентъ, ренту мысли:—Богъ ее создалъ, человекъ долженъ ее признать». Отнявъ дипломатическую тошноту фразы въ переводѣ на русскій языкъ, вы можете повторить сами: ну, конечно, кому же какъ не Бельгій изобрѣтать новыя средства для устройства рентъ.

Не смотря на то, конгрессъ не удовлетворилъ ожиданіямъ Ламартина, и предложеніе создать литературную ренту было отвергнуто.

Этимъ дѣло конечно не кончилось; отвергнутая заѣсъ литературная рента вызвала въ свою защиту рядъ сочиненій со стороны писателей, извѣстныхъ Европѣ сколько своею ученостію, столько же и своимъ направленіемъ: Лабулэ, отецъ и сынъ, Фредерикъ Пасси, Викторъ Модестъ, Пальоле (съ предисловіемъ Жюль Симона), каждый по своему старались доказать разумность литературныхъ майоратовъ, но къ сожалѣнію безуспѣшно; въ 1861 г. собрался новый конгрессъ по тому же предмету въ Антверпенѣ, и литературная рента еще разъ потерпѣла неудачу. За тѣмъ ходили слухи, что соберется новый конгрессъ въ Парижѣ, въ Palais de l'industrie, но дѣло устроилось проще: вмѣсто того, чтобы развлекать занятыхъ гражданъ безплодными слово-

преніи, императорское правительство предпочло безтолковой формѣ всемірнаго конгресса краткія и болѣе точныя формы канцелярской процедуры: была назначена коммиссія подъ предсѣдательствомъ Вавлевскаго и вице-предсѣдательствомъ Персиньи изъ сенаторовъ, членовъ академіи; она должна была обсудить дѣло при закрытыхъ дверяхъ, изготovitъ проектъ закона и внести его на разсмотрѣніе законодательнаго корпуса. Такимъ образомъ дѣло могло быть кончено быстро, въ какія нибудь три недѣли, и главное, пренія по оному могли не остаться праздною болтовней частныхъ людей, а послужить къ оффициальному результату—вызвать законъ.

Разъ дѣло было бы кончено для Франціи, другія не замедлили бы уже послѣдовать ея примѣру: «Франція настоящая истолковательница свободы и ренты»; маршируя съ барабаннымъ боемъ подъ знаменемъ революціи, она прошла бы опять впередъ, другія сзади, и человѣческая мысль была бы эманципирована, какъ говорилъ Ламартинъ еще въ сороковыхъ годахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, то, чего не могли добиться два конгресса, составленные изъ такихъ избранныхъ, какъ В. Модестъ и Фред. Пасси, то весьма просто совершила коммиссія безъ всякаго шума и даже препирательства. Вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу безсрочной монополіи авторовъ и притомъ почти единодушно большинствомъ 18 голосовъ противъ 4.

Кто же эти четыре, можетъ быть, спросятъ,—представители свободной мысли? Нѣтъ, эти четыре самые близкіе друзья имперіи: Низаръ, Флурансъ, Дюпенъ и Дило. Представители свободной мысли: В. Гюго, Ламартинъ, Жюль Симонъ, Пеллтанъ, всѣ, сколько ихъ есть, за ренту. Какъ же иначе, изъ-за чего же и бранить имперіализмъ. Нѣтъ того разсудительнаго либерала, который захотѣлъ бы отказаться отъ такой славной вещи, какъ рентъ, хоть бы она была и литературная. Кто тутъ не за ренту, тотъ или старый контрафакторъ, или просто дуракъ.

Все это такъ, но несомнѣнно и то, что нашелся такой дуракъ, и свободные экономисты, защитники эманципаціи человѣческой мысли, чрезъ посредство литературныхъ монополій, были самымъ отчетливымъ образомъ уличены по этому поводу въ кругломъ невѣжествѣ, получили печатно мѣткій ударъ хлыста въ лицо и уличены въ шарлатанствѣ.

Въ то время, какъ работали Вавлевскій съ совѣтниками, въ Брюсселѣ печаталась брошюра: одинъ консерваторъ, не призванный ни въ конгрессы, ни въ коммисію, счелъ нужнымъ выразить печатно свое мнѣніе по вопросу и показать лишній разъ, что такое экономисты. Такъ какъ русскій читатель, хотя и называетъ себя свободно-мысля-

щимъ, но въ сущности черпаетъ свою свободу мысли исключительно изъ синагоги Мальтуса, то я не считаю лишнимъ познакомить его отчасти съ содержаніемъ брюссельской брошюры, и потомъ, для приѣбра свободномыслія, покажу, на сколько самъ авторъ брошюры въ свою очередь оказывается несвободно-мыслящимъ. Иначе, изложу сущность брошюры, а потомъ войду въ нѣкоторыя собственныя соображенія по тому же предмету.

Авторъ разсматривалъ вопросъ о литературныхъ рентахъ съ трехъ сторонъ: съ экономической, нравственной и эстетической, и нашелъ слѣдующее.

Съ экономической стороны всякое произведеніе ума человѣческаго представляется такимъ же продуктомъ, какъ хлѣбъ, водка, холстъ, словомъ,—все предметы матеріальнаго производства, которыми занимается политическая экономія. Человѣкъ производитъ ихъ или для собственнаго употребленія, или для обмѣна, и потому конечно нельзя оспаривать у сочинителя или изобрѣтателя право распорядиться своей рукописью тѣмъ или другимъ образомъ, то есть, оставить ее у себя, уничтожить или напечатать и продать. Иначе, ему очевидно принадлежитъ право пользованія плодами своего труда точно такъ же, какъ земледѣлецъ можетъ пользоваться хлѣбомъ, который онъ вырастилъ и т. д., но гдѣ же здѣсь рента? Если разсматривать условія земледѣльческаго производства, то легко понять, что кромѣ труда въ составъ его входитъ другой элементъ: силы природы, заключающіяся прежде всего въ условіяхъ почвы, въ землѣ. Эти-то производительныя силы почвы, безъ которыхъ невозможно земледѣльческое производство, люди передѣляли между собою, и они-то и составляютъ основаніе ренты. Словомъ, вы видите здѣсь два элемента совершенно раздѣльные: съ одной стороны, трудъ, представляемый умомъ и руками работника, съ другой, средства труда, представляемые прежде всего землей. Съ одной стороны продуктъ потребляемый, измѣняемый, уничтожаемый, съ другой, землю, элементъ не потребляемый, не уничтожаемый и постоянный. Въ произведеніяхъ ума вы видите первое, т. е. продуктъ труда, но гдѣ же второй элементъ, представляющій ренту или дающій ей мѣсто? Его очевидно нѣтъ, стало быть, въ нихъ и не можетъ быть рѣчи о рентѣ.

И такъ, литературное изданіе есть только продуктъ, и ничего болѣе, слѣдовательно, оно и должно подчиняться законамъ послѣдняго.

Всякій же продуктъ, или потребляется работникомъ, и въ такомъ случаѣ перестаетъ существовать, или обмѣнивается. Разъ мѣна совершена, онъ уже переходитъ во власть купившаго и перестаетъ существовать для производителя : таково неизбѣжное условіе обмѣна про-

дукта, а потому таково же должно быть послѣдствіе обмѣна литературнаго произведенія.

«Спойте мнѣ вашу повну, расскажите мнѣ вашу исторію, выучите меня вашему искусству, и васъ буду за это кормить, одѣвать и т. д. въ теченіи года, мѣсяца... но не ждите отъ меня ничего болѣе. Впданная ли вещь, чтобы наставники, прѣзжающіе изъ-за границы въ Россію, могли требовать сверхъ жалованья отъ своихъ учениковъ, чтобы послѣдніе не могли никого учить въ свою очередь?»

«Могутъ сказать однако, что такое объясненіе грѣшитъ въ своемъ основаніи, оно установлено на ложномъ сравненіи: продажа умственнаго труда не есть обмѣнъ, это скорѣе отдача въ заемъ, наемъ или пользованіе».

«Произведенія ума не уничтожаются, не претворяются съ пользованіемъ, какъ продукты матеріальныя, а слѣдовательно, они могутъ быть скорѣе подчинены условіямъ кредита, чѣмъ условіямъ обмѣна».

Но во первыхъ, самое предположеніе объ ихъ постоянствѣ ложно: произведенія ума точно такъ же старѣютъ и перестаютъ быть предметами годными для употребленія, всякое сочиненіе имѣетъ свой срокъ и свое время; во вторыхъ, кредитъ или заемъ есть въ сущности не болѣе, какъ видоизмѣненіе обмѣна, а потому если даже примѣнить эту юридическую форму къ произведеніямъ умственнымъ, то это нисколько не измѣняетъ положенія вопроса. Заемъ основанъ на такомъ же обмѣнѣ услугъ, и потому даетъ кредитору право на полученіе отъ должника процентовъ только до возврата капитала, а никакъ не безсрочно, точно такъ же, какъ наемъ даетъ это право хозяину отдаваемой въ наемъ или пользованіе вещи только до возврата самой вещи, т. е. все-таки на извѣстный срокъ. Никакой заемъ и наемъ не даетъ права на безсрочную ренту или безсрочное пользованіе процентами. Естественнo поэтому, что авторъ литературнаго произведенія можетъ уступить свое произведеніе какимъ хочетъ порядкомъ, продать его или за единовременную уплату вознагражденія, или за уплату извѣстнаго процента съ этого вознагражденія въ теченіи извѣстнаго срока. Отъ него зависитъ воспользоваться той или другой формой обмѣна, и противъ этого никто не споритъ. Вотъ и все, стало быть, чѣмъ можетъ помочь взглядъ на литературное произведеніе, какъ на ссужаемый капиталъ.

Но притязанія противниковъ конечно этимъ не ограничиваются, они домогаются гораздо большаго:—требуютъ установленія безсрочной ренты, что одинаково выходитъ уже какъ изъ границъ обмѣна, такъ и предѣловъ кредита.

Послѣднее могло бы совершиться на одномъ основаніи: слѣдовало

бы отыскать для умственного производства такой же самостоятельный, неизмѣнный фондъ, какимъ служить земля въ производствѣ матеріальномъ, и за такой фондъ можетъ быть принятъ развѣ лишь самый предметъ, эксплуатируемый авторомъ. Предметъ же этотъ видимо не такого свойства, чтобы его можно было передѣлить на подобіе земли:—предметъ этотъ составляетъ по самому существу своему общее достояніе, иначе, уподобляя право литературной эксплуатаціи праву на ренту съ земель, слѣдовало бы первому написавшему, положить, ариметику, какъ первому эксплуататору этого предмета, предоставить монополію надъ всѣми арифметиками, т. е. право взимать вѣчный доходъ или ренту со всѣхъ арифметикъ, которыя бы могли появиться въ послѣдствіи. Теперь понятно, чего въ сущности добиваются либералы синагоги Мальтуса: «Мы экономисты, никто не смѣй писать о трудѣ или рентѣ, кромѣ Виктора Модеста съ примѣчаніями Воловскаго, никто не смѣй издавать книгъ того же содержанія, кромѣ г. Гильомена съ компаніей».

Вотъ выводъ, къ которому ведетъ предполагаемое уравненіе литературной ренты съ поземельною.

Такимъ образомъ аналогія между матеріальнымъ и умственнымъ производствомъ, при помощи которой думали создать въ параллель одной ренты ренту литературную, при тщательномъ разборѣ, вмѣсто того, чтобы помочь дѣлу, доказываетъ только безразсудство замысла. Основной предлогъ ускользаетъ изъ рукъ и опровергается, какъ нельзя лучше самого себя; разъ умственное произведеніе сравнивается съ матеріальнымъ продуктомъ, оно даетъ право лишь на определенное вознагражденіе, которое можетъ происходить или одновременно, или въ видѣ извѣстнаго процента, уплачиваемаго до извѣстнаго срока. Требовать болѣе значило бы требовать не обмѣна, не кредита, ни даже ростовщичества, а крѣпостнаго права писателей надъ обществомъ и публикою, что было бы по крайней мѣрѣ въ десять разъ хуже личнаго рабства.

Этого совершенно достаточно для того, чтобы дать понятіе объ опроверженіяхъ автора, но отчасти для большаго ознакомленія читателя съ этой стороною вопроса, отчасти для удовлетворенія личнаго любопытства любителей экономическихъ сочиненій, издаваемыхъ Гильоменомъ, не лишнее выслушать также кое что изъ отзыва брошюры о доказательствахъ, представляемыхъ противной стороною.

Очевидно, что для того, чтобы знать въ настоящемъ случаѣ, что дѣлать, слѣдовало по крайней мѣрѣ быть умѣреннымъ въ одномъ терминѣ, служившемъ примѣромъ другому—знать, въ чемъ его сущность. Что же понимали экономисты въ сущности подъ рентой вообще, когда рѣшились устанавливать по ея примѣру литературную ренту?

Мы увидимъ, что между ними нѣтъ въ этомъ отношеніи ни одного мнѣнія, сколько нибудь похожаго на другое.

Вотъ что пишетъ объ этомъ авторъ брошюры.

Старые юристы выражались на этотъ счетъ круто, они говорили: рента основана на завладѣніи, и только. Пришли Монтескьё и Боссюэ, и сказали, что она основана на законѣ. Это также было довольно круто. Въ наше время, такое объясненіе было признано однако недостаточнымъ, и были придуманы два различныхъ толкованія. Тьеръ утверждалъ, что право на ренту основано на трудѣ. Ламартинъ повѣрилъ на слово Тьеру и написалъ вотъ что:

«Человѣкъ тратитъ силы для того, чтобы удобрить поле, вы ему даете право вѣчной наследственной ренты съ этого поля (если онъ ее купитъ, поэтъ!). Другой тратитъ жизнь, забывая и себя, и семью, для того чтобы подарить человѣчеству капитальное произведеніе или мысль, совершающую цѣлый переворотъ. Его произведеніе читается, его мысль идетъ въ ходъ, ею пользуется индустрія и торговля, и мысль творитъ матеріальныя богатства, которыя вывозятся и обогащаютъ страну. Всякій имѣетъ право пользоваться ея плодами, кромѣ самого изобрѣтателя, его вдовы и дѣтей, которые будутъ просить милостыню рядомъ съ частными состояніями, вызванными неблагоприятнымъ трудомъ ихъ отца изобрѣтателя».

Два слова, поэтъ: никто не мѣшаетъ самому изобрѣтателю воспользоваться своей мыслью прежде другихъ, такимъ же порядкомъ, какъ ей пользуются и другіе, и составить состояніе; никто не мѣшаетъ писателю купить поле на тѣ деньги, которыя онъ получаетъ за свои произведенія, такимъ же порядкомъ, какъ это предоставлено землевладѣльцу. Нѣтъ, вы хотите, чтобы право на ренту слѣдовало само собой для писателя, чтобы всякій написавшій листъ ромованной прозы, кромѣ того что могъ продать ее, становился бы помѣщикомъ въ 1000 руб. годового дохода. Согласны, если бы вы давали такое же право земледѣльцу, по крайней мѣрѣ, на тотъ клочекъ земли, который онъ удобрилъ своимъ трудомъ. Но вѣдь вы не дѣлаете послѣдняго; и такъ, почему же вы хотите, чтобы писатели пользовались особыми преимуществами?

«Ламартинъ,—замѣчаетъ по этому поводу брюссельскій авторъ,—принимаетъ бубны за доказательства, для него гипербола и восклицанія замѣняютъ логику, отъ него требуютъ опредѣленія, онъ рисуетъ картинку,—доказательства, онъ призываетъ боговъ, клянется душой, вызываетъ духовъ, плачетъ!»...

То, чего не могъ понять Ламартинъ, то очень хорошо поняли такіе гг., какъ Пасси и В. Модестъ, т. е. поняли, что выводить распределение ренты изъ начала труда—дѣло не подходящее; могутъ просто

спросить: почему же, если рента вытекает изъ труда, не всѣ трудящіеся собственники, — и все объясненіе погибло. Какъ же они рѣшили вопросъ?

Тутъ уже мы имѣемъ дѣло не съ римоплетами, не художниками, а потому вправѣ ожидать болѣе отчетливаго объясненія. Пасси нашелъ дѣйствительно другое объясненіе, почувствовалъ всю неловкость выводить ренту изъ частнаго или законодательнаго произвола или труда, онъ погрузился въ психологію, что же онъ нашелъ въ ней? Онъ нашелъ, что человѣкъ существо дѣятельное, разумное, свободное и индивидуальное или личное; въ силу этихъ-то свойствъ, онъ неминуемо стремится присвоить себѣ верховное обладаніе надъ вещами, его окружающими, сдѣлать ихъ принадлежностью своего лица, и вотъ въ чемъ начало ренты.

Другими словами, ея начало въ эгоизмѣ — но то же говорили легисты, утверждая, что начало ея въ завладѣніи: сказалъ ли іотой больше Пасси противъ того, что было сказано сотни вѣковъ назадъ, и что было признано экономистами за объясненіе варварское, годное только развѣ для феодальнаго времени! Онъ сказалъ не больше, а меньше, чѣмъ говорили юристы. «Можно признать, говоритъ брошюра, всѣ указанныя г. Пасси свойства человѣческой природы, можно принять эгоизмъ за основаніе настоящаго порядка, и все-таки это не приведетъ насъ къ рентѣ. Для удовлетворенія всѣмъ означеннымъ свойствамъ совершенно достаточно одного владѣнія вещью, что еще не есть, какъ извѣстно всѣмъ сколько нибудь знакомымъ съ дѣломъ, безсрочное право на ренту. Если мы будемъ сколько нибудь внимательны, то увидимъ, что одного владѣнія, какъ его устанавливаютъ всѣ кодексы, совершенно достаточно для удовлетворенія всѣхъ требованій политической экономіи, по системѣ учениковъ Мальтуса. Всѣ ихъ теоріи: производства, труда, обмѣна, кредита и т. д., могутъ бытъ выполнены при посредствѣ одного владѣнія. Конечно, никто болѣе ихъ не кричитъ о безсрочной рентѣ, но изъ-за чего они кричатъ, этого никто изъ нихъ не объяснилъ пока — и вѣроятно не объяснитъ, потому что ни одно изъ ихъ положеній не заключаетъ къ безсрочной рентѣ: — для нихъ собственно она вовсе не нужна, они до нея не доходятъ, не выводятъ ее, а находятъ готовою».

«Въ такомъ смутномъ положеніи находится вопросъ, говоритъ авторъ брошюры, когда я предпринялъ его разсмотрѣніе въ свою очередь. Разсматривая всѣ предложенныя объясненія, я старался доказать, что онѣ неудовлетворительны, — что фактъ завладѣнія есть только фактъ, а не принципъ, что авторитетъ законодателя заслуживаетъ уваженія, и что закону конечно слѣдуетъ повиноваться, но что это еще не объясняетъ сущности закона, что трудъ даетъ право на

вознагражденіе, но этихъ и ограничиваются его послѣдствія, и т. д. Изслѣдуя поэтому глубже вопросъ, я съ своей стороны не нашелъ въ его основаніи ничего, кромѣ факта завоеванія, признаннаго позже закономъ. Слѣдовало ли изъ этого, что я противъ ренты, какъ послѣ хотѣли вывести, — конечно нѣтъ; слѣдовало отсюда только то, что вопросъ оказывался не разъясненнымъ и подлежащимъ новому разсмотрѣнію.

«Вмѣсто того, чтобы сдѣлать выводъ, по примѣру предшественниковъ, я призналъ всѣ объясненія одинаково непослѣдовательными, отъ объясненій схоластиковъ до документовъ, и протестую вновь противъ всякаго гувернментализма, коммунизма и феодализма, я стоялъ за свободу индустріи, конкуренцію, семейство и наследственность, и — повторяю съ удвоенной энергіей, тѣмъ же голосомъ, тѣмъ же перомъ (?), что я врагъ монополіи, что рента — установленіе, которое ждетъ еще научнаго объясненія, но которое вовсе не слѣдуетъ уничтожать. Поэтому, сколько было бессмыслицы во всѣхъ испробованныхъ объясненіяхъ, столько же было бы глупости уничтожать теперь вещь, которой мы даже не поняли.

«Таковъ настоящій смыслъ моего взгляда, крайне консервативный и долженствующій привлечь на мою сторону много симпатій послѣ всего скандала, поднятаго моими негодными толкователями. Но есть вездѣ люди, для которыхъ всякое сужденіе о предметѣ кажется святотатствомъ. Для этихъ людей говорить о рентѣ то же, что ходить съ горящимъ факеломъ по пороховому погребу, что, я говорю впрочемъ, это значитъ отвращать глаза публики отъ ихъ шарлапанскихъ лепешекъ, предупреждать ее, чтобы она наблюдала за своими карманами. Сколько негодяевъ, обогатившихся ажіотажемъ, рекламами, водкой, ждетъ приближенія полиціи, лишь только зайдетъ разговоръ о рентѣ; я не встрѣтилъ до сихъ поръ ни одного рента — честнаго человѣка, которому были бы свойственны подобныя опасенія, я не знаю большаго стыда для цѣлой націи, какъ этотъ терроризмъ, овладѣвающий мыслью и обличающій конечно не уваженіе къ установленію, а только лицемеріе совѣстей.

«И такъ, очевидно, эти люди, создающіе одну ренту по примѣру другой, провозглашающіе себя печатно экономистами, юристами, философами, эти уродцы школы, ничтожество которыхъ стыдитъ аудиторию, не знаютъ даже, что такое рента, которую собираются поддѣлывать. Сколько головъ между ними, столько мыслей, ихъ непослѣдовательность превосходитъ вѣроятіе, и если кто осмѣлится доказывать пустоту ихъ ученій, то вмѣсто отвѣта они кричатъ: развратъ. Огвратительная шайка, на столько же нечистая, на сколько невѣжественная,

которую потомство обвинитъ къ современной политической кашѣ и кретинизмъ Франціи».

Этимъ оканчивается опроверженіе литературныхъ монополій со стороны экономической и юридической, этимъ исчерпывается, собственно говоря, положительное содержаніе брошюры, и потому я на этомъ и кончу выписки.

Все, что было до сихъ поръ сказано въ опроверженіе экономистовъ, не подлежитъ ни малѣйшей критикѣ. Синагога Мальтуса въ этомъ отношеніи явила самое безспорное доказательство умственного евнушества и была разбита безъ труда, растоптана, какъ муравейникъ, нѣсколькими ударами слова; я поэтому не прибавлю ни слова къ тому, что было противъ нея сказано.

Но вы могли уже замѣтить, и мы увидимъ сейчасъ еще яснѣе, что авторъ брошюры, сплывшій въ борьбѣ съ экономистами, такъ же неодинаково хорошо видитъ на оба глаза: умѣя наблюдать, онъ не на столько же умѣетъ вести до конца свою критику и не вполне владѣетъ своими собственными мыслями. Кончивъ съ юридической стороной вопроса, онъ переходитъ къ нравственной и здѣсь доказываетъ, что умственное производство и матеріальная плата за него суть понятія несонзмѣримыя, а потому ставить ихъ рядомъ бессмысленно. Что подчиненіе литературы условіямъ экономической выгоды есть ея уничтоженіе, порабощеніе и деморализація, доказываетъ словомъ, что плата за умственный трудъ безнравственна, и чертитъ длинную картину упадка французскаго общества вслѣдствіе продажности умственного труда.

Все это опять совершенно вѣрно, но что же далѣе, какой выводъ изъ всей борьбы? Тотъ ли, что литературныя произведенія должны даваться совершенно даромъ, или онѣ должны давать право на одно вознагражденіе по примѣру всякаго труда. Изъ тѣхъ опроверженій, которыя представила брошюра въ экономическомъ смыслѣ, читатель узналъ, какія побудительныя причины заставили поднять вопросъ о литературныхъ монополіяхъ, узналъ, что все дѣло состояло въ матеріальномъ обезпеченіи писателей, и что монополіи, предложенныя экономистами, оказываются нелѣпостью, а потому долженъ былъ остановиться на простомъ вознагражденіи. Какой же выводъ онъ долженъ сдѣлать теперь? Затронувъ нравственную сторону дѣла, брошюра сказала уже совершенно другое. Ибо, если зависимое положеніе литературы отъ денежнаго вопроса вообще безнравственно, то эта безнравственность будетъ имѣть мѣсто во всякомъ случаѣ, въ какомъ бы мы видѣ ни допустили вознагражденіе писателей, въ видѣ ли безсрочной ренты, или въ видѣ покупной цѣны за товаръ. Обращая вниманіе поэтому на нравственную сторону вопроса, оставалось не только

отказать литературѣ въ монополіяхъ, но отказаться ей въ какомъ бы то ни было вознагражденіи, заставить ее работать даромъ. Таковъ строгій логическій выводъ изъ посылокъ, совершенно неоспоримый. На немъ слѣдовало остановиться для того, чтобы продолжать рѣшеніе вопроса, который видимо не былъ разъясненъ еще вовсе ни отрицаніемъ монополій, ни указаніемъ на безправственность венаальнаго положенія литературнаго труда, а былъ развѣ только поставленъ кореннымъ, настоящимъ образомъ. Оставалось спросить, чѣмъ же должна жить и питаться литература, если она не должна имѣть права на вознагражденіе, или слѣдуетъ предоставить право сочинять книги однимъ достаточнымъ и обеспеченнымъ людямъ. Словомъ, оставалось разрѣшить очевидное и существенное противорѣчіе между положительными требованіями съ одной стороны, и положительной невозможностью съ другой—удовлетворить этимъ требованіямъ. Что же сдѣлалъ авторъ, попытался ли онъ искать средства къ разрѣшенію противорѣчія? Указалъ ли онъ, по крайней мѣрѣ, на него явно съ своей обычной смѣлостью и добросовѣстностью?

Нѣтъ, онъ не сдѣлалъ даже послѣдняго, онъ какъ будто хотѣлъ оставить его въ тѣни, ступать пространнѣе повѣствованіемъ о подлости писателей современной Франціи.

Можно было подумать, что благороднаго гнѣва и авторскаго выговора можетъ быть достаточно для того, чтобы заставить замолчать въ людяхъ корысть, или одного отрицанія монополій для того, чтобы исправить литературу. Если она дошла дѣйствительно до послѣдней степени развращенія, въ чемъ игралъ какую нибудь роль денежный вопросъ, и случилось это при отсутствіи монополій, то стало быть, одного взгляда на литературу, какъ на товаръ, достаточно, чтобы сдѣлать изъ нея то, что она теперь представляетъ; а потому, взявшись за литературный вопросъ, нельзя было думать, что отвѣчаемъ на него, доказавъ, что экономисты весьма наивные люди, если воображаютъ, что въ умственномъ производствѣ можно отыскать какой нибудь фондъ для образованія новаго вида ренты.

Но мы знаемъ давно, что авторъ брошюры болѣе мастеръ открывать противорѣчія, чѣмъ рѣшать ихъ, что его сила вообще болѣе критическая.

Въ тридцатыхъ годахъ вышла его книга объ экономическихъ противорѣчіяхъ, и эта книга опредѣлила уже сильныя и слабыя стороны писателя. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлалъ много добра въ томъ же духѣ, указавъ много негѣпаго и неразрѣшеннаго: все, что онъ ни писалъ съ тѣхъ поръ, было образцомъ критической силы, но какъ слаба была положительная сторона его первыхъ трудовъ, какъ бѣденъ его

синтезисъ въ самомъ началѣ, такъ же слабъ остался онъ до сихъ поръ и ни на юту не выигралъ въ опредѣленности.

Разсказывая экономическія противорѣчія, авторъ тогда уже отказался, собственно говоря, отъ вывода практическаго и положительнаго, не зная, какъ выйти изъ поднятыхъ затрудненій; онъ думалъ объяснить дѣло отвлеченной гипотезой разложенія всего сущаго на противорѣчія, которыя сочетаются контрбалансируя другъ друга, и дать выводъ метафизическій. Но мы знаемъ, что такое метафизическіе выводы въ дѣлѣ науки: если простиительно было въ нихъ вѣрить въ началѣ столѣтія, то теперь извѣстно, что это не дѣло науки, а дѣло воображенія, дополненіе словами того пробѣла, который остается въ знаніи.

Онъ сказалъ, что разрѣшеніе противорѣчій есть балансъ тѣхъ экономическихъ категорій, борьбу которыхъ онъ выставилъ. Но всякій знаетъ, что словомъ балансъ ровно еще ничего не сказано, что это не опредѣленная арифметическая величина, а алгебраическій X . Не угодно ли вамъ допросить, есть ли балансъ въ рабствѣ — есть, въ китайской имперіи — есть, въ гувернментализмѣ Луи Блана — опять есть, у Фурье также есть. Недавно въ сочиненіи «De la justice» авторъ хотѣлъ замѣнить балансъ другимъ словомъ — *справедливость*, но и это нисколько не подвинуло дѣла, ибо и это слово такое же пустое отвлеченіе, такая же пустая форма мысли: она не могла пояснить даже самому автору, справедливо или нѣтъ смотрѣть одной половиной рода человѣческаго на другую, т. е. мужчинѣ на женщину, какъ на домашнюю утварь, потому только, что послѣдняя говоритъ дискантомъ, а не басомъ, и по росту не годится въ тамбуръ-мажоры.

Вотъ почему и въ настоящемъ случаѣ онъ далъ намъ только критическій матеріалъ, не сведенный вовсе въ порядокъ, далъ противорѣчія, завелъ читателя въ лѣсъ, нагрузилъ его голову невѣдомыми сомнѣніями, отнял у него вѣру сперва въ литературныя монополіи, казавшіяся ему такимъ ученымъ дѣломъ у В. Модеста, а потомъ и вѣру вообще въ литературу, покупаемую въ лавкахъ; словомъ, посыпалъ песку въ глаза и затѣмъ бросилъ, не соблюдая даже приличія какъ прежде, не сказавъ, что все дѣло въ балансѣ или справедливости.

Для поясненія онъ напомнилъ другой вопросъ, по которому онъ когда-то оставилъ читателя въ такомъ же точно замѣшательствѣ и такъ же бросилъ его неразрѣшеннымъ. Въ суммѣ онъ далъ такой выводъ. Мы не знаемъ, что такое рента вообще, и потому не имѣемъ никакого права строить по ея примѣру другую. Но вѣдь тотъ, кто строилъ ренту и въ первомъ видѣ, столь же мало зналъ о ней, сколько и настоящіе законодатели о литературной собственности, и потому всѣ

возраженія противъ послѣднихъ имѣютъ силу только до тѣхъ поръ, пока послѣдняя не вошла въ законъ, а разъ это сдѣлается, онъ долженъ будетъ преклониться передъ литературной рентой въ свою очередь, точно такъ же, какъ преклоняется передъ первою, потому только, что она составляетъ фактъ. Послѣдствія ренты въ обоихъ случаяхъ одинаковы, и онъ не будетъ имѣть права указать на вредъ этихъ послѣдствій, ибо ему скажутъ его же собственными словами: никто не имѣетъ права жаловаться на то, чего онъ даже не понимаетъ, а вы не поняли оригинала и потому и не имѣете права спорить противъ контрфакціи; другое дѣло, если бы вы спорили точно такъ же противъ оригинала, какъ спорите теперь противъ копій, тогда была бы послѣдовательность въ вашихъ мысляхъ, а теперь нѣтъ послѣдовательности, и вы должны въ свою очередь замолчать и извиниться передъ экономистами. Да и кто вамъ сказалъ, что они хотѣли отыскать новый фондъ для ренты въ литературномъ производствѣ? Напрасно вы будете говорить, что въ литературномъ дѣлѣ нельзя отыскать фонда, представляющаго ренту; что за бѣда, скажутъ вамъ, — если есть только одинъ фондъ, представляющій ренту, то онъ можетъ служить и литературной рентѣ. Пусть только гарантію литературныхъ рентъ приметъ на себя фискъ, отнеся ихъ на счетъ бюджета, и дѣло становится возможно, и будетъ уже основано не на литературномъ фондѣ, а на томъ, предъ которымъ вы преклоняетесь, сами отзываясь его непониманіемъ.

Что же, неужели въ самомъ дѣлѣ такъ трудно быть послѣдовательнымъ и доводить эту послѣдовательность до самой сущности дѣла?

Неужели, во первыхъ, такъ трудно понять сущность оригинала, и почему съ такой энергіей настаиваетъ авторъ, что мы его не поняли? Самъ онъ замѣтилъ вѣдь, что экономисты не знаютъ сами, почему они такъ часто говорятъ о рентѣ, что всѣ ихъ категоріи, всѣ существующія рутинныя условія обмѣна, распредѣленія и производства дѣйствуютъ и осуществляются совершенно независимо отъ понятія безсрочнаго права на ренту, довольствуясь однимъ владѣніемъ или пользованіемъ ея. Въ самомъ дѣлѣ, неужели рента требуетъ непременно безсрочнаго права на нее посторонняго собирателя? Собрать вѣдь ренту можетъ, во первыхъ, самъ обрабатывающій поле, во вторыхъ, общество: это несколько не измѣнитъ хода экономическихъ отъправленій. Отсюда слѣдуетъ ясно, что монополизированная рента выходитъ изъ круга экономическихъ познаній, а слѣдовательно, и изъ частной домашней матеріальной сферы, что она должна принадлежать къ роду явленій не экономическихъ, или гражданскихъ, или общественныхъ, ибо послѣдніе не заключаютъ къ ней. А этого съ другою

стороны совершенно достаточно, чтобы указать, къ какому ряду явлений она можетъ принадлежать, если не къ экономическому.

Только въ настоящее время, когда она потеряла съ ходомъ исторіи въ значительной степени свой рѣзкій опредѣленный характеръ, могли родиться сомнѣнія, къ какого рода явленіямъ она должна быть причислена.

Восходя же въ исторію, не трудно открыть такіе признаки этого выродившагося явленія, которые не оставляютъ никакого сомнѣнія на счетъ его настоящей природы. Эти признаки убѣждаютъ насъ, что явленіе это не хозяйственное, а чисто политическое, патріархальное или военное; спрашивать у древняго феодала, на какомъ основаніи онъ владѣетъ феодаломъ, значитъ все равно, что спрашивать у киргиза, на какомъ основаніи онъ пасетъ свое стадо; все это явленія безотчетныя, не имѣющія другаго основанія, кромѣ личнаго аппетита и выгоды съ одной стороны и личной невозможности защититься отъ чужаго аппетита съ другой. Натомъ же самомъ началѣ патріархальной власти, территорія была разбита когда-то на самостоятельные феодальные союзы. Глава такого союза пользовался всѣми условіями полновласти, онъ судилъ, взымалъ пошлины, ставилъ таможи, бралъ рекрутъ. Онъ самъ, въ свою очередь, могъ состоять въ такомъ же зависимомъ отношеніи къ болѣе сильному феодалу, могъ платить ему дань, но это было уже различіе въ степени, различіе внѣшнее, которое то увеличивалось, то уменьшалось отъ случайныхъ обстоятельствъ; въ сущности же союзъ, которымъ онъ правилъ, былъ осколкомъ государства, политическимъ цѣлымъ; заключавшимъ миръ и войну, расширявшимъ свои предѣлы военными средствами и смирившимся только передъ внѣшней силой большаго союза. Территоріальная рента входила въ составъ власти начальника такого союза, только какъ одинъ элементъ; кромѣ того, сюда входило такое же право неограниченной власти надъ лицами, и т. д. Но въ феодальную эпоху такой союзъ существовалъ уже въ болѣе смягченной и медиатизированной формѣ, властью главнаго феодала въ формѣ крѣпостной.

Если же мы обратимся къ еще болѣе древнему времени, то мы увидимъ въ самыя позднія времена древней исторіи слѣды еще болѣе рѣзко очерченной власти лицъ надъ лицами, внутри народной жизни, увидимъ союзы съ правомъ жизни и смерти, принадлежащимъ главѣ надъ женой, дѣтьми и рабами. Такова была римская фамилія или семейство въ самыя позднія времена республики, такова была вообще вездѣ первобытная семейная или родовая община.

Съ ходомъ исторіи, гдѣ центральная власть усиливалась, она стягивала въ свои руки все болѣе и болѣе личную власть феодаловъ надъ зависимыми отъ нихъ населеніями, выговаривая себѣ право регалій,

выговаривая права суда надъ важнѣйшими преступленіями; но слѣды такой власти сохранялись на западѣ весьма явственно до настоящаго столѣтія въ крѣпостномъ правѣ, наконецъ и послѣднее было разрушено, пропали послѣдніе слѣды политической власти лица надъ лицомъ, и зависимость приняла другую форму, экономическую.

Послѣ этого начало это потеряло уже самые рѣзкіе признаки своего политическаго характера и могло легко быть принимаемо ошибочно за начало чисто хозяйственнаго порядка, но не смотря на то, до послѣдняго времени сохранилось довольно указаній на его чисто политическую природу, это прежде всего—власть надъ лицами черезъ вліяніе на рабочую плату.

Европейскій конституціонализмъ, какъ бы онъ ни былъ слабъ и неудаченъ мѣстами, вышелъ и утвердился, сколько извѣстно, не на чемъ иномъ, какъ на этомъ началѣ.

Потерявъ съ виду всѣ политическія права, западные феодалы удержали тѣмъ не менѣе одно изъ нихъ, право политической власти на землю. Вотированіе налога требовало санкціи собственниковъ до послѣдняго времени, и это послужило зародышемъ и опорой государственному представительству; тамъ же, гдѣ развивлось послѣднее, цензъ или рента стали опять мѣрой участія лица въ политической власти.

Послѣ этого едва ли можетъ быть какое либо сомнѣніе на счетъ природы ренты: это остатокъ патріархальной власти въ рукахъ частнаго человѣка, удержанный имъ отъ феодальной эпохи. А если это такъ, то понятно, что, какъ явленіе патріархальное, рента и не можетъ представить за себя никакихъ объясненій, кромѣголаго факта; и было бы весьма странно думать, что эти объясненія когда нибудь будутъ найдены.

Зная теперь сущность явленія, мы знаемъ его свойства и можемъ опредѣлить его послѣдствія, а потому можемъ отвѣтить въ точности на вопросъ, что значитъ вводить литературныя монополіи? Значитъ это естественно—усиливать политическую власть въ рукахъ частнаго человѣка. Прямой политической власти конечно здѣсь не будетъ.

Политическое начало въ томъ измѣненномъ выродившемся видѣ, въ какомъ оно сохранилось въ частномъ бытѣ, не даетъ права ни лично судить людей, ни наказывать, ни распоряжаться ихъ браками; оно даетъ вамъ право на чужой трудъ. Но разберите внимательно то, что давала политическая власть средневѣковому барону или римскому *paterfamilias*, и вы убѣдитесь, что и тамъ въ сущности ничего не было другаго, кромѣ власти надъ трудомъ, что право суда и наказанія были только охранительными средствами этой власти и были нужны, пока заботу объ этихъ средствахъ не хотѣло принять на себя государство.

Разъ власть надъ трудомъ стала охраняться другимъ порядкомъ, государственнымъ, и правительство стало достаточно сильно организовано для этого, политическое начало въ частномъ быту сошло на свою сущность, на право на $\frac{1}{10}$ или трудъ.

И такъ, практическій результатъ введенія литературной ренты можетъ быть опредѣленъ теперь очень просто. Съ одной стороны, это—увеличеніе числа лицъ, имѣющихъ право на ренту; увеличеніе той доли общей народной ренты или общаго чистаго дохода страны, которая поступаетъ въ руки лицъ, имѣющихъ узаконенное право на полученіе ренты,—съ другой уменьшеніе той доли дохода, которая остается въ рукахъ работника; съ одной, увеличеніе дохода въ рукахъ лицъ экономически самостоятельныхъ,—съ другой, уменьшеніе рабочей платы, словомъ, не что иное, какъ новый налогъ, взимаемый съ общества вслѣдствіе усилившейся власти надъ лицами въ частномъ быту.

Теперь, такъ какъ всякій свободный доходъ влечетъ за собой совершенно различныя послѣдствія, смотря по тому, остается ли въ рукахъ рабочаго, или поступаетъ къ лицамъ независимымъ отъ работы, то не трудно также указать, какія общія экономическія послѣдствія должны выйти отсюда. Рабочій классъ, сохраняя въ своихъ рукахъ свободный доходъ, примѣняетъ его къ новому выгодному производству, и черезъ то увеличиваетъ народную производительность и богатство страны. Лица же, независимыя отъ работы, тратятъ тотъ же доходъ на предметы потребляемые и не служащіе никакому новому производству. Черезъ это съ одной стороны увеличивается масса потребленія, и извлекается изъ обращенія большая доля производительныхъ средствъ, или того, что въ политической экономіи принято называть капиталомъ, а слѣдовательно, съ другой стороны, въ такой же степени уменьшается количество производства. Попятно, что такой процессъ можетъ вести только къ одному результату, это — истощенію производимости и народному обѣдѣнію.

Это первое послѣдствіе, которому должна служить литературная рента, до котораго экономистамъ школы Мальтуса нѣтъ, конечно, никакого дѣла.

Второе послѣдствіе совершенно иного рода, и на него-то уже прямо рассчитываютъ экономисты.

Съ учрежденіемъ литературной ренты, вы можете думать, литераторъ перестанетъ уже быть тѣмъ, чѣмъ онъ былъ прежде. Онъ былъ работникомъ, и социальное его мѣсто было поэтому въ ряду ремесленниковъ, теперь онъ перейдетъ на сторону независимыхъ отъ труда состояній, и потому приметъ естественно къ сердцу интересы этихъ состояній. Черезъ это увеличится въ обществѣ классъ устойчивый,

охранительный, который будетъ сдерживать, подъ видомъ общественнаго мира, развитіе народной производительности, развивать постепенно бѣдность и вести страну къ раззоренію, какъ мы только что показали немногимъ выше.

Дѣйствительно, все это случится, и классъ устойчивый увеличится, только онъ будетъ состоять въ весьма малой долѣ изъ литераторовъ. Такъ было бы оно, пожалуй, если бы литературная рента была не отчуждаема и составляла наслѣдственный доходъ сословія литераторовъ или ученыхъ, но теперь послѣдствія литературной ренты будутъ другія. Будетъ, конечно, всегда нѣсколько избранныхъ между литераторами, пользующихся рентой, и этого будетъ достаточно для того, чтобы давать общій тонъ литературѣ, но главнымъ образомъ, при посредствѣ литературной ренты, будетъ увеличена масса собственниковъ, совершенно чуждыхъ литературѣ, ибо литературная рента по смерти ея перваго пріобрѣтателя будетъ переходить не къ писателю, а къ его сыну, лицу совершенно постороннему литературѣ, который безъ того былъ бы голышемъ и чернорабочимъ, а теперь станетъ собственникомъ. Каждый же писатель долженъ будетъ лично хлопотать и добиваться новой ренты.

Такимъ образомъ, число собственниковъ должно будетъ приливать немовѣрно быстро, масса монополій расти и переходить въ руки совершенно постороннихъ людей, благодаря трудамъ вновь прибывающихъ съ каждымъ годомъ счастливыхъ писателей или, что то же, возрастая новый налогъ на трудъ, скрывающійся подъ болѣе благозвучнымъ названіемъ ренты. Все это можетъ привести къ тому, что потребление превзойдетъ продуктъ, что производительность не въ состояніи будетъ выплатить этого налога или ренты. Но классъ литераторовъ останется все-таки необезпеченнымъ. Будутъ литературные собственники, но литераторовъ-собственниковъ будетъ очень мало; затѣмъ положеніе всѣхъ остальныхъ литераторовъ ухудшится.

Составляя основной фондъ рабочаго класса литераторовъ и ученыхъ, рента облегчила бы и увеличивала умственное производство, она обезпечивала бы необходимыя потребности для лицъ, посвящающихъ себя умственному труду, давала бы имъ возможность пріобрѣтать средства и пособія, прямо служащія учено-литературному труду, не заставляла бы ихъ писать по заказу, или писать не то, что слѣдуетъ, а за что дороже платятъ, словомъ, умственный трудъ имѣлъ бы менѣе причинъ становиться спекуляціей. Но именно этого-то и не хотятъ экономисты, они хотятъ напротивъ увеличить только число лицъ, получающихъ ренту, наложить лишній налогъ для содержанія большаго числа лицъ непродизващихъ, зная очень хорошо, какія послѣдствія отсюда должны выйти для массы литераторовъ. Мы

знаемъ одно капитальное свойство увеличенія налога, это—свойство понижать рабочую плату; и такъ, въ результатъ масса ученыхъ и литераторовъ подвергнется одной участи съ рабочими, положеніе ея станетъ еще хуже, чѣмъ теперь. Отсюда выйдетъ то, что литературный трудъ станетъ еще менѣе свободнымъ, чѣмъ теперь, что купить его будетъ гораздо легче, чѣмъ прежде, и мысль будетъ находиться въ полной зависимости отъ ея покупателей, будетъ писаться лишь то, чего прямо захочетъ этотъ покупатель, и ничего болѣе.

Вотъ чего собственно хотятъ экономисты для литературы: они хотятъ произвести въ ней то же раздѣленіе, которое защищаютъ вообще въ обществѣ, установить новый налогъ, надѣлять имъ постоянно нѣсколькихъ избранныхъ, съ тѣмъ, чтобы увеличивать, въ лицѣ ихъ наслѣдниковъ, достатокъ людей совершенно постороннихъ литературѣ, но за то сдѣлать уже совершенно невозможнымъ существованіе литературнаго рабочаго. Хотятъ, словомъ, литературной аристократіи и литературнаго пролетаріата.

Тѣмъ лучше, говоритъ читатель, малосмыслящій въ экономіи; въ литературѣ останутся одни только первоклассные писатели, которые въ состояніи будутъ добывать ренту и себѣ, и своему потомству, одни первоклассныя перья, а тѣ, которые пишутъ только изъ хлѣба, займутся чѣмъ нибудь другимъ.

Но во первыхъ, экономисты еще намъ не сказали, на какомъ основаніи и кому они будутъ давать ренту, дѣйствительно ли первокласснымъ писателямъ; а главное дѣло вотъ въ чемъ: все до сихъ поръ сказанное только и вело къ тому, чтобы объяснить, что литературное производство входитъ въ составъ нашей же экономіи, и потому учредить литературную ренту мы можемъ только неизбежно увеличивъ общую ренту; увеличить же общую ренту значитъ повысить вообще рабочую плату для всѣхъ работниковъ, будутъ ли они литературные, или фабричные, — это все равно. Вотъ и отвѣтьте мнѣ, куда дѣнутся литературные рабочіе: какимъ это другимъ производствомъ они займутся. Последнее было бы возможно, если бы рабочая плата вообще оставалась та же, и понизилась одна литературная плата и стала ниже фабричной. Тогда конечно, вмѣсто того, чтобы идти въ сочинители, учителя и такъ далѣе, люди безъ средствъ пошли бы прямо въ батраки, или фабричные поденщики, но такъ какъ одна плата не можетъ повыситься безъ другой, литературная же плата вообще выше фабричной, то понятно, что всѣ останутся на своихъ мѣстахъ, только положеніе всѣхъ ухудшится и станетъ зависимѣе.

Теперь кажется ясно, что положеніе рабочаго опредѣляется вообще рентой, и что слѣдовательно тупо искать средствъ въ улучшеніи положенія литературнаго труда въ увеличеніи ренты, а напротивъ

должно искать ихъ въ ея пониженіи. А черезъ нѣсколько строкъ должно стать ясно, что та же рента служитъ мѣриломъ нравственности, безпрепятственности труда; конечно, при этомъ также все равно, идетъ ли рѣчь о литературномъ, или другаго рода трудѣ. До этого-то послѣдняго соображенія никакъ не могла дойти брюссельская брошюра. Для нея по видимому литераторы дѣйствительно пьютъ, ѣдятъ и плодятся по совершенно инымъ законамъ, чѣмъ все остальное. Выше мы видѣли, что какъ для нея рента вообще была одно, — нѣчто такое, что она отказывалась понять, — а литературная рента другое; теперь увидимъ, что и литературный трудъ для нея совсѣмъ не то, что остальной.

Положеніе литературнаго труда и безъ того дурно, оно безнравственно, — говоритъ брюссельская брошюра, и старается показать, что литературный трудъ требуетъ совершенно другихъ условій, чтобы быть нравственнымъ, что если можно шить сапоги за деньги, то писать книги слѣдуетъ даромъ. «Всякій авторъ, который можетъ жить на готовыя средства, говоритъ брошюра, и который извлекаетъ копѣйку отъ своихъ сочиненій, унижаетъ свое достоинство. И слѣдуетъ называть униженіемъ для бѣднаго писателя необходимость, въ которую онъ поставленъ, входить въ сдѣлку съ издателемъ». Продолжая на тотъ же мотивъ, мнѣ бы хотѣлось задать слѣдующій вопросъ автору: видитъ ли онъ, или нѣтъ, какое нибудь униженіе въ другихъ положеніяхъ, хоть бы для примѣра, въ положеніи поденщика, очищающаго помойныя ямы, и кто болѣе униженъ, литераторъ, входящій въ сдѣлку съ издателемъ, или лица, только что приведенныя въ примѣръ? Очевидно, что трудъ безнравствененъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ; безнравственность, стало быть, не зависитъ отъ вида труда, а какой бы мы трудъ ни взяли, физическій или умственный, онъ становится при извѣстныхъ условіяхъ безнравственнымъ и унижающимъ достоинство человѣка. Условія, унижающія трудъ, также очевидны: это вовсе не венальность труда, въ которой видитъ авторъ униженіе литературы, — всякій трудъ и во всякомъ случаѣ веналенъ, ибо всякій трудъ имѣетъ въ виду добыть продуктъ, потребный для возстановленія силы, тратящейся человѣкомъ ежеминутно. Всякій изъ насъ ѣстъ, пьетъ, словомъ, возстановляетъ силу, если даже онъ вовсе не работаетъ, а потому получаетъ, собственно говоря, изъ общаго продукта вознагражденіе за свою работу или за свою лѣнь. Въ вознагражденіи за трудъ, стало быть, нѣтъ ничего унижительнаго, и сказать противное было бы то же самое, что утверждать, что унижительно ѣсть, пить, спать, смотрѣть, ходить и т. д.

Унижительность труда зависитъ очевидно отъ другаго условія: безнравственъ всякій трудъ, который выбирается и исправляется не-

свободно, потому что такой трудъ ставитъ человѣка явно въ зависимость отъ прихоти другаго человѣка. Отсюда для нравственности труда, стало быть, нужно, чтобы этотъ трудъ давался свободно, т. е. чтобы человѣкъ могъ выбирать между видами труда и находилъ всегда возможность примѣнять свою силу, не стѣсняясь посторонними условіями, угнетающими свободное отношеніе къ дѣлу, и слѣдовательно, уничтожающими нравственное достоинство труда.

Останавливаемся теперь и спрашиваемъ: когда трудъ долженъ становиться независимѣе, — когда онъ оплачивается лучше или хуже, при повышеніи или при пониженіи рабочей платы. Строгіе экономисты заботясь о литературныхъ майоратахъ, чего добраго, скажутъ, что оно дѣйствительно такъ и есть, что положеніе рабочаго тѣмъ лучше, чѣмъ онъ менѣе получаетъ, но вообще кажется слѣдуетъ полагать, что человѣкъ тѣмъ независимѣе въ средствахъ къ жизни, чѣмъ онъ болѣе получаетъ. Независимость, стало быть, и нравственность труда должны возрастать по мѣрѣ возвышенія рабочей платы. Отсюда для того, чтобы вывести трудъ изъ зависимаго положенія, слѣдуетъ такъ или иначе поднять рабочую плату, поднять же рабочую плату можно только на счетъ ренты. И такъ, вопросъ о нравственности и независимости труда сводится къ пониженію ренты. Тутъ нѣтъ никакого виціозерства, потому что судьба ренты всегда во власти закона.

И такъ, изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что рѣшить положеніе умственнаго труженика или литературнаго рабочаго есть только одно средство, — это рѣшить положеніе рабочаго вообще; рѣшить же послѣднее можно только на счетъ ренты.

ТРИ ПОКОЛѢНІЯ.

ПОВѢСТЬ.

Часть третья.

I.

14 февраля 1850 года, на одной богатой дачѣ близъ лѣснаго института давался пикникъ. Баснословная цѣна входныхъ билетовъ и имена распорядителей нашихъ первостатейныхъ негоціантовъ были надежными поруками за роскошь этого праздника.

Восьмой часъ вечера; ярко освѣщенныя комнаты биткомъ набиты гостями, но танцы почему-то еще не начинались. Къ смутному говору и шарканью примѣшиваются по временамъ раздающіеся съ эстрады взвизгъ флейты или урчанье контробаса, будто ржанье нетерпѣливыхъ коней. Гости ниже второй гильдіи, капиталиста менѣе ста тысячъ, здѣсь не отыщете; здѣшнее общество цвѣтъ, эссенція, сливки нашего торговаго и промышленнаго міра...

Главный распорядитель Иванъ Петровичъ Темниковъ — по платью, по манерамъ чистый англичанинъ, такъ и мечется изъ стороны въ сторону. То пошепчется съ супругой, Любовью Дмитривной, то охорашиваетъ младшую дочку, Бетси; то слова два скажетъ старшей, Мери... Въ прихожую выбѣгаетъ ежеминутно.

Чуть новое лицо, онъ бросается на встрѣчу, но здоровается съ такой кислой миной, что такъ вотъ и видно, что ошибся.

Танцы все не начинаются, а гости прибываютъ да прибываютъ. Вотъ явился, наше солнышко, Ваничка Вохинъ со свитой полупьяныхъ прихлебателей. Ему прощается многое, за то, что денегъ много. Слѣдомъ за нимъ явился другой шалунъ, Миша Чурбаковъ. Этотъ славился на счетъ умѣнья поврать, и за это очень былъ любимъ замужними негоціантками и перезрѣлыми барышнями; особенно отличается на свадьбахъ, гдѣ его присутствіе почитается даже необходимымъ. Но всѣхъ гостей не перечесть.

— Странно, очень странно! — сказалъ Темниковъ своей женѣ, чуть ли не въ двадцатый разъ возвращаясь изъ прихожей. — Неужели не будетъ?

— Какъ это можно? отвѣчала та по англійски. — Ты самъ привезъ билетъ, отецъ далъ слово. Нѣтъ, непременно будетъ, только попозже.

— Девять часовъ. Надобно пачать танцы.

— Вели начинать. А въ карты усадилъ?

— Давно. — Мери!

Отъ фаланги барышень отдѣлилась стройная рыженькая дѣвица лѣтъ семнадцати и подошла къ Темникову.

— До его пріѣзда, шепнулъ онъ ей на ушко, украшенное чуднымъ солитеромъ: — не обращай никому ни кадриля, ни мажурки.

— Знаю, папа.

— Съ нимъ, пожалуйста, будь поласковѣе.

— И объ этомъ вы мнѣ уже сто разъ говорили! отвѣчала барышня съ досадой.

Музыканты грянули вальсъ и пара за парой закружились по гладко наощенному полу. Взмолчался ароматный воздухъ, заколебалось пламя на свѣчахъ люстръ и канделябровъ. Особенно отличались господа въ блестящемъ одѣяніи, но и фраки отъ нихъ не отставали. Ваничка Вохинъ въ особенности обращалъ на себя общее вниманіе, локтемъ высоко поднятымъ надъ головою дамы. Въ самый разгаръ вальса, на порогъ бальной залы явился новый гость, молодой человѣкъ средняго роста, съ лицомъ нѣсколько женственнымъ, но красивымъ. Оно было бы еще привлекательнѣе, если бы не болѣзненная блѣдность, не рѣзкая

морщинка между бровей, слѣдъ какой-то грустной думы. Манеры этого человѣка и его нарядъ были безукоризненно изящны.

Нѣкоторые изъ не танцующихъ молодыхъ людей подошли къ нему съ самыми радушными привѣтствіями; дамы и барышни обратили на него черненькіе, сѣренькіе и голубые глазки съ выраженіемъ томной нѣжности. Тѣмъ и другимъ гость отвѣчалъ чуть примѣтнымъ поклономъ.

— Молодой Барсуковъ пріѣхалъ! пронеслось по всѣмъ комнатамъ.

— Дикарь, нелюдимъ! добавлялъ прекрасный полъ.

— Гордецъ! ворчала молодежь.

— Ученый дуракъ! прошамшили старички.

— Насилу-то вы пожаловали! нѣжно произнесъ Иванъ Петровичъ Темниковъ, обѣими руками пожимая и потрясая руку гостя. — Жена мнѣ надоѣла своими распросами; она, можно сказать, горитъ нетерпѣніемъ видѣть васъ, любезнѣйшій Дмитрій Васильичъ. Ну что папа, здоровъ?

— Слава Богу, вамъ кланяется, холодно отвѣчалъ молодой Барсуковъ.

— Спасибо ему, что онъ принудилъ васъ украсить нашъ пикникъ своимъ присутствіемъ, отпустилъ Темниковъ съ любезной улыбочкой. Но хоть вы и рѣшительный мизантропъ, однако мы васъ расшевелимъ и надѣмся разогнать вашъ сплинъ. Идемте къ женѣ, она здѣсь въ гостиной! прибавилъ Темниковъ, уводя Барсукова подъ руку. — Любочка, произнесъ онъ торжественно, подводя его къ группѣ нарядныхъ барынь: вотъ нашъ милѣйшій Дмитрій Васильичъ.

Темникова граціозно протянула ему руку; прочія дамы устремили на молодаго человѣка глаза и лорнеты.

— Наконецъ-то я вижу васъ, господинъ нелюдимъ, а видя, еще болѣе досадую, что мы раньше не познакомились. На всѣ приглашенія вы отвѣчаете постояннымъ отказомъ. Стыдно лишать общество своей бесѣды.

— Право, Любовь Дмитриевна, общество теряетъ очень много.

— По крайней мѣрѣ про наше семейство я скажу вамъ, что для насъ это потеря.

Барсуковъ нетерпѣливо вздохнулъ.

— Неужели, продолжала Темникова вкрадчиво: — вы еще не можете утѣшиться въ потерѣ вашей матушки?

— Любовь Дмитриевна, съ укоризной возразилъ Барсуковъ: — на балѣ, подъ музыку, мнѣ не хочется говорить объ этомъ...

— Извините; но зачѣмъ же отвергать родственное участіе другихъ? Вы, какъ видно, хотите быть эгоистомъ даже въ вашей грусти. Но мнѣ, право, это нравится... А вотъ и мои дочери!

Темниковъ показался въ сопровожденіи Мери и Бетси.

— Постарайтесь занять нашего милаго гостя, сказала Любовь Дмитриевна.

Папаша только взглянулъ, но что за взглядъ! какъ много высказалъ онъ прелестной барышнѣ.

Дмитрій поклонился и подалъ руку краснѣющей Мери.

Былъ довольно долгій антрактъ; разносили чай, и балъная арена на время очистилась.

Барсуковъ и Мери подъ руку бродили по комнатамъ, храня упрямое молчаніе. Заглянули въ игорную комнату — скучно, въ балъной залѣ очень душно, въ маленькой гостиной — пусто. Этого ли именно искали молодые люди, но Мери опустилась на диванъ, а Дмитрій сѣлъ поодаль отъ нея въ кресла.

— Вы говорите по англійски? спросила она рѣзко.

— Понимаю, но не говорю. Особенно не рѣшился бы говорить съ вами, знающей хорошо этотъ языкъ.

— У насъ все семейство говоритъ по англійски, съ важною замѣтила Мери.

— Марья Ивановна, вдругъ заговорилъ Барсуковъ послѣ довольно долгаго молчанія: — извѣстны ли вамъ причины, по которымъ ваши родители осыпаютъ меня этими наружными ласками?

— Причины этому, вѣроятно, ваши личные достоинства.

— Видите ли вы ихъ во мнѣ?

— Не знаю.

— Мои достоинства — въ отцовскомъ богатствѣ, съ горечью сказалъ Дмитрій. — Что ваши родные преклоняются передъ нимъ, это не чудо; они выросли въ этихъ правилахъ и умрутъ съ ними... но вы, Марья Ивановна, какъ же вамъ брать на себя роль навязчивой невѣсты?...

Бѣдная Мери поблѣднѣла.

— Даю голову на отсѣченіе, что вамъ приказано быть любезной со мной, такъ же точно, какъ мнѣ велѣно быть любезнымъ съ вами. Повѣрьте же, что неисполненіе подобнаго рода приказаній — дѣло доброе и честное.

Мери молча теребила въ рукахъ носовой платокъ. «Что мнѣ дѣлать? думала она. Заплакать — глаза и носикъ покраснѣютъ; упасть въ обморокъ — и совсѣмъ глупо». Думала она думала и сказала только чуть слышно:

— Я васъ не понимаю!

— Тѣмъ хуже для васъ, Марья Ивановна. Любовь существуетъ не для насъ, дѣтей миллионеровъ; намъ можно только льстить, искренно ненавидѣть, но не любить насъ. Прощайте, Марья Ивановна...

Въ залѣ гремѣлъ галопъ, и звуки музыки заглушили бряцанье удаляющихся бубенчиковъ.

Мери вышла изъ гостиной и вмѣшалась въ неструю толпу танцующихъ. Непріятное впечатлѣніе, произведенное на нее разговоромъ съ Барсуковымъ, разогнали кривлянья Ваньки Вохина и Мишеньки Чурбакова.

Темниковъ задыхался отъ смѣха.

— Гдѣ же твой кавалеръ? спросилъ онъ Мери, увидѣвъ ее.

— Уѣхалъ, папа.

— Что, какъ? Не можетъ быть.

Въ той же маленькой гостиной Мери передала папашѣ в мамашѣ разговоръ съ Барсуковымъ отъ слова до слова. Любовь Дмитревна измѣнилась въ лицѣ, спросила стаканъ воды и прижала къ дрожащимъ губамъ обшитый кружевомъ платокъ; Темниковъ теребилъ себя за бакенбарды.

— Это обида, афронты! твердилъ онъ сквозь зубы. — Мальчишка слишкомъ много себѣ позволяетъ... Мы за нимъ гонимся? Да не его ли отецъ-бородачъ два мѣсяца долбитъ мнѣ о свадьбѣ!...

— Нѣтъ, перебила Любовь Дмитревна: — самолюбіе-то какое адское! Онъ воображаетъ, что найдетъ дура, которая влюбится въ его достоинства!

— Которыхъ нѣтъ, подхватила Мери.

— Не думаетъ ли онъ, что хорошъ собой, уменъ?

— Да вздоръ, останавливалъ ихъ Темниковъ: — дѣло еще можно поправить. Я завтра же увижу Василья Максимыча, и онъ, по старшій, палкой выбьетъ дурь изъ сквернаго мальчишки!

II.

Димитрій жилъ вмѣстѣ съ отцомъ въ собственномъ домѣ послѣдняго, въ Измайловскомъ полку.

Въ двадцать шесть лѣтъ, наружность дома почти не измѣнилась; даже вывѣска надъ чайнымъ магазиномъ та же; никакой перемѣны въ комнатахъ хозяина, овдовѣвшаго три года тому назадъ, нѣтъ. Димитрію отдана комната, въ которой скончалась Таисія Антоновна; онъ спитъ на ея кровати, пишетъ за ея столомъ, бережетъ какъ святыню ея кресла и скамеечку. Единственная роскошь скромнаго жилища молодаго человѣка — небольшой шкафъ съ книгами.

Черезъ пять дней послѣ пикника, въ кабинетѣ Василья Максимыча происходила страшная сцена. Хозяинъ, шестидесяти восьми-лѣтній старикъ, съ совершенно обнаженной трясущейся головой и серебристой бородкой, мелкими шагами ходилъ по комнатѣ. Димитрій стоялъ у окна.

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ только, крикнулъ старикъ послѣ минутной переминокъ, и чуть ли не десятый разъ: — какъ ты осмѣлился отказаться отъ дочери Темникова?

— Ни къ ней, ни къ ея семейству не чувствую я ни малѣйшаго расположенія, спокойно отвѣчалъ Димитрій.

— Наплевать на твое расположеніе, негодяй! а ты пойми своей пустой башкой, что меня съ Иваномъ Петровичемъ разсорилъ. Теперь мнѣ стыдно ему на глаза показаться! Ты своимъ поступкомъ честной семьи дѣвушку опозорилъ, душегубецъ!

Димитрій чуть примѣтно улыбнулся.

— Иго ты мое, иго! продолжалъ старикъ, трясая головой: — далъ мнѣ тебя Господь въ наказаніе за грѣхи мои! двадцать лѣтъ ослу, а какая отъ него радость? Только рыщетъ, собакъ гоняетъ, да книжки свои проклятыя долбитъ, словно дятель пустое дерево. Ни къ чему-то ты не способенъ, ни на что не пригоденъ. Дай тебѣ свиней пасти, ты и того не сѣмѣешь! Отвѣчай же, за что, чѣмъ ихъ дочь тебѣ не пара? Да за такой невѣстой любой графчикъ погонится: умна, богата, образована, собой картинка...

— Богатство Ивана Петровича пріобрѣтено нечистымъ путемъ...

— Вотъ что-съ, скажите пожалуйста! Развѣ торговля не чистый путь?

— Кромѣ торговли, Темниковъ обобралъ своего брата.

— Братъ его пьяница, развратникъ, воръ! хладнокровно за-мѣтилъ Барсуковъ. — Иванъ Петровичъ что ли въ этомъ виновать?

— Да, твердо отвѣчалъ Димитрій: — онъ довелъ брата до этого скотскаго состоянія, чтобы завладѣть его имѣніемъ.

— Ну, на это еще доказательства нужны, пробормоталъ старикъ съ досадой: — по бабымъ сплетнямъ нельзя обвинять человека. На всякаго богача голодная шушера небылицы выдумывается. Пожалуй, и про меня ты что нибудь слышалъ?

— Вы отецъ мнѣ...

— Нѣтъ, ты отвѣчай: вѣрно и про меня сочинили какую нибудь исторію, а ты вѣришь?

— Я той вѣры, что у рѣдкаго богача въ мірѣ, у котораго на совѣсти не было бы пятенъ.

— Они и въ солнцѣ есть. Что же про меня-то говорятъ? я думаю, отъ покойной матери наслушался всего съ три короба. Она, не тѣмъ будь помянута, вооружила тебя противъ отца, она...

— Не тревожьте ея праха, батюшка. Я помню васъ съ моего пятилѣтняго возраста.

— Это что же значить? грозно крикнулъ Барсуковъ. — Да что же ты, щенокъ, кромѣ благодѣяній можешь помнить? Смотри, Димитрій, ты хоть и ученъ, а я переучу на свой ладъ! Я тебѣ напомню, что я отецъ тебѣ, что ты обязанъ мнѣ быть рабомъ, собакой. Три года я терпѣлъ, и наконецъ силъ моихъ нѣтъ... Дармоѣдъ, баклушникъ!

Старикъ замахнулся, но обезоруженный презрительнымъ взглядомъ сына, опустилъ руку.

— Бейте, сказалъ Димитрій:—пользуйтесь вашими родительскими правами. Если вы били матушку покойницу, такъ ужъ меня и щадить нечего!

— Вонъ! прохрипѣлъ Барсуковъ, задыхаясь отъ кашля.

III.

При Екатеринѣ II петергофская дорога въ самое короткое время была обстроена великолѣпными барскими дачами и сдѣ-

далась любимѣйшимъ гульбищемъ петербургскихъ жителей. Здѣсь давались блестящіе праздники съ разными затѣями, на которы была такъ изобрѣтательна тароватая старина, и слава петергофской дороги гремѣла до тридцатыхъ годовъ текущаго столѣтія. Съ этого времени дачи стали переходить въ руки фабрикантовъ, богатыхъ купцовъ, трактирщиковъ, даже огородниковъ; сады запустѣли, дома пришли въ ветхость, и остались памятниками давно минувшаго времени мраморные поверстные столбы, обросшіе мохомъ, изрытые трещинами.

Такимъ образомъ одна изъ княжескихъ дачъ досталась огороднику-ярославцу, Демьяну Савельеву. Новый хозяинъ вырубилъ половину рощи, соединилъ ее съ сосѣднимъ полемъ, накопалъ грядокъ и давай снабжать столицу овощами. Такъ какъ одна изъ сторожевыхъ избушекъ оказалась лишнею, то хозяинъ рѣшился отдавать ее въ наймы на лѣтнее время, а не то, пожалуй, и на зиму. Не смотря на дешевую плату, охотниковъ жить на пустырь не оказалось, и только осенью, въ холерный 1848 годъ, избу нанялъ какой-то молодой человекъ для своей бабушки. Звали ее Надеждой Онисимовной Слѣпцовой, и въ самое короткое время, хозяинъ и работники на огородѣ отъ души ее полюбили, а также и внука, навѣщавшаго ее почти ежедневно. Его фамиліи никто не зналъ, какъ ни допытывались любопытные: Митя да Митя, и не было ему другаго имени.

На вербной недѣлѣ, то есть дней десять спустя послѣ послѣдней размолвки съ Барсуковымъ, Дмитрій ранѣе обыкновеннаго пріѣхалъ на огородъ и торопливо постучался у дверей скромной избушки.

— Родной мой, привѣтствовала его Слѣпцова, вводя въ свое жилище: — два дня я тебя, голубчика моего, не видала. Здоровъ ли?

— Слава Богу, Надежда Онисимовна.

— Какой ты блѣдный, грустный.... Видно опять непріятности?

— Нѣтъ, все благополучно, ничего. Напротивъ, я поладилъ съ отцомъ и заключилъ съ нимъ вѣчную мировую.

Старушка пристально посмотрѣла на сына своей незабвенной питомицы.

— Я уступилъ его требованіямъ, продолжалъ Дмитрій, ходя по хаткѣ; — и буду завѣдывать его дѣлами... Вы не вѣрите? бы-

стро прибавилъ онъ, замѣтивъ на тонкихъ губахъ старушки сомнительную улыбку.

— Не вѣрю, отвѣчала она. — Либо ничего не говори, либо говори правду. До сихъ поръ я еще не видала тебя въ такомъ странномъ расположеніи духа.

— Правду-то мнѣ сказать вамъ тяжело, произнесъ онъ со вздохомъ. — Отецъ посылаетъ меня въ Лодейное Поле по своимъ дѣламъ, и мы не увидимся довольно долго... Мѣсяцъ, можетъ быть, и два! Вотъ что меня и тревожитъ.

Старушка грустно покачала головой.

— Вы и этому не вѣрите, Надежда Онисимовна?

— Этому вѣрю, но все мнѣ что-то странно... Давно ли ты говорилъ, что никогда не разстанешься съ Петербургомъ и меня не оставишь, а теперь вдругъ ѣхать понадобилось... И на два мѣсяца?

— Именно за этимъ я и пріѣхалъ. Въ животъ и смерти Богъ воленъ, а потому я и принялъ на всякій случай свои мѣры. Вотъ принадлежащій вамъ банковый билетъ въ двѣ тысячи.

Слѣпнева тихо отдала ему руку.

— На что онъ мнѣ?

— А какъ же существовать вамъ это время?

— Да что ты, Митинька? Неужели я въ два мѣсяца проживу двѣ тысячи? Деньги у меня еще есть, и много ли мнѣ надобно...

— Но если я умру?

— Тогда и я не жилища на бѣломъ свѣтѣ. Я Тансиньку пережила потому только, что у меня въ ту пору разуму не было... Во второй разъ этого не случится!

— Нѣтъ, право, возьмите, на случай! настаивалъ Димитрій.

Слѣпнева взяла билетъ и положила въ комодъ.

— Когда же ты ѣдешь?

— Сегодня, отвѣчалъ рѣшительно Димитрій: — часу въ третьемъ по полудни.

— Богъ же съ тобой! въ волненіи произнесла старушка: — авось увидимся скорѣе, нежели ты думаешь.

Слезы навернулись на глазахъ Димитрія, и онъ бросился къ ней на шею. Минуть черезъ пять, въ сопровожденіи Надежды Онисимовны, онъ вышелъ на крыльцо; старушка плакала и крестила его вслѣдъ.

— Вѣтрено, холодно. Уйдите, Надежда Онисимовна.

— Не простужусь, будь спокоенъ.

Санки Барсукова скрылись давно изъ виду, но Слѣпнева все еще стояла на крыльцѣ, и дрожащей рукой все еще творила крестное знаменіе. Возвратясь къ себѣ, она опустилась на колѣна и о чемъ-то долго и горячо молилась.

Между тѣмъ, Димитрій доѣхалъ до Александроневской лавры, и здѣсь щедро расплатясь съ извозчикомъ, поспѣшно вошелъ за ограду. Божья нива была пуста; только птички перекликались въ кустахъ, да веселеее солнце яркимъ золотомъ играло на металлическихъ украшеніяхъ гробницъ. Дойдя до одной изъ нихъ изъ великолѣпнаго мрамора, Барсуковъ снялъ шапку и безъ рыданій, безъ слезъ, приникъ головой къ бронзовой рѣшеткѣ; въ такомъ положеніи провелъ онъ нѣсколько минутъ, позабывъ не только о людяхъ, даже о самомъ себѣ. Потомъ дрожащей рукой торопливо вынулъ онъ изъ кармана на глухо закупоренную стеклянку, наполненную буроватой жидкостью и принялся отпутывать этикетку. Углубленный въ свое занятіе, онъ не слышалъ скрипа мостковъ и хрустѣнья снѣга подъ чьей-то тихой поступью. По мосткамъ, задумчиво опуствя голову, шелъ монахъ, лѣтъ пятидесяти шести, чистѣйшій типъ анохарета первыхъ вѣковъ христіанства, съ желто-восковымъ полупрозрачнымъ лицомъ, изрѣзаннымъ морщинами, окладистой сѣдой бородой и взглядомъ, полнымъ младенческой кротости. Не замѣчаемый Димитріемъ, онъ пріостановился въ двухъ шагахъ отъ него, и съ удивленіемъ слѣдилъ за движеніями молодого человѣка. Димитрій откупорилъ стеклянку и закрывъ глаза, поднесъ ее къ дрожащимъ губамъ...

Тогда монахъ, съ быстротой несвойственной возрасту, подбѣжалъ къ нему и вырвалъ стеклянку изъ рукъ изумленного молодого человѣка. Нѣсколько капель упало на снѣгъ и окрасило его ярко шафраннымъ цвѣтомъ.

— Что вы дѣлаете? спросилъ монахъ строгимъ, но тихимъ голосомъ. — Какъ могла придти вамъ въ голову эта безбожная мысль, на кладбищѣ, въ виду могилъ, подъ сѣнію креста?

— Батюшка, батюшка!... лепеталъ растерявшійся Димитрій.

— Ядъ! продолжалъ монахъ, вдохнувъ въ себя нѣсколько изъ стеклянки. — Надобно быть очень маловѣрнымъ, чтобы рѣшиться на подобный шагъ!

Стеклянка разлетѣлась въ дребезги объ сосѣдній памятникъ.

— Опомнитесь и послушайтесь, если не голоса разсудка, то хоть голоса вашей совѣсти, заключилъ старикъ, крѣпко протяги-

вая Димитрію свою блѣдную руку. Поймите изъ нашей встрѣчи, въ эту роковую минуту, что Господу нужны—ваша жизнь, ваше искреннее раскаяніе!

Тутъ глаза монаха упали случайно на эпитафію гробницы Барсуковой и яркій, почти юношескій румянецъ озарилъ его лицо.

— Боже, Боже мой! прошепталъ онъ:—и на чьей могилѣ!

Двѣ крупныя слезы выкатились изъ его глазъ, и онъ набожно перекрестился.

— Батюшка, вы плачете? произнесъ удивленный Димитрій. — Вы плачете надъ могилой моей матери!

— Вы... вы, сынъ Таисіи! прошепталъ монахъ, обнимая его. — И послѣ этого, люди еще осмѣливаются говорить, что на свѣтѣ есть случайность!...

— Вы знали мать мою? радостно спросилъ Димитрій.

— Да, прошепталъ монахъ: — я былъ очень близокъ съ семействомъ вашей покойной матушки... И на ея могилѣ вы рѣшились на самоубійство? Я васъ прошу, вы должны открыть мнѣ причину этого проступка, я требую этого именемъ покойной вашей матери. Отецъ вашъ живъ?

— Живъ...

— Есть у васъ братья, сестры?

— Я одинъ, одинъ въ цѣломъ мірѣ...

— И вы несчастливы, вы страдаете? съ участіемъ спрашивалъ старикъ. — Что довело тебя до мысли о самоубійствѣ?

— Жизнь моя! грустно отвѣчалъ Димитрій. — Чтобы вы простили мнѣ мой грѣхъ, я долженъ рассказать вамъ всю жизнь мою съ самаго дѣтства... Позвольте ли вы мнѣ это?

— Я прошу тебя, сынъ мой.

— Сердце говоритъ мнѣ, что если бы я ранѣе встрѣтилъ васъ, вы отклонили бы отъ меня много горя... Ахъ, батюшка, если бы мы встрѣтились ранѣе!

— Мы не могли встрѣтиться ранѣе. Два дня тому назадъ я прибылъ изъ Березова.

Согласно желанію новаго друга, по влеченію собственнаго сердца, онъ въ теченіи нѣсколькихъ дней, рассказалъ старику все, что только сохранилось въ его памяти о недавно минувшемъ дѣтствѣ и печальной юности... Вотъ исповѣдь Димитрія.

IV.

— Съ дѣтства, какъ только себя помню, вижу я предъ собою олицетворенныя добро и зло. Первое является мнѣ въ чертахъ блѣдной красавицы, съ шелковистыми русыми волосами, взглядомъ полнымъ нѣжности, взглядомъ никогда не блистающимъ гнѣвомъ, слезами—очень часто. Рядомъ съ этимъ милымъ призракомъ вижу я желтое, бездушное лицо, суровый взглядъ небольшихъ прищуренныхъ глазъ; слышу хриплый, рѣзкій голосъ... Вотъ вамъ портреты матери и отца. Обо всемъ добромъ и прекрасномъ слышала я только отъ первой. Въ отцовскомъ домѣ для меня было два міра, каждый съ особенной атмосферой. Комната матери уютная, свѣтлая, веселая; окна съ чистенькими занавѣсками заставлены душистыми цвѣтами. Въ комнатѣ отца постоянный полумракъ, затхлый воздухъ; вѣчное щелканіе счетовъ, бряцаніе денегъ.

Съ девятилѣтняго возраста мать начала учить меня. Это доброе начало встрѣтило жестокій отпоръ со стороны отца, и его противодѣйствія продолжались до самой кончины матушки съ возрастающей силой; каждый мой шагъ на пути образованія взять съ бою и не дешево обходился покойной матушкой. Онъ ворчалъ за каждую вновь купленную книжку, за лишнюю десть бумаги. Думая, что ученье мнѣ въ тягость, онъ сначала обращался ко мнѣ въ своихъ грубыхъ шуткахъ на счетъ матери, надѣясь привлечь на свою сторону... Это какъ-то не удалось и прозвища: теленка, матушкинаго сына, профессора—замѣнили у него мое имя; въ насмѣшкахъ надъ матерью онъ былъ изобрѣтательнѣе и ядовитѣе.

Въ свободное время мать моя ѣздила со мной въ отдаленныя закоулки столицы, и здѣсь-то ознакомила меня съ нищетой во всѣхъ ея разнообразныхъ проявленіяхъ. Сегодня мы на чердакѣ у больной матери семейства; завтра въ подвалѣ у честнаго труженика-семьянина. Деликатная, добрая мать никого не оскорбляла своими благотѣніями, и самой милостивѣе придавала видъ взаимной услуги.

Частыя наши отлучки не могли ускользнуть отъ вниманія отца; на его распросы мать отвѣчала спокойно, ссылаясь на хозяйственныя дѣла, но онъ этимъ не удовольствовался и сталъ

отъ меня выпытывать, куда и къ кому мы ѣздимъ? Я повторилъ сказанное маменькой, и этотъ отвѣтъ привелъ его въ бѣшенство: «стакнулись, сговорились!» закричалъ онъ и осыпалъ меня бранью и даже ударами. Всегда покорная, безотвѣтная, мать бросилась защищать меня. Капли крови, увидѣнныя мною на ея платкѣ, багровыя пятна на щекахъ, на вѣки запали въ мою память, и были первыми сѣменами моей ненависти къ человѣку, котораго долженъ называть отцомъ.

Рыданія заглушили голосъ Димитрія.

— Насытивъ свою нелѣпую ярость, продолжалъ онъ:—отецъ какъ будто поутихъ; разѣзды наши продолжались по прежнему. Изъ всѣхъ мѣстъ, куда мы ѣздили, особенно памятно мнѣ огромное строеніе въ три этажа, съ небольшимъ сквознымъ куполомъ, съ боевыми на немъ часами. Къ нему вела дорога сквозь триумфальныя ворота, мимо хорошенькихъ дачъ, полей и огородовъ. «Больница всѣхъ скорбящихъ», прочиталъ я надъ высокимъ подѣздомъ. Здѣсь вводили насъ въ особую комнату, гдѣ мы постоянно находили двухъ женщинъ; одну, среднихъ лѣтъ, въ ситѣ, другую—старушку, въ темномъ платьѣ. Первая о чемъ-то вполголоса разговаривала съ маменькой, вторая казалась мнѣ восковой куклой. Недвижно сидѣла она въ креслахъ, упорно смотря въ полъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на слезы и поцѣлуи маменьки, которыми она покрывала ея лицо и исхудавшія руки.

— Со временемъ узнаешь, кто это, отвѣчала мать на мои любопытные распросы.

— Эта женщина, перерывъ разскащика монахъ дрожащимъ голосомъ: — была Надежда Онисимовна Слѣпнева, няня твоей покойной матери?

— Вы ее знаете?

— Я уже сказалъ тебѣ, что знавалъ семейство Смоквиныхъ...

Димитрій продолжалъ:

— Мои занятія иностранными языками шли успѣшно, къ величайшему удовольствію матери и злобѣ отца. Четырнадцати лѣтъ я уже сравнялся въ познаніяхъ съ моей учительницей. Желала она обучить меня и музыкѣ.

Въ тотъ день, когда мать рѣшилась вымолить у отца согласіе на наемъ учителя, онъ съ утра былъ не въ духѣ. Подобно всѣмъ грубымъ характерамъ, онъ обыкновенно вымещалъ свою

досаду на домашнихъ. Просьбы матушки прилили масла на огонь.

— Не хочу! крикнулъ отецъ.—Вы хитры, да и я не глупъ; я ваши плутни насвоязь вижу,

— Какія плутни? спросила удивленная матушка.

— А тебѣ также хотѣлось съ нимъ амурничать, какъ амурничала со своимъ Витязевымъ.

— Я? прошептала оглушенная матушка.

— Ты, подлая! крикнулъ отецъ, ударивъ ее въ лицо:—я отъ вѣрныхъ людей знаю...

Такая жизнь шла не долго.

Признаки смертельнаго недуга матушки обнаружались у нея года за полтора до ея кончины, и умерла она одною изъ тѣхъ загадочныхъ болѣзней, предъ которыми вѣчно будетъ недоумѣвать наша медицина.

За мѣсяць до смерти, матушка сообщила мнѣ свои распоряженія, особенно поручая мнѣ Слѣпцеву. Передала мнѣ банковый билетъ въ двѣ тысячи на ея содержаніе. «Она душу свою положила за меня, говорила маменька, клевета и злоба довели ее до теперешняго состоянія. Доктора утѣшаютъ, что сильная душевная тревога, можетъ вывести ее изъ этого состоянія. Можетъ быть, это и правда, только я ужъ этого не увижу!... Не покидай моей старушки!» прибавила она, обнимая меня. Иногда пробовала она увѣщать меня любить и уважать отца, но тотчасъ же умолкала съ грустной улыбкой, сознавая всю несбыточность своихъ увѣщаній... Любить и уважать ее палача!...

Умирала она въ полномъ самосознаніи; я и отецъ оставались при ней до послѣдней минуты.

— Закатилось красное мое солнышко! пропѣлъ отецъ, качая головой и подходя къ трупу...

Долго находился я въ какомъ-то оцѣпенѣніи, равнодушный къ себѣ самому и ко всему окружающему. На меня не сдѣлало даже никакого впечатлѣнія возвращеніе разсудка Слѣпцевой; ея скорбь о покойницѣ, ея робкія ласки—не выводили меня изъ моей тяжелой апатіи. Боясь лишиться разсудка, я бросился въ общество, и въ самое короткое время у меня явилась цѣлая куча друзей. Скоро, однако, понялъ я, что дружба недоступна сыну богача, и сталъ искать любви... Тутъ повторилась тысяча первая избитая исторія, и я еще скорѣе убѣдился, что для меня

нѣтъ и не можетъ быть иной любви, кромѣ любви продажной. Въ добрыхъ дѣлахъ думалъ я найти утolenіе моей скорби, и это была моя третья ошибка! Не обладая умѣньемъ покойной матери отличать благородную бѣдность отъ нищеты поддѣльной, я дѣлалъ добро безъ разбора...

Одна личность въ особенности охладила меня къ безтолковой благотворительности. Робкая фигура, смиренный голосъ, слова, проникнутыя вѣрою и покорностію судьбѣ, возбудили во мнѣ сначала участіе къ этой женщинѣ. Оказалось однако, что она проводитъ время въ питейныхъ домахъ, на что употребляетъ всѣ получаемыя отъ меня деньги. Я старался всѣми мѣрами отклонить ее отъ этой несчастной страсти; и, Богъ вѣсть, чѣмъ окончились бы мои старанія, еслибъ нищенка не исчезла со своею квартиры. По моимъ розыскамъ оказалось, что она сдѣлала важную покражу въ домѣ какихъ-то своихъ благодѣтелей. была уличена и сдана куда слѣдуетъ съ рукъ на руки... Умерла въ тюрьмѣ, отъ бѣлой горячки. Женщину эту звали Иларіей Фотіевной.

— Какъ? быстро спросилъ отецъ Евсевій.

Димитрій повторилъ.

— Знала ли она твое имя?

— Слѣдуя правилу покойной матери, я всегда скрывалъ свое имя отъ тѣхъ, кому дѣлалъ добро. Особенное мое участіе возбуждала она тѣмъ, что во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ обвиняла моего отца, благословляла имя покойницы матери и не разъ плакала при мнѣ надъ ея могилой.

— И ты, не смотря на это, скрылъ отъ нея твое имя?

— Скрылъ, батюшка.

— Не раскаявайся же въ благодѣніяхъ, оказанныхъ этой женщинѣ. — Она была главной причиной брака твоей матери съ Барсуковымъ и гибели бѣдной Слѣпневой.

Молодой Барсуковъ воскликнулъ отъ удивленія.

— Не спрашивай меня о подробностяхъ этого дѣла, продолжалъ архимандритъ: — онѣ только прибавятъ тебѣ грусти. Неужели отъ покойницы матери ты не слыхалъ объ Иларіи Фотіевнѣ?

— Никогда. Рассказывая мнѣ о несчастіи Слѣпневой, она говорила только, что главной виновницей была женщина, но не упоминала имени. Такъ это — странница!

— Умерла, въ тюрьмѣ, отъ бѣлой горячки! въ раздумьи прошептала Енсевій.

V.

Изцѣленіе Слѣпневой отъ двадцатилѣтняго помѣшательства въ свое время надѣлало много шуму въ ученomъ мѣрѣ. Въ эти двадцать лѣтъ время унесло много дорогаго и близкаго ея добромu сердцу; старое поколѣніе смѣнилось новымъ; измѣнились самыя мѣста, гдѣ жила она до своей болѣзни. Немного уже оставалось жить ей, жить — въ виду могилъ и развалинъ минувшаго.

Первые признаки возвращенія разсудка обнаружились въ Слѣпневой въ день смерти жены Барсукова. Первое выговоренное ею слово было имя Таисіи. Черезъ нѣсколько дней она, закоснѣлымъ отъ долгаго безмолвія языкомъ, стала рассказывать надзирательницѣ объ украденномъ бумажникѣ, объ Антонѣ Петровичѣ, странникѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ похоронъ матери, Димитрій навѣстилъ старушку. Она съ удивленіемъ уставила на него свои проясненные глаза и шопотомъ спросила надзирательницу:

— Кто же это?

— Я сынъ Таисіи Антоновны, отвѣчалъ Димитрій, удерживая слезы и взявъ ее за руку.

— Онъ лжетъ! прошептала старушка, отдергивая руку: — Таисія никогда не выходила замужъ... Я все разстроила. Гдѣ сама Таисія?

— Она придетъ къ вамъ непременно! утѣшала ее надзирательница.

Старушка стала тревожно озираться и мало по малу погрузилась въ прежнюю задумчивость.

Самосознаніе развивалось въ ней очень медленно, и можно было подумать, что память возвращается по частямъ. Слѣпнева, напримѣръ, подробно рассказывала расположеніе дома Смокиныхъ, и не могла припомнить именъ хозяевъ; забывала бывшее съ нею вчера, и очень послѣдовательно излагала катастрофу наводненія 1824 года.

Благородный врачъ, у котораго Слѣпнева была на попеченіи,

долго спрашивалъ Димитрія о многихъ семейныхъ подробностяхъ, относящихся до Смоквиныхъ, и тогда рѣшился приступить къ окончательному излеченію пациентки.

Въ ясное лѣтнее утро онъ предложилъ ей поѣхать кататься съ нимъ и Димитріемъ. Это предложеніе Слѣпнева приняла почти равнодушно, однако же дорогой пристально всматривалась въ дачи, мелькавшія мимо каретныхъ оконъ. Проѣзжая мимо церкви Екатерины мученицы, она перекрестилась.

— Очень хорошій городъ! произнесла она будто самой себя.

Послѣ долгаго пути карета поѣхала мимо Знаменья. Живѣйшая радость изобразилась на лицѣ Слѣпневой: потирая руки, она съ улыбкой взглянула на спутниковъ.

— Это мѣсто знаю, произнесла она нараспѣвъ: — знаю; знакомое мѣсто.

— А именно? спросилъ докторъ.

— Церковь Знаменія; а третій домъ отъ угла Антона Петровича.

Но на мѣстѣ трехъэтажнаго дома Смоквиныхъ стоялъ другой, пятиэтажный.

— Это очень странно, сказала Слѣпнева нахмурясь. — Когда же они успѣли его перестроить? Это не ихъ домъ!

— Они давно переѣхали, замѣтилъ Димитрій: — вскорѣ послѣ свадьбы Таисы Антоновны.

— А за кого же она вышла? За Витязева?

Спутники молчали.

— За другаго кромѣ его она не могла выйти, продолжала старушка убѣдительно: — ну, что же, и давай Богъ! ихъ будетъ парочка.

Карета остановилась у Александроневской лавры. Слѣпнева вышла, дико озираясь на памятники; за ней слѣдовали: докторъ, Димитрій и больничный служитель. По знаку Димитрія остановились у памятника Таисіи. Его великолѣпіе, цвѣты, которыми онъ былъ украшенъ, все это поразило Слѣпневу.

— Отличный памятникъ! сказала она простодушно: — чей это?

— Прочтите, сказалъ докторъ.

Старушка, прищурясь, начала читать первыя слова эпитафіи, начинавшейся, по купеческому обыкновенію, исчисленіемъ титуловъ мужа покойной. Доидя до фамиліи, она остановилась.

— Барсуковъ?... Какой же это?

— Читайте дальше.

— «Таисія Антоновны»... нѣсколько разъ повторила старушка: — ведите же меня къ Таисіи, а что мнѣ толку въ этомъ камнѣ? И зачѣмъ на немъ написано имя моей дочери?

— Затѣмъ, отвѣчалъ докторъ съ рѣшимостью оператора, когда онъ однимъ взмахомъ ножа отнимаетъ болящій членъ: — затѣмъ, что здѣсь похоронена дочь ваша!

Слѣпнева вскрикнула и обѣими руками ухватила за рѣшетку. Лицо ея побагровѣло; глаза налились кровью, жилы на лбу и на вискахъ рѣзко обрисовались подъ тонкой кожей... Ее замертво снесли въ карету.

— Смерть, или спасенье! сказалъ докторъ сыну Таисіи во время дороги.

Слѣпнева была спасена. Послѣ двухъ мѣсяцевъ тщательнаго надзора, ее сдали на попеченіе Димитрія и возвратили утраченныя права гражданства. Остался незначительный слѣдъ страшнаго недуга, состоявшій въ томъ, что Слѣпнева позабыла о нѣкоторыхъ личностяхъ минувшаго времени: въ числѣ ихъ была Иларія Фотіевна. Димитрію, не смотря на его настоянія, она не сказала ни слова о томъ вліяніи, которое когда-то имѣла она на участь Василія Максимовича. Дальнѣйшая судьба старушки намъ уже извѣстна.

Тотъ самый день, когда Димитрій простился съ нею, съ мыслию болѣе уже не увидѣться, Надежда Онисимовна провела въ тревожномъ состояніи, и ночью нѣсколько разъ падала на колѣна предъ иконой. Трудно описать ея восторгъ, когда Димитрій пріѣхалъ къ ней на слѣдующее утро. Обо всемъ случившемся съ нимъ наканунѣ онъ ей не упомянулъ ни слова, но она догадывалась, что съ нареченнымъ ея внукомъ произошло что-то необычайное. Его спокойное лицо, удвоенная къ ней нѣжность, самое выраженіе лица доказывали, что жизнь его измѣнилась къ лучшему.

Недѣли черезъ три послѣ своего чуднаго знакомства съ отцомъ Евсеіемъ, Димитрій, по желанію своего друга, пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ уединенную избушку петергофской дороги. Слѣпнева встрѣтила новое лицо съ глубокимъ уваженіемъ и послѣ обычныхъ привѣтствій рѣшилась спросить: чему она обязана этой честью. Евсеій назвался стариннымъ знакомымъ

Смоквинныхъ, въ чемъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія; нѣкоторыя семейныя подробности, извѣстныя архимандриту и сообщенныя имъ Надеждѣ Онисимовнѣ, ручались за справедливость его словъ.

— Одно мнѣ странно, батюшка, замѣтила старушка: — то, что я слышу отъ васъ, почти все случилось до выхода Тانسіи замужъ, а между тѣмъ вы говорили, что вы познакомились съ ними послѣ моего заточенія въ больницу, и лицо ваше мнѣ какъ будто знакомо.

Евсевій въ смущеніи обратилъ разговоръ на другое; просилъ ее утѣшать, по возможности, Дмитрія въ его домашнихъ не-пріятностяхъ, беречь его такъ, какъ бы она берегла Тансію. Просьбы эти были совершенно напрасны, потому что Слѣпнева обожала Дмитрія, но ее поразило выраженіе, съ которымъ говорилъ Евсевій. Голосъ его дрожалъ отъ внутренняго волненія; на глазахъ наворачивались слезы.

— Я продолжу время моего пребыванія въ Петербургѣ до зимы, прибавилъ онъ: — и надѣюсь до отъѣзда сдѣлать все для спокойствія и счастія нашего Дмитрія. Я увижусь съ его отцомъ, переговорю, и можетъ быть, смягчу сердце этого человѣка.

Съ обѣщаніемъ въ скоромъ времени увидѣться опять, Дмитрій и его покровитель уѣхали отъ Слѣпневой. Старушка перелопачивала въ памяти всѣхъ бывшихъ знакомыхъ Смоквинныхъ, и между ними не нашлось ни одного образомъ мыслей или наружностью похожаго на отца Евсеія. Промелькнулъ въ ея памяти еще одинъ призракъ, но это показалось ей до того невѣроятно, что она сказала вслухъ себѣ самой, пожавъ плечами:

— Быть не можетъ. Его, бѣдняжки, давно уже на свѣтѣ нѣтъ!

Она думала о Витязевѣ.

VI.

Черезъ мѣсяцъ послѣ сближенія Дмитрія съ отцомъ Евсеемъ, какъ-то вечеромъ, часу въ пятомъ, старикъ Барсуковъ по обыкновенію сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за шнуrowыми книгами и счетами. Углубленный въ любезное сердцу занятіе, онъ не слышалъ, какъ въ прихожей брякнулъ звонокъ, какъ лакей Артюшка доложилъ раза два о чѣмъ-то приходѣ.

— Василій Максимычъ! окликнулъ его Артюшка въ пятый разъ.

— Что тамъ? спросилъ старикъ, не оглядываясь и щелкая костяжками на счетахъ.

— Священникъ какой-то желаетъ васъ видѣть.

— Какой священникъ?

— Не знаю-съ. Нужно видѣть, говорятъ, хозяина.

— А я тебѣ сколько разовъ говорилъ, постороннимъ отказывать? Нужно видѣть... Знаемъ мы эти: нужно. На постройку храма собираетъ. Съ книжкой?

— Книжки нѣтъ, одѣтъ хорошо, риска на бѣличьемъ мѣху.

Барсуковъ призадумался. «Хорошо одѣтъ—это еще того хуже», пробормоталъ онъ. «Тутъ и десятью цѣлковыми не отбояришься».

— Откажи! сказалъ онъ вслухъ: —скажи, заняты, молъ!

Артюшка ушелъ, но минутъ черезъ десять возвратился.

— Они говорятъ, сказалъ онъ ухмыляясь:—что не уйдутъ до тѣхъ поръ, покуда васъ не увидятъ.

— Эхъ! крикнулъ Барсуковъ, захлопывая книгу и отталкивая счеты:—ишь приспѣло, Господи прости! Зови сюда.

Артюшка ввелъ отца Евсевія, къ которому хозяинъ смиренно подошелъ подъ благословеніе; а у самого досада на лицѣ.

— Прошу покорнѣйше садиться.

— Извините меня, если я отвлекаю васъ отъ важныхъ занятій, кротко, но съ достоинствомъ произнесъ Евсевій.

— Ничего-съ, отвѣчалъ хозяинъ, тоскливо посматривая на книги: — ужъ и вы, батюшка, меня извините, большого дать не могу.

— Я пришелъ не за подаянiемъ, и мнѣ отъ васъ ничего не надобно.

Лицо Барсукова прояснѣло и онъ почему-то поклонился.

— Въ нашемъ разговорѣ, продолжалъ архимандритъ:—даже не будетъ и помина о деньгахъ, а между тѣмъ дѣло большой важности. Скажите мнѣ пожалуйста, помните ли вы вашу покойную супругу.

— Какъ же не помнить, батюшка. У меня въ два монастыря на вѣчное поминовеніе отдано; въ нашей церкви и на могилахъ жены ежегодно панафиды служу... А вы почему объ этомъ изволите спрашивать?

— Послѣ я все вамъ объясню. И такъ, по своему, супругу вы помните и уважаете ее память—это хорошо. Стало, въ теченіи двадцатилѣтняго сожителства она сумѣла заслужить ваше уваженіе; она стояла его, не правда ли?

— Да я ее и уважалъ всегда, какъ слѣдуетъ. Таисія Антоновна святая была женщина.

— Нарушила ли она когда нибудь вѣрность къ вамъ?

— Ни-ни! Да вѣриѣ и честиѣ ее жены еще и свѣтъ не производилъ.

— И вы были совершенно счастливы?

— Совершенно счастливъ. При покойной женѣ я и въ подрядахъ-то былъ супротивъ нынѣшняго удачливѣй.

— И, по закону природы, дополнилъ Евсей: — за свое счастье и довольство вы воздали ей горемъ, слезами, и исподволь разрушили ее бѣдную жизнь. Такъ ли?

Барсуковъ поблѣднѣлъ отъ злости, и борода его затряслась.

— Это... пробормоталъ онъ: — обличеніе, что ли, или допросъ какой? Я бы вамъ, батюшка, напомнилъ пословицу, что въ чужой монастырь...

— Знаю я эту пословицу; но не объ ней рѣчь. Мы поговоримъ о вашей покойной супругѣ, и я повторяю вамъ, со всей смѣлостью правоты, вы на много укоротили жизнь покойной Таисіи. Вы вмѣняли ей въ порокъ ее свѣтлый умъ, вы осыпали ее упреками за то, что она образовывала своего сына. Свѣтъ науки рѣзалъ вамъ глаза, и вы употребляли всѣ мѣры, чтобы погасить этотъ свѣтъ, но вмѣсто его — погасили жизнь. Молите Господа, чтобы умершая совѣсть воскресла въ васъ хоть за минуту до вашей смерти!

— Батюшка, язвительно отвѣчалъ Барсуковъ: — я говѣлъ на первой недѣлѣ, а нынѣ у насъ май на дворѣ. И я не знаю, чего только вамъ отъ меня угодно; съ какой стати вы вмѣшиваетесь въ мои семейныя дѣла? Это не подобаетъ духовному лицу вообще, а ужъ иноку смиренному и въ особенности. Извините-сь!

— Оглядывались ли вы когда на ваше прошедшее? невозможно продолжалъ Евсей: — какими путями достигли вы теперешняго состоянія; чѣмъ приобрѣли ваши милліоны?

— Честнымъ трудомъ-съ! отвѣчалъ Барсуковъ: — царскія милости доказываютъ, что есть за человѣкъ Василій Максимычъ Барсуковъ. Знаю я, что иные людишки, голь перекатная, ради

зависти чернятъ меня, да зубы голодные точать. На это я плюю, съ вашего позволенія!... Да и кто вы такой, смѣю спросить?

— Я, архимандритъ Березовскаго успенскаго монастыря, Евсѣій.

— Барсуковъ невольно приподнялся съ кресла.

— Оставимъ ваше прошлое, продолжалъ кротко Евсѣій: — поговоримъ лучше о настоящемъ и будущемъ. Послѣ Таисіи остался сынъ, воспитанный ею, нравомъ и сердцемъ совершенно ея подобіе. Самъ Господь посылаетъ вамъ способъ загладить ваши несправедливости къ матери любовью къ сыну. А есть ли въ васъ къ нему хоть искра любви?

— Каждый по своему любить. Димитрій на меня не можетъ пожаловаться. Живетъ на всемъ готовомъ; одѣваю я его не хуже дворянчика; деньги карманные выдаю.

— Этого мало, — онъ молодъ; умъ его работы ищетъ, а вы даете ему сытую праздность; ищетъ воли — и сидитъ въ тюрьмѣ.

— А моя ли вина, что онъ баклуши бьетъ? Ему предлагали быть моимъ помощникомъ: нѣтъ, на дыбы! Куда, такому образованному, ученому, нашими мужицкими дѣлами заниматься. Отецъ работай, спину гни, глаза слѣпи, а сынокъ на боку лежи. Таково воспитаніе-съ, да баловство матери покойницы!

— Не тревожьте ея праха. Она сдѣлала для сына что могла, и умирая указала ему путь...

— Университетъ, а послѣ самому школу открывать? Да на что же это будетъ похоже? Отецъ — миллионщикъ, а сынъ — учитель?

— Но если это его призваніе? Влекла же васъ какая-то странная сила къ торговлѣ?

— Совсѣмъ другое дѣло-съ. Торговля не школярство. Для торговли умъ нуженъ, смѣтка нужна... А тутъ что? Нѣтъ, батюшка, покудова живъ я, не бываетъ этому: это дурь, блажь!

— Пусть будетъ по вашему; но подумайте же, наконецъ, о вашемъ сынѣ. Позвольте ему выбрать образъ жизни, къ которому онъ чувствуетъ склонность. Ему нравится мирная кабинетная жизнь, онъ любитъ заниматься... Что, еслибы вамъ предложили оставить ваши дѣла и жить мирно съ сыномъ, и для сына?

— То есть какъ же дѣла оставить-съ? Торговлю прекратить?

— Да; сказать наконецъ самому себѣ — довольно.

— Хе, хе, хе, батюшка, это ужъ будетъ фанаберія? Да такого

дурака едва ли найдете. Деньги ко мнѣ плывутъ, а я на нихъ рукой махну? Помилуйте-съ. Сынъ пусть будетъ чѣмъ хочетъ, а я буду трудиться до конца жизни и со своей дороги не сойду.

— А что, если счастье подъ конецъ вамъ измѣнитъ?

— Ну, ужъ этому кажется не бывать; я быю на вѣрняка, безъ промаха...

— А если?.. Развѣ не бывало примѣровъ что, люди вдесятеро богаче васъ раззорялись и пропадали?

— Что же, вы и мнѣ то же пророчите, батюшка?.. Да Господь не безъ милости; умру — по крайности сыну будетъ чѣмъ помянуть.

— Не войдетъ онъ во вкусъ къ богатству неправедно приобретенному. На этихъ деньгахъ потъ тружениковъ, слезы сиротъ, даже и кровь—можетъ быть...

Барсуковъ поблѣднѣлъ и вздрогнулъ.

— И о чемъ вы это только хлопчете, батюшка? сказалъ онъ.

— Хлопочу помирить васъ съ сыномъ, воскресить вашу совесть... Простите. Сердце говоритъ мнѣ, что мы еще увидимся съ вами, и тогда вы припомните слова мои!

И Евсеѣй тихо вышелъ изъ кабинета.

Нѣсколько минутъ Барсуковъ сидѣлъ въ раздумьи, потомъ махнулъ рукой и опять принялся за свои книги.

VII.

Въ маѣ, въ газетахъ появилась публикація о поставкѣ сѣна и соломы въ провіантскую комиссію.

Давно, давно ждалъ ее Барсуковъ, и прочиталъ это объявленіе съ восторгомъ, съ какимъ барышня читаетъ тайкомъ отъ мамы запрещенный романъ. Засуетился Ракитинъ, заметались прикащики; письма отъ довѣренныхъ лицъ дождемъ посыпались на вскружившуюся голову стараго подрядчика.

— Ну, Васюха, говорилъ Ракитинъ наканунѣ великаго дня: — дѣло важное; въ грязь лицомъ не ударь, да на отступныхъ не щедрись. А народу, говорятъ, гибель набѣжить. Предметъ-то, нишъ ты, такой, что за него всякъ хватается!

— Все ладно. Одно меня тревожитъ... а дѣло кажись привычное. Вѣришь, у меня какъ будто сердце замираетъ: ну что, если перебьетъ кто?

— Насъ-то? Фю, фю! Дудки, батенька! Да развѣ могутъ быть цѣны дешевле нашихъ? Пожалуй, кому охота дарить казны, пущай дарить...

Разстались друзья поздно. Въ одиннадцатъ Барсуковъ поѣхалъ въ комиссію; кучеръ Абрамъ ловко подкатилъ къ крыльцу у котораго уже довольно стояло разнокалиберныхъ экипажей. Въ приемной яблоку негдѣ упасть; дѣло будетъ жаркое. — Разсматривая соперниковъ, Барсуковъ одѣлалъ почти каждого презрительной усмѣшкой, и только на одномъ глаза его остановились съ выраженіемъ тревоги.

То былъ тучный мужчина одинаковыхъ лѣтъ съ нимъ, въ богатомъ синемъ кафтанѣ, съ медалью на шеѣ и брилліантовыми перстнями на пухлыхъ пальцахъ. По лицу видно, изъ какихъ онъ, но лицо какъ будто знакомое; и гдѣ и когда видѣлъ его, Барсуковъ этого не могъ вспомнить! Соперникъ его, въ свою очередь устремилъ на него упорный взглядъ, и Василию Максимычу удалось подмѣтить на его блѣдныхъ, губахъ, какую-то странную улыбку, а въ глазахъ выраженіе ненависти. Подрядчикъ не могъ удержаться, чтобы не спросить у знакомаго чиновника, кто это такой.

— Пріѣзжій московскій богачъ, отвѣчалъ тотъ:—по имени Варнава Савичъ Послушный...

Въ это самое время часы прогудѣли двѣнадцать и торги начались...

Дорого досталась Василию Максимычу побѣда надъ пріѣзжимъ москвичемъ. Тысячъ двадцать изъ общей суммы барыша, на который онъ рассчитывалъ, разлетѣлись прахомъ.

— Знаешь ли, съ кѣмъ ты тягася? почти съ ужасомъ воскликнулъ Ракитинъ, когда другъ рассказалъ ему о своей побѣдѣ надъ Послушнымъ.

— А съ кѣмъ? спросилъ удивленный Барсуковъ.

— Съ первѣйшимъ богачемъ въ Россіи! восторженно отвѣчалъ Ракитинъ.—Этотъ человекъ такія дѣла дѣлаетъ, что намъ и во снѣ не приснится. Я не могу понять что ему была за охота объ этотъ подрядъ руки марать!

— Скажите! обидчиво произнесъ Барсуковъ.—Если бы онъ вправду былъ такимъ богачемъ, такъ не уступилъ бы мнѣ... Хе, хе! богачъ! Отчего же я о немъ впервые слышу?

— Счастливъ ты, Василій! твердилъ Ракитинъ.—Я тебѣ ру-

чаюсь головой, что этому Варнавѣ Савичу насъ съ тобой какъ галушку проглотить можно. Странно, очень странно!

Въ первыхъ числахъ іюня, Ракитинъ поѣхалъ въ Тихвинъ для заготовки и отправки сѣна каналомъ въ Петербургъ. Къ концу августа Барсуковъ обязался сдать его по принадлежности. Работа закипѣла; барки нагружались; сѣно подвозилось безостановочно: еще дней десятокъ, и караванъ тронется въ путь...

Какъ-то вечеромъ Ракитинъ усталый, измученный возвратился съ пристани въ свою квартиру, и только что принялся за чай, кто-то стукнулъ у дверей.

— Входи, не заперто! откликнулся Алексѣй Степанычъ, думая, что это кто нибудь изъ барочныхъ работниковъ.

Дверь тихо скрипнула, и въ комнату вошелъ Послушный.

— Здравствуй голубчикъ! произнесъ онъ, отдуваясь и садясь къ столу. — Ты что ли, Ракитинъ?

— Не съ Варнавой ли Савичемъ Послушнымъ имѣю счастье говорить-съ?

— Я-то Варнава Савичъ, а ты-то, не Ракитинъ ли?

— Алексѣй Степановъ Ракитинъ, къ услугамъ вашимъ.

— Ты барки грузишь?

— Я-съ, Варнава Савичъ, по порученію моего компаньона.

— Знаю я это. Много ль на твою долю выпадетъ наживишки?

— Третья доля закуплена на мой счетъ.

— Тысченокъ десятокъ?

— Около того-съ...

— Не глубоко же ты плаваешь, Алексѣй Степанычъ. Пора бы тебѣ перестать мелкотой заниматься.

— Что же дѣлать-то, Варнава Савичъ?

— Не зѣвать, мой родной. Глупъ ли ты али не кстати-честенъ, только не умѣешь извлекать пользы изъ общихъ вашихъ дѣлъ съ Барсуковымъ. А случаи частые...

Ракитинъ съ удивленіемъ вытаращилъ глаза.

— Изъ васъ обоихъ, онъ тебя богаче?

— Не въ примѣръ-съ.

— А хочешь — мало сравняться, такъ его обогнать? Что, ухмыляешься; я не шучу... Хочешь?

— Да кто же врагъ себѣ, Варнава Савичъ! Только это очень мудреное дѣло.

— Самое нехитрое. Ты по чемъ сѣно закупилъ?

— По 17 и по 20 копѣекъ за пудъ.

— Такъ. Хочешь его сбыть по 30 огуломъ?

— Хе, хе, хе! Варнава Савичъ, вы все шутить изволите!!

— Да, есть мнѣ время дурачиться, и стоило въ Тихвинѣ ѣхать, чтобъ съ тобой зубоскалить. Идетъ, что ли, по 30 к. пудъ?

Ракитинъ идиотически смѣялся.

— Ты не смѣйся, а дѣло отвѣчай! крикнулъ сердито Послушный.

— Да развѣ отъ такихъ оборотовъ отказываются? отвѣчалъ Ракитинъ. — Продать-то и всякой съ радостью продасть, да кто же купить-съ?

— Я, невозмутимо возразилъ Послушный:—я куплю.

«Вотъ она штука-то!» подумалъ Ракитинъ.

— А ты думалъ, что я такъ вотъ и уступилъ Барсукову? Простъ же ты, Алексѣй Степанычъ. Да знаешь ли ты, что Варнава Послушный тебѣ цѣлую барку не сѣномъ, а серебромъ нагрузить; знаешь ли ты это?

— Я такъ и думалъ, пролепеталъ смущенный Ракитинъ: — что вы, смѣху ради, Барсукову уступили. Но какъ же мнѣ-то быть теперь. За это дѣло онъ меня живьемъ проглотитъ, да, право, мнѣ и самому совѣстно-съ!

— Тебѣ—совѣстно? спросилъ удивленный Варнава Савичъ. — Чему другому, а ужъ этому, извини—не вѣрю. За ту цѣну, что я тебѣ даю, можно купить и не твою совѣсть. Тутъ прямой вопросъ: изъ двухъ компаньоновъ который для тебя выгоднѣе, я, или Барсуковъ? Дѣло съ сѣномъ только начало, а тамъ мы еще чтонибудь повыгоднѣй придумаемъ. Идетъ, что ли?

— Весь грузъ?

— До послѣдней соломинки.

— Его помимо меня увѣдомить о нашей продѣлкѣ, и тогда...

— Его никто и ни о чемъ не увѣдомитъ; все будетъ сдѣлано какъ мнѣ угодно. Твое дѣло обнадеживать его до послѣдняго срока, а тамъ дѣйствовать по моимъ указаніямъ.

И Послушный объяснилъ свой хитро придуманный планъ Ракитину.

Въ первыхъ числахъ августа, небывалое безпокойство овладѣло Васильемъ Масимычемъ. До сего времени исправный, компаньонъ замѣшкалъ и ни строчкой не увѣдомляетъ о ходѣ заготовки.

— Вѣроятно влеть самъ! утѣшался Барсуковъ.

А у самого сердца пѣтухомъ поетъ. Разъ по десяти въ день вѣдигъ онъ на берегъ Невы къ магазинамъ. Здѣсь все пусто и тихо; только сторожа бродятъ да часовые шагаютъ. Прошелъ день, другой, и, наконецъ на третій, Василій Максимычъ былъ обрадованъ пріѣздомъ Ракитина; но радость эта была минутная. Вытянутое лицо друга, его опущенная голова съ разу дали понять, что дѣло плохо.

— Ну? вопросительно крикнулъ Барсуковъ, тряхнувъ друга за обѣ руки.

Ракитинъ чуть не плача разсказалъ ему о гибели каравана; въ удостовѣреніе представилъ свидѣтельство мѣстнаго исправника, въ которомъ значилось что столько-то барокъ съ сѣномъ затонуло. «И въ газетахъ будетъ напечатано!» прибавилъ Алексѣй Степанычъ въ видѣ утѣшенія.

Барсуковъ рвалъ на себѣ волосы. Громадный убытокъ, стыдъ, устраненіе впредь отъ казенныхъ подрядовъ грозили ему въ будущемъ.

— Вася, Вася! уговаривалъ Ракитинъ: — и я не мало потерялъ... но не ропщу; Его святая воля!

— Что остается дѣлать? вопилъ Барсуковъ: — Купить со вторыхъ рукъ, въ три-дорога заплатить за десятую долю нужнаго количества, а времени всего одна недѣля?... Вотъ господинъ дворянчикъ, до чего доводятъ ваши дурацкіе капризы, важничанье, накидывался онъ на безвиннаго сына. — Алексѣю одному трудно было за всѣмъ угладѣть, твое дѣло было бы помочь намъ! ревъ Барсуковъ Дмитрію дикимъ голосомъ.

До роковаго срока оставалось пять дней.

Рано утромъ пріѣхалъ Ракитинъ, съ своей стороны также изыскивавшій всѣ возможные средства, чтобы выручить компаньона изъ лихой бѣды.

— Не горюй, Васюха, сказалъ онъ съ сіяющимъ лицомъ. Выкрутимся!

— Шутить, Алексѣй Степанычъ?

— Не до шутокъ намъ съ тобой. Натолкнулся я, батюшка, на добраго человѣка, и если онъ не подорожится, а ты не поспупись, такъ выйдешь сухъ изъ воды. Послушный, Варнава Савичъ...

— Что со мной на торгахъ тягася?

— Онъ самый. Послушный припасъ недавно чортову гибель сѣна, и готовъ его продать съ величайшей охотой.

— А цѣна!

— Цѣны не говоритъ. Но какъ бы она высока ни была, мой тебѣ дружескій совѣтъ: давай.

— Хотя бы въ убытокъ?

— Пропадай все, только бы исправнымъ быть! Я былъ сію минуту у Послушнаго, говорилъ о тебѣ, и онъ до одиннадцати часовъ будетъ ждать насъ.

Друзья отправились къ Послушному, жившему подъ Невскимъ. Ракитинъ представилъ своего компаньона, и опять Барсуковъ замѣтилъ на блѣдныхъ губахъ старика ту же ехидную усмѣшку.

— Продать можно, сказалъ онъ также спокойно, какъ будто дѣло шло о фунтѣ отрубей.

— А какъ ваша цѣна? робко спросилъ Барсуковъ переглянувшись съ вѣрнымъ Ракитинымъ: — Алексѣй говорилъ вамъ о моемъ несчастіи, и я надѣюсь...

— Нѣтъ ужъ лучше вы не надѣйтесь, неумолимо возразилъ Послушный. — Въ торговлѣ, я чай, вы сами знаете, жалость неумѣстна, а снисхожденіе не подходящее дѣло. Моя цѣна — полтина серебромъ за пудъ.

Барсуковъ какъ будто окаменѣлъ.

— Дорого, не спорю! продолжалъ Послушный: — но сами знаете дѣло торговое; я ни полушки не уступлю. Хотите, берите, хотите, нѣтъ — ваша воля! Я, во всякомъ случаѣ, въ убыткѣ не останусь...

— Не сходно-съ! прошепталъ Барсуковъ задыхаясь. — Все что я могу дать — по тридцати, и то въ убытокъ.

— Прощайте, батюшка! сказалъ холодно Послушный, поворачиваясь къ гостямъ спиной. — Совѣтую поторговать съ возомъ, на Сѣнной...

— Тридцать семь, Варнава Савичъ! чуть не плача простоналъ Барсуковъ.

— Нѣтъ-съ, батюшка, не отдамъ!

Дѣло однако кончилось тѣмъ, что сѣно было куплено по полтиннику. Барсуковъ доставилъ его своевременно; удостоился благодарности отъ высшаго начальства; но потерпѣлъ страшный убытокъ. Перебирая свои счетныя книги, Василій Максимычъ

при взглядѣ на нныя страницы мѣнялся въ лицѣ и судорожно теребилъ себя за бороду.

— За то имя Барсукова безъ пятна! утѣшалъ его Ракитинъ.

VIII.

Въ сентябрѣ того же года, явилась публикація о поставкѣ дровъ и лѣсныхъ матеріаловъ въ одно важное казенное мѣсто. Сумма кругленькая, дѣло привычное. Выдрихинскія рощи неистощимы — какъ тутъ не искуститься нашему Василю Максимычу. Но на этотъ разъ онъ готовился къ торгамъ съ робостью новичка. Призракъ Послушнаго преслѣдовалъ его, какъ безотвязный кошмаръ. Онъ предчувствовалъ, что и на этихъ торгахъ столкнется съ этимъ страннымъ человѣкомъ.

Предчувствія не обманули Барсукова.

Вечеромъ, наканунѣ торговъ, кто-то сильно позвонилъ у дверей квартиры Василя Максимыча. Съ замирающимъ сердцемъ Барсуковъ встрѣтилъ нежданнаго гостя.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій, проникалъ тотъ, садясь на кресла: — а я къ вамъ мимоѣздомъ, на счетъ завтрашнихъ торговъ потолковать.

У Барсукова, какъ говорится, мальчики въ глазахъ запрыгали.

— Вы, тоже будете, Варнава Савичъ!

— Да думаю, любезнѣйшій мой; авось на этотъ разъ счастливѣе буду.

— Варнава Савичъ, да неужели вы погонитесь за этимъ подрядомъ?

— А почему бы и нѣтъ, батюшка? Не все же вамъ однимъ наживать.

— Но я такая дрянь передъ вами...

— Дрянь-то, конечно, дрянь, а все же случая къ поживѣ я упускать не хочу. Такъ-то-съ!

Послушный, не спуская глазъ съ хозяина, барабанилъ по столу.

— Сегодня утромъ, продолжалъ онъ, тысячь семь бросить стракулистамъ, чтобы завтра попросторнѣе было. Поборемся, Василий Максимычъ.

— За что вы мучите меня, Варнава Савичъ, произнесъ подрядчикъ со вздохомъ: — что я вамъ сдѣлаю? Я еще не могу опом-

житься от покупки сѣна, а ужъ вы мнѣ на гибель что-то новое строите...

— Толкуй себѣ что хочешь!

— Съ первой нашей встрѣчи я чувствую, что мнѣ не под силу бороться съ вами, и сознаюсь, сознаюсь въ моемъ безсиліи. Вы можете потопить меня, но за что же?

Мрачный, зловѣщій огонь сверкнулъ въ глазахъ Послушного; но это было на одну секунду. И снова глаза этого человѣка приняли прежнее безстрастное выраженіе.

— Полно вамъ Лазаря-то пѣть! произнесъ онъ презрительно. — Ежели бы я хотѣлъ топить васъ на подрыдахъ, такъ ужъ давнымъ давно нашелъ бы къ тому случай, не входя съ вами ни въ какія слѣлки. Впрочемъ, Богъ съ вами, я готовъ уступить завтрашніе торги, но разумѣется не даромъ.

— Вы, вы согласитесь взять отступныя?

— Отчего же и нѣтъ? За десять тысячъ я уступаю вамъ честь и мѣсто.

Повторилось то же, что и при покупкѣ сѣна. Жался, жался Барсуковъ — и отсчиталъ Послушному требуемую сумму. Варнава Савичъ пересчиталъ деньги, небрежно сунулъ ихъ въ карманъ и поднялся съ мѣста.

— Желаю вамъ успѣха на завтра, сказалъ онъ при прощаньи. — Въ случаѣ недостатка матеріала, просимъ милости ко мнѣ... Авось пригожусь!

— Гдѣ и когда видѣлъ я этого человѣка?

Вотъ вопросъ, надъ которымъ Барсуковъ ломалъ голову во время своей долгой, безсонной ночи. Съ первой встрѣчи лицо Послушного показалось ему знакомымъ, и теперь, чѣмъ даѣе время, тѣмъ знакомѣе кажутся и взглядъ, и голосъ. Чего онъ хочетъ отъ меня, за что притѣснять?

Но выходы Послушного не были даже обыкновенными прижимками соперника-подрядчика; въ нихъ было что-то особенное, напоминавшее игру кошки съ мышью. Барсуковъ ежеминутно ждалъ себѣ отъ Послушного новыхъ неприємностей, и до нынѣ непобѣдимый, дрожалъ при одномъ этомъ имени и чувствовалъ всю тягость сторонняго ига. Торги и переторжка прошли благополучно; подрядъ остался за Василиемъ Максимычемъ. Какъ и въ тотъ разъ, для заготовки отправленъ старшій приказчикъ на Выдринскую дачу. Ракитинъ не принималъ на себя ни-

какихъ хлопотъ при подрядахъ подобнаго рода; тутъ дѣло шло безъ особенныхъ затрудненій: барки съ дровами и тонки бревенъ приплывали въ Петербургъ ежегодно безъ малѣйшей помѣхи. Одно показалось страннымъ Барсукову. Ракитинъ, слѣдившій обыкновенно съ искреннимъ участіемъ за ходомъ подрядовъ, уѣхалъ по собственнымъ дѣламъ въ Тверь, обѣщая возвратиться не ранѣе, какъ черезъ мѣсяцъ. Въ послѣднее время онъ исподволь покончилъ расчеты съ компаньономъ, и одна только Выдринская дача, принадлежавшая ему только по имени, была единственнымъ звѣномъ, связывавшимъ вѣрныхъ друзей...

Посланный въ Лодейное полѣ прикащикъ возвратился черезъ двѣ недѣли съ страшной, невѣроятной вѣстью:

— Василій Максимычъ, сказалъ онъ хозяину: — дѣло вышло дрянъ. Вѣдь Выдриха больше не наша.

— Какъ не наша? воскликнулъ пораженный Барсуковъ.

— Ее продалъ, мѣсяцъ тому назадъ, Алексѣй Степанычъ купцу первой гильдіи Варнавѣ Савичу Послушному. Я своими глазами съ купчей крѣпости копію въ уѣздномъ судѣ видѣлъ.

— Вздоръ, шутки!

— Упаси Господи такими вещами шутить... какъ намъ быть теперь, Василій Максимычъ?

Барсуковъ поскакалъ къ Ракитину — еще не возвращался, отвѣчали домашніе; къ Послушному — дома нѣтъ. У послѣдняго Василій Максимычъ оставилъ записку, написанную дрожащей рукой. Въ ней онъ умолялъ Послушнаго пожаловать къ нему по весьма нужному дѣлу. Усталый, измученный, возвратился онъ домой, и весь вечеръ до поздней ночи проходилъ по своему кабинету, помачивая уксусомъ распаленную голову. По временамъ старику казалось, что раскаленный ошейникъ сжимаетъ ему горло...

Утромъ, часу въ девятомъ, Василью Максимычу доложили о пріѣздѣ Варнавы Савича.

— Что, батюшка, у насъ за важныя дѣла? спокойно спросилъ тотъ, входя въ кабинетъ.

— Варнава Савичъ? задыхаясь и дрожа всѣмъ тѣломъ, прошепталъ Барсуковъ: — скажите, ради Бога, купили вы, мѣсяцъ тому назадъ, у Ракитина, дѣшную дачу?

— Въ Лодейнопольскомъ уѣздѣ, что ли? Купилъ, а что?

— Онъ не имѣлъ права продавать вамъ Выдрихи, потому что

это моя собственность-съ! воскликнулъ Барсуковъ запальчиво. — Онъ только назывался ея хозяиномъ, а настоящий хозяинъ я, и былъ, и буду!...

— Вотъ какъ-съ! произнесъ Послушный тѣмъ же тономъ, какимъ взрослые говорятъ съ дѣтьми. — Что вы были хозяиномъ дачи, это вѣрно, такъ же, какъ вѣрно и то, что вамъ хозяиномъ болѣе не бывать. Триста шестьдесятъ тысячъ отсчитано мною чистыми денежками; вотъ вамъ и номеръ «Сенатскихъ Вѣдомостей», гдѣ все это подробно розписано. Выдриха моя и никому въ мірѣ ее отъ меня не отнять, а вы ужь вѣдайтесь съ вашимъ Ракитинымъ.

— И буду, буду судиться! яростно шипѣлъ Барсуковъ. — У насъ есть суды, у насъ есть законъ, и они дадутъ мнѣ праведную защиту...

— Въ незаконномъ дѣлѣ? Девять лѣтъ тому назадъ, ты перевелъ Выдринскую дачу на имя Ракитина, сговорясь съ нимъ, чтобъ онъ приберегалъ ее для тебя на черный день. Это, по твоему, дѣло правильное, честное? Нѣтъ, батенька, кто съ головы до ногъ перегаженъ такъ, какъ ты, тому бы объ законахъ лучше помалчивать.

— Не тому бы это говорить, крикнулъ Барсуковъ: — кто самъ принадлежитъ къ гнусной сектѣ, которую законъ преслѣдуетъ!

— Нашелъ же чѣмъ меня попрекнуть! А ты съ чего разжился? съ денегъ, украденныхъ у жениха твоей родной сестры, и оба, по твоей милости, умерли въ нищетѣ, чуть не съ голоду. Ты обольстилъ и безсовѣстно бросилъ ту, которой одолженъ своей свободой... У тебя не дрогнула рука задушить подушкой своего крестнаго отца Василія Никандрыча Грохотова...

Послѣднія слова Послушный произнесъ медленно, понизивъ голосъ, любуясь, какое впечатлѣніе производятъ онѣ на Барсукова. Старикъ застоналъ и безъ силъ опустился въ кресла, держа обѣими руками за голову.

— Полвѣка молилъ я Бога о встрѣчѣ съ тѣмъ, по чьей милости я сталъ тѣмъ, что я есть... И, наконецъ, моя молитва услышана. Этотъ человекъ ты, Василій Максимычъ. Нынѣ почетный гражданинъ, именитый купецъ, богачъ, подрядчикъ; а пятьдесятъ лѣтъ иззадъ — нищій, мальчишка деревни Выдрихи, Васька Барсуковъ... мой крестовый братецъ!

Эти слова какъ громовой раскатъ заставили Барсукова вскочить съ мѣста. Вытянувъ шею, съ лицомъ искаженнымъ отъ ужаса, онъ всматривался въ этого, казалось ему, выходца съ того свѣта.

— Въ самомъ началѣ нашей жизни, продолжалъ неумолимо Послушный: — мы разошлись съ тобой разными путями: ты въ Петербургъ, разживаться съ украденныхъ денегъ; я — въ мертвый мѣстъ... и вотъ, на краю могилы, опять сходимся. Пойми же ты, что я только начинаю отплачивать тебѣ за мою испорченную жизнь, и, какъ видишь, успешно... половина твоего состоянія перешла въ мои руки. Но мало мнѣ этого, и я успокоюсь тогда только, когда пушу тебя по міру. Прощай, и будь проклятъ!

Такъ заключилъ Послушный свою рѣчь и быстро вышелъ изъ кабинета. Барсуковъ, потирая лобъ, уставивъ глаза въ землю, не трогался съ мѣста. Въ этомъ состояніи засталъ его Артющка.

— Прикажете подать одѣваться? спросилъ онъ хозяина.

Василій Максимычъ только взглянулъ на него, не говоря ни слова.

IX.

Въ домѣ Барсукова суматоха и бѣготня. Старый хозяинъ боленъ, лежитъ въ постели, а молодого нѣтъ дома, а гдѣ его отыщешь? Артющка побѣждалъ за докторомъ; кухарка за цирюльникомъ. До возвращенія Дмитрія старшій прикащикъ рѣшился побережъ больного. Глубокій обморокъ, въ который былъ погруженъ Василій Максимычъ, не предвѣщалъ ничего добраго. Прикащикъ, Прохоръ Ивановичъ, осмотрѣлъ лицо больного, тронулъ его за руку и умиленно обратилъ глаза на образъ:

— Господи! прошепталъ онъ мысленно: — ежели только хозяинъ померъ, я молебень отслужу и на церковь сотню дѣлковыхъ пожертвую.

Послѣ этого смиреннаго моленья, прикащикъ уставилъ глаза на бюро и на письменный столъ, заваленный шнуровыми книгами. Въ одномъ изъ ящичковъ торчалъ ключъ, съ привѣшенной къ нему на стальномъ кольцѣ связкой разнокалиберныхъ товарищей.

— Лишь бы замокъ не щелкнулъ... щелкнулъ самъ себѣ Прохоръ Ивановичъ, на цыпочкахъ направляясь къ столу...

Оставимъ его при благородномъ занятіи ухаживанія за больнымъ хозяиномъ и отправимся въ келью отца Евсевія, гдѣ былъ въ это время Димитрій. Въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль скука и одиночество заронили въ его молодую голову странную, несообразную мысль. Онъ рѣшился поступить въ монастырь и объ этомъ почти ежедневно бесѣдовалъ со своимъ добрымъ покровителемъ. Евсевій всѣми мѣрами отклонялъ его отъ этого страннаго намѣренія. Такъ и въ то утро, когда захворалъ Барсуковъ, другъ Димитрія говорилъ ему:

— Вѣрь, сынъ мой, что монастырь — пріютъ скорби неутолимой. Только тотъ имѣетъ право вступить въ святую обитель, у кого истерзано сердце, кого ничто не можетъ привязывать къ свѣту.

— А развѣ меня что нибудь привязываетъ? возразилъ Димитрій.

— Тебя должны привязывать къ свѣту твоя молодость, твой умъ, твои способности. Жизнь твоя не можетъ продолжаться при тѣхъ условіяхъ, при какихъ нынѣ проходитъ... Будущее сулитъ тебѣ свободу и независимость; ты можешь изгладить изъ памяти людей погрѣшности отца, загладить ихъ добрыми дѣлами. Укажу тебѣ еще на одно важное обстоятельство. Съ твоими добрыми чувствами, ты можешь встрѣтить женщину, которая пойметъ и оцѣнитъ тебя, будетъ спутницей твоей жизни...

— Батюшка! уныло отвѣчалъ Димитрій: — въ наше время, въ сынѣ милліонщика ни одна женщина въ мірѣ не захочетъ искать чувствъ. Довольствуются только деньгами...

— Зачѣмъ же такъ зло думать о людяхъ? И почему ты думаешь, что не придетъ время, когда ты будешь богатъ только своими достоинствами? Нѣтъ, Димитрій, продолжалъ монахъ вдохновенно: — не побывъ на морѣ, не входи въ тихую пристань. Не бойся волнъ житейскаго моря, и пусть воспоминаніе о покойной матери служитъ тебѣ путеводной звѣздой. Вступленіе твое въ монастырь было бы такимъ же неразумнымъ дѣломъ, какъ отдыхъ усталаго человѣка. Монастырь — преддверіе вѣчности, а юности ли думать о ней?

Успокоенный Димитрій возвратился домой, и здѣсь встрѣтили его неожиданной новостью. Отецъ съ утра въ постели, безъ чувствъ; ни пиявки, ни кровопусканіе не принесли желанной пользы. Въ обхожденіи прислуги съ Димитріемъ замѣтно уже

было заискивающее раболѣпство; домашніе видѣли въ немъ уже наслѣдника и будущаго хозяина. Прохоръ Ивановичъ, въ былыя времена, подсмѣивавшійся надъ нимъ въ угоду старику Барсукову, теперь смотрѣлъ въ глаза, стараясь угадать малѣйшее желаніе. Въ два, три часа времени внутренность дома Барсукова, быть домашнихъ совершенно измѣнились. Въ кухню набѣжали сосѣднія бабы; Артюшка въ прихожей надѣлъ праздничный кафтанъ, къ которому, кромѣ какъ въ новый годъ и свѣтлый праздникъ, хозяинъ запрещалъ прикасаться. Въ воздухѣ запахло лекарствами, и часы потянулись съ той медленностью, съ какой они обыкновенно отмѣряютъ угасающую жизнь больного.

Приказавъ, кромѣ доктора, никого не принимать, Димитрій вошелъ въ кабинетъ отца. Сердце его сжалось, слезы навернулись на глазахъ, но въ немъ не было инаго чувства, кромѣ жажды къ человѣку.

Къ вечеру, благодаря мушкамъ, горчичникамъ и всякимъ другимъ снадобьямъ, больной вышелъ изъ своего обморока, но не на радость. Блестящіе глаза, яркій румянецъ, сухія раскаленныя губы были несомнѣнными признаками сильнѣйшей нервной горячки. Рой страшныхъ видѣній закружился вихремъ надъ изголовьемъ больного, и все, что таилось на днѣ этой черной души, все озарилось палящимъ огнемъ горячки.

На другой день частые звонки возвѣщали Димитрію о душевномъ участіи, которое принимали въ судьбѣ больного его многочисленные знакомые. Большею частью назывались Артюшкѣ изустно; весьма немногіе записывались... одинъ только Иванъ Петровичъ Темниковъ оставилъ блестящую визитную карточку съ загнутымъ уголкомъ. Въ обѣденную пору, слуга доложилъ Димитрію о приходѣ какой-то старушки, лично къ нему. Молодой Барсуковъ угадывая, кто была эта гостя, поспѣшно вышелъ въ прихожую.

— Надежда Онисимовна!

— Здравствуй, мой голубчикъ, отвѣчала она, обнимая своего нареченнаго внучка. — Правду ли я слышала; отецъ...

— При смерти. Пройдемте въ залу, я все расскажу вамъ... Еслибъ вы только знали, какую ужасную ночь я провелъ у его постели.

— Вѣрю, Митя, вѣрю. Именно за этимъ я и пришла сюда, чтобы помочь тебѣ въ уходѣ за Василюмъ Максимычемъ... Дай мнѣ исполнить долгъ мой.

И вотъ, послѣ двадцатилѣтней разлуки, Слѣпнева снова переступила черезъ порогъ кабинета Василя Максимыча, но какал разниа въ обстановкѣ! Тогда была она здѣсь грозная, неумолимая, грудью отстаивающая свое дѣтище. Теперь она вошла въ комнату Барсукова съ единой цѣлью усладить его послѣднія минуты, и если будетъ нужно, закрыть ему глаза съ словами молитвы и примиренія. Послушный пятьдесятъ лѣтъ тайлъ злобу на своего злодѣя; Надежда въ двадцать лѣтъ времени позабыла минувшее, чтобы протянуть ему руку помощи.

Съ молитвою, съ искренней жалостью въ сердцѣ, Надежда Онисимовна подошла къ изголовью умирающаго. Голова его, занятая страшными видѣніями, освобождалась мало-по-малу.

— Которое у насъ число, Митя? чуть слышно спросилъ онъ Дмитрія.

— Одиннадцатое, батюшка.

— Переторжка была восьмого; не надобно терять времени. Сію же минуту напиши къ Захару Лукичу Терешину... иѣтъ, этотъ подрядъ не пропадетъ? Дай счеты...

Дрожащей, охолодѣлой рукой Барсуковъ сталъ брякать ко-
стяжками, дѣлая какія-то выкладки. Изнуренный этими усиліями, онъ однако же скоро погрузился въ забытѣ, и счеты выскользнули изъ его рукъ.

— Сію же минуту, сказалъ Дмитрій, выходя въ прихожую и отдавая письмо Артющкѣ: — пошли кучера въ Невскую Лавру отдать архимандриту Евсеію.

— Онъ тебя два раза спрашивалъ, прошептала Слѣпнева, когда Дмитрій возвратился въ кабинетъ.

Въ эту минуту Слѣпнева перемѣнила ледяной компрессъ на головѣ Василя Максимыча; онъ искоса, недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее и кивнулъ головой Дмитрію, чтобы тотъ наклонился.

— Это что за старуха? шепнулъ онъ съ неудовольствіемъ.

— Сидѣлка, отвѣчалъ Дмитрій въ волненіи.

— Зачѣмъ; кто васъ проситъ панимать? Или ужъ вамъ тяжело не поспать ночи для больнаго отца? Гдѣ ключи?... Не украла бы чего!...

Раздался звонокъ, Дмитрій вышелъ и минутъ черезъ пять возвратился, сопровождаемый отцомъ Евсеіемъ.

— Это что же такое? произнесъ больной, окидывая присут-

ствующихъ потухающимъ взоромъ.— Не больно ли вы торопите меня, Димитрій Васильевичъ! прибавилъ онъ язвительно.

Евсевій молча приблизился къ больному, и глаза его встрѣтились съ глазами Надежды Онисимовны. Слѣпнева остановила на немъ пристальный взглядъ, полный радостнаго недоумѣнія. Занятый отцомъ, Димитрій этого не замѣтилъ.

Х.

— Отчего же вы отказываетесь отъ небесной помощи, если земная — безсильна? кротко произнесъ Евсевій.

— Опять вы! прошепталъ больной, съ неудовольствіемъ отворачиваясь. — Есть у меня свой духовникъ, и я пошлю за нимъ, когда будетъ нужно.

— Ваша воля, и дай Богъ, чтобы онъ шелъ къ вамъ съ тѣмъ же участіемъ, съ какимъ я къ вамъ явился. Позвольте только замѣтить вамъ, что въ великомъ дѣлѣ покаянія, въ особенности предсмертнаго, не слѣдуетъ увлекаться лицепріятіемъ.

— Митя, да неужели я такъ плохъ? боязливо спросилъ больной.

Димитрій въ смущеніи отвернулся.

— Именемъ Спасителя умоляю васъ, упрашивалъ Евсевій: — воспользуйтесь минутами ясности вашей памяти и мыслей. Въ вашемъ положеніи онѣ такъ часто смѣняются безпамятствомъ...

— Батюшка, колко возразилъ Барсуковъ: — повѣрьте мнѣ, что отъ исповѣди моей будетъ очень мало прибыли. Вы надѣетесь можетъ быть на щедрое пожертвованіе вашему монастырю?

— Я надѣюсь примирить васъ съ врагами и вашей совѣстью! смиренно отвѣчалъ Евсевій. Барсуковъ усмѣхнулся.

— Забота вамъ о моей совѣсти!... Словно я разбойникъ какой! Совѣсть моя не грязнѣе иной... Конечно, бывали ошибки, обманы, всякое бывало, но безъ этого нельзя въ торговлѣ. Гдѣ могъ, я и добро дѣлалъ. Вотъ на сосѣдній пріютъ ежегодно жертвовалъ, и на снабженіе бѣдныхъ пищею...

— И во все время вашей долгой жизни не сдѣлали вы ничего, въ чемъ бы упрекала васъ совѣсть въ теперешнія великія минуты? съ ужасомъ спросилъ Евсевій.

— Ничего, сухо отвѣчалъ больной. — Если правду сказать,

такъ мнѣ люди сдѣлали несравненно болѣе зла, нежели я имъ. Но ежели мой смертный часъ близокъ... я по долгу христіанскому прощаю имъ...

— Кто же именно сдѣлалъ вамъ зло?

— А мало-ль ихъ? Ракитинъ послѣ сорока-лѣтней дружбы оплелъ меня самымъ безбожнымъ образомъ. А сынъ мой, а жена покойница, развѣ это не змѣи отогрѣтыя на груди? Дитирій въ послѣднее время много мнѣ горя надѣлалъ. Хваленая образованность научила его только гнушаться отцовскимъ промысломъ.

— Онъ гнушается не промысломъ, но состояніемъ несправедливо нажитымъ.

— Неправедно? Хе. хе... Неправедно!

— Обвиняя другихъ, вы не оправдываете себя. Вспомните о тѣхъ, кого именно вы обидѣли?

— Никого я не обижалъ! сухо пробормоталъ Барсуковъ.

— И вы совершенно спокойны?

— Совершенно, батюшка.

Евсевій молча отошелъ отъ больного. Василій Максимычъ отвернулся отъ него на другую сторону.

— Докторъ мнѣ нуженъ, а не священникъ! проворчалъ онъ, кутаясь въ одѣяло.

— Василій Максимовичъ, произнесъ тихій голосъ Слѣпневой.

— Ты погубилъ мою молодость, отнял у меня доброе имя и двадцать лѣтъ заставилъ провести въ состояніи хуже скота безмысленнаго. Я ли тобой не обижена? Но пусть Господь проститъ тебя, какъ я прощаю...

Съ первыхъ словъ больной приподнялся на постели и устремилъ мутные глаза на Надежду Онисимовну, потомъ быстро повернулся къ сыну и въ ту же минуту со стономъ зажмурился.

— Зачѣмъ онъ здѣсь? прошепталъ онъ перерывисто: — зачѣмъ вы его впустили?

— Отецъ Евсевій?

— Нѣтъ не онъ, не онъ!... другой; тутъ, у стѣны!...

Языкъ больного примѣтно коснѣлъ; глаза коснулись, предсмертный холодъ оковывалъ члены.

— Его задушила племянница, а не я... пролепеталъ онъ, опрокидываясь на подушки. Евсевій поднесъ къ его губамъ крестъ, и замѣтно было, что умирающій дѣлаетъ усилія, чтобы

поцѣловати символъ спасенія. Въ эту же самую минутудѣ яркія слезинки скользнули по впалымъ щекамъ Барсукова; глаза потускли, остановились — и выраженіе какого-то недоумѣнія застыло на мертвенно-блѣдномъ лицѣ.

— Онъ былъ и убійцей! прошепталъ Димитрій, крестясь.

— Ни слова! остановилъ его Евсеій. — Онъ уже предъ лицомъ Судіи Небеснаго! Наше дѣло теперь молиться.

Хоронили Василя Макенмыча на Волковомъ, по собственному его желанію, которое онъ нерѣдко высказывалъ при жизни. Живой Барсуковъ былъ далеко не то, что Барсуковъ умирающій. Онъ избралъ Волково не потому, чтобы его побуждала къ тому какая нибудь религіозная мысль. «Тамъ могилы дешевы!» говорилъ онъ себѣ въ оправданіе. Похороны были великолѣпныя; поминки чудныя — вина и водки вдоволь; за то ужъ и Прохоръ Ивановичъ накаталъ такой счетъ, что любо дорого. При погребеніи, въ ту самую минуту, когда гробъ, тихо покачиваясь на холстахъ, погрузился въ могилу и каждый, по обычаю, бросилъ на него прощальную горсть земли, — къ могилѣ подошелъ высокаго роста, очень тучный мужчина съ блѣднымъ болѣзненнымъ лицомъ. Многіе узнали его и почтительно разступились... Но не обращая ни на кого вниманія, онъ крестообразно посыпалъ пескомъ гробовую крышку, до земли поклонился могилѣ и, никого не удостоивъ взглядомъ, тихо удалился.

Въ началѣ весны по городу разнесся странный слухъ который повторяли сотни устъ и которому никто не хотѣлъ вѣрить.

— Слышали вы про Барсукова? говорили въ среднемъ кругу:—про сына богача—подрядчика; слышали, какую онъ штуку удралъ?

— Что такое?

— Формально объявилъ конкурсному управленію отцовскими дѣлами, что отказывается отъ наслѣдства.

— Неужели послѣ покойнаго остались большіе долги?

— За уплату долговъ, сыну могло очиститься до милліона.

— И онъ отказался?

— Формально.

— Либо дуракъ, либо сумасшедшій... Да что-то плохо вѣрится, чтобъ могъ существовать такой шутъ, гдѣ же онъ?

— Пропалъ куда-то безъ вѣсти!

Въ купеческомъ мірѣ въ поступкѣ Димитрія видѣли какую-то

злоумышленность, утверждали, что сынъ Барсукова вынужденъ былъ отказаться отъ наслѣдства изъ боязни имѣть какія-то непріятныя столкновенія съ кѣмъ-то... Какихъ только нелѣпицъ не складывали по поводу этого страннаго событія.

Между тѣмъ изъ обломковъ Барсуковскаго состоянія стали образовываться другія капиталы; стали возникать изъ среды прикащиковъ милліонера новыя коммерческія фамиліи. Ракитинъ полѣзъ въ гору; Прохоръ Ивановичъ снялъ хозяйскій чайный магазинъ, другой прикащикъ прибралъ къ рукамъ лѣсной дворъ... Толки о Димитріи мало по малу затихли, чему много способствовало наступленіе лѣта, а съ нимъ открытіе Лондонской выставки. Прошли недѣли, мѣсяцы...

НЕИЗВѣСТНЫЙ.

ГОЛУБЯТНИКИ.

(ОЧЕРКЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ТУЛЬСКИХЪ ОРУЖЕЙНИКОВЪ).

Тула. Зимнее морозное утро запустило инею и шипит колокольные, и заборы, и вороны, и люди молча движутся кому куда надо, пряча свои носы въ тепло. Вотъ и собака дворняшка бѣжитъ, поджавши хвостъ, по неустроенной набережной маленькой рѣчки, въ параллель которой тянется рядъ деревянныхъ домишекъ, заканчивающихся высокою каменной лавкой; входъ въ нее завѣшенъ бичевою сѣтью, сквозь которую виднѣются разныхъ породъ летающие и воркующіе голуби. Самъ хозяинъ, усѣвшійся на табуретъ возлѣ двери съ надписью: «продажа табаку», нагнувъ на носъ картузъ, а на картузъ овчинный воротникъ тулупа, и, согнувшись, спокойно дремалъ подъ скрипъ тянувшихся на мостъ обозовъ и гуркотню голубей.

Съ высокаго крыльца видъ противоположной стороны. Тутъ тянется слѣва кадетскій корпусъ въ массѣ частныхъ домовъ, а вправо, по отлично устроенной набережной, обрамленной чугуною рѣшеткой, громоздятся зданія оружейнаго завода съ вѣчнымъ стукомъ, громомъ и огнемъ. Законченные мастера то приносятъ, то уносятъ свою работу, а шалопай малый лѣзетъ въ чужую голубятню на кражу. Не могъ самъ съ собой совладѣть: поправился Васюткѣ краснолысый голубь сосѣда Омина. Вотъ онъ бросилъ молотъ и наковальню, надѣлъ свитку, подвязалъ ее веревкой, пообдернулъ съ боковъ и шать краденаго туда: поди молъ обыскивай — въ рукахъ нѣтъ ничего.

Идетъ Васютка по заводской набережной, несетъ на плечѣ два ружья прикладами вверхъ, — какъ будто и въ самомъ дѣлѣ работалъ.

— Васютка! кричатъ ему столпившіеся у двери оружейники: — ай на продажу несешь?

— По заказу на ту сторону.

— Смотри, не забери въ сторону...

— Дьяволы! Вамъ зубы точить. Чижатники!... Проходитъ черезъ мостъ прямо къ лавкѣ и останавливается.

— Чего смотришь, малый, разиня ротъ-то? говоритъ ему проснувшійся голубятникъ-торговецъ: — ай не видишь, что здѣсь не цоолы куютъ...

— Я такъ, посмотрѣть.

— Смотри, да ноги не отморозь.

— Чортъ! ты думаешь, что добра-то этого не видали?... а что вонъ та голубка стоитъ, что на ящикѣ сидитъ? Мы сами охотники...

— Ты не ругайся, а если есть у тебя, милый человѣкъ, свое добро, дакъ показывай безъ огорченія.

— Это свой, домашній, проговорилъ Васютка, вытряхивая изъ-за спины въ рукавъ голубя, и ухвативъ его въ ладонь, продолжалъ шопотомъ: — ты посмотри, Макѣичъ, на рожу-то!... Видишь?... щечки бѣлыя, на затылкѣ съ разсвѣтомъ, глаза по пяточкю, носъ толстый, ячменный; ей Богу! душа вошь, — краса!... подлинно!...

Макѣичъ останавливаетъ головку голубя двумя пальцами своей руки и серьезно смотритъ.

— А что просишь, милый человѣкъ?

— Съ горя, что нѣту-ти по немъ дружка, возьму съ тебя по знакомству на полштофъ...

— Цѣна московская.

— Ну, сейчасъ соображу тульскую, значить, по просту...

— Вотъ тѣ по просту! послышалось сзади, и выѣстъ съ тѣмъ кулакъ за кулакомъ посынались въ шею Васютки.

— За что? произнесъ Васютка, выпустивъ голубя на свободу и выпучивъ глаза на Оомилу.

— За то.

— За что?

— Не воруй голубей.

— Какихъ?

— Моихъ.

— Своимъ судомъ его! своимъ судомъ его! кричалъ подходящій народъ.

И Васютку, окруженнаго толпой, повели за шиворотъ на ту сторону. На другой день послѣ этого происшествія, Васютка, стоя на подмосткахъ своей собственной голубятни, переговаривался съ сосѣдомъ Антошкой Шурупомъ:

— Ну, ловко вы меня, черт, вчера отбуцовали; кажись, кровью бы истекъ; вся кожа отъ тѣла отстала.

— Эка! говоритъ сосѣдъ, спугивая артель голубей длиннымъ шестомъ: — намѣсь Гришкѣ Зюкину голову проломил. Кулаками-то ворочали, ворочали, да ужъ въ металы приняли; ну, тутъ спокаплся... пожертвовалъ своими боками.

Васютка также спугнулъ свою артель. И такъ, разомъ двѣ артели поднялись въ высь, каждая особой группой; кружась на лазурномъ фонѣ, почти отвѣсно надъ головами своихъ хозяевъ, голуби казались то темными пятнами, то, вдругъ озаренные лучемъ солнца, мелькали своими серебристыми крылышками, поднимаясь все выше и выше; а Васютка и сосѣдъ его Антошка Шурупъ, закинувъ головы, свистомъ и стукомъ палки по крышѣ пугали артели. Наконецъ вдаль показался голубь. Онъ леталъ одинъ, постепенно приближаясь къ артелямъ.

— Чюжакъ!... Чюжакъ! закричалъ Васютка, и началъ звать артель: — кысь, кысь, кысь!...

— Чюжакъ, чюжакъ!... душа вонъ!... проговорилъ Антошка Шурупъ: — кысь, кысь, кысь!...

Артели, повинаясь голосу хозяевъ, быстро спускались широкими кругами на чужаго голубя, то разсыпаясь и смѣшиваясь въ одну артель, то наконецъ тѣсно соединяясь и круто поворачивая мимо совсемъ растерявшагося чужака.

— Присталы! присталы! закричалъ Васютка, увидавъ, что чужакъ снизу вбирается въ его артель.

— Должно ототницкій, сказалъ Шурупъ, кладя шестъ на крышу.

— Рѣзовъ на кругахъ... стрѣла!...

— Да это краснолысый Ооминъ!... вчерашній!...

— Ну, вотъ еще!

— Душа вонъ! Мы за него чистили тебѣ бока... вчерась... ай забылъ?

— Забылъ. Кысь, кысь, кысь!... продолжалъ Васютка, не спуская глазъ съ артели.

Голуби сдѣлали еще разъ широкій кругъ и, какъ по командѣ, усьлились въ рядъ на гребнѣ крыши.

— И то онъ, проговорилъ Васютка.

— А что, небось Ооминъ выкупъ дастъ? спросилъ Шурупъ.

— Надо ладить на штофъ.

— Пожди немного, потолкуемъ... онъ, къ примѣру, тебя вчера оконфузилъ?

— Оконфузилъ такъ, что глазъ чуть не вышибъ.

— Теперь онъ, значитъ, охотникъ: хоть бы, къ примѣру, я или ты, завсегда своей охоты жалко. Такъ?

— Такъ.

— Ну дакъ выходи же ты на уголь, а я побѣгу къ нему; онъ въ мастерской, черезъ улицу, у Егорки Безъимянаго.

Охотники загнали голубей и разошлись; при чемъ Васютка поймалъ чужака, спряталъ его въ карманъ шароваръ и вышелъ на улицу дожидаться.

Между тѣмъ въ концѣ улицы показался Ооминъ съ Антошкой Шурупомъ и съ цѣлой ватагой мальчишекъ. Его прямо оторвали отъ работы. Онъ шелъ безъ шапки, въ ситцевой растегнутой рубашкѣ, въ плисовыхъ шароварахъ и босикомъ. Обнаженные по локоть руки и запущенное бородой лицо были покрыты угольной пылью, а потъ ручьями текъ по лицу, и мокнула рубашка.

— Такъ ужъ видно Богу угодно, говорилъ Шурупъ Оомину.

— Если Васютка зло помнитъ, то не замай его, радуется, проговорилъ Ооминъ.

— Тятенька! батенька! кричалъ сзади бѣгущій сынишка Оомина: — на, хоть опорки-то надѣнь; бываетъ простудишься!

Ооминъ, надѣвши дырявые опорки съ личныхъ сапогъ, сказалъ:

— Обѣдать домой приду, скажи матери.

— Приходи же, а то запьешь опять.

— А!!! поскудный! раздавлю! проговорилъ Ооминъ съ злобой, поднявъ кулакъ надъ головой сынишки.

Сынишка тотчасъ же убѣжалъ. Толпа приблизилась къ Васюткѣ; взявъ него собралась тоже кучка любопытныхъ, и шелъ разговоръ:

— У меня три артели было, каждая по шестидесяти паръ, проговорилъ сѣдобородый старикъ, и вздохнулъ.

— Латовъ, что домъ насуну противъ церкви имѣетъ, тоже значительный охотникъ, сказалъ тощій оружейникъ, вытянувъ голую шею.

— Если ты хочешь знать, — лучше Баранчикова породы нѣтъ.

— Что тутъ такое? спрашивалъ подходящий праздный народъ.

— Васька чужака артелью загналъ.

— Дѣло законное.

— Вѣстимо законное.

— Драки не было?

— Не было. Вонъ самъ хозяинъ идетъ.

— Отдаешь? проговорилъ Ооминъ, обращаясь къ Васкѣ и втеревшись въ толпу.

— Отдаю.

— Что же, ладьте, сказалъ Шурупъ, ежась отъ мороза.

Васька вынулъ голубя изъ кармана; толпа плотнѣе стиснулась.

— Что же? спросилъ Ооминъ.

— Вѣдь у тебя двѣ стамѣски-то? сказалъ Васька, почесывался.

— Двѣ.

— И два терпуга?

— Два.

— Значитъ по одному надоть отдать, вотъ и все, — болѣ ничего.

— Ну, а вышить, значитъ, послѣ, когда расчетъ за работу получишь, проговорилъ Шурупъ.

— Да, это какъ водится, сказалъ Ооминъ, принимая голубя: — обидно одно — струментъ хорошъ, запасился имъ недавно.

— Наживешь! сказалъ кто-то въ толпѣ.

— Голубя купишь, всего одинъ рубль цѣна, а струментъ небось рубля два стоитъ, замѣтилъ другой.

— Голубь, — значитъ, охота, а струментъ, — значитъ, неволя; — вотъ и понимай!

— Конечно, такъ.

— Что и говорить!

— Всему свое опредѣленіе, выходитъ дѣло.

— Точно. И Васька не виноватъ, и Ооминъ правъ.

— Этотъ не разживется, да и тотъ не разбогатѣетъ.

Такъ рѣшала толпа вопросъ о выкупѣ голубя. Толпа эта не была похожа на толпу черного народа другой стороны города, гдѣ больше проживаетъ торговый классъ, чиновничество, солдаты и разная бродячая челядь; нѣтъ, она состояла изъ однихъ оружейниковъ къ оборванныхъ свиткахъ, тулупахъ, ветхихъ чуйкахъ; у кого картузъ надѣтъ козырькомъ назадъ, у кого на голову натянутъ кожаный или веревочный обручикъ, чтобъ при работѣ волосы не разсыпались. Вонъ старикъ съ позеленѣвшей сѣдой бородой, — такъ и видно, что *лигузъ*; а вонъ парень, спрятавшій руки подъ кожаный фартукъ, у котораго вмѣсто глазъ какія-то два кровавые пятна, постоянно движущіеся, — этотъ, значитъ, и изросъ возлѣ горна. Рабочая изгарь, копоть и сажа на лицахъ и рукахъ ихъ, и вся толпа пропитана кузничнымъ и мѣднымъ запахомъ. Здѣсь трудно отличить богатаго отъ бѣднаго — всѣ говорятъ однимъ языкомъ, всѣ равно живутъ и питаются отъ своихъ трудовъ; но въ праздникъ эти оборванцы умоются, одѣнутся и станутъ молодцами. И вотъ изъ знакомой толпы образовалось приличное общество. Задвигались сани съ достаточными фабрикантами, запестрѣла слобода народомъ. Къ полудню много будетъ пьяныхъ, къ вечеру еще больше: а непитущіе мужья, женщины и дѣвушки усядутся на лавочкахъ возлѣ своихъ небольшихъ деревянныхъ домовъ, молча будутъ грызть подсолнечники и смотрѣть на ватагу ребятишекъ, съ крикомъ затѣвающихъ кулачный бой.

Толпа, узнавъ подробно, въ чемъ дѣло, насмотрѣвшись на голубя и высказавъ свое мнѣніе, постепенно расходилась. Но когда Ооминъ

бросилъ въ верхъ голубя, засвисталъ и затрепалъ въ ладоши, разсѣ-
явшаяся толпа остановилась и молча слѣдила за полетомъ.

— Идемъ, Васька, сказалъ Ооминъ: — онъ дома скорѣй насъ бу-
детъ.

— Голубь славнѣющій, проговорилъ Васька, идя вслѣдъ за Оо-
минымъ.

— Братцы! завопилъ Шурупъ: — что же меня-то забыли?

— А тебѣ что надо? Кто ты такой? Чего привязался? закричалъ
Васька.

— Иди своей дорогой, пока шея цѣла, молвилъ Ооминъ.

— Ахъ вы оголтенные оба! Погоди, и на моей улицѣ будетъ праз-
дникъ. Дай сказать про одну штуку...

На этотъ упрекъ Васька сказалъ:

— Поди жалься!

И пустилъ въ Шурупа осколкомъ.

— Ай взялъ!... ай пошелъ! съ хохотомъ заговорила толпа вслѣдъ
удаляющемуся Шурупу.

— Что взялъ? закричалъ Ооминъ, оборотясь къ Антошкѣ, и
скрылся съ Васькой за уголъ улицы.

Разошлись и прочіе.

Въ то время, когда Васютку наканунѣ этого дня поймалъ Оо-
минъ съ краденымъ голубемъ, и толпа рѣшила его поколотить на
оружейной сторонѣ, то есть раздѣлаться съ нимъ по домашнему,
«покелича изъ всѣхъ гвоздѣвъ руда потечетъ», какъ они выражают-
ся, — въ то время взбирался на берегъ съ кувшиномъ воды старикъ
лѣтъ шестидесяти, въ синей чуйкѣ и круглой шапкѣ. Сѣдая козлиная
борода вмѣстѣ съ жилистой шеей вытянулась впередъ, плечи подня-
лись; желтое лицо его было безъ рѣзкихъ оттѣнковъ, но сурово, и
взоръ пытливо что-то отыскивалъ на сосѣднихъ крышахъ. Подойдя
къ лавкѣ Макѣича, на котораго исторія съ Васюткой не произвела ни-
какого вліянія, и который, бросивъ корму голубямъ, опять усѣлся на
табуретъ, старикъ поставилъ на снѣгъ кувшинъ, перекрестился на
церковь и произнесъ:

— Здорово, Макѣичъ, на конѣйкю!

— Поживешь подолѣ, пожелаешь поболѣ, проговорилъ Макѣичъ,
разсмѣявшись, и предложилъ понюхать табачку.

Старикъ взошелъ на площадку высокаго крыльца и усѣлся на
другомъ табуретѣ.

— Какъ дѣла? спросилъ онъ.

— Дѣла плохи, Василій Терентьичъ; охоты нѣтъ.

— Какая нынѣ охота, тѣхъ и голубей-то нѣтъ.

— А сейчас молодецъ приносилъ турмана, товаръ значительный!

— Я тебѣ, Макѣичъ, скажу, что до турмановъ я не охочь. Что за краса, когда птица отбивается отъ дому верстъ на пять, дуромъ катается въ разнобой?...

— Птица, какова ни есть, турманъ, — умная, я тебѣ докажу, животная. Теперь онъ идетъ вверхъ къ примѣру, какъ стаканчикъ: а внизъ шарахнется катуномъ; того и гляди на куски растрепится, или о крышу ударится, или о земь; однако на полвершочка, бываетъ, не допустить себя до материка и опять стрѣлою вверхъ...

— Это правда, но что касается до чистыхъ, — на чистыхъ я охотился зло; то не въ примѣръ лучше, когда артель дружна и разомъ она возьмется съ мѣста и разомъ сядетъ...

— Коли-ча ты теперь охотникъ, понятіе своему дѣлу имѣешь, — нечего съ тобой и говорить...

— Обижаться, другъ, на это нечего.

— Мы не обижаемся; а ты сочти, сколько охотниковъ-то вылетѣло въ трубу?

Старики задумались.

— Мое хоть бы теперь дѣло, заговорилъ Терентьичъ: — я скажу — причина... Господь на сграшномъ судѣ насъ съ Лешкой Жилинымъ разсудить... Онъ да добрые люди одѣли и обули, въ чемъ видишь, а внуки въ каменныхъ палатахъ живутъ, куска хлѣба не дадутъ... Я и отъ хозяина работалъ, и самъ былъ хозяиномъ... Все видѣлъ, все испыталъ, и на кулакахъ дирался, и тонулъ, — весь искалѣченъ.. Одна пища — слово Божіе... Хорошій голубь былъ у меня, подаренье отъ дворянскаго лица. «Ты, говоритъ, Терентьичъ, человекъ душевный и по охотѣ значительный — вотъ тебѣ, поминай меня, я въ Тулѣ жить не буду и про голубковъ позабуду. На!..» Смотрю, товаръ такой, что трудно подыскать подѣстать. И когда я вкинулся въ печаль чрезъ это самое, что дружку къ нему найти трудно, тѣмъ временемъ прослышалъ, что въ Мценскѣ есть голубка. Въ малый срокъ я собрался и, не кормясь, очнулся въ Мценскѣ. Вижу, не своя родина: народъ тамъ грубый, пронырливый, однако состоятельный и живетъ хорошо; но все же свой прирожденный городъ милѣе не въ примѣръ. Теперича, у насъ Кремль, заводъ, — тамъ этого нѣтъ ничего. У насъ народъ способный, значить, ко всякому дѣлу; а у нихъ къ своему дѣлу. Одно сходство по поличью: видишь, что не татары, а народъ православный, грѣшный, къ церквямъ рачительный. Передъ праздникомъ тутъ народищу-то, народищу собралось на рынокъ! кто покупаетъ, кто продаетъ. Я тоже, поймалъ пару хорошихъ сизяковъ и заторговалъ себѣ. Говорю: эй, Тульскіе голуби охотничьіе! Но мценскіе люди говорятъ: «знаемъ мы васъ, Туляковъ, ссыльный, во-

ровской народъ... Ты если охотникъ, поди къ нашему Павлу Ивановичу, посмотри его голубей!» Чрезъ критику такую, разузнавши мѣстопробываніе этого обывателя, предварительно помянуль родителей, забрался ночью къ нему на чердакъ, и попалъ въ самый центръ на голубятню. Сажу за трубой. Чѣмъ свѣтъ пришелъ хозяинъ: пересчиталъ пары; бросилъ кормочку и давай ладить доску для гнѣздъ. Оборвись эта доска, и прямо мнѣ въ голову, — терплю. Взлетались голуби, поваляли жерди прямо мнѣ въ спину. Хозяинъ осерчалъ и ушелъ. Стало разсвѣтать, я и вижу за перегородкой посажена пара налетныхъ, для красоты, значить; на рожу посмотрѣть — душа вонъ! Голубка сизая, съ косою, чернощекая, головка махонькая, вѣки крупные, тоже сережки есть. Вокругъ ней, въ одно съ нею перо, яруеть голубь — конистый такой, гордый, бѣлорожій; муслачки бѣленькіе, и у обонхъ хвосты лентчатые. Отъ этого самаго приведенъ я былъ въ жестокость; сломалъ клѣтку, прибралъ голубку въ рукавъ и спустился по крышкѣ, да прямо попалъ на овчарныхъ собакъ...

— Чай, тоже ноги-то огладали?

— Въ клочки; такъ и удалился я въ этомъ разстройствѣ въ Тулу... Только сказано въ притчѣ: покрываяя нечестіе свое не успѣетъ въ благая... Лешка Жилинъ встрѣчается со мной на праздникъ и говоритъ: ознакомь съ парочкой! съ праздникомъ!.. Христось воскресъ! Я ему въ отвѣтъ: это вы охотники, — у васъ и парочки охотницкіе... Воистинну воскресъ! И пошла у насъ дружба, — за волоса не растащишь! Похвальба между нами идетъ такая, что другъ другу цѣны не найдемъ. Умерла на ту пору моя сожительница, — Жилинъ приспособилъ мнѣ свою родню, и сочетался я законнымъ бракомъ съ Вѣркой и сталъ носить сюртуки да манишки. Пошли новые законы. То, молъ не такъ, а это не этакъ. Охотиться, вишь, на голубей страшно; а то ничего, что Лешка старикъ, какъ малый ребенокъ, по крышкамъ лазить за чужакомъ! Такъ всю мою охоту и распужали, окромѣ парочки налетныхъ... Пошла жизнь другая; по ихъ примѣру — съ разныхъ тарелокъ ѣсть стали. И завелъ я собачекъ-шавочекъ для того, что онѣ объ нну пору забрешутъ, что твои колокольчики. Это мнѣ пріятно. Домикъ у меня былъ деревянный, желтенькій, съ расписными ставнями и со слуховымъ окномъ на улицу. Тутъ за сѣткой я и приладилъ мѣстечко для парочки. Голубь былъ прегордый, шея, что у копы выгнута; загуркуетъ, дакъ скрозь потолокъ слышно... въ хвостѣ перьевъ девятнадцать было; а голубка, одно: — порадоваться... На самую Казанскую задребезжали мои колокольчики съ утра, а сердце у меня въ ту пору такъ и *жвакнуло*. Я и говорю. Вѣра, голубекъ мой, это не къ добру, а она отвѣчаетъ: ты казюкъ необразованный, то и примѣчаешь такъ; надо на *тюльну* идти, значить, съ ней

въ лѣсъ на гулянье — прохладиться. Послушался я ее, какъ сказано въ писаніи: «яко пещь на узахъ», а утромъ на другой день гляжу голубей нѣтъ, и на всемъ чердакѣ какъ-то пусто сдѣлалось. И узналъ я отъ сосѣдей, что наканунѣ Жилинъ, какъ сродственникъ мой, вишь былъ безъ насъ. Я, значитъ, ему при свиданіи и говорю:—съ охотой васъ, Алексѣй Ивановичъ! — «Моя охота, отвѣчаетъ, простирается на неучекъ,—въ старину васъ, непочетниковъ, порывали». — За какія-молъ обиды? «Твоихъ обидъ на воловѣй шкурѣ не упишешь». — Это, говорю: обидно отъ васъ. А онъ и говоритъ: «еслибы ты почиталъ насъ, сродственниковъ, шапку бы страшился надѣть передъ нами, а не то что вольничать въ обхожденіи и жалиться на охоту. Тебѣ охоту надо имѣть къ супругѣ, потому она тебѣ приданое принесла». — Это, говорю, безъ шапки стоятъ передъ тѣмъ, кто благодатью одной питается.—«Я тебѣ, говоритъ, благодать задамъ... будешь помнить». И пошла между нами рознь, и пошла свара, дѣлѣжь и судилище такое, что страму приняли на цѣлую слободу. Живу въ разстройствѣ; мастерство оскудѣло; ребята разсчета просятъ, по двору вездѣ разсыпанъ уголь; на фабрикѣ холодъ-холодомъ, одинъ заварщикъ остался, и тотъ пьяница. Я все перенесъ... Однова гляжу и вижу, что Вѣрушка моя, набѣлвившись, нарумнявившись, сидитъ подъ окномъ; а платье — ветошь грязная. Что же, говорю, али мы на балъ собрались съ тобой къ Алексѣю Ивановичу?—Будетъ балъ, когда домъ продадимъ и перейдемъ изъ этого ада на ту сторону... Плакали мы оба гутъ до слѣзоты, и въ скорости домъ продали. Такъ расплозлось наше добро по чужимъ рукамъ, и эвгимъ самымъ, значитъ, съ моей души грѣхъ перешелъ на душу Жилина...

Этимъ старикъ закончилъ разсказъ и, распроставшись съ Макѣичемъ, потащился по бережку съ кувшиномъ.

Послѣ описанной исторіи на другой день, поздно вечеромъ, Антошка Шурупъ сидѣлъ въ лавкѣ у Макѣича.

— Макѣичъ! проговорилъ онъ:—Васька Стальновъ, бываетъ, принесетъ струментъ на охоту мѣнять,—не мѣняй, самъ попадешься!..

— Неправильной добычи, значитъ?

— Неправильной... а что просишь за пестрохвостаго?

— Цѣлковый.

Продолжительное молчаніе.

— Сапоги возьмешь?

— Покажь!

Шурупъ изъ-за пазухи досталъ поношенные сапоги.

— Э!!.. да они небось царя Ирода помнятъ?

— Ей-же-ей новые!.. душа вонъ!

— Ну, Богъ съ тобой, оставляй... радуйся!..

Шурпъ беретъ голубя и уходитъ.

— Макъичъ! говоритъ подошедшій Васька:—что, Шурпъ у тебя былъ?

— Не былъ, а что?

— Да онъ сапоги сшилъ у меня... что ты просишь коня за красную голубку-то?

— Цыковыхъ полтора взять надо.

Продолжительное молчаніе.

— А что, струментъ возьмешь, пока деньгами собьюсь?

— Развѣ для тебя, что человекъ-то хорошъ.—Покажи!

— Ей-Богу свой, душа коня, свой, говоритъ Васька, показывая инструментъ.

— Ну, оставь его покажи: на, радуйся. Желаю тебѣ выводковъ...

Васька бѣжитъ изъ лавки съ голубемъ.

Подходить къ Макъичу женщина.

— Что, батюшка, не былъ ли здѣсь мой мужъ Оминъ съ инструментомъ? не закладывалъ ли онъ?..

— Онъ не былъ, а былъ молодецъ, не знаю, какъ его зовутъ, инструментъ заложилъ. Поди посмотри.

Женщина проходитъ въ лавку и оттуда чрезъ нѣсколько времени возвращается безъ шубейки, держа въ рукахъ терпугъ, клещи и пр.

— Шубейку-то береги: выкуплю, плаксиво произносить жена Омина.

— Да ты поскорѣй, закричалъ Макъичъ ей вслѣдъ, и запахнулся тулупомъ.

В.А. СОКОЛОВЪ.

ПОЖАРИЩЕ.

Весело бить васъ, медвѣди почтенные,
Только до васъ добираться невесело —
Кочи, ухабины, ели безсмѣнные!
Каждое дерево вѣтви повѣсило,
Каркаетъ воронъ надъ бѣлой равниною,
Нищій въ деревнѣ за дровни цѣпляется.
Этой сплошной, безотрадной картиною
Сердце подавлено, взоръ утомляется.
Ой! надоѣла ты, глушь новгородская!
Ой! истомила ты, бѣдность крестьянская!
То ли бы дѣло лошадка заводская,
Съ полостью санки, прогулка дворянская?...
Даже церквей здѣсь почти не имѣется.
Вотъ наконецъ впереди развлеченіе:
Что-то на бѣлой полянѣ чернѣется,
Что-то дымится, — сгорѣло селеніе!
Бѣдныхъ, богатыхъ не различающій,
Шутку огонь подшутилъ презабавную:
Только повсюду еще украшающій
Освобожденную Русь православную
Столбъ уцѣлѣлъ — и на немъ сохраняется
Надпись: «деревня помѣщика Вѣчева».
Съ лаемъ собака на насъ не бросается,
Думаетъ видно: украсть вамъ тутъ нечего!

(Такъ. А давно ли служила ты съ вѣрою,
Лаяла, злилась до самозабвенія
И на хребтѣ своемъ шерсть черно-сѣрую
Ставила дыбомъ въ защиту селенія?)...
Да на обломкѣ стѣны штукатуренной
Крайняго дома — должно быть дворянскаго —
Видны портреты: Кутузовъ нахмуренный,
Блюхеръ безсмѣнный и бокъ Забалканскаго.
Лошадь дрожитъ у плетня почернѣлаго,
Куры бездомныя съ холоду ёжятся,
И на остаткахъ жилья погорѣлаго
Люди какъ черви на трупѣ копошатся...

Н. НЕКРАСОВЪ.

МОИ СКАЗАНІЯ ПО БѢЛУ СВѢТУ (*).

ГЛАВА VII.

НОВАЯ ЦАРИЦА ПАЛЬМИРЫ. — ПОСВЩЕНІЕ ЕЯ ДОМА ВЪ ДАМАСКѢ. — САЙДАНАЙ-СКІЙ МОНАСТЫРЬ. — ТИПИЧЕСКІЙ МАЛЬЧИКЪ ВОСТОЧНАГО ПАТРИАРХАТА.

Между тѣмъ, мое появленіе въ ДамаскѢ произвело разные толки среди тамошнихъ политиковъ и даже породило нѣкоторое безпокойство почти во всѣхъ классахъ дамаскинцевъ. Что дѣлать: на путешественника, который заживается въ уѣздныхъ захолустьяхъ востока, ходить, писать, рисуетъ — всѣ смотрятъ подозрительно. И то сказать, занятій у нихъ не очень много; развлеченій, кромѣ бусетновъ, никакихъ, и вотъ, праздное уѣздное общество Шама, или какого хотите тамошняго города, пошло выводить обо всякомъ новоприбывшемъ разныя невѣроятныя заключенія.

Кажется, прежде всего, обо мнѣ начали толковать самые первые сановники Шама: сераскирь и паша. Что, молъ, это онъ все ходитъ и пишетъ, главное «пишетъ»: это ужасно мучительно для всякаго уѣзднаго жителя всѣхъ странъ свѣта, но въ особенности для такихъ восточныхъ Обломовыхъ, какими были ничего недѣлающіе начальники города Дамаска: Сераскирь Ахметъ-Паша и генералъ-губернаторъ Сандъ-Паша. Наконецъ, они не выдержали и поручили своему драгоману разузнать въ нашемъ консульствѣ, кто я такой, какъ можно подробнѣе и обстоятельнѣе, и записать мое имя.

(*) См. «Современникъ» 1863 г. №№ 1, 2 и 6.

Драгоманъ нашего консульства, туземный арабъ, передавая мнѣ это обстоятельство (ибо сиравки производились черезъ него), самъ посматривалъ на меня съ нѣкоторою боязнію и подобающимъ уваженіемъ.

Не совсѣмъ былъ спокоенъ и новый православный епископъ. Встревожился нѣсколько и Нури, только съ другой стороны. Такъ какъ онъ носилъ въ своей душѣ вѣчныя и неизмѣнныя надежды о полученіи русскаго крестика отъ Асфаръ-Мелика, то и пришло ему сейчасъ въ голову, не можетъ ли этотъ таинственный господинъ изъ русскихъ способствовать, какимъ ни на есть образомъ, осуществленію его мечтаній: «сказать тамъ разнымъ министрамъ и даже, если можно, и самому государю».

Въ заключеніе обезпокоилась рыжая англичанка, живущая въ домѣ мадамъ Дикбей, въ видѣ компаньонки: ей вообразилось, что я могу написать что либо недоброе объ ея госпожѣ, подобно тому, какъ написалъ Абу и еще какой-то американецъ. Мадамъ Дикбей дѣйствительно хорошій матеріалъ для туриста: это небольшое подражаніе лэди Стенгонъ, второй ея томъ, но, какъ бываетъ со многими вторыми томами, менѣе интересный и занимательный, чѣмъ первый. Лэди Стенгонъ, живя на востокѣ, умѣла окружать себя какою-то особенною таинственностью и обаяніемъ невыразимымъ; она прожила странной, цѣломудренной затворницей, на высотахъ Джюна, вдали отъ всѣхъ людей, слишкомъ 30 лѣтъ, и во все это время возбуждала страхъ и уваженіе не только во всѣхъ окружающихъ ее мусульманахъ, но и въ дальнихъ Бедуинскихъ и Друзскихъ шейхахъ. Объ ней ходили самыя необыкновенныя легенды, неумолкшія даже до сихъ поръ. Ея волшебный домикъ и пышныя сады казались святыми и неприкосновенными для дикихъ бродягъ Ливана. Ея не тронулъ никто изъ нихъ пальцемъ, хотъ это было такъ легко и возможно. Одно это обстоятельство говоритъ очень просто, что лэди Стенгонъ была не совсѣмъ обыкновенная женщина. Къ ея домику, уже разрушенному и заросшему травою, къ ея могилѣ въ ея джюнскомъ саду, нѣтъ средствъ приблизиться равнодушно. Тамъ во всякомъ углу

«Осталась часть ея души»,

какъ сказано у поэта, и при томъ души не простыхъ, обыденныхъ размѣровъ.

Что касается до теперешней царицы Пальмиры, домъ ея одинъ изъ лучшихъ въ Дамаскѣ, съ садомъ, какого нѣтъ въ тѣхъ мѣстахъ рѣшительно ни у кого, но онъ привлекаетъ путешественниковъ, пока

жива хозяйка. Исчезни она и заглохни ея садъ, наполненный теперь европейскими цвѣтами, куртинами, бесѣдками и разными затѣями западной роскоши, — трудно сказать, придетъ ли кто нибудь сюда задумываться и искать слѣдовъ странной хозяйки.

Условія, при которыхъ произошла на свѣтъ новая царица Паммиры, весьма близки къ исторіи первой. Мадамъ Дикбей родилась знатной и богатой англичанкой; была аристократка, дочь лорда, отличалась красотой и нѣкоторое время блистала въ лучшихъ салонахъ Лондона.

Потомъ, какъ и многія англичанки, она поѣхала путешествовать по Европѣ и гдѣ-то встрѣтилась съ княземъ Шварценбергомъ. Это было давно, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 30. Если вѣрить хроникѣ Абу (который, впрочемъ, въ этихъ случаяхъ, бываетъ ужъ черезчуръ эксцентриченъ), то выйдутъ и всѣ 40. Лэди Дикбей прожила въ имѣніи князя, кажется, въ окрестностяхъ Вѣны, лѣтъ что-то 10. Затѣмъ очутилась въ Аѣнахъ, гдѣ встрѣтила Абу, и онъ сейчасъ воспользовался разными слухами объ ея похожденияхъ, чтобы набросать нѣсколько игривыхъ страницъ въ своей «*La Grèce contemporaine*», выходявшей тогда первымъ изданіемъ. Абу, ради скромности, называетъ ее *Жантой* — *Janthe*. «Она принимала и теряла послѣдовательно, говоритъ онъ, имена: лэди Е., баронесы F., графини T. и хотя графъ T., баронъ F. и лордъ E. живы, Жанта все-таки Жанта и ничего болѣе».

Абу увѣряетъ, что для брака съ графомъ T., православнымъ и жившимъ въ Аѣнахъ, ей необходимо было принять православіе и креститься посредствомъ погруженія въ воду: Жанта, не думая ни минуты, исполнила этотъ обрядъ и стала православною дамою. Но графъ ей скоро надоѣлъ: она замѣтила, что въ Греціи очень много красивыхъ молодцовъ, даже и не слишкомъ аристократическаго происхожденія. Въ одной глухой деревенькѣ, Ламин, ей случилось познакомиться съ клефтомъ Хаджи-Петро, прославленнымъ разными подвигами во время войны за независимость. А война за независимость была, какъ извѣстно, въ двадцатыхъ годахъ: значить, храброму клефту было въ пору знакомства его съ Жантой... лѣтъ семьдесятъ. (Я держусь все-таки хроники Абу, потому что другой никакой не имѣется). Онъ хорошо ѣздилъ верхомъ, былъ строенъ, по своему граціозно переваливался на походкѣ, и, какъ никто въ мірѣ, лихо управлялся со своими семидесятью годами. Греки стараго времени (замѣчаетъ Абу) не лишены нѣкоторой граціи. Они бываютъ вѣчно заняты въ золото, когда галопируютъ на своихъ коняхъ, изобильно крытыхъ серебряными бляхами и всякими цацами. Говорятъ немного, какъ бы боясь транжирить мысли. Все, въ чемъ можно ихъ упрекнуть, со-

стоитъ единственно въ употребленіи чеснока и еще въ томъ, что они, ради большаго эффекта, снимаютъ иногда папучи, чтобы поддержать ногу рукою.

Такой-то молодецъ обратилъ на себя вниманіе Жанты, иначе мадамъ Дикбей. Она вообразила, что родилась на свѣтъ паликаркой, и весьма скоро, оставивъ своего графа въ Аѳинахъ, переселилась въ Ламію. Вся Ламія была у ногъ Жанты. Барабаны били, когда она выходила гулять. И эта благовоспитанная женщина стала проводить жизнь посреди усастьхъ греческихъ драбантовъ; скакала вмѣстѣ съ ними по горамъ; ѣла, что придется; спала подъ открытымъ небомъ и... чувствовала себя очень хорошо.

Когда узнали въ Аѳинахъ, что счастливецъ Хаджи-Петро наслѣдовалъ графу Т... умы взволновались. Шумъ достигъ до королевы, и старый воинъ Ламіи, имѣвшій какую-то должность, былъ отставленъ.

Мадамъ Дикбей, желая показать полное пренебреженіе къ общественному мнѣнію Греціи, переѣхала тотчасъ со своимъ клефтомъ въ Аѳины и выстроила тамъ великолѣпный домъ, который съ утра до ночи былъ полонъ бандитами и женами офицеровъ первыхъ трехъ ранговъ. Высшее общество Греціи, весьма щекотливое и церемонное по своимъ правамъ, туда не заглядывало. Само собою разумѣется, въ этомъ великолѣпномъ домѣ было очень скучно. Хаджи-Петро скоро наюфъ, какъ и графъ Т. Въ подобныхъ случаяхъ самое вѣрное лекарство — путешествовать. Жанта исчезла... Нѣкоторое время объ ней не было ни слуху, ни духу. Говорятъ, она странствовала по Индіи, гдѣ обворожила какого-то набоба. Потомъ явилась въ Сприн и здѣсь ей стали сниться сны въ родѣ тѣхъ, какія снились лэди Стенгопъ. Она полюбила Ливанъ, пустыню, бедуиновъ; нюхала и цаловала верблюдовъ. Написала свое имя на руинахъ Бальбека, и наконецъ, пустилась въ Пальмиру. Дорога туда лежитъ зыбучими песками. Водой запасаются въ Дамаскѣ и ѣдутъ четверо сутокъ, разбивая мѣстами шатры для отдыха и подкрѣпленія себя пиццей.

Во время одного изъ такихъ приваловъ, мадамъ Дикбей лежала на коврахъ, въ своемъ богатомъ шатрѣ, и вглядывалась въ картины степи: въ этотъ особый, удивительный колоритъ тамошняго неба, въ эти смуглыя и статныя фигуры провожавшихъ ее бедуиновъ, которымъ нѣтъ ничего подобнаго въ мірѣ, по особенной, дикой красотѣ и какой-то легучей легкости линий въ ихъ физіономіяхъ и въ одеждѣ (разумѣется, все это нужно разсматривать издали), любовалась на этихъ неподражаемыхъ коней, которымъ прежніе арабскіе поэты посвящали цѣлыя томы пѣснопѣній. И вотъ, мало по малу, ее

стала разбирать и засасывать въ себя нѣга и поэзія пустыни, никакъ недоступная описанію, выражаемая развѣ длиннымъ арабскимъ стихомъ, похожимъ на качку верблюда, и этими невозможными для насъ придыханіями, какими-то сладострастными захлебываньями, гдѣ изрѣдка вырвется особый рѣзкій звукъ хрипа, въ родѣ рыканія льва или вопля сраженной жертвы...

Извѣстно, къ чему располагаетъ подобное настроеніе духа. Въ числѣ бедуиновъ, провожавшихъ мадамъ Дикбей, былъ одинъ въ особенности красивый и видный. Нашлась минута, когда путешественница могла оцѣнить вполне мужественныя *достоинства* степнаго красавца. Нѣсколько мгновеній послѣ, бедуинъ былъ приглашенъ къ ней въ палатку. Затѣмъ они уже не разлучались. Бедуинъ былъ, по бедуински, очень знатнаго рода: т. е. одинъ изъ шейховъ, владѣвшихъ могущественнымъ племенемъ, которое кочевало постоянно въ окрестностяхъ Пальмиры. Здѣсь опять судьба мадамъ Дикбей напоминаетъ похождения джюнской затворницы, описанной Ламартиномъ. Это было то самое племя, которое провозгласило нѣкогда леди Стенгопъ царицей Пальмиры и принимало съ особеннымъ уваженіемъ тѣхъ, кто являлся съ письмомъ отъ «ихъ царицы». Теперь подобныя письма выдастъ уже мадамъ Дикбей.

Воротясь въ Дамаскъ, эксцентрическая путешественница объявила англійскому консулу, что намѣрена выйти за такого-то бедуинскаго шейха замужъ и просила сообщить этому дѣлу законную форму. Консулъ отказалъ напрямикъ, говоря очень просто, что ни коимъ образомъ не можетъ принять участія въ бракѣ христіанки съ мусульманиномъ, тѣмъ болѣе, что она еще и за мужемъ за нѣсколькими лицами. (Похожденія г-жи Дикбей были сообщены англійскимъ правительствомъ всѣмъ его консуламъ на востокѣ, дабы они знали, какъ ее тренировать). Мадамъ Дикбей обратилась въ мягкемѣ, т. е. въ турецкое духовное судилище, которое преимущественно занимается разборомъ брачныхъ дѣлъ. Мягкемѣ, за хорошій бакшишъ, сдѣлаетъ все, что вамъ угодно: мадамъ Дикбей стала женою шейха Межуэль, но ее все-таки зовутъ не иначе, какъ мадамъ Дикбей.

Трудно представить что нибудь личѣе такого брака. Сколько бедуинъ картиненъ и эффектенъ въ пустынѣ, издали, столько же отвратительно грязенъ, если подойдешь къ нему очень близко. Въ особенности нельзя вообразить безъ ужаса положеніе европейской женщины хорошаго круга и деликатнаго воспитанія, которая рѣшилась броситься въ объятія такого рыцаря степей и раздѣлять съ нимъ ложе сна и брачныхъ удовольствій. Это просто ужасно. Но есть разные вкусы... и мало ли что можетъ быть съ человѣкомъ въ нѣныя минуты...

Вѣдь цалуеъ же мадамъ Дикбей вьючныхъ верблюдовъ (!) Все же бедунинъ, какъ бы то ни было, не верблюдъ. Мадамъ Дикбей увѣряетъ своихъ знакомыхъ въ Дамаскѣ, что она *очень счастлива*. Положимъ, что это только такъ говорится, но все же она съ нимъ живетъ, и даже его ревнуетъ, какъ увидите ниже. Можетъ быть, нѣкоторыя мечтательницы скажутъ: отчего бы ей Межуэля не вымыть? (Межуэль, — какое *испанское* имя: такъ и хочется сказать Донъ-Мигуэль!) А я имъ скажу на это, что его можно мыть, но не вымыть. О, вы не знаете, что такое восточный человѣкъ, что такое бедунинъ, этотъ, дѣйствительно, *красивый* сынъ пустыни... Я увѣренъ, что мадамъ Дикбей и не пробовала «отмывать» своего супруга. Межуэль остался прежнимъ грязнымъ шейхомъ Межуэлемъ, какимъ явился предъ нею впервые, около Пальмиры.

Какъ нѣкогда Хаджи-Петро послужилъ для мадамъ Дикбей поводомъ къ приобрѣтенію дома въ Аѳинахъ, такъ теперь связь съ Межуэлемъ заставила ее устроить прочное жилище въ Дамаскѣ. Она построила довольно большой домъ, съ садомъ, заплативъ за него тысячу 20 піастровъ, и поселилась тамъ со своимъ супругомъ и со свитой, состоящей изъ европейцевъ и арабовъ. Но та бѣда, что супругу съ нею скучно. Онъ чувствуетъ себя подлѣ нея тѣмъ же, чѣмъ лакей чувствуетъ себя подлѣ барыни. Сколько ни ласкаетъ его мадамъ Дикбей, особенно въ тѣ минуты, когда ею овладѣваетъ страстное желаніе цаловать верблюдовъ и жажда разныхъ степныхъ ощущеній: увы! она и въ эти минуты кажется ему барыней. Бедуинъ знаетъ, что у барыни есть даже совѣтъ особый покой, съ особою кроватью, на проклятый Франкскій ладъ, гдѣ, надъ пышнымъ штофнымъ балдахиномъ малиноваго цвѣта, сіяютъ въ золотѣ какія-то фигурки, называемыя *гербами Дикбеевъ*. Что это такое? Шейхъ никакъ не понимаетъ и сбирался нѣсколько разъ ширнуть въ эти фигурки своей пикой. Но беретъ его необъяснимый страхъ. Инстинктивно чувствуется зѣремъ преимущество тѣхъ, кто умѣетъ улаживать себя подобныя покои, съ золотомъ и фигурками. Страшно. Барыня какъ есть. Звѣря, сколько ни любятъ и ни цалуютъ, а все-таки не пускаютъ въ этотъ будуаръ. Есть для свиданія съ нимъ особая опочивальня и тюфяки, которыя Шейхъ давнымъ давно снабдилъ грязью и своимъ особеннымъ бедуинскимъ запахомъ. Барынѣ очень не хочется, чтобы европейцы, посѣщающіе ея домъ, слышали этотъ запахъ. Все это бедунинъ, какъ человѣкъ по своему тонкій и сообразительный, смѣкаетъ,

(*) Она рассказывала это сама одному моему пріятелю и рассказывала съ сильнымъ увлеченіемъ, присмакивая губами, какъ П. П. Пѣтухъ въ разговорѣ про обѣдъ.

и вдругъ, ни съ того ни съ сего, очутится около Пальмиры, въ объятіяхъ другой своей жены, кровной бедуинки, и тамъ теряется надолго. Бедуинка его ласкаетъ, плачетъ надъ нимъ, клекочетъ какъ орлица, сама подобная орлицѣ: съ быстрымъ, огненнымъ взглядомъ, съ горбикомъ на своемъ тонкомъ арабскомъ носикѣ, сильная и крѣпкая, какъ желѣзо. А главное хорошо въ ней то, что она не *барыня*. Чортъ васъ побери, всѣхъ французскихъ бабъ! восклицаетъ въ эти минуты почтенный шейхъ Межуэль... Орлица клекочетъ, ласкается, плачетъ...

Легко понять, что барыня вовсе не нравятся такія степныя экскурсіи Межуэля. Она шлетъ за нимъ гонцовъ, или сама скачетъ въ пустыню.

Однажды орлица запѣла и заклекала своего шейха до такой степени, что барыня никакъ не могла ихъ отыскать въ пустынѣ, сколько ни носилась на лихомъ конѣ, нябющемъ громкое названіе «Султанъ-Геббанъ», что значитъ: *царь породы Геббанъ*, лучшей изъ конскихъ породъ Аравіи. Сгратный, удушающій жаръ бѣжалъ у ней по жиламъ. Мадамъ Дикбей прибѣгла наконецъ къ послѣднему, но весьма вѣрному въ Аравіи средству: она проговорила кому-то, очень искусно, что дала бы шейху 20 тысячъ піастровъ, если бѣ онъ очутился предъ нею сейчасъ, въ эту минуту, — а онъ тутъ какъ тутъ: «давай, говоритъ, 20 тысячъ піастровъ!» Она молча вынула деньги и расплатилась... Увы! читательницы, это истинное происшествіе, совершенно въ тамошнемъ арабскомъ духѣ.

Прошло нѣсколько времени. Шейхъ избаловался, сталъ кутить и вошелъ въ долги. Правительство много разъ грозило ему тюрьмою, но его постоянно выручалъ англійскій консулъ. Наконецъ, послѣднему надоѣла эта возня. Онъ объявилъ мадамъ Дикбей, что больше вмѣшиваться въ отношенія Межуэля къ правительству не станетъ. Послѣ этого, шейхъ мгновенно скрылся. Ловить его въ степяхъ все равно, что ловить вѣтеръ. Никто объ этомъ и не думаетъ. Но за то Дамаскъ затворилъ передъ нимъ свои ворота и, можетъ быть, на вѣки.

Мадамъ Дикбей ускакала вслѣдъ за своимъ мужемъ. Это случилось именно въ то время, когда я пріѣхалъ въ Дамаскъ. Видѣть новую царицу Пальмиры мнѣ не случилось. Я пошелъ взглянуть на ея жилище. Это былъ довольно высокій домъ, съ рошаномъ (*), котораго окна запирались зелеными ставнями. Изъ-за крыши выглядывалъ прекрасный тополь. Я стукнулъ въ калитку. Ее отворилъ высокій арабъ и тутъ же подошла та рыжая англичанка, которая боялась, что я напишу что нибудь про ея госпожу. Приличіе требовало спросить о хозяйкѣ, хотя я уже зналъ, что она въ степяхъ.

(*) Нѣчто въ родѣ нашего крытаго балкончика, или такъ-называемаго *фонаря*.

— Ея вѣтъ дома, отвѣчали миѣ:—третьяго дня уѣхала въ пустыню и пробудетъ тамъ мѣсяца два (*).

— Но можно, по крайней мѣрѣ, взглянуть на домъ и садъ?

— Извольте!

Садъ начинался тутъ же, отъ самой калитки. Проще сказать, вся земля, занятая постройками мадамъ Дикбей въ Дамаскѣ, была ничто иное, какъ садъ, раскинутый всего навсѣ десятинахъ на двухъ съ половиной. Тамъ росли превосходные, огромные орѣхи, смоковницы, абрикосы, зензіи, даже молодые кипарисы и пальмы. Вездѣ видѣлись клумбы разнообразныхъ цвѣтовъ, наполнявшихъ воздухъ самымъ сложнымъ ароматомъ. То билъ по носу жасминъ, то роза, то неизвѣстно что такое. Множество сѣрыхъ, пыльнаго цвѣта дорожекъ, разбѣгались въ разныя стороны. Газоновъ не было: они невозможны на востокѣ ни при какой поливкѣ. Почва давала мѣстами какіе-то косматые и шаршавые усы, уже знакомые намъ по обыкновеннымъ бустенамъ Дамаска. Вообще, внизу было все *сыро*, пепельно, кромѣ пестрѣвшихъ кое-гдѣ весьма затѣйливыхъ цвѣтовъ, выгнанныхъ изъ почвы невѣроятными усиліями. Они сбиты были большею частію въ кучу и смотрѣли другъ на друга съ удивленіемъ и любопытствомъ, какъ смотрятъ иногда разныя націи, слыхавшія другъ о другѣ, но никогда не сходящіяся. Вся же *зелень* переселилась вверхъ, на облака: надо было довольно высоко поднять голову, чтобы увидѣть то, что у насъ, въ самомъ послѣднемъ саду, находится передъ носомъ и подъ ногами, словомъ, увидѣть *зелень*.

Воды бѣжало много, странными, узкими канальцами, обдѣланными въ камень. Индѣ вода падала каскадами, увлажняя искусственные гроты, близъ которыхъ было поставлено нѣсколько скамеекъ и бесѣдокъ. Среди сада бѣлѣлъ небольшой домикъ, окруженный куртинами розъ. Тамъ было всего двѣ комнаты, принадлежація собственно хозяйкѣ. Сюда европейская женщина перенесла все то, безъ чего никакъ нельзя ей быть, даже на Востокѣ. Вездѣ видны изящныя столики, стулики, кушетки, англійскіе ковры, англійскіе обои, милліонъ флаконовъ, однимъ словомъ, всякій женскій вздоръ, который такъ мнѣ и граціозенъ. Даже были визитныя карточки... Какъ я вздохнулъ о страшныхъ вкусахъ мадамъ Дикбей къ верблюдамъ, увидѣвъ очень ясно, что она, даже до сегодня, все-таки европейская дама...

Сюжеты картинъ, висѣвшихъ на стѣнахъ въ золотыхъ рамахъ и набросанныхъ большею частію живо, по-походному, бойкой рукой, напоминали разныя сцены изъ бурной жизни хозяйки. Вотъ портретъ

(*) Она живетъ тамъ до сихъ поръ, что я знаю по недавнимъ справкамъ.

какого-то кирасира, передъ взводомъ усачей. Онъ мчится, подымая пыль, и салютуетъ кому-то изъ своей рамки. Вотъ и еще какой-то военный, въ фуражкѣ на бекрень. Вотъ ея отецъ, адмиралъ Дикбей, съ извѣстной, типической фizioноміей англійскаго лорда. Вотъ не-извѣстный артистъ, въ костюмѣ мефистофеля... сидитъ верхомъ на стулѣ,—вѣроятно, летучее увлеченіе закулиснаго міра... вотъ степь, ночь, палатка. Горятъ полковые огни. Какая-то женщина сидитъ на барабанѣ... и затѣмъ еще ночь, совсѣмъ въ другомъ родѣ. Видны странныя восточныя фигуры и пики. Поджарые кони бродятъ у раз-валинъ...

Наконецъ и ея портретъ. Удивительная красавица, въ русыхъ ло-конахъ,

«Съ глазами, полными лазурнаго огня».

покоится на алой, бархатной кушеткѣ. Мнѣ говорили, что она и теперь почти такая, какъ на этомъ портретѣ, писанномъ лѣтъ 20 на-задъ. Одинъ французъ, живущій въ Дамаскѣ и знающій мадамъ Дик-бей очень хорошо, божился, что счелъ бы расположеніе этой женщи-ны величайшимъ блаженствомъ въ мірѣ, хоть ей, по хроникѣ Абу, давно за... пятьдесятъ.

— Все это галиматья, говорилъ французъ: — увѣряю васъ, гали-матья! Жаль, что вы ея не видали. Она лучше всякой дѣвочки въ 17 лѣтъ!

Другая комната домика, это спальня съ пышной кроватью, укра-шенной гербами. Все дышетъ по европейски. Совершенно забываешь востокъ и шейха. Объ немъ напомнятъ только двѣ пики, стоящія въ углу: одна обыкновенная, для войны, а другая, съ какими-то побря-кушками и съ пучкомъ красныхъ перьевъ, для фантазіи. Такъ объ-яснила мнѣ провожавшая меня всюду англичанка.

Потомъ мы прошли въ особое отдѣленіе сада, гдѣ находится ко-нюшня и птичій дворъ. Стойла были пусты. Я прочелъ только арабскія надписи: *Нуратъ-эль-кише* — «свѣтъ породы кише», *Фархатъ-уль-абіе* — «отрада породы абіе» и *Султанъ-Геббанъ*, ужъ вамъ из-вѣстный.

На птичномъ дворѣ бродили пѣтухи, куры и плавали утки въ не-большомъ бассейнѣ.

— Что это вы пишете? спросила меня англичанка, когда я сталъ записывать имена коней, чтобы не забыть.

— Такъ, на память, отвѣчалъ я.

— Вы ужъ не писатель ли? Не тотъ ли русскій путешественникъ, о которомъ намъ говорили? спросила она какъ бы съ ужасомъ.

— Можетъ быть, и писатель... Что же тутъ страшнаго?

— Дай Богъ, чтобъ вы были не писатель. Знай я, что вы писатель, я бы ни за что васъ сюда не пустила!

— Почему же это?

— Былъ тутъ у насъ одинъ писатель, американецъ: того нагородилъ, что вы не можете представить! Да возьми и пришли эту книжку мадамъ Дикбей!

— Чтожь она?

— Не пускать, говоритъ, сюда этихъ проклятыхъ писателей!

— Будто такъ и сказала?

— Такъ и сказала... И все-то онъ тутъ разсматривалъ. Спросилъ у меня: гдѣ библіотека мадамъ Дикбей? Вотъ, говорю, библіотека. Вы, говоритъ, оставьте меня: я тутъ посижу, почитаю! Каковъ! Я сказала, разумѣется, что нельзя. Мало ли тутъ какія могутъ быть книжки! Такъ и не дала. А онъ все и написалъ, всѣ эти наши разговоры.

Когда я ушелъ, беспокойство этой женщины возросло еще болѣе. Она сочла нужнымъ даже сбѣгать къ своему консулу. Встрѣтись съ нимъ вскорѣ послѣ того, я понялъ изъ тона его разговора, что они видѣлись.

Послѣдній, кто былъ заинтересованъ моимъ прїѣздомъ, это — векиль (*) сайданайскаго монастыря, старикъ, ходившій какъ и многіе дамаскинцы, въ полосатомъ халатѣ, въ маленькой черной чалмѣ и въ красныхъ туфляхъ на босую ногу. Онъ имѣлъ плутоватую физіономію и отличался, между прочимъ, тѣмъ, что умѣлъ иногда говорить по арабски такъ, что его не понималъ ни одинъ арабъ. Эти шутовскія сцены устраивались имъ для меня довольно часто. Окружавшіе насъ арабы обыкновенно хохотали до упаду. Вообще старикъ за мною ухаживалъ, съ цѣлію направить, во что бы то ни стало, мои стопы въ Сайданайю, посѣщенную ужъ г. Муравьевымъ. Это посѣщеніе принесло сайданайскому монастырю нѣкоторую пользу. Векилу вообразилось, что и мое посѣщеніе будетъ имъ такъ же полезно. Напрасно я убѣрялъ его, что отъ меня ничего подобнаго ожидать нельзя: старикъ настаивалъ на томъ, чтобы я все-таки отправился.

Однажды онъ вошелъ ко мнѣ рано утромъ, безъ всякой церемоніи, и спросилъ прямо, когда мнѣ приготовить комнату въ Сайданайѣ?

— Да на что ее готовить: я не поѣду вовсе, сказалъ я.

— Э, хаваджа! тамъ горы, хава: отчего тебѣ не ѣхать!

(*) Намѣстникъ патріарха.

«Хава» значитъ «пріятный загородный воздухъ», лучше котораго для Араба ничего не можетъ быть, развѣ еще *маде*, т. е. вода. Векиль толковалъ со мною объ этой хавѣ, горахъ и бустенахъ Сайданайи съ полчаса и надоѣлъ мнѣ страшно. Я уступилъ и велѣлъ приготовить комнату, лошадь и проводниковъ.

— Съ тобою поѣдетъ Якубъ, знаешь Якуба? и Халиль, мальчикъ.

Якубъ былъ самый обыкновенный арабъ, праздное существо, ходившее цѣлый день по улицамъ Дамаска, въ такомъ же полосатомъ халатѣ, какъ и векиль, и въ такой же маленькой черной чалмѣ, которая постоянно отличаетъ христіанъ отъ мусульманъ, носящихъ огромныя бѣлыя тюрбаны. Якубъ давно набивался со своими услугами векилу въ томъ случаѣ, если я поѣду въ Сайданайю. Проѣхаться туда даромъ, погулять въ Сайданайскихъ бустенахъ, подышать тамошней хавой, это для празднаго араба находка не малая. Въ заключеніе, конечно, предполагался неизбѣжный русскій бакшишъ. У Якуба, недѣли за двѣ, что называется, текли отъ этого сиюнки.

Что до другаго моего провожатаго, Халиля, это былъ арабъ особаго свойства, это былъ типическій мальчикъ патріархата, при которомъ онъ и состоялъ.

Мы должны немного заняться этимъ лицомъ.

Богъ вѣсть, какая колыбель его качала, чьи уста лепетали надъ нимъ первыя, нѣжныя слова и названія. Извѣстно только то, что Халиль вышелъ увлекательнымъ ребенкомъ и попалъ въ патріархатъ. Въ патріархатѣ царствовалъ тогда свирѣпый греческій деспотизмъ. Въ стѣнахъ его, у красивыхъ мраморныхъ фонтановъ, подъ сѣнью деревьевъ, какіе намъ случается видѣть только на декораціяхъ волшебныхъ балетовъ, было чертовски душно, кормили подзатыльниками и вытягивали курбачами. Чуть Халиль къ двери, — Архидьякъ тутъ-какъ-тутъ и снабжалъ мальчика увѣсистой затрепичной. Такъ росъ онъ, этотъ чудный мальчуганъ, свѣжій и великолѣпный, какъ розанъ. Школьный учитель, наставлявшій Халиля, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими ребятами патріархата, въ арабской и греческой грамотѣ, грезилъ очень часто у себя дома объ этомъ розанѣ-мальчикѣ, и являясь въ патріаршую школу, съ тайнымъ трепетомъ ожидалъ мгновенія, когда, послѣ нѣсколькихъ чернявыхъ остолоповъ въ фескахъ, кликнетъ онъ великолѣпнаго мальчугана, и тотъ пойдетъ къ нему своей развязной походкой, откинувъ голову и слегка улыбаясь. Въ походкѣ мальчика и даже въ объясненіяхъ его съ учителемъ явилась уже нѣкоторая непринужденность, даже фамильярность, которой другіе ребята никакъ не смѣли себѣ позволить. Восточные мальчики въ родѣ Халиля, очень сообразительны въ этомъ отношеніи. Въ нихъ

есть что-то женское. А что до уроковъ, это было совсѣмъ не его дѣло: онъ не зналъ ихъ рѣшительно никогда. Учитель не обращалъ на это вниманія. Онъ былъ самъ не свой при всякой улыбкѣ Халиля...

Тутъ мы поставимъ нѣсколько точекъ. «На востокѣ, мой другъ Горацио, очень много такого, о чемъ никакъ не смѣетъ печатать наша мудрость». Вдругъ разразилась надъ Дамаскомъ та страшная, фанатическая буря, о которой столько писано и переписано. Это было 27 іюня 1860 года, около полудня. Отъ фонтана, гдѣ плескался Халиль, остались только безобразные осколки. Цвѣтные мраморы половъ и стѣнъ, а также и Халилевы книжки, по которымъ онъ такъ плохо учился, зеленые рѣшетки и ставни оконъ, — все это нагромодилось въ кучу въ видѣ пыльной груды, изъ-подъ которой торчали, мѣстами, человѣческія руки и ноги. Тутъ же торчали и ноги бѣднаго учителя, прибѣжавшаго, можетъ быть, спасать своего ненагляднаго питомца... а питомецъ забился въ это время въ угольную яму, въ кухнѣ патріархата, и уцѣлѣлъ. Однако надъ его чудесными, немного сросшимися бровями, нарѣзалась послѣ этого какая-то особенная мужественная черта. Онъ ее выстрадалъ, сидя трое сутокъ въ проклятой ямѣ и слыша кругомъ себя невѣроятную бурю, — когда гибло подъ ножами и пулями убійцъ все населеніе христіанскаго квартала. Недавно еще совершенно дѣтское лицо Халиля, вдругъ осмыслилось и было долго очень блѣдно. О, какъ былъ онъ хорошъ въ эти немногіе дни! Что бы сказалъ учитель, еслибы пережилъ катастрофу!...

Потомъ онъ сталъ снова розовымъ и веселымъ Халилемъ. Возобновленный, кое-какъ, наскоро, патріархатъ принялъ мальчика опять въ свои стѣны. Но встреча, данная мусульманами христіанамъ, потомъ обращеніе греко-уніатовъ въ православные, явленіе новыхъ арабскихъ епископовъ (о чемъ вы уже знаете) и кое-какія другія, соотвѣтствующія этимъ происшествіямъ, произвели, на нѣкоторое время, переворотъ въ нравственной атмосферѣ патріархата. Въ немъ было уже не такъ душно, какъ при Грекахъ. Архидьякось, дававшій затрецины Халилю, бѣжалъ въ Бейрутъ и не смѣлъ оттуда показывать носу. Ученые спасшимся разными путями ребятамъ, какъ равно и Халилю, покаместъ непроизводилось вовсе. Халиль бѣгалъ по патріархату, подавалъ новому начальству кофе, чистилъ посуду, а въ промежутки этихъ занятій, слонялся по базару, — *фиссу*, какъ говорятъ арабы, и знакомился съ удовольствіями бустеновъ, очень недавно для него невиданныхъ и закрытыхъ. На его кичущую, впечатлительную натуру сильно дѣйствовала эта густая зелень — на сто верстъ! Это удивительное, сладострастное небо,

смотрящее сквозь темныя вѣтви орѣховъ и фигъ; эта желтая степь за Дамаскомъ, бѣгущая Богъ вѣсть куда и насылающая въ города тучи своихъ смуглыхъ, жимолостныхъ наѣздивковъ, въ полосатыхъ маш-лакахъ, съ глазами, черными какъ уголь... ничего этого Халиль порядкомъ не видалъ и не помнитъ. Во все нужно было вглядываться. На всякомъ углу улицы являлись для него картины. Онъ похожъ былъ на только что прозрѣвшаго слѣпца.

Въ такомъ-то состояніи былъ Халиль, когда упало передъ нимъ съ неба векилово приглашеніе отправиться со мной въ Сайданайю. А можетъ случилось и такъ, что Халиль навязался, какъ и Якубъ. Отказать ему было трудно. Мальчуганъ этотъ имѣлъ какое-то необыкновенное вліяніе на всѣхъ. Всѣ говорили съ нимъ весело и улыбаясь.

И вотъ мы тронулись въ путь, всѣ трое на ослахъ. Халиль, сіяющій отъ радости какъ солнце, покачивался съ какой-то упорительной небрежностью на своемъ осликѣ, снабженномъ по бокамъ корзинами съ разной провизіей, которыя прикрывались огромнымъ ковромъ. Халиль сидѣлъ на всемъ этомъ, какъ на крышѣ, и не падалъ, не смотря ни на какія прыжки осла по дорогѣ, не отличавшейся большой ровностью, какъ всѣ восточныя дороги.

Якубъ ѣхалъ просто безъ сѣдла, представивъ очень уморительную фигуру, и также сіялъ какъ солнце. Они жарко разговаривали всю дорогу, безъ сомнѣнія, о томъ, какимъ образомъ распорядиться предстоящими удовольствіями; какъ будетъ то и то... и при этомъ оба вглядывались другъ на друга, и что-то неимоверно пріятное бѣжало по ихъ жиламъ, а изъ глазъ билъ огонь. Увы, ни одинъ изъ нихъ не зналъ и не вѣдалъ, что безжалостная судьба готовила имъ нѣкоторый довольно сильный ударъ.

Четвертое лицо нашего путешествія, совершенно необходимое во всякомъ восточномъ странствіи, былъ мухръ, хозяинъ ословъ, заботящійся объ нихъ во время приваловъ, и послѣ, по прибытіи каравана на мѣсто. Онъ подпрыгивалъ пѣшкомъ, какъ вообще дѣлаютъ мухры, въ видахъ сбереженія лишней копѣйки, т. е. чтобы не кормить лишняго осла. Нашему мухру пришлось пропрыгать такимъ образомъ, взадъ и впередъ, болѣе 80 верстъ.

Дорога въ Сайданайю лежитъ сначала необъятными садами Дамаска, потомъ равниной, между жиденькихъ хлѣбовъ; дальше тянутся горы и новые сады, такіе же густые и чудесные, какъ и сады Дамаска. Почти вездѣ подлѣ нихъ бѣжалъ ручей. Заборы ихъ состояли изъ земляныхъ насыпей и непроницаемыхъ кустовъ боярышника, шиповника и другихъ колючихъ породъ, едва ли у насъ извѣстныхъ.

Многіе кусты издавали тонкое благоуханіе. Рои пчелъ и шмелей впились надъ желтыми и бѣлыми цвѣтами, напоминавшими нашу акацію. Длинные корни перепутывались между собою и спускались съ нѣкихъ насыпей какими-то темными бородами. Индѣ по этимъ бородамъ струилась вода. Какая нибудь коза подымалась на заднія ноги, добираясь до листка. Чернявый мальчуганъ лежалъ кверху брюхомъ, смотря въ небо...

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на небольшихъ луговинахъ, сидѣли живописныя группы арабовъ, мужчинъ и женщинъ, конечно отдѣльно другъ отъ друга. Мужчины не дѣлали ровно ничего, какъ это бываетъ вообще на востокѣ въ подобныхъ случаяхъ, а только курили наргиле и болтали всякій вздоръ.

Женщины, сидѣвшія въ подобныхъ же группахъ, постоянно занимались работой: мотали шелкъ или нитки, на особыхъ мотушкахъ, въ видѣ самопрялки. Пестроты въ одеждахъ тутъ не было: обыкновенно синяя рубашка и такой же платокъ, наброшенный на косматую голову. На счетъ граціи и красоты пожалуйста не спрашивайте. Если мелькало иной разъ довольно пріятное лицо, на которое можно было съ удовольствіемъ поглядѣть; за то все остальное бросало наблюдателя въ холодъ. Вообще, лучше не пускаться въ подробности описанія сельскихъ восточныхъ женщинъ, а то я испорчу и эти сады, и небо; и вамъ покажется, что бѣлые и желтые цвѣты (надъ которыми выются живописные рои дикихъ пчелъ, распространяя въ воздухѣ тонкое медвяное благоуханіе) запахли вдругъ кислотой...

Мѣстами деревья образовывали славныя группы. Чувствовалось, что тамъ прохладно; хотѣлось броситься въ траву, хотъ она была вовсе не похожа на то, что у насъ называется этимъ именемъ, а болѣе напоминала небритую бороду солдата.

— А что, хаваджа, не мѣшало бы «бетфарраджъ?» (*) замѣтилъ мнѣ Халиль: — allons nous! прибавилъ онъ потомъ фамильярно, по французски.

Этотъ шалапутъ былъ увѣренъ, что его увлекательныя свойства, сводившія съ ума покойнаго учителя, дѣйствуютъ одинаково на всѣхъ, кто только попадалъ подъ сирійское небо. Впрочемъ, онъ отчасти былъ правъ... что касается до Французской фразы, которую онъ отпустилъ, это была, вѣроятно, единственная фраза, знакомая ему изъ цѣлаго языка. Обыкновенно мы говорили по арабски, и на другомъ языкѣ объясняться съ нимъ было невозможно.

(*) Это слово имѣетъ у арабскихъ Обломовыхъ обширное значеніе: это значитъ и потянуться, и погулять, и разваляться какъ ни на есть способно.

— Я думаю, еще рано, отвѣчалъ я.

— Ну, рано! Вѣдь хорошо тутъ, замѣтилъ этотъ чертенокъ, смотря на меня совершенно какъ женщина, съ которою стали заигрывать.

Я готовъ былъ уступить, и сдѣлалъ бы, можетъ быть, большую неосторожность, какъ вдругъ подоспѣлъ на выручку, совершенно неожиданно, милый мухръ, усердно подпрыгивавшій рядомъ съ нашими ослами.

— Есть мѣсто, хаваджа, ктиръ зарифъ (*), немного подальше: тамъ можно закусить и отдохнуть. *Моё мимонъ-мимонъ!* (такъ вода и такъ вода) ктиръ зарифъ!

— Ну, ступай до этого «зарифа!» сказалъ я.

Мы пустились снова припрыгивать. Халиль какъ будто бы на меня надулъ и не говорилъ до самаго «зарифа». Мелькнулъ желтый городокъ или деревнишка, какъ хотите. Такой же Дамаскъ, только безъ большихъ мечетей, съ населеніемъ гораздо поскромнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Самые цвѣта одеждъ не такъ бросались въ глаза. Конечно, никакой полиціи. Я всегда любилъ эти «ветронутыя» европейцами населенія глухихъ деревень востока. Еслибъ вы знали, какъ они тихо и просто живутъ, эти сельскіе ядрышки востока, безъ всякихъ будочниковъ, безъ пищихъ, только что крѣпко шумятъ на базарахъ, вотъ и все. Но изумителенъ этотъ общій желтый колоритъ подобныхъ деревнишекъ. Какъ-таки не сверкнуть хоть какому нибудь красному или зеленому ставню; хоть бы бросилось въ глаза что нибудь бѣлое; нѣтъ, все желто, какъ глиняный горшокъ, какъ эти горы, окружающія ландшафтъ. Точно одна и та же кисть, обмакнутая въ вохру, проѣхала тутъ вскорѣ послѣ потопа и покрыла однимъ цвѣтомъ все, что подъ нее попало: горы, землю, заборы, мечети, дома и даже, мѣстами, и самое небо. Такая убійственная, монотонная желтизна тянется довольно долго. Потомъ опять бустены и наконецъ мѣсто «зарифъ». Ослы, вѣроятно, привыкли къ неизбежному отдыху въ этомъ пунктѣ и потому остановились сами. Дѣйствительно, вода бѣжала съ двухъ сторонъ; между нею былъ влажный островокъ, на которомъ мы тотчасъ разостлали коверъ, и начали вынимать изъ походныхъ корзины и «хуржей» (**) разныя съѣдобности: куръ, хлѣбъ, апельсины. Халиль, снявши туфли, прыгалъ по острову босикомъ, какъ коза. Надо говорить правду, читатель, я имъ сильно любовался, и пригласилъ его раздѣлать со мною завтракъ. Халиль очень развяз-

(*) Значное, пріятное, красивое.

(**) Перекидные мѣшки.

но и съ самымъ уморительнымъ кокетствомъ принималъ отъ меня абрикосы, апельсины, лимонадъ и прочія лакомства, какъ бы должную и необходимую дань. Якубъ былъ молча, въ сторонѣ, и ни въ одной чертѣ его лица не проявилось ровно ничего.

А какая картина дышала кругомъ, этого изобразить я не въ состоянн. Именно «дышала». Когда я легъ на коверъ, волнуемый чортъ знаетъ какими фантазіями (почему-то безотвязно стоялъ въ моемъ воображеніи покойный учитель, прежній патріархатъ, съ лимонами, жасминами, гроздьими винограда, потомъ—архидьякосъ... фонтаны... мраморная мозаика стѣнъ), когда я лежалъ и грезилъ такимъ образомъ, надо мной вытягивались тонкіе, бѣлесоватые стволы тополей и болтали вверху, неизвѣстно о чемъ, милліонами своихъ зеленыхъ язычковъ. Порой пробѣгалъ вѣтеръ и стволы скрипѣли — дьявольская, раздражающая музыка; а тѣни, бросаемыя ими другъ на друга, перебѣгали, двигались; и все это пестрѣло и шевелилось, какъ море... а справа и слѣва, въ то же самое время, я слышалъ, у самого уха, ропотъ двухъ ручьевъ, которые бѣжали въ запуски, Богъ вѣдаетъ куда, сверкая и прыгая по камнямъ. И все это, вся эта животрепещущая картинка, заключалась въ рамѣ желтыхъ скалъ, ярко озаренныхъ солнцемъ, которая природа выдвинула изъ нѣдръ своихъ очень давно, еще до Ноя.

Иной разъ вѣтеръ охватывалъ какимъ-то пріятнымъ холодомъ...

— Allons-nous! сказалъ опять Халиль: — пора!

Я велѣлъ собираться, и мы тронулись сначала продолженіемъ «зарифа» черезъ жидкіе кусты, а потомъ по голой равнинѣ, между горъ. Довольно скоро Якубъ показалъ мнѣ вдали какія-то стѣны на вершинѣ холма.

— Хаваджа не изволитъ видѣть монастырь?

— Нѣтъ, не вижу.

— Вонъ стѣны на горѣ — это Сайданайя!

— Да что жь тутъ хорошаго? Натолковали о какихъ-то бустенахъ, а тутъ ни зелени, ни виду!

Якубъ молчалъ: похвалить, дѣйствительно, было нечего.

Мы стали взбираться по мѣловой горѣ, довольно отлогой. Попадавшіеся на встрѣчу арабы изъ селенія, которое лежитъ подъ монастыремъ, кланялись и говорили намъ: «мархабакъ!» (Добро пожаловать!) На разстояніи 200 сажень, монастырь, съ его холмомъ, отдѣляются особо. Видишь что-то въ родѣ замка, довольно высоко. Но какая дичь — тутъ жить!...

Затѣмъ показался узкій переулочъ, между мелкими строеніями, которыя идутъ почти до самыхъ стѣнъ монастыря. Только не доходя

шаговъ 20, увидите скалы съ высѣченными въ нихъ ступенями. Отсюда поднимаются уже пѣшкомъ, оставивъ ослонъ и лошадей на попеченіе мухра.

Меня встрѣтилъ въ калиткѣ арабъ, посланный изъ монастыря, и проводилъ внутрь узкимъ каменнымъ корридоромъ, на столбахъ. Тутъ показалась монахиня, довольно полная, съ рыхлыми чертами лица русской попадѣ или купчихи. На ней было темносинее платье и черное покрывало. Руки ея были немилосердно татуированы. Впоследствии я узналъ, что она хауранка, а въ Хауранѣ всѣ расписываютъ себѣ руки и даже иногда нижнюю часть лица.

Монахиня эта называлась Хаджи-Евпраксія, второе лицо монастыря, послѣ игуменьи, Хаджи-Катерины; даже, можно сказать, первое, потому что Хаджи-Катерина очень стара, нигде не ходитъ и по неволѣ передала свою власть и завѣдываніе монастыремъ въ руки Хаджи-Евпраксіи.

И потому ей, этой Хаджи-Евпраксіи, пришлось исполнить гостепріимный обычай монастыря: встрѣтить заѣзжаго странника. Подойдя ко мнѣ, она поклонилась, коснувшись рукою пола, потомъ коснулась моей руки и затѣмъ мы оба сдѣлали *теменна*, т. е. приложили руку къ устамъ и ко лбу. Таковъ восточный порядокъ: встрѣтились — *теменна*! выпили чашку кофе, лимонаду, опять *теменна* хозяину, или хозяйкѣ, при чемъ говорится иногда: «дѣйманъ!» что значитъ: «всегда», то есть «всегда мнѣ видѣть васъ въ добромъ здоровьи и пить у васъ такъ пріятно кофе!»

Вдали, подъ сводами того же корридора, двигалось еще нѣсколько монахинь, также въ синемъ, съ черными покрывалами на головахъ. Всѣ были пожилыя, довольно похожія на нагихъ. Очень немногія имѣли рѣзкія черты арабовъ. Одну я увидѣлъ совсѣмъ бѣлокурую.

Мнѣ указали комнату, пестро расписанную цвѣтами и золотомъ на восточный ладъ. На полу лежали рогожки, ковры и нѣсколько подушекъ, довольно элегантныхъ для бѣдной Сайданайи. Въ стѣнѣ, противоположной входу, было окно, изъ котораго видѣлись горы, ущелія и разныя красивыя вещи, а главное — дуло какъ изъ погреба. Это-то и восхитительно для араба и называется «хава».

— Я вамъ говорилъ, какъ здѣсь славно! сказалъ Халиль, устраниваясь какъ разъ противъ *хавы*, но я не рѣшился воспользоваться предлагаемымъ удовольствіемъ и сѣлъ въ уголъ. Скоро *хава* дунула такъ сильно, напустивъ намъ въ комнату тучу бѣлаго песку, что и Халиль не выдержалъ и заперъ окошко.

Намъ принесли три стакана лимонаду, т. е. мнѣ, Халилю и Якубу, который явился на порогъ и окинулъ взглядомъ, исполненнымъ удо-

польствія, пестрыя стѣны, ковры и прочее. Удовольствіи было во всемъ въ немъ такъ много, что даже нездри его ходили ходенемъ и по всякой чертѣ лица наблюдатель читалъ слѣдующее: «ну, молъ, добрались теперь! Пошли кантовать тутъ цѣлую недѣлю!»

Я самъ былъ, на первыхъ порахъ, настроенъ очень хорошо. Меня плѣняла мысль объ этой чрезвычайной тишинѣ. Сайданай представлялась мнѣ тѣмъ заоблачнымъ монастыремъ, о которомъ такъ вдохновенно выразился поэтъ:

Туда, въ заоблачную келью...

Но поэзія на востокъ всегда соединяется съ самой чертовской прозой: въ минуту чтенія этихъ стиховъ я увидѣлъ ползущаго по коврамъ необыкновенно-жирнаго клопа, особенной породы, праправнука тѣхъ знаменитыхъ клоповъ, которые поселились здѣсь впервые еще при императорѣ Юстиніанѣ, основателѣ Сайданайи, какъ говорить предаіе.

«Это однако скверно!» подумалъ я; — «вѣдь мнѣ придется тутъ спать... впрочемъ, это, можетъ быть, какой нибудь бродяга, пришлецъ изъ сосѣдней кельи и больше ужъ не будетъ... Я окинулъ взоромъ золоченое обиталище, стараясь всемѣрно проникнуть въ нѣныя подозрительныя щели... Но тутъ вошла Хаджи-Евпраксія и объявила, что Хаджи-Катерина собирается меня посѣтить: такъ удобно ли мнѣ ее принять?»

— Удобіе всего мнѣ самому ее посѣтить, отвѣчалъ я: — и желалъ бы знать, могу ли это сдѣлать сейчасъ?

— Отчего же итъ? сказала Хаджи-Евпраксія, и мы пошли.

Старушка дѣтъ восьмидесяти слишкомъ, лишенная уже всего того, чѣмъ красенъ Божій свѣтъ, т. е. и здоровья, и слуха, и частію зрѣнія, встрѣтила меня, еле держась отъ слабости на ногахъ, отвѣсила мнѣ низменный поклонъ и слѣзала теменна; потомъ опять слабо опустилась на свой коврикъ, подобравъ, подъ себя ноги по-турецки. Жалко было на нее смотрѣть: такъ она была дрябла и ветха. Непосредственно за тѣмъ, какъ она усѣлась, послышались изъ ея устъ какіе-то звуки, съ остановками и придыханіями. Будь я даже и арабъ, и тогда бы, вѣроятно, не понялъ этого дѣтскаго лепета. Нянька-Евпраксія поспѣшила объяснить разговоръ своего дѣтяти:

— Желаетъ вамъ всякаго счастья и благополучія, а также и нашей державѣ, откуда вы прибыли; и что-де вашъ консулъ?

— Консулъ кланяется всѣмъ вамъ усердно: бесалемъ алейкумъ ктиръ эссаламъ!

Старушка опять что-то запетала.

— Какъ это вы живете, матушка, въ такой глуши, среди мусульманскаго народонаселенія? спросилъ я.

— Что, батюшка, отъ этого-то ее и зашибло, отвѣчала Евпраксія: — все слышала хорошо, а какъ прошли здѣсь друзья, съ тѣхъ поръ кричимъ на ухо: ничего не слышитъ!

Разговоръ продолжался въ томъ же духѣ нѣсколько минутъ. Подали кофе, послѣ котораго Хаджи-Евпраксія пригласила насъ довольно искуснымъ жестомъ — не беспокоить болѣе старушку. Вставая, я бросилъ взглядъ на комнату игуменьи, — какъ бы то ни было, все-таки начальницы монастыря, еще не вовсе отошедшей въ вѣчность: это была, я думаю, самая послѣдняя по достоинству комната, родъ чердака, съ какими-то рѣшотами и даже дровами въ одномъ углу. Монахини, какъ видно, не очень церемонились со своей Хаджи-Катериной, можетъ быть, нѣкогда, полстолѣтія назадъ, строгой, крикливой и деспотической, охъ-охъ-о! а теперь, что называется, безгласной, бездыханной. Посѣтивъ потомъ еще нѣсколько келій, я не видалъ нигдѣ ни дровъ, ни рѣшотъ, ни такой бѣдности и ободранности покоя, какъ былъ у Хаджи-Катерины. И это существо хотѣли еще отправить ко мнѣ съ предупреждающимъ визитомъ!

Воротясь къ себѣ, я рассчитывалъ, на правахъ всякаго путешественника, проѣхавшаго восточнымъ способомъ восемь часовъ, подъ тамошнимъ солнцемъ, спать то и другое и протянуться по коврамъ... не тутъ-то было, читатель! Вы не знаете, что такое восточные монастыри и ихъ восточная любезность: ту же минуту ввалилась ко мнѣ Хаджи-Евпраксія и еще двѣ монахини, сѣли на коврахъ и давай меня угощать разными монастырскими разговорами.

— Что это вы, батюшка, коситесь влѣво? спросила меня вдругъ, среди нашихъ бесѣдъ, Хаджи-Евпраксія.

— Ничего... такъ!...

А чего такъ: я увидѣлъ опять ползущаго по ковру потомка тѣхъ обитателей Сайданайи, которые забрались сюда со временъ Юстиніана и живутъ съ монахинями, какъ видно, въ большой дружбѣ. Въ то же время я почувствовалъ, что меня что-то кусаетъ въ двухъ мѣстахъ за галетукомъ. Необходимо было открыть тайну хоть Якубу и просить о перемѣнѣ покоя. Онъ не выдержалъ и сказалъ тутъ же хозлякъ.

— Что, батюшка, клопы? воскликнула Хаджи-Евпраксія, уставив на меня изумленный взоръ: — у насъ нѣтъ и не было никакихъ клоповъ!

— Никогда и слыхомъ не слыхать! подхватила другая монахиня, имѣвшая подъ своимъ надзоромъ, какъ я послѣ узналъ, монастырскую библіотеку.

Эти страшныя дамы не знали и не чувствовали... Надо было какому-то русскому чудаку захватить сюда изъ Россіи и открыть имъ ихъ пріятную Америку.

Якубъ пошелъ мрачно оглядывать комнату и приготовленную мнѣ въ одномъ углу постель. Я замѣтилъ, что онъ постоялъ въ нѣкоторой задумчивости надъ какой-то щелью, однакожь отошелъ прочь и неподнявъ медленно одѣяло надъ чистой, ярко-свѣтившейся простынею.

— А это что, Хаджи-Евпраксія? сказалъ онъ грустно.

Мы всѣ приблизились и увидѣли въ одной складкѣ простыни цѣлый рядъ потомковъ Юстиніана. Запираться было нечего. Якубъ глядѣлъ на Хаджи-Евпраксію съ печальной свирѣпостью.

— Это не клопы, проговорила она смѣясь:—это газели! —И тутъ же стала хватать и давить этихъ газелей своими толстыми пальцами, точно рвала ягоды. Кончивъ эту операцію, она обернулась назадъ къ дверямъ, въ которыя вносили *софру*—маленькій круглый столикъ, на самыхъ коротенькихъ ножкахъ. Накрыли софру салфеткой и поставили на нее въ разной утвари яйца, творогъ, рисъ, кислое молоко и сахаръ. Немного погодя, явились, въ видѣ десерта, орѣхи и апельсины.

— Пожалуйста, батюшка, творожку да съ сахаркомъ—*тфаддалъ!* (т. е. прошу покорно!) говорила Хаджи-Евпраксія, показывая на то и другое своими жирными пальцами, только-что вернувшимися изъ извѣстной вамъ экспедиціи. Я сильно слѣдилъ за ними и даже ихъ боялся.

— Вы ужь пожалуйста, мать моя... не сыщите. Коли будетъ нужно, я самъ возьму!

Всѣ на меня посмотрѣли довольно свирѣпо; оказалось, что я произнесъ нѣчто весьма неучтивое. Отстранять услуги хозяйки, на востокъ—о, да это преубійственное дѣло! Никакіе пальцы тутъ въ соображеніе не входятъ.

Хаджи-Евпраксія, вѣроятно сраженная пуще всѣхъ, взяла безмолвно апельсинъ и начала его чистить. Сокъ бѣжалъ по ея пальцамъ. Читатели! Я знаю, вы надо мной не сжалитесь, но сжалитесь, или не сжалитесь, я вамъ долженъ открыть, что этотъ апельсинъ предназначался мнѣ—*pour la bonne bouche*.

.

О востокъ! о Сайданайя! Какъ вы милы! Какъ живописны ваши горы, какъ чудесно ваше небо —

Dahin, dahin, wo die Citronen blühen...

Читалъ я, стараясь всѣми мѣрами заснуть... Потомки Юстиніана!... Ради всего, для васъ священнаго!...

Было еще не совсѣмъ ясно на небѣ, когда я потревожилъ богатырскій сонъ Халиля и Якуба, требуя весьма настойчиво, чтобъ они отправились къ мухру и велѣли сдѣлать ослово.

— А бетфарражъ? спросили они оба вдругъ (т. е. гулять, прохлаждаться).

— Нѣтъ, ужъ мнѣ не до бетфарражу, какой тутъ бетфарражъ?

— А Хаджи-Евпраксія? замѣтилъ Якубъ:—она очень этимъ огорчится.

Хаджи-Евпраксія оказалась легка на поминѣ: она стояла передо мной, какъ листъ передъ травой, говоря словами сказки, и старалась проникнуть смыслъ нашихъ разговоровъ. Въ ея глазахъ было что-то весьма тревожное.

— Ты никакъ, батюшка, ѣхать? спросила она меня.

— А чтожь, еслибъ и ѣхать?

— Ни, ни, ни! И не думай! А бустень?

— Я въ бустень послѣ пріѣду... а теперь некогда; мнѣ надо непремѣнно быть къ обѣду въ Дамаскѣ.

— Зачѣмъ это надо? Нѣтъ, и не отговаривайся, батюшка! Въ бустень, въ бустень!

Необходимо замѣтить, что подъ горою у монастыря дѣйствительно былъ небольшой бустень, т. е. плодовый садъ, wo die Citronen blühen—это послѣднее несомнѣнно. Вѣдь кто знаетъ, можетъ быть, эти самые цитроны и разумѣла очаровательная Миньона, когда пѣла свою милую, безсмертную пѣсню. Какъ это все хорошо въ стихахъ! Объ чемъ ни спой, все складно, и по неволѣ захочется — dahin, dahin, а какъ пріѣдешь да посмотришь хорошенько — и не то, и даже очень не то!

Я былъ твердъ какъ сталь, какъ гранитъ, какъ та скала, на которой столько лѣтъ возвышается знаменитая Сайданайя. О, я былъ твердъ. Якубъ и Халиль, опушта головы, пошли отыскивать мухру. Хаджи-Евпраксія долго стояла задумавшись.

— Какъ же это, ты и монастыря-то нашего путемъ не видалъ? проговорила она робко.

— Покажите пожалуй, что у васъ тутъ есть; вѣдь это не долго?

— Выпей кофейку, лимонадцу, да и пойдемъ ходить.

Кофе и лимонадецъ тутъ ужъ и были: ихъ держала одна монахиня. Сзади ея смотрѣло на меня еще нѣсколько монахинь. Всѣ какъ

будто принимали своими взорами живѣйшее во мнѣ участіе; и ни одной, я думаю, не пришло въ голову, что я всю ночь не спалъ.

— Начнемъ съ библіотеки! сказалъ я, отыскавъ взоромъ начальницу библіотеки, бывшую у меня наканунѣ въ гостяхъ.

Она забрякала ключами; отворила какую-то дверь — и мы вошли. Библіотека смотрѣла очень бѣдно. Я насчиталъ всего-навсего семьдесятъ томовъ, гдѣ большая часть были печатные, арабскіе. Какъ главное сокровище, монахини указали мнѣ рукописное евангеліе на греческомъ языкѣ. Я не могъ отыскать году, когда это евангеліе явилось на свѣтъ, а потому трудно рѣшить, на сколько оно драгоцѣнно. Но болѣе всего меня поразили показанные затѣмъ, въ другой монастырской комнатѣ, огромные глиняные кувшины для деревяннаго масла, называемые *хаби*. Многіе изъ нихъ были въ ростъ человека — чрезвычайная древность. Ихъ тутъ же, безъ сомнѣнія, и дѣлали. Тащить такую громоздскую и тяжелую вещь снизу, на скалы, было невозможно. Говорятъ, производство этихъ удивительныхъ кувшиновъ давно прекратилось. Хаджи-Евпракія окунула въ одинъ *хаби*, наполненный масломъ, свой палецъ, полизала и потомъ обтерла объ голову.

Церковь монастыря бѣдна. При ней нѣтъ никакого колокола, а виситъ древнее *бильо*. Колоколъ ѣхалъ изъ Москвы, но остановился въ Бейрутѣ, гдѣ, конечно, онъ нужнѣе и безопаснѣе.

Съ монастырской террасы прекрасный видъ на горы. Показываются развалины нѣсколькихъ церквей: Петра и Павла, св. Варвары и другихъ. Все это глубокая древность. Церковь св. Георгія, также видная отсюда, выдержала осаду Друзовъ въ 1860 году. Самый Сайдавайскій монастырь тоже собирались ограбить какіе-то бродяги, входили въ него, осматривали, но почему-то оставили такъ и ушли. Тутъ-то и «зашибло» старуху Хаджи-Катерину.

Въ одной сторонѣ террасы показываютъ мѣсто, гдѣ, будто бы, слугою вѣтромъ со стѣны маленькую дочь Бельгійскаго консула, лѣтъ пять тому назадъ, но она осталась цѣла и невредима, что приписывается чуду. Если это дѣйствительно случилось, то, конечно, чудо: съ террасы внизъ будетъ сажень 20.

Въ заключеніе показали мнѣ двѣ довольно большія комнаты, гдѣ жила одна русская странница, Марія Иваницкая, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Она расписала эти комнаты цвѣтами и обѣлила бумажными образами, которыя привезла изъ Россіи. Потомъ стала сильно чудесить, и ее принуждены были выпроводить черезъ русское правительство, т. е. черезъ консула. Она подала на консула преумоверительную просьбу, въ которой писала совершенныя бредни, что,

напримѣръ, консулъ хотѣлъ всѣхъ ихъ отуречить и въ связи съ султаномъ Абдуль-Азисомъ; черезъ годъ, однакоже, Марія Ивайкикая вновь появилась въ Сиріи и Палестинѣ разгуливать по монастырямъ, расписывать кельи и чудесить...

Спустя полчаса послѣ того, мы опять подпрыгивали на своихъ ослухъ по направленію къ Дамаску.

Послѣдній онъ агитаторъ живетъ въ селѣхъ Галаціяхъ Амаі —

ГЛАВА VIII.

ПОСѢЩЕНІЕ АБДЕЛЬ-КАДЕРЪ. — ЕГО ПОЛИТИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ. — МЕЧЕТЬ АМАВІА. — ОТЪѢЗДЪ ВЪ БЕЙРУТЪ.

Отдохнувъ немного въ бустенахъ Дамаска, я вспомнилъ своего стараго пріятеля, Абдель-Кадера, и, какъ слѣдовало по пришлому, принятымъ съ такими лицами на востокъ, послалъ къ нему спросить: когда онъ можетъ меня принять? Назначено было 3 часа по полудни, въ тотъ же день.

Я взялъ проводника и, въ сказанный часъ, постучался у знакомой мнѣ калитки. Явился старшій сынъ Абдель-Кадера, знавшій меня еще прежде, и проводилъ въ новую пріемную залу, въ особомъ отдѣленіи ихъ обширнаго дома, а самъ пошелъ сказать отцу.

Комната, въ которой я остался, имѣла видъ вполнѣ европейскій. Немного измѣняли мраморный фонтанъ, устроенный по среднѣ. Что до мебели, она состояла изъ однихъ зеленыхъ дивановъ, съ лиловыми подушками. На стѣнѣ висѣли два большихъ зеркала, въ золотыхъ рамахъ. Самыя стѣны были безъ всякихъ восточныхъ цвѣтъ — просты и гладки.

Абдель-Кадеръ вошелъ своими легкими и широкими шагами, протянулъ мнѣ руку, потомъ сѣлъ на одинъ изъ дивановъ и пригласилъ меня сѣсть рядомъ. Онъ былъ простъ и натураленъ, какъ нелый бѣдѣ. Улыбка не покидала его лица. Я вспомнилъ того, страшнаго попа, не то пмама, какимъ онъ представился мнѣ въ третьемъ году, при первой нашей встрѣчѣ; того важнаго, монументальнаго истукана, какимъ онъ изображается на фотографическихъ карточкахъ, хоть и очень схожихъ. Я вспомнилъ все это и не могъ не улыбнуться. Ничего такого уже не было и тѣмъ. Абдель-Кадеръ заговорилъ со мною быстро, самымъ нестѣсеннымъ тономъ. Но прежде, чѣмъ передать этотъ разговоръ со всевозможною точностію, опишу вамъ его одежду. Онъ былъ въ суконномъ халатѣ шеколаднаго цвѣта, подъ которымъ видѣлась бѣлая, подпоясанная кушакомъ поддевка, или второй

халать, полегче. На головѣ — бѣлая чалма. Ноги въ желтыхъ туфляхъ, безъ чулокъ. Даже одна, во время нашего разговора, скатилась на полъ и я увидѣлъ совсѣмъ босую ногу Эмира, впрочемъ довольно чистую.

— Кефъ халаякъ? началъ Абдель-Кадеръ, какъ начинаются всѣ восточныя бесѣды: какъ, дескать, ваше состояніе?

— Кефъ хатракъ? отвѣчалъ я также вопросомъ, по принятому обыкновенію, т. е. какъ ваше благорасположеніе?

Это называется: *знать политику* — отвѣчать другъ другу надлежащими, типическими фразами, которыя выработаны вѣками.

Затѣмъ мы оба сѣлали теменна.

— Иншаллахъ мапсутъ? спросилъ Абдель-Кадеръ, чуть-чуть помолчавши: — веселы ли вы, по милости Божіей?

— Бенъ азракъ! — по вашему вниманію! — надо было отвѣтить.

— Бенъ азыръ алла! — по милости Божіей! замѣтилъ хозяинъ.

Всѣ эти или подобныя фразы, должны неизбежно проговориться во всякой благовоспитанной бесѣдѣ; затѣмъ уже имѣютъ право освѣдомляться о здоровьѣ.

— Хорошо ли вы себя чувствуете? спросилъ хозяинъ.

— Слава Богу. Какъ вашъ темпераментъ?

— Богъ да благословитъ васъ на всю жизнь!

— Постоянно горимъ желаніемъ васъ видѣть!

— Мы гораздо болѣе!

— Мы одичали, не видѣвъ васъ такъ долго.

— Богъ да не попуститъ этого въ отношеніи меня къ вамъ (т. е. всегда бы мнѣ смотрѣть на васъ и не дичать). Послѣ этого пошелъ уже обыкновенный разговоръ.

— Давно ли вы здѣсь? спросилъ Абдель-Кадеръ.

— Да вотъ ужъ двѣ недѣли?

— А изъ Сиріи?

— Мѣсяца полтора.

— Ну, какъ Россія?

— Я ее оставилъ въ обыкновенномъ состояніи ея здоровья.

— Дай Богъ! А какъ Европа?

— Ничего, такъ себѣ!

— А Польша какъ? Маджары? Нѣтъ ли вообще какихъ перемѣнъ въ мірѣ?

— Ничего особеннаго нѣтъ!

— Скажите пожалуйста: у Черной Горы война съ турками, — что они (*)?

— Когда я проѣзжалъ мимо Каттаро, слышалъ, что Черногорцы разбили Турокъ и взяли 600 плѣнныхъ.

— Я думаю, Туркамъ ничего съ ними не сдѣлать; трудно; то же, что у васъ на Кавказѣ. Скажите, что Шамилева страна, все воюетъ?

— Тамъ, гдѣ взять Шамиль, спокойно; но есть непокоренныя земли: тамъ война.

— Вотъ что! Ну, а что слышно о новомъ султанѣ: каковъ онъ? Кажется толковитый человѣкъ?

— Кажется, толковитый!

Въ это время подали кофей, въ маленькихъ чашкахъ, сперва мѣ, потомъ хозяину. Я выпилъ и долженъ былъ, по правиламъ, произнести: дѣйманъ! котораго значеніе вамъ уже извѣстно.

— Богъ да продлитъ вашу жизнь! Сказалъ Абдель-Кадеръ и, помолчавъ, спросилъ: — а какъ вамъ нравится Востокъ?

— Должно быть нравится, если я пріѣзжаю сюда въ другой разъ.

— Это намъ очень пріятно!

— А что вашъ сынъ Ибрагимъ (спросилъ я), съ которымъ мы въ прошлый разъ познакомились?

— Слава Богу. Ужъ читаетъ и пишетъ по-арабски, какъ большой.

— Онъ и тогда читалъ какъ слѣдуетъ. Вѣроятно намъ извѣстно, что я однажды присутствовалъ при его ученьи, въ школѣ.

— Вы были къ намъ слишкомъ внимательны. А теперь долго ли мы будемъ видѣть васъ своимъ гостемъ?

— Я уѣду дней черезъ пять.

— Куда же?

— Кажется, въ Египетъ. Хотѣлъ было съѣздить въ Хауранъ, но теперь это невозможно: война!

— Да, вотъ сегодня убили тамъ одного изъ моихъ.

Онъ разумѣлъ подъ этимъ «алжирцевъ», прибывшихъ съ нимъ изъ Африки. Я спросилъ, сколько ихъ съ нимъ всего навсѣ.

— Да будетъ тысячъ пять. Они разсѣяны по окрестностямъ Дамаска, а въ городѣ живетъ со мной только человѣкъ 50.

(*) Это былъ май мѣсяцъ 1862 года.

Таковъ былъ нашъ разговоръ съ Абдель-Кадеромъ, записанный мною почти слово въ слово. Я всталъ и началъ прощаться.

— До свиданія... въ Петербургѣ, сказалъ Абдель-Кадеръ, также вставая и провожая меня, по обычаю, до дверей. Конечно — Петербургъ, была шутка, ни съ того, ни съ сего слетѣвшая съ языка Эмира.

— Если прѣзжать, такъ прѣзжайте къ тысящелѣтію, въ августѣ этого года! замѣтилъ я.

— Ну! — и онъ засмѣялся.

Здѣсь кстати будетъ разсказать о дѣйствіяхъ Абдель-Кадера во время дамасскаго возстанія, какъ ихъ разумѣютъ теперь, на мѣстѣ. Большинство убѣждено въ томъ, что если это не было подстроено заранее, то вышло совершенно случайно, а ужь никакъ не подвигъ. Наполеонъ изъ мухи сдѣлалъ слона: желая занять тогда хоть чѣмъ нибудь вниманіе Европы, велѣлъ поднять своимъ газетамъ шумъ — и послѣ раздавалъ Абдель-Кадеру европейскіе кресты.

Дѣло было такъ, или почти такъ: когда въ воздухѣ Дамаска уже почувствовались мѣзмы возстанія, управляющій французскимъ консульствомъ, нѣкто Лянюсъ, просилъ Абдель-Кадера имѣть подъ рукою тысячи двѣ алжирцевъ, на случай защиты его, г. Лянюса, и ихъ консульскаго архива. Я знаю съ совершенной достовѣрностію, что Лянюсъ говорилъ нашему консулу, еще за *два недѣли до возстанія*, объ этихъ «приготовленныхъ» имъ алжирцахъ. Стало бытъ, дѣло устроилось вовсе не экспромтомъ и не по вдохновенію. Когда наше консульство было разграблено и зажжено (первый домъ, на который напали) — Лянюсъ узелетывалъ изъ своего дома къ Абдель-Кадеру, будучи окруженъ нѣсколькими алжирцами. Къ нимъ пристала небольшая кучка христіанъ, между которыми находился и нашъ консулъ, только что пришедшій поговорить съ Лянюсомъ о грозившей имъ всѣмъ опасности.

Придя къ Абдель-Кадеру, Лянюсъ просилъ его послать своихъ «молодцевъ» для спасенія кого можно, и они отравились...

Вотъ и все. Гдѣ тутъ чрезвычайный подвигъ самого Абдель-Кадера, ужь я не знаю. Извѣстно самымъ достовѣрнымъ образомъ, что алжирцы, посланные спасать христіанъ, грабили ихъ точно такъ же, какъ и другіе музульмане. Когда Абдель-Кадеръ, бывши съ визитомъ у новаго мушира, Халимъ-Паши (въ 1862 г.) завелъ было рѣчь о похвальныхъ дѣйствіяхъ своихъ «Муграби» (*) во дни возстанія, Муширъ, весьма сообразительный и смѣтливый малый, остановилъ его

(*) Т. е. алжирцевъ, собственно: *западныхъ*.

словами: «пожалуйста, не толкуйте объ этомъ! если пошарить въ домахъ этихъ тероевъ, то мы придемъ совсѣмъ къ нному заключенію объ ихъ добродѣтеляхъ, чѣмъ написано въ газетахъ». Абдель-Кадеръ прикусилъ языкъ и, кажется, послѣ этого никогда и ни съ кѣмъ не заговаривалъ о подвигахъ своихъ «Мутраби».

Но какова сила и ловкость Наполеона: изъ ничего состряпать такую исторію! Даже Европа, кажется, отъ души повѣрила во все то, что ей рассказывали въ газетахъ.

Въ тотъ же самый день я посѣтилъ Амавію, священную и, еще недавно, вовсе недоступную для христіанъ мечеть Дамаска. Кровавыя событія послужили, между прочимъ, къ открытію заповѣдныхъ дверей. Вообще, кровавыя событія въ дикихъ странахъ есть дѣло больше хорошее, чѣмъ дурное. Они всегда расчищаютъ воздухъ. Однако, посѣщеніе мечети производится все-таки осторожно. Муширь прислалъ мнѣ четырехъ *заптіе*, называемыхъ теперь жандармами — «джандурма», и я осмотрѣлъ Амавію подъ ихъ покровительствомъ, имѣя, кромѣ того, съ собою каваса нашего консульства.

Ступивъ на дворъ мечети, выложенный бѣлыми плитами, мы сняли сапоги. Музульмане, бродившіе по немъ въ разныхъ направленіяхъ и даже ребятежь, игравшая во дворѣ, подъ навѣсомъ обширныхъ галлерей, — сейчасъ обратили на насъ вниманіе, какъ на зрѣлище довольно рѣдкое. Около насъ стали собираться кучки, но «джандурма» ихъ немедленно разгоняла.

Самая мечеть, представившаяся нагѣво, была — длинное, не очень складное зданіе, въ 200 шаговъ. Войдя въ первыя, огромныя двери, всегда открытыя, мы увидѣли залу значительныхъ размѣровъ, въ три нефа, образованные двумя аркадами, на 40 колоннахъ разныхъ орденовъ. Ясно, что это былъ христіанскій храмъ греческой постройки, но тутъ послѣ хлопотало очень много постороннее, невѣжественное искусство. Который разъ видишь, какъ музульманство пользуется трудами христіанскихъ зодчихъ. Исторія Амавіи — повтореніе св. Софіи Стамбула и храма Успенія — въ Іерусалимѣ. Я разумѣю Аксу, сосѣдственную Омаровой мечети.

Колонны, о которыхъ я сейчасъ сказалъ (вѣроятно, мраморныя или гранитныя), окрашены, черезъ одну, зеленой и красной краской т. е. колонна красная, колонна зеленая и т. д. Весь полъ залы, состоящій изъ бѣлыхъ плитъ неизвѣстнаго камня (кажется это *меликъ*), устланъ коврами, съ оставленіемъ кое гдѣ узкихъ промежутковъ, въ которыя и видишь камни. Потолокъ представляетъ страшную путаницу деревянныхъ, также крашенныхъ стропилъ. Окошки, помѣщен-

ныя довольно высоко, имѣютъ, налѣво, рамы съ тусклыми стеклами; направо — состоятъ изъ деревянной, нехитрой рѣзбы. Я насчиталъ всего навсе 88 окошекъ, по 44 на сторонѣ.

Въ серединѣ залы, въ двухъ мѣстахъ, устроены какія-то клѣтки, въ родѣ тѣхъ, какъ бываетъ въ иныхъ дебаркадерахъ для раздачи билетовъ. Сколько мнѣ кажется, это — огороженные гроба музульманскихъ святителей. Я видѣлъ передъ ними нѣсколько молящихся, на колѣняхъ. Наконецъ, по всему пространству залы, вверху, но не очень высоко, висятъ, на бичевкахъ, самыя жалкія лампы, мѣстами въ видѣ треугольничковъ, наполненныхъ стаканчиками, какъ у насъ во время иллюминацій.

Вся эта часть Амавіи, которую я описалъ, эта огромная зала, есть, собственно, только сѣни, или преддверіе настоящей мечети. Здѣсь, въ сѣняхъ, музульманскій народъ ведетъ себя непринужденно. Иные даже спятъ въ растяжку, какъ снопы, на прохладныхъ плитахъ. По стропиламъ бѣгаютъ голуби, громко воркуя и поглядывая на пестрыя группы правовѣрныхъ, на эти желтые, зеленые и всякіе халаты. Иные снопы вдругъ зашевелиятся, сядутъ и давай толковать, по всѣмъ вѣроятностямъ, о политикѣ — любимый разговоръ праздныхъ музульманъ. Нѣтъ сомнѣнія, что они говорили и обо мнѣ, разгуливавшемъ посреди халатовъ въ своемъ франкскомъ сертучкѣ — и мнѣ, конечно, крѣпко доставалось. Я видѣлъ не одинъ косившійся на меня глазъ...

Въ мечеть я не пошелъ, сочтя достаточнымъ только въ нее заглянуть. Это была не слишкомъ большая зала, наполненная горящими лампадами и преданными молитвѣ людьми.

Въ одномъ мѣстѣ, при осматриваніи преддверія, подошелъ ко мнѣ какой-то музульманинъ и предложилъ воды, но два живые и расторопные муллы, въ бѣлыхъ чалмахъ, постоянно ходившіе со мною для объясненія всего любопытнаго, проворно его отстранили, вѣроятно изъ опасенія, чтобы онъ послѣ не предъявлялъ какихъ либо притязаній на раздѣлъ бакшиша, который долженъ былъ всецѣло поступить лишь въ ихъ священные карманы.

Эти муллы, судя по ихъ веселымъ фізіономіямъ и живости, съ какою показывали мнѣ свои владѣнія, были далеки отъ всякой фанатической ревности и нетерпимости въ отношеніи къ своему гостю. Напротивъ, какъ кажется, они были мнѣ очень рады и обращались со мной въ высшей степени натурально. Во первыхъ, это былъ молодой народъ, не столь дикій съ европейцами, какъ ихъ старики. Поэтому, мое прибытіе сулило имъ хорошій русскій бакшишъ. О, бакшишъ на востокѣ великое дѣло! Онъ разглаживаетъ и старческія морщины.

Когда я осмотрѣлъ достаточно и даже смѣрилъ залу (въ ней оказалось, въ длину, 178 шаговъ, поперекъ — 54), жандармы, ходившіе все время за мною безотлучно, замѣтили одному муллѣ: «отвори, ваша милость, двери въ минаретъ Іисуса!»

Такъ называется главный минаретъ Амавіи, по арабски: *Мадне-Аиса-Ибну-Маріамъ* (минаретъ Іисуса, сына Маріи), по причинѣ преданія, будто Іисусъ сойдетъ съ неба сперва на этотъ минаретъ, а потомъ уже на землю — судить человѣковъ.

Мулла исполнилъ мгновенно требованіе жандарма: двери, тутъ же изъ залы, отворились и мы стали подыматься на высоту. Я насчиталъ 220 ступеней. Сверху, вѣроятно саженьяхъ на тридцати сличкомъ, видишь весь Дамаскъ съ его садами. Когда я спросилъ, во сколько времени можно проѣхать эти сады во всю длину, бывшіе со мною жандармы, муллы и кавасъ толковали очень долго и почти ни до чего не дотолковались: кто говорилъ, что нужно 5 часовъ, а кто говорилъ, цѣлый день.

Въ заключеніе, мы осмотрѣли окружающіе Амавію рвы, или, скорѣе, какіе-то корридоры, поросшіе травой. Въ нихъ можно попасть не иначе, какъ изъ ближайшихъ лавокъ: лѣзутъ сперва на крыши, съ крышъ прыгаютъ внизъ — и вы увидите себя у самага подножія Амавіи.

Дойдя до середины зданія, я замѣтилъ слѣды древнихъ воротъ и остатки греческой надписи:... τῶν αἰώνων καὶ ἡ Δεσποτὶα σου ἐν παντὶ γενεᾷ καὶ γενεᾷ. Здѣсь не достаесть: Ἡ βασιλεία σου Χριστὶ ὁ Θεὸς βασιλεὺς πάντων — т. е. все вмѣстѣ: «Царствіе твое, Христе Боже, есть царствіе во вся вѣки и власть твоя во роды родовъ».

Шагахъ въ полутораста отъ этихъ воротъ сохранились развалины великолѣпной гранитной арки того же удивительнаго зодчества, которое являлось сюда... Богъ вѣсть зачѣмъ... чтобы блеснуть на мигъ — и потомъ исказиться навсегда и задвинутъ жалкими кучами мышиныхъ домиковъ, гдѣ прѣсть, никогда не раздѣваясь, иное, грязное человѣчество, не знающее никакой цѣны прошедшему, не имѣющее ничего, кромѣ хорошаго табаку, который жжетъ немилосердно и коптитъ имъ и собой свое ясное небо...

О, какъ бѣдны и ничтожны эти желтыя мазанки подлѣ грандіозныхъ столбовъ и арокъ минувшаго, гдѣ одинъ изящный штрихъ, уже расплывшійся и почернѣвшій подъ копотью вѣковъ, говоритъ больше, чѣмъ сотни и тысячи этихъ будничныхъ, скудельныхъ горшковъ, слѣпленныхъ на мигъ...

Амавія была послѣднимъ замѣчательнымъ предметомъ, осмотрѣннымъ мною въ Дамаскѣ. Я уѣхалъ въ Бейрутъ одинъ, съ кавасомъ

Мухаммедъ-Агой, съ пикой. Ахъ, что за видъ былъ на Дамаскъ, топувшій въ утреннемъ туманѣ! Какъ чудесно вырѣзывались изъ волнъ этого тумана высокіе минареты! Изъ одной крайней улицы бѣжали гурьбой бараны, въ сопровожденіи пастуха, имѣвшаго фizioномію бандита, и снабженнаго, какъ водится, винтовкой, которая торчала у него за плечами...

Дальше, на пути, ничего особеннаго не случилось, только мухрѣ обронилъ какъ-то мою шинель, видѣвшую 40 вѣковъ на пирамидахъ. Я думалъ: ну! тутъ вѣрно и сложить ей свою буйную голову, однако нѣтъ: мухрѣ слеталъ въ горы и разыскалъ ее какимъ-то чудомъ. Я получилъ ее уже въ Ханъ-Бахмутѣ, откуда, съ извѣстной вамъ площадью, созерцалъ милый Бейрутъ, къ которому привыкъ, какъ къ родному...

Н. ВЕРГЪ.

АНДРЕЙ ФЕДОРЫЧЪ ЧЕБАПОВЪ.

(ИЗЪ РОМАНА «БРАТЬЯ И СЕСТРА»).

Андрей Федорычъ Чебаповъ «волею Зевеса» былъ послѣдникомъ всѣхъ своихъ родныхъ». Онъ, владѣлъ, по крайней мѣрѣ, тысячею душъ. Лишь только стукнуло ему двадцать съ годовомъ, срокъ гражданского совершеннолѣтія, какъ онъ сдѣлался обладателемъ огромныхъ помѣстій и земель. Но онъ получалъ свободу именно только въ двадцать съ годовомъ, когда лишился отца и матери. До тѣхъ поръ его личность, самостоятельно, самодѣтельно не проявлялась ничѣмъ. Не подумайте, что родители его были деспоты — ни чуть не бывало; но онъ получалъ то странное, обезличивающее воспитаніе, которое встрѣчается только у русскихъ богатыхъ и такъ называемыхъ образованныхъ баръ. Онъ началъ говорить по русски только на двѣнадцатомъ году. Родился онъ за границей въ Италіи и прожилъ съ отцомъ и матерью тамъ до девяти лѣтъ... Элементарное образованіе онъ получилъ въ Германіи и Франціи, а потомъ въ Россіи, но все-таки отъ нѣмца и француза. Наконецъ, ему наняли дома въ учителя для русскаго языка одного кандидата университета, мѣщанскаго происхожденія, человѣка, прошедшаго огонь и воду, и исходившаго почти всю Русь пѣшкомъ: онъ изъ Вологды пришелъ въ Питеръ съ пѣсколькими пятаками въ карманѣ, тяжелымъ трудомъ добытъ ученую степень и теперь начиналъ пробовать себѣ дорогу въ свѣтѣ. Ученикъ и учитель никогда не могли по-

нять другъ друга. Учителю, по фамиліи Лѣсникову, пришлось учить точно не мальчика, сына русскаго помѣщика, а какого-то космополита. Очевидно, требовалось долгихъ трудовъ, чтобы развить ребенка до пониманія духа роднаго народа и жизни. Андрюша не понималъ не только нашихъ сказокъ, пѣсенъ, преданій старины, но подъ часъ и Пушкина съ Гоголемъ. Фразы, въ родѣ: «Русь страна варварская, дикая», или: «посмотрите на западѣ, какія тамъ учрежденія» и т. п., фразы, имѣющія значеніе въ устахъ людей, знающихъ и западъ, и родину, и, слѣдовательно, имѣющихъ основанія къ сравненіямъ, въ его устахъ, разумѣется, не имѣли никакого смысла и звучали презрѣніемъ къ родинѣ... Учитель же его былъ не то, чтобы славянофилъ, а черезчуръ вѣрилъ въ народныя силы, и, будучи самъ мужицкій сынъ, вѣрилъ именно въ мужика. Отсюда уже между учителемъ и ученикомъ зародился тайный, глубоко зарытый въ душѣ антагонизмъ. Читали они разъ Гоголя. — «Да», сказалъ маленькій космополитъ, «русскій мужикъ любитъ въ затылкѣ почесать». — А отчего это? спросилъ учитель. Андрюша не зналъ, что сказать. — Неужели безъ причины? — «Да такъ», отвѣчалъ Андрюша. — Такъ ничего не бываетъ на свѣтѣ, ни въ жизни, ни въ природѣ. — Такъ отчего же нашъ мужикъ чешетъ въ затылкѣ? — А вотъ узнайте сами, доищитесь. — Андрюша, разумѣется, ничего не доискался. Тогда учитель объяснилъ ему: «мужикъ чешетъ затылокъ отъ того, что у него зудитъ въ немъ, а зудитъ въ немъ отъ грязи, грязь набилась во время долгой и трудной работы. И французъ, и нѣмецъ, и англичанинъ», говорилъ онъ, «если поработаютъ нѣсколько часовъ на жарѣ и въ поту, будутъ непременно чесать и затылокъ, и спину, и животъ... Если же мужикъ и послѣ бани чешется, то это у него уже въ привычку обратилось». Противъ такого аргумента ученикъ ничего не нашелся отвѣтить. Скажетъ, бывало, Андрюша: «нашъ мужикъ пьяница», — учитель начинаетъ доказывать, что англичане больше пьютъ, чѣмъ русскіе, а у французскихъ фабричныхъ даже семилѣтнія дѣти водку пьютъ. Скажетъ ли Андрюша, что нашъ мужикъ лѣнивъ, учитель показываетъ ему итальянскаго лаццарони... Если Андрюша ссыался на бѣдность, неопрятность и невѣжество русскаго простолюдина, учитель въ параллель ставилъ англійскаго фабричнаго, французскаго мелкаго поземельнаго владѣльца, глубокое невѣжество многихъ гражданъ той и другой страны, до того глубокое, что многіе

изъ нихъ не понимаютъ, что такое «Богъ», потому что въ первый разъ слышатъ это имя. Онъ прямо ему говорилъ, что мужикъ нашъ отъ того бѣденъ, что онъ крѣпостной. И во всемъ такъ. Мы сказали, что Лѣсниковъ не былъ славянофилъ, но онъ всегда отстаивалъ передъ ученикомъ народъ, потому что его раздражало это легкомысленное, ни на чемъ не основанное, отношеніе къ нему Андрюши. «Вы узнайте народъ, тогда, пожалуй, браните его и хвалите западъ, а теперь вы не имѣете на то никакого права».

Ученикъ съ учителемъ рѣшительно не могли сойтись.

Другая бѣда — это несовершеннолѣтній, отроческій либерализмъ и претензіи на политическія тенденціи. Тутъ просто мальчикъ казался педагогу нестерпимымъ маленькимъ фатомъ, хотя этого и не было на дѣлѣ. Андрюша былъ фразеромъ, не подозревая того, какъ люди и противоположнаго воспитанія бываютъ квасными патріотами въ дѣтствѣ, считая себя маленькими сынами отечества. Фраза въ дѣтствѣ не заключаетъ въ себѣ лжи, она заключаетъ въ себѣ искреннее чувство, только ложно направленное. Чебанову позволялось читать, что хочетъ, и онъ имѣлъ несчастіе читать политику и публицистику, въ которыхъ девятой части не понималъ, а десятую понималъ шиворотъ на выворотъ. Въ немъ развилось не то, чтобы страсть, а пристрастіе къ общественнымъ вопросамъ. Читая Круммахера и тому подобныхъ нелѣпыхъ писателей для дѣтей, онъ рассуждалъ о свободѣ, равенствѣ, судахъ, гласности и т. п. Онъ часто прерывалъ урокъ разными вопросами, не относящимися къ дѣлу. Словомъ, онъ былъ только по рожденію русскій, а въ космополитическомъ отношеніи у него былъ сумбуръ въ головѣ.

Съ одной стороны, совершенная оторванность отъ родины, роднаго языка, вѣры, обычаевъ и преданій въ самомъ впечатлительномъ возрастѣ, съ другой стороны, — преждевременная, непосильная работа надъ предметами вовсе не дѣтскими, — сильно смущали учителя, и онъ не разъ хотѣлъ прекратить кондичіи, теряя всякую надежду что нибудь сдѣлать изъ своего ученика. Но онъ замѣчалъ въ Андрюшѣ доброе, мягкое сердце, полную готовность понять его, внимательность и способность увлекаться, хотя и не былъ онъ усидчивъ, не было у него выдержанности и регулярности въ характерѣ. Лѣсниковъ рѣшился быть не только Андрюшинымъ учителемъ, но и воспитателемъ. Когда мальчикъ освоился достаточно съ русскимъ языкомъ, Лѣсни-

ковъ сталъ его водить на пашни, луга, въ лѣсъ, на озеро, заставлялъ его вникать въ крестьянскій бытъ, смотрѣть хоропроводы, слушать пѣсни и сказки. Это не совсѣмъ нравилось отцу. — Къ чему это? спрашивалъ онъ. — Не зная нисколько жизни народа русскаго, хотя одной какой нибудь мѣстности, нельзя знать и языка русскаго, — языкъ отраженіе народной жизни, отвѣчалъ Лѣсниковъ. — Отецъ соглашался, тѣмъ болѣе, что видѣлъ въ учителѣ безукоризненное усердіе; но всячески онъ, получивши самъ французское образованіе, не особенно заботился и наблюдалъ успѣхи сына по предметамъ Лѣсникова. Лѣсниковъ болѣе года добивался, чтобы отпустили ученика его воижевать съ нимъ по Россіи, которую самъ зналъ хорошо, назначая на первый разъ путешествіе вдоль по всей Волгѣ. Онъ основательно доказывалъ, что гораздо благоразумнѣе малолѣтнихъ дѣтей ознакомить сначала съ родиной подъ руководствомъ опытнаго наставника, нежели шлаться съ ними, безъ всякой пользы, по чужимъ землямъ, что, приобрѣтши свѣдѣнія о своей землѣ, они, въ юношествѣ, отправятся за границу съ полной подготовкой къ дѣльному путешествію. Его слушали, соглашались съ нимъ, но все-таки Андрюша увидалъ Волгу только на 19 году, когда ѣхалъ въ университетъ. Во всякомъ случаѣ Лѣсниковъ много принесъ пользы Андрюшѣ. Если бы не онъ, Богъ знаетъ, что бы и вышло изъ мальчика. Безпощадно анализируя его фразы, онъ спасъ его въ будущемъ отъ привычки лгать. Но перевоспитать своего ученика окончательно онъ все-таки не могъ: черезчуръ сильно было вліяніе прежнихъ годовъ. Воспитателями, равно какъ и учителями по всѣмъ другимъ предметамъ, кромѣ русскаго языка, были нѣмецъ и французъ. Вообще у русскаго человѣка не лежитъ сердце къ нѣмцу; Лѣсниковъ же просто возненавидѣлъ своего сотрудника, хотя и звали его геръ-Шеллингъ. Этотъ-то Шеллингъ собственно и заправлялъ всѣмъ дѣломъ. Отецъ Чебановъ не допускалъ никакого насилія въ воспитаніи сына: тѣлесныя наказанія и штрафы какого бы то ни было рода были изгнаны. Допускались въ рѣдкомъ случаѣ выговоры и внушенія. Съ баричемъ обращались почтительно, и самъ баричъ велъ себя съ достоинствомъ. Какимъ же образомъ достигали того, что Андрюша и велъ себя, какъ джентльменъ, и всегда готовилъ уроки? Онъ съ самаго молодю, съ пеленокъ видѣлъ около себя порядочность, былъ приученъ къ ней постепенно, а главное употреблялись всевозможныя искус-

ственный педагогическія мѣры, чтобы дитя училось легко и шу-
тя. Никакого усилія, никакого почти труда не стояло Андриюшѣ
выучивать уроки. Онъ всегда былъ исправенъ, всегда зналъ урокъ,
но никогда не работалъ самъ надъ нимъ. Нѣмецъ, за недѣлю до
извѣстнаго урока, незамѣтно для ученика, подготавливалъ его; и
потомъ, при разныхъ учебныхъ пособіяхъ, картахъ, картинахъ,
моделяхъ и т. п., урокъ вкладывался въ голову мальчика.
Была построена цѣлая сѣть педагогическая, при помощи ко-
торой ловили умъ и память мальчика, заставляя ихъ удер-
живать въ себѣ то, что учитель считалъ необходимымъ. Неза-
мѣтно, легко шло преподаваніе. При этомъ постоянно на-
блюдали здоровье ученика, расположеніе его духа, впрочемъ,
большею частію всегда ровное, ловили, въ какую минуту и ког-
да къ нему подойти, подмѣчали тѣ или другія свойства его,
склонности — и всѣмъ этимъ пользовались, подъ руковод-
ствомъ нѣмца, чтобы достигнуть педагогической цѣли. Хо-
роша или дурна эта система, пусть всякій судить самъ, но
Лѣсниковъ за эту-то систему пуще всего и возненавидѣлъ нѣм-
ца. — «Уродуютъ барченка», говорилъ онъ: «не дадутъ самому по-
шевелить мозгами. Барина растятъ. Этотъ колбасникъ не педагогъ,
а лакей по умственной части. Въ физическомъ отношеніи Андрию-
ша избалованъ, у него два лакея; онъ самъ не одѣнется, самъ
умыться не умѣетъ, налить супу въ тарелку; хотятъ, чтобы онъ
самъ и въ наукѣ ничего не могъ дѣлать, ему тоже подаютъ эти ла-
кеи, нѣмецъ да французъ. Изъ этого выйдетъ одна гадость — маль-
чикъ будетъ имѣть свѣдѣнія, но онъ, хотя и не лишенъ способ-
ностей, навсегда останется дилетантомъ. Теперь передъ нимъ
лакействуетъ нѣмецкая кикимора, вырастетъ большой — будетъ
плясать по дудкѣ того или другаго журнала или газеты, того
или другаго кружка. Отецъ хвастаетъ, что изъ его сына не вый-
детъ хлыща, полотера или человѣка, помѣшаннаго на чинахъ,
кутилы; положимъ такъ, но и помимо всего этого можно остаться
дуракомъ и весь вѣкъ коптить небо. Вѣдь вонъ у него около тысячи
душъ крестьянъ. Не умѣя самъ шевельнуть мозгами, что онъ съ
ними будетъ дѣлать? Разумѣется, попадетъ въ лапы перваго не-
годия управляющаго. Зашибъ бы этого проклятаго нѣмца!» — Такъ
разсуждалъ Лѣсниковъ. Въ спорахъ съ нѣмцемъ онъ никогда не
сходился во мнѣніяхъ, а въ практѣ педагогической всегда проти-
водѣйствовалъ ему. Лѣсниковъ заставлялъ Андриюшу самого доби-
ваться до истины, руководя только въ нѣкоторыхъ научныхъ при-

емахъ. Онъ училъ его размышлять. Но и у самого Андриюши не всё въ лежало сердце къ Лѣсникову. Хотя онъ не былъ совершен но дюжинною личностію, но и не выдавался въ средѣ окружаю щихъ его лицъ изъ ряду вонъ. Мальчикъ, дитя своего общества, въ душѣ котораго не находилось никакихъ задатковъ для про теста какой бы то ни было его сторожъ, — даже болѣе: который уже былъ полный членъ и адептъ этого общества, — онъ чувство валь, что въ его быть и міросозерцаніе Лѣсниковъ вносятъ что-то новое, что разстроиваетъ его душевный міръ и гармонию дѣтской жизни. Будучи приученъ къ самонедѣтельности, онъ, послѣ ра ботъ съ Лѣсниковымъ, утомлялся, впадалъ въ скуку, терялъ аппе титъ. Онъ не любилъ его, хотя и уважалъ. Онъ смотрѣлъ на учи теля съ любопытствомъ, видя въ первый разъ въ своемъ кругу та кого челоѣка. Уже Лѣсниковъ былъ полезенъ мальчику лично своею персоною, заставляя пытливо задумываться надъ нею. Разу мѣется, мальчикъ не могъ разгадать натуру плебей, съ которыми впервые стоялъ лицомъ къ лицу. Нѣмецъ — мы забыли сказать, что этотъ нѣмецъ былъ изъ католиковъ, самый гадкій типъ нѣмца, — зорко слѣдилъ за питомцемъ и шепталъ на ухо папашѣ, осо бенно же мамашѣ, что ихъ однородное чадо находится въ опас ности отъ грубаго, неотесаннаго мужика Лѣсникова. Папаша былъ холоденъ къ Лѣсникову, но уважалъ его за его честное исполненіе своихъ обязательствъ. Мамаша же ничего не хотѣла знать — она ненавидѣла Лѣсникова; дошло до того, что всякую простуду, боль живота, разсѣянность, случайную и кратковре менную холодность къ ней сына мама стала объяснять вліяніемъ Лѣсникова. Послѣдній понималъ это, и въ душѣ называлъ ее прѣс ной бабой, которую слѣдуетъ закутать во фланель и поить пар нымъ козьимъ молокомъ. Досадно было Лѣсникову, но онъ упорно шелъ къ своей цѣли, желая, во что бы то ни стало, раз вить въ ученикѣ стремленіе къ личной работѣ. Ему хотѣлось, чтобы обрусѣлъ возможно болѣе этотъ космополитъ-мальчикъ, обрусѣлъ бы на зло и папашѣ, и мамашѣ, и проклятымъ нѣмцу и французу. Какъ развитый челоѣкъ мечтаетъ, что невѣже ственный простолюдинъ ознакомится, подъ его усилями, съ нау кой и искусствомъ образованныхъ людей, такъ и Лѣсниковъ бился изъ всѣхъ силъ — только не снизу, а сверху, не изъ среды простонародія, а изъ среды аристократизма вырвать челоѣка. Онъ гордился тѣмъ, онъ мечталъ о томъ, что выйдетъ, и причи ной тому будетъ онъ, Лѣсниковъ.

Но педагогъ смутно чувствовалъ, что мало достигаетъ своей цѣли, хотя и не хотѣлъ сознаться въ томъ ясно.

Нѣмца Лѣсниковъ не любилъ, но все-таки называлъ умнымъ скотомъ; но француза онъ называлъ просто безмозглою головой.

Дѣтскій либерализмъ и преждевременная, ни къ чему не ведущая дипломатика, привитая насильственно, была дѣломъ француза, дѣйствительно враля отпѣтаго, всегда искусственно раздражавшагося своими фразами. Этого господина Лѣсниковъ часто обрывалъ. И за это отецъ Чебановъ уважалъ Лѣсникова, потому что смотрѣлъ на француза тоже съ презрѣніемъ; но французъ состоялъ въ качествѣ фаворита у мамыши, у которой, откровенно говоря, не было въ головѣ ни царя, ни царицы. Нѣмца она брала подъ свое покровительство, и какъ учителя, и какъ няньку своего единственного сына, а француза, кромѣ того, какъ пріятнаго для нея собесѣдника и услужливаго, ловкаго кавалера. Французъ внушалъ ей, что изъ Андрюши со временемъ выйдетъ дипломатъ, что у него и теперь обнаруживаются явные наклонности къ политикѣ, что онъ, родившись за границею и путешествуя по Европѣ, видѣлъ почти всѣ европейскія государства и такимъ образомъ даже на двѣнадцатомъ году обогатился свѣдѣніями, необходимыми для дипломата и политика. — «Глупая женщина», думалъ Лѣсниковъ: «чему вѣрить! Чтобы быть дипломатомъ, надо имѣть способность къ самостоятельной работѣ мозгами, а мальчика только я заставляю работать ими. Во всѣхъ другихъ случаяхъ мозгами ребенка работаютъ нѣмецъ и французъ, хотя того дитя и не подозреваетъ. Его головой распоряжаются по произволу. Вся эта страсть къ политикѣ въ Андрюшѣ нанушена, раздута искусственно, и это тѣмъ легче было сдѣлать, что мальчику всегда хочется, чтобы его считали взрослымъ, а онъ тутъ дѣлитъ и межуется Европу, устраиваетъ конгрессы, заключаетъ конвенціи, разсылаетъ царямъ и царицамъ ноты, а подчасъ и головомойки... Это считаютъ признакомъ дипломатическаго призванія!... Знатный выйдетъ дипломатъ изъ мальчика, котораго растутъ педагогическіе холопы!»...

Относительно подготовки ребенка къ дипломатикѣ чрезъ путешествіе его по Европѣ Лѣсниковъ тоже не могъ согласиться съ французомъ.

«Самое путешествіе,» говорилъ онъ: «повело ко вреду Андрюши. Быстро перелетая изъ города въ городъ, не останавливаясь нигдѣ надолго, онъ пріобрѣлъ дурную привычку къ невни-

мательности и верхоглядству. Это то же самое, что въ одинъ пріемъ обойти петербургскій армітажъ — не много будетъ сдѣлано для эстетическаго развитія. Лучше было бы внимательно изучить одну деревню, нежели быстро окидывать взоромъ цѣлыя территоріи. Неужели, если я промчусь семьсотъ верстъ въ теченіи полутора сутокъ по желѣзной дорогѣ, то это будетъ значить, что я путешествовалъ на протяженіи семисотъ верстъ? Такіе вояжи, какіе дѣлалъ Андрюша, способны приготовить не дипломата, а шатуна, который весь вѣкъ будетъ слоняться безъ толку по бѣлу свѣту. Самое путешествіе за границей, о которомъ иной весь вѣкъ мечтаетъ да часто такъ и умираетъ съ прекрасною мечтою, путешествіе, ознакомляющее насъ съ бытомъ и учрежденіями другихъ народовъ, сглаживаетъ нашъ узкій либерализмъ, — для этихъ господъ служить только ко вреду. Глупа эта женщина, что слушаетъ француза!»

«Но я», думалъ Лѣсниковъ съ упорствомъ: «спасу этого мальчика!... Посмотримъ, чья возьметъ!...»

Но съ французомъ бороться было трудно. Когда Лѣсниковъ шелъ противъ методы нѣмца, вводя ученика своего въ новый міръ, тогда мальчика часто увлекала новизна предметовъ и даже самая самостоятельность; но идти противъ француза значило тревожить дѣтское самолюбіе, разочаровывать ребенка, доказывать ему, что онъ не взрослый, а дитя. Противъ француза у него было мало шансовъ, и онъ потерпѣлъ въ борьбѣ съ нимъ полное фіаско.

Такимъ образомъ, Лѣсниковъ всталъ во враждебныя отношенія со своими сотрудниками по дѣлу образованія Андрюши. Но онъ не совсѣмъ дружелюбно относился и къ ученику. Ему не нравились характеръ мальчика. Такіе характеры многіе называютъ виѣшними. Въ нихъ есть одна опредѣляющая черта. Андрюша не понималъ природы, не умѣлъ наслаждаться ею; онъ не засматривался на ясное небо ни днемъ, ни ночью, не прислушивался къ голосамъ и шуму лѣса; пруды, каскады, ручьи и ключи не имѣли для него поэтической прелести; въ грозѣ онъ не находилъ ничего грандіознаго. Это, по словамъ Лѣсникова, зависѣло тоже отъ безтолковаго, какъ выражался онъ, путешествія по Европѣ, гдѣ пейзажи разныхъ странъ передъ нимъ смѣнялись, какъ въ калейдоскопѣ, такъ что приглядѣлись и пріѣхали. Его болѣе занимала театральная декорация, чѣмъ самый роскошный природный видъ. Природа была для него мертвою книгой.

Онъ жилъ единственно среди людей. Но и здѣсь надобно сдѣлать ограниченіе. Отецъ и мать его были аристократы въ душѣ, но въ то же время люди на столько съ тактомъ, что никогда не обнаруживали своего аристократизма рѣзко. Собственно говоря, они не презирали плебеевъ, не считали ихъ людьми другого порядка, даже не называли пошлымъ именемъ *меньшей братіи*, считая себя *старшей*; но... да, трудно и понять то чувство, съ которымъ они относились къ плебею. То чувство было не презрѣніе, а что-то въ родѣ гадливости, нежеланія прикоснуться къ непріятному предмету. «Ты намъ ровень», сказали бы они плебею, формулируя свои убѣжденія, «имѣешь право на все, на что имѣемъ мы; но не суйся къ намъ; между нами могутъ быть разнаго рода сдѣлки, но никакъ не близкое знакомство или родство!» Что жъ? на этомъ можно еще сойтись, если ужъ не хотягъ аристократы слиться съ плебсомъ. Но не такъ думалъ Лѣсниковъ. Ему досадно было, что семейныя убѣжденія довольно сильно отразились на Андрюшѣ. Андрюша былъ честенъ и добрѣ, но все-таки чувство необщительности съ другими классами не рекомендовало его характеръ. Лѣсникову хотѣлось, во что бы то ни стало, перевоспитать мальчика.

Но чѣмъ же кончилось дѣло?

Дѣло кончилось тѣмъ, что Лѣсниковъ однажды вышелъ изъ себя и выругалъ нѣмца. Устроился довольно почтенный скандалъ. Лѣсникову предложили оставить домъ Чебановыхъ.

Долго онъ сидѣлъ въ послѣдній вечеръ, который проводилъ у Чебановыхъ.

— Ну, что же я успѣлъ сдѣлать для Андрюши? думалъ онъ. Мальчикъ началъ довольно правильно владѣть роднымъ языкомъ, ознакомился нѣсколько съ окружающею его жизнью, полюбилъ нѣкоторыхъ русскихъ поэтовъ, хотя народная поэзія, даже Кольцовъ, болѣе другихъ понятный высшему классу, остались для него неразрѣзанною книгой. Онъ все-таки остался бариномъ.

Лѣсниковъ злился. Ему жалко чего-то было и въ то же время онъ чуялъ въ душѣ обиду, досаду, оскорбленіе.

Но чего ему жалко было?

Не о потерѣ выгоднаго въ денежномъ отношеніи мѣста учительскаго онъ жалѣлъ. Онъ успѣлъ скопить деньжонки. Съ Чебановыми родителями онъ не прерывалъ никакихъ интимныхъ связей. Нѣмца и француза, своихъ сотрудниковъ, онъ, какъ говорилъ, повѣсилъ бы на первой осинѣ, хотя, само собою разумѣт-

ся, не сдѣлалъ бы этого, если бы къ тому и представился случай. Прислуга дома ему тоже не была особенно по сердцу. Нравилась ему мѣстная природа, но не унывать же отъ того, что приходилось оставить ее.

— Андрюши, что ли, мнѣ жаль? подумалъ онъ.

Не любя лгать передъ собою, Лѣсниковъ сознался, что это не правда, что онъ не любитъ Андрюшу — и въ эту минуту всего болѣе.

Что же?

Ему было горько и досадно. Его самолюбіе страдало — не отъ того, что ему указали двери, а отъ того, что все его труды привели къ такому ничтожному результату. Онъ оказался безсильнымъ въ перевоспитаніи Андрюши. Онъ теперь называлъ себя дуракомъ, что взялся за такое дѣло, а тяжело сознаться самому себѣ, что ты сглупилъ.

— Да развѣ можно перевоспитать барича? говорилъ онъ. Они и слово для себя придумали; ихъ, видите ли, «среда заѣдаетъ»... жалкіе, жалкіе люди!.. Говорятъ, что трудно къ мужику подойти, что онъ зарылся и спрятался отъ образованнаго челоуѣка, не допускаетъ въ тайники своего міросозерцанія; но врядъ ли легче проникнуть и въ тайники этихъ аристократовъ, врядъ ли и къ нимъ подойти съумѣешь.

Послѣ нѣкотораго раздумья, онъ спросилъ себя:

— Но любилъ ли я Андрюшу?..

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ: — ну и чортъ съ нимъ.

На другой день онъ уѣхалъ.

НИКОЛАЙ ПОМЯЛОВСКІЙ.

НАТУРЩИЦА.

Много дней, ночей тоскливыхъ,
Посреди родныхъ слезливыхъ,
Искалѣченныхъ нуждой,
Провела я, голодая,
Прежде, чѣмъ полунагая,
Появилась въ мастерской.

Помню все, какъ я дрожала,
Колебалась, умоляла:
«Завяжите хоть глаза!»
И когда я вдругъ явилась
Нимфой, — горькая скатилась
По щекѣ моей слеза.

Стыдъ прошелъ, и вотъ, изъ нужды,
Я служу искусству; чужды
Мнѣ приличья свѣтскихъ дамъ.
Какъ онѣ, я не скрываюсь,
И, когда я раздѣваюсь,
Раздѣвать себя не дамъ.

Дальше руки! Наготою —
Богомъ данной красотою, —
Я пришла не соблазнять.
Обожай, какъ душу, тѣло...
Вотъ оно, скорѣй за дѣло,
Начинай съ меня писать.

Изъ окна здѣсь вѣетъ лѣтомъ,
Весь мой торсъ проникся свѣтомъ
Отъ плеча и до колѣнъ.
Мнѣ не стыдно, не обидно;
Только такъ... порой завидно:
Для чего я не манкенъ!

Твой манкенъ не просить хлѣба,
Не боится кары неба,
Не клянеть своей судьбы;
Онъ не зналъ обидъ напрасныхъ,
Соблазнитель безстрастныхъ,
Сокрушительной борьбы.

Кисть изъ рукъ твоихъ упала...
И тебѣ борьбы не мало
Предстоитъ. Бѣднякъ, учись!
Напряги свое вниманье,
Я стою, какъ изваянье,
Ты въ терпѣнье превратись.

Дни, года пройдутъ, быть можетъ,
Нагота моя поможетъ
И тебѣ карманъ набить.
Я же, снова голодая,
Можетъ быть, приду, больная,
Подъ окно твое просить.

Я. ПОЛОНСКИЙ.

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

I.

ПОЛДЕНЬ.

Когда прохладные покровы
Листовъ лепечущей дубровы
На золотой и жаркій день
Раскинуть трепетную тѣнь,
А вдалекѣ блистаютъ нивы,
И надъ мелькающей рѣкой,
Столпившись, стадо терпѣливо
Полудня переноситъ зной,
И награждаетъ сонъ здоровый
Въ поляхъ трудъ пахаря суровый —
И всюду миръ и тишина:
Не вѣрить умъ, что здѣсь война
Пройдетъ своимъ огнемъ и громомъ,
Вспахавши ядрами поля, —
Что обогрѣнная земля
Очамъ представится содомомъ:
Смятутся тихія мѣста
И помертвѣлыя уста
Оцѣпенѣютъ, лобызая
Твой бранный прахъ, земля родная...
И надъ золою деревень
Багровый загорится день.

II.

ЛѢТО.

Волшебный день! Изъ нѣдръ лазурныхъ неба
На землю дышитъ благодатный зной
И золотитъ тяжелый колосъ хлѣба.
Ложится море травъ подъ острою косой;
На вѣткѣ плодъ загаромъ спѣлымъ рдѣетъ —
И видишь, кажется, какъ все въ природѣ зрѣетъ,
Какою силою плодящей небеса
Чреватые простерлись надъ землею,

Какъ испаряся возносится роса
 Благоуханіемъ надъ скошенной травой.

И въ этотъ день труда и тишины,
 Когда къ людямъ такъ благостна природа, —
 Въ заброшенныхъ поляхъ взволнованной страны
 —

Конями стоитана высокая трава,
 И къ солнцу, въ дымѣ битвъ сквозящему едва,
 Восходитъ трупный смрадъ — и мирнаго нѣтъ звука...
 Свинцовые кругомъ нависли небеса,
 И вечеромъ упавшая роса
 Спускается надъ передсмертной мукой...

III.

О С Е Н Ь.

Пронесся надъ усталымъ міромъ
 Бурь освѣжительный порывъ.
 И сходить осень кроткимъ пиромъ
 На золото несжатыхъ нивъ.
 Звенять мелькающія косы;
 Стога столпилися къ стогамъ,
 И вечеромъ сѣдые росы
 Ползутъ по скошеннымъ лугамъ.

Приносить годъ свое даянье.
 Мужикъ благословилъ свой трудъ:
 На зиму будетъ пропитанье;
 Онъ и землянка отдохнуть.

Пошли жь свое успокоенье
 Всѣмъ, благодатная пора!
 Сойди росой на пылъ сраженья,
 Скажи, что дѣло истребленья
 Не дѣло братства и добра!
 Любовью обезоружа,
 Въ семью верни отца и мужа
 И слезы матери утри...
 Всѣхъ опьяненныхъ браннымъ пиромъ,
 Своею кротостью и миромъ,
 И укроти, и примири...

П. КОВАЛЕВСКІЙ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫЯ БЕСѢДЫ ВЪ МОСКВѢ.

Бесѣды эти начались вскорѣ послѣ новаго года, продолжались въ февралѣ, мартѣ, и 4 апрѣля кончились, но должны опять возобновиться осенью, когда землевладѣльцы возвратятся въ Москву. Ихъ было, кажется, восемь или девять. Если бы онѣ канули въ вѣчность, то, разумѣется, не стоило бы объ нихъ и говорить, но, по случаю предполагаемаго возобновленія, надобно кое-что сказать объ нихъ. Читателямъ вѣроятно не безъизвѣстно, что бесѣды эти учреждены членами общества сельскаго хозяйства, того именно общества, которое въ теченіе сорокачетырехлѣтняго своего существованія очень мало принесло пользы помѣщикамъ и никакой крестьянамъ. Учреждены онѣ съ тою цѣлю, чтобы дать возможность желающимъ посвятить себя сельскому хозяйству узнать отъ практическихъ землевладѣльцевъ, какимъ образомъ нужно въ настоящее время вести свое хозяйство, для полученія съ своей земли больше дохода. Но прежде нежели отвѣтить, достигло ли общество этой цѣли, мы познакомимъ читателей съ самими бесѣдами, а именно съ первой, которая уже напечатана, и съ послѣдней, на которой удалось намъ присутствовать. Первая бесѣда во многихъ отношеніяхъ поучительна: она знакомитъ насъ со взглядомъ помѣщиковъ стараго закала на будущее устройство сельскаго хозяйства, на предполагаемое отношеніе къ крестьянамъ. Мы передаемъ ее читателямъ въ извлеченіи и съ критическимъ разборомъ нѣкоторыхъ мнѣній, особенно заслуживающихъ вниманіе по

своей оригинальности. Надѣмся, что московскіе публицисты не облачатъ насъ ни въ клеветѣ, ни въ случайной ошибкѣ (см. 11 № «Современной Лѣтописи»), такъ какъ бесѣда уже напечатана 15 февраля сего года. Предметомъ бесѣды были сообщеніе свѣдѣній по заведенію сельскихъ хозяйствъ въ настоящее переходное время и обсужденіе выгодъ и неудобствъ вольнонаемнаго и исполнаго хозяйствъ, устраивающихся теперь въ разныхъ мѣстностяхъ. Она была открыта чтеніемъ записки г. Шишкова, заключающей въ себѣ отвѣтъ на нѣкоторые современные вопросы по сельскому хозяйству. «Меня спрашивали, сказалъ онъ, нѣкоторые хозяева о настоящемъ и будущемъ положеніи нашихъ хозяйствъ, желая при томъ знать: *возможно ли будетъ введеніе раціональнаго хозяйства и необходимыхъ при томъ улучшеній*, и какой лучший способъ перехода отъ прежней системы работъ къ новому порядку?»

Такой вопросъ ясно доказываетъ, что до сихъ поръ общество сельскаго хозяйства не только не способствовало къ введенію раціональнаго хозяйства, но даже не убѣдило помѣщиковъ въ возможности введенія ея и необходимыхъ улучшеній. Странно слышать подобный вопросъ въ половинѣ XIX вѣка, когда, не говоря уже объ Англіи, Бельгіи, Пруссіи и другихъ нѣмецкихъ государствахъ, наши братья, западные славяне, чехи и поляки, давнымъ давно ввели у себя раціональное хозяйство, давнымъ давно сдѣлали улучшенія въ немъ и постоянно дѣлаютъ ихъ. Вотъ прекрасный урокъ нашимъ публицистамъ, изъ которыхъ одни отстаиваютъ старину, стараюсь убѣдить всѣхъ, что западъ отжилъ, что оттуда нѣчего намъ брать, а другіе, какъ напримѣръ г. Скарятинъ, говорятъ, что мы уже слишкомъ шагнули впередъ, пора пріостановиться и задуматься надъ тѣмъ, что сдѣлали. Неудивительно, что уничтоженіе крѣпостной зависимости крестьянъ застало всѣхъ землевладѣльцевъ врасплохъ, совершенно неприготовившимися, неумѣющими безъ дароваго труда заняться сельскимъ хозяйствомъ. А между тѣмъ была возможность присмотрѣться къ веденію раціональнаго хозяйства у себя, такъ сказать, дома, именно въ Польшѣ, гдѣ съ очиншоваціемъ крестьянъ мало по малу воцѣлился вольнонаемный трудъ. Десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили тотъ край, проживши въ немъ девять лѣтъ, но и въ то время можно было встрѣтить тамъ образцовымъ образомъ устроенныя имѣнія, куда посылались на практику молодые люди, по окончаніи курса наукъ въ мармонтской агрономической школѣ, и по возвращеніи оттуда держали экзаменъ на степень агрономовъ. Слѣдовательно, была возможность записаться практическими познаніями для устройства своихъ хозяйствъ, потому что стоило бы только посѣтить тотъ край, вмѣсто того, чтобы ѣздить за границу и проживать

деньги въ западныхъ столицахъ, осматривая тамъ рѣдкости или проводя время на водахъ или на загородныхъ гуляньяхъ. Но время потеряно, прошедшаго не воротить. Будемъ, однакожь, слушать, что скажетъ намъ г. Шишковъ на предложенный ему вопросъ.

«Настоящее положеніе нашихъ издѣльныхъ имѣній, продолжаетъ онъ, въ средней черноземной полосѣ Россіи, должно бы назвать переходнымъ отъ крѣпостнаго труда къ вольнонаемному; но оно еще находится въ состояніи неопредѣленномъ и не скоро еще изъ него выйдетъ, только съ переходомъ крестьянъ на оброкъ въ полномъ составѣ обществъ прекратится, ибо теперь крестьяне или по прежнему отбываютъ барщину кое-какъ, или, можетъ быть, пойдутъ отдѣльными дворами на оброкъ». Что же касается *до будущаго*, то прежде нежели высказать объ немъ свое мнѣніе, г. Шишковъ занялся разрѣшеніемъ ряда вопросовъ, имѣющихъ тѣсную связь съ настоящимъ положеніемъ, а именно, какъ помѣщики должны устроить свое хозяйство, чтобы получить высшій доходъ отъ земли, оставшейся у нихъ за надѣломъ крестьянъ, предполагая, что они въ полномъ составѣ селенія выйдутъ на оброкъ. «Казалось бы, выразилъ онъ, въ имѣніи, гдѣ заведены уже всѣ потребныя для хлѣбопашества строенія, машины и прочія принадлежности, слѣдовало вводить вольно-наемный трудъ, такъ какъ онъ производительнѣе барщиннаго; а для этого нужно прежде всего приобрести рабочій скотъ, упряжь и улучшенныя орудія: ибо извѣстно, что крестьяне на своихъ лошадяхъ не въ состояніи работать улучшенными орудіями, а ихъ землешейныя орудія не достигаютъ цѣли. Кромѣ того для лучшаго хозяйства необходимо измѣнить и сѣвооборотъ, включивъ въ него травосѣяніе и корнеплодные растенія для достаточнаго прокормленія какъ рабочихъ лошадей, такъ и рогатаго скота; наконецъ увеличить количество скота, необходимаго для удобренія извѣстнаго числа десятинъ земли, ибо безъ удобренія усовершенствованное хозяйство немыслимо».

Все вышесказанное, какъ читатели сами видятъ, составляетъ просто азбуку сельскаго хозяйства. Начинать съ этого значитъ—доказывать, что мы ни аза въ глаза не знаемъ относительно сельскаго хозяйства. Но будемъ слушать дальше.

«Поэтому слѣдуетъ только купить лошадей, упряжь, орудія и скотъ (вѣроятно рогатый), набрать приличный мѣстности сѣвооборотъ; потомъ нанять работниковъ и приступить къ раціональному хозяйству (а затѣмъ и загребай денежки въ карманъ; только надобно было еще прибавить, чтобы запаслись будущіе хозяева умомъ, терпѣніемъ, наблюдательностію и внесли значительную долю собственнаго труда). Но это хотя и лучшее средство, но не во всѣхъ хозяйствахъ можетъ быть исполнено. По различію мѣстностей разнообразны и

способы имѣній, съ какими должны сообразоваться всѣ распоряженія хозяина при опредѣленіи сѣвооборота и назначеніи производства земледѣльческихъ продуктовъ. Назначеніе сѣвооборота должно зависѣть отъ выгоднѣйшихъ продуктовъ мѣстныхъ, грунта земли и количества луговъ. По симъ тремъ даннымъ назначается количество удобренія и рабочей силы. Само собою разумѣется, чѣмъ больше будетъ количество воздѣлываемой земли, тѣмъ больше потребуется для приведенія въ исполненіе предназначеннаго плана свободныхъ капиталовъ, основнаго и оборотнаго. А какъ у насъ нѣтъ ни денегъ, ни кредита, то и невозможно повсемѣстно устроить хозяйство на новыхъ началахъ».

Неутѣшительный выводъ сдѣлалъ г. Шишковъ! Впрочемъ, новаго онъ ничего не заявилъ, а повторилъ только то, что всякій землевладелецъ знаетъ, да извѣстно также и намъ не землевладельцамъ.

«Но предположимъ, сказалъ онъ, что и основной и оборотный капиталъ окажутся у нѣкоторыхъ помѣщиковъ въ достаточномъ количествѣ для введенія разумнаго хозяйства, тогда необходима рабочая сила, безъ коей и при огромномъ капиталѣ хозяйство идти не можетъ. Откуда же взять работниковъ? Въ черноземныхъ мѣстностяхъ, крестьяне, имѣя много свободнаго времени, скорѣе захотятъ принять побольше земли, хотя бы и за дорогую цѣну, и взять къ себѣ одного или двухъ работниковъ, чѣмъ самимъ заниматься въ работники; поэтому землевладельцу останутся для найма бездомовные лѣнтяи и пьяницы. А можно ли на нихъ основывать хозяйство? Положимъ, что и найдутся порядочные работники, но они не умѣютъ работать улучшенными орудіями, которыхъ даже и не видывали. Допустимъ наконецъ, что испортивши нѣсколько лошадей и поломавши нѣсколько плуговъ, къ осени они и попривыкнуть къ улучшеннымъ орудіямъ; но кто поручится, что тѣ же самые работники придутъ и на будущій годъ? А если придутъ, то навѣрно запросятъ небывалыя и несбыточные цѣны».

«Далѣе—сообразны ли будутъ цѣны рабочихъ съ работою и произведеніями? На полевые наши произведенія, при застоѣ торговли, отсутствіи требованій на хлѣба, цѣны такъ низки, что никакимъ способомъ не оплатятъ всѣ расходы на рабочихъ съ ихъ содержаніемъ. Наконецъ, какое имѣемъ мы обезпеченіе въ томъ, что работники, нанявшись на лѣто или на годъ, исполнятъ свою обязанность и не уйдутъ въ самое нужное для работы время, какъ это часто до сего времени случалось?»

«Говоря о вольнонаемномъ трудѣ, нельзя пройти безъ вниманія и то, что необходимы при рабочихъ десяткіе или приставы, какъ для наблюденія за исправностію производства работъ, такъ и за содержа-

нѣмъ въ порядкѣ рабочаго скота, упряжи, орудій и машинъ. А гдѣ и изъ какого класса людей мы ихъ возьмемъ? Конечно, за хороше жалованье могутъ найтись люди, исправлявшіе и прежде такія обязанности (старосты и ключники), но будетъ ли содержаніе ихъ выгодно для землевладѣльца?

«Чтобы сколько нибудь обезпечить свой доходъ, предпринимаются хозяевами разныя переходныя мѣры. Первую изъ нихъ составляетъ отдача земли оставшейся за надѣломъ исполу, т. е. предоставляется крестьянамъ посѣять и обработать озимовые и яровые хлѣба, скосить луга и привезти половину всего урожая на господское гумно. Но тутъ нуженъ неослабный присмотръ, чтобы раздѣлъ урожая дѣлался правильно и чтобы крестьяне ночью не обивали изъ части сноповъ зерна. Впрочемъ этотъ способъ хозяйства исполу можетъ служить на первый разъ лучшею мѣрою, если притомъ крестьяне возьмутся еще удобривать поля.

«Второй способъ гораздо простѣйшій, но съ тѣмъ вмѣстѣ и невыгодный, — это отдача въ наймы земель, остающихся за надѣломъ крестьянъ; это средство можетъ быть уже послѣднимъ. Я бы полагалъ, продолжаетъ г. Шишковъ, что не слѣдовало бы отдавать земли въ наймы ни подъ какимъ видомъ и ни за какую цѣну, дабы вынудить крестьянъ, у коихъ надѣлъ недостаточенъ для ихъ обихода и повинностей, принимать болѣе выгодныя для помѣщика соглашенія, и не давать имъ способовъ усиливать свое хлѣбопашество. Но могутъ ли, во первыхъ, выдержать это наши помѣщики, лишаясь на первое время и самаго дохода, во вторыхъ, возможно ли для сего полное соглашеніе сосѣдей, а еще менѣе, по отсутствію владѣльцевъ, ихъ управляющихъ?»

Тутъ мы намѣрены остановиться и разобрать мнѣніе г. Шишкова, напечатанное курсивомъ; въ немъ высказывается желаніе на будущее время подъ другою формою подчинить себя крестьянъ. Вникните, читатели, въ смыслъ сказанныхъ словъ: *не отдавать земли въ наймы ни подъ какимъ видомъ и ни за какую цѣну, дабы вынудить крестьянъ, коихъ надѣлъ недостаточенъ для ихъ обихода и повинностей, принимать болѣе выгодныя для помѣщика соглашенія и не давать имъ способовъ усиливать свое хлѣбопашество*. Развѣ это не есть стремленіе къ подчиненію? А оно развѣ лучше крѣпостнаго права? Нѣтъ, оно несравненно хуже послѣдняго, потому что при немъ землевладѣльцу нечего заботиться о крестьянинѣ, тогда какъ крѣпостное право обязывало помѣщика кормить его при недостаткѣ хлѣба, да и собственныя выгоды его побуждали къ тому, чтобы крестьянинъ не доходилъ до нищеты. Богатство помѣщика находилось въ тѣсной связи (по большей части) съ состояніемъ крестьянъ. Вотъ вамъ, какъ

понялъ г. Шишковъ улучшение быта крестьянъ, которое постоянно имѣетъ въ виду правительство! Если осуществить предположеніе г. Шишкова, не сближенія надобно ожидать, а еще большаго разъединенія, чѣмъ было до сихъ поръ, такого разъединенія, которое существовало въ польскихъ провинціяхъ, и на которые теперь указываютъ, какъ на причину ненависти крестьянъ къ помѣщикамъ.

Не нужно знать исторіи прошедшей и настоящей, не нужно быть знакомымъ съ политикой, а достаточно имѣть одинъ здравый смыслъ, чтобы напередъ предсказать тѣ вредныя послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ совѣта г. Шишкова *вынудить крестьянъ, имѣющихъ нужду въ насущномъ пропитаніи, принимать болѣе выгодныя для помѣщика соглашенія и не давать имъ способовъ усилить свое хлѣбопашество*. О послѣдствіяхъ нечего и распространяться; онѣ хорошо извѣстны всякому, смотрящему немного подалѣе обыкновеннаго. Мы сомнѣваемся, чтобы было желательно видѣть у себя предъ глазами то, что происходило и происходитъ вдали. Тамъ пожинали и, можетъ быть, теперь пожинаютъ, что посеяли, а у насъ замышляетъ г. Шишковъ сѣять, предоставляя жатву дѣтямъ и внукамъ.

Мы смотримъ на предложенный г. Шишковымъ способъ, какъ на подчиненіе крестьянъ, равносильное крѣпостному праву, которое будетъ развиться отъ перваго взаимнымъ будто бы соглашеніемъ. Да въ такомъ случаѣ крестьяне, вынужденные необходимостью, принуждены будутъ соглашаться на всѣ предлагаемыя помѣщикомъ условія.

Если въ исторіи народовъ принимается въ соображеніе прошедшее, чтобы дѣлать предположеніе о будущемъ, или другими словами, если изъ дурнаго прошедшаго выводить заключеніе о такомъ же будущемъ, то едва ли надобно желать, чтобы дворянство наше опять богатыло на счетъ труда крестьянъ, а послѣднихъ заставляло заботиться о насущномъ хлѣбѣ. Надобно стараться, чтобы *всѣмъ было хорошо, чтобы всѣмъ жилось легче прежняго, чтобы мало было нуждающихся, чтобы довольство было разлито во всѣхъ классахъ общества*, ибо только тогда и можетъ проникнуть цивилизація въ страну. Предлагая подобное мнѣніе, г. Шишковъ обрекаетъ нашихъ крестьянъ на новую полную зависимость и сопряженное съ нею невѣжество. Тогда нечего и думать объ умственномъ развитіи нашего народа и о послѣдствіяхъ этого развитія.

Для приведенія въ исполненіе вышеказаннаго предложенія, г. Шишковъ находитъ необходимымъ соглашеніе помѣщиковъ между собою, или иначе говоря, стачку. Но неужели ему неизвѣстно, какія бываютъ послѣдствія стачекъ въ Англіи, когда заводчики и фабриканты соглашаются уменьшить плату работникамъ? Вѣроятно онъ читалъ не разъ, что послѣдніе или, начиная водноваться, приступаютъ

къ угрозамъ, или сами прибѣгаютъ къ той же мѣрѣ, т. е. къ стачкѣ, чтобы заставить первыхъ платить столько, сколько они потребуютъ. При стачкѣ съ одной стороны начинается стачка и съ другой: обѣ же онѣ, кромѣ того, что въ высшей степени безправственны, производятъ взаимную ненависть, о послѣдствіяхъ которой излишне было бы говорить. Мы однакоже думаемъ, что до такой крайности едва ли бы у насъ дошло. Намъ кажется, что г. Шишковъ очень ошибется въ расчетѣ, предполагая *вынудить крестьянъ принимать болѣе выгодныя для помѣщиковъ соглашенія и не давать имъ способовъ усилить свое хлѣбопашество*. У насъ необработанныхъ земель много; не говоря о Сибири, юго-восточная половина Европейской Россіи ожидаетъ колонистовъ. И нашъ крестьянинъ, какъ онъ ни привязанъ къ старому пепелищу, не задумается бросить его и переселиться туда, гдѣ будетъ ему попривольѣе. Если теперь плутъ постоянно переселенцы изъ малоземельныхъ губерній въ Сибирь, извѣстные тамъ подъ именемъ *самоохотовъ* (такъ называютъ ихъ Сибиряки, въ отличіе отъ поселенцовъ и переселенцевъ, идущихъ не по своей охотѣ, а по суду и по волѣ общества), которыхъ большія партіи мы встрѣчаемъ ежегодно лѣтомъ, то пойдутъ и послѣ, когда не будутъ имѣть средствъ къ жизни на родинѣ. При усиленіи такого переселенія произойдетъ недостатокъ въ рабочихъ силахъ; и тогда помѣщики сами принуждены будутъ остаться съ необработанной землей, или увеличить плату работникамъ. И это будетъ еще однимъ изъ самыхъ благопріятныхъ послѣдствій, какія только могутъ произойти отъ приведенія въ исполненіе предположеній г. Шишкова. Но... возвратимся лучше къ продолженію сельско-хозяйственной бесѣды.

«Многіе хозяева, говоритъ онъ, находятъ выгоднымъ предоставлять крестьянамъ на выкупъ ихъ надѣлы, по взаимному соглашенію, разсрочивая слѣдующія съ нихъ суммы на 4 или на 5 лѣтъ. Въ имѣніяхъ, гдѣ крестьяне не находятъ средствъ выплачивать деньгами, они соглашаются зарабатывать ихъ по условленнымъ цѣнамъ, за каждую работу. Мѣра эта дѣйствительно принесла бы пользу обѣимъ сторонамъ; почему и должно стараться соглашать крестьянъ къ выкупу ихъ надѣловъ *на сколько возможно выгодныхъ условіяхъ* (но для кого? Ужъ вѣрно не для обѣихъ сторонъ, какъ требуетъ справедливость, а только для одной), опредѣляя цѣну каждой работѣ, какая по мѣстности и положенію имѣнія болѣе необходима.

«И такъ, заключилъ онъ, лучшее средство устроить сколько возможно въ будущемъ свое хозяйство, состоитъ именно въ томъ, чтобы:

- 1) Уменьшить запашку, оставляя часть земли залежи.
- 2) Обработывать свои поля, пока крестьянами, состоящими на

издѣліи, и часть особо вольнонаемными работниками, усиливая по возможности ихъ количество.

3) Стараться соглашать крестьянъ къ выкупу ихъ надѣловъ, обязывая ихъ на работы болѣе нужныя въ такой мѣстности.

4) Излишнюю землю, если она имѣется не отдавать ни подъ какимъ видомъ въ наемъ за деньги, а сначала исполу и, уменьшая ее количество, усиливать исполу и поемногу обязанности крестьянъ при такой сдачѣ земли.

5) «Достигнуть того, чтобы крестьяне не находили выгоды брать земли изъ какой либо части работы, а предпочитали бы наниматься у помѣщиковъ.

«Денежныя повинности крестьянъ усилятся, и при исправномъ надзорѣ за отбываніемъ ихъ, они необходимо должны будутъ нуждаться въ деньгахъ, тогда именно нужда ихъ заставитъ наниматься въ работники, а землевладѣльцы будутъ по возможности ихъ нанимать по выбору не на одно лѣто, а на болѣе продолжительное время».

Вотъ тѣ заключенія, къ которымъ пришелъ членъ московскаго общества сельскаго хозяйства г. Шишковъ. Онѣ непосредственно вытекаютъ изъ тѣхъ разсужденій, которыя переданы нами выше въ извлеченіи. Мы разберемъ нѣкоторые изъ этихъ пунктовъ и постараемся указать ихъ несостоятельность. Пропустивши 2 и 3 пун., какъ не заслуживающіе особеннаго вниманія, мы остановимся на 1 и 4. Четвертымъ пунктомъ онъ не совѣтуетъ отдавать землю ни подъ какимъ видомъ въ наймы за деньги, а сначала исполу, и пр. Выше мы уже указали на цѣль, къ которой г. Шишковъ совѣтуетъ помѣщикамъ стремиться, представили и неизбѣжныя послѣдствія въ будущемъ отъ достиженія этой цѣли. Но теперь разберемъ его съ другой стороны. Выгодно ли помѣщикамъ оставлять земли взадѣжи и не отдавать ее въ наймы за деньги, или другими словами—имѣя землю, не получать съ нея дохода, въ чаяніи будущихъ благъ? Отвѣтъ на это понятенъ каждому. Только богатый землевладѣлецъ, и притомъ въ высшей степени эгоистъ, можетъ принять его и сидѣть на своей землѣ, какъ собака на сѣнѣ. Благоразумный же землевладѣлецъ, или знакомый хоть сколько нибудь съ политической экономіей, вѣроятно согласится съ нами, что земля не должна пропадать даромъ, что лучше получать умѣренный доходъ самому при отдачѣ ея въ наймы за деньги, и дать возможность крестьянину при своемъ трудѣ извлечь изъ нея пользу, чѣмъ оставлять необработанною. Для всѣхъ имѣній нельзя постановить общаго правила: въ однихъ выгодно отдать исполу, въ другихъ отдать въ наймы за деньги, а въ третьихъ нанимать крестьянъ на обработку известнаго количества десятинъ земли. Напримѣръ: въ

имѣніяхъ подгородныхъ, всегда найдутся охотники брать землю въ наймы, и дадутъ хорошую плату. И мы знаемъ одного землевладѣльца около Рязани, который отдалъ землю своимъ же прежнимъ крестьянамъ по 8 руб. за десятину. Въдь эта плата, кажется, хорошая. Если бы самъ помѣщикъ сталъ обрабатывать землю вольнонаемнымъ трудомъ, то онъ получилъ бы доходу отъ 10 до 12 и, можетъ быть, даже до 15 руб. сер. съ десятины; но тогда ему надобно смотрѣть за своимъ хозяйствомъ—приложить хозяйственный трудъ; а тутъ онъ, получивъ деньги, можетъ заняться чѣмъ нибудь другимъ и изъ этого занятія извлечь себѣ пользу. Съ обоюдною выгодною могутъ быть отданы земли въ наймы крестьянамъ въ тѣхъ имѣніяхъ, которыя расположены вблизи судоходныхъ рѣкъ и не далеко отъ шоссеиныхъ дорогъ. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Калужской губерніи, помѣщики находятъ выгоднымъ отдавать часть свободной земли исполу. А въ Тульской губерніи, нѣкоторые помѣщики нашли выгоднымъ платить крестьянамъ за обработку земли съ десятины, т. е. вспахать, посѣять, сжать и свозить на гумно. Въ прошломъ году они платили отъ 6 до 8 съ десятины, а въ настоящее время наняли отъ 5½ до 6 руб. Вотъ видите ли, г. Шишковъ, вашъ совѣтъ непримѣнимъ ко всѣмъ мѣстностямъ, и едва ли можетъ быть принятъ людьми, знакомыми съ современнымъ состояніемъ цивилизаціи, отрѣшившимися душою и тѣломъ отъ крѣпостнаго права. Мы полагаемъ, что надобно поощрять помѣщиковъ къ отдачѣ земель въ наймы за деньги. У насъ нѣтъ арендаторства, но оно необходимо для того, чтобы земля не оставалась необработанною. У насъ будущіе арендаторы должны выйти изъ городского сословія — мѣщане и личные дворяне; съ правомъ, предоставляющимъ первымъ свободный выходъ изъ городского сословія въ сельское, они навѣрно устремятся къ землѣ и будутъ ее брать въ наемъ у помѣщиковъ, особенно вблизи городовъ, съ тѣмъ, чтобы заниматься разведеніемъ овощей, что и теперь нѣкоторые дѣлаютъ, владѣя незначительными участками своей земли въ городѣ, или арендуя городскую землю. Остающимся за штатомъ чиновникамъ или выслужившимъ пенсіи также не останется ничего больше дѣлать, какъ только арендовать землю у помѣщиковъ, особенно если кому нибудь изъ нихъ удалось скопить небольшой капиталаецъ на черный день. Напрасно многіе думаютъ, что отдача земель въ аренду невыгодна для землевладѣльцевъ, по той причинѣ, что будто бы арендаторъ, стараясь извлечь какъ можно больше выгодъ изъ наплатой имъ земли, нисколько не заботится объ улучшеніи ея и доводитъ ее до истощенія. Противъ этого есть три средства: во первыхъ, отдавать земли на продолжительное время; во вторыхъ, включать въ условіе, чтобы арендаторъ ежегодно удобрялъ извѣстное количество земли; а

въ третьихъ, чтобы время отъ времени землевладѣлецъ самъ наблюдалъ за точнымъ исполненіемъ условій, принятыхъ арендаторами относительно удобренія земли. Такъ и дѣлаютъ въ Царствѣ Польскомъ землевладѣльцы. Вотъ если бы потрудились наши помѣщики присмотрѣться на мѣстѣ, какъ поступаютъ тамъ помѣщики, вмѣсто того, чтобы летать во Францію и Итацію, они бы удостовѣрились, что ни крупный, ни мелкій землевладѣлецъ никогда не оставляютъ своей земли изалежи. Мы въ теченіе 9 лѣтъ имѣли случай не разъ познакомиться съ помѣщиками, отдающими въ аренду земли, и съ арендаторами, и никогда не слыхали жалобъ первыхъ на послѣднихъ, чтобы къ окончанію срока аренда земли доводима была до истощенія и дѣлалась непроизводительною или малопроизводительною. Если бы такъ дѣйствительно случилось, то непремѣннымъ слѣдствіемъ этого было бы уменьшеніе арендной платы; между тѣмъ какъ по прошествіи срока аренды большею частію плата возвышалась. Такъ было въ имѣніяхъ графа Замойскаго, въ окрестностяхъ Влодовы и Енджеева, и во многихъ майоратахъ, принадлежащихъ русскимъ помѣщикамъ. Крупнымъ землевладѣльцамъ единственное средство получить доходъ съ земли есть отдача ея по частямъ въ аренду. Обрабатывать большое количество земли вольнонаемнымъ трудомъ невозможно, особенно тѣмъ помѣщикамъ, которые имѣютъ земли въ разныхъ уѣздахъ, или въ разныхъ губерніяхъ, каковыхъ у насъ не мало. При вольнонаемномъ трудѣ необходимъ свой глазъ. Можно конечно довѣрить хозяйство и управляющему честному человѣку, какихъ пока немного у насъ есть. Но послѣднему нужно хорошо заплатить. Въ Царствѣ Польскомъ видали мы и такихъ управляющихъ, которые обрабатывали землю вольнонаемнымъ трудомъ, и помнимъ одного изъ нашихъ генераловъ, давно уже покойника, который, желая получать больше и больше дохода съ земли, назначилъ своему управляющему, сверхъ жалованья, извѣстный процентъ дохода, и дѣйствительно, доходъ съ того времени ежегодно сталъ увеличиваться. Это не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію нашимъ крупнымъ землевладѣльцамъ. Но опять-таки повторяемъ, общихъ правилъ нельзя постановить для всѣхъ помѣщиковъ; каждый долженъ сообразоваться съ мѣстными условіями. Одно только общее правило должно быть:—не оставлять землю непроизводительною, какъ для собственной пользы, такъ и для улучшенія быта крестьянъ. Слѣдовало бы еще что нибудь сказать объ отдачѣ земли нѣполу; но такъ какъ обычай этотъ собственно великорусскій и существуетъ только внутри Россіи, то мы ничего объ немъ не скажемъ ни дурнаго, ни хорошаго, потому что не въ состояніи сдѣлать сравненія съ подобной же отдачею земли на югѣ или въ Польшѣ; но вѣроятно она выгодна для обѣихъ сторонъ, когда соглашаются на

нее. 4-тый пунктъ съ поясненіемъ разобрать уже нами выше и прибавить къ тому, что тамъ высказали, ничего не имѣемъ.

За этимъ слѣдуютъ четыре пункта, составляющіе, по мнѣнію г. Шишкова, условія, при которыхъ можетъ быть введено рациональное хозяйство, а именно:

1-е) «Когда установятся твердыя правила, обязующія работниковъ въ точности исполнять принятые ими при наймѣ условія, подѣ страхомъ строгой и немедленной отвѣтственности». Теперь нерѣдко видна неисполнительность, или цинизмныя требованія, или равнодушіе къ своей обязанности, или нарушеніе ея. Это говорить мы вообще. Эти качества иногда являются и въ людяхъ образованныхъ, именующихся передовыми; съ нихъ беретъ примѣръ и крестьянинъ, необразованный, невежественный. Можно ли строго судить его за это? Не слѣдуетъ ли начать исправленіе съ самихъ себя, прежде строго слѣдить за собой, прежде приучить себя къ исполненію обязанностей; а потомъ уже требовать того же отъ другихъ, хоть на примѣръ отъ работниковъ. Г. Шишковъ рассчитываетъ на установленіе какихъ-то твердыхъ правилъ, обязующихъ работниковъ къ точному исполненію обязанностей, а мы думаемъ, что никакихъ особенныхъ правилъ не нужно исключительно для однихъ работниковъ, а нужно взысканіе съ нарушителей взаимныхъ условій, безъ послабленія одной изъ сторонъ, предшествуемое безпристрастнымъ разбирательствомъ жалобъ. Писанныя правила, какъ бы они тверды ни были на бумагѣ, не гарантируютъ исправное исполненіе обязанностей; надобно, чтобъ въ жизни побольше было хорошихъ твердыхъ правилъ, а не на бумагѣ. Мы не понимаемъ, что означаютъ слова—*подѣ страхомъ строгой и немедленной отвѣтственности*. Неужели подѣ этимъ скрывается желаніе возврата старой расправы?! Хотѣлось бы не допускать этой дикой мысли, но она какъ-то невольно приходитъ въ голову.

Мы сказали выше, что надобно кормить хорошенько работника. Это больше всего привязываетъ его къ нанимателю. Это больше всего дѣлаетъ его точнымъ исполнителемъ обязанностей. Вѣроятно читатели помнятъ, какъ взбунтовались около Самары работники, нанятые подрядчикомъ Гладышевымъ на царицынскую желѣзную дорогу, отъ того, что тотъ не давалъ имъ по условію масла и свѣжаго хлѣба. Не забыли вѣроятно также, какъ неохотно и дурно работали русскіе работники около Клязьмы на линіи нижегородской желѣзной дороги, получая самую скудную пищу и какъ хорошо и съ охотой тамъ же работали французскіе работники, получавшіе отличную пищу. Наши были въ лохмотьяхъ, а тѣ въ дубленкахъ. Это было заявлено, если не ошибаемся, г. Слѣпцовымъ, въ «Русской Рѣчѣ». Въ Царствѣ Польскомъ поняли помещики хорошо эту потребность ра-

ботниковъ, и потому намъ не случалось слышать жалобъ на неисполненіе условій со стороны послѣднихъ. Тамъ, кромѣ хорошей пищи, во время покосовъ и жатвы помѣщики даютъ рабочимъ по квартирѣ водки. Это приходилось намъ самимъ видѣть не разъ, и водка, по увѣренію землевладѣльцевъ, всегда служила самымъ лучшимъ средствомъ для привлеченія къ нимъ работниковъ и для заохочиванія къ труду. И у насъ одинъ сивушный магнатъ заявилъ когда-то необходимость чарки водки для рабочаго человѣка, только вѣроятно не нашелъ для себя выгоднымъ осуществить это на своихъ рабочихъ при постройкѣ одной желѣзной дороги, хотя былъ откушникомъ въ этомъ уѣздѣ; иначе рабочіе не пошли бы въ разсыпную, какъ это случилось, кажется, въ 1859 году.

2-е) «Когда цѣны на земледѣльческіе продукты возвысятся и будутъ достаточно уплачивать вольно-наемный трудъ».

3-е) «Когда улучшенія путей сообщенія будутъ представлять болѣе удобные способы доставленія къ рынкамъ нашихъ произведеній». Неужели г. Шишковъ не доволенъ еще существующими цѣнами за земледѣльческіе продукты? Кажется, онѣ сдѣлались такъ высоки въ послѣдніе два года, что надобно скорѣе желать ихъ пониженія, чѣмъ повышенія; надобно стремиться къ тому, чтобъ ничего ни пропадало даромъ въ сельскомъ хозяйствѣ, чтобы увеличивалось количество продуктовъ и улучшалось ихъ качество. Если землевладѣлецъ доведетъ свою землю до такого состоянія, что она будетъ давать вдвое больше настоящаго и высшаго качества, а это находится въ его власти, то вольнонаемный трудъ считать надобно вполне оплаченнымъ, и останется довольно прибылн съ затраченнаго капитала. Мнѣніе г. Шишкова ничѣмъ не отличается отъ мнѣнія нашихъ купцовъ, которые только въ одномъ возвышеніи цѣнъ на свои товары и видятъ вѣрное средство для своего обогащенія: сговорятся наши Карпычи, Терентычи, Кузьмычи съ Кондратычами, Сидорычами и т. п. набавить нѣсколько копѣекъ на извѣстный товаръ и лежатъ себѣ спокойно, загребая денежки.

Но нашимъ сельскимъ хозяевамъ надобно отрѣшиться отъ этихъ пріемовъ, потому что имъ тутъ не можетъ быть и мѣста; тутъ надобно прилагать къ дѣлу свой умъ и знанія, — ибо только при помощи ихъ землевладѣлецъ можетъ извлекать большой доходъ изъ своего хозяйства.

О необходимости улучшенія путей сообщенія всѣ кричатъ, всѣ сознаютъ, что при дурныхъ дорогахъ нѣтъ возможности доставлять сельскія произведенія на рынки.

Но что же прежде-то дѣлали и чего ждали? Очегожь не строили шоссеиныхъ дорогъ? Давно могли бы и сами взяться за это дѣло. Пра-

вительство не всевидяще—оно не въ состояніи предусмотрѣть всего и удовлетворить потребностямъ каждой мѣстности. Мы и тутъ опять укажемъ на Царство Польское: тамъ всѣ губерскіе города давно уже соединены съ столицей шоссейными дорогами, которыя соединяются въ различныхъ пунктахъ съ заграничными. Этими дорогами занималось правительство; но на коммерческихъ трактахъ устраивало само земство безъ пособія правительства, такъ называемымъ шарваркомъ, по предварительной раскладкѣ. Такъ при насъ ведена была шоссейная дорога отъ Ленчицы до Влацлавка, гдѣ сосредоточивается главная хлѣбная торговля. Оттуда идутъ суда съ пшеницей за границу. Медленно, правда, шла эта постройка, но съ каждымъ годомъ въ разныхъ пунктахъ прибавлялось шоссейной дороги на нѣсколько верстъ. Она была почти вдвое уже казенной, но все-таки экипажи могли разѣзжаться безпрепятственно. Проводили шоссе такимъ же образомъ и въ другихъ мѣстахъ. Могли бы точно такъ же сдѣлать давно и наши помѣщики, могутъ и теперь взяться за это, войдя въ соглашеніе съ крестьянами, разумѣется, въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ есть обиліе камня. Говоря о шарварковомъ устройствѣ шоссейныхъ дорогъ, нельзя пройти молчаніемъ и того, какъ устраивались каменные мостовыя въ мѣстечкахъ. Собственными средствами имъ никогда бы не вымостить не только торговыхъ площадей, но и улицъ. Тамъ давно когда-то сдѣлано было распоряженіе, чтобы всякій ѣдущій на базаръ съ сельскими произведеніями приносилъ съ собою два или три камня, смотря по величинѣ, и складывалъ въ кучу при въѣздѣ. Въ базарные дни назначался сторожъ, который и наблюдалъ за тѣмъ, чтобы не въѣзжали въ мѣстечки безъ камней. Когда камней набиралось много, тогда дѣлалось распоряженіе, чтобы привозили песокъ. Самое же мощеніе улицъ и площадей производилось на счетъ жителей мѣстечка по денежной раскладкѣ. Вотъ какъ заботятся сами о себѣ. А мы лежимъ и ворчимъ только, что то душно, то не хорошо, сами не умѣемъ придумать, а позаимствовать у другихъ — гордость беретъ.

4-е) «Когда учрежденіе банковъ и возстановленіе кредита дадутъ намъ средства затрачивать капиталы на земледѣліе».

Былъ банкъ для землевладѣльцевъ, брали деньги подъ залогъ душъ, и все тратили непроизводительнымъ образомъ. Теперь опять возлагаютъ надежду на учрежденіе банковъ. Такъ отчегожь не учреждаютъ? Болѣе трехъ лѣтъ идутъ толки объ нихъ. Правительство предоставило самимъ землевладѣльцамъ заняться составленіемъ проектовъ; надобно было составить и представить. Зачѣмъ же дѣло стало? не созрѣли, значитъ...

«Тогда, только тогда, окончилъ ораторъ, возможно будетъ по-

думать объ усовершенствованіи нашихъ хозяйствъ и введеніи въ нихъ рациональности, что безъ сихъ условій невозможно».

Не утѣшительное будущее для сельскихъ хозяевъ представилъ г. Шишковъ. Оно, пожалуй, и логично, если сдѣланныя имъ посылки признать вѣрными. Но несомнѣтельность ихъ отчасти нами доказана. Попытаемся разобрать и вышесказанное его заключеніе.

Что должно разумѣть подъ именемъ рациональнаго хозяйства? По нашему мнѣнію, это есть то хозяйство, которое ведется сообразно съ мѣстными условіями при помощи геогнозін, химіи, физики, механики, политической экономіи, таксаци и другихъ наукъ. Если въ сельскомъ хозяйствѣ вездѣ видны умъ, творетическія и практическія познанія, то его слѣдуетъ назвать рациональнымъ. Такое хозяйство и во всѣхъ мѣстностяхъ можетъ начать землевладѣлецъ, не дожидаясь осуществленія тѣхъ условій, которыя указаны г. Шишковымъ. Мы не споримъ, что препятствій много для неразвитаго землевладѣльца; но въ передовомъ сословіи предполагается значительная доля ума; а умный человѣкъ долженъ преодолевать препятствія, долженъ стать выше ихъ. Онъ долженъ противъ наждаго неблагопріятнаго условія придумать мѣру, уничтожающую его, а не сидѣть сложа руки, пока устроится само собою. Мы увѣрены, что такъ и начали поступать дѣльные землевладѣльцы. Людямъ мыслящимъ теперь больше, чѣмъ когда нибудь, нужно энергически взяться за усовершенствованіе своихъ хозяйствъ, вводить постепенно вольнонаемный трудъ, земледѣльческія машины, сѣвооборотъ съ травосѣніемъ и корнеплодными растеніями, усиливать скотоводство и устроить винокурни съ сливоварнями. Кстати о скотоводствѣ: оно составляетъ хорошую статью дохода въ Царствѣ Польскомъ; тамъ каждая дойная корова туземной породы, довольно мелкой, даетъ доходу ежегодно въ Люблинской губерніи отъ 12 до 14 руб., а подъ Варшавой до 16 руб.; коровы же тирольской, швейцарской или жулавской породы даютъ отъ 15 до 20 руб. Дойныя коровы отдаются въ аренду евреямъ, это называется *пахта*. Землевладѣльцы обязываются кормить скотъ, давать подстилку, изъ которой навозъ составляетъ его собственность. Нѣкоторые помѣщики выговариваютъ кромѣ арендной платы для своего дома извѣстное количество сливокъ, сметаны, творогу и масла, а другіе оставляютъ для себя двѣ или три коровы. Если бы наши землевладѣльцы усилили скотоводство и улучшили породу, то опять-таки городскіе жители, и именно мѣщане, навѣрно бы стали арендовать скотъ. Можетъ быть, тогда и у насъ явились бы свои сыры наподобіе швейцарскаго и голландскаго, которые привозятъ къ намъ изъ-за границы. Мы говорили съ нѣкоторыми помѣщиками въ Москвѣ объ этомъ предметѣ, но они боятся разводить скотъ въ боль-

шомъ количествѣ, потому что зараза часто свирѣпствуетъ въ Россіи. Но развѣ это основаніе? Развѣ рѣшительно нѣтъ никакихъ средствъ помочь этой бѣдѣ? Въ Царствѣ Польскомъ существуетъ для этого взаимное страхованіе; надобно ввести его и у насъ; надобно дѣлать опыты прививанія чумы, и наконецъ содержать хорошихъ ветеринаровъ на тѣхъ пунктахъ, гдѣ чаще всего появляется зараза. Но довольпо о скотоводствѣ. И такъ, советуемъ землевладѣльцамъ не слушать г. Шишкова, а вводить въ своихъ имѣніяхъ раціональное сельское хозяйство, не дожидаясь осуществленія высказанныхъ имъ условій.

По выслушаніи записки г. Шишкова, г. президентъ Кошелевъ предложилъ хозяевамъ, прежде обсужденія окончательныхъ выводовъ г. Шишкова, сообщить свои мнѣнія вообще объ образѣ веденія въ настоящее время хозяйства въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Предложеніе сдѣлано очень основательное и самое практическое, соответствующее цѣли бесѣды. Казалось бы, на предложеніе это всѣ присутствующіе, занимающіеся сельскимъ хозяйствомъ, должны по очереди сообщить о способѣ веденія хозяйства, какъ въ своихъ имѣніяхъ, такъ и въ сосѣдскихъ. Но не такъ вышло на дѣлѣ: заговорили, кому что пришло въ голову, хотя нѣкоторые, какъ напримѣръ, гг. Желѣзовъ, Шатиловъ и Кишкинъ, говорили очень дѣльно, но только не на предложенный президентомъ вопросъ; ими было высказано то же самое, о чемъ мы говорили выше въ разборѣ мнѣній г. Шишкова. Чтобы убѣдить читателей въ справедливости нашихъ словъ, мы выписываемъ нѣсколько отвѣтовъ изъ первой бесѣды.

Г. Селезневъ. «Я имѣлъ случай испытать хозяйство вольнонаемное и исполное, но результатъ, къ которому я пришелъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, крайне грустенъ. Вольнонаемное хозяйство, при настоящихъ условіяхъ, убыточно, исполное также неудовлетворительно».

Г. Кишкинъ. «Всякое переходное состояніе сопряжено съ затрудненіями, но въ настоящемъ случаѣ затрудненія эти не такъ страшны, какъ они многимъ кажутся. Не забудемъ, что помѣщики до сихъ поръ неохотно расстаются съ барщиной, которая для нихъ выгодна. Неудивительно, что и крестьяне съ своей стороны хлопчутъ также получить то, что имъ кажется болѣе выгоднымъ. Въ моемъ хозяйствѣ крестьяне сначала не соглашались на оброкъ, но послѣ сами просили. Вообще въ Кирсановскомъ уѣздѣ крестьяне теперь охотно переходятъ на оброкъ».

Г. Селезневъ. «Но въ другихъ мѣстностяхъ крестьяне рѣшительно предпочитаютъ барщину оброку».

Г. Кишкинъ. «Но барщиной крестьяне тяготеютъ; она ихъ связы-

васть; при оброкѣ же они могутъ дѣйствовать свободнѣе; благоразумнѣйшіе изъ крестьянъ сами просятъ на оброкъ—это фактъ».

Г. Шишковъ. «Но много ли найдется такихъ благоразумныхъ крестьянъ?»

Г. Селезневъ. «Крестьяне хороши, если взять ихъ по одиночкѣ; но съ міромъ нѣтъ никакой возможности сладить (въ доказательство этого приведенъ имъ случай). Вездѣ міръ бьетъ на то, чтобы показать помѣщику, что онъ теперь въ рукахъ міра».

Послѣ этого гг. Барановъ, Волковъ, Кишкинъ и Шишковъ заявили, что и оброкъ крестьяне не исправно платятъ, и барщину плохо отбываютъ. Видите ли, читатели, какъ далеко уклонились члены отъ прямого отвѣта на предложенный вопросъ! Какъ будто вовсе не былъ поставленъ вопросъ. Вдались въ резонерство, а на главное предложеніе отвѣтилъ одинъ только г. Селезневъ, да и тотъ высказался голословно, бездоказательно, безъ числовыхъ данныхъ. Намъ кажется, ему слѣдовало бы подкрѣпить свое мнѣніе цифрами, сколько онъ затратилъ на вольнонаемныхъ и сколько получилъ дохода въ одномъ случаѣ, сколько десятинъ земли отдалъ исполу и сколько получилъ зерна. Вѣдь если не получилъ сѣмянъ съ земли, отданной исполу, то и крестьянинъ, обработывавшій ее, не получилъ никакой выгоды, потеря значитъ обоюдная. Вѣроятно былъ неурожай.

За вышесказанными отвѣтами послѣдовало очень дѣльное возраженіе г. Желѣзнова, о которомъ мы упомянули выше; мы выпишемъ его цѣликомъ.

Г. Желѣзновъ. «Г. Шишковъ изложилъ въ своей запискѣ почти всѣ затрудненія, съ которыми встрѣчается теперь русское хозяйство. Дѣйствительно, эти затрудненія существуютъ, но никакъ не могу согласиться съ заключеніемъ, къ которому онъ пришелъ, то есть, что до тѣхъ поръ, пока не будутъ исполнены приведенныя имъ четыре условія, намъ нельзя думать о рациональномъ хозяйствѣ. Напротивъ, мнѣ кажется, что теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь, намъ слѣдуетъ о немъ подумать, слѣдуетъ отыскивать способы для того, чтобы воспользоваться всѣми обстоятельствами для извлеченія изъ нашего хозяйства возможно лучшаго результата. Эти способы не могутъ быть у насъ общіе: каждая мѣстность должна принять особую, условіямъ ея соотвѣтствующую, мѣру, и потому я не понимаю предложенія г. Шихова, высказаннаго такъ обще, относительно того, чтобы не отдавать крестьянамъ земли въ наемъ. Мнѣ кажется, что помѣщикъ будетъ всегда радъ и даже долженъ отдавать въ наемъ свою землю, особенно если у него избытокъ ея. Что же касается до соглашенія помѣщиковъ тѣснить крестьянъ, чтобы заставить ихъ наниматься, это, по моему мнѣнію, мѣра самая нераціональная».

На это дѣльное возраженіе послѣдовалъ слѣдующій странный отвѣтъ.

Г. Шниковъ. «Рациональнымъ хозяйствомъ я называю всякое хозяйство, выгодное для мѣстности. Какое же можетъ быть у насъ рациональное, или лучше сказать, разумное хозяйство, когда нѣтъ постоянныхъ работниковъ? Вотъ уже 24 года, какъ я работаю вольнымъ трудомъ и пашу плугами. Въ прежнее время я нанималъ работниковъ отъ 18 до 20 руб. въ лѣто, а прошлаго года я не могъ найти и за 28 руб., потому что всѣ крестьяне бросились въ наемъ земель. Рациональное хозяйство, какъ извѣстно, требуетъ опредѣленнаго сѣвооборота, доведенія этого сѣвооборота до конца: какъ же я опредѣлю сѣвооборотъ, когда не увѣренъ въ рабочей силѣ, когда я даже не обезпеченъ въ ненарушимости заключеннаго съ рабочими условія?»

Г. Желѣзновъ. «Я согласенъ, что мы должны бороться со многими затрудненіями, но хочу сказать только то, что изъ всего этого никакъ не слѣдуетъ, чтобы намъ слѣдовало сидѣть сложа руки. Подъ рациональнымъ хозяйствомъ и я не разумѣю какихъ нибудь нововведеній безъ капитала, но только выжидательную методу, умѣнье поддерживать свое хозяйство, не разорить его, стремленіе воспользоваться всѣми условіями для извлеченія изъ него дохода».

Съ г. Желѣзовымъ согласились Шатиловъ, Кишкинъ и Вилькинсъ. Послѣдній кромѣ того выразилъ необходимость отдавать землю крестьянамъ на продолжительные сроки. Къ этому мнѣнію присоединился еще г. Должиковъ, Кишкинъ же призналъ достаточнымъ 3-хъ лѣтній срокъ на отдачу земли крестьянамъ, на томъ основаніи, что «они плохіе, рутинные работники».

Послѣ этого начался пренія о соглашеніяхъ помѣщиковъ, которые также не лишены интереса.

Г. Чумиковъ. «Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на недостатокъ или на дороговизну рабочихъ. Дѣйствительно это такъ. Но не виноваты ли въ этомъ отношеніи мы сами? Извѣстно, что крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей неохотно отлучаются изъ своихъ деревень и сами предлагаютъ свой трудъ знакомымъ помѣщикамъ. Отчего бы намъ не воспользоваться этими мѣстными рабочими? Но говорятъ: мѣстные жители, пользуясь тѣмъ, что помѣщикъ не успѣлъ обзавестись необходимыми орудіями и рабочимъ скотомъ, постоянно стаскиваются, ищутъ прижать насъ, но кто мѣшаетъ мѣстнымъ хозяевамъ быть единодушными, сѣзжаться отъ времени до времени и устанавливать на своихъ сѣздахъ разумныя цѣны рабочимъ, какъ это дѣлается теперь въ одной мѣстности Московской губерніи? (Какая же эта мѣстность? Жаль, что она не поименована). Крестьяне,

видя единодушныя дѣйствія хозяевъ, и сами сдѣлаются сговорчивѣе».

Г. Зиновьевъ. «Я совершенно признаю важность предлагаемой г. Чумиковымъ мѣры: для хозяевъ соглашенія необходимы и съезды полезны. Но постоянной цѣны на работу установить нельзя, потому что бываютъ обстоятельства, когда можно нанять крестьянъ по низшей цѣнѣ, такъ, на примѣръ, весною, когда рабочіе особенно дешевы. И въ нашей мѣстности (въ Малоархангельскомъ уѣздѣ), всѣ помѣщики, по торопившіеся наймомъ, нанимали весною дешевле».

Г. Селезневъ. «Вы говорите о соглашеніи между помѣщиками для того, чтобы парировать стачкамъ крестьянъ; но какъ бы крестьяне ни были согласны между собою, во всякомъ случаѣ такая крайняя мѣра съ нашей стороны не можетъ быть оправдана; при томъ наше соглашеніе будетъ также стачка. А какая цѣль ея? единственно притѣсненіе крестьянъ, потому что установленіе постоянной цѣны на работу рѣшительно невозможно. И мое мнѣніе въ этомъ случаѣ то, что обоюднымъ соглашеніемъ хозяина съ рабочимъ можно достигнуть всегда лучшихъ результатовъ, чѣмъ одной стачкой хозяевъ.» (А мы думаемъ, что во всякомъ случаѣ обоюднымъ соглашеніемъ всегда достигаются удовлетворительные результаты).

Г. Зиновьевъ. «Но крестьянъ притѣснить теперь трудно. При томъ же я не предлагалъ стачки помѣщиковъ, а говорилъ о необходимости для помѣщиковъ большаго соглашенія и единодушія въ дѣйствіяхъ, чего вообще у насъ недостаетъ».

Гг. Самаринъ и Кишкинъ отвергли необходимость стачки помѣщиковъ; послѣдній кромѣ того прибавилъ, что стачки помѣщиковъ и потому уже ни къ чему не приведутъ, что крестьяне болѣе обезпечены и болѣе независимы, чѣмъ помѣщики (гдѣ же это? Желательно бы знать такой уголокъ), которые, имѣя хлѣбъ на корню должны часто соглашаться на вынужденныя цѣны.

Послѣ этого Зиновьевъ пояснилъ, что соглашеніе помѣщиковъ онъ находитъ необходимымъ не для притѣсненія крестьянъ, а для правильнаго опредѣленія цѣнъ; а Чумиковъ прибавилъ, что подъ со-
вѣщаніемъ хозяевъ разумѣлъ установленіе, на извѣстный срокъ, таксъ на работу.

Г. Кошелевъ призналъ соглашенія помѣщиковъ необходимыми до *нѣкоторой степени*, какъ противодѣйствіе стачкамъ крестьянъ; иначе, по мнѣнію его, хозяйство наше должно совершенно пасть.

Къ удивленію нашему, и г. Желѣзновъ склонился на его сторону, но по крайней мѣрѣ, призналъ ихъ теперь при разрозненности хозяевъ пока еще у насъ невозможными.

Г. Самаринъ. «По поводу стачекъ я хочу указать на одно обстоя-

тельство, которое мнѣ кажется ошибочнымъ. Мы всѣ говорили о стачкахъ крестьянъ; но какія это стачки? это ни болѣе, ни менѣе, какъ сила міра, сила общины, дѣйствующая часто подъ вліяніемъ какого нибудь одного лица, въ ущербъ самимъ крестьянъ. Когда сила эта ослабнетъ, то измѣнится къ лучшему и наше положеніе.

Г. Кошелевъ. «А я надѣюсь, что сила общины никогда не ослабнетъ, и что мы сами кончимъ тѣмъ, что научимся у крестьянъ болѣе дружному и согласному образу дѣйствій, что необходимо и вовсе не противно справедливости. Но, къ несчастію, объ этомъ теперь намъ при существующемъ между владѣльцами земли разномысліи и думать нельзя.

Г. Самаринъ началъ было настаивать на силу міра, силу общины; но президентъ остановилъ пренія объ этомъ предметѣ и попросилъ гг. хозяевъ возвратиться къ обсужденію того, «слѣдуетъ ли намъ охотно отдавать землю въ наемъ, когда крестьяне того желаютъ, или рѣшаться на это только въ крайнихъ случаяхъ. Мнѣніе г. Шишкова состоитъ въ томъ, чтобы не отдавать въ наемъ земель, а оставлять ихъ лучше въ залежи. Кромѣ того, такъ какъ самое выгодное хозяйство съ вольнонаемнымъ трудомъ пока еще не вездѣ возможно, то слѣдуетъ также обсудить выгоды и неудобства хозяйства исполнаго въ видѣ мѣры временной, подготовительной къ хозяйству вольнонаемному». Тутъ г. Шишковъ повидимому образумился и сталъ смягчать прежнее свое мнѣніе. «Я не говорилъ, отозвался онъ, безусловно противъ отдачи земли въ наемъ; напротивъ, наемъ на продолжительный срокъ (12 — 20 лѣтъ) или, лучше сказать, аренда, весьма желательна. Я высказалъ только то, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ возможно отдавать землю только на годъ, лучше оставлять ее въ залежи.»

По этому случаю заявлены были довольно оригинальныя мнѣнія; такъ напримѣръ, когда г. Волковъ сказалъ, что онъ отдавалъ землю въ наемъ крестьянамъ, но денегъ и теперь не можетъ получить, то г. Кишкинъ выразился, «что деньги въ такихъ случаяхъ требуютъ или при заключеніи найма, или въ то время, когда подходитъ жатва. Въ крайнемъ случаѣ можно крестьянина не допустить къ жатвѣ хлѣба.»

Послѣ того, какъ нѣкоторые члены высказались за отдачу земель исполу, г. Самаринъ предложилъ слѣдующій вопросъ: но кому отдавать землю исполу? отдѣльнымъ лицамъ или міру! Отдѣльнымъ лицамъ, такъ какъ міромъ земли будетъ дурно обрабатываться, слышались многіе голоса.

Графъ Н. Толстой. «Мнѣ кажется что исполное хозяйство не можетъ быть выгодно помѣщику, потому что крестьяне при такомъ хозяйствѣ весьма удобно могутъ обчитывать помѣщика, обмывать

споны, воровать ихъ, и т. под. Вотъ, по моему мнѣнію и причина того, что крестьяне такъ охотно берутъ землю исполу».

Г. Кошелевъ. «Мои крестьяне сначала не соглашались на взятіе земли исполу, но когда увидѣли, что я твердо стою на своемъ рѣшеніи не сдавать имъ землю въ наемъ, то кончили тѣмъ, что взяли всю землю исполу. Испольное хозяйство, конечно, не такъ выгодно, какъ чисто вольнонаемное, но послѣднее пока еще не вездѣ и не вполне возможно, ибо требуетъ хорошихъ и постоянныхъ рабочихъ. Что касается до отдачи земли въ наемъ, то я отдачи этой безусловно не отвергаю; но я хочу указать только на то, что если мы будемъ отдавать землю въ наемъ, то какъ землевладельцы, мы потеряемъ всякое значеніе, мы отвыкнемъ отъ хозяйства и сдѣлаемся горожанами. (Очень жаль, что при этомъ не было г. Каткова; онъ бы доказалъ непремѣнно, что Англійскіе графы и лорды, отдавая землю фермерамъ, нисколько не теряютъ своего значенія въ странѣ). Вотъ почему я и полагаю, что отдача земель въ наемъ должна быть допускаема только въ крайнихъ случаяхъ, и что теперь за невозможностію устроить вольнонаемныя хозяйства, мы должны заводить испольныя.» Приводимъ еще нѣсколько мнѣній, особенно заслуживающихъ вниманія мыслящихъ людей.

Г. Нероновъ. «Крѣпостное право оставило намъ огромныя запашки: въ прежнее время работали иногда изъ одной соломы; но теперь эти запашки невозможны, онѣ должны сократиться; что же намъ остается дѣлать съ землей? отдавать ее въ наймы? не хотѣлось бы; невыгодно; это зло. Не отдавать? надо строить хутора. Но у насъ нѣтъ денегъ, при томъ мало и рабочихъ, въ чемъ виновата сельская администрація». Хотя логики нѣтъ, да за то ясно выражено.

Г. Кишкинъ. «Отдача земель въ наемъ не зло, а неизбежность. Пора барщины уже прошла, а чтобы теперь имѣть возможность хозяйничать, нужны деньги; нужны кромѣ того знаніе дѣла, аккуратность и бережливость, чего въ нашихъ управляющихъ найти пока нельзя. Поэтому я не вижу причины, почему не отдавать намъ земли въ наемъ? Испольное хозяйство для заглазныхъ имѣній затруднительно; къ тому же при немъ нужны надсмотрщики, орудія, машины и проч.»

Затѣмъ зашла рѣчь о необходимости продажи отдаленныхъ имѣній. Послѣднее объ этомъ слово принадлежитъ г. Кошелеву.

«Я вовсе не предлагаю общей продажи земель; желаю напротивъ того, чтобъ наше сословіе удержало за собою какъ можно больше поземельной собственности. Но я думаю, что вообще выгодно, чтобы каждый продавалъ отдаленныя имѣнія и скупалъ ближайшія».

Онъ же въ отвѣтъ на замѣчаніе графа Толстаго о неизбежности

воровства, при исполномъ хозяйствѣ, сказалъ: «воровства у меня, думаю, почти не было; и вотъ какъ я оградилъ себя отъ этого. Господскія поля совершенно отдѣлены у меня отъ крестьянскихъ. Землю я отдаю участками, не менѣе двухъ десятинъ; у меня нѣсколько сторожей, изъ которыхъ одинъ главный. Эти сторожа переводятся на короткое время хлѣбной уборки изъ лѣса, съ гуменъ, и проч. Крестьяне обязаны сжать хлѣбъ или скосить весь и раздѣлить его на двѣ равныя части; сноповъ возить не смѣютъ, не заявивши о томъ конторѣ, которая высылаетъ на поля особаго повѣреннаго; онъ бросаетъ жребій, и тогда подъ надзоромъ сторожей хлѣбъ мой отвозится на мое гумно. Когда моя часть свезена, крестьянинъ получаетъ записку или бирку, предъявляетъ ее сторожу, и только тогда имѣетъ право возить свои снопы. При такомъ порядкѣ не думаю, чтобъ удобно было воровать». Оказалось, что такой же порядокъ заведенъ и у г. Муромцева...

Г. Бырдинъ. «Мужикъ всегда украдетъ, когда видитъ, что за нимъ не надзираютъ. Впрочемъ, противъ воровства существуютъ и законныя мѣры: такъ, на основаніи условія, можно остановить весь хлѣбъ, слѣдующій на часть крестьянина».

Гр. Н. Толстой. «Что касается до условій, то они пока нарушаются крестьянами безнаказанно. Наше судопроизводство для насъ плохая гарантія. У меня крестьяне вспахали садъ и срѣзали на лыко липовую аллею. Я пожаловался. И что же? Посредникъ наказалъ крестьянъ тремя днями ареста, влинувъ при томъ трудъ имъ въ наказаніе. Нашлись и литераторы, которые оправдывали рѣшеніе посредника, относя поступокъ крестьянъ къ захвату. По моему мнѣнію, пока наше положеніе не будетъ обезпечено, никакое хозяйство невозможно, а теперь всего лучше отдавать землю въ наемъ, даже за безцѣнокъ».

Теперь можетъ утѣшиться г. Фетъ; не одного его обижаютъ крестьяне или, лучше сказать, гуси ихъ; вотъ и на аллею гр. Толстаго сдѣлано нападеніе. Любопытно знать, какого же хотѣлъ онъ наказанія для крестьянъ. Неужели палокъ, розогъ, плетей и ссылки въ Сибирь? Такъ и проглядываетъ сожалѣніе о старой отеческой, безъ сомнѣнія, татарской расправѣ!

Гг. Кошелевъ и Наумовъ заявили однакожь, что у нихъ всѣ условія крестьянами исполняются добросовѣстно. Результатъ этой бесѣды, по мнѣнію г. президента Кошелева, тотъ, что большинство хозяевъ, кажется, высказалось въ пользу исполнаго хозяйства, по мнѣнію же г. Шишкова тотъ, что отдаленныя поля можно отдавать въ наемъ, а ближайшія исполу, оставляя часть ихъ въ залежи подъ травами, для того, чтобы земля отдохнула и могла со временемъ давать хорошіе урожаи. А кто изъ нихъ правъ, предоставляемъ рѣшить са-

мому читателю, на основаніи извлеченія, сдѣланнаго нами изъ всей бесѣды.

Въ заключеніе г. Кошелевъ выразилъ желаніе, чтобы хозяева къ слѣдующей бесѣдѣ представили цифровыя свѣдѣнія о результатахъ, какъ исполнаго, такъ и вольнонаемнаго хозяйства. Но г. Армфельдъ тутъ же представилъ эти свѣдѣнія по Трепаревскому хутору. Изъ нихъ оказывается, что при 3012 р. 85 к. расхода по вольнонаемному хозяйству, онъ имѣлъ валоваго дохода 3,566 р. 50 к., слѣдовательно прибыль составляла 553 р. 65 к. Тѣмъ и кончилась первая сельско-хозяйственная бесѣда.

Не знаемъ, каково мнѣніе объ ней другихъ, а намъ она кажется довольно жалкою. Собравшіеся тамъ помѣщики, а ихъ было, говорятъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, до 40 человѣкъ, выказали полнѣйшій недостатокъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній въ сельскомъ хозяйствѣ, несовременность взгляда на социальныя отношенія, странныя тенденціи, неумѣнье взяться за дѣло, и многое другое. Съ перваго же раза поражаетъ насъ то, что, не смотря на ясно выраженное предложеніе г. президента, не нашлось людей, которые бы прямо и послѣдовательно стали отвѣчать на него. Пытались нѣкоторые и дѣльно говорить, но потомъ опять сбивались съ толку, только одинъ г. президентъ и держался строго разъ поставленныхъ вопросовъ и направлялъ членовъ къ нимъ. Если бы не онъ, то изъ этой бесѣды навѣрно бы вышелъ хаосъ.

Мы сказали, что на первую бесѣду пришло около 40 человѣкъ. Но принимало участіе въ преніяхъ только 19, кромѣ президента; значитъ, около половины; остальные же учились сельско-хозяйственной премудрости. О слѣдующихъ бесѣдахъ мы не имѣемъ вѣрныхъ свѣдѣній. Знаемъ только, что сначала число посѣтителей увеличивалось, такъ что доходило до 60, а потомъ постепенно уменьшалось, ясное доказательство, что бесѣды не удовлетворяли сельскихъ хозяевъ вѣроятно потому, что мало заключали въ себѣ практичности. Во вторую бесѣду представлены были нѣсколькими хозяевами числовыя свѣдѣнія о результатахъ исполнаго и вольнонаемнаго хозяйства, подобно Армфельду, и всѣ они имѣли общій недостатокъ: показанъ былъ расходъ и валовой доходъ; но въ первомъ заключался одинъ только оборотный капиталъ, объ основномъ же, выражающемъ цѣнность земли, за утрату на орудія и скотъ, и помину не было, между тѣмъ какъ землевладѣлецъ долженъ получать процентъ какъ съ основнаго капитала, такъ и съ оборотнаго, не менѣе 4% съ перваго и 8% съ послѣдняго. Такимъ образомъ цифровыя свѣдѣнія послужили новымъ доказательствомъ неумѣнья не только взяться за дѣло, но даже

дѣлать вѣрные выводы о выгодѣ или невыгодѣ того или другаго хозяйства.

Мы не были на всѣхъ бесѣдахъ, но посѣтили только послѣднюю, которая была 4 апрѣля, вечеромъ. Попробуемъ передать то, что сами слышали и сколько сохранилось у насъ въ памяти.

Начало бесѣды возвѣщено было звонкомъ председателя, означавшимъ призывъ къ порядку. Лишь только затихло въ залѣ, г. Кошелевъ сказалъ: что предметомъ послѣдней бесѣды будутъ молотилки, приводы, вѣялки, локомобили, сортировки, соломорѣзки, зернодробилки и молотилки для клевера. Заявляя о каждомъ изъ этихъ орудій, онъ ставилъ вопросъ такъ: мы теперь будемъ говорить напр. о молотилкѣ. Какая изъ нихъ, по мнѣнію гг. хозяевъ, болѣе пригодна для среднихъ хозяйствъ? Или: намъ нужны зернодробилки; какую изъ нихъ могутъ рекомендовать гг. хозяева? Послѣ этого стали нѣкоторые изъ хозяевъ выхвалять тѣ орудія, какія по видимому у кого есть; такъ одни хвалили американскую молотилку съ зубцами, другіе съ билами, устроенную по шотландской системѣ; къ чему кто примѣнялся, тотъ и одобрялъ то. Президентъ настаивалъ непремѣнно, чтобъ рекомендовали молотилку двухконную, болѣе доступную для среднихъ хозяйствъ; а ея-то именно и не оказывалось; у всѣхъ говорившихъ были четырехконныя. Одинъ только г. Шишковъ заявилъ, что у знакомаго ему помѣщика Рязанской губерніи Сѣкирина есть такая молотилка, и онъ ею доволенъ. Такъ и остались при четырехконныхъ молотилкахъ. Когда зашла рѣчь о вѣялкахъ, то на вопросъ президента, —какая лучше, —простая или съ сортировкой, —кто-то, кажется, г. Шишковъ, сказалъ, что «та вѣялка и хороша, которая хорошо вѣетъ»; точнѣе едвали можно выразиться. Однакожь договорились-таки до того, что лучше когда и вѣялки, и сортировки бываютъ отдѣльными, и рѣшили притомъ, что самая лучшая сортировка Вараксина. Зернодробилку признали лучшею съ гладкими цилиндрами. Молотилки для клевера никто не предложилъ, и рѣшились молотить цѣпами. Въ концѣ бесѣды явился г. Киттары, который представилъ модель сохи, изобрѣтенной казанскимъ помѣщикомъ Бутлеровымъ, и рисунокъ сѣвальной машины его же. Г. Киттары объяснилъ преимущество Бутлеровой сохи предъ обыкновенною, показалъ, какимъ образомъ можно ее примѣнять къ различнымъ почвамъ. Соха дѣйствительно, кажется, лучше заграничныхъ плуговъ соответствуетъ сѣверной и средней полосамъ Россіи; не тягостна для великорусскаго работника, потому что сходна съ той, къ которой онъ привыкъ съ малолѣтства. Члены осмотрѣли ее, сказали, что хороша, но по видимому никто не изъяснилъ желанія ввести ее въ своихъ имѣніяхъ, по крайней мѣрѣ хотъ бы для пыга. Отчего это? Неужели отъ того, что она своя доморощенная, изо-

обрѣтенная, или лучше сказать, улучшенная русскимъ? Грустно, если надобно отвѣтить на это утвердительно. Касательно же сѣяльной машины просто на просто кто-то сказалъ, что она никуда не годится, потому что при вѣтрѣ зерна могутъ относиться въ сторону и посѣвъ будетъ неравномѣренъ. Такъ и махнули на нее рукой. Между тѣмъ какъ слѣдовало бы подробно разсмотрѣть ее, обсудить удобство и неудобство ея, сравнить съ другими — съ заграничными, и произвести опыты, а потомъ уже сказать объ ней поелѣднее слово. Въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно у цивилизованныхъ народовъ назначаютъ комиссіи изъ членовъ-спеціалистовъ, которымъ поручается разсмотрѣть и представить свое мнѣніе.

А у насъ, имѣющихъ претензію, рѣшается однимъ словомъ—никуда не годится. Странная право, судьба, постигаетъ нашихъ изобрѣтателей и ихъ изобрѣтенія! Зарубинъ изобрѣлъ планиметръ, который признанъ академіей наукъ самымъ лучшимъ, и изобрѣтатель получилъ за него медаль, но принужденъ былъ оставить службу въ межевомъ корпусѣ (*); не достало больше силы переносить гоненія за свои изобрѣтенія. Мало того, и планиметръ не пошелъ въ ходъ, хотя люди компетентные отдають ему преимущество предъ другими, по простотѣ и вѣрности. Вѣроятно такая же участь постигнетъ и жатвенную машину, надъ удовершенствованіемъ которой одинъ изъ нашихъ механиковъ (объ имени его мы пока умалчиваемъ) трудится въ Москвѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ хочетъ ее упростить и удешевить такъ, чтобъ она была доступна не для однихъ богатыхъ землевладѣльцевъ, но и для бѣдныхъ; даже для крестьянъ, предполагая назначить ей цѣну на первый разъ отъ 40 до 30 руб., а впоследствии понизить до 20 или 15 руб. Онъ затратилъ весь свой наличный капиталъ, а у него и было-то всего только до 500 руб. искалъ компаньона съ деньгами, но нашелъ ли, мы не могли узнать. Страшно подумать, если преодолевши всѣ трудности и лишения (ибо, затрачивая капиталъ, онъ оставилъ многочисленное семейство въ нуждѣ), слѣдуетъ такую машину, какую задумалъ; и машина его будетъ принята такъ, какъ соха и сѣялка Буглерова. Тогда ужъ изобрѣтателямъ придется махнуть рукой на цѣнителей и судей.

Въ бесѣдѣ этой было 26 человекъ. Принимали же участіе въ преніяхъ, кромѣ президента, гг. Шишковъ, Кишквинъ, Домжиковъ и еще 2 или 3 какіе-то господина; остальные молча слушали. Нѣтъ, виновать, не молчали, а разговаривали полупропотомъ между собою по угламъ стола, такъ что иногда заглушали своимъ говоромъ преніе.

(*) Смот. «Отч. Зап.» за 1861 г. ст. отъ Твери до Астрахани — Пучежъ. Семейскаго.

иѣшали слушать громко говорившаго и заставляли г. президента разъ шесть братья за колокольчикъ и призывать къ порядку. Вообще бесѣда шла какъ-то необыкновенно вяло, какъ будто нехотя, — точно слова у нихъ выжимались прессомъ, за исключеніемъ г. Шишкова и Кишкина, которые говорили съ убѣжденіемъ и съ увѣренностію въ своей непогрѣшимости. Но что особенно насъ удивило въ этой бесѣдѣ, такъ это какое-то подобострастіе со стороны нѣкоторыхъ господъ, рѣшавшихся отвѣчать на предложеніе президента, — то отсутствіе непринужденности и свободы, которыми должны отличаться бесѣды. Непріятно было смотрѣть, какъ иные обращались къ президенту, нѣсколько приподнимались съ креселъ, точно школьники въ классахъ. Собрались, кажется, по своей охотѣ, люди независимые, а между тѣмъ, такъ и проглядывали покорность съ одной стороны, и начальство съ другой.

Бесѣда кончилась въ 10 часовъ вечера, начавшись въ половинѣ осьмаго. При закрытіи бесѣды, г. президентъ пожелалъ присутствующимъ съ успѣхомъ заниматься въ теченіи лѣта своими хозяйствами, и выразилъ желаніе, чтобы господа землевладѣльцы будущю осенью сообщили въ имѣющихъ тогда открыться бесѣдахъ о полученныхъ ими результатахъ по своимъ хозяйствамъ. Поэтому сельско-хозяйственныя бесѣды надобно считать прерванными только на лѣтнее время. Онѣ должны возобновиться осенью. Именно по этой-то причинѣ мы и рѣшились поговорить объ нихъ. Если бы они канули въ вѣчность, то не стоило бы и вспоминать.

Мы сказали въ началѣ статьи, что онѣ учреждены членами московскаго общества сельскаго хозяйства, съ цѣлію дать возможность землевладѣльцамъ посредствомъ живаго слова передавать другъ другу результаты своихъ наблюденій и опытовъ по сельскому хозяйству и совѣщаться относительно улучшенія его. Ну, и дѣйствительно съѣхались землевладѣльцы съ разныхъ губерній, а именно, — изъ Московской, Тульской, Орловской, Рязанской, Тамбовской, Симбирской, Тверской, Полтавской и др., которые сообщили все, что находили у себя лучшимъ или дурнымъ; каждый хвалилъ то, что у себя ввелъ, съ чѣмъ освоился, и порицалъ то, къ чему не примѣнился, или за что не умѣетъ взяться. Отъ такого рода бесѣдъ едва ли можно ожидать большой пользы въ будущемъ. Недугъ, которымъ страдаетъ по видимому бесѣда, одинаковъ съ недугомъ самаго общества, больные члены котораго вмѣстѣ съ собою принесли и его. А недугъ послѣдняго состоитъ въ томъ, что назначенъ слишкомъ обширный районъ для дѣятельности, именно — вся Россія, въ которой хотѣтъ усовершенствовать сельское хозяйство и сельскую промышленность. Взавишесъ за многое, общество почти ничего не сдѣлало. Если хотите, оно и дѣлало, только

на бумагѣ, но въ самую жизнь оно не внесло того, о чемъ разсуждало и писало. Если бы оно ограничило свою дѣятельность небольшою мѣстностію, то навѣрно бы улучшило въ ней сельское хозяйство. А то вдругъ захотѣло его улучшить во всей Россіи! Подобная цѣль общества есть чистѣйшая химера при обширности страны, при разныхъ климатическихъ условіяхъ, при неодинакой почвѣ, при различномъ развитіи народа. У насъ не только области, но даже губерніи и уѣзды мало имѣютъ сходства между собою, относительно почвы. Какъ можно послѣ этого допустить, чтобы московское общество могло всѣмъ имъ принести пользу посредствомъ совѣщаній членовъ о сельскохозяйственныхъ предметахъ и распространеніемъ теоретическихъ и практическихъ свѣдѣній по хозяйству? Попадались конечно единицы, которыя очень признательны обществу за сообщенныя имъ свѣдѣнія, которыя, по указанію общества, улучшили свои хозяйства, но большинство землевладѣльцевъ не въ состояніи было получить никакой отъ него пользы; для большинства было все равно, существуетъ ли въ Москвѣ общество, или нѣтъ. 45 лѣтъ тому назадъ, когда учредилось это общество, надобно было дать толчокъ сельскому хозяйству, надобно было возбудить въ помѣщикахъ сознаніе о необходимости улучшенія своихъ хозяйствъ во всей Россіи. Но какъ скоро разъ сознали потребность въ улучшеніи, то цѣль общества должна сѣзвиться и заключить себя въ тѣсныя рамки. По нашему мнѣнію, общества сельскаго хозяйства должны быть не только въ одной губерніи, но и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, густонаселенныхъ; тамъ ихъ польза несомнѣнна. И московское общество должно заняться одною только Московскою губерніею. Пусть члены его выбросятъ изъ головы мысль объ усовершенствованіи сельскаго хозяйства въ Россіи, а употребятъ все свое стараніе на то, чтобы довести его до возможнаго совершенства въ своей губерніи, позабывши, что губернскій городъ есть столица; тогда скоро окажутся на практикѣ результаты его дѣятельности. Что сказано объ обществѣ, то должны разумѣть и о бесѣдахъ; и отъ нихъ существенной пользы можно будетъ ожидать только тогда, когда присутствующіе будутъ заниматься обсужденіемъ способовъ для улучшенія хозяйствъ по своей губерніи. Подъ столицей, изъ которой идутъ три желѣзныя дороги и четыре шоссе, хозяйство должно быть ведено совершенно иначе, чѣмъ въ отдаленныхъ губерніяхъ. Что въ одной хорошо, то въ другой непримѣнимо; вотъ на примѣръ, г. Шишковъ заявилъ мнѣніе — ни подъ какимъ видомъ не отдавать свободныхъ земель въ наемъ крестьянамъ и заставить ихъ заниматься въ работники. Можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ можно это сдѣлать въ густо-населенной губерніи, гдѣ мало земли, и заработковъ другихъ не имѣетъ въ виду крестьянинъ; но въ Московской губерніи нельзя

этого сдѣлать. Послушавшись г. Шишкова, землевладѣлец скорѣе потеряетъ, чѣмъ выиграетъ. То же должно сказать о вольнонаемномъ трудѣ: въ Московской губерніи его непременно слѣдуетъ вводить, потому что оплатится. И землевладѣлецъ отъ сельскихъ произведеній всегда можетъ получить порядочный доходъ. Однимъ словомъ—иначе должно быть ведено хозяйство въ Тамбовской губерніи, чѣмъ въ Московской, Орловской, Тульской и др. Общее же у всѣхъ должно быть приложеніе теоретическихъ познаній къ самому дѣлу, приложеніе науки къ практикѣ. Безъ науки никакія общества, никакія бесѣды не улучшатъ сельскаго хозяйства.

Да не подумаютъ читатели, чтобы мы совершенно отвергли пользу этихъ бесѣдъ; напротивъ, мы думаемъ, что онѣ принесутъ несомнѣнную пользу, когда будутъ имѣть предметомъ сельское хозяйство въ одной Московской губерніи, когда всѣ землевладѣльцы дружно возьмутся за изученіе всѣхъ мѣстныхъ условій и когда на основаніи теоретическихъ познаній введутъ у себя то, что признаютъ болѣе выгоднымъ для себя и для мѣстныхъ крестьянъ. Только наука должна быть прежде всего. Въ сельско-хозяйственныхъ сочиненіяхъ у насъ нѣтъ недостатка; нельзя сказать, чтобы ихъ было очень много, но все-таки и съ имѣющимися на русскомъ языкѣ можно приняться за рациональное хозяйство. (Мы постараемся въ непродолжительномъ времени сообщить читателямъ наше мнѣніе объ нихъ, тѣмъ болѣе, что на эту часть до сихъ поръ очень мало обращала вниманія наша литература; тогда какъ сельско-хозяйственныя сочиненія въ настоящее переходное время должны составлять одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ послѣ крестьянскаго вопроса). Наука лучшій руководитель для землевладѣльцевъ. Она, а не члены московскаго общества сельскаго хозяйства, въ состояніи разрушить тѣ сомнѣнія, которыя возникаютъ въ головѣ помѣщика, принимающагося за хозяйство, она разъяснитъ всѣ недоразумѣнія и заставитъ его преодолевать трудности, неизбежныя въ каждомъ новомъ дѣлѣ. Смѣемъ увѣрить читателей, что знакомому съ сельско-хозяйственными сочиненіями и съ политической экономіей никогда и въ голову не придетъ такая мысль, какую заявилъ г. Шишковъ.

Можетъ быть, подумаютъ нѣкоторые, что мы не признаемъ полезнымъ участіе въ бесѣдахъ лицъ изъ разныхъ губерній. Напротивъ, мы считаемъ присутствіе ихъ необходимымъ. Образцовое хозяйство должно быть около центральной столицы; отсюда оно уже станетъ распространяться на тѣ мѣстности, гдѣ велось по старинѣ. Тогда, и только тогда будетъ имѣть значеніе столичное общество сельскаго хозяйства, а бесѣды его членовъ будутъ поучительны для всѣхъ посѣтителей. Посѣтители же изъ разныхъ губерній сдѣлаются тогда

живыми проводниками рациональнаго хозяйства. Они перенесутъ его въ свои мѣстности и сами сдѣлаются, такъ сказать, тамъ рассадникомъ рациональнаго сельскаго хозяйства.

Когда оканчивалась эта статья, намъ удалось разговориться съ однимъ изъ членовъ общества, который былъ почти на всѣхъ бесѣдахъ. Отъ него мы узнали, что однажды зашла рѣчь объ арендаторахъ; при этомъ кто-то изъ членовъ выразилъ, что намъ нужны арендаторы, которые умѣли бы хорошо вести хозяйство, что на своихъ земляковъ нельзя рассчитывать, а лучше всего *допустить нѣмцевъ* къ арендованію нашихъ земель, разумѣется изъ Германіи. Это заявленіе русскаго землевладѣльца стоитъ того, чтобы на немъ остановиться. Года два тому назадъ, помнится намъ, заговорили о необходимости выписывать рабочихъ изъ за границы и опять таки нѣмцевъ; учреждены были уже и агентства въ Берлинѣ для найма ихъ. Кажется, нѣкоторымъ удалось получить ихъ, но оправдали ли они надежду землевладѣльцевъ, мы не знаемъ. Въ Богеміи, Моравіи, въ Галиціи, въ Познани, въ Венгріи, въ Трансильваніи, гдѣ нѣмцы поселились, они старались утвердиться какъ можно въ большемъ числѣ, мало по малу уничтожить народныя элементы и такимъ образомъ постепенно онемѣчивали эти страны. Особенно нѣмцы враждебны славянамъ. Письма поляка изъ Познани, помѣщенные въ газетѣ «День» за прошедшій годъ, должны открыть глаза славянамъ, чего мы должны остерегаться въ будущемъ отъ тевтонскаго племени. Мы заранѣе можемъ предсказать г. члену московскаго общества сельскаго хозяйства, что должно послѣдовать, если появятся на нашей землѣ нѣмцы-арендаторы. Какъ скоро покажутся въ одной губерніи два-три нѣмца и возьмутъ въ аренду земли, ужь разумѣется не на два или на три года, а лѣтъ на двѣнадцать или двадцать, то года черезъ три ихъ явится десять или пятнадцать; всѣ они притащатъ съ собою изъ своей родины и работниковъ. Продержавши въ арендѣ землю лѣтъ 12 или 20, нѣмецъ не обанкрутитъ, за это можно поручиться, а напротивъ, скопитъ капиталецъ и потомъ ужь пріобрѣтетъ въ собственность землю. Такимъ образомъ лѣтъ черезъ 40 или 50 можетъ явиться въ Россіи около $\frac{1}{3}$ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ, а черезъ 100 лѣтъ больше половины. Прослѣдите исторію мирнаго нашествія нѣмцевъ на Россію со времени царствованія Алексѣя Михайловича до нашихъ временъ. Около половины семнадцатаго столѣтія имъ позволено было поселиться въ Москвѣ и вести торговлю. Нѣмецкая слобода была ихъ первоначальнымъ пріютомъ. Въ началѣ восемнадцатаго столѣтія Петру Великому нѣмцы же понадобились для просвѣщенія Россіи, и по этому случаю, какъ просвѣтителямъ варваровъ, имъ предоставлены были высшія и ученые, и военныя, и граж-

давскія должности. Съ того времени много пришло къ намъ этихъ просвѣтителей. Просвѣщенія-то они къ намъ нѣсколько не внесли, да они и не съ тою цѣлю оставили свое любезное отечество, а торговлей, промышленностію и занятіемъ хорошихъ должностей занялись усердно, утвердились на этомъ пути прочно, и едва ли удастся могучему славянскому племени перегнать ихъ на этомъ пути. Желающихъ проверить наши слова просимъ взглянуть на списокъ торговыхъ фирмъ въ Петербургѣ, ежегодно публикуемыхъ, и другіе извѣстныя каждому источники. Русскій народъ смутно предчувствовалъ будущій наплывъ нѣмцевъ, когда нѣмецкая слобода начала расширяться, а потому при Алексѣѣ Михайловичѣ косо посматривали на нее, при Петрѣ же Великомъ народъ покушался было истребить этихъ незваныхъ гостей и сжечь самую слободу, чтобъ и слѣда нѣмецкаго не осталось; но москвичамъ не удалось этого сдѣлать. Нѣмцы остались цѣлы и невредимы. Изъ вышесказаннаго заявленія г. члена мы видимъ, что онъ и теперь находитъ, что безъ нѣмцевъ намъ нѣтъ спасенья, что они должны пріѣхать къ намъ и учить насъ сельскому хозяйству. Видно г. члену кажется, что мало еще у насъ нѣмцевъ, надо ихъ побольше. До сихъ поръ они наводняли столицы и большіе губернскіе города, а теперь г. членъ предполагаетъ ихъ втиснуть въ земство. Что-то скажетъ на это И. С. Аксаковъ! Вѣдь для большей части нѣмцевъ до сихъ поръ мы варвары. По нашему мнѣнію, ужь если дѣйствительно нѣтъ никакой надежды самимъ взяться за сельское хозяйство, если и въ самомъ дѣлѣ не рассчитываютъ, чтобы стали арендовать землю городскіе жители — купцы, мѣщане, чиновники, мало-земельные помѣщики и зажиточные крестьяне, то лучше пригласить чеховъ и поляковъ, которые знаютъ агрономію нѣсколько не хуже нѣмцевъ. Эти по крайней мѣрѣ одного съ нами племени и скорѣе могутъ сблизиться съ нами. Можетъ быть, въ настоящее время и неумѣстно бы было говорить о послѣднихъ, но мы увѣрены, что рано или поздно сближеніе съ ними должно наступить; что рано или поздно настоящіе враги должны будутъ покороче узнать другъ друга. А когда узнаютъ, то откроютъ другъ у друга и хорошія стороны, которыя заслуживаютъ уваженія. Какъ между частными людьми, такъ и между народами до тѣхъ поръ существуетъ непріязненное чувство, пока не постараются сойтись хорошенько и понять другъ друга. Это высказано Боклемъ относительно Англіи и Франціи; и мы это примѣняемъ къ Польшѣ и Россіи. И такъ, если у насъ нужны арендаторы не русскіе, то лучше, повторяемъ, допустить чеховъ и поляковъ, но только ради Бога не нѣмцевъ, для пользы самихъ же русскихъ землевладѣльцевъ, если они не имѣютъ желанія, чтобы дѣти и внуки ихъ не подпали подъ большее иго, чѣмъ то, подъ которымъ находились дѣды и

отцы. Только вотъ бѣда, и чехъ, и полякъ любятъ до сумасшествія свое отечество, тогда какъ для нѣмца *ubi bene, ibi patria*. Чтожъ дѣлать въ такомъ случаѣ? А самимъ приниматься за рациональное хозяйство и своимъ же землякамъ отдавать земли въ аренду. Будьте покойны, арендаторы явятся: развѣжитесь только съ крестьянами, отнежьте имъ земли. Этого только и ожидаютъ желающіе арендовать. Акціонерныя наши компаніи лопнули, къ нимъ довѣрія больше нѣтъ. Остается теперь одна земля, въ нее и будутъ вкладывать свободные капиталы.

Н. С. 1871

27 мая 1863 года.

4421744

ОЧЕРКЪ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Современная французская литература, — говорит Реймондъ, — вмѣсто того, чтобы быть восторженнымъ крикомъ пробуждающейся націи, является послѣднимъ содроганіемъ общества, засыпающаго подъ магнетическимъ перстомъ деспотизма; вмѣсто того, чтобы быть вѣщомъ прогрессивнаго движенія цивилизаціи, она представляется ослабѣвшимъ эхомъ прошедшаго или безсильнымъ порывомъ поколѣнія, которому при самомъ рожденіи обрѣзали крылья».

Сужденіе справедливое только отчасти: нація еще не умерла.

Конечно, литература служитъ выраженіемъ идей, волнующихъ общество, но иногда, вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, эти идеи не могутъ высказаться; поэтому никакъ нельзя заключить, что печатная французская литература представляетъ всю умственную жизнь своего народа, что главнѣйшія потребности и вопросы, занимающіе французское общество, выражаются въ томъ направленіи, которое можетъ развиваться безпрепятственно. Большой частью бываетъ наоборотъ: прежде чѣмъ какая нибудь новая идея слѣлается достояніемъ массы, она встрѣчаетъ многочисленныя препятствія къ своему проявленію; потомъ она проникаетъ въ сознаніе большинства и только тогда приводится въ осуществленіе. На этомъ основаніи, при настоящемъ обзорѣ французской литературы, необходимо взглянуть предварительно на политическія учрежденія Франціи и событія, вызвавшія современное положеніе общества.

Послѣ страшнаго погрома французской революціи наступила реакція: старые маркизы-эмигранты явились ревностными католиками. Въ прежнее время они были большими либералами, славили Вольтера, насмѣхались надъ духовенствомъ, кутили, веселились, но какъ только вихорь революціи выбросилъ ихъ за предѣлы Франціи, либерализмъ ихъ развалился. Даже тѣ изъ нихъ, которые нѣсколько глубже усвоили идеи XVIII-го вѣка, сдѣлались послѣ бурбонской реставраціи приверженцами католицизма изъ политическихъ разсчетовъ. Вліяніе англійской и германской литературы, произведенія Шатобріана и мадамъ Сталь, преобладаніе исторіи надъ философіей, — все это способствовало появленію и развитію романтизма. Въ первое время онъ явился католическимъ и роялистскимъ, но потомъ историческія изслѣдованія народной школы, знакомство съ Байрономъ, а главное, преслѣдованія правительствомъ свободы прессы сдѣлали его либеральнымъ.

Послѣ іюльской революціи, преобладающимъ классомъ явилась буржуазія. Богатая, самодовольная, эгоистическая, съ узкими взглядами и узкой моралью, она искала въ литературѣ пріятнаго времяпрепровожденія, въ наукѣ удовлетворялась золотой посредственностью. На такихъ людей дѣйствовали только водевилъ, фельетонный романъ, раздражающая цельная драма; они боялись всякаго новаго слова, всякой живой идеи; неподвижность и умственный застой были ихъ девизомъ. Другой отличительной чертой французскаго общества оставалась старинная страсть къ военнымъ подвигамъ: блестящія воспоминанія первой имперіи увлекли не только большинство молодежи, но даже такихъ талантливыхъ людей, какъ Беранже. Но въ то время, когда буржуазія пріятно развлекалась среди стонѣвъ ограбленнаго и обманутаго народа, явились люди, которые взглянули на призваніе писателя серьезно; они стали распространять знанія, развивать массу. Правда, имъ не удалось построить новаго общества на своихъ началахъ, и какъ скоро буржуазія увидѣла, что дѣло идетъ объ ея существованіи, о доставленіи торжества демократіи, она приняла сторону того правительства, которое обезпечивало ей прежнее значеніе; войско съ своей стороны, вѣрное преданіямъ бонапартизма, поддержало новаго президента республики, и современный порядокъ вещей былъ упроченъ.

Такимъ образомъ новое правительство опиралось на буржуазію и на войско, и на первомъ планѣ поставило интересъ самосохраненія. Стѣснительныя мѣры быстро слѣдовали другъ за другомъ. Въ 1851 году типографіи двѣнадцати журналовъ, обвиняемыхъ въ оппозиціи, были запечатаны, нѣкоторые изъ редакторовъ и сотрудниковъ изгнаны. Въ слѣдующемъ году появился знаменитый органическій декретъ

17 февраля. Всякій политическій или экономическій журналъ долженъ былъ испросить предварительно разрѣшеніе отъ правительства; залогъ удвоили; пошлинѣ (*droit de timbre*) подвергли даже брошюры менѣе десяти печатныхъ листовъ. Суды получили право запрещать печатаніе процессовъ. Проступки путемъ печати наказывались судами исправительными (*correctionnels*); призваніе свидѣтелей для подтвержденія справедливости какой-либо оскорбляющей статьи не допускалось. Въ Алжирѣ всѣ журналы были отдавы на произволъ префектовъ и военныхъ начальниковъ. Два предостереженія влекли закрытіе періодическаго изданія. Многіе корреспонденты иностранныхъ газетъ были схвачены и посажены въ тюрьму. Письма распечатывались; иностранные журналы, въ которыхъ осуждались эти мѣры, перехватывались на почтѣ.

Эти постановленія развязали руки префектамъ, и они взапуски пустились щеголять своимъ усердіемъ въ преслѣдованіи злоупотребленій печати. *Gazette du Midi* получила предостереженіе за то, что напечатала курсивомъ слова *peuple* и *légitime*: префектъ нашелъ въ этомъ насмѣшку. *Phare de la Loire* получилъ предостереженіе за слѣдующую фразу: «Императоръ произнесъ потомъ рѣчь, которую мы публиковали; она, по словамъ агентства Гаваса, вызывала неоднократно крики: да здравствуетъ императоръ»... Префектъ нашелъ, что ссылка на агентство Гаваса заключаетъ сомнѣніе въ возбужденномъ энтузіазмѣ. *A Presse* получила предостереженіе за статью въ пользу Италіи, — *L'Echo de l'Aveyron* — за статью въ похвалу Австріи. Многіе журналы подвергались пріостановленію за то только, что хвалили какія либо иностранныя учрежденія и экономическія реформы, или сообщали извѣстія съ театра войны, неправившіяся правительству, или упоминали о пастырскихъ посланіяхъ въ защиту Ція IX. Вообще, трудно найти предметъ, за который бы журналъ не подлежалъ отвѣтственности. Мало того: она была распространена на издателей, редакторовъ и типографщиковъ, и не смотря на все это, Мониторъ имѣлъ наглость утверждать, что пресса во Франціи совершенно свободна (27 сентября 1859) (*). Послѣднія событія въ литературномъ мірѣ показываютъ продолженіе дѣйствій въ томъ же духѣ. Вотъ нѣсколько слу-

(*) Въ 1852 году было 33 предостереженія журналамъ, 2 пріостановки и одно запрещеніе; въ 1853 было 28 предостереженій; въ 1854 году 17; въ 1855 — 11; въ 1856 — 6; въ 1857 — 16; въ 1858 — 3; въ 1859 — 15; въ 1860 — 16; сверхъ того, съ 1857 по 1860 годъ было пріостановлено 13 журналовъ и запрещено 9, не считая тѣхъ, которые закрылись сами, по невозможности выходить при такомъ порядкѣ вещей. 1861 годъ былъ одинъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ для литературы; но какъ для него, такъ и для послѣдующаго времени у насъ нѣтъ достаточно данныхъ, чтобы вывести вѣрную цифру преслѣдованій.

чаевъ. Недавно Миресъ приговоренъ былъ къ штрафу и къ заключенію въ тюрьму за то, что роздалъ нѣкоторымъ знакомымъ свою оправдательную записку; это нашли нарушеніемъ законовъ о разноскѣ (colportage). Одинъ журналистъ получилъ выговоръ за то, что мимоходомъ замѣтилъ, что сотни миліоновъ, употребленныхъ для мексиканской экспедиціи, могли бы съ большей пользой быть употреблены для вспоможенія провинціямъ, пострадавшимъ отъ голода. Недовольствуясь этимъ, полиція не позволила не только говорить о бѣдствіяхъ рабочаго класса, но даже объявлять о подпискѣ въ его пользу; префектъ савойскій запретилъ продавать переводы библіи.

Эти неблагопріятныя условія для литературной дѣятельности еще болѣе увеличиваются іезуитскою пропагандой, законами противъ разносчиковъ и неопредѣленностью границы между журналами политическими и чисто-литературными. Во Франціи насчитывается до 8000 общинъ, имѣющихъ связь съ іезуитами. Кругъ дѣятельности этихъ общинъ весьма разнообразенъ и обширенъ. Les frères ignorantins занимаются преимущественно воспитаніемъ; Oeuvre des domestiques заботится объ образованіи изъ слугъ шпіоновъ; Oeuvre des voyageurs доставляетъ средства путешествовать съ небольшими деньгами, переходя отъ одного ханжи къ другому. Кромѣ того существуетъ множество другихъ обществъ: одни имѣютъ цѣлью подрывать кредитъ богатыхъ домовъ, другіе стараются захватить въ свои руки опеку надъ богатыми наслѣдниками; третьи занимаются распространеніемъ въ народѣ душеспасительныхъ книгъ по непомѣрно-дешевой цѣнѣ, такъ что есть иллюстрированныя изданія по 25 сантимовъ въ годъ; четвертые заботятся о доставленіи работы и покровительствѣ сиротамъ отъ 12 до 18 лѣтъ, надѣясь составить изъ нихъ іезуитскую армію. Огромныя средства, которыми владѣетъ орденъ (на 100 миліоновъ франковъ недвижимаго имущества), и покровительство, доставляемое ему правительствомъ, позволяютъ пропагандѣ распространяться быстро.

Такимъ образомъ буржуазія совершенно подчинена іезуитамъ и бюрократіи. Даже тѣ юноши, которые воспитываются не подъ ихъ руководствомъ, выигрываютъ немного: всѣ лучшіе профессора лишлись кафедръ; поступающіе вновь подвержены такимъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ, что человѣкъ, имѣющій сколько нибудь самостоятельныя мнѣнія, едва ли рѣшится читать лекціи. Въ преподаваніи господствуетъ рутина и ложь: событія представляются не въ настоящемъ видѣ, главное вниманіе обращено на сухія отжившія формы. Въ воспитанникахъ стараются развить непомѣрное самолюбіе, придавая огромное значеніе вѣнкамъ, подаркамъ и похвальнымъ листамъ. Пансіоны для приготовленія кое-какъ для экзамена на сте-

пень бакалавра размножились невѣроятно. Рѣдко кто учится изъ любознательности, большинство видитъ въ наукѣ средство получить какое нибудь выгодное мѣсто: невѣжество страшное! Только незначительная часть юношества избѣгла этой заразы, но за то страдаетъ болѣзнью шовинизма. Академія увѣнчиваетъ произведенія самыя посредственныя, съ однимъ условіемъ, чтобъ они были мѣщански благонамѣренны, или не касались современныхъ вопросовъ: такъ г. Жюль Лакруа получилъ премію въ 10 т. франковъ за переводъ Эдипа, какъ за произведеніе, представляющее соединеніе нравственности и художественности; преміи барона Гобера достались Руссе за исторію Лувуа и Галеви за переводъ въ стихахъ греческихъ трагиковъ... Въ томъ же духѣ академія намѣрена дѣйствовать и на будущее время. Вотъ нѣкоторыя изъ ея задачъ: 1) похвальное слово Шатобріану; 2) литературный очеркъ генія и произведеній кардинала де-Реца; 3) о необходимости примиренія эстетическаго чувства и преданія съ учеными изслѣдованіями и историческимъ развитіемъ духа различныхъ народовъ: сверхъ того обѣщаны многія преміи за наиболее нравственныя сочиненія. Правительство съ своей стороны усердно поддерживаетъ такое стремленіе къ благонаправленію: въ прошломъ году 31 человекъ удостоились получить орденъ почетнаго легіона по департаменту литературы: конечно, большинство отличалось бездарностью и долготѣіемъ. И такъ, вся надежда Франціи на народъ, но и ему грозитъ послѣднее развращеніе отъ іезуитовъ.

При подобныхъ обстоятельствахъ, французская литература состоитъ, собственно говоря, изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ литературъ, во первыхъ, литературы правительственной, во вторыхъ, буржуазной, въ третьихъ, католической, иногда поддерживающей правительство, иногда враждебной ему, и наконецъ, оппозиціонной всѣхъ либеральныхъ оттѣнковъ.

Правительственная литература Франціи выражается преимущественно въ извѣстныхъ газетахъ и брошюрахъ. Главнѣйшіе представители ея чиновники въ родѣ Лагерроньера, Грангильо и Гранье-де-Кассаньяка. Главная задача этихъ господъ — представить въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ большую французскую революцію и выказать благодѣянія настоящаго правительства. Самымъ талантливымъ представителемъ этой партіи можно считать Эдмонда Абу; но со времени знаменитаго своего памфлета «*La Question Romaine*», талантъ его сталъ быстро упадать; его «*Современный Римъ*», произведеніе, написанное съ цѣлью смягчить впечатлѣнія первой брошюры, показываетъ незнаніе политической жизни Італіи и отличается ложнымъ взглядомъ на факты; послѣдняя драма его, «*Гаэтана*», упала съ великимъ скандаломъ. Въ настоящее время онъ пописываетъ ро-

манчки, въ которыхъ важную роль играютъ фантазія, физиологія и медицина. Что такое наримѣръ его *L'homme à l'oreille cassée*? Французскій полковникъ, только что замерзшій, попадаетъ въ руки нѣмецкаго ученаго, который закупориваетъ его въ тройной гробъ съ тѣмъ, чтобы по истеченіи извѣстнаго времени возратить ему жизнь посредствомъ одному ему извѣстнаго секрета. Этотъ ученый умираетъ, и ящикъ съ покойникомъ дѣлается собственностью одного молодого инженера, который и оживляетъ его. Воскресшій рубака буянитъ, пьянствуетъ и въ добавокъ хочетъ похитить у своего благодѣтеля невѣсту, потому что она похожа на его Аглаю; наконецъ, послѣ множества забавныхъ сценъ, оказывается, что она его внучка и онъ выдаетъ ее за инженера. Старый солдатъ хочетъ снова поступить на службу, но министръ отказывается ему за дряхлостью, и онъ умираетъ съ горя. *Le Nez d'un notaire* и *Le cas de M. Guérin* принадлежатъ къ тому же роду: первый романъ напоминаетъ Носъ Гоголя; второй — приключеніе скупаго кади въ Тысячѣ одной ночи. Авторъ заботится только о смѣшныхъ положеніяхъ, объ игривости и занимательности разсказа и не заботится о логикѣ и о законахъ природы. Историкъ этого направленія, за исключеніемъ Тьера, принадлежащаго столько же буржуазіи, какъ и бонапартизму, еще плоше: въ лакейскомъ усердіи они ни за что считаютъ коверкать факты, какъ вздумается; одинъ нантскій прокуроръ написалъ даже ученый трактатъ о Тацитѣ, гдѣ выставилъ императоровъ благодѣтелями человѣчества, а Тацита клеветникомъ. То же самое можно сказать о критикахъ. Низаръ всегда былъ бездарнымъ рутинеромъ и отличался стремленіемъ затрогивать самые трудные вопросы, не имѣлъ для этого достаточно свѣдѣній. Такъ въ своей исторіи литературы онъ ни слова не говоритъ о фізіократахъ, упрекаетъ Монтескье въ отсутствіи метода, считаетъ Паскаля въ числѣ враговъ христіанскихъ древностей, утверждаетъ, что вся литература XVIII вѣка имѣетъ слабое литературное значеніе. Что касается до Сень-Бёва, въ прежнее время онъ былъ замѣчательнѣе тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, который впрочемъ не могъ вполне обнаружиться, потому что владѣлецъ его страдалъ непростительной страстью къ парадоксамъ; теперь же, перейдя на страницы Монитера, онъ ругаетъ всѣхъ и все, поетъ хвалебныя гимны литературному и политическому ренегатству.

Поэзія бонапартизма ниже всякой критики; мы было не хотѣли говорить о ней, но чтобъ не упрекнули насъ въ пристрастіи, скажемъ нѣсколько словъ. Напримѣръ, г. Жюль Пертюсъ наваялъ цѣлую поэму въ одиннадцать пѣсней подъ заглавіемъ: *Napoléon-Empire ou affranchissement de l'Italie*. Разумѣется, онъ не пощадилъ лавровъ, и весь чиновный міръ съ восторгомъ отзывался о поэмѣ, хотя

врядъ ли кто читалъ ее. Но лавры Мильтиада не давали спать Оемпистоклу, который на этотъ разъ олицетворился въ образъ Журдана, автора Эдмеи. Восхищенный рожденіемъ сына у принца Наполеона, онъ написалъ сонетъ, гдѣ между прочимъ восклицаетъ:

Où m'emporte la poésie?
Ton nom est écrit dans le ciel:
Napoléon-Emmanuel!

Казалось, дѣло тѣмъ бы могло и кончиться, но Пертюсъ вломился въ амбицію; ему показалось, что одинаковость титуловъ можетъ повредить его славѣ, и онъ подалъ жалобу въ судъ, который къ счастью былъ такъ благоразуменъ, что отказалъ ему.

Литература буржуазіи во многомъ такъ сходна съ бонапартистской, что мудрено съ точностью опредѣлить между ними грани: та же ненависть къ демократіи, то же восхваленіе золотой посредственности и черепашьихъ реформъ въ будущности, то же довольство своимъ положеніемъ. Разница въ отсутствіи политическихъ тенденцій, мѣняющихся съ обстоятельствами, и преобладаніе романа, состоящаго изъ путаницы происшествій и скандала. Да, скандалъ и добродѣтель процвѣтаютъ въ буржуазномъ романѣ и идутъ рядомъ. Романы эти раздѣляются на пять категорій: въ первой женщина падаетъ; вторая представляетъ куртизанокъ, стремящихся возродиться любовью въ сотый разъ; третья занимается куртизанками, не думающими раскаяться; четвертая и пятая состоятъ изъ ихъ біографій и автобіографій.

Съ перваго взгляда такое явленіе кажется страннымъ, а между тѣмъ оно объясняется очень просто: семейная жизнь буржуазнаго, и даже не одного буржуазнаго круга, находится въ несомнѣнномъ упадкѣ, большинству угрожаетъ бѣдность, мелкая буржуазія быстро идетъ къ пролетаріату, женщина боится имѣть дѣтей, мужчина смотритъ на нее, какъ на наложницу или экономку; нигдѣ нѣтъ столько временныхъ браковъ, какъ въ Парижѣ; деньги управляютъ всѣмъ: малѣйшая слабость, малѣйшее увлеченіе — и бѣдная женщина обманута, осмѣяна, брошена. Реальная литература пользуется такими исторіями, выставляетъ ихъ на показъ, но къ несчастью недостатку таланта мѣшаетъ тѣмъ изъ писателей, которые берутся за эти сюжеты, дѣйствовать на публику какъ бы слѣдовало; большинство изъ нихъ, подстрекаемые корыстолюбивыми издателями, рассчитываютъ только угодить разпаленному воображенію и сладострастію читателей, заинтересовать цинизмомъ. Едва появляется какой нибудь молодой талантъ, — эта шайка барышниковъ бросается на него, чтобъ эксплуатировать его въ свою пользу.

Придворный романистъ Фейдо въ своей «Сильвии» славить какого-то г. Анзельма, образецъ безчувственнаго фата, большаго поклонника Навуходоносора и всѣхъ подобныхъ ему субъектовъ. Предметъ романа — связь этого хлыща съ какой-то незнакомкой, которая оказывается обыкновенной смертной, скрывавшей свое имя и жилище, чтобы раззадорить воображеніе Анзельма. Романъ изобилуетъ похвалами нравственности и бдительности парижской полиціи и мѣстами въ родѣ хоть слѣдующаго:

«Le singe... profita de l'instant où les jeunes gens se tenaient par la tête, et par un brusque mouvement de bras, il souleva la robe de la dame et découvrit des jambes à faire damner Jupiter... Eh! ne le grondez pas, dit l'étrangère; il faut bien que tout le monde vive!»

Поклонники искусства для искусства, Мери и Теофиль Готье, идутъ по той же дорогѣ. «Урсула» и «Огюсть» перваго могутъ соперничать съ произведеніями Фейдо; что касается до послѣдняго, онъ издалъ вновь M-lle Maupin, снабдивъ ее интереснымъ предисловіемъ, выражающимъ profession de foi этого класса господъ «въ ватянутыхъ перчаткахъ, съ батистовымъ бѣльемъ», привыкшихъ восхищаться облаками да картинками. Полнѣйшее отсутствіе убѣжденій видно у театральнаго критика Монитера на каждомъ шагѣ. Онъ сожалеетъ, что Карлъ X не уничтожилъ совершенно свободы прессы; онъ съѣздается надъ прогрессомъ и всѣми возвышенными стремленіями. «Развѣ больше пьютъ теперь, чѣмъ во времена варварства и невѣжества? Какой экономистъ расширить намъ желудокъ, чтобъ онъ вмѣщалъ столько же биштекса, сколько вмѣщалъ желудокъ Милона кротонскаго? Эпоха безнравственна. Книжки слѣдуютъ правамъ... Вмѣсто того, чтобъ назначать монтионовскую премію въ награду добродѣтели, я хотѣлъ бы, чтобъ ее назначали тому, кто изобрѣтетъ новое удовольствіе, потому что наслажденіе есть цѣль жизни».

Какое глубокое отчаяніе слышится въ этихъ словахъ! Талантъ Теофиля Готье былъ чисто-внѣшній, безъ серьезнаго, внутренняго содержанія; онъ не выдержалъ долговременнаго давленія и палъ. Ему показалось, что всѣ предшествовавшіе перевороты были безплодны, потому что поставили націю въ то же положеніе, въ какомъ она была прежде; но онъ не понялъ, что если цѣль жизни наслажденіе, то для достиженія ея необходимы новыя успія, что проповѣдуя равнодушіе и эгоизмъ, можно только отдалить время ея осуществленія, что индифферентизмъ и малодушное уныніе влекутъ за собой полную невозможность наслаждаться даже такъ, какъ полагаетъ наслаждаться Теофиль Готье...

О другихъ романистахъ этой школы придется сказать почти то же. Ашаръ и Мокаръ фабрикують романы съ торжествующей добро-

дѣтелю и наказаннымъ порокомъ, до которыхъ такіе охотники благонравные буржуа. Г. Эно занялся теперь перекраиваньемъ русскихъ драмъ во французскіе романы и переводомъ шведскихъ легендъ. Анри Мюрже (Henri Mürger) умеръ; и хотя школа его осталась, но это старыя варіаціи на старыя темы: кому не надоели студентскія и художническія похождения? Глава реальной школы, Шанфлери (Champfleury), далъ сборникъ прежнихъ своихъ повѣстей, но мы не знаемъ, за что ему такой почетъ. Въ романахъ Шанфлери главную роль играетъ наблюдательность; они вѣрно списаны съ натуры, но не воспроизведены. Монсле (Monselet) замѣчательнѣе болѣе тонкой отдѣлкой, безобидными карриатурами, чѣмъ глубиной и силой своихъ очерковъ; но такова сила изящной формы во Франціи, что говорятъ и о немъ. Вотъ г. Октавъ Фелье (Feuillet) — дѣло другое: о немъ не говорятъ, а кричатъ; онъ любимый романистъ императрицы Евгеніи и изъ всѣхъ силъ старается, чтобы не потерять этого выгоднаго мѣста. Это ему тѣмъ легче, что никакихъ убѣжденій у него не имѣется. Не мудрено, что при такомъ покровительствѣ онъ «сталъ академикомъ», что его произведенія считаются въ извѣстномъ кружкѣ чѣмъ-то геніальнымъ и быстро расходятся. Последній его романъ «Histoire de Sibylle», помѣщенный сначала въ «Revue des Deux-Mondes», и послѣ вышедшій отдѣльнымъ изданіемъ, стоитъ нѣкотораго вниманія тѣмъ болѣе, что онъ составляетъ переходное звено къ ультрамонтанской школѣ.

Первая часть посвящена описанію воспитанія Сивиллы Феріа. Эта барышня, по обыкновенію всѣхъ великосвѣтскихъ романистовъ, представляетъ соединеніе всѣхъ совершенствъ, а главное — она начинена съ ногъ до головы чистѣйшимъ ультрамонтанствомъ; поэтому она требуетъ отъ своего суженаго такого же умозатмѣнія и сверхъ того еще знатности рода, благородства, великодушія и тому подобныхъ добродѣтелей, считающихся почему-то исключительной принадлежностью дворянина. Рауль-де-Шалисъ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ, кромѣ перваго. На одномъ изъ обѣдовъ онъ осмѣливается въ ея присутствіи обнаружить свои сомнѣнія; съ невѣстой дѣлается дурно, — Рауль проигрываетъ дѣло... Чтобы примириться съ разгнѣванной поклонницей ультрамонтанизма, онъ сходится съ аббатомъ Рено, наряжается въ блузу и берется расписать фрески въ церкви замка Феріа. Сивилла узнаетъ его, но не довѣряетъ такому скорому обращенію. Пока онъ убѣждаетъ ее и старается пріобрѣсти расположеніе всѣхъ, даже чуть не «собаки дворника, чтобы ласкова была», приходитъ депеша, призывающая его въ Парижъ по случаю смертельной болѣзни одного изъ его друзей, отчаяннаго матеріалиста. Рауль возвращается съ новымъ запасомъ сомнѣнія. Си-

вила хочетъ окончательно объясниться съ нимъ; они заблуждаются во время прогулки; разговоръ вертится на теологическихъ темахъ; Рауль убѣждается, но Сивилла простуживается во время этой прогулки и умираетъ. Романъ конечно какъ нельзя больше удовлетворилъ тѣхъ, кто—искренно или неискренно—предается католическому пуританству.

Мы не стали бы говорить о буржуазной романической литературѣ такъ подробно, еслибъ она не служила умственной кормилицей одного изъ нашихъ кружковъ. Что касается до тѣхъ господъ, которые восхищаются реализмомъ этой школы, возникшей по мановенію Бальзака, мы замѣтимъ, что это реализмъ Баркова, а не Гоголя.

Теперь слова два объ историческомъ романѣ. Это, во первыхъ, романъ—Эли-Берте, Ксавье-де-Монтенэна, Дюма и т. п., у которыхъ историческаго только заглавіе. Затѣмъ недавно надѣлало шуму произведеніе г. Флобера, «Саламбо», сюжетъ котораго взятъ изъ карфагенской исторіи между первой и второй пунической войной. Романъ этотъ изобилуетъ ужасными сценами и мелочными археологическими описаніями, но мы не видимъ въ немъ ни психическаго анализа, ни изящества изложенія; а между тѣмъ онъ въ короткое время достигъ втораго изданія. Каковы должны быть волонеры первы у буржуазіи, когда для разшевеленія ихъ нужны сцены, выражающія всю грязь и варварство древняго міра!

Теперь перейдемъ къ театру. Въ прошломъ году онъ нѣсколько оживился, т. е. стали давать болѣе новыхъ пьесъ, хотя въ сущности отъ этого не произошло никакого улучшенія: старыя идейки, старая мораль, чудовищно-раздирательныя сцены, волшебство, — вотъ содержаніе большинства французскихъ пьесъ. «La Loi du Coeur», Леона Лайа, имѣетъ цѣлью поддержать родительскій авторитетъ; она наполнена юридическими цитатами и содержитъ почти вполнѣ теорію страховыхъ компаній. «La Papillone» Викторьяна Сарду осмѣиваетъ непостоянство мужей, бросающихъ хорошенькихъ женъ, чтобы влочиться за ихъ подругами. Комедія Ожье: «Le fils de Giboyer», не болѣе какъ памфлетъ въ пользу бонапартизма и той части буржуазіи, которая его поддерживаетъ. Въ пьесѣ пропасть несообразностей; видны нитки, которыми сшиты сцены; но живость языка, наблюдательность и портреты съ нѣкоторыхъ личностей доставили ей успѣхъ на сценѣ. Къ этому же разряду принадлежитъ комедія Сарду «Les Ganaches».

Между историками буржуазіи первое мѣсто безъ сомнѣнія принадлежитъ Гизо; вѣрный преданіямъ парламентаризма, онъ постоянно восхваляетъ его. Неисправимый доктринеръ, онъ напоминаетъ собой тѣхъ средневѣковыхъ схоластиковъ, для которыхъ буква была

все, которые готовы были истребить все, что не входило въ узкія рамки ихъ системы. «Погибни міръ, но живи система», вотъ девизъ ихъ лагеря. Наука! кричатъ они, не понимая, что нѣтъ науки безъ жизни. Глубоко презирая массы, Гизо какъ въ жизни, такъ и въ нау-кѣ являлся постоянно борцомъ буржуазіи. Бывши министромъ, онъ стремился къ крайней централизаціи, къ превращенію Франціи въ жевевскій пансіонъ съ узенькой китайской моралью и полицейскими комиссарами вмѣсто гувернеровъ. Февральская революція помѣшала ему привести въ исполненіе это замысловатое предпріятіе, и онъ принужденъ былъ въ академическихъ креслахъ успокоиться отъ своихъ министерскихъ заботъ. Тамъ онъ былъ совершенно на своемъ мѣстѣ: рѣчи его казались академикамъ гениальными произведеніями—чего бы казалось болѣе, но самолюбіе доктринеровъ весьма щекотливо, и Гизо, во чтобы то ни стало хотѣлъ продолжать разыгрывать роль государственнаго мужа, — но и теперь оказалось, что для этого мало одной, хоть и замѣчательной учености и онъ потерпѣлъ полнѣйшее пораженіе, присоединившись къ клерикальной оппозиціи.

Брошюра его «L'Eglise et la société chrétienne» наполнена противорѣчіями; презрѣніе логики и исторіи встрѣчается на каждомъ шагу. Онъ отстаиваетъ свѣтскую власть папы и говоритъ о какихъ-то опасностяхъ, будто бы угрожающихъ цѣлому христіанству. Гизо признаетъ свободу мысли, но онъ этимъ разрушаетъ все зданіе католицизма, построенное на авторитетѣ, на непогрѣшимости папы. Онъ боится для христіанства критики, но самыя прочныя вѣрованія тѣ, которыя готовы выдержать критику во всякую минуту... Онъ говоритъ: «надо, чтобъ общество религіозное и свѣтское были раздѣлены...» (стр. 30), а рядомъ съ этимъ утверждаетъ слѣдующія вещи:

«Ходъ событій и прогрессъ идей дали живо почувствовать церкви и государству печальныя слѣдствія дурно понятыхъ союзовъ, но нисколько не доказали необходимости раздѣленія.

«Гдѣ союзъ между властью духовной и свѣтской совершался, тамъ страдали равно свобода политическая и гражданская (стр. 42).

«Когда общество гражданское и религіозное чужды другъ другу, они ослабляютъ и унижаютъ себя (стр. 29).

«Двойственный характеръ папства есть фактъ, освященный вѣками... и смѣютъ думать, что имѣютъ право поднять на него святотатственную руку, не покушаясь на религіозную свободу католиковъ (47).

«Надо, чтобы двѣ власти оставались слиты въ папской области, потому что онѣ раздѣлены въ другихъ государствахъ» (92).

Эта логика конечно очень мало убѣдительна для нашего времени, и остается только жалѣть, что писатель, нѣкогда оказавшій такіа ве-

ликія услуги образованію, становится подъ старость на такую незавидную точку зрѣнія. Историкъ находитъ дальше, что государи австрійскаго дома отличались умѣренностью, что король неаполитанскій послѣ пораженія Австріи никогда не вздумалъ бы искать ей помощи для восстановленія прежняго порядка вещей. Можно ли безцеремоннѣе обходиться съ исторіей? Никогда итальянскіе владѣтели не думали подчиняться конституціи и старались отдѣлаться отъ нея при первомъ удобномъ случаѣ. Фердинандъ неаполитанскій, посылая флотъ на помощь Венеціи, далъ ему секретныя инструкціи не дѣйствовать противъ австрійцевъ; Леопольдъ своими распоряженіями парализовалъ усилія патриотовъ; Карлъ-Альбертъ велъ войну для увеличенія Пьемонта, а не для освобожденія Италіи; Пій IX говорилъ одно и дѣлалъ другое. Въ заключеніе Гизо предлагаетъ Италіи смѣшанную федерацію, забывая, что какъ по историческому развитію, такъ и по принципу, для ней возможна только федерація демократическая; прочія же никогда нигдѣ не удавались, начиная лигой Людовика Мора и оканчивая рейнскимъ и Франкфуртскимъ союзомъ.

По добросовѣстности изложенія замѣчательна «Исторія Фуке» Шерюзеля; по богатству подробностей «La grande Guerre» (XIV и XV столѣтія) Бельваля. Что касается до «Исторіи Лувуа» Руссе, она ниже посредственности, хотя и была увѣнчана академіей. Авторъ принадлежитъ къ числу архивныхъ изслѣдователей и тѣхъ наивныхъ историковъ, которые восхищаются всякими событіями въ большихъ размѣрахъ и поютъ гимны военной славы.

Произведенія Эдмона и Жюль де-Гонкуръ, авторовъ разныхъ монографій о XVIII вѣкѣ («Les maitresses de Louis XV», «Marie Antoinette», «Hist. de Société au XVIII», «La femme au XVIII»), отличаются интересными подробностями; но это не болѣе какъ анекдотическая пустоватая мозаика, изъ которой надо дѣлать самый строгій выборъ, потому что они подбираютъ факты съ точки зрѣнія буржуазіи. Сверхъ того у нихъ нѣтъ ни яснаго взгляда, ни историческаго вывода, построеннаго на достаточно прочномъ основаніи.

Главные критики буржуазіи, кромѣ названныхъ выше, Жюль-Жавенъ и Понмартэнъ; первый, остроумный болтунъ безъ всякихъ серьезныхъ убѣжденій, начинаетъ повторяться и далеко не пользуется такой славой, какъ прежде; второй, боецъ легитимистовъ, сталъ въ послѣднее время замѣчательнѣе болѣе азартномъ, чѣмъ основательностью своихъ сужденій. Поклонникъ Людовика XIV, академикъ, идеализма, чопорности въ языкѣ, — онъ является постояннымъ врагомъ лучшихъ писателей Франціи. Викторъ Гюго, Мишле, Жоржъ-Зандъ — онъ нападаетъ на всѣхъ; не имѣя довольно таланта, чтобы

показать настоящіе недостатки ихъ произведеній, онъ прибѣгаетъ къ мелкой сплетнѣ.

Въ этомъ смыслѣ надѣлала шуму въ прошломъ году книга Понмартэна «*Les jeudis de M-me Charbonneau*». Она въ короткое время вышла двумя или тремя изданіями и читалась очень жадно. Понмартэнъ имѣлъ уже предшественника на этомъ поприщѣ, — но мы никакъ не сравнимъ его тощихъ нападокъ на живую французскую литературу съ книжками Мирекура. У того по крайней мѣрѣ доставало смѣлости говорить часто весьма рѣшительныя вещи, которыя иной разъ дѣйствительно бросаютъ, хотя и не лестный, свѣтъ на характеръ и дѣятельность разныхъ общественныхъ и литературныхъ знаменитостей. У Понмартэна мы бы напрасно стали искать какойнибудь смѣлой общественной мысли. «Четверги г-жи Шарбоннѣ» очевидно написаны съ цѣлью быть сатирой, — авторъ недоволенъ французскимъ литературнымъ міромъ. Но сатира выходитъ неудачна, потому что она крайне мелка. Писатель сенъ-жерменскаго предмѣстья, авторъ многочисленныхъ повѣстей, критикъ и т. п., просто страдаетъ раздраженнымъ самолюбіемъ: его произведенія далеко не имѣли того успѣха, какого бы хотѣлось ему для успокоенія своего славолубія и вѣроятно для финансовыхъ расчетовъ. Онъ разразился книгой, которая должна была — какъ онъ ожидалъ и какъ дѣйствительно случилось — разсорить его съ корифеями и некорифеями литературы, которыхъ онъ задѣлъ. Книга, въ легкой впрочемъ и отчасти занимательной формѣ, даетъ цѣлый рядъ мелкихъ анекдотовъ, сплетенъ, коротенькихъ характеристикъ: мишенью ихъ были товарищи Понмартэна по журналистикѣ и литературѣ, къ которымъ онъ больше или меньше чувствовалъ нелюбви или зависти. Но читатель напрасно будетъ отыскивать какойнибудь серьезной мысли въ его нападеніяхъ: вездѣ выступаетъ всего замѣтнѣе личное раздраженіе; — единственный политическій принципъ, который показываетъ въ авторѣ нѣкоторое присутствіе интереса къ общественнымъ дѣламъ, есть сенъ-жерменскій легитимизмъ. Легитимистская сатира и сама по себѣ не обѣщаетъ большой силы, а при пустотѣ автора она оказывается еще мельче. Надобно впрочемъ сказать, что авторъ, какъ очень многіе изъ второстепенныхъ французскихъ писателей, довольно ловко владѣетъ фразой, и книга читается.

Но любопытно то, что при всей легкости и въ сущности весьма невинной злости автора, «Четверги г-жи Шарбоннѣ» показались въ Парижѣ очень рѣзки. Французскій литературный міръ до того привыкъ ко взаимнымъ восхваленіямъ, до того развилъ въ себѣ мелочное самолюбіе, что анекдоты и остроты Понмартэна были сочтены за нарушеніе литературныхъ приличій. Во второмъ изданіи, вышедшемъ

вскорѣ за первымъ, онъ самъ сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ своей книгѣ. Ес стоитъ прочесть, чтобы получить понятіе о томъ, на чемъ вертятся интересы большинства французскаго литературнаго общества, какими мелкими придирами ограничивается ихъ взаимная критика и какъ важны кажутся этому большинству мелкія придиры. Уровень развитія и интересовъ оказывается въ большинствѣ порядочно ограниченный.

Въ головѣ литературы клерикальной стоитъ Вёльо, французскій Асоченскій, только съ большимъ талантомъ. Съ его благословенія Ру-Ферранъ попробовалъ въ двухъ рассказахъ (*Sacrifice et Resignation*) обращать легкомысленныхъ парижанъ на путь истинный; но ни его попытка, ни попытка мадамъ Бурдонъ, взявшей тему изъ «Работницы» Жюль Симона, не имѣли успѣха. Протестантскій романъ Массе (*Pas encore! roman de la vie privée*) еще скучнѣе: это проповѣдь въ лицахъ. «*Les récits légendaires*» Дезессара имѣютъ болѣе интереса, но историческій интересъ поглощенъ въ нихъ клерикальнымъ. Романъ Сентина (*Saintine*), «*La belle cordière*», рисующій эпоху Ріенци, также неудаченъ, особенно если сравнить его съ романомъ Бульвера. Воспитательные романы Дегранжа и мадамъ д'Эльбекъ, назначенные для юношества, отличаются избыткомъ ложной чувствительности и ультрамонтанской морали; добродѣтель въ нихъ до того приторна, что въ состояніи возбудить къ себѣ отвращеніе. Очевидно, что въ педагогическомъ отношеніи они не имѣютъ никакого смысла. Громадный успѣхъ *Misérables* Гюго глубоко возмутилъ клерикаловъ; чтобы противодѣйствовать ему, какой-то безымянный господинъ написалъ *Misère et Misérables*. По формату, печати, сюжету, эта копія походитъ совершенно на оригиналъ; разница въ томъ, что эта пародія, какъ почти всегда бываетъ съ подобными вещами, плоска и безталанта.

Что касается до книгъ, относящихся къ медиумамъ, духамъ и т. п., клерикальная литература ими особенно богата, но объ этой чепухѣ не стоитъ говорить.

Изъ критиковъ можно указать на Кадудала, потому что въ немъ осталась хоть капля добросовѣстности и онъ осмѣливается указывать на гнусныя продѣлки своихъ сотоварищей въ дѣлѣ критики; но въ этомъ только и заключается его достоинство: у него нѣтъ ни широкаго взгляда, ни оригинальности языка, ни даже сильнаго чувства, — вообще это золотая посредственность (*).

(*) Клерикальная поэзія кромѣ Лапрада не представляетъ ни одного замѣчательнаго дѣятеля; за то въ ней встрѣчаются господа въ родѣ Бельмонте и Фурнез. Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ «*Lumières de la vie*» пераго:

1) Pour être heureux un jour, portez un habit neuf
Une semaine ayez la culotte d'un boeuf.

Въ послѣднее время перешло на сторону клерикаловъ значительное число академиковъ: Гизо, Минье, Ремюза; не говоря уже о Монталамберѣ, Лакордервѣ и Брольи. Жалкое заблужденіе! Эти люди думаютъ составить оппозицію настоящему правительству, опираясь на ультрамонтанскую партію, какъ будто они не узнали, что эта партія можетъ служить поддержкой только деспотизму и невѣжеству.

Настоящіе коренные легитимисты вообще весьма близки съ клерикалами. Папа покровительствуетъ бурбонамъ въ Римѣ, легитимистская оппозиція соединяется съ клерикальной по всей Франціи. Это соединеніе, конечно, весьма естественно, потому что принципы легитимистовъ въ настоящую минуту во многомъ совершенно сходятся съ принципами ультрамонтановъ. Одинъ изъ публицистовъ легитимизма, Ренивиль (Rinneville), намѣренно соединяетъ и защищаетъ дѣло заграничной династіи съ дѣломъ католицизма. Въ своей книгѣ: «Catholiques tolérants et Legitimistes libéraux», какъ показываетъ и самое заглавіе, онъ старается защитить и терпимость католицизма (союзнаго съ легитимистами) и доказать либеральныя стремленія легитимистовъ; но чтеніе самой книжки убѣждаетъ, что подъ терпимостью автора надо понимать то самое ультрамонтанство, которое въ другихъ случаяхъ не считаетъ нужнымъ принимать на себя видъ любезности. Автору нужно, во что бы ни стало, выставить въ наиболѣе благопріятномъ свѣтѣ принципы своей партіи, и онъ прибѣгаетъ къ историческимъ объясненіямъ, оправдывая и инквизицію, и папскую непогрѣшимость, и права римскаго первосвященника на свѣтскую власть и т. д. и т. д. Достаточно нѣсколькихъ выдержекъ, чтобы познаться съ духомъ партіи, который Ренивиль передаетъ дѣйствительно удачно.

Напримѣръ, объ инквизиціи, которая оправдывается средними вѣками:

«Такъ какъ всѣ законодательства признавали тогда незаконнымъ введеніе въ странѣ чуждаго исповѣданія, не естественно ли, что папа *владыка религии* (Souverain de la religion), призванъ былъ установить трибуналъ вѣры? Церкви говорили: «суди, каковъ католицизмъ такого-то лица». Духовная власть постановляла рѣшеніе объ исповѣданіи. Здѣсь роль ея оканчивалась. Въ самомъ дѣлѣ, если обвиняемаго объявляли жидомъ, еретикомъ или магометаниномъ, то *свѣтская власть* (le bras séculier) брала его и налагала на него наказаніе, опредѣленное закономъ...

2) Qu'est ce donc que la loi qui naquit du Calvaire?

La végétation de l'ordre humanitaire.

3) Les amitiés sentent entre elles

Des soudures incorporelles.

И этотъ господинъ считался въ числѣ кандидатовъ въ академики.

«Короли воспользовались этимъ учрежденіемъ, примѣнили его къ своимъ преступнымъ дѣйствіямъ и заставили его служить ихъ пользѣмъ и ихъ деспотизму».

Авторъ приводитъ дѣйствительно два, три примѣра такого вмѣшательства королей, утверждаетъ даже, что папы *иногда* не одобряли дѣйствій инквизиціи, но онъ забываетъ, что, напримѣръ, въ Испаніи инквизиція стояла выше короля, по крайней мѣрѣ не зависѣла отъ него; забываетъ, что инквизиція и въ наше время, когда *правы* (на которые онъ ссылается, говоря о среднихъ вѣкахъ) уже перемѣнились, продолжала благополучно существовать и существуетъ еще при римскомъ дворѣ, какъ необходимость для рѣшенія тѣхъ же дѣлъ о религіи (и кромѣ того еще о вещахъ политическихъ).

Дальше, изъ своихъ историческихъ объясненій онъ выводитъ слѣдующее утѣшительное заключеніе:

«Изъ внимательнаго изученія фактовъ слѣдуетъ прежде всего, что всего чаще придется уменьшить ужасы, которые обыкновенно соединяются съ ней (т. е. инквизиціей). Что доказываетъ теперь достовѣрность нѣкоторыхъ осужденій? Преслѣдованіе справедливо оскорбляетъ наши новыя понятія, но не объясняется ли оно, для людей безпристрастныхъ, общимъ духомъ этихъ временъ, когда еще не была *осаждена* верховная независимость науки?»

Дѣло шло о Галилеѣ. Но до какой степени самъ авторъ проникнутъ новыми идеями, которыя оскорбляетъ преслѣдованіе, и что собственно скрывается въ глубинѣ его собственныхъ помысловъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ, слѣдующихъ прямо за вышеприведенными:

«Недавно надѣлано было мною шуму изъ-за ребенка, принявшаго католицизмъ (!! въ подлинникѣ буквально: *à propos d'un enfant, devenu catholique*), и во имя религіи изъятаго отъ родительской власти»...

Правда, авторъ дѣлаетъ легкую уступку въ дѣлѣ Мортары общественному мнѣнію, но ясно, что онъ уступаетъ только по необходимости: дѣло слишкомъ извѣстно и слишкомъ скандально. Изъ его способа выражаться легко видѣть, что, собственно говоря, подобная гнусность нисколько не противорѣчитъ ни вѣротерпимому католичеству, ни либеральному легитимизму...

Затѣмъ разсужденія о папѣ и папской власти. Толерантный католикъ разсуждаетъ о томъ и другомъ совершенно такъ же, какъ всегда разсуждали въ своихъ газетахъ, книгахъ и памфлетахъ, писатели чисто ультрамонтанскаго закала. Разницы никакой нѣтъ. Точно такъ же Ренивиль восхищается тѣмъ, «чего хотѣлъ» Пій IX при своемъ вступ-

леніи на престолъ и чего онъ никогда ни на грошъ не сдѣлалъ; точно такъ же онъ сваливаетъ всю вину неудачи папскихъ реформъ на итальянскихъ революціонеровъ, которые «все хотѣли увлечь въ безпорядокъ» (*tout entraîner en désordre*); точно такъ же онъ находитъ, что «королевское могущество (т. е. свѣтская власть папы) полезно для религіи», и что піемонтское *завоеваніе* (т. е. самостоятельное отдѣленіе Романьи) было грабительствомъ противъ самаго достоуважаемаго монарха; наконецъ, что въ папѣ надо различать *двухъ* человѣкъ, свѣтскаго властителя и первосвященника, что одинъ другому нисколько не мѣшаетъ. Однимъ словомъ, все то злобное ожесточеніе, съ которымъ ультрамонтаны вопили противъ итальянскаго движенія, противъ Кавура, вообще противъ людей, требовавшихъ уничтоженія свѣтской власти римскаго первосвященника, все это злобное ожесточеніе повторяется и въ устахъ толерантнаго католика и либеральнаго легитимиста.

Къ сожалѣнію, надобно сказать, что книга Реннвиля очень вѣрно выдастъ ту заднюю мысль, которая господствуетъ въ его партіи и очень часто старается скрыться за либеральными и толерантными заявленіями. Апологія, которую хотѣлъ сдѣлать Реннвиль, дѣлается противъ его воли злѣйшимъ обвинительнымъ актомъ. Люди безпристрастные и благомыслящіе, которыхъ онъ хочетъ убѣдить, увидятъ только изъ его книги, что господство его партіи, такъ горячо имъ рекомендуемое, составило бы для Франціи гораздо худшее зло, чѣмъ то, на которое она можетъ теперь жаловаться.

Остается еще половина книги, о которой мы не будемъ говорить, чтобы не удлинять нашего очерка. Эта половина посвящена легитимизму собственно, «исторической» защитѣ старой королевской династіи и ея правъ; эта половина наполнена такой же исторической ложью, такимъ же лицемеріемъ и искаженіемъ фактовъ. Ясное дѣло, что партія, защищаемая Реннвилемъ такъ горячо и съ такимъ знаніемъ дѣла,—если бы ей удалось достигнуть власти,—стала бы дѣйствовать въ томъ же направленіи, которое стоило ей столько низверженій и изгнаній.

Переходимъ теперь къ обзорѣ оппозиціонной литературы. Мы конечно обозначили только самымъ общимъ образомъ направленія, господствующія въ современной французской литературѣ, и далеко не указали даже и многихъ важныхъ произведеній разныхъ ея отдѣловъ,—но въ этой общей характеристикѣ и заключалась наша цѣль. Нѣсколько новыхъ заглавій, съ нѣсколькими новыми отгѣвками легитимистскихъ, клерикальных, бонапартистскихъ мнѣній, не составятъ большой разницы въ подобномъ очеркѣ. Они дали бы больше подробностей, анекдотическихъ свѣдѣній и т. п., но точно такъ же доказы-

вали бы одно, — что и та, и другая, и третья литература выражают собой только отсталые, затхлые и вредные элементы старой исторической жизни, и что изъ нихъ не выйдетъ прока для того прогресса, котораго ожидаетъ общество впереди отъ своей политической опытности и своего новаго изученія общественнаго вопроса.

Оппозиціонная литература осуждена бороться съ этой трехглавой гидрой.

Первое мѣсто здѣсь по дѣйствию, произведенному на общество, въ послѣднее время принадлежитъ по всей справедливости Виктору Гюго. Его *Misérables* произвели огромное впечатлѣніе во всей Европѣ, не говоря уже о Франціи.

Произведеніе это, при всѣхъ формальныхъ недостаткахъ, составляющихъ, кажется, неизбѣжную черту таланта Гюго, имѣетъ огромное значеніе и съ художественной, и особенно съ общественной точки зрѣнія: нищета, порокъ, преступленія находятъ въ сердцѣ автора слова мира и прощенія; бѣдствія рабочаго класса глубоко трогаютъ его, и онъ съ благороднымъ негодованіемъ клеймитъ постыдное равнодушіе и эгоизмъ того общества, которое почти ничего не дѣлаетъ для отвращенія преступленій и ничего не жалѣетъ для ихъ наказанія. Конечно общество виновато въ большей части преступленій, но лекарства отъ нихъ надо искать никакъ не въ тѣхъ началахъ, въ которыхъ находитъ его Гюго. Всякое преступленіе бываетъ слѣдствіемъ болѣзни, нищеты или недостатка воспитанія, — неокатолицизмъ не можетъ пособить дѣлу; одного чувства мало: какъ бы велика ни была общественная или частная благотворительность, она останется безплодной до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать причины зла — на однихъ нравственныхъ истинахъ нельзя основать возрожденія. Всѣ великія нравственныя системы, говоритъ Бокль, имѣвшія большое вліяніе на человѣчество, представляли въ сущности одно и то же; и указываетъ, что вся сила и вся возможность историческаго развитія заключается только въ интеллектуальной дѣятельности. Эта дѣятельность одна въ состояніи прочнымъ образомъ измѣнять неудовлетворительный составъ человѣческихъ обществъ, исправлять тяжелыя отношенія, сообщать людямъ духовную самобытность, безъ которой невозможно никакое удобное устройство ни общественныхъ, ни политическихъ условій. Съ этой мыслью едва ли станетъ теперь спорить кто нибудь, серьезно думавшій объ этомъ историческомъ развитіи. Въ романѣ В. Гюго есть теплые соціальныя инстинкты, онъ потратилъ много чувства на изображеніе того, что онъ желалъ бы исправить и пере-дѣлать въ современномъ обществѣ, но къ сожалѣнію, онъ не избавился отъ тонкостей старой метафизики, и романъ часто не удовле-

творитъ читателя, который бы приложилъ къ нему требованія современнаго соціального романа.

Поставивъ неокатолицизмъ исходной точкой общественнаго возрожденія, В. Гюго нашелся вынужденнымъ олицетворять этотъ принципъ. Такимъ олицетвореніемъ представляется епископъ, одаренный всѣми христіанскими добродѣтелями, но личность, какъ типъ, положительно невозможная. Ни революціонныя идеи, ни ультрамонтанская реакція, ни воспитаніе католической семинаріи, ни общественныя эпохи не могли произвести такого типа. Предположимъ даже, что эта личность образовалась подъ вліяніемъ особенныхъ обстоятельствъ, но въ такомъ случаѣ это будетъ исключеніе, не позволяющее дѣлать никакихъ общихъ выводовъ. Предположимъ даже, что обстоятельства способны произвести нѣсколько Миріэлей — вліяніе ихъ будетъ непрочно, потому что ограничится преимущественно сферой воображенія и чувства. Обращеніе преступника будетъ непрочно потому, что произойдетъ вслѣдствіе обаянія свѣтлой личности, вслѣдствіе поклоненія авторитету; это бессознательное поклоненіе очень легко можетъ разрушиться подъ вліяніемъ другой личности, противоположнаго свойства. Одинъ авторитетъ легко можетъ замѣняться другимъ авторитетомъ, если вообще авторитету дается рѣшающая власть. Непрочность этого вліянія оказывается въ поведеніи Жана Вальжана. Если Миріэль успѣлъ внушить ему идею о необходимости перенести наказаніе въ этомъ мірѣ за прежніе грѣхи, онъ не долженъ былъ бѣжать изъ тюрьмы и скрываться отъ Жавера. Если же онъ считалъ преступленія свои искупленными, онъ не долженъ былъ ѣхать въ Аррасъ, — въ особенности съ такими эффектами, комизма которыхъ, къ сожалѣнію, не замѣтилъ авторъ, — и сознаваться, что онъ бѣглый каторжникъ. Та же несообразность оказывается и въ дальнѣйшемъ его поведеніи: онъ получаетъ милостыню и сторицей раздаетъ ее бѣднымъ — вѣрное средство обратить на себя вниманіе. Еслибъ еще онъ разыгрывалъ роль юродиваго — ну, тогда что дѣлать, а между тѣмъ такого поползновенія нисколько не видно... Вообще Жанъ Вальжанъ ясно представляетъ несостоятельность обращенія, основаннаго на одномъ чувствѣ: обращенный будетъ ставить самъ себя безпрестанно въ непріятныя положенія и разыгрывать роль донъ Кихота, не отдавая себѣ отчета во взаимномъ отношеніи вещей, т. е. дѣлаясь мономагомъ. Точно такъ же неудачна фигура Жавера; если на епископа и каторжника авторъ не пожалѣлъ розовой краски, за то Жавера онъ съ ногъ до головы обрисовалъ тушью. Какъ всякая крайность, эта личность кажется олицетвореніемъ извѣстной идеи, а не живымъ типомъ изъ дѣйствительнаго общества. Многочисленныя историческія отступленія, крайняя кудреватость языка, давно уже мѣшающія

читать Гюго съ полнымъ удовольствіемъ, и безпрестанныя перорации нельзя назвать счастливыми качествами романа. Историческій фатализмъ и неокатолическая ревность мѣшаютъ автору правильно оцѣнивать событія, а упомянутыя перорации такъ часты, что, по словамъ одного критика, Ньютону пришлось бы читать романъ безъ шляпы на головѣ. Но всѣ эти недостатки искупаются твердой вѣрой въ прогрессъ, неподдѣльной теплотой чувства, яркостью изложенія и мастерскимъ воспроизведеніемъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ. Тенардье, Гаврошъ, Монпарнасъ съ товарищами, Мабефъ и другіе заставляютъ забывать о Мириэль и Вальжанѣ, а картины нищеты и бѣдствій несчастныхъ пролетаріевъ оставляютъ въ душѣ глубокое впечатлѣніе.

Послѣ Гюго слѣдуетъ поставить Жоржъ Занда, хотя капитальное ея произведеніе, «Маркизь Вилльмеръ», относится къ 1861 году. Два сердца, разлучаемыя свѣтскими условіями, торжествуютъ надъ ними — вотъ идея романа. Маркизь и чтица, двѣ натуры страстныя, благородныя, но сосредоточенныя, составляютъ главную группу. Маркизь, весь погруженный въ себя, не осмѣливается любить, не осмѣливается признаться въ любви: скромность и общественные предрассудки мѣшаютъ ему; но любовь женщины даетъ ему сознаніе и силу разбить эти препятствія. Второстепенныя лица романа очерчены не менѣе искусно: старая маркиза, набитая аристократической спѣсью, молодой мотъ герцогъ, готовый на всякую спекуляцію, чтобы поправить состояніе, севенскій крестьянинъ простой и добрый, но непоколебимый въ исполненіи своего долга — напоминаютъ лучшія произведенія Жоржъ-Занда; превосходно набросанныя картины природы и отсутствіе разсужденій увеличиваютъ достоинство романа.

Не менѣе Жоржа Занда сочувствуетъ народу Альфредъ Ассоланъ (Assolant); но ему далеко до знаменитой романистки, хотя безспорно у него есть значительная доля таланта. «Клодъ и Жюльетта» представляетъ бѣднаго живописца, прозваннаго Квазимодо за свое безобразіе, влюбленнаго въ хорошенькую швею, спасенную имъ на бульварѣ отъ преслѣдовавшей площаднаго волокиты. Жюльетта чувствуетъ къ нему сначала благодарность, потомъ любовь; но это чувство не успѣваетъ въ ней развиться: Фатъ Бюриданъ, товарищъ Клода, увлекаетъ ее своей блестящей внѣшностью, но счастье ея продолжается только три мѣсяца, и она слезами и униженіемъ должна заплатить за свою неопытность.

Другая повѣсть Ассолана, «Rose d'Amour», изображаетъ любовь и страданія бѣдной дѣвушки изъ простолюдинъ; «Жанъ Розье» имѣетъ предметомъ народный героизмъ въ эпоху республики и консульства; къ чести автора, онъ не впалъ въ этомъ случаѣ въ шовинизмъ, даже отвесивъ къ нему сатирически.

Къ сатирическому же роду слѣдуетъ отнести «*La nouvelle Babylone*» Пеллытана, «*Lettres de Province*» Совестра, «*Le Nouveau Seigneur de village*» Сарсэ. «Современникъ» имѣлъ уже случай говорить о книгѣ Пеллытана и характеризовать его, въ сущности филистерскій, взглядъ на вещи, который многіе приняли за послѣдній либерализмъ.

Книга Совестра, впрочемъ очень небольшая, по нашему мнѣнію, несравненно удачнѣе попадетъ на настоящее зло. Между тѣмъ какъ Пеллытанъ вздумалъ привести въ испорченный и гибнущій Парижъ провинціала, представителя мнимой невинности нравовъ и благонамѣренной гражданской добродѣтели, Совестръ напротивъ поселяется въ провинцію и рассказываетъ оттуда редактору *Opinion National*, что происходитъ кругомъ него, въ этой мнимо неиспорченной провинціи. Совестръ рассказываетъ дѣло очень просто, въ видѣ своихъ собственныхъ приключеній; у него нѣтъ никакихъ экзальтированныхъ обращеній, никакихъ искусственно поддѣланныхъ эффектовъ, но цѣлое производитъ, не смотря на то, впечатлѣніе, несравненно сильнѣйшее, чѣмъ трескучая книга Пеллытана. Намъ становится истинно жаль несчастную провинцію, описанную имъ; между тѣмъ какъ сокрушенія Пеллытана о безправственности Парижа сходятъ наконецъ на комическое.

Существенный предметъ книги Совестра — изображеніе того владычества, которое пріобрѣла себѣ въ провинціи клерикальная партія. Совестръ отдѣляетъ изъ своего суда нѣкоторую часть духовенства, которая честно исполняетъ, по своимъ понятіямъ, свой религіозный долгъ, но не вмѣшивается въ политическую интригу и нисколько не участвуетъ въ эксплуатаціи несчастнаго народа. Эта эксплуатація принадлежитъ главнымъ образомъ іезуитамъ и множеству разныхъ духовныхъ братствъ, которыя хотя и не называются іезуитскими, но въ сущности составляютъ покорныя філіаціи этого ордена.

Эти братства и общества, вѣрно исполняющія требованія своихъ центральныхъ властей и сами вѣрно разсчитывающія то, что можно извлечь изъ мѣстныхъ условій, совершенно опутываютъ населенія маленькихъ городковъ и общинъ. Дѣйствуя на религіозное чувство, они достигаютъ очень ловко и всѣхъ другихъ, нерелигіозныхъ цѣлей, успѣваютъ забрать въ свои руки даже семейную жизнь своихъ поклонниковъ и управляютъ по собственному желанію дѣлами общины, выдвигая тѣхъ, кто оказываетъ имъ содѣйствіе, и преслѣдуя тѣхъ, кто обнаруживаетъ непокорство и оппозицію. Имъ удастся играть важную роль на выборахъ, они собираютъ значительныя суммы на *denier de St. Pierre*, они экзальтируютъ народъ въ пользу «угнетеннаго» св. отца, собираютъ не мало денегъ и въ свою собственную пользу. Эта мелкая пропаганда, разсѣянная по всей Фран-

цій, успѣваетъ наконецъ составлять такую оппозицію, которая заставляетъ правительство и даже дѣлать ей значительныя уступки въ римскомъ вопросѣ.

Религіозное чувство крайне грубо въ массѣ французскаго народа, и религіозныя общества довольствуются самыми незамысловатыми средствами, чтобы поддерживать въ вѣрующихъ должную степень усердія. Общества стараются въ особенности завлекать вѣрующихъ въ свои члены, и за исполненіе какихъ нибудь обрядностей снабжаютъ ихъ самыми щедрыми индульгенціями. Кромѣ этой раздачи индульгенцій, доходящей до крайняго безстыдства съ одной стороны, и до крайняго отупѣнія съ другой, общества приобрѣтаютъ много прозелитовъ и денегъ другими средствами, продажей четокъ, книжекъ съ описаніями разныхъ новѣйшихъ чудесъ, чудотворныхъ вещей и т. п. Оборотъ компаніи, которая занимается этимъ, доходитъ до нѣсколькихъ милліоновъ, не смотря на то, что всѣ эти чудотворныя четки и т. п., съ которыми не рѣдко также соединяются индульгенціи продаются чрезвычайно дешево.

Совестръ приводитъ въ своихъ письмахъ выписки изъ тѣхъ книжекъ, которыя этимъ путемъ массами распространяются въ народѣ. Не читавши этихъ вещей, трудно повѣрить, до какой степени можетъ доходить это сознательное религіозное развращеніе народа: самыя дикія суевѣрія, самыя нелѣпыя предразсудки распространяются въ народѣ самымъ духовенствомъ, съ вѣдома высшихъ духовныхъ властей и съ согласія свѣтской администраціи. Въ то время, когда, въ 40-хъ годахъ, шла знаменитая борьба между французскимъ университетомъ и іезуитами, когда Эдгаръ Кинэ и Мишлэ писали противъ нихъ свои восторженные памфлеты, тогда обратили вниманіе и на эту развращающую литературу, которой іезуиты старались усиливать свое вліяніе на массу, распространяя суевѣріе. Одинъ изъ членовъ французскаго университета собралъ нѣсколько документовъ этой литературы и разсказалъ, чѣмъ угощаютъ іезуитскія общества свою духовную паству. Но это не произвело никакого дѣйствія. Черезъ двадцать лѣтъ мы встрѣчаемъ у Совестра тѣ же ужасающіе факты, но и теперь это вѣроятно останется безъ всякаго дѣйствія.

Такимъ путемъ достигается и политическое значеніе духовенства и клерикальной партіи. Они сильны народнымъ невѣжествомъ. Правительство какъ будто не замѣчаетъ этого.

Подобную тему беретъ въ своей книгѣ и Сарсэ. У него мы видимъ новую сторону провинціальнаго рабства. Одинъ парижскій чиновникъ, удалившись отъ службы, думаетъ провести остальные дни своей жизни въ сельскомъ уединеніи. Тупоумный буржуа восхваляетъ права, добытыя революціей 89 года. Пріѣхавъ на мѣсто, онъ

разочаровывается: вся коммуна находится во власти одного богатого собственника, который по своему вліянію на выборахъ, при поддержкѣ ультрамонтантовъ, и какъ членъ генеральнаго совѣта, держитъ въ своихъ рукахъ даже подпрефекта; честный, простодушный сельскій священникъ запутывается въ сѣтяхъ интригана аббата, послушнаго орудія въ рукахъ политическаго и религіознаго фанатизма; приходскій учитель, не смотря на симпатію населенія, едва не умираетъ съ голоду по недостатку учениковъ, которые разными нечистыми средствами захвачены іезуитскими воспитательными обществами. Сынъ нашего буржуа, молодой журналистъ, приходитъ въ негодованіе отъ всѣхъ этихъ подлостей, пробуетъ бороться съ ними, но испытываетъ полное пораженіе. Картина этого общества начерчена г. Сарсэ превосходно, но, къ несчастію, интересъ романа много терлетъ отъ раздвоенности дѣйствія: любовь журналиста къ дочери одного нѣмецкаго музыканта и разсужденія о музыкѣ очень не кстати ослабляютъ силу политическаго памфлета.

Перейдемъ къ поэзіи. Бонапартисты и клерикалы не имѣютъ ни одного порядочнаго лирическаго поэта, кромѣ Лапрада, но и тотъ въ послѣднее время своими сатирами перешелъ на сторону либераловъ; оппозиція можетъ представить ихъ нѣсколько, хотя, строго говоря, ни одинъ изъ нихъ не выдерживаетъ слишкомъ большихъ требованій. Понтависъ де-Геесей въ своихъ *Poèmes virils* возстаетъ противъ царства силы, попирающей право. Его «Скованный Прометей» служитъ полнѣйшимъ выраженіемъ этой идеи. «*En province*» представляетъ печальныя слѣдствія централизаціи для Франціи.

La France meurt de faim et Paris de pléthore.

La colère de Forgeron развиваетъ ту же идею и дополняетъ картину. *Elohim* караетъ мелкихъ современныхъ божковъ:

*En se découronnant des splendeurs d' un vain titre,
Au fond du cœur humain ils se sont fauflés,
Ils entrent au logis sans casser une vitre:
Les dieux de notre temps sont tous de fausses clés.*

Авторъ сельскихъ стихотвореній, Жозефъ Огранъ, въ новыхъ своихъ произведеніяхъ продолжаетъ свои гимны деревнѣ; стихъ его, часто небрежный и прозаичный, становится крѣпкимъ и звонкимъ, какъ скоро коснется до любви къ свободѣ:

*Femme de laboureur, matrone au flanc robuste,
Laisse moi t'admirer dans ton grave maintien!
Femme à la main vaillante, à l'âme droite et juste,
D'une reine en sa pourpre, et dans sa grace auguste
Le prestige, à mes yeux, n'efface pas le tien!*

Лековт-де-Лиль отличается яркой образностью, прекрасным стихом и стремлением сохранить местный колорит; но содержание его поэзии ограничено. Эдуард Гренье принадлежит, как и Максим Дюкань (Ducamp) к поэтам будущего; идеал его в будущем освобождении страждущего человечества: «Смерть вечного жид», «Эльковань», «Освобожденный Прометей» представляют развитие этой идеи. Но таланта его недостает для нея: тон не выдержан, лица не везде верны самим себе, довольно прозаичных стихов.

Мы не говорим ничего о Боделер, который после своих знаменитых «Fleurs du Mal» не произвел ничего замечательного, ни о поэтах-дидактиках, вздумавших переложить в стихи политическую экономию, — это значило бы напрасно тратить время.

Песня всегда играла во Франции важную роль: куплеты Бераже нанесли удары страшнее оружия; не менее велико влияние Пьера Дюпона, предводителя и бдителей рабочего класса; за ними смело, можно поставить Надо и сына знаменитого Дезоже. Можно ожидать также очень хороших вещей от Армана Лиотара, редактора журнала «La Chanson».

Из драматических произведений стоит упомянуть только о драме Жорж-Занда и Поля Мериса: «Les Beaux Messieurs de Bois-Doré». Театральные условия теперь слишком неблагоприятны для проявлений оппозиции.

Ни один отдел так не богат в либеральном направлении, как исторический. Целая школа историков и публицистов проповедует децентрализацию. Бешарь, Курно, Жюль Симонь, Реньо Токвиль, Огильон Барро и многие другие присоединились к этой школе.

В главе либеральной исторической школы стоит Мишле; но в последнее время он стал давать слишком много воли воображению и пренебрегать фактами: от этого часто попадаются неясные места, которые тем труднее понять, что он говорит иногда вскользь, забывая, что большинство читателей вовсе не специалисты в истории. Не смотря на эти недостатки, его «Людовик XIV и герцог бургонский» составляет замечательное явление. Характер великого короля понятен им совершенно: мишурное величие его разоблачено.

Не менее замечательны сочинения Шарраса и Кине о кампании 1815 года; первый особенно строго относится к Наполеону. «La Misère au temps de la Fronde», Фелье (Feillet), может в некоторых главах соперничать с лучшими историческими произведениями (Massacre et incendie de l'hôtel de ville). Луи Блан дал окончание своей истории революции; Бужарь — оправдание Дантона; Гамель — оправдание

Сенъ-Жюста; Карно издалъ весьма интересные мемуары о своемъ знаменитомъ отцѣ. По богатству матеріаловъ и добросовѣстности особенно замѣчательно сочиненіе Гамеля: онъ на голову разбиваетъ Кювилье-Флери, Баранта и Ламартина, представившихъ знаменитаго товарища Робеспьера въ ложномъ видѣ.

Гарнье — Паже недавно кончилъ свою исторію революціи 1848 года. Книга его замѣчательна множествомъ любопытныхъ фактовъ, большей частью довольно вѣрныхъ, но излишнее фразерство и мистическій фатализмъ много вредятъ его сочиненію; сверхъ того, вездѣ видѣтъ духъ партіи, желаніе оправдать неспособныхъ вождей революціи во Франціи, поставить Францію центромъ движенія, тогда какъ оно началось изъ Италіи. Изъ публицистовъ оппозиціи достойны вниманія Реклю, Тэнъ, Леваллуа, Лоранъ-Пиша. Статьи Реклю о рабствѣ въ Америкѣ, о положеніи рабочаго класса въ Европѣ—въ состояніи подѣйствовать на самаго хладнокровнаго читателя: сила мысли и граціозность изложенія, блестящаго поэтическими образами, дѣлаютъ его однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ литературныхъ дѣятелей. Тэнъ—умъ живой и аналитическій, но онъ увлекается иногда въ произвольно-построенныя теоріи; но этотъ недостатокъ вознаграждается яснымъ изложеніемъ предмета и богатствомъ подробностей. Эти писатели замѣчательны сверхъ того тѣмъ, что обратили должное вниманіе на усиѣхи естественныхъ наукъ и дали имъ надлежащее мѣсто въ своихъ трудахъ. Лоранъ-Пиша употребляетъ критику, какъ средство къ пропагандѣ: онъ говоритъ о долгѣ поэзіи — служить общественному дѣлу; настоящее наводитъ на него глубокую грусть, но онъ не отчаявается въ будущемъ и вѣритъ въ благородные инстинкты массы. Петёфи, венгерскій патріотъ и поэтъ, и Кернеръ, патріотъ нѣмецкій — его герои и образцы; передъ Викторомъ Гюго онъ преклоняется, но это не мѣшаетъ его критикѣ быть уакой. Въ этомъ отношеніи Леваллуа гораздо выше: симпатизируя не менѣе его всѣмъ благороднымъ идеямъ, онъ отличается крайней добросовѣстностью: онъ изучаетъ своихъ политическихъ противниковъ, и если порицаетъ ихъ, то всегда на основаніи положительныхъ данныхъ, а не въ угоду своей партіи; онъ сочувствуетъ не одной политикѣ, но и наукѣ, и искусству.

Но однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей новой просвѣтительной литературы во Франціи слѣдуетъ назвать Эрнеста Ренава. Въ послѣднее время ему пришлось въ особенности занять собой общественное вниманіе, сдѣлаться предметомъ или причиною толковъ, ожесточенныхъ нападокъ, даже уличныхъ сценъ и демонстрацій. Довольно страннымъ можетъ показаться, что такая роль выпала на долю ученаго, ближайшую и первую спеціальность котораго составляютъ

семитическіе языки. Но дѣло въ томъ, что гдѣ бы ни двигалась наука, въ области ли естественныхъ наукъ, на которыя такъ нападаютъ теперь обскуранты, въ области ли изученія человѣка, земли, исторіи, наука вездѣ вызываетъ противъ себя злобныя нападенія тѣхъ, чьимъ пользамъ вредитъ она разрушеніемъ предрассудковъ и суевѣрій. Читателю извѣстно вѣроятно, что Эрнестъ Ренанъ въ послѣдніе годы вызвалъ противъ себя ожесточенную іезуитскую и клерикальную оппозицію, какъ профессоръ въ *collège de France*. Онъ приглашенъ былъ читать семитическіе языки. Курсу его должно было предшествовать общее введеніе, въ которомъ онъ долженъ былъ изобразить важность изученія этихъ языковъ и историческое значеніе семитическихъ народовъ въ культурномъ развитіи человѣческаго рода. Ученая репутація Ренана была извѣстна: съ одной стороны она привлекла массу слушателей, проникнутыхъ желаніемъ слушать бесѣду знаменитаго оріенталиста; съ другой, она возбудила подозрѣніе клерикаловъ, которые видѣли въ ученыхъ приемахъ Ренана злостное отрицаніе, или даже прямой атеизмъ.

Что Ренанъ—нисколько не атеистъ, это извѣстно хорошо каждому, кто нѣсколько знакомъ съ его сочиненіями. Тѣмъ не менѣе клерикалы возстали на него такъ, какъ будто въ самомъ дѣлѣ шелъ вопросъ о проповѣди безбожія. Въ мирномъ *collège de France* повторились сцены, какихъ не бывало со временъ борьбы университета съ іезуитами въ сороковыхъ годахъ. Но теперь дѣло кончилось иначе: тогда масса публики и молодежи своими восторженными заявленіями отдала рѣшительный верхъ энергическимъ профессорамъ; теперь,— правда, нельзя было также пожаловаться на недостатокъ сочувствія въ публикѣ къ Ренану, но дѣло все-таки кончилось неудачно. Только что начатый курсъ былъ закрытъ самимъ правительствомъ, — опять жалкая уступка клерикальнымъ притязаніямъ.

Въ шестидесятихъ годахъ Ренанъ провелъ довольно много времени въ Палестинѣ, завѣдуя ученой экспедиціей, посланной французскимъ правительствомъ. Это ближайшее изученіе тѣхъ мѣстъ, которыя были первой колыбелью христіанства и первымъ источникомъ его распространенія, дали ему мысль написать исторію этого великаго событія, т. е. исторію происхожденія и первыхъ вѣковъ христіанства. Огромная оріентальная ученость Ренана, внимательное изученіе историческихъ текстовъ и мѣстностей, критическая тонкость его свѣтлаго ума, великолѣпный литературный талантъ этого писателя, давали право ожидать отъ него замѣчательнаго произведенія. Трудъ его будетъ состоять изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ сочиненій — во первыхъ, земная жизнь Спасителя; во вторыхъ, исторія св. апостоловъ и т. д. Теперь начало труда появилось: «*Vie de Jésus*» вышла

въ нынѣшнемъ году и уже имѣла четыре, а можетъ быть, и больше изданій. Судя по отзывамъ иностранныхъ журналовъ, по живому впечатлѣнію, которое произвела книга при своемъ появленіи, надобно предполагать, что въ этой книгѣ Ренанъ остался вѣренъ прежнимъ качествамъ своего таланта и своего знанія.

Оппозиціонная литература выразила свою дѣятельность и въ другихъ отрасляхъ науки и искусства: «Физиологія мысли» Лелю; Истинный положительный Колумбъ» Дешанеля; «Исслѣдованія о христіанствѣ» Мирона; переводы Милля, Гервинуса, Лейбница, Канта, Гете, путешествій Ливингстона и Бертона, вотъ пріобрѣтенія, сдѣланныя меньше чѣмъ въ два года. Жаль что очередь не дошла до Бокля. Переводовъ впрочемъ вообще мало во французской литературѣ: національное самолюбіе все еще продолжаетъ увѣрять французовъ, что они передовая нація просвѣщенія, и невниманіе къ чужимъ трудамъ доходитъ иногда до непозволительнаго. Даже въ естественныхъ наукахъ, гдѣ господствуетъ круговая порука изслѣдованія, они часто не знаютъ того, что дѣлается напр. хоть нѣмецкими учеными.

Мы не сказали еще о многомъ замѣчательномъ въ новой французской литературѣ, не говорили даже о Прудонѣ, но думаемъ, что читатель и изъ этого очерка можетъ видѣть, что въ цѣломъ стѣснительныя мѣры послѣдняго времени способствовали только къ упадку литературы; что всѣ замѣчательные таланты перешли на сторону оппозиціи; что народное развитіе совершается, не смотря на всѣ полагаемые ему препятствія, и еще недавно послѣдніе выборы показали, что либеральная партія сдѣлала нѣсколько значительныхъ пріобрѣтеній.

КЛАССИЧЕСКІЯ ИЛИ РЕАЛЬНЫЯ ГИМНАЗІИ?

(По поводу спора гг. Каткова и Леонтьева съ г. Вороновымъ).

Этотъ вопросъ недавно злѣйшимъ образомъ, по обыкновенію, дебаттировался въ «Современной Лѣтописи» противъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, который пришелъ къ убѣжденію, что у насъ необходимо основаніе реальныхъ гимназій. Г. Вороновъ отвѣчалъ на нападки «Лѣтописи»; «Лѣтопись», какъ извѣстно, возраженій не любитъ, во всякомъ спорѣ хочетъ остаться съ послѣднимъ словомъ, какъ извѣстная особа въ народномъ анекдотѣ, утверждавшая, что «стрижено, а не брито», и послѣ отвѣтовъ тѣмъ паче возстала и противъ ученаго комитета, и противъ г. Воронова. Въ чемъ же дѣло?

Дѣло очень просто. Когда въ ученомъ комитетѣ министерства обсуждался новый проектъ устройства среднихъ учебныхъ заведеній, комитетъ нашелъ, что они должны быть двухъ разрядовъ: классическія, съ преобладающимъ преподаваніемъ древнихъ языковъ, и реальные, съ преобладающимъ преподаваніемъ языковъ новыхъ и естественныхъ наукъ. О томъ, какъ распредѣлятся существующія уже гимназіи по этимъ разрядамъ, комитетъ не говорилъ, находя только, что устройство гимназій въ томъ или другомъ направленіи должно основываться на мѣстныхъ потребностяхъ. Резоннѣе трудно было разсуждать объ этомъ предметѣ. Но, не смотря на то, въ одно прекрасное утро «Современная Лѣтопись» разразилась своимъ юпитеровскимъ гнѣвомъ и противъ проекта вообще и противъ реальныхъ гимназій въ особенности. Она не пожалѣла никакихъ средствъ, бывшихъ въ

ея распоряженіи, чтобы доказывать, что реальныя гимназій будутъ гибелью нашего образованія, что они (буквально) могутъ принести Россіи бѣдствіе, равносильное голоду (!), мору (!!) и страшно-му пораженію (!!!).

Уже изъ этого послѣдняго обстоятельства, — что весьма обыкновенныя въ цѣлой Европѣ, отчасти даже и у насъ уже существующія невинныя реальныя школы кажутся «Современной Лѣтописи» такимъ страшнымъ бѣдствіемъ, — читатель можетъ видѣть, что гг. Катковъ и Леонтьевъ (они признали эти статьи «Современной Лѣтописи» трудомъ самой редакціи) далеко не обладали должнымъ хладнокровіемъ, когда рѣшали этотъ вопросъ. Мы сказали, что они употребили все средства, бывшія въ ихъ распоряженіи, для побіенія реальныхъ гимназій, но оказалось, что эти средства слишкомъ слабыя и слишкомъ ребяческія.

Реальныя гимназій кажутся такъ страшны гг. Каткову и Леонтьеву потому, главнымъ образомъ, что въ нихъ исключенъ будетъ греческій языкъ, въ которомъ они собственно и видятъ наше спасенье, и будутъ введены естественныя науки, которыя имъ ненавистны до послѣдней степени. Ученые мужи выражаются о нихъ съ ироніей, совершенно для насъ непонятной въ людяхъ сколько нибудь образованныхъ. «Естественновѣдѣніе у насъ рѣшительно въ модѣ. Духъ естествовѣдѣнія съ его фактической основой, съ его экспериментальными приѣмами проникаетъ, повидимому, всюду. Дитя своего времени, ученый комитетъ главнаго правленія училищъ, съ своей стороны не остается глухъ къ требованіямъ современности и, свергая, рутину, торопливо спѣшитъ на новыя пути» и т. д., и т. д. Когда гг. Каткову и Леонтьеву говорили о потребностяхъ времени, которыя сами вызываютъ изученіе естественныхъ наукъ, они впадаютъ въ ямбическій лиризмъ и держатъ слѣдующую гнѣвную рѣчь:

«Ученый комитетъ въ объяснительной запискѣ и г. Вороновъ въ своихъ статьяхъ не разъ ссылаются на духъ и потребности времени, которыя заявляютъ себя съ неотразимою силой и требуютъ новой жизни въ особыхъ школахъ на мѣсто ветхаго классическаго педантизма. Но *какого это времени духъ?* Не того ли, когда въ нашей умственной атмосферѣ стояло цѣлое облако неясныхъ понятій (теперь они разъяснились?) и зловредныхъ стремленій, когда первая мысль, какая бывало избредетъ въ шальную голову, преображалась въ радужный проэктъ радикальнаго преобразованія, когда утаенное отъ мудрыхъ открывалось младенцамъ, когда на университетскихъ дворахъ юные ораторы возглашали, что Европа взираетъ на нихъ, когда гимназисты начинали смотрѣть на себя какъ на естественныхъ учителей отсталого общества; когда шли въ гору наставники-прогрессисты, ди-

ректоры-либералы, полагавшіе, что надзоръ и воспитаніе есть старое педанство и возглашавшіе эманципацію школьниковъ отъ уроковъ и нравственнаго контроля (гдѣ это?); когда учебныя заведенія разваливались, а ихъ воспитанники развращались и умственно, и нравственно, и физически; когда логика и грамматика летѣли подъ столъ, Базаровъ ходилъ съ лягушками въ карманѣ, полагая, что дѣлаетъ серьезное дѣло (да вѣдь и вамъ охота вѣрить г. Тургеневу, гг. редакторы «Современной Лѣтописи»), Кукшина отправлялась въ Гейдельбергъ къ молодымъ русскимъ ученымъ, а комитетъ педагоговъ-специалистовъ приступалъ къ своимъ трудамъ? Но это время уже прошлое время. Это капиталъ, который уже никогда не воротится, и если кто еще одержимъ этимъ кошмаромъ, о томъ можно только жалѣть, какъ о человѣкѣ окончательно поврежденномъ».

Догадливый читатель пойметъ, что и дѣятельность ученаго комитета министерства «Современная Лѣтопись» считаетъ такимъ же дебоиствомъ, какъ и всѣ перечисленные выше. На сколько есть вѣроятности въ подобномъ отзывѣ автора, читатель можетъ заключить изъ того, что ученый комитетъ, усиленный для работъ по проектамъ новыхъ учебныхъ учреждений, составленъ былъ, кромѣ своихъ обыкновенныхъ членовъ, изъ лучшихъ учителей гимназій и директоровъ, людей, по большей части проводившихъ цѣлую жизнь въ педагогической профессіи. Этихъ-то спокойныхъ людей, излагавшихъ въ комитетѣ результаты своихъ педагогическихъ наблюдений, «Современная Лѣтопись» старается представить сборищемъ людей, чуть-чуть не грозящихъ общественному спокойствію. Знайте наконецъ мѣру, «Современная Лѣтопись»! Изображеніемъ этого ужаснаго духа времени, когда возникла и мысль о реальныхъ гимназіяхъ съ естественными науками, гг. Катковъ и Леонтьевъ хотятъ запугать людей, дорожащихъ общественнымъ спокойствіемъ, и внушить имъ, какой опасностью грозятъ естественныя науки, за которыя принялись у насъ въ такое безпорядочное время. Мы увидимъ дальше, что ученые гг. Катковъ и Леонтьевъ ошиблись здѣсь въ хронологіи. Этого мало: неудовлетворяясь инскажаніемъ и намекомъ, они объявляютъ прямо, что естественныя науки ведутъ къ матеріализму и безбожію... Гг. Катковъ и Леонтьевъ зашли такъ далеко, что не замѣчаютъ уже, какимъ младенчествомъ начинается отзываться ихъ безсильная злоба противъ естественныхъ наукъ. Какъ люди оба ученые, они пусть припомнимъ наприимѣръ хоть тотъ фактъ, что когда началось такъ называемое «возрожденіе», т. е. началось первое настоящее и ревностное изученіе классическихъ языковъ, гуманисты подвергались тѣмъ же самымъ обвиненіямъ въ безбожіи, т. е. неуваженіи къ католической церкви, и въ матеріализмѣ, которому они научались изъ древнихъ филосо-

фовъ. Пусть ученые редакторы вспомнятъ этотъ фактъ и разберутъ, какую роль играли тогда противники и обвинители гуманистовъ. Роль естественныхъ наукъ теперь та же самая.

Было бы конечно лишнее входить въ длинныя препирательства съ «Современной Лѣтописью» о духѣ времени, но мы считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ объ этой странной филиппикѣ противъ естественныхъ наукъ, потому что есть еще, къ сожалѣнію, люди, которые могутъ повѣрить этимъ раздражительнымъ рѣчамъ и не замѣтятъ всей ихъ фальшивости.

Г. Вороновъ, къ которому собственно адресовалась полемика «Современной Лѣтописи», отвѣчалъ ей (въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ») очень благоразумно, что духъ времени, о которомъ говорилось, есть именно тотъ же духъ, который и въ Европѣ создалъ массу реальныхъ училищъ рядомъ съ классическими гимназіями; что это тотъ же духъ времени, который создаетъ желѣзныя дороги, электрическіе телеграфы, и кромѣ того, армстронговы пушки и панцирные корабли; что наконецъ это тотъ духъ, которому Европа такъ обязана въ отношеніи своего матеріальнаго благосостоянія и неразрывно съ нимъ связаннаго умственнаго и нравственнаго успѣха. Г. Вороновъ прибавляетъ, что гг. Катковъ и Леонтьевъ ошиблись въ своемъ изображеніи *духа времени* и тѣмъ, что не съ 1861 года, когда шумѣли студенты на университетскихъ дворахъ, а *гораздо раньше*, именно съ 1852 начато уже было введеніе естественныхъ наукъ и замѣненіе ими греческаго языка, гдѣ онъ былъ, въ русскихъ гимназіяхъ, т. е., другими словами, начато было измѣненіе гимназій въ реальныя училища.

Къ чему служило все ямбическое краснорѣчіе?

Ученый комитетъ былъ совершенно правъ, когда, говоря о необходимости реальныхъ гимназій, ссылаясь на потребности времени. Только человекъ, совершенно ослѣпленный (самолюбіемъ, духомъ партіи или иными вещами), можетъ думать, что въ настоящее время успѣхъ и процвѣтаніе русскаго просвѣщенія могутъ существовать при однихъ классическихъ гимназіяхъ. Мы уже имѣли однажды случай говорить о томъ, какъ жестоко ошиблись въ двадцатыхъ (и до сороковыхъ) годахъ наши ревнители классическаго образованія, думавшіе подвинуть имъ русское просвѣщеніе. Классическіе языки рѣшительно неудались въ нашихъ гимназіяхъ, а въ особенности греческій, на который всего больше и налегаютъ гуманисты. Въ 1819 году, по мысли гр. Уварова, въ новомъ положеніи о гимназіяхъ было провозглашено, что языки латинскій и греческій ставятся въ основу гимназическаго ученія. Но когда пришлось осуществить это рѣшеніе на дѣлѣ, оказалось, что едва отыскали одного учителя греческаго языка

для петербургской гимназіи, и то былъ иностранецъ Псомъ, выписанный на особыхъ условіяхъ изъ-за границы, а когда онъ оказался негоднымъ, то, по выбытіи его, мѣсто учителя греческаго языка въ гимназіи оставалось пустымъ цѣлый годъ, пока на эту должность не былъ назначенъ профессоръ де-Баллю. Въ уставѣ 1828 года изъ классическихъ языковъ поставленъ былъ въ гимназіяхъ только латинскій, а греческій языкъ, кромѣ гимназій, состоящихъ при университетахъ, рѣшено было вводить только *по мѣрѣ возможности* (см. Объясн. зап. къ проекту уч. ком.). Средствъ классическаго преподаванія, т. е. знающихъ людей, и послѣ недоставало почти въ той же степени; не въ одной гимназіи позднѣйшаго времени, гдѣ былъ греческій языкъ, принуждены бывали поручать преподаваніе семинарскимъ учителямъ. По расчетамъ г. Воронова, такое же смѣшное фiasco съ учителями классическихъ языковъ вышло бы и теперь, если бы у насъ дѣйствительно всѣ гимназіи сдѣланы были классическими, какъ этого желаютъ повидимому редакторы «Современной Литературы». Вотъ расчеты г. Воронова. «Положимъ,—говоритъ онъ,—что всѣхъ гимназій у насъ теперь околи 80; изъ нихъ, какъ намъ извѣстно, собственно филологическихъ, т. е. съ греческимъ языкомъ и усиленнымъ курсомъ латинскаго языка только семь: двѣ въ С.-Петербургѣ и по одной въ Москвѣ, Харьковѣ, Казани, Кіевѣ и Одессѣ, а въ остальныхъ, положимъ, семидесяти четырехъ гимназіяхъ проходитъ одинъ латинскій языкъ, и большею частію начиная только съ 4-го класса, при одномъ учителѣ въ каждой гимназіи. Съ превращеніемъ всѣхъ этихъ гимназій въ классическія по новому проекту, гдѣ полагается по два учителя для греческаго и по два для латинскаго языка (а меньше при большомъ числѣ уроковъ: 36 уроковъ на латинскій и 27 на греческій, нельзя), потребовалось бы вдругъ для латинскаго языка 74 учителя и для греческаго 148, всего — 222 филолога. Въдѣ цифра не маленькая и отыскать такое число учителей-филологовъ не легко». Извѣстно въ самомъ дѣлѣ, какъ бѣдны бываютъ всегда наши филологическіе факультеты сравнительно съ другими факультетами; да и прежде, и особенно въ послѣднее время, студенты занимались не столько латинскимъ и греческимъ языками, сколько русской или всеобщей исторіей, политической экономіей, славянскими нарѣчіями. Только людямъ, не обращающимъ вниманія на потребности времени, можно было не знать этого факта, или людямъ, не имѣющимъ понятія о состояніи нашего университетскаго образованія. Гг. редакторамъ слѣдовало бы знать хоть это: одинъ изъ нихъ до сей минуты профессоръ классической филологіи, другой былъ профессоромъ филологическаго факультета.

На чемъ же основано это пристрастіе къ классическимъ языкамъ?

Да все на томъ же старомъ предразсудкѣ, которому вѣрилъ нѣкогда и графъ Уваровъ, что изученіе классическихъ языковъ есть изученіе наиболѣе образующее «умъ и сердце», что оно приучаетъ къ правильному мышленію и т. д. Гг. Катковъ и Леонтьевъ дѣйствительно думаютъ, что преподаваніе другихъ предметовъ, напримѣръ, такихъ, какъ *всеобщая исторія и отечественный языкъ*, производитъ въ головѣ учащихся только *сумбуръ* (буквально), и что эти предметы служатъ только лучшими *проводниками фразерства и репетиторщины* (буквально). Предоставляемъ судить каждому, сколько обнаруживается въ этихъ словахъ педагогическаго знанія и такта. Для «Современной Лѣтописи» педагогическія правила не писаны; рѣшить все однимъ почеркомъ властной руки ничего не стоитъ. Но жаль, что ученые редакторы, вынесшіе изъ своего германско-классическаго образованія такую любовь къ древнимъ языкамъ, не потрудились даже, рѣшая такой важный вопросъ, хоть бѣглымъ образомъ познакомиться съ дѣломъ, т. е. хоть съ тѣми педагогическими мнѣніями, которыя высказаны были въ послѣднія десятилѣтія лучшими германскими педагогами въ защиту той или другой стороны, т. е. древнихъ языковъ или естественныхъ наукъ. Эта полемика, составляющая цѣлую литературу вопроса, могла бы освѣтить для нихъ настоящее положеніе дѣла, которое они рѣшаютъ теперь съ такой смѣлостью, но съ такимъ недостаткомъ элементарныхъ педагогическихъ понятій. Въ защиту изученія *отечественнаго языка* г. Вороновъ, для большаго убѣжденія ихъ вѣроятно, приводитъ нѣмецкій авторитетъ Дистервега. Мы думаемъ, что это довольно злая шутка надъ редакторами, которые въ послѣднее время выдали себя за исключительныхъ истолкователей отечественной націи.

Но вѣдь иностранные авторитеты также защищаютъ классическіе языки, скажутъ намъ; отчего же нельзя защищать ихъ «Совр. Лѣтописи»? Да, но иностранные авторитеты не защищаютъ ихъ съ такой исключительностью и нетерпимостью, у нихъ нельзя найти озлобленія противъ науки, хотя бы они и спорили противъ ея преподаванія въ школахъ. Теперь ни одинъ здравомыслящій педагогъ не сомнѣвается, что изученіе *отечественнаго языка* или вообще новыхъ языковъ дѣйствуетъ на учащагося такимъ же развивающимъ образомъ, какъ и изученіе древнихъ; но при всемъ томъ, для нѣмца и вообще для западнаго европейца есть историческое основаніе дорожить изученіемъ древнихъ языковъ. Европа основалась на римской почвѣ, долго жила римскими учрежденіями, языкъ ея церкви былъ языкъ латинскій, ея наука началась съ изученія древней цивилизаціи и унаслѣдованія достигнутыхъ ей результатовъ; наконецъ, преданія науки, долго жившей въ сферѣ классическаго изученія, сохраняютъ свою цѣну, особенно въ

Германин. Понятно, что классическое изученіе будетъ держаться тамъ упорно и только мало по малу уступать передъ новыми предметами науки и педагогіи. Объ этихъ особенныхъ историческихъ условіяхъ наши гуманисты совершенно забываютъ. Они забываютъ, что у насъ не было ничего подобнаго, что наша цивилизація заимствована не изъ Рима, что источникъ ея — новая, уже самостоятельная Европа, что наша земля не носила на себѣ никакихъ римскихъ учреждений, что наша наука не только не имѣетъ классической традиціи, но что, совершенно напротивъ, въ нашемъ школьномъ образованіи, не смотря на всѣ усилія ревнителей, высказывалось постоянно классическое невѣжество. Ясный признакъ того, что обществу навязывалась извнѣ насильственно и въ сильной степени потребность, которую оно чувствовало въ размѣрахъ несравненно болѣе умѣренныхъ. Мы не говоримъ вовсе, чтобы изученіе классическихъ языковъ было у насъ вовсе не нужно; совсѣмъ нѣтъ, но оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть у насъ тѣхъ размѣровъ, какихъ уже достигло въ западной Европѣ. У насъ древніе языки не составляютъ такого необходимаго ингредиента истиннаго образованія, какимъ они справедливо были въ Европѣ. Кромѣ того, знаніе древнихъ языковъ совершенно бесплодно, когда оно остается полужнаніемъ, какъ оставалось за крайне рѣдкими исключеніями у нашихъ учащихся; для этихъ языковъ нужно поэтому усиленное, настойчивое преподаваніе, котораго не выдержала бы масса нашихъ учащихся, и которому было бы совершенно бесполезно и подвергать ее. Къ чему греческій языкъ этой массѣ, большинство которой не встрѣтитъ послѣ въ своей практической жизни ни одного случая употребить въ дѣло и съ пользой свое знаніе? къ чему обремененіе памяти тяжелымъ грузомъ плохо заученныхъ греческихъ спряженій (потому что дальше ихъ и не уйдетъ большинство учащихся, что уже доказано горькимъ долготѣннымъ опытомъ)?

Гуманисты «Современной Лѣтописи» не хотятъ знать ничего этого. Мы бы и не стали спорить съ ними, но есть много людей, которые привыкли вѣрить на слово печатнымъ авторитетамъ (а такимъ авторитетомъ для многихъ служить «Русскій Вѣстникъ» и прочія его приважности), и ихъ-то мы имѣли въ виду. Мы надѣялись убѣдить ихъ, что есть дѣйствительное право за тѣми потребностями времени, которыя вызываютъ въ цѣлой Европѣ основаніе реальныхъ школъ; что притязанія исключительнаго гуманизма, имѣющія свой смыслъ въ западной Европѣ, совершенно неумѣстны у насъ, жившихъ подъ иными историческими и культурными условіями; что опытъ, уже сдѣланный русскими гимназіями въ прежнія десятилѣтія, показываетъ, что изученіе древнихъ языковъ дѣйствительно не

составляетъ для нашего общества такой потребности, которая бы требовала учрежденія классическихъ гимназій по всей Россіи...

Для человѣка, сколько нибудь вникавшаго въ движеніе современной мысли и стремленія практической дѣятельности, становится совершенно ясно, что съ одной стороны для умственного воспитанія и развитія естественныя науки могутъ служить не меньше, если не больше, чѣмъ головоломное изученіе грамматики мертвѣго языка и чтеніе писателей, идеи которыхъ отжили свой — хотя и славный — историческій вѣкъ; и съ другой стороны ясно, что эти естественныя науки даютъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимое основаніе для множества практическихъ и прикладныхъ изученій, которыя сдѣлались настоятельной потребностью при новомъ промышленномъ развитіи, и недостатокъ которыхъ на каждомъ шагу чувствуется въ нашемъ отечествѣ. Объяснять подробно необходимость изученія естественныхъ наукъ и реального знанія становится совершенно излишне. У насъ все еще нѣтъ своихъ нижеверовъ, техниковъ, машинистовъ; мы все еще за всякой малостью должны обращаться въ своихъ промышленныхъ предпріятіяхъ къ нѣмцамъ и англичанамъ. Еще недавно рассказано было въ газетахъ, что за разработку каменно-угольныхъ копей, открывшихся въ вятской или пермской губерніи (не ближе), берется бельгійская (!) компанія: собственнаго умѣнья не хватаетъ, и конечно половина, если не больше, своего богатства будетъ пропадать отъ собственнаго невѣжества. А тутъ, когда нужно разработывать угольныя копи и строить желѣзныя дороги, у насъ клянутъ реальныя школы и рекомендуютъ изученіе Эуклида!

Эта потребность времени чрезвычайно ясно выразилась наконецъ и въ литературѣ. Стоитъ только взглянуть на то огромное количество книгъ по естественной исторіи, которыя были изданы въ послѣднее время и не рѣдко имѣли чрезвычайный успѣхъ въ публикѣ, чтобы увидѣть, что дѣло идетъ не о модѣ, а о дѣйствительномъ интересѣ общества. Это вовсе не одни популярныя книги, на которыя только и могла бы покуситься мода; нѣтъ, это цѣлыя курсы физиологій, химій, физики, анатомій, геологій и т. д. и т. д., чтеніе ихъ требуетъ извѣстнаго напряженія вниманія, слѣд. можетъ быть только чтеніе серьезное; публика ихъ — не одни студенты медицинскаго или естественнаго факультета, какъ это бывало прежде; теперь это публика болѣе обширная, изъ различныхъ слоевъ общества, очень часто люди практической профессіи, чувствующие недостатокъ своего прежняго воспитанія. Присоедините къ этому развитію литературы естественныхъ наукъ особенный наплывъ студентовъ въ физико-математическіе факультеты университетовъ, и для насъ станетъ еще болѣе несомнѣнно, что этотъ вкусъ къ естественнымъ наукамъ явленіе не

случайное. Наша увѣренность идетъ собственно еще дальше. Мы убѣждены, что это явленіе не только не случайно, но что оно на очень долгій періодъ времени останется прочно въ нашемъ обществѣ. Оно тѣсно связано и съ попытками самостоятельности, которыя уже давно дѣлаетъ русское просвѣщеніе и которыя только теперь начинаютъ становиться дѣйствительными, и кромѣ того оно связано съ нашей практической и промышленной дѣятельностью, которая начинаетъ наконецъ сознавать свои слабыя стороны и прибѣгать къ помощи науки. Мы не думаемъ, чтобы наше будущее, ближайшее и болѣе отдаленное, было такого рода, чтобы стало стѣснять и эти попытки самостоятельнаго русскаго просвѣщенія и расширенія практической промышленной дѣятельности: поэтому естественнымъ наукамъ несомнѣнно и въ будущемъ предстоитъ роль, — роль эта будетъ конечно счастливѣе и богаче, чѣмъ теперь.

Въ настоящее время учрежденіе реальныхъ школъ было бы самымъ разумнымъ дѣломъ, какое только можетъ быть сдѣлано въ пользу русскаго образованія. Учрежденіе ихъ совпало бы съ настоятельно-высказывающимися потребностями общества, научными и практическими; потребности эти совершенно законны, положительно разумны и потому имѣютъ полное право на удовлетвореніе. Государство, которому принадлежитъ высшее распоряженіе школами, однимъ учрежденіемъ реальныхъ училищъ, принесло бы великую пользу и своимъ интересамъ, и обществу: распространеніе реального знанія отразилось бы благотворительно и на интеллектуальномъ развитіи общества, и на промышленно-практическихъ отношеніяхъ страны.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НОВЫЯ КНИГИ.

Повѣсти Кохановской. Москва 1863 г. 2 тома.

Литературная извѣстность г-жи Кохановской начинается повѣстью «Послѣ обѣда въ гостяхъ», которая и донынѣ остается лучшимъ ея произведеніемъ. Талантъ этой писательницы очень симпатиченъ, хотя ея отношенія къ описываемой дѣйствительности замѣчательно односторонни. Сущность этихъ отношеній можно опредѣлить такъ: каждый человѣкъ имѣетъ возможность самъ создать для себя жизненную обстановку; передъ нимъ добро или зло, но выборъ того или другаго зависитъ отъ него самого. Такимъ образомъ, человѣкъ представляется существомъ изолированнымъ въ своей свободѣ, и потому всецѣло несущимъ на себѣ отвѣтственность за дѣла свои. Откуда пришла къ нему эта свобода жизненнаго творчества, и дѣйствительно ли существуетъ такая свобода—это не полагается подлежащимъ какой либо повѣркѣ, а просто принимается, какъ фактъ глухой, почти имѣющій значеніе оффиціальнаго, изъ котораго слѣдуетъ выводить всевозможныя жизненныя положенія и отрицанія. Можно догадываться, однакожь, что и эта аксіома есть плодъ наблюденія, но наблюденія грубаго и очень неглубокаго, въ родѣ того, напримѣръ, что когда человѣкъ на пути встрѣчаетъ лужу, то отъ него зависитъ или обойти ее, или идти въ грязь. Человѣчество младенствующее и небогатое званіемъ очень склонно къ подобнаго рода грубымъ наблюденіямъ и къ еще болѣе грубымъ обобщеніямъ ихъ. До повѣрки (а повѣрка эта, вслѣдствіе разныхъ условій, о которыхъ здѣсь не мѣсто говорить, всегда идетъ

очень медленно), эти обобщенія называются истинами и носят характеръ непреложности: «объ этомъ не смѣй думать, а вотъ объ этомъ не смѣй говорить». Совокупность подобныхъ истинъ, по теоріи г-жи Кохановской, именуется нравственнымъ кодексомъ, во главѣ котораго самымъ крупнымъ перломъ красуется истина, гласящая о свободѣ жизненнаго творчества. Въ силу ея, несчастіе, порокъ и заблужденіе не составляютъ результата непріязненнымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ, а суть естественныя и прямыя слѣдствія свободно направленной человѣческой воли. Исторія для человѣка не существуетъ, равно какъ не существуетъ того крѣпко сложившагося жизненнаго строя, который втягиваетъ въ себя всего человѣка и сковываетъ всѣ его движенія; то есть, коли хотите, они и существуютъ, но существуютъ вовсе не въ смыслѣ оправданія человѣческихъ заблужденій и уклоненій, а для того единственно, чтобы вызвать въ человѣкѣ безусловную покорность.

Повидимому, между выраженіями: «безусловная покорность» и «свободное творчество» существуетъ противорѣчіе, но это противорѣчіе мнимое и легко улаживается посредствомъ прибавленія къ послѣднему выраженію слова «разумное». Значеніе этого слова не для всякаго ума понятно, но изобрѣтеніе его тѣмъ не менѣе драгоцѣнно, ибо слово это полагаетъ конецъ безчисленнымъ и безконечнымъ спорамъ. Скажите, напримѣръ, человѣку, что въ такомъ-то дѣлѣ необходимо наблюдать осторожность, онъ сейчасъ же заспоритъ; онъ будетъ говорить, что осторожность понятіе относительное, что иногда осторожность хуже риска и т. д. и т. д.; но скажите ему: необходимо наблюдать осторожность «разумную», онъ сейчасъ же пойметъ и пребудетъ безмолвенъ. Въ приложеніи къ выраженію «свободное жизненное творчество», слово «разумное» означаетъ врожденную человѣку способность различать между добромъ и зломъ. Что эта способность человѣку врожденна, это тоже фактъ глухой, выведенный изъ той же категоріи наблюдений, о которой говорено выше. Что же касается до понятія о добрѣ и злѣ, то и оно не упало съ неба и не выползло изъ мозговъ человѣческихъ во всеоружіи, а тоже составляетъ плодъ наблюдений и обобщеній. Въ первоначальной формѣ можно эти наблюденія формулировать такъ: вотъ пунктъ, къ которому ты хочешь придти; къ нему ведетъ торная дорога, по которой до тебя ходили и Иванъ, и Петръ; слѣдовательно, если и ты пойдешь по этому пути, то не рискуешь ни поскользнуться, ни завязнуть, ни сломать себѣ шею—это добро; если же ты своротишь въ сторону, то непременно встрѣтишься съ разными случайностями, которыя могутъ привести тебя къ гибели, — это зло. Будучи перенесено въ сферу болѣе обширную, это наблюденіе перефразируется такъ: добро есть все испытан-

ное, удовлетворенное и установившееся; зло — все ищущее, порывающееся, неудовлетворенное и протестующее. Но если добро полезно, а зло вредно, то хотя человек и имеет возможность выбора между тем и другим, однако же он обязан добровольно покориться первому, а не последнему, потому что в противном случае выбор его не будет заслуживать наименования «разумного», и он сам рискует понести тяжкую ответственность за «злоупотребление» своей свободой. И таким образом свобода жизненного творчества, которою обладает человек, является уже не просто свободою, а свободою разумно-покорною...

Вот нравственная теория, которую всякий, даже непрозорливый читатель может извлечь из сочинений г-жи Кохановской.

Практические последствия такой теории столь же ясны, как и она сама. Это просто поголовное обвинение всего, что чувствует себя стесненным и неудовлетворенным и имеет силу или смелость протестовать, и сугубое поголовное оправдание всего, что хотя тоже чувствует себя угнетенным, но имеет силу и смелость покоряться. Г-жа Кохановская имеет особенное пристрастие к этому последнему взгляду на жизнь; она очень часто заставляет своих героев сильно и искренно чувствовать дикость некоторых общественных положений (это, впрочем, как увидим ниже, составляет лучшее свойство ее таланта, ибо оставляет читателю свободу выводить свои собственные заключения, помимо навязываемых автором), но всегда за тем, чтобы привести их к уверенности, что истинное добро заключается в согласии с действительностью и строгим выполнении ее требований.

Каким образом люди очень даровитые иногда приходят к такому одностороннему убеждению, что всякое новое требование, постигаемое отдельною личностью к жизни, есть посягательство на стройность ее, — это дело очень темное, которое, однако же, можно отчасти объяснить и помимо тех первоначальных и грубых наблюдений над торными и неторными дорогами, о которых мы говорили выше. Дело в том, что жизненный строй, хотя и несостоятельный сам по себе, но существующий в силу начала, всеми признанных, все-таки представляет убежище более успокоительное, нежели строй, начинающий познавать хрупкость своих основ и ищущий замкнуть их новыми. Там, где первый дает опору, второй предлагает одно мучительное колебание, где первый откликается человеку цѣлым рядом практических правил и истин, второй либо вовсе остается безответным, либо отзывается рядом новых и новых вопросов. Что нужно, что в первом случае опора не тверда, а истина призрачна, что нужно, что во втором случае самое колебание

заключаетъ въ себѣ залогъ болѣе обезпеченнаго будущаго: умъ человѣческій не можетъ долго оставаться въ сферѣ колебанія и отрицанія совѣтъ не потому, чтобы отрицаніе было бесплодно, а по тому одному, что оно составляетъ лишь начало той работы, къ которой призвана человѣческая мысль. Но для того, чтобы оставить сферу отрицанія, представляется два выхода: одинъ указываетъ назадъ, другой открываетъ дорогу впередъ. Не смотря на огромную разницу, существующую между этими двумя исходными пунктами, у нихъ есть однакоже одна общая черта: какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ жизнь представляется какъ нѣчто цѣлое, опредѣлившееся, освобожденное отъ наплыва случайностей. Выборъ между тѣмъ или другимъ выходомъ рѣшается болѣе или меньшею прозорливостью мысли, большимъ или меньшимъ просвѣщеніемъ ея посредствомъ тѣхъ предварительныхъ аналитическихъ работъ, въ которыхъ именно и заключается весь смыслъ и вся сила отрицанія. Понятно, что умъ сильный и послѣдовательный не остановится долго на прошедшемъ уже по тому одному, что оно исчерпало свое содержаніе и естественнымъ путемъ пришло къ своей собственной ликвидаціи, что умъ этотъ пойдетъ далѣе и, руководясь закономъ общаго жизненнаго развитія, будетъ искать въ будущемъ тѣ идеалы, въ которыхъ отказывасть разорванное и колеблющееся настоящее, но понятно и то, что умъ болѣе робкій, умъ, полагающій цѣль своихъ исканій не въ удовлетвореніи требованій абсолютной справедливости, а исключительно въ той цѣлостности міросозерцанія, которая дѣлаетъ жизнь легкою и удобонизживаемою, не рѣшается пускаться такъ далеко и скромные, но извѣданные идеалы прошедшаго предпочитаетъ сомнительнымъ очертаніямъ будущаго.

Вотъ послѣдняго-то рода отношеніе къ дѣйствительности и составляетъ преобладающій элементъ въ сочиненіяхъ г-жи Кохановской. Не то, чтобы она непріязненно отзывалась на голосъ новой жизни, не то, чтобы безусловно отвергала законность ея запросовъ,—скорѣе всего, ея отношеніе къ новой жизни можно характеризовать чувствомъ недоумѣнія, выразившагося не прямою враждою, а тою нѣсколько робкою уклончивостію, которая заставляетъ человѣка избѣгать міра, почему либо ему мало доступнаго, и всецѣло отдаваться другому міру, въ которомъ онъ чувствуетъ себя вполне хорошо и уютно. Идеалы г-жи Кохановской не широки: это просто смиреніе, возведенное на степень дѣятельной силы, и прощеніе, какъ единственный путь къ примиренію жизненныхъ противорѣчій. Это тѣ же самые идеалы, какіе лежатъ въ основѣ славянофильскаго ученія, которое, какъ извѣстно, всю русскую исторію объясняетъ смиреніемъ съ одной стороны и прощеніемъ съ другой. Нѣтъ нужды говорить здѣсь,

что такой идеалъ далеко неудовлетворителенъ, и что даже возникновениемъ своимъ онъ обязанъ не простымъ и яснымъ требованіямъ разсудка, ищущаго объяснить себѣ задачу жизни не посредствомъ временныхъ и всегда мнимыхъ стачекъ, а посредствомъ положительнаго ея разрѣшенія, но болѣзненному стремленію, во что бы ни стало, примирить жизненную неурядицу и сообщить ей стройный и цѣльный видъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое это пресловутое смиреніе, и какой смыслъ имѣетъ не менѣе пресловутое прощеніе? примиряютъ ли они что нибудь? разрѣшаютъ ли? зачѣмъ смиреніе и гдѣ источникъ права прощенія? Все это вопросы весьма темные. Смиреніе, въ строгомъ смыслѣ, есть не что иное, какъ приниженіе частной человѣческой личности или въ пользу другой такой же личности, или же въ пользу личности болѣе высокой и обширной, въ пользу общества. Но, повторяемъ, развѣ это разрѣшаетъ что нибудь? Развѣ временными и даже постоянными жертвами человѣкъ достигаетъ того, что составляетъ высшую цѣль его жизни, т. е. дѣятельнаго наслажденія всѣми опредѣленіями, которыя лежатъ въ основѣ его человѣческаго организма? Развѣ такое общественное устройство, которое поддерживается подобными началами, не представляетъ собой, такъ сказать, безъисходнаго круга, въ которомъ постоянно возобновляются тождественныя явленія, безъ всякой надежды на возможность когда-либо разрѣшить ихъ? Отвѣтъ на эти вопросы едва ли можетъ быть сомнительнымъ. Да, смиреніе и прощеніе суть начала чисто отрицательныя, начала ничего не разрѣшающія и ничего не примиряющія. Это стачка, никогда не кончающаяся, это стачка, которая, будучи однажды допущена, служитъ источникомъ цѣлаго ряда новыхъ жертвъ, имѣющихъ цѣлью цѣною своей пріобрѣсти не наслажденіе жизнью, а скудную возможность какъ нибудь избыть бремя ея. Во всякомъ случаѣ, подобное содержаніе человѣческой жизни можетъ быть допущено не иначе, какъ при совершенной ненормальности общественнаго организма. Высшій общественный идеалъ заключается совсѣмъ не въ жертвахъ и приниженіяхъ, а въ томъ, чтобы интересы частнаго лица и интересы общества шли рука объ руку, не только не мѣшая другъ другу, но взаимно другъ другу помогая. Тутъ не можетъ быть рѣчи ни о смиреніи, ни о прощеніи, ибо ни на то, ни на другое никто не имѣетъ не только повода, но и права. Смотря по той степени, на которой стоитъ общественный уровень, смиреніе можетъ быть столько же оскорбительно, какъ и прощеніе. Это принципы, равно не пригодные въ жизни, равно не содержащіе никакихъ положительныхъ результатовъ.

Тѣмъ не менѣе, сказавши въ началѣ нашей статьи, что считаемъ талантъ г-жи Кохановской симпатичнымъ, мы и теперь не ото-

премся отъ нашего отзыва, не смотря на то, что безпрестанно пробивающееся въ ея сочиненіяхъ хладное и праздное резонерство, а также то авторское насильство, которое она допускаетъ относительно героевъ своихъ повѣствованій, производятъ на насъ самое непріятное впечатлѣніе. Дѣло въ томъ, что вѣрная своей теоріи смиренія и прощенія, г-жа Кохановская доводитъ ее до крайнихъ послѣдствій, видитъ въ ней не просто искусство жить на свѣтѣ, но нѣчто въ родѣ искупленія. Ей кажется, что если пристойно заставить человѣка быть покорнымъ, то еще пристойнѣе заставить его сначала взбунтоваться, и потомъ, проводивъ черезъ всѣ мытарства смиренія, въ видѣ особенной на грады показать въ перспективѣ прощеніе. Эта аскетическая послѣдовательность автора однакожь, спасаетъ его, ибо она вынуждаетъ его касаться тѣхъ дѣйствительныхъ и живыхъ неурядицъ, которыя никакимъ резонерскимъ ломаньямъ не поддаются.

Эти неурядицы и человѣческія страданія, которымъ онѣ даютъ начало, до такой степени краснорѣчиво говорятъ сами за себя, что передъ ихъ краснорѣчіемъ не устоитъ никакая преднамѣренная неправда. Художникъ можетъ дать имъ тотъ или другой исходъ по своему усмотрѣнію, можетъ даже, въ послѣдствіи, неумѣстными своими размышленіями совершенно испортить нарисованную картину, но обогатить фактъ, по воплотить его въ иной формѣ, нежели та, въ которой онъ является въ жизни, онъ не властенъ. Здѣсь вся суть заключается единственно въ непосредственной силѣ таланта, и чѣмъ выше эта послѣдняя, тѣмъ болѣе дастъ она правды читателю, даже, быть можетъ, и помимо воли самого художника.

Вотъ въ этомъ-то послѣднемъ смыслѣ, произведенія г-жи Кохановской и имѣютъ свой неоспоримый интересъ. Въ томъ маленькомъ мірѣ, который ею избранъ, она является полною хозяйкою. Она не только коротко знаетъ его, но сама постоянно является какъ бы дѣйствующимъ въ немъ лицомъ. Всѣ его тревоги, всѣ его радости, въ ея глазахъ, совсѣмъ не маленькія тревоги и пошлыя радости, которыя можно выставить на показъ, какъ болѣе или менѣе забавныя уклоненія, но тревоги и радости настоящія, выросшія въ мѣру человѣческаго роста. Нужды нѣтъ, что не разъ, по поводу описываемыхъ столкновеній, невольно задаешься вопросомъ: да изъ за чего жь это люди мучатъ себя, или не пустякамъ ли они радуются? дѣло не въ томъ, чѣмъ человѣкъ огорчается и чѣмъ утѣшается, а въ томъ, что въ этихъ радостяхъ и огорченіяхъ, какъ бы ни казались онѣ ничтожными сами по себѣ, все-таки пробивается наружу человѣкъ. Здѣсь симпатіи автора къ изображаемымъ лицамъ совершенно понятны и законны, ибо онѣ относятся не столько къ отдѣльнымъ личностямъ, сколько къ той обще-

человѣческой основѣ, которая и въ нихъ сказывается, къ тому просвѣтленному человѣческому образу, который вездѣ находитъ себѣ выходъ, не смотря на затмѣнія и наносы жизни.

Всѣхъ повѣстей г-жи Кохановской, являющихся нынѣ особымъ изданіемъ, четыре: «Послѣ обѣда въ гостяхъ», «Изъ провинціальной галлерей портретовъ», «Гайка» и «Настасья Дмитрова и Кирила Петровъ». Есть еще два разсказа: «Старина» и «Давняя встрѣча», но объ нихъ мы не будемъ говорить, потому что тутъ уже выступаетъ впередъ не творчество, а исключительно резонерство автора. Лучшія и наиболѣе характеристическія повѣсти двѣ: «Послѣ обѣда въ гостяхъ» и «Наташа Дмитрова и Кирила Петровъ». Ими мы и займемся.

Первая изъ нихъ вводитъ насъ въ бытъ мелкопомѣстнаго русскаго дворянства, бытъ бѣдный и неразнообразный, но описанный г-жею Кохановскою тѣмъ ясными чертами, при посредствѣ которыхъ самая бѣдность содержанія исчезаетъ, и въ сознаніи читателя возникаетъ цѣлый міръ, міръ своеобразный, но совсѣмъ не уродливый. Этотъ міръ не чуждъ намъ; нѣчто подобное ему мы прошли въ эпохи нашего дѣтства и отрочества: это міръ неполнаго знанія, міръ смутныхъ ощущеній, въ которыхъ человѣкъ не даетъ себѣ отчета, во первыхъ потому, что не чувствуетъ еще въ томъ настоящей потребности, а во вторыхъ потому, что не умѣетъ, какъ за это взяться. Человѣкъ свѣжій, не избитый жизнью, бываетъ легко доступенъ впечатлѣніямъ, но за то эти впечатлѣнія какъ бы скользятъ по немъ, быстро смѣняясь одно другимъ. Радость и горе бываютъ равно сплывны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и равно скоротечны, почти безслѣдны. Вотъ почему въ мірѣ дѣтскомъ, и въ этомъ другомъ мірѣ, который описываетъ г-жа Кохановская, и который такъ близко подходитъ къ дѣтскому, жизнь представляется, въ общемъ своемъ строѣ, почти безразличною, и вотъ почему требуется очень много талантливой наблюдательности, а еще болѣе сердечной памяти, чтобы воспроизвести эту жизнь осязательно и дать почувствовать читателю почти неуловимыя ея свѣта и тѣни.

Такою-то именно свѣтозарною, самонаслаждающеюся представляется предъ нами талантливая писательница жизнь молодой дѣвушки въ томъ бѣдномъ, но все-таки досужемъ бытѣ, который она избрала предметомъ своихъ изслѣдованій. Это жизнь, которая заставляетъ дѣвушку говорить: «кажется, что краше-то тебя, молодой, и во всемъ мірѣ нѣтъ! Идешь, земли подъ собою не слышишь»; эта жизнь — нескончаемая русская пѣсня, та пѣсня, о которой одно изъ вводныхъ лицъ повѣсти такъ типично выражается: «спой ты мнѣ, матушка, такую пѣсню, чтобъ Замошниковъ, Лукьянъ Алексѣвичъ, не усидѣлъ,

не улежалъ». Пѣсня, въ буквальномъ смыслѣ, составляетъ все содержаніе молодого существованія; ею оно начинается съ той самой минуты, когда еще ребенкомъ дѣвушка приходитъ къ сознанію самой себя, ею оно и кончается. Вотъ какъ описываетъ г-жа Кохановская эту пѣсню:

«За послѣднее время объявился у него, у Чернаго, новая пѣсня, да вѣдь какая пѣсня! Ни старые, ни бывалые люди отъ роду не слышивали той пѣсни, и какъ запоетъ онъ своимъ залившимся голосомъ ту протяжную пѣсню, престо душу у тебя силой беретъ, да и все тутъ! Отецъ протопопъ, старый же человекъ и степенный, что ему пѣсня?— а онъ сидѣлъ подъ окномъ и слушалъ да слушалъ, какъ недалечко Черный пѣлъ; а далѣе опомнился, а у него, у отца протопопа, борода въ слезахъ (сама матушка протопопша говорила), такъ онъ даже перекрестился. «Господи Иисусе Христе! сказалъ, вотъ пѣсня!»

«— Но какая же пѣсня? говорила я Любови Архиповнѣ.

«— Да она будто не ни-вѣсть какая и не мудреная, и всей-то ее, матушка, видѣть нечего:

Воздохну, Дунай всколыхну.
Всколыхну ли я Дунай-рѣку,
Что не къ морю вода подымалася,
Но желтымъ пескамъ расплескалася,
Въ зеленыхъ лугахъ разливалася:
Но дѣвушкѣ душа востосковалася...

«Пѣсня-то и вся тутъ, говорила Любовь Архиповна, — да что сидѣло въ той пѣснѣ, какъ Черный ее протяжно да переливно, идучи по городу, пѣлъ по вечерней зарѣ... И еще какъ надойдетъ надъ гору и станетъ на ней, а внизу рѣка въ половодьи разлилась, шумить, и онъ стоитъ, матушка, и поетъ: расплескалася, разливалася,—просто, говорили люди, отца и мать бы забылъ и все слушалъ его!...

«Какъ же, родная моя! Черному проходу не стало по городу. Купцы, какъ завидятъ его, изъ лавокъ выбѣгаютъ на встрѣчу. «Ваша милость, отецъ родной! Воздохну... Что хочешь изъ лавки бери, спой только Воздохну»... «Чтожь, братцы! говорилъ Черный, — не продажная. Самому дорого стоитъ. Удастся вамъ послушать случаемъ, ваше счастье, а не удастся, не погнѣвайтесь». Такъ вотъ, чтобъ удалось это счастье, за Чернымъ по сту глазъ смотрѣли. Чуть онъ заложилъ руки назадъ и пошелъ по городу, тотчасъ со всѣхъ сторонъ, присядясь и пригнувшись подъ плетнями, за нимъ слѣдомъ и потянуло человекъ пятнадцать или двадцать. У хозяевъ надъ рѣкою всѣ плетни по огородамъ осадизи, лагая череяъ нихъ, затѣмъ, что, значить, эти мѣста облюбилъ Черный и уже заливался тутъ своимъ «Воздохну».

Признаемся, мы никогда не могли прочесть это мѣсто безъ сильнаго внутренняго волненія, и отнюдь не полагаемъ, чтобы чувство это было лишено своего серьезнаго значенія. Нѣтъ, оно объясняется, и

объясняется весьма рационально, ибо въ основѣ его лежитъ не что иное, какъ внутренняя связь съ народною массою, тою массою, которая до сихъ поръ ни въ чемъ еще не успѣла проявить себя, кромѣ упорнаго труда и пѣсни. Намъ часто случается высокомерно относиться къ непосредственнымъ проявленіямъ народной жизни, даже и тогда, когда мы заявляемъ себя сторонниками ея; ея предрассудки и вѣрованія кажутся намъ ничтожными, чуть не презрительными; но такое отношеніе къ народу едва ли справедливо, и во всякомъ случаѣ никакъ не расчетливо. Скажемъ болѣе: поступая такимъ образомъ, мы противорѣчимъ самимъ себѣ, противорѣчимъ своимъ убѣжденіямъ и цѣлямъ, мы дѣлаемъ совсѣмъ не то дѣло, которое хотимъ дѣлать. Если мы дѣйствительно сочувствуемъ народнымъ массамъ, мы должны брать ихъ такъ, какъ они есть, мы должны принять за исходную точку нашей дѣятельности тотъ нравственный и умственный уровень, на которомъ онѣ стоятъ, и изъ него уже отправляться далѣе. Наша роль—роль пропагандистовъ-образователей, но вѣдь понятно, что прежде нежели приняться за пропаганду, надо изучить, понять и прочувствовать ту почву, на которую имѣетъ пасть наша пропаганда. Иначе народныя массы отвернутся отъ насъ, и вся наша дѣятельность, какъ бы ни была она разумна, исчезнетъ въ пустотѣ. И такъ, источникъ сочувствія къ народной жизни, съ ея даже темными сторонами, заключается отнюдь не въ признаніи ея абсолютной непогрѣшимости и нормальности (какъ это допускается славянофилами), а въ томъ, что она составляетъ конечную цѣль исторіи, что въ ней одной заключается все будущее благо, что она и въ настоящемъ заключаетъ въ себѣ единственный базисъ, помимо котораго никакая человѣческая дѣятельность немыслима.

Вообще, Черный, этотъ одинъ изъ множества невѣдомыхъ творцовъ русской пѣсни, представляетъ собой созданіе въ высшей степени поэтическое и сочувственное, не смотря на то, что оно введено въ повѣствованіе г-жи Кахоповской эпизодически. Есть много недосказаннаго въ рассказѣ объ отношеніяхъ его къ героинѣ повѣсти, но въ этихъ-то именно недомолвкахъ и скрывается нѣчто такое, отъ чего вѣетъ дѣйствиительно-поэтическою свѣжестью. Мы думаемъ даже, что такое, преисполненное внутренней пѣсни существо, какъ Черный, и могло впасть въ жизнь другаго лица не иначе, какъ эпизодически: иначе, жизнь была бы не драмой, а ликоваіемъ, а этого не могла имѣть въ намѣреніяхъ талантливая писательница по тому одному, что этого не бываетъ въ дѣйствительности. Поэтому авторъ и заставляетъ Чернаго погибнуть смертію, въ такой же мѣрѣ поэтичною, въ какой была поэтична вся его жизнь: онъ умираетъ, спасши жизнь утопавшему мужику. И опять-таки мы не можемъ воздержаться, чтобы не

выписать здѣсь высоко-поэтическое описаніе его похоронъ, которымъ и заканчиваетъ г-жа Кохановская свой рассказъ.

«И какъ хоронили его! Вотъ, моя родная, прекрасно его хоронили! И теперь побѣжай въ Купянку, спроси, помнятъ люди, какъ Чернаго хоронили. Оно и забыть нельзя. Такъ свѣтло и радостно никого будто въ жизни не хоронили, ни большаго, ни малаго. Купцы какъ, услышали, что померъ Черный, они ему поснесли всего: отъ свѣчей и ладану до всего, матушка, что нужно для гроба, и сами взялись гробъ сдѣлать, и парчей золотою Чернаго накрыли. Барышни ему подъ голову кисейную подушку сшили, розовою тафтой подложили, изукрашили ее лентами, что ни есть лучше. Онъ себѣ безродный былъ, ни отца, ни матери, гдѣ-то далеко сиротою взросъ. Кажись, и гробу-то его пусть да сиротѣ должно бы было; а вышло, нѣтъ, родная моя! Народъ къ нему валомъ валилъ, большіе и малые, словно ихъ посылалъ кто: «иди, молъ, иди, поклонися Черному!» И весь городъ шелъ—просто, говорили, какъ рѣка, текъ. Въ среду на вечерню его вынесли въ церковь, а на утро-то, значить, въ четвергъ, какъ хоронить его, отецъ протопопъ соборомъ обѣдию служилъ (одно то, что Черный его прихода былъ, а другое, что и купцы просили). И знаешь, дни праздничные, въ храмѣ Божіемъ свѣтлость такая, царскія двери отворены, пѣніе радостное на обѣднѣ льется, и Черный просто неузнаваемъ въ гробу лежалъ, сказывали сестрицы. Большой такой, да хорошій; болѣзнь съ него черноту сняла, и онъ, матушка, поблѣлый, обложился своими черными волосами, вотъ живъ заснулъ, высоко на разубранной подушкѣ въ красотѣ лежитъ! Огнѣли погребеніе, и какъ пришло это время, что ладимъ послѣднее цѣлованіе, отецъ протопопъ первый приступилъ проститься съ усопшимъ; наклонился онъ, и, видно, Господь внушилъ ему такую мысль: «Христосъ воскрес!» сказалъ онъ и трижды, какъ христосуясь, поцаловалъ Чернаго. А тутъ не далечко у самого гроба женщина съ дитятею на рукахъ стояла, и дитя забавлялось, держало въ ручкѣ красное яйцо. «Дай мнѣ, дитя, твое яичко», сказалъ протопопъ. И малютка такъ ему съ ручкою и протянула яйцо. Отецъ протопопъ взялъ красное яйцо и положилъ его въ гробъ къ Черному, и при этомъ онъ слово такое хорошее сказалъ: пусть, дескать, и въ самое нѣдро земли онъ снесетъ съ собою благовѣстіе Христово. И такъ, матушка, за протопопомъ весь народъ не прощаться, а христосоваться съ Чернымъ сталъ. Всякій подойдетъ къ усопшему, и прежде, чѣмъ цѣлованіе мертвецу дастъ, «Христосъ воскрес!» скажетъ ему, какъ живому. Приступили къ выносу, такъ народъ толпами толпился, чтобы понести гробъ, и какъ понесли его, день такой прекрасный въ полуднѣ сіяетъ, хоругви развиваются, парча золотая на гробѣ, какъ жаръ горитъ, и откуда ни возмись, двѣ ласточки выются да щебечутъ надъ самымъ гробомъ,—въ удивленіе привели народъ. Просто, сладость такая святая умилила людей, какъ стали заколачивать гробъ; заколачиваютъ его, опускаютъ въ могилу, а тутъ, матушка, поютъ: «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ»

смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ». Не одинъ, не два человѣка, а цѣлыя десятки ихъ, святымъ словомъ: ей Богу! говорили, что они съ радостію бы легли и заняли мѣсто Чернаго... Вотъ такую Богъ судьбу Черному далъ, сказала Любовь Архиповна, что онъ и пѣсней своею, и смертію, какъ силой какою, подвигалъ за собою людей».

Выше, поэтичнѣе, сладостнѣе этихъ строкъ мы положительно ничего не знаемъ въ русской литературѣ. Читая ихъ, чуткимъ сердцемъ понимаешь, что есть, дѣйствительно есть въ этой невѣжественной, погрязшей въ предрассудкахъ массѣ та «подвизающая за собою людей сила», которая и можетъ многое сдѣлать, и многое сдѣлаетъ. Если въ настоящее время сфера ея дѣятельности только отрицательная, то придетъ же когда нибудь время, когда, просвѣтленная, чего она не совершитъ?

Итакъ, не на долю Черваго выпало положить конецъ пѣсни и внести элементъ драмы въ жизнь молодой дѣвушки. Драма пачинается совершенно по будничному, но чѣмъ менѣе въ ней поэтическихъ задатковъ, чѣмъ бѣднѣе она перипетіями и катастрофами, тѣмъ тяжелѣе она ложится на молодое существованіе, тѣмъ рѣшительнѣе пригибаетъ его. Въ Купянку (мѣсто дѣйствія разсказа) приѣзжаетъ комиссіонеръ «длинный, да худой, рябой; носъ за три версты смотреть, и еще голову впередъ вытянулъ». Вотъ этому-то господину и полюбилась героиня, рассказчица повѣсти, купянская барышня Любовь Архиповна. Мало того, что онъ наружно не пригожъ: и Черный не могъ похвалиться красотою, но Любовь Архиповна не оставалась-таки къ нему безчувственною — онъ и внутренно былъ далеко непривлекателенъ. Отъ любви одинъ шагъ и до сватовства, до того сватовства, которое не слишкомъ-то озабочивается о взаимности, а занято одними формальностями дѣла. Дѣйствующими лицами являются: комиссіонеръ, какъ виновникъ сего торжества, мать Любви Архиповны и Ѳеська Неминучая, торговка бубликами, она же и сваха. Главная заинтересованная въ дѣлѣ сторона, сама Любовь Архиповна, и во снѣ не видитъ, какъ ею распоряжаются безапелляціонные рѣшители ея судьбы. Когда дѣло оказалось зрѣло обдуманнымъ, когда матушка достаточно нагорговалась, предлагая комиссіонеру и Аграфену Архиповну, и Пелагею Архиповну (вѣроятно, это дѣлалось для препровожденія времени, а отнюдь не изъ того, чтобы мать жалѣла Любашу, какъ это утверждаетъ авторъ, потому что вѣдь и Аграфенушка, и Пелагеюшка были той же матери дѣти), когда комиссіонеръ объявилъ рѣшительно, что ему никого не нужно, кромѣ Любашу, мать пришла въ комнату, гдѣ работали дочери и объявила свое рѣшеніе:

«Полно, говорить, оставьте работу, Любаша, я тебя просватала».

За кого? говорю. «За комиссионера». Я ушамъ своимъ не повѣрила. — За кого, матушка? «Что ты, глуха что ли? Говорятъ тебѣ, за комиссионера, сказала матушка. И ступай одѣвайся; женихъ къ вечеру будетъ». Я, душа моя, и не знаю, всплеснула руками Любовь Архиповна, какъ и съ чего я начала говорить и голосомъ голосить, что лучше бы меня въ гробъ живую положили, что пусть меня матушка убьетъ, а я не пойду за комиссионера. «Убить тебя я не убью, сказала матушка, а поучить хорошо поучу, чтобы ты знала, какъ слушаться матери». А я ей на это какъ-то скажи, что она меня за связку Оеськиныхъ бубликовъ отдаетъ комиссионеру, такъ уже матушка дала мнѣ знать бублики! «Иди, говоритъ, одѣвайся». Я пошла, сѣла въ нашей горенкѣ, и такъ не одѣваюсь. Глаза у меня отъ слезъ, какъ кулаки, напухли; коса моя русая растрепанная лежитъ на шеѣ. Пришла матушка опять ко мнѣ. «Одѣвайся, говоритъ. Я тебя еще побью». И другимъ приемомъ меня побила. «Если ты не станешь сейчасъ одѣваться, говоритъ матушка, я косу тебѣ отрѣжу» (не знала уже, что сказать она), и схватила меня покойница за косу. «Сестрица, говорю я (вижу, что сестрица Палагея Архиповна на дверяхъ стоитъ), подай матушкѣ ножницы», такъ матушка даже плюнула, «Это бѣсъ, говоритъ, а не дѣвка», и ушла отъ меня. Тутъ скоро и женихъ-то пришелъ или пріѣхалъ — уже я не знаю. Матушка посылала звать Лукьяна Алексѣевича съ Марьей Кондратьевною; протопопша пришла, поприходили барышни. Стали меня всѣ уговаривать, такъ нѣтъ! Я и осталась на томъ, что не одѣлась и не вышла. Жениху сказали, что у невесты голова болитъ, и она у меня, охъ! болѣла, матушка!»

Далѣе все идетъ своимъ порядкомъ; дѣвушку смѣряютъ надлежащими мѣрами и доводятъ до вѣнца; и затѣмъ уже начинается та скорбная, затаенная драма, плодъ насильственного, механическаго сочетанія людей, несвязанныхъ между собою никакими внутренними побужденіями, никакими общими чувствами. Любовь Архиповна уединяется и положительно чуждается своего рябого и неповоротливого мужа; но, по счастливой случайности, этотъ мужъ не надѣдаетъ ей и вообще выказываетъ деликатность чувства, въ простомъ быту не совсѣмъ обыкновенную. Дѣло оканчивается благопріятно, хотя и не совсѣмъ естественно: та же случайность, чуждая какихъ либо разумныхъ основаній, которая свела эти два лица, столь чуждые другъ другу, доканчиваетъ и внутреннее ихъ примиреніе. Съ одной стороны, смиреніе и внезапное признаніе силы долга, съ другой — прощеніе и забвеніе: вотъ разрѣшеніе, которое г-жа Кохановская сочла нужнымъ дать драмѣ.

Мы уже достаточно говорили о возрѣніяхъ г-жи Кохановской на жизнь, чтобы вновь возвращаться къ этому предмету. Возрѣнія эти бѣдны и фальшивы, но здѣсь не въ нихъ и дѣло. Развѣ читатель не достаточно проникателенъ для того, чтобы вывести изъ приводимаго

художникомъ—писателемъ факта свое собственное заключеніе? Развѣ онъ не достаточно силенъ для того, чтобы очистить этотъ фактъ отъ пендущихъ къ дѣлу толкованій самаго автора. Самый фактъ вовсе не фальшивъ и изображенъ вполне вѣрно, какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней своей стороны. Да, описываемая авторомъ жизнь именно такова; она именно составлена изъ насильствъ и лжей, которыя одна-кожъ, вслѣдствіе извѣстныхъ условій, не признаются ни насильствомъ, ни ложью. Что нужды до того, что ни сама героиня, ни авторъ за нее не протестуютъ: за нихъ протестуетъ сама судьба героини. Вѣдь отъ читателя не утаишь, никакими хитросплетеніями не закроешь, что положеніе бѣдной дѣвушки, которую облюбовалъ рябой комиссіонеръ, есть все-таки положеніе овцы, которую ведутъ на убой, что самое примиреніе этой женщины съ своею участью совсѣмъ не результатъ посредничества какой-то таинственной силы, произведшей внезапный переворотъ во всемъ существѣ паціента, но плодъ глубокаго и вымученнаго сознанія, что отъ комиссіонера все-таки никуда не уйдешь. Самое страданіе, непосредственно слѣдующее за этимъ тяжелымъ нравственнымъ кризисомъ, самый этотъ «великій плачъ», которому предается героиня, непосредственно вслѣдъ за примиреніемъ, достаточно доказываютъ, что тутъ и примиренія-то въ строгомъ смыслѣ слова нѣтъ, а просто есть отчаяніе, доведенное до крайнихъ своихъ предѣловъ, и разрѣшившееся наконецъ чувствомъ покорности. Всѣ эти выводы легко слѣдуетъ самъ читатель, и затѣмъ на всѣ дальнѣйшія разглагольствованія автора можетъ смотрѣть, какъ на дѣтское упражненіе, слѣланное въ угоду какому нибудь строгому педанту-учителю, требующему непременно, чтобы ученикъ выводилъ изъ сочиненія своего приличное его возрасту нравоученіе.

Всѣ замѣченныя нами выше достоинства и недостатки еще съ болѣею яркостію выступаютъ въ другой повѣсти г-жи Кахоновской «Кирила Петровъ и Настасья Дмитрова», хотя, надо сознаться, что здѣсь недостатковъ болѣе, нежели достоинствъ. И здѣсь двигателемъ драмы является то безконечное горе, тотъ «великій плачъ» русской женщины, который заставляетъ ее, въ цвѣтъ лѣтъ, при полной наличности всѣхъ данныхъ, обуславливающихъ право на наслажденіе жизнью, говорить любимому человѣку: «утопите вы меня! дѣньте меня, куда знаете; заведите меня въ лѣсъ и бросьте, чтобъ я свѣту Божьяго не выпала»; и здѣсь рассказывается цѣлый искусъ страданій, сквозь который авторъ проводитъ молодую, нравственно чистую женщину. Нельзя не сознаться что содержаніе драмы задумано весьма чутко, въ особенности, если примемъ въ соображеніе ту ограниченность общественной сферы, которая, при настоящемъ положеніи русской литературы, доступна ея разработкѣ.

И герой и героиня повѣсти—оба сироты, оба воспитаны въ горькой школѣ нужды. Кирилла Петровъ провелъ свое дѣтство подъ руководствомъ стараго, вѣчно пьянаго дьячка, Настасья Дмитрова еще того хуже—подъ ферулою тетки, одного изъ тѣхъ уродинно чопорныхъ созданий, которыя вырождадо изъ себя по временамъ крѣпостное право, въ лицѣ экономокъ, барскихъ барынь и барыниныхъ фаворитокъ—горничныхъ. Благодаря своей талантливой натурѣ, Кирилла Петровъ скоро вышелъ на ровную, самостоятельную дорогу, а Настасья Дмитрова, послѣ смерти тетки, попала въ горничныя къ бывшимъ господамъ своей воспитательницы. Господа были либеральные, т. е. принадлежали къ числу тѣхъ російскихъ помѣщиковъ, которые, во времена оны, хвастались, что у нихъ «почти конституція», дворовыхъ людей содержали сносно, но въ то же время морили надъ безтолковыми и совершенно непронзводительными работами. Кирилла Петровъ еще ребенкомъ полюбилъ Настю, и начало повѣсти застаеъ насъ уже на сватовствѣ. Повидимому, и Настя любитъ Кирилу, однако изъ ея отношеній къ нему замѣтно, что чувство, ее одушевляющее, совсѣмъ не любовь, а скорѣе тихая, дружеская привязанность, порожденная привычкой и долгою взаимною довѣренностью. Есть у нея другое чувство, которое охватило все ея существо, чувство, которое, по ея собственному убѣжденію, не имѣетъ ни малѣйшей надежды на правильный исходъ, но которому тѣмъ не менѣе она не могла не отдаться со всею силой молодого, горячаго увлеченія. Человѣкъ, вызвавшій это чувство, баринъ, и имѣетъ всѣ свойства милаго мерзавца. Настя нѣсколько разъ порывается сознаться Кирилѣ въ своемъ большомъ горѣ, но всякій разъ, въ рѣшительную минуту признанія, ее останавливаетъ то невольное чувство женской стыдливости, которое верѣдко подсказываетъ ей слова полныя отчаянія, въ родѣ приведенныхъ нами выше, но никогда не допускаетъ высказаться до конца. Въ этомъ тревожномъ колебаніи, объясняемомъ сверхъ того и непрерывными отлучками жениха, и тою падоѣдливою суетою, которая всегда предшествуетъ свадьбѣ, ни на минуту не оставляя свободными жениха и невѣсту, проходитъ все время до той минуты, когда всякія признанія и всякій возвратъ дѣлаются уже невозможными. Кирилла Петровъ и Настасья Дмитриева уже мужъ и жена и пріѣзжаютъ въ свой домъ. Но здѣсь мы предпочитаемъ продолжать разсказъ словами самого автора.

«Войдя въ домъ молодымъ счастливымъ мужемъ, онъ (Кирилла) оборотился къ дверямъ домовитымъ хозяиномъ и поискалъ рукою крючокъ, чтобы припереть двери на ночь.

«— Не запирайте, Кирилла Петровичъ. Выгоните вы прежде на улицу меня!

«Въ первую минуту даже не дрогнуло сердце счастливаго Кирилы. Войдя въ комнату, гдѣ огни были потушены и только лампадка теплилась передъ божничкою, онъ не увидѣлъ сначала жены, а потомъ, увидя ее, не повялъ, слыша ея слова, не вслушался, что ему говорила она.

«— Выгоните меня Кирила Петровичъ, чтобъ сырая земля меня приняла.

«Что-то страшно дрогнуло внутри всего Кирилы.

«— Что это вы говорите, Настасья Дмитревна... радость моя!

«Приостановился онъ съ послѣднимъ словомъ и вымолвилъ его съ страшной силою находящаго горя.

«— Что я говорю? развѣ я даромъ говорила вамъ, чтобы вы утопили меня — дѣли меня, куда знаете, чтобъ я свѣту Божьяго не видѣла, страмоты не клала на себя!

«— Настасья Дмитревна! у меня свѣтъ заступается, побойтесь милосерднаго Бога! Чтой-то вы такое взводите на себя? Въ тиши и въ сумракѣ съ минуту не слышно было отвѣта.

«— Вывожу... Миѣ скоро на люди будетъ показаться нельзя. Есть несчастныя минуты у человѣка, что онъ вѣрить и отказывается вѣрить — видитъ своими собственными глазами, и ушами слышитъ, и словно не вѣритъ ни ушамъ, ни глазамъ своимъ! просить еще другаго увѣренія.

«И Кирила просилъ его.

«— Перекреститесь, Настасья Дмитревна! Послѣ перваго глотка воздуха, которымъ было задохнулся Кирила, крестилъ и себя, и ее большимъ крестомъ... Христосъ Богъ съ вами!

«Бѣдная, потерянная дѣвушка, до сихъ поръ какъ бы застылая, въ своемъ открываемомъ позорѣ, зарыдала.

«— Видитъ Богъ, Кирила Петровичъ! говорила ему она: — хоть развѣжьте мнѣ сердце, сами увидите — одно, что я не хотѣла обманывать васъ. Я и сама не знаю, какъ вы засватали меня! Все я хотѣла сказать вамъ, да горькое оно слово, съ языка нейдетъ! На дѣвичникѣ вы сами не дали мнѣ; передъ вѣнцомъ просилась къ вамъ — не пустили меня. Хоть въ этомъ невиноватомъ дѣлѣ простите вы, Кирила Петровичъ! не кладите вины на меня!

«Настенька стояла у стѣны, какъ прикованная. Кирила сѣлъ.

«— Опрichъ того, бейте, карайте меня! Пусть я шатаюсь, гдѣ день, гдѣ ночь, и всѣ люди указываютъ пальцами на меня...

«— А самъ я гдѣ дѣнусь? ударилъ Кирила обѣими руками объ столъ и не то слезами, не то сухо голосомъ зарыдалъ онъ: — легче вы бы спяли голову съ меня, чѣмъ вамъ говорить такія слова, а мнѣ васъ слушать!

«Кирила совсѣмъ наклонился головою къ столу. Сердечная мука дожимала его.

«— Напояли вы горемъ меня, какъ медомъ, Настасья Дмитревна! Голова пьяна, поднялъ онъ голову, сильно стряхивая тяжелый хмѣль ея

съ нависшихъ на лицо кудрей. Барышня моя! подчуйте разомъ до дна! Это на лизоблюдное лакейство смѣняли меня, нѣ подымать выше?

«— Не на лакейство, Кирила Петровичъ, не пейте вы моего горькаго вина! — покорно отовзалась отъ стѣны Настенька.

«— Чтожъ мнѣ дѣлать-то? Наложить руки на себя? и радъ бы я, такъ Богъ не велитъ.

«Кирила всталъ; но хмѣлемъ его сильнымъ такъ пошатнуло, что онъ не устоялъ, опять сѣлъ.

«— Видишь оно, разымчивое пиво, съ ногъ сбило, съ усмѣшкою проговорилъ онъ».

За этою сценою слѣдуетъ тотъ скорбный, страдальческій искусъ, о которомъ мы говорили выше. Замѣчательно, съ какою грубостью, даже такая честная и по своему высокая личность, какою въ самомъ дѣлѣ представляется Кирила Петровъ, относится къ тому, что разумѣетъ своимъ правомъ. Правда, онъ не бьетъ жены своей, онъ не выгоняетъ ея изъ дома, но самая честность и относительная развитость его подсказываютъ ему кару, еще болѣе мучительную. Эта кара заключается въ томъ, чтобы заставить жену въ концѣ истомиться подъ игомъ вѣчнаго нравственнаго укора, и вотъ съ этою-то цѣлью онъ ѣздитъ сначала съ ней по монастырямъ, потомъ привозитъ въ одну изъ донскихъ станицъ, гдѣ и оставляетъ. Положеніе бѣдной женщины, непрерывно видящей передъ собой грознаго судью всей ея жизни, тѣмъ болѣе тяжело, что судья этотъ не пользуется безспорнымъ правомъ, которое даетъ ему общество, но предпочитаетъ томить свою жертву медленнымъ огнемъ, сопровождая эту страшную казнь всѣми признаками наружной заботливости. Безъ ласки, безъ малѣйшей тѣни участія вляетъ это жаждущее любви сердце, питаясь одною боязливою надеждой, что энергія, съ которою ведется преслѣдованіе, утомитъ когда нибудь самого преслѣдователя. Гдѣ источникъ этой горькой надежды, и откуда странное право на такую безчеловѣчную кару? вотъ вопросы, которые, конечно, вправѣ будетъ задать себѣ всякій читатель, но г-жа Кохановская не отвѣтитъ ему на нихъ. По обыкновенію своему, она доводитъ драму до высшаго развитія и потомъ пришиваетъ къ ней славянофильскій водевиль.

Вотъ содержаніе двухъ замѣчательнѣйшихъ рассказовъ г-жи Кохановской. Повторяемъ: личные отношенія автора къ изображаемой имъ жизни, отношенія, которыя, къ сожалѣнію, почти вездѣ насильственно выходятъ на первомъ планѣ, крайне односторонни, тѣмъ не менѣе мы должны быть благодарны ему уже за то одно, что онъ съ такимъ вѣрнымъ инстинктомъ намѣтилъ намъ тѣ сердечныя боли нашей общественной среды, которыя служатъ для человѣка безконечнымъ источникомъ мучительныхъ и совершенно безплодныхъ тре-

вогъ. Авторъ изобразилъ передъ нами цѣлый міръ призраковъ во всей ихъ мнимо-жизненной силѣ, со всѣмъ тѣмъ условнымъ гнетомъ, который одинъ и составляетъ содержаніе этой силы; затѣмъ отъ насъ самихъ уже зависить продолжить работу автора, перенести ее въ другую сферу и слѣлать тѣ выводы, которые сами собой изъ нея извлекаются.

Стихотворенія А. А. Фета. Изданіе К. Солдатенкова. 2 части. Москва. 1863.

Въ семьѣ второстепенныхъ русскихъ поэтовъ, г. Фету, безспорно, принадлежитъ одно изъ видныхъ мѣстъ. Большая половина его стихотвореній дышетъ самою искреннею свѣжестью, а романсы его распѣваетъ чуть ли не вся Россія, благодаря услужливымъ композиторамъ, которые, впрочемъ, всегда выбирали нѣски наименѣе удавшіяся, какъ напримѣръ «На зарѣ ты ся не буди» и «Не отходи отъ меня». Если при всей этой искренности, при всей легкости, съ которою поэтъ покоряетъ себѣ сердца читателей, онъ все-таки долженъ довольствоваться скромною долею второстепеннаго поэта, то причина этого, кажется намъ, заключается въ томъ, что міръ, поэтическому воспроизведенію котораго посвятилъ себя г. Фетъ, довольно тѣсенъ, однообразенъ и ограниченъ.

Это міръ неопредѣленныхъ мечтаній и неясныхъ ощущеній, міръ, въ которомъ нѣтъ прямого и страстнаго чувства, а есть только первыя, нѣсколько стыдливыя зачатки его, нѣтъ ясной и положительно сформулированной мысли, а есть робкій, довольно темный намекъ на нее, нѣтъ живыхъ и вполне опредѣлившіхся образовъ, а есть порою привлекательныя, но почти всегда блѣдноватыя очертанія ихъ. Мысль и чувство являются мгновенною вспышкою, какимъ-то своенравнымъ капризомъ, точно такъ же скоро улегающимся, какъ и скоро вспыхивающимъ; желанія не имѣютъ опредѣленной цѣли, да и не желанія это совсѣмъ, а какія-то тревоги желанія. Слабое присутствіе сознанія составляетъ отличительный признакъ этого полудѣтскаго міросозерцанія.

И не знаю я, что буду
Пѣть, но только пѣсня врѣветъ...

Вотъ какъ выразилъ самъ г. Фетъ сущность своей поэзіи, и по нашему мнѣнію, выразилъ ее совершенно вѣрно.

Родоначальникомъ этой, такъ сказать, эмбрионической поэзіи, отъ котораго она перешла и на нашу почву, можно считать извѣстнаго

нѣмецкаго поэта Гейне; но у Гейне это просто одинъ изъ множества разнообразныхъ оттѣнковъ общей картины, свидѣтельствующей объ избыткѣ силы, у г. Фета — это все содержаніе картины, содержаніе, изъ котораго можно заключить только о скудости его творческихъ средствъ. Другія свойства таланта Гейне, какъ наприимѣръ, его исполненное горечи отрицаніе, его желчный юморъ, и то холодное полуотчаяніе, полупрезрѣніе, выражающееся въ постоянномъ и очень оригинальномъ раздвоеніи мысли, тѣ свойства, которыя именно и составляютъ основной и самый прочный капиталъ его поэтической дѣятельности, остались для нашего поэта чѣмъ-то въ родѣ очарованнаго замка, въ двери котораго онъ даже и стучаться не пробовалъ, потому что инстинктивное (и, конечно, похвальное) чувство скромности подсказывало ему: бѣги сихъ мѣстъ, ибо здѣсь совершается запутанное и нерадостное людское дѣло! настоящее же твое мѣсто тамъ, гдѣ кузнички (цикады) поютъ свой радостный гимнъ. Онъ послушался этого тайнаго голоса, и, разумѣется, поступилъ весьма благо-разумно, но поэзія его отъ этой скромности не выиграла: она все-таки скудна содержаніемъ, все-таки страдаетъ крайнимъ однообразіемъ мотивовъ и порою даже прискучиваетъ. Прочешь одно, два стихотворенія г. Фета всегда бываетъ пріятно, но прочешь цѣлую книжку его стихотвореній составляетъ уже трудъ довольно значительный. Безспорно, въ любой литературѣ рѣдко можно найти стихотвореніе, которое своей благоуханной свѣжестью обольщало бы читателя въ такой степени, какъ слѣдующее стихотвореніе г. Фета:

Шопоть, робкое дыханье,
Треби соловья.
Серебро и колыханье ,
Соннаго ручья,
Свѣтъ ночной, ночныя тѣни,
Тѣни безъ конца,
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица,
Въ дымныхъ тучахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтара,
И лобзанія, и слезы —
И заря, заря!...

Но если это самое прелестное стихотвореніе представляютъ вамъ въ нѣсколькихъ стахъ вариантахъ, то очень будетъ немудрено, что наконецъ и самая прелестность его сдѣлается для васъ нѣсколько сомнительною. Ибо что, въ сущности, составляетъ содержаніе этого прелестнаго стихотворенія? содержаніе его составляетъ чувство до такой степени неясное, до такой степени мало себя сознающее, что даже

для своего собственнаго опредѣленія оно не можетъ остановиться ни на какомъ отдѣльномъ образѣ, а непрерывно мечется отъ одного образа къ другому. Тутъ, что ни строка, то одинъ или два образа, такъ что обидѣ ихъ дѣлается, наконецъ, равносильнымъ совершенному ихъ отсутствію. Въ сущности, это даже не образы, а просто недоконченные штрихи, по которымъ вниманіе скользитъ, не останавливаясь, и которые, въ результатъ, производятъ впечатлѣніе очень смутное и потому малопродолжительное. Понятно, слѣдовательно, что читателю, незнакому специально съ музой г. Фета, кажется, что онъ все одно и то же стихотвореніе пишетъ, или много два, три стихотворенія. И если такому читателю вы прочтете слѣдующее, предположимъ, неизвѣстное еще ему стихотвореніе:

Лѣтній вечеръ тихъ и ясенъ;
Посмотри, какъ дремлютъ нвы;
Западъ неба блѣдно-красенъ
И рѣки блестятъ явнвы.
Отъ вершинъ скользя къ вершинамъ,
Вѣтръ полветъ лѣсною высью;
Слышишь ржанье по долинамъ:
То табунъ несется рысью.

Или слѣдующее:

Ночью какъ-то вольнѣ дышать мнѣ,
Какъ-то просторнѣй...
Даже въ столицѣ не тѣсно.
Окна растворишь:
Тихо и чутко
Плыветъ прохладительный воздухъ.
А небо? а мѣсяцъ?
О! этотъ мѣсяцъ волшебникъ!
Какъ будто бы кровли
Покрыты зеркальнымъ стекломъ,
Шпили и кресты — брилліанты;
А тамъ за луной небосклонъ,
Чѣмъ дальше — свѣтлѣй и прозрачнѣй.
Смотришь — и дышишь,
И слышишь дыханье свое,
И бой отдаленныхъ часовъ,
Да крикъ часового,
Да изрѣдка стукъ колеса,
Иль пѣніе вѣстника утра.
Вмѣстѣ съ зарею и сонъ налетаетъ на вѣжды.
Свѣтелъ какъ призракъ.
Голову клонить, а жаль отъ окна оторваться!

то онъ, навѣрное, скажетъ: да! это стихотвореніе прелестно, но я уже читалъ его! И не придетъ ему въ голову, что онъ совсѣмъ не это стихотвореніе читалъ, а другое, начинающееся стихомъ: «Шопотъ, робкое дыханье», и не сообразитъ онъ даже, на примѣръ того, что въ одномъ стихотвореніи («Ночью какъ-то вольнѣе дышать мнѣ») изображается картина вечера городского, а въ обоихъ другихъ картина вечера сельскаго — до такой степени впечатлѣніе, производимое всѣми тремя стихотвореніями, одинаковы по своей неопредѣленности.

Это вообще участь всѣхъ сильныхъ и энергическихъ талантовъ — вести за собой длинный рядъ подражателей и послѣдователей, которые охотно овладѣваютъ пышною ризой богатаго патрона, но не будучи въ состояніи совладать съ нею, разщипываютъ ее по кусочкамъ. Тамъ, гдѣ патронъ отзывается на многочисленные и разнообразные запросы жизни, кліенты его выбираютъ какой нибудь одинъ мотивъ и при томъ, по большей части самый слабенькій, и овладѣвши имъ, изувѣчиваютъ его вконецъ. И не смотря на то, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ второстепенныхъ дѣятелей отнюдь нельзя отрицать присутствія таланта, безсиліе и ограниченность этого послѣдняго скажется непременно, и скажется очень скоро. Въ двухъ, трехъ пьесахъ онъ выльется весь со всѣмъ своимъ внутреннимъ содержаніемъ, и затѣмъ вся его дальнѣйшая поэтическая дѣятельность будетъ не болѣе, какъ повтореніемъ задовъ, иногда даже очень неловкимъ.

До какой степени это послѣднее замѣчаніе справедливо, примѣръ тому представляетъ г. Фетъ. Читая его стихотворенія въ сборникъ, отказываешься вѣрить, что одна и та же рука писала приведенныя нами выше три прекрасныя, хотя и очень однообразныя стихотворенія, и на примѣръ слѣдующее:

Ночь нѣма, какъ духъ безплотный,
Теплый воздухъ онѣмѣлъ,
Но какъ будто мимолетный
Колокольчикъ прозвенѣлъ.

Тотъ ли это, что мѣшаетъ
Въ далекомъ лѣсному сну,
И качаясь набѣгаетъ
На ночную тишину?

Или этотъ, чуть замѣтный
Въ цвѣтникѣ моемъ и днемъ,
Узаконный, разноцвѣтный
На тычинкѣ подь окномъ?

Прочитывая это воплощенное противорѣчіе грамматикѣ, читатель недоумѣваетъ, ужъ не загадка ли какая передъ нимъ, не «Иллюстра-

ція» ли это шутки шутить, помѣщая на своихъ столбцахъ стихотворные ребусы безъ картинокъ? Нѣтъ, читатель, это не загадка, а продолженіе той же самой поэтической дѣятельности, которая уже исчерпала скудное свое содержаніе, но не хочетъ еще сознаться въ этомъ. Поэтическую трапезу г. Фета, за весьма рѣдкими исключеніями, составляютъ: вечеръ весенній, вечеръ лѣтній, вечеръ зимній, утро весеннее, утро лѣтнее, утро зимнее; затѣмъ: кончикъ ложки, душистый локонъ и прекрасныя плечи. Понятно, что такими купаньями не объѣшься, какіе бы соусы къ нимъ ни придумывались; понятно тоже, что придумыванье соусовъ представляетъ работу тяжкую и при томъ до того ослабляющую воображеніе, что послѣднее, подъ конецъ, даже вовсе отказывается отъ всякихъ придумываній, а просто на просто довольствуется нѣкоторыми слабыми и при томъ не всегда впопадъ дѣлаемыми измѣненіями въ старыхъ рецептахъ. Вотъ въ эти-то горькія минуты и пишутся стихотворенія, подобныя описанному нами «Колокольчику».

И между тѣмъ, находятяся глубокомысленные критики, которые поэтическую дѣятельность г. Фета ставятъ до такой степени высоко, что даже для оцѣнки произведеній другихъ его собратій употребляютъ выраженіе: «тутъ есть что-то фетовское». Смѣемъ ихъ увѣрить, что даже въ стихотвореніяхъ самого г. Фета, нѣкоторой части которыхъ мы, впрочемъ, отдаемъ должную справедливость, есть очень мало «фетовскаго».

Народныя сказки, собранныя сельскими учителями. Изданіе А. А. Эрленвейна. М. 1863.

Это изданіе представляетъ конечно попытку народной книги. Поэтому на немъ стоить остановиться.

Въ предисловіи, подписанномъ «Головеньковскимъ учителемъ», говорится, что сказки, изданныя въ этой книжкѣ, собраны сельскими учителями въ (пяти) деревняхъ Тульской губерніи, Крапивенскаго уѣзда, что всѣ сказки записывались учителями или *со словъ ребятъ, или самими ребятами*.

Такимъ образомъ, въ этихъ сказкахъ мы имѣемъ продолженіе тѣхъ литературныхъ опытовъ школьныхъ ребятъ, которыми такъ восхищался графъ Толстой въ своей Ясно-полянской школѣ и гдѣ онъ находилъ столько естественной и поразительной художественности. Читатели, знакомые съ Ясно-Поляной, припомнимъ, что головеньковский учитель былъ однимъ изъ ея сотрудниковъ, и какъ показываетъ настоящая книжка, сотрудникомъ, раздѣлявшимъ и школьные пріемы Ясно-полянской школы. Какъ мы ни мало сочувствуемъ

теоретическимъ взглядамъ графа Толстаго, это, конечно, не помѣшаетъ намъ сказать, что его школьные практическіе приемы, на сколько можно было познакомиться съ ними по его рассказамъ, представляютъ очень много дѣльваго и здраваго. Къ числу этихъ приемовъ принадлежитъ и старанье развить въ дѣтяхъ способность связнаго и толковаго разсказа. Правда, въ этомъ приемѣ, собственно говоря, новаго ничего не было, потому что имъ пользовалась уже и та школа, противъ которой такъ ратовалъ графъ Толстой; но при всемъ томъ его выполненіе этого приема имѣетъ свои достоинства и могло бы быть существенно полезно въ первоначальномъ обученіи. Графъ Толстой заставлялъ ребятъ разсказывать то, что имъ было близко знакомо; онъ не выходилъ изъ ихъ круга понятій и изъ круга ихъ жизни. Разсказы о солдатѣ и подобныхъ сюжетахъ выходили у ребятъ очень толковы и плавны. Графъ Толстой пробовалъ пускаться съ ними и въ область чистой фантазіи и остался въ такомъ же удовольствіи отъ результатовъ.

Все это было прекрасно, и какъ элементарное занятіе съ дѣтьми было и полезно; но графъ Толстой не остановился на этомъ и рѣшилъ, что это основаніе — народный языкъ — должно быть принято и для всего преподаванія, что нашъ обыкновенный книжный языкъ для этого не годится.

Для начала онъ сталъ печатать разсказы ясно-полянскихъ ребятъ, теперь головеньковскій учитель дѣлаетъ тоже, вѣроятно, чтобы дать въ своей книжкѣ хорошее первоначальное чтеніе; Ясная Поляна не удовлетворялась никакими книгами для первоначальнаго обученія. Мы согласны, что и разсказы Ясной Поляны и сказки головеньковского учителя дадутъ на первый разъ вразумительное чтеніе для начинающихъ деревенскихъ ребятъ, что эти книжки не удивятъ ихъ никакими особенными словами и мудреными фразами. Всѣ разсказы и сказки, записанныя со словъ ребятъ, дѣйствительно обходятся съ тѣмъ только запасомъ словъ, которымъ привыкло обходиться наше сельское населеніе. Такимъ образомъ, сказки удобно могутъ читаться въ первоначальной сельской школѣ, — но что же дальше? Какимъ образомъ воспользоваться народнымъ языкомъ для дальнѣйшаго обученія?

Если предполагать, что народное обученіе должно ограничиваться одной грамотой, то можно, пожалуй, ограничиться и такими школьными пособіями, какъ сказки головеньковского учителя: выучить мальчикъ буквамъ и чтенію, и кончено, и пускай его потомъ пользуется своей грамотой, какъ знаетъ. У насъ издавна распространено было чтеніе для самаго процесса чтенія, и грамотникъ нашъ по необходимости становится такимъ читателемъ: въ прежнія времена—

обычай старины, сохранившійся и теперь въ удовольствіе любителей народности—его учили по псалтырю, въ которомъ онъ почти ровно ничего не понималъ, что извѣстно по давнишнему опыту, и что г. Золотовъ подтверждаетъ личнымъ наблюденіемъ. Грамота оставалась въ сущности безъ всякаго проку; правда, грамотникъ пріобрѣталъ возможность пользоваться ея въ извѣстной степени въ практической жизни, но она мало или даже нисколько не помогала расширенію его понятій: если онъ хотѣлъ читать, ему оставалось заниматься прежнимъ процессомъ непонимаемаго чтенія или довольствоваться Французомъ Венеціаномъ.

Этому горю не поможетъ разумѣется и болѣе разумное ученіе грамотъ по книжкамъ удобопонятнымъ, въ родѣ книги головеньковскаго учителя. Грамотникъ привыкаетъ, конечно, читать со смысломъ, большая выгода и въ томъ, что онъ будетъ читать вещь доступную, но все-таки эти книжки, чисто народнаго происхожденія, оставляютъ его съ тѣмъ же запасомъ словъ и понятій, которыми онъ владѣлъ и до грамоты. Ему все-таки будетъ недоступна всякая другая книга, идущая нѣсколько выше его уровня. —Что же изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что одного обученія грамотѣ, по псалтырю ли, или по хорошей книгѣ для чтенія, все-таки очень мало, если дѣло идетъ не о томъ только, чтобы дать народу знаніе буквъ, а также и о томъ, чтобы способствовать общему развитію его понятій. Нужно, чтобы школа пріучила своего воспитанника понимать въ чтеніи больше, чѣмъ одни сказки или Французъ Венеціанъ. Можно ли достигнуть этого съ одними книжками, написанными, —какъ хочетъ графъ Толстой, —на чисто народномъ языкѣ?

Но у насъ нѣтъ народныхъ книгъ, жалуются вообще у насъ, и сваливаютъ вину этого недостатка на слабость литературы. Это обвиненіе и справедливо, и несправедливо. Наша литература, конечно, слаба; по этой слабости она не имѣетъ не только книгъ народныхъ, составленіе которыхъ представляетъ и извѣстныя техническія трудности, но она не имѣетъ и многихъ необходимыхъ книгъ, въ которыхъ уже явнымъ образомъ нуждается наша читающая публика. Для литературы остаются закрытыми цѣлыя области знанія, и она по своей слабости еще не пріобрѣла возможности говорить объ извѣстныхъ предметахъ; она еще не имѣетъ для нихъ своего языка. Но соглашаясь въ этой слабости литературы, мы конечно не думаемъ обвинять самую литературу, или, другими словами, тотъ классъ литературныхъ рабочихъ, которому принадлежитъ литературное производство. Какъ вообще литература вовсе не составляетъ какой нибудь особенной, независимой силы въ жизни общественной, такъ и этотъ классъ самъ по себѣ не составляетъ вовсе чего нибудь отдѣльнаго отъ

общества, онъ собирается изъ этого самаго общества и онъ вообще можетъ дѣлать только то и въ той степени, до какой доходитъ разнѣе самаго общества. Обвиняя литературу, общество обвиняетъ только само себя. Если литература не достигла еще широкой дѣятельности, если она еще не можетъ выйти изъ своихъ банальныхъ обычаевъ, вина этого лежитъ чисто на самомъ обществѣ.

Но съ другой стороны плачь о недостаткѣ народныхъ книгъ, обвиняющій литературу, и несправедливъ, потому что забываетъ объ одномъ весьма важномъ обстоятельстве. У насъ говорятъ вообще, что народныхъ книгъ нѣтъ у насъ потому, что писатели не знаютъ народа, не знаютъ его языка, склада рѣчи и т. п.; что всегда они угощаютъ народъ книжными тяжелыми фразами, которыя остаются для него невразумительны. Знаніе народа — стало теперь стереотипной фразой для всякаго, кто начинаетъ говорить о подобныхъ предметахъ; каждый, — для выказанія наибольшей ревности, — считаетъ долгомъ приходить въ благородное негодование противъ тѣхъ, у кого нѣтъ этого знанія и т. д. Мы согласны, что есть вещи, дѣйствительно способныя вызвать такое негодование; но вѣдь во всякомъ случаѣ и «Елизавета Фрей» и «Сестра Розалія», пущенныя московскимъ обществомъ распространенія полезныхъ книгъ для популярнаго изданія, были такой дикой нелѣпостью, что было бы совершенно несправедливо дѣлать по нимъ заключеніе обо всей популярной литературѣ. Есть, конечно, и многіе другіе примѣры нелѣпыхъ обращеній къ народу; есть нелѣпые мнимо-народные журналы; есть поучительныя книжки, съ которыми обращаются къ народу разные его благопріятель, — но подобныя вещи будутъ и всегда, потому что всегда будутъ господа, для которыхъ изданіе разныхъ поучительныхъ вещей для народа будетъ только средствомъ для достиженія своихъ особенныхъ цѣлей. Эксплуатація народной публички будетъ продолжаться и при лучшемъ состояніи народной литературы. Но вопросъ не въ этомъ, — вопросъ въ томъ, есть ли въ настоящую минуту въ литературѣ знаніе народа, достаточное для того, чтобы — за отсутствіемъ другихъ препятствій — могла явиться толковая народная книга. Мы полагаемъ, что требованіе знанія народа, о которомъ вопіютъ теперь всѣ новопроявившіеся защитники народности, есть требованіе справедливое, но преувеличивается этими защитниками до крайней степени. Надо конечно знать народъ для составленія книги, но народъ вовсе не есть такой сфинксъ, какимъ они стремятся его представить. Кому случалось съ нимъ встрѣчаться, случалось проживать нѣсколько времени въ деревнѣ, видѣть его образъ жизни, нравы и увеселенія, случалось говорить съ мужикомъ въ деревнѣ, съ рабочимъ въ городѣ, — а рѣдко кому это не случалось, — тотъ, если только не совершенно

лишенъ здраваго смысла и нѣкоторой наблюдательности, можетъ составить себѣ понятіе объ общемъ уровнѣ развитія и степени пониманія народной массы. Писатель не нуждается въ подробныхъ этнографическихъ изслѣдованіяхъ, чтобы сообразить эти вещи.

Въ самомъ дѣлѣ, когда наша литература въ послѣднее время бралась за изображеніе народнаго быта, то и самымъ требовательнымъ судіямъ приходилось сознаваться, что она чрезвычайно вѣрно схватывала черты народнаго быта и народныхъ понятій. Начните хоть съ Тургенева, отъ котораго по видимому такъ трудно было бы ждать народныхъ типовъ и которому однако они иногда великоблжно удавались. Возьмите за тѣмъ цѣлый рядъ рассказчиковъ не столько сильнаго таланта, въ которыхъ однако сказалось иногда весьма тонкое наблюденіе народнаго характера. Однимъ словомъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ наша литература обратилась къ наблюденію народной жизни, она представляетъ и удовлетворительные результаты этого наблюденія. Слѣдовательно, въ ней вовсе нѣтъ такого большаго незнанія народа, въ какомъ ее обвиняютъ. Въ этомъ смыслѣ наша литература вовсе не составляетъ какого нибудь исключенія. Самое обращеніе къ народному изученію появляется въ ней почти одновременно съ тѣмъ, какъ то же стремленіе обнаружилось и въ главныхъ европейскихъ литературахъ. Результаты были у насъ не менѣе удачны, чѣмъ гдѣ либо.

Мы выводимъ изъ этого, что отсутствіе народной литературы должно имѣть и какія нибудь иныя причины. Дѣло въ томъ, что возможность извѣстнаго рода литературы опредѣляется вообще степенью подготовленности той публики, для которой она предназначена. Нашу обыкновенную читающую публику упрекаютъ часто, что она еще мало способна читать серьезныя книги,—это справедливо и означаетъ то, что степень ея развитія еще весьма незначительная и что серьезныя книги ей не по силамъ; но какъ эта публика въ своей сферѣ неприготовлена къ серьезнымъ книгамъ, такъ читатели народные въ своей сферѣ мало приготовлены къ возможной популярной литературѣ. Отъ народной книги у насъ требуютъ обыкновенно, чтобы она была прямо доступна грамотнику, хоть бы онъ былъ обученъ по псалтырю. Но мы уже замѣтили, что одно обученіе грамотѣ по псалтырю нисколько не развиваетъ понятій грамотника, что, собственно говоря, онъ не обученъ ничему, кромѣ знанія буквъ, что слѣдовательно за насъ его остается въ сущности тотъ же, какой у совершенно безграмотнаго. Ясное дѣло, что весьма трудно, да можетъ и совершенно невозможно написать популярную книгу (о предметѣ болѣе или менѣе серьезномъ) для такой степени умственнаго развитія. Эта книга должна по необходимости ограничиться тѣмъ словаремъ, который извѣ-

стенъ подобнаго рода читателямъ, — а съ этимъ словаремъ слѣвать много нельзя.

Защитники народности и здѣсь вскинутся на насъ съ воплями, что мы только по незнанію народа можемъ жаловаться на бѣдность его словаря, что великій знаетъ, какъ богатъ и выразителенъ нашъ народный языкъ и т. д. Мы отвѣчаемъ, что это богатство намъ извѣстно хоть бы по «Областному великороссійскому словарю», изданному академіей, если эти защитники не допустятъ въ насъ другаго знакомства съ народнымъ языкомъ. Но дѣло не въ этомъ богатствѣ: потому что при всей своей видимой величинѣ, оно ограничивается одной извѣстной областью, именно областью ближайшихъ отношеній народного быта. Въ его, это богатство окажется очень бѣдно, въ особенности, если въ популярной книгѣ должно идти дѣло о сообщеніи положительныхъ знаній; окажется, что народный словарь несостоятеленъ для выраженія фактовъ знанія самыхъ элементарныхъ, напр. хоть въ ариѳметикѣ, географіи и т. п. Какъ поступить въ этомъ случаѣ?

Богатство народного языка окажется богатствомъ воображаемымъ. Въ самомъ дѣлѣ, самъ народъ въ своей обыкновенной жизни далеко не пользуется этимъ богатствомъ. Возьмите народный разговоръ въ самыхъ фотографически-вѣрныхъ разсказахъ изъ народного быта, какіе есть въ нашей литературѣ, — и вы увидите степень этого богатства. Намъ нисколько не удивляетъ, когда въ подобныхъ разсказахъ мы встрѣчаемъ бесѣды мужиковъ, состоящія изъ безконечнаго повторенія фразъ: «ужь ты миѣ повѣрь», «знамо дѣло» и т. п., вообще состоящія изъ самаго элементарнаго употребленія «богатаго» народного словаря. Многіе наивные люди доказываютъ это же богатство крайнимъ изобиліемъ прибаутокъ и подобныхъ уснащиваній рѣчи, — но эти уснащиванія, хоть и составляютъ, можетъ быть, красивый орнаментъ, а къ дѣлу прибавляютъ они мало.

Такимъ образомъ при всемъ богатствѣ подобнаго рода, народный языкъ окажется естественно недостаточнымъ для народной книги. Но въ томъ и состоитъ искусство народного писателя, скажутъ намъ, чтобы стать близко къ языку народа и быть для него доступнымъ. Мы полагаемъ однако, что какъ бы ни было велико искусство этого писателя, онъ не сдумаетъ обойтись съ однимъ чисто народнымъ языкомъ, если только содержаніемъ его книги должно быть изложеніе предметовъ знанія, будетъ ли это ариѳметика, географія или популярная физика, популярная медицина и т. п. Если только заходить рѣчь о подобныхъ вещахъ, всѣ толки о томъ, чтобы удержаться на народной почвѣ, останутся бесполезны. Не выходя даже изъ элементарныхъ началъ этихъ знаній, писатель по необходимости вынужденъ будетъ употребить слова не народные, — хотя впрочемъ совершенно

русскія, но неизвѣстныя народу потому, что онъ не знаетъ *вещей* или *понятій*, ими обозначаемыхъ. Споръ о народности языка переходитъ просто въ вопросъ о знаніи или незнаніи. Народъ не пойметъ названія экватора, полюсовъ и т. п. не потому, что они не народны, а просто потому, что никогда не подозрѣвалъ существованія вещей, называемыхъ этими именами; точно такъ же онъ не пойметъ «десятичныхъ дробей» или географической «широты» и «долготы», не смотря на то, что это названія чисто русскія; и здѣсь онъ только не знаетъ предметовъ, называемыхъ этими именами.

Защитники народности требуютъ иногда, чтобы, по крайней мѣрѣ, чужая иноземная терминологія была замѣнена русской. Это прекрасно, когда это возможно; и совершенно бесполезно, когда для перевода иностраннаго слова нужно сочинить новое небывалое прежде русское слово. Ясно, что случаевъ перваго рода будетъ чрезвычайно мало, — мы не имѣемъ «народныхъ» словъ для экватора, эклиптики и т. п., да если примемся переводить ихъ на русскій языкъ, то въ результатѣ получится множество столько же ненародныхъ уродливостей. Мы согласны, что при извѣстномъ стараніи и искусствѣ, языкъ, по крайней мѣрѣ, элементарныхъ книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, можетъ быть упрощенъ до большой степени, но при всемъ томъ это не будетъ языкъ чисто-народный. Для этого языка все-таки необходимо потребуются извѣстное приготовленіе, извѣстная школьная практика.

Прежде чѣмъ возможна будетъ у насъ настоящая народная книга, нужно, чтобы въ народѣ распространилась извѣстная подготовка къ принятію понятій, для которыхъ не было до сихъ поръ выраженій въ его словарѣ. Эта подготовка можетъ быть дана только школой, — очевидно не той, за которую ратуютъ теперь мнимые защитники народности, школы — предоставленной дескать въ полную волю народа, т. е. въ полную волю людей, почти поголовно безграмотныхъ, выражающихся о заведеніи школы иногда такимъ образомъ: «нужно намъ этого дерьма-то» (Замѣтки одного наблюдателя народности). Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы желали для народа не одной той грамотности, о которой мы говорили прежде, и которая приобрѣтается посредствомъ псалтыря, то ясное дѣло, что эта школа, «предоставленная самому народу», еще очень долго не приведетъ насъ къ желанной цѣли, потому что долго еще, по извѣстному обыкновению, будетъ держаться старины, т. е. псалтыря, или одной голой грамотности, хоть по другой методѣ. Въ правахъ еще долго останется извѣстное изреченіе сельской мудрости, что «отцы-де наши не глупѣй насъ были, а безъ грамоты свой вѣкъ прожили» и т. п. Защитники народности забываютъ, что предоставляя школу «самому народу», они предоставляютъ ее классу самому безпомощному въ этомъ; да и

въ другихъ отношеніяхъ. — Вопросъ о народныхъ книгахъ необходимо привелъ насъ къ тому же выводу, нами уже не разъ высказанному, что народной школѣ необходимо содѣйствіе. Правительство беретъ на себя часть этого содѣйствія; другая часть должна бы быть предоставлена инициативѣ, т. е. охотѣ и желанію самого общества. Мы уже видѣли прекрасные примѣры того, что участіе нашего общества—при всей его незрѣлости и неумѣньѣ—могло отлично сходиться съ народными желаніями и потребностями. Школы, устроенныя обществомъ въ согласіи съ народомъ,—мы видѣли образцы такихъ школъ,—имѣли бы несомнѣнный успѣхъ, и принесли бы несомнѣнную пользу. То, о чемъ говоримъ мы, было бы лучше «предоставленія школы самому народу».

Но кромѣ указанныхъ нами обстоятельствъ, есть и другія вещи, которыя мѣшали развитію нашей популярной литературы. Нѣтъ сомнѣнія, что популярная книга, если только она хочетъ быть дѣйствительно нужной и занимательной для народа, не можетъ ограничиться однимъ сообщеніемъ безразличныхъ знаній; она должна ближайшимъ образомъ войти и въ самые интересы народа, въ его собственный бытъ и отношенія. Безъ этого важность популярной литературы будетъ болѣе или менѣ условная, — между тѣмъ для нашей литературы не было никакой возможности вступить на эту дорогу. И само такъ называемое общество жило, какъ будто не подозрѣвая, что у него есть собственное дѣло, о которомъ оно могло бы подумать и размыслить; оно стало думать объ этомъ дѣлѣ только тогда, когда ему сказали объ этомъ, да и тогда не сумѣло хорошенько справиться съ своей задачей, — ясно, что о народѣ не могло быть и рѣчи. Притомъ огромная масса народа, къ которой должна была бы обращаться народная литература, была еще въ полнѣйшемъ крѣпостномъ правѣ: что могъ сказать народный писатель этой массѣ, какъ онъ могъ отвѣстись къ общественному ея положенію? Но конечно было бы смѣшно, еслибъ народная книга стала въ подобномъ случаѣ только «вразумлять мужика объ электричествѣ».

Вообще слѣдовательно существованіе толковой народной книги зависитъ и отъ извѣстной подготовленности народныхъ читателей, посредствомъ правильной школы, и отъ внутренней силы самой литературы, т. е. дѣлаго развитія общества. Если народной книги нѣтъ, отсутствіе ея объясняется изъ отсутствія этихъ двухъ основаній. Плачь нашихъ ревнителей о неумѣлости отдѣльныхъ писателей, вопли о незнаніи народа, оказываются совершенно излишними и безплодными. Разные господа, считающіе себя близкими къ народу, могутъ конечно въ сознаніи своей компетентности компоновать народныя книжки, но при отсутствіи указанныхъ нами условій, книжки будутъ

оставаться нескладной пародіей на народную книгу. Г. Щербина, нѣкогда знатокъ Греціи, античныхъ барельефовъ и сикоморъ, недавно превратившійся неожиданно въ знатока (даже очень назойливаго) русской народности, составитъ свой «Читальникъ», которому посвящаетъ уже нѣсколько лѣтъ труда, но «Читальникъ», судя по программѣ знатока народности, выйдетъ только подкрашеннымъ обновленіемъ знаменитаго «Письмовника», — т. е. книгой, конечно разнообразной и пестрой, заключающей въ себѣ все — отъ молитвъ до анекдотовъ и стихотворныхъ исторій, но во всякомъ случаѣ мало полезной для головы. Такихъ народныхъ книгъ можетъ существовать сколько угодно; только проку отъ нихъ не будетъ никакого.

Крестовый походъ императора Фридриха втораго изъ дома Гогенштауфенскихъ герцоговъ (18 іюня 1228 — 10 іюня 1229). Разсужденіе, представленное въ историко-филологическій факультетъ императорскаго с.-петербургскаго университета, для полученія степени магистра всеобщей исторіи, *В. Бильбасовымъ*. Спб. 1863.

Историческія диссертациі, или «разсужденія», какъ выражается г. Бильбасовъ, представлявшіяся въ историко-филологическій факультетъ петербургскаго университета, съ давнихъ поръ бывали какія-то странныя, выбирали такія спеціальныя и отдаленныя темы, что не только не могли рисковать занять постороннихъ читателей, но и въ своемъ кругу вѣроятно забывались на другой же день. Въ этихъ «Македонскихъ игемоніяхъ» и подобныхъ имъ «разсужденіяхъ» было еще и другое свойство: они пренебрегали, правда, большинствомъ недостаточно ученой публики и не имѣли въ ней читателей, но за то служили чистой науцѣ и разрабатывали свои темы по источникамъ, даже дѣлали открытія... Къ сожалѣнію, оказывалось и здѣсь, что изучая источники, наши историки понятія не имѣли о новыхъ изслѣдованіяхъ: напр. писавшіе о греческой или македонской исторіи не считали нужнымъ справляться съ новѣйшими писателями (слѣд. неисточниками), въ родѣ какого нибудь Грота, и на дѣлѣ выходило, что открытія нашихъ ученыхъ не только не были открытіями, но что вещи, которыя наши ученые будто бы объясняли въ первый разъ, были объяснены давнымъ давно и въ двадцать разъ лучше.

Оставалось имъ только одно утѣшеніе, что они изучали по источникамъ.

Г. Бильбасовъ также изучалъ крестовый походъ Фридриха II по источникамъ, но онъ впрочемъ отличается отъ своихъ предшественниковъ тѣмъ, что читалъ Мишо и Раумера. Но умѣемъ выбрать

сюжетъ онъ нисколько не ушелъ отъ нихъ. Во всей всеобщей исторіи онъ не нашелъ для себя и для русскихъ читателей сюжета занимательнѣе эпохи отъ 18 іюня 1228 до 10 іюня 1229. Что такого особеннаго представляетъ именно этотъ одинъ годъ среднихъ вѣковъ, чтобы написать его исторію? Зачѣмъ намъ именно этотъ годъ? Мы поняли бы подобный выборъ, еслибы авторъ обставилъ описаніе этого года характеристикой времени, — но авторъ въ сущности этимъ годомъ и ограничивается. Рассказавши въ началѣ, какъ Фридрихъ родился, какъ онъ вступилъ въ бракъ, г. Бильбасовъ начинаетъ переписывать и компилировать хроники о его крестовомъ походѣ, рассказываетъ, когда и въ какіе дни приходилъ онъ въ такіе-то города, наполняетъ свой рассказъ ненужнымъ сырымъ матеріаломъ, въ родѣ писемъ, посланій и т. п., и этими средствами достигаетъ того, что книга могла бы быть прочитана только съ величайшимъ трудомъ. Она крайне скучна. За то источниковъ множество; выписки изъ нихъ напечатаны мелкимъ шрифтомъ внизу текста и занимаютъ кромѣ того порядочную долю въ концѣ книги въ видѣ особыхъ примѣчаній.

Ревность къ источникамъ дошла у автора до того, что въ одномъ мѣстѣ онъ ссылается даже на славянскіе хронографы, хотя они не могли сообщить ему рѣшительно ничего новаго. Г. Бильбасову очень хорошо извѣстно было, напримѣръ, и изъ его латинскихъ источниковъ и изъ Раумера, что Фридрихъ II женился на дочери короля іерусалимскаго, Іолантѣ. Подобными свидѣтельствами онъ могъ совершенно достаточно убѣдить читателя въ томъ, что Фридрихъ дѣйствительно женился на Іолантѣ. Но латинскихъ источниковъ и Раумера ему мало; онъ ссылается еще на хронографъ, гдѣ даже имя Іоланты совершенно перевернуто, и пишетъ въ сноскѣ: «Фридерикусъ поелъ за себя малженку Іопену... русс. хроногр. XVII ст.» Мы рѣшительно не могли понять ученаго пріема г. Бильбасова и обратились къ примѣчанію въ концѣ книги, на которое онъ указываетъ въ этомъ случаѣ. Въ примѣчаніи сказано:

«Рукопись эта (т. е. хронографъ) составляетъ собственность О. И. Буслаева, академика и профессора московскаго университета. Приводя изъ этого хронографа нѣсколько мѣстъ, считаемъ пріятною для себя обязанностію принести искреннюю благодарность О. И. Буслаеву, который предложилъ намъ заняться памятникомъ и руководилъ насъ при этомъ своими добрымъ, обязательнымъ для насъ совѣтомъ».

Правда, изъ этого примѣчанія мы все-таки не объяснили себѣ ученыхъ пріемовъ г. Бильбасова, но поняли, по крайней мѣрѣ, что съ трудолюбіемъ онъ соединяетъ благонравіе и уваженіе къ старшимъ.

ОТВѢТЪ МОСКОВСКИМЪ УЧЕНЫМЪ.

Недавно нѣкоторые московскіе ученые пришли въ негодованіе отъ одной статьи «Современника», и напечатали въ «Современной Литературѣ», этомъ извѣстномъ органѣ московской учености и остроумія, слѣдующій примѣчательный текстъ:

«Въ концѣ прошлаго года московскимъ публичнымъ музеумомъ изданы фотографическіе снимки съ миниатюръ греческой синодальной рукописи, содержащей въ себѣ акаѳистъ Божіей Матери. Въ предисловіи къ изданію эта рукопись отнесена къ XII—XIV вѣку, а миниатюры и заглавныя буквы, ее украшающія, признаны за произведеніе византійскаго стиля. Въ № 6 «Современника» нынѣшняго года, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Новые наши благодѣтели», неизвѣстный авторъ, вмѣсто того, относитъ рукопись къ концу XV, даже къ XVI вѣку, а въ миниатюрахъ и въ заглавныхъ буквахъ видитъ рѣшительное вліяніе и полнѣйшее преобладаніе позднѣйшаго западнаго стиля, извѣстнаго подъ именемъ *возрожденія*. Продолжая изданіе фотографическихъ снимковъ съ византійскихъ миниатюръ другихъ находящихся въ Москвѣ рукописей, издатели акаѳиста, для соображенія въ своихъ дальнѣйшихъ археологическихъ работахъ, покорнѣе просятъ автора сказанной статьи подробнѣе и обстоятельнѣе объяснить и доказать свое мнѣніе, и тѣмъ болѣе потому, что оно, ставя вопросъ на новую почву, рѣшительно противорѣчитъ мнѣніямъ другихъ ученыхъ, и между прочимъ такого знатока, какъ г. Ваагенъ, который въ бытность свою въ Москвѣ, опредѣлилъ сказанную рукопись XII в., о чемъ и упомянуто было въ предисловіи къ изданію».

Всему этому дано заглавіе: «*Вызовъ на объясненіе*».

И такъ, «Современникъ» получилъ теперь вызовъ. Какой же это вызовъ? Вызовы бываютъ разные: вызовъ на дуэль, вызовъ къ суду, разные другіе еще бываютъ вызовы. Но «Современнику» нельзя, кажется, сомнѣваться въ свойствѣ полученнаго имъ теперь вызова: это вызовъ къ суду. Все насъ убѣждаетъ въ томъ, и тонъ, и форма, и содержаніе вызова. Взгляните на форму: чисто судейская. Въ началѣ приступъ, вступленіе, «въ прошломъ году издана нами рукопись и отнесена нами же къ XII—XIV вѣку». Потомъ обвиненіе: «неизвѣстный авторъ осмѣлился найти совсѣмъ другое, чѣмъ мы, и объявить, что эта рукопись не древняя, а XV или XVI вѣка, и ничуть не значительная и не драгоцѣнная». Заключение: «а поелику неизвѣстный авторъ такимъ образомъ поставилъ вопросъ на новую почву и противорѣчитъ мнѣніямъ ученыхъ, и между прочимъ профессора Ваагена, то и вызывается для объясненія по всѣмъ пунктамъ, обстоятельно и подробно». Находя все это вмѣстѣ, нельзя сомнѣваться въ значеніи вызова. И такъ, намъ предстоитъ потѣшить публику зрѣлищемъ курьезнаго византійскаго процесса? Намъ предстоитъ послужить для новаго торжества нашихъ противниковъ? Мы чувствуемъ, что насъ ожидаетъ, что разразится надъ нами вслѣдъ за послѣднимъ словомъ оправданія, вслѣдъ за послѣднимъ доводомъ нашимъ. Наше осужденіе готово, грозная кара стоитъ уже за дверями. Но нѣтъ, мы не согласны на программу нашихъ ученыхъ противниковъ. Къ чему намъ выполнять ихъ юридическія затѣи, къ чему намъ забавлять другихъ ролю жертвы, когда у насъ можетъ найтись задача гораздо лучше?

Съ самаго начала намъ всего удивительнѣе показалось то, что противъ статьи «Современника» поднялись московскіе издатели. Въ статьѣ «Новые наши благодѣтели», мы ни слова не говорили ни объ издателяхъ, ни объ изданіи, ни объ текстѣ. Мы только замѣтили кое-что о странныхъ толкованіяхъ профессора Буслаева, и о его византійскихъ восторгахъ. Все это до издателей и ихъ мнѣній не относилось ни въ самой малѣйшей мѣрѣ: мы о нихъ тогда не только не говорили, даже не думали. Кто бы могъ воображать, что существуетъ нѣжная связь между византійскимъ братствомъ и московскими издателями? Мы говорили противъ профессора Буслаева, онъ бы самъ и могъ отвѣчать, если бы нужно было, если бы того заслуживалъ «Современникъ», умѣющій только, какъ извѣстно, глумиться надъ наукой и ея служителями.

Но еще болѣе мы были поражены тѣмъ соображеніемъ, которое московскіе издатели выставили своею побудительною причиною для вызова насъ къ суду. Они говорятъ: «продолжая изданіе своихъ снимковъ, издатели, для соображенія въ своихъ дальнѣйшихъ археологи-

ческихъ работахъ, просятъ автора» и т. д. Вообразите себѣ, какіе чудаки эти издатели: мы обязаны приводить доказательства, вступать въ пренія, выносить ихъ диспутъ, подвергаться ихъ гнѣву, не для того, чтобъ обнаружилась истина, не для того, чтобъ читатели получили наконецъ настоящее понятіе о томъ, что у нихъ тамъ издано въ Москвѣ, а только для того, чтобъ гг. издателямъ было удобнѣе въ ихъ соображеніяхъ и будущихъ археологическихъ работахъ! Какъ это намъ интересно!

Но если ужъ дѣло пошло о соображеніяхъ и будущихъ работахъ, то мы бы совѣтовали гг. издателямъ болѣе всего беречься увлеченій дружбою, братствомъ и другими подобными вещами. Пусть нынѣшній случай послужитъ имъ предостереженіемъ и урокомъ: они теперь предались сочувствію къ дорогимъ ихъ сердцу ученымъ до такой степени, что рѣшительно забыли все, что прежде говорили, принялись считать чужія мнѣнія за свои, начали приписывать себѣ слова, которыхъ никогда не произносили, однимъ словомъ, перепутали все дѣло, наговорили множество неправдъ, сами на себя наклеветали самымъ забавнымъ образомъ. Вотъ тому доказательства.

«Вызовъ» увѣряетъ, будто въ предисловіи къ своему первому выпуску издатели относили рукопись, о которой теперь идетъ рѣчь, къ XII—XIV вѣку. Мы съ удивленіемъ должны остановить московскихъ ученыхъ на ихъ первыхъ же словахъ. Это было бы очень печальное дѣло, еслибъ спеціальные ученые, взявшіеся за разборъ, объясненіе и изданіе старыхъ рукописей, оказались бы вдругъ столько плохи по своему предмету, что не знали бы, къ какому времени въ теченіе цѣлыхъ 200 лѣтъ отнести давнюю рукопись. Но къ чести нашихъ московскихъ ученыхъ надо сказать, что такого незнанія, такой неприготовленности они еще не обнаруживали въ своихъ объясненіяхъ. Никогда они не говорили того, что теперь себѣ приписываютъ, и, чтобъ помочь друзьямъ, только взвели на себя напрасную клевету. Но мы не чувствуемъ въ себѣ ученаго восторга отъ византійской рукописи, наше воображеніе не мечется въ страстномъ безпорядкѣ отъ ея художественныхъ прелестей, мы вполне собою владѣемъ, а потому намъ легко будетъ исправить неточности ученыхъ въ экстазѣ.

Въ предисловіи у нихъ нѣтъ ни одного слова про XII или XIV вѣкъ. Тамъ говорится совсѣмъ другое. Тамъ повторено только мнѣніе стариннаго каталога, стариннаго профессора Маттеи, что рукопись принадлежитъ X вѣку, а такъ какъ при этомъ издатели ничего не сказали противъ этого мнѣнія, значитъ признали его правильнымъ. Но именно это-то они нынче и забыли. Вотъ первая неправда ихъ *вызова*.

Потомъ, въ отдѣлѣ носящемъ заглавіе: *описание рукописи* (замѣтите, это совсѣмъ не то, что *предисловіе*), говорено о XII и XIV вѣкѣ, но опять-таки совсѣмъ не то, что теперь увѣряютъ издатели. Въ *описаніи* именно сказано, что одни ученые приписывали рукопись X-му вѣку, другіе XII-му, третьи XIV-му, но что «наибольшая вѣроятность склоняется въ пользу послѣдняго мнѣнія». Значительнѣйшая часть всего *описанія* рукописи именно посвящена опроверженію того мнѣнія, которое относитъ ее къ XII-му вѣку. Слѣдовательно, издателямъ нечего было приходить нынче въ ужасъ, если кто нибудь кромѣ нихъ не соглашался видѣть XII-го вѣка въ ихъ рукописи, нечего было указывать на это какъ на преступленіе, подлежащее публичному суду; имъ нечего было ссылаться на профессора Ваагена и его опредѣленіе, если они прежде сами же ополчались противъ его мнѣнія. Вотъ вторая неправда издателей.

Наконецъ, третья неправда у нихъ та, что они увѣряютъ, будто въ томъ же своемъ *предисловіи* они «признавали миниатюры и заглавныя буквы этой рукописи за произведенія византійскаго стиля». Все это неправда. Во первыхъ, въ *предисловіи* у нихъ ровно ничего нѣтъ про миниатюры и заглавныя буквы издавнаго ими акаѳиста, а только напечатано нѣсколько жиденькихъ общихъ мѣстъ про достоинство и значеніе византійской миниатюрной живописи вообще; что же касается до отдѣла: *описание рукописи*, то и тамъ о заглавныхъ буквахъ сказано лишь, что онѣ «составлены изъ животныхъ, змѣй, птицъ и т. п., раскрашены красками и золотомъ и представляютъ въ фигурномъ разукрашенномъ видѣ всѣ литеры греческаго алфавита», а о миниатюрахъ сказано только, что «о характерѣ ихъ живописи предоставляется судить знатокамъ дѣла». Во всемъ этомъ нѣтъ еще, кажется, ни единого слова о *византійскомъ стилѣ*.

Такимъ образомъ, издателямъ не было никакого резона требовать насъ къ суду: они ратовали противъ XII вѣка — мы тоже на него не согласны; они про заглавныя буквы сказали только, что онѣ составлены изъ животныхъ, змѣй и птицъ — мы нисколько противъ этого не спорили; они предоставили о миниатюрахъ судить знатокамъ дѣла — мы тоже этого желаемъ: въ чемъ же теперь наше разногласіе, въ чемъ мы разошлись? Кажется, ни въ чемъ. Пожалуй, мы разошлись на счетъ мнѣнія профессора Буслаева о рукописи; но вѣдь ни въ *предисловіи*, ни въ *описаніи* о немъ не было сказано, издатели ничего до сихъ поръ не объявляли о томъ, что они присягнули этому мнѣнію въ вѣрности, и что ихъ читатели должны послѣдовать ихъ примѣру, значитъ мы не чувствуемъ себя виноватыми ни противъ перваго выпуска, о которомъ гг. издатели больше не заботятся, ни противъ по-

слѣдующихъ, на счетъ которыхъ они занимаются теперь соображеніями.

Убѣдившись въ экзальтированномъ настроеніи духа издателей, заставившемъ ихъ позабыть или перепутать многое изъ прежде ими сказаннаго, мы приходимъ естественнымъ образомъ къ подозрѣнію, что они забыли или перепутали еще многое другое. Намъ особенно беспокоитъ показаніе о профессорѣ Ваагенѣ и его мнѣніи. Что, если вдругъ окажется и тутъ несостоятельность ихъ памяти, напримѣръ, такимъ образомъ, что нѣмецкій ученый вовсе ничего не говорилъ про XII вѣкъ, а напротивъ, про какой нибудь совершенно другой; или пожалуй и про XII, да только по поводу совершенно иной рукописи; а то еще, можетъ быть, было говорено и про XII вѣкъ, и про эту рукопись, но все это сказалъ не Ваагенъ, а другой какой-то человѣкъ, пожалуй и профессоръ, да не нѣмецъ и т. д. и т. д. Предположеніямъ и подозрѣніямъ, однажды возбужденнымъ, нельзя предвидѣть и конца, и мы, въ справедливой ревности къ истинѣ, прямо объявляемъ, что не вѣримъ ссылокъ издателей на профессора Ваагена: пусть они напередъ докажутъ, что тѣ слова, за которыя они ухватились съ такою вѣрою, дѣйствительно были произнесены, пусть они напередъ убѣдятъ насъ, что по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ мы можемъ положиться на нихъ, и только потомъ уже они получаютъ отъ насъ тѣ объясненія, которыхъ требуютъ.

Впрочемъ, успокойтесь, господа московскіе ученые: мы съ васъ не потребуемъ, въ самомъ дѣлѣ, ни очныхъ ставокъ, ни свидѣтелей, ни документовъ, ни присяги, ни писемъ въ Берлинъ, ни отвѣтовъ оттуда. Мы это дѣло порѣшимъ гораздо проще и короче: мы объявимъ, что намъ нѣтъ никакого дѣла до того, былъ ли профессоръ Ваагенъ въ Москвѣ, или нѣтъ, видѣлъ ли онъ вашу рукопись, или и до сихъ поръ не подозрѣваетъ о ея существованіи, говорилъ ли про XII вѣкъ, или называлъ какой нибудь другой.

Пусть гг. издатели узнаютъ отъ насъ то, чего до сихъ поръ еще и не подозрѣвали: а именно, что вовсе не можетъ служить имъ помощью то имя, за которое они схватились съ такою надеждою. Профессоръ Ваагенъ конечно одинъ изъ лучшихъ знатоковъ живописи въ Европѣ. Его заслуги по исторіи художества извѣстны, его сочиненія пользуются по всей справедливости величайшимъ уваженіемъ, глубокимъ довѣріемъ. Но нѣтъ у Ваагена ничего слабѣе тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ говоритъ о византійской живописи. Сколько превосходны его изслѣдованія и вѣрны взгляды, когда рѣчь идетъ объ искусствѣ западныхъ народовъ, столько же все у него шатко и невѣрно, когда

дѣло касается Византіи. Одинъ человѣкъ не можетъ быть равносиленъ по всѣмъ частямъ. Та отрасль искусства, которая носитъ названіе византійскаго искусства, требуетъ особеннаго знанія, особеннаго изученія, котораго у Ваагена не было. Въ этомъ легко могъ убѣдиться всякій, кому случилось разсматривать византійскія рукописи лондонскихъ и парижскихъ собраній и сличать ихъ съ описаніями у Ваагена. Все у него тутъ невѣрно, недостаточно, неудовлетворительно, и это должны бы особенно хорошо понимать, даже и не ѣздивши въ Парижъ и Лондонъ, русскіе ученые, плавающие въ цѣломъ морѣ византійскихъ памятниковъ, надѣленные всѣми средствами для того, чтобы безъ всякой иностранной помощи дойти въ нихъ до самой тонкости, до самой глубины. Даже при небольшомъ изученіи таинствъ византійскихъ, легко придти къ убѣжденію, что Ваагенъ мало разумѣетъ это искусство, что мало изощрилась его провицательность въ различеніи всѣхъ тѣхъ большихъ и малыхъ мелочей, изъ которыхъ состоятъ чуть ли не все византійское искусство, и знаніе которыхъ составляетъ главную задачу истиннаго византійскаго ученаго. Тутъ со своимъ европейскимъ, неприготовленнымъ взглядомъ Ваагенъ совершенно запутался и нагромоздилъ столько невѣрностей и неправды, и въ общемъ, и въ подробностяхъ, что для византійскихъ ученыхъ открывается обширное поле для высказанія всей разносторонности ихъ тонкихъ знаній и критическаго таланта, и ни въ какомъ случаѣ не остается возможности ссылаться на Ваагена, какъ на твердую основу византійства.

Но пусть будетъ и не такъ, пусть Ваагенъ самый твердый столбъ въ этомъ дѣлѣ, все-таки мы не принадлежимъ къ толку того превосходнаго московскаго писателя, который недавно провозгласилъ своимъ поклонникамъ, что не надо вникать въ предметъ и углубляться въ него, а слѣдуетъ довольствоваться повтореніемъ того, что говорятъ другіе — мы до такой московской премудрости не успѣли добраться; ученый не представляется еще намъ какимъ-то начальникомъ, который что ни скажетъ, такъ тому и быть. Мы продолжаемъ думать, что нечего трусливо отыскивать чужихъ мнѣній и набожно хвататься за нихъ, когда можно добраться толку и собственными своими глазами и головой; нечего прибѣгать къ иностраннымъ профессорамъ, когда можно и должно самому заняться дѣломъ и дойти до настоящаго разъясненія его. Вещь передъ нашими глазами: зачѣмъ же не разсмотрѣть ее?

Ученые московскіе издатели забыли это сдѣлать, и нашли, что гораздо лучше съ насъ требовать объясненія. Но мы ничего тутъ не видимъ для себя ни интереснаго, ни завлекательнаго: роль учителей нисколько не соотвѣтствуетъ ни нашимъ вкусамъ, ни намѣреніямъ.

Для успѣха своихъ дальнѣйшихъ работъ и изслѣдованій они могутъ обращаться куда имъ угодно, не намъ наставлять тѣхъ, кто выступаетъ съ цѣлью учить русскій народъ настоящимъ источникамъ его народности и истиннымъ понятіямъ о красотѣ, хотя для этого послѣдняго наученія мы бы ожидали видѣть выбранными не тѣ женскія фигуры, которыя даже самъ профессоръ Буслаевъ, нечаянно проговорившись, называетъ *тощими* и *костлявыми*. Не намъ брать на себя такія тяжелыя задачи: ученаго учить только портить, но если гг. издатели не желаютъ и впредь дѣлать такіе промахи, какой случился съ ними въ первомъ ихъ выпускѣ, если они не желаютъ въ другой разъ еще принять позднюю живопись за живопись XII вѣка, то пусть они хорошенько займутся своимъ дѣломъ; пусть снова просмотрятъ изданную ими рукопись, постараются изучить ее во всѣхъ подробностяхъ, и покажутъ въ другихъ рукописяхъ, которыхъ время изготовленія несомнѣнно, гдѣ еще они найдутъ, кромѣ самаго поздняго времени, такое преобладаніе волнистыхъ и искривленныхъ линій въ складкахъ одежды, такое отсутствіе прежнихъ условныхъ симметрическихъ формъ ея, такое совершенное безобразіе черепа, лица, рукъ и ногъ, такіе разщепленные и закручивающіяся по концамъ крылья: какъ эти, такъ и всѣ остальные подробности указываютъ на такое время, когда уже отступали отъ коренныхъ византійскихъ формъ и преданій; а если наши ученые издатели обратятъ наконецъ вниманіе на орнаментальную часть рукописи, то рамка и заглавныя буквы укажутъ имъ и въ общихъ очертаніяхъ и въ подробностяхъ на вкусъ очень далекій отъ византійскаго: видѣвъ въ рукописяхъ XII и XIII вѣка не удастся имъ сыскать ни этихъ черточекъ кругомъ рамокъ, которые окружаютъ ихъ точно сыплющіяся искры, ни щеголеватыхъ волнистыхъ формъ въ буквахъ, ни той капризной, изящной зелени, ни тѣхъ фигуръ, составленныхъ изъ масокъ, которыя тутъ встрѣчаются на каждомъ шагу.

Пусть гг. издатели отыщутъ намъ примѣры противнаго, и тогда мы признаемъ, что дѣйствительно они истинные знатоки по византійской части, что отъ нихъ можно ожидать великой пользы для нашей науки, а отъ ихъ изданія настоящаго наученія нашему народу въ томъ, что относится до самыхъ коренныхъ основъ русской народности. До тѣхъ же поръ мы будемъ въ нихъ сомнѣваться столько же, сколько въ братіяхъ новозатѣяннаго московскаго братства, изъ наперсниковъ котораго они такъ нехотати вадумали теперь превратиться въ защитниковъ.

2-го сентября.

ПОЛИТИКА.

ОТЧЕГО ТАКЪ МАЛО ГОВОРЯТЪ О СОБЫТІЯХЪ ВЪ АНГЛІИ?—ДИКТАТУРА ПАЛЬМЕР-СТОНА. — НЕЗНАЧИТЕЛЬНОСТЬ ПОСЛѢДНЕЙ ПАРЛАМЕНТСКОЙ СЕССИИ. — ПРЕДПОЛАГАЕМЫЯ РЕФОРМЫ ВЪ ШВЕЦИИ И ОТНОШЕНІЯ КЪ ЭТИМЪ РЕФОРМАМЪ РАЗЛИЧНЫХЪ СОСЛОВІЙ. — БОРЬБА ПАРТІЙ ВЪ БЕЛЬГИИ. — БОРЬБА РАЗЛИЧНЫХЪ ПАРТІЙ МЕЖДУ СОБОЮ И СЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ ВЪ ИСПАНІИ. — СТОЛКНОВЕНІЕ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ И НАРОДНЫМЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВОМЪ ВЪ ДУНАЙСКИХЪ КНЯЖЕСТВАХЪ.

Въ числѣ великихъ европейскихъ державъ есть одно государство, о внутренней жизни котораго газетамъ и журналамъ приходится говорить очень немного, о которомъ и нашъ журналъ очень рѣдко упоминаетъ въ своихъ политическихъ обзорѣніяхъ. Государство это — Англія. О внѣшней политикѣ Англіи газетамъ нельзя не говорить, потому что Англія, по самому положенію своему, какъ великая и могущественная держава, не можетъ не играть видной роли въ международныхъ отношеніяхъ государствъ стараго и новаго свѣта. Поэтому и намъ, при описаніи различныхъ событій, при разсказахъ о дѣлахъ сѣверо-американскихъ, польскихъ, греческихъ и т. д. приходилось неоднократно упоминать о той роли, которую Англія играла во всѣхъ этихъ вопросахъ.

Но внутренняя исторія Англіи, повторяемъ, не богата замѣчательными событіями и не обращаетъ на себя особеннаго вниманія современнаго историка. Это происходитъ отъ того, слышимъ мы не-

редко, что внутренняя жизнь Англии идет таким правильным путем, что здоровый государственный организм ее совершает все свои отправления так правильно, что действительно в ней не случается ничего, обращающего на себя всеобщее внимание. Машина заведена и машина эта, без всякой порчи и остановки, работает непрерывно в течении многих лет. Можно удивляться искусному устройству этой машины, что и делают все народы Европы, но постоянно стоять над ней и смотреть, как однообразно и монотонно она работает — это дело в высшей степени скучное; поэтому, заключают безусловные поклонники английского общественного устройства, и понятно, почему внутренняя события в Англии не обращают на себя внимания европейских политиков. Подобное рассуждение кажется с первого взгляда весьма основательным. Действительно, если допустить, что государственная машина Англии получила такое совершенное устройство, что не нуждается ни в каких не только радикальных, но даже менее значительных поправках и усовершенствованиях — то значит нечего и толковать; пускай себя работает да работает без шума, без треска, но с пользою для граждан государства. Но если мы видим, что устройство этой машины далеко не такое совершенное, каким оно обыкновенно считается, то вышеприведенное рассуждение делается совершенно невѣрным. Если мы обратим внимание на то, что пресловутое английское государственное устройство пользуется только славой образцового устройства, а что на деле оно представляет множество темных и гнилых пятен, то мы увидим, что отсутствие крупных фактов из внутренней жизни страны происходит от других причин, нежели от тех, на которые указывают нам безусловные поклонники английских учреждений. Если мы вспомним, что благодаря существованию верхней палаты в настоящем ее виде, аристократия предоставлена такая же доля в управлении страны, как и всем прочим сословиям вмѣстѣ, и что, благодаря высокому цензу, из прочих сословий только зажиточная часть населения принимает участие в управлении страной; если мы вспомним, что нигде нѣтъ такого страшного развита пауперизма, как в Англии, и что почти нигде (за исключением развѣ одной Испании) нѣтъ такой религиозной нетерпимости и такого невыносимаго религиознаго ханжества; если мы обратим внимание на то, что пресловутое общественное мнѣніе, играющее будто бы такую важную роль в странѣ, есть исключительно только мнѣніе лавочниковъ и капиталистовъ, — то мы увидимъ, что хваленая машина очень и очень скрипитъ. Мы надѣемся возвратиться в скоромъ времени къ этому предмету и подвергнуть болѣе внимательному и тщательному разсмотрѣнію английскія учреждения, которыя,

съ легкой руки нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ, въ обществѣ нашемъ принято считать за безусловно прекрасныя и безукоризненныя. Теперь же мы коснулись этого предмета только для того, чтобы показать, что отсутствіе крупныхъ фактовъ во внутренней жизни англійскаго государства происходитъ вовсе не отъ тѣхъ причинъ, на которыя указываютъ многіе пламенные поклонники англійскихъ учреждений. Происходитъ же это отъ того, что Англіей вотъ уже пятый годъ управляетъ министр, который по формулярнымъ спискамъ своимъ числится либераломъ, главою либеральной партіи, но который представляетъ собою такого консерватора, какой врядъ ли когда являлся не только въ Англіи, но и во всей Европѣ. Лордъ Пальмерстонъ, стоящій въ главѣ управленія съ 10 іюня 1859 года, нашелъ, что Англіи нечего желать лучшихъ порядковъ, нежели тѣ, какіе существуютъ въ ней доселѣ; онъ убѣдился въ томъ, что всякія реформы въ избирательномъ законѣ, нововведенія въ религіозныхъ учрежденіяхъ, измѣненія въ законодательствѣ объ отношеніяхъ рабочихъ къ фабрикантамъ, что все это бредъ и мечтанія безпокойныхъ умовъ, и что ничего этого Англіи не нужно; прожила до сихъ поръ безъ этого, да еще прослыла образцовой страной, — значитъ, проживетъ такъ и на будущее время. И ни одной важной мѣры, ни одной сколько нибудь замѣчательной реформы не предпринялъ Пальмерстонъ во все четырехъ-лѣтнее свое управленіе; все идетъ себѣ по старому, какъ заведенная машина, и поэтому такъ мало и слышно объ Англіи. То, что мы видимъ въ Англіи, не представляетъ намъ живой и здоровой дѣятельности хорошаго, свѣжаго, неиспорченнаго организма; это скорѣе слабая, едва замѣтная дѣятельность организма уснуваго. Это работа старой, заржавѣвшей машины, которая нѣкогда была дѣйствительно довольно недурна по своему времени, но которую въ продолженіи многихъ вѣковъ не разбирали, не чистили, не совершенствовали сообразно съ новыми изобрѣтеніями, и которая и теперь работаетъ такъ, какъ она работала при Пантагенесахъ и Тюдорахъ. Но какъ же это, замѣтятъ намъ, вы говорите что-то оочевидно странное. Какъ же можно Пальмерстону или какому бы то ни было другому министру оставаться въ такой блаженной, невозмутимой неподвижности. Вѣдь въ Англіи существуютъ партіи, которыя зорко слѣдятъ другъ за другомъ, которыя готовы воспользоваться малѣйшими ошибками своихъ противниковъ, для того чтобы столкнуть ихъ съ мѣста; вѣдь въ Англіи есть общественное мнѣніе, которое не позволитъ человѣку недостойному оставаться долго во главѣ правленія. Значитъ, если бы Пальмерстонъ не приносилъ пользы странѣ, не пользовался бы ея довѣріемъ, то онъ давнымъ давно уже пересталъ бы быть министромъ; а онъ здравствуетъ себѣ до сихъ

поръ; значитъ страна имъ довольна, значитъ общественное мнѣніе его поддерживаетъ, значитъ народъ не жалеетъ другаго министра; чего же болѣе? на что же вы жалуетесь? Эхъ, милостивые государи! Народъ, общественное мнѣніе! Да кто вамъ сказалъ, что народъ имъ доволенъ? Довольна имъ палата депутатовъ, довольны имъ тѣ, которые посылаютъ въ эту палату своихъ представителей, но это не значитъ, чтобы народъ былъ имъ доволенъ; это значитъ только, что довольно имъ незначительное привилегированное меньшинство, покровительствуемое настоящимъ законодательствомъ. Да ему отчего же и не быть довольнымъ? Оно тѣмъ-то и довольно, что Пальмерстонъ отбросилъ далеко отъ себя всякія идеи о преобразованіяхъ и твердо рѣшился оставить все по прежнему. Ему только этого и нужно: при подобныхъ министрахъ оно надолго останется привилегированнымъ меньшинствомъ; а до большинства населенія, до паріевъ ему какое дѣло? Общественное мнѣніе — это мнѣніе тѣхъ же привилегированныхъ сословій, какъ же ему не поддерживать неподвижнаго перваго министра? Партіи молчатъ — это правда. Но молчатъ они отчасти отъ того, что имъ самимъ очень нравится настоящее состояніе затишья, и что онѣ не желаютъ выходить изъ него, отчасти отъ того, что Пальмерстонъ умѣлъ приобрести на нихъ очень сильное вліяніе и своимъ личнымъ авторитетомъ заставляетъ ихъ молчать, отчасти же отъ того, что онѣ видятъ его силу и понимаютъ, что при такой крѣпкой позиціи ничего съ нимъ не сдѣлаешь.

Такимъ образомъ жестоко ошибаются тѣ, которые, повѣривъ на слово учебнику Ободовскаго и другимъ ученымъ книгамъ, утверждаютъ, что въ Англіи существуетъ представительный образъ правленія, что монархическая власть ограничена двумя палатами, что есть тамъ отвѣтственное министерство, и проч. Все это суцая ложь. Въ Англіи въ настоящее время существуетъ самый неограниченный образъ правленія, извѣстный подъ именемъ диктатуры, и эта диктатура принадлежитъ конечно не королю Викторіи, а лорду Пальмерстону. И прочіе министры, и палаты, и королева, и вся страна дѣлаютъ только то, что угодно Пальмерстону. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что этого диктатора не ненавидятъ въ Англіи; напротивъ, его любятъ, уважаютъ, онъ пользуется большою популярностью. Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы онъ былъ человѣкъ дѣйствительно заслуживающій всеобщую любовь, уваженіе и популярность. Нѣтъ; изъ этого слѣдуетъ только, что это человѣкъ съ характеромъ, человѣкъ ловкій, умный, который сумѣлъ привлечь на свою сторону большую часть англійскихъ партій и сдѣлать безвредными другія; который сумѣлъ доказать капиталистамъ, лавочникамъ, что онъ самый драгоценный для нихъ человѣкъ, кото-

рый наконецъ съумѣлъ отвести глаза большинству народа и пріобрѣсти отчасти и его расположеніе, не дѣлая рѣшительно ничего для его блага. Слова нѣтъ, для всего этого нужно не мало ума и ловкости, и нельзя не признать за Пальмерстономъ этого ума и этой ловкости, которые дали ему возможность захватить въ свои руки диктаторскую власть надъ страной, считавшейся и считающейся доселѣ страной свободною, и не потерять въ то же время популярности не только у привилегированныхъ, покровительствуемыхъ имъ классовъ, но даже у тѣхъ классовъ, для которыхъ онъ ничего не дѣлаетъ. Но между признаніемъ за нимъ этой ловкости и признаніемъ въ немъ полезнаго для народа дѣятеля заключается цѣлая бездна, которую не замѣчаютъ только близорукіе поклонники англійскихъ учреждений *quand-même*. Мы не отрицаемъ того, что Пальмерстонъ пользуется необыкновеннымъ кредитомъ у королевы, неограниченнымъ довѣріемъ палаты и немалою популярностью въ народѣ: но мы утверждаемъ, что онъ обязанъ этимъ исключительно только тому искусству, съ которымъ онъ играетъ двойную роль небывалаго еще консерватора и человека, будто бы пекущагося о нуждахъ народа; той ловкости, съ которою онъ пользуется слабостями своихъ сторонниковъ и противниковъ и составляетъ необходимое для себя въ палатѣ большинство. Одинъ торійскій журналъ, *Quarterly Review*, очень недурно охарактеризовалъ дѣятельность перваго министра. Конечно этотъ журналъ отнесся строго къ дѣятельности Пальмерстона потому, что ему очень досадно на то, что старый вигъ такъ крѣпко усялся на своемъ мѣстѣ, и что торійской партіи никакъ не удастся сдвинуть его и стать на его мѣсто. Но намъ нѣтъ дѣла до побудительныхъ причинъ, заставившихъ извѣстный органъ произнести о человѣкѣ сужденіе, которое мы признаемъ вполне справедливымъ; поэтому мы и приводимъ это сужденіе, не заботясь о томъ, какъ поступили бы тѣ, которые произносятъ его, если бы они были поставлены на мѣсто осуждаемыхъ лицъ. «До которыхъ поръ, говоритъ *Quarterly Review*, мы будемъ допускать, чтобы нами управляли посредствомъ фокусовъ и ловкихъ передергиваній? Развѣ титулъ лучшаго фокусника или лучшаго картежнаго игрока въ государствѣ даетъ право на управленіе обширною страной? Подобныя представленія могутъ нравиться въ которое время; мы охотно смотримъ на человека, прыгающаго и балансирующаго на канатѣ, на искуснаго игрока, который подтасовываетъ себѣ всѣ козыри на игорномъ столѣ или въ палатѣ депутатовъ. Но если вспомнить, что всѣ эти искусно передернутыя карты представляютъ собою великіе принципы, вопросы, имѣющіе жизненный интересъ, и что ставку игры составляетъ нравственность, то нельзя не чувствовать отвращенія къ подобной системѣ обмана, которая не менѣе по-

зорна, нежели знаменитая система Роберта Уальполя (*), хотя она меньше откровенна. Въ наше время идеаломъ перваго министра является хорошо смазанный флюгеръ, который вертится по произволу всякаго вѣтра; его заслуга не состоитъ уже въ томъ, чтобы предстать передъ палатою и націею съ извѣстными неизмѣнными убѣжденіями и принципами, а въ томъ, чтобы сообразоваться со всякими принципами. И люди, которые искажаютъ такимъ образомъ англійскую конституцію, суть старики, воспитанные въ другой школѣ. Послѣ этого журналъ торіевъ высказываетъ противъ министерства цѣлый рядъ упрековъ, которые мы не приводимъ, потому что они могутъ служить упрекомъ только въ глазахъ торіевъ; при этомъ онъ конечно оставляетъ безъ вниманія тѣ стороны дѣятельности Пальмерстона, которыя дѣйствительно заслуживаютъ порицанія. Онъ не говоритъ ни слова о томъ, что Пальмерстонъ, эксплуатируя искуснымъ образомъ особый видъ воинственности англичанъ и недоверіе ихъ къ французамъ, сумѣлъ отяготить бюджетъ страны огромными суммами, воти- рованными покорною палатою на укрѣпленіе береговъ, и что увѣривши страну въ угрожающей ей опасности, онъ тратитъ изъ народной кассы совершенно непроизводительнымъ образомъ 10 милл. фунт. ст. на приготовленія къ отраженію французовъ, да еще заставляетъ англичанъ вѣрить въ то, что онъ единственный ихъ благодѣтель и спаситель (**). Журналъ этотъ не говоритъ ни слова о томъ, что въ продолженіе многихъ сессій, правительство не представляетъ ни одного сколько нибудь важнаго проекта закона, и что Пальмерстонъ вліяніемъ своимъ на палату заставляетъ ее отвергать всякій хорошій билль, представленный помимо правительства, да еще увѣряетъ англичанъ, будто имъ такъ хорошо, что имъ ни о какихъ улучшеніяхъ и думать не приходится. Журналъ этотъ не упоминаетъ ни однимъ словомъ о томъ, что и во внѣшней политикѣ Пальмерстонъ заставляетъ Англію играть самую недостойную ся роль, чему можетъ служить доказательствомъ политика англійскаго правительства въ сѣверо-американскомъ, греческомъ и польскомъ вопросѣ. Торійскій журналъ не говоритъ также и о томъ, какую жалкую роль Пальмерстонъ заставляетъ играть обѣ палаты парламента, именующаго себя предста-

(*) Сумѣвшаго въ половинѣ прошлаго столѣтія пробыть болѣе 20 лѣтъ министромъ, благодаря той же ловкости, которою въ наше время отличается Пальмерстонъ.

(**) Между тѣмъ во время войнъ Англіи съ Наполеономъ I, когда дѣйствительно существовала нѣкоторая опасность для Англіи, Питту не удалось добиться отъ палаты, чтобы она вотиrowала сумму, гораздо менѣе значительную, на прижорскія укрѣпленія.

вители свободнаго англійскаго народа. Все это, по мнѣнію торіискаго журнала, не заслуживаетъ никакого вниманія; но такимъ образомъ журналъ этотъ ставитъ самъ себя на очень невыгодную почву и даетъ противникамъ своимъ возможность успѣшно возражать ему. Противники тори и сторонники нынѣшняго министерства разбираютъ всѣ упреки, дѣлаемые торіями Пальмерстону, и находятъ, что всѣ эти упреки обращаются въ его же пользу. Они согласны съ тѣмъ, что Пальмерстонъ представляетъ собою цѣлое министерство, что Россель пишетъ только ноты, между тѣмъ какъ направленіе вѣншей политики даетъ все таки Пальмерстонъ, что Гладстонъ пишетъ только цифры бюджетовъ, между тѣмъ какъ Пальмерстонъ заставляетъ палату вотировать эти цифры, однимъ словомъ, что безъ Пальмерстона настоящее министерство было бы немыслимо: но допуская этотъ фактъ, они увѣряютъ, что это служитъ для пользы, а не для вреда страны, и они вправѣ дѣлать подобныя увѣренія, потому что противники ихъ теорій, нападая на всемогущество Пальмерстона, не указываютъ ни на одно изъ дѣйствительно вредныхъ послѣдствій этого могущества, о которыхъ мы упоминали выше. Сторонники Пальмерстона называютъ его національнымъ министромъ и приписываютъ его моральному вліянію успокоеніе страстей партій. Газета Times, которую у насъ многіе очень серьезно считаютъ представительницей общественнаго мнѣнія въ Англіи, но которая на дѣлѣ представляетъ только узенькіе интересы лондонскихъ лавочниковъ, въ отвѣтъ на обвиненіе торіевъ поетъ слѣдующій двупрамбъ первому министру, который пришелся ей очень по нраву своимъ крайнимъ консерватизмомъ и своею изворотливостью; не знаемъ, какъ Пальмерстону, но намъ кажется, что всякому честному человѣку, имѣющему хоть какія нибудь убѣжденія, не поздоровится отъ такихъ похвалъ. «Можетъ быть, говоритъ эта газета, лорду Пальмерстону не понравится, что его политику называютъ политикой безъ принциповъ; но мы должны сознаться, что именно въ этомъ обстоятельствѣ и заключается причина необыкновенной его популярности, а она-то и даетъ ему право управлять націей свободныхъ людей (?). Политическіе принципы въ наше время являются бреднями, погремушками. Да, у лорда Пальмерстона нѣтъ принциповъ, у него нѣтъ ни принциповъ виговъ, ни принциповъ торіевъ; или вѣрнѣе, если онъ сохранилъ еще нѣкоторыя изъ этихъ слабостей другаго времени, если и онъ также называетъ эти слабости принципами, то его заслуга заключается въ томъ, что въ немъ этихъ слабостей менѣе, нежели въ другомъ, и что онъ умѣетъ во время жертвовать ими; а при парламентскомъ образѣ правленія достоинство министра заключается именно въ искусствѣ жертвовать принципами.»

Чтобы убѣдиться въ томъ, какую роль въ настоящее время Паль-

мерстонъ играетъ въ Англіи, и какую роль заставляетъ играть всю страну, достаточно бросить бѣглый взглядъ на послѣднюю сессію парламента, закрытую въ началѣ августа мѣсяца: о ней можно сказать только одно — что она была чрезвычайно бѣдна сколько нибудь замѣчательными постановленіями, и совершенно безцвѣтна разсужденіями и преніями въ палатахъ. Правительство отъ себя не представило ни одного замѣчательнаго проекта закона, считая, какъ мы уже замѣтили выше, всякія нововведенія дѣломъ совершенно лишнимъ и даже вреднымъ для Англіи; а если кто либо помимо министерства представлялъ сколько нибудь важный билль, то подобное предложеніе встрѣчало очень неблагоприятный пріемъ со стороны министерства, а слѣдовательно и со стороны покорныхъ и угодливыхъ къ нему палатъ, какъ верхней такъ и нижней.

При этомъ очень любопытно обратить вниманіе на ту безцеремонность, съ которой первый министръ, сознающій свою силу и свое значеніе, обходится съ палатою. Это обращеніе напоминаетъ отчасти обращеніе школьнаго учителя съ своими учениками, отчасти обращеніе богатаго барина прежнихъ временъ съ толпою бѣдныхъ и угодливыхъ сосѣдей. Манера Пальмерстона обращаться съ палатою очень похожа на манеру покойнаго графа Кавура обращаться съ итальянскимъ парламентомъ. Говоритъ, напримѣръ, какой нибудь ораторъ въ родѣ Брайта или Кобдена о необходимости измѣнить политику Англіи въ американскомъ вопросѣ, о необходимости отмѣнить какое нибудь стѣснительное для рабочаго класса постановленіе законодательства и т. д. Пальмерстонъ вовсе не слушаетъ оратора, палата слушаетъ его разсѣянно и обнаруживаетъ видимые знаки нетерпѣнія. Наконецъ, когда ораторъ кончитъ, Пальмерстонъ, не давая себѣ труда отвѣчать какъ слѣдуетъ оратору, скажетъ какую нибудь колкость, какую нибудь шутку, болѣе или менѣе остроумную; палата громко хохочетъ надъ этою выходкою перваго министра, точно также какъ классъ трусливыхъ учениковъ хохочетъ надъ глумленіями, съ которыми иной просвѣщенный педагогъ относится къ ихъ товарищу, не сумѣвшему угодить учителю: осмѣянный ораторъ беретъ назадъ свое предложеніе, остроумный и шутливый первый министръ садится на свое мѣсто, очень довольный собою и своими угодливыми слушателями, которые находятъ его выходки столь остроумными, и этимъ дѣло оканчивается. (Тѣмъ, которое захотѣли бы убѣдиться въ томъ, дѣйствительно ли дѣла въ англійской нижней палатѣ дѣлаются такъ, какъ мы говоримъ, мы рекомендовали бы прочесть въ англійскихъ газетахъ, напримѣръ, отчетъ о засѣданіи 30 іюня, въ которомъ обсуждался американскій вопросъ).

При подобной диктагурѣ Пальмерстона труды парламента потеряли

всякое существенное значеніе и сдѣлались какою-то пустою и какъ бы тягостною для большинства членовъ его формальностью. Мы видимъ на примѣръ, что гг. Горсменъ, Форстеръ, Геннесси, Кинглекъ и другіе ораторы болѣе или менѣе сильно нападаютъ на внѣшнюю политику министерства, мы видимъ, что Брайтъ и Кобденъ подвергаютъ сильному порицанію внутреннюю политику его; мы видимъ, что г. Дизраэли сильно нападаетъ на бюджетъ, представленный г. Гладстономъ, но во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло и ограничивается одними рѣчами, и министерство не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на дѣлаемые ему замѣчанія. Число представленныхъ въ настоящую сессію проектовъ улучшеній въ законодательствѣ было, какъ мы замѣтили уже выше, очень незначительно; но и относительно этихъ немногихъ предложеній, министерство и палата, соперничая въ консерватизмѣ, отвергали наперерывъ другъ передъ другомъ всякую вновь предложенную мѣру, какъ слишкомъ радикальную. Былъ на примѣръ представленъ однимъ изъ членовъ билль о введеніи при избраніяхъ тайной подачи голосовъ вмѣсто открытой; это предложеніе имѣло въ виду защитить людей подначальныхъ отъ нравственнаго давленія, оказываемаго на нихъ людьми, держащими ихъ въ своей зависимости. Но защитники стараго порядка, прикрывшись громкой фразой, что въ свободной странѣ всякій долженъ и можетъ (?) открыто высказывать свое убѣжденіе, что недостойно гражданина великой націи прятаться за тайной баллотировкой, всѣми своими силами встали противъ этого предложенія; такимъ образомъ билль этотъ, встрѣченный явнымъ недоброжелательствомъ однихъ, равнодушіемъ и невниманіемъ другихъ, погибъ безславно, подобно многимъ другимъ подобнымъ предложеніямъ. А вотъ еще другой примѣръ, характеризующій настоящее направленіе англійскаго парламента, считающагося и считаемаго представителемъ всего англійскаго народа. Профессора и нѣкоторые другіе члены оксфордскаго университета представили въ парламентъ прошеніе о томъ, чтобъ лицамъ, непринадлежащимъ къ англиканскому вѣроисповѣданію, предоставлено было право засѣдать въ совѣтѣ оксфордскаго университета, а также, чтобы отъ лицъ, желающихъ получить ученую степень, не требовалось присяги въ томъ, что они принадлежатъ къ высокой церкви. Требованіе это было такъ умѣренно и такъ сообразно съ направленіемъ вѣка, что даже одинъ изъ членовъ настоящаго министерства, лордъ Россель (считающійся впрочемъ между министрами человекомъ крайнихъ убѣжденій), рѣшился поддерживать его; по этому случаю онъ произнесъ въ палатѣ нѣсколько весьма обыкновенныхъ фразъ о свободѣ совѣсти, о терпимости и проч. Но и эта мѣра показалаь черзчуръ смѣлою англійскимъ консерваторамъ. Лордъ Дерби, лордъ

Гарроуби, епископъ оксфордскій и другіе ораторы, потратили не мало краснорѣчія на то, чтобы доказать, что подобное нововведеніе было бы посягновеніемъ на англійскія учрежденія, что оно угрожало бы чистотѣ высокой церкви, что оно послужило бы опаснымъ примѣромъ для будущаго, и проч. и проч. и проч. Ихъ мнѣніе восторжествовало въ парламентъ, и прошеніе оксфордскихъ профессоровъ было отвергнуто. При подобномъ настроеніи палатъ слѣдуетъ еще удивляться тому, что онѣ отвергли билль нѣкоего фанатика Сэмса, который хотѣлъ, чтобы рабочимъ запрещено было устраивать по воскресеньямъ какія бы то ни было гулянья и увеселенія. Однимъ словомъ, пересматривая всю безцвѣтную сессію англійскаго парламента, окончившуюся нѣскольکو мѣсяцевъ тому назадъ, мы находимъ по отношенію къ внутреннему законодательству одну только мѣру, которую можно назвать мѣрою дѣйствительно полезною для страны: палаты утвердили законъ объ ассигнованіи $1\frac{1}{4}$ милліона фунт. стерл. на произведеніе общественныхъ работъ, съ цѣлью уменьшить бѣдствія рабочаго населенія Англіи.

А между тѣмъ бѣдствія эти, въ особенности въ Лэнкеширѣ, достигли весьма значительныхъ размѣровъ. Хотя общественная благотворительность сдѣлала не мало для уменьшенія этихъ бѣдствій, хотя богатые люди Англіи съ большимъ шумомъ раздавали щедрыя милостыни бѣдствующимъ бѣднякамъ (лордъ Дерби пожертвовалъ разомъ 5,000 фунт. ст., то есть около 32,000 руб. сер.), однако все это были только палліативныя средства. Англійскій рабочій обладаетъ замѣчательнымъ терпѣніемъ въ перенесеніи всякаго рода бѣдствій, и онъ дѣйствительно много терпѣлъ и переносилъ. Но когда весною нынѣшняго года, кромѣ обыкновенныхъ причинъ бѣдствій, оказались еще злоупотребленія при раздачѣ пособій, то даже его терпѣніе истощилось, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ англійскаго королевства произошли серьезные безпорядки между рабочими, отъ которыхъ впрочемъ положеніе послѣднихъ нѣсколько не улучшилось. Нѣскольکو мѣсяцевъ тому назадъ, одинъ изъ существующихъ въ Лэнкеширѣ комитетовъ для вспоможенія нуждающимся рабочимъ, основываясь на томъ, что вспоможеніемъ пользуются многіе рабочіе имѣющіе работу, опредѣлилъ уменьшить и безъ того уже незначительный размѣръ раздаваемыхъ имъ вспоможеній. Тогда въ фабричномъ городѣ Стейльбриджѣ нѣскольکو тысячъ человѣкъ, которымъ нечего было ѣсть, собрались вмѣстѣ и начали разбивать магазины и уничтожать имущество, попадавшееся имъ подъ руку; отсюда они пошли въ сосѣдній городокъ Аштонъ, и сдѣлали тамъ то же самое, что и въ Стейльбриджѣ. Въ обоихъ городахъ начальство прочло имъ

билль о возмущеніяхъ, обѣщало обратить вниманіе на законныя ихъ жалобы, и потомъ разогнало ихъ при помощи гусаръ. Подобныя же сцены повторялись и въ другихъ городахъ Ланкешира и вездѣ съ подобными же результатами. Нѣкоторые благоразумные органы англійской прессы совѣтовали по этому случаю обратить вниманіе на улучшеніе отношеній между рабочими и владѣтелями фабрикъ. Но правительство и на этотъ разъ отказалось исполнить это требованіе, какъ оно постоянно отказывалось произвести радикальное измѣненіе въ законодательствѣ относительно рабочаго населенія: оно обѣщало только изыскать средства для оказанія неимущимъ необходимой помощи, а между тѣмъ оно схватило и предало суду многихъ изъ лицъ, замѣшанныхъ въ недавнихъ безпорядкахъ.

Остальную часть настоящаго обзорѣнія мы посвятимъ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ событій въ такихъ странахъ, о которыхъ намъ еще рѣже приходится говорить въ политическихъ обзорѣніяхъ нашихъ, нежели объ Англіи. Хотя политическая жизнь второстепенныхъ и третьестепенныхъ государствъ Европы представляетъ болѣею частію очень мало явленій крупныхъ и заслуживающихъ особеннаго вниманія, однако во внутренней жизни этихъ государствъ происходятъ иногда довольно любопытныя явленія, на которыя нельзя не бросить хоть бѣлаго взгляда. На нынѣшній разъ мы остановимся на нѣкоторыхъ явленіяхъ во внутренней исторіи Швеціи, Бельгіи, Испаніи и Дунайскихъ княжествъ. Мы не дѣлаемъ общихъ выводовъ изъ этихъ разнородныхъ и случайныхъ явленій. Читатели наши сами сдѣлаютъ изъ нихъ тотъ выводъ, который покажется имъ болѣе естественнымъ и логичнымъ.

Извѣстно, что въ Швеціи народное представительство облечено въ другія формы, чѣмъ въ большей части конституціонныхъ государствъ. Въ этой странѣ существуетъ еще представительство по сословіямъ, такъ что общій государственный сеймъ состоитъ изъ четырехъ палатъ: палаты дворянства, духовенства, горожанъ и сельскаго населенія. Несостоятельность подобнаго способа представительства очевидна: такъ какъ основной законъ требуетъ, чтобы для узаконенія какой нибудь мѣры по крайней мѣрѣ три сословія изъ четырехъ высказались въ пользу этой мѣры, то значить два какихъ нибудь сословія, рѣшившіяся тормозить развитіе страны, могутъ всегда останавливать проведеніе всякой полезной для страны мѣры. Въ Швеціи эту роль приняли на себя сословія дворянъ и духовенства. Настоящій король Швеціи, убѣдившись въ нераціональности подобнаго способа представительства, задумалъ преобразовать его и внес-

ти въ Швеціи такое же народное представительство, какое существуетъ въ другихъ конституціонныхъ государствахъ, т. е. двухъ-камерную конституціонную систему. Хотя отъ подобной перемены было бы не много пользы для страны, такъ какъ и при двухъ-камерной системѣ преобладающимъ элементомъ въ такъ называемомъ народномъ представительствѣ являются тѣ же два сословія: дворянство и духовенство; однако въ этомъ предложеніи короля все-таки проглядывало желаніе соблюсти интересы среднихъ и низшихъ классовъ, и принятіе его было бы все-таки нѣкоторымъ шагомъ впередъ. Но именно поэтому-то палаты духовенства и рыцарей и возстали противъ этого предложенія, боясь утратить при новыхъ порядкахъ настоящее свое значеніе; съ другой стороны, представители горожанъ и крестьянъ публично приносили королю благодарность за его намѣреніе преобразовать представительство въ Швеціи, потому что они ожидали для себя отъ этого нѣкоторой пользы. Но такъ какъ на общемъ государственномъ сеймѣ два сословія высказались противъ измѣненія, то изъ всего дѣла ничего и не вышло.

Чрезвычайно рельефно обозначилось также направленіе различныхъ сословій въ Швеціи въ вопросѣ о смертной казни. Въ нынѣшнемъ году, сеймъ рѣшилъ произвести пересмотръ уголовного кодекса, дѣйствующаго въ настоящее время въ Швеціи, и для этой цѣли онъ назначилъ изъ своей среды особенную комиссію. Этой комиссіи пришлось между прочимъ заняться вопросомъ о смертной казни и о томъ, какое въ этомъ отношеніи слѣдуетъ произвести измѣненіе въ законодательствѣ страны. Въ докладѣ своемъ, представленномъ въ сеймъ, комиссія изъясляла надежду, что со временемъ смертная казнь совершенно исчезнетъ изъ законодательства страны; но что касается до настоящаго времени, то она слѣдала уступки существующимъ у нѣкоторыхъ классовъ предрасудкамъ и предложила на разсмотрѣніе сейму слѣдующую переходную мѣру: она полагала, что слѣдуетъ признать существованіе смертной казни въ принципѣ, но предоставить въ то же время судьямъ право, никогда не примѣнять ея, а замѣнять ее всегда, каково бы ни было преступленіе, вѣчной каторжной работой. Въ сеймѣ мнѣнія четырехъ сословій по этому вопросу раздѣлились: дворяне и горожане согласились съ мнѣніемъ комиссіи, духовенство высказалось въ пользу безусловнаго сохраненія смертной казни, крестьяне же — въ пользу безусловнаго уничтоженія ея. Впослѣдствіи крестьянское сословіе, видя невозможность провести свою идею объ отмѣнѣ смертной казни, предпочло получить хоть что либо, нежели ничего не получить; поэтому оно присоединилось къ мнѣнію горожанъ и дворянства, и предложеніе комиссіи было принято.

При пересматриваніи уголовного кодекса, пришлось также заняться положеніемъ въ Швеціи иновѣрцевъ, лицъ не исповѣдующихъ государственной религіи. Въ этомъ отношеніи Швеція представляетъ собою замѣчательный образецъ отсталости относительно прочихъ европейскихъ государствъ, являя крайнюю нетерпимость. Сословія горожанъ и крестьянъ поняли несовременность и неразумность подобной нетерпимости и пригласили законодательную комиссію сейма тщательно заняться разсмотрѣніемъ вопроса, нельзя ли измѣнить въ болѣе либеральномъ смыслѣ настоящихъ постановленій закона относительно тѣхъ, которые переходятъ изъ лютеранскаго вѣроисповѣданія въ другое: но при сопротивленіи дворянства и духовенства врядъ ли что нибудь выйдетъ изъ этихъ предположеній, по крайней мѣрѣ въ настоящее время. Только недавно въ Швеціи утвержденъ законъ, по которому лица, не исповѣдующія *чистаго евангелическаго ученія*, получаютъ право занимать нѣкоторыя общественныя должности. Этотъ законъ долго не могъ пройти черезъ палату духовенства, и наконецъ прошелъ только въ нынѣшнемъ году самымъ незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Но за то на этомъ и остановилась уступчивость духовенства требованіямъ времени: оно въ нынѣшнюю же сессію упорно отвергало всякія предложенія о томъ, чтобы предоставить народнымъ учителямъ право быть избираемымъ въ депутаты сейма, и о томъ, чтобы евреямъ предоставлено было право быть избирателями, не смотря на то, что оба проекта уже прошли черезъ палату крестьянъ и горожанъ, а послѣдній былъ даже принятъ палатою рыцарства.

Въ Бельгіи съ давнихъ временъ, прежде нежели она завоевала свою самостоятельность, существовали уже двѣ партіи: партія либераловъ и партія клерикаловъ. Въ 1830 и 1831 году обѣ эти партіи, не смотря на различіе своихъ интересовъ, соединились вмѣстѣ, для того чтобы свергнуть ненавистное имъ обѣимъ нидерландское владычество, и чтобы создать прочное государственное устройство для Бельгіи. Еще нѣсколько лѣтъ послѣ того опасеніе скомпрометировать дорого купленную независимость страны заставляло эти партіи воздерживаться отъ борьбы и преслѣдовать общіе интересы; и нужно отдать справедливость клерикаламъ, что въ это время они отрѣшились отъ своихъ узкихъ и антипатичныхъ взглядовъ на вещи и обнаруживали довольно разумное направленіе. Но уже съ конца тридцатыхъ и съ начала сороковыхъ годовъ, какъ только виѣшняя опасность миновалась, борьба между обѣими партіями возобновилась съ большею силою, чѣмъ когда либо. Хотя борьба эта, продолжаю-

щаяся безъ перерыва въ продолженіи многихъ лѣтъ, и не представляетъ ничего особенно интереснаго, однако она имѣетъ нѣкоторое значеніе для Бельгіи потому, что на ней почти исключительно сосредоточивается вниманіе всей страны, и что она черезъ это парализируетъ нѣкоторымъ образомъ дальнѣйшее развитіе государственныхъ учреждений. До сихъ поръ перевѣсъ былъ преимущественно на сторонѣ либераловъ; большая часть министерствъ, управлявшихъ страной съ 1830 года, состояли изъ приверженцевъ этой партіи; большинство въ палатахъ также принадлежало всегда либераламъ. Въ послѣдней палатѣ депутатовъ, существовавшей въ Бельгіи до нынѣшняго лѣта, на 116 депутатовъ приходилось 70 членовъ либеральной и 46 членовъ клерикальной партіи; въ сенатѣ пропорція эта была менѣе благопріятна для первыхъ. Въ нынѣшнемъ году истекалъ срокъ засѣданій настоящихъ палатъ и лѣтомъ происходили новые выборы, какъ въ сенатъ, такъ и въ палату депутатовъ. Эти выборы, какъ обыкновенно бываетъ въ Бельгіи, взволновали всю страну, и обѣ партіи вступили въ ожесточенную борьбу, употребляя всевозможныя усилія для того, чтобы склонить перевѣсъ на свою сторону. Но на этотъ разъ клерикалы дѣйствовали искуснѣе своихъ противниковъ и одержали важный успѣхъ: оказалось, что при новыхъ выборахъ они пріобрѣли 8 лишнихъ голосовъ въ палатѣ депутатовъ, такъ что въ будущей палатѣ 54 клерикала будетъ приходиться на 62 либерала, и вѣроятно эта неблагопріятная для послѣднихъ пропорція не будетъ содѣйствовать проведенію либеральныхъ мѣръ черезъ палату депутатовъ. Во время послѣднихъ выборовъ особенно замѣчательно пораженіе, которое потерпѣли двое изъ замѣчательнѣйшихъ членовъ либеральной партіи — Шарль Рожье и Поль Дево. Оба они принадлежатъ еще къ извѣстнымъ дѣятелямъ 1830 года. Рожье былъ членомъ временнаго правительства 1830 года; послѣ того онъ неоднократно бывалъ министромъ, да и въ настоящее время онъ занимаетъ въ Бельгіи должность министра иностранныхъ дѣлъ; Дево былъ членомъ учредительнаго собранія 1830 года и принималъ дѣятельное участіе въ созданіи нынѣшней конституціи. Оба они были въ теченіи 33 лѣтъ членами бельгійской палаты представителей, и членами весьма вліятельными, такъ какъ оба дѣйствительно люди способные. И не смотря на все это, оба эти господина были побѣждены при нынѣшнихъ выборахъ совершенно неизвѣстными, темными личностями изъ партіи клерикаловъ — Рожье въ Динантъ, а Дево въ Брюгге (*). Это по-

(*) Впоследствии, уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ, при провозведеніи добавочнаго избранія въ городѣ Турне, Рожье былъ выбранъ депутатомъ отъ этого города.

раженіе двухъ извѣстнѣйшихъ и популярнѣйшихъ въ Бельгіи депутатовъ людьми совершенно темными и имѣвшими только ту заслугу, что имъ покровительствовали клерикалы, произвело сильное впечатлѣніе во всей странѣ; во всякомъ случаѣ этотъ успѣхъ клерикаловъ характеризуетъ отчасти настоящее настроеніе Бельгіи, не слишкомъ благопріятно для либеральныхъ стремленій.

Въ послѣдніе 25 или 30 лѣтъ Испанія сдѣлалась какъ бы классическою страной борьбы партій. Начиная съ тридцатыхъ годовъ, въ этой странѣ образовалось множество партій различныхъ оттѣнковъ, и для посторонняго наблюдателя всегда было довольно трудно различать эти оттѣнки. Но въ послѣдніе годы эти партіи такъ смѣшались и спутались между собою, что стало почти невозможно разобрать, въ какомъ отношеніи всѣ онѣ находятся другъ къ другу. Образованію этой путаницы не мало содѣйствовало министерство О'Доннеля, управлявшее страной безъ малаго пять лѣтъ (съ іюня 1858 до февраля 1863 года). О'Доннель называетъ себя главою *либеральной уніи*, а изъ этого мы обязаны вывести заключеніе, что министерство его должно было представлять собою элементъ либеральный. Но будучи либеральнымъ по имени, оно было реакціонерно по своему образу дѣйствій и находилось въ то же время въ близкихъ сношеніяхъ съ различными партіями и фракціями въ странѣ — отъ этого и происходила та путаница въ отношеніяхъ партій, о которой мы упоминали. О'Доннелю нужно было сохранить какъ можно долѣе власть въ своихъ рукахъ; для этого ему нужно было во 1-хъ обезпечить себѣ расположеніе двора, арміи и духовенства — а этого никакъ нельзя было достигнуть посредствомъ либеральныхъ мѣръ: значить главі либеральной уніи долженъ былъ для достиженія этой важной цѣли сдѣлаться консерваторомъ и реакціонеромъ. Во 2-хъ министерству для того, чтобы остаться на своемъ мѣстѣ, нужно было ладить съ палатою; поэтому его стремленія должны были по необходимости направиться къ тому, чтобы создать такую палату, съ которой можно бы ладить, а для этого ему необходимо было вліять на выборы, чтобы въ палату не попали такіе люди, какимъ не надлежитъ въ ней быть: слѣдовательно либеральное министерство усваивало себѣ далеко не либеральную систему давленія при выборахъ. Въ 3-хъ, министерству нужно обезопасить себя со стороны различныхъ предводителей партій, которые не прочь бы столкнуть его, съ тѣмъ чтобы стать на его мѣсто. Тутъ надобно было вступать въ компромиссы и сдѣлки съ различными главами партій, предводителями оппозиціи, раздавать имъ хорошія мѣста (а они часто бываютъ попусти-

нѣ ненасытны), и дѣлать ихъ тѣмъ или другимъ образомъ безвредными. Однако при нѣкоторомъ искусствѣ и это удастся ловкому министру, каковымъ безспорно былъ О'Доннель. При этомъ въ Испаніи бывають презабавныя перерожденія людей. Напримѣръ, человекъ, всю жизнь свою считавшійся прогрессистомъ, крайнимъ либераломъ, получивши порядочное мѣстечко, дѣлается либераломъ очень умѣреннымъ, консерваторомъ и даже реакціонеромъ. Но за то бываетъ и на оборотъ, и самый ловкій министръ не уберется отъ того, чтобы напримѣръ кто нибудь изъ приверженныхъ ему умѣренныхъ либераловъ не очутился вдругъ въ лагерь крайнихъ прогрессистовъ; всякіе бывають случаи. Не уберегся отъ этого и О'Доннель, и съ нимъ не за долго до его паденія случилось подобное обстоятельство. Въ числѣ лицъ, преданныхъ прежнему правительству, очень видное мѣсто занималъ генералъ Примъ, извѣстный по той роли, которую онъ игралъ въ мексиканской экспедиціи. Но между тѣмъ случилось такъ, что пріѣхавъ однажды во дворецъ, онъ долженъ былъ прождать въ пріемной королевы часа три. Примъ оскорбился этимъ, приписавъ эту непріятность придворнымъ пронкамъ противъ него О'Доннеля, и тотчасъ же послѣ этого случая изъявлялъ желаніе сблизиться съ прогрессистами, т. е. съ оппозиціей, а черезъ нѣсколько времени онъ считался уже однимъ изъ предводителей партіи прогрессистовъ. Разумѣется, что при подобныхъ обстоятельствахъ между испанскими партіями не можетъ быть и рѣчи о вѣрности какой-либо идеѣ: борьба партій является дѣломъ совершенно личнымъ, а идеи и принципы разыгрываютъ при этомъ роль необходимыхъ украшеній. Все это дѣлается еще очевиднѣе, если бросить взглядъ на послѣдній министерскій кризисъ въ Испаніи, происшедшій въ началѣ нынѣшняго года, и на послѣдующія событія до настоящаго времени.

Благодаря своей ловкости и изворотливости, О'Доннель продержался на постѣ перваго министра въ продолженіи 4½ лѣтъ, что для испанскаго министерства представляетъ замѣчательный примѣръ долговѣчности. Гдѣ нужно было, онъ употреблялъ силу, въ другихъ случаяхъ хитрость и изворотливость: попробовалъ также блеснуть военными подвигами (онъ бралъ примѣръ съ за-пиренейскаго своего сосѣда), и съ этою цѣлью затѣялъ несправедливую и совершенно бесполезную войну съ Марокко (*), и благодаря всѣмъ этимъ сред-

(*) Преемники его, кажется, въ свою очередь берутъ примѣръ съ него: въ настоящее время они опять затѣяли новую ссору съ Марокко, представляя султану этой страны столь же несправедливыя требованія, какъ и О'Доннель.

ствамъ, онъ успѣшно маневрировалъ между различными партіями въ теченіи почти пяти лѣтъ. Но подъ конецъ и его постигла та же участь, которая постигаетъ почти всѣ испанскія министерства; онъ палъ не вслѣдствіе негодованія народнаго, даже не вслѣдствіе усилій партій и оппозиціи палаты, а вслѣдствіе дворцовой интриги. За тѣмъ наступилъ чрезвычайно любопытный министерскій кризисъ въ Испаніи, отлично характеризующій значеніе партій въ этой странѣ. Королева три раза поручала составленіе министерства извѣстному главѣ реакціонеровъ въ Испаніи—маршалу Нарваэсу. Этотъ опытный боецъ въ борьбѣ партій понялъ, что съ одними реакціонерными элементами онъ далеко не уйдетъ; поэтому онъ соединился для составленія министерства съ однимъ изъ либеральнѣйшихъ людей Испаніи, Гонзалесомъ Браво, и составилъ прекрасную программу, въ которую входили и свобода прессы, и уменьшеніе таможенныхъ пошлинъ, и уничтоженіе различныхъ правительственныхъ монополій, и т. д. Это оригинальное министерство было уже совсѣмъ составлено, когда другимъ реакціонерамъ удалось убѣдить королеву, что союзъ Нарваэса съ Гонзалесомъ Браво дѣло очень опасное, и черезчуръ разлиберальничавшійся маршалъ былъ отстраненъ. Вслѣдъ за тѣмъ явились разные другіе составители кабинетовъ, съ самыми курьезными сочетаніями прогрессистовъ, умѣренныхъ либераловъ, реакціонеровъ, крайнихъ либераловъ, консерваторовъ, демократовъ; поочередно выступали на сцену разныя политическія знаменитости и придворные фавориты Испаніи (Армеро, Монъ, Конча, Ріосъ-Розасъ, Посада-Херрера, и пр.), но долгое время ничего изъ всего этого не выходило, потому что трудно было слить вмѣстѣ столько разнообразныхъ стремленій и желаній. Наконецъ королева обратилась къ маркизу Мирафлоресу, который подобно маршалу Нарваэсу принадлежитъ къ партіи реакціонеровъ, но менѣе извѣстенъ, нежели Нарваэсъ; поэтому онъ казался менѣе опаснымъ и двору, и различнымъ партіямъ. Благодаря этой относительной неизвѣстности своей, Мирафлоресъ успѣлъ въ томъ, въ чемъ не успѣли его предшественники; ему удалось наконецъ составить министерство, хотя и тутъ не обошлось безъ странностей: такъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ реакціонернаго министерства Мирафлореса сдѣлался тотъ самый генералъ Конча, который еще нѣсколько дней тому назадъ хотѣлъ составить свое министерство въ соединеніи съ либералами Ріосъ-Розасомъ и Пачеко. Это новое министерство Мирафлореса составлено было по большей части изъ людей мало извѣстныхъ и поэтому самому никому не опасныхъ. На него смотрѣли въ Мадридѣ какъ на министерство переходное, которому слѣдовало оставаться при управленіи до тѣхъ поръ, пока между партіями возобновится опять

нѣкоторый порядокъ и можно будетъ составить министерство съ болѣе рѣшительнымъ характеромъ. Да и оно само, кажется, точно такъ же смотрѣло на себя: по крайней мѣрѣ, въ своей программѣ, съ которою оно обратилось къ палатамъ, министерство не высказало себя рѣшительно ни въ пользу той, ни въ пользу другой политики, и объявило только весьма неопредѣленно, что оно будетъ управлять страной такъ, какъ того потребуютъ обстоятельства и интересы государства. Оно не имѣло достаточно откровенности для того, чтобы заявить открыто свое консервативно-реакціонерное направленіе; оно сочло себя обязаннымъ сдѣлать уступку либеральнымъ стремленіямъ эпохи и поэтому оно дало понять въ своей программѣ, что будетъ управлять страной въ смыслѣ гораздо болѣе либеральномъ, нежели прежнее министерство. Конечно, подобное обѣщаніе ни къ чему не обязывало его; оно само очень хорошо знало, что говоритъ одни только слова, не имѣющія серьезнаго значенія. Послѣдовавшія въ послѣднее время въ Испаніи событія показали, что министерство дѣйствительно нисколько не думало стѣсняться въ своихъ дѣйствіяхъ обѣщаніями, данными имъ въ программѣ своей.

Между всѣми испанскими партіями есть одна партія, которая придастъ себѣ особенно важное значеніе и считаетъ себѣ призванною облагодѣтельствовать страну. Эта партія называетъ себя партіей прогрессистовъ, и не упускаетъ ни одного случая подвергать самой строгой критикѣ дѣйствія всѣхъ министерствъ, управляющихъ страной, давая при этомъ понять, что еслибъ власть находилась въ ея рукахъ, то дѣла пошли бы совсѣмъ не такъ, и она принесла бы дѣйствительно много для пользы народа. Когда въ нынѣшнемъ году въ палатѣ люди этой партіи упрекали умѣренныхъ либераловъ и консерваторовъ въ ихъ нерѣшительной и нелиберальной внутренней политикѣ, противники ихъ замѣтили имъ очень кстати, что въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ во главѣ правленія находились прогрессисты; но въ то время они отнеслись довольно враждебно къ конституціи 1812 года, провозглашающей принципъ верховной власти народа, устанавливающей всеобщую подачу голосовъ и одну только палату, уничтожающей право короны останавливать рѣшенія народныхъ представителей (veto). Они напротивъ ввели избирательный цензъ, учредили двѣ палаты, утвердили за короной право veto, узаконили однимъ словомъ тотъ порядокъ вещей, противъ котораго они теперь возстаютъ. Не смотря однако на эти справедливыя замѣчанія, люди, называющіе себя въ Испаніи прогрессистами, продолжали и продолжаютъ производить шумную оппозицію противъ министерства, которое въ свою очередь преслѣдуетъ ихъ, какъ будто они дѣйстви-

тельно предвые люди. Такимъ образомъ люди, во всемъ другъ на друга похожіе, принявши на себя различныя названія, ведутъ между собою упорную, беспощадную борьбу, какъ будто ради одного удовольствія веденія борьбы. Подобное любопытное явленіе представляетъ намъ послѣднее столкновеніе министерства съ партіей прогрессистовъ по поводу избирательной агитаціи.

Въ скоромъ времени въ Испаніи должны произойти новыя выборы въ кортесы, и вслѣдствіе этого, понятнымъ образомъ, всѣ партіи зашевелились съ тѣмъ, чтобы ввести въ палату возможно большее число своихъ сторонниковъ. Повсемѣстно начали устроиваться приготовительныя избирательныя собранія. Прогрессисты, чтобы склонить въ свою пользу общественное мнѣніе, объявили, что въ ихъ предварительныхъ избирательныхъ собраніяхъ могутъ участвовать не только избиратели, но и всѣ граждане, не имѣющіе избирательнаго голоса. Но на подобное объявленіе ихъ министръ внутреннихъ дѣлъ Вагамонде, который еще недавно разослалъ подчписаннымъ своимъ довольно либеральный циркуляръ о невмѣшательствѣ администраціи въ дѣла выборовъ, отвѣтилъ постановленіемъ совершенно иного характера: онъ велѣлъ всѣмъ мѣстнымъ властямъ строго наблюдать за тѣмъ, чтобы въ избирательныхъ собраніяхъ не присутствовалъ никто, не имѣющій права голоса; министръ до того увлекся желаніемъ помѣшать успѣху прогрессистовъ, что не побоялся даже нарушить конституцію, которая дозволяетъ всѣмъ гражданамъ безъ исключенія собираться вмѣстѣ для разсужденій о своихъ дѣлахъ. Вслѣдствіе подобнаго распоряженія правительства прогрессисты разнаго званія и разныхъ сословій собрались въ числѣ 82 человекъ у одного изъ предводителей своихъ, Олосаги, и въ продолженіе шести часовъ разсуждали о томъ, какъ имъ слѣдуетъ поступить послѣ такого распоряженія министерства. Мнѣнія по этому поводу раздѣлились. Олосага, генералъ Примъ и другіе члены были того мнѣнія, что прогрессистамъ въ виду этой мѣры правительства слѣдуетъ совсѣмъ воздержаться отъ участія въ выборахъ; другіе вліятельные члены этой партіи не соглашались съ подобнымъ мнѣніемъ и считали активное сопротивленіе гораздо полезнѣе пассивнаго. Но большинство оказалось въ пользу перваго мнѣнія, и рѣшено, что прогрессисты не будутъ принимать участія въ выборахъ. Такимъ образомъ въ новой палатѣ депутатовъ вовсе не будетъ представителей этой партіи, а сенаторы изъ прогрессистовъ въ будущую сессію также не будутъ участвовать въ засѣданіяхъ сената. Г. Олосага, какъ одному изъ самыхъ способныхъ и вліятельныхъ людей этой партіи, поручено было написать по этому случаю обращеніе къ націи; и дѣйствительно, вскорѣ

послѣ того собранія, гдѣ принято было предложеніе Олосаги, появился манифестъ прогрессистовъ къ испанской націи. Сначала въ этомъ документѣ восхваляется образъ дѣйствія прогрессистовъ вообще, и при этомъ перечисляются услуги, оказанныя ими свободѣ и конституціоннымъ учрежденіямъ противъ приверженцовъ абсолютной монархій; затѣмъ выражается протестъ противъ стѣсненія правъ гражданъ собираться вмѣстѣ, и высказывается убѣжденіе въ томъ, что конституціонное правительство должно непремѣнно опираться на свободный народный выборъ.

Приглашая прогрессистовъ воздерживаться отъ выборовъ, манифестъ объявляетъ однако же, что они не должны отступать отъ путей законности, потому что въ беспорядкахъ Испанія можетъ потерять то благополучіе, которое доставили ей прогрессисты (?). Прогрессисты, сказано далѣе, будутъ избѣгать всѣхъ революціонныхъ путей для достиженія свободы, которой Испанія достигнетъ, твердо защищая порядокъ и настаивая на уваженіи къ законнымъ правамъ своимъ. Большая часть провинціальныхъ прогрессистовъ приступила къ этому рѣшенію мадридскихъ собратьевъ своихъ; Эспартеро, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ дѣятелей Испаніи, выразилъ полное свое сочувствіе образу дѣйствія Олосаги и товарищей его. Однако болѣе умѣренные продолжали увѣрять, что подобный образъ дѣйствія опасенъ и неполитиченъ: такимъ образомъ, въ самомъ лагерѣ прогрессистовъ произошелъ нѣкоторый расколъ. Всѣ эти событія надѣлали много шума не только въ Испаніи, но и во Франціи и въ другихъ странахъ. Многіе, по обыкновенію своему придавать огромное значеніе мелкимъ событіямъ, спрашиваютъ съ озабоченной миной, что изъ всего этого произойдетъ, что станетъ дѣлать правительство, когда цѣлая партія не будетъ имѣть представителей въ палатѣ. Что до насъ касается, то мы думаемъ, правительство будетъ очень довольно тѣмъ, что въ палатѣ не будетъ многихъ беспокойныхъ людей; опираясь на матеріальную силу, оно спокойно будетъ распоряжаться въ странѣ, какъ ему заблагоразсудится и предоставитъ прогрессистамъ полную свободу дуться сколько имъ угодно до тѣхъ поръ, пока это имъ самимъ не надоѣстъ, и пока они сами не явятся опять въ палатѣ; а тогда въ палатахъ начнутся опять взаимныя упреки, краснорѣчивыя ораторскія этюды, и все пойдетъ опять тѣмъ же порядкомъ, какимъ шло доселѣ. Всѣ ожиданія важныхъ результатовъ значить и на этотъ разъ окажутся совершенно напрасными; развѣ только прогрессисты вздумаютъ дѣйствовать энергически и захватятъ чрезъ это власть въ свои руки: но и тогда это будетъ только перемѣною лицъ, а не перемѣною системы. Вѣсего

того, чтобы ломать себѣ голову надъ возможными важными результатами настоящихъ событій въ Испаніи, гораздо интереснѣе сравнить ихъ съ тѣмъ, что дѣлалось тамъ въ подобномъ же случаѣ двадцать лѣтъ тому назадъ.

Въ 1843 году во главѣ управленія стояли прогрессисты; тогда тоже происходили выборы въ кортесы, и прогрессистскіе правители рѣшили, что всѣ граждане неизбиратели должны быть безпощадно исключены изъ предварительныхъ избирательныхъ собраний: наблюдение за исполненіемъ этой мѣры было въ то время поручено — Олосагѣ, тому самому, который теперь первый предложилъ воздержаніе отъ выборовъ, и который составилъ такой краснорѣчивый манифестъ къ избирателямъ Испаніи. Значитъ въ настоящемъ случаѣ Вагамонде взялъ только примѣръ съ самого Олосаги. Фактъ этотъ очень знаменателенъ для характеристики настоящей борьбы партій въ Испаніи.

Во многихъ небольшихъ европейскихъ государствахъ въ миниатюрѣ повторяются тѣ же явленія, которыя мы видимъ въ большихъ монархіяхъ: они какъ будто копируютъ дѣйствія своихъ старшихъ братьевъ, и конечно приходятъ къ тѣмъ же самымъ результатамъ. Напримѣръ въ Дунайскихъ княжествахъ мы видимъ столкновение между народнымъ представительствомъ и правительствомъ, которое сильно напоминаетъ подобное же столкновение въ Пруссіи; хотя румынскіе представители проявили болѣе рѣшимости, нежели прусскіе ихъ собратья, и пошли нѣсколько далѣе, нежели тѣ, однако не имѣя въ рукахъ необходимой силы для поддержанія своихъ требованій, они также должны были ограничиться словами, голословными протестами, — а правительство продолжаетъ дѣлать то, что ему хочется.

Въ соединенныхъ Дунайскихъ княжествахъ, Молдавіи и Валахіи, существуетъ такая же бумажная конституція, которая въ послѣднее время вошла въ моду въ Европѣ, и которая существуетъ въ большей части европейскихъ государствъ. Но само собою разумѣется, что князь Куза, правитель Соединенныхъ княжествъ, какъ и другіе государи, пользуется ею только тогда, когда этого требуютъ его выгоды, а во всѣхъ прочихъ случаяхъ оставляетъ ее безъ малѣйшаго вниманія и ни мало не стѣсняется ея постановленіями. Онъ расходуетъ государственныя суммы по своему собственному усмотрѣнію, не соотносясь съ бюджетомъ, утвержденнымъ палатою, отказывается отдавать народнымъ представителямъ отчетъ въ употребленныхъ суммахъ и т. д. Палата же рѣшилась требовать, чтобы страной управляли

согласно съ постановленіи конституціи—отсюда столкновение между княземъ и представителями. Когда въ началѣ сессіи нынѣшняго года комиссія палаты представила свой проантъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь князя, 33 вліятельнѣйшихъ депутата предложили измѣненіе въ отвѣтномъ адресѣ, которое клонилось къ тому, чтобы объявить многія изъ дѣйствій князя несогласными съ конституціей. Дѣйствительно, всѣ параграфы адреса, предложеннаго комиссіей, были отвергнуты огромнымъ большинствомъ голосовъ, и затѣмъ палатою принять былъ адресъ, предложенный оппозиціею. Въ этомъ адресѣ князя обвиняли во многихъ неконституціонныхъ дѣйствіяхъ, и именно въ томъ, что онъ расходовалъ суммы несогласно съ бюджетомъ, что онъ управлялъ страною безъ бюджета, утвержденнаго палатою, и что онъ не отдавалъ палатѣ отчета въ израсходованныхъ суммахъ; слѣдствіемъ этого явилось то, что налоги, собираемые съ жителей, возросли втрое безъ малѣйшей пользы для страны; въ заключеніи адреса князя приглашали, чтобы онъ измѣнилъ свой образъ дѣйствій. Затѣмъ по жребію назначены были депутаты для поднесенія этого адреса: но князь отказался принять депутацію и выслушать адресъ. вмѣстѣ съ тѣмъ правительство его старалось черезъ свои органы выставить въ возможно лучшемъ свѣтѣ всѣ свои мѣры и распоряженія (по отношенію къ сельскому населенію напр.), съ тѣмъ, чтобы увѣрить и собственныхъ подданныхъ князя, и европейскія державы въ томъ, что оно идетъ по пути дѣйствительно либеральному, а что оппозиція придерживается реакціонерныхъ стремленій. Но эти старанія правительства не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Когда столкновение между княземъ и палатою обратило на себя вниманіе европейскихъ державъ, то посланники великихъ державъ въ Константинополѣ предписали своимъ консуламъ въ Букарестѣ обратиться къ предводителямъ партій съ совѣтомъ быть умѣренными, но вмѣстѣ съ тѣмъ и къ князю Кузѣ съ совѣтомъ соблюдать конституцію своей страны. Не смотря на эти совѣты, князь продолжалъ отказываться представить бюджетъ палатѣ: тогда нынѣшнею весною палата запретила подданнымъ князя вносить подати въ государственную казну. Со стороны правительства отвѣтомъ на это рѣшеніе палаты было распушеніе ея; но члены большинства воспользовались этимъ распушеніемъ для того, чтобы организовать въ городахъ и въ селеніяхъ цѣлой страны сопротивленіе населенія во взносѣ податей. Между тѣмъ князь назначилъ новые выборы въ надеждѣ получить на этотъ разъ болѣе уступчивое и благопріятное большинство, и съ этою цѣлью административнымъ властямъ предписано было строго наблюдать за выборами и не допускать по возможности выбора людей ненадежныхъ. Въ то же время

онъ изъявлять желаніе заключить заемъ въ 50 милліоновъ франковъ, для того, чтобы сдѣлать нѣсколько общепользныхъ затратъ, какъ сказано было въ объявленіи о займѣ. Но члены оппозиціи увѣрили— и можетъ быть не безъ основанія,—что заемъ этотъ назначается для того, чтобы раздать значительныя суммы приверженцамъ правительства, и тѣмъ увеличить число ихъ, а главнѣйшимъ образомъ для того, чтобы дать князю возможность въ случаѣ нужды управлять нѣкоторое время страной въ томъ случаѣ, если подати дѣйствительно не будутъ вноситься. Правда, въ виду извѣстнаго состоянія страны, англійскіе и французскіе капиталисты объявили, что они подпишутъ необходимую для займа сумму только въ томъ случаѣ, если папата разрѣшитъ заключеніе займа; но оказалось, что дѣло и не дошло до этой крайности. Перевѣсъ, какъ обыкновенно бываетъ, остался на той сторонѣ, гдѣ была матеріальная сила: не смотря на все сопротивленіе оппозиціи, правительство, при помощи находящихся въ его распоряженіи средствъ, продолжало собирать налоги и тратить собранныя суммы по своему усмотрѣнію; видя свое безсиліе, оппозиція волей неволей должна была успокоиться и отказаться отъ борьбы, и дѣла въ странѣ пошли прежнимъ порядкомъ.

НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

ОБРАЩЕНИЕ КЪ ЧИТАТЕЛЮ. — НЕКОТОРЫЯ ПОЧТИ НЕПРЕОДОЛИМЫЯ ЗАТРУДНЕНИЯ, ВСТРѢЧАЕМЫЯ ФЕЛЬЕТОНИСТОМЪ. — О КРАСНОРЪЧИИ, КАКЪ О СИЛѢ ВРОЖДЕННОЙ И НЕЗАВИСИМОЙ. — НѢЧТО О НЕОБХОДИМОСТИ БЫТЬ ПРЕДУСМОТРИТЕЛЬНЫМЪ. — ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОХОДЪ ПРОТИВЪ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДАГО ПОКОЛѢНІЯ. — КАКЪ ПРИХОДИТЪ СТАРОСТЬ. — ОДНО СЛОВО ХРОНИКЕРУ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ».

Опять возвращаюсь къ тебѣ, читатель, но заранее прошу не сѣтовать на меня, если я буду говорить уже не тѣмъ спокойнымъ и безпечнымъ тономъ, какимъ говорилъ до сихъ поръ. Это истина всѣмъ извѣстная, что «Современникъ», въ которомъ я пишу мои замѣтки, бываетъ здоровъ и цвѣтуще только тогда, когда небо безоблачно, когда фонды на биржѣ стоятъ твердо, и въ обществѣ возникаютъ веселые вопросы и вопросцы ко благу общему. Но онъ бываетъ тощъ и бѣденъ, когда небо стоитъ грозное, когда въ дѣлахъ и предпріятіяхъ царствуетъ застой, а вопросы и вопросцы прячутся въ самую глубь общества, словно боятся, чтобы не окатило ихъ холоднымъ ливнемъ. Въ такое неблагоприятное время свѣтлые литературные ручьи возмущаются, и на поверхности ихъ появляется неизвѣстно откуда берущаяся негодная накипь; въ такое время надъ словесною нивою рѣютъ жадныя стада литературнаго воронья и строго блюдутъ за чистотою русской мысли и языка; темные духи, когда-то осмѣянные и опозоренные, и вслѣдствіе того скрывшіеся на дно горшка, вновь заявляютъ о своей

живучести, вновь выползаютъ изъ темницъ, и появившись на свѣтъ божій, припоминаютъ старые счеты; забытыя кучи завалявшагосяхлама начинаютъ двигаться и вопіять о поруганныхъ правахъ своихъ... Понятно, что простой и невинный литературный органъ, какъ «Современникъ», органъ, чуждый какихъ бы то ни было политическихъ соображеній, и преслѣдующій одну цѣль, — исправленіе нравовъ, не можетъ не чувствовать себя неловко на этомъ странномъ пирѣ, гдѣ царствуетъ ревнивое соглядатайство и шумнымъ потокомъ режутъ праздныя рѣчи.

Тѣмъ не менѣе, какъ ни горько зрѣлище такой повальной нравственной и умственной смуты, въ немъ есть, однако же, своя сторона поучительная, и даже утѣшительная. Поучительность его заключается, во первыхъ, въ томъ, что оно научаетъ съ меньшею строгостью относиться къ людямъ, занимающимся такъ называемыми «вопросцами». Сами по себѣ, эти «вопросцы» имѣютъ видъ пустяковъ, да въ сущности и составляютъ совершеннѣйшіе пустяки, но по соображенію съ другою дѣятельностью, развивающеюся внѣ этихъ пустяковъ, они все-таки представляютъ нѣчто похожее на содержаніе, а положительно-полезная ихъ сторона заключается въ томъ, что занятіе ими приучаетъ людей съ гадливостью смотрѣть на міръ бездѣльничества и сплетенъ. Я самъ не разъ склоненъ былъ признать призрачною ту крохотную и произвольную хлопотню, которой предавалась наша литература за послѣдніе семь лѣтъ, но теперь, видя на дѣлѣ, какія выползаютъ на мѣсто ея изъ норъ чудовища, я готовъ принести искреннее раскаяніе и усердно вопіять ко всѣмъ нашимъ лиллипутамъ гласности и устности: «чтожъ вы уныли, милыя дѣти? дерзайте, заглушите вашимъ дружнымъ пискомъ концертъ чревоугодничества». Во вторыхъ, это зрѣлище, примиряя насъ съ вышеупомянутыми лиллипутами, въ то же время научаетъ быть болѣе строгими къ тѣмъ дѣйствительнымъ источникамъ злокозненности и ехидства, относительно которыхъ мы всегда были слишкомъ робки и податливы. Это вообще съ нашей стороны большая и непростительная ошибка; когда уличенное ехидство стушевывается передъ нами и проситъ прощенія, мы охотно вѣримъ его раскаянію, и вслѣдствіе ли презрѣнія, или вслѣдствіе преступной небрежности, еще охотнѣе набрасываемъ покровъ забвенія на прошлое. Но теперь, искушенные опытомъ, мы будемъ знать, что ехидство не умираетъ, и что таясь подъ

пепломъ, оно сильнѣе, нежели когда нибудь, питаетъ огни злобы и ненависти, и ждетъ только первой нашей оплошности, или первой несчастной случайности, чтобъ выйти наружу. Вотъ поученіе. Что же касается до утѣшительной стороны зрѣлища, то она очевидна для самого поверхностнаго наблюдателя. Уймутся дожди, просвѣтлѣетъ хмурое небо, и всѣ эти пузыри лопнутъ, всѣ эти бѣлые, здоровенные дождевики мгновенно позеленѣютъ и обратятся въ прахъ...

Знаю, что читатель въ правѣ требовать отъ меня обзора нашей общественной жизни за все прошлое лѣто, но я очень скромно признаю себя несостоятельнымъ удовлетворить такому требованію.

Пускай, впрочемъ, знаетъ читатель, что я вообще имѣю право быть только игривымъ, и что есть такія вещи, къ которымъ прикасаться игриво нельзя. Слѣдовательно, для того, чтобъ скомпоновать мою хронику, я обязываюсь прибѣгнуть къ самодѣтельности моего духа, или иначе выдумывать такія дѣла, какихъ никогда и на свѣтѣ не бывало, и какія могутъ существовать только въ человѣческомъ воображеніи, доведенномъ до совершенно порожняго состоянія. Понятно, что вымыслы мои будутъ кратки, отрывисты и безсвязны; понятно, что они будутъ только печальнымъ порожденіемъ необходимости періодически что нибудь измышлять для утѣшенія праздныхъ читателей. И такъ, будемъ выдумывать.

Но прежде всего я долженъ оговориться, что выдумывать очень трудно. Какъ ни высоко парить моя мысль, предоставленная своему собственному произволу, но все-таки это пареніе не такъ высоко, какъ пареніе мысли г-жи Павловой, гг. Альбинскаго, Ф. Иванова и другихъ привилегированныхъ стихотворцевъ «Русскаго Вѣстника». Говоря по совѣсти, эти господа едва ли не одни въ цѣломъ мірѣ могутъ представить совершенно неоспоримыя доказательства, до чего можетъ доходить высокая самодѣтельность человѣческаго духа. Напримѣръ, г. Альбинскій въ недавнее время («Русскій Вѣстникъ» за іюль (случившійся въ сентябрѣ) 1863) произнесъ слѣдующихъ два стиха:

И тлится лѣсокъ широкій, темной гранью
По скошеннымъ лугамъ, по золоту полей.
Брожу задумчивый...

Т ХСѢІІІ. Отд. II.

Гм... лѣсокъ тянется по золоту полей! да; тутъ-таки есть отъ чего задуматься! Конечно, мысль самая безпардонная не объяснить себѣ, какимъ путемъ она взойшла на такую вышину, съ которой усматривается лѣсъ, растущій на золотѣ полей, но ужъ если она взошла, то весьма естественно, что не видитъ отсюда ни неба, ни земли, а видитъ одну степь безпредѣльную, да и ту не настоящую, а наизнанку вывороченную. Въ этой степи баранъ на-сетъ пастуха, сынъ родитъ отца, черная блоха несетъ на хребтѣ своемъ бѣлую корову, и лѣсокъ тянется по золоту полей... Ничему этому со стороны г. Альбинскаго я не удивляюсь, но лично взойти на такую вышину положительно не дерзаю. Не знаю, какъ это дѣлается, но мысль моя дѣйствительно сгоряча взвихрится и взмоетъ, какъ голубь, кверху, а потомъ нѣтъ-нѣтъ да и опустится опять на землю. Тутъ ее, голубушку, и сцарапаютъ...

Я не могу даже рассказать о томъ, какъ г. Краузе поцаловалъ на улицѣ одну даму, за которою слѣдовалъ лакей; какъ одинъ извозчикъ сперва обнялъ на улицѣ одну дѣвицу, а потомъ ударилъ ее кулакомъ по лицу; какъ бассейный дилижансъ отшибъ дышло у вагона конной желѣзной дороги... потому что все это факты, факты и факты!

Фактъ положительно убиваетъ меня; чуть только мысль моя начинаетъ взмывать кверху и описывать круги въ безвоздушномъ пространствѣ, какъ фактъ, словно дуля, треснетъ ее прямо въ упоръ, и сразу перешибетъ оба крыла. И много бессонныхъ, мучительныхъ ночей провелъ я, придумывая, что бы такое сдѣлать, чтобы сподобиться и просвѣтлѣть духомъ до того, чтобы ничто земное на него не дѣйствовало, чтобы фельетонъ мой рѣзалъ въ воздухъ, какъ тотъ рѣзвый, безыечный мотылекъ, который, по свидѣтельству г-жи Павловой, питается одними маковыми росинками?

Казалось бы, что ближайшее и самое дѣйствительное средство — это просто совсѣмъ уничтожить факты. Если фактовъ не будетъ, то само собой исчезнетъ и вредоносное ихъ вліяніе на мысль—это ясно. Но съ другой стороны, возражаютъ, что на свѣтѣ есть факты похвальные, и есть факты вредные, изъ которыхъ первые уничтожить отнюдь не слѣдуетъ. Такъ на-примѣръ, еслибъ г. Краузе не поцаловалъ дамы, за которою слѣдовалъ лакей, то это былъ бы фактъ похвальный; еслибъ бассейный дилижансъ не отшибъ дышла у певскаго

вагона, то и это былъ бы фактъ не предосудительный. Поэтому, говорятъ, надо уничтожать лишь непохвальные факты, а похвальные оставлять въ своей силѣ, ибо послѣдніе не только не препятствуютъ окрѣпленію мысли, но наипаче тому споспѣшествуютъ. Гм... я это понимаю; но вѣдь г. Краузе все-таки даму поцаловалъ? но вѣдь извозчикъ все-таки треснулъ кулакомъ по лицу беззащитную дѣвицу? Научите же меня, какъ могу я уничтожить эти факты, которые, какъ уже совершившіеся, не въ состояніи уничтожить сама полиція? Въ отвѣтъ на это я встрѣчаю одно гробовое молчаніе, которое, однакожь, разрѣшаетъ мой вопросъ очень громко и ясно...

Но если нѣтъ средствъ уничтожить факты совершенно, то, быть можетъ, найдутся средства постепенными мѣрами укрѣпить духъ до того, что внѣшній міръ окончательно перестанетъ на него дѣйствовать. Что до меня, то я знаю только одно такое средство — это прилежно читать новый романъ г. Писемскаго «Взбаламученное море». Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто въ состояніи выдержать нѣсколько такихъ чтеній, кто исподволь приучитъ себя къ той атмосферѣ, которая лучеобразно отъ него распространяется, тотъ можетъ сказать съ увѣренностью, что укрѣпилъ свой духъ до того, что и запахъ гутуевскихъ боевъ на него не подѣйствуетъ... Но вопросъ въ томъ, много ли найдется людей, одаренныхъ подобною рѣшимостью? И не служить ли здѣсь исключеніе лишь блестящимъ доказательствомъ той истины, что вообще героизмъ есть вещь сомнительная, и притомъ сопряженная съ непріятностями, которыя, въ добавокъ, еще ни къ чему не ведутъ?

Наконецъ, есть и еще средство, открытіемъ котораго я обязанъ московской газетѣ «День». Все прошлое лѣто я предавался усиленному чтенію «Дня»; все лѣто старался проникнуть въ смыслъ таинственныхъ загадокъ, печатаемыхъ на его страницахъ, и наконецъ таки проникнулъ. Я понялъ, во первыхъ, что такое «духъ жизни», и что такое «жизнь духа», и во вторыхъ, я понялъ, что формально нѣтъ никакой трудности говорить о предметахъ, вовсе не говоря объ нихъ, что собственно и составляло предметъ моихъ поисковъ. Сила, которая попускаетъ человѣка совершать подобные подвиги, называется силою краснорѣчія, и центральное ея депо находится въ «Днѣ».

Но предметъ этотъ такъ занимателенъ и притомъ изобилуетъ

меня отъ такихъ несносныхъ затрудненій въ будущемъ, что я рѣшаюсь остановиться на немъ съ сугубымъ вниманіемъ.

Когда преподаватели реторикъ повторяютъ передъ нами извѣстное выраженіе *poetae nascuntur, oratores fiunt*, то мы вѣримъ имъ на слово, вѣримъ по привычкѣ вѣрить всему, что ни скажутъ старшіе. Однако, опытъ доказываетъ, что выраженіе это совсѣмъ не вѣрно, и что сдѣлаться ораторомъ, не родившись имъ, точно такъ же невозможно, какъ невозможно сдѣлаться лгуномъ, не имѣя къ лганью врожденнаго расположенія. Сущность краснорѣчія заключается въ томъ, чтобы совершать несовершенное и прозрѣвать туда, гдѣ ничего въ волнахъ не видно; понятно, что для выполненія такого подвига нужно, чтобы въ этомъ принимала участіе сила совершенно независимая, сила сама себя питающая и сама же себя поѣдающая. Такою силою и является именно краснорѣчіе, или, лучше сказать, искусство вести такія устные и письменныя бесѣды, которыя выслушиваются и прочитываются съ пріятностью, но въ которыхъ между тѣмъ нѣтъ никакой возможности найти что-либо похожее на мысль.

Слѣдовательно, фигуры и тропы, которымъ насъ обучали въ дѣтствѣ, заключаются въ насъ самихъ. Наука въ этомъ случаѣ занимается констатированіемъ факта, уже предсуществующаго; она подмѣчаетъ всѣ реторическіе волдыри, которые таятся въ глубинѣ человѣческаго существа, называетъ ихъ настоящими именами, и говоритъ: вотъ этимъ волдыремъ ты можешь воспользоваться такимъ-то образомъ, а вотъ этимъ — такимъ-то. Если ты, въ сущности, не имѣешь никакихъ чувствъ, ни дурныхъ, ни хорошихъ, но хочешь выказать возвышенную душу, то для достиженія этого можешь прибѣгнуть къ фигурѣ единоначатія и къ фигурѣ усугубленія; если ты ни мало не остроуменъ, но желаешь показаться таковымъ, то можешь прибѣгнуть къ фигурѣ умолчанія и удержанія. Такъ какъ фигуры эти живутъ въ самомъ тебѣ, въ той краснорѣчивой сущности, которая замѣняетъ для тебя и мысль, и чувство, то достаточно самаго малѣйшаго усилія, чтобы достигнуть желанной цѣли.

Напримѣръ, еслибъ я мое обозрѣніе началъ такимъ образомъ: «не знаю, извѣстно ли вамъ, читатели, какую эпоху переживаетъ въ настоящее время Россія?» — конечно, слова эти, съ

точки зрѣнія внутренняго содержанія, были бы пустымъ празднословіемъ (кому же не извѣстно, что Россія во всякое время какую нибудь эпоху да переживаетъ?), но если взглянуть на такой приступъ съ точки зрѣнія краснорѣчія, то онъ не только возможенъ, но даже заслуживаетъ всяческаго поощренія, ибо представляетъ совершенно правильную фигуру устрашенія. Заручившись ею, я создаю для себя отличную рамку, которую могу сплошь наполнить произведеніями моего риторическаго существа. Я могу сказать, напримѣръ, что если вамъ это извѣстно, то, конечно, вы не разъ испытывали, не разъ ощущали, не разъ себя вопрошали (фигура взволнованной души); но съ другой, ничто мнѣ не мѣшаетъ задать-ся мыслью, что это обстоятельство вамъ неизвѣстно, и въ такомъ случаѣ я получу возможность осыпать васъ укоризнами и сказать, что вы оторваны отъ почвы и стоите корнями вверхъ (фигура патріотическаго уязвленія). Обыкновенно это дѣлается такъ: если вы петербуржецъ, то предполагается, что вамъ ничего неизвѣстно, и что вы стоите корнями вверхъ; если вы москвичъ, то предполагается, что вамъ извѣстно все, и что вы не разъ задумывались, не разъ ощущали, не разъ себя вопрошали и т. д. Все это, разумѣется, съ моей стороны не больше, какъ произвольное предположеніе, ибо я самъ отлично хорошо знаю, что все это я выдумалъ, что вы, какъ и я же, стоите корнями внизъ, и что, наконецъ, вы, какъ двѣ капли воды, точь въ точь такой же россиянинъ, какъ и я самъ; но я нарочно притворяюсь, что все сіе мнѣ неизвѣстно, потому что такого притворства требуетъ моя риторическая сущность. Вы скажете, быть можетъ, что такой образъ дѣйствія равняется толченію воды; что онъ даже не похваленъ, потому что вводитъ на сѣверную Пальмиру обвиненіе въ несуществующемъ преступленіи; на это я отвѣчу: что-же мнѣ дѣлать! Изъ меня такъ и выпираетъ тропами и фигурами: не проквасить же мнѣ ихъ, въ самомъ дѣлѣ, на днѣ взволнованной души!

Возьмемъ другой примѣръ. Предположимъ, что я начинаю свое обозрѣніе такимъ образомъ: «милостивые государи! Русляндія (*) заслоняетъ отъ нашихъ глазъ истинную, православную, святую нашу Русь», я опять-таки знаю, что и это я выдумалъ, что

(*) «Русляндія»—эта особенная развѣселяющая сторона, которую открыли славянофилы.

Русляндія никакой нѣтъ, что и Русь была да сплыла, а есть Россія, которую никто и ничто, по причинѣ обширности сюжета, заслонить не можетъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ я знаю также, что такое начало навѣрное даетъ мнѣ возможность со всею безопасно-стію помѣстить въ моемъ обзорѣ и фигуру взволнованной души, и фигуру патріотическаго уязвленія, — именно тѣ двѣ ужасныя фигуры, которыя преимущественно точатъ мое реторическое существованіе. И вотъ я начинаю пространно объяснять, что такое Русляндія, и что такое Русь; изъ объясненій моихъ выходитъ, что Русляндія есть нѣчто такое, что заслоняетъ Русь, а Русь есть нѣчто такое, что заслоняется Русляндіей, — больше, клянусь, ничего не выходитъ. Но это ни мало меня не смущаетъ, ибо, въ сущности, я совсѣмъ не о томъ и забочусь, чтобы изъ моего краснорѣчія что нибудь выходило, а о томъ только, чтобы сказать нѣсколько «жалкихъ словъ», и чтобы при этомъ состояло на лицо самое краснорѣчіе. Я знаю, что всегда найдутся люди, которые ни одного жалкаго слова безъ умиленія проглотить не могутъ, — на нихъ-то я и рассчитываю. Это люди тоже въ своемъ родѣ краснорѣчивые, но не могущіе выражать свою реторическую сущность потому собственно, что краснорѣчіе ихъ, такъ сказать, безсловесное. Это моя любимѣйшая публика; я рассчитываю на этихъ безсловесныхъ ораторовъ, потому что я, кромѣ того, что ораторъ до мозга костей, есмь и пропагандистъ. Я пропагандистъ фигуры взволнованной души, формулирующейся фразой: «не знаю, извѣстно ли вамъ, какую эпоху переживаетъ въ настоящую минуту Россія», и фигуры патріотическаго уязвленія, формулирующейся цѣлымъ потокомъ фразъ о различіи Русляндіи и Руси(*). Въ порывахъ моего пропагандизма, я не оставляю въ покоѣ даже малыхъ сихъ, я посѣщу земныя разсѣдныя, я сойду въ адъ, я пройду сквозь иго цензуры, но живъ не буду, если не напою всѣхъ и каждого отъ струй моего краснорѣчія.

(*) У «Дня» есть еще одна особенно замѣчательная фигура, называемая фигурою форрейтора. Въ одной изъ своихъ руководящихъ статей, онъ сравниваетъ Русляндію съ форрейторомъ, который, не чувствуя, что построжки, привязывавшія выносовыхъ лошадей къ экипажу, давно лопнули, мчитъ сломя голову впередъ и впередъ. Натурально, экипажъ (экипажъ представляетъ собою «древнюю, православную, святую нашу Русь») загрузъ, а Русляндія, налетѣвши на кособоръ, вывихнула себя шею. Положеніе драматическое, но для обѣихъ сторонъ равно непопулярное. Замѣчательнѣе всего, что Русляндія постоянно обвиняется въ томъ, что безъ оглядки скачетъ «впередъ»... Каковъ скакунъ!

Третій примѣръ. Я могу начать свое обозрѣніе еще и такимъ образомъ: «дѣло русскаго народа — мое дѣло; знамя русскаго народа — мое знамя; я русскій». Я виѣ себя отъ удовольствія, что Богъ привелъ мнѣ это выговорить, потому что такимъ началомъ я вношу въ область русскаго слова совершенно новую фигуру, фигуру «оттолчки», доселѣ употреблявшуюся лишь въ словыиномъ пѣніи (фигура эта изобрѣтена мною съ тою цѣлю, чтобъ публика постоянно слышала стукъ, а толку не видѣла). И если вы попросите меня, читатель, чтобъ я объяснился категорически, чтобъ я растолковалъ, что такое это за «дѣло» и «знамя» русскаго народа, о которыхъ я говорю, я опять-таки отвѣчу вамъ: «дѣло русскаго народа — мое дѣло; знамя русскаго народа — мое знамя; я русскій» — и найду, что отвѣтилъ совершенно вразумительно. И напрасно вы будете говорить мнѣ, что понятіе о «знамени» понятіе сбивчивое; что въ узаконеніяхъ на счетъ этого прямыхъ указаній нѣтъ, а ученые специалисты находятся по этому случаю въ постоянномъ другъ другу противорѣчій и даже въ жестокой взаимной враждѣ. Напрасно будете вы говорить, что одно знамя вручаетъ русскому народу Б. Н. Чичеринъ, другое — М. Н. Катковъ, третье — А. А. Краевскій (А. А. полагаетъ, что можно совсѣмъ безъ знамени, но вѣдь и это тоже своего рода знамя). Все это извѣстно мнѣ никакъ не менѣе нашего, но интересы моего реторическаго существа заставляютъ меня забыть на время эти соображенія и притвориться невѣждою. Ибо куда же бы я дѣвался въ противномъ случаѣ съ моею фигурой «оттолчки»? Куда бы я ее помѣстилъ? А оставить ее въ груди тоже невозможно, потому что это своего рода ракъ...

О Боже! да и тремя ли только приведенными выше примѣрами исчерпываются поводы для моего краснорѣчія! Развѣ я не могу найти ихъ на каждомъ шагу сотни и тысячи? Развѣ я, такъ сказать, не попираю ихъ ногами?

Поймите, что здѣсь идетъ дѣло лишь о томъ, чтобы провести время, чтобы употребить въ дѣло одинъ изъ тѣхъ булыжниковъ краснорѣчія, которыхъ запасъ я постоянно держу у себя за пазухой, чтобы по временамъ метать ими въ русскую публику.

Главное заключается въ томъ, что я вышелъ на ровную дорогу, и могу, какъ паукъ паутину, безпрепятственно испускать изъ себя краснорѣчіе. Буду откровененъ: хоть я и ратую противъ Русяндін, но, въ сущности, она мнѣ совсѣмъ не против-

на. Мнѣ даже жаль, что она смотритъ на меня искоса; я даже увѣренъ, что это происходитъ отъ недоразумѣнія, потому что дай она мнѣ высказаться до конца, она увидѣла бы сама, что мы съ нею желаемъ одного и того же. Чего я желаю? чего добиваюсь? Я желаю и добиваюсь для себя только одного: чтобы мнѣ не препятствовали употреблять слово «Русляндія» — что же можетъ быть невиннѣе этого желанія! Предположите даже, что это съ моей стороны капризъ, отчего же не допустить и каприза, если онъ никому не наноситъ вреда? Говорятъ, будто я смотрю какъ-то исподлбья, какъ будто чѣмъ-то недоволенъ, какъ будто желаю произвести какой-то «хаосъ — кавардакъ»! да поймите же, наконецъ, что это съ моей стороны только будированіе, что это просто милая шалость, результатъ желанія занять какое нибудь положеніе въ обществѣ. Сегодня я будирую, завтра прихожу въ осторгъ, послѣ завтра опять будирую, потомъ опять прихожу въ восторгъ. На свѣтѣ семъ вообще нѣтъ ничего вѣчнаго, а все, напротивъ того, временное, непрочное и преходящее; а такъ какъ чувства мои, въ своихъ проявленіяхъ, слѣдуютъ общимъ жизненнымъ законамъ, то понятно, что и они имѣютъ характеръ временной, и постоянно идутъ колесомъ. Вотъ и все. Опасности здѣсь никакой не можетъ быть, ибо и будированія и восторги, въ сущности, выражаютъ лишь мой «духъ жизни» — и больше ничего... Вспомните тѣхъ русскихъ баръ, которые, во время оно, отъѣзжали, за ненадобностью, въ Москву, — развѣ они не будировали? развѣ не выражали они свою «жизнь духа»? но развѣ имъ запрещалось это? развѣ кто нибудь опасался ихъ?

.

Не думайте, милостивые государи, чтобы все рассказанное выше было видѣно мною во снѣ: нѣтъ, хоть мнѣ и самому казалось, что все это не больше, какъ безсвязный сонъ, но я бодрствовалъ. Передо мной и до сихъ поръ лежатъ номера «Дня» за первую половину нынѣшняго года, въ которыхъ всѣ эти сновидѣнія изложены въ подробности, и даже называются руководящими статьями. Въ какихъ нибудь немногихъ номерахъ газеты совмѣстить столько реторической сущности — какъ хотите, а это трудъ громадный! Цѣлыхъ полгода бесѣдовать съ публикой, и не проговориться при этомъ ничѣмъ, кромѣ чистаго краснорѣчія, — какъ хотите, а это фокусъ, которому не было доселѣ примѣровъ ни въ черной, ни въ бѣлой, ни въ голубой, ни въ розовой магин!

Это магія совершенно новая, а потому пускай она носитъ отны-
нѣ названіе желтой.

Это жаль; «День» былъ грустенъ, но я любилъ его: въ немъ было нѣчто свѣжее, напоминавшее хорошо сохранившуюся сред-
нихъ лѣтъ дѣвицу. Не смотря на достаточныя лѣта, это дѣвица
еще неопытная, сберегшая во всей чистотѣ свои институтскія
убѣжденія; она во многомъ не отдаетъ себѣ отчета, и рѣшитель-
но не можетъ себѣ объяснить, чего хочетъ и къ чему именно
стремится, но въ то же время и во снѣ, и на яву чувствуетъ, что
кто-то ее хватаетъ, кто-то подманиваетъ, а потому не хотѣтъ и
не стремиться не можетъ. Это придаетъ какую-то трогательную
задумчивость всѣмъ ея движеніямъ и сообщаетъ ея душевнымъ
помысламъ то кроткое постоянство, которое заставляетъ ожи-
дать жениха даже тогда, когда нѣтъ никакой надежды на его
появленіе. Такой органъ, отъ котораго всегда пахло бы чѣмъ-то
кисленькимъ, рѣшительно необходимъ въ литературѣ; онъ пред-
ставляетъ въ ней вѣчную нейтральную территорію, на которую
по временамъ отрадно бываетъ вступить, какъ отрадно же бы-
ваетъ по временамъ вспомнить дѣтскіе годы и сказать себѣ: да,
и я былъ когда-то ребенкомъ! и я когда-то картавилъ и лепе-
талъ «папа» и «мама»! Я никогда безъ умиленія не могъ читать
краткіе, но сильные *premiers-Moscov*, во времена оны періодиче-
ски появлявшіеся въ заголовкѣ «Дня». «Москва такого-то числа
и мѣсяца», такъ гласили эти руководящія статьи, — затѣмъ чер-
та, — и ничего больше. Это было такъ оригинально и вмѣ-
стѣ съ тѣмъ такъ невинно язвительно, что я долгое время
былъ убѣжденъ, что это именно самая лучшая манера пи-
сать руководящія статьи. Во первыхъ, тутъ тонкимъ обра-
зомъ дается знать, что я и радъ бы, да не отъ меня зави-
ситъ; во вторыхъ, читатель отъ этого рѣшительно ничего не те-
ряетъ. Вѣдь онъ навѣрное знаетъ, что за что бы я ни взялся, о
чемъ бы ни началъ говорить, роковая сила все-таки приведетъ
меня къ вопросу о различіи Руси и Русляндіи; слѣдовательно,
онъ можетъ сочинять упражненія на эту тему и безъ моей по-
мощи.

«День» измѣнилъ самому себѣ; дѣвственность, которой онъ
до сихъ поръ былъ столь вѣренъ, надоѣла ему. Но и за
всѣмъ тѣмъ, мнѣ жаль «Дня»; то есть, мнѣ не столько жаль
его самого, сколько моей старой привязанности къ нему. Мнѣ
даже и теперь кажется, что ежели онъ хорошенько возбу-

туется и свергнетъ съ себя иго краснорѣчія, то будетъ даже милѣе той среднихъ лѣтъ дѣвицы, о которой я выразился выше съ такимъ сочувствіемъ. Мнѣ кажется, что если онъ дастъ себѣ трудъ хорошенько размыслить, то непременно придетъ къ убѣжденію, что эти переходы отъ будироваія къ восторженности и отъ восторженности къ будированію не заключаютъ въ себѣ ничего поучительнаго, что здѣсь сегодняшняя восторженность служить лишь обильнымъ источникомъ будущихъ будированій. Онъ пойметъ, что нѣтъ той силы обстоятельствъ, которая могла бы столкнуть мысль (если только есть мысль) съ того логическаго пути, на которомъ она стала. Онъ пойметъ... но нѣтъ, онъ ничего не пойметъ! Онъ не пойметъ уже по тому одному, что въ раздвоеніи мысли именно и заключается та сила, которая позволяетъ ему быть краснорѣчивымъ во всякое время. А такъ какъ, съ другой стороны, краснорѣчіе составляетъ дѣло всей его жизни, то возможно ли желать, чтобъ онъ отказался отъ этого дѣла и добровольно обрекъ себя на смерть? Нѣтъ, это невозможно, да и несправедливо. Я понимаю, что человѣкъ, принадлежащій къ извѣстной политической партіи, можетъ, убѣдившись въ несостоятельности руководящихъ ею началъ, отказаться отъ нихъ, но къ настоящему случаю это не относится. Ибо, скажите на милость, чтожь это за партія такая, — партія краснорѣчія? и куда изъ нея выйти, и съ чѣмъ въ люди показаться?

И такъ, секретъ открытъ. Фактъ, не дававшій мнѣ ни сна, ни покою, фактъ, подавлявшій меня своею конкретностью, уничтоженъ и посрамленъ. Г. Краузе можетъ, сколько ему угодно, цаловать незнакомую ему даму — я не знаю его, или, лучше сказать, я отжену его отъ себя силою моего краснорѣчія. Я пушчу въ ходъ фигуру «оттолчки», фигуру «форрейтора», фигуру уязвленнаго патріотизма, и тогда, лычу себя надеждой, что всякій фактъ отскочитъ отъ меня съ ужасомъ, и ни одинъ цензоръ меня не уловитъ. Не уловитъ онъ меня потому, что не пойметъ, а не пойметъ потому, что я самъ ничего не понимаю изъ того, что говорю. Коли хотите, я и займусь г-мъ Краузе, но займусь такъ, что среди «форрейторовъ» и «оттолчекъ» онъ пропадетъ у меня совершенно. Съ помощью краснорѣчія, я говорю не говоря, слышу не слыша, осязаю не осязая, и потомъ подношу публикѣ кушанье, въ которомъ есть все: и

алмазы, и яхонты, и изумруды, но, головой ручаюсь, нѣтъ ни малѣйшаго намека на хлѣбъ или мясо...

Что изъ этого выйдетъ? спросите вы меня; — а мнѣ что за дѣло до того, что выйдетъ! Путь мой усыпанъ розами, и Русляндія (сама Русляндія!) улыбается, читая меня! Пусть говорятъ, что это путь погибельный и ложный; что упорствуя оставаться на немъ, можно отвыкнуть отъ прямой и трезвой дѣятельности и приучиться къ непрерывнымъ преувеличеніямъ; пусть говорятъ, что литература можетъ поучать забавляя, но горе ей, если она будетъ забавлять поучая — упреки эти до меня не относятся. Я не поучаю и не забавляю; я не упорствую и не сдаюсь; я просто рѣю въ неприступной вышинѣ надъ бездною фактовъ и не признаю изъ нихъ ни единого. Въ этомъ восторженномъ состояніи, я и самъ не знаю, какою фигурой, черезъ мгновеніе, разрѣшится моя мысль, но чувствую, что грудь мою саднитъ, что тамъ что-то зрѣетъ, и что вотъ-вотъ выльется изъ нея стихъ:

И тянется лѣсокъ широкой, темной гранью
По скошеннымъ лугамъ, по золоту полей.
Вороны красныя и галки голубыя
Съ Русляндіей слились въ объятія роковыя,
Хоть тресни, ничего я здѣсь не понимаю...

Когда человекъ сытъ и доволенъ, когда дѣла или дѣлишки его пойдутъ изрядно, то онъ почти всегда склоненъ думать, что этой сытости и довольству не будетъ конца. Особливую въ этомъ смыслѣ способность оказываютъ люди, которые любятъ ловить рыбу въ мутной водѣ; и которымъ такое ловленіе нѣсколько разъ болѣе или менѣе счастливо сходило съ рукъ. Поприще свое они обыкновенно начинаютъ тѣмъ, что прикидываются лазарями, прилежно прислушиваются и приглядываются; но, обдѣлавши съ успѣхомъ два, три дѣльца, постепенно ободряются и въ скоромъ времени начинаютъ ломаться и кривляться во всю мочь. Опираясь на свой успѣхъ, эти люди не только воображаютъ себя великими и непобѣдимыми дѣльцами, но, къ величайшему и всеобщему изумленію, даже приобрѣтаютъ какую-то олимпийскую увѣренность въ своемъ безспорномъ правѣ ловить рыбу въ мутной водѣ. Для этихъ господъ общественное бѣдствіе вмѣсто праздника, а чужое несчастіе вмѣсто лакомаго пирожнаго: все это мутитъ воду и позволяетъ имъ

вылавливать рыбку за рыбкой, рыбку за рыбкой. Если судья не представляет нужныхъ гарантій, — это имъ на руку, потому что потворствуетъ ихъ смѣлости, запугивая и систематически придавливая ту среду, въ которой они дѣйствуютъ. Наружность эти люди имѣютъ самоувѣренную, глаза алчные и безстыжіе, носъ поднюхивающій, ротъ широкій, черепъ непомѣрно толстый. Внутреннія ихъ свойства составляютъ: крайняя безцеремонность и полнѣйшее отсутствіе сознанія о различіи, существующемъ между добромъ и зломъ. Пассивность общества поощряетъ эти свойства, и поселяетъ въ нихъ сладкую увѣренность, что такому блаженству не будетъ ни препонъ, ни конца. Я зналъ одного такого господина. Пришелъ онъ нѣкогда въ Москву откуда-то изъ-подъ Полтавы, пришелъ пѣшкомъ, и что называется, безъ исподняго платья — и что же? послужилъ въ комиссаріатѣ, и въ какихъ нибудь десять лѣтъ, съ помощію одного нахальства, успѣлъ нажить себѣ нѣсколько домовъ въ Москвѣ и значительный капиталъ. Теперь живетъ въ Москвѣ, пользуется общимъ уваженіемъ, называетъ мужиковъ хамами и ракаліями, занимаетъ какую-то «благородную» должность, и по временамъ даже будируетъ правительство. Замѣчательно, что это человѣкъ положительно глупый, что всѣ продѣлки его пошлы и крайнѣ незамысловаты, и что все искусство здѣсь заключается въ расчетѣ на чужую честность или на чужую оплошность; но онъ до того возгордился своею подлостью, до того возвеличился тѣмъ, что всякій скорѣе спѣшилъ бѣжать отъ него, какъ отъ чумы, или какъ отъ вонючей помойной ямы, что плылъ по океану жизни, какъ оглашенный на всѣхъ парусахъ, и даже рулемъ править пренебрегалъ. Эта самонадѣянность довела его, однакожь, до того, что онъ нѣсколько разъ былъ битъ, но это бы еще ничего — и самый ловкій мошенникъ всегда разчитываетъ на возможность побоевъ — главное-то горе его заключается въ томъ, что, съ нѣкоторымъ пробужденіемъ общественнаго сознанія, продѣлки его стали удаваться все меньше и меньше, и сверхъ того въ сердцѣ поселилось горькое предчувствіе, что не всегда же будутъ судьи судить и рядить по усмотрѣнію, и что правдѣ формальной, правдѣ, опирающейся въ своихъ рѣшеніяхъ на одну букву, наступитъ же когда нибудь и конецъ.

Бывало, встрѣтишь его на улицѣ, идетъ онъ весь въ сныкахъ, но веселый и бодрый.

— Ну что, Порфирычъ, опять побили?

— Побылы (онъ малороссъ, и въ качествѣ угнетенной націи, вмѣстѣ съ нѣмцами, поляками, армянами, нѣжинскими греками и евреями, считаетъ за долгъ надуть великоруссовъ при всякомъ удобномъ случаѣ; разница только въ томъ, что нѣмцы, армяне, нѣжинскіе греки и евреи надуютъ насъ *en gros*, а поляки и малороссы, какъ братья по крови, *en détail*).

— Что, видно мошенничать—то ужъ туго приходится?

— Ничего.

И сказавши это, смотря по расположенію духа, или хихикнетъ отъ удовольствія, или же вздохнетъ потихоньку и прибавить: «Богъ ему заплатитъ за то, что побылъ бѣднаго человека!»

Теперь ужъ не то. На дняхъ я его встрѣтилъ: идетъ, по обыкновенію, въ синякахъ, но уже не хихикаетъ, а какъ-то уныло и жалостно понуриваетъ голову.

— Ну что, опять побили?

— Опять побылы.

И машетъ рукой, какъ бы желая сказать: «это что! послушалъ бы ты, какую еще штуку со мной отмочили!» Мы идемъ нѣкоторое время въ угрюмомъ молчаніи.

— Та не слыхали лы вы, що тамъ еще за гласность така? спрашиваетъ онъ, наконецъ, меня.

— А гласность, Порфирычъ, такая вещь, при которой мошенничество, хотя и возможно, но уже пользуется меньшими льготами, и при томъ требуетъ значительнаго ума.

— Ну, такъ. А можно будетъ, при этой гласности, старья дѣла вновь начинать?

— Какъ не можно; разумѣется, можно.

— Да що жъ се такъ?

— Да ужъ тамъ какъ знаешь, Порфирычъ, а прошло твое времячко; ступай Варвара на расправу.

И этотъ человекъ, который еще такъ недавно вѣрилъ въ прочность земнаго счастія, который не могъ пройти мимо чужаго кармана, чтобы чего нибудь не стянуть оттуда, котораго нельзя было пригласить обѣдать безъ того, чтобы потомъ не недосчитаться серебряной ложки, теперь сдѣлался меланхоликомъ и потихоньку роищеть на Провидѣніе. Мало того: онъ даже начинаетъ заигрывать съ тою самою гласностью, которой такъ боятся, спрашиваетъ про нее, говоритъ: «отъ-то славна штука!» и, по всему видимо, что изъявляетъ твердое намѣреніе при-

моститься къ ней. Но этого не будетъ, я твердо въ томъ убѣжденъ. Почему я убѣжденъ въ этомъ, я даже не могу себѣ объяснить, но вѣрю, что чѣмъ болѣе будетъ простора и свѣта для всѣхъ, тѣмъ большую тѣсноту ощутятъ негодяи и жулики (*sit venia verbo*, какъ выражаются «Московскія Вѣдомости»).

И такъ, есть же средство укрощать даже такихъ огненостоянныхъ мошенниковъ, которыхъ доселѣ не укрощали ни брань, ни побои. Это средство должно дѣйствовать на нихъ тѣмъ погибельнѣе, что они его не предвидѣли, а слѣдовательно и не приготовились къ нему. Разумѣется, если бъ они были болѣе предусмотрительны, если бъ не ослѣпляла ихъ самонадѣянность до того, что они горизонтъ своихъ надеждъ и желаній ограничивали только сегодняшнимъ днемъ, то ихъ никогда не оставлялъ бы вопросъ: а что, если я попадусь? а что, если меня за эту штуку побьютъ? и сообразно съ этимъ они обдѣлывали бы свои дѣла съ болѣею осмотрительностью. Тогда, чего добраго, они могли бы даже и примоститься! Но Провидѣніе благо; оно казнитъ нахала его собственнымъ же нахальствомъ; оно лишаетъ его всякой предусмотрительности и окриляетъ его ложными надеждами. И такимъ образомъ, неслышно и несповѣдно уготовываетъ ему мѣсто въ арестантскихъ рѣтахъ, гдѣ онъ можетъ упражнять свои способности въ болѣе достойной его средѣ.

«Что же изъ этого слѣдуетъ? и къ чему тутъ рѣчь о мазурикахъ и жуликахъ?» спроситъ меня изумленный читатель.

А изъ этого слѣдуетъ вотъ что:

1) что не все же говорить о людяхъ честныхъ и обыкновенныхъ, а надо иногда потревожить и жуликовъ, надо и имъ сказать что нибудь въ назиданіе;

2) что не только такъ называемый жуликъ, но и всякій другой человѣкъ, какъ бы онъ ни былъ сытъ и доволенъ, отнюдь не долженъ рассчитывать, что этому довольству и сытости не будетъ конца; это правило, которое не терпитъ никакихъ исключеній, и противъ котораго, мы, къ несчастію, всего болѣе грѣшимъ;

3) что правило это въ особенности обязательно для тѣхъ литературныхъ витязей, которые, забывая, что все на свѣтѣ переходчиво, рубятъ себѣ съ плеча, что Богъ на сердце положитъ; эти люди не должны упускать изъ вида, что клевета, въ какихъ бы широкихъ размѣрахъ и съ какою бы бойкостью она ни про-

изводилась, рано или поздно, все-таки найдетъ себѣ неотразимое возмездіе.

Затѣмъ, благоразумный читатель можетъ вывести изъ моего разсказа и всякія другія заключенія, какія ему заблагоразсудится.

Я всегда съ удовольствіемъ читаю «Московскія Вѣдомости», съ тѣхъ поръ, какъ они перешли въ вѣдѣніе новой редакціи. Я люблю слѣдить за прихотливыми извивами человѣческой мысли, люблю наблюдать за ея вѣтренностью и непостоянствомъ, и хоть мнѣ всегда представляется при этомъ Марина Мнишекъ (благодарю г. Оптухина (изъ «Дня») за матеріалъ для сравненій), которая, переходя отъ одного Лжедмитрія къ другому, кончила самымъ несчастнымъ образомъ, однако я утѣшаюсь мыслью, что хорошенькая женщина, и въ несчастіи, все-таки остается хорошенькою женщиною, и если не подѣйствуетъ обаятельно на человѣка, обладающаго изящными манерами, то навѣрное прельститъ хоть грубаго казака. Искусство выражать одну и ту же мысль на разные манеры и не изогаться при этомъ въ конецъ—столь любопытно, что можетъ равняться развѣ искусству выражать совершенно разныя мысли на одинъ и тотъ же манеръ. Въ первомъ случаѣ, читателю кажется, что мысли какъ будто однѣ и тѣ же, а между тѣмъ, онѣ какъ будто разныя; во второмъ, что мысли какъ будто разныя, а въ то же время онѣ какъ будто однѣ и тѣ же. Законъ, которому подобныя мысли слѣдуютъ въ своемъ теченіи (ибо въ благоустроенномъ государствѣ на все свой законъ есть), называется закономъ единообразія въ разнообразіи, или, что одно и то же, закономъ разнообразія въ единообразіи.

Милая вѣтренность и откровенная, неприпущенная кокетливость—вотъ тѣ драгоценныя свойства, которыми эта почтенная газета уловляетъ въ свои сѣти читателей. Она говоритъ читателю (особливо если этотъ читатель самъ подписывается, а не пользуется газетой отъ знакомыхъ): не я обладаю тобой, о возлюбленный! а ты всецѣло царишь надъ моими помыслами! если ты думаешь, что дважды два пять—прикажи! клянусь, никогда иная истина не омрачитъ столбцовъ моихъ!

Не дивись, что я черна,
Опаленная лучами;
Посмотри, какъ я стройна
Между старшими сестрами.

.
 Розой горь меня зови;
 Ты красой моей ужалень;
 Но цвѣту я для любви,
 Для твоихъ опочивалень.

Цѣлый міръ пахнулъ весной,
 Тайный жаръ владѣетъ дѣвой;
 Я прильну къ твоей десной,
 Ты меня обнимешь лѣвой.

Я пройду къ тебѣ въ ночи
 Незамѣтными путями...

Вотъ какъ благоразумная редакція должна обходиться съ своими подписчиками, а не то, чтобы грубить и тѣмъ паче навязывать имъ свои мнѣнія. Что же мудренаго, что и подписчикъ не остается нечувствительнымъ къ такимъ ласковымъ рѣчамъ, что и онъ въ свою очередь пишетъ въ редакцію страстныя посланія, въ которыхъ зоветъ ее «розой горь», и клянется, что «красотой ея ужалень?»

Но и въ самомъ непостоянствѣ этой газеты есть одинъ предметъ, къ которому она обращается всегда одинаково, то есть съ одинаковою злобой. Предметомъ этимъ служитъ русское молодое поколѣніе, которое обвиняется въ революціонныхъ тенденціяхъ, которому приписываются всякія антисоціальныя намѣренія, на которое, наконецъ, указывается, какъ на какое-то пугало, достойное омерзѣнія. Безпрестанно возвращается газета къ этому неистощимому источнику своихъ скорбей и опасеній, и своею бранью отравляетъ лишеныя волосъ головы старыхъ каплуновъ, ее читающихъ. Каплуны читаютъ и разбѣгаютъ рты, словно туда посылаютъ имъ любимые ихъ катышки изъ грецкихъ орѣховъ съ творогомъ; они читаютъ и начинаютъ подозрѣвать, что въ собственныхъ ихъ нѣдрахъ завелось какое-то растлѣвающее начало, что собственные ихъ дѣти, молодая каплуныта, перестали ходить къ обѣднѣ, не признаютъ властей и надругаются надъ священнымъ правомъ собственности.

— Да ты точно не признаешь собственности, Мишукъ? спрашиваетъ старый покрытый плѣсенью каплунъ молодого, еще не совсѣмъ оперившагося каплуенка.

— А что такое собственность, папаша? въ свою очередь вопрошаетъ каплуенокъ, ковыряя въ носу и воображая, что собственность и невѣсть какое кушанье.

— Собственность, мой другъ... ну, Христосъ съ тобой! ступай, душенька, поиграй съ сестрицами!

И старый каплунище вздыхаетъ свободнѣе, и долго ломаетъ голову надъ вопросомъ, что такое приснилось во снѣ его любимой газетѣ, когда она увѣряла, что мальчишки задумываютъ перевернуть вверхъ дномъ любезное отечество? И какое она имѣла право производить междоусобіе и смуту въ мирныхъ семействахъ, поселяя вражду между родителями и дѣтьми? И какъ она смѣла дворянскихъ дѣтей «негодяями» и «жуликами» называть? И много еще другихъ вопросовъ задаетъ себѣ старый каплунище, и въ концѣ концовъ постановляетъ рѣшеніе не подписываться на будущее время на «Московскія Вѣдомости», а продолжать исключительно «Слнномъ Отечества». Да этотъ исходъ еще самый благопріятный; другой каплунъ позадорнѣе, пожалуй, и сатисфакція отъ редакціи потребуетъ за то, что осмѣлилась кость отъ костей его «жуликомъ» обозвать.

Много на своемъ вѣку острыхъ словъ произнесла почтенная газета въ назиданіе современному русскому молодому поколѣнію, но, конечно, ни въ ней, ни въ «Русскомъ Вѣстникѣ» не появлялось ничего такого, что замысловатостью своей подходило бы къ выходкѣ, помѣщенной въ 187 № «Московскихъ Вѣдомостей».

Непрерывный процессъ, который ведутъ съ молодымъ поколѣніемъ наши журнальные борзописцы, наводитъ меня на разные размышленія. Вѣдь и они когда-то были людьми, и они во что-то вѣровали, и ходили не шатаясь по волѣ вѣтровъ. Какая таинственная сила заставила ихъ переродиться до того, чтобъ утратить даже возможность постигать смыслъ проходящихъ передъ нами явленій? Какое мрачное колдовство до того засыпало мусоромъ ихъ память, что собственное прошлое является передъ ними точно чужое?

Думаю я, что происходитъ это довольно просто. Выше я сказалъ, что когда человѣкъ сытъ и доволенъ, то онъ склоненъ

думать, что этой сытости и конца не будет; вѣчто подобное повторяется и въ настоящемъ случаѣ. Когда человѣкъ молодъ, внутренняя сила еще ключемъ кипитъ въ груди, онъ думаетъ, что этой молодости, этой силѣ никогда и конца не будетъ. А такъ какъ всякой силѣ свойственна извѣстная доля гордости и даже фанатизма, то вотъ и мечтается молодому человѣку, что краше-то его, молодаго, и на свѣтѣ нѣтъ, и что ужъ если онъ что выдумалъ или сказалъ, такъ ужъ лучше той выдумки или слова никому ни выдумать, ни сказать не приводится. И идетъ оно такимъ образомъ до самыхъ преклонныхъ лѣтъ, и думается молодому человѣку, что онъ все еще молодой человѣкъ, покуда вдругъ не получить откуда-то щелчка въ носъ. Тогда является въ первый разъ потребность оглянуться на себя и провѣрить свое положеніе въ той средѣ, въ которой дѣйствуешь. Оглядываешься, провѣряешь... оказывается, что кругомъросло что-то новое и притомъ до того дѣйствительно-молодое, что не имѣетъ надобности ни въ фальшивыхъ тупеяхъ, ни въ искусственныхъ зубахъ. И это новое и молодое до того ново и молодо, что даже говорить другимъ совсѣмъ языкомъ, и думаетъ совсѣмъ не ту думу, которую думали мы, прекрасные молодые люди сороковыхъ годовъ. Господи! да неужели же мы ужъ не молодые люди! робко подумываетъ пожилой молодой человѣкъ, и внутренне оскорбляется даже однимъ предположеніемъ подобнаго рода. «Ахъ, мальчишки!» вырывается изъ груди его невольное восклицаніе.

Съ этихъ поръ онъ ужъ старикъ, и мысль его перестаетъ развиваться даже въ сферѣ тѣхъ началъ, которыя питали его молодость. Эта мысль все идетъ назадъ и назадъ, и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не зайдетъ въ самую трущобу. И тогда-то начинается исторія, которая была бы смѣшна, еслибъ не имѣла въ себѣ слишкомъ много по истинѣ жалкаго и даже трогательнаго. Человѣкъ рветъ фальшивый тупей свой и искусственными зубами хочетъ впѣпиться въ живой организмъ. Въ безсильной и дикой злобѣ глумится онъ надъ всѣмъ, что хочетъ жить, что жаждетъ истины и свѣта. Само собой разумѣется, что всѣ эти неистовства остаются безъ результата, что естественнаго теченія жизни не остановить не только искусственными, но и настоящими, здоровыми зубами, но картина одряхлѣвшаго молодаго человѣка все-таки поучительна. Трогательная сторона ея заключается именно въ томъ безсиліи, которое царитъ надъ нею; но такъ какъ, въ большей части случаевъ, здѣсь примѣшивается еще

злорада, то, въ соединеніи съ нею, картина уже пріобрѣтаетъ колоритъ отвратительный.

Затѣмъ, оканчивая мою хронику, не могу оставить безъ нѣсколькихъ словъ отвѣта «Замѣтку для редакціи «Современника», напечатанную въ «Отечественныхъ Запискахъ» за іюль мѣсяцъ.

Быть можетъ, читатель помнитъ, что въ майской книжкѣ нашего журнала, по поводу постоянного плача «Отечественныхъ Записокъ» относительно какого-то бомбо-отрицательнаго направленія, а также по поводу совершенно-прозрачныхъ намековъ, которыми въ распространеніи этого бомбо-отрицательнаго направленія обвинялся «Современникъ», мы просили г. Громеку, какъ объявившаго себя редакторомъ «Современной хроники», въ которой означенный выше плачъ преимущественно производится, объяснить намъ, на какіе факты онъ можетъ сослаться для подкрѣпленія своихъ обвиненій.

На наши скромные вопросы, почтенная редакція ничего не отвѣчаетъ. Взамѣнъ того, она объясняетъ, что разсужденія ея о бомбо-отрицательномъ направленіи имѣли совсѣмъ не тотъ смыслъ, какой нами имъ приданъ, и что г. Громека уполномочиваетъ ее объявить, что онъ никогда не протягивалъ руки редакціи «Современника» и не искалъ съ нею сближеній, но что редакція «Современника» не разъ протягивала ему руку.

На это не лишнимъ считаемъ въ свою очередь объяснить почтенной редакціи:

1) Что толкованіемъ ея о бомбо-отрицательномъ направленіи мы придали именно тотъ самый смыслъ, какой, вѣроятно, приданъ имъ всякимъ умѣющимъ грамотѣ читателемъ;

2) Что вѣрность нашего пониманія доказывается уже тѣмъ, что «Отечественныя Записки» сами объясняютъ свой поступокъ нѣсколько запутаннымъ и коснѣющимъ языкомъ;

3) Что, впрочемъ, это послѣднее обстоятельство намъ правится, ибо обнаруживаетъ въ почтенной редакціи рѣшимость избѣгать на будущее время неосторожныхъ намековъ, которыми и безъ того достаточно безобразятъ нашу литературу московскіе публицисты;

4) Что выраженіе «протягивать руку» употреблено нами въ переносномъ и даже ироническомъ смыслѣ; что затѣмъ, хотя намъ положительно неизвѣстно, протягивала ли фактически и не въ переносномъ смыслѣ редакція «Современника» руку г. Гро-

мекъ (мы лично не имѣемъ даже удовольствія знать его), но если бы это и было, то надѣмся, что здѣсь нѣтъ даже самого малѣйшаго повода для обвиненія.

Сверхъ того, въ «Замѣткѣ», о которой идетъ рѣчь, есть слѣдующая фраза: «Мы увѣрены, что каждый читатель, вникнувъ во всю тонкость этой литературной *передержки*, самъ убѣдится, что отвѣчать намъ на эти вопросы, значило бы показать, что «Отечественныя Записки» лишены всякой способности гнущаться, подобно «Современнику», тѣмъ, что имъ представляется наиболѣе гнуснымъ».

Полагаемся на здравый смыслъ нашихъ читателей и предоставляемъ имъ отыскать ключъ къ этой загадкѣ. Мы же рѣшительно ничего тутъ не понимаемъ, но чувствуемъ, что здѣсь кроется что нибудь одно изъ двухъ: или очень острое, или очень пакостное.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1) о стотысячной кражѣ на николаевской желѣзной дорогѣ; 2) объ убогой вдовицѣ, претерпѣвшей убытку на 300 руб. сер. по случаю сданнаго ей притѣсненія становымъ приставомъ; 3) объ убогомъ больномъ, обвиненномъ злонамѣренностью медиковъ за проявленіе своихъ патріотическихъ чувствъ; 4) о спорѣ г. каткова съ г. вороновымъ о классическомъ образованіи и 5) о спорѣ г. каткова съ г. костомаровымъ о малороссійскомъ нарѣчій.

Вотъ уже идетъ девятый мѣсяцъ, какъ польскій вопросъ стоитъ неотразимо предъ глазами русскаго общества. На него обращено почти исключительно вниманіе всего общества; на него напряжены всѣ силы русской литературы. Даже чисто внутренніе вопросы нѣкоторые публицисты намѣренно или ненамѣренно окрашиваютъ прикосновенностію къ польскому дѣлу, чтобы привлечь къ нимъ любопытство публики. Въ такія времена что дѣлать намъ бѣднымъ лѣтописцамъ событій и дѣлъ внутреннихъ? Конечно, польскій вопросъ имѣетъ свою внутреннюю, русскую сторону еще болѣе, чѣмъ многіе изъ чисто внутреннихъ самыхъ важныхъ русскихъ вопросовъ, а потому въ немъ есть и для насъ, лѣтописцевъ, своя доля. Но, во первыхъ, читатель, чуть ли не до десяти толкователей-публицистовъ каждый день являющихся передъ вами и усиливаются на всѣ возможныя манеры распутать и сдѣлать видимыми именно *внутреннія* нити этого вопроса, такъ что, по справедливому замѣчанію И. С. Аксакова, нескончаемые споры и толки о польскомъ вопросѣ, не смотря на неотразимость его, видимо начинаютъ уже надоѣдать публикѣ; во вторыхъ, мы, то есть лично

мы, всегда придерживаемся той тактики, чтобы не брать слѣдующей намъ доли по мелочамъ. Такъ мы дѣлаемъ и въ польскомъ вопросѣ, ожидаемъ, пока она накопится сполна, — и, какъ намъ кажется, это время уже недалеко.

Теперь же, за непмѣніемъ дѣлъ важныхъ, позвольте вамъ рассказать нѣсколько незначительныхъ, но въ пѣкоторыхъ отношеніяхъ весьма поучительныхъ исторій о слѣдующихъ предметахъ: 1) о столысячной кражѣ на Николаевской желѣзной дорогѣ; 2) объ убогой вдовицѣ, потерпѣвшей убытку на 300 руб. по случаю сдѣланнаго ей притѣсненія становымъ приставомъ; 3) объ убогомъ больномъ, обвиненномъ злонамѣренностью медиковъ за свои патріотическія чувства; 4) о спорѣ г. Каткова съ г. Вороновымъ о классическомъ образованіи и 5) о спорѣ г. Каткова съ г. Костомаровымъ о малороссійскомъ нарѣчіи.

1) *Столтысячная кража на Николаевской желѣзной дорогѣ.*

- Кому часто случалось ѣзжать по желѣзной дорогѣ отъ Москвы до Петербурга, тотъ знаетъ, что воровство по этой дорогѣ дѣло очень перѣдкое на пассажирскихъ поѣздахъ въ третьихъ классахъ. То стянутъ у какой нибудь зазѣвавшейся бабы узелочекъ, то утащутъ у возвращающагося съ заработковъ и заспавшагося мужика мѣшокъ, въ которомъ заключались и его гардеробъ, и инструменты, и деньги, однимъ словомъ, все достояніе. И потомъ бѣгаютъ бѣдные мужикъ и баба по третьекласснымъ вагонамъ съ горькими слезами, стараясь отыскать свою потерю. Поиски остаются однакожь напрасными. И воръ и покраденное не отыскиваются, — и такимъ образомъ бѣдные люди во время пути теряютъ часто заработки цѣлаго года, а иногда и многихъ лѣтъ. Въ этомъ не принималось никогда особенно горячаго участія. Зачастую даже, въ то время, когда обокраденные бѣгаютъ со слезами по вагонамъ, отыскивая свое добро, кондукторы подсмѣиваются надъ ними же: «дескать, больно много спите». А чтобы кто нибудь по поводу этихъ маленькихъ кражъ, для маленькихъ людей однакожь очень большихъ и важныхъ, поднялъ вопросъ въ литературѣ, объ этомъ и думать было нечего; редакторъ всякой газеты почелъ бы, навѣрное, неприличнымъ заводить рѣчь о подобныхъ пустякахъ. Мы по крайней мѣрѣ съ нѣкоторою увѣренностію можемъ сказать это о почтенномъ редакторѣ и издателѣ «Петербургскихъ Вѣдомостей» Валентинѣ Федоровичѣ Коршѣ. Онъ въ своей благородной газетѣ ни подъ какимъ видомъ не далъ бы мѣста рѣчи о мѣшкахъ и узелкахъ. Такъ мы имѣемъ поводъ думать по нѣкоторымъ извѣстнымъ намъ опытамъ.

А между тѣмъ, какъ уворовываемые очень перѣдко у бѣдныхъ людей мѣшки и узелки оставляются безъ всякаго вниманія, въ прене-

бреженіи, пропажа 100 тысячъ, принадлежащихъ главному обществу желѣзныхъ дорогъ, производитъ всеобщій шумъ. Поднимается на ноги и городская и земская полиція; приводится въ дѣйствіе телеграфъ; всѣ газеты начинаютъ бить набатъ. Отчего это?

На нашъ простой взглядъ, даже *in abstracto*, хроническое уворовываніе узелковъ и мѣшковъ, какъ бы ни были незначительны въ каждый разъ покражи, гораздо важнѣе единовременной пропажи 100 т. рублей. Потому что и не принимая никакихъ мѣръ на будущее время, можно смѣло быть увѣреннымъ, что 100 тысячъ могутъ быть украдены развѣ въ 100 лѣтъ одинъ разъ, между тѣмъ какъ уворовываніе мѣшковъ и узелковъ, если оно не будетъ оглашаемо и ограждаемо извѣстными мѣрами, будетъ продолжаться вѣки вѣчные и будетъ совершаться почти ежедневно. Въ рассматриваемомъ нами случаѣ пропажа 100 тысячъ еще менѣе важна въ сравненіи съ пропажающими узелками и мѣшками, чѣмъ она была бы важна во всякомъ другомъ случаѣ. Ибо 1) выкраденныя деньги принадлежали, какъ мы уже сказали выше, главному обществу желѣзныхъ дорогъ. Въ какое сопоставленіе могутъ идти между собою бѣднякъ, у котораго, похищая мѣшокъ, похищаютъ все его имущество, и главное общество желѣзныхъ дорогъ, владѣющее не только милліонами, но и копейками, у котораго похитили только 100 тысячъ? — 2) Г. Рутковский, у котораго выкрали деньги, принадлежавшія главному обществу, имѣлъ всю возможность сохранить ихъ, — и если деньги у него были выкрадены, то выкрадены были рѣшительно по его винѣ. Онъ сидѣлъ одинъ въ особомъ семейномъ отдѣленіи вагона, онъ могъ принять всѣ мѣры, какія нашелъ бы нужными для сбереженія денегъ, и если онъ не придумалъ никакихъ на всякій случай, то имѣлъ полное право и основаніе не спать отъ Москвы до Петербурга, имѣя на своихъ рукахъ такую значительную сумму денегъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи находится бѣднякъ, ѣдущій въ вагонѣ третьяго класса на пассажирскомъ поѣздѣ. Онъ ѣдетъ въ сообществѣ 80 человекъ, то и дѣло по частямъ смѣняющихся почти на каждой станціи. Какъ ни дорогъ для него лично его скарбъ, но относительно онъ такъ малозначителенъ, что владѣльцу его до покражи едва ли приходитъ и въ голову, чтобы кто могъ польститься на подобную бездѣлицу. Къ тому же зачастую, время, которое проводитъ бѣднякъ въ дорогѣ, можетъ быть, составлять единственно удобное время для его отдыха. Можно ли обвинять его за то, что онъ и уснетъ?

Все это мы говоримъ, однакожь, не въ ту силу, чтобы обвинять газеты за ихъ разговоры о пропажѣ 100 тыс. руб., принадлежащихъ главному обществу. Мы напротивъ рады были, что они заговорили объ этой пропажѣ, потому что думали, что по поводу этого частнаго

случая они заговаривают о пропажах вообще и придумывают какія нибудь мѣры для предотвращенія воровства по желѣзной дорогѣ на будущее время.

Но этого именно и не случилось. Вся газетная болтовня о пропажѣ 100 тысячъ денегъ ограничилась сообщеніемъ свѣдѣній о ихъ розыскѣ, и что для насъ всего страннѣе, — курьезной полемикой самыхъ розыскивавшихъ о томъ, кто именно отыскалъ похищенные деньги. Въ розыскѣ похищенныхъ денегъ принимали участіе: начальникъ 3-го отдѣленія николаевской желѣзной дороги, Верига, тверской жандармскій штабсъ-капитанъ Грищукъ, командированные отъ савт-петербургскаго оберъ-полиціе-мейстера подполковникъ Бибииковъ и поручикъ Юнгъ, валдайскій земскій исправникъ Никитинскій и становой приставъ Сулимовъ. Никто однакожъ изъ названныхъ нами лицъ не поймалъ воровъ, а поймалъ ихъ, какъ откровенно объясняетъ одинъ изъ участвовавшихъ въ розыскахъ поручикъ Юнгъ, горскій голова крестьянинъ *Яковъ Васильевъ*. Слѣдовательно полемика между упомянутыми лицами идетъ о томъ, кто болѣе дѣльныя сдѣлалъ распоряженія для поимки воровъ? Какое, спрашивается, публикѣ до этого дѣло? Какое дѣло ей даже до того, кто поймалъ воровъ? Всѣ изъ розыскивавшихъ были или люди нарочито для того командированные, или по прямому долгу службы обязанные преслѣдовать воровъ. Конечно, одни изъ нихъ могли показать большую распорядительность, другіе меньшую, но разбирать это — дѣло подлежащаго начальства, а вовсе не публики. Подобная неопредѣленность заслугъ дѣйствовавшихъ бываетъ почти въ каждомъ болѣе важномъ уголовномъ дѣлѣ, гдѣ командируются нѣсколько чиновниковъ для преслѣдованія и раскрытія виновныхъ. Если по каждому такому случаю заводить публичную полемику, то никакія газеты не въ состояніи были бы вмѣстить ее. Вотъ другое дѣло, если бы въ розыскъ вмѣшалось какое нибудь стороннее лицо и сдѣлало дѣльныя распоряженія, содѣйствовавшія къ поимкѣ воровъ, положимъ, хоть литераторъ, какой нибудь особенно извѣстный, ну, тогда публикѣ былъ бы нѣкоторый интересъ принять къ свѣдѣнію. Она могла бы сказать, что вотъ, дескать, литераторъ, а и воровъ ловить умѣетъ! Молодецъ, дескать! Теперь же полемика гг. розыскивавшихъ 100 тысячъ о томъ: кто распоряжался дѣломъ, на нашъ взглядъ не только не интересна, но и имѣетъ отчасти юмористическій колоритъ...

Если мы завели по поводу ея рѣчь, то единственно съ тою цѣлю, чтобы указать на важность мелкаго воровства, совершаемаго по желѣзной дорогѣ, и обратить на это дѣло вниманіе лицъ, которыя могутъ помочь ему. Намъ кажется, до извѣстной степени предотвратить это воровство можно извѣстнымъ размѣщеніемъ пассажировъ въ ва-

гонахъ третьяго класса пассажирскихъ поѣздовъ. Нужно сдѣлать такъ, чтобы взявшіе билетъ на цѣлый путь отъ Петербурга до Москвы или отъ Москвы до Петербурга, а также на большое разстояніе отъ того же пути, напримѣръ, отъ Петербурга до Твери, или отъ Москвы до Волжской станціи (Новгородской губерніи) и т. п. помѣщались были вмѣстѣ въ вагонахъ, слѣдующихъ немедленно за второклассными, обыкновенно не отдѣляемыхъ во время пути. Затѣмъ бы слѣдовали вагоны *сборные* для лицъ, которые взяли билетъ на нѣсколько станцій и вообще на разстоянія промежуточные между Москвой и Петербургомъ. Тѣ, которые взяли билетъ на цѣлый путь или на большую часть его, не захотятъ высаживаться для того только, чтобы ступить узелъ или мѣшокъ, въ которомъ еще, Богъ знаетъ, что найдется. Да если бы и захотѣли, то сдѣлать это будетъ не очень удобно, когда всѣ сидящіе въ вагонѣ будутъ знать, что они должны ѣхать до извѣстнаго мѣста вмѣстѣ съ другими. Точно такъ же трудно будетъ приходить для воровства въ вагоны, идущіе на весь путь и изъ вагоновъ *сборныхъ*. Потому что всѣ сидящіе въ вагонѣ будутъ знать, что это лицо пришлое и взять ему ничего не позволять. Что касается до вагоновъ *сборныхъ*, гдѣ будутъ помѣщаться пассажиры, ѣдущіе нѣсколько станцій или вообще промежуточные разстоянія, то, во первыхъ, эти пассажиры, какъ отправляющіеся большею частию по временнымъ дѣламъ, а не на житье въ извѣстное мѣсто, многого съ собою не повезутъ, а во вторыхъ, имъ, какъ проѣзжающимъ сравнительно съ другими незначительную часть пути, если бы привелось провести и весь свой путь въ почное время, что бываетъ рѣдко, было бы нетрудно не поспать и всю ночь, по крайней мѣрѣ легче, чѣмъ тѣмъ, кто ѣдетъ цѣлый путь. Этой мѣрой т. е. отдѣленіемъ пассажировъ, взявшихъ билетъ на цѣлый путь или на большое разстояніе, отъ пассажировъ, проѣзжающихъ незначительное или вообще промежуточное разстояніе, достиглось бы и другое удобство для третьихъ классовъ, о которомъ по всей справедливости должно было бы давно позаботиться начальство желѣзной дороги. Именно пассажировъ, взявшихъ билетъ на цѣлый путь, не перегоняли бы по нѣскольку разъ изъ одного вагона въ другой во время пути, потому только, что вагоны, въ которыхъ они ѣдутъ, оказались лишними. А чѣмъ же они виноваты, что ихъ тутъ посадили? Пассажиръ, заплатившій деньги за весь перѣздъ, имѣетъ сравнительно съ другими все право требовать, чтобы ему дали постоянное мѣсто на цѣлый путь.

Обращаемся 2) къ исторіи обѣ убогой вдовицы, потерпѣвшей раззореніе отъ притѣсненій становаго.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», появилась слѣдующая статейка подъ названіемъ: *шутка становаго*.

«Я имѣю честь владѣть землею въ Александровскомъ уѣздѣ, находящемся подъ особою счастливою звѣздою. Недавно (30 мая 1863 г.) въ усадьбѣ моей для прочтенія и исполненія доставлено слѣдующее свидѣтельство пристава 1-го стана Александровскаго уѣзда дано сіе экономіи графа Виктора Егорыча Канкринна въ томъ, что отары стада его могутъ безпрепятственно слѣдовать съ хуторовъ въ экономію по дорогамъ трактовымъ и проселочнымъ; если жъ кто изъ владѣльцевъ воспрепятствуетъ свободному проходу отаръ графа Виктора Егорыча Канкринна, то таковой ближайшій сотскій или староста обязанъ представить къ нему сотскому приставу, для поступленія по экономіи». Живя въ Москвѣ, я не подвергся аресту сотскаго, но земля моя пострадала, овцы уничтожили на ней траву и хлѣбъ и, какъ мнѣ извѣстно, я понесъ убытку рублей на 300. Вѣроятно, графъ Канкринъ или г. становой намѣренъ уплатить мнѣ эти деньги; но все таки я не понимаю, на какомъ основаніи становой позволяетъ себѣ распоряжаться моею собственностью и налагать на меня произвольныя повинности. У графа Канкринна есть 60,000 овецъ, и мнѣ очень не выгодно, если тѣ часто будутъ гулять на моей землѣ по волѣ одного сотскаго, охотника до подобныхъ шутокъ.

М. Капустинъ.

Адресъ мой: Мих. Ник. Капустину, профессору университета въ Москвѣ.

Прочитавъ прописанное здѣсь публичное заявленіе почтеннаго профессора Московскаго университета, мы пришли сначала въ ужасъ и негодованіе отъ злодѣяній, такъ нагло совершающихся у насъ надъ людьми бѣдными. Въ воображеніи нашемъ невольно рисовалось шестидесяти тысячное стадо овецъ, идущее на землю г. профессора, стадо, готовое и способное поѣсть не только хлѣбъ и траву, какъ пишетъ г. профессоръ, но, какъ намъ казалось, и самую землю, по крайней мѣрѣ черноземный слой ея. Но не это одно — не потрава только вселила въ насъ ужасъ. Потравы бываютъ вездѣ, иѣтъ мужицкаго поля, которое бы не подвергалось потравѣ. Но вездѣ есть законъ охраняющій собственность; вездѣ есть правосудіе, блющее за исполненіемъ закона, вездѣ есть со стороны владѣльцевъ признаніе и закона и правъ правосудія и правъ собственности. Здѣсь ничего того не было; все было поправу. Само начальство стана даетъ предписаніе о правѣ овецъ графа Канкринна производить потравы. Графъ Канкринъ дѣйствуетъ очевидно за одно съ начальствомъ стана. Вѣроятно, думали мы, профессоръ просилъ правосудія и у начальства земской полиціи, и въ мировыхъ учрежденіяхъ, и у губернскихъ властей — и нигдѣ не нашелъ его. Не даромъ же онъ завопилъ какъ вдовица въ виду шестидесяти тысячнаго стада овецъ, угрожающаго ему ежеднѣв-

по раззореніемъ. Мы рѣшились взять его, при такомъ безпомощномъ состояніи, подъ свою защиту, т. е. подъ защиту гласности. Заказали по этому именно случаю написать одному извѣстному публицисту самую рѣзкую статью о вопіющихъ злоупотребленіяхъ нашей земской полиціи и мировыхъ учрежденій для помѣщенія въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, одного поэта, умѣющаго передавать существующія узаконенія въ стихахъ въ буквальной ихъ точности, просили выбрать всѣ статьи какъ изъ гражданскихъ законовъ, такъ и изъ уложенія о наказаніяхъ, относящіяся къ имущественнымъ правонарушеніямъ, и изобразить все это четырехстопнымъ ямбомъ для помѣщенія въ «Русскомъ Вѣстникѣ»; сами стали заниматься сочиненіемъ ученой диссертациі о необходимости изъятія преступленій по потравамъ изъ общаго порядка судопроизводства.

Когда всѣ эти работы были почти уже готовы — публицистическая статья и стихи были совсѣмъ окончены вчернѣ, ученая диссертациа приходила уже къ концу, — вдругъ въ тѣхъ же московскихъ вѣдомостяхъ является отвѣтъ графа Канкринна, владѣльца шестидесятитысячнаго стада овецъ, на статью профессора Капустина и неожиданно и нежданно разрушаетъ въ прахъ всѣ наши работы и замыслы. И громоносная публицистическая статья, и закононосныя ямбическіе стихи, и ученая диссертациа все дѣлается погибшимъ, безъ всякой надежды на гонорарій. Въ какой мы были поставлены аф-фронть — судите сами, читатель; мы приведемъ вамъ выдержки изъ отвѣта графа Канкринна на статью профессора Капустина.

«Не получая — пишетъ графъ — «Московскихъ Вѣдомостей», я былъ извѣщенъ 24 іюня отдаленнымъ сосѣдомъ и добрымъ моимъ знакомымъ о напечатанной противъ меня профессоромъ юридическаго факультета г. Капустинымъ статьѣ, помѣщенной въ 125 № «Московскихъ Вѣдомостей» подъ заглавіемъ: «Шутка становаго».

«Не окажи мнѣ мой знакомый такого вниманія, надолго бы остался я незаслуженно виновнымъ въ глазахъ всѣхъ гг. подписчиковъ «Московскихъ Вѣдомостей», не знающихъ ни меня, ни сущности дѣла».

«Г. Капустинъ, — пишетъ далѣе графъ Канкринъ, не только не увѣдомилъ ни меня, ни управленіе, ни брата, который постоянно живетъ въ деревнѣ, въ 18 верстахъ отъ имѣнія г. Капустина, ни становаго пристава, но даже не прибѣгнулъ къ прекрасному учрежденію мирового посредничества, а прямо обратился къ журнальной гласности со взведеніемъ на становаго пристава такихъ небывалыхъ поступковъ самоуправства, которые никогда не имѣли мѣста, да и врядъ ли могутъ гдѣ нибудь существовать въ настоящее время».

Въ письмѣ своемъ графъ Канкринъ между прочимъ объявляетъ,

что не только въ томъ имѣніи его, которое находится близъ имѣнія г. Капустина, у него нѣтъ 60,000 овецъ, но нѣтъ такого количества даже во всѣхъ его имѣніяхъ вмѣстѣ съ имѣніями его брата.

О станомъ приставѣ графъ Канкринъ говоритъ, что «онъ пользуется общимъ уваженіемъ и незаслуженно представленъ въ такихъ краскахъ и тинѣ, которые слава Богу, почти повсемѣстно уже уничтожились, что вѣроятно, продолжаетъ графъ, становой сдумѣть себя защитить гласно предъ общественнымъ имѣніемъ, и также передъ силою законовъ, противъ обвиненія названнаго «шуткою становаго», каковую однако шутку каждый безпристрастный читатель въ правѣ понять иначе».

Кромѣ того графъ Канкринъ извѣщаетъ, что онъ подалъ просьбу объ «ислѣдованіи законнымъ путемъ всѣхъ изведенныхъ на него обвиненій въ уничтоженіи будто бы его овцами въ имѣніи г. Капустина травы и хлѣба».

Чтожь это такое, читатель? Разберите: кто тутъ шутитъ, становой ли, графъ ли Канкринъ, профессоръ ли Капустинъ?

Но вѣдь если справедливо одно только то обстоятельство, а въ достовѣрности его нельзя сомнѣваться, что г. Капустинъ поднималъ вопль разоренной вдовицы, не обратившись съ извѣщеніемъ о нанесенномъ ему убыткѣ ни къ графамъ Канкринымъ, ни въ ихъ управленіе, ни къ станому приставу, ни къ мировому посреднику, то всѣ наши литературные труды, поднятые на его защиту, пропали безвозвратно...

А вѣдь въ нихъ наша кровь проливается...

Вотъ подите и стойте послѣ этого за правду! Могли ли мы хоть на одну минуту усомниться въ несомнѣнности фактовъ и компетентности жалобы, заявляемыхъ профессоромъ юридическаго факультета московскаго, а не другаго какого нибудь университета и на столбцахъ газеты, которая при всякомъ сомнительномъ извѣстіи, даже уже напечатанномъ, оговаривается: дескать, «за это отвѣчаетъ такой-то!»

Переходимъ 3) къ сказанію объ убогомъ больномъ, обиженномъ злонамѣренностію медиковъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 40) появилась слѣдующая статейка, подъ названіемъ: *казусъ въ водолечебномъ заведеніи*.

«На дняхъ со мною случилось происшествіе, которое заслуживаетъ печатнаго оглашенія. Врачъ мой нашелъ для меня полезнымъ, чтобы началъ леченіе холодною водою, и затѣмъ, обратившись въ водолечебное заведеніе доктора К...а, я съ 11 апрѣля, за извѣстную

плату, былъ припятъ въ число больныхъ этого заведенія. За отсутствіемъ главнаго доктора К...а, находящагося за границей, этимъ заведеніемъ управляетъ нѣкій докторъ О...скій! Въ началѣ іюня, или въ послѣднихъ числахъ мая мѣсяца, административное лицо этого заведенія обратилось ко мнѣ отъ имени вышенисаннаго г. О. съ просьбою участвовать въ подпискѣ въ пользу *какихъ-то неизвѣстныхъ лицъ* (курсивъ въ подлинникѣ). Изъявивъ готовность оказать помощь страждущимъ, я въ то же время высказалъ свое желаніе участвовать въ подпискѣ въ томъ только случаѣ, *если пожертвованіе мое будетъ употреблено на пользу лицъ русскаго происхожденія* (опять курсивъ въ подлинникѣ; вы это, читатель, замѣчайте!). Но такъ какъ при оказаніи мнѣ списка подписавшихся мнѣ не было объяснено, въ пользу кого дѣлается подписка, то я, при заявленіи моего правила, не рѣшался быть жертвователемъ для лицъ, происхожденіе которыхъ мнѣ неизвѣстно, и приглашеніе къ участию въ этой подпискѣ уже не повторялось.

«Я продолжалъ леченіе, но въ день, когда слѣдовало внести впередъ за мѣсяць деньги, т. е. 12 іюня, я былъ озадаченъ слѣдующею неожиданностью: административное лицо, отъ имени того же самаго О., объявляетъ мнѣ, что той суммы, которую я платилъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ (въ платежѣ которой я имѣлъ документъ) онъ, по приказанію доктора О., приять не можетъ, а предлагаетъ платежъ за леченіе втрое болѣе первыхъ двухъ мѣсяцевъ, и я, сколько ни старался доказывать администратору всю неправильность этого распоряженія, но на это получилъ отвѣтъ, что такъ приказалъ докторъ г. О...скій, и волю его онъ нарушить не можетъ. Затѣмъ я счелъ уже лучшимъ прекратить леченіе и обратиться въ другое заведеніе, куда на другой же день я былъ принятъ за ту же самую плату, которую такъ неожиданно хотѣлъ утронуть г. О...скій».

Т. Ивановъ.

Письмо г. Т. Иванова, какъ видитъ читатель, очень курьезное, и намъ вѣтъ нужды объяснять, куда оно мѣтитъ... Предположимъ на время, что все написанное г. Т. Ивановымъ было бы дѣйствительно справедливо, и предположимъ, что неизвѣстные люди, для которыхъ собирались пожертвованія, были именно тѣ, на мысль о которыхъ хочетъ навести читателей г. Т. Ивановъ; предположимъ, что патріотическое чувство г. Т. Иванова было глубоко оскорблено и возмущено подобными сборами, — все-таки остается непонятнымъ: *какая была цѣль* печатать вышеприведенное письмо? Г. Т. Ивановъ свои сомнѣнія и подозрѣнія о незаконныхъ сборахъ долженъ былъ сдѣлать извѣстными только тому, кому надлежало о томъ знать и кто могъ удостовѣриться въ ихъ основательности, и долженъ былъ сдѣлать ихъ

известными совѣтъ другимъ путемъ, а не путемъ печати. Однимъ словомъ, подозрѣнія и сомнѣнія свои, ни на чемъ не основанныя, ничѣмъ не доказанныя, онъ не имѣлъ никакого права предавать печатной гласности при томъ состояніи умовъ, какое было во время обнародованія имъ письма. Могъ ли не имѣть этого въ виду г. Т. Ивановъ, печатая свое письмо! Но если г. Т. Ивановъ имѣлъ свои причины не имѣть въ виду подобныхъ вещей, если для удовлетворенія мелкаго чувства своей мести онъ желалъ, быть можетъ, дурнаго исхода дѣла, то какъ могъ опустить это изъ виду благоразумный и осторожный редакторъ «Московскихъ вѣдомостей», печатая голословное, между тѣмъ, по состоянію умовъ, слишкомъ важное обвиненіе г. Т. Иванова въ своей газетѣ?—Такимъ образомъ поступокъ г. Т. Иванова и г. редактора «Московскихъ Вѣдомостей», огласившихъ печатно письмо, ни въ какомъ случаѣ по бывшему въ то время настроенію умовъ не подлежавшее публичному оглашенію и обсужденію, намъ представляется на худой конецъ страннымъ, даже въ томъ случаѣ, если бы и г. Т. Ивановъ, и г. редакторъ были твердо убѣждены, что подозрѣнія, высказываемыя въ письмѣ, совершенно основательны.

Вообразите же теперь, читатель, что все, что писалъ г. Т. Ивановъ, была чистая ложь, клевета, сочиненная имъ подъ вліяніемъ чувствъ самой мелкой мести!—Оказалось вотъ что:

Водолечебное заведеніе, въ которомъ лечился г. Т. Ивановъ, есть известное заведеніе въ Москвѣ доктора Крейзера. Самъ Крейзеръ находился во время описываемаго нами происшествія за границей, а заведеніемъ по медицинской части управлялъ докторъ Орчинскій, называемый у г. Т. Иванова О. и О...скій.

«Водолечебное заведеніе доктора Крейзера, имѣющее обширный кругъ дѣйствія, по числу больныхъ его посѣщающихъ и по средствамъ, употребляемымъ на его содержаніе (1300 руб. въ мѣсяцъ), раздѣлено на два отдѣленія, изъ которыхъ въ первомъ мѣсячная плата за леченіе назначена 45 руб. сер., во второмъ же въ утреннее время 30 руб., а въ вечернее 25 руб., что и напечатано въ программѣ заведенія, которая вручается каждому желающему лечиться».

Мы нарочно отмѣчаемъ послѣднія строки курсивомъ въ выдержкѣ, приводимой нами изъ отвѣта г. Орчинскаго на статью г. Т. Иванова, чтобы читатель не оставилъ ихъ безъ вниманія. Имѣя въ рукахъ программу, г. Т. Ивановъ не могъ не знать нормальной платы, взимаемой съ больныхъ пользующихся въ заведеніи.

«Но, продолжаетъ г. Орчинскій, — чтобы сдѣлать доступнымъ леченіе и не имѣющимъ средствъ вносить полную плату, учредитель заведенія допускаетъ известное число больныхъ, пользующихся имъ безплатно, или съ платою, опредѣляемою самими больными, по ихъ

собственному усмотрѣнію, предполагая, что никто не захочетъ воспользоваться снисхожденіемъ, на которое имѣетъ право одна бѣдность».

На правахъ убогаго поступилъ въ водолечебное заведеніе и г. Т. Ивановъ 11 апрѣля текущаго года, *объявивъ, что онъ не въ состояніи платить болѣе 10 р. серебр. т. е. втрое менѣе нормальной платы.* Таковое объявленіе г. Т. Иванова о своей убогости и было принято въ уваженіе водолечебнымъ заведеніемъ.

Какъ вдругъ оказалось, что г. Т. Ивановъ вовсе не такъ убогъ, какъ онъ заявилъ о себѣ! Бывъ однажды въ купеческомъ клубѣ, докторъ Орчинскій замѣтилъ, что г. Т. Ивановъ игралъ въ лото по 3 р. серебромъ за ставку. Это, разумѣется, поселило въ немъ сомнѣніе относительно бѣдности г. Т. Иванова и вмѣстѣ съ тѣмъ естественное желаніе узнать *доподлинно* о его средствахъ къ жизни. Поговоривши съ людьми, знакомыми съ г. Т. Ивановымъ, докторъ Орчинскій узналъ, что г. Т. Ивановъ только прикинулся убогимъ, чтобы платить меньше денегъ за леченіе, что на самомъ дѣлѣ онъ имѣетъ прекрасное состояніе, домъ, дачу и ведетъ значительную игру. Послѣ пріобрѣтенія такихъ свѣдѣній о г. Ивановѣ, докторъ Орчинскій, охраняя интересы вѣрвснаго ему заведенія, само собою разумѣется, не могъ дозволить г. Т. Иванову продолжать леченіе за уменьшенную плату и потребовалъ съ него платы утроенной, какъ пишетъ г. Т. Ивановъ, т. е. нормальной. Здѣсь и заключается *cardo rei* или *succus* всей исторіи письма г. Т. Иванова.

Чтобы отплатить доктору Орчинскому за то, что онъ не далъ зракъ убожества воспримшему на себя челоѣку пользоваться на чужой счетъ, т. е. на счетъ доктора Крейзера, сей поддѣльный убогій не посовѣстился сдѣлать ему пакость, и въ сихъ видахъ соплелъ цѣлую исторію объ участіи яко бы г. Орчинскаго въ какихъ-то темныхъ замыслахъ.

Теперь имѣйте, читатель, хладнокровіе и терпѣніе прослѣдить всю гнусность сдѣланнаго г. Т. Ивановымъ соплетенія относительно доктора Орчинскаго.

Была дѣйствительно бѣдная больная женщина *не русскаго происхожденія*, для которой г. Орчинскій собиралъ подписку; женщина эта была *неизвѣстная* г. Орчинскому, потому что не онъ ее лечилъ, а докторъ Василій Бензенгръ; г. Орчинскій же былъ приглашенъ послѣднимъ одинъ только разъ къ больной на консилиумъ и, пораженный ея безпомощнымъ состояніемъ, принялъ въ ней участіе; подписку собиралъ г. Орчинскій не по секрету, а открыто въ водолечебномъ заведеніи; участіе въ подпискѣ приняли всѣ врачи, изучающіе въ заведеніи гидротерапію и нѣсколько больныхъ. Послѣдняя

го обстоятельства, конечно, не могъ не знать г. Т. Ивановъ. Ясно, что г. Ивановъ писалъ свое письмо съ совершеннымъ и полнымъ сознаниемъ, что онъ пишетъ клевету.

Кто однакожь была неизвѣстная больная?

Въ объясненіи своемъ, написанномъ по случаю появленія въ московскихъ вѣдомостяхъ казуса г. Т. Иванова, докторъ Бензенгръ говоритъ о ней слѣдующее: «въ первыхъ числахъ мая этого года ко мнѣ явился господинъ *не русскаго происхожденія* съ просьбою лечить его жену, тяжело болѣвшую уже болѣе двухъ недѣль. Здѣсь нѣтъ надобности описывать ея болѣзни; должно сказать, что я нашелъ крайне изнуренную, истерзанную тѣлесными и душевными страданіями женщину, не могущую даже пошевелиться въ своей постелѣ; бѣдность этого семейства, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, была такъ велика, что оно должно было отправить двухъ старшихъ дѣтей къ родственникамъ, а меньшую двухъ-мѣсячную дочь помѣстить въ московскій воспитательный домъ, а само помѣститься въ одной комнатѣ маленькаго дома, въ одномъ изъ захолустій Москвы. Черезъ двѣ недѣли общее состояніе больной настолько поправилось, что я желалъ по дешевизнѣ и удобству употребить согрѣвающие компрессы на опухшее еще колѣно, но не рѣшаясь одинъ на такое героическое средство, я пригласилъ къ моей больной на совѣщаніе всѣмъ извѣстнаго спеціалиста въ этомъ дѣлѣ, доктора Орчинскаго. Почтенный товарищъ не нашелъ нужнымъ при счастливомъ ходѣ дѣла употребленіе компресса, но пораженный всею грустною обстановкой больной и тронутый моими разсказами объ ихъ нуждѣ, общалъ мнѣ, съ обыкновенною ему теплою сердца, поискать средствъ помочь матеріально этимъ несчастнымъ людямъ. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней, 26 мая, я получалъ отъ г. Орчинскаго 15 р. серебр.» и пр.

Дабы не было никакого сомнѣнія относительно достовѣрности приводимыхъ нами здѣсь объясненій и свѣдѣній, мы должны ко всему вышесказанному присовокупить, что всѣ доказательства въ истинности сообщаемыхъ гг. Орчинскимъ и Бензенгромъ извѣстій были представлены на разсмотрѣніе подлежащаго начальства немедленно по напечатаніи г. Т. Ивановымъ казуса.

Изъ сего уразумѣйте, читатель, каковъ сифофантъ долженъ быть разыгравшій роль убогаго больнаго г. Т. Ивановъ!

Мы бы могли остановиться на этомъ, очень неважномъ заключеніи изъ всей нашей рѣчи, если бы при этомъ намъ не представлялся одинъ случай, для насъ очень важный. Когда-то вынѣшній редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», обличая въ «Русскомъ Вѣстникѣ», петербургскую журналистику за распространеніе будто бы клеветы объ одномъ профессорѣ, что противъ него не позволено ничего писать,

замѣтилъ, что петербургская журналистика одна способна распространять сплетни и клеветы. А вотъ теперь оказывается, что и московская журналистика не чужда этихъ талантовъ, даже едва ли не превосходитъ петербургскую.

Знаемъ, что г. редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» съ торжествомъ готовъ остановить насъ и сказать, что мы его не поняли, что онъ возставалъ не противъ публичнаго оглашенія какихъ бы то ни было обвиненій, правильныхъ или ложныхъ, если только обвиняемый можетъ въ нихъ оправдаться, а противъ клеветы намековъ, инсинуаций разнаго рода, противъ обвиненій такихъ, гдѣ обвиняемое лицо не имѣетъ возможности очиститься отъ обвиненія.

Увы! съ прискорбіемъ мы должны сказать, что и въ этомъ смыслѣ понимаемая чистота дѣйствій редактора «Московскихъ Вѣдомостей», которою онъ прежде дѣйствительно имѣлъ право гордиться, давно исчезла. Чтобы не ходить далеко, приведемъ здѣсь изъ находящейся у насъ теперь подъ рукою полемики его съ г. Вороновымъ одну выдержку въ подобномъ родѣ, весьма замѣчательную по своему нравственному безобразію.

«Ученый комитетъ — такъ философствуетъ редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» — въ объяснительной запискѣ своей и г. Вороновъ въ своихъ статьяхъ не разъ ссылались на духъ и потребности времени, которыя заявляютъ себя съ непреодолимою силой и требуютъ новой жизни въ особыхъ школахъ на мѣсто ветхаго классическаго педагогства. Но какого это времени духъ? Не того ли, когда въ нашей умственной атмосферѣ стояло цѣлое облако неясныхъ понятій и злобныхъ стремленій, когда первая мысль, какая бывало взбрѣдетъ въ шальную голову, преображалась въ радужный проэктъ радикальнаго преобразованія, когда утаенное отъ мудрыхъ открывалось младенцамъ, когда на университетскихъ дворахъ юные ораторы возглашали, что Европа взираетъ на нихъ, когда гимназисты начинали смотрѣть на себя, какъ на естественныхъ учителей отсталаго общества; когда шли въ гору наставники-прогрессисты, директоры-либералы, полагавшіе, что надзоръ и воспитаніе есть старое педагогство, и возглашавшіе эманципацію школьниковъ отъ уроковъ и нравственнаго контроля (*въроятно, редакція «Современной Лѣтописи», справедливо примѣчаетъ въ семъ мѣстѣ г. Вороновъ, знаетъ имена этихъ жалкихъ наставниковъ и директоровъ и можетъ, конечно, не опасаясь для себя скандала, предать ихъ общему посмѣянію*), когда учебныя заведенія разваливались, а ихъ воспитанники развращались и умственно, и нравственно, и физически (*въроятно, замѣчаетъ опять г. Вороновъ, здѣсь рѣчь идетъ не о гимназіяхъ*), когда логика и грамматика легли подъ столъ, Базаровъ ходилъ съ лягушками въ

карманѣ, полагая, что дѣлаетъ серьезное дѣло, Кукшина отправлялась въ Гейдельбергъ къ молодымъ русскимъ ученымъ, а комитетъ педагоговъ-спеціалистовъ приступалъ къ своимъ трудамъ?»

Что за странное паясничество толковать въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ чуть не каждый день о новой жизни и ея требованіяхъ и потомъ спрашивать: что это за духъ времени и что за требованія его? Если нѣтъ духа времени и требованій его, то во имя чего же вы кричали, во имя чего требовали преобразованій и улучшеній въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ? Если вамъ не нравятся наставники-прогрессисты и директора-либералы, зачѣмъ вы нападали прежде на наставниковъ-рутинеровъ и директоровъ-ретроградовъ? Хотите ли вы сказать, что кромѣ васъ никто не понималъ духа времени, не уразумѣлъ требованій его? Въ такомъ случаѣ покажите намъ, простымъ смертнымъ, его—этотъ духъ, какъ вы его понимаете, растолкуйте его требованія, выясните идеалъ истиннаго наставника и истиннаго директора. Но не бейте съ плеча, наобумъ, каждого наставника за прогрессизмъ, и каждого директора за либерализмъ. Этимъ вы побиваете тѣ самые начала, за которыхъ вы ратовали въ ваше лучшее время. Если вы желаете, чтобы плѣсень, которою заволочено наше образованіе, исчезла, если желаете, чтобы въ немъ явились движеніе и жизнь, то должны понимать, что безъ прогрессизма и либерализма обойтись нельзя. Даже каррикатурныя явленія прогрессизма и либерализма у насъ заслуживаютъ до извѣстной степени снисхожденія, если вспомнимъ, какого труда и какихъ усилій стоило литературѣ, въ томъ числѣ и вамъ же самимъ, расчистить кой-какъ вѣковую грязь предразсудковъ и невѣжества въ дѣлѣ образованія и дать ходъ новымъ человѣчнымъ тенденціямъ и понятіямъ. Вы говорите, что наставники-прогрессисты и директора-либералы почитаютъ надзоръ и воспитаніе старымъ педантствомъ и эмансипируютъ школьниковъ отъ уроковъ и нравственнаго контроля. Если изъ наставниковъ-прогрессистовъ и директоровъ-либераловъ вы дѣйствительно знаете подобныя личности, то вамъ слѣдовало указать, чтобы они могли объясниться. Безъ этого ваши слова, какъ хотите, чистое сикофанство, и сикофанство тѣмъ болѣе отвратительное, что оно конспирируетъ невѣжество, ретроградство и рутинерство. Ободренныя вашимъ сочувствіемъ, они сейчасъ подымутъ головы и при каждомъ человѣчномъ отношеніи порядочныхъ наставниковъ и порядочныхъ директоровъ къ воспитанникамъ, при каждомъ новомъ полезномъ распоряженіи ихъ, будутъ кричать: а! вотъ онъ наставникъ-прогрессистъ! вотъ онъ директоръ-либералъ!

Обращаемся теперь 4) къ длинной исторіи спора 1. Каткова съ 1. Вороновымъ о классическомъ и реальномъ образованіи.

Читатель, пробѣгавшій въ февральской книжкѣ «Современника» наши замѣтки о проэктѣ новаго устава народныхъ училищъ, составленномъ ученымъ комитетомъ подъ предсѣдательствомъ г. Воронова, знаетъ уже, что мы не имѣли пристрастія къ трудамъ этого комитета. Точно такъ же мы не имѣемъ пристрастія и къ трудамъ его по проэкту устава среднихъ учебныхъ заведеній. Проэктъ этотъ не есть какой нибудь самостоятельный новый трудъ, которымъ бы измѣнялась радикально принятая во всей Европѣ рутинная система воспитанія и образованія. Этого конечно никто и не ожидалъ отъ комитета; ибо комитеты, какъ извѣстно, никогда и не создаютъ никакихъ новостей, совершенно новыхъ въ мірѣ. Это мы говоримъ, впрочемъ, нисколько не въ обиду ученому комитету. Ибо всякій комитетъ долженъ имѣть непремѣнно консервативный характеръ. Иначе его обвинять въ намѣреніи производить эксперименты надъ челоѣчествомъ, какъ и нашъ ученый комитетъ обвиненъ г. Катковымъ въ намѣреніи производить эксперименты надъ нашимъ юношествомъ, хотя, справедливо говоря, тому, надъ кѣмъ въ дѣлѣ образованія производятъ эксперименты цѣлое столѣтіе, можно бы, кажется, не бояться никакихъ самыхъ сильныхъ экспериментовъ, и хотя, говоря еще справедливѣе, нашъ ученый комитетъ никакимъ образомъ нельзя упрекнуть въ желаніи экспериментировать. Онъ не выдумалъ рѣшительно ничего новаго. Онъ совершилъ подвигъ самый скромный: изучилъ систему существующаго воспитанія и образованія на западѣ и, чего недоставало противу этой системы, по его понятіямъ, у насъ, то ввелъ въ наши заведенія. Если его можно въ чемъ упрекнуть здѣсь, то развѣ только въ отсутствіи твердаго начала, которымъ бы онъ водился при введеніи своихъ нововведеній, и потомъ въ какой-то нерѣшительности дѣйствій. Какъ-то странно видѣть, что въ засѣданіяхъ комитета какой нибудь членъ можетъ говорить, что вотъ для блага Россіи не худо бы ввести такую-то науку или прибавить число часовъ вотъ для такой-то науки, — и комитетъ можетъ не только выслушивать это, но и соглашаться съ предложеніемъ. Мы говоримъ: *странно*, потому что если разъ принято неизмѣнное начало, на основаніи котораго совершается нововведеніе, то оно, это начало, само опредѣлитъ и науки, которыя должно ввести, и объемъ каждой науки, а слѣдовательно и пространство времени. Еще страннѣе видѣть, какъ комитетъ по замѣчаніямъ, полученнымъ изъ Германіи, прибавляетъ и убавляетъ число часовъ!!... Что, если бы проэктъ устава повезли въ Америку и другія государства, — урываніямъ и дополненіямъ проэкта конца бы не было. Въ этомъ случаѣ на нашъ взглядъ г. Катковъ совершенно правъ, когда говоритъ, что проэктъ устава — работа канцелярская, — и хотя г. Вороновъ возражаетъ противъ этого, что въ ученомъ коми-

тетъ сидѣли все доктора разныхъ наукъ, но этимъ сила возраженія нисколько не ослабляется, а уясняется только та несомнѣнная истина, что и доктора разныхъ наукъ, какъ и всѣ другіе смертные, способны къ канцелярской работѣ. Всякая система, имѣющая твердое начало въ своемъ основаніи, не можетъ быть подвергнута никакимъ выкраиваніямъ, украиваніямъ, перекраиваніямъ. Подобныя мундштрованія, безъ всякаго ущерба для своего достоинства, можетъ выносить только *Тришкинъ кафтанъ*. Это выраженіе, могущее показаться рѣзкимъ на первый взглядъ, мы употребляемъ однакожь не въ обиду ученому комитету; мы сочувствуемъ и не можемъ не сочувствовать сдѣланнымъ имъ нововведеніямъ, но не можемъ не сказать, что въ его нововведеніяхъ нѣтъ твердаго, строго проведеннаго начала, какъ видно уже изъ вышесказаннаго нами и какъ видно будетъ изъ послѣдующаго. При томъ же мы держимся того мнѣнія, что тому, кто постоянно носитъ *Тришкинъ кафтанъ*, новый такой же кафтанъ, сшитый немножко получше и пополнѣе прежняго, все-таки пріятная обнова.

Таково наше мнѣніе о трудахъ ученаго комитета по проекту устава среднихъ учебныхъ заведеній. Читатель видитъ, что мы, какъ мы уже сказали, не имѣемъ къ нимъ пристрастія, хотя и вполнѣ сочувствуемъ желанію ученаго комитета поставить во главу нашего образованія вмѣсто знаній такъ называемыхъ классическихъ, реальныя.

Такое предпочтеніе образованію реальному передъ классическимъ мы отдаемъ не по небреженію какому нибудь къ послѣднему, но по совершенному отсутствію въ нашемъ обществѣ тѣхъ необходимыхъ элементовъ, при которыхъ только и можетъ процвѣтать и приносить дѣйствительную пользу обществу классическое образованіе. Несостоятельность его у насъ и совершенная бесполезность вполнѣ обнаружилась въ прошедшемъ; въ будущемъ несомнѣнно его ожидаетъ та же плачевная участь, при неизмѣнности и совершенной невозможности измѣнить у насъ тѣ условія, при которыхъ оно претерпѣло фiasco и въ прошедшемъ. Въ Германіи, которая воспріяла въ себя сокровища образованности древняго міра много вѣковъ назадъ, работывала ихъ со всѣмъ пыломъ нѣмецкой любознательности и терпѣнія, обратила ихъ въ свою плоть и кровь, могъ дѣйствительно возникнуть серьезный споръ, когда реалисты, поклонники новой науки и новаго образованія, хотѣли вытѣснить образованіе классическое—гуманное, сдѣлавшееся дѣйствительнымъ, несомнѣннымъ достояніемъ нѣмецкой науки, нѣмецкой литературы, нѣмецкаго образованнаго міросерція. У насъ подобный споръ вовсе не имѣетъ смысла, потому что у насъ споръ этотъ есть чисто подражательный, не имѣющій никакого основанія ни въ нашей наукѣ, ни въ литературѣ, ни въ на-

шемъ народномъ и образованномъ міросозерцаніи, однимъ словомъ, споръ вполнѣ намъ чуждый.

Чтобы подтвердить высказанныя нами положенія, мы начнемъ нашу рѣчь нѣсколько *ab ovo*.

Гуманностью въ обширномъ смыслѣ этого слова называется все то, что даетъ человѣку характеръ человѣчности, въ отлчіе отъ грубости, дикости, свойственной животнымъ. Поэтому съ древнихъ временъ названіе гуманнаго образованія усваивается тому образованію, которое состоитъ въ гармоническомъ развитіи тѣхъ душевныхъ свойствъ человѣка, которые въ особенности характеризуютъ его человѣчность. Послѣ того, какъ греческій и латинскій языкъ сдѣлались мертвыми, и сокровища классической древности перешли изъ дѣйствительной жизни въ библіотеку ученыхъ, сокровища эти въ первые вѣка по переселеніи народовъ все еще оставались единственнымъ руководствомъ и образцомъ для тѣхъ, которые хотѣли стать выше грубыхъ нравовъ своего времени. Древніе легко достигали гуманнаго образованія посредствомъ обращенія въ живой средѣ гуманно-образованныхъ людей, посредствомъ философскаго образованія, теперь нельзя было достигнуть этого образованія безъ предварительнаго изученія языковъ. Ключъ къ источникамъ классическаго образованія, *филологія*, сдѣлалась необходимымъ условіемъ всякаго научнаго образованія, а такъ какъ научное образованіе почиталось высшей степенью человѣческаго образованія, то понятіе гуманнаго образованія было не только перенесено на познаніе древнихъ языковъ, но иногда ими только и ограничивалось. Поэтому филологическія и тѣсно связанныя съ ними науки получили названіе гуманитарныхъ *humaniora*, а система воспитанія, которая основывала образованіе главнымъ образомъ на изученіи древнихъ языковъ, названіе *гуманизма*. Эта система со времени возрожденія наукъ сдѣлалась на западѣ господствующею. Вновь пробудившееся въ XV и XVI вѣкѣ изученіе классической литературы и языковъ легло въ основаніе новаго ученаго образованія, а *гуманисты* какъ знатоки и учителя этихъ наукъ, имѣли съ того времени до послѣдней половины XVIII столѣтія полное господство въ ученостѣ мірѣ. Этому преимуществу они однакожь не умѣли удержать за собою. Забывая часто изъ-за средствъ цѣль, они ограничивали понятіе гуманнаго образованія узкимъ кругозоромъ одной филологіи; критическія и грамматическія мелочи составляли иногда всю сущность знанія, чуждое всякихъ плодотворныхъ идей гуманное образованіе видѣло въ твореніяхъ древнихъ одну только букву и забывало духъ. Подобная сухая ученость, блиставшая часто однимъ педантизмомъ и отсутствіемъ всякой гуманности, не могла распространить выгодныхъ понятій о *гуманизмѣ* въ обществѣ. Кредитъ гуманизма сталъ падать; гуманизмъ

сдѣлался предметомъ сатиръ. Наконецъ, во второй половинѣ XVIII столѣтія, филантропизмъ объявилъ открытую борьбу гуманизму. Филантропы, исходя изъ той мысли, что наука классической древности давно уже не обнимаетъ всего богатства образованія и знанія, что напротивъ новое образованіе съ своими новыми науками и искусствами далеко превзошло міръ грековъ и римлянъ, доказывали, что исключительное преподаваніе въ школахъ языковъ греческаго и латинскаго есть чистая нелѣпость. Полемика филантроповъ имѣла значительное вліяніе на преобразование системы воспитанія. Хотя большею частію остались при томъ убѣжденіи, что знаніе древности и ея языковъ должно составлять существенную часть основательнаго научнаго образованія, однакожь признали справедливымъ ввести въ кругъ образованія и просвѣщенія исторію новаго времени, науки естественныя, литературы и языки новыхъ народовъ.

Этимъ однакожь былъ положенъ только временный конецъ борьбы реалистовъ съ гуманистами. Борьба эта по самому существу дѣла нескончаема. По мѣрѣ неимоверно разрастающагося съ каждымъ днемъ богатства знаній современной науки, по мѣрѣ возрастающаго съ каждымъ днемъ обветшанія не только матеріала, но и самого міросозерцанія науки древняго міра для міра нашего, естественно съ каждымъ новымъ поколѣніемъ будетъ возникать вопросъ: ужели еще нѣтъ спасенія въ мірѣ безъ знанія классической древности и соединеннаго съ нимъ знанія греческаго и латинскаго языковъ?

Споры объ этомъ не разъ возникали въ Германіи, продолжаются и теперь.

Тѣ, которые сомнѣваются въ необходимости въ настоящее время классическаго образованія, говорятъ: ужели мы такъ мало доверяемъ образованію новаго міра, нашему просвѣщенію и успѣхамъ всѣхъ искусствъ и наукъ, что можемъ думать, будто они не могутъ обойтись безъ опеки науки греческой и римской, не могутъ сбросить съ себя ихъ устарѣвшихъ помочей и стать на собственную почву и основаніе? Нужно только, чтобы культура, искусство и наука каждаго изъ вышеупомянутыхъ народовъ стали на собственные ноги. Тогда за твореніями древнихъ осталось бы большее или меньшее усвоенное имъ значеніе, но они сошли бы въ рядъ воспоминаній, ученыхъ достопримѣчательностей, подошли бы подъ общую категорію всѣхъ историческихъ трудовъ, на которые по волѣ могли бы обращать вниманіе и не обращать, но которые ни въ какомъ случаѣ не служили бы началомъ и основаніемъ для нашего высшаго духовнаго развитія.

На это гуманисты отвѣчаютъ:

Мы были бы несправедливы къ намъ самимъ и къ высшимъ опредѣленіямъ, выражающимся въ постоянномъ историческомъ движеніи

человѣчества впередъ, если бы стали утверждать, что нашъ вѣкъ не имѣетъ никакихъ преимуществъ предъ прежними. Наше время имѣетъ много неоцѣненныхъ сокровищъ въ сравненіи съ міромъ греческимъ и римскимъ. Оно имѣетъ: основанную на чисто-духовномъ и нравственномъ основаніи истинно божественную религію; оно имѣетъ болѣе широкіе политическіе взгляды и системы, выработанныя при помощи долговременнаго опыта, на болѣе общихъ началахъ. Оно имѣетъ огромное преимущество въ наукахъ математическихъ, естественныхъ, наконецъ оно имѣетъ гораздо большее поприще дѣятельности и гораздо болѣе средствъ въ примѣненіи науки къ техническимъ и индустріальнымъ цѣлямъ. Но внутри этого круга тѣхъ несомнѣнныхъ преимуществъ, которыя мы указали, есть нестроенія, слабыя стороны, противорѣчія между теоретическимъ знаніемъ и практическою жизнью, есть опасности и распутія для односторонностей и излишествъ. Античное образованіе служитъ восполненіемъ того, чего у насъ недостаетъ, оно есть коррективъ, правило для тѣхъ aberrаций, которымъ мы подвержены. Когда мы достигнемъ того, что преимущества нашего нынѣшняго образованія, пріобрѣтенныя нами при помощи нашего народнаго германскаго характера, чрезъ христіанство, чрезъ болѣе обширныя свѣдѣнія и научное познаніе природы сольемъ съ преимуществами античнаго образованія и такимъ образомъ для нашего въ настоящее время болѣе внутренняго, абстрактнаго и малоопредѣленнаго облика какъ бы пріобрѣтемъ прекрасно сложенное и сильное тѣло съ прекрасною душою, тогда мы приблизимся возможно близко къ тому идеалу образованія, на который мы можемъ смотрѣть теперь только какъ на цѣль. Наши слова сдѣлаются понятными, когда мы сличимъ общія основныя черты античнаго образованія въ его лучшіе періоды и въ его лучшихъ произведеніяхъ съ основными чертами нашего собственнаго образованія. Если мы многочисленныя черты превосходства, которыя выразились въ области античнаго міра, заключимъ въ болѣе общія понятія, то найдемъ здѣсь четыре преимущества, которыхъ бы напрасно стали искать какъ въ художественныхъ произведеніяхъ, такъ и въ жизни современнаго міра, это: гармонію, форму, простоту и энергію. Древній міръ, преимущественно эллинскій, даетъ благороднѣйшую матерію питанія въ благороднѣйшей формѣ, золотые яблоки на серебряныхъ блюдахъ. Величіе его чувствованій, его пластическая, свободная отъ моральной двусмысленности доброта, и любовь къ отечеству, величественный стиль его дѣлъ и характеровъ, разнообразіе его судебъ, его правовъ и учрежденій таковы, что въ подобномъ объемѣ никакое образованіе не соединяло въ себѣ такъ много превосходнаго, удивительнаго, самобытнаго, многосторонна-

го и поучительнаго. Созерцаніе этого постигнѣ прекраснаго міра привело въ такой восторгъ философа Гегеля, что онъ сказалъ о немъ: совершенство и красота античныхъ художественныхъ твореній должна быть духовною банею, мірскимъ (profane) крещеніемъ, которое даетъ душѣ первое и неизгладимое чутье и помазаніе для вкуса и науки. Но чтобы это таинодѣйствіе совершилось надъ душою, для этого недостаточно общаго, поверхностнаго знакомства съ древнимъ міромъ; для этого мы должны вполне переселиться въ этотъ міръ, всосать въ себя его воздухъ, его представленія, его нравы, даже если угодно, его заблужденія и предрасудки, однимъ словомъ въ немъ—въ этомъ мірѣ, прекраснѣйшемъ, какой только былъ, сдѣлаться какъ у себя дома. Если первый рай былъ раемъ *человѣческой натуры*, то этотъ міръ былъ второй, высшій рай *человѣческаго духа*, который является здѣсь во всей своей прекрасной естественности, свободѣ, глубинѣ и свѣтлости, какъ невѣста въ своемъ уборѣ. Первое дикое величіе его полета на востокъ здѣсь очерчено красотой формы и смягчено до изящества; онъ не зарываетъ здѣсь своей глубины въ неясности (представленія), мрачности (расположенія) или напыщенности, она является здѣсь открыто въ ничѣмъ невозмутимой ясности; свѣтлость его (расположенія) не дѣтская беззаботность, она здѣсь торжествуетъ надъ невзгодою, она знаетъ жестокость судьбы, но эта жестокость не нарушаетъ ни ея свободнаго отношенія къ послѣдней, ни ея мѣры. Я думаю, что скажу немного, если скажу, что кто не изучилъ твореній древнихъ, тотъ прожилъ жизнь, не зная красоты». Изъ этого видно, какъ необходимо и плодотворно изученіе классической древности. Но есть и еще сторона, почему систематическое изученіе античныхъ твореній дѣлается необходимымъ. «На постоянное поступленіе образованія впередъ нельзя смотрѣть, говоритъ Гегель, какъ на спокойное продолженіе какой-то цѣпи, къ предыдущимъ звеньямъ которой приплавливаются послѣдующія, хотя плотно, но изъ другаго матеріала, и притомъ такимъ образомъ, что эта дальнѣйшая работа не имѣетъ никакого отношенія къ предшествовавшей, напротивъ образованіе должно имѣть прежнюю матерію и предметъ, надъ ними оно трудится, ихъ видоизмѣняетъ и формируетъ вновь. Поэтому необходимо, чтобы мы приобрѣли себѣ міръ древности не только для того, чтобы владѣть имъ, но еще болѣе для того, чтобы намъ было надъ чѣмъ работать».

Остановимся здѣсь. Изъ приведенныхъ нами выдержекъ читатель видитъ, на какой точкѣ стоитъ пониманіе античнаго міра въ Германіи. И только во имя созерцаемаго съ этой высоты, для насъ не только неуловимаго, но нѣкоторымъ образомъ мифологическаго вліянія классическихъ знаній въ суммѣ другихъ знаній, гуманисты успѣваютъ отстаивать въ тяжбѣ съ реалистами необходимость классическаго об-

разованія и соединеннаго съ нимъ изученія греческаго и латинскаго языковъ.

Что, если бы германскимъ гуманистамъ, равно какъ и тѣмъ добродушнымъ нѣмецкимъ педагогамъ, которые, разсматривая проекты нашихъ уставовъ, замѣтили, между прочимъ, что въ нихъ мало назначено часовъ для древнихъ языковъ, что, говорю, если бы имъ сказать, что у насъ знаніе классической древности никогда не шло далѣе знанія синтаксиса латинскаго и греческаго языковъ, что лучшіе, по нашимъ понятіямъ, знатоки сихъ языковъ, которыхъ едва ли мы можемъ насчитать даже нѣсколько десятковъ за все время существованія у насъ классическаго образованія, еще могли порядочно читать нѣкоторыхъ изъ латинскихъ авторовъ, по греческихъ разбирали съ грѣхомъ пополамъ, что наконецъ самые первые изъ нашихъ знатоковъ, которыхъ можемъ мы считать только единицами, если и достигали значительныхъ успѣховъ въ знаніи языка, за то никогда не подвергались особенному вліянію и обаянію античнаго міра и никогда не доучивались до такихъ нелѣпостей, чтобы утверждать, подобно Гегелю, что красота античныхъ произведеній есть крещеніе для души, отверзающее въ ней чутье для вкуса и науки, или оплакивать, подобно Шиллеру, паденіе боговъ Греціи. Скажемъ болѣе: глубокое, повидимому, по нашимъ, по крайней мѣрѣ, русскимъ понятіямъ, изученіе классическихъ древностей не оставляло на нихъ даже обыкновеннаго, самаго естественнаго вліянія, отъ котораго, кажется, и намѣренно отстраниться изучающему эти древности было бы трудно. Въ нихъ не воспитывалось и не развивалось, преимущественно передъ другими, не имѣющими никакого понятія о классическихъ древностяхъ, чувство красоты, на нихъ не оставалось, какъ и на всѣхъ другихъ, никакихъ слѣдовъ античнаго міросозерцанія. Чтобы не подумалъ кто нибудь, что мы говоримъ бездоказательно, мы укажемъ на нынѣшнихъ редакторовъ и издателей «Московскихъ Вѣдомостей», гг. Каткова и Леонтьева. Никто, конечно, не будетъ спорить съ нами, что это въ настоящее время едва не лучшіе знатоки у насъ классическихъ языковъ и едва ли не лучшіе представители нашего, русскаго пониманія классическаго міра. Кому бы, казалось, какъ не имъ, знакомымъ съ твореніями древняго міра, воспитаннымъ на красотѣ античнаго искусства, быть цѣнителями красоты нашихъ отечественныхъ поэтическихъ произведеній? Между тѣмъ, перебирая «Рус. Вѣстн.», ими издаваемый, за всѣ годы его существованія, къ удивленію видишь, что самый слабый отдѣлъ въ немъ есть именно беллетристическій, и слабый до такой степени, въ какой не встрѣчается онъ почти ни въ какомъ другомъ журналѣ. Хотя и трудно предположить, чтобы такая постоянная слабость, и притомъ слабость не обыкновенная, а слабость

schlechteste, слабая слабость, могла происходить только отъ какихъ нибудь внѣшнихъ случайныхъ причинъ,—но предположимъ еще, что это возможно. Журналъ у насъ обязанъ въ каждомъ номерѣ дать повѣсть, такъ ужъ у насъ заведено искони, и редакторъ volens-nolens долженъ иногда печатать, что у него есть подъ рукою, въ случаѣ неимѣнія лучшаго. Но стихи? Стихи роскошь въ журналѣ, безъ нихъ журналъ можетъ обойтись, не теряя репутаціи у читателей. Такъ понимаетъ это дѣло и «Рус. Вѣстн.» Стихотвореній онъ вообще печатаетъ не много, слѣдовательно не считаетъ ихъ необходимостію для журнала, и слѣдовательно печатаетъ только тѣ, которыя находятъ исполнѣ достойными печати. Но неужели при малѣйшемъ понятіи о поэзіи можно печатать тѣ стихотворенія, которыя печатаетъ «Русскій Вѣстникъ»? Неужели, не будучи помазаннымъ не только греческимъ, но и никакимъ искусствомъ, можно задуматься хоть на минуту: стихи или не стихи тѣ односложныя коротенькія строчки, въ которыхъ не бываетъ не только въ цѣломъ никакой мысли, но часто не бываетъ смыслу въ отдѣльныхъ строфахъ стиховъ и которые въ такомъ множествѣ печатаются въ «Русскомъ Вѣстникѣ»? Чтобы подкрѣпить наши слова, мы не будемъ перебирать ветошь «Русскаго Вѣстника» прошедшихъ годовъ—да проститъ его Аллахъ за прошедшее! не коснемся даже близкаго намъ 1862 года,—хотя стоило бы, да же очень стоило бы, упомянуть въ этомъ году о стихотвореніяхъ г. Щербины, въ особенности о стихотвореніи «Hotel» La Sirena», написанномъ имъ въ Неаполѣ—это въ своемъ родѣ перлъ бессмыслицы—мы возьмемъ два стихотворенія изъ нынѣшняго года, ближайшія къ намъ по времени, напечатанныя въ послѣдней книжкѣ «Русскаго Вѣстника», принадлежащія вновь явившемуся на горизонтѣ нашей поэзіи свѣтилу, г. Альбинскому.

Передъ нами представляется во первыхъ слѣдующая картина:

Пшеница стелется золотистой волной. Полдень. Зной, — во зной тревожитъ вѣтерокъ. А что, — замѣчаетъ поэтъ, — вѣдь когда будутъ жать пшеницу, тогда, вѣрно, подъ серпомъ съ тяжелымъ колосомъ падетъ и трепетный цвѣтокъ (*почему же однакожь трепетный*), и падетъ не просто, не какъ нибудь, какъ падаетъ, наприимѣръ, колосъ, а падетъ непременно *головкою душистой*. Что вы можете возразить противъ такого замѣчанія?—Все это конечно очень можетъ быть.

Но вотъ картина продолжается:

«Стучать кузнечики, облака проходятъ; вдали ручей журчитъ и тянется лѣсокъ темной, широкой гранью по скошеннымъ лугамъ, по золоту полей» а выражаясь по людски, — по пашнѣ.

Ну, ужъ, думаете вы,—это чортъ знаетъ, что такое! Лѣсокъ тянется, да еще и широкой гранью по скошеннымъ лугамъ и по паш-

нѣ! — Лѣсковъ не бываетъ на пашняхъ и дугахъ. Но это вѣроятно поэгическая вольность, думаете вы, и продолжаете снова созерцать картину.

«Поэтъ бродить, какъ и слѣдуетъ поэту, задумчивый, и замѣчаетъ одну жницу, которая... но здѣсь позвольте, читатель, передать стихотвореніе уже въ подлинникѣ, ибо здѣсь сосредоточена вся прелесть и мысль стихотворенія... и такъ

....съ какой-то душой тайной
Она глядитъ, глядитъ въ вѣчную даль,
Роняя острый серпъ, головкою красивой
Къ снопу припавъ.

И все тутъ; дальше уже ничего нѣтъ. Есть еще, правда, три съ половиной стиха, но тѣ уже совершенно о другомъ, о лебедь и зеркальномъ заливѣ, — и къ смыслу стихотворенія ничего не прибавляютъ. Впрочемъ мы приведемъ и ихъ:

Къ снопу припавъ. Такъ лебедь горделивый
Глядитъ задумчиво на свѣтлую эмаль,
На гладь провратную зеркальнаго залива,
Крыломъ не шевеля, и тихо дремлетъ.

Поняли вы что нибудь, читатель, въ стихотвореніи г. К. Альбинскаго? Есть тутъ что нибудь, кромѣ безсвязицы представленій?

Но вотъ передъ вами другая картина, нарисованная поэтической кистью того же г. К. Альбинскаго:

Сквозь туманную мглу
Заблестала луна;
Вѣтерокъ не шумитъ,
Ночь тепла и свѣтла.

Гм! думаете вы, ночь можетъ быть и тепла, но не должна быть очень свѣтла, потому что самъ же поэтъ говоритъ, что луна заблестала сквозь туманную мглу. Нѣтъ, утверждаетъ на зло вамъ, горячась, поэтъ:

Ночь тепла и свѣтла,
Словно радостный день!

Вотъ какъ! Даже словно радостный день! Ну, Богъ съ тобой! думаете вы, мысленно бесѣдая съ поэтомъ; свѣтла, такъ свѣтла; остань только, — и поэтъ продолжаетъ:

Но подъ линой въ саду
И прохлада, и тѣнь.

При сихъ двухъ коротенькихъ строчкахъ васъ снова беретъ раздумье. Положимъ, думаете вы, тѣнь можетъ быть подъ липой и при лунѣ; но прохлада-то подъ липой отчего будетъ больше, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ? — Вѣдь луна не то, что солнце, не печетъ, и при лунѣ на открытыхъ мѣстахъ гораздо прохладнѣе, чѣмъ подъ липой. Чепуха! говорите вы. Но поэтъ отъ этого не теряется и опять продолжаетъ:

Жду давно, милый другъ,
Не дождуся тебя,
Приходи, обними
Горлаче меня,

Чтобъ тоску я забылъ
И себя, и людей,
Зангравшихъ волной
Темнорусыхъ кудрей.

Если бы стихотвореніе это было написано, какъ ученическій опытъ въ гимназій, то хорошій учитель сказалъ бы его автору: «другъ мой! ваше стихотвореніе и по мысли, и по стиху есть чистая копия извѣстнаго стихотворенія Кольцова: «я любила его», — копия самая жалкая, ниже которой трудно вообразить. Это для меня тѣмъ прискорбнѣе, что изъ вашей копии я вижу, что вы не понимаете и достоинства Кольцовскаго стихотворенія, да едва ли вообще понимаете, что требуется отъ поэтическаго произведенія. Я долженъ повторить вамъ, что неоднократно замѣчалъ уже при нашихъ занятіяхъ, что одни коротенькія строчки, если бы они были и хорошо размѣрены и не содержали въ себѣ безсмыслицъ, какъ у васъ, не могутъ никакимъ образомъ составить поэтическаго произведенія. Существо всякаго поэтическаго произведенія, и большаго, и маленькаго—все равно, должна составлять идея, которую вы хотите выразить. Отношеніемъ къ идеѣ опредѣляется содержаніе и объемъ стихотворенія. Ни одинъ образъ не можетъ войти въ стихотвореніе, если онъ не служитъ къ выясненію этой идеи. Идея можетъ быть выражена въ стихотвореніи болѣе или менѣе полно, — но во всякомъ случаѣ совокупностію образовъ, исчерпывающихъ ваше стихотвореніе, идея должна выясниться для всякаго, по крайней мѣрѣ, настолько, чтобы всякій могъ видѣть, что вы хотѣли сказать. Долго было бы говорить вамъ теперь объ идеяхъ, которыя могутъ имѣть поэтическое содержаніе. Скажу вамъ одно, что идея, которая въ туманѣ мерцала передъ вами при написаніи вашего стихотворенія, если бы изображеніе ея и удалось вамъ, вовсе вамъ не по лѣтамъ и не по средствамъ. Я увѣренъ, что того, что вы хотѣли изобразить

вы сами никогда не испытали. Въ этой увѣренности я называю стихотвореніе, написанное вами, безнравственнымъ и безнравственнымъ потому только, что вы его написали, а не кто нибудь другой. Всѣ страстныя состоянія, возникающія подъ вліяніемъ любви, весьма понятны и легальны, а потому и поэтическое выраженіе ихъ, на сколько оно выражаетъ духовную сторону страсти, не заключаетъ въ себѣ ничего безнравственнаго и клубничнаго. Но когда вы, въ ваши лѣта, не испытавъ дѣйствительной любви, стараетесь вашимъ воображеніемъ приблизить страстныя ея состоянія и изобразить ихъ, только какъ чувственныя состоянія, это прямо показываетъ нечистоту вашего воображенія и рановременное волненіе въ васъ чувственности. Думаю, что это происходитъ отъ излишней вашей праздности, и потому я совѣтывалъ бы вамъ заняться чѣмъ нибудь серьезнымъ, чтобы разогнать праздныя мысли и удержать чувственность. По моему мнѣнію, вамъ могло бы оказать пользу занятіе математикою, по хорошо сдѣлаете, если займетесь и изученіемъ древнихъ языкомъ. Ибо нѣмецкіе ученые мужи находятъ, «что языки латинскій и греческій представляютъ въ себѣ могучее, и такъ сказать, всеобщее средство къ образованію не только разсудочной дѣятельности, какъ-то: памяти, соображенія, умозаключенія, но и высшей собственно разумной стороны духа; а съ тѣмъ вмѣстѣ отчетливое изученіе языковъ классическихкихъ ведетъ къ облагороженію понятій, развиваетъ волю на прочной основѣ здравыхъ мыслей, воспитываетъ характеръ, воспитываетъ человека».

Сказавъ все это и наказавъ впредь не писать подобныхъ стиховъ, учитель могъ бы отпустить автора съ миромъ.

Всего этого, а можетъ быть, даже и ничего изъ того, что говорилъ учитель ученику, «Русскій Вѣстникъ» не могъ сказать г. К. Альбинскому.

Но стиховъ г. К. Альбинскаго «Русскій Вѣстникъ» могъ не напечатать, долженъ былъ не печатать, или лучше сказать, не долженъ былъ ни подъ какимъ видомъ печатать. При чтеніи стиховъ К. Альбинскаго не можетъ ни въ комъ, даже и не въ учившемся въ семинаріи, возникнуть вопроса о поэзіи. Ибо не нужно никакого чувствъ эллинской красоты, чтобы понять, что въ нихъ нѣтъ ни мысли, ни складу, ни ладу. А между тѣмъ «Русскій Вѣстникъ» вѣдь напечаталъ ихъ!!! Не правду ли мы сказали, что античный міръ со всѣми его красотами на самыхъ лучшихъ нашихъ знатокахъ его не оставляетъ никакого, даже самаго обыкновеннаго, казалось бы, неизбежнаго, неотразимаго вліянія? На это намъ могутъ замѣтить, что мы говоримъ только о художественной красотѣ, забывая, что въ міръ античномъ была и другая жизнь, имѣвшая начало и возрѣнія не

менѣ стройныя. На это мы и отвѣчать ничего не будемъ, а просимъ читателей самихъ читать «Московскія Вѣдомости», и по нимъ слѣдить, на сколько во взглядахъ ихъ почтенныхъ редакторовъ-издателей отразилось античное міросозерцаніе.

Что же изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, читатель? Вотъ что: если міръ древній въ его лучшемъ бытіи не дается самымъ лучшимъ нашимъ знатокамъ древнихъ языковъ, людямъ въ другихъ отношеніяхъ очень понятливымъ, то отсюда ясно, что наша умственная почва далеко не подготовлена для уразумѣнія той стороны классическаго міра, разумѣніе и знаніе которой именно и цѣнится нѣмцами, и во имя которой гуманисты удерживаютъ почетное мѣсто классической наукѣ среди другихъ наукъ.

Что же намъ дѣлать? Употребить ли сто лѣтъ труда, да не того дилетантскаго труда, который доселѣ прилагался къ изученію древнихъ языковъ, а труда кропотливаго, нѣмецкаго, чтобы распространить порядочное знаніе греческой и латинской грамоты въ русскомъ обществѣ, развить къ ней вкусъ въ публикѣ, ибо безъ этого ожиданіе истинныхъ знатоковъ и цѣнителей античнаго міра останется всегда только пустою мечтою, и затѣмъ приступить къ изученію духа древнихъ твореній, когда можетъ быть, науки реальныя вслѣдствіе обилія и важности новыхъ знаній и какихъ нибудь великихъ открытій станутъ всюду во главу образованія, и такимъ образомъ гоняясь за Европой въ томъ, въ чемъ мы ее догнать никогда не можемъ, т. е. въ классическомъ образованіи, отстать отъ нея и въ реальномъ знаніи, — или предоставивъ Европѣ разработку классическаго міра, ей давно уже роднаго, для насъ же въ настоящее время совершенно чуждаго, стараться, по крайней мѣрѣ, не отстать отъ нея въ разработкѣ реальныхъ наукъ, имѣющихъ не только блистательную будущность, какъ мы видимъ по настоящему ихъ ходу, но и могущихъ занять въ скоромъ времени, что болѣе, чѣмъ вѣроятно, первостепенное мѣсто въ ряду всѣхъ другихъ знаній?

Отвѣтъ, кажется, очевиденъ,

Въ какихъ же видахъ, спрашивается, мы будемъ удерживать то жалкое образованіе, которое у насъ называется классическимъ и которое ограничивается изученіемъ склоненій и спряженій и рѣдко доходитъ до познанія синтаксиса, которое не сильно даже настолько, чтобы породить у насъ тѣхъ кропотливыхъ, педантически привязанныхъ къ своему дѣлу буквоѣдовъ, надъ бесплодностью занятій которыхъ справедливо смѣялись реалисты въ Германіи.

Г. Катковъ, въ спорѣ своемъ съ г. Вороновымъ, объясняя появленіе въ нашемъ отечествѣ *современнаго верхоглядства*, говоритъ, что оно произошло вслѣдствіе стѣсненія около 1849 года классическаго

образованія и введенія въ гимназіи, въ ущербъ его законовѣдѣнія, естественныхъ наукъ, русскаго фразерства (или словесности). Чтобы выяснитъ всю пагубу этого стѣсненія классическаго образованія для отечества, г. Катковъ не нашелъ ничего лучшаго представить г. Воронову въ примѣръ этой пагубы, какъ недостатокъ у насъ хорошихъ корректоровъ: «какъ трудно отыскать порядочныхъ корректоровъ, (г. Вороновъ самъ это хорошо, конечно, знаетъ, такъ какъ ихъ офиціальныя изданія министерства испещрены корректурными ошибками). А между тѣмъ отъ корректора требуется только основательное знакомство съ орфографіей, составляющее рѣдкость въ массѣ мниморазвитыхъ людей, выпускаемыхъ нашими заведеніями». Ну, а до 1849 года, пока классическое образованіе не подвергалось стѣсненіямъ, корректоры были у насъ хорошіе?

Намъ кажется, что выставлять подобную ничтожную пользу классическаго образованія и желать усиленія его для подобныхъ цѣлей значитъ унижать идею классическаго образованія и говорить смѣшныя вещи!

А между тѣмъ подобныя смѣшныя вещи почти слово въ слово повторяютъ за нашими гуманистами и иностранцы, какъ напримѣръ профессоръ Дейдерлейнъ и докторъ Дитчъ. Надобно полагать, что они тоже не далеко ушли въ изученіи красотъ античнаго міра! Они рекомендуютъ изучитъ два древніе мертвые языка, — для чего бы выдумали? — Для основательнаго изученія роднаго языка.

«Что изученіе языковъ, такъ философствуетъ докторъ Дитчъ (по офиціальному переводу, крайне неудовлетворительному, замѣчаетъ г. Катковъ; можетъ быть, прибавимъ къ этому мы, оно въ подлинникѣ тамъ выходитъ какъ нибудь и лучше); есть самое удобное средство ввести въ жизнь и существо духа и пробудить и развить собственное сознаніе о немъ, такъ несомнѣнно и давно доказано наукою, что распространяться объ этомъ было бы нескромно. Точно также безуспѣшность всѣхъ попытокъ доказала педагогическую истину, что образовательная для ума сторона изученія языка гораздо болѣе видна при изученіи чужаго, чѣмъ при изученіи роднаго языка, составляющаго для всякаго безсознательно умственную собственность, обсуждать которую именно поэтому столь же трудно, какъ и неестественно и даже вредно для развитія характера. Если при этомъ, само собой понятно, что изучаемый, какъ учебное средство, языкъ долженъ быть обработанъ, долженъ быть созданіемъ и выраженіемъ высокаго народнаго ума, то также легко понять, что чѣмъ онъ болѣе отличается отъ роднаго языка, тѣмъ яснѣе сознаются особенности сего послѣдняго при сравненіи ихъ. Никто не позволитъ себѣ отказывать новѣйшимъ языкамъ въ развитіи и гибкости; напро-

тивъ, имъ скорѣе отдадутъ преимущество предъ древними въ богатствѣ словъ, особенно для точныхъ научныхъ выраженій, такъ какъ древніе только что начинали создавать ихъ вмѣстѣ съ наукой; но эти преимущества не имѣютъ значенія въ преподаваніи юношеству, потому что языки новѣйшихъ образованныхъ народовъ, уже не говоря о томъ, что большая часть изъ нихъ обязана своимъ происхожденіемъ и развитіемъ прямому взаимному вліянію другъ на друга, имѣютъ между собою большое сходство, и всѣ болѣе или менѣе несутъ на себѣ отпечатокъ одной общей культуры, не являясь выраженіемъ замкнутого и опредѣленнаго народнаго духа. Именно потому, что древніе языки ограничены средствами, выработаны только двумя народами, далеко удалены отъ развитія новѣйшаго, заставляютъ посредствомъ слова дорабатываться до понятія, посредствомъ формы рѣчи—до мысли; а потому величайшіе мыслители всѣхъ временъ, какъ, напримѣръ, наши философы Шеллингъ и Гегель, признавали, что нѣтъ учебнаго предмета (не исключая и математики) такъ строго изопріющаго ума. И въ томъ самомъ, что древніе языки мертвые, они имѣютъ еще преимущество передъ новѣйшими въ образованіи ума. Они влились въ опредѣленные границы, между тѣмъ, какъ новые подвергаются еще живому развитію. Тамъ все является духу твердо и объективно. Здѣсь онъ долженъ видѣть постоянныя измѣненія (*въ приложеніи къ мальчику какія великолѣпныя фразы, не имѣющія никакого смысла!*). Должно ли еще говорить о томъ, что древніе языки въ своей оконченной формѣ удовлетворяютъ и всѣмъ условіямъ, которыя необходимы для предмета, избираемаго, какъ средство къ умственному развитію? Къ этимъ внутреннимъ основаніямъ прибавимъ опытъ, доказывающій, что тѣ юноши, которые изучали только новѣйшіе языки, даже въ умѣнн владѣтъ роднымъ языкомъ далеко уступаютъ тѣмъ, которые основательно изучили древніе».

Ужъ если въ самомъ дѣлѣ правда, что для основательнаго изученія своего роднаго языка необходимо совмѣстное изученіе такихъ языковъ, которые ограничены средствами, выработаны безъ вліянія новыхъ языковъ, далеко удалены отъ развитія новѣйшаго, влились въ опредѣленные границы, то не лучше ли намъ изучать вмѣсто греческаго и латинскаго древній монгольскій языкъ? Соединяя въ себѣ качества, требуемыя докторомъ Дитчемъ, монгольскій языкъ имѣетъ именно въ направленіи, указанномъ г. Дитчемъ, еще и преимущества, какихъ не имѣютъ языки ни греческій, ни латинскій. Онъ не принадлежитъ къ языкамъ индоевропейскаго корня, имѣетъ особенную отъ нихъ конструкцію, потому при изученіи онъ будетъ постоянно возбуждать любопытство мальчика и поощрять его къ полезному

сравненію изучаемыхъ формъ съ формами отечественнаго языка. Будучи выработаны за долго до нашего времени, будучи способны къ выраженію самыхъ отвлеченныхъ философскихъ понятій, монгольскій языкъ сохранилъ вмѣстѣ съ тѣмъ первобытную свою красоту. Въ немъ, на примѣръ, не образовалось безсмысленныхъ частицъ, употребляемыхъ у насъ для соединенія между собою предложений, частей предложения. Тамъ употребляются для этого формы рѣчи, содержащія понятіе. Нѣтъ нужды говорить, какъ могло бы быть полезно знаніе такого языка мальчику для уразумѣнія значенія разныхъ частицъ въ своемъ языкѣ. При замѣнѣ языковъ греческаго и латинскаго монгольскимъ мы имѣли бы и то преимущество, что вмѣсто двухъ языковъ намъ нужно было бы изучать одинъ языкъ. Языкъ этотъ могъ бы пригодиться намъ и впоследствии, если только справедлива мысль, въ чемъ, кажется, сомнѣваться нельзя, что мы предназначены высшими судьбами провести цивилизацію на Востокъ.

Знали ли все это докторъ Дитчъ и профессоръ Делерлейнъ? Знали ли они, что существуетъ на свѣтѣ монгольскій языкъ, по своей образовательной силѣ, согласно нимъ самимъ начертанному идеалу, далеко превосходящій языки греческій и латинскій? Надобно думать, что не знали. Иначе не писали бы ребяческихъ, давно истасканныхъ и пережеванныхъ на всѣ лады софизмовъ объ образовательномъ достоинствѣ греческаго и латинскаго языка, въ томъ, конечно, предположеніи, что «варварами, дескать, что ни напиши, все будетъ ладно. Всякую букву нашу они будутъ разбирать съ священнымъ благоговѣніемъ, какъ нѣкую пренебесную мудрость».

По поводу приведенной нами изъ Дитча выдержки не можемъ не остановиться здѣсь на одномъ приводимомъ имъ яко бы опытѣ въ пользу превосходства изученія древнихъ языковъ передъ новыми. Именно онъ говоритъ, что юноши, которые изучили только новѣйшіе языки, даже въ умѣньи владѣть роднымъ языкомъ далеко уступаютъ тѣмъ, которые основательно изучали древніе». Опытъ этотъ, можетъ быть, дѣйствительно справедливъ, но вотъ въ чемъ вопросъ: отъ различія ли изучаемыхъ языковъ происходитъ различіе обучавшихся юношей въ умѣньи владѣть роднымъ языкомъ? Не зависитъ ли это отъ разныхъ пріемовъ преподаванія языковъ древнихъ и новыхъ? Мы не знаемъ, какъ преподаются тѣ и другіе въ Европѣ, но у насъ разница въ преподаваніи тѣхъ и другихъ безконечная. Языки новѣйшіе обыкновенно преподаются въ гимназіяхъ нѣмцы и французы, весьма плохо знающіе по русски, а основательно, ученымъ образомъ, не изучавшіе никакого, даже своего роднаго языка. Они большею частию не имѣютъ никакого авторитета въ заведеніяхъ, а нерѣдко служатъ даже посмѣшищемъ мальчиковъ.

Изученіе новыхъ языковъ большею частію ограничивается безсмысленнымъ заучиваніемъ вокабулъ. Совсѣмъ въ другомъ положеніи, сравнительно съ новыми языками, поставленъ въ гимназій языкъ латинскій. Онъ считается въ числѣ первыхъ предметовъ; учителями латинскаго языка назначаются лица, знающіе грамматику латинскаго и русскаго языка и, какъ русскіе, вполнѣ владѣющіе русскимъ языкомъ; переводы съ латинскаго дѣлаются съ строгимъ грамматическимъ разборомъ переводимаго, и наконецъ здѣсь, кромѣ всего этого, требуются письменныя *versiones* и *occupationes*, то есть переводы съ латинскаго на русскій и съ русскаго на латинскій. А еще, кажется, Цицеронъ совѣтовалъ тѣмъ, кто хочетъ научиться владѣть своимъ роднымъ языкомъ, читать иностранныя книги и записывать переводъ. Потому что какъ скоро вы начинаете записывать переводъ, вамъ естественно необходимо вдумываться, какъ передать мысль автора ближе къ подлиннику. Прежде нежели доберетесь до удачнаго выраженія, передающаго мысль подлинника во всей ея цѣлости, вамъ придется перебрать иногда не одинъ десятокъ выраженій, болѣе или менѣе приблизительно передающихъ ту же мысль. Очень понятно, что при подобной работѣ, часто повторяемой, у васъ съ каждымъ днемъ должно возрастать умѣнье владѣть своимъ роднымъ языкомъ. Конечно, выборъ языка, переводами съ котораго вы занимаетесь, не можетъ не имѣть извѣстнаго вліянія на большее или меньшее возрастаніе этого умѣнія. Нельзя не согласиться съ докторомъ Дигчемъ, что извѣстная отдаленность формъ выбраннаго вами для перевода языка отъ формъ вашего роднаго языка должна принести пользу, потому что она болѣе напрягаетъ наше вниманіе, заставляетъ вашу мысль употреблять болѣе усилій. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что безъ латинскаго и греческаго языка нѣтъ спасенія. Приложите, наприимѣръ, нашъ трудъ къ языку нѣмецкому, и результатъ получится тотъ же, какой получите вы отъ перевода съ языковъ латинскаго и греческаго, даже мы думаемъ, еще лучшій.

Если въ Германіи существуетъ такая же разница въ преподаваніи языковъ древнихъ и новѣйшихъ, какъ и у насъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что юноши, изучавшіе только новѣйшіе языки, даже въ умѣнии владѣть роднымъ языкомъ далеко уступаютъ основательно изучавшимъ древніе языки. Но причина этого явленія вовсе не тамъ, гдѣ ее ищетъ докторъ Дигчъ.

Говорятъ еще, что изученіе древнихъ языковъ и для цѣлей чисто практическихъ гораздо полезнѣе, чѣмъ изученіе наукъ реальныхъ. Г. Танъевъ, собиравшій отзывы иностранныхъ педагоговъ о проэктахъ нашихъ уставовъ, говоритъ между прочимъ: «иностранные педагоги въ доказательство практическихъ, очевидныхъ и слѣдовательно впол-

нѣ неоспоримыхъ, по ихъ мнѣнію, результатовъ классическаго образованія указываютъ на общественныхъ дѣятелей иностранныхъ государствъ, и прежде всего на англичанъ, которые достигли высокой степени образованія и пріобрѣли знаменитость въ государственной жизни, будучи къ тому подготовлены путемъ изученія классическихъ языковъ (!?). При этомъ случаѣ приведено нѣсколько другихъ примѣровъ, замѣчательныхъ въ томъ смыслѣ, что они почерпнуты нами изъ отзывовъ лицъ, которыя занимаются дѣятельностію чисто практической, промышленною, и которыя по этому самому не могутъ быть заподозрѣны въ пристрастіи къ отвлеченной теоріи. Всѣ таковыя свидѣтельства говорятъ въ пользу образованія классическаго и удостовѣряютъ въ томъ, что молодые люди, окончившіе курсъ наукъ собственно гимназическихъ и вступающіе затѣмъ на поприще какой нибудь технической или коммерческой дѣятельности въ качествѣ экономовъ, химиковъ (!?), медиковъ (*даже медиковъ!! вотъ диво-то! лечатъ людей, зная только классическіе языки!*), бухгалтеровъ, управляющихъ и т. д. оказываются несравненно способнѣе и дѣльнѣе (*даже въ химіи и медицинѣ!!*), чѣмъ ученики училищъ реальныхъ, не взирая на то, что сіи послѣдніе легче принимаются за дѣло. Но эта нѣкоторая бойкость въ пріемахъ, по отзыву тѣхъ же лицъ, обезпечиваетъ успѣхъ за реалистами только на первыхъ порахъ, въ продолженіе немногихъ недѣль; послѣ чего ученики реальныхъ училищъ начинаютъ отставать отъ гуманистовъ, которые въ послѣдствіи одерживаютъ надъ прочими своими сотоварищами уже рѣшительный верхъ».

Докторъ Дитчъ въ подтвержденіе той же разносторонности и большей способности учениковъ, изучавшихъ древніе языки, въ сравненіи съ учениками реальныхъ школъ приводитъ свидѣтельство германскихъ купцовъ, книгопродавцевъ, значительныхъ промышленниковъ и цѣлыхъ торговыхъ домовъ, которые заявляютъ слѣдующій фактъ: «если изъ двухъ молодыхъ людей одинаковыхъ лѣтъ, поступающихъ учениками въ торговую жизнь, одинъ приготовленъ въ гимназіи, другой въ реальномъ училищѣ, то первый сначала далеко уступаетъ второму въ счетоводствѣ и другихъ дѣловыхъ занятіяхъ, но скоро далеко опережаетъ втораго и становится болѣе дѣльнымъ».

Еще важнѣе въ этомъ случаѣ свидѣтельство экономиста Рошера. Опровергая взглядъ, который отвергаетъ классическое образованіе, какъ мало соответствующее требованіямъ практической жизни, онъ говоритъ между прочимъ:

«Но именно здѣсь-то и является въ самомъ яркомъ свѣтѣ всесторонняя, обнимающая все существо человѣка, образовательная сила хорошаго гимназическаго ученія (т. е. сила классической древности,

въ соединеніи съ основательнымъ изученіемъ математики и роднаго языка. Не знаемъ: чье это поясненіе, Рошера ли самого, или Современной лѣтописи, откуда мы заимствуемъ слова Рошера). Либихъ величайшій химикъ, а слѣдовательно и главный представитель нашего времени въ области самой новѣйшей и практической науки, въ одномъ изъ своихъ писемъ о химіи говоритъ слѣдующее: «я часто находилъ, что студенты, кончившіе курсъ въ хорошихъ гимназіяхъ, очень скоро перегоняли вышедшихъ изъ политехническихъ или ремесленныхъ школъ, даже въ естественныхъ наукахъ, хотя въ началѣ послѣдніе по познаніямъ своимъ въ естествознаніи казались передъ первыми какъ великаны передъ карликами». Этотъ приговоръ тѣмъ знаменательнѣе что Либихъ, сколько мнѣ извѣстно, получилъ свое образованіе даже не въ гимназій, а шелъ по очень обыкновенной въ Германіи аптекарской дорогѣ. Со взглядомъ Либиха согласуются также и взгляды многихъ другихъ, особенно практическихъ физиковъ и химиковъ. Подобный примѣръ могу привести и я изъ болѣе близкой мнѣ области политической экономіи, считающейся въ настоящее время преимущественно практической наукой. При однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ, я постоянно встрѣчалъ что хорошо приготовленный гимназистъ, вступающій въ купеческую контору, хотя и являлся, на первыхъ порахъ, менѣе ловкимъ въ дѣлахъ, чѣмъ вышедшій изъ коммерческаго училища, но за то очень скоро не только догонялъ его, но и превосходилъ въ самостоятельности и смѣлности. То же самое въ земледѣльской и промышленной сферѣ. Что же касается вообще государственной службы, то стоитъ только вспомнить Англію, которая въ практической дѣятельности своихъ государственныхъ людей не уступитъ никакому другому государству и даже считается въ настоящее время классической страной современной политики и которая, какъ извѣстно, не только свои гимназій, но даже и университетъ ограничиваетъ исключительно изученіемъ классиковъ и математики».

Противъ фактовъ, читатель, спорить нельзя, и какъ бы мы ни были расположены въ пользу реального и предубѣждены противъ классическаго образованія, но выслушавъ тѣ свидѣтельства, которыя представляютъ намъ о преимущественной способности даже къ практической дѣятельности изучившихъ древніе языки въ сравненіи съ изучившими реальныя науки, мы не можемъ однакожъ не признать, что въ настоящее время оно дѣйствительно такъ должно быть и есть, что школы гуманныя даютъ лучшее образованіе, чѣмъ школы реальныя.

Но сдѣлавъ такую важную уступку въ пользу школъ гуманныхъ, мы невольно задаемъ себѣ слѣдующій вопросъ: вѣдь было же время, когда человѣчество не могло класть въ основу своего образованія язы-

ковъ ни латинскаго, ни греческаго, а именно тогда, когда языки эти не были мертвыми, когда народы, говорившіе на этихъ языкахъ, процвѣтали и были дѣйствующими; никто не будетъ, конечно, утверждать, чтобы юношество этихъ народовъ было дурно воспитываемо, чтобы оно не было способно къ разнымъ родамъ дѣятельности, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько способно въ наше время юношество, изучившее языки классическіе. Какимъ же образомъ эти народы ухитрялись образовывать свое юношество, не имѣя въ рукахъ своихъ такихъ могучихъ средствъ образованія, какъ языки греческій и латинскій? Положимъ, что Римляне могли еще кое какъ образовываться языкомъ греческимъ; мы говоримъ *кое какъ*, потому что слѣдуя соображеніямъ доктора Дитча, мы должны принять, что языкъ греческій, будучи тогда живымъ и близкимъ для Римлянъ, вовсе не могъ имѣть для ихъ юношества той образовательной силы, какую онъ имѣетъ для нашего юношества. Но Греки не могли получить ни откуда даже и такой малой помощи. Спрашивается: какъ же они воспитывали свое юношество? Этотъ вопросъ нашъ походилъ бы на вопросъ г. Простаковой въ «Бригадирѣ» Тришкѣ: этотъ портной учился у другаго портнаго, другой у третьяго, да первый портной у кого же учился? Если бы подобно тому какъ Тришка отвѣчалъ Простаковой, что первый портной шилъ, можетъ быть, еще хуже его, намъ могли отвѣтить, что такое, дескать, было и образованіе не важное. Но въ томъ и дѣло, что этого не можетъ сказать ни одинъ Тришка. Всѣмъ признано, что воспитаніе греческое было образцовое и давало отличныхъ людей во всѣхъ родахъ дѣятельности.

Кто же, спрашивается, былъ этотъ первый *портной*, который умѣлъ отлично образовывать живыхъ людей безъ пособія *мертвыхъ* языковъ? Мы должны непременно доискаться этого портнаго.

Свои поиски мы начнемъ разсмотрѣніемъ слѣдующаго вопроса: дѣйствительно ли въ классическихъ или, какъ ихъ называютъ иѣмцы, въ латинскихъ школахъ развивало молодыхъ людей разносторонне и дѣлало ихъ способными ко всякой дѣятельности изученіе древнихъ языковъ, а не какія нибудь другія стороннія причины, помимо древнихъ языковъ? Равнымъ образомъ въ реальныхъ школахъ дѣйствительно ли реальные науки притупляютъ челоуѣка, а не какія нибудь стороннія обстоятельства, въ которыхъ реальные науки совершенно не виновны?

Намъ о древнихъ языкахъ рассказываютъ такіа удивительныя вещи, что изучившіе ихъ получаютъ способность дѣлаться и хорошими купцами, и хорошими управляющими, и даже хорошими химиками, и медиками, — значитъ всѣмъ, чѣмъ угодно.

Разскажемъ и мы нѣкоторыя аналогическія подходящія къ сему случаю, не менѣе удивительныя вещи.

«Знающіе наблюдатели, говоритъ Милль въ своей политической экономіи, много обращавшіеся съ работниками разныхъ націй, свидѣльствуютъ, что въ простолюдинахъ другихъ странъ часто находятъ они большую сообразительность и безъ всякаго образованія», тогда какъ англійскіе работники и при хорошемъ спеціальному образованіи не показываютъ никакой сообразительности. «Цюрихскій инженеръ Эшеръ, имѣющій хлопчатобумажную фабрику, на которой работаютъ около 2,000 людей разныхъ націй, характеризуетъ англійскаго работника въ сравненіи съ континентальными работниками такимъ образомъ:

«Живость воображенія итальянцевъ выказывается быстрымъ пониманіемъ всякой новой поручаемой имъ работы, способностію живо понимать смыслъ порученія, приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ: этими качествами они превосходятъ всякихъ другихъ работниковъ; французскіе работники имѣютъ такія же природныя черты, только въ нѣсколько меньшей степени. Англійскіе, швейцарскіе и голландскіе работники, по нашему замѣчанію, имѣютъ гораздо меньшую природную сообразительность; собственно какъ *рабочіе* люди, англичане безспорно выше всѣхъ, потому что, по нашему замѣчанію, они всѣ воспитаны для своего спеціальнаго дѣла, къ которому они приготовлены лучше работниковъ другихъ націй и на которомъ сосредоточились *всѣ ихъ мысли*. Но для управленія дѣлами и для разнородныхъ порученій, для того чтобы быть помощникомъ управляющаго, они не способны. Если у меня англійскій работникъ занятъ установкою паровыхъ машинъ онъ знаетъ это дѣло и уже ничего другаго не понимаетъ; къ другому положенію или къ другимъ отраслямъ механики, хотя бы самымъ близкимъ съ его дѣломъ, онъ плохо умѣетъ приспособляться: не умѣетъ найтись въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, дать дѣльный совѣтъ или написать ясный отчетъ даже по своему дѣлу съ тѣхъ сторонъ, которыми оно касается другихъ частей механики».

Всякій согласится, что англійская нація стоитъ ни чуть не ниже итальянской, и каждый англичанинъ—не работникъ способенъ къ соображенію не менѣе итальянца, между тѣмъ англичанинъ работникъ, спеціально приготовленный къ своему дѣлу, дѣлается тупоумнѣе итальянца, не тронутаго подобнымъ приготовленіемъ. Отсюда, повидимому, слѣдовало бы такое заключеніе, что лучше не готовить людей къ спеціальнымъ дѣламъ, чтобы не притуплять ихъ сообразительности. Но практика говоритъ, что если не готовить къ спеціальнымъ дѣламъ, то дѣлъ этихъ некому будетъ отправлять, потому

что есть такіа спеціальныя занятія, которыхъ человѣкъ, не приготовленный къ нимъ, при всей сообразительности своей не сдѣлаетъ.

Первое прямое заключеніе, вытекающее отсюда, есть то, что нынѣшнее приготовленіе работниковъ къ спеціальнымъ занятіямъ правильно будетъ поставлено только тогда, когда, готовя людей къ извѣстнымъ спеціальнымъ дѣламъ, будетъ не убивать въ нихъ природную сообразительность, а напротивъ, развивать ее.

Второе заключеніе, вытекающее прямо изъ словъ г. Эшера, есть слѣдующее: если итальянскіе работники, не обучавшіеся древнимъ языкамъ, по одной природной сообразительности отличаются быстрымъ пониманіемъ всякой новой поручаемой имъ работы, способностью живо понимать смыслъ порученія, приспособляться къ новымъ обстоятельствамъ, и въ дѣлѣ спеціально становятся выше работниковъ, спеціально къ тому приготовленныхъ; то ясно, что когда и ученики латинскихъ школъ показываютъ въ спеціальныхъ дѣлахъ большую сообразительность предъ учениками школъ реальныхъ, спеціально къ этимъ занятіямъ приготовленными, то отнюдь еще не слѣдуетъ, чтобы большая сообразительность ихъ происходила отъ хорошаго знанія ими древнихъ языковъ.

Изъ этихъ двухъ замѣчаній необходимо вытекаютъ слѣдующія два правоученія:

1) Если ты видишь, что изъ реальныхъ школъ выходятъ молодые люди, не показывающіе такой сообразительности, какую они должны бы были показывать при хорошемъ образованіи, не заключай отсюда поспѣшно о ничтожествѣ реальныхъ наукъ въ развитіи человѣка; а хорошенько разсмотри, правильно ли составленъ весь курсъ наукъ, преподаваемыхъ въ тѣхъ школахъ. Пароходъ прекрасная и весьма полезная вещь, когда его поставятъ на воду и дадутъ ему идти на парахъ; но если ему не дать паровъ, или дать пары, но поставить на твердую землю, то онъ окажется вещью совершенно бесполезною. Точно такъ же можетъ быть и съ реальными науками въ дѣлѣ общаго человѣческаго развитія.

2) Когда человѣка, хорошо обучавшагося древнимъ языкамъ, ты видишь хорошо вышивающимъ по каннѣ, не заключай отсюда поспѣшно, что это искусство онъ пріобрѣлъ отъ знанія древнихъ языковъ. Вѣрь мнѣ, что древніе языки тутъ нисколько не виноваты; у него были совсѣмъ другіе учителя; постарайся узнать ихъ, этихъ учителей, если основательно хочешь знать дѣло.

Безчисленными, ежедневно предъ глазами каждого повторяющимися опытами несомнѣнно доказано, что если не только человѣкъ образовывающійся, но и вполне образованный посвящаетъ себя исключительно какой нибудь спеціальности, махнувъ на все другое рукой, т.е. *сосредо-*

точивается въ свои мысли на одной своей спеціальности, какъ выражается Эшеръ объ англійскихъ рабочихъ, то неизбежнымъ послѣдствіемъ этого бываетъ то, что онъ рано или поздно, но непремѣнно тупѣетъ. Всякому изъ насъ случалось, конечно, видѣть въ нашихъ училищахъ педагоговъ, людей, въ свое время, очень не глупыхъ и хорошо изучившихъ древніе языки, которые, прослуживъ извѣстное число лѣтъ, начинали видимо падать умственно и наконецъ даже доходили до такого очевиднаго тупоумія, что само начальство заведеній тяготилось ими и только изъ сожалѣнія, во вредъ заведеніямъ, позволяло имъ дослуживать положенный закономъ терминъ до пенсій. Причинъ такого страннаго и одновременнаго умственного упадка не бываетъ никакихъ другихъ, кромѣ тѣхъ, что человѣкъ избираетъ себѣ или получаетъ случайно для спеціальнаго занятія такую науку, которая не имѣетъ своимъ предметомъ идей общечеловѣческаго интереса ни въ общемъ ихъ видѣ, ни въ ихъ приложеніи къ современному состоянію, вообще чуждую всякихъ интересовъ жизни, а между тѣмъ и самъ онъ по изолированному положенію у насъ вообще училищъ отъ общества, по своему характеру и по другимъ причинамъ, уединенъ отъ всякаго вліянія на него живой среды. Примѣры такого одновременнаго отупѣнія по указаннымъ нами причинамъ можно встрѣчать, кромѣ педагогическаго поприща, во всѣхъ родахъ спеціальной дѣятельности у насъ не рѣже, чѣмъ гдѣ нибудь. Съ другой стороны, нельзя не примѣчать и того, что часто люди совершенно необразованные, не изучавшіе не только классическихъ языковъ, но не знавшіе даже грамоты, попадая въ кругъ дѣятельности болѣе широкой, требующей сильной наблюдательности, и поставленные въ неизбежныя отношенія съ безчисленными общественными различнаго рода дѣятелями, быстро развиваются, пріобрѣтаютъ сообразительность, какой не дастъ никакая наука, и становятся иногда людьми дѣйствительно замѣчательными.

Изъ сказаннаго нами слѣдуетъ, что для развитія живаго человѣка необходима живая мысль, т. е. мысль, въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ касающаяся общихъ всѣмъ интересовъ живаго общества. Всякое спеціальное занятіе, совершенно теряющее изъ виду эти общіе интересы, непремѣнно должно вести человѣка къ отупѣнію. И никакая наука, занимающаяся только развитіемъ формалистики мысли и не дающая никакого содержанія или не дающая того живаго содержанія, о которомъ мы говоримъ, не можетъ предохранить человѣка отъ преждевременнаго отупѣнія, ни тѣмъ болѣе правильно образовать его.

Вотъ почему смѣшно читать, когда люди всѣми возможными софизмами стараются доказать, — вполнѣ впрочемъ вѣря сами своимъ софизмамъ, — что одно изученіе мертвыхъ языковъ можетъ развить чело-

вѣка, какъ человѣка, т. е. дать ему не только діалектическую оборотливость мысли, но и образовать его умъ, его характеръ, и проч. и проч.

Но скажутъ намъ: очевидная польза изученія древнихъ языковъ въ этомъ отношеніи доказана опытомъ, удостовѣреннымъ свидѣтельствомъ людей, заслуживающихъ всякаго довѣрія.

Вотъ къ разсмотрѣнію этого мнимаго опыта мы теперь и приступимъ.

Когда мы говоримъ о гимназіяхъ нѣмецкихъ и изученіи древнихъ языковъ въ Германіи и о гимназіяхъ нашихъ и изученіи древнихъ языковъ у насъ, мы въ умѣ своемъ отождествляемъ эти два явленія, думаемъ, что эти явленія порождены и тамъ и у насъ одинаковыми потребностями, что внѣшній и повидимому внутренній обликъ ихъ одинъ и тотъ же и тамъ и у насъ, а слѣдовательно и результаты должны быть одинаковыя. Между тѣмъ въ сущности между обоими явленіями нѣтъ совершенно никакого сходства. Наши гимназіи совершенно чужды намъ институты, цѣликомъ пересаженные къ намъ изъ Германіи, безъ малѣйшаго приспособленія къ нашимъ живымъ потребностямъ и не по потребности народа, а путемъ чисто бюрократическимъ. Нѣмецкія гимназіи возникли изъ живыхъ требованій народа, какъ оппозиціонныя училища противъ усилившагося вліянія духовенства; изученіе древнихъ языковъ введено и усиливается было въ нихъ какъ могущественное средство, дававшее обильный запасъ идей для борьбы съ духовенствомъ.

Такъ объясняютъ происхожденіе и значеніе своихъ гимназій нѣмцы:

«Пробудившееся движеніе духа, вслѣдствіе котораго возникли университеты, вызвало къ жизни и приготовительныя къ нимъ заведенія, т. е. гимназіи. Гимназіи были порожденіемъ переворота тайнаго, который проникъ однакожь весь составъ народной жизни. Этотъ переворотъ состоялъ въ изытіи ученыхъ занятій изъ привилегій церкви. Что было самымъ сильнымъ средствомъ для произведенія этого переворота, т. е. изученіе греческихъ и римскихъ древностей, на то въ гимназіяхъ сосредоточено было все вниманіе, и онѣ дѣлали свое дѣло подъ видомъ возстановленія античной науки и античнаго искусства. Ихъ исключительною задачею было передать своимъ воспитанникамъ всю массу возрѣній, понятій и идей классической древности. Сохраняя и разрабатывая эти неоцѣненныя сокровища античнаго духа, школы достигли своей цѣли и произвели тогда и въ послѣдствіи много дѣйствительно великаго посредствомъ тѣхъ идей, которыя они пускали въ обращеніе въ противоположность темнымъ понятіямъ среднихъ вѣковъ, и посредствомъ распространенія того образованія,

которымъ разрушалось неестественное, оцѣпенѣлое состояніе средне-вѣковаго человѣчества. Но къ сожалѣнію на томъ, что въ свое время такъ побѣдоносно привело къ цѣли, а міру дало лучшую культуру, гимназіи и остановились въ томъ негнѣпомъ предположеніи, что то, что однажды послужило лучшимъ средствомъ для извѣстной цѣли, не потеряетъ своей силы и тогда, когда эта цѣль уже достигнута. Что доставило гимназіямъ славу, то сдѣлалось для нихъ и гибелью. Они успѣли дать ходъ образованію, сдѣлавшемуся оцѣпенѣлымъ въ рукахъ духовенства, они дѣйствовали заодно съ реформаціею за свободу мысли, — и именно въ тѣхъ земляхъ, гдѣ реформація торжествовала свои лучшія и славнѣйшія побѣды, достигли и они своего высшаго развитія, но послѣ этого они сдѣлались сами неподвижными; удерживая то самое состояніе, въ какомъ они были въ XVI столѣтіи, они не восприняли въ себя богатствъ, накопленныхъ во всѣхъ отрасляхъ умственной жизни возраставшею со дня на день въ геометрической пропорціи наукою, и отталкивали отъ себя настоятельныя требованія возрастающаго матеріальнаго и умственнаго развитія. Когда возникъ вопросъ о второмъ тайномъ переворотѣ, объ изыятіи прессы изъ привилегій ученаго сословія, они стали дѣйствовать въ качествѣ касты за удержаніе есотеризма (т. е. этой привилегіи за ученымъ сословіемъ), и враждебно относятся къ третьему необходимому, но еще не совершившемуся перевороту объ изыятіи прессы изъ привилегій литературы».

Здѣсь мы остановимся. Изъ сказаннаго читатель видитъ, что нѣмецкія гимназіи съ самаго своего основанія сдѣлались средоточіями умственной нѣмецкой жизни. Сначала они бились за свободу мысли противъ гнетущаго вліянія духовенства, затѣмъ восторжествовавъ побѣду подъ однимъ знаменемъ съ реформаціею надъ общимъ врагомъ и пріобрѣвъ сочувствіе народа, власть надъ умами, они замкнулись въ касту и начали бороться уже за удержаніе за собою своего кастическаго значенія. Во всякомъ случаѣ они постоянно были жизненными борцами, въ ихъ стѣнахъ постоянно рѣшались вопросы современнаго имъ умственнаго движенія; тутъ дѣло шло значить не о школьномъ только обученіи, а о направленіи умственной дѣятельности цѣлаго народа, при монопольномъ почти обладаніи правомъ прессы.

Насъ могутъ спросить: какимъ образомъ при такихъ ничтожныхъ средствахъ, какія представляетъ собою изученіе древнихъ языковъ, могли достигаться такіа великія цѣли?

Вмѣсто отвѣта на этотъ вопросъ мы возьмемъ, читатель, съ вами другаго нѣмца и пойдемъ въ латинскую школу второй половины XVIII

столѣтія, чтобы посмотрѣть, что тамъ, между прочимъ, преподавали подъ видомъ преподаванія древнихъ языковъ.

«Между дворянствомъ и массою народа стояло тогда высшее бюргерство: ученые, чиновники, духовенство, значительные купцы и ремесленники. Они отдѣлялись отъ народа привилегіей, значеніе которой не попятно для нашего времени, — свободой отъ военной службы.

Въ этомъ кругу, который и по вѣншему вилу отдѣлялся отъ простыхъ гражданъ своею одеждою и образомъ жизни, и тогда уже сосредоточивалась лучшая часть народной силы, такъ какъ онъ обладалъ лучшимъ образованіемъ того времени. Въ него входили поэты, мыслители, художники, ученые, всѣ тѣ, которые въ какой нибудь отрасли умственной жизни были вождями и образователями, которые имѣли вліяніе на другихъ, какъ учителя, и какъ люди самостоятельной мысли.

Когда разсматриваешь, что въ особенности связывало людей этого круга между собою, то становится яснымъ, что этою связію служила не практическая только дѣятельность ихъ въ извѣстной средѣ, но общее образованіе ихъ въ латинской школѣ. Въ этомъ заключался неоспоримое преимущество, великая тайна ихъ вліянія. Никто лучше этого не признавалъ, какъ купцы и ремесленники, вышедшіе изъ нижнихъ слоевъ и поступавшіе въ ихъ кругъ.

Съ удивленіемъ смотрѣли они, какъ ихъ дѣти, уча въ латинской и греческой грамматикѣ, приобрѣтали такую остроту и точность въ мышленіи и выраженіи, какія, при другой дѣятельности, рѣдко давались даже взрослымъ людямъ. Природная логика, которая въ такой силѣ является въ искусственномъ построеніи древнихъ языковъ, рано пробуждала мыслительную способность и способствовала къ уразумѣнію всѣхъ умственныхъ построеній, а масса словеснаго матеріала изъ чужихъ языковъ превосходно укрѣпляли память.

Но еще болѣе развивалъ учащагося тотъ отдаленный міръ, который раскрывался передъ нимъ. Самая большая часть нашего умственного богатства въ то время все еще получалась отъ древности. Кто хотѣлъ хорошо понять, что съ жизненною силою дѣйствовало въ немъ и около него, что можетъ быть давно сдѣлалось общимъ достояніемъ всѣхъ классовъ народа, тотъ долженъ былъ спуститься до источника всего этого. Знакомясь съ почившею уже жизнію великихъ народовъ, уразумѣвая нѣкоторые законы этой жизни, узнавая ея красоты и недостатки, человѣкъ получалъ какую-то особенную свободу въ сужденіи о современномъ состояніи общества, свободу, которой онъ не приобрѣталъ бы никакимъ другимъ путемъ. У кого душа была согрѣта діалогами

Платона, тотъ долженъ былъ съ презрѣніемъ смотрѣть на фанатизмъ папистовъ.

(Просимъ читателя обратить вниманіе, на какой высотѣ стояло знаніе классическаго міра въ лучшихъ латинскихъ школахъ. Учившійся имѣлъ такой богатый запасъ свѣдѣній о древней жизни, что могъ сравнивать состояніе своего общества съ состояніемъ обществъ древнихъ. Кромѣ того, онъ могъ читать не только свободно, но и съ наслажденіемъ разговоры Платона, Антигону въ подлинникъ! Когда что нибудь подобное бывало у насъ! Но и при всемъ этомъ главное свое развитіе учащійся получилъ не отъ этихъ знаній, а отъ другихъ... Просимъ читателя прочесть со вниманіемъ, что говоритъ авторъ далѣе).

«Но важнѣе всего содѣйствовалъ развитію тотъ особенный методъ ученія, который употреблялся въ латинскихъ школахъ и университетахъ. Передаваемые знанія принимались не безсмысленно, не пассивно, напротивъ, самый жизненный элементъ ученія составляло самостоятельное изслѣдованіе, самостоятельное рѣшеніе вопросовъ. Въ высшихъ классахъ гимназій и въ университетѣ учащійся становился близкимъ лицомъ къ занимающемуся изысканіями ученому. *Ему охотно сообщались всѣ тѣ спорные вопросы, которые главнымъ образомъ волновали его время, всѣ тѣ изслѣдованія, которыя еще были не кончены, но на которыя напряжено было общее вниманіе.* Такимъ образомъ юноша, какъ самостоятельный, свободный изслѣдователь, входилъ въ самое средоточіе зеленѣющей жизни, и какъ далеко послѣдующія его занятія ни удаляли его отъ всякаго самостоятельнаго изслѣдованія, но онъ уносилъ съ собою послѣднее и лучшее знаніе, послѣдніе результаты его для своего времени и потому въ продолженіи цѣлой жизни онъ былъ способенъ къ обсужденію великихъ вопросовъ науки и вѣры, принимая или отвергая вновь являющіеся факты, сообразно тому взгляду, который онъ пріобрѣлъ въ школѣ».

Кто сообразитъ сказанное доселѣ о гимназіяхъ и о методѣ преподаванія въ нѣмецкихъ гимназіяхъ, тотъ пойметъ, что причиною основательнаго развитія здѣсь молодыхъ людей было не изученіе древнихъ языковъ, а особенное счастливое положеніе гимназій, какъ центровъ умственнаго народнаго движенія. Во время ученія человекъ знакомился со всею *сутью* жизненныхъ вопросовъ, изслѣдовалъ ихъ на основаніи извѣстныхъ началъ, обсуждалъ, рѣшалъ, дѣлался, не выходя еще изъ школы борцомъ и бойцомъ за извѣстныя начала. Такимъ образомъ онъ образовывался чрезъ изученіе языковъ только *по видимому*, а въ самомъ дѣлѣ образованіе его было совершаемо тѣмъ же *верхоглядствомъ и поверхностностью*, противъ которыхъ такъ ратуетъ г. Катковъ и профессоръ Дедерлейнъ. Не можемъ не привести здѣсь весьма замѣча-

тельнаго въ этомъ отношеніи отзыва профессора Дёдерлейна объ изученіи исторіи. «Исторія—говоритъ онъ — изощряетъ память, занимаетъ фантазію и можетъ благотворно дѣйствовать на нравственное чувство; но для свободной дѣятельности ума и разсудка еще не можетъ быть полезна въ школѣ. Остроумныя комбинаціи и глубокомысленная критика, иначе разсужденія о великихъ мужахъ и событіяхъ, легко приведутъ къ раннему умничанью и самовадѣянности». Г. Дёдерлейнъ — профессоръ въ Эрлангенѣ на кафедрѣ истолкованія древнихъ классиковъ. Въ германскомъ ученомъ мірѣ онъ извѣстенъ, какъ авторъ «латинской синонимики» и многихъ въ особомъ томѣ изданныхъ рѣчей педагогическаго содержанія. Все это конечно, можетъ быть, еще даетъ ему нѣкоторое право быть мало знакомымъ съ хорошимъ историческимъ преподаваніемъ, но все-таки и ему непростительно имѣть такое ужасное понятіе объ образовательной силѣ исторіи, какое могъ имѣть только нашъ безсмертный Кайдановъ. Если бы онъ неможно сообразилъ, то увидѣлъ бы, что хорошее преподаваніе исторіи дѣлаетъ то же самое, что дѣлало въ латинскихъ школахъ и хорошее изученіе классическаго міра, только въ гораздо большемъ объемѣ. Изученіе быта и состоянія классическихъ странъ давало возможность сравнивать учащемуся этотъ бытъ и состояніе съ бытомъ и состояніемъ собственнаго отечества. То же самое дѣлаетъ исторія не только относительно древнихъ государствъ, но относительно повѣйшихъ, съ которыми у насъ такъ много общихъ условій въ жизни, и сравненіе съ которыми можетъ возбуждать не только большее любопытство въ мальчикѣ, но и вести его къ поучительнѣйшимъ результатамъ.

Разсматривая вопросъ о томъ: дѣйствительно ли въ германскихъ латинскихъ школахъ развивало молодыхъ людей одно изученіе древнихъ языковъ, а не какія нибудь другія знанія, мы безъ всякихъ ложныхъ дедукцій и натяжекъ, непримѣтно для насъ самихъ, а конечно, и для васъ, читатель, почти отыскали того перваго *портнаго*, который умѣетъ образовывать людей и съ языками, и безъ языковъ, какъ онъ образовывалъ грековъ. Мы боимся, читатель, передъ вами назвать его, потому что, можетъ быть, къ его имени не привыкло ваше ухо, — но... мы должны его назвать... Этотъ первый портной былъ философія. Мы видѣли выше, что пѣмецкія гимназіи главною задачею своею первоначально имѣли освобожденіе мысли отъ чрезмѣрнаго вліянія духовенства. Главнымъ средствомъ для выполненія этой задачи было распространеніе воззрѣній и идей древняго міра, т. е. того свободного изслѣдованія человѣческаго ума, которое сохранилось въ древнихъ философскихъ твореніяхъ, въ подрывѣ схоластической философіи поработившей себя служенію чуждымъ свободы цѣлямъ и ложно носившей названіе философіи. Схоластическая философія пала

подъ совместными ударами древней философіи, распространенной чрезъ классическое образованіе, и реформаціи. На развалинахъ схоластической философіи основалась новая философія; понятно, что въ Германіи ея лучшими питомцами, ея лучшими слушателями сдѣлались знакомые съ нею ученики классическихъ гимназій. Съ того времени знаніе классическихъ древностей отождествилось съ знаніемъ философіи въ понятіяхъ многихъ.

Будучи сокровенными пристанищами и распространителями древней философіи, и находясь, какъ мы уже видѣли, во главѣ движенія мысли въ современномъ имъ обществѣ, нѣмецкія гимназіи были не чужды знаній и въ наукѣ *обществовъѣдѣнія*, выдуманной харьковскими учеными, передъ которою г. Катковъ ставитъ знакъ восклицанія. Наука эта не такъ нова, какъ кажется нашему гуманисту, и если харьковскіе учены отъ усердія нагрузили въ нее много такого, что къ ней вовсе не относится, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она была сочинена ими вполне. Она есть и въ твореніяхъ Платона и Аристотеля и называется *политикою*. Наука эта привнесла въ наше время большую пользу въ разъясненіи понятій объ обществѣ и государствѣ. Первые сѣмена новыхъ понятій о государствѣ и обществѣ были также разнесены гуманистами, учениками латинскихъ школъ, знакомыми по древнимъ философамъ съ наукою обществовъѣдѣнія.

И такъ, оказывается, что тѣ же самыя науки, которыя лежали въ основаніи образованія древняго міра, образовали и новый міръ, только подъ прикрытіемъ изученія древнихъ языковъ.

Чего же лучше? Сорвите этотъ покровъ. Долой эту скорлупу, которую многіе недалновидные люди принимаютъ за самое существо дѣла. Введите въ реальныя школы—философію и обществовъѣдѣніе,—и вы увидите, что въ самомъ скоромъ времени ученики реальныхъ школъ будутъ превосходить учениковъ самыхъ лучшихъ классическихъ германскихъ школъ въ сообразительности и разносторонности. О нашихъ гимназіяхъ и говорить нечего. Они никогда не имѣли никакого понятія о классическомъ образованіи, хотя и назывались классическими.

Изъ всего сказаннаго нами читатель видитъ, что мы считаемъ дѣломъ вполне полезнымъ распространеніе у насъ реального образованія вмѣсто такъ называемаго классическаго. Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ твердо увѣрены, что и реальное образованіе, если оно не будетъ поставлено на твердомъ началѣ, если не будетъ приведено въ стройную систему отъ низшихъ заведеній до высшихъ, также не дастъ никакихъ плодовъ, какъ не дало ихъ доселѣ образованіе классическое. Общія реальныя знанія, сообщаемыя въ среднихъ заведеніяхъ безъ всякой опредѣленной цѣли, не поддерживаемыя потомъ

ничѣмъ по окончаніи ученія въ этихъ заведеніяхъ, будутъ точно такъ же разлетаться, не принося никакой пользы, какъ теперь разлетается знаніе греческихъ и латинскихъ склоненій и спряженій.

Душу, сердце всякаго знанія въ системѣ школъ, какого бы то рода ни были, составляютъ высшія учебныя заведенія. Здѣсь только можетъ самостоятельно разрабатываться наука. Здѣсь только могутъ постоянно и неукоснительно слѣдить за ея успѣхами и открытіями въ другихъ странахъ. И только при тѣсной, постоянной внутренней связи высшихъ заведеній съ низшими наука въ послѣднихъ будетъ стоять на надлежащей высотѣ. Педагогу самому некогда разрабатывать науку, ни даже постоянно слѣдить за ней. Его дѣло и призваніе преподавать хорошо и толково уже добытое, разработанное. Вотъ почему со введеніемъ реального образованія въ низшихъ школахъ необходимо вмѣстѣ основаніе возможно большаго числа высшихъ реальныхъ школъ, такъ чтобы съ одной стороны всѣ получившіе приготовительное реальное образованіе въ низшихъ реальныхъ школахъ и желающіе продолжать его имѣли полную къ тому возможность, а съ другой, чтобы и самыя школы имѣли вблизи себя источникъ, изъ котораго они могли бы постоянно обновляться и чрезъ который могли бы держаться всегда на высотѣ современнаго знанія. Нельзя сказать, чтобы у насъ не сознавалась потребность этой постоянной неразрывной связи высшихъ заведеній съ низшими, но у насъ постоянно упускаются изъ виду огромныя дистанціи нашего отечества, оттого внутренняя нравственная связь между высшими и низшими учебными заведеніями остается только въ идеѣ, на самомъ же дѣлѣ существуетъ одна бюрократическая, офиціальная. Въ Германіи со включеніемъ сюда нѣмецкой швейцаріи, на пространствѣ занимающемъ съ небольшимъ 13,000 квадратныхъ миль съ населеніемъ въ 50 милліоновъ считается 28 университетовъ, т. е. университетъ приходится менѣе, чѣмъ на 2 мил. жителей на пространствѣ менѣе 500 кв. миль, Россія при 70 милліонномъ населеніи занимаетъ пространство слишкомъ 90 тысячъ квадр. миль, и самыя маленькія губерніи, которыхъ всего двѣ или три, имѣютъ пространства болѣе 500 кв. миль. А между тѣмъ при такомъ пространствѣ и населеніи у насъ всего 7 университетовъ. Понятно, какъ при такой разобщенности мало должно быть связи между высшими заведеніями и низшими и какъ затрудняется доступъ къ пріобрѣтенію высшаго образованія. Естественнымъ послѣдствіемъ этого всегда будетъ съ одной стороны жалкое положеніе низшихъ школъ, а съ другой непрочность и бесполезность для жизни скудныхъ свѣдѣній, въ нихъ пріобрѣтенныхъ.

При реальномъ образованіи соразмѣрное съ числомъ низшихъ учащихся количество высшихъ еще необходимѣе, чѣмъ при образова-

ній классическомъ. Человѣкъ, обучавшійся грамматикѣ, можетъ быть корректоромъ, писцомъ и т. п. Такое занятіе его не только не странно, но и вполне совпадаетъ съ цѣлю такъ называемыхъ у насъ классическихъ школъ. Но странно будетъ, если ученики реальныхъ школъ будутъ также дѣлаться писцами, корректорами и т. п. А это неизбежно, если ихъ образованіе будетъ ограничиваться тѣми элементарными свѣдѣніями, которыя имъ будутъ преподаваться въ низшихъ школахъ. Заведеніе соразмѣрно съ числомъ низшихъ школъ высшихъ реальныхъ школъ должно быть произведено непременно одновременно.

Когда мы говоримъ о высшихъ реальныхъ школахъ, то вовсе не разумѣемъ здѣсь школъ закрытыхъ, чисто спеціальныхъ! Напротивъ, мы считаемъ необходимымъ для пользы самаго дѣла, чтобы школы эти сохранили характеръ университетовъ, т. е. чтобы при спеціальному образованію здѣсь давалось и образованіе общее. Мы убѣждены, что только при соединеніи съ образованіемъ общимъ, т. е. философскимъ, реальныя школы дадутъ всю свою пользу. На нашъ взглядъ ученый комитетъ сдѣлалъ очень хорошо, что вмѣсто школъ чисто реальныхъ предположилъ школы литературно-реальныя, какъ въ насмѣшку называетъ ихъ г. Катковъ. Конечно, комитетъ сдѣлалъ это не вслѣдствіе идеи или какого нибудь предварительнаго плана, а единственно для того, чтобы не быть слишкомъ радикальнымъ въ своихъ нововведеніяхъ, чтобы, не отбѣняя вполне прежняго, только обновить его чрезъ новое; тѣмъ не менѣе такая двойственная основа, по нашему мнѣнію, и дѣйствительно должна быть удержана во всѣхъ заведеніяхъ какъ среднихъ, такъ и низшихъ, т. е. должно быть соединено реальное образованіе съ общимъ. Но курсъ наукъ для среднихъ учебныхъ заведеній долженъ быть нѣсколько другой противу того, который предложенъ ученымъ комитетомъ, притомъ курсъ этотъ во всякомъ случаѣ долженъ быть строго соображенъ съ преподаваніемъ въ высшихъ учебныхъ школахъ для того, чтобы съ одной стороны среднія заведенія были дѣйствительными приготовительными заведеніями для этихъ школъ, а съ другой для того, чтобы науки недоступныя или малопонятныя для гимназическаго возраста не преподавались здѣсь напрасно въ ущербъ времени и силъ, а отнесены были въ курсы школъ высшихъ.

Мы переходимъ къ 5-му и послѣднему отдѣлу нашей бесѣды—къ спору г. Каткова съ г. Костомаровымъ о малороссійскомъ нарѣчій.

Бывали ли вы читатель, въ Малороссіи? Знаете ли вы эту благословенную Богомъ страну, эту русскую Италію съ ея добрымъ и кроткимъ народомъ? Едва ли можно найти человѣка, который бы, проживъ здѣсь и познакомившись съ здѣшней тихою, почти еще во всей своей патріархальности сохранившеюся жизнію, не вынесъ от—

сюда пріятнаго и вмѣстѣ грустнаго впечатлѣнія. Трудно найти народъ болѣе прямой, честный, добродушный, трудолюбивый, способный къ перенесенію всякихъ лишеній, надѣленный отъ природы крѣпкимъ здравымъ смысломъ, остроуміемъ, юморомъ, и притомъ въ высшей степени поэтической, который находился въ такомъ загонѣ у судьбы и у исторіи, какъ малороссы. Здѣсь пока все спитъ непробуднымъ сномъ: и люди, и воны, и даже Днѣпръ спитъ. Если есть на сценѣ какое нибудь дѣйствіе, разумѣется, кромѣ бюрократическаго, то оно производится жидами и московскими купцами и кулаками. Между тѣмъ малороссы въ составѣ русскаго народа не то, что какое нибудь ничтожное, впоследствии слившееся съ нимъ племя, это основной остовъ его, корень его. Здѣсь почти съ первыхъ страницъ своихъ началась и русская исторія, принесенная сюда изъ Новгорода варягами. Здѣсь собственно началось государство чрезъ слитіе различныхъ племенъ, его населявшихъ, въ одно государственное тѣло единствомъ религіи, законовъ, администраціи. Но на этихъ малыхъ добрыхъ пачаткахъ, можно сказать, и остановилась русская исторія во время пребыванія своего на югѣ. Послѣ Владиміра и Ярослава начались непрерывныя усобицы князей за родовое старшинство, которыя не могли принести странѣ ничего, кромѣ раззоренія. Если и можно доказать весомиѣнно, что усобицы эти рѣшали весьма важный государственный вопросъ для послѣдующей исторіи, то тѣмъ не менѣе останется несомнѣннымъ, что на долю народа ничего не досталось отъ этихъ усобицъ кромѣ бѣдствій, и что онъ послужилъ тутъ чисто историческимъ моментомъ развитія государственнаго. Мелкими счетами князей и усобицами и кончается исторія Россіи на югѣ. Затѣмъ она переходитъ на сѣверъ, гдѣ беретъ ее въ руки другое племя, — великороссійское, можетъ быть, менѣе даровитое, но болѣе изворотливое и оборотливое, болѣе дѣятельное и болѣе твердое, и настойчивѣе преслѣдующее свои цѣли. Малороссы соединяются съ Польшею — и несутъ долю далеко плачевнѣйшую прежней. Они служатъ душой и сердцемъ цѣлямъ и интересамъ чуждаго имъ государства, деннонощно оберегая его границы отъ вторженія орды, — и въ благодарность за это эксплуатируются всѣми, кто только могъ эксплуатировать тогда въ Польшѣ, — свреями, папами, ксендзами. Наконецъ, чаша терпѣнія переполняется. Передъ нами открываются славныя страницы исторіи малороссійскаго народа. Народъ встаетъ поголовно, какъ одинъ человѣкъ, и нѣсколько десятковъ лѣтъ съ героическимъ самоотверженіемъ бьется за свою свободу, наконецъ, вырываетъ ее. Исторія этихъ войнъ, увлекательная сама по себѣ, становится для насъ вдвойнѣ увлекательною по тѣмъ доблестямъ, какія она раскрываетъ въ малороссійскомъ

народъ, повидимому по характеру своему вовсе неспособномъ къ такому возбужденію. Можетъ быть, по этому самому мы освѣщаемъ исторію этихъ войнъ нѣсколько другимъ свѣтомъ, чѣмъ какой она имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Намъ представляется, что войны эти шли за политическую самостоятельность. Между тѣмъ и по началу этихъ войнъ, и по исходу ихъ видно, что они имѣли характеръ чисто консервативный. Они начались изъ-за поруганія вѣры, такого поруганія, которое заставило бы, кажется, вооружиться и мертвыхъ. Затѣмъ по благополучномъ окончаніи войнъ не было никакихъ попытокъ къ образованію самостоятельной Малороссіи, а началось прямо совѣщаніе о томъ, остаться въ союзѣ съ поляками, или присоединиться къ Московскому государству, или даже къ султану турецкому. Малороссы готовы были пристать къ кому угодно, даже къ султану турецкому, только бѣ онъ обязался не трогать ихъ милой вѣры. Партія московская одержала верхъ, — Малороссія присоединилась къ Россіи, — и осталась навсегда довольною. Мы не считаемъ нужнымъ упомянуть здѣсь о намѣреніяхъ Мазепы, такъ какъ намѣренія эти, какъ доказали послѣдствія, были чисто его, личныя, нераздѣляемыя народомъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что въ составѣ населенія русскаго государства народъ малороссійскій есть не только самый консервативный, но самый терпѣливый, если принять во вниманіе то, что испыталъ отъ прежнихъ своихъ владыкъ величайшія притѣсненія, какія только можетъ испытать угнетаемый народъ, онъ въ лучшее свое время — во время полного завоеванія свободы не искалъ себѣ не только самостоятельности, но даже никакихъ особыхъ правъ, а искалъ одной свободы для своей вѣры.

Кто ѣзжалъ по Малороссіи, тотъ знаетъ, что духъ этого строгаго консерватизма почиваетъ надъ Малороссіею и теперь. Пара воловъ, жинка, хата, кусокъ сала для борщу составляютъ все разсозерцаніе малоросса, а если присоединить сюда еще горѣлку и вареники, то это уже такой идеалъ счастья, далѣе котораго не куда идти самымъ смѣлымъ порывамъ фантазіи. Вообще можно принять за достовѣрное, что скорѣе воли взбунтуются въ Малороссіи, чѣмъ придутъ въ движеніе малороссы при малѣйшемъ довольствѣ своемъ матеріальнымъ положеніемъ и при малѣйшей степени справедливости, оказываемой имъ въ администраціи, въ судахъ и т. д. Такимъ малороссійскій народъ казался намъ, да, вѣроятно, и не намъ однимъ, а всѣмъ, болѣе или менѣе знакомымъ съ его исторіею и съ его настоящимъ положеніемъ.

Но не все бываетъ на самомъ дѣлѣ такъ именно, какъ оно кажется. Оказалось, что малороссійскій народъ вовсе не такой тихій, и уже ни чуть не консервативный. Недавно почтенный редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», распутывая интригу польскаго возстанія, при

мѣтилъ несомнѣнные слѣды дѣйствія сей интриги въ стремленіи нашихъ украинофиловъ создать отдѣльную малороссійскую литературу и ввести въ малороссійскихъ школахъ обученіе на родномъ языкѣ. Разсматривая найденную нить съ одного конца, почтенный редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» усмотрѣлъ, что такъ какъ все люди происходятъ отъ одного и того же Адама, то нѣтъ никакой основательной причины не понимать имъ другъ друга, какими бы они разными языками ни говорили, въ доказательство чего сослался на примѣръ Франціи и какихъ-то еще другихъ иностранныхъ государствъ, гдѣ, дескать, и при разноязычїи люди умѣютъ понимать другъ друга и въ видахъ государственной пользы воздерживаются отъ литературной разработки языка. Разсматривая найденную нить съ другого конца, почтенный редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» нашелъ, что между малороссійскимъ и великороссійскимъ нарѣчіемъ нѣтъ никакой разницы, что малороссійское нарѣчіе есть не болѣе какъ жаргонъ, мѣстный говоръ, въ родѣ рязанскаго, костромскаго и т. п., только обезображенный полонизмами, что разные ученые изслѣдователи, въ томъ числѣ и нынѣшній сотрудникъ «Московскихъ Вѣдомостей» М. И. Погодинъ и вообще русская филологическая и историческая науки сильно ошиблись, принявъ за несомнѣнное, что малороссійское нарѣчіе есть самостоятельное нарѣчіе, что онъ г. редакторъ теперь порѣшилъ это дѣло окончательно своимъ собственнымъ усмотрѣніемъ, но что и помимо этого сотрудники «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей» — разные Тряпичкины, Овечкины, Колечкины и т. п., живущіе среди малороссійскаго народа, также разузнали объ этомъ дѣлѣ досконально и прислали о томъ собственноручныя письма въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей», и что затѣмъ нѣтъ никакой нужды обращать вниманія на какія нибудь глупыя научныя изысканія и выводы по этому предмету. Дошедши до сихъ геркулесовскихъ столбовъ, почтенный редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» всѣхъ тѣхъ, которые не соглашались съ мнѣніями его личными и его сотрудниковъ о жаргонствѣ малороссійскаго нарѣчія, обругалъ или измѣнниками отечеству, или болванами. Дальше... а впрочемъ

Дальше нечего рассказывать.

Однимъ словомъ, оказалось яснымъ, что Малороссія видимо стремится къ сепаратизму, подъ руководствомъ своихъ ковоководовъ, хлопчущихъ будто бы только о томъ, чтобы помочь загнанному народу какъ нибудь выйти изъ невѣжества. «Ибо, говоритъ почтенный редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», допустимъ, что волею или неволею «всѣмъ этимъ десяти милліонамъ народа, живущаго въ такъ называемыхъ малороссійскихъ губерніяхъ, навяжутъ языкъ, котораго

«они теперь не имѣютъ, — потому что простонародное нарѣчіе никакъ
«не можетъ быть названо языкомъ, — и что для всѣхъ этихъ людей
«русскій языкъ будетъ языкъ иностранный, и всякій человѣкъ, го-
«ворящій по русски, будетъ иностранецъ, — къ чему мы тогда при-
«близимся? Тогда не будутъ ли въ правѣ эти милліоны людей, кото-
«рымъ мы дадимъ особенный языкъ, требовать, чтобы у нихъ и въ
«гимназіяхъ, и въ университетахъ, преподаваніе шло на этомъ ихъ
«собственномъ языкѣ, а не иностранномъ? Не будутъ ли они тогда
«въ правѣ требовать, чтобы и въ судахъ у нихъ судили на этомъ ихъ
«собственномъ, а не на чужомъ языкѣ, чтобы и законы для нихъ
«издавались тоже не на чужомъ языкѣ? Не будутъ ли они наконецъ
«имѣть нѣкоторое основаніе желать автономіи и отдѣльности отъ
«иностраннаго народа?»

Все это такія истины, противъ которыхъ трудно что нибудь воз-
разить. Ибо если хоть на одну минуту вообразить, что малороссы
превратились въ иностранцевъ, то отъ нихъ, разумѣется, всего мож-
но ожидать. Они, пожалуй, и войной пойдутъ на Россію. Можетъ
быть, по самой очевидности этихъ истинъ, а также и по тому обстоя-
тельству, что вопросъ былъ поставленъ г. Катковымъ на такую поч-
ву, на которой спорить неудобно, они остались бы безъ всякаго воз-
раженія, какъ остается безъ возраженій большая часть истинъ, так-
же несомнѣнно доказанныхъ «Московскими Вѣдомостями» и постав-
ленныхъ на такую же почву. Но случай помогъ разгорѣться дѣлу
сверхъ всякаго ожиданія. Говоря о томъ, какъ много можетъ способ-
ствовать превращенію малороссовъ въ иностранцевъ, и вообще дѣлу
сепаратизма изданіе книгъ на малороссійскомъ языкѣ, почтенный ре-
дакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» не могъ, само собою разумѣется,
не упомянуть о г. Костомаровѣ, какъ главномъ затѣйщикѣ подобныхъ
изданій и не обличить его въ измѣнѣ. Съ своей стороны г. Костома-
ровъ не могъ не отвѣчать на подобное обличеніе. Онъ дѣйствительно
и отвѣчалъ, что онъ никакихъ злыхъ умысловъ при изданіи малорос-
сійскихъ книгъ не имѣлъ, а имѣлъ намѣренія самыя чистыя и цѣли
полезныя, что намѣренія его до того были чисты и цѣли до того по-
лезны, что имъ прежде сочувствовалъ и давалъ полное одобреніе и
самъ Катковъ. Въ доказательство г. Костомаровъ привелъ слѣдующія
собственные слова почтеннаго редактора «Московскихъ Вѣдомостей»,
напечатанныя въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

«Не только не желаемъ мы, чтобы украинскіе литераторы встрѣ-
«чали какое нибудь хотя малѣйшее внѣшнее препятствіе въ литера-
«турной обработкѣ своего роднаго нарѣчія, но мы сѣтовали бы не ме-
«нѣе ихъ, если бы эти препятствія оказались. Мы желаемъ въ этомъ
«отношеніи имъ самой полной свободы и самого полного успѣха.

«Всякая попытка выѣщпимъ образомъ стѣснять или навязывать языкъ есть историческое безуміе, недостойное насиліе, отъ котораго нельзя ожидать добра. Усвоеніе языка должно быть дѣломъ жизни и свободы; никакая принудительная сила не должна простираться на творческія стремленія жизни, ни на совѣсть и вѣрованія людей. Официальный языкъ для выраженія живаго чувства и живой мысли будетъ тоже, что и официальная нравственность, официальная любовь, официальный энтузіазмъ...»

При прочтеніи этихъ строкъ намъ сначала показалось, что какъ будто почтенный редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» и въ самомъ дѣлѣ противорѣчитъ себѣ, и правда переваливаетъ на сторону г. Костомарова. Въ такомъ заключеніи утвердило насъ и энергическое воззваніе г. Костомарова, сдѣланное имъ немедленно послѣ приведенныхъ нами словъ. «Неужели, — такъ говоритъ онъ въ этомъ воззваніи, — человѣку зрѣлыхъ лѣтъ, здраваго ума и чистой совѣсти не стыдно такъ мѣнять свои коренныя убѣжденія? А любопытно было бы услышать, для всеобщаго назиданія, что такъ извратило взгляды и убѣжденія «Русскаго Вѣстника» и «Московскихъ Вѣдомостей!»

Оказалось однакожь, что наше заключеніе было очень поспѣшно и опрометчиво. Почтенный редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей» посредствомъ изъясненія закона противорѣчія, доселѣ неправильно понимаемаго, несомнѣннымъ образомъ доказалъ, что онъ ни въ какомъ противорѣчіи съ собою не состоитъ.

«Г. Костомаровъ, говоритъ онъ, чтобы очистить себя, объявляеть въ «С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», что мы совершенно иначе смотрѣли на украинофильскія попытки въ началѣ 1861 года и приводитъ изъ «Русскаго Вѣстника» того времени нѣсколько строкъ для убѣжденія публики въ томъ, что мы съ того времени совершенно измѣнили наши мнѣнія. Считаая такимъ образомъ насъ въ противорѣчіи съ самими собою, онъ думаетъ очистить себя и оправдать свое дѣло. Но что такое противорѣчіе? Законъ противорѣчія, какъ извѣстно, самый основный законъ человѣческаго мышленія, гласитъ, что не возможно утверждать и отрицать одно и то же, въ одно и то же время, объ одномъ и томъ же предметѣ, въ одномъ и томъ же отношеніи. Г. Костомарову кажется, что мы измѣнились въ нашихъ мнѣніяхъ о дѣлѣ, которымъ онъ занимается; но еслибы это было и такъ, то ему слѣдовало бы подумать, не измѣнился ли предметъ этихъ мнѣній. Мнѣнія хороши только тогда, когда они соотвѣтствуютъ предмету. Если люди, которыхъ вы имѣли основаніе считать прямыми, оказываются людьми кривыми, — обязаны ли вы хранить о нихъ прежнее ваше мнѣніе?—Объ одномъ и томъ же предметѣ нынче мы говоримъ одно, а завтра можетъ быть придется намъ

«сказать совсѣмъ другое, и было бы, можетъ быть, нелѣпостью и ложью повторить о немъ завтрашній день то, что должно быть сказано сегодня. Кто же этого не понимаетъ и много ли нужно умственной зрѣлости, чтобы понять эти совершенно простыя и обиходныя вещи? А потому мы не будемъ объяснять сказанную выходку г. Костомарова умственною незрѣлостью. Г. Костомаровъ не такъ наивенъ. Онъ самъ безъ сомнѣнія хорошо понимаетъ, что мы сейчасъ сказали. Нѣтъ, тутъ не наивновствы! Г. Костомаровъ употребляетъ дурное средство на защиту дурнаго дѣла. Хорошее дѣло къ дурнымъ средствамъ не прибѣгаетъ, а г. Костомаровъ употребляетъ дурныя средства».

А вѣдь все это дѣйствительно такъ, истинное, что называется, дѣло: не правда ли, читатель? Вѣдь законъ противорѣчія имѣетъ силу дѣйствительно только относительно того момента, въ который что нибудь говорится. Онъ требуетъ только, чтобы въ одно и то же время объ одномъ и томъ же предметѣ, въ одномъ и томъ же отношеніи не утверждали и не отрицали одного и того же. А прошелъ этотъ моментъ, въ особенности прошелъ часъ, два, а тѣмъ болѣе день, мѣсяцъ и т. д., тогда какое же будетъ противорѣчіе, когда вы будете говорить совершенно другое. Кажется, ясно? Положимъ, мы могли еще не понять дѣла при всей его ясности. Но какъ же было не понять этого г. Костомарову! Г. Катковъ справедливо говоритъ, что г. Костомаровъ только притворился наивностью, простачкомъ, закона противорѣчія не понимающимъ, а на душѣ вѣрно у него не чисто.

Вообще по малороссійскому вопросу верхъ остался исполнѣ за г. Катковымъ, и какъ ни тихи малороссы, но намъ надобно крѣпко присматривать, чтобы они не превратились въ иностранцевъ.

Насъ просили объявить, что сочинитель, помѣщающій свои труды въ «Русскомъ Словѣ» подъ псевдонимомъ *Грицко*, есть особое лицо отъ сочинителя, пишущаго иногда подъ подобнымъ псевдонимомъ въ «Современникѣ».

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ «СОВРЕМЕННОГО».

МЫ ПОЛУЧИЛИ СЛѢДУЮЩЕЕ ПИСЬМО, КОТОРОЕ И СЧИТАЕМЪ НУЖНЫМЪ
ПОМѢСТИТЬ ЗДѢСЬ.

Господину редактору «Современника».

Милостивый государь,

Въ юньской книгѣ вашего журнала прочелъ я разборъ книжки г. Аммосова: *Послѣдніе дни жизни А. С. Пушкина*, и увидѣлъ, что г. Аммосовъ позволяетъ себѣ обвинять меня въ составленіи подметныхъ писемъ въ ноябрѣ 1836 года, а князя Ивана Сергѣевича Гагарина въ соучастіи въ такомъ гнусномъ дѣлѣ, и увѣряетъ, что Гагаринъ, будучи за границею, признался въ томъ.

Это клевета — и только: клевета и на Гагарина, и на меня. Гагаринъ не могъ признаваться въ томъ, чего никогда не бывало; онъ никогда не говорилъ этого, потому что Гагаринъ человекъ честный и благородный, и лгать не будетъ. Мы съ нимъ соединены, съ самаго дѣтства, узами тѣснѣйшей дружбы; неоднократно бесѣдовали о катастрофѣ, положившей столь преждевременный конецъ поприщу нашего великаго поэта, и всегда сожалѣли, что не могли узнать именъ лицъ, писавшихъ подметныя письма.

Г. Аммосовъ говоритъ, что писалъ свою книжку со словъ Константина Карловича Данзаса. Не могу вѣрить, чтобы г. Данзасъ обвинялъ Гагарина или меня. Я познакомился съ г. Данзасомъ въ 1840 году, черезъ три года послѣ смерти его знаменитаго друга, и знакомство наше продолжалось до выѣзда моего изъ Россіи въ 1859 году, то есть 19 лѣтъ. Г. Данзасъ не сталъ бы знакомиться съ убійцею Пушкина, и не онъ, конечно, подучилъ г. Аммосова напечатать эту клевету.....

Г. Аммосову неизвѣстно, что Гагаринъ и я, послѣ смерти Пушкина, находились въ дружескихъ сношеніяхъ съ людьми, бывшими

наиболѣе близкими къ Пушкину. Г. Аммосову неизвѣстно, что я находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ друзьями Пушкина: графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Вельгорскимъ, графомъ Григоріемъ Александровичемъ Строгановымъ, княземъ Александромъ Михайловичемъ Горчаковымъ, княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, Петромъ Александровичемъ Валуевымъ; съ первыми двумя до самой кончины ихъ; съ тремя послѣдними до выѣзда моего изъ Россіи въ 1859 году. Г. Аммосову неизвѣстно, что уже послѣ смерти Пушкина я познакомился съ его отцомъ и его роднымъ братомъ, и находился въ знакомствѣ съ ними до самой смерти ихъ.

Начальнику III отдѣленія, по его официальному положенію, лучше другихъ извѣстны общественныя тайны; Л. В. Дубельтъ, младшій сынъ коего женатъ на дочери великаго поэта, никогда не обвинялъ ни Гагарина, ни меня, по дѣлу Пушкина. Когда, въ 1843 году, я былъ арестованъ и сосланъ въ Вятку, въ предложенныхъ мнѣ вопросныхъ пунктахъ не было ни сданаго намека на подметныя письма.

Съ негодованіемъ отвергаю, какъ клевету, всякое обвиненіе какъ меня, такъ и Гагарина, въ какомъ бы то ни было соучастіи въ составленіи или распространеніи подметныхъ писемъ. Гагаринъ, нынѣ находящійся въ Бейрутѣ, въ Сиріи, вѣроятно самъ напишетъ вамъ то же. Но обвиненіе — и какое ужасное обвиненіе! — напечатано было въ «Современникѣ». Прося васъ помѣстить это письмо въ ближайшей книгѣ «Современника», имѣю честь быть, милостивый государь,

вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Петръ Доморукъ.

London. Fulham,
7, Partono-Green,
12 (24) іюня 1863.

ОБЪ ИЗДАНИИ НА 1864 ГОДЪ
СОБРАНІЯ
ИНОСТРАННЫХЪ
РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ
ВЪ ПЕРЕВОДЪ НА РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Журналъ этотъ, вступающій въ девятый годъ существованія и, судя по увеличенію числа подписчиковъ, пользующійся постоянно возрастающимъ сочувствіемъ, будетъ продолжаться и въ наступающемъ году по прежней программѣ. Цѣль «Собранія» состоитъ въ доставленіи читателямъ, въ вѣрномъ переводѣ, лучшихъ произведеній изящной словесности всѣхъ иностранныхъ литературъ. Для достиженія этой цѣли выписываются не только всѣ періодическія изданія, посвященныя беллетристикѣ, но получаютъ немедленно, по мѣрѣ выхода, всѣ романы и повѣсти на англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ, нѣмецкомъ, шведскомъ, датскомъ и польскомъ языкахъ. Выбирая изъ этихъ матеріаловъ только лучшее, редакція даетъ читателямъ возможность постоянно слѣдить за движеніемъ и всѣми замѣчательнѣйшими явленіями иностранныхъ литературъ. Въ нашемъ журналѣ, какъ, безъ сомнѣнія, многіе уже замѣтили, переводы нерѣдко являлись раньше, чѣмъ иностранный подлинникъ поступалъ въ Россіи въ продажу. Но, кромѣ новости и внутренняго достоинства содержанія, редакція особенно заботится объ его разнообразіи, стараясь соединить въ одной книжкѣ произведенія нѣсколькихъ литературъ, направленій и характеровъ; въ случаяхъ же, требующихъ объясненія, дѣлаетъ отъ себя историческія и литературныя примѣчанія.

О новости и разнообразіи, содержанія журнала можно судить по слѣдующему списку произведеній, помѣщенныхъ въ девяти книжкахъ «Собранія» за текущій годъ.

Р О М А Н Ы :

СЪ АНГЛІЙСКАГО:

ЗАМОКЪ ВЕРНЕРЪ. — *Мистриссъ Генри Удъ.* — ПЛУТЫ И ДУРАКИ. — *Эдуарда Уитти.* — КОМУ ДОСТАНЕТСЯ? — *Бетмана.* — АВРОРА ФЛОЙДЪ. — *Мистриссъ Бреддонъ.*

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО:

ПТИЦА ПУСТЫНИ. — *Эли Бертэ.* — КУРУМИЛА. — *Густава Эмара.* — ДЖОНЪ ДЕМОНЪ. — *Поля Феваля.* — ВАЛЕНТИНЪ ГИЛЛА. — *Густава Эмара.*

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ:

СЪ АНГЛІЙСКАГО:

ДОЧЕРИ АДМИРАЛА. — *А. Стюарта Эррисона.* — ДВѢ НОЧИ ВЪ КАТАКОМБАХЪ. — *ДАМА НА МОЛЪ.* — ТАЙНА МОЕГО ОТЦА. — РОЖДЕСТВЕНСКІЕ ПРАЗДНИКИ ДЛЯ МИСТРИССЪ ФУЛЛЕРЪ. — ДОЧЬ МАЙОРА — УЖАСНАЯ НОЧЬ. — ПОМРАЧЕНІЕ РАЗСУДКА. —

ТАИНСТВЕННЫЙ УЖИНЪ. — ПОБѢГЪ ГРАФА НАЙТЕДЭЛЯ. —
ЛЕГЕНДА О БѢЛОЙ РУКѢ. — ПРЕКРАСНЫЙ ДЕМОНЪ. — ЛОРДЪ
МОГОНЪ. — ПРИЗРАКЪ. — ЗАМОКЪ ЛИНДОНЪ.

СЪ ФРАНЦУЗСКАГО:

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ НА МѢСТѢ. — ДѢЛО ЧЕСТИ. — ВТОРАЯ
ЖИЗНЬ ДОКТОРА РОЖЭ. — *М. Ривьера*. — ДОЧЬ ТИНТОРЕТТО. —
Вилларсо. — РЕВНОСТЬ, ИЛИ НЕСЧАСТЬЕ ОТЪ СЧАСТЬЯ. — Сочиненіе
Ипполита Люка. — ГДѢ ВѢЧНЫЕ СНѢГА? ГДѢ ВѢЧНАЯ
ЛЮБОВЬ? — НЕОЖИДАННАЯ СВАДЬБА. — МОСЬЕ МИДАСЪ.

СЪ НѢМЕЦКАГО:

ПРИМИРЕНІЕ ПОДЪ КРЫШЕЙ. — Юмористическій разсказъ *фонъ
Зейфрида*. — ТРИ ДЕРЖАВЫ. — Картина нравовъ прошлаго столѣ-
тія. *Левина Шюкина*. — АРНОЛЬДЪ НОБЕЛИНГЪ. — Историческій
разсказъ *Амелии Годиной*. — ПОЭТЪ ВЪ ЗАКЛЮЧЕНІИ. — *Левина
Шюкина*.

СЪ ШВЕДСКАГО:

КУТИЛА. — *Андерса Рунъ*. ПОМОЛВКА.

СЪ ПОЛЬСКАГО:

НА ВИСЛѢ. — *Каплинскаго*.

СЪ ФЛАМАНДСКАГО:

БѢДНЫЙ ДВОРЯНИНЪ. — *Анри Консьянса*.

И такъ, въ девяти вышедшихъ книжкахъ «Собранія» читатели полу-
чили восемь романовъ и тридцать одну повѣсть и разсказовъ, переве-
денныхъ съ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго, шведскаго, польска-
го и фламандскаго языковъ. Такимъ образомъ «Собраніе» представля-
етъ гораздо больше, чѣмъ всѣ другіе журналы, матеріаловъ для лег-
каго чтенія.

«Собраніе» будетъ выходить въ первыхъ числахъ каждою мѣсяца
книжками не менѣе двадцати-пяти печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ, ВОСЕМЬ
РУБ. ПЯТЬДЕСЯТЬ КОП. а съ доставкою на домъ, или пересылкою
по почтѣ, ДЕСЯТЬ РУБ. СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ конторѣ «СОБРАНІЯ»,
находящейся съ апрѣля этого года въ непосредственномъ завѣдываніи
издательницы, въ С.-Петербургѣ, на углу Литейной улицы и Симеонов-
скаго переулка въ домѣ Оржевскаго, и въ Газетной Экспедиціи С.-Пе-
тербургскаго Почтамта.

Примѣчаніе. Остающіеся въ небольшомъ числѣ экземпляры «Собра-
нія» 1858, 1860, 1861 и 1862 годовъ могутъ быть получаемы въ Кон-
торѣ «Собранія Романовъ» по вышеозначенному адресу. За полный эк-
земпляръ cadaго изъ этихъ годовъ, кромѣ 1862, состоящій изъ 12
книгъ, платится 7 РУБ. 50 КОП., безъ пересылки, а съ пересылкою —
9 РУБ. СЕР., а за 1862 — 8 РУБ. 50 КОП., безъ пересылки, а съ
пересылкою 10 РУБ. СЕРЕБРОМЪ.

Издательница Е. Ахматова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 октября 1863 года.

СЪ 1-ГО ЯНВАРЯ 1864 Г. БУДЕТЪ ИЗДАВАТЬСЯ

ЖУРНАЛЪ

ДѢЛО И ОТДЫХЪ.

ЧТЕНІЕ ДЛЯ МАЛЬЧИКОВЪ И ДѢВОЧЕКЪ ОТЪ 7 ДО 14 ЛѢТЪ ВСѢХЪ СОСЛОВІЙ.

Издавая съ 1856 г. «Собраніе иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ въ переводѣ на русскій языкъ», редакція этого журнала, постоянно слѣдившая за движеніемъ иностранной словесности, имѣла возможность близко ознакомиться съ ея богатымъ и совершенно еще у насъ нетронутымъ запасомъ произведеній для дѣтскаго возраста. Это богатство, съ которымъ рѣзкую противоположность составляетъ наша бѣдность въ этомъ отношеніи, внушило мнѣ мысль, встрѣтившую уже большое сочувствіе, издавать, независимо отъ «Собранія», журналъ, въ которомъ соединялось бы все, что представляетъ новѣйшая иностранная литература лучшаго и полезнаго для дѣтскаго чтенія. Цѣль журнала, опредѣляемая отчасти его заглавіемъ, состоитъ въ доставленіи дѣтямъ путемъ легкаго чтенія полезныхъ и доступныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ знанія, въ какой бы то ни было формѣ. Сообразно съ этой цѣлью выписаны лучшія изъ новѣйшихъ иностранныхъ сочиненій для дѣтей и всѣ дѣтскіе журналы, издаваемые на англійскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, шведскомъ и датскомъ языкахъ. Все лучшее въ этихъ изданіяхъ и примѣнимое къ намъ будетъ извлекаться для помѣщенія въ нашъ журналъ. Кромѣ того, въ немъ будутъ помѣщаться съ самымъ строгимъ выборомъ оригинальныя произведенія, и журналу уже обѣщали свое содѣйствіе многіе изъ нашихъ лучшихъ писателей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

- I. Статьи по всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ.**
- II. Путешествія.**
- III. Разказы изъ исторіи, преимущественно русской.**
- IV. Біографіи полезныхъ дѣятелей, ученыхъ, писателей и художниковъ.**
- V. Повѣсти и разказы преимущественно историческіе или нравоописательные.**
- VI. Стихотворенія.**
- VII. Пьесы для домашняго театра.**

Редакція, не стараясь, однакожь, о непремѣнномъ наполненіи этихъ отдѣловъ, будетъ прежде всего выбирать лучшее изъ имѣющихся въ ея распоряженіи матеріаловъ.

«ДѢЛО и ОТДЫХЪ» будетъ выходить въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, книжками отъ восьми до десяти печатныхъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе безъ доставки на домъ и пересылки по почтѣ **пять руб. пятьдесятъ коп.**, съ доставкою же и пересылкою **шесть рублей серебромъ.**

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «Собранія романовъ», на углу Литейной улицы и Симеоновскаго переулка, въ домѣ Оржевскаго, на имя Елисаветы Николаевны Ахматовой, и въ Газетной Экспедиціи С.-Петербургскаго Почтамта.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 октября 1863 года.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской,
№ 10.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

ДЛЯ ОДНОЙ СКРИПКИ.

ALARD, 24 mélodies italiennes de Bellini, Donizetti, Mercadante, Rossini et Verdi. 3 тетр. (каждая 75 к.).

BERIOT, 12 scènes ou caprices. op. 109 (2 p. 30 к.).

БЕРНАРДЪ. 100 русскихъ народныхъ пѣсень, переложенныхъ для одной скрипки (2 р.).

CAMPAGNOLI. Recueil de 101 pièces faciles et progressives ou petites leçons pour violon seul. Nouvelle édition. 2 тетр. (каждая 1 р. 75 к.).

DANCLA. Les récréations du jeune violoniste. 18 mélodies (1 p. 45 к.).
— Le mélodiste. 12 petites fantaisies très faciles. op. 86. 3 тетр. (каждая 75 к.).

DAVID. Dur und Moll. 25 Etuden, Capricen und charakterstücke zur höhern Ausbildung in der Technik und ein Vortrage op. 39 2 тетради (каждая 3 р. 45 к.).

— Etudes de concert, Choix de concertos célèbres de Viotti, Rode et Kreutzer. 12 тетр. (каждая 85 к.).

KUFFNER. 100 mélodies favorites. 4 тетр. (каждая 75 к.).

— Repos de l'étude. collection de morceaux faciles sur des motifs d'opéras favoris. 22 тетр. (каждая 40 к.).

КИНДИНГЕРЪ. Собраніе фантазій на любимыя русскія романсы и пѣсни для одной скрипки. 2 тетр. (каждая 1 р.).

— «Музыкальные вечера». 12 новыхъ фантазій на любимыя русскія пѣсни для одной скрипки. 3 тетр. (каждая 1 р.).

— 12 любимыхъ русскихъ романсовъ для одной скрипки. 2 тетр. (каждая 1 р. 30 к.).

OPÉRAS ITALIENS, FRANÇAIS et ALLEMANDS pour violon seul. 38 тетр. (каждая 1 р. 15 к.).

С. ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЕЧЕРА. Собраніе новѣйшихъ и любимѣйшихъ танцевъ для одной скрипки. 8 тетр. (каждая 75 к.).

СТО МАЛОРОССІЙСКИХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, для одной скрипки переложенныхъ А. Киндингеромъ. Часть 1-я (2 р.).

WICHTT. Morceaux faciles et instructifs ou mélodies favorites d'une difficulté progressive. 6 тетр. (каждая 75 к.).

ШКОЛЫ И ЭТЮДЫ ДЛЯ СКРИПКИ.

БЕРІО. Новѣйшая школа для скрипки. Часть 1-я. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (4 р.). Часть 2-я и 3-я на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Часть 2-я (6 р. 85 к.). Часть 3-я (5 р. 15 к.).

МАЗАСЪ. Лучшій скрипичный учитель или школа игры на скрипкѣ. Съ многими упражненіями и пьесами для одной и двухъ скрипокъ. На русскомъ и французскомъ языкахъ. Новое просмотрѣнное и дополненное изданіе (3 р.).

РОДЕ, БАЛЬО и КРЕЙЦЕРЪ. Скрипичный самоучитель или полная теоретическая и практическая школа для скрипки. Новое изданіе просмотрѣнное и дополненное А. Киндингеромъ, съ прибавленіемъ 12 любимыхъ русскихъ романсовъ для одной или двухъ скрипокъ и изображеніе скрипичнаго грифа для облегченія при самоученіи (3 р.).

ALARD. Etudes mélodiques. op. 10. 2 тетр. (каждая 1 р. 45 к.).

— 10 études brillantes. op. 16 (2 р. 85 к.). Etudes artistiques (2 р. 30 к.).

KAYSER. 36 études élémentaires et progressives composées exclusivement pour ceux qui veulent se préparer pour les célèbres études de Kreutzer (3 р. 45 к.). Etudes journalières (2 р. 30 к.).

KREUTZER. 40 études ou caprices célèbres revues par Ferd. David (3 р. 45 к.).

КИНДИНГЕРЪ. 24 гаммы во всѣхъ тонахъ для скрипки съ обозначеніемъ аппикатуры. Необходимое прибавленіе ко всѣмъ школамъ для скрипки. (60 к.).

LEONARD. La gymnastique du violon ou résumé des éléments les plus utiles à travailler journellement et offrant de nouvelles ressources pour le doigter des gammes. 2 тетр. (каждая 3 р. 45 к.).

RODE. 24 caprices célèbres en forme d'études dans les 24 tous de la gamme. Nouvelle édition (3 р. 45 к.).

Выписывающіе потъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять рублей серебромъ, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го сентября 9-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXIV), содержащая въ себѣ новѣйшія пьесы: *Энарда, Герцберга, Фохта, Голлинелли, Круа*, и др. 2 новые танца, 2 русскіе романса и Литературное Прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты (годовая цѣна подписки 10 руб., съ пересылкою 11 р. 50 к.). Желающіе подписаться на «Нувеллистъ» на 1863 г. получаютъ сполна всѣ тетради этого журнала, вышедшія сначала нынѣшняго года.

Вновь получены иностранныя **РОЯЛИ и ПИАНИНО, СКРИПКИ, СМЫЧКИ, ФЛЕЙТЫ, ГАРМОНИФЛЕЙТЫ, ГИТАРЫ, МЕТРОНОМЫ, КАМЕРТОНЫ, КАНИФОЛЬ** и проч. по умѣреннымъ цѣнамъ.

ДЕЩО ЛУЧШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СТРУНЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 сентября 1863 года.

ВЪ МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ; СВ. ВЛАДИМИРА,
ДЕРПТСКАГО И ХАРЬКОВСКАГО, АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССИИ И
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

*въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной
Библіотеки, въ домъ Демидова.*

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

ИСТОРИЯ РОССИИ. Т. 13 й, соч. Соловьева. М. 1863. Ц. 2 р. пересыл. за 2 фунта.

ИСТОРИЯ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНИЯ и войны 1830 и 31 годовъ. Ф. Смиа. Перевод. съ нѣмец. Квитницкимъ. Т. I. Спб. 1863. Ц. за 2 тома 4 р., перес. за 6 фун.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ российской имперіи, изданныя, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, центральнымъ статистическимъ комитетомъ. Вып. II. Наличное населеніе имперіи за 1858 годъ съ картою населенія Европейской Россіи. Спб. 1853. Ц. 2 р. перес. за 3 фун.

СПИСКИ НАСЕЛЕННЫХЪ МѢСТЪ российской имперіи, составленные и издаваемые центральнымъ статистическимъ комитетомъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по свѣдѣніямъ 1859 года:

МОСКОВСКАЯ ГУБЕРНІЯ, съ картою. Спб. 1862. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 фун.

РЯЗАНСКАЯ ГУБЕРНІЯ, съ картою. Спб. 1862. Ц. 1 р. 20 к., перес. за 2 фун.

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКАЯ ГУБЕРНІЯ съ Таганрогскимъ градоначальствомъ, съ картою. Спб. 1863. Ц. 1 р. 20 к., перес. за 2 фун.

КАЛУЖСКАЯ ГУБЕРНІЯ, съ картою. Спб. 1863. Ц. 1 р. 75 к., перес. за 2 фун.

СБОРНИКЪ СОЧИНЕНІЙ ОФИЦЕРОВЪ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Спб. 1862—63. Книга 1-я: 1) Блокада Карса въ 1855 году, Черкесова и 2) Современное состояніе науки объ атакѣ и оборонѣ крѣпостей Любецкаго. Книга 2-я: 1) Статистическое изслѣдованіе смертности въ нашей арміи, Ильиневича. 2) Опытъ изученія войскъ Богдана Хмельницкаго, Каховскаго. 3) Описаніе похода русскихъ войскъ въ Польшу въ 1831 году, Мансурова. 4) О судахъ чести въ Пруссіи и возможно ли что нибудь подобное у насъ? Фалецкаго. Ц. каждой части по 1 р., перес. за 2 фун.

КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. О. Г. Тернера. Спб. 1863. Ц. 1 р., перес. за 1 фун.

- МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ** художествъ въ Россіи. Книга 1-я. Николая Рамазанова. М. 1863. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 фун.
- О БЫЛИНАХЪ ВЛАДИМІРОВА ЦИКЛА.** Изслѣдованіе Л. Майкова, на степень магистра русской словесности. Спб. 1863. Ц. 60 к., перес. за 1 фун.
- КУРСЪ ЭЛЕМЕНТАРНОЙ ОБЩЕЙ ХИМІИ.** Кагура. Изд. 2-е. Ч. 1. Химія неорганическая. Спб. 1863. Ц. 2 р., перес. за 4 фун. Органическая химія или химія углеродныхъ соединений. Профессора Кекуле, 1-й вып. перевод. съ нѣмец. М. 1863. Ц. 50 к., перес. за 1 фун.
- ИСТОРІЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ ВАШИНГТОНА.** Соч. Гизо. Перевод. съ француз. Спб. 1863. Ц. 75 к., перес. за 1 фун.
- РУКОВОДСТВО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ**, для младшаго возраста. Сос. Д. Иловайскій. Вып. 1-й. Древній міръ и средніе вѣка. М. 1863. Ц. 50 к., перес. за 1 фун.
- ДЛѢ ЧТЕНІЯ И РАЗСКАЗА.** Христоматія для употребленія при первомъ преподаваніи русскаго языка. Сос. Басистовъ. Изд. 3-е. М. 1863. Ц. 75 к., перес. за 3 фун.
- РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ.** Сост. А. Филоновъ. Т. 2-й (лирическая поэзія). Спб. 1863. Ц. 1 р., перес. за 3 фун.
- УЧЕБНИКЪ УГОЛОВНАГО ПРАВА.** Сос. В. Спасовичъ. Т. 1-й, вып. 2-й и послѣдній. Спб. 1863. Ц. 1 р. 30 к., перес. за 3 фун.
- ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКІЙ ФРАНЦУЗСКО-НѢМЕЦКО-АНГЛІЙСКО-РУССКІЙ СЛОВАРЬ**, содержащій всѣ техническія выраженія, относящіяся до военнаго искусства вообще и до спеціальныхъ его частей въ особенности. Сос. Андрей Энгель. Вып. 1-й. Спб. 1863. Ц. 60 к., перес. за 1 фун.
- ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО** къ выдѣлкѣ желѣза и стали посредствомъ puddlingованія. Соч. гг. Ансіо и Мазіонъ. Пер. Ковригина. Спб. 1863. Ц. 3 р., перес. за 2 фун.
- НАРОДНЫЯ РУССКІЯ СКАЗКИ.** А. Афанасьева. Вып. 1-й и 2-й. Изд. 3-е. М. 1863. Ц. 1 р., перес. за 2 фун.
- РАЗСКАЗЫ Н. В. УСПЕНСКАГО.** Спб. 1861. Ц. 75 к., перес. за 2 фун.
- ГРОЗА.** Драма въ пяти дѣйст. А. Островскаго. Спб. 1860. Ц. 30 к., перес. за 1 фун.
- ВОСПИТАНИЦА.** Комед. А. Островскаго. Спб. 1860. Ц. 30 к., перес. за 1 фун.
- ГОРЬКАЯ СУДЬБИНА.** Драма въ четырехъ дѣйст. А. Писемскаго. Спб. 1860. Ц. 30 к., перес. за 1 фун.
- ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА.** Составлен. подъ редакціею А. Милюкова. Т. II. К. 2-я. Исторія итальянской литературы. Спб. 1863. Ц. 1 р., перес. за 2 фун.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10 октября 1863 года.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

КОММИССІОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ,

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала
Николаевскаго дворца, въ домѣ Лихачева, № 58.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

СТО ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ СВЯЩЕННЫХЪ ИСТОРИЙ, выбранныхъ изъ Вѣтхаго и Новаго заветъ въ пользу юношества, съ присо-
вокупленіемъ благочестивыхъ размышленій. 2 ч. съ картинка-
ми. М. 1863. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА отъ времени Вѣнскаго конгрес-
са. Гервинуса. Т. 2. Спб. 1863. Ц. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 50 к.

**ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКІЙ ФРАНЦУЗСКО-НѢМЕЦКО-АНГЛІЙСКО-
РУССКІЙ СЛОВАРЬ**. Содержащій всѣ техническія выраженія,
относящіяся до военнаго имущества вообще и до спеціальныхъ
его частей въ особенности. Состав. съ высочайшаго соизволе-
нія А. Энгель. В. 1-й. Спб. 1863. Ц. 60 к., съ пер. 90 к.

ИСТОРИЯ РОССІИ. Соч. Сергѣя Соловьева. Т. XIII. М. 1863. Ц. 2 р.,
съ пер. 2 р. 60 к.

ПРИРОДА И ЧЕЛОВѢКЪ на крайнемъ сѣверѣ. Соч. Гартвига. Пер.
съ нѣмец. С. Усовъ. М. 1863. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.

РУССКАЯ ХРИСТОМАТІЯ съ примѣчаніями. Состав. А. Филоновъ.
Т. 2-й. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 90 к.

УЧЕБНИКЪ НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА по методу Оллендорфа съ Ключемъ. Состав. Шинбыльскій. Спб. 1863. Ц. 1 р. 50 к., съ пер.
2 р.

АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ на 1863—1864 годъ. Ц. въ переплетѣ 5 р.
50 к., съ пер. 6 р. 50 к.

О БЫЛИНАХЪ ВЛАДИМИРОВА ЦИКЛА. Изслѣдованіе Л. Майкова.
Спб. 1863. Ц. 60 к., съ пер. 90 к.

РАЗМЫШЛЕНІЕ О ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОМЪ ПРАВЛЕНІИ. Джона
Милля. В. 1-й Спб. 1863. Ц. 60 к., съ пер. 90 к.

НАРОДНЫЯ РУССКІЯ СКАЗКИ. А. Афанасьева. В. VII. М. 1863 Ц.
1 р., съ пер. 1 р. 30 к.

РУКОВОДСТВО КО ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ. Состав. Д. Иловайскій.
М. 1863. Ц. 50 к., съ пер. 80 к.

КАРМАННЫЙ ПЛАНЪ С. ПЕТЕРБУРГА И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ.
Состав. В. Ивашкинъ. Спб. 1863. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р.
80 к.

ГРАФЪ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧЪ ОСТЕРМАНЪ. 1636—1746. Біогра-
фическій очеркъ. С. Шубинскаго. Спб. 1863. Ц. 50 к., съ пер.
80 к.

Т. ХСVIII. Отд. II.

14½

- РУКОВОДСТВО** къ медицинской діагностикѣ профессора Бока. 2 т. съ рисунками. Спб. 1863. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.
- ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ**, состав. И. Шульгинымъ. Съ атласомъ. Спб. 1863. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
- ПОПУЛЯРНОЕ РУКОВОДСТВО** къ фотографіи на коллодіонѣ, содержащее въ себѣ способы полученія негативовъ и позитивовъ на мокромъ и сухомъ коллодіонѣ, стереоскопическихъ изображеній, позитивныхъ рисунковъ на бумагѣ и т. п. Соч. Минкова. Съ политинажами. Пер. Съ франц. А. Фривесъ. Спб. 1863. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.
- РУКОВОДСТВО** къ устройству фермъ и веденію на нихъ хозяйства. Состав. Е. Авдѣева. Спб. 1863. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.
- ЗАПИСКИ ПАЛАЧА** или политическія и историческія тайны Франціи, собранныя Сансономъ. 3 выпуска. Спб. 1863. Ц. каждому выпуску 75 к., съ пер. 1 р.
- ДИССОНАНСЫ**. Стихотворенія Б. Адамантова. М. 1863. Ц. 50 к., съ пер. 80 к.
- ПОДВОДНЫЙ КАМЕНЬ**. Романъ М. Авдѣева. Спб. 1863. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.
- ГЕНРИХЪ ГЕЙНЕ** въ переводѣ Н. Грекова. М. 1863. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.
- БѢДНЫЕ ДВОРЯНЕ**. Романъ А. Потѣхина. Спб. 1863. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.
- ГЕОГРАФИЧЕСКІЕ И СТАТИСТИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО**. Съ картою. Спб. 1863. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.
- ЛЮБОПЫТНѢЙШІЕ ПРОЦЕССЫ ИЗЪ УГОЛОВНЫХЪ ДѢЛЪ ФРАНЦІИ И АНГЛІИ**. Спб. 1862. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 75 к.
- ПОРТРЕТЪ** высокопреосвященнѣйшаго Платона архіепископа рижскаго и митавскаго. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 50 к.
- ПРАКТИЧЕСКОЕ РУКОВОДСТВО** къ выдѣлкѣ желѣза и стали посредствомъ puddlingованія. Соч. Ансіо и Мавіона. Пер. В. Ковригинъ. Спб. 1863. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 75 к.
- Гг. многогородные благоволятъ адресоваться на имя Алексѣя Ивановича Давыдова, въ Спб.

- XVIII. — ПОЛИТИКА. (Отчего такъ мало говорить о событіяхъ въ Англіи? — Диктатура Пальмерстона. — Незначительность послѣдней парламентской сессіи. — Предполагаемыя реформы въ Швеціи и отношеніе къ этимъ реформамъ различныхъ сословій. — Борьба партій въ Бельгіи. — Борьба различныхъ партій между собою и съ правительствомъ въ Испаніи. — Столкновеніе между правительствомъ и народнымъ представительствомъ въ дунайскихъ княжествахъ). 104
- XIX. — НАША ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. (Обращеніе къ читателю. — Нѣкоторыя почти непреодолимыя затрудненія, встрѣчаемыя фельетонистомъ. — О краснорѣчіи, какъ о силѣ врожденной и независимой. — Нѣчто о необходимости быть предусмотрительнымъ. — Литературный походъ противъ современнаго молодого поколѣнія. — Какъ приходитъ старость. — Одно слово хроникеру «Отечественныхъ Записокъ»). 127
- XX. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. (1) О стотысячной кражѣ на николаевской желѣзной дорогѣ; 2) Объ убогой вдовѣ, претерпѣвшей убытку на 300 руб., сер., по случаю сдѣланнаго ей притѣсненія становымъ приста-
вомъ; 3) Объ убогомъ больномъ, обижennomъ злонамѣ-
ренностью медиковъ; 4) О спорѣ г. Каткова съ г. Вороновымъ о классическомъ образованіи и 5) О спорѣ г. Каткова съ г. Костомаровымъ о малороссійскомъ наръ-
чій). 149
- XXI. — ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ «СОВРЕМЕННОИКА». 199

ПРИЛОЖЕНІЕ:

ОГЛИНТОНСКИЙ МАЛЫЙ ДОМЪ. Романъ АНТ. ТРОЛЛОПА. (Переводъ съ англійскаго). Продолженіе. Стран. (289—320).

Объявленія: 1) объ изданіи «Современника», въ 1864 году, 2) объ изданіи въ 1864 году «Собранія иностранныхъ романовъ, повѣстей и разсказовъ» въ переводѣ на русскій языкъ, 3) объ изданіи съ 1-го января 1864 г. журнала «Дѣло и Оудыхъ», 4) отъ музыкальнаго магазина М. Бернарда, 5) отъ книжнаго магазина Д. Е. Кожанчикова, 6) отъ книжнаго магазина А. И. Давыдова.

СОВРЕМЕННОЕ будетъ выходить въ 1864 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ,

въ С. Петербургѣ безъ доставки:	съ пересылкою или доставкою:
15 руб. серебромъ.	16 руб. 50 коп. серебромъ.

Гг. иногородные благоволятъ адресовать свои требованія такъ: въ *Петербургскую контору Современника*. (Адресъ конторы всегда извѣстенъ почтамту). Можно также адресовать требованія и письма, надписывая: въ С.-Петербургъ, *Управляющему конторою Редакціи*. Письма, деньги и посылки, такимъ образомъ адресованныя, будутъ тотчасъ по полученіи попадать въ руки редакціи, и въ удовлетвореніи требованій подписчиковъ не произойдетъ промедленій.

ВЪ РЕДАКЦІИ СОВРЕМЕННОГО ПРОДАЮТСЯ ОСТАЛЬНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ:
СТИХОТВОРЕНІЙ

Н. ПЕКРАСОВА.

Со втораго изданія, содержащаго въ себѣ 500 стр., въ 12 долю, съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями. Цѣна въ Петербургѣ и Москвѣ за книгу въ красивомъ переплетѣ 1 руб. 50 коп., съ пересылкою въ другіе города 2 руб. Непереплетенные экземпляры всѣ уже распроданы.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВО ВСѢХЪ ГЛАВНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

Исторія Всеобщей Литературы XVIII вѣка. Г. Геттиера.
Т. I. Англійская литература. Переводъ А. Пыпина. Изданіе
Н. Тиблена. Спб. 1863.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕССЪ

ДЛЯ РАЗВІТІЯ СОЦІАЛЬНЫХЪ НАУКЪ, ВЪ ГЕНТѢ.

Весьма любопытное зрѣлище представляетъ собраніе людей, по большей части пожилыхъ, почтенныхъ, пользующихся репутаціей высшаго образованія и учености—и собирающихся вмѣстѣ для того, чтобы махать по воздуху руками безъ всякой цѣли и пользы. Что заставляетъ этихъ людей поступать такимъ образомъ, это вопросъ, который довольно трудно разрѣшить. Сами ли они такъ наивны и простодушны, что серьезно считаютъ это дѣломъ полезнымъ для человѣчества, или это дѣлается такъ просто, въ видѣ искусства для искусства — Богъ ихъ знаетъ. Только фактъ остается тотъ, что это бесполезное препровожденіе времени производится доселѣ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ по всей Европѣ, во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности; остается также и тотъ фактъ, что простодушная масса останавливается съ благоговѣніемъ передъ этими усердными господами, удивляется ихъ неутомимой и подчасъ даже трудной работѣ, и расходится съ глубокимъ убѣжденіемъ въ ихъ добродѣтели.

Подобное зрѣлище представило намъ, между прочимъ, недавно второе собраніе международного конгресса для развитія соціальныхъ наукъ. Дѣло въ томъ, что въ прошломъ году довольно значительное число бельгійскихъ, французскихъ, англійскихъ, голландскихъ и дру-

гихъ ученыхъ, адвокатовъ и публицистовъ составили общество, которое имѣло цѣлью помогать человѣчеству подвигаться впередъ по пути къ развитію; всѣ члены этого общества должны были собираться ежегодно вмѣстѣ для обсужденія вопросовъ, касающихся социальнаго устройства общества; въ промежутокъ между общими засѣданіями этими, особенный, постоянный комитетъ долженъ былъ преслѣдовать цѣль, предначертанную для себя обществомъ. Первое общее собраніе этого конгресса происходило въ прошломъ году въ Брюссель, второе въ сентябрѣ нынѣшняго года въ Гентѣ. Читая отчетъ о засѣданіяхъ этого конгресса, продолжавшихся почти ежедневно въ теченіи цѣлой недѣли (съ 14 до 18 сентября), не знаешь, чему болѣе удивляться: странности ли большей части изъ обсуждаемыхъ вопросовъ, избитости ли вещей, которыя говорились людьми, носившими часто довольно громкія имена, наивности ли и усердію, съ которыми всѣ члены конгресса отхлопывали себѣ ладони, нещадно аплодируя другъ другу. Иногда вопросы, обсуждавшіеся на конгрессѣ, замѣчательны своей полнотой, иногда же поднимаемые вопросы сами по себѣ очень симпатичны, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ просты, что не нуждаются ни въ какихъ разсужденіяхъ и преніяхъ; а между тѣмъ, ученые члены конгресса толкуютъ о нихъ по цѣлымъ часамъ, произносятъ рѣчи, вызываютъ рукоплесканія и противорѣчія, спорятъ, рисуются, кричатъ — для того, на примѣръ, чтобы доказать, что общество не имѣетъ права убивать своихъ членовъ или, что для фабричнаго работника лучше жить въ здоровомъ и удобномъ помѣщеніи, нежели въ смрадной и тѣсной конурѣ. И только въ самыхъ рѣдкихъ, почти одиночныхъ случаяхъ, намъ удастся услышать отъ членовъ конгресса дѣйствительно живое и новое слово.

Какіе же вопросы преимущественно обсуждались въ этомъ собраніи европейскихъ ученыхъ, а также отчасти и политическихъ знаменитостей? Конечно мы упомянемъ только о самыхъ интересныхъ и курьезныхъ изъ многочисленныхъ разсматривавшихся вопросовъ, равно какъ о самыхъ интересныхъ и курьезныхъ изъ многочисленныхъ высказанныхъ по поводу этихъ вопросовъ рѣчей.

Прежде всего посмотримъ, какъ сами члены конгресса понимаютъ свое значеніе, свои обязанности, цѣль своихъ собраній. Эту *profession de foi* мы находимъ во вступительныхъ и въ заключительныхъ рѣчахъ президента и вице-президента конгресса, гг. Вервоорта и Керкове-Делимона.

«Наше общество, говорилъ первый изъ нихъ при началѣ засѣданій, посвятило себя служенію цивилизаціи, и увлеченное возвышенностью цѣли, оно съ рѣшимостью подвигается впередъ, не забо-

тась о трудностяхъ пути. Назначеніе конгресса—поднимать вопросы, имѣющіе соціальный интересъ, подвергать мысль обсужденію, производить изысканія съ тѣмъ, чтобы освѣщать разсужденія свѣтомъ фактовъ, давать полезнымъ принципамъ осязательную форму, бороться съ предразсудками и съ утопіей, и приближаться къ истинѣ путемъ наблюденія и опыта. Мы приглашаемъ народы войти въ соприкосновеніе посредствомъ своихъ государственныхъ людей, своихъ ученыхъ, юристовъ, писателей, художниковъ, мыслителей; мы приглашаемъ ихъ приступить черезъ этихъ достойныхъ и могущественныхъ посредниковъ ко взаимному обмѣну идей, и плоды подобнаго обмѣна не замедлятъ обнаружиться». Г. Керкове-Делмонъ тоже придаетъ громадное значеніе трудамъ конгресса. «Благодаря конгрессу, говоритъ онъ, истина уже не остается заключенной въ кабинетѣ ученаго или въ стѣнахъ академіи. Она выведена на свѣтъ Божій, она обсуждается публично. Она проявляется на всѣхъ пунктахъ, она пріобрѣтаетъ силу общественнаго мнѣнія и вліяетъ такимъ образомъ на тѣхъ, которые призваны издавать законы. Да, благодаря такимъ конгрессамъ, какъ тотъ, который теперь собрался, народамъ дана возможность создавать нѣкоторымъ образомъ самимъ свои законы. Такимъ образомъ ваши засѣданія составятъ счастливую страницу въ исторіи прогресса человѣчества». Послѣ окончанія засѣданій гг. президенты, находившіеся еще подъ вліяніемъ выслушанныхъ ими ораторскихъ упражненій, говорятъ съ необыкновенною скромностью фразы въ родѣ слѣдующихъ: «общество оказало великую услугу человѣчеству, наукѣ и свободѣ. Оно пріобрѣло новыя права на благодарность правительствъ и народовъ. Свидѣтельствомъ тому служатъ теплое сочувствіе, съ которымъ встрѣчаемы были ваши добросовѣстные труды» и т. д.

Какъ видитъ читатель, гг. президенты и члены общества въ спичахъ своихъ не скупаются на похвалы себѣ, своимъ пріятелямъ и товарищамъ. Послушать ихъ, такъ они уже и теперь облагодѣтельствовали человѣчество, а въ будущемъ осыплютъ его такими благодѣяніями, что и высказать нельзя.

Прежде всего передъ нами является съ плодами своей дѣятельности постоянный комитетъ общества. Передъ началомъ засѣданій секретарь общества прочелъ отчетъ о годичной дѣятельности комитета. Изъ этого отчета мы узнаемъ, что комитетъ занимался: 1) выборомъ города для будущихъ засѣданій своихъ (т. е. для засѣданій 1863 года), и что послѣ многихъ колебаній онъ остановился на Гентѣ, гдѣ и происходило послѣднее засѣданіе; 2) онъ назначилъ конкурсъ по слѣдующимъ вопросамъ: для сочиненія о безусловной свободѣ искусства, для лучшаго устава общества покровительства животнымъ,

и для лучшихъ уставовъ обществъ акклиматизаціи и трезвости; 3) онъ занимался вопросомъ о перемѣнахъ въ уставѣ самого общества, но ни къ какимъ результатамъ не пришелъ. Мы слушаемъ дальше, что еще сообщить намъ секретарь о дѣятельности комитета, но напрасно: секретарь замолчалъ, закончивъ свой отчетъ, какъ слѣдуетъ, нѣсколькими громкими и красивыми фразами. Значитъ тутъ вся годичная дѣятельность комитета. Ну, этого покажется немного.

Конгрессъ для удобства занятій раздѣлился на пять отдѣленій, изъ которыхъ каждое имѣло предметомъ для своихъ занятій особую область политическихъ и социальныхъ наукъ. Первое отдѣленіе занималось разсматриваніемъ вопросовъ юридическихъ, второе—вопросовъ, касающихся народнаго образованія, третье — вопросовъ изъ области литературы и искусствъ, четвертое — вопросовъ, относящихся къ общественной благотворительности и къ народному здоровью, пятое—вопросовъ политико-и социально-экономическихъ. Каждое изъ этихъ пяти отдѣленій самостоятельно занималось разсматриваніемъ вопросовъ, подлежащихъ его вѣдѣнію; вмѣстѣ они собирались только для открытія, для закрытія засѣданій конгресса и для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ, считавшихся особенно интересными. Само собою разумѣется, что мы не станемъ приводить здѣсь толковъ о всѣхъ вопросахъ, разсматривавшихся въ каждомъ изъ пяти отдѣленій, а остановимся только на тѣхъ, которые лучше всего характеризуютъ дѣятельность и направленіе конгресса.

Члены *перваго отдѣленія* занимались не малое время разсмотрѣніемъ вопроса о смертной казни. Представители европейской цивилизаціи посвятили нѣсколько дней разсмотрѣнію этого вопроса, и пытались дойти до разрѣшенія вопроса, слѣдуетъ ли преступника казнить смертию, или нѣтъ? Мы не удивляемся тому, что пашелся какой-то антверпенскій адвокатъ Геельхандъ, который доказывалъ, что смертную казнь необходимо удержать въ уложеніяхъ о наказаніяхъ: онъ находилъ въ ней нѣкоторыя неудобства, но признавалъ ее законной и необходимой, потому что, по его мнѣнію, отмѣна ея повела бы къ отмѣнѣ всякаго наказанія; смертная казнь, по словамъ его, является защитой общества и индивидуума, вопреки всему, что можетъ говорить Викторъ Гюго, который въ вопросѣ о смертной казни очень краснорѣчивъ, но мало убѣждаетъ. Подобныя рѣчи, говоримъ мы, не удивляютъ насъ: мало ли на свѣтѣ эксцентриковъ и оригиналовъ; отчего же этимъ оригиналамъ не видѣть спасенія чело-вѣчества въ гильотинѣ, и мы, по правдѣ сказать, не можемъ понять, почему слушатели г. Геельханда обнаруживали при слушаніи его рѣчи явные признаки нетерпѣнія и негодованія. Что за

странная нетерпимость такая! Но вотъ что по истинѣ удивительно, такъ это то обстоятельство, что большинство ораторовъ, и въ томъ числѣ такіе люди, какъ Гарнье-Паже, Пеллтанъ, Паскаль-Дюпра, говорили очень серьезно противъ смертной казни и увѣряли своихъ слушателей, что отдѣльный индивидуумъ или цѣлое общество людей не имѣютъ права лишать жизни человѣка, и все это говорилось съ такимъ серьезнымъ видомъ и съ такимъ анлоббомъ, какъ будто высказываются какія-то совершенно новыя, никѣмъ неслыханныя вещи. Наконецъ мы узнаемъ, что вѣроятно одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ, названный въ газетахъ Dmitri Olemine закончилъ преніе объ этомъ предметѣ, высказавъ свое мнѣніе, что нѣтъ преступниковъ, а есть только больные.

Не мало времени первое отдѣленіе конгресса употребило также на разсужденія о томъ, нужно ли, или не нужно подвергать тюремному заключенію лица, падъ которыми производится судъ. Юристы много спорили объ этомъ предметѣ: одни говорили, что предварительное тюремное заключеніе необходимо, и желали сохраненія по этому вопросу statusquo, другіе утверждали противное и выражали желаніе, чтобы его вовсе не было; третьи хотѣли отмѣнить его для людей судимыхъ за проступки, и оставить для тѣхъ, кто судится за уголовное преступленіе; четвертые хотѣли, чтобы оно сохранено было во всѣхъ случаяхъ, но чтобы въ случаѣ оправданія подсудимаго ему выдано было изъ общественныхъ суммъ извѣстное вознагражденіе; разсуждали также о томъ, должно ли тюремное заключеніе на время производства суда быть заключеніемъ келейнымъ, или нѣтъ, должно ли допускать освобожденіе подъ залогъ или нѣтъ, и еще многое толковали объ этомъ вопросѣ: кончилось же дѣло тѣмъ, что юридическое отдѣленіе конгресса не могло придти ни къ какимъ результатамъ по этому вопросу, и рѣшило продолжать разсужденія по этому предмету въ будущемъ году. Разсуждали еще о нѣкоторыхъ другихъ юридическихъ вопросахъ и по большей части съ такимъ же результатомъ. Это не помѣшало однако же предсѣдателю перваго отдѣленія сказать въ послѣднемъ засѣданіи, при перечисленіи предметовъ занятій отдѣленія, что ораторы, говорившіе о различныхъ вопросахъ, освѣтили каждый изъ этихъ вопросовъ новымъ свѣтомъ и приготовили, можетъ быть въ близкомъ будущемъ, окончательное разрѣшеніе ихъ.

Но въ отчетѣ о занятіяхъ перваго отдѣленія конгресса мы находимъ нѣсколько рѣчей, которыя дѣйствительно заслуживаютъ вниманія, и которыя не похожи напр. на рѣчи объ уничтоженіи смертной казни. Въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ на обсужденіе

отдѣленія, находился вопросъ о правахъ нейтральныхъ во время воденія войны. Это подало поводъ нѣкоторымъ ораторамъ произнести довольно дѣльные рѣчи и высказать нѣсколько свѣжихъ, новыхъ идей. Правда, всѣ эти хорошія рѣчи ни къ чему не повели и не поведутъ, а по всей вѣроятности останутся и въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, голосомъ вопіющаго въ пустынь; но это обстоятельство не мѣшаетъ однако же намъ сказать, что среди приторныхъ и смѣшныхъ ораторскихъ упражненій перваго отдѣленія, раздалось живое слово, высказалась новая идея, тѣмъ болѣе, что это почти единственный случай во все время засѣданій конгресса и пяти его отдѣленій. Извѣстный французскій историкъ, Анри-Мартенъ, сказалъ нѣсколько энергическихъ словъ противъ того чудовищнаго закона или обычая, въ силу котораго въ случаѣ войны частная собственность на морѣ можетъ быть уничтожаема и расхищаема: этотъ обычай, замѣтилъ онъ, цѣликомъ возвращаетъ насъ въ средніе вѣка, во времена разбойничества и воровства.

Послѣ того какъ еще нѣсколько человекъ говорили о безнравственности блокады, и изъявляли желаніе, чтобы право войны на сушѣ и на морѣ распространялось только на вооруженныхъ людей. Французскій экономистъ Вильоме произнесъ рѣчь, за которую большинство умныхъ и практическихъ людей конечно назовутъ его утопистомъ и фантазеромъ, но которая на дѣлѣ гораздо умнѣе всѣхъ умныхъ рѣчей ораторовъ конгресса. Г. Вильоме напомнилъ своимъ слушателямъ, что даже блаженный Августинъ допускалъ право вести войны только въ двухъ случаяхъ: въ случаѣ обороны своего отечества и въ случаѣ необходимости оказать помощь угнетенному (т. е. въ тѣхъ двухъ случаяхъ, когда отдѣльный индивидуумъ имѣетъ право безнаказанно убить человека). «Но теперь, говоритъ Вильоме, нельзя допустить и этихъ двухъ случаевъ; нынѣ всякая война несовременна. Народамъ слѣдуетъ учредить амфиктіоновое судилище; это было бы очень просто и повело бы къ уничтоженію большихъ, постоянныхъ армій и укрѣпленныхъ мѣстъ, слѣдовательно и къ сбереженію финансовъ и людей. Пусть каждое государство пошлетъ по одному представителю на каждые четыре милліона жителей, а маленькія государства каждое по одному представителю. Государство, которое возстало бы противъ постановленія амфиктіонова судилища, было бы бунтовщикомъ: если бы это было маленькое государство, было бы не трудно заставить его повиноваться; если бы это было большое государство, и даже самая Франція, то оно должно было бы уступить при единодушіи прочихъ». Послѣ Вильоме, парижскій же экономистъ, г. Кламажеранъ, произнесъ нѣсколько дѣльных словъ относительно вопроса

о томъ, кого можно признавать воюющею стороною. «Прежде чѣмъ приступить къ разрѣшенію вопроса, каковы права воюющихъ сторонъ, нужно разрѣшить вопросъ кого должно считать воюющею стороною. Когда дѣло идетъ о народѣ, давно уже устроившемся, разрѣшеніе этого вопроса не представляетъ особенныхъ затрудненій, но затрудненіе является въ томъ случаѣ, если народы начинаютъ бороться съ правительствами, уже существующими. Швейцарія, Нидерланды, а въ новыя времена Греція и Бельгія явили намъ примѣры воюющихъ сторонъ. Гдѣ же къ настоящему вопросу критеріумъ? До сихъ поръ фактъ замѣнялъ право: если возстаніе продолжалось извѣстное время, возставшіе дѣлались воюющею стороною. Но теперь пора поставить на мѣсто факта справедливость и право. Мы предложили бы для этого слѣдующіе принципы. Нужно, чтобы возстаніе вызвано было угнетеніемъ, чтобы угнетеніе это обнаружилось въ протестаціяхъ угнетеннаго, и чтобы угнетенный истощилъ все мирныя средства для выхода изъ своего положенія. Въ этихъ условіяхъ возстаніе является несправедливостью и анархіей. Факты, являющіеся на нашихъ глазахъ, представляютъ намъ то, что англичане назвали бы иллюстраціей поставленныхъ нами принциповъ. Въ Америкѣ мы видимъ извѣстное количество людей, рабовладѣльцевъ, возставшихъ противъ существующаго правительства. Ихъ признали воюющею стороною. Справедливо ли это? Нѣтъ: югъ пользовался полною свободою; мало того — ему принадлежала значительная доля власти; а онъ прибѣгнулъ къ войнѣ, не испробовавъ прежде ни одного мирнаго средства, и возсталъ для того, чтобы сохранить за собою право угнетать негра. И у него даже не оспаривали права угнетать его, а просто первое лицо въ республикѣ имѣло на этотъ предметъ другія воззрѣнія, нежели рабовладѣльцы. Вотъ люди, которыхъ Франція и Англія признали воюющей стороною. Поэтому мы имѣемъ право сказать, что если эти двѣ націи стоятъ во главѣ цивилизаціи, то правительства ихъ не всегда идутъ по этому пути. Понятна причина, побудившая Францію къ этому шагу; причина эта — недовѣріе къ свободѣ. Въ Англіи мы видѣли прекрасное явленіе: митинги рабочихъ, которые, не смотря на недостатокъ хлопка, отвернулись съ негодованіемъ отъ друзей невольничества. Это представляетъ рѣзкій контрастъ съ тѣмъ, что сдѣлало правительство въ этой странѣ».

Занятія *второго отдѣленія* конгресса, рассматривавшаго вопросы, касающіеся народнаго образованія, представляли, по иніцію корреспондента *Indépendance Belge*, особенный интересъ и заслуживаютъ особеннаго вниманія публики. Занятія эти ограничивались обсужденіемъ только двухъ вопросовъ: вопроса о той роли, которою должно

играть въ образованіи юношества обученіе древнимъ и новымъ языкамъ, и вопроса о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ государства въ дѣло народнаго образованія. Первый вопросъ былъ поставленъ въ такой формѣ: посредствомъ какого метода можно дать большее развитіе обученію новымъ языкамъ, сохранивши за изученіемъ мертвыхъ языковъ настоящее ихъ развитіе? Постановленіе вопроса въ такомъ видѣ представляло прекрасную арену для турнировъ между защитниками такъ называемаго классическаго образованія и противниками ихъ. Охотники до словесныхъ турнировъ конечно спѣшили воспользоваться этимъ, и намъ приходится прочитывать длинныя рѣчи, въ которыхъ въ сотый разъ повторялись избитыя и давнымъ давно извѣстныя вещи. Рыцари, сражавшіеся за классическое образованіе, принялись исчислять всѣ услуги, оказанныя въ древніе и средніе вѣка латинскимъ и греческимъ языками цивилизаціи, протестовали противъ того, что ихъ называютъ языками мертвыми, жаловались на то, что классическое образованіе вытѣсняется направленіемъ совершенно матеріалистическимъ — однимъ словомъ, говорили въ защиту древнихъ языковъ все то, что у насъ писалъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» г. Робертъ, а теперь снова повторяла редакція этого журнала, тоже ополчившаяся за несчастные эти языки, подвергшіеся заслуженному преслѣдованію. Читася, читаешь всю эту канитель — и не знаешь, смѣяться ли или досадовать: когда же это людямъ надоѣстъ переливать изъ пустого въ порожнее. Противники древнихъ языковъ, т. е. тѣ люди, которые хотѣли бы, чтобы у древнихъ языковъ отняли ихъ львиную долю въ образованіи въ пользу новыхъ языковъ, говорили подчасъ довольно дѣльныя вещи въ защиту своего мнѣнія: но и тутъ нельзя не пожалѣть, что было потрачено столько словъ на доказательство истинны, которую даже и доказывать не нужно, — до того она проста и несомнѣнна. Разсужденія объ этомъ предметѣ впрочемъ тѣмъ отличаются отъ другихъ разсужденій конгресса, что здѣсь люди толковавшіе о данномъ вопросѣ, пришли хоть къ какому нибудь результату: французъ Барбье предложилъ конгрессу способствовать образованію международныхъ училищъ; ученіе въ нихъ должно быть необязательное; оно должно начаться съ ранняго возраста, когда органы еще гибки и легко могутъ схватить извѣстныя выраженія, свойственныя различнымъ языкамъ. Каждое училище должно соединять въ себѣ извѣстное число дѣтей различныхъ націй; обученіе должно быть чисто практическое, и всякая грамматика строго исключена. Другой французъ, Евгеній Рандю, только что возвратившійся съ статистическаго конгресса въ Берлинѣ, объявилъ, что на этомъ конгрессѣ рѣшено было приступить къ учрежденію подобныхъ между-

народныхъ училищъ, на основаніяхъ, довольно близко подходящихъ къ предложеніямъ Барбье. Второе отдѣленіе конгресса рѣшило, что слѣдуетъ содѣйствовать основанію и распространенію подобныхъ училищъ, имѣющихъ цѣлью расширить у учащейся молодежи знаніе новыхъ законовъ.

Послѣ того отдѣленіе приступило къ разсмотрѣнію другаго вопроса, который былъ сформулированъ слѣдующимъ образомъ: слѣдуетъ ли допустить вмѣшательство государства въ народное образованіе или нѣтъ? Всякій здравомыслящій человѣкъ, не вообразившій себѣ, что онъ призванъ благодѣтельствовать человѣчество, разрѣшилъ бы этотъ вопросъ очень просто: такъ какъ, сказалъ бы онъ, государство есть совокупность всѣхъ лицъ и учрежденій, имѣющихъ участіе въ управленіи общественными дѣлами; такъ какъ оно, при таковомъ своемъ характерѣ, обязано заниматься всѣмъ, касающимся общихъ интересовъ; такъ какъ имѣя въ своихъ рукахъ государственную казну, оно имѣетъ и средства успѣшно заниматься этими интересами, — то нѣтъ ничего естественнѣе того, чтобы оно способствовало распространенію образованія, доставляя отдѣльнымъ членамъ общества возможность и средства учиться, которыя недоступны для отдѣльнаго индивидуума; будетъ ли въ настоящемъ случаѣ дѣйствовать центральная власть въ государствѣ или мѣстныя власти—это совершенно все равно, отъ этого вопросъ не измѣнится: все дѣло въ томъ, что государство (т. е. цѣлое общество, занимающееся своими общественными дѣлами) должно помогать въ дѣлѣ образованія отдѣльнымъ индивидуумамъ. Вотъ что сказалъ бы объ этомъ предметѣ человѣкъ съ здравымъ взглядомъ на вещи. Но члены гентскаго конгресса думали иначе: они прежде всего были ораторы; имъ казалось страннымъ отнестись къ предмету просто и безъ ужимокъ; имъ нужно слѣвать видъ, будто они рѣшаютъ Богъ вѣсть какое головоломное дѣло и будто этимъ рѣшеніемъ они благодѣтельствуютъ человѣчество. Поэтому этотъ вопросъ обращаетъ на себя особенное, почти исключительное вниманіе членовъ втораго отдѣленія гентскаго конгресса; оно посвятило ему цѣлыхъ четыре засѣданія (съ 16 до 19 сентября), и каждый день въ продолженіи многихъ часовъ происходили толки объ этомъ предметѣ; въ теченіи этого времени нѣсколько разъ дѣлаемы были предложенія перейти къ обсужденію другихъ вопросовъ, и каждый разъ предложенія эти были отвергаемы и члены отдѣленія съ ожесточеніемъ возвращались все къ тому же вопросу, горячились, ораторствовали, хлопали въ ладоши. Одинъ изъ членовъ объявилъ съ пафосомъ, что это вопросъ первостепенной важности, вѣчный вопросъ прошед-

шаго и будущаго, реакціи и прогресса, ультрамонтанства и либерализма.

Все ораторы, говорившіе объ этомъ вопросѣ, раздѣлились на защитниковъ и противниковъ государственнаго вмѣшательства. Изъ числа первыхъ болѣе всего замѣчательнъ г. Паскаль-Дюпра, который сказалъ довольно дѣльную рѣчь, въ которой доказывалъ необходимость участія государства въ дѣлѣ образованія. Онъ замѣтилъ, что если бы мы жили въ такое время, гдѣ социальное устройство достигло возможнаго совершенства, гдѣ можно бы удовлетворить всѣмъ потребностямъ общества посредствомъ индивидуальныхъ усилій, то онъ первый сказалъ бы: въ дѣлѣ народнаго образованія нѣтъ мѣста государству; но такъ какъ мы живемъ не при такихъ условіяхъ, то онъ считаетъ участіе государства необходимымъ. Онъ полагаетъ, что государство можетъ и должно вмѣшаться въ дѣло образованія троякимъ образомъ: во первыхъ, посредствомъ субсидій, такъ какъ общины не всегда бываютъ довольно богаты; по его мнѣнію, это было бы самымъ лучшимъ употребленіемъ народной казны; во вторыхъ, посредствомъ основанія специальныхъ заведеній, и въ третьихъ, посредствомъ законодательства, т. е. посредствомъ введенія обязательнаго обученія (г. Паскаль-Дюпра, не принимая въ соображеніе настоящаго бѣдственнаго положенія значительной части населенія, которое заставляетъ родителей посылать дѣтей на фабрику съ девяти и съ десяти-лѣтняго возраста, желаетъ, чтобы законъ обязывалъ этихъ родителей посылать своихъ дѣтей въ школу). Ораторъ громко заявляетъ, что онъ желаетъ только помощи, а не монополіи государства въ дѣлѣ образованія; въ заключеніи своей рѣчи онъ раздѣляетъ противниковъ государственнаго вмѣшательства на три категоріи: на чистыхъ экономистовъ, экономистовъ-монтаньяровъ, которые согласились бы чтобы все погибло, кромѣ ихъ экономическихъ принциповъ, на либераловъ во чтобы то ни стало, которые только и умѣютъ твердить о самостоятельности и свободѣ, и на клерикаловъ: конечно мало-мальски искусному оратору не трудно доказать неосновательность возраженій всѣхъ трехъ категорій противниковъ. Кажется, этой рѣчи было бы достаточно для разъясненія вопроса, и на этомъ можно бы и закончить разсужденіе. Но это было только началомъ, и разсужденія продолжались. Одни требовали, чтобы ни духовенство, ни государство не имѣли участія въ дѣлѣ народнаго образованія; другіе хотѣли, чтобы право это было предоставлено и тому и другому; третьи допускали участіе государства, но хотѣли исключить духовенство; четвертые, клерикалы, доказывали, что вмѣшательство государства есть страшный вредъ, что это есть стѣсненіе свободы, но что только вмѣ-

шательство церкви въ это дѣло можетъ быть полезнымъ. (Когда говорились подобныя рѣчи, клерикальныя, либералы конгресса кричали, прерывали ораторовъ, смѣялись — вообще всячески показывали, что они очень довольны собою и своимъ либерализмомъ). Изъ защитниковъ государственнаго вмѣшательства въ дѣло образованія, послѣ Паскаля-Дюпра, особенную похвалу собранія заслужилъ публичный публицистъ Жюль Симонъ; говорилъ онъ правда довольно красиво, а больше и не требовалось. Изъ ораторовъ, говорившихъ противъ вмѣшательства государства, кромѣ клерикаловъ, можно упомянуть о нашемъ старомъ знакомомъ г. де-Молинару, который какъ экономистъ-монтаньяръ, да къ тому же еще либераль, требовалъ безусловнаго устраненія государства, и объ Андре Русселѣ и Евг. Пеллтанѣ. Оба эти оратора говорили, что образованіе государственное дѣлаетъ изъ индивидуума машину, что оно несовмѣстно съ достоинствомъ человѣка, они напоминали состояніе народнаго образованія при Наполеонѣ I, желавшемъ надѣть на него путы посредствомъ подчиненія его государству, говорили о вредѣ зависимости учителей и преподавателей отъ административныхъ властей и пр. и пр. Всѣ эти рѣчи, конечно, очень хороши, но только господа, произносившія ихъ, непростительно грѣшатъ тѣмъ, что непремѣнно хотятъ отъ частнаго заключать къ общему.

Третье отдѣленіе конгресса замѣчательно тѣмъ, что оно съ особенною любовью, и притомъ исключительно, занималось обсужденіемъ разныхъ вопросовъ, *вызывающихъ на размышленіе*, въ родѣ тѣхъ вопросовъ, надъ которыми любилъ задумываться почтенный помѣщикъ Маниловъ. Это все такіе вопросы, о которыхъ можно потолковать не безъ пріятности. Поговоривши сначала немного о примѣненіи искусства къ промышленности, конгрессъ перешелъ къ разсмотрѣнію слѣдующаго вопроса, предложеннаго нѣкимъ г. Вейлемъ: «Нужно ли, для того чтобы человѣкъ имѣлъ вліяніе на свою эпоху, даже въ томъ случаѣ если онъ гений, чтобы его жизнь соотвѣтствовала твореніямъ его?» Вопросъ глубокомысленный. Мнѣнія раздѣлились. Самъ г. Вейль и другіе ораторы полагали, что если частная жизнь художника или писателя не соотвѣтствуетъ его твореніямъ, то вліяніе его не такъ сильно, — болѣе того, оно гибельно, оно приноситъ страшный вредъ, потому что колеблетъ въ обществѣ вѣру въ добродѣтель, въ прекрасное; они утверждали, что подобный человѣкъ вдвойнѣ виноватъ сравнительно съ другимъ, потому что онъ компрометируетъ собою и человѣка, и искусство. Конечно, не трудно было позразить съ успѣхомъ на подобныя странныя увѣренія. Паскаль-Дюпра указалъ на Сенеку и Бэкона, и вывелъ изъ этихъ примѣровъ

заключеніе, что можно быть очень нечестнымъ человѣкомъ и писать очень умныя, хорошія, и полезныя для человѣчества вещи; писатель Людвигъ Ульбахъ замѣтилъ, что нѣтъ никакого основанія исключать гениальнаго человѣка изъ общихъ законовъ человѣчества, и что весьма странно считать его талантъ дѣломъ вреднымъ и гибельнымъ отъ того, что у него есть долги, или онъ эгоистиченъ и тщеславенъ; наконецъ одна изъ присутствующихъ, г-жа Райе, сдѣлала весьма простое замѣчаніе, что подъ словомъ нравственность кроются понятія весьма относительныя, что нѣтъ законовъ морали, признанныхъ всѣми, что здѣсь сужденія должны быть чисто-индивидуальныя, и что поэтому довольно странно требовать, чтобы извѣстный художникъ или писатель подходилъ подъ извѣстныя понятія о нравственности. Это привело отдѣленіе къ обсужденію слѣдующаго вопроса, предложеннаго г-жею Райе: «какіе принципы можно принять при настоящемъ состояніи соціальныхъ наукъ за необходимый критеріумъ для обсужденія нравственности артиста и его сочиненій?» Тутъ даже люди, благоговѣющіе передъ трудами конгресса и передъ ораторами его, согласились, что разсужденіе объ этомъ предметѣ было бы толченіемъ воды. Неутомимый ораторъ, Паскаль-Дюпра, предложилъ послѣ того на разсмотрѣніе слѣдующій глубокомысленный вопросъ: «должно ли искусство, въ различныхъ его проявленіяхъ, быть услаживаніемъ ума или назиданіемъ?» Члены третьяго отдѣленія конгресса интересовались также разрѣшеніемъ вопроса, могутъ ли матеріальныя успѣхи человѣчества повредить мысли и чувству въ искусствѣ и въ наукѣ? Это подало нѣкоторымъ ораторамъ поводъ сообщить своимъ слушателямъ новыя вещи, въ родѣ тѣхъ, что изобрѣтеніе книгопечатанія не повредило, а помогло интеллектуальному прогрессу, что телеграфы, паровыя машины вещи очень полезныя, и прочее въ этомъ же родѣ.

Въ занятіяхъ *четвертаго отдѣленія*, избравшаго предметомъ своихъ разсужденій вопросы благотворительности и гигиены, замѣчательнѣе всего толки о помѣщеніяхъ для рабочихъ классовъ въ городахъ и деревняхъ, и о средствахъ къ произведенію улучшеній въ этихъ помѣщеніяхъ. Первый ораторъ, говорившій объ этомъ, замѣтилъ, что необходимо измѣнить настоящее положеніе этого дѣла, и что государство также должно принять въ немъ участіе. Это мнѣніе вызвало любопытное возраженіе нѣкогого г. Жакмена. Онъ полагалъ, что вмѣшательство государства тутъ совершенно не нужно, а что можно достигнуть улучшенія въ помѣщеніяхъ рабочаго другими средствами. Какими бы вы думали? Послушайте, это любопытно. Видите ли, дороговизна квартиры происходитъ отъ того, что домо-

владельцы не охотно отдаютъ свои дома подъ помѣщеніа рабочихъ, потому что тѣ живутъ грязно и портятъ квартиры: чтобы помочь этому злу, полагаетъ онъ, нужно дѣйствовать не на владельцев, не на капиталъ, а на работника, а именно онъ совѣтуетъ возвысить цѣны на квартиры (!). Тогда, объясняетъ онъ, работникъ, принужденный платить дороже за квартиру, пойметъ, что се нужно держать въ порядкѣ, въ сохранности, и отъ этого, конечно, улучшится и самое помѣщеніе его. Выступъ съ тѣмъ, продолжаетъ остроумный г. Жакменъ, нужно внушать работнику, что плата за квартиру есть дѣло священное. Если эти цѣли будутъ достигнуты, то домовладельцы, увѣренные съ одной стороны, что дома ихъ не будутъ загрязнены и испорчены, а съ другой стороны, что они аккуратно будутъ получать наемную плату, будутъ охотнѣе пускать въ свои дома рабочихъ, и вопросъ объ улучшеніи ихъ помѣщеній разрешится очень просто. Вотъ шутникъ-то, г. Жакменъ. Пусть, говоритъ онъ, работникъ, получающій какихъ нибудь 12 франковъ въ недѣлю для содержанія своего семейства, держитъ свою квартиру въ такомъ же порядкѣ, какъ я ее держу, да пусть онъ такъ же аккуратно, какъ я, платитъ за квартиру — и его никто не будетъ гнать съ квартиры. Да, остроумно, а главное, просто. Но другіе ораторы не раздѣляли подобнаго воззрѣнія г. Жакамена; они полагали, что общество должно взять на себя трудъ улучшить съ этой стороны положеніе рабочаго человѣка другими средствами. Жюль Симонъ говорилъ о томъ, что работнику нужно жить лучше, нежели онъ живетъ теперь, и сообщилъ при этомъ нѣсколько интересныхъ свѣдѣній объ особыхъ помѣщеніяхъ для рабочихъ (*cités ouvrières*), устроенныхъ графомъ Матромъ въ Парижѣ и г. Дольфюсомъ въ Мюльгаузенѣ; онъ рекомендовалъ конгрессу способствовать распространенію подобныхъ учреждений. Нѣкоторые члены поддерживали его мнѣніе, другіе говорили весьма избитыя вещи о томъ, что подобныя учрежденія уничтожаютъ индивидуальность человѣка, что они стѣсняютъ его свободу (жить въ грязныхъ и вонючихъ квартирахъ!); но по крайней мѣрѣ эта часть занятій конгресса не лишена нѣкотораго интереса. Вообще четвертое отдѣленіе занималось вопросами не совсѣмъ безынтересными, и по поводу этихъ вопросовъ приходилось иногда слышать и другія вещи, кромѣ азбучныхъ истинъ и маниловскихъ философствованій. Напримѣръ разсуждали о томъ, какая лучшая система обращенія съ умалишенными — система ли, основанная на совершенномъ отчужденіи больныхъ отъ прочихъ людей, или система, съ пользою приложенная въ геельской колоніи для умалишенныхъ, при которой умалишенные живутъ вмѣстѣ съ здоровыми людьми и ведутъ тотъ же самый образъ жизни. Послѣ

разныхъ толковъ pro и contra отдѣленіе: высказалось въ пользу послѣдней системы. Говорили также о приютахъ для грудныхъ младенцевъ въ то время, когда матери ихъ находятся на работѣ (crèches, собственно ясли). Тутъ очень много распространялась какая-то баронесса Кромбругге, которая сама не мало сдѣлала по этому предмету. Конечно, и въ этомъ случаѣ являлось множество лицъ, которыя восхищались этимъ дѣломъ, и въ своемъ восторгѣ воображали, что учрежденіемъ нѣсколькихъ подобныхъ приютовъ уже все сдѣлано. Но парижскій докторъ Фавръ, а за нимъ и нѣкоторые другіе ораторы, замѣтили очень основательно, что можно принимать эти приюты какъ временную, палліативную мѣру, но что странно было бы успокоиться на этомъ; слѣдуетъ стремиться, говорили они, не къ разведенію возможно большаго количества подобныхъ приютовъ, а къ тому, чтобы подобныя благотворительныя учрежденія стали вовсе ненужны, чтобы матери семейства дана была возможность не бросать дѣтей своихъ на попеченіе постороннихъ благотворителей, а работать у себя дома. Наконецъ это отдѣленіе занималось еще нѣкоторыми вопросами меньшей важности: вопросомъ объ устройствѣ медицинкой части въ деревняхъ, о бракѣ между родственниками и т. д.

Въ разсужденіяхъ *пятого отдѣленія* конгресса, занимавшагося вопросами соціально и политико-экономическими, намъ опять приходится встрѣчаться съ избитыми, дюжинными, приторными сужденіями политико-экономовъ такъ называемой либеральной школы. О чемъ бы ни заговорили въ этомъ отдѣленіи — всюду мы встрѣчаемся съ этими милыми политико-экономическими истинами и положеніями. Интереснѣе всего были толки *пятого отдѣленія* объ ассоціаціяхъ. Нашлись противники и защитники ассоціацій. Политико-экономъ Жозефъ Гарнье и другіе противники ихъ находили, что они убиваютъ индивидуальность человѣка. Далась же имъ эта индивидуальность! Парижскій экономистъ Горнъ замѣтилъ по этому случаю весьма справедливо слѣдующее: «заботливость объ индивидуальности рабочаго особенно трогательна потому, что она выходитъ отъ тѣхъ, кто сдѣлалъ изъ человѣка рабочую машину. Ассоціація представляетъ для рабочаго единственную возможность бороться съ машиной и съ капиталомъ: она спасаетъ его индивидуальность». Защитники ассоціацій говорили очень много тѣхъ громкихъ фразъ о свободѣ и самостоятельности рабочаго, которыя такъ нещадно расточаютъ нѣмецкіе экономисты школы Шульце-Делича; упоминалось о дѣятельности этого послѣдняго въ Германіи и о французскихъ ассоціаціяхъ. (При этомъ нельзя не замѣтить одной особенности французскихъ ассоціацій сравнительно съ нѣмецкими — той, что первыя

имѣютъ преимущественною цѣлью фабрикацію произведеній сообща, то есть приближаются къ высшей ступени ассоціаціонной системы; кредитныя же общества у нихъ мало распространены). Затѣмъ и здѣсь поднятъ былъ тотъ же безконечный вопросъ о вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ государства въ дѣло рабочихъ союзовъ. Французскій экономистъ Вильоме и бельгіецъ Демёръ высказали ту же мысль, которую въ Германіи проводитъ Лассаль, то есть, что государство, какъ представитель цѣлаго общества, какъ приходорасходчикъ народной казны, должно содѣйствовать субсидіями и другими способами распространенію ассоціаций. Само собою разумѣется, что экономисты-либералы въ одинъ голосъ возстали противъ подобной еретической мысли, не соответствующей ихъ оригинальнымъ представленіямъ о свободѣ рабочаго; больше всего отличились въ этомъ случаѣ Воловскій, Арривабене и предсѣдатель отдѣленія Роленъ. Когда сотоварищъ ихъ Горнъ былъ на столько справедливъ, что объявилъ себя противъ всякаго вмѣшательства, будетъ ли оно имѣть цѣлью гарантировать капиталистамъ извѣстный процентъ съ ихъ капитала, давать субсидіи рабочимъ или вспомошествованія фабрикантамъ, тогда эти три господина энергически возстали противъ такого вольнодумства. Они высказали себя противъ всего безусловнаго: отрицая вмѣшательство государства тамъ, гдѣ дѣло идетъ о помощи рабочему, они считаютъ его необходимымъ напримѣръ при гарантіяхъ капиталистамъ извѣстнаго процента дохода съ желѣзныхъ дорогъ; здѣсь, объясняютъ они, дѣло идетъ не объ интересахъ частной компаніи, но объ интересѣ самаго предпріятія, объ общемъ интересѣ, объ интересѣ прогресса и цивилизаціи. Убѣдительно.

Члены пятого отдѣленія конгресса заботились также о томъ, чтобы сообщить бельгійскимъ рабочимъ воззрѣнія либеральной экономической школы. Когда они узнали, что въ собраніи рабочихъ, происходившемъ въ Брюсселѣ въ одно время съ ихъ засѣданіями, должно было обсуживаться слѣдующее положеніе: «капиталъ не заплатилъ своего долга относительно труда, удѣливши ему заработную плату, онъ долженъ сдѣлать больше для труда», тогда Воловскій прямо назвалъ это положеніе нецѣльнымъ, и все отдѣленіе одобрило этотъ эпитетъ; а Горнъ, Арривабене и другіе пригласили отдѣленіе послать въ Брюссель нѣсколькихъ своихъ членовъ, для того, чтобы доказать бельгійскимъ рабочимъ нецѣльность этого положенія и чтобы внушить имъ здравыя понятія о независимости труда. Кромѣ этихъ вопросовъ, пятое отдѣленіе занималось еще вопросомъ объ условіяхъ, способствующихъ развитію кредита, — опять тѣ же обыденныя понятія о кредитѣ, которыя неустанно повторяются всѣми экономистами, отъ

Адама Смита до Воловскаго и Горна, а потому разсужденія объ этомъ предметѣ являются крайне скучными. Говорили также о таможахъ и о средствахъ замѣнить таможенные доходы, о привилегіяхъ на изобрѣтенія и о другихъ предметахъ, но все, что тутъ было сказано, крайне скучно и бѣдно содержаніемъ.

Наконецъ 20 сентября засѣданія конгресса заключены были блестятельнымъ банкетомъ, на которомъ, какъ мы замѣтили въ началѣ, члены и президентъ конгресса такъ скромно оцѣнивали свои труды. И разѣхались всѣ эти господа очень довольные собой, въ полной увѣренности, что они благодѣтели человѣчества и значительно при-
двинули его къ дверямъ эдема. И вѣдь ничто не разубѣдитъ ихъ въ этомъ!

Э. В.

PREMIERS-MOSCOU ГАЗЕТЫ «ДЕНЬ»

(1863, № 39—41).

Мы всегда по мѣрѣ силъ слѣдили за успѣхами отечественнаго просвѣщенія, и какъ ни были иногда странны и какъ будто дикі нѣкоторыя его проявленія, мы интересовались ими, потому что все-таки это было «свое, родное»; не обратить вниманія было нельзя, потому что иной разъ результаты этихъ проявленій могли коснуться и задѣть насъ самихъ. Иной разъ кто нибудь придумаетъ блестящую мысль, оповѣститъ ее въ газетѣ или журналѣ; блестящая мысль примется, и всѣ требуютъ отъ васъ, чтобы вы ее повторяли. Блестящихъ мыслей немало надумали, напримѣръ, «Московскія Вѣдомости». Другой разъ, отечественный публицистъ беретъ прямо за наставленія публикѣ и дѣлаетъ эти наставленія тономъ, не позволяющимъ противорѣчія, сдѣлаетъ вамъ выговоръ, если вы съ нимъ несогласны, попрекнетъ... хотя бы эти попреки иной разъ были и неудобны для печати. Подобнымъ дидактическимъ тономъ постоянно говорить съ нами, т. е. съ публикой, газета «День», неустанно дѣлающая выговоры въ своихъ premiers-Moscou.

Ее впрочемъ и винить трудно за эту склонность къ непрошеному дидактизму. Онъ въ крови у нея. Если мы обратимся къ историческимъ источникамъ направленія газеты «День», къ ея миѳическому теперь прошедшему, мы увидимъ, что иначе и быть не могло; не будь въ ней этого дидактизма, она перестала бы быть сама собой, она измѣнила бы этому прошедшему. Во времена оны, такой поучитель-

ностью отличались творенія г. Шевырева и г. Погодина, которымъ принадлежитъ такая большая доля въ изобрѣтеніи славянофильства; ей отличались творенія Хомякова, который былъ главнымъ поэтическимъ представителемъ школы; ей отличались труды, впрочемъ, почтенныя, К. Аксакова, историка и публициста; она составляетъ, наконецъ, принадлежность всей школы... Дидактизмъ славянофиловъ всегда былъ какъ-то страненъ и крайне назойливъ: Михаилъ Петровичъ, напримѣръ, до сихъ поръ не можетъ отстать отъ него, хотя ему много разъ и нѣсколько даже выразительно было заявлено, что публика не расположена принимать поученія отъ историка варяжскаго періода. Степанъ Петровичъ, теперь почти совсѣмъ замолкшій и дѣйствующій нынѣ на «гниломъ» западѣ, въ свое время былъ не менѣе ревностнымъ проповѣдникомъ: если г. Погодинъ больше выставилъ славныя дѣла русскаго народа и отдѣльныхъ русскихъ людей и дѣлалъ эту славу примѣромъ для потомковъ, то г. Шевыревъ говорилъ больше о смиреніи и приниженіи личности, которое составляло отличительнѣйшую черту древняго русскаго человека, и которое будто бы и мы должны стремиться сдѣлать своимъ первенствующимъ качествомъ. Поэзія Хомякова, ставшая алкораномъ славянофильствующихъ старцевъ и юношей, соединяла въ себѣ свойства обоихъ названныхъ писателей: Хомяковъ то обольщалъ насъ силой и славой «орла», властно облетающаго всѣ славянскія страны, то призывалъ къ тому же смиренію, котораго такъ сильно желалъ г. Шевыревъ. Смиреніе и по мнѣнію Хомякова было нашей національной добродѣтелью и въ ней онъ видѣлъ залогъ нашей будущей славы: извѣстно, какіе суровые реприманды онъ дѣлалъ Англіи за ея гордость, и какъ онъ грозилъ отнять у ней за то ея могущество и передать его въ руки народа отличающагося смиреніемъ. Правда, въ этихъ самыхъ репримандахъ не было замѣтно этого смиренія, а гораздо больше было того, что называли прежде кваснымъ патріотизмомъ, но въ глазахъ школы это не мѣшало. Школа и потомъ держалась того же способа: извѣстно, какъ она вся поголовно (т. е. всѣ значительнѣйшіе ея представители, года два, три тому назадъ, прочла наставленіе цѣлому сербскому народу. Читатели «Современника» вѣроятно помнятъ знаменитое посланіе къ сербамъ, о которомъ была въ свое время рѣчь въ нашемъ журналѣ: представители славянофильства не усумнились читать мораль цѣлому народу, предупреждать его отъ «пороковъ» (какъ-то, отцеубійства и т. п.), рекомендовать ему добродѣтели (братскую любовь, и послушаніе къ московскимъ ихъ благодѣтелямъ и т. д.) и, наконецъ, не усумнились выставить подъ этимъ курьезнымъ актомъ свои собственные имена! Само собою разумѣется, что сербская нація не давала этимъ господамъ никакого повода къ произведенію подобныхъ

назиданій, и что онъ посмѣлся только надъ непрошеными наставниками... Такъ далеко заводитъ желаніе поучать!

Нѣтъ сомнѣній, что и прежнія проповѣди о смиреніи, и нынѣшняя страсть славянофиловъ читать мораль—даже въ чужомъ департаментѣ—имѣютъ свой психологическій источникъ въ самолюбивой мысли о собственной непогрѣшимости, въ убѣжденіи, что имъ все открыто, и что имъ остается только сдѣлаться глашатаями извѣстной имъ одной истины. Такъ было и въ прежнія времена, такъ происходитъ и теперь въ газетѣ «День»: ея поученія всегда смахиваютъ на диктаторскій тонъ, ея публицистовъ не останавливаютъ никакія сомнѣнія, для нихъ все ясно. Въ основныхъ истинахъ своего ученія «День» остается вѣренъ своимъ предшественникамъ: «приниженіе личности» и «смиреніе»—въ другихъ только словахъ, рекомендуются и до сихъ поръ; «гнилой западъ» до сихъ поръ составляетъ для него предметъ опасливаго недовѣрія, — людей, ему сочувствующихъ или принимающихъ начала его цивилизаціи, «День» по прежнему считаетъ нерусскими, оторвавшимися отъ народа и въ послѣднее время сталъ даже остроумно называть ихъ Русляндами и т. д. Что «День» остается совершенно вѣренъ старымъ преданіямъ своей школы, это будетъ ясно для каждого, кто потрудится провести параллель между изреченіями «Дня» и изреченіями старыхъ представителей славянофильства временъ «Москвитянина», «Московскихъ Сборниковъ» и т. д. Эта параллель убѣдитъ несомнѣнно, что мы имѣемъ удовольствіе перечитывать въ «Днѣ» тѣ же діатрибы прежнихъ бойцовъ славянофильства, но усовершенствованныя временемъ и измѣнившіяся тамъ, гдѣ исторія начала нѣсколько противорѣчить ихъ ожиданіямъ. Напримѣръ, «День» уже признаетъ въ извѣстной степени право европейской цивилизаціи, которую прежніе писатели отвергали безусловно, клеймя ее названіемъ гнилаго запада; «День» нѣсколько иначе начинаетъ смотрѣть на «нашихъ славянскихъ братьевъ», которые прежде пользовались полной славянофильской симпатіей, а теперь начинаютъ терять ее, потому что оказываютъ нѣкоторое упорство въ повиновеніи и склонность къ европейскимъ заблужденіямъ. Прежде, напримѣръ, славяне всѣ вообще рекомендовались сочувствію и изученію отечественной публики; теперь, когда развился апокалиптический взглядъ г. Безсонова на славянскую азбуку, съ славянами обращаются иначе: въ знаменитомъ посланіи, сербамъ рекомендуется отлучить изъ своего общенія ихъ католическихъ собратій; теперь остракизмъ грозитъ чехамъ, они должны быть исключены, «День» знать ничего не хочетъ и не принимаетъ никакихъ историческихъ оправданій.

«День» нѣсколько отличается отъ своихъ предшественниковъ и въ томъ отношеніи, что усерднѣе сталъ заниматься нашими обще-

ственными вопросами. Теперь, собственно говоря, они и стоятъ у него на первомъ планѣ, и не смотря на то, что они разбираются въ сущности на тѣхъ же старыхъ основаніяхъ, которыя мы указывали, и которыя уже не пользовались особеннымъ кредитомъ, «День» имѣетъ въ настоящую минуту довольно много почитателей, вѣроятно больше, чѣмъ имѣлъ «Парусъ» или «Русская Бесѣда». Было бы мудро разбирать, изъ кого состоятъ эти почитатели, но между ними появляются иногда и такіе люди, которые прежде не особенно сочувствовали славянофильскимъ тенденціямъ. Одобряя патріотизмъ «Дня», обнаруженный особенно въ послѣднее время, и конечно замѣчательный, эти новые почитатели стали снисходительнѣе смотрѣть и на другія стороны дѣятельности этой газеты, и не замѣчать вещей, которыхъ они прежде сами не одобряли. Когда имъ указываютъ эти незамѣчаемыя преувеличенія и промахи, они обыкновенно отвѣчаютъ: «да, это такъ, но вѣдь все это искренно», имѣя конечно въ виду неискреннія преувеличенія другихъ російскихъ публицистовъ. Мы согласны, что «все это искренно», но полагаемъ, что искренность не есть достаточная защита для вещей, положительно фальшивыхъ, которыя издумаетъ проповѣдывать фантазія нпаго публициста.

Мы не имѣемъ никакой возможности, да и никакой нужды, разбирать въ подробности политическія и общественныя теоріи «Дня»: что бы понять ихъ въ извѣстной достаточной степени, довольно познакомиться съ послѣдними его статьями о нашемъ обществѣ, по поводу котораго «День» пускается въ свои обыкновенныя назиданія и реприманды. Первая причина ихъ — печальное сознаніе, что общество наше оказывается безсильно для борьбы съ полонизмомъ въ западномъ краѣ, — о чемъ уже не разъ было писано въ передовыхъ статьяхъ газеты. Это печальное сознаніе заставляетъ публициста «Дня» бросить взглядъ на нравственныя силы нашего общества. Не говоря о борьбѣ противъ полонизма, по поводу которой «День» энергически заявилъ самый похвальный патріотизмъ, мы остановимся только на его критикѣ состоянія нашего общества. «День» этимъ обществомъ совершенно недоволенъ; онъ находитъ, что для окончательнаго умиренія западнаго края и для полнаго обезпеченія русской народности необходимо наполненіе административныхъ постовъ русскими чиновниками, а между тѣмъ мы не въ состояніи найти для этого достаточно честныхъ людей, — такъ мы бѣдны ими! Солдатъ храбрыхъ и ловкихъ можете вербовать, обучить въ Россіи сколько угодно (говоритъ «День»), но никакія успія правительства, въ теченіе не одного вѣка, не смогли приготовить честныхъ чиновниковъ и на сотую долю нужнаго количества! Какъ же будутъ приводиться въ исполненіе превосходно задуманныя въ

головѣ планы, когда для исполненія нѣтъ рукъ, или руки не годны? Упомянувъ дальше, что мы и у себя дома, въ Московской губерніи, не сумѣли устроить мировыхъ учрежденій, какъ слѣдуетъ, «День» восклицаетъ: «кто же въ этомъ виноватъ? Что это за общество — въ странѣ, имѣющей 60 милліоновъ населенія — которое не смѣетъ надѣяться выставить даже нѣсколько сотенъ *честныхъ* чиновниковъ?»

Въ этомъ обвиняется *исключительно* общество. Публицистъ «Дня» полагаетъ, что хотя «казеннаго жалованья» и дѣйствительно не хватаетъ на прожитокъ бѣдному чиновнику, но все-таки взяточничество есть *личный* (?) грѣхъ самого общества, которое-де не наполнялось негодованіемъ противъ него, а напротивъ совершенно съ нимъ свыклось. — Мы это не совсѣмъ понимаемъ. Во первыхъ, общество проникается негодованіемъ и негодованіемъ дѣйствительнымъ, начиная хоть съ Сумарокова и Капнистовой «Ябеды» и кончая кѣмъ угодно изъ новѣйшихъ обличителей. Сатира, карающая взяточничество и конечно выражавшая мнѣніе порядочной части общества, стала наконецъ скучна; такъ часто повторялось это безплодное негодованіе. Да и вообще объ этомъ предметѣ говорилось такъ много, указывались такъ часто историческія обстоятельства, приведшія за собой это явленіе, что теперь можно было бы говорить о немъ нѣсколько иначе. «День» продолжаетъ между тѣмъ свои филиппики и сваливать вину на современное общество, какъ будто это только его дѣло... Почему здѣсь исключительно обвиняется общество, и почему «День» заставляетъ его «со стыдомъ склонить голову» и не сваливать вины на «учрежденія», — мы можемъ объяснить только тѣмъ, что публицистъ не совсѣмъ понимаетъ положеніе общества. Сваливая вину на одно общество (подразумѣвается, испорченное западомъ и оторванностью отъ народной почвы), «День» забываетъ между прочимъ и историческое преданіе его нравовъ: нѣтъ сомнѣнія, что свисходительность къ взяткамъ была намъ завѣщана нашими до-петровскими прадедами, и «Дню», который присвоиваетъ себѣ исключительную привилегію истиннаго объясненія древней Руси, по крайней мѣрѣ должно бы помнить объ этомъ обстоятельстве.

Послѣ этого недоказаннаго обвиненія публицистъ предается краснорѣчію о томъ, что должны ли мы-дескать обличать эту нашу слабую сторону, и заключаетъ, что должны, что Россія «преимущественно передъ другими прилично мужество исповѣди». — Это всѣмъ давно извѣстно. Въ подкрѣпленіе этого самообличающаго краснорѣчія приводятся извѣстные стихи Хомякова:

Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лжи мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна и т. д.

которыя также кажутся намъ только реторической фигурой послѣ того, какъ этотъ самый поэтъ за одно наше смиреніе обѣщалъ намъ всякую славу и всякое могущество.

Отъ «слезъ покаянья», которыя рекомендовалъ русскому обществу Хомяковъ, «День» переходитъ къ нравственнымъ вопросамъ нашей общественной жизни. Касательно ихъ онъ рассуждаетъ такимъ же невразумительнымъ образомъ. Мы должны, по словамъ его, блюсти въ чистотѣ и цѣлости духъ, внутреннее содержаніе: «было бы опасно самообольщаться надеждою, что корыстолюбіе, кривда, ложь, отсутствіе надлежавшей искренности въ словѣ, недостатокъ разумнаго простора для ея выраженія, лѣнь и робость ума, равнодушіе къ общественному благу, невѣріе въ дѣйствительность нравственныхъ орудій, дерзость на руку, т. е. привычка прибѣгать къ помощи одной грубой силы принужденія и проч. и проч., однимъ словомъ всѣ эти свойства—такъ себѣ, ничего, пустяки, не могутъ ни ослабить наше могущество внѣшнее, ни омрачить наше величіе, ни поразить бездѣйствіемъ наши государственныя силы тамъ и тогда, когда именно приходится дѣйствовать! Печальное, опасное, роковое заблужденіе!» Замѣтимъ, что все это ставится на видъ опять нашему обществу, хотя нѣкоторые изъ указанныхъ предметовъ далеко не находятся въ его власти. Дальше. «Никакимъ законодательствомъ, никакими учрежденіями не исправишь общественной нравственности безъ внутренней дѣятельности и реакціи духа, и не слѣдуетъ полагать, что можно изъ порока перейти въ добродѣтель тихо, гладко, незамѣтно, нечувствительно, будто по рельсамъ, безъ внутренняго нравственнаго потрясенія. Какъ въ мірѣ нравственномъ отдѣльнаго человѣка есть возможность упразднить развитіе нравственныхъ логическихъ слѣдствій порока—чрезъ сознаніе, раскаяніе и духовное обновленіе, — такъ точно та же самая возможность существуетъ и для цѣлаго общества». —Объ этомъ-то мы и хлопочемъ, прибавляетъ «День». Такимъ образомъ и въ общественныхъ понятіяхъ «День» еще не далеко ушелъ отъ старой славянофильской школы: опять та же бесполезная проповѣдь о какомъ-то покаяніи, обращенная къ какимъ-то неизвѣстнымъ людямъ (мы замѣтили, что нѣкоторыя изъ вещей, требуемыхъ публицистами, не находятся въ распоряженіи общества, слѣдовательно къ обществу эта проповѣдь не совсѣмъ можетъ относиться). Вся эта проповѣдь дастъ конечно поводъ къ краснорѣчивымъ оборотамъ и «ораторскому движенію», которому научали старинныя реторики, — люди наивные и обманываются этимъ ораторскимъ движеніемъ, полагая, что въ самомъ дѣлѣ человѣкъ требуетъ обновленія общества, между тѣмъ какъ это обновленіе покрыто для него порядочнымъ туманомъ. Публицистъ «Дня» находитъ, что никакимъ законодательствомъ и ника-

кими учрежденіями не исправивъ общественной нравственности безъ реакціи духа и т. д. Не знаемъ, была ли по мнѣнію «Дня» эта реакція духа напр. хотъ въ послѣднихъ измѣненіяхъ русскаго законодательства; такъ какъ «День» взываетъ о ней, какъ о вещи не существующей, то можно думать, что ея и не было въ этихъ измѣненіяхъ законодательства, — но мы все-таки полагаемъ, что они безъ сомнѣнія, хотя конечно не вдругъ, исправятъ общественную нравственность: отмена крѣпостнаго права, уничтоживъ произволъ помѣщичьей власти, дастъ крестьянину сознание своей самобытности; отмена тѣлесныхъ наказаній смягчитъ нравы, неизбѣжно грубѣвшіе снизу доверху при употребленіи палокъ, плетей и шпицрутеневъ; отмена прежнихъ судебныхъ учрежденій и введеніе новыхъ положительно будетъ содѣйствовать тому, чтобы наше отечество не было

Въ судахъ черно неправдой черной,

и т. д. Никакая проповѣдь, даже и проповѣдь стиховъ Хомякова, никогда не могла бы достигнуть подобныхъ результатовъ, какъ бы ни были восторженны ея восклицанія и какъ бы ни было въ нихъ много лирическаго безпорядка, свойственнаго поэтамъ и патетическимъ публицистамъ.

Публицистъ «Дня» предполагаетъ конечно, что-де и хорошее законодательство бесполезно, когда безнравственные люди не станутъ исполнять его;—это справедливо, но мы думаемъ, что если теперь законодательство дало крестьянину свободу, то и дурному помѣщику трудно не исполнить этого законодательства, онъ можетъ нарушать его только въ мелочахъ и подробностяхъ; если новое законодательство отменило тѣлесныя наказанія, трудно будетъ клеймить и пороть плетью среди бѣлаго дня; если новый судъ дастъ подсудимому возможность публичной защиты, судѣ трудно будетъ избавиться отъ нравственнаго вліянія общества и руководиться собственными соображеніями денежнаго свойства и т. п. Законодательства бываютъ различныя: дѣйствительно, иной разъ и самыя благія начинанія законодателя не удаются, если въ обществѣ нѣтъ на нихъ запроса и если они бываютъ только прихотью законодателя; бываютъ и другія законодательства, которыя имѣютъ успѣхъ потому, что вызываются общественной потребностью, ясно сознаваемой лучшими, болѣе развитыми членами общества. Этотъ послѣдній случай имѣлъ мѣсто и въ нашемъ новомъ законодательствѣ, о которомъ мы говорили. Въ этомъ правильномъ смыслѣ законодательство бываетъ выраженіемъ новыхъ выросшихъ требованій жизни, введеніемъ въ силу болѣе совершенныхъ ея формъ, расширеніемъ дѣятельности общественныхъ силъ... Въ-сто всего этого, «День» полагаетъ, что общество можетъ исправиться

и «упразднить» порокъ (напр. крѣпостное право) чистотой сердца и благими помышленіями; онъ полагаетъ, что чистотой сердца можетъ быть устроено и дѣло русской народности въ западныхъ губерніяхъ....

Мы полагаемъ, что публицисту «Дня» должно быть извѣстно, какимъ образомъ въ нашемъ обществѣ, — при всей его незрѣлости и безпомощности, — мысль о необходимыхъ улучшеніяхъ и преобразованіяхъ достигла достаточной ясности, такъ что правительство смѣло могло приступить къ нимъ, безъ опасенія увидѣть неудачу благихъ начинаній. Крѣпостное право имѣло своихъ сознательныхъ противниковъ въ нашемъ обществѣ еще въ прошломъ столѣтіи, противниковъ, понимавшихъ его вредъ и несправедливость лучше многихъ «образованныхъ» людей нашего времени; отмена тѣлесныхъ наказаній встрѣчена была съ общимъ сочувствіемъ; судебная реформа ожидается съ нетерпѣніемъ, — знакъ, что для лучшихъ, т. е. болѣе развитыхъ членовъ общества необходимость ея давно понятна.

Но «День» считаетъ, кажется, что и здѣсь общество не понимаетъ своего интереса и не прониклось чистотой сердца. Онъ плачется, что у насъ нѣтъ людей, и увѣряетъ, что вездѣ раздается жалоба на *безлюдье*, что у насъ нѣтъ не только честныхъ, но и умныхъ людей, что правительство не имѣетъ исполнителей для своихъ предпріятій. Мы находимъ совершенно напротивъ, что этихъ исполнителей весьма достаточно, что правительство для каждаго изъ своихъ начинаній нашло людей, воплотившихъ его планы; мы надѣемся, что всѣ послѣднія реформы, начиная съ крестьянской реформы и пр., были устроены исполнителями въ томъ духѣ, который желали сообщить имъ. Если исполнители были неудовлетворительны въ этомъ смыслѣ, на ихъ мѣсто безъ всякаго труда находились болѣе надежные... Но публицистъ «Дня» остается убѣжденъ, что людей нѣтъ.

То есть, собственно говоря, мы не могли опять понять, какихъ именно людей онъ доискивается. «Мы разумѣемъ здѣсь, — говоритъ онъ, — конечно не только гражданскую іерархію, но и все наше общество, а въ обществѣ не ту или другую личность, а весь общественный умственный уровень. Умные люди во всѣхъ сферахъ дѣятельности у насъ на перечетѣ, а въ нѣкоторыхъ — они являются какими-то одиночками, блестящими исключеніями. Что это, къ несчастію, справедливо, въ томъ свидѣлствуетъ самая эта жалоба на *безлюдье*, постоянно раздающаяся и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ министерскихъ, и въ частныхъ гостиныхъ», и т. д. Публицистъ прибавляетъ, что едва ли кто станетъ сомнѣваться въ подлинности этихъ жалобъ на *безлюдье* (мы, признаться, сомнѣваемся), и въ доказатель-

ство ихъ существованія продолжаетъ: «поѣзжайте въ клубъ, прислушайтесь къ разговорамъ, и вы удостовѣритесь, что посудивъ и порядивъ объ общественныхъ и правительственныхъ дѣлахъ, перетасовавъ всѣ лица, перебравъ всѣхъ дѣятелей и даже кандидатовъ на званіе дѣятелей, разговаривающіе въ заключеніе обыкновенно пожимаютъ плечами и прибавляютъ: «людей у насъ нѣтъ, — безлюдье!» И этимъ заканчиваются бесѣды не въ однихъ клубахъ, но и за зеленымъ, и за краснымъ столомъ на Невѣ, на Мойкѣ, на Фонтанкѣ, на Екатерининскомъ каналѣ и т. д.»

То есть, публицистъ «Дня» опять упрекаетъ общество, что оно не въ состояніи поддержать намѣреній правительства; но, признаемся, «отчаянныхъ воплей о безлюдьи» мы не слышали, и, сколько извѣстно, правительство всегда находило и до сихъ поръ находитъ достаточно людей, готовыхъ исполнять его предначертанія. Публицистъ «Дня» едва ли не преувеличиваетъ, или можетъ быть, ему нужно какихъ нибудь особенныхъ людей? Это послѣднее предположеніе, кажется справедливо, судя по дальнѣйшему краснорѣчію нашего автора, который находитъ, что мы (т. е. снова несчастное общество) слишкомъ долго жили заемнымъ умомъ и платили за это «дорогими процентами — нашею честью, нашею духовною независимостью, нашею нравственною самостоятельностью» (все плеоназмы!), и что будто теперь только мы убѣдились, что чужой умъ не можетъ замѣнить намъ своего и т. д. Отыскивая такихъ людей, «День» конечно остается вѣренъ своимъ принципамъ, потому что уже давно жалуется на то, что мы живемъ чужимъ умомъ, оторвались отъ почвы и т. д.; но едва ли такихъ людей желаютъ тѣ господа, разговоры которыхъ слушаетъ публицистъ «Дня» въ клубахъ и вышеупомянутыхъ гостиницахъ. Мы имѣемъ основаніе думать, что въ этихъ гостиницахъ желаютъ пить люди совершенно иного сорта.

Въ чемъ же наконецъ дѣло? Изъ всѣхъ краснорѣчивыхъ филиппикъ «Дня» мы поняли только, что онъ желаетъ отыскать людей для защиты русской народности въ западныхъ губерніяхъ, и что въ русскомъ обществѣ онъ находитъ отсутствіе такихъ людей, безлюдье. Жалобы свои на это несчастное безлюдье онъ соединяетъ съ жалобами клубовъ и гостиницъ, и тѣмъ обнаруживаетъ нѣкоторую путаницу въ понятіяхъ, — потому что въ сущности жалобы «Дня» и жалобы клубовъ относятся къ разнымъ предметамъ, т. е. клубы и «День» сожалѣютъ объ отсутствіи людей разнаго сорта: клубы желаютъ только людей «исполнительныхъ» и «энергическихъ», — «День» этимъ не удовлетворяется и отыскиваетъ людей, неспорченныхъ чужимъ умомъ, людей, стоящихъ на почвѣ, — Не понимать этого различія довольно странно,

Неужели действительно русская земля такъ обмелѣла, какъ представляется это «День»? Ему въ самомъ дѣлѣ кажется такъ. Онъ не можетъ сообразить того, что желанія и понятія людей бываютъ различны, и что тамъ, гдѣ одинъ жалуется на окончательное безлюдье, другой можетъ находить людей весьма порядочныхъ. Привыкнувъ признавать непогрѣшимость своей мысли, «День» полагаетъ, что если въ обществѣ мало людей, подобно ему твердящихъ съ безплоднымъ азартомъ о почвѣ, и если оно не особенно любитъ бесполезныя проповѣди о покаянномъ смиреніи и т. п., то въ обществѣ свирѣствуетъ безлюдье. Мы сами вовсе не намѣрены защищать россійскаго общества, которое и по нашему мнѣнію не отличается особенною смѣтливостью (да и много ли обществъ, которыя ей отличаются?), но думаемъ, что «День» все-таки ошибся, что онъ не запримѣтилъ въ обществѣ цѣлаго слоя: этотъ слой общества конечно не совсѣмъ сочувствуетъ славянофильскому ультрамонтанству, но во всякомъ случаѣ имѣетъ людей, которые должны бы были войти въ счетъ «Дня», если онъ собрался пересчитывать людей *умныхъ и честныхъ*. У «Дня» недостало безпристрастія, а можетъ быть и пониманія, чтобы отнестись къ этимъ людямъ просто и правдиво: онъ прямо исключаетъ ихъ изъ своего общенія, какъ прежде знаменитое посланіе совѣтовало сербамъ исключить изъ своего общенія ихъ братьевъ, оттого, что они католики. Какова терпимость!

Эти исключаемые «Днемъ» люди посятъ у него названіе «матеріалистовъ», «федералистовъ» и «нигилистовъ». Это опять предметъ, о которомъ такъ много у насъ говорилось, что мы считаемъ излишнимъ входить съ «Днемъ» въ длинныя препирательства. Мы скажемъ только одно, и скажемъ совершенно серьезно, что обличенія отечественныхъ матеріалистовъ, въ которыя вдается «День», во первыхъ, совершенно недодуманы, и во вторыхъ, напрасны, —напрасны потому, что совершенно не имѣютъ достаточнаго основанія: матеріалистовъ, если они есть, такъ мало въ нашемъ обществѣ, понятія ихъ остаются такъ отвлеченны, что нѣсколько странно поднимать противъ нихъ такую бурю обличеній. Въ самомъ дѣлѣ, если принять серьезно лекціи г. Юркевича, если повѣрить сокрушеніямъ о материализмѣ въ газетѣ «День», надо подумать, что мы живемъ во французскомъ обществѣ восемнадцатаго вѣка, думавшемъ по *Système de la nature* и отвергавшемъ даже..., по выраженію И. С. Тургенева. До какой степени похоже на это наше отечественное общество, не слишкомъ тревожащее себя какими нибудь отвлеченными и учеными вопросами, это знаетъ всякій, кто взглянетъ на вещи совершенно серьезно и безпристрастно. Мы рѣшительно не можемъ придумать, гдѣ публицистъ «Дня» видѣлъ въ средѣ русскаго общества такое количество матеріалистовъ,

чтобы противъ него нужно было направлять смирительное краснорѣчіе.

Публицистъ «Дня», на это, конечно намекаетъ намъ деликатнымъ образомъ на литературу. Положимъ; но здѣсь опять мы предложимъ ему наши сомнѣнія на счетъ умѣстности его азарта. Но предварительно мы приведемъ для нашихъ читателей слова московской газеты. «День» начинается съ старческихъ сожалѣній (какъ обыкновенно, фальшивыхъ) о томъ, что наше общество не имѣетъ своихъ новобранцевъ, которые бы смѣнили ихъ (столько сдѣлавшихъ для отечества?). «Вмѣсто молодыхъ людей съ горячей любовью къ Россіи, — гласитъ «День», — вамъ попадаются очень часто, слишкомъ часто, какіе-то дряблые космополиты, неспособные противопоставить полонизму — этому опредѣленному стремленію къ опредѣленной и сознательной цѣли — никакого нравственнаго отпора. Вмѣсто заботы о бѣлорусскихъ крестьянахъ, вы встрѣтите у нашей молодежи гораздо болѣе заботы о французскихъ швелхъ и о рабочихъ въ Англіи (сколь остроумно и правдоподобно!); вмѣсто признанія существующихъ историческихъ и жизненныхъ фактовъ, — признанія, безъ котораго невозможна никакая разумная прогрессивная дѣятельность, вы натолкнетесь только на голос отрицаніе всякой правильной дѣятельности (!), дѣлающее человека неспособнымъ ни къ какимъ гражданскимъ обязанностямъ, ни къ какому полезному общественному труду. На мучительный вопросъ: «что дѣлать?» молодежь отвѣтитъ вамъ проектомъ какихъ-то мастерскихъ, или романомъ, который можетъ служить вѣрнымъ симптомомъ современной пригодности нашего молодого поколѣнія. Конечно, не все оно таково, но таково, кажется, его господствующее настроеніе...» Публицистъ заключаетъ, что на матеріалистовъ, социалистовъ и федералистовъ въ общественномъ вопросѣ опереться невозможно, потому что въ нихъ нѣтъ необходимой нравственной плотности и крѣпости, что у нихъ нѣтъ подъ ногами столь знаменитой въ журналистикѣ почвы. И этого мало: газета «День» прямо утверждаетъ, что матеріалисты ненадежны и потому, что проповѣдуютъ совершенное разрушеніе всѣхъ нравственныхъ основъ общества, что они равнодушны къ вопросамъ вѣры и народности.

Конечно, отъ подобной характеристики не поздоровится, и будь она въ другой газетѣ, въ ней можно было бы даже предположить нѣкоторую ловкую диверсію противъ литературнаго непріятеля. Но публицистъ «Дня» имѣетъ репутацію «искренняго» (которую мы совершенно признаемъ за нимъ), и потому мы будемъ продолжать.

Мы видѣли уже не разъ, что на premiers-Moscou «Дня» лежитъ нѣкоторый туманъ краснорѣчія, такъ что не всегда поймешь, чего собственно желаетъ почтенная газета. Въ настоящемъ случаѣ мы,

собственно говоря, опять не знаемъ, о комъ въ сущности идетъ дѣло; потому что, какъ замѣтили выше, не знаемъ въ нашемъ обществѣ такого обширнаго распространенія матеріализма; только по нѣкоторымъ признакамъ мы догадываемся, куда летятъ нѣкоторые камешки. Замѣтимъ прежде всего публицисту «Дня», что ничто не давало ему права сомнѣваться въ горячей любви къ Россіи въ цѣломъ разрядѣ людей, которыхъ ему нравится называть матеріалистами; противопоставляя этихъ, такъ называемыхъ, матеріалистовъ и космополитовъ «молодымъ людямъ съ горячей любовью къ Россіи», публицистъ очевидно хочетъ сказать, что у матеріалистовъ нѣтъ любви къ Россіи. «Искреннему» общественному дѣятелю не слѣдовало бы такъ увлекаться своими пристрастіями, чтобы не разбирая бросать свои приговоры направо и налево; со словомъ надо обращаться осторожно; иначе рискуешь получить такихъ комментаторовъ, какихъ и не воображалъ. Мы пожалуй повѣримъ, что публицистъ видѣлъ такихъ людей, которыхъ бы онъ могъ назвать матеріалистами; мы предположимъ напримѣръ, что авторъ видѣлъ какихъ нибудь матеріалистовъ медицинскаго факультета, которыхъ матеріализмъ ограничивается сравнительной анатоміей или органической химіей, и въ которыхъ онъ могъ замѣтить равнодушіе къ политическимъ вопросамъ или пониманіе этихъ вопросовъ съ точки зрѣнія сравнительной анатоміи, — все это бываетъ, но все это еще нисколько не даетъ публицисту основанія къ ихъ обвиненію въ недостаткѣ патріотизма, и особенно къ обвиненію другихъ людей, которыхъ онъ не видѣлъ и не знаетъ. Мы не знаемъ матеріалистовъ такъ много и близко, какъ знаетъ ихъ повидимому публицистъ «Дня», но при всемъ томъ питаемъ убѣжденіе, что такое поголовное обвиненіе несправедливо и непроизвольно. Быть можетъ, впрочемъ, и здѣсь виновата та же провинциальность, которую — мы видѣли — не разъ обнаружилъ публицистъ «Дня»; быть можетъ, онъ не подумалъ о томъ, что понятія людей бываютъ различныя, не только о мелкихъ, но и о самыхъ важныхъ и крупныхъ вещахъ. Не понимаетъ публицистъ «Дня» и другой простой вещи. Вѣроятно, вычитавши гдѣ нибудь въ журналѣ статью объ англійскихъ рабочихъ, онъ прямо заключилъ, что это — космополитизмъ, равнодушный къ вопросамъ вѣры и народности, что для автора англійскій рабочий ближе бѣлорусскаго крестьянина, что на этого автора нельзя положиться въ нашемъ общественномъ дѣлѣ и т. д. Ему въ голову не пришло, во первыхъ, что не всѣ же изучали столько западный край, во вторыхъ, что даже интересуясь имъ, можно не забывать о другихъ предметахъ, и въ третьихъ, что статья объ англійскихъ рабочихъ пишется не просто ради ихъ самихъ лично, а также потому, что въ ихъ

быть изучаются законы политической экономии или факты общественного устройства, — а это изучение во всяком случае полезно, хоть бы для того, чтобы вѣрнѣе понимать наши собственные политико-экономическіе вопросы и наше собственное общественное устройство. Кажется, это ясно. Затѣмъ публицисту «Дня» не нравятся романы, служащіе симптомомъ и т. д., — на этомъ мы останавливаться не будемъ, такъ какъ о литературныхъ вкусахъ спорить нечего. Дальше опять непониманіе, доходящее до ребяческой наивности: публицистъ «Дня» увѣряетъ, что матеріалисты проповѣдуютъ совершенное разрушеніе всѣхъ нравственныхъ основъ общества... Повидимому въ этомъ случаѣ онъ ставитъ нашихъ «матеріалистовъ» въ солидарное отношеніе съ тѣмъ ученіемъ, которое собственно и по праву называется матеріалистическимъ (мы уже выразили прежде наше сомнѣніе относительно предполагаемыхъ размѣровъ русскаго матеріализма): объ этомъ ученіи у насъ толковали много вкривъ и вкосъ, изваливали на него всевозможныя обвиненія, — теперь оказывается, что и публицистъ «Дня», котораго все-таки называли серьезнымъ писателемъ, въ пониманіи матеріализма ушелъ не дальше господъ въ родѣ г. Аскоченскаго.

Намъ слѣдуетъ остановиться еще на одной темѣ, которую развиваетъ краснорѣчивый публицистъ «Дня». Эта тема заключается въ томъ, что если общество наше страдаетъ безлюдьемъ и отсутствіемъ умныхъ людей, то съ другой стороны богатства природнаго ума заключены въ народѣ; что отсутствіе ума въ обществѣ происходитъ отъ того, что оно покинуло почву, «живые источники питанія, хранящіеся въ народномъ материкѣ». Однимъ словомъ, вопросъ возвращается къ вещамъ давно знакомымъ, къ неопредѣленному понятію о народѣ, и къ еще болѣе неопредѣленному понятію о томъ, какъ хочетъ «День» посредствомъ народа помочь обществу. Дальше дѣло сводится къ болѣе спеціальному явленію нашей жизни, — «День» говоритъ: «Да и въ отношеніи къ одному ли уму представляется такая противоположность между русскимъ народомъ и русскимъ обществомъ? Умный народъ — малоумное общество; бодрый трудолюбивый народъ — лѣнивое, вялое общество; народъ способный къ самоуправленію, тысячу лѣтъ доказавшій эту способность и доказывающій ее понынѣ, — и общество, только болтающее о самоуправленіи, но до сихъ поръ рѣшительно ничѣмъ не доказавшее своей способности къ самоуправленію, или скорѣе доказавшее свою неспособность. Говоря «общество», мы по преимуществу говоримъ здѣсь о нашемъ дворянствѣ...» Прекрасно; — здѣсь-то и оказывается, что и «Дню» не мѣшало бы сдѣлаться на время космополитомъ и заняться, если не французскими швейми, то хоть всеобщей исторіей, — и онъ

увидѣть бы, что явленіе, оплакиваемое имъ какъ явленіе одного русскаго общества, есть общее культурное явленіе, и что въ этомъ явленіи нѣтъ еще никакого достаточнаго основанія для сокрушеній объ участи общества. Исторія научила бы его, что общество проходитъ въ своемъ развитіи извѣстные фазисы, — что если подобное происходитъ въ нашемъ обществѣ, то въ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго и во всякомъ случаѣ нѣтъ поводовъ къ сокрушенію о гибели общества и т. д. и т. д.

Для избавленія общества отъ упомянутаго малоумія и вялости, публицистъ «Дня» рекомендуетъ общеніе съ народомъ. Это общеніе такъ часто рекомендуется въ послѣднее время и рекомендуется въ такихъ неопредѣленныхъ и неясныхъ выраженіяхъ, что мы могли бы не останавливаться на этомъ предметѣ; что за охота раскапывать, что же хотѣлъ сказать человекъ такой-то фразой, и желалъ ли онъ указать этой фразой на ту или другую общественную или политическую форму общенія, или же онъ просто трактуетъ только о «нравственномъ», отвлеченномъ общеніи, общеніи въ глубинѣ сердца («День», какъ мы видѣли, много надѣется отъ такихъ отвлеченныхъ добродѣтелей). Ясное дѣло, что объ этомъ послѣднемъ общеніи и толковать не стоитъ: оно можетъ удобно существовать въ отдѣльныхъ лицахъ, можетъ приносить величайшую честь ихъ сердцу и нравственнымъ качествамъ, но оно не исправляетъ общественныхъ отношеній. Вопросъ въ учрежденіяхъ и правѣ, а не въ непорочности сердца... Не входя въ подробности этой темы, оставленной «Днемъ» въ нѣкоторомъ туманѣ, мы желали бы только разъяснить себѣ, что собственно понимаетъ «День» подъ народомъ, и какія границы, по его мнѣнію, раздѣляютъ его съ обществомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подъ народомъ публицистъ «Дня» понимаетъ ту часть русской націи, которая, не разившись чужеземной цивилизаціей «высшаго» и «образованнаго» класса, осталась вѣрна своему старому національному характеру и сохранила тѣ свойства общественныхъ понятій, какими отличалась пѣстари. Народъ противопоставляется «обществу», испорченному тѣмъ самымъ, что оно оторвалось отъ почвы; по общественному положенію, народъ — низшіе классы націи. Публицистъ «Дня» ведетъ это различіе двухъ отдѣльныхъ элементовъ русской націи такъ далеко, что люди общества, испорченные западной цивилизаціей (а кто же у насъ вѣшпорченъ?), получили даже остроумное прозвище русляндцевъ. Прежде всего мы полагаемъ, что «День» и здѣсь преувеличилъ дѣло: между русляндцами есть много людей, во первыхъ, нисколько не думавшихъ отдѣляться отъ народа и столько же считающихъ себя настоящими русскими, сколько считаетъ себя г. Аксаковъ; а во вторыхъ, людей, нисколько не имѣющихъ преувеличеннаго понятія о

западной цивилизаціи, которое приписываемъ имъ публицистъ «Дня»; если же при всемъ томъ эти люди иногда не совсѣмъ согласны съ чисто-народными понятіями о разныхъ предметахъ, то это несогласіе имѣетъ свое основаніе вовсе не въ оторванности отъ почвы, а просто въ большей степени знанія. Надѣмся, публицистъ «Дня» согласится, что можно быть настоящимъ русскимъ и все-таки не вѣрить въ лѣшихъ и домовыхъ, въ которыхъ вѣрить однако же народъ, или что можно быть русскимъ, нося панталоны и сюртукъ, а не портки и поддевку. Впрочемъ, «День» соображаетъ это плохо; поддевка и вѣра въ лѣшихъ все еще кажутся ему необходимымъ свойствомъ русскаго чловѣка, — иначе мы не можемъ объяснить себѣ его вражды къ матеріалистамъ, которыхъ — за ихъ философскія понятія — онъ считаетъ почти измѣнниками народности и отечеству, и слѣдовательно уже не настоящими русскими. Сколько мы ни вчитывались въ произведенія публициста «Дня», мы нигдѣ не нашли у него другихъ понятій объ этомъ предметѣ: вездѣ оказывалось ясно, что для того, чтобы быть настоящимъ русскимъ, вѣра въ лѣшихъ необходима; иначе публицистъ тотчасъ начинаетъ вопли объ оторванности отъ почвы, о пренебреженіи къ народнымъ преданіямъ и т. д. Желаемъ искренно, чтобы когда нибудь расширились его понятія объ этомъ предметѣ: онъ лучше тогда пойметъ положеніе вещей и больше принесетъ пользы своему дѣлу, съ которымъ могло бы тогда идти рядомъ и дѣло многихъ другихъ.

Дальше. Народъ, по понятіямъ «Дня», стоитъ выше общества, онъ тысячу лѣтъ доказалъ свою способность къ самоуправленію. Что народъ стоитъ выше большей части этого общества, мы совершенно готовы согласиться, но думаемъ, что и народная способность къ самоуправленію подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію, котораго не должны удалять отъ себя истинные друзья народа. Болѣе хладнокровное занятіе исторіей и здѣсь могло бы принести отъѣнную пользу московскому публицисту: не пускаясь въ подробный разборъ исторіи этого самоуправленія (которая неизвѣстна только публицисту «Дня»), мы укажемъ только на результатъ ея, — что отъ этого самоуправления осталось только одно качество, оно сдѣлалось только удобнымъ хозяйственнымъ распорядкомъ и частнымъ домашнимъ дѣломъ деревенскаго быта. Но и здѣсь достоинства деревенскаго самоуправления хорошенько не выдерживались: міръ зачастую дѣлался и дѣлается послушнымъ орудіемъ своего рода деревенской диктатуры или аристократіи: тому, кто былъ побѣдище и помирнѣе, перѣдко приходилось платиться за другихъ, кто былъ побогаче и помирнѣе. Не знаемъ, на сколько одна такая способность самоуправления, выражающая общественный умъ народа, способ-

на, въ случаѣ предполагаемаго «общенія», подѣйствовать на исправленіе общественной нашей слабости, какъ этого надѣется публицистъ «Дня»: до сихъ поръ мы еще не видѣли, чтобы эта способность выступила дѣйствительно могущественнымъ общественнымъ элементомъ, который могъ бы оживить разстроившійся организмъ общества. Если этотъ элементъ и впослѣдствіи останется такимъ же пассивно-неопредѣленнымъ, какимъ онъ является въ фактахъ своей прошедшей исторіи, онъ безъ сомнѣнія сдѣлаетъ такъ же мало, какъ сдѣлалъ прежде. Быть можетъ, ему самому потребуется или нѣкоторая помощь со стороны, или нѣкоторое усовершенствованіе. Теперь само же правительство и подастъ ему въ новыхъ земскихъ учрежденіяхъ эту стороннюю помощь, безъ которой онъ въ настоящее время не сдѣлалъ бы конечно подвинуть впередъ своего развитія...

Могутъ сказать, что на этотъ слой народа легло крѣпостное право, и что оно помѣшало ему выказать все возможное развитіе его нравственныхъ задатковъ. Это конечно справедливо, но едва ли еще рѣшенъ вопросъ о томъ, на комъ лежитъ вина этого историческаго бѣдствія, было ли оно ужасной случайностью, въ родѣ пожара или землетрясенія, случайностью, противъ которой не могла бороться человѣческая воля, было ли виновато здѣсь татарское нашествіе, или, можетъ быть, было и что нибудь другое. Но какъ бы ни было съ этимъ историческимъ несчастьемъ, въ нашемъ «народѣ» (въ смыслѣ «Дня») есть еще другой слой, уцѣлѣвшій отъ несчастья, не тронутый крѣпостнымъ правомъ, не тронутый и западной цивилизаціей и сохранившій поэтому свойства почвы. Это обширный классъ почтеннаго купечества и мѣщанства. «День» конечно не заподозритъ ихъ, что они оторвались отъ почвы: они остались вѣрны отцовскимъ преданіямъ, не участвовали въ займѣ чужаго ума, который устроивало себѣ общество, и по сію пору живутъ собственнымъ, неспорченнымъ умомъ. По программѣ «Дня» слѣдовало бы ожидать, что этотъ чисто русскій слой общества, не отчуждавшійся «отъ живыхъ источниковъ питанія, хранящихся въ народномъ материкѣ», будетъ живымъ упрекомъ обществу, потерявшему свою народность, будетъ для него образцомъ настоящаго русскаго ума и образцомъ его употребленія въ общественномъ дѣлѣ... Но едва ли и «День» не согласится, что этотъ слой не совсѣмъ соотвѣтствуетъ подобной программѣ: этотъ слой представляетъ еще меньше утѣшительнаго, чѣмъ представляетъ для «Дня» самое дворянство. Последнее по крайней мѣрѣ увлекалось, — этотъ слой не увлекался ничѣмъ, онъ (мы конечно говоримъ о цѣлой массѣ, а не о нѣкоторыхъ почтенныхъ исключеніяхъ) остался въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ разсталось съ нимъ XVII столѣтіе; цивилизація его не тронула, или онъ заним-

ствоваѣ изъ нея только одни пошлыя и ничтожныя подробности. До сей минуты самымъ обыкновеннымъ купеческимъ типомъ остается необузданный и дикій Титъ Титычъ; до сихъ поръ купеческій міръ остается темнымъ царствомъ, куда свѣтлый лучъ еще не пробилъ себѣ широкой дороги. Единственное увлеченіе идеей, появившееся въ темномъ царствѣ, была привязанность къ расколу, которому купечество оказывало важныя матеріальныя услуги... Но гдѣ же въ этомъ слоѣ та сила русскаго народнаго ума, о которой говоритъ публицистъ «Дня», какое употребленіе сдѣлаѣ изъ него этотъ слоѣ, сохранившій свою народность, владѣющій большими средствами, въ которыхъ всегда нуждалось крестьянство, свободный отъ всякихъ чужестранныхъ наважденій, свободный и въ общественной жизни? Отчего и здѣсь, при условіяхъ совершенно благопріятныхъ, этотъ обширный народный русскій умъ, похваляемый, по словамъ «Дня», самими иностранцами, остался безплоденъ и даже незамѣтенъ? Неужели его хватило только на то, чтобы упрямо запереться отъ ненавистой чужой цивилизаціи и оставаться въ берлогѣ полтора столѣтія? Желательно, чтобы публицистъ «Дня» обратилъ вниманіе на эти вещи: онѣ не совсѣмъ укладываются въ его систему; но только при этомъ совѣтуемъ ему не ссылаться на «учрежденія», — онъ самъ постоянно предостерегаетъ отъ подобныхъ ссылокъ.

Наконецъ мы указали бы публицисту и другіе классы, не входящіе также въ расчетъ при толкахъ объ «обществѣ», также сохранившіе неподдѣльную народность и также, не смотря на то, не сдѣлавшіе ничего для общественнаго прогресса. Впрочемъ, какъ видно изъ нѣсколькихъ послѣднихъ номеровъ «Дня», публицистъ этой газеты самъ знаетъ эти классы, и мы не имѣемъ нужды входить въ дальнѣйшія подробности...

Что же изъ этого слѣдуетъ? То слѣдуетъ, кажется намъ, что благородное негодованіе публициста противъ общества (оговоримся, что мы подъ обществомъ понимаемъ не одно дворянство, какъ иногда понимаетъ «День») не имѣетъ за себя достаточныхъ резоновъ, что онъ не можетъ отличить въ этомъ обществѣ его гнили отъ здоровыхъ и развивающихся частей, что его надежды на единственное спасеніе отъ «общенія» и отъ чистоты сердца и неясны, и не имѣютъ достаточно историческаго оправданія. Видѣть въ народѣ непосредственную общественную силу, которая могла бы поддержать наше общество, можно только подъ извѣстными условіями и ограниченіями, — а заниматься одной отвлеченной проповѣдью о питаніи изъ нетронутого народнаго материка и остротѣ народнаго ума (находящагося однако на дѣлѣ въ совершенномъ бездѣйствіи) значитъ переливать изъ пустаго въ порожнее.

Совѣтуемъ публицисту «Дня» лучше объяснить себѣ напередъ тѣ предметы, о которыхъ онъ пишетъ. Иначе онъ окончательно спутаетъ своихъ почитателей: общество (или дворянство), гражданская среда, материалисты и нигилисты, — все это перемѣшивается, противопоставляется одно другому, обвиняется въ загубленіи русскаго ума и т. д., такъ что наконецъ становится трудно объяснить себѣ эту мозаику перепутанныхъ мыслей, которой «День» угощаетъ читателей на каждой первой страницѣ своихъ нумеровъ.

Эта путаница тѣмъ прискорбнѣе, что иногда публицистъ «Дня» говоритъ вещи весьма справедливыя. Таково напримѣръ его положеніе, выраженное въ № 41: «вопросъ (по поводу котораго «День» и пускается въ вышеприведенныя соображенія о русскомъ обществѣ, почвѣ и проч.) объ участіи русскаго общества въ борьбѣ двухъ національныхъ элементовъ въ западномъ краѣ связанъ съ *внутреннимъ развитіемъ самого русскаго общества*». Мысль совершенно основательная, хотя, какъ мы увидимъ дальше, и здѣсь, даже поставивши свою мысль простымъ и вразумительнымъ образомъ, публицистъ не справился съ ея подробностями. Между прочимъ какъ-то бросается въ глаза, что это внутреннее развитіе самого русскаго общества занимаетъ публициста все только по отношенію къ полонизму, тогда какъ всякому ясно, что оно требовалось бы и само по себѣ, независимо отъ полонизма, для нашего собственнаго обихода. Дѣлая такое специальное требованіе развитія, и мѣрзя происходящія въ нашемъ обществѣ явленія только по отношенію ихъ къ полонизму, онъ не умѣетъ оцѣнить хорошенько ихъ настоящаго значенія: одинъ разъ онъ жалѣетъ напр., что извѣстныя направленія не могутъ высказаться о своемъ отношеніи къ польскому вопросу (см. «День» № 41, стр. 2), а въ другой разъ, — не выслушавши, за этой невозможностью, ихъ мнѣнія, — осуждаетъ ихъ по своимъ собственнымъ соображеніямъ... Но пусть будетъ такъ, — что внутреннее развитіе нужно намъ въ особенности для разрѣшенія вопроса о полонизмѣ; «День» рассуждаетъ объ условіяхъ борьбы противъ него слѣдующимъ образомъ:

«Польской интеллигенціи должно быть противопоставлено не что другое, а свободная русская интеллигенція; польской обществу — русская общественность... Однимъ словомъ — всѣмъ нравственнымъ и умственнымъ силамъ полонизма должны быть противопоставлены русскія нравственныя и умственныя силы... Мы исполнѣ вѣримъ въ возможность полной и самой полной побѣды, но для этого-то и необходимо намъ — видѣть и разумѣть нашего врага безошибочно ясно, — необходимо вызвать къ дѣйствию *все* наши нравственныя силы и устранить препятствія, останавливающія или замедляющія ихъ развитіе... Необходимо, при изученіи недуга, вхо-

леть въ подробное разбирательство, что въ немъ есть *мѣстнаго* и что въ немъ есть *общаго*, охватывающаго собою все тѣло, — а также чѣмъ онъ можетъ быть излѣченъ — мѣстными ли катаплазмами, или же общими средствами, возвращающими здорovie всему организму... Болить у васъ въ Лепель, — лечите себя въ Пензѣ и т. д.»

Если дѣло состоитъ въ этомъ, что же удивляться и негодовать на то, что борьба съ полонизмомъ въ *западныхъ* губерніяхъ не столько занимаетъ русское мыслящее общество, сколько хочется этого «Дню». Если самъ онъ находитъ, что быть можетъ для излеченія болѣзни нужно не мѣстное, а общее леченіе, къ чему съ такой непохвальной въ развитомъ человѣкѣ нетерпимостью нападать на людей, которыхъ мнѣнія не знаешь (см. выше), и которыхъ именно занимаетъ общій вопросъ, отъ котораго зависитъ и частный? Выписанная нами тирада показываетъ, что публицистъ «Дня» еще способенъ понимать извѣстное положеніе вещей, — но пусть онъ сравнитъ его съ тѣмъ, что было написано имъ за нѣсколько минутъ, или за недѣлю; въ результатѣ открывается путаница. Оказывается, что дома у себя такъ много дѣла, что мыслящій человѣкъ общества имѣетъ козное право поставить общій вопросъ выше частнаго, что онъ имѣетъ право не совѣтаться въ такое дѣло, гдѣ — для того, чтобы стать на вѣрную точку зрѣнія и на вѣрный способъ дѣйствій — нужно не только знаніе мѣстныхъ условій, которое все-таки дается не вдругъ, но и возможность во всю ширину проводить свое убѣжденіе.

«День» можетъ еще плакаться на недостатокъ «честныхъ» и «умныхъ» чиновниковъ, но онъ долженъ же признать за ними право обсуждать самымъ мудреный вопросъ и рѣшать, способны ли были бы они своими одними усиліями поправить дѣло, представляющее массу громаднѣхъ трудностей, дѣло, даже не зависящее отъ усилій частныхъ лицъ. Самъ же «День» изъяснялъ опасеніе, какъ бы не попали въ западныя губернія такіе становые, какихъ не мало бывало въ восточныхъ, — и это опасеніе конечно справедливо; такіе становые были бы очень вредны для русскаго дѣла. Мыслящіе люди, которыхъ попрекаетъ «День», и продолжаютъ интересоваться больше земскими учрежденіями, судебной реформой и т. п., изучаютъ предметы юридическіе, политико-экономическіе, и т. п. и въ заключеніе, въ общемъ историческомъ счетѣ окажется, быть можетъ, что заниматься англійскими работниками было полезнѣе, чѣмъ заниматься проповѣдями о чистотѣ сердца и покаянномъ смиреніи.

Мы жалѣемъ, что «День» затрудняется высказать вполнѣ свои мысли и желанія: сведенное на прямой практической вопросъ, дѣло было бы несравненно яснѣе. Полагаемъ, что и самъ «День» увидѣлъ бы массу противорѣчій, которую заставляетъ онъ переваривать сво-

ихъ читателей. Безъ этого, находясь постоянно въ патетическомъ настроеніи, онъ на второй страницѣ забываетъ то, что говорилъ на первой, и только вводитъ въ заблужденіе неопытнаго читателя (русскій читатель вообще весьма неопытенъ), на нервы котораго дѣйствуетъ это сценическое вдохновеніе. Репутація «искренности» довершаетъ остальное, и въ обществѣ прибавляется одинъ лишній проповѣдникъ безполезныхъ вещей.

Публицистъ «Дня» говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что цѣлью его татей было — воздержать наше общество отъ слишкомъ легкомысленнаго отношенія къ врагу, возбудить напряженіе нашихъ *общественныхъ* силъ и направить ихъ къ дѣятельности *общественной* (?), не обнадеживаясь дѣятельностью силъ государственныхъ и проч. Мы полагаемъ, что туманнаго краснорѣчія «Дня» мало для этого возбужденія, потому что для этого требуется большей ясности въ воззрѣніяхъ со стороны возбуждающаго и больше фактической доказательности: фразы о непорочности сердца, о земскомъ умѣ народа, признаваемомъ самими иностранцами, и т. д. не убѣдятъ человека мыслящаго. Наконецъ, кого же хочетъ возбуждать «День» къ дѣятельности, какое «общество» онъ имѣетъ въ виду? Если общество клубное, на которое онъ столько разъ ссылается и отъ котораго онъ слышался о нашемъ безлюдьѣ, то дѣло, право, не стоитъ труда.

ГЕРМАНСКОЕ ЕДИНСТВО.

Австрія въ 1859 г., видя наступающую войну съ Франціей, употребила всѣ старанія, чтобы убѣдить Германію, будто опасность угрожаетъ «общему отечеству» отъ французскаго честолюбія и его старинныхъ видовъ на «естественную Рейнскую границу.» Ей хотѣлось поднять Союзъ противъ собственныхъ враговъ. Пруссія, не безъ тайнаго удовольствія видѣвшая ослабленіе Австріи, иначе поставила вопросъ. По ея мнѣнію дѣла Габсбургцевъ въ Италіи ни мало не касались Германіи; но это явленіе вѣиной исторіи благотѣльно подѣйствовало на федерацію, напоминая ей о необходимости реформы и прусской гегемоніи. Не всѣ раздѣляли эти мысли о гегемоніи. При спорѣ правительства призывали прессу на помощь. Результатомъ было возрожденіе съ новою силой стремленія къ единству Германіи. Посмотримъ поближе, какъ совершилось это возрожденіе, какъ раздѣлились интересы, слѣдовательно какія партіи образовались при вступленіи вопроса на практическую почву, какъ партіи эти дѣйствуютъ. Въ заключеніе мы вѣроятно составимъ себѣ ясную картину настоящаго положенія вопроса и увидимъ, на сколько Германія разъяснила и усвоила себѣ любимую идею, слѣдовательно чего можно ожидать отъ нея?

I.

Австрійское правительство до 1859 года было представителемъ грубаго произвола, полицейской и военной власти, несправедливостей, конкордата. О либералѣ Шмерлингѣ не хотѣли еще и думать. Бахъ, Брукъ, особенно Грюне и Раушеръ царствовали нераз-

дѣльно, и доблестно продолжали утверждать за Австріей завидное положеніе страны, ненавидимой всякимъ, кто сколько нибудь обладалъ чувствомъ справедливости и человѣческаго достоинства. Изъ смутъ 1848 года она вынесла только новое орудіе притѣсненія — административную централизацію; и «возрожденная Австрія» къ удивленію образованнаго міра доказала возможность государственнаго устройства еще болѣе возмутительнаго, чѣмъ устройство Габсбургской имперіи до 1848 г. Вездѣ щедрою рукою разсыпая свои полицейскія благодѣянія, правительство превзошло себя въ Италіи. Даже скромный нѣмецъ (нетребовательная натура котораго справедливо вошла въ половицу) съ негодованіемъ слушалъ рассказы о подвигахъ соотечественниковъ въ Ломбардіи, и въ веселый часъ, послѣ десятой кружки пива, оглядѣвъ замки и двери, ударяя кулакомъ по столу, шопотомъ признавался задумчивому пріятелю, что если бы съ нимъ поступали такъ же, какъ съ ломбардцами, — онъ бы «чортъ возьми, не выдержалъ!»

— О! да что жъ бы ты сдѣлалъ?

— Я бы такую статью махнулъ въ газетахъ!..

— Австріецъ бы запретилъ печатать.

— Ты думаешь? Это другая пѣсня. Въ такомъ случаѣ конечно дѣлать нечего!

Такъ видите, Германія не сочувствовала австрійскому дѣлу. Императоръ зналъ это и не надѣялся на помощь противъ итальянцевъ; но за нихъ вступался Наполеонъ. Вслѣдствіе своего грустнаго положенія между Россіей и Франціей, Германія необыкновенно чутко прислушивается къ малѣйшему шуму съ той или другой стороны; ей мерещится, будто еще можетъ найтись правитель, достаточно не развитой, чтобы въ настоящее время стремиться къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ. Особенно (и можетъ быть не даромъ) пугаетъ ее предлагаемое желаніе Франціи подвинуть свои границы до Рейна. За эту слабую струну пѣмца всегда можно задѣть, на ней-то Бахъ и Буоль и рѣшились варьировать австрійскую тему. Въ союзномъ актѣ есть параграфъ (46-й), по которому федерація не обязана защищать внѣ-федеральныхъ владѣній союзника. Но, замѣчаетъ параграфъ 47-й, слѣдуетъ дѣлать исключеніе въ случаѣ, если нападеніе на такую внѣ-федеральную территорію угрожаетъ опасностью для самаго союза. Буоль старался представить французское вмѣшательство именно событіемъ, подходящимъ подъ случай, предвидѣнный 47-мъ парагр. Началось изверженіе патріотическихъ статей и театральныхъ представлений. Баварское правительство, всегда съ удовольствіемъ видѣвшее въ австрійскихъ штыкахъ опору своему безцеремонному обращенію съ народомъ, конечно рѣшилось поддержать полезную дружбу, и

заказало для мюнхенской сцены «возмущенье Тассилона», герцога базарскаго, противъ Карла Великаго! Изъ тѣхъ же побужденій Виртембергъ, Ганноверъ, Саксонія настроили свои официальные журналы въ надлежащемъ тонѣ. Даже крестовая партія въ Пруссіи стала подтягивать. Ей по душѣ пришлось напимѣрь такое разсужденіе австрійскихъ брошюръ: «императорская Франція есть Франція 1789 г., врагъ феодальныхъ и монархическихъ традицій. Наполеонъ хочетъ наводнить Европу тлетворными принципами, подавленіе которыхъ составляетъ гордость и славу договоровъ 1815 года».

Пруссія внимательно слѣдила за этими успѣхами. Очевидно ей не хотѣлось видѣть общегерманскаго вооруженія за австрійскіе интересы. Владѣтельные князья были не прочь отъ него, они разсуждали какъ крестовые феодалы, но народъ не сочувствовалъ Австріи и двигался кой-гдѣ единственно подъ вліяніемъ идеи о французскомъ нашествіи, о новомъ униженіи Германіи, прельщало его и соединеніе во едино германскихъ полчищъ, національная сила, поддержаніе духа единенія въ германскомъ народѣ. Возрождались старыя мечты. Этимъ-то настроеніемъ и рѣшился воспользоваться регентъ. Въ рѣчи при открытіи палатскихъ засѣданій, онъ не сказалъ ни слова о францужско-австрійскихъ дѣлахъ, хотя и упомянулъ объ союзныхъ своихъ обязанностяхъ, напимѣрь, въ шлезвигскомъ вопросѣ. Этимъ онъ какъ будто давалъ замѣтить, что не считаетъ австрійскаго дѣла касающимся союза. Палата отвѣтила въ томъ же духѣ. Въ Вѣнѣ и не ожидали конечно благосклонныхъ для Австріи рѣчей изъ Берлина, но по крайней мѣрѣ надѣялись, что Пруссія выскажется какънибудь. Буоль очень хорошо понималъ, что молчаніе хуже противодѣйствія. Очевидно Пруссія не только рѣшилась разрушить его планы, но еще нашла слабую сторону, съ которой нападеніе легче. Она даетъ пищу національнымъ мечтамъ виѣ австрійскаго дѣла, отниметъ слѣдовательно у Вѣны единственное средство дѣйствія на общественное мнѣніе. Шлейницъ въ скоромъ времени подтвердилъ его опасеніе, показавъ сверхъ того, что воспользуется случаемъ для энергическаго возобновленія давнихъ стремленій Пруссіи въ гегемоніи. Буоль поспѣшилъ обязать второстепенныхъ монарховъ какимъ-нибудь обѣщаніемъ прежде, чѣмъ политика Пруссіи успѣетъ подѣйствовать. 5-го февраля онъ отправилъ ко всѣмъ германскимъ дворамъ (кромѣ прусскаго) ноту, въ которой просилъ князей опредѣлительно сообщить объ ихъ намѣреніяхъ въ отношеніи предстоящей войны. Палаты, составленныя изъ покорнаго большинства, легко нашли ораторовъ, настроенныхъ въ пользу Австріи. Въ Мюнхенѣ, въ Биберахъ, въ Ганноверѣ, въ Штуттгартѣ рѣшили «защищать Рейнъ на берегахъ По». Этому вліянію Шлейницъ противопоставилъ свое. 12-го февраля онъ извѣщалъ

тѣ же дворы, что: 1) какъ германская держава, Пруссія всегда останется вѣрной своему призванію, но не обременитъ себя обязательствами, не составляющими ея долга; 2) какъ великая европейская держава, она по соглашенію съ Англіей и Россією постарается предупредить итальянское столкновеніе. Въ переводѣ это значило: намъ, какъ исключительно германскимъ державамъ, до Италіи дѣла нѣтъ. Въ-стѣ съ тѣмъ появились брошюры, высказывавшія, что вліяніе вѣннской исторіи благотвительно подѣйствовало, напомнивъ Союзу о возможности иноземнаго вторженія, что Союзомъ слѣдуетъ заняться, въ немъ много несовершенствъ, напримѣръ можно почесть истиннымъ несчастіемъ, что Пруссія раздѣлена Ганноверомъ и Ольденбургомъ, что берега Сѣвернаго моря не въ ея рукахъ, что она еще не довольно сильна для той роли, которую должна занимать ради германскаго и европейскаго спокойствія. Мало по малу даже высказали, что если усиленію Пруссіи мѣшаетъ Австрія, то слѣдуетъ уничтожить Австрію, все для блага Германіи. При такой мысли очевидно слѣдовало желать побѣды итальянцамъ. Многіе ея и желали. Привеяся такое воззрѣніе, возбужденное Булемъ движеніе умовъ обращалось противъ него же. Въ какой же сферѣ нашлись приверженцы каждой изъ упомянутыхъ партій? За Австрію стояли второстепенные монархи, привыкшіе къ ея поддержкѣ въ своихъ абсолютныхъ стремленіяхъ и всегда боящіеся прусскаго честолюбія. Къ нимъ присоединились консервативные члены ихъ собственныхъ палатъ и прусскіе феодалы. Съ регентомъ шли: остальная Пруссія, оппозиція въ палатахъ прочихъ государствъ, либеральная пресса. Изъ этого можно заключить, что Пруссія никогда не поддерживала произвола правителей, что ея иго даже отрадно или что нѣмцы невзыскательны. Дѣйствительно, постоянно преслѣдуя идею своей гегемоніи, Пруссія вездѣ старалась поддерживать либераловъ. Ей слѣдовало привлечь на свою сторону или принцевъ или оппозицію. На принцевъ нельзя было много рассчитывать, такъ какъ гегемонія могла состояться только за счетъ ихъ власти. Надо было рѣшиться сдѣлать оппозицію своею опорой. Этой вѣннской политикѣ Пруссія всегда и слѣдовала въ Германіи. Такъ даже въ послѣднее время она поддержала гессенскихъ либераловъ, такъ она всегда вѣншивалась въ датскія дѣла съ герцогствами. Либералы считали ее своею покровительницей. Кромѣ того въ 1859 году при министерствѣ принца Готенцоллернъ-Зингмарингенскаго, Шлейница, Ауэрсвальда и др., предразсудокъ о прусскомъ либерализмѣ существовалъ во всей силѣ. Такъ какъ взоры ихъ были преимущественно обращены на сравненіе Пруссіи съ Австріей, то они и привыкли разсуждать въ тѣсной рамкѣ этого сравненія. Дѣйствительно трудно было потерять первенство въ такомъ сравненіи. Пруссакъ довольствовались тѣмъ, что

имъ не предписывали національныхъ займовъ въ родъ займа 1854 г., что регенту не съ кѣмъ было заключать конкордата, что онъ могъ успокоить католиковъ, приказавъ Каульбаху измѣнить сюжетъ своихъ картинъ изъ германской исторіи при входѣ въ берлинскій музей. Наконецъ по самому своему положенію, не имѣя заботы о насильственномъ удержаніи народностей, какъ Австрія, прусское правительство могло дать своимъ подданнымъ нѣсколько большую свободу. При распространеніи классическаго воспитанія въ Германіи, довольно легко понять, что она прониклась принципомъ Горація: «блаженъ, кто малымъ доволенъ». Такъ при выборѣ между Пруссіею и Австріею всѣ «передовые люди» клонились на сторону Пруссіи. Ее поддерживали и остатки Франкфуртскаго парламента 1848 года, мечтавшіе объ имперіи.

Ясно, вопросъ о реформѣ и гегемоніи привился, воскресъ, но въ Пруссіи правительство еще не касалось его прямо и официально, Австрія же только и думала о 47-мъ параграфѣ. Видя направленіе Шлейнища, эрцгерцога Альберта самъ отправился въ Берлинъ, гдѣ встрѣтилъ короля ганноверскаго и принца мекленбургскаго, даже английскихъ посланниковъ. Регента осадили, консервативная Германія была не безъ вліянія; по вычисленію Рюстова напримѣръ, что-то около половины прусскихъ офицеровъ принадлежатъ къ феодаламъ. Опять и воображенію либераловъ надо было дать игрушку, чтобы они не прельстились возможностью прославить германскія знамена новымъ пораженіемъ или новой побѣдой въ австрійской службѣ. Потому Пруссія довольно охотно сдѣлала уступку, которая съ одной стороны заставила консерваторовъ умолкнуть на время, съ другой же убѣдила приверженцевъ Пруссіи въ томъ, что она избѣгаетъ войны только пока дѣло идетъ объ австрійскихъ виѣ-союзныхъ владѣніяхъ, но что Германію она будетъ защищать до послѣдняго, что наконецъ не дастъ застичь ее врасплохъ. Приказано было поставить на военное положеніе три прусскихъ корпуса. Полномочный прусскій министръ при Франкфуртскомъ сеймѣ, Узедомъ, предложилъ сдѣлать то же съ остальнымъ федеральнымъ контингентомъ, при чемъ строго и точно подтвердилъ оборонительный характеръ вооруженія. Рехбергъ обѣщалъ три австрійскихъ корпуса, Сеймъ постановилъ составить армію изъ баварскихъ, виртембергскихъ, баденскихъ и гессенскихъ войскъ. Австрія надѣялась, что достигнувъ такого результата, она новыми усиленіями достигнетъ и перехода оборонительныхъ намѣрсній въ наступательныя. Пруссія еще разъ предупредила, что на нее въ этомъ случаѣ разсчитывать нечего, что она дальше не двинется. Именно когда лондонскій и петербургскій кабинеты выразили свое полное одобреніе за ультиматумъ, посланный въ Туринъ, Пруссія присоеди-

являсь къ этому заявленію. Кромѣ того, она послала въ Парижъ и къ германскимъ дворамъ ноты, въ которыхъ подтверждали свои намеренія. Булю оставалось одно средство: принудить Пруссію на шагъ, котораго она не хотѣла сдѣлать добровольно. Австрія не ловко было самой предложить Сейму образовать обсерваціонную армію на Рейнѣ, — она съ помощью саксонскаго министра Бейста уговорила Ганноверъ принять эту роль. Пруссія просто объявила, что не послушается Сейма; при чемъ предложила измѣнить положеніе такой «недѣйствительной» федераціи и сдѣлать союзную реформу. Пруссіе органы съ высоты величія и съ презрительной насмѣшкой пересчитывали силы меньшихъ государствъ: «имъ ли вынуждать Пруссію къ чему бы то ни было: у Ганновера нѣтъ денегъ, въ Баваріи нечѣмъ одѣть солдатъ, у Виртемберга старыя ружья, у Нассау ничего нѣтъ!» Австрійская партія прибѣгла къ послѣднему, правда совершенно бесполезному, средству людей, рѣшительно побитыхъ, стала бравиться и жаловаться, — Аугсбургская газета съ отчаяніемъ вопила: «Что же станетъ съ Союзомъ, если Пруссія не слушается его! Что станетъ съ трактатами, если ихъ нарушаютъ (какъ будто трактаты когда нибудь стѣсняли кого бы то ни было)! Пруссія не хочетъ повиноваться большинству, такъ не Германіи же повиноваться ей». Консерваторы, дворяне, духовенство, особенно въ Баваріи, дѣлаютъ манифестаціи въ пользу Австріи, либералы отвѣчаютъ манифестаціями въ пользу Пруссіи. Сочиняютъ пѣсни, гдѣ въ лирическомъ восторгѣ не только прямо требуютъ гибели Австріи, но даже доходятъ въ пользу Пруссіи до поэтическихъ вольностей, которыя въ просторѣчьи называются ложью. Ожесточеніе съ обѣихъ сторонъ доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Югъ собирается уничтожить Пруссію, Пруссія не отстаетъ въ хвостовствѣ. Ненависть возрастаетъ со дня на день.

Тогда слышались голоса изъ Швейцаріи; Фохтъ выразилъ надежду, что Австрія и Пруссія погубятъ другъ друга въ борьбѣ и освобожденная отъ покровителей Германія возстанетъ для лучшей жизни. Но онъ не нашелъ отголоска, и замолкъ.

II.

О Фохтѣ и его друзьяхъ нечего и говорить, — такъ какъ они немедленно затихли. Изъ двухъ же партій, раздѣлявшихъ Германію, очевидно приверженцы Австріи являются наиболѣе послѣдовательными и логичными. Они твердо знаютъ, куда стремятся, чего хотятъ. Имъ хорошо жилось до сихъ поръ, — они стараются удержать свое положеніе. Средство къ этому они видятъ въ Австріи, въ германскомъ раздѣленіи, потому и отстаиваютъ выгодный союзъ, выгодное поло-

женіе дѣлѣ. Либералы же стремятся къ пустому шуму, къ вѣщности безъ содержанія. Это весьма вредные люди: они затѣваютъ безпорядки, смуты, нарушаютъ спокойствіе мирныхъ гражданъ громкими рѣчами, и не имѣютъ оправданія своимъ дѣйствіямъ. Государства и народы иногда приносятъ жертвы, извиняемыя надеждами на результатъ, способный вознаградить за потери. Либералы же такого извиненія не имѣютъ. Это или злонамѣренные люди, желающіе шумѣть единственно для потѣхи, чего допускать не слѣдуетъ; или дѣти, взявшіеся за игрушки, значенія которыхъ не понимаютъ. Трудно предположить въ нѣмецкихъ либералахъ желаніе пошумѣть и подвигаться, — это не соотвѣтствуетъ національному характеру. Проще будетъ такое поясненіе: они плохо понимаютъ, что дѣлаютъ. Ставя Пруссію во главѣ движенія, они мѣняютъ власть своихъ повелителей на другую: стоитъ ли изъ-за этого нарушать общественное спокойствіе? Они соединяютъ подъ одну власть значительныя силы; такимъ образомъ отечеству, достаточно обороненному и собственной силой и положеніемъ въ системѣ европейскаго равновѣсія — даютъ возможность развить стремленіе къ первенству, къ завоеваніямъ, вообще къ дорогому тщеславію, разоряющему страну, мѣшающему ея внутреннему благоденствію. И для этого стоитъ ли нарушать общественное спокойствіе? Если же они надѣются, давъ Пруссіи въ руки громадную армію, давъ случай дому Гогенцоллерновъ привязать ее къ себѣ многими подвигами, склонить затѣмъ эту династію на уступку имъ распоряженія судьбами имперіи, — они не знаютъ исторіи. Съ какой стороны ни посмотришь, либералы по обыкновенію здѣсь, какъ вездѣ, взяли на себя самую смѣшную и глупую роль. Что же касается до прусскаго правительства, — нельзя не похвалить его предусмотрительности и умѣнія пользоваться обстоятельствами. Оно въ свою очередь дѣйствуетъ покуда такъ же логично, какъ австрійская партія. Дальнѣйшая исторія подтвердитъ этотъ взглядъ.

Пока газеты, барды, и манифестаторы кричатъ за Австрію или противъ нея, побѣда за побѣдой одерживается французско-піемонтскими войсками. Пруссія видитъ особенно благопріятную эпоху для своего возвеличенія, и не упускаетъ изъ виду необходимаго ослабленія Австріи; чтобы еще болѣе убѣдить союзниковъ въ своей предусмотрительности, регентъ снаряжаетъ другіе три корпуса, поручаетъ Узедому призвать федерацію къ новымъ вооруженіямъ, къ образованію обсерваціоннаго корпуса на Рейнѣ, но чуть ли не въ тотъ же день отправляетъ къ державамъ ноты, въ которыхъ предлагаетъ посредничество, при чемъ говоритъ, будто за Австріей нельзя удержать прежнихъ границъ, надо признать настоящее *statu quo* территоріальныхъ отношеній; французскія войска стояли около знаменитаго четырехъ-у-

гольника. Прусская газета произнесла самое слово прусской политики: вооруженное посредничество. Не только Рехбергъ, замѣнявшій Буоля, но и менѣе опытный дипломатъ понялъ бы, къ чему такая система вела Австрію. Посредникъ въ главѣ 200—300-тысячной арміи очень опасенъ. Онъ можетъ предложить невозможныя для одной стороны уступки, и въ случаѣ ея несогласія дѣйствовать вмѣстѣ съ врагомъ. Либералы ободряли Пруссію; при ловкой агитаціи она могла внести совершенный раздоръ между ними и ихъ правителями въ свою пользу. Австрія посмѣшила заявить, что такое посредничество невозможно, второстепенные мсвархи особенно испугались движенія. Оставалось или тотчасъ бросить эти силы на Францію, или скорѣе хлопотать объ ихъ распушеніи.

Предложенныя Узедомомъ вооруженія были приняты Сеймомъ. Оставалось рѣшить вопросъ о верховномъ начальствѣ надъ федеральными войсками. Пруссія дѣйствовала какъ бы въ увѣренности, что начальство это принадлежитъ ей по праву, да оно и обусловлено было всѣмъ ходомъ событій. Главнокомандующій однако обыкновенно назначается Сеймомъ. Австрія предложила назначить отдѣльнаго независимаго начальника каждой отдѣльной группѣ федеральныхъ войскъ. Необходимость единства доказать было не трудно. Приходилось уступить Пруссіи это начальство. По союзному акту, Сеймъ—вмѣстѣ взятый—выше отдѣльныхъ владѣльцевъ, онъ слѣдовательно давалъ регенту общегосударственную должность, подчинялъ его инструкціямъ, требовалъ присяги. Чтобы предварительно склонить регента на принятіе этой роли, Виндигрецъ нарочно отправился въ Берлинъ.

Подъ условіемъ присяги, Австрія отдавала регенту въ распоряженіе даже свои федеральные корпуса. Но Пруссія полезно было протянуть время. Ей по крайней мѣрѣ хотѣлось вынудить признаніе яснымъ фактомъ, что она не слушается Сейма, а сама ведетъ Сеймъ. Вопреки всѣмъ союзнымъ постановленіямъ, она не довольствовалась второстепенной ролью: регентъ отвѣчалъ уклончиво, онъ ожидалъ сообщеній изъ Лондона и Петербурга.—Но къ 11 іюля военная коммиссія Сейма должна была окончательно рассмотреть вопросъ о начальствѣ, неофициальному предложенію изъ Франкфурта надо было отвѣтить. Предстояло или принять его, или прямо вступить въ раздоръ съ федерацией... Этого дня Европа ждала съ нетерпѣніемъ. На практическую дѣятельную почву могъ перейти еще одинъ изъ вопросовъ, завѣщанныхъ средними вѣками и вѣскимъ конгрессомъ пятнадцатаго года... Но 11 іюля по Германіи разнеслась другая вѣсть, — вѣсть о виллафранкскомъ мирѣ.

Положеніе императора требовало энергическихъ мѣръ. Шлейницъ отправлялъ свои ноты въ день битвы при Сольферино. При самомъ

благопріятномъ исходѣ посредничества, Ломбардія все-таки отходила отъ Австріи. Наполеону съ точки зрѣнія завоеваній и равновѣсія, еще до сихъ поръ двигающей международныя отношенія, тоже не могло нравиться образованіе въ Германіи крѣпкой силы. Опять онъ видѣлъ, что новый фазисъ вопроса повлечетъ за собой тысячи неблагоприятныхъ для него послѣдствій, потому предложилъ австрійскому императору условія мира даже болѣе выгодныя, чѣмъ тѣ, которыхъ онъ могъ ожидать при внимательствіи посредниковъ. Трудно было Францу Іосифу не согласиться.

III.

Если Австрія съ своими приверженцами и боялась пріемовъ Пруссіи, и понимала, что можно сдѣлать въ ея положеніи, то все-таки еще оставалось вопросомъ, далеко не рѣшеннымъ: рѣшилась ли бы, шумѣла ли бы Пруссія воспользоваться обстоятельствами? Вѣроятно нѣтъ; — она слишкомъ плохо поняла послѣдующую свою роль, потому, должно думать, не справилась бы и съ прежней обстановкой. Но въ суматохѣ, въ шумѣ, которые бы непременно возникли, страсти могли разгорячиться, люди, когда-то вліятельные, снова могли найти себѣ партіи, явились бы новые энергическіе дѣятели, Пруссіи могли предложить снова такую легкую добычу, что она бы взяла ее; вопросъ могъ принять и другой оборотъ, — словомъ, вѣроятно вышло бы чтонибудь болѣе или менѣе энергическое. Но съ заключеніемъ виллафранк-скаго мира все охладѣло. Какъ будто чувствуя это, прусскія газеты не совсѣмъ ему рады. Опять онъ пришелъ быстро, неожиданно, засталъ врасплохъ еще не крѣпко сплотившіяся партіи. Онѣ не знали, какъ отнестись къ нему. Пруссія двигалась, подстрекаемая большимъ, ежеминутнымъ соблазномъ; на спокойную же, стойкую, твердую дѣятельность она была не способна. Еще менѣе новыхъ обстоятельствъ могли ободрить ее либералы. Имъ самимъ нужно было искать поддержки и бодрости, газеты кричали, что не надо оставлять возбужденнаго движенія. Въ Эйзенахѣ собралось нѣсколько людей, называвшихъ себя демократами, и, пошумѣвъ, они рѣшили напечатать слѣдующій документъ:

«Ст. 1. Мы въ настоящемъ положеніи дѣла видимъ большія опасности для независимости нашего германскаго отечества; и опасности эти скорѣе увеличились, чѣмъ уменьшились миромъ, заключеннымъ между Франціей и Австріей.

«Ст. 2. Коренная причина этихъ опасностей въ худомъ федеральномъ устройствѣ Германіи, и устранить ихъ можетъ единственно быстрое измѣненіе этого устройства.

«Ст. 3. Для этого необходимо, чтобы германскій Сеймъ былъ замѣненъ центральнымъ германскимъ правительствомъ, твердымъ, сильнымъ, постояннымъ, и чтобы созвано было національное собраніе.

«Ст. 4. Въ настоящемъ положеніи только Пруссія можетъ дѣйствовать въ этомъ направленіи, потому слѣдуетъ убѣдить Пруссію принять на себя нужную инициативу.

«Ст. 5. Потому, также какъ для сильнѣйшаго охраненія германскихъ интересовъ во внѣшней политикѣ, слѣдуетъ временно, до окончательнаго устройства германскаго правительства, ввѣрить Пруссіи начальство надъ военными силами Германіи и дипломатическія сношенія Союза.

«Ст. 6. Каждый германецъ обязанъ всѣми силами поддерживать прусское правительство въ этихъ стремленіяхъ; и конечно германская нація не отступитъ ни передъ какою жертвой для независимости, единства и счастья отечества».

Вся сѣверная Германія откликнулась на этотъ призывъ, и 14 августа въ Эйзенахѣ вновь собрался либералы, уже въ большемъ числѣ. Опять шумѣли, и прибавили къ прежней деклараціи новую статью:

«Ст. 7. Мы ожидаемъ отъ всѣхъ германцевъ, любящихъ отечество, отъ демократовъ и конституціонистовъ, что они поставятъ независимость и единство націи впереди требованій партій и будутъ дѣйствовать вмѣстѣ согласно и пастойчиво, въ виду твердаго устройства Германіи».

Врядъ ли такой документъ требуетъ комментарія. Въ немъ все сказанное выше о либералахъ подтверждается яркими красками. Они видятъ опасности, видятъ, въ чемъ состоятъ эти опасности... слѣдовательно собираются помочь имъ? Ни мало. Они просятъ Пруссію взяться за дѣло, а прочимъ князьямъ совѣгуютъ поручить себя ея великодушію. Изъ этого должна выйти свободная Германія, поддерживаемая огромною арміею въ рукахъ Пруссіи. Очень практично. Но Пруссіи было къ чему прислушаться; еще и этимъ движеніемъ можно бы воспользоваться, хотя въ спорахъ не разъ слышались голоса противъ исключительной гегемоніи. Надо было помочь возникшему крику, слегка подемократничать... Но Пруссія боялась этой роли, не новой въ исторіи; она даже стала отступать, прибѣгла къ морали. Уже 12 октября Шлейницъ говорилъ (и не смотря на свое дипломатическое званіе — какъ оказалось, говорилъ довольно искренно) о своихъ обязанностяхъ касательно прочихъ членовъ Союза, увѣщевалъ отложить заботу о федеральной реформѣ. Его пугала видимая рѣшимость прочихъ союзниковъ сопротивляться. Они даже сдѣлали своимъ палатамъ маленькія уступки, стараясь поми-

ряться съ оппозиціей. Отвѣтить еще большею либеральностью въ Берлинѣ не рѣшились. Не пользуясь обстоятельствами, Пруссія стала мало по малу терять свое назначеніе. На новомъ собраніи во Франкфуртѣ на Майнѣ начали уже положительно предлагать новые планы. Время энтузіазма прошло, начались разсужденія, причемъ очевидно безъ труда нашли и другія рѣшенія, столь же непригодныя, какъ прусская гегемонія. Предлагали опредѣлительно раздѣлить власть между Австріею и Пруссіею, предлагали противопоставить ихъ стремленіямъ третью силу, защищали и отдѣльность владѣній и прусскую гегемонію... Кто-то въ туманѣ отвлеченностей высказалъ, что имперія немислима, что Германію долженъ соединить духъ германскаго народа. Никто не обратилъ вниманія на оратора... Какъ и прежде, въ суммѣ толковали только о томъ, къ какому бы результату можно привести вопросъ, а какъ за это приняться, могли ли сами либералы устроить что нибудь кромѣ бесполезныхъ собраній ученыхъ фразеровъ—о томъ и рѣчи не было. Приходилось разойтись, не остановившись ни на чемъ, слѣдовательно оставить дѣло, признавъ свою несостоятельность къ его веденію. Конечно это былъ бы наиболѣе достойный конецъ всѣхъ словопреній. Не такъ думали нѣмцы. Ихъ удивляло еще, что изъ словъ ничего не выходитъ; они думали, что не успѣли дотолковаться до дѣла, потому образовали изъ себя «Національное общество», и избравъ комитетъ, поручили ему продолжать болтовню. Вольный городъ Франкфуртъ испугался постояннаго либеральнаго комитета, и не допустилъ его засѣданій. Герцогъ кобургъ-готскій, человекъ умный, понимавшій всю невинность этихъ болтуновъ, предложилъ имъ поселиться въ своихъ владѣніяхъ. Комитетъ принялъ предложеніе, безъ котораго вѣроятно бы разошелся, и въ циркулярѣ съ важностью приглашалъ германцевъ присоединиться къ Національному обществу. Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ возможность постоянныхъ словопреній, либералы затихли.

IV.

Между тѣмъ Францъ-Іосифъ вынесъ изъ послѣднихъ событій тяжелое впечатлѣніе. Во время войны его венгерскіе, да и другіе солдаты часто переходили на сторону непріятеля, вездѣ слышались неудовольствія. Внутри, ихъ преимущественно возбуждали финансы. Въ разноплеменныхъ народностяхъ съ новою силой воскресали старыя мечты. Въ Германіи перѣдко открыто говорили объ исключеніи Австріи изъ федераціи, вездѣ ее преслѣдовала искренняя ненависть. Извѣтъ ни одного союзника; еще теперь на Францію можно бы разсчитывать всего вѣрнѣе. Въ то же время императоръ видѣлъ, какъ

Пруссія самымъ ничтожнымъ либерализмомъ купила себѣ общее расположеніе. Онъ рѣшился воспользоваться урокомъ. Но его окружали люди старой школы, еще въ притѣсненіяхъ видѣвшіе лучшее средство для удержанія за собой произвола. Они учили уступать шагъ за шагомъ только то, что будетъ вынуждено крайностью. Молодой императоръ видѣлъ въ этой же системѣ откровенное выраженіе собственныхъ чувствъ. Ему еще не уяснили, что гораздо выгоднѣе стать на извѣстную точку внѣшняго либерализма, пышною внѣшностью прикрыть содержаніе. Шмерлингъ еще пугалъ его. Такимъ образомъ, императоръ не сразу успокоилъ свои народы. Баха замѣнилъ Голуховскій, перемѣнили еще нѣсколькихъ министровъ. Они прежде дѣйствовали отдѣльно, изъ нихъ составили совѣтъ. Постарались быть немного вѣротерпимѣе, чѣмъ Гайнау въ 1850 году. Брукъ самъ предложилъ установить контроль надъ финансами, дошедшими до крайняго раззоренія... Но Австрія имѣетъ дѣло съ народами, не любящими ея владычества, слѣдовательно болѣе требовательными. Особенно венгерцы безпокоили императора. Онъ рѣшился на патентъ 5 марта 1860 г. Жалуя усиленный государственный совѣтъ, Францъ Іосифъ думалъ, что такою милостью нельзя неудовольствоваться, даже надѣялся, что населеніе въ порывѣ восторга и счастья покроетъ новый заемъ. Онъ ошибся. Населеніе очень хорошо поняло, что въ сущности все остается неизмѣннымъ. Въ Венгріи сдѣлали шумныя демонстраціи, прекращенныя войскомъ. Заемъ шелъ плохо. Къ тому же въ финансовомъ управленіи замѣтили злоупотребленія. Арестъ Эйпаттена, затѣмъ самоубійство Брука окончательно сдѣлали его невозможнымъ. Въмѣсто 200 милліоновъ подписка едва обѣщала 70. Императоръ сдѣлалъ еще нѣсколько уступокъ Венгріи (20 октября), но данный ей дипломъ, основанный еще на прагматической санкціи, въ примѣненіи оказался негоднымъ. Венгрія требовала конституціи 1848г. Прочимъ провинціямъ не нравилось особенное предпочтеніе, оказываемое Венгріи. Ничто не удавалось. Наконецъ, 15 декабря 1860 года вмѣсто Голуховскаго призванъ Шмерлингъ.

Но чѣмъ болѣе становились явными несогласія императора съ своимъ народомъ, тѣмъ сильнѣе вниманіе его должно быть обращено на Германію, гдѣ только крайняя неуступчивость и — какъ увидимъ — крайне абсолютныя идеи мѣшали регенту поставить за себя всѣ демократическія силы союза. Примѣръ Италіи показалъ, что значать демократическія силы. Притомъ въ Германіи не было мадзинистовъ, слѣдовательно, найдись государственный политикъ въ родѣ Кавура и энергическій король въ родѣ Виктора-Эммануила, не только бы можно послѣдовать примѣру савойскаго дома, но еще можно бы заботиться о національной партіи, властвовать довольно самобытно и спокойно.

Хотя, вѣроятно, Австрія, зная Пруссію, и не ожидала отъ нея такихъ далекихъ плановъ, но она могла думать о довольно близкихъ и уже доказанныхъ результатахъ. Никто не могъ поручиться, что не сегодня, завтра, придется имѣть дѣло съ Венеціей, съ Венгріей, наконецъ, гдѣ нибудь въ славянскихъ земляхъ. Пруссія снова бы оставила императора безъ помощи. Рехбергъ покуда не могъ рассчитывать на обращеніе на свою сторону общественнаго мнѣнія; о включеніи всѣхъ австрійскихъ земель въ федерацію также на практикѣ нечего было и думать, — слѣдовало дать нѣкоторую власть всегда готовымъ къ услугамъ Австріи второстепеннымъ державамъ, силы которыхъ въ суммѣ были не малочисленны. Ничего не было естественнѣе, а потому и легче чѣмъ союзъ съ ними. Національныя стремленія угрожали имъ больше, чѣмъ кому нибудь. Знаменитый ганноверскій министръ Боррисъ въ 1860 году въ отчаяніи восклицалъ, что въ случаѣ нужды князья призвуть на помощь иноземныя силы. Національное общество, выражая чувство всѣхъ нѣмецкихъ либераловъ, отвѣчало: «всякаго, кто позволитъ себѣ призвать непріятеля въ отечество, сочтутъ измѣнникомъ, вся же нація станетъ за правительство, которое поведетъ Германію противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ». Рехбергъ немедленно по окончаніи войны занялся этимъ вопросомъ. Онъ нашелъ вѣрнаго союзника въ Бейстѣ. Уже въ томъ же году на Сеймѣ произошли нѣкоторыя столкновенія съ Узедомомъ; но главный планъ Австріи состоялъ въ слѣдующемъ: Саксонія, Баварія, Виртембергъ и проч. предлагали назначить постоянного главнокомандующаго и постоянныхъ начальниковъ въ различные корпуса союзной арміи. Очевидно, располагая большинствомъ въ сеймѣ, депутаты котораго назначены князьями, предсѣдательствуя въ немъ, Австрія надѣялась захватить это мѣсто въ свои руки. Но Узедомъ показалъ большую твердость, и планъ не удался. Точно такъ же Пруссія оказалась непокорною въ гессенскомъ и голштинскомъ вопросахъ.

Видя, что хитрости не помогаютъ, австрійская партія рѣшилась откровенно переговорить съ регентомъ и убѣдить его. Мысль эта, кажется, первоначально принадлежала баварскому королю Максимилиану. Но въ то же время возникло дѣло о свиданіи регента съ Наполеономъ, что крайне озаботило германскихъ князей. Всякому хотѣлось видѣть страшилище нѣмцевъ. Король ганноверскій, напримѣръ, не смотря на дурныя отношенія съ регентомъ, пріѣхалъ въ Берлинъ ходатайствовать о допущеніи къ пріему высокаго гостя. Въ Баденѣ (въ іюнѣ 1860) съѣхалось до 16-ти владѣтельныхъ особъ. Наполеона приняли болѣе, чѣмъ учтиво. Когда онъ уѣхалъ, короли долго разсуждали, какъ бы приступить къ регенту; наконецъ, король виртембергскій рѣшился завести разговоръ о томъ, какъ бы полезно было вели-

кимъ германскимъ державамъ примириться между собой, какъ отъ этого выиграли бы всѣ благія начала, какъ либералы перестали бы кричать и т. д. Регентъ отвѣчалъ уклончиво, и далъ совѣтъ соображаться съ прусскою системою въ вооруженіи федеральныхъ контингентовъ; однако и этимъ возбудилъ уже нѣкоторыя надежды: ему предложили, не согласится ли онъ лично переговорить съ молодымъ императоромъ. Регентъ согласился и на это. Всѣ подобныя переговоры, конечно, доказывали въ германскихъ князьяхъ совершенное незнаніе той начальной исторической аксіомы, что люди можетъ быть могутъ дать событіямъ болѣе или менѣе энергическій ходъ, но что самое направление событій обуславливается обстоятельствами; иначе бы они принесли прусскому правительству искреннюю благодарность за его поведеніе. Нельзя было менѣе пользоваться обстоятельствами. Даже вздумай Пруссія преслѣдовать либераловъ по примѣру другихъ князей, — она бы причинила имъ истинный вредъ. Можетъ быть, не видя никакой надежды на стороннюю помощь, демократы рѣшились бы дѣйствовать сами. Но ихъ отношенія къ Пруссіи разъяснятся дальше; возвратимся къ австрійской партіи. Свиданіе состоялось 25 іюля въ Теплицѣ. Спутники регента получили орденъ святаго Стефана, императорскимъ же спутникамъ пожаловали чернаго орла.

Но Австрію хранило Провидѣніе: Пруссія сама рѣшилась испортить свое положеніе, а либералы умѣли медленно, давая Шмерлингу время возстановить габсбургскія дѣла.

V.

Что же дѣлали въ это время люди «Національнаго общества», съ такой ревностью хлопотавшіе объ единствѣ? Они просто продолжали заниматься «теоретическими соображеніями». Они продолжали не понимать своего положенія, не понимали намѣнявшихся обстоятельствъ, сколько ни напоминали имъ объ этомъ послѣднія прусскія событія. Разговоры одинъ только разъ замѣнились дѣломъ, когда Національное общество вздумало позаботиться о германскомъ флотѣ. Оно собрало сумму съ 25,000 флориновъ, — на которые конечно трудно выстроить флотъ. И что же затѣмъ? Затѣмъ оно больше ничего не сдѣлало.

Глядя на такой ходъ дѣлъ, слѣдовало удивляться одному: какъ рѣчи о единствѣ не замолкали снова, какъ эта мысль еще шевелилась. Ее подогрѣвали всѣми возможными средствами съ самаго 1859 года. Начиная съ праздника въ память Шиллеру, безпрестанно то здѣсь, то тамъ вспоминали общегерманскія знаменитости великія событія изъ

прошлой исторіи; собирались, говорили рѣчи; искали единства въ гимнастическихъ упражненіяхъ, въ стрѣлковыхъ обществахъ; кричали, гдѣ только могли, между прочимъ и по поводу частныхъ перемѣнъ (въ монетной системѣ, въ мѣрѣ и вѣсахъ и пр.), которыми преимущественно занимались мелкіе владѣльцы. Такъ прозябало германское движеніе, когда Австрія рѣшилась дать ему новый толчокъ.

VI.

Шмерлингъ послѣ долгой борьбы по возможности усыпилъ австрійскихъ подданныхъ, даже Венгрію. Одна Венеція не покорилась; но на нее давно перестали надѣяться и наводнили войскомъ, видя, что другихъ средствъ не придумаешь. Пока борьба эта длилась, Австрія заботу о германскихъ дѣлахъ возложила на второстепенныя государства. Но одна освободившись отъ внутреннихъ смутъ, она рѣшилась снова заняться Союзомъ. Будущее имперіи всегда не вѣрно, необходимо было обезпечить себѣ впредь примѣненіе 47 параграфа. Конечно, при своихъ цѣляхъ, Австрія и теперь не могла рассчитывать на сочувствіе націи, на либеральную партію единства. Невозможно включить въ единую Германію австрійскихъ негерманскихъ земель; безъ нихъ же вмѣсто имперіи является почти одно ничтожное эрцгерцогство. Изъ всего состава имперіи для Германіи ничего не вытацишь. Францъ Іосифъ и не обманывалъ себя пустыми надеждами, но эти неизмѣняемыя обстоятельства тѣмъ болѣе требовали вниманія къ каждой благопріятной минутѣ. Прусское правительство все болѣе и болѣе увлекалось въ упрямую борьбу съ палатой. Большую часть этой палаты составляли члены національнаго общества. Хотя общество это, придерживаясь прежняго взгляда, еще и продолжало говорить о присоединеніи къ Пруссіи, въ средѣ его нашлись люди, преимущественно изъ берлинской палаты, которые уже ставили вопросъ о томъ, можно ли согласовать стремленія къ единству съ дѣйствіями правительства. Уже съ почетомъ произносили имена Зибеля и другихъ дѣятелей 1848 года, разсыпанныхъ по Америкѣ, по Швейцаріи, отчасти возвратившихся въ Германію. Императоръ, опираясь на общность своихъ интересовъ съ интересами мелкихъ князей, конечно обратился къ нимъ, но при враждѣ Вильгельма I съ демократами онъ могъ надѣяться и въ немъ пайти болѣе сговорчивости. Кромѣ того въ выработанномъ проэктѣ союзной реформы онъ ловко прикрывалъ австрійскія тенденціи, и надѣялся спѣшнымъ, быстрымъ веденіемъ дѣла рѣшить его въ свою пользу ранѣе, чѣмъ критика успеетъ высказаться. Такъ возникли Франкфуртскія конфе-

ренціи. Газеты такъ много говорили о нихъ, что повторенія вѣроят-
но излишни. Надобно быть особенно близорукимъ, чтобы подъ при-
крытіемъ любви къ отечеству и самопожертвованія не отыскать ав-
стрійскихъ думъ. Князьямъ гарантировалось ихъ положеніе, Австрія
же, по видимому, имѣя равныя права съ Пруссіей, достигала своихъ
цѣлей. Всѣ дѣла должна рѣшать директорія, гдѣ кромѣ императора и
прусскаго короля засѣдаетъ король баварскій и одинъ изъ прочихъ
королей Германіи. Въ случаѣ войны за виѣ-федеральныя владѣнія со-
юзника, сказано было, Союзъ не обязанъ защищать ихъ, за исключе-
ніемъ впрочемъ опять случая, предвидѣннаго параграфомъ 47-мъ.
Объявленіе мира и войны совершенно зависитъ отъ рѣшенія боль-
шинства голосовъ въ директоріи. Не трудно сказать напередъ, въ чью
пользу станутъ голоса при войнѣ за австрійскія земли, когда предста-
вителями двухъ голосовъ, кромѣ императорскаго, являются владѣте-
ли, существованіе которыхъ только и возможно при нераздѣльности
съ Австріей. Рехбергъ разсчитъ было довольно удачно. Проектъ по-
явился въ газетахъ только когда князья уже съѣхались и начали со-
вѣщаться во Франкфуртѣ. Да и то сначала вся пресса привѣтствовала
реформу; но скоро разсмотрѣли ея направленіе и стали смѣяться. Въ
этомъ смѣхѣ новаго не было ничего. Король Вильгельмъ, не за-
хотѣвшій и присутствовать на конференціи, почти въ тотъ же день
вновь закрылъ палату и отвѣтилъ въ неофициальной брошюрѣ, что
требуетъ измѣненія статьи о войнѣ и признаетъ мысль либера-
ловъ о необходимости при реформѣ дать большую силу народнымъ
представителямъ. Съѣхавшіеся во Франкфуртъ вмѣстѣ съ князьями,
безъ всякаго призыва, депутаты съ разныхъ сторонъ Германіи—объя-
вили, что о реформѣ можетъ толковать только національное собраніе.
Національное общество глубоко задумалось, оно собираетъ своихъ чле-
новъ на совѣщанія: кто созоветъ собраніе, которое бы могло рассу-
ждать о реформѣ? Пруссія въ настоящее время не можетъ вести этого
дѣла. — Еще неизвѣстно, какъ народъ приметъ новое распушеніе сво-
ихъ депутатовъ; удовольствуется ли онъ тѣмъ, что опять пришьетъ
ихъ въ палату. Всѣ озаботились...

Кто-то замѣтилъ, что либерализмъ живучѣ лягушки. Будемъ же
лучше надѣяться, что король останется твердъ въ своемъ поведеніи,
а нѣмцы воспользуются данными имъ уроками и перестанутъ зани-
маться либеральнымъ пустословіемъ.

А. С.

Сентябрь, 1863.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

МЕТОДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ.

II.

Учебникъ уголовного права, составленный В. Спасовичемъ. Т. I, вып. 1. С. Петербургъ 1863 г.

Слѣдую порядку изложенія, принятому въ прошлой статьѣ (*), намъ слѣдовало бы теперь говорить о примѣненіи экономическаго метода къ объясненію гражданскихъ формъ, но мы предпочитаемъ сказать предварительно нѣсколько словъ о томъ, что можно встрѣтить въ учебникахъ, разсуждающихъ объ охранительныхъ средствахъ этихъ формъ, т. е. о правѣ уголовномъ, чтобы потомъ поговорить уже сразу и не прерываясь о примѣненіи экономическихъ началъ къ той и другой части права.

Разработка уголовного права началась въ европейской наукѣ сравнительно позже, чѣмъ разработка права гражданскаго. Не смотря на то, послѣднее едва ли можетъ похвастать столь разнообразной философской литературой, какою богата криминалистика. Въ то время, какъ римскій имущественный культъ считается до сихъ поръ за писанный разумъ (*ratio scripta*) большинствомъ цивилистовъ, и никому

(*) См. «Собр.» 1863 г. № VI.

изъ нихъ не приходитъ на мысль усумниться въ этомъ предположеніи, криминалисты построили не одну теорію для защиты уголовного начала, придумали не одну систему для опредѣленія степени преступности уголовного дѣйствія и соразмѣренія съ нею наказанія.

Вслѣдствіе этого такъ называемая общая часть учебниковъ уголовного права, кромѣ разсужденій объ объектахъ и субъектахъ, усердно наполнялась изложеніемъ философскихъ системъ, придуманныхъ для объясненія уголовного вопроса по существу.

Но на сколько эти системы были состоятельны, объ этомъ читатель можетъ судить прежде всего уже изъ безконечнаго разнообразія этихъ системъ; число ихъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, считается десятками. Прибавимъ къ этому, что рѣдко новая система, мѣняя юридическую основу преступленія, не заключала къ такимъ же собственно измѣненіямъ и въ законодательной практикѣ. т. е. готова была перестраивать по принесенной ею мѣркѣ положительную систему наказаній, и мы поймемъ, въ какое затруднительное положеніе былъ поставленъ учащійся этимъ богатствомъ философскаго матеріала, созданнымъ въ теченіи не болѣе ста лѣтъ. Сколько объясненій преступленія или системъ, почти столько же и разнообразныхъ методовъ для разработки предмета; одинъ требуетъ возмездія, другой исправленія, третій устрашенія. Какой взглядъ признать за болѣе пригодный для науки, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и для законодательнаго руководства? изъ какихъ мыслей трудиться надъ наукой, которая предлагаетъ болѣе десяти путей, ведущихъ къ разнообразнымъ выводамъ? Выбрать конечно слѣдуетъ тотъ взглядъ, который ближе подходитъ къ дѣйствительности, но какъ выбрать, когда сама дѣйствительность, т. е. положительное право, и мститъ, и устрашаетъ, и не прочь исправлять.

Дѣйствительно, выбирать было бы трудно, если бы въ самомъ дѣлѣ былъ необходимъ выборъ, если бы нельзя было обойтись безъ этого, а изложивъ философскій матеріалъ особо, въ началѣ, просто для счета и свѣдѣнія, перейти къ изложенію эмпирическаго матеріала также совершенно особо, безъ всякой связи съ какимъ либо философскимъ воззрѣніемъ. Слѣдуя уже давно такому остроумному приему, уголовная кафедра превратила такъ называемую ею науку уголовного права въ наборъ частныхъ фактовъ, съ одной стороны законодательныхъ, съ другой научныхъ. Такимъ образомъ учащемуся какъ нельзя удачнѣе развязывались руки; ему не приходило въ голову, что между теоріей и практикой лежитъ гордіевъ узелъ, выслѣдить направление нитей котораго и есть задача науки; онъ принималъ, положимъ, Гегелеву теорію возмездія просто за анекдотъ, изъ частной

жизни одного нѣмца, а дѣйствицу наказаній по уложенію за другой фактъ, изъ исторіи русскаго свода, и все это вмѣстѣ, по его понятію, должно было равняться наукѣ. При такомъ положеніи дѣла лучшее, что могли дѣлать учебники, это—за изложеніемъ системъ, предпосылать изложенію эмпирическаго матеріала повальное опроверженіе всѣхъ изложенныхъ системъ. Но они этого конечно не дѣлали; сдѣлажь это первый у насъ г. Спасовичъ, и за это одно уже конечно мы должны поставить его головой выше всего кагала. Мы ему благодарны тѣмъ болѣе, что для юриста это подвигъ вовсе не легкій, какъ по случаю тѣхъ упрековъ, какіе могутъ посыпаться за то на автора изъ стана юристовъ, такъ и потому, что юридическая синагога, собственно говоря, не владѣетъ средствами для радикальнаго опроверженія созданной ею самой чепухи, а потому юристъ, рѣшающійся на такой подвигъ, какъ мы увидимъ, невольно обрекаетъ себя на эклектизмъ и противорѣчія. Какъ прежде, если читатель припомнитъ то, что было сказано по поводу учебника Мейера, юридическая синагога никакъ не могла дойти до того заключенія, что имущественное право есть такое же политическое право, какъ и право налога, а государственное — случайный придатокъ гражданскаго, обусловливаемый именно чисто политическимъ характеромъ послѣдняго. — такъ и тутъ у нея нѣтъ данныхъ для уясненія, что уголовное право есть такой же случайный придатокъ права имущественнаго и семейнаго, и на тѣхъ же условіяхъ. Нѣтъ этихъ данныхъ у юридической науки, потому что онѣ собственно заключаются только въ экономическомъ методѣ, а до этого метода еще не доросла юриспруденція.

Будемъ, впрочемъ, слѣдить вмѣстѣ съ г. Спасовичемъ за рядомъ философскихъ системъ, и тогда читатель увидитъ яснѣе, въ чемъ дѣло. Первые системы, которыми обогатилась наука, были конечно идеалистическія, и дали ихъ, собственно говоря, не юристы, а законодатели общей философій.

Такихъ философскихъ системъ г. Спасовичъ насчитываетъ пять: теорію Канта, Генке, Цахаріа, Гегеля и Шталя. Всѣ пять системъ не болѣе, какъ блѣдныя варіаціи на старую еврейскую теорію возмездія или воздаянія человѣку зломъ за зло. Другой причины наказанію не подыскала ни одна метафизическая система, и на такомъ объясненіи сошлись всѣ, какъ средневѣковые схоластики, отправлявшіеся отъ личнаго трансцендентальнаго начала, такъ и схоластики новѣйшіе, или идеалисты въ собственномъ смыслѣ, выводившіе все изъ безличнаго начала. Кантъ, напримѣръ, называлъ наказаніе категорическимъ императивомъ, т. е. такимъ требованіемъ, которое должно быть выполнено само по себѣ, не смотря на вредъ или пользу, которые отъ того могли бы произойти для общества, такъ что, еслибы изъ

вѣстно было, что государство, въ которомъ совершено преступленіе, завтра разрушится, то и въ такомъ случаѣ слѣдовало бы казнить сегодня послѣдняго преступника. Въ практическомъ переводѣ это положеніе выражается такъ: требованія справедливости, въ силу которой совершается наказаніе, таковы: что если бы сегодня, для отысканія одного преступника, нужно было заморить тюрьмой или голодомъ цѣлую деревню, или городъ невинныхъ жителей, то и тогда справедливость требуетъ заморенія сотни невинныхъ для отысканія одного виновнаго.

Но пойдемъ далѣе. По понятіямъ Канта, слѣдуя закону возмездія, правосудіе должно сказать преступнику: зло, которое ты сдѣлалъ другому, ты сдѣлалъ самому себѣ; если ты убилъ, то ты убилъ себя; если украдъ, то украдъ у самого себя. «Какъ же справедливо, спрашиваетъ г. Спасовичъ, устроить на практикѣ такое равенство воздаянія, гдѣ вѣсы для количественнаго уравниванія преступленія съ одной стороны и наказанія съ другой, и гдѣ самый матеріалъ, изъ котораго можно было вылѣпить по закону всегда соответствующее наказаніе?» И вотъ остроумный ученикъ великаго учителя Цахаріэ смѣкаетъ, въ чемъ дѣло. Преступленіе есть вторженіе одного лица въ сферу свободы другаго, и потому всѣ наказанія могутъ быть приведены къ лишенію свободы, т. е. тюремному заключенію. Такъ, напримѣръ, человекъ, убившій другаго, собственно лишилъ его навсегда свободы, а потому и его слѣдуетъ заключить въ тюрьму на всю жизнь; ну, а если онъ убилъ двухъ, трехъ людей, то его слѣдуетъ конечно посадить въ тюрьму на три жизни и т. д., дѣло ясное. Стало быть, и это объясненіе не удалось. Поэтому Гегель придумалъ другое: преступленіе есть отрицаніе безусловной воли или справедливости, потому за нимъ должно послѣдовать новое отрицаніе этого отрицанія, и тогда минусъ на минусъ опять даетъ плюсъ, т. е. абсолютная справедливость снова возстановится. Такъ какъ государство есть не что иное, какъ земной представитель безусловной воли, то ясно, что обязанность такого отрицанія лежитъ на немъ. Отсюда наказаніе, какъ отрицаніе отрицанія, должно быть равно преступленію; но равенство это вовсе не должно быть виѣшнее, а напротивъ внутренне; поэтому могутъ быть уравниваемы вещи совершенно различныя, напримѣръ, побой и денежный штрафъ, кража и тюремное заключеніе.

Вотъ теоріи абсолютныя.

Теоріи относительныя отличаются тѣмъ, пишетъ г. Спасовичъ, что не полагаютъ, чтобы наказаніе служило цѣлю само себѣ, но рассматриваютъ его лишь, какъ средство для достиженія какой нибудь другой цѣли, для охраненія закона положительнаго и государства.

или для доставленія какой либо пользы преступнику и обществу. Сюда относятъ г. Спасовичъ теорію Фихте, теорію государственнаго само-защитенія, теорію вознагражденія, теорію устрашенія, предупрежденія и исправленія.

Теорія Фихте основана на томъ предположеніи, что государство есть договоръ, а потому совершающій преступленіе, нарушая тѣмъ самымъ этотъ договоръ, становится существомъ безправнымъ (*vogel-frei*); стало быть, это теорія такая же формальная, какъ и метафизическая.

Сущность остальныхъ затѣмъ теорій видна изъ самаго ихъ названія, а потому объяснять ихъ нечего. Всѣ эти теоріи по очереди опровергаются г. Спасовичемъ. Недостатокъ теоріи самообороны заключается въ томъ, что понятіе самообороны гораздо шире, чѣмъ понятіе наказанія, такъ что самообороною оправдаются многія такія мѣры, которыхъ никакъ нельзя назвать мѣрами уголовного правосудія, хотя на это опроверженіе можно конечно замѣтить, что понятіе о томъ, что слѣдуетъ назвать уголовнымъ правосудіемъ, столь же неопредѣленно и широко, какъ и понятіе самообороны. Если мѣрить понятіе уголовного правосудія положительнымъ закономъ, то нѣтъ достаточно широкаго средства самообороны, котораго нельзя бы было отыскать въ каждомъ кодексѣ; другой же мѣры, кромѣ мѣры положительнаго закона, мы за понятіемъ уголовного наказанія до сихъ поръ не знаемъ.

Теорія вознагражденія, основанная на томъ предположеніи, что каждый человѣкъ, причинившій вредъ другому или обществу, обязанъ его вознаградить, сама по себѣ столь безтолкова, что мы не приведемъ и опроверженій г. Спасовича, которыя, конечно, въ этомъ отношеніи совершенно справедливы.

Существенное опроверженіе г. Спасовича противъ теоріи устрашенія заключается въ томъ, что теорія эта предполагаетъ, будто «въ душѣ человѣка только и есть двѣ пружины, два мотива дѣйствій: плотская похоть, да страсть, тогда какъ не всѣ преступленія имѣютъ источникъ въ чувственности»; что она основана на ложномъ предположеніи, опровергаемомъ опытомъ, что уголовный законъ со всѣми его подробностями извѣстенъ всѣмъ гражданамъ, что теорія эта предполагаетъ, будто «преступникъ рѣшается на злодѣяніе не иначе, какъ послѣ зрѣлой оцѣнки послѣдствій своего дѣянія... на дѣлѣ же выходитъ, что въ большей части дѣлъ уголовныхъ страсть въ преступникѣ помрачаетъ разумъ». Все это, по нашему мнѣнію, можетъ быть совершенно вѣрно, относительно преступленій совершающихся, но все это нисколько не показываетъ, увеличилась бы или нѣтъ цифра преступленій, если бы наказанія не было, а только въ такомъ слу-

чаѣ и можно рѣшить, можно ли дѣйствовать на человѣка путемъ страха; до тѣхъ же поръ съ точки зрѣнія школы, которая признаетъ аргюмѣнтъ за наказаніемъ теоретическое значеніе и только ищетъ положительнаго основанія, на которомъ можно бы было опереть это значеніе, теорія устрашенія остается неопровергнутой. Напротивъ того, вся исторія человѣческаго порядка, кажется, служить довольно ощутительнымъ доказательствомъ, что на человѣка можно дѣйствовать страхомъ. Перевернемъ нѣсколько страницъ, и самъ г. Спасовичъ подтвердитъ это и опровергнетъ, стало быть, свои собственные сомнѣнія на счетъ теоріи устрашенія. «Подъ нами, говоритъ онъ, копошатся массы людей, съ которыми не знало бы, какъ управиться, общество досужее, если бы не держало ихъ въ уздѣ». Поэтому-то, какъ намъ кажется, изъ всѣхъ теорій, разсматриваемая едва ли не единственная, указавшая положительный мотивъ, на который опиралось наказаніе въ дѣйствительности.

Наконецъ, теорія исправленія совершенно справедливо представляется г. Спасовичемъ плодомъ пустаго лицемерія. «Любопытно, пишетъ онъ, что бы отвѣтили филантропы преступнику, который имъ скажетъ: я не нуждаюсь въ вашей любви, я пренебрегаю вашимъ состраданіемъ... я проклиная и ненавижу ваше общество. Я въ вашихъ рукахъ: убейте меня, но, пожалуйста, безъ лицемерія, безъ слезъ, кривляній и гримасъ. Вы защищаете себя—это понятно; я бы точно такъ же поступилъ, если бы былъ на мѣстѣвашемъ. но я бы это сдѣлалъ откровеннѣе и проще».

Покончивъ съ теоріями относительными, г. Спасовичъ говоритъ о теоріяхъ смѣшанныхъ, на которыхъ мы не остановимся вовсе потому, что въ нихъ повторяются все тѣ же мотивы, только въ болѣе или менѣе смѣшанномъ видѣ.

Вотъ, стало быть, и все, что придумала философія уголовного права въ защиту наказанія.

Г. Спасовичъ отказывается отъ каждой изъ этихъ теорій по очереди; мы упомянули отчасти объ этихъ опроверженіяхъ и не думаемъ, конечно, защищать этихъ теорій съ своей стороны.

Напротивъ, мы положительно признаемъ за ними совершенную негодность, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда опроверженія г. Спасовича казались намъ не вполне рѣшительными. Но признаемся, со стороны г. Спасовича, какъ юриста, это повальное отрицаніе насъ нѣсколько озадачиваетъ. Пусть бы дѣло шло только о теоріяхъ относительныхъ, но разъ это отрицаніе распространяется и на теоріи абсолютныя, тутъ, воля ваша, намъ интересно узнать подробнѣе, какого общаго свойства тѣ опроверженія, которыя заставляютъ г. Спасовича отказываться отъ абсолютныхъ системъ.

Относительныя системы, какъ чисто практическія, опровергаются прежде всего живыми фактами; устрашаетъ или нѣтъ наказаніе, это можно рѣшить только цифрами статистики, и точно такъ же можно рѣшить: исправляетъ оно или нѣтъ; въ основаніе ихъ не положено никакого общаго начала, а каждая изобрѣтаетъ свое. Иное дѣло съ теоріями безусловными, опиравшимися на понятіе справедливости. Тутъ намъ интересно знать опроверженія юристовъ, ибо намъ сдается по нѣкоторымъ причинамъ, которыя сейчасъ будутъ очевидны, что юриспруденція трудно вести процессъ съ формализмомъ, — нѣдѣ вся она только и держится на формализмѣ, — что день устраненія ея формальныхъ основъ изъ ряда своихъ понятій былъ бы послѣднимъ днемъ этой псевдо-науки.

Конечно, формальныя объясненія пользуются теперь весьма малымъ кредитомъ и сочувствіемъ въ общемъ мнѣніи, благодаря тому малому довѣрію, которое уцѣлѣло вообще къ метафизикѣ; все это не болѣе какъ парафраза частнаго законодательнаго факта наказанія живымъ языкомъ, отвлеченнымъ, логическимъ; и потому не велика еще заслуга, если юристы, воспользовавшись по неволѣ общими упреками, сокрушившими репутацію идеализма, стали недоувѣрчиво смотрѣть на его труды въ юридической сферѣ. Общихъ опроверженій, абсолютныхъ построеній съ насъ было бы достаточно, если бы мы говорили вообще о философій и ея методахъ, но мы здѣсь имѣемъ преимущественно дѣло съ методами юридическими и потому да будетъ позволено еще спросить: что же представила сама юриспруденція для опроверженія метафизическихъ набѣговъ въ сферу общественную, изъ какого собственно ей принадлежащаго метода опровергла она метафизическія попытки?

Тотъ, кто велъ дѣла съ юристами, знаетъ всю безконечную плодovitость юриспруденціи по части методовъ. Кромѣ разобранныхъ нами въ прошлой статьѣ, первый попавшійся юристъ насчитаетъ ихъ почти столько же, сколько есть книгъ, появившихся по юридической части за послѣднее время; такъ что если г. Кавелинъ написалъ брошюру о призваніи русскаго дворянства и г. Утинъ статью о судебной реформѣ, то все это не что иное, какъ цѣлыя новые методы въ своей наукѣ. Не смотря на то, все это въ суммѣ приходится признать однако ничѣмъ инымъ, какъ обильнымъ отложеніемъ ученой немощи, ибо въ результатѣ непомѣрнаго хвастовства у юристовъ оказывается только всего одно роковое слово, которое они высказываютъ не подозревая, что въ немъ единственно и заключаются всѣ ихъ средства и весь ихъ методъ. Къ какимъ бы авторитетамъ они ни отсылали васъ за своими методами, въ концѣ концовъ все-таки должно оказаться ясно, изъ-за чего они хлопочутъ; весь вопросъ въ томъ, что вы

смотрите на міръ съ точки зрѣнія желудочной, они съ точки зрѣнія юридическаго наслажденія; вы полагаете, что людскими дѣйствіями, а слѣдовательно и всѣмъ строемъ общества, руководить положительный интересъ; они находятъ, что экономическій расчетъ имѣетъ мѣсто лишь въ экономическихъ явленіяхъ, и потому методъ экономическій на мѣстѣ въ политической экономіи, юридическими же явленіями управляетъ нѣчто другое, а именно *справедливость*, и потому методъ юридической науки есть методъ юридическій.

Счастлива конечно та наука, которая подобно юриспруденціи кладетъ въ свое основаніе каламбуръ и этимъ довольствуется, но это все-таки, кажется, не освобождаетъ ее отъ обязанности изыскать въ этомъ каламбурѣ средства для опроверженія того, что она отрицаетъ, вѣря чужимъ отзывамъ. Но если взять въ расчетъ, что сама метафизика отпиралась въ юридической философіи не отъ чего другаго, какъ отъ того же начала справедливости, то конечно не трудно понять, что задача эта была бы вовсе не легкая; что юристъ, занкнувшійся о справедливости, тѣмъ самымъ очутился бы всѣмъ своимъ существомъ на почвѣ метафизики и потому сталъ бы опровергать самъ себя. Мы не сомнѣваемся, что между ними найдется не одинъ смѣльчакъ, способный на такое предпріятіе. Но мы имѣемъ въ виду здѣсь вовсе не смѣлость юристовъ, которая всѣми давно признана, намъ важно указать, что такъ какъ вся юридическая почва заключается въ началѣ справедливости, начало же это то же, изъ котораго разсуждала и формальная философія, то, стало быть, юриспруденція, строясь на каламбурѣ, никогда и не можетъ сойти съ идеалистической почвы и представить какихъ либо опроверженій противъ абсолютныхъ системъ. Затѣмъ юристамъ остается одно изъ двухъ, или переходить на точку зрѣнія желудка, или оставаться идеалистами, или каламбуристами. Тотъ же изъ нихъ, кто не захочетъ стать ни на ту, ни на другую сторону, тѣмъ самымъ невольно отказывается отъ метода, а слѣдовательно и отъ возможности изслѣдованія юридическихъ явленій въ ихъ существѣ, иначе отказывается отъ юриспруденціи какъ отъ науки, обрекая себя на роль казуиста или эмпирика.

Пока эти простыя истины недостаточно усвоены въ общемъ пониманіи, а между тѣмъ съ одной стороны потрясена вѣра въ идеалистическій методъ, съ другой всѣ кругомъ ощущаютъ дружный натискъ точнаго направленія во всѣ научныя сферы, нечего удивляться, если мы встрѣчаемъ кругомъ постоянно мнѣнія, полагающія возможнымъ согласить кое-что изъ стараго съ новымъ, пайти истинный путь въ золотомъ компромиссѣ. Не понимая, что въ спорѣ между взглядомъ со стороны желудка и со стороны отвлеченности идетъ вопросъ

вовсе не о конечныхъ причинахъ, а только о методахъ научнаго изслѣдованія и потому мѣшать оба пути вмѣстѣ столь же нелѣпо, какъ мѣшать метафизику въ естественную физику, или желать проѣхать изъ Москвы въ Петербургъ разомъ по двумъ путямъ, — юристы воображаютъ, что оставивъ въ сторонѣ это слово справедливости, они тѣмъ самымъ упустили изъ міра нравственное начало, котораго оказывалось въ немъ такъ много до сихъ поръ, благодаря идеалистическому методу. Отъ этого-то оставаясь въ нерѣшимости между тѣмъ и другимъ направленіемъ, самые лучшіе изъ нихъ лишены просто на просто всякаго метода. Отсюда отсутствіе у нихъ, какъ средствъ творчества чего либо новаго, такъ и средствъ для испроверженія стараго.

Если отъ такихъ соображеній мы перейдемъ теперь къ г. Спасовичу, то отыщемъ въ немъ безъ труда симптомы только что отмѣченнаго критическаго положенія юриспруденціи. Съ одной стороны никто не заподозритъ г. Спасовича въ желудочномъ взглядѣ на вещи, съ другой онъ не хочетъ вѣрить болѣе идеалистамъ, и вотъ онъ остается безъ оружія, а между тѣмъ долженъ опровергать. Отсюда въ результатъ его критики надъ метафизиками выходитъ не то эклектика, не то скептицизмъ.

Вотъ его приговоръ надъ абсолютными теоріями.

«Неотъемлемую заслугу теорій абсолютныхъ, — говоритъ онъ, — составляетъ истина, которую они раскрыли, что человѣкъ не долженъ служить для общества матеріаломъ для опытовъ, что наказаніе должно соразмѣряться съ виною преступника. Но съ другой стороны трудно слѣдовать за новѣйшими нѣмецкими криминалистами, которые, ставъ на точку зрѣнія абсолютную, принимаютъ за аксіому, что наказаніе есть возмездіе, и не заботясь о подложеніи подъ эту аксіому логическихъ основаній строятъ на ней все зданіе уголовного права. Наказаніе, какъ возмездіе, представляется имъ въ видѣ совершенно очевиднаго, и потому не требующаго никакихъ доказательствъ, требованія нашей совѣсти, или въ видѣ удовлетворенія со стороны человѣка требованіямъ внѣ человѣка существующей безусловной справедливости. Но первый изъ этихъ способовъ осмыслить наказаніе, избранный Кантомъ, неудовлетворителенъ, потому что, ссылаясь на необходимость наказанія, ничѣмъ эту необходимость не доказываетъ. Второй, избранный Гегелемъ и нѣмецкими идеалистами его школы, грѣшитъ тѣмъ, что возводитъ наказаніе къ трансцендентальному началу безусловной справедливости, приписываетъ этому началу реальное бытіе, между тѣмъ какъ оно существуетъ лишь въ нашемъ сознаніи, о существованіи же его внѣ нашего сознанія мы ничего не

можемъ знать. Вѣра въ абсолютъ потрясена теперь до основанія, нѣтъ безусловныхъ истинъ, нѣтъ непреложныхъ положеній, нѣтъ дѣйствій безусловно добрыхъ или злыхъ. Цѣлый порядокъ вещей, основанный на вѣрѣ въ безусловное, рушится, и мы входимъ въ міръ новый, гдѣ все условно, гдѣ все относительно, гдѣ каждый предметъ долженъ быть оцѣниваемъ по связи своей съ другими предметами, по времени, смыслу и своему положенію въ системѣ всеобщаго, въ организмѣ мірозданія, такъ что мы имѣемъ дѣло только съ условностями и ограниченностями и никогда не дойдемъ до спокойной пристани абсолюта. При вѣрѣ въ абсолютъ, человекъ былъ сильнѣе, зналъ, во что вѣрить и чего держаться. Все, что не подходило къ его мѣркѣ, онъ считалъ заблужденіемъ и преступленіемъ и дѣлилъ людей на совершенно добрыхъ и совершенно злыхъ. Теперь точка зрѣнія измѣнилась. Теперь мы убѣждены, что всякая истина заключаетъ въ своей односторонности зародышъ заблужденія, и наоборотъ, что *въ каждомъ заблужденіи кроется зернышко истины(?)*, что есть только относительно добрые люди. Гдѣ прежде видѣлись одвѣ противорѣчія, тамъ умъ нашъ нынѣ усматриваетъ одни ступени и отгѣнки, тамъ онъ необходимо предполагаетъ тождество и примиреніе противорѣчій въ какомъ либо высшемъ началѣ. Мы сдѣлались толерантны къ чужимъ убѣжденіямъ; предѣлы нашего зданія раздвинулись, умъ нашъ сдѣлался несравненно провицательнѣе; онъ несравненно глубже проникаетъ въ организмѣ мірозданія. Защитники стараго утверждали, что это развитіе критической способности ума совершилось на счетъ нашего творчества и нашей воли; что съ упадкомъ нашихъ вѣрованій, ослабѣла способность созидать идеалы и меньше въ насъ отваги бросаться въ боевой огонь жизни. Можетъ быть, они отчасти правы, но кости брошены, процесса развитія мысли нельзя остановить; покончивъ съ средними вѣками, міръ современный вступилъ на новый путь».

Теперь останавливаемся и спрашиваемъ, заключается ли тутъ, собственно говоря, опроверженіе метафизическаго метода. Опроверженій собственно нѣтъ. Вся тирада есть ничто иное какъ лирическая страница, выражающая душевное состояніе автора, исполненное скептицизма къ метафизикѣ безусловнаго, возбужденнаго ничѣмъ инымъ, какъ общимъ потокомъ времени. Взвѣсивъ потрясенной вѣры въ идеализмъ безусловнаго, авторъ предлагаетъ идеализмъ условнаго или эклектизмъ, при которомъ можно отовсюду выдернуть долю правды, не исключая и абсолютныхъ теорій, ибо и они даже, по его словамъ, дали наукѣ ту истину, что *преступленіе должно соразмѣряться съ виною преступника*. Полно такъ ли, и нужна ли была метафизика для того, чтобы добыть такое драгоценное положеніе? Кому приходило

когда либо на мысль проповѣдывать наказанія для людей въ обратной пропорціи съ ихъ условной конечно виновностью, или наказывать даже вовсе безвинныхъ? Не далъ ли эту истину простой житейскій расчетъ, по которому человѣкъ управлялъ своимъ шатромъ, а потомъ сталъ управлять государствомъ и сочинять уголовное право,

Если идеализмъ принесъ какую либо пользу и добылъ истину, то развѣ только ту отрицательную истину, что создавая постоянно однѣ только формы мыслей, онъ не въ состояніи добыть ни одной положительной истины. Столь же мало конечно можно ждать и отъ скептицизма, который догадался наконецъ, что нѣтъ людей ни безусловно добрыхъ, ни злыхъ, а есть только относительно добрые и злые; ибо скептицизмъ Монтеня въ XVI вѣкѣ былъ едва ли еще не категоричнѣе. Но дѣло къ счастью не въ расчетѣ на скептицизмъ; ибо этотъ скептицизмъ составляетъ фактъ пережитый и поконченный въ умственной исторіи. Можетъ быть съ нимъ носитъ еще масса вынѣ дѣйствующаго поколѣнія, обязанная этому скептицизму отсутствіемъ мужества и способности бросаться въ боевой огонь жизни, но между людьми, составляющими всегда меньшинство, этотъ скептицизмъ есть удѣлъ отжившихъ дѣателей. У насъ передъ глазами цѣлый спиклитъ именъ этихъ тонкихъ критиковъ и психологовъ, надломанныхъ сомнѣніемъ; но не въ ихъ рукахъ болѣе ни наука, ни движеніе. Кости брошены, но онѣ лежатъ уже не тамъ, гдѣ ихъ видить г. Спасовичъ, и вмѣстѣ съ цѣльнымъ міросозерцаніемъ вырастаютъ и цѣльные характеры. Если мы вправѣ принять здѣсь въ какой либо расчетъ то, что происходило за послѣдніе годы и въ нашей литературѣ, и отчасти въ самой жизни, то мы, кажется, должны признать, что виновники всего происшедшаго не были скептиками ни по мыслямъ, ни по характеру. Непримиримая литературная полемика выразила отчетливо глубокое раздвоеніе между старымъ сибаритскимъ направленіемъ, которымъ довольствовались скептики, и тѣмъ, которое ради оношенія прозвано желудочнымъ.

А вѣдь было средство весьма простое и рѣшительное опровергнуть однимъ указаніемъ всѣ попытки идеализма мѣшаться въ юриспруденцію. Нужно было только цемного откровенности. Стоило вспомнить то, что воспоминается часто самими юристами, когда они хотятъ, — вспомнить, что справедливость, которой занимается юриспруденція, не есть вовсе та справедливость, которую разумѣетъ подъ этимъ словомъ каждый грѣшный, не есть справедливость безусловная, ни даже нравственная, а справедливость формальная, гдѣ вопросъ о вашемъ правѣ, въ данномъ случаѣ о всемъ вашемъ достоинствѣ, рѣшается не такъ поставленная буква, или достоинство бумаги, на которой она выставлена.

Отсюда было бы ясно уже само собою и то, что наказаніе, какъ одно изъ проявленій этой чисто-формальной справедливости, поэтому самому можетъ быть также только явленіемъ условнымъ или формальнымъ, случайнымъ, а потому пытаться объяснять его изъ началъ безусловныхъ — изъ рукъ вонъ тупо.

Какъ бы то ни было, впрочемъ, мы найдемъ у самого г. Спасовича довольно рѣзкія доказательства тому, что психологическая точка зрѣнія, составлявшая попреимуществу исходный пунктъ стараго скептицизма устарѣла не менѣе метафизики.

Доказательства эти будутъ состоять въ томъ, что мы въ психологическомъ скептицизмѣ г. Спасовича откроемъ всецѣло тотъ же переодѣтый формализмъ метафизики, во вторыхъ представимъ выдержки изъ самой книги, отзывающіяся мотивами совершенно-чуждыми всякому скептицизму и подслушанными прямо изъ желудочной школы, и увидимъ, что на эти-то именно мѣста обопретъ самъ авторъ свои послѣдніе выводы относительно преступленія и наказанія. Въ доказательство же того, что мы вѣрно опредѣляемъ способы воззрѣнія на вещи г. Спасовича, приступимъ теперь къ тому отдѣлу, гдѣ кончивъ критику и отвергнувъ чужія системы, онъ переходитъ къ собственнымъ построеніямъ.

Разобравъ теоріи безусловныя, относительныя, смѣшанныя и упомянувъ о краниоскопистахъ, г. Спасовичъ выражается такъ: «критическая работа кончена, главнѣйшія теоріи уголовныя лежатъ передъ нами въ обломкахъ... Теперь намъ слѣдуетъ приступить къ усиленному рѣшенію вопросовъ, что такое преступленіе. Какая мѣра наказанія? На чемъ основано государственное право наказанія?.. Есть два пути къ рѣшенію этихъ вопросовъ: есть методъ идеализма, состоящій въ томъ, чтобы сразу стать на точку зрѣнія безусловнаго, но неудовлетворительность его мы старались доказать при оцѣнкѣ абсолютныхъ теорій. Есть другой методъ, основанный на предположеніи, что справедливость не есть что-то трансцендентальное, а просто качество присущее человѣку, вытекающее прямо изъ существа его природы. Это качество, будучи человѣкомъ сознано, извлечено, обобщено, сдѣлано предметнымъ, становится идеею справедливости, которая такимъ образомъ есть не что иное, какъ отраженіе собственнаго же существа человѣка. Начнемъ съ данныхъ, представляемыхъ антропологіею и психологіей, и постараемся доказать, какъ при процессѣ жизни общественной возникаетъ, развивается и опредѣляется понятіе справедливости, которое служитъ мѣрою всѣхъ отношеній между лицами, входящими въ общественный составъ».

Выпишемъ же какъ можно подробнѣе все, что скажетъ намъ г. Спасовичъ въ этомъ отношеніи.

«Человѣкъ отъ природы, говоритъ авторъ, живетъ не особнякомъ, но группами, болѣе или менѣе обширными; мысленно можно себѣ, конечно, представить человѣка совершенно уединеннымъ, но это представленіе — чистая абстракція; но человѣкъ безконечно отличается отъ прочихъ животныхъ другою исключительно свойственною ему чертою: онъ есть существо самосознательное, а потому свободное. Сверхъ чисто животныхъ отпращиваній, онъ имѣетъ отпращиванія иного рода, которыя мы называемъ психическими; онъ мыслить, чувствуетъ, желаетъ, онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ дѣятельности своихъ способностей, онъ повѣряетъ ихъ и управляетъ ими. Окруженный міромъ внѣшнимъ и обусловленный имъ, онъ находитъ въ своемъ самосознаніи точку опоры, на которую ставъ, онъ чувствуетъ себя въ известной степени самостоятельнымъ. Онъ можетъ найти въ душѣ своей достаточную силу для того, чтобы отрицать и бравировать всякую внѣшнюю необходимость, чтобы превозмочь даже требованія своей плоти, перенести голодъ, жужу, одолѣть страхъ смерти, добровольно пожертвовать собою...

«Двѣ противоположности: общежительность и произволъ, соглашаются въ третьемъ понятіи, которое дѣлаетъ возможнымъ ихъ совмѣстность. Человѣкъ не только существо общежительное и свободное, онъ притомъ еще существо *справедливое*. Только это качество дѣлаетъ возможнымъ общежитіе. Тотъ, въ комъ эта способность притупилась, будь онъ въ высшей степени даровитъ, уменъ, талантливъ, есть не болѣе, какъ дикарь и стоитъ на лѣстницѣ созданій не выше животнаго. Справедливость есть способность, имѣющая примѣненіе только въ сферѣ общежитія и до того намъ присуща, что исключить понятіе объ ней изъ нашего мышленія и нашей совѣсти мы никакимъ образомъ не можемъ. Она то же въ области отношеній человѣческихъ, что истина въ сферѣ знанія: полнѣйшая гармонія между двумя противоположными полюсами нашего существа — эгоизмомъ и общественностью, между нами, другими лицами и обществомъ.

«Теперь рассмотримъ какъ вслѣдствіе общежитія, однимъ дѣйствіемъ этихъ способностей, человѣкъ производитъ общество, въ основаніи котораго лежитъ справедливость. Работа творчества начинается съ того, что сознавая въ себѣ свое я, человѣкъ силою воображенія представляетъ себѣ это я какъ нѣчто внѣшнее, отъ дѣйствительнаго я отдѣльное. Этотъ первѣйшій изъ идеаловъ, есть *личное достоинство* человѣка. Самообладающая личность, ставя выше всего на свѣтѣ свое достоинство, старается весь міръ подчинить своему господству. Въ этомъ властолюбіи лежитъ источникъ и основаніе собственности. Но въ жизни человѣкъ сталкивается еще со множествомъ равносильныхъ ему личностей, которыхъ онъ не можетъ себѣ подчинить, по которымъ самъ онъ подчинить себя не хочетъ. Онъ вступаетъ съ этими лицами въ борьбу, которая

оканчивается тѣмъ, что воображеніе создаетъ для него новый идеалъ, на который и обопрутся отношенія его къ другимъ личностямъ. Этотъ идеалъ — *справедливость*.

«До сихъ поръ мы стояли на точкѣ зрѣнія индивидуальной личности и пришли къ тому результату, что справедливость есть качество человека, посредствомъ котораго онъ устраниваетъ свои отношенія къ другимъ равнымъ съ нимъ и живущимъ съ нимъ вмѣстѣ недѣлимыми. Но человекъ не можетъ остановиться на этой точкѣ зрѣнія. За отдѣльными недѣлимыми, съ которыми свелъ его случай, стоитъ нѣчто высшее, нежели каждое изъ недѣлимыхъ отдѣльно взятое и даже нежели ихъ сумма. Это существо высшее есть общество человеческое, въ которомъ исчезаютъ всѣ индивидуальныя различія. Вслѣдствіе сожителства людей и постоянного ихъ соприкосновенія другъ съ другомъ, сумма живущихъ вмѣстѣ недѣлимыхъ укладывается въ извѣстный организмъ; между ними устанавливается извѣстный порядокъ, соответствующій знамѣямъ и вѣрованіямъ массы. Для охраненія этого порядка, изъ среды недѣлимыхъ выделяется выражающая общую ихъ волю общественная власть, которая находитъ видимое для себя воплощеніе въ господствующихъ лицахъ, въ правительствѣ и его органахъ. Общество, будучи организмомъ высшаго нежели отдѣльныя недѣлимыя порядка, имѣетъ свое развитіе, свои отправления (знаніе, творчество, волю, совѣсть).

«Мѣрою отношеній человека къ обществу является та же самая справедливость, выражающаяся въ формѣ взаимныхъ правъ и обязанностей между недѣлимыми и обществомъ.

«Такимъ образомъ законъ положительный становится общею нормою для дѣйствій лицъ въ обществѣ, которая поддерживается общественною властію. Всѣ дѣянія согласныя съ этою нормою считаются законными. всѣ несогласныя — противозаконными, преступными...

«Законы природы физической не допускаютъ никакого отъ нихъ уклоненія. слѣдовательно всякій подобный законъ содержитъ въ себѣ свое подтвержденіе или санкцію, свое доказательство. Это подтвержденіе заключается въ томъ, что ничто противное этому закону не можетъ произойти. Законы нравственные осуществляются свободною дѣятельностью лицъ, такъ что лица ими обязанныя могутъ ихъ не исполнять физически, могутъ отъ нихъ уклоняться. Ихъ непреложность обнаруживается въ томъ, что ихъ исполненіе доставляетъ наслажденіе исполнителямъ и лицамъ имѣющимъ съ исполнителями общую совѣсть; напротивъ того ихъ нарушеніе причиняетъ страданіе нарушителямъ и лицамъ имѣющимъ общую совѣсть съ нарушителями. Это счастье или несчастье, наслажденіе или страданіе составляетъ утвержденіе или санкцію законовъ воли человеческой.

«Вотъ почему уголовное право, котораго функція состоитъ именно въ утвержденіи и охраненіи закона, называется у некоторыхъ французскихъ писателей *droit sanctionnaire*. Разсмотримъ эту санкцію въ различныхъ сферахъ дѣятельности человека.

«Представимъ себѣ человѣка въ всѣхъ отношеніяхъ къ другимъ людямъ. Высшій идеалъ такого человѣка есть личное его достоинство. Утвержденіе закона нравственнаго, уже существующаго въ этой сферѣ и обнаруживающагося въ обязанностяхъ человѣка въ отношеніи къ самому себѣ, заключается въ жгучемъ чувствѣ униженія въ своихъ собственныхъ глазахъ, которое преслѣдуетъ человѣка за всякое дѣланіе недостойное, и въ исторченіи преждевременномъ силъ и способностей вслѣдствіе ихъ злоупотребленія.

«Кромѣ этой опоры закона нравственнаго въ совѣсти индивидуальной самого дѣателя, есть еще и другая опора внѣшняя, весьма существенная и чувствительная — это голосъ общественнаго мнѣнія, общественное одобреніе или хула. Вслѣдствіе общежитія въ массахъ вырабатывается общая совѣсть, которая возбуждается къ дѣйствіямъ каждымъ доблестнымъ или порочнымъ поступкомъ каждаго изъ недѣлимыхъ, входящихъ въ составъ общества. Подвигъ лица приноситъ честь его семьѣ, украшаетъ и возвышаетъ его сословіе, имъ радуются и гордятся его земляки: наконецъ дѣлами своихъ сыновей, своихъ мучениковъ, героевъ, государственныхъ мужей, ученыхъ, артистовъ обогащается цѣлый народъ; изъ имени прославившихся слагается вѣнецъ славы народной. На оборотъ, всякая подлость заставляетъ общество стыдиться и краснѣть.

«Перейдемъ наконецъ къ сферѣ дѣятельности человѣка юридической. Здѣсь нормою отношеній между людьми дѣлается законъ положительный, объективный, безличныи. Утвердителемъ и охранителемъ закона положительнаго является правосудіе государственное. Санкція закона положительнаго выражается 1) отрицательно въ томъ, что пока человѣкъ не нарушилъ или по крайней мѣрѣ не попытался нарушить норму закона положительнаго, слѣдовательно пока онъ не посягнулъ на одно изъ существенныхъ, по сознанію народа, условій общежитія, до тѣхъ поръ онъ неприкосновененъ со стороны государства, какъ бы онъ ни былъ золъ, развращенъ, пороченъ. 2) Санкція закона юридическаго выражается положительно въ томъ, что въ случаѣ посягательства на этотъ законъ, а слѣдовательно и на общежитіе, общественная власть противодѣйствуетъ этому посягательству. Она можетъ противодѣйствовать двумя путями или способами: а) путемъ полицейскаго *предупрежденія*, пока законъ юридическій еще не нарушенъ, и б) путемъ *взысканія*, когда законъ уже нарушенъ. Это взысканіе имѣетъ два вида. Есть правонарушенія, въ которыхъ главный элементъ составляетъ внѣшняя ихъ сторона и центръ тяжести лежитъ въ матеріальномъ, причиненномъ ими ущербѣ. Что касается до этихъ правонарушеній, которыя называются гражданскими или частными, то достаточно, когда общественная власть озабочится уничтоженіемъ ихъ матеріальныхъ послѣдствій, не входя въ разбирательство мотивовъ, руководившихъ нарушителемъ.

Но есть кромѣ того правонарушенія, которыхъ главный элементъ

заключается не въ матеріальномъ вредѣ, а въ проглатывающей въ дѣйствіи злой волѣ, такъ что въ ней собственно лежитъ центръ тяжести преступленія. Они не могутъ быть покрыты однимъ вознагражденіемъ матеріальнымъ. Преступникъ и общество отдѣлены пропастью; преступленіе раскрыло въ преступникѣ порчу нравственную, могущую послужить источникомъ заразы, опасной для общества; оно отразилось въ общественной совѣсти чувствомъ негодованія и требованіемъ обузданія воли преступной. Общество можетъ и должно защищаться, потому что иначе оно не могло бы и существовать, такъ какъ всѣ прочія средства оказались недостаточными. Обществу остается или а) признать преступника существомъ совершенно уже испорченнымъ, въ которомъ совѣсть уже погасла, поступить съ этимъ существомъ какъ съ дикимъ звѣремъ или съ врагомъ, отсѣчь отъ себя этотъ мертвый членъ, исключить его изъ общежитія. Съ этой точки зрѣнія не можетъ быть безусловно отрицаемо даже и право государства на смертную казнь, если только доказано, что преступникъ окончательно уже испорченъ и что безъ пролитія его крови, государство не можетъ считать себя безопаснымъ (замѣтить, что на дѣлѣ ни то ни другое не можетъ быть доказано). Или б) если въ преступникѣ совѣсть не совсѣмъ погасла и есть какая нибудь надежда на то, что этотъ человѣкъ способенъ къ общежитію или можетъ со временемъ сдѣлаться способнымъ къ общежитію при измѣненіи окружающей его обстановки, то государство должно обратиться къ источнику зла, къ его же собственной волѣ свободной, и потребовать отъ него, чтобы онъ примирился съ совѣстью общественною; чтобы онъ искупилъ свою вину суммою дѣлъ добрыхъ, которыя бы заставили забыть о его прежнихъ дѣлахъ злыхъ; чтобы наставленный, перевоспитанный и испытанный, онъ вступилъ снова и безъ всякаго пятна въ то общество, которое удостовѣрилось, что онъ его достоинъ и которое поэтому рѣшилось съ нимъ помириться. Такое на волю преступника направленное со стороны общественной власти взысканіе, за которымъ слѣдуетъ или исключеніе виновнаго изъ общества или примиреніе его съ обществомъ, называется, *наказаніемъ уголовнымъ*.

Теперь легко опредѣлить существо, цѣль и назначеніе наказанія и устранить всѣ ложныя представленія о немъ, обращающіяся въ обществѣ.

• Наказаніе есть охраненіе закона положительнаго, посредствомъ исключенія изъ общества тѣхъ, чья совѣсть разошлась, судя по ихъ дѣйствіямъ внѣшнимъ, съ совѣстью общественною и не подчиняется сей послѣдней, или посредствомъ испытанія и примиренія съ обществомъ тѣхъ нравственно павшихъ, въ которыхъ идеалъ справедливости не совсѣмъ погасъ, съ предоставленіемъ имъ возможности войти опять въ общеніе съ людьми и образомъ своихъ дѣйствій заслужить опять то уваженіе, котораго они по своей винѣ лишились.

Если у читателя достало терпѣнія преодолѣть эту выписку, то онъ догадывается теперь, что методъ, который избираетъ г. Спасовичъ, психологическій, вся сущность дѣла заключается для г. Спасовича въ понятіи о справедливости, какъ качествѣ прирожденномъ нашей душѣ. Прямой путь, который лежалъ къ изслѣдованію этого качества въ его ближайшихъ опредѣленіяхъ, свойствахъ и границахъ, заключался очевидно въ наблюденіи надъ проявленіемъ этого качества, какъ въ развитіи индивидуальнаго человѣка, такъ и историческаго. Если справедливость есть нѣчто въ родѣ обонянія, вкуса или слуха, то есть прирожденное орудіе человѣческаго типа, то слѣдовало показать: какъ слышитъ, положимъ, или видитъ этимъ чувствомъ человѣкъ, всегда ли одинаково, и отчего неодинаково, есть ли это свойство имманентное и какое имѣетъ относительное значеніе и вѣсь это качество въ ряду другихъ прирожденныхъ вкусовъ человѣческой натуры. Отчего есть напримѣръ дѣйствительная справедливость: одна нравственная, другая юридическая. Словомъ, если смотрѣть на справедливость, какъ на качество, то слѣдовало и опредѣлить ее какъ качество, на основаніи фактовъ, въ которыхъ оно проявляется, — изучать это качество такъ же, какъ мы изучали бы зрѣніе или вкусъ. Пока же существованіе справедливости, какъ прирожденного качества, остается подъ сомнѣніемъ. Съ чего же начинается г. Спасовичъ? Въмѣсто того, чтобы обратиться прямо къ наблюденію фактовъ, онъ, осудивъ только что на предыдущей строкѣ метафизику, беретъ обѣими руками діалектическій приѣмъ идеализма и переноситъ его въ психологическую рамку, вмѣсто того, чтобы идти по явленіямъ, мысль его идетъ по отвлеченнымъ знакамъ, вмѣсто того, чтобы спуститься какъ можно ближе къ земному, г. Спасовичъ начинаетъ съ того, что разлагаетъ и безъ того отвлеченное понятіе справедливости на еще болѣе отвлеченные радикалы общежитія и произвола, и потомъ слагаетъ ихъ передъ публичкою и получаетъ понятіе *справедливости*. Онъ начинаетъ съ того, что указываетъ два психическіе факта или свойства, какъ онъ утверждаетъ, *общеежитіе* и *свободу воли*. Но въ томъ-то и дѣло, что достоверность того и другаго какъ психическихъ свойствъ требуетъ подтвержденія, и остается недосказаннымъ, не есть ли эта новая исторія психическихъ свойствъ только цвѣтная маска на старомъ скелетѣ схоластики, не суть ли приведенные психическіе свойства только переодѣтые понятія общежитія и произвола, а эти въ свою очередь производныя отъ еще болѣе отвлеченныхъ категорій всеобщаго и особеннаго и т. д.

По крайней мѣрѣ у г. Спасовича психологическая сторона этихъ

понятій совершенно уступаетъ мѣсто, съ первыхъ же строкъ, сторонѣ чисто формальной и авторъ доходитъ до построения справедливости чисто грамматическимъ путемъ. Онъ даетъ съ одной стороны общежитіе, ну это по Гегелю названо бы было всеобщимъ, потомъ даетъ произволъ, это очевидно то же переодѣтое «особенное», и потомъ выражается такъ: «Двѣ противоположности: общежительность и произволъ, соглашаются въ третьемъ понятіи (обратите вниманіе на языкъ), которое дѣлаетъ возможнымъ ихъ совмѣстность. Человѣкъ не только существо общежительное и свободное, онъ при томъ еще существо справедливое. Только это качество дѣлаетъ возможнымъ общежитіе». Такимъ образомъ весь выводъ справедливости изъ природы человѣка есть не что иное, какъ скрытая Гегелева триада, которую самъ г. Спасовичъ, на страницѣ «25», называлъ не болѣе, какъ игрой ума, состоящей въ укладываніи дѣйствительности въ три извѣстныхъ рамки логическихъ моментовъ, порой оказывающіеся слишкомъ тѣсными—тезъ, антитезъ и синтезъ; а самую справедливость не болѣе какъ отвлеченной формой мысли переряженной изъ діалектическаго языка въ психологическій.

Если мы пойдемъ далѣе, то убѣдимся, что эту триаду, повторить г. Спасовичъ еще нѣсколько разъ въ той же полуприкрытой формѣ, пока онъ наконецъ не придетъ къ опредѣленію наказанія. Справедливость, уже разъ полученная въ концѣ одной триады, опять разложится на справедливость личную или справедливость человѣка для самого себя, личное достоинство, на общественную или справедливость въ отношеніи къ другимъ. Соединяя то и другое, получаемъ понятіе о законѣ положительномъ, какъ нормѣ уравнивающей интересъ частный съ общественнымъ. Наконецъ, необходимость слѣлать выводъ изъ всего этого уголовного закона происходитъ черезъ примѣсъ къ психическому чувству справедливости грамматическаго понятія о доказательствѣ, и это даетъ случай повториться означенной триадѣ еще разъ. «Законы физическіе, разсуждаетъ г. Спасовичъ, не допускаютъ никакого отъ нихъ уклоненія, слѣдовательно всякій подобный законъ содержитъ въ себѣ свое подтвержденіе или санкцію или доказательство. Законы нравственные осуществляются свободною дѣятельностью лицъ, такъ что лица, ими обязанные могутъ отъ нихъ уклоняться. Ихъ непреложность обнаруживается въ томъ, что ихъ исполненіе доставляетъ наслажденіе исполнителю... Это счастье или несчастье, наслажденіе или страданіе составляетъ утвержденіе или доказательство законовъ воли человѣческой».

Послѣ этого, ясно, что санкція опять должна провести понятіе о законѣ черезъ двѣ логическія ступени процедуры, прежде чѣмъ дойти

до понятія о законѣ уголовномъ. Первая ступень — это подтвержденіе нравственнаго закона угрызеніемъ собственной совѣсти, санкція личная, второе, это подтвержденіе того же общественнымъ мнѣніемъ, санкція общественная, и наконецъ, подтвержденіе нравственнаго закона въ его нормальномъ видѣ, или въ видѣ положительнаго закона, т. е. подтвержденіе официальное, или юридическое, или уголовное. Понятно, что ничего нѣтъ легче, какъ удовлетворить такому понятію о наказаніи. Стоитъ только каждый разъ публиковать, что такой-то совершилъ то-то, что это дурно, и что безнравственность или несправедливость такого поступка измѣряется во столько-то положительныхъ плетей или лѣтъ заключенія; затѣмъ самого наказанія, уже, конечно, не приводить въ исполненіе, такъ какъ весь вопросъ лишь въ томъ, чтобы представить официальный или юридическій протестъ совершеному преступленію.

Выводъ, къ которому приходитъ самъ г. Спасовичъ, конечно, не много иной.

«Наказаніе, пишетъ онъ, есть охраненіе закона положительнаго, посредствомъ исключенія изъ общества тѣхъ, чья совѣсть разошлась, судя по ихъ дѣйствіямъ внѣшнимъ, съ совѣстью общественною и не подчиняется сей послѣдней, или посредствомъ испытанія и примиренія съ обществомъ тѣхъ нравственно павшихъ, въ которыхъ идеаль справедливости не совѣмъ погасъ, съ предоставленіемъ имъ возможности войти опять въ общеніе съ людьми и образомъ своихъ дѣйствій заслужить опять то уваженіе, котораго они по своей винѣ лишились».

Выводъ этотъ не тотъ, который слѣдуетъ прямо изъ предыдущаго, потому что тутъ наказаніе уже является охраненіемъ закона, а не формальнымъ подтвержденіемъ, и потому оправдываетъ начало самозащиты, опровергнутое авторомъ выше. Не тотъ онъ потому еще, что слѣдующая за словомъ «посредствомъ» половина предложенія, конечно, предлагаетъ также одно изъ средствъ подтвержденія положительнаго закона, но почему авторомъ выбрано именно это средство, а не тысячи другихъ, которыя всѣ до единаго могли быть выставлены въ формальное, пустое и чисто логическое понятіе санкцій? Средство это очевидно презрѣзато.

Не смотря на то, мы конечно готовы были бы забыть всю эту неудачную исторію триалъ, всю напрасную формалистику, и поблагодарить автора за его послѣднее слово о наказаніи, будь этотъ выводъ взятъ имъ даже безъ всякихъ основаній, просто съ вѣтру. Мы бы конечно и сдѣлали это, если бы въ то же время намъ не пришлось на-

понять г. Спасовичу, что и тюрьма и ссылка суть вѣдь также не что иное, какъ средства удаленія челоѣка изъ общества, что уголовный законъ имѣетъ дѣло вовсе не съ идеаломъ справедливости, который всюду мѣшается у г. Спасовича не въ свое дѣло, а съ справедливостью формальной, въ которой совѣсть ни при чемъ.

Если же обратиться за тѣмъ къ тому вопросу, какія дѣянія считаетъ г. Спасовичъ уголовно-преступными, то отвѣтъ его будетъ кратокъ: «тѣ, кои по разумному, согласному съ природою вещей сознанію общества несовмѣстны съ общежитіемъ и не могутъ быть охранены другими менѣ насильственными средствами».

Здѣсь уже ни одного категорическаго термина. Что такое сознаніе общества? гдѣ его настоящее выраженіе, въ «Современникѣ» что ли? и что такое еще нуще — природа вещей!?!... Что же касается до *общежитія*, то опытъ свидѣтельствуетъ, что съ нимъ все совмѣстно; и преступленія, и казни за эти преступленія, стало быть, тутъ поле широкое.

Во всякомъ случаѣ поблагодаримъ г. Спасовича отъ души, если не за самый выводъ, то за доброе намѣреніе, а если хотите знать, на что опиралось это намѣреніе автора, то вотъ страница «65», уже конечно не имѣющая ни малѣйшей связи съ психологическимъ формализмомъ; она-то и заключаетъ ту робкую долю сочувствія, которую невольно отдаетъ г. Спасовичъ экономической школѣ. Страница эта начинается такъ:

«Ежели до сихъ поръ политика смотрѣла на наказаніе, пишетъ «авторъ, какъ на средство устрашенія, то это только вслѣдствіе господствующаго у современныхъ народовъ страшнаго разобщенія между отдѣльными классами общества, между личностью и государствомъ. Государство и общественная власть представляются намъ чѣмъ-то чуждымъ и т. д...»

Итакъ, что же въ суммѣ сдѣлалъ г. Спасовичъ? Онъ отвергъ формализмъ для психологіи, и вотъ путемъ психологіи пришелъ къ тому выводу, что наказаніе есть *доказательство*. Кажется, этого вывода достаточно, чтобы убѣдить, что г. Спасовичъ, собственно говоря, и не выѣзжалъ изъ формализма. Когда же пришлось выразить этотъ выводъ арифметической величиной, т. е. опредѣлить матеріальную часть наказанія, то авторъ бросилъ психологію и взялся приблизительно за то, о чемъ давно толкуетъ школа желудка.

Мало ли еще всего этого для доказательства, что между школой идеализма и методомъ экономическимъ нѣтъ средняго. И очень понятно, почему нѣтъ: потому что понятіе справедливости, около кото-

раго вращаются юристы, какъ вокругъ заколдованной оси, есть не болѣе, какъ логическая форма, равносильная пространству, времени и другимъ подобнымъ категоріямъ; и потому не допускающая десяти различныхъ способовъ воззрѣнія, а допускающая только два: можно отправляться отъ формы, какъ дѣлаютъ метафизики, и тогда слѣдуетъ принять форму за нѣчто живое, саморазвивающееся, самоопредѣляющееся, реальное, это одинъ путь; или можно принять форму за результатъ, за отношеніе, опредѣляемое положительными сторонами вещей, и саму по себѣ не имѣющую смысла. Иначе можно принять справедливость не болѣе, какъ за логическую форму уравненія, понятіе о которой возникаетъ въ человѣкѣ точно такимъ же путемъ, какъ возникаетъ въ немъ понятіе о пространствѣ и времени. Какъ человѣкъ отъ природы не имѣетъ никакого понятія о пространствѣ и понятію этому выучивается только изъ сравненія между собой тѣхъ сторонъ вещественнаго міра, которыя воспринимаются пятью чувствами; также точно понятіе справедливости опредѣляется чисто матеріальными сторонами общественной жизни, т. е. суммой наслажденія и достатка, приходящихся на долю того или другаго лица въ сравненіи съ нашей собственной и т. д. Первый путь есть путь юристовъ, второй экономическій. Если вы пойдете первымъ путемъ, то ясно, что не имѣя передъ собой ничего, кромѣ пустой формы, вы будете лишены всякаго критеріума справедливости, и будете пополнять ее всѣмъ, что вамъ ни подsunутъ со стороны, всякой случайной всячины, которая окажется только въ положительномъ законѣ, обычаѣ и жизни; или наполните ее тѣмъ содержаніемъ, которое можетъ дать методъ, владѣющій критеріумомъ или мѣрой для опредѣленія справедливости или несправедливости — методъ экономическій.

До сихъ поръ юристы поступали первымъ путемъ, то есть наполняли свое понятіе справедливости всѣмъ, чѣмъ попало. Г. Спасовичъ поступилъ немного иначе. Слѣдуя чистому формализму, пока дѣло шло о развитіи этого понятія, когда пришлось дать ему содержаніе, г. Спасовичъ, заручившись передъ юристами цѣлой психологической комедіей, какъ доказательствомъ своей вѣрности синагогѣ, тайно отъ нихъ прошелъ потомъ въ чужой лагерь и отсюда вынесъ свое настоящее содержаніе *наказанія*, хотя немного помятое все таки.

Милости просимъ, господа, и на будущее время, милости просимъ почаще. Мы всегда рады служить чѣмъ можемъ, и что же можетъ быть намъ болѣе лестно, какъ такое заимствованіе, которое болѣе чѣмъ очевидно подтверждаетъ наше старое о васъ мнѣніе, что вы сами отъ

себя рѣшительно ничего не можете выдумать, а принуждены кормить свою справедливость или тѣмъ, что вамъ сунуть подъ руку случайные факты, или тѣмъ по крайней мѣрѣ, что выработаютъ для этого опредѣленія люди иного съ вами взгляда на вещи.

Теперь читатель видитъ по крайней мѣрѣ, что я недаромъ заговорилъ объ экономическомъ методѣ, что имъ пахнетъ въ самой юриспруденціи; но онъ видитъ также, какъ нерѣшительно, робко подходитъ къ нему самые смѣлые изъ юристовъ.

Ю. ЖУКОВСКІЙ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія (Справочный Энциклопедическій Лексиконъ), издаваемый **Ф. Толлемъ**. Томъ I (А—Дви).

Первая публикація объ изданіи «Настольнаго словаря» появилась въ началѣ нынѣшняго и въ концѣ прошлаго года; теперь вышли четыре выпуска, составившіе I-й томъ; всѣхъ выпусковъ будетъ 12, т. е. всего 3 тома, чрезвычайно убористаго шрифта, въ два столбца. Цѣль редактора и издателя г. Толля была—дать публикѣ справочную книгу по всѣмъ отраслямъ знанія, книгу равно нужную и человѣку, занимающемуся специально какою либо наукою и вообще всякому образованному человѣку. Необходимость такой справочной книги чувствовалась давно. Энциклопедическіе словари, задумываемые въ огромныхъ размѣрахъ, не могли удовлетворить этой потребности, уже потому, что составители ихъ хотѣли въ своихъ изданіяхъ соединить двѣ цѣли: дать справочную книгу и вмѣстѣ съ тѣмъ—занимательное чтеніе, т. е. дать такія статьи, которыя человѣка не занимающагося специально предметомъ, но любознательнаго освобождали бы отъ необходимости обращаться къ первоначальнымъ источникамъ. Изъ соединенія этихъ двухъ цѣлей выходило прежде всего то неудобство, что часто приходится читать длинную статью вовсе не интересную и уже извѣстную для того только, чтобы найти подробность, въ которой имѣлась нужда, какую нибудь справку относительно года, названія, термина и т. п. Съ другой стороны такихъ читателей, которые брали бы въ руки Энциклопедическій Лексиконъ съ цѣлью заняться чте-

ніемъ, у насъ не можетъ быть много, — для этого надо имѣть слишкомъ большое довѣріе къ литературѣ и ея средствамъ, къ издателю и его сотрудникамъ. Сверхъ того, желаніе соединить справочную книгу съ книгой, представляющей интересное чтеніе производитъ у насъ то, что «Энциклопедическіе Лексиконы» принимаютъ громадные размѣры, стоятъ немовѣрно дорого и кончаются на первыхъ 4 — 5 буквахъ.

Задача хорошаго справочнаго словаря гораздо скромнѣе, менѣе сложна и относительно легче исполнима. Имѣя въ виду съ одной стороны давать краткіе, но по возможности точные отвѣты и указанія по всѣмъ отраслямъ знанія, — съ другой, служа посредникомъ между полнымъ незнаніемъ и спеціальнымъ изученіемъ предмета посредствомъ ссылки на разныя сочиненія и первоначальные источники, «Энциклопедическій словарь долженъ по необходимости заключать въ себѣ возможно большее количество матеріала разнообразнаго и строго обработаннаго. Это одно изъ капитальныхъ условій, безъ котораго такая книга не можетъ имѣть практическаго значенія и служить дѣйствительнымъ пособіемъ при занятіяхъ. Кромѣ этого, такой лексиконъ долженъ отличаться сжатостію и самою большою опредѣленностью въ своихъ объясненіяхъ, точностью и удобопонятностью въ отвѣтахъ, и въ возможно меньшемъ объемѣ заключать какъ можно болѣе словъ, для соблюденія размѣровъ настольной справочной книги. Наконецъ, при составленіи такой книги, также однимъ изъ самыхъ важныхъ условій представляется тщательный выборъ источниковъ, по которымъ составляются статьи, и строгій критическій взглядъ относительно тѣхъ сочиненій, которыя рекомендуются для прочтенія читателю, желающему короче познакомиться съ занявшимъ его предметомъ.

Вотъ по нашему мнѣнію самыя главныя и существенныя условія, которыя должны быть соблюдены при изданіи справочнаго «Энциклопедическаго Словаря». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ по цѣлѣ долженъ быть доступенъ большинству и доведенъ до конца въ наискорѣйшемъ времени. Иначе, попятное дѣло, что онъ ни на что негоденъ.

Всѣмъ этимъ условіямъ изданіе г. Ф. Толя, носящее заглавіе, выписанное нами въ началѣ статьи, удовлетворяетъ по возможности полно и всесторонне. Мы говоримъ по возможности, потому что трудности, съ которыми долженъ былъ бороться издатель при выполненіи своего полезнаго труда, въ самомъ дѣлѣ велики. Чтобы представить ихъ себѣ наглядно, стоитъ только вспомнить всю разбросанность и скудость матеріаловъ, изъ которыхъ должно было черпать свѣдѣнія по части всего русскаго, а между тѣмъ, этотъ отдѣлъ вышелъ у г. Толя особенно полнымъ, особенно хорошо обработанъ. Спеціальныя русскія словари почти нѣтъ или, лучше сказать, всѣ они

или изумительно плохи, или неокончены. Такъ, напримеръ, по части географіи существуютъ два плохихъ словаря Щекатова и Гагарина и одинъ хорошій Семенова, но этотъ хорошій доведенъ только до буквы *Б*. Затѣмъ мы имѣемъ: два словаря «иностранныхъ словъ», одинъ, составленный по Гейзе, другой словарь Михельсона, и оба никуда не годные; далѣе словарь «морскихъ терминовъ» старъ и плохъ, словарь «техническихъ терминовъ» старый и вовсе не полный; дрянной словарь «музыкальныхъ терминовъ», словарь «лѣсоводства» весьма неудовлетворительный «словарь военный» и «академическій словарь», о достоинствѣ котораго умолчимъ. Затѣмъ имѣются еще неоконченные словари: «Толковый словарь» Даля, «Медицинскій словарь» и «Философскій словарь». Вотъ и все. Какъ читатели видятъ, пользоваться тутъ было нечѣмъ. Второе затрудненіе для г. Толя должно было заключаться въ самой новизнѣ дѣла, потому что его изданіе есть у насъ первая попытка въ этомъ родѣ, такъ какъ «Энциклопедическій Лексиконъ» Плюшара и лексиконъ, издававшійся подъ редакціей г. Краевского, а теперь издающийся подъ редакціей г. Лаврова, имѣютъ совсѣмъ иной характеръ. Помощи г. Толю они тоже не могли принести, ибо изданіе перваго давно оставлено на букву *Б*, а изданіе втораго, если и не постигнетъ та же участь, то окончаніе его скрыто въ далекомъ будущемъ. Существуетъ, правда, еще одинъ лексиконъ, совершенно оконченный и даже справочный, т. е., имѣющій тотъ же характеръ, какъ и «Настольный словарь» г. Толя, а именно словарь г. Старчевскаго, но это самая отчаянная спекуляція на потребность публики, такъ что первоначальный успѣхъ ея можно объяснить только дѣйствительною настоятельною необходимостью въ справочной книгѣ такого рода. Г. Старчевскій обратилъ исключительное вниманіе на составленіе послужныхъ списковъ разныхъ сановниковъ и генераловъ, и довелъ свою безцеремонность въ дѣлѣ изданія до крайней степени. А между тѣмъ, мы убѣждены, что г. Старчевскій значительно испортилъ дѣло г. Толю, потому что довѣріе публики къ какому либо предпріятію подорвать легко, а возстановлять трудно. Мы думаемъ, что печальная судьба большихъ лексиконовъ тоже не останется безъ вліянія на успѣхъ изданія г. Толя, потому что нѣсколько разъ принималась публика подписываться на «Энциклопедическіе лексиконы», и все получить пять, шесть буквъ, да при нихъ и останется, а между тѣмъ, какой же смыслъ можетъ имѣть какой бы то ни было лексиконъ въ такомъ видѣ, кромѣ смысла печатной бумаги, годной на обертку или оклейку стѣнъ.

Принимая во вниманіе всѣ вышеизложенныя затрудненія, необходимо встрѣчавшіяся г. Толю въ исполненіи его дѣла, мы не можемъ поставить ему въ упрекъ нѣкоторыхъ пропусковъ, которые, безъ

всякаго сомнѣнія, будутъ пополнены въ обѣщаемыхъ имъ приложеніяхъ, и нѣкоторыхъ объясненій, гдѣ ясность и удобопонятность приносится отчасти въ жертву сжатости. По мнѣнію нашему, гораздо важнѣе всего этого другой недостатокъ, на который, можетъ быть, немногіе обратятъ вниманіе при первомъ изгладѣ на словарь, по который чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе будетъ ощущаться при его постоянномъ повтореніи. Этотъ недостатокъ есть совершенная объективность взгляда, стараніе во всякомъ случаѣ, при всякомъ объясненіи быть безпристрастнымъ.

Много было говорено объ этомъ, но мало обращаютъ вниманія, что всякій человѣкъ всегда дѣйствуетъ въ силу своего идеала, въ силу своихъ симпатій и антипатій, которыя у него являются какъ результатъ воззрѣнія на всю совокупность лежащихъ передъ нимъ явленій жизни общественной, въ силу его пониманія того, что называютъ обыкновенно идеей общественного блага. Слѣдовательно, дѣлутъ не въ безпристрастіи, ниже въ справедливости, а въ томъ, каково воззрѣніе на окружающую жизнь и какъ широко и правильно понимаетъ человѣкъ ея требованія. Какой бы отвлеченной идеей ни задался онъ въ своей дѣятельности, во всякомъ случаѣ, онъ пойдетъ туда, куда влекутъ его симпатіи, явится непремѣнно человѣкомъ партій, если только онъ убѣжденъ въ полезности своей дѣятельности, если у него есть твердыя понятія о томъ, что хорошо, что худо. Безпристрастіе, то есть желаніе пройти по середкѣ между своими симпатіями и антипатіями, между тѣмъ, что считаешь добрымъ, и тѣмъ, что худомъ — есть, въ большей части случаевъ, или холодность къ своему дѣлу и неувѣренность въ полезности его, или болѣзнь отвѣтственности и желаніе угодить всѣмъ. Конечно, существуютъ такіе люди, у которыхъ нѣтъ ничего положительнаго въ воззрѣніяхъ, которые всякое дѣло дѣлаютъ такъ, какъ будто успѣхъ или неуспѣхъ не интересуется ихъ ни въ какомъ отношеніи. Ихъ дѣятельность всегда носитъ на себѣ печать вялости, безполезности; она никого не радуетъ, никого не огорчаетъ, и всегда тотчасъ же забывается, какъ будто и не было ея вовсе. Но даже и эти люди при ихъ кажущейся тупости и безстрастіи все-таки идутъ по указанію своихъ мелкихъ симпатій, и если они мало-мальски способны, то непремѣнно устроятъ такъ, чтобы доставить матеріалъ годный на поддержку и поощреніе того, что удовлетворяетъ ихъ узкимъ стремленіямъ.

Но у людей, обладающихъ преданностью своему дѣлу, твердыми и опредѣленными воззрѣніями на современныя требованія жизни, у такихъ людей, къ которымъ мы причисляемъ и издателя разбираемаго нами словаря, самое усиліе быть безпристрастнымъ только умаляетъ полезность совершаемаго ими труда. Со-

першенно безпристрастными быть они не могутъ, слѣдовательно усиліе, употребляемое ими на то, чтобы сохранить эту точку от-
правленія несприкосновенною, потребляетъ огромное количество тру-
да, который могъ бы быть истраченъ болѣе производительнымъ
образомъ. Такъ, напримѣръ, многія объясненія «Настольнаго слова-
ря», вслѣдствіе сильныхъ стараній въ сказанномъ отношеніи редак-
тора-издателя, страдаютъ сухостью, и неясностью не потому, чтобы
они были не полны, а потому, что въ этихъ объясненіяхъ видно же-
ланіе обойти все, что могло бы намекнуть на симпатіи автора. Возь-
мемъ, напримѣръ, слово: *ассоціація*. Словарь объясняетъ его слѣ-
дующимъ образомъ: «товарищество, свободное соединеніе капитала
или труда для достиженія какой либо цѣли». Что значитъ выра-
женіе: соединеніе капитала или труда? съ чѣмъ соединится капи-
талъ? Если съ капиталомъ, то это не ассоціація, а просто соеди-
неніе капиталовъ; или *труда* — соединеніе труда съ чѣмъ? тоже съ
капиталомъ? Но опять и это не ассоціація, а просто случайное сое-
диненіе для какого нибудь предпріятія капиталиста и рабочихъ, на-
нятыхъ имъ за условленную заранѣе плату, такое соединеніе, на
основаніи котораго всюду существуютъ фабрики, заводы и всякія
другія заведенія съ антрепренеромъ и постояннымъ пониженіемъ за-
дѣльной платы. Конечно, и соединенія однихъ капиталовъ для какой
нибудь цѣли, напримѣръ, въ акціонерномъ обществѣ, для построенія
железной дороги и капитала съ трудомъ въ бумагопрядильной фабри-
кѣ, будутъ, пожалуй, ассоціаціи, принимая это слово въ его этимоло-
гическомъ значеніи, но прилагать его къ такой формѣ товарищества
значитъ вводить незнающихъ людей въ заблужденіе. Ассоціація — это та-
кое слово, которое имѣетъ свое спеціальное значеніе, независящее отъ
этимологіи, есть научный терминъ, который долженъ быть объясненъ
строго-опредѣленно, а не такъ, чтобы онъ могъ наводить на мысль объ
обществѣ «Кавказъ и Меркурій», или о лѣсопильномъ заводѣ купца
Громова. Конечно, въ дальнѣйшемъ объясненіи этого слова, г. Толль
нѣсколько поправляется, говоритъ: «экономическое значеніе ассоціаціи
преимущественно изслѣдовано социалистами и признано политиче-
скою экономіею, какъ самое вѣрное орудіе въ борьбѣ массы съ при-
дѣлегіею богатства и знатности». Тутъ дѣйствительно виднѣется кое-
какая поправка; вопрошающій наводится нѣкоторымъ образомъ на
путь, по которому онъ долженъ идти, чтобы добраться до первоначаль-
наго источника, изъ котораго можно узнать значеніе слова *ассо-
ціація*. Во первыхъ, конечно, отправится онъ въ букву *С* и отыщетъ
слово *соціалистъ*. Намъ еще неизвѣстно пока, какъ объяснить ему
г. Толль это запутанное слово, но если онъ его пропуститъ или же
объяснитъ поверхностно, тогда читатель, пожалуй, такъ и останется

при представленіи объ ассоціаціи въ формѣ дѣлописнаго запода купца Громова. Въ ожиданіи этого объясненія, г. Толль, однако, опять портитъ дѣло выборомъ сочиненій, рекомендуемыхъ, какъ источникъ свѣдѣній объ ассоціаціяхъ. Онъ выставилъ Гильдебранта: «историческое обозрѣніе политико-экономическихъ системъ»; О. Тернера: «о рабочемъ классѣ и мѣрахъ къ обезпеченію его благосостоянія»; Оеоктисова: «о рабочихъ стачкахъ въ Лондонѣ»; Рошера: «начала народнаго хозяйства». «Ну, слава Богу», скажетъ, можетъ быть, читатель, «узналъ я наконецъ имена этихъ зловредныхъ людей». И такимъ образомъ Рошеръ, Гильдебрантъ, Тернеръ и даже самъ г. Оеоктисовъ легко могутъ явиться социалистами въ глазахъ незнающаго человѣка; за что же ихъ такъ компрометировать? Шутки въ сторону, подобное объясненіе слова вовсе неудобно и вводитъ въ заблужденіе. Можетъ быть, почтенный издатель скажетъ намъ, что сочиненія, приведенныя имъ, существуютъ на русскомъ языкѣ, что на немъ нѣтъ тѣхъ сочиненій, которыя можно было бы назвать непосредственными источниками для полнаго и всесторонняго уразумѣнія слова ассоціація, а что въ приведенныхъ сочиненіяхъ Гильдебранта, Рошера, Тернера и Оеоктисова все-таки кое-что объясняется на этотъ счетъ. Но намъ кажется, что лучше привести иностранныя сочиненія, если нѣтъ годныхъ на русскомъ языкѣ, или, если ужъ приводить сочиненія Тернера и Оеоктисова, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать оговорку, что эти сочиненія плохи и очень дурно объясняютъ то, что въ этомъ случаѣ нужно. А лучше всего было бы выйти изъ состоянія безпристрастія и помѣстить статейку хоть въ столбецъ длинной, а взамѣнъ того, выкинуть кое-какія біографіи, напримѣръ, В. И. Аскоченскаго, Н. В. Альбертини, А. Н. Бахметева, бывшаго попечителя московскаго учебнаго округа, А. А. Альфонскаго и проч. и проч.

Далѣе мы находимъ, напримѣръ, слѣдующую біографію.

Бедо (Bedeau) *Маріа Альфонсъ*, французскій генералъ, род. 1804 г. въ Верту близъ Нанта. Отправленный въ Алжиръ въ 1863 г., Бедо выказалъ огромныя военныя дарованія и способности; 1814 г. былъ губернаторомъ Константины, а въ 1847 г. временнымъ губернаторомъ Алжира. Призванный во Францію послѣ февральской революціи, онъ былъ сдѣланъ коммандантомъ Парижа, но 2 декабря 1851 г. былъ арестованъ и высланъ изъ Франціи.

Мы ничего не имѣемъ противъ такого изложенія біографическихъ свѣдѣній о генералѣ Бедо. Но въ этомъ краткомъ перечнѣ происхожденія генерала Бедо, по чинамъ и степенямъ, упущено то обстоятельство, что онъ вмѣстѣ съ генераломъ Кавеньякомъ командовалъ войсками во время нѣкоторыхъ дней. Во первыхъ, зачѣмъ упускать изъ ви-

ду такое обстоятельство, которое увеличивает славу генерала, выказавшаго еще и прежде огромныя воинскія способности и дарованія, а во вторыхъ, намъ кажется, и вѣроятно г. Толль согласится съ нами, что упущеніе изъ виду вышесказаннаго обстоятельства скрадываетъ самую существенную черту біографіи человѣка, который игралъ извѣстную политическую роль, такъ что затѣмъ остается голый послужной списокъ.

Что, кажется, можетъ быть ярче самой краткой біографіи Луи Блана, жизнь котораго была такая бурная, исполненная разныхъ опасностей, тревогъ и трудовъ? Казалось бы сдѣлать только перечень всѣхъ актовъ его дѣятельности, и это было бы достаточно характеристично. Но объективность и относительно этого лица устроила разныя неясности. Вотъ, что говоритъ словарь:

Бланъ (Blanc) Жанъ Жозефъ Луи, французскій публицистъ и революціонеръ, родился въ Мадритѣ 1813 г. Въ Парижѣ былъ сотрудникомъ многихъ либеральныхъ газетъ и радикальныхъ журналовъ, съ 1836 г. редакторъ *Revue republicaine*, а потомъ *Bon sens*; съ 1837 *Revue du progrès politique, social et litteraire*. Въ 1839 написалъ *Compte rendu des idées napoléoniennes*; въ 1841 г. появилась его *Organisation du travail*, социальная система, по коей всякій получалъ средства къ жизни, сообразно со своими потребностями, давая въ замѣну обществу свой трудъ, сообразно съ своими способностями. Въ этомъ же году напечатана его исторія 10 лѣтъ, имѣвшая огромный успѣхъ и нанесшая сильный ударъ июльской династіи. Послѣ февральской революціи 1848 г. Бланъ сдѣлался членомъ временнаго правительства: первыя (?) примѣнены къ дѣлу его національныя мастерскія и Бланъ сдѣлался главою комиссіи для улучшенія быта рабочихъ. Но послѣ июнскаго возстанія въ 1848 г. Бланъ убѣжалъ въ Англію, гдѣ написалъ: (слѣдуетъ перечень его сочиненій).

Кажется, все сказано. Теперь мы просимъ г. Толля представить себѣ положеніе читателя, совершенно незнакомаго съ эпохой этого времени вообще и съ революціей 1848 г. въ особенности, и читающаго исторію этой революціи на русскомъ языкѣ, а извѣстно, что кромѣ доморощенныхъ исторій у насъ существуетъ (сколько помнимъ) въ переводѣ одна, недавно изданное сочиненіе Гарнье-Паже. Читатель и узнаетъ, что самый важный политическій актъ Луи Блана, учрежденіе національныхъ мастерскихъ, былъ санкціонированъ всѣми его товарищами по управленію и оказался никуда не годнымъ, утопическимъ и вреднымъ. Можетъ быть, это и совершенно вѣрно, но тогда, взявъ во вниманіе выше изложенныя обстоятельства, надо было упомянуть въ біографіи, что національныя мастерскія были устроены вопреки желанію всего временнаго правительства (исключи-

чая Альбера) учрежденіе ихъ взято съ бою, и временное правительство всячески старалось уронить ихъ — что доказано неоспоримо. А словарь выражается просто: «первыя (что значитъ *первыя*?) примѣненны на дѣлѣ его національныя мастерскія». Такимъ образомъ начитавшись разныхъ исторій на русскомъ языкѣ, читатель легко можетъ пообразить себѣ, что Луи Бланъ былъ глупый и безпокойный чело-вѣкъ, а все временное правительство состояло изъ людей умныхъ, до мозга костей проникнутыхъ желаніемъ общественнаго блага и, въ особенности, желаніемъ улучшенія быта рабочихъ классовъ.

Намъ попался случайно еще одинъ важный промахъ въ статьѣ, касающейся знаменитой русской дворянской фамиліи — Бибиковыхъ. Тамъ сказано: *Александръ Ильичъ*, генералъ-аншефъ, маршалъ коммисіи «для составленія проекта новаго уложенія», и только. А между тѣмъ этотъ извѣстный сподвижникъ Екатерины Великой положилъ начало усмирению пугачевского бунта и водворенію порядка въ восточной Россіи, о чемъ не упомянуто. За нимъ слѣдуетъ какой-то *Илья Александровичъ Бибиковъ*, никому неизвѣстный, а пѣтъ Дмитрія Гавриловича Бибикова, бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ и кievскаго военнаго генералъ-губернатора.

Тѣмъ не менѣе, въ «Настольномъ Словарѣ» г. Ф. Толля, пропусковъ и неточностей, зависѣвшихъ отъ трудности и новизны дѣла весьма мало, и невозможно было при существующихъ средствахъ выполнить дѣло болѣе отчетливо и добросовѣстно. Но пропусковъ и неточностей сознательныхъ, происходящихъ отъ желанія издателя выказать свое безпристрастіе, столько, сколько существуетъ отъ *А до Дек* словъ, относящихся къ извѣстному ряду явленій и идей, особенно симпатичныхъ автору. Повторяемъ: мы смотримъ на его безпристрастіе въ дѣлѣ составленія «Справочнаго Энциклопедическаго Словаря», какъ на ненужную натяжку, и напрасно онъ думаетъ, что «Энциклопедическій Словарь» есть именно та почва, которая самой природой устроена для безпристрастія. Вовсе нѣтъ. «Справочный Словарь» есть такая книга, которая всегда должна находиться подъ руками, слѣд. пусть лучше даетъ она въ своихъ объясненіяхъ и указаніяхъ то, что дѣйствительно полезно, а не предлагаетъ во всѣхъ случаяхъ и худое и хорошее безразлично и безстрастно. Мы твердо увѣрены, что это много придало бы цѣны и безъ того дѣльному труду, потому что, конечно, сама публика не любитъ безпристрастія, хотя и толкуетъ о немъ. Можетъ быть, намъ скажутъ, что все временное, случайное, не холодно научное не должно имѣть мѣста въ справочной книгѣ; что она не можетъ и не должна служить быстро измѣняющимся интересамъ одного поколѣнія, а должна быть рассчитана на долго. Такимъ людямъ мы замѣтимъ, что все на свѣтѣ временно и

тѣнно, но что живое дѣло основывается только на живомъ чувствѣ, и что все равно, на какомъ поприщѣ ни заявить свои убѣжденія, лишь бы только заявить ихъ съ пользою.

Въ заключеніе мы желаемъ все-таки полного успѣха дѣлу г. Толля и рекомендуемъ его изданіе, какъ совершенно полезную и удобную книгу, хотя были бы болѣе довольны, если бы словарь его имѣлъ болѣе сходства съ французскимъ словаремъ Мориса-ле-Шатра.

Географическіе очерки и картины. Составлено по Грубе и другимъ источникамъ. Семь выпусковъ. Изданіе А. Плещеева. Москва 1861—63.

Выходомъ въ свѣтъ 7-го выпуска оканчивается это изданіе, о первыхъ книжкахъ котораго было прежде упомянуто въ библиографіи «Современника». Изданіе г. Плещеева можетъ быть безъ сомнѣнія очень полезнымъ пособіемъ при изученіи географіи, если только наши учителя захотятъ понять, что изученіе этого предмета должно состоять не дѣль того голаго перечета цифръ и названій, которымъ до сихъ поръ угощали учениковъ, подъ названіемъ географіи. Книга Грубе, «Geographische Charakterbilder», послужившая основной рамкой для изданія г. Плещеева, имѣла огромный успѣхъ въ Германіи, на ряду съ другими изданіями этого педагога: Грубе принадлежитъ къ числу тѣхъ новыхъ педагогическихъ писателей, которые находятъ, что развитіе воспитанника состоитъ не въ вымучиваніи отъ него знанія извѣстнаго числа фактовъ, получившихъ необходимое официальное мѣсто въ учебникахъ, а въ сообщеніи воспитаннику живаго матеріала, который долженъ быть обработанъ его собственной мыслью. Ясное дѣло, что такимъ живымъ матеріаломъ не могутъ быть голыя имена и цифры, съ которыми ученикъ не соединяетъ по большей части никакого яснаго представленія; для этого нужны цѣлыя ясно очерченныя картины, въ которыхъ бы представлялся ему оживленный образъ тѣхъ или другихъ отношеній природы и человѣка. «Цѣль и значеніе географіи какъ науки, — говоритъ г. Плещеевъ въ предисловіи, — по мнѣнію Грубе, состоитъ въ томъ, чтобы изучить землю какъ органъ жизни человѣчества, — и показать взаимное вліяніе земли на человѣка и человѣка на землю. Но такъ какъ къ этой цѣли не можетъ привести общеупотребительный у насъ способъ преподаванія географіи, ограничивающійся заучиваніемъ одной номенклатуры, то необходимо, чтобы главнымъ основаніемъ географическаго курса была культурная географія, къ которой и должны быть направлены всѣ отдѣльныя его части, какъ радіусы къ центру.

Конечно, это легко сказать, но трудно сдѣлать, потому что строго-научное изложеніе культурной географіи совершенно нейдетъ для того возраста, съ котораго начинаютъ обыкновенно преподаваніе географіи. Грубе въ своей книгѣ старался показать наглядно, въ разсказахъ, отношенія жизни человѣка съ ея правами, общественностью, религіей, государственнымъ устройствомъ, — къ *почвѣ*, на которой онъ взросъ, къ климату, въ которомъ онъ вращается; эти географическія картины должны съ одной стороны быть совершенно индивидуальными, маленькими монографіями, а съ другой стороны, между ними должна существовать внутренняя связь, какая существуетъ между различными видами и подраздѣленіями одного великаго цѣлаго. Представить въ живыхъ образахъ культуру человѣчества, отъ полюсовъ до тропиковъ, въ зародышѣ ея у австраійскаго негра и на вершинѣ ея развитія у цивилизованныхъ народовъ Европы, — въ сѣверо-американскихъ поселеніяхъ и всемірныхъ городахъ Англіи, — такова цѣль этихъ картинъ, которыя должны отличаться отъ простыхъ описаній мѣстности, годныхъ только при изученіи одной физической географіи, тѣмъ, что здѣсь пейзажъ оживляется людьми, которые, группируясь на переднемъ планѣ, поясняютъ фонъ картины и, въ свою очередь, получая отъ него освѣщеніе, выходятъ рельефнѣе. При томъ, изображая людей и природу въ ихъ общей связи, должно стараться выбрать такіе моменты изъ исторіи развитія человѣчества, которые бросаютъ свѣтъ на духовную (этическую) сторону картины. Удачное выполненіе этого послѣдняго условія и составляетъ одно изъ существенныхъ достоинствъ переведенной нами книги Грубе.

Въ справедливости этого дидактическаго приѣма нѣтъ, разумѣется никакого сомнѣнія, тѣмъ больше, что одинъ этотъ приѣмъ соответствуетъ тому направленію, которое приняла теперь сама научная географія. Культурная географія есть конечно единственная законная форма географіи, точно такъ же, какъ культурная исторія — единственная разумная форма человѣческой исторіи. Если строго-научное изложеніе науки въ этомъ смыслѣ и затруднительно въ первоначальномъ ея преподаваніи, какъ замѣчаетъ предисловіе, но во всякомъ случаѣ преподаваніе должно поставить ученика въ возможность понимать настоящій интересъ науки. Въ нашемъ преподаваніи до сихъ поръ господствуетъ еще мысль, что гимназическое обученіе должно быть только приготовленіемъ и муштровкой ученика, что изъ исторіи ему достаточно знать событія и имена, изъ географіи названія государствъ, городовъ, рѣкъ и т. п., что это содержаніе должно только приготовить его къ выслушанію болѣе глубокихъ истинъ, которыя сообщитъ ему высшее, университетское преподаваніе. Нѣтъ конечно ничего нелѣпѣе

этой мысли: ученикъ осуждается на заучиваніе вокабулъ, смыслъ которыхъ остается ему совершенно непонятенъ; его заставляютъ выучивать исторію войнъ, имена государей, описанія земель, обѣщая, что настоящимъ образомъ объяснятъ ему эти вещи послѣ, — черезъ нѣсколько лѣтъ, — и мудрые педагоги забываютъ, что на этомъ бессмысленномъ заучиваніи ученикъ потеряетъ половину своей охоты учиться (извѣстно, между тѣмъ, что у начинающихъ эта охота бываетъ обыкновенно чрезвычайно сильна), потеряетъ пожалуй и половину своихъ способностей. Въ существованіи подобнаго факта не усумнится конечно никто, кому извѣстно по собственному опыту прохожденіе курса въ нашихъ гимназіяхъ и другихъ заведеніяхъ этого рода (въ послѣднее время, говорятъ, стало немного лучше, хотя конечно не вездѣ). Г. Катковъ даже и теперь настаиваетъ на томъ, что самое полезное препровожденіе времени для ученика гимназій должно состоять въ зазубриваніи греческихъ спряженій.

Эти педагоги старой школы (мы включимъ сюда и г. Каткова съ его едино-спасающимъ классицизмомъ) утверждаютъ обыкновенно, что наука строга, что она допускаетъ въ свой храмъ только посвященныхъ и прошедшихъ долгій и тяжелый искусъ и т. п., что кто думаетъ иначе, тотъ пустой верхоглядъ, даже не безопасный для общественной нравственности. Это мнѣніе о «строгости» храма науки, достойное древнихъ египетскихъ жрецовъ, къ счастью совершенно фальшиво и защищается извѣстными господами изъ назойливаго самолюбія: причисляя самихъ себя къ ученой кастѣ, которая можетъ хозяйничать въ храмѣ науки, эти господа ревниво берегутъ свои привилегіи и съ яростію встаютъ противъ того, кто осмѣливается усумниться въ ихъ патентованной мудрости. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что мудрость дѣйствительно не очень велика, и что обладаніе ключами официальной науки не мѣшаетъ этимъ господамъ быть заклятыми врагами истиннаго знанія и порядочными ретроgrадомъ въ общественномъ смыслѣ.

Лучшіе современные педагоги, заботящіеся дѣйствительно объ улучшеніи и облегченіи путей для сообщенія знаній, думаютъ совершенно иначе; они полагаютъ, что основныя истины науки очень просты, и что для пониманія ихъ не нужно вовсе того муштрованія, какое считалось до сихъ поръ необходимымъ преддверіемъ «храма». Научная истина можетъ быть передаваема и въ гимназическомъ и въ университетскомъ курсѣ; можно и въ гимназій объяснять ученику, зачѣмъ онъ собственно учится исторіи и географіи, не откладывая этого объясненія до университетскаго курса, котораго большинство учащихся и не достигаетъ. Такимъ образомъ культурная исторія и географія совершенно необходимы для того, чтобы преподаваніе

этихъ предметовъ получилъ свой должный смыслъ. Педагоги стараго закала возопіють конечно противъ того, что ученику гимназіи начнутъ толковать такія подробности, какъ напр. «Воспитаніе женщинъ во Франціи», «Народныя увеселенія въ Елисейскихъ поляхъ», «Невольничество въ сѣверной Америкѣ», «День богатаго англичанина въ Калькуттѣ», «Междоусобная война въ Америкѣ» и т. п. По мнѣнію стараго педагога, съ ученика будетъ довольно, если онъ заучитъ названія горъ, рѣкъ, число жителей въ государствахъ и городахъ, но понятно, что это знаніе будетъ бессмысленно и бесполезно, что ученикъ перезабудетъ всѣ эти вещи по минованіи надобности, и за тѣмъ въ его головѣ останется о всѣхъ этихъ вещахъ крайне туманное представленіе, которое послѣ придется поправлять самостоятельнымъ чтеніемъ. Ознакомленіе учениковъ съ культурной географіей способно уничтожить эту нецѣльность преподаванія географіи, и книга Грубе можетъ служить при этомъ весьма полезнымъ пособіемъ.

Составъ «Географическихъ Очерковъ и картинъ» очень разнообразенъ; составитель этой географической хрестоматіи даетъ своимъ читателямъ картины разныхъ климатовъ и другихъ естественныхъ условій человѣческой жизни и разныхъ степеней культуры. Русскій переводчикъ прибавилъ нѣсколько статей о славянскихъ племенахъ и статьи объ Англіи и Америкѣ добавилъ нѣсколькими извлеченіями изъ новыхъ путешественниковъ, такъ что въ цѣломъ книга представляетъ очень интересное чтеніе, даже и мимо всякихъ педагогическихъ цѣлей. Вообще ей можно пожелать успѣха въ нашей читающей публикѣ.

Сказаніе о томъ, что есть, и что была Россія, кто въ ней царствовалъ, и что она происходила. Князя В. В. Львова. (Посмертное изданіе). С.-П.-бургъ. 1863.

Книжка эта представляетъ собой одну изъ безчисленныхъ, но до сихъ поръ почти никогда не удававшихся попытокъ поддѣлаться подъ русскій народный толкъ и объясняться съ народомъ языкомъ ему доступнымъ. Желаніе понравиться народу и быть въ нѣкоторомъ смыслѣ его руководителемъ соблазняетъ очень многихъ; г. Андрей Печерскій пишетъ для него брошюры, г. Н. Ф. Павловъ издаетъ политическую газету, г. Кушнеревъ сочиняетъ назидательныя повѣсти, г. Розенгеймъ угощаетъ лавительными стихотвореніями; но увы! умѣніе ихъ далеко не равняется усердію. Отъ всѣхъ этихъ попытокъ такъ и разитъ тлѣніемъ и ветошью; авторы ихъ, очевидно, люди бывалые, обращавшіеся съ народомъ, даже знакомые съ его

пословицами и прибаутками, но въ то же время положительно чуждые и народной мысли, и кровной народной нуждѣ. Въ ихъ книжкахъ прежде всего поражаетъ какая-то худоскрываемая преднамѣренность и желаніе во что бы то ни стало принизить себя до народнаго пониманія; поэтому, рѣчь не свободна и сплошь исцвѣщена всякаго рода присловьями и выраженьицами, для болѣе или менѣе ловкаго подбора которыхъ не требуется даже знакомства съ народомъ, а достаточно заглядывать почаще въ труды гг. Сивгирева, Буслаева и Дала.

Уже то одно, что всѣ эти «сочинители» приискиваютъ какую-то особенную манеру, чтобъ разговаривать съ народомъ, что они, нисколько не церемонясь, говорятъ своимъ читателямъ: «посмотрите, какъ я искусно притворяюсь!» — изобличаетъ въ нихъ людей, худо понимающихъ ту личность, къ которой они обращаются, и при томъ совсѣмъ не такихъ глубокихъ хитрецовъ, какими они себя почитаютъ. Они видятъ въ народѣ или низшую породу людей, или какое-то полудурье, и, руководствуясь этимъ взглядомъ, измышляютъ для него низшаго сорта рѣчи и форменно простонародныя рѣчи. Между тѣмъ, народъ и не дуракъ, и не низшая порода: онъ страдаетъ только недостаткомъ знаній, а потому и требуетъ знаній, и только знаній. Поэтому, къ тѣмъ проходимцамъ, которые обращаются къ нему съ такими мыслями и рѣчами, съ которыми имъ совѣстно было бы обратиться къ лицамъ, стоящимъ, въ общественной іерархіи, на одной ступени съ ними, онъ и относится такъ, какъ прилично къ нимъ относиться: то есть, не бросаетъ ихъ книжекъ подъ столъ потому только, что вообще съ печатною бумагою привыкъ обращаться осторожно, но не читаетъ ихъ, и сочинителей ихъ называетъ вѣтряными мельницами.

Вообще, услужить народу по письменной части—дѣло очень трудное. Для этого мало бывалости, мало даже знакомства съ сборниками народныхъ пословицъ и прибаутокъ, а необходимо прежде всего отречься отъ всякихъ преувеличеній и быть строгимъ къ самому себѣ. Однимъ словомъ, необходимо спросить себя: достаточно ли обуздана моя мысль для такого дѣла. Тутъ болѣе, нежели гдѣнибудъ, требуется строго-научный взглядъ на вещи, не отраженной ни авторскими умо-заключеніями, ни желаніемъ достигнуть какихъ либо постороннихъ цѣлей, потому что ничто такъ не противно народу, какъ мѣшанье дѣла съ бездѣльемъ и переливанье изъ пустаго въ порожнее. Онъ самъ никогда не бездѣльничаетъ, а потому требуетъ и отъ тѣхъ, которые къ нему обращаются, чтобъ они высказывали ему свое дѣло прямо и кратко, безъ подмѣси пустыхъ и наносныхъ рѣчей. Людей, которые сами не вынашиваютъ своей мысли, а говорятъ, что имъ на

умъ взбрѣдетъ, или же съ чужаго шопота, народъ презираетъ и на всѣхъ рѣчи только машетъ руками. Поэтому, даже для того, чтобы пустить въ народъ мысль и не совѣмъ ему чуждую, чтобы укоренить въ немъ хотя бы и то, что, въ качествѣ сѣмени, уже залегло въ него, нужна крайняя осторожность. Самую существенную опасность въ этомъ случаѣ представляютъ нѣкоторыя чувства, которыя, при извѣстныхъ условіяхъ, находятъ слишкомъ легкій доступъ къ народу. Известно, что подобныя чувства всего болѣе находятъ панегиристовъ и истолкователей (потому что и дѣло-то это самое сподручное и неубыточное), и вотъ темныя публицисты бросаются на нихъ съ жадностію и сразу вываливаютъ изъ своихъ кошицъ всѣ плоды своей бывалости и прозженности. Но этою жадностію они только портятъ свое собственное дѣло; они забываютъ, что во всякомъ дѣлѣ прежде всего нужно соблюсти чувство мѣры, а не потчивать по пословицѣ: что есть въ печи, то на столѣ мечи. Ибо, потчуя, такимъ образомъ, можно напотчиваться на свою голову, можно, въ отвѣтъ себѣ, напроситься на другую пословицу: Еремея потчуютъ умѣя, за воротъ да въ три шен.

Возьмемъ, для примѣра, любовь къ родинѣ. Что можетъ быть прекраснѣе? что можетъ быть возвышеннѣе? Но если мы рѣшаемся говорить объ ней, если мы рѣшаемся напоминать объ ея существоваваніи меньшей братіи, то никакъ не слѣдуетъ забывать, что для послѣдней это чувство понятно и дорого отнюдь не менѣе, какъ и для насъ самихъ. Уже само по себѣ взятое, это чувство такъ живо, что избавляетъ насъ отъ всякихъ подстрекательствъ, а тѣмъ менѣе отъ обращенія къ крайнимъ его проявленіямъ. Человѣкъ и безъ того уже наклоненъ воспитывать въ себѣ чувство національности болѣе, нежели всякое другое, слѣдовательно, разжигать въ немъ это чувство выше той мѣры, которую онъ признаетъ добровольно, будучи предоставленъ самому себѣ, значитъ уже дѣйствовать не на патріотизмъ его, а на темное чувство исключительности и особничества. Тогда-то и являютъся на сцену въ изобиліи всѣ эти «мерзости запустѣнія», всѣ эти «хвастунишки и подлишалы», однимъ словомъ, всѣ эти незлые сентенціи, которыми черезъ край переполнены псевдо-народныя книжицы. Въмѣсто того, чтобы излагать факты простаго, кратко и ясно и затѣмъ ожидать, чтобы народъ отнесся къ нимъ съ тѣмъ здоровымъ смысломъ, который составляетъ его характеристическую черту; вмѣсто того, чтобы хлопотать о томъ, чтобы патріотизмъ созналъ самого себя и не являлся чувствомъ черезчуръ непосредственнымъ, наши неискусные народоучители изъ того только и бьются, чтобы освѣтить факты своимъ собственнымъ блудящимъ свѣтомъ и заразить ихъ своимъ собственнымъ далеко неблаговоющимъ запахомъ. Ясно, что этимъ

они только наносятъ ущербъ тому дѣлу, которому необдуманно берутся служить.

О, составители народныхъ книжекъ! помните, что у народа есть очень простое, но вмѣстѣ съ тѣмъ и совершенно неизгладимое клеймо, которымъ онъ пятнаетъ подобныя попытки. «Ну, ужъ это онъ солгалъ», говоритъ онъ, читая ваши радужно-идиллическія повѣствованія, и затѣмъ безразлично переноситъ этотъ взглядъ на всю массу печатной бумаги, которая предлагается для его наученія и назиданія. Или вамъ этого-то и надобно?

Да; недостатокъ талантливыхъ людей, которые могли бы просто и вразумительно говорить съ народомъ, есть недостатокъ весьма печальный. Но что всего печальнѣе—это тотъ результатъ, который самъ собой выходитъ изъ этой галиматіи: народъ, замѣчая, что съ нимъ шутятъ, что къ нему обращаются съ мыслями, такъ сказать, полу-человѣческими, что на него смотрятъ, какъ на совокупность низшихъ организмовъ, мало-по-малу самъ охлаждаетъ къ дѣлу образованія и начинаетъ отождествлять его съ враньемъ, переливаніемъ изъ пустого въ порожнее и другими непроизводительными занятіями хорошихъ, но праздныхъ людей.

Впрочемъ, всѣ изложенныя выше размышленія, хотя и внушены намъ сочиненіемъ кн. Львова, но могутъ быть примѣнены къ нимъ лишь отчасти. Въ авторѣ его не замѣтно ни преднамѣренности, ни той развязности манеръ, которыя отличаютъ ходяковъ по этой части; напротивъ того, видно, что онъ совершенно искренно вѣритъ въ свое призваніе, и что онъ безъ всякаго худаго намѣренія объясняется съ народомъ низшаго сорта мыслями и низшаго сорта языкомъ. Онъ просто думаетъ, что для того, чтобы что нибудь внушить мужику, необходимо хоть на время прикинуться отчасти младенцемъ, отчасти юродствующимъ. Онъ даже не дастъ себѣ труда редактировать прибаутки и пословицы, которыми преисполнена его книга, согласно съ редакціей Буслаева, Сибгирева и Даля, а передаетъ ихъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ перешли къ нему отъ какой нибудь старухи-нянюшки. Это человѣкъ совершенно искренній, которому даже на мысль не можетъ придти, чтобы для народа было что нибудь обидное въ томъ, что къ нему относятся, какъ къ младенцу.

Начать съ самаго заглавія книги — что означаетъ она? Для чего не поставлено на оберткѣ просто «Краткая исторія Россіи», а «Сказаніе о томъ, что есть и что была Россія, кто въ ней царствовалъ и что она происходила?» И что такое за выраженіе: «что она происходила»? Мы знаемъ, конечно, что народъ иногда выражается: «такой-то мѣдныя трубы произошелъ», но смыслъ этого выраженія ограниченный и при томъ исключительный. Слѣдовательно, употреблять такое вы-

раженіе для замѣны имъ другаго, гораздо болѣе понятнаго («исторія») — значить, или придавать своему труду характеръ нѣсколько юмористическій, или же просто дѣйствовать по пословицѣ: слышу звонъ, да не знаю откуда онъ. А можетъ быть, что и ни того ни другаго намѣренія тутъ нѣтъ, а есть только невинное желаніе пококетничать съ народомъ, да и «своимъ» кстати показать, что вотъ-де-ска въ какое я слово знаю, что вы и животикъ надорвете (тоже хорошее выраженіе)? Можетъ быть, и это.

Затѣмъ, начинается разсказъ о томъ, при какихъ условіяхъ составила книжка. Потребовалось, вотъ видите, уяснить (кому потребовалось?), «что такое Россія, велика ли она, всегда ли была такая, какъ теперь, прибавилась ли она противъ прежняго или убавилась?» Обязанность отвѣчать на эти вопросы возлагается на старика Наума, который, «сотворивъ крестное знаменіе», и начинаетъ вести рѣчь.

Уже по самымъ вопросамъ можно догадываться, что авторъ очень мало знаетъ своего читателя. Онъ думаетъ, что русскаго мужика прежде всего должна поражать громадность, и что самый существенный вопросъ, который ему представляется, есть вопросъ о величинѣ. Мы утверждаемъ, однако же, что это совсѣмъ не такъ, и въ доказательство, можемъ сослаться на множество русскихъ пословицъ, которыя ясно свидѣлствуютъ въ пользу нашего мнѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, неужели же русскаго мужика могутъ интересовать прошедшія судьбы его родины только въ силу вопроса о ея величинѣ? Неужели между русскимъ народомъ и его прошедшимъ нѣтъ другой живой связи, кромѣ той, которая заключаетъ въ себѣ представленіе о расширеніи и округленіи границъ? Не будучи специалистами по этой части, мы, конечно, не беремся разрѣшить, представляетъ ли наша исторія поводъ для вопросовъ иного свойства, нежели тѣ, которые задаются кн. В. В. Львовымъ, но думаемъ, что если бы она не представляла такихъ поводовъ, то знаніе ея было бы знаніемъ очень не плодотворнымъ.

И вотъ, руководясь такимъ взглядомъ, старикъ Наумъ начинаетъ сокращать Карамзина и Устрялова, пересылая свой разсказъ прибаутками въ родѣ: «кто кого смогъ, тотъ того и въ рога», «сердечный», «сѣмъ-ка» и т. д. Перѣдко Наумъ прокашливается и просится отдохнуть, но слушатели его ждутъ не дождутся, когда опять настанетъ вечеръ и опять потекутъ, словно рѣка, напоенныя медомъ слова Наумовы.

«Что же, братцы, не за дѣло ли намъ? ужъ не бить ли челою свѣтъ Пахомычу?

Нутко, дѣтушки, поднимайтесь, вокругъ дѣдушки собирайтесь!

Ужь стоитъ Наумъ оправляется, уму разуму учить собирается.

И сошлись опять по вчерашнему, по вчерашнему по бывалому. Нишкнутъ всѣ, дожидаются; крестнымъ знаменіемъ осяняются, и Наумъ, старикъ, честной крестъ творить, людямъ рѣчь говорить».

И говоритъ онъ имъ, что пришли три брата, изъ нихъ двое умерли, а Рюрикъ живъ остался, что послѣ Рюрика остался сынъ Игорь малъ-малехонекъ, послѣ Игоря княжилъ Святославъ и т. д. Словомъ, кратко, но невразумительно излагаетъ номенклатуру князей отъ временъ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ.

Объ новгородцахъ авторъ выражается кратко, что ихъ «угомоняли». Такъ напр. Іоаннъ III «угомонилъ новгородцевъ, которыхъ было смутилъ, кто? какъ же вы думали? женщина, Марѳа, вдова по-садняка, по прозванью Борецкаго: вотъ ужь, прости Господи, не за «свое дѣло взялась!» Даже о Кузмѣ Мининѣ говорится только, что онъ былъ «молодецъ» и «мясникъ», но что «войскомъ начальствовать не при немъ писано: всякое дѣло мастера боится».

Однимъ словомъ, народъ русскій, тотъ самый народъ, которому рассказывается его же собственная исторія, поставленъ, какъ и слѣдуетъ, у воды, т. е. тамъ, гдѣ отъ вѣка заведено заставлять плясать гостей и пейзажъ.

Только и приходится ему утѣшаться слѣдующими строками:

«Такъ вы смекайте, что это значитъ такое: конь-то золотогривый (изъ сказки про Иванушку)—служба царская? (;) войдетъ въ нее мужичекъ—трудно, словно коню въ ухо влѣзать, а вылѣзать въ другое, т. е. (?) оботрется, выправится, и станетъ русскимъ чудо-богатыремъ; подавай ему не одного француза, не одного англичанина, не одного турка, а всѣхъ вмѣстѣ, подавай десятокъ на одного, такъ помѣрится со всѣми, да всѣхъ за поясъ ваткнетъ».

Нѣтъ сомнѣнія, что авторъ и здѣсь кокетничалъ; нѣтъ сомнѣнія, что онъ думалъ, что и невѣсть какой комплиментъ русскому мужику говоритъ. Представленіе о величинѣ и представленіе о физической силѣ—вотъ, по мнѣнію его, тѣ два могущественные двигателя, которые могутъ ободрять русскій умъ и веселить русское сердце.

Ну, не обидно ли?

Кіевскія волненія въ 1855 году. С. С. Громеки. С.-Петербургъ. 1863.

Г. Громека принималъ личное участіе въ усмиреніи крестьянскихъ волненій, бывшихъ въ 1855 году въ Кіевской губерніи, и потому раз-

сказать его объ этомъ дѣлѣ не лишентъ интереса. Какъ очевидецъ происшествія, онъ имѣлъ возможность изобразить его со всѣми разнообразными подробностями, или, по крайней мѣрѣ, съ тѣми вѣшними признаками истины, которые прежде всего бросаются въ глаза. Но современники-очевидцы, въ особенности же современники-участники, рѣдко бываютъ прозорливыми историками; доля ихъ собственнаго интереса въ дѣлѣ слишкомъ значительна, чтобы не повліять на ихъ отношенія къ описываемому происшествію и не кинуть на нихъ тѣнь подозрѣнія въ пристрастіи. Положимъ, что подозрѣніе это будетъ и несправедливо, но дѣло совсѣмъ не въ томъ, справедливо оно или несправедливо, а въ томъ, что оно совершенно естественно возникаетъ въ умѣ читателя, который видитъ въ рассказчикѣ не просто рассказчика, но и дѣйствующее лицо, котораго дѣйствія, наравнѣ съ прочими подробностями происшествія, подлежатъ критикѣ и суду. А потому, по большей части бываетъ такъ, что очевидцы благоразумно уклоняются отъ роли историковъ, и довольствуются болѣе скромною ролью лѣтописцевъ, т. е. простыхъ собирателей фактовъ, которые, впоследствии, должны составить достойныя исторіи. Къ сожалѣнію, г. Громека увлекается своимъ предметомъ болѣе, нежели приличествуетъ лѣтописцу; онъ не просто записываетъ вѣшныя признаки факта, а усиливается проникнуть въ его внутренній смыслъ, не довольствуется разказомъ о мѣрахъ, которыя были предприняты для того, чтобы прекратить волненія, а относится къ нимъ критически: одно хвалитъ, другое порицаетъ. Понятно, что при этихъ похвалахъ и порицаніяхъ на первомъ планѣ стоитъ его собственная личность; онъ сдѣлалъ то-то, отвѣчалъ такъ-то, написалъ то-то. Понятно также, что, по законамъ общечеловѣческой слабости, г. Громека не могъ явиться своимъ собственнымъ карателемъ, и что въ силу этой снисходительности, все совершенное собственно имъ является въ умѣстнымъ, и своевременнымъ, и предусмотрительнымъ, все же, сдѣланное безъ его участія, носить на себѣ характеръ бесполезности, неразсчитливости и во всякомъ случаѣ могло бы быть сдѣлано лучше, еслибъ онъ, г. Громека, былъ тутъ. Такъ напримѣръ, вице-губернаторъ В-нъ, по разказу г. Громеки, отличается лишь легкомысліемъ и неосновательностью сужденій; генералъ-маіоръ Б-въ «чинитъ тѣлесное наказаніе», и, къ сожалѣнію, г. Громека пріѣзжаетъ на мѣсто уже тогда, когда нельзя предотвратить горестныхъ послѣдствій такого административнаго дѣйствія; полковникъ А-въ, хотя и не чинитъ тѣлесныхъ наказаній, но за то и не прекращаетъ волненій, а только замазываетъ дѣло. Только главный начальникъ края да генералъ-адъютантъ Я-чъ пользуются сочувствіемъ г. Громеки, но и то потому, что внимаютъ его совѣтамъ. Однимъ словомъ, г. Громека, будучи весьма

строгъ къ своимъ товарищамъ по усмиренію, въ то же время очень снисходителенъ къ самому себѣ; эта нескромность значительно уменьшаетъ интересъ, представляемый его книжкой и даже дѣлаетъ чтеніе ея не совсѣмъ пріятнымъ.

По сознанію автора, брошюра его издана съ цѣлью дать возможность читателю «почерпнуть кой какія свѣдѣнія о политическихъ воззрѣніяхъ, инстинктахъ и желаніяхъ южно-русскаго народа». Цѣль тѣмъ болѣе похвальная, что есть множество такихъ читателей, которые совершенно отказываютъ простому народу въ способности заявлять какія либо политическія воззрѣнія. Убѣдить такихъ читателей, что простой народъ совсѣмъ не на столько погруженъ въ матеріальныя интересы, чтобъ изъ-за нихъ не видѣть интересовъ высшихъ, — дѣло хотя и трудное, но въ то же время и очень завидное. Посмотримъ же, выполнилъ ли и какимъ образомъ выполнилъ г. Громека свою задачу.

Повидимому, разрѣшеніе такого рода задачи достигается очень просто: обращеніемъ къ источникамъ, изъ которыхъ вышелъ фактъ, раскрытіемъ исторіи постепеннаго его развитія и созрѣванія и наконецъ, разказомъ самаго факта со всѣми его подробностями. Тогда, безъ излишнихъ мудрованій, дѣло объяснится само собою. Но въ томъ-то и штука, что для лица, принимающаго въ дѣлѣ непосредственное участіе, такого рода приемы не только трудны, но и положительно невозможны. Онъ практикъ въ полномъ смыслѣ этого слова, и принимаемое имъ на себя званіе историка ни въ какомъ случаѣ не можетъ изгладить тѣхъ чертъ дѣйствующаго лица, которыя составляютъ всю основу его дѣятельности; какъ практикъ, онъ прежде всего имѣетъ въ виду успѣхъ и практическія послѣдствія своихъ дѣйствій, и въ силу этого начинаетъ совсѣмъ не съ разысканія истины (до разысканій ли тутъ! разыскивать будемъ послѣ! говорится обыкновенно въ такихъ случаяхъ), а напротивъ того, самъ приноситъ на мѣсто уже совсѣмъ готовый и даже очень опредѣленный взглядъ на причины, породившія фактъ. Этѣ причины, смотря по большей или меньшей степени мягкосердечія дѣйствующаго лица, принимаютъ характеръ мягкій или суровый, и сообразно съ этимъ опредѣляются и способы къ устраненію причинъ—тоже мягкіе или суровые. Такъ, напримѣръ, можно приступить къ факту съ напередъ заданною мыслью, что онъ есть плодъ простаго недоразумѣнія, и можно приступить съ намѣреніемъ видѣть въ немъ порожденіе опаснаго буйства и преступнаго упорства. Можно даже дойти въ этомъ случаѣ до самыхъ большихъ тонкостей: до различенія между преступностью благонамѣренною и преступностью неблагонамѣренною. Само собой разумѣется, что здѣсь возможность построенія теорій тѣмъ легче, чѣмъ доступнѣе возмож-

ность упраздненія ихъ. Если, напимѣръ, дѣйствующее лицо, задавшееся, положимъ, хотъ мыслію о такъ называемыхъ заблужденіяхъ и недоразумѣніяхъ, и сообразно съ этимъ расположившее свой планъ кампаніи, убѣждается, что планъ этотъ не приводитъ къ желаемому результату, то ничто не препятствуетъ ему перейти къ другой мысли—напимѣръ, къ мысли о преднамѣренномъ упорствѣ, и сообразно съ симъ начертать новый планъ кампаніи. Здѣсь практическій успѣхъ или неуспѣхъ — вотъ единственный критеріумъ, который указываетъ на годность или негодность предвзятой теоріи, но указываетъ опять—таки въ сферѣ исключительно практической, а отнюдь не въ отношеніи къ абсолютной правдѣ, которая такъ и остается нетронутою. Короче сказать, здѣсь теорія является совсѣмъ не какъ объясненіе истины, а просто какъ средство къ удовлетворенію известной потребности человѣческаго духа, потребности очень безпокойной, въ силу которой человѣкъ ни на минуту не можетъ остаться безъ того, чтобъ не стремиться къ осмысленію своихъ отношеній къ факту, хотя бы это осмысленіе было и совершенно произвольное. Исполнители скромные и не разумѣющие себя Богъ вѣсть какими философами и политиками, такъ именно и взираютъ на свои теоріи, какъ на вещь очень гадательную, и успѣхъ или неуспѣхъ свой объясняютъ исключительно дѣйствительностью или недѣйствительностью предпринятыхъ мѣръ, и искусствомъ или неискусствомъ, обнаруженнымъ въ ихъ употребленіи; напротивъ того, исполнители нескромные и мнящіе себя урожденными философами, не только самихъ себя увѣряютъ въ своей непогрѣшимости, но и другихъ стремятся поставить на ту точку зрѣнія, на которой стоятъ сами. Успѣхъ только укрѣпляетъ ихъ въ такомъ убѣжденіи, даетъ имъ поводъ къ безпрестаннымъ ссыланъ и къ построенію цѣлой системы доказательствъ. Такихъ философовъ, кои стремятся проникнуть въ таинства природы, а не ограничиваются однимъ ея созерцаніемъ, очень много, и множество ихъ равняется только множеству и разнообразію ихъ философическихъ попытокъ. Понятно, какая «рогатая штука» (выраженіе г. Громеки) можетъ вымѣститься изъ этого философическаго разнообразія.

Вотъ почему мы позволяемъ себѣ думать, что всѣ разсужденія, которыя высказываетъ г. Громека о причинахъ, породившихъ кievскія волненія 1855 года, суть разсужденія очень мало убѣдительныя; что они даже повредили его брошюрѣ въ томъ отношеніи, что породили въ читателѣ сомнѣніе относительно правильной постановки самыхъ разсказываемыхъ фактовъ. Напимѣръ, г. Громека, какъ очевидецъ, утверждаетъ, что волненія эти сами по себѣ имѣли значеніе, заслуживающее даже поощренія, и что тотъ прискорбный характеръ,

который они съ самаго начала приняли, и тотъ еще болѣе печальный исходъ, который получили въ послѣдствіи, объясняется отчасти недоразумѣніями, сопровождавшими обнародованіе манифеста 1855 года, призывавшаго всѣхъ русскихъ подданныхъ «съ желѣзомъ въ рукѣ и съ крестомъ въ сердцѣ» ополчиться за отечество, отчасти же южно-русскимъ простодушіемъ. Слѣдовательно, если тутъ и есть преступность, то, по свидѣтельству автора, она заключается не въ намѣреніяхъ, а лишь въ тѣхъ наружныхъ дѣйствіяхъ, въ которыхъ эти намѣренія проявились. Напротивъ того, полковникъ А—въ, тоже очевидецъ, «принисываетъ главную причину волненій озлобленію крестьянъ противу экономическихъ властей; дѣло же объ указѣ и казачествѣ считаетъ побочнымъ и не болѣе какъ предлогомъ» (стр. 14). Тутъ, стало быть, преступность является уже не въ однихъ наружныхъ дѣйствіяхъ, но и въ самыхъ намѣреніяхъ, слѣдовательно и степень ея значительно усугубляется. Вотъ два мнѣнія, и оба принадлежатъ очевидцамъ. Г. Громека, быть можетъ, скажетъ: мое мнѣніе оправдывается успѣхомъ; но и г. А—въ можетъ сказать, что онъ также дѣйствовалъ вполне успѣшно, и прекратилъ волненія, возникшія въ каневскомъ уѣздѣ очень скоро и при томъ одними «благоразумными» мѣрами. На это г. Громека, конечно, опять скажетъ: «вы не прекратили волненій, а только замазали дѣло»; но кто же можетъ поручиться, что и г. А—въ въ свою очередь не отвѣтитъ ему: «а вы развѣ прекратили что нибудь? а вы развѣ не замазали?» Кто разрѣшитъ эту прію? кто скажетъ, кто правъ, и кто виноватъ? Конечно, все это, въ послѣдствіи, разрѣшатъ и расскажутъ намъ знаменитые исторіографы наши, гг. Соловьевъ и Иловайскій, но отнюдь не гг. Громека и А—въ, потому что эти послѣдніе совсѣмъ не историки, а простые исполнители начальственныхъ предписаній.

Оканчивая свою брошюру, г. Громека заключаетъ: «хорошъ ли фактъ или дуренъ, но онъ состоитъ въ томъ, что украинскій народъ преданъ русскому царю, и не хочетъ ни англійскихъ, ни французскихъ, ни иныхъ какихъ либо царей». Съ этимъ, разумѣется, невозможно не согласиться, но здѣсь невольно рождается вопросъ, для кого писана брошюра г. Громеки? кто сомнѣвался когда нибудь, что украинскій народъ хочетъ англійскихъ, французскихъ и еще какихъ-то «иныхъ» царей? Судя по тому, что брошюра написана по русски, надобно думать, что она предназначена для русскихъ же, которые, конечно, ни тѣни сомнѣнія въ этомъ смыслѣ ни на минуту допустить не могутъ. Если же брошюра написана для такихъ людей, для которыхъ Украина составляетъ неизвѣстную землю (такowymi представляются всѣ иностранные публицисты), то вѣдь этихъ людей ничѣмъ не убѣдишь: у нихъ тоже имѣются на эготъ счетъ свои теоріи, въ

которыхъ желанія украинскаго народа играютъ ту самую роль, какую на сценѣ играютъ гости и пейзажи.

Руководство къ судебной защитѣ по уголовнымъ дѣламъ. К. Ю. А. Миттермайера. Изданіе А. Унковскаго. Москва. 1863 г.

Переводомъ этого руководства начинается рядъ изданій, предпринятыхъ А. М. Унковскихъ въ виду ожидаемыхъ Россіею преобразованій по судебной части. Практическая польза подобнаго предпріятія слишкомъ очевидна, чтобы нужно было много распространяться объ этомъ предметѣ: оно отвѣчаетъ настоятельной потребности публики, и притомъ отвѣчаетъ въ такую минуту, когда эта потребность всего живѣе чувствуется. Руководствуясь этимъ соображеніемъ и имѣя при томъ въ виду, что сдѣланный г. Унковскимъ выборъ сочиненій вполне соответствуетъ своему назначенію, мы смѣло рекомендуемъ его изданія всѣмъ желающимъ ознакомиться съ характеромъ и подробностями гласнаго уголовного суда, совершаемаго при участіи присяжныхъ, обвинителей и защитниковъ.

ПОЛИТИКА.

ФРАНЦУЗСКІЯ ПАРТІИ ВЪ 1863 ГОДУ. — ПРИГOTOВЛЕНІЯ КЪ ВЫБОРАМЪ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИХЪ. — ПЕРЕМѢНА ЛИЦЪ И СОХРАНЕНІЕ СИСТЕМЫ. — ПРИГOTOВЛЕНІЯ КЪ НОВОЙ СЕССИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО СОБРАНІЯ.

Послѣ 2 декабѣя 1851 года большая часть дѣятелей прежнихъ временъ, добровольно или недобровольно удаляясь со сцены, были безъ сомнѣнія увѣрены въ томъ, что удаленіе ихъ не можетъ быть продолжительнымъ, и что скоро наступитъ время, когда имъ придется вновь выступить на сцену и играть на ней первую роль. Легитимисты, орлеанисты или парламентаристы, іюньскіе республиканцы — всѣ они увѣрены были, что безъ нихъ Франція не обойдется, что они для нея необходимы, потому что они одни могутъ облагодѣтельствовать ее, и что поэтому благодарная французская нація безъ сомнѣнія скоро низвергнетъ правительство 2 декабря и призоветъ ихъ вновь управлять страной, какъ они управляли ею съ 1815 до 24 февраля 1848, и съ 26 іюня до декабря того же 1848 года. Они были увѣрены, что въ Парижѣ усѣлось не постоянное, а временное, недолговѣчное правительство, и что имъ придется въ скоромъ времени наследовать этому правительству. Ждали они 11 лѣтъ, а толку все нѣтъ. Мнимо-временное правительство усаживается все крѣпче, прославляетъ французское оружіе въ разныхъ странахъ свѣта, издаетъ законы объ общественной безопасности, а потомъ опять играетъ въ либерализмъ, и издаетъ декреты 24 ноября 1860 года, и при всемъ

этомъ не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на недовольныхъ представителей прежняго порядка. Оно позволило имъ возвратиться во Францію и жить, гдѣ имъ угодно, исключивъ при этомъ только немногихъ людей, дѣйствительно опасныхъ для него по своему уму, по опредѣленности и смѣлости своихъ стремленій, которыя не могли не возбуждать симпатій народа; а что касается до прочихъ, то правительство, убѣдившись въ ихъ безвредности, перестало запрещать имъ пребываніе во Франціи. Возвратились наши фрондѣры изъ Англіи, Бельгіи, Германіи, поселились на старомъ непелищѣ, — а роли играть имъ все не приходится, все не приходитъ ихъ очередь, все не разсылаютъ къ нимъ сорока тысячъ курьеровъ, съ просьбою пожаловать управлять департаментомъ. Взяло нашихъ старичковъ раздумье: неужели же такъ и отказаться имъ совсѣмъ отъ надежды пожить такъ, какъ они прожили съ 1815 до 1848. Такимъ манеромъ не много выиграешь: пожалуй такъ и сойдешь въ могилу, забытый сотоварищами забытый правительствомъ, а еще болѣе забытый народомъ, для котораго въ теченіе 35 лѣтъ не много сдѣлано было хорошаго. Грустно и обидно. Въ такомъ настроеніи находились люди прежнихъ системъ, когда въ началѣ нынѣшняго года Франція стала готовиться къ выбору новыхъ депутатовъ въ законодательное сословіе. Когда въ 1857 г. производились эти выборы, то представители прежнихъ партій и не думали принимать въ нихъ участіе: тогда они все еще были увѣрены, что нація сама обратится къ нимъ и станетъ ихъ слезно просить о томъ, чтобъ они сжалились надъ нею и пришли бы править ею. Но они ошиблись въ расчетѣ: прошло еще шесть лѣтъ, и никто не приходилъ и не просилъ ихъ. Такимъ образомъ и случилось, что въ законодательномъ корпусѣ, окончившемъ въ нынѣшнемъ году свою сессію, было пять человекъ искреннихъ и настоящихъ демократовъ (Жюль Фавръ, Пикаръ, Оливье, Даримонъ и Энонъ), человекъ пять депутатовъ, не пользовавшихся при выборахъ покровительствомъ правительства и осмѣливавшихся иногда имѣть свое сужденіе, несогласное съ сужденіемъ правительства, и 274 безусловно-покорныхъ депутата. Но въ нынѣшнемъ году было не то. Людямъ старыхъ партій надоѣло сидѣть у моря и ждать погоды, и они начали подумывать о томъ, не принять ли имъ также участія въ настоящемъ избирательномъ движеніи: хотъ такимъ образомъ дойти опять до возможности заявить странѣ о своемъ существованіи. И вотъ передъ нашими глазами повторяется извѣстная сцена изъ «Роберта Дьявола»: изъ гробовъ поднимаются тѣни, которыя должны бы покониться вѣчнымъ сномъ, возстаютъ люди, умершіе лѣтъ 30, 15 тому назадъ и давно уже забытые, и начинаютъ ломаться передъ французскимъ

народомъ, желая соблазнить и привлечь его въ свои сѣти. Это арфище продолжалось дѣськолько мѣсяцевъ (до іюня настоящаго года), и вѣроятно возобновится и въ слѣдующемъ актѣ, послѣ открытія засѣданій законодательнаго собранія. Но намъ кажется несомнѣннымъ, что эти тѣни провалятся опять туда же, откуда они вышли, и что желаніе ихъ одурачить французскій народъ останется однимъ желаніемъ. Теперь же, въ то время, когда только что открыты засѣданія новаго собранія, и въ ожиданіи результатовъ этихъ засѣданій, посмотримъ поближе на пласку мертвецовъ, происходившую во Франціи весною и лѣтомъ нынѣшняго года, поговоримъ о приготовленіяхъ къ выборамъ, о самыхъ выборахъ и о ближайшихъ ихъ послѣдствіяхъ, и постараемся понять настоящее значеніе и настоящій смыслъ всѣхъ этихъ событій. Это дѣло не лишенное нѣкотораго интереса.

Члены старыхъ партій, сказали мы, поколебались въ прежней своей увѣренности, и при началѣ нынѣшняго избирательнаго движенія, стали задумываться о томъ, принять ли имъ участіе въ этомъ движеніи, или оставаться въпрежнемъ пассивномъ положеніи, въ положеніи людей будирующихъ тому порядку, измѣнить который они не въ силахъ. Въ началѣ мѣсяца на этотъ счетъ были весьма различны: всѣмъ приверженцамъ прежнихъ порядковъ хотѣлось заявить свое оппозиціонное направленіе, но они были несогласны въ средствахъ, при помощи которыхъ слѣдовало дѣлать это заявленіе. Одни полагали, что оппозицію лучше всего выражать по прежнему черезъ будированіе, другіе хотѣли дѣйствовать энергически, одни хотѣли по прежнему рисоваться тѣмъ презрѣніемъ, которое они будто бы питали къ существующему правительству (*), другіе хотѣли броситься въ самый разгаръ свалки, одни хотѣли изолированнаго образа дѣйствія, другіе хотѣли общаго союза всѣхъ оппозиціонныхъ элементовъ противъ общаго противника. Нужно было согласовать всѣ эти противорѣчія, и люди прежняго порядка рано стали хлопотать объ этомъ дѣлѣ. Болѣе всего волновались орлеанисты, которые считаютъ еще въ своихъ рядахъ большую часть политическихъ знаменитостей царствованія Луи Филиппа. Еще въ началѣ марта они собирались у одного изъ членовъ своей партіи, герцога Броули, для окончательнаго рѣшенія вопроса, должны ли люди послѣдняго царствованія выѣщи-

(*) Мы говоримъ здѣсь только о томъ смѣшномъ и бесполезномъ будированіи, которое мы замѣчаемъ у людей недалекихъ и мелочно-тщеславныхъ; мы не смѣшиваемъ съ нимъ разумнаго, глубоко-сознательнаго воздержанія отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, которое можно встрѣтить у нѣкоторыхъ истинныхъ патриотовъ, и о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

ваться прямо или косвенно въ приближающееся избирательное движение, или нѣтъ. Всѣ знаменитости орлеанистовъ подали свой голосъ по этому вопросу: Тьеръ замѣтилъ, что иногда не слѣдуетъ эмигрировать ни за предѣлы отечества, ни въ нѣдра страны (это онъ говорилъ послѣ одиннадцатилѣтней эмиграціи, частью вынужденной, частью добровольной, частью виѣшней, частью внутренней); поэтому онъ желалъ, чтобы люди его партіи приняли дѣятельное участіе въ предстоявшей избирательной борьбѣ. Другая знаменитость, Дюфуръ, былъ мнѣнія совершенно противоположнаго; третья знаменитость, Гизо, полагалъ, что этотъ деликатный вопросъ должно разсматривать болѣе съ точки зрѣнія личной, и что каждый долженъ поступать по своей совѣсти. Говорили и другія знаменитости, и наконецъ рѣшили большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ, что слѣдуетъ принять участіе въ выборахъ. (Г. Дюфуръ еще разъ энергически протестовалъ противъ этого, потому что для того, чтобы явиться кандидатомъ, нужно произнести слѣдующую присягу: *je jure obéissance à la constitution et fidélité à l'Empereur*; а два мѣсяца спустя, онъ принималъ экстренный поѣздъ, для того, чтобы секретарь его могъ во время посѣтъ въ Бордо, для представленія префекту присяги г. Дюфора). Вслѣдствіе этого рѣшенія въ разныхъ городахъ явились кандидатуры корифеевъ польской монархіи: Тьера, Дювержье, Д'Оранна, Прево-Парадоля, Лабуазъ, Ремюза и др. Лигитимисты производили менѣе шума, нежели парламентаристы, потому что эта партія въ продолженіи 33-хъ-лѣтняго удаленія отъ дѣлъ успѣла порядочно ослабнуть и потерять многія изъ своихъ знаменитостей: однако и они рѣшились явиться на выборахъ 1863 г. съ знаменей оппозиціи противъ настоящаго правительства, и они выставили кандидатуры Беррье, герцога Деказа; сюда же можно причислить и кандидатуру католика-либерала гр. Монталамбера. Кромѣ этихъ двухъ партій, къ избирательной борьбѣ готовились и другія, существующія въ странѣ оппозиціонныя партіи: республиканцы, истинные демократы и друзья народа, не отказывавшіеся отъ борьбы въ 1857 г., и посланные въ собраніе пѣвѣстныхъ пѣтерыхъ оппозиціонныхъ депутатовъ, готовились и на этотъ разъ хлопотать объ избраніи въ палату своихъ представителей, и дѣлали это безъ шума и безъ кривляній. Манифесты, съ которыми обратились къ избирателямъ Карно, Шартонъ и другіе ихъ единомышленники, отличались простотою. Въ первомъ парижскомъ избирательномъ округѣ кандидатомъ чистыхъ демократовъ явился типографскій работникъ Бланъ, который обратился къ избирателямъ съ манифестомъ, написаннымъ съ величайшею умѣренностью, вызвавшей даже похвалу людей проповѣдующихъ постепенность и нето-

ропливость: г. Бланъ, писавши подобный манифестъ, очевидно имѣлъ въ виду не искупать своими требованіями этихъ почтенныхъ господъ. Не смотря на эту предусмотрительность манифестъ его прошелъ почти незамѣченнымъ, и кандидатура его не имѣла никакого успѣха. Но рядомъ съ этими чистыми, искренними демократами мы видимъ въ числѣ кандидатовъ оппозиціи господа, тоже называющихъ себя демократами, но вовсе не заслуживающихъ этого названія и рѣзко отличающихся отъ Карно, Фавра, Блана и другихъ. Это такъ называемые империалистскіе демократы, представителями которыхъ служатъ гг. Гавенъ и Геру, главные редакторы газетъ «Siècle» и «Opinion Nationale». Самое названіе ихъ партіи, соединяющее въ себѣ два слова вовсе несоединимыя (слова империалистскій демократъ представляютъ почти такое же сочетание понятій, какъ слова: сухая вода, или холодное пламя), даетъ ясное понятіе объ этихъ господахъ. Наконецъ мы видимъ въ числѣ оппозиціонныхъ кандидатовъ лицъ, не принадлежащихъ собственно ни къ одной изъ вышеупомянутыхъ партій, считающихъ себя тоже демократами и либералами, но между тѣмъ не похожихъ ни на Фавра и Карно, ни на Гавена и Геру, лицъ не имѣющихъ опредѣленнаго цѣля и ясно обозначеннаго направленія: къ подобнымъ оппозиціоннымъ кандидатамъ принадлежатъ Пеллтанъ, Жюль-Симонъ, Фред. Моренъ.

Изъ такихъ-то разнородныхъ элементовъ составлены были списки оппозиціонныхъ кандидатовъ въ 1863 году: мы видимъ тутъ и легитимистовъ, и орлеанистовъ, и демократовъ-республиканцевъ, и демократовъ-империалистовъ, и либераловъ неопредѣленнаго характера. Спрашивается, что же соединило всѣ эти разнородные элементы, что заставило ихъ всѣхъ собраться вокругъ одного знамени, на которомъ написано было: оппозиція настоящему правительству? Къ чему стремились всѣ эти партіи, вдругъ подившіяся всѣ разомъ, какъ будто стогорившіеся? На эти вопросы намъ давали очень много, и надобно сознаться по большей части весьма странныхъ, отвѣтовъ. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, явилось тотчасъ множество восторженныхъ и наивныхъ либераловъ, которые восхищались всѣмъ тѣмъ, что дѣлалось на ихъ глазахъ, которые видѣли необыкновенно знаменательное явленіе въ томъ, что во Франціи послѣ 11 лѣтъ опять пробудился политическій духъ, и которые считали это лучшимъ доказательствомъ того, что политическая жизнь во Франціи не умерла, а только заснула. Дальше они не шли, они не ставили въ вопросъ, какая польза будетъ Франціи отъ того, что разные Беррье, Дюфоры или Монталамберы попадутъ въ законодательное собраніе. «Шумимъ, братецъ, шумимъ!» съ увлеченіемъ повторяли эти милые

господа устно и печатно, и этого было довольно съ нихъ. Другіе болѣе серьезные люди—напр. Прево-Парадолъ, сотрудники «Journal des Débats», «Revue des deux Mondes»—не ограничивались подобнымъ ребяческимъ восторгомъ. Они дѣлали видъ, будто углубляются въ предметъ, и говорили не безъ глубокомыслія, что теперь перелъ выборани всякая борьба между партіями прекратилась (не легко и, повсей вѣроятности не прочно, какъ мы увидимъ ниже), что все они соединились вмѣстѣ во имя двухъ требованій: *свободы и экономіи*. Мы хотимъ вѣрить, что господа, говорившіе эти слова, говорили искренно и не желали никого морочить; мы готовы вѣрить, что они видѣли либераловъ во всехъ оппозиціонныхъ кандидатахъ—въ Тьеръ, Монтанамберъ, Деказъ, Беррье; но отъ этого слова ихъ не дѣлаются менѣе забавными. Все хотятъ одного, говорятъ они,—*свободы и экономіи*,—но *свободы благоразумной*, конечно, снѣшнть прибавить «Journal des Débats». Странное это слово у французовъ: благоразумная свобода. Всякій, самый отъявленный врагъ свободы, заявляетъ, что онъ желаетъ свободы благоразумной—и за тѣмъ предоставляется всякому разсудить, что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ словомъ. Вотъ теперь намъ говорятъ, что люди реставраціи, польской монархіи и демократы-имперіалисты производятъ оппозицію, потому что они желаютъ странъ свободы, т. е. благоразумной свободы. Стало быть, они либералы, т. е. благоразумные либералы. Но во первыхъ, они берутъ на себя лишній трудъ, потому что они дѣлаютъ то же самое, что дѣлаетъ императоръ Наполеонъ III. Онъ самъ лично, или черезъ министровъ своихъ, или черезъ правительственную прессу, заявляетъ постоянно (даже тотчасъ послѣ 2 декабря), что при немъ Франція должна пользоваться и пользуется благоразумной свободой. Къ чему же послѣ этого труды оппозиціи? Да нѣтъ, не то, говорятъ намъ; легитимисты и орлеанисты, представляющіе собою просвѣщенную часть націи (врочемъ въ 1830 и 1848 году они были скорѣй слѣпы, нежели просвѣщенны), и считающіе въ своихъ рядахъ знаменитыхъ государственныхъ людей, извѣстныхъ писателей и публицистовъ, разумѣютъ совершенно иное подъ словомъ благоразумная свобода. А, значитъ, это слово у французовъ очень эластическое; примемъ это къ свѣдѣнію. Какъ же понимаютъ благоразумную свободу люди старыхъ системъ? Теперь они кричатъ противъ стѣсненій свободы, которыя будто бы исходятъ отъ правительства: мы не споримъ съ ними, стѣсненія эти существуютъ и ихъ ничѣмъ нельзя оправдать; но мы знаемъ также, что имѣя власть въ своихъ рукахъ, люди этихъ партій поступали столь же безцеремонно съ оппозиціей, какъ и слуги настоящаго правительства, и точно такъ же считали все средства дозволенны-

ми, для того, чтобы побѣдить оппозицію; мы знаемъ, что они для этого прибѣгали и къ подкупамъ, и къ административнымъ строгостямъ, и къ судебнымъ преслѣдованіямъ. Далѣе мы знаемъ, что эти люди ненавидятъ систему всеобщей подачи голосовъ; они увѣряютъ, что при этой системѣ правительству предоставлена полная возможность вліять изъ всѣхъ силъ своихъ на населеніе. Поэтому они полагаютъ, что право принимать участіе въ дѣлахъ государственныхъ слѣдуетъ давать только тому, у кого хорошо набитъ кошелекъ; самые либеральныя изъ нихъ доходятъ до того, что соглашаются (къ великому ужасу остальныхъ своихъ товарищей) дать это право тому, кто умѣетъ читать и писать, но не умѣющаго написать имени своего кандидата они безжалостно прогоняютъ прочь отъ избирательной урны. Они забываютъ, какъ, имѣя въ своихъ рукахъ правительственную власть, они доказали самымъ несомнѣннымъ образомъ, что и цензъ дастъ правительству возможность вліять на выборы сколько ему угодно. И такъ, они ненавидятъ *suffrage universel*, потому что онъ допускаетъ участіе подлой толпы въ государственныхъ дѣлахъ; они приходятъ въ ужасъ отъ одного слова народной свободы, потому что это слово является ихъ умамъ синонимомъ съ словами анархія и грабительство; они до сихъ поръ увѣрены въ томъ, что въ 1848 году во Франціи происходила борьба анархій съ порядкомъ; они, т. е. благодѣтели народа, предводители либеральной оппозиціи 1863 года, составляли въ 1848 году самую энергическую оппозицію, когда въ національномъ собраніи поднятъ былъ вопросъ объ организаціи труда: въ проведеніи новыхъ идей объ организаціи труда они видѣли гибель общества, гибель государства, гибель цивилизаціи и нравственности. Поэтому всѣ они, т. е. и ханжи реставраціи, и доктринеры буржуазной монархіи, и июньскіе республиканцы 1848 года, «честные и умѣренные», какъ они сами называютъ себя, сдѣлавшіе все возможное для сокрушенія народной свободы, всѣ они аплодировали послѣ февральской революціи всякому успѣху людей порядка, всякой неудачѣ анархистовъ; всѣ они подготовили слѣдовательно настоящій порядокъ вещей гораздо болѣе, нежели народъ, нежели *suffrage universel*, на который они теперь сваливаютъ всю вину. Они только ошиблись въ расчетѣ, они думали, что имъ удастся загрести жаръ чужими руками; они надѣялись, что послѣ побѣды надъ подлой толпой, надъ анархіей, возстановитель порядка, Людовикъ Бонапарте, скажетъ имъ: «ну, теперь пожалуйста, господа, опять на ваши прежнія мѣста, я разогналъ сволочъ, васъ теперь не будутъ больше беспокоить, пожалуйста». Случилось же не совсемъ такъ: побѣдитель анархій не захотѣлъ загребать жаръ для другихъ; окончивши начатое имъ дѣло, онъ ска-

залъ людямъ прежнихъ системъ: «оставайтесь, господа, тамъ, гдѣ вы теперь находитесь, вы мнѣ не нужны, я самъ буду наслаждаться возстановленнымъ мною порядкомъ». Досадно стало почтеннымъ друзьямъ порядка: стали они сначала будировать, производить пассивную оппозицію, а теперь ударились въ оппозицію активную. Вотъ за этотъ-то послѣдній подвигъ они всѣ гуртомъ и получили названіе *либераловъ*; за этотъ подвигъ ихъ считаютъ спасителями и благодѣтелями отечества; это и дало друзьямъ ихъ поводъ сказать, что они написали на своемъ знамени: *liberté, économie*. Если же всмотрѣться поближе въ то, что самые смѣлые изъ нихъ разумѣютъ подъ словомъ *liberté*, то окажется, что они разумѣютъ подъ этимъ словомъ главнымъ образомъ свободу трибуны. Это самое важное. Видите ли между ними есть много ораторовъ, и ораторовъ не безъискусныхъ, людей умѣющихъ и любящихъ поговорить: ну, а извѣстное дѣло, что для человѣка болтавшаго нѣтъ хуже наказанія, какъ если его принудятъ молчать. Такъ имъ нужна свобода поговорить; поговорить бы только — этого достаточно для нихъ, безъ этого они жить не могутъ. Потомъ они желаютъ свободы прессы, но свободы прессы конечно для себя, а не для всѣхъ: нельзя же всякому позволить писать, что ему вздумается. Наконецъ свобода, по ихъ мнѣнію, состоитъ еще въ томъ, чтобы ввести во Франціи нѣкоторыя прекрасныя англійскія учрежденія, которыя даютъ такое большое значеніе аристократіи и лишаютъ всякаго значенія грубую толпу, которую ненавистный *suffrage universel* ставитъ почти на одну доску съ крошечной и денежной аристократіей. Дальше этого у людей старыхъ порядковъ не идетъ понятіе о *liberté*! Органы ихъ, «*Presse*», «*Journal des Débats*» и другіе менѣе важные, говорили, что въ кандидатурѣ Тьера и другихъ орлеанистовъ олицетворилось стремленіе къ конституціямъ, бывшимъ во Франціи съ 1815 до 1848 года, и что этому стремленію нельзя не радоваться и не сочувствовать ему. Приведемъ здѣсь кстатіи нѣсколько отрывковъ изъ рѣчи графа Монталамбера; эта рѣчь составляетъ какъ бы *profession de foi* этого католика-либерала, стоящаго тоже въ рядахъ оппозиціи. Онъ, какъ извѣстно, былъ въ прежнія времена членомъ Франціи, потомъ членомъ національнаго собранія 1848 года, и членомъ законодательнаго корпуса съ 1852 до 1857 года. При выборахъ нынѣшняго года онъ явился оппозиціоннымъ кандидатомъ во Франшъ-Конте, и обратился къ избирателямъ между прочимъ съ слѣдующими словами: «Во всѣхъ моихъ прежнихъ дѣйствіяхъ я постоянно руководствовался желаніемъ служить дѣлу свободы, независимо отъ дѣла революціи, и дѣлу католицизма, независимо отъ дѣла деспотизма и нестерпимости. Религіозная свобода,

истинная и равная для всѣхъ, безъ привилегій для католицизма или противъ него; политическая свобода, защищенная противъ захватовъ власти, но защищенная также и противъ безправственнаго насиія и гнусной отверженности ложной демократіи; свобода и власть, соединенныя узлами справедливости и вѣры—однимъ словомъ, свободная церковь въ свободной націи». Изъ этихъ и другихъ подобныхъ словъ видно, что люди прежнихъ системъ остались при всѣхъ прежнихъ своихъ понятіяхъ, искренно или притворно вѣрятъ въ возможность соединить католицизмъ и свободу, ненавидятъ демократію и революцію, и собираются въ 1863 году дѣйствовать въ томъ же смыслѣ, въ которомъ они дѣйствовали 25 и 30 лѣтъ тому назадъ. И этихъ-то господъ нѣкоторые публицисты, считающіе себя либералами, ставятъ на одну доску съ Фавромъ, Бланомъ, Пикаромъ, стараясь сгруппировать ихъ всѣхъ вмѣстѣ вокругъ одного знамени, на которомъ они съ самодовольствіемъ пишутъ: *liberté, économie*.

Французская пресса, конечно, не могла остаться безмолвной при томъ сильномъ движеніи, которое охватило Францію передъ выборами. Не только газеты стали наполняться длинными руководящими статьями, въ которыхъ разные умные люди глубокомысленно объясняли Франціи значеніе выборовъ, но стали появляться отдѣльныя брошюры, относящіяся къ избирательному вопросу. Но какъ въ газетахъ, такъ и въ брошюрахъ оппозиціи повторялись избитыя, приторныя фразы о важности либеральной оппозиціи, о необходимости послать въ палату разныхъ Тьеровъ, Дюфуровъ и проч. Къ разряду подобныхъ либерально-опозиціонныхъ трактатовъ принадлежатъ брошюры Прево-Парадоля: *Les élections de 1863*, Пельтана: *Aide-toi et Dieu t'aidera* (брошюра эта впрочемъ была захвачена полиціей еще во время печатанія ея), и Неффера, редактора газеты *Temps*... Этотъ послѣдній публицистъ писалъ еще сравнительно болѣе дѣльные вещи, нежели другіе. Онъ замѣчалъ очень справедливо, что при непрочномъ положеніи французской журналистики, издатели, редакторы и сотрудники газетъ находятся въ слишкомъ большой зависимости отъ правительства и не могутъ поэтому считаться депутатами независимыми; поэтому онъ находилъ, что они сдѣлали большую ошибку, принявши кандидатуру въ рядахъ оппозиціи, и на основаніи этого онъ сильно возставалъ противъ ихъ кандидатуры. Но среди всѣхъ этихъ однообразныхъ голосовъ, тянувшихъ въ унисонъ одну и ту же пѣсню либерализма, раздавался вдругъ рѣзкій, непріятный для очень многихъ голосъ, зашѣвшій совершенно иную пѣсню и сбившій съ толку всѣхъ прочихъ пѣвцовъ. Этотъ голосъ принадлежалъ Прудону, который въ самый разгаръ избирательныхъ волненій и приготовленій, издалъ брошюру подъ слѣдую-

щимъ заглавіемъ: *Les démocrates assermentés et les réfractaires* (демократы принесшіе присяги и упорствующие).

Прудонъ начинается съ того, что обнаруживаетъ съ ѣдкимъ сарказмомъ несостоятельность, неискренность, безсиліе и даже продажность тѣхъ господъ, которые громко называли себя либералами, и на основаніи этого титула готовились принять участіе въ предстоявшихъ выборахъ; подобные упреки дѣлаются особенно чувствительны, когда они исходятъ отъ человѣка, который имѣетъ то преимущество передъ своими антагонистами, что онъ никогда не искалъ почестей и расположенія толпы, что онъ не добивался никакого мѣста, не нарушалъ присяги, не входилъ въ компромиссы, и остался при своей грубой независимости и трудолюбивой бѣдности. — Затѣмъ Прудонъ излагаетъ причины, по которымъ онъ считаетъ для честнаго человѣка невозможнымъ принять участіе въ выборахъ и въ какихъ бы то ни было мѣрахъ настоящаго французскаго правительства. *Suffrage universel*, говоритъ онъ, должно служить истиннымъ выраженіемъ народной воли, и поэтому оно не должно быть стѣснено никакими путями; въ противномъ же случаѣ, когда существуютъ эти пути, оно дѣлается недостойной и глупой комедіей, и тотъ, кто участвуетъ въ этой комедіи, играетъ недостойную и глупую роль. А это-то именно и дѣлается теперь во Франціи: всеобщая подача голосовъ хотя и существуетъ, но она не свободна, стѣснена, и поэтому достоинство французской націи и лучшихъ представителей ея требуетъ, чтобы всѣ истинные патріоты воздержались отъ участія въ этой комедіи. Для доказательства справедливости своего тезиса, что всеобщая подача голосовъ стѣснена и поэтому не имѣетъ смысла при настоящихъ обстоятельствахъ, Прудонъ разсматриваетъ въ своей брошюрѣ тѣ причины, которыя производятъ это стѣсненіе. Онъ находитъ семь причинъ, обуславливающихъ отсутствіе свободы при народныхъ выборахъ. 1) Первую причину онъ видитъ въ существованіи оффиціаль-ныхъ, правительственныхъ кандидатуръ, которыя, по мнѣнію автора брошюры, представляютъ величайшее зло и величайшую безсмыслицу: отъ народа требуютъ, чтобы онъ выбралъ въ депутаты человѣка, которому онъ довѣряетъ, и считаютъ его такимъ глупымъ, что онъ даже не сѣмѣетъ самъ найти такого человѣка; правительство беретъ на себя трудъ разыскать такого человѣка, и затѣмъ избирательно остается только — подъ страхомъ разныхъ непріятностей со стороны мера и кюре — положить въ избирательную урну имя человѣка, навязаннаго ему другими (*). 2) Для *suffrage universel* нужна полная сво-

(*) Г. Казонъ, редакторъ журнала «*Revue contemporaine*», человѣкъ вполне преданный настоящему порядку вещей, говоритъ слѣдующее по поводу этого

бода собираться вмѣстѣ и обсуждать дѣйствія правительства, т. е. нужны ли такіе же клубы, какіе были въ 1793 и 1848-мъ году, или по крайней мѣрѣ право безпрепятственно сходиться вмѣстѣ и разсуждать безъ контролѣ. На это требованіе г. Прудону отвѣтили, что толпа глупа, что всякій крикунъ могъ бы увлечь и обмануть ее, и что французскій народъ уже доказалъ, какъ дурно онъ воспользовался правомъ публичнаго разсужденія. «Право подавать свой голосъ, глубоко-мысленно замѣчали нѣкоторые публицисты, вовсе не обуславливаетъ собою права публичнаго разсужденія.» 3) Необходимо, чтобы при всеобщей подачѣ голосовъ всякій имѣлъ право свободно высказать свое мнѣніе, необходима свобода прессы. Это истина до того очевидная, что о ней и говорить не стоитъ. Только тотъ же Калоннѣ могъ отвѣчать проницательно на это требованіе: «правительство является такимъ тиранномъ, что не даетъ оружія въ руки своимъ врагамъ, врагамъ Франціи и ея спокойствія, врагамъ конституціи и династій: никогда не видано подобнаго деспотизма!» И затѣмъ этотъ почтенный публицистъ указываетъ Прудону на гибельныя послѣдствія, которыя произвела свобода прессы, существовавшая съ 24 февраля до 23 іюня 1848 года. 4) Свобода всеобщей подачи голосовъ стѣснена произвольнымъ раздѣленіемъ и распределеніемъ избирательныхъ округовъ (объ этомъ обстоятельствѣ мы говорили довольно подробно въ мартовскомъ обзорѣ). 5) Всеобщая подача голосовъ немыслима при уничтоженіи муниципальной свободы общинъ, въ особенности въ большихъ городахъ, каковы на примѣръ Парижъ и Ліонъ. «Развѣ городъ, находящійся на военномъ положеніи, можетъ подавать свой голосъ? Развѣ завоеванный городъ имѣетъ голосъ? Велѣдствіе высшихъ государственныхъ соображеній, Парижъ лишенъ гражданскихъ правъ, и если вѣрить г. Бильо,

мѣста въ брошюрѣ Прудона: «Требуютъ совершеннаго уничтоженія правительственныхъ кандидатуръ, требуютъ совершеннаго бездѣйствія правительства въ дѣлѣ, которое касается его столь близко; скажемъ прямо—требуютъ отреченія правительства.—Но мы не затруднимся сказать, что правительство не исполнило бы первой своей обязанности, что оно не было бы правительствомъ, если бы оно оставалось безмолвнымъ зрителемъ при работѣ избирательныхъ комитетовъ: оно стало бы тогда ненужной машиной, лишнимъ колесомъ, и самое слово должно бы исчезнуть тогда вмѣстѣ съ вещью. Вотъ чего желаетъ Прудонъ: государство безъ власти, *анархію*». Затѣмъ Калоннѣ стыдитъ тѣхъ французскихъ либераловъ, которые тоже встаютъ противъ оффиціальныхъ кандидатуръ. Прудону это простиительно, говоритъ онъ, онъ, навѣрное дѣло, — утопія, фантазеръ; ну, а просвѣщеннымъ, разсудительнымъ людямъ, не слѣдуетъ желать, чтобы правительство оставило судьбу выборовъ въ рукахъ агитаторовъ и экзальтированныхъ головъ.

то онъ лишенъ ихъ навсегда; подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ главный торговый и промышленный городъ имперіи, муниципальныя власти замѣнены въ немъ правительственной комиссіей». На эти слова Прудона, правительственные писатели отвѣчаютъ пустыми фразами о вредѣ преобладанія въ государствѣ нѣкоторыхъ муниципій, объ одинаковости правъ всего народа и т. д. 6) Конституція 1852 года требуетъ, чтобы депутаты, выбранные въ законодательное собраніе, произносили передъ открытіемъ сессіи присягу на вѣрность конституціи и императору. 17 февраля 1858 года издано было сенатское постановленіе о томъ, чтобы эта присяга приносилась не передъ началомъ засѣданій, а чтобы лица, являющіяся кандидатами передъ избирателями, приносили ее за недѣлю до выборовъ мѣстному префекту (эта перемѣна въ законодательствѣ сдѣлана была во избѣжаніе повторенія скандала, бывшаго въ 1857 году: дѣятели 1848 года, Кавеньякъ, Гудшо и Барно были выбраны въ депутаты, но отказались принести присягу, требуемую конституціей; отказъ принести присягу до выборовъ все-таки не такъ скандаленъ). Прудонъ видитъ въ этомъ постановленіи тоже стѣсненіе свободы *suffrage universel*, такъ какъ онъ слишкомъ честенъ и слишкомъ строгъ къ себѣ и къ другимъ, чтобы видѣть въ принесеніи присяги одну пустую формальность, которая ни къ чему не обязываетъ. Наконецъ, въ 7-хъ) Прудонъ находитъ, что самое значеніе всеобщей полачи голосовъ слишкомъ ограничено въ странѣ: она должна проникать глубже въ жизнь страны, а не ограничиваться только посылкою однажды въ шесть лѣтъ депутатовъ въ законодательное собраніе. Вотъ тѣ причины, по которымъ Прудонъ считалъ необходимымъ воздержаніе отъ участія въ выборахъ. Разумѣется и правительственная сфера, и либералы прежнихъ системъ остались очень недовольны этимъ новымъ произведеніемъ его пера.

Между тѣмъ у большей части оппозиціонныхъ кандидатовъ, собравшихся вокругъ общаго знамени съ громкою надписью, начались странные и смѣшные споры о томъ, гдѣ кому явиться кандидатомъ. Мелкое, личное честолюбіе проявилось въ самой неприличнейшей формѣ. Вдругъ напимѣръ г. Гавону захотѣлось непременно явиться кандидатомъ въ томъ же самомъ парижскомъ округѣ, въ которомъ былъ кандидатомъ г. Никаръ: съ упрямствомъ капризнаго ребенка отказывался онъ отъ кандидатуръ въ другихъ округахъ, и не мало труда стоило ихъ партіямъ устроить дѣло такъ, чтобы Гавонъ и Никаръ не мѣшали другъ другу своими кандидатурами. Подобныя же явленія, подобная же ссора между легитимистами, орлеанистами, ложными и истинными демократами, происходили и въ провинціи. Наконецъ въ Парижѣ изъ разныхъ избирательныхъ

комитетовъ составилъ центральнѣйшій избирательный комитетъ, въ который вошли знаменитости различныхъ партій. Этотъ комитетъ долженъ былъ уладить всѣ несогласія между различными партіями и окончательно распределить кандидатовъ по различнымъ округамъ. Послѣ немалыхъ трудовъ это наконецъ удалось ему, и для девяти парижскихъ избирательныхъ округовъ явились слѣдующіе девять оппозиціонныхъ кандидатовъ: Гавенъ, Тьеръ (которому Лабулэ великодушно уступилъ свое мѣсто), Оливье, Пикаръ, Фавръ, Геру, Даримонъ, Симонъ, Пеллыганъ. «Какая сѣбѣ одежда и лица!» можно было воскликнуть при чтеніи этого списка. По остроумному выраженію одного французскаго публициста, всѣ эти господа представляли собою общество взаимной застраховки избранія. По разнымъ провинціальнымъ избирательнымъ округамъ тоже распредѣлялись оппозиціонныхъ кандидатовъ разныхъ оттѣнковъ; тутъ мы видимъ рядомъ имена Мари, Беррье, Огюста Барро, Эгона, Морена, Манталамбера, Дюфора и пр. Всѣ размѣстившись по мѣстамъ и ожидали сраженія. Въ послѣднія минуты передъ борьбою разногласіе между ними какъ будто уничтожилось и они всѣ какъ будто одушевлены были одной общей идеей и однимъ общимъ желаніемъ; но достаточно бросить взглядъ на однихъ бойцовъ и нѣсколько припомнить предшествовавшую дѣятельность ихъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что какъ скоро выборы окончатся, какъ скоро они попадутъ въ палату, согласіе между ними кончится, и всѣ они потянутъ въ разные стороны, при чемъ безъ сомнѣнія между различными бойцами одного и того же лагеря обнаружится часто болѣе несогласій, нежели между ними и общимъ противникомъ ихъ — правительствомъ.

Само собою разумѣется, что правительство не оставалось безмолвнымъ зрителемъ тѣхъ страшныхъ приготовленій, которыя дѣлались оппозиціею съ наступленіемъ выборовъ; оно тоже готовилось къ избирательной борьбѣ, оно собиралось защищать свои интересы. Но и въ его лагерь тоже не было полного единодушія и согласія, хотя конечно распри въ немъ были менѣе значительны, нежели въ лагерь оппозиціи. Одни полагали, что правительство должно сдѣлать нѣкоторыя уступки требованіямъ свободы, раздававшимся въ странѣ; они находили возможнымъ и необходимымъ, чтобы правительство дѣйствовало въ 1863 году иначе, нежели оно дѣйствовало въ 1851 г. Они считали оппозицію необходимою. Они, правда, тоже говорили, что правительство должно принимать участіе въ выборахъ, что совершенное отреченіе его было бы отреченіе отъ самого себя, что этого могутъ желать только друзья анархій; но зато они допускали, что и оппозиція можетъ дѣйствовать, хотя конечно оппозиція благонамѣренная.

Къ этой партіи принадлежала легитимисто-бонапартистская газета «Франсе», а также, по слухамъ, нѣкоторые изъ министровъ императора (Валевскій, Делангль). «Франсе» доказывала, что правительству нечего опасаться старинныхъ партій, что онѣ потеряли всякій кредитъ изъ народа и что онѣ враги очень неопасные; а что, между тѣмъ не слѣдуетъ изъ преувеличеннаго страха передъ пустыми призраками убивать всякую, даже благоразумную и преданную династіи оппозицію изъ странъ. Она и ея единомышленники увѣрjali, что антагонисты ихъ, т. е. безусловные противники всякой оппозиціи излишнимъ усердіемъ и неуступчивостью своею доведутъ имперію до гибели, и называли ихъ въ видѣ этого Полиньяками и Гизо второй имперіи. Другіе же не хотѣли допустить никакихъ уступокъ оппозиціоннымъ требованіямъ; они называли врагомъ отечества, крамольникомъ, возмутителемъ всякаго, кто изъ какихъ бы то ни было причинъ становился въ ряды оппозиціи, и увѣрjali, что всѣ члены оппозиціи желаютъ низвергнуть имперію. Они радовались, когда люди несогласные въ мнѣніяхъ съ правительствомъ воздерживались отъ участія въ выборахъ, и выказывали явную неприязнь къ тѣмъ, которые хотѣли перейти въ активную оппозицію (либералы дѣлали изъ этого обстоятельства упрекъ Прудону, замѣчая, что онъ желаетъ того же, что и правительство: да чѣмъ же Прудонъ-то виноватъ, что онъ и правительство по разнымъ причинамъ желали въ настоящемъ случаѣ одного и того же). Они считали непростительною слабостью малѣйшее отступление отъ конституціи 1852 года, которую они считали совершенствомъ, и называли Франсе и ея единомышленниковъ Юдами, которые подъ видомъ дружбы хотятъ погубить правительство. Подобныхъ убѣжденій придерживались изъ періодическихъ изданій *Revue contemporaine*, *Pays*, *Constitutionnel*; изъ правительственныхъ лицъ Персиньи, Руэ, Сенскій префектъ Гаусманъ, Бордосскій префектъ Піетри и мн. др. Императоръ, какъ кажется, постоянно колебался между этими двумя партіями. Онъ не могъ не понять необходимости оппозиціи, придающей тѣни палатамъ, онъ не могъ не видѣть безсилія прежнихъ партій и безвредности ихъ для его имперіи и династіи. Но съ другой стороны шумъ и гамъ, который производили вокругъ него черезчуръ усердные слуги его, могли представить ему дѣло въ болѣе опасномъ видѣ, нежели оно было на самомъ дѣлѣ, и онъ разрѣшалъ дѣйствовать противъ враговъ, которыхъ вовсе не было, давать сраженія вѣтрянымъ мельницамъ. Иначе нельзя назвать мѣръ, которыя правительство въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ принимало противъ оппозиціи и ея избирательной агитаціи. Всѣ эти мѣры до такой степени носятъ на себѣ характеръ преувеличенной бояливости, до та-

кой степени преувеличиваютъ значеніе и могущество оппозиціи, что нельзя не удивляться тому, какъ подобныя мѣры могли исходить отъ императора Наполеона, который такъ хорошо знаетъ современныхъ людей и современныхъ обстоятельства. Правда, мы видимъ иногда нѣкоторые признаки того, что онъ намѣревался относиться къ событіямъ болѣе спокойнымъ образомъ; но усердные Персиньи и Гаусманы рисовали передъ нимъ въ отдаленіи красный призракъ, и на столбцахъ Монитера появлялся одинъ стѣснительный декретъ за другимъ.

Правительство начало съ того, что позаботилось о приобрѣтеніи для всякаго избирательнаго округа надежнаго кандидата. Это конечно не трудно было сдѣлать; во Франціи въ настоящее время нѣтъ недостатка въ благонадежныхъ людяхъ, на которыхъ можно было бы возложить пріятную и легкую обязанность сидѣть на скамьяхъ законодательнаго собранія, хлопать всѣмъ заявленіямъ министровъ-ораторовъ, шикать дерзкимъ рѣчамъ Фавра или Оливье, единогласно вотировать всѣ мѣры, предложенныя правительствомъ, и столь же единогласно отвергать все, что предлагается пягиглавою оппозиціей. Да нечего было и ходить далеко. Члены законодательнаго собранія, окончившаго свою сессію въ нынѣшнемъ году, вели себя такъ примѣрно, что правительству нечего и желать было лучшихъ депутатовъ. И дѣйствительно большая часть правительственныхъ депутатовъ прежняго собранія сохранили за собою милость правительства, которое не отказало имъ въ своей поддержкѣ и при настоящихъ выборахъ. Но однако дѣло и здѣсь не обошлось безъ исключеній: оказалось, что нѣкоторые изъ депутатовъ, выбранныхъ въ 1857 году при содѣйствіи правительства, не вполне оправдали возложенныхъ на нихъ надеждъ. Иногда они осмѣливались говорить слишкомъ смѣло противъ мѣръ, предложенныхъ правительствомъ, и даже изрѣдка вотировать вмѣстѣ съ оппозиціей. Подобные депутаты разумѣется не нужны были правительству; оно поняло, что на этотъ разъ и безъ нихъ будетъ достаточно оппозиціонныхъ депутатовъ, и что поэтому ему нечего хлопотать о доставленіи мѣстъ въ палатѣ людямъ, смѣющимъ изрѣдка имѣть свое сужденіе. Такимъ образомъ еще въ началѣ избирательнаго движенія стало извѣстно, что правительство отнимаетъ свое покровительство у 24-хъ депутатовъ, пользовавшихся имъ во время послѣднихъ выборовъ и благодаря ему появившихъ въ собраніе. Въ числѣ этихъ 24-хъ именъ мы встрѣчаемъ имена Плишона, осуждавшаго нѣкоторыя финансовыя мѣры правительства, Жувенеля, бывшаго докладчикомъ собранія по извѣстному дѣлу генерала Монтобана и предложившаго отказать генералу въ пожизненной пенсіи, а также нѣкоторыхъ клериковъ, явившихъ болѣе

привязанности къ папѣ, нежели къ императору, какъ-то Кольбъ-Бернара, Келлера и нѣкоторыхъ другихъ. Далѣе правительство продолжало зорко слѣдить за всѣмъ, что могло дать выборамъ неблагоприятное для него направленіе. Когда напริมѣръ начали составляться и дѣйствовать избирательные комитеты оппозиціи, въ Монитерѣ появилась замѣтка, напоминающая тому, кому о томъ вѣдать надлежитъ, что законъ запрещаетъ образованіе ассоціацій и комитетовъ, состоящихъ болѣе нежели изъ 20 человекъ, что газеты не должны печатать манифесты подобныхъ ассоціацій, и что самое образованіе подобныхъ противузаконныхъ обществъ не будетъ терпимо. Когда газеты начали толковать о кандидатахъ официальныхъ и независимыхъ, правительственный органъ объявилъ, что оппозиціонные органы напрасно даютъ названіе кандидатовъ *независимыхъ* однимъ только оппозиціоннымъ депутатамъ; правительство видѣло въ этомъ незаконный избирательный маневръ и желаніе оскорбить кандидатовъ, пользующихся сочувствіемъ страны и правительства. Монитеръ объявляетъ, что правительство будетъ преслѣдовать судебнымъ порядкомъ тѣ газеты, которыя позволятъ себѣ называть оппозиціонныхъ кандидатовъ кандидатами независимыми. Обращено было также вниманіе на то, чтобы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ожидалось особенныя усилія со стороны оппозиціи, интересы правительства имѣли надежныхъ и опытныхъ защитниковъ. Оказалось напрімѣръ, что тогдашній префектъ Бордо былъ человекъ не слишкомъ энергическій и находчивый; между тѣмъ въ Бордо явилось нѣсколько опасныхъ антиправительственныхъ кандидатовъ: демократъ Лавертюжонъ, орлеанистъ Дюфоръ. Немедленно прежній префектъ былъ отозванъ, и на время выборовъ въ Бордо посланъ былъ префектомъ человекъ вполне надежный — сенаторъ Піетри. Пресса сильно зашевелилась передъ выборами — и противъ нея принимались надлежащія мѣры. Газеты подвергались преслѣдованіямъ за печатаніе манифестовъ оппозиціонныхъ депутатовъ и слишкомъ рѣзкихъ статей въ пользу этихъ депутатовъ. Отдѣльныя сочиненія и брошюры, выходившія изъ-подъ пера оппозиціи, встрѣчали очень неблагоприятный пріемъ со стороны правительственныхъ лицъ: мы уже упоминали напр. о томъ, что брошюра Пеллятана была захвачена полиціей еще во время печатанія. Не только враги, но и друзья, идущіе не одинаковымъ шагомъ съ правительствомъ, заслуживали нерасположеніе послѣдняго. Мы говорили выше, что газета «France» допускала возможность благонамѣренной оппозиціи и совѣтовала правительству нѣсколько отступить отъ конституціи 1852 года. Подобныя рѣчи возбуждали сильное негодованіе крайнихъ друзей правительства, и ком-

чилось тѣмъ, что этой благонамѣренной бонапартистской газетѣ слѣдано было замѣчаніе за то, что она подъ видомъ преданности правительству выражаетъ мнѣнія вовсе несогласныя съ его интересами. Вообще министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Персиньи, выходилъ изъ себя отъ усердія, и въ экстазѣ своемъ заходилъ уже слишкомъ далеко, теряя даже способность различать друзей отъ враговъ. Этотъ излишекъ усердія былъ замѣченъ даже его же сотоварищами по министерству. По крайней мѣрѣ говорятъ, что въ одномъ изъ совѣтовъ министровъ, нѣкоторые изъ нихъ (называютъ именно Бильо, Друэнъ-де-Люиза и Валуевскаго) замѣтили ему, что онъ можетъ скомпрометировать излишнимъ усердіемъ своимъ интересы правительства; мнѣнія по этому вопросу раздѣлились въ министерствѣ: какъ говорятъ сторонники Персиньи принялъ горячѣе всего г. Руэ, которому вскорѣ послѣ того дано было особенно важное положеніе въ государствѣ. Но г. Персиньи не унимался дѣлаемыми ему замѣчаніями. Не довольствуясь тѣмъ, что онъ боролся съ оппозиціей дѣломъ, онъ нашелъ еще нужнымъ разить ее перомъ, и повтому за нѣсколько недѣль передъ выборами разослалъ къ префектамъ одинъ за другимъ три циркуляра. Въ первомъ своемъ циркулярѣ г. Персиньи повторяетъ избитыя и пріѣвшіяся фразы о томъ, что имперія есть выраженіе чувствованій и интересовъ массъ, что она доставила странѣ высокую степень благосостоянія и даже богатства, что она доставляетъ странѣ истинную, а не ложную свободу, и прочее въ томъ же родѣ. Но затѣмъ слѣдуетъ очень любопытный пассажъ въ циркулярѣ Персиньи. Этотъ министръ считается во Франціи поклонникомъ англійскихъ учреждений, и онъ неоднократно заявлялъ, что эти учрежденія представляютъ дѣйствительно идеалъ, къ которому должна стремиться Франція. Чтобы согласовать уваженіе свое къ англійскимъ учрежденіямъ съ диктаторскими своими мѣрами во Франціи, онъ объявляетъ въ своемъ циркулярѣ префектамъ, что въ Англіи всѣ партіи искренно привязаны къ кореннымъ учрежденіямъ страны, и что если бы тоже было во Франціи, то правительство конечно только безмолвно присутствовало бы при избирательной борьбѣ. Но во Франціи партій нѣтъ, а есть только факціи, составленныя изъ обломковъ прежнихъ правительствъ, которыя не только не могутъ принести пользы странѣ, какъ въ Англіи, но въ состояніи только продлить революцію, и компрометировать свободу народа; эти факціи требуютъ свободы только для того, чтобы обратить ее противъ государства. Поэтому правительство въ интересахъ свободы, должно противодѣйствовать старанію враждебныхъ партій и указывать избирателямъ на тѣхъ кандидатовъ, которые кажутся правительству болѣе надежными; съ этою цѣлью пра-

вительство рекомендуетъ избирателямъ большую часть почтенныхъ депутатовъ, засѣдавшихъ въ прежней палатѣ, исключая при этомъ только нѣкоторыхъ, которые по его мнѣнію не преданы исполнѣ и безъ задней мысли династіи и учрежденіямъ Франціи. Вотъ смыслъ перваго циркуляра Персиньи. Посторонній зритель окончательно теряется: да кто же наконецъ за свободу, вопрошаетъ онъ, кто же противъ нея? И тѣ и другіе, отвѣтимъ мы: и Персиньи, и Тьеръ, и Беррье, и Геру—всѣ стоятъ за благоразумную свободу и противъ свободы неразумной; а что каждый изъ нихъ разумѣетъ подъ этими именами—это другой вопросъ, въ это лучше не всматриваться близко. Замѣтимъ здѣсь только, что слова г. Персиньи о характерѣ партіи или факціи, враждебныхъ правительству, были бы довольно справедливы, если бы они относились только къ Тьерамъ, Беррье или Геру; но какъ скоро они относятся къ Фаврамъ, Мари или Бланамъ, то они дѣлаются величайшею несправедливостью. Второй циркуляръ свой Персиньи написалъ послѣ того, какъ въ трехъ избирательныхъ округахъ кандидатомъ оппозиціи явился Тьеръ. Г. Персиньи отъ излишняго усердія взглянулъ на эту кандидатуру испуганными глазами, приписалъ ей и подобнымъ ей кандидатурамъ Богъ знаетъ какое важное значеніе, и написалъ особый циркуляръ, чтобы уронить ее въ глазахъ избирателей. Въ этомъ циркулярѣ онъ увѣряетъ между прочимъ, что Тьеръ и единомышленники его хотятъ «лишить авторитетъ власти естественныхъ основаній ея и сдѣлать изъ нея игрушку трибуны». Въ томъ, что Персиньи, а потомъ Лимейракъ и другіе говорили о Тьерѣ, было конечно очень много справедливаго, но тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться тому, какъ эти люди теряли голову при томъ шумѣ, который производился вокругъ нихъ, и какъ они поднимали такой шумъ изъ-за такихъ пустяковъ, что Тьеръ явился кандидатомъ въ Парижѣ, въ Валансъеннѣ и еще гдѣ-то. За три дня до производства выборовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, все еще тревожимый опасеніями и сомнѣніями, разослалъ къ префектамъ третій циркуляръ, въ которомъ онъ обзывалъ всѣхъ противниковъ правительства клеветниками и лгунами, распускающими неблагопріятные и ложные слухи на счетъ послѣдняго. Онъ объявляетъ, что всѣ увѣренія оппозиціи касательно неудовлетворительности финансоваго положенія Франціи при второй Имперіи происходятъ отъ зависти; вторая Имперія, говоритъ онъ, сдѣлала столько для увеличенія благосостоянія Франціи, что умноженіе ежегодной государственной ренты на 87 милліоновъ фр. нисколько не обременительно для страны. Въ то же самое время г. Гаусманъ, сенскій префектъ, велѣлъ прибѣгнуть къ парижскимъ стѣнамъ обращеніе свое къ жителямъ столицы, въ которомъ онъ въ

сильныхъ выраженійхъ увѣрялъ ихъ, что если они выберутъ кандидатовъ оппозиціи, то это будетъ гибельно для торговли, промышленности и вообще для общественной безопасности.

Наконецъ наступили дни 31 мая и 1 іюня, ожидаемые правительствомъ и оппозиціей съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ будто отъ результатовъ этихъ дней зависѣла вся судьба Франціи. Оказалось, что въ Парижѣ изъ 9 кандидатовъ оппозиціи 8 выбраны были съ перваго раза, а 9-й, г. Геру долженъ былъ подвергнуться перебаллотировкѣ, и черезъ двѣ недѣли также былъ выбранъ. Такимъ образомъ въ столицѣ Франціи выбраны были одни только оппозиціонные депутаты, а правительственные кандидаты все безъ исключенія потерпѣли здѣсь пораженіе. Въ различныхъ департаментахъ тоже выбраны были разные оппозиціонные депутаты: Беррье, Мари, Энонъ, Фавръ, Гавенъ (послѣдніе два выбраны также и въ Парижѣ) и нѣкоторые другіе менѣе извѣстные члены оппозиціи. Но за то другія оппозиціонныя знаменитости были менѣе счастливы: Дюфоръ, Одилонъ Барро, Деказь, Прево-Парадолъ, Монталамберъ, Моренъ и другіе были побиты правительственными кандидатами. Вообще оказалось, что послѣ произведенія баллотировокъ въ тѣхъ округахъ, въ которыхъ съ перваго раза выборъ не былъ рѣшенъ окончательно, въ новомъ собраніи оказалось до 30 оппозиціонныхъ кандидатовъ всякихъ оттѣнковъ, и отъ 250 до 255 кандидатовъ правительственныхъ.

Борьба окончилась. По окончаніи борьбы, послѣ того какъ съ поля сраженія прибраны были убитые и раненые, обѣ боровшіяся стороны начали взвѣшивать и оцѣнивать результаты этой борьбы, при чемъ, конечно, разногласія и перепалки были не менѣе значительны, нежели передъ началомъ борьбы. Оппозиціонныя газеты и либералы всѣхъ оттѣнковъ торжествовали: они находили, что результаты выборовъ чрезвычайно благоприятны; они сравнивали выборы 1863 г. съ выборами 1857 г., и несказанно радовались тому, что теперь выбрано до 30 оппозиціонныхъ кандидатовъ, между тѣмъ какъ шесть лѣтъ тому назадъ ихъ было только 5; они выводили изъ этого важныя послѣдствія для будущаго. Они придавали особенное значеніе тому, что столица выбрала однихъ только оппозиціонныхъ депутатовъ (да какихъ—вотъ въ чемъ вопросъ! Тьеровъ да Гавеновъ—въ этомъ еще нѣтъ особеннаго значенія). Они печатали описаніе того восторга, съ которымъ въ Парижѣ принято было извѣстіе о результатѣ выборовъ: при встрѣчѣ на улицахъ все поздравляли другъ друга, жали другъ другу руки. Когда либераламъ указывали на то, что на 30 человѣкъ оппозиціи—и то еще несогласныхъ между собою по большинству вопросовъ—приходится въ восемь разъ больше правительственныхъ депу-

татовъ, то они отвѣчали, что тутъ дѣло не въ числѣ, а въ политическомъ характерѣ оппозиціонныхъ депутатовъ; что настоящіе выборы замѣчательны, какъ проявленіе духа времени, что этотъ духъ времени проявился преимущественно въ томъ, что большія муниципалитеты—Парижъ, Ліонъ, Марсель—выбрали депутатовъ изъ рядовъ оппозиціи. Они увѣряютъ, что было бы еще больше оппозиціонныхъ депутатовъ, если бы не притѣсненія властей, которыя часто всѣми неправдами заставляли жителей выбирать лицъ, угодныхъ правительству. Вообще либералы дѣлали видъ, что они чрезвычайно довольны результатами выборовъ: газеты *Presse*, *Opinion Nationale*, *Siècle*, *Temps*, даже гермафродитъ *France* объявили на другой же день послѣ выборовъ, что полученные результаты необходимо должны повести къ ввѣчанію зданія французской конституціи (знаменитое *couonnement de l'édifice*, которое Наполеонъ III все обѣщаетъ французамъ въ далекомъ будущемъ). Но мы съ своей стороны не понимаемъ, какъ либералы, т. е. настоящіе, а не ложные, парламентскіе либералы, могли радоваться результату послѣднихъ выборовъ во Франціи. Что касается до знаменитаго *couonnement de l'édifice*, то мы помнимъ, что французскіе либералы увидали его въ декретахъ 24 ноября и въ назначеніи министромъ внутреннихъ дѣлъ г. Персины, который такъ сладко говорилъ объ англійской свободѣ. Либералы увѣряютъ, что незначительность числа оппозиціонныхъ кандидатовъ ничего не значитъ, что его нужно сравнить съ тѣмъ же числомъ въ прежнемъ собраніи, и что оно было бы гораздо значительнѣе, если бы не произвольныя мѣры правительства; наконецъ, что дѣло не въ числѣ, а въ духѣ времени, проявившемся во время послѣднихъ выборовъ. На это можно замѣтить во первыхъ, что сравненіе настоящихъ результатовъ съ результатами 1857 года не совсѣмъ кстати: тогда почти всѣ прежнія партіи воздерживались отъ выборовъ; только нѣсколько друзей народа явились оппонентами противъ правительственныхъ протѣжеевъ—и въ палатѣ 1857 г. было только 5 оппозиціонныхъ кандидатовъ. Нынѣ ихъ 30; но за то въ нынѣшнемъ году всѣ партіи соединились между собой, дѣлали всевозможныя усилія для доставленія торжества своимъ кандидатамъ, и не смотря на то, не могли провести въ собраніе болѣе 30 членовъ. Если сравнить усилія оппозиціи въ 1857 и 1863 г. то число 30, сравненное съ числомъ 5, не представляетъ еще особенной, блистательной побѣды. Но допустимъ даже, что всѣ вышеприведенныя нами рѣчи либераловъ вполне справедливы, что число 30 по сравненіи съ числомъ 5 дѣйствительно представляетъ огромный успѣхъ; что безъ притѣсненій правительства было бы гораздо болѣе 30 депутатовъ оппозиціи, и что во всемъ этомъ нельзя не видѣть осо-

беннаго духа времени. Можетъ быть, все это и справедливо, но мы все-таки во всемъ этомъ не видимъ ничего такого, что бы должно наполнять радостью всѣхъ истинныхъ друзей свободы, какъ насъ въ этомъ увѣряютъ. Вотъ иное дѣло, если бы всѣ 30 человекъ, выбранныхъ оппозиціею въ палату, заявили о себѣ, какъ о людяхъ искренно желающихъ народной свободы, понимающихъ эту свободу въ настоящемъ смыслѣ, и не преслѣдующихъ никакихъ личныхъ интересовъ, становясь въ ряды оппозиціи: тогда можно бы видѣть въ этомъ фактѣ проявленіе духа времени, тогда можно бы сожалѣть о томъ, что стѣснительныя мѣры правительства сдѣлали возможнымъ выборъ только 30, а не болѣе подобныхъ членовъ. А то скажите на милость, какой же это духъ времени, который посылаетъ въ законодательное собраніе доктринеровъ изъ породы Беррье или Тьеровъ, выборъ которыхъ можетъ правиться развѣ только одной буржуазіи, т. е. той части французскаго народа, которая отличается самыми ограниченными взглядами; какой же толкъ былъ бы отъ того, если бы при менѣ стѣснительныхъ мѣрахъ правительства, оппозиціи удалось бы привести въ собраніе еще нѣсколькихъ оппозиціонныхъ депутатовъ, при чемъ имена Фавра, Мари или Карно ставятся на одну доску съ именами Дюфоровъ и Гизо, Деказовъ и Монталамберовъ, Гавеновъ и Геру, Мореновъ и Симоновъ. Отъ появленія на скамьяхъ законодательнаго собранія этихъ и подобныхъ имъ господъ дѣло истинной свободы Франціи, конечно, ни на волосъ не подвинулось бы впередъ.

Что касается до тѣхъ выводовъ, которые можно вывести изъ настоящихъ выборовъ о настроеніи французскаго народа, то оказывается, что въ большихъ центрахъ дѣйствительно проявляются оппозиціонныя стремленія, хотя, впрочемъ, весьма смутныя и сбивчивыя, что слѣдуетъ приписать значительному вліянію въ этихъ центрахъ буржуазіи, обращающейся къ прежнимъ своимъ любимцамъ; но масса народа доказала послѣдними выборами, что она предпочитаетъ настоящий порядокъ вещей, каковы бы ни были его недостатки, тѣмъ благодѣяніямъ, которыми хотятъ осыпать ее старыя партіи.

Какъ бы то ни было, но оппозиція во Франціи радовалась приобрѣтенному ею успѣху, и приписывала этому успѣху довольно важное значеніе. Намъ кажется, что вѣроятно ей самой въ скоромъ времени придется убѣдиться въ своемъ заблужденіи; но покамѣстъ нѣкоторымъ утѣщеніемъ для нея можетъ служить то, что и правительственныя лица заблуждались не менѣе ея относительно результатовъ выборовъ, и тоже приписывали этимъ результатамъ значеніе, котораго тѣ вовсе не имѣли. Всѣ свидѣтельства сходятся въ томъ,

что императорское правительство было очень недовольно результатами выборов, и что самъ императоръ выразилъ свое удивленіе и свое неудовольствіе, когда префектъ Гаусманъ сообщилъ ему о результатѣ выборовъ въ Парижѣ. Если эти выборы подѣйствовали непріятнымъ образомъ на императора, то они подѣйствовали еще непріятнѣйшимъ образомъ на Персигни и на нѣкоторыхъ другихъ близкихъ къ императору совѣтниковъ. Есть извѣстіе, что министръ внутреннихъ дѣлъ тогда же посовѣтовалъ императору отнять у французской націи тѣ права, которыя даны ей декретомъ 24 ноября 1860 года, и возвратиться опять цѣликомъ къ конституціи 1852 года; а нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ лицъ арміи (къ сожалѣнію мы нигдѣ не могли найти указанія, кто именно) явились тотчасъ послѣ обнародованія результатовъ выборовъ къ императору и заявили ему, что они на все готовы. Императоръ принялъ впрочемъ, какъ говорятъ, довольно сухо совѣтъ своего министра и не мало удивился заявленію своихъ маршаловъ и генераловъ. Не смотря на то, первые дни послѣ выборовъ на биржѣ и въ городѣ ходили довольно тревожные слухи о новомъ coup d'état, о перемѣнѣ системы правленія въ смыслѣ еще болѣе реакціонерномъ, и о соответствующей тому перемѣнѣ лицъ, о новыхъ строгостяхъ относительно прессы и о запрещеніи нѣкоторыхъ газетъ (именно la France). Нѣтъ сомнѣнія, что во французскихъ правительственныхъ сферахъ не было недостатка въ людяхъ, дѣйствительно желавшихъ осуществленія всѣхъ этихъ слуховъ. Но императоръ не могъ не сообразить, послѣ того какъ прошло первое непріятное впечатлѣніе, всей безвредности оппозиціонныхъ выборовъ въ томъ видѣ, въ какомъ они совершались во Франціи; поэтому онъ, конечно, не согласился ни на одну изъ предлагаемыхъ ему мѣръ, и на первое время даже въ личномъ составѣ министерства не произошло никакой перемѣны. Дѣло ограничивалось въ началѣ больше газетною бранью. Графъ Персигни, старавшійся дать своими циркулярами должное направленіе выборамъ, обратился по окончаніи ихъ къ префектамъ съ новымъ циркуляромъ, въ которомъ онъ дѣлаетъ оцѣнку результатамъ выборовъ. Въ этомъ новомъ (и послѣднемъ) произведеніи своемъ онъ сначала благодаритъ префектовъ за ихъ содѣйствіе правительству и поздравляетъ ихъ съ пріобрѣтеннымъ успѣхомъ. При этомъ онъ дѣлаетъ довольно странное заявленіе: онъ говоритъ что успѣхамъ оппозиціи удалось одержать нѣкоторыя побѣды въ большихъ центрахъ, гдѣ населеніе болѣе подвержено постороннимъ вліяніямъ и внушеніямъ (?), гдѣ suffrage universel поэтому былъ захваченъ врасплохъ (?) и принялъ направленіе неблагоприятное для правительства. (Все это весьма странно: въ столицахъ населеніе болѣе образовано,

болѣе независимо, и поэтому, конечно, менѣе доступно постороннему впушенію, нежели въ провинціи, гдѣ меръ и кюрэ играютъ такую важную роль; да къ тому же мы видѣли выше, что правительство заблаговременно приняло всѣ зависѣвшія отъ него мѣры для того, чтобъ населеніе, какъ въ большихъ центрахъ, такъ и въ провинціи, не было захвачено врасплохъ противниками правительства). Но вообще г. Персиньи придаетъ себѣ видъ, что онъ очень доволенъ результатомъ выборовъ; не смотря на нѣкоторые частные успѣхи оппозиціи, одержанные вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, онъ говоритъ въ своемъ циркулярѣ, что стремленія оппозиціи разрушены, что народъ оказалъ блистательную поддержку государю и системѣ его. Успокоенный такими результатами, г. Персиньи, въ заключеніи своего циркуляра рекомендуетъ префектамъ возвратиться теперь, по мѣрѣ возстановленія въ странѣ порядка, къ умѣренности и снисхожденію (значитъ г. Персиньи сознается, что на время выборовъ умѣренности и снисхожденія не было въ мѣрахъ правительства).

Этотъ циркуляръ былъ лебединою пѣснью министра Персиньи: два дня послѣ того, какъ имъ подписанъ былъ этотъ документъ, въ «Монитерѣ» появился декретъ объ увольненія его отъ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Мы упоминали выше о томъ, что тогдашъ по окончаніи выборовъ въ Парижѣ начали ходить слухи о перемѣнѣ лицъ, находящихся во главѣ различныхъ отраслей управленія. Тогда эти слухи не оправдались: императоръ не хотѣлъ подать вида, будто результатъ выборовъ показался ему такъ важнымъ, что онъ сейчасъ же произвелъ сообразное съ этимъ измѣненіе въ министерствѣ. Но между тѣмъ онъ не могъ не видѣть, что Персиньи излишнимъ усердіемъ и неловкостью своею далъ выборамъ подобный оборотъ, который все-таки считался неблагоприятнымъ для императорскаго правительства. Онъ понялъ, что съ этихъ поръ Персиньи уже не могъ продолжать пользоваться въ странѣ репутаціей либеральнаго министра, а императору для его цѣлей нужны бывають иногда министра съ подобной репутаціей. Поэтому не было уже никакой надобности оставлять его министромъ, и приговоръ его былъ подписанъ. Въѣстѣ съ нимъ оказалось нужнымъ удалить еще нѣсколькихъ господъ, которые тоже оказались или неспособными, или сидящими не на мѣстѣ. Вслѣдствіе этого 23-го іюня въ «Монитерѣ» появился декретъ, которымъ Персиньи, и еще три другихъ министра — Вадевскій, Делангль и Руланъ, государственный министръ, министры юстиціи и народнаго просвѣщенія — увольнялись въ отставку. Судя по самоуваженію и довольному тону послѣдняго циркуляра Персиньи, нельзя предположить, чтобы онъ считалъ это произведеніе финальною своею арією; напро-

тивъ, въ немъ слышится человѣкъ, который увѣренъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ очень хорошее дѣло и даже ждетъ за него награды. Поэтому надобно полагать, что послѣдовавшее вслѣдъ за тѣмъ увольненіе въ отставку было для него сюрпризомъ и сюрпризомъ, конечно, непріятнымъ. Впрочемъ, кажется, что нѣсколько мѣсяцевъ спустя, императоръ самъ раскаялся въ своей неблагодарности и захотѣлъ хоть отчасти поправить ее. Персиньи дали титулъ герцога «за оказанныя имъ услуги и за преданность императору», какъ сказано было въ официальномъ декретѣ. По поводу пожалованія Персиньи титула герцога, «Revue de deux Mondes» дѣлаетъ довольно остроумное замѣчаніе: въ Испаніи, говорится въ этомъ журналѣ, есть обыкновеніе соединять съ жалуемымъ титуломъ какое нибудь слово, означающее какое нибудь нравственное понятіе: такъ въ Испаніи бывають князья Мира, герцоги Вѣрности или Побѣды; еслибъ г. Персиньи былъ въ Испаніи, то его навѣрное назвали бы герцогомъ Преданности или Выборовъ.

Вмѣстѣ съ этими увольненіями произошли разныя перетасовки между французскими министрами. Во первыхъ, званіе министровъ безъ портфеля, министровъ-ораторовъ, было уничтожено. Эта собственная выдумка императора Наполеона оказалась совершенно непрактичною и несостоятельною. Уже и прежде оказывались неудобства этой системы; но съ особенною ясностью они обнаружались въ началѣ нынѣшняго года по случаю ссоры министра финансовъ Фульда и министра-оратора Маня. У Наполеона было три министра-оратора: Бильо, для объясненія палатамъ внѣшней политики правительства, Барошъ, для объясненія имъ внутренней политики, и Маня, для объясненія имъ финансовыхъ и экономическихъ дѣлъ. При этомъ нѣкоторымъ изъ этихъ господъ приходилось иногда становиться въ очень страшное положеніе. Напримѣръ Маня прежде самъ былъ министромъ финансовъ; впоследствии онъ замѣненъ былъ Фульдомъ, а ему поручено было защищать передъ палатами дѣлы своего преемника. Между тѣмъ самолюбіе его говорило ему конечно, что далеко не всѣ дѣлы этого преемника, часто противорѣчившія его собственнымъ распоряженіямъ, заслуживали одинаковой похвалы; очень понятно, что во многихъ случаяхъ ему должно было казаться, будто финансовое управленіе его преемника значительно слабѣе его собственнаго управленія; а передъ законодательнымъ собраніемъ онъ долженъ былъ, какъ министр-ораторъ, восхвалять всѣ его дѣлы, даже тѣ, которыя онъ въ душѣ находилъ нераціональными. Положеніе очень комическое. Наконецъ это неловкое положеніе ихъ окончилось открытой ссорой по поводу того, что Фульдъ намекнулъ въ фи-

нансовомъ отчетѣ своемъ на то, что финансовыя его мѣры имѣли цѣлью исправить ошибки прежнихъ министровъ финансовъ, а Манъ напечаталъ въ газетахъ заявленіе, что теперь финансы Франціи ничуть не въ лучшемъ положеніи, нежели они были до вступленія Фульда въ министерство. Ссора эта кончилась тѣмъ, что Манъ долженъ былъ выйти изъ отставку, и что осталось только два министра-оратора — Бильо и Барошъ. Но она же не могла не убѣдить окончательно Наполеона въ непрактичности его выдумки, и онъ конечно ждалъ только случая, чтобы окончательно уничтожить учрежденіе министровъ-ораторовъ. Случай этотъ представился при перемѣнахъ въ министерствѣ, послѣдовавшихъ за отставкой Персиньи и товарищей его. Бильо былъ назначенъ государственнымъ министромъ и этому посту придано было нѣкоторымъ образомъ значеніе поста перваго министра. На государственнаго министра возложена была обязанность служить главнымъ представителемъ правительства передъ палатами. Въ помощь ему назначенъ былъ предсѣдатель государственнаго совѣта, который тоже долженъ былъ объясняться съ палатами: это мѣсто дано было одному изъ любимцевъ Наполеона, г. Руэ. Значитъ онъ и г. Бильо должны были явиться вмѣсто прежнихъ министровъ-ораторовъ защитниками правительства передъ палатами. Барошъ, бывшій прежде тоже однимъ изъ таковыхъ министровъ, получилъ новое назначеніе (его сдѣлали министромъ юстиціи). Во вторыхъ, императору какъ будто уже надобно видѣть въ министерствѣ все тѣхъ же лицъ, которыя почти безсмысленно смѣняются въ нихъ съ 1851 или даже 1849 года. Фульдъ, Персиньи, Друэнъ де-Люизъ, Морни, Бильо, Руэ, Барошъ, Манъ — 12 лѣтъ только и слышно было, что эти имена. Всякая перемѣна въ министерствѣ ограничивалась почти только одной перетасовкой этихъ господъ между собою. Императору захотѣлось увеличить списокъ своихъ слугъ нѣсколькими новыми именами, еще не пріѣзжавшими странѣ — и на трехъ открывшихся министерскихъ ваканціяхъ явились совершенно новые люди, о которыхъ до сихъ поръ почти никто ничего не слыхалъ. Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ былъ нѣкто г. Буде, бывшій доселѣ начальникомъ отдѣленія въ государственномъ совѣтѣ; министромъ народнаго просвѣщенія профессоръ исторіи Дюрюи, а министромъ торговли и земледѣлія — какой-то Бегикъ. Удивились французы. Кто такой Дюрюи? кто такой Бегикъ? кто такой Буде? спрашивали другъ у друга, и рѣдко кто получалъ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Начали рыться въ ихъ послужныхъ спискахъ, собирать о нихъ біографическія свѣдѣнія — и ко всеобщей радости оказалось, что все это либералы и отличные люди, подающіе самыя блистатель-

ныя надежды. Оказалось, что г. Буде лииъ необыкновенно либеральныя наклонности въ какомъ-то избирательномъ вопросѣ, что Дюрюи—чрезвычайно просвѣщенный и свободно-мыслящій человекъ, что г. Бегикъ — отличный специалистъ и человекъ съ лучшими наклонностями. Ну, конечно, стали радоваться, стали выводить изъ этого самыя лучшія заключенія. Но тѣ, которые съ дѣтской наивностью восхищались этими благодатными назначеніями, упускали изъ виду нѣкоторыя обстоятельства. Во первыхъ, они забывали, что въ настоящее время во Франціи всѣ министры и начальники отдѣльных частей, каковы бы ни были ихъ личныя наклонности, дѣлаютъ только то, что имъ велятъ. Во вторыхъ, упускалось изъ виду то, что у французовъ споконвѣка принято приписывать либеральныя наклонности, отличныя наклонности и способности всякому вновь назначаемому министру. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы всѣ подобные господа были дѣйствительно таковы, каковыми ихъ изображаютъ въ краткихъ біографическихъ объ нихъ свѣдѣніяхъ, печатаемыхъ въ газетахъ на другой день послѣ ихъ назначенія; или, если они случайнымъ образомъ были дѣйствительно таковы въ прежнія эпохи своей жизни, такъ чтобы они остались таковыми и послѣ поступленія своего въ министры. Все это, какъ водится, упускалось изъ виду доверчивыми французами-либералами, и они хлопали въ ладоши отъ радости, что имъ дали такихъ либеральныхъ министровъ—Буде, Бегика и Дюрюи; они уже готовы были мечтать о переимѣнѣ системы. Въслѣдствіе малой своей привычки радоваться всякой новості, появляющейся на столбцахъ офиціального журнала, они не замедлили обрадоваться также замѣнѣ учрежденія министровъ—ораторовъ новой комбинаціей. Мы помнимъ, какъ при появленіи этого нововведенія, министровъ-ораторовъ, радовались французскіе либералы. Это шагъ къ отвѣтственности министровъ, говорили они, это отступленіе отъ конституціи 1852 года, это приближеніе къ англійскимъ учрежденіямъ, къ *couverture de l'édifice*. Радость была велика. Прошло нѣсколько лѣтъ — образумились наши энтузіасты, убѣдились, что радовались понапрасну. Появился декретъ 24 іюня 1863 года, опять радуются наши болѣнія дѣти. Слава Богу, говорятъ они, что уничтожили министровъ-ораторовъ; въ этомъ уничтоженіи ихъ и въ замѣщеніи ихъ такой-то комбинаціей, вѣдь не видѣтъ шага впередъ къ отвѣтственности министровъ, отступленія отъ конституціи 1852 года (и возвращенія къ конституціямъ 1815 и 1830 года, ликують приверженцы Бурбоновъ и орлеанской династіи).

Оправдались ли надежды увлекающихся либераловъ? Переимѣнилась ли система управленія во Франціи, послѣ назначенія новыхъ

министровъ? Сначала имъ казалось, что переменялась. Императоръ Наполеонъ нашелъ, что не лишнее было бы утвердить своихъ подданныхъ въ той пріятной увѣренности, которую внушили имъ недавнія перемены; онъ зналъ, что для этого нужно немного. Вскорѣ послѣ перетасовки въ министерствѣ на столбцахъ Монитера явилось письмо его къ предсѣдателю государственнаго совѣта, г. Руэ. Въ этомъ письмѣ императоръ излагаетъ свои воззрѣнія о вредѣ излишней централизаціи и регламентаціи. Онъ замѣчаетъ не безъ ѣдкости, что иное дѣло, исключительно только касающееся отдѣльной общины и не представляющее особенныхъ затрудненій, тянется иногда два года, прежде нежели получить необходимое разрѣшеніе: а происходитъ это отъ того, что оно часто должно для окончательнаго разрѣшенія своего пройти чрезъ *одинадцать* инстанцій. Не безъинтересно обратить вниманіе на то обстоятельство, что почти наканунѣ того дня, какъ императоръ высказалъ эти колкія слова, газетамъ, осмѣливавшимся говорить объ этихъ недостаткахъ, давались предостереженія, которыя, какъ извѣстно, грозили имъ запрещеніемъ. Въ заключеніе письма своего императоръ изъявляетъ свое желаніе, чтобы на будущее время этого не было, и рекомендуетъ г. Руэ заняться въ отдѣленіяхъ государственнаго совѣта разсмотрѣніемъ тѣхъ измѣненій, которыя слѣдуетъ произвести въ законодательствѣ по этому предмету. Вскорѣ послѣ того новый министръ внутреннихъ дѣлъ отмѣнилъ нѣкоторыя узаконенія, стѣснявшія свободу булочнаго производства въ Парижѣ. Почти въ то же время Дюрюи, министръ народнаго просвѣщенія, преодолевши сопротивленія епископовъ и другихъ противниковъ въ верховномъ совѣтѣ училищъ, разрѣшилъ преподаваніе философіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Франціи; при этомъ случаѣ онъ высказалъ мысль, которая у насъ была высказана еще въ 1856 году Пироговымъ, а именно что высшія и другія учебныя заведенія должны дѣлать изъ воспитанника не спеціалистовъ (не только бакалавровъ, какъ сказалъ г. Дюрюи), а прежде всего и главнымъ образомъ челоѣка. Этихъ трехъ мѣръ, явившихся почти одновременно — письма императора къ Руэ о необходимости нѣкоторой децентрализаціи, объявленія свободы булочничества и возстановленія въ университетахъ кафедръ философіи — было достаточно, чтобы воспламенить либераловъ всѣхъ партій. Различные органы прессы (конечно здѣсь не можетъ быть рѣчи о правительственныхъ органахъ, а только о такъ называемыхъ независимыхъ и либеральныхъ органахъ) начали громко провозглашать, что эти мѣры означаютъ наступленіе новой эры — эры свободы. Они хвалили Наполеона за то, что онъ хорошо понялъ значеніе послѣднихъ выбо-

ровъ; они самымъ серьезнымъ образомъ приглашали правительство идти далѣе по этому пути, который, по ихъ мнѣнію, ведетъ къ тому, что они называютъ *consolidation et couronnement de l'édifice*; они напоминаютъ ему, что слѣдуетъ довершить административную и воспитательную реформу, и произвести въ моральной области вещей то же, что сдѣлано въ области матеріальной, т. е. дать мысли, пищу уму, ту же самую свободу, которою отнынѣ пользуется производство тѣлесной пищи, хлѣба. Мы ни слова не говоримъ противъ всѣхъ вышеупомянутыхъ мѣръ французскаго правительства: оно конечно хорошо уничтожить 11 инстанцій для дѣлъ каждой общины, и замѣнить ихъ 4-мя, 5-ю; оно хорошо не ограничивать числа булочниковъ въ Парижѣ и уничтожить въ этомъ дѣлѣ монополію; оно хорошо знакомить юношей съ исторіей человѣческой мысли, но видѣть во всѣхъ этихъ простыхъ, азбучно-простыхъ мѣрахъ наступленіе этого желаннаго *couronnement de l'édifice* — какъ хотите, а это до крайности смѣшно.

Послѣ чрезмѣрнаго напряженія, произведеннаго во всей странѣ избирательной борьбой, послѣ этихъ первыхъ мѣръ правительства, послѣдовавшихъ за перемѣною лицъ въ управленіи, внутренняя жизнь Франціи какъ бы заснула на нѣсколько мѣсяцевъ, и мы не находимъ во внутренней исторіи ея ни одного явленія сколько нибудь замѣчательнаго или интереснаго. Однообразіе соннаго состоянія правительственной Франціи нарушается только отъ времени до времени рѣчами г. министра Дюрюи, который очень любилъ говорить рѣчи и при этомъ сообщалъ своимъ подчиненнымъ разныя глубокомысленныя истины въ родѣ того, что ученье свѣтъ, а неученье тьма, что юношамъ слѣдуетъ заниматься наукою, и т. п. Эти рѣчи сопровождались нѣкоторыми, не совсемъ бесполезными мѣрами по его вѣдомству, какъ-то: увеличеніемъ жалованья и улучшеніемъ матеріальнаго положенія учителей низшихъ школъ, разрѣшеніемъ преподавать въ училищахъ новѣйшую исторію, не останавливаясь на 1815 году, и еще нѣкоторыми другими; но только крайняя бѣдность событій по другимъ отраслямъ государственной и народной жизни могла заставить французскую прессу такъ тщательно заниматься этими рѣчами и этими мѣрами. Въ концѣ августа въ департаментахъ Франціи происходили собранія провинціальныхъ совѣтовъ. Ожидали, что по этому случаю въ различныхъ совѣтахъ раздадутся пренія и разсужденія объ императорской политикѣ, и что эти разсужденія нарушатъ хоть нѣсколько монотонность государственной жизни, царствующую съ іюня мѣсяца. Но и эти надежды не сбылись; передъ открытіемъ засѣданій министръ Буде рекомендовалъ президентамъ совѣтовъ заниматься

только мѣстными интересами и не вдаваться въ разсужденія о политикѣ. Конечно, большая часть президентовъ буквально исполнили предписаніе министра. Только немногія лица, какъ-то герцогъ Персиньи и генералъ Меллине ослушались его, для того чтобы произнести хвалебныя диопрамбы политикѣ императора. Конечно, за это ослушаніе съ нихъ не взыскали, но за то рѣчи ихъ не придали особеннаго оживленія засѣданіямъ совѣтовъ. Между тѣмъ свобода мысли и слова, которую нѣкоторые добродушные либералы считали уже чуть не осуществившеюся съ замѣною однихъ министровъ другими, дошла до того, что газеты стали предавать суду, и запрещать ихъ за помѣщеніе на столбцахъ ихъ ложныхъ политическихъ слуховъ. Одна легитимистская газета, «la France centrale», запрещена была на два мѣсяца за то, что извѣстила своихъ читателей, будто французскій посолъ въ Петербургѣ, герцогъ Монтебелло, напрасно добивался и не могъ добиться свиданія съ княземъ Горчаковымъ; другая газета, «Sémaphore de Marseille» была предана суду за помѣщеніе какого-то невѣрнаго извѣстія по польскому вопросу. Министръ, предписывая такія строгія мѣры, объявлялъ, что подобныя извѣстія имѣютъ цѣлью возбудить ненависть къ правительству. Но этого было мало. Вскорѣ либераламъ, возлагавшимъ сначала такія большія надежды на вѣхъ новыхъ министровъ, пришлось съ горестью сознаться, что они ошиблись въ своихъ надеждахъ, и что Бюдо вовсе не заслуживаетъ репутаціи либерала; оказалось, что онъ въ послѣдствіи отмѣнилъ даже ту мѣру, въ которой нѣкоторые видѣли начало новой эры, что онъ опять уничтожилъ свободу булочничества и возстановилъ булочную монополію.

Среди этой монотонной и бѣдной событіями жизни все во Франціи съ нетерпѣніемъ ожидали открытія засѣданій законодательнаго собранія. «Мониторъ» объявлялъ, что открытіе это послѣдуетъ 5 ноября. Разумѣется, одни ожидали его съ надеждами, другіе не безъ нѣкотораго опасенія. Но въ то время, какъ оба лагеря — правительство и оппозиція — начали уже готовиться къ борьбѣ, случилось происшествіе, которое, какъ все полагали, не останется безъ вліянія на ходъ борьбы, и которое поэтому не мало заинтересовало всякаго француза, занимающагося политическими событіями въ странѣ. 13 октября, за три недѣли до дня, назначеннаго для открытія засѣданій законодательнаго корпуса, умеръ государственный министръ Бильо, которому въ іюнѣ дано было такое высокое положеніе и на котораго по преимуществу возложена была обязанность защищать дѣйствія правительства передъ депутатами. И правительственная пресса, и оппозиціонные органы взглянули на эту смерть, какъ на истинное несча-

стие для правительства: Бильо считался хорошим ораторомъ, и поэтому онъ могъ быть очень полезенъ правительству въ палатѣ, гдѣ вскорѣ должны были появиться очень искусные ораторы, каковы Тьеръ, Фавръ, Беррье и др. Императорское правительство, конечно, не могло не понимать, что не въ рѣчахъ дѣло, что это только слабые умы доктринеровъ могутъ гнаться за удовольствіемъ красноречиво говорить съ трибуны. Но тѣмъ не менѣе оно считало необходимымъ поощрять парламентаризмъ; оно хотѣло отвѣчать на нападенія оппозиціи не однимъ только фактомъ своей власти, а собиралось разить оппозицію ея же оружіемъ — діалектикой. Въ этомъ отношеніи Бильо былъ драгоценный для правительства человекъ, потому что онъ уже доказалъ свои діалектическія способности; какъ палатный ораторъ онъ могъ бы не безъ успѣха соперничать съ ораторами оппозиціи; правительство вполне надѣялось на то, что онъ, вспоможествуемый еще г. Руэ, да постоянно имѣя еще за себя могущественный аргументъ факта и матеріальной силы, безъ особеннаго труда справится съ оппозиціей.

Въ такое-то время этотъ человекъ вдругъ умираетъ. Конечно, послѣ первыхъ соболѣзнованій начались толки о томъ, кто его замѣнитъ, и сомнѣнія въ томъ, можно ли будетъ его замѣнить. Какъ водится, начались разныя предположенія и соображенія: одни полагали, что хотя и трудно будетъ найти новыхъ Бильо, однако это дѣло не невозможное, и что поэтому будетъ только нѣкоторая переменна лицъ; другіе, т. е. все тѣ же оппозиціонные либералы, совѣтовали императору воспользоваться этой катастрофой для того, чтобы вовсе отмѣнить существованіе посредствующихъ лицъ, и возложить на каждого министра обязанность самому защищать свои дѣйствія передъ палатой: эти господа надѣялись уже, что смерть Бильо поведетъ къ возстановленію любезной имъ отвѣтственности министровъ. Но и этой надеждѣ, какъ многимъ другимъ, не суждено было осуществиться. Недѣлю спустя послѣ смерти Бильо, явился декретъ императора, по которому за государственнымъ министромъ оставалось значеніе, данное ему въ іюнѣ, и преемникомъ Бильо на этотъ постъ назначался г. Руэ, на котораго такимъ образомъ и возлагалась главная обязанность защищать дѣйствія правительства передъ палатами. Въ этой обязанности должны были помогать ему, какъ и прежде, президентъ государственнаго совѣта (на эту должность вмѣсто Руэ назначенъ былъ бывшій министръ народнаго просвѣщенія, Руланъ). Но для того, чтобы замѣнить Бильо нужно было не менѣе пяти человекъ; то что при жизни его считалось возможнымъ для двоихъ — для него и для Руэ — на это теперь понадобились шесть человекъ: кромѣ Руэ и

Руана посредниками между правительствомъ и палатами должны были служить еще четыре вице-президента государственнаго совѣта, каждый по особенной отрасли управленія. Кромѣ существовавшаго уже вице-президента Паріе, специально для этой цѣли назначено было еще три новыхъ—Форкадъ-ла-Рокеттъ, Вюитри и Ше-д'Этанжъ. Такимъ образомъ правительство замѣстило въ своихъ рядахъ потерю, произведенную смертью г. Билло, и явилось передъ палатами и страшными 30-ю человѣками оппозиціи, готовыми къ бою, съ шестью борцами вмѣсто прежнихъ двухъ или трехъ. Между этими шестью лицами раздѣленъ былъ трудъ защищать виѣшнюю и внутреннюю политику правительства: одинъ долженъ былъ говорить о Мехикѣ, другой о Польшѣ и Италіи, третій о финансовыхъ, четвертый объ административныхъ мѣрахъ правительства, и т. д. Съ своей стороны и оппозиція по мѣрѣ приближенія открытія засѣданій готовилась къ бою. За нѣсколько дней до открытія сессіи было уже извѣстно, что бойцы оппозиціи распредѣлили между собою роли, съ которою каждый изъ нихъ долженъ явиться въ палатѣ. Тьеръ долженъ, какъ слышно, говорить о дѣлахъ Мексики, Беррье о финансовыхъ вопросахъ, Даримонъ о народномъ образованіи, Гавенъ и Пеллтанъ о польскомъ вопросѣ; Фавръ, Пикаръ, Оливье и другіе остаются въ резервѣ для того, чтобы отвѣчать ораторамъ правительства на ихъ нападки. Итакъ, все готово къ бою, въ сущности довольно невинному и служащему по большей части забавою самимъ бойцамъ, бою, въ которомъ люди сражаются перунами краснорѣчія, дѣлая при этомъ видъ, что они борются на жизнь и на смерть, что отъ исхода ихъ борьбы зависитъ судьба если не всего человѣчества, то по крайней мѣрѣ всей Франціи — между тѣмъ какъ въ сущности отъ исхода ея зависитъ только большая или меньшая ораторская слава того или другаго говоруна и доктринера. Жаль только, что въ этой смѣшной комедіи принимаютъ участіе на ряду съ пустозвонами и самохвалами такія личности, какъ Фавръ или Энонъ, которые искренно любятъ народъ свой и его свободу, а между тѣмъ осуждены тягаться съ Барошами и Руэ въ ораторскомъ искусствѣ.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ обзорѣнй нашихъ мы сообщимъ читателямъ нашимъ не о результатахъ, потому что никакихъ важныхъ результатовъ не можетъ быть, а о самыхъ любопытныхъ эпизодахъ начавшейся въ настоящее время во Франціи парламентской борьбы.

5 ноября происходило открытіе Французскаго законодательнаго корпуса. Въ тронной рѣчи своей императоръ Наполеонъ коснулся во-

просовъ внѣшней политики преимущественно передъ внутренними. Самая любопытная часть въ его рѣчи — это то мѣсто, гдѣ онъ, коснувшись польскаго вопроса, изъясняетъ намѣреніе свое предложить другимъ державамъ созваніе европейскаго конгресса для общаго пересмотра трактатовъ 1815 года, и для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, возбуждающихъ въ настоящее время европейскія затрудненія. Онъ вѣроятно очень хорошо понимаетъ бесполезность и предвидитъ безуспѣшность этого проекта; но мы видимъ въ этомъ предложеніи желаніе свалить съ себя отвѣтственность въ дипломатической неудачѣ по польскому вопросу. Впрочемъ мы возвратимся къ этому проекту и къ другимъ мѣстамъ тронной рѣчи императора по мѣрѣ того, какъ будемъ говорить въ нашихъ обзорѣяхъ о внѣшней политикѣ Франціи.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГАЗЕТЫ ВООБЩЕ. — НАШИ ГАЗЕТЫ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ. — МИСТИЧЕСКІЯ ВОЗВРАЩЕНІЯ НА ПОЛЬСКІЙ ВОПРОСЪ. — МІРЪ СЛАВЯНСКІЙ И МІРЪ ЕВРОПЕЙСКІЙ. — РАЗНЫЕ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ НА ОТНОШЕНІЯ ПЕРВАГО КЪ ПОСЛѢДНЕМУ. — ПРЕДСЛОВІЕ КЪ МОЕМУ ПУТЕШЕСТВІЮ. — БЕЗПОЛЕЗНОСТЬ И НЕЗАНИМАТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ ПО ЕВРОПѢ. — ПОЛЬЗА ПУТЕШЕСТВІЙ ПО РОССИИ. — М. П. ПОГОДИНЪ И ЕГО ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ. — ВОЗБУЖДЕНІЯ, ДОСТАВЛЯЕМЫЯ ПУТЕШЕСТВІЕМЪ ПО РОССИИ. — РУССКІЯ НАТУРАЛЬНЫЯ ДОРОГИ. — СКЛОННОСТЬ РУССКИХЪ КЪ ИДЕАЛИЗАЦИИ ВООБЩЕ. — КОЙ-ЧТО О ЖЕНСКИХЪ ТИПАХЪ ВЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ РУССКОЙ ПОЭЗІИ И БЕЛЛЕТРИСТИКИ, ВЪ ОСОБЕННОСТИ ВЪ РОМАНѢ Г. ЧЕРНЫШЕВСКАГО: «ЧТО ДѢЛАТЬ?» — КОЙ-ЧТО О НЕДАВНИХЪ ЗАСѢДАНІЯХЪ АКАДЕМІИ НАУКЪ И О НОВОМЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ УСТАВѢ. — ИДЕАЛИЗАЦІЯ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВЪ ОТНОСИТЕЛЬНО НОВЫХЪ УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫХЪ ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ КЪ РОССИИ. — НЕКОТОРЫЯ САМЫЯ НЕОБХОДИМЫЯ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЯ ЖЕЛАЮЩИМЪ ПУТЕШЕСТВОВАТЬ ПО РОССИИ.

«Вѣдомости—это лучшее препровожденіе времени для милліоновъ людей — въ мое время имѣли жестокую судьбу, говоритъ одинъ вѣнецкій писатель изъ временъ Наполеона I-го. Особенно много комическаго представляется, когда читаешь французскія газеты, описывающія бѣгство Наполеона съ Эльбы. «Чудовище вырвалось и показывается тамъ и сямъ, но ему не уйти отъ нашихъ войскъ; тиранъ въ Ліонѣ; Бонапарте приближается быстрыми шагами; Наполеонъ завтра будетъ въ Парижѣ; императоръ Наполеонъ находится въ Фонтенблѣ; вчера вечеромъ его величество, императоръ, изволили прибыть въ Тюльери; все полно было неописаннаго восторга».

Т. ХСVIII. Отд. II.

«Дурная сторона всѣхъ вѣдомостей та, что онѣ не только пачкаютъ и обезображиваютъ историческіе факты, подобно гарпіямъ (*), но и съ самой исторіей обходятся не лучше палачей, скручиваютъ ее по шеѣ, по рукамъ и по ногамъ, урѣзываютъ ее, дѣлаютъ къ ней приставки, и муза Кліо (муза Исторіи) представляется въ ихъ рукахъ женщиной, которая сидитъ на улицѣ и бросается на шею къ первому встрѣчному за кусокъ хлѣба. Люди, составляющіе свои политическіе взгляды по этимъ оракуламъ, похожи на тѣхъ читателей «Тысячи одной ночи», которые воображаютъ себѣ, что то, что они прочли здѣсь, было дѣйствительно на самомъ дѣлѣ.

«Со времени низверженія Наполеона I-го, редакторы газетъ много потеряли. Лучшими ихъ статьями остаются теперь газетныя объявленія. Извѣстія о рожденіи, бракосочетаніяхъ, смерти, равно какъ и объ аукціонахъ имѣютъ теперь такой же интересъ, какой имѣли извѣстія о сраженіяхъ, о заключеніи мира, — и редакторы вѣдомостей за поэзіею газетныхъ объявленій забываютъ часто и радость, и горе, а иногда забываютъ даже и тѣ обѣщанія, которыя они давали публикѣ при началѣ изданія. Мѣсто, остающееся въ газетѣ за объявленіями, они наполняютъ мшлымъ резонерствомъ, тамъ и сямъ встрѣчаются впрочемъ въ газетѣ и факты такого содержанія: «сегодня проѣхалъ австрійскій курьеръ съ весьма важными депешами, о содержаніи которыхъ до времени ничего нельзя сказать». Подобныя извѣстія полезны тѣмъ, что они даютъ читателю случай тѣмъ глубже углубляться въ тайны кабинетовъ.

«Повѣрь ты слову моему, свать, —
— Ему нельзя не сбыться, —
Что если миръ не заключать,
— Война должна продолиться.

«Вѣдомости составляютъ развлеченіе и единственную библіотеку многихъ тысячъ людей, между которыми есть даже такіе, которые дерзаютъ имѣть свое мнѣніе. И что за бѣда, если люди, которые не могутъ устроить своего маленькаго хозяйства, устраиваютъ государство, произносятъ приговоры надъ государственными мужами съ такою же легкостію, какъ будто бы дѣло шло о ихъ приходскомъ пасторѣ или школьномъ учителѣ, — и даже подобно афинянамъ употребляютъ въ дѣло остракизмъ! Это развлекаетъ ихъ, — а между тѣмъ сѣ

(*) Гарпіи — страшныя богини, посылавшіяся другими божествами для наказанія преступниковъ, которыхъ мучили они особенно тѣмъ, что похищали у нихъ всякую пищу, тутъ же пожирая ее, или если не могли сдѣлать этого, то пачкали ее грязью и всякой нечистотой.

комичные политики, почитывая газеты, по спонутности знакомятся по немногу съ исторією и географією,—и даже газетные пустяки, какъ-то описаніе путешествій и посѣщеній важныхъ лицъ, торжественныхъ празднествъ, извѣстія о повышеніяхъ, наградахъ, приносятъ свою долю пользы, доставляя предметъ для разговоровъ. А если и найдется читатель, который примѣтитъ, что газеты, наполняясь подобною дребеденью, умалчиваютъ между тѣмъ о вещахъ важныхъ и нужныхъ, то таковой долженъ помнить, что редакторы газетъ не слушали курса составленія газетъ у Шлещера. Газеты даже образованнымъ людямъ, по окончаніи ихъ занятій, доставляютъ извѣстное размычечіе, даютъ поводъ къ обмѣву мыслей о разныхъ предметахъ, въ нѣкоторой мѣрѣ наполняютъ пустоту общественной жизни. Нѣтъ комичнѣе сценъ, когда доморощенные политики начинаютъ горячиться изъ-за интересовъ Европы. Я впрочемъ при такихъ сценахъ всегда примѣчалъ, что люди, которые слушаютъ совершенно спокойно и говорятъ всѣхъ меньше, всегда лучше другихъ понимаютъ дѣло.

«Не мѣшайте жъ имъ, маленькимъ политикамъ, продолжать устраивать запутанныя міровыя событія съ петербургскими и даже московскими вѣдомостями въ рукахъ. Все же это будетъ лучше, нежели игра въ карты; пусть лучше они будутъ предметомъ смѣха для истинныхъ, настоящихъ политиковъ, нежели причиною слезъ для своего семейства? Разъ кто-то спросилъ Кауница: «чего надобно ждать: войны или мира»? Министръ отвѣчалъ съ улыбкою: «извините, пожалуйста, я еще не заглядывалъ въ сегодняшнія вѣдомости».

«И однакожъ, господа, вѣдь газеты необходимы? Безъ нихъ жить нельзя. Если бы кто нибудь сказалъ,—«что газетъ болѣе не будетъ», это поразило бы всѣхъ, какъ громовымъ ударомъ. Это значило бы сказать почти то же, что «не будетъ болѣе времени». Даже я самъ, я, котораго политическія извѣстія часто настраиваютъ очень печально, и котораго за тѣмъ не могутъ вывести изъ этого настроенія никакія газетныя извѣщенія о смерти, такъ какъ здѣсь изъ-за смерти всегда выглядываетъ улыбка,—не могъ бы отказаться отъ газетъ, хотя для меня лично совершенно достаточно одной газеты, какая бы она ни была, это все равно; ибо и изъ самой плохой газеты всегда можно или узнать что нибудь новое, или возобновить въ памяти что нибудь старое, забытое, по части географіи или исторіи. Вѣдомости принадлежатъ къ пріятнѣйшимъ зимнимъ удовольствіямъ; никогда болѣе не ведется войнъ, никогда не дѣлится болѣе государствъ, никогда не переворачивается ужаснѣе міръ, какъ зимою. Въ прекрасное лѣтнее время есть много дѣла, бранное оружіе кладется тогда подъ спудъ, май мѣсяцъ дѣлаетъ всѣхъ кроткими, и въ прежнее время я видалъ, какъ съ прилетомъ ласточекъ и аистовъ, два великіе поли-

тика дружественно подавали другъ другу руки, хотя зимою они смертельно ненавидѣли другъ друга, одинъ въ качествѣ защитника поляковъ, другой въ качествѣ защитника русскихъ, ненавидѣли другъ друга смертельно, чѣмъ австрійцы и пруссаки во время семилѣтней войны, хотя оба были нѣмцы».

И вотъ, читатель, тотъ источникъ, изъ котораго мы, обозрѣватели, должны черпать свѣдѣнія, чтобы представить вамъ болѣе связную и болѣе осмысленную лѣтопись животрепещущихъ интересовъ общества. Во время военное, во время общественныхъ тревогъ и безпокойствъ, протекающихъ отъ неопредѣленныхъ международныхъ отношеній, источникъ этотъ становится еще мутнѣе. Когда политическій горизонтъ заволакивается тучами, угрожающими заѣмательствомъ или перерывомъ общему ходу всѣхъ дѣлъ, естественно, что вниманіе общества бываетъ самымъ сильнымъ образомъ напряжено на положеніе первостепенныхъ европейскихъ кабинетовъ, съ нетерпѣливымъ желаніемъ разузнать или предугадать ихъ намѣренія и цѣли относительно совершающихся событій. Такое напряженное вниманіе общества къ событіямъ политическимъ — кладъ для вѣдомостей и газетъ всякаго рода. Всѣ газетчики считаютъ себя самыми глубокими политиками, не только политиками-мыслителями, но даже и дѣятелями уже по самой своей профессіи. «Кто ты», спрашивалъ Харонъ одну неизвѣстную ему тѣнь, появившуюся въ царствѣ тѣней. То была тѣнь газетчика. «Я тотъ», отвѣчалъ газетчикъ, «который много лѣтъ правилъ міромъ. Мое могучее слово возбуждало мертвыхъ и обращало въ прахъ легіоны. Не было войны, которая бы возбуждена была не моею рукою. Мой перстъ указывалъ границы міроправителямъ; мое чуткое ко всѣмъ тайнамъ ухо господствовало надъ мыслями. Чего никто никогда не видалъ, даже чего никогда не случалось, даже и то прозирало мое дальновидящее око». Во времена общественныхъ безпокойствъ и тревогъ, происходящихъ отъ пошатнувшихся, неопредѣленныхъ международныхъ отношеній, газетчики бросаютъ все, обращаются исключительно къ политическимъ событіямъ, и принимая глубокомысленный видъ, занимаются каждодневно съ одной стороны разгадываніемъ намѣреній и предположеній кабинетовъ по такимъ же вѣрнымъ даннымъ, по какимъ прежде астрологи предсказывали будущую судьбу людей, съ другой — коверканіемъ исторіи и подлаживаніемъ ей подъ тѣ взгляды и планы, выполнение которыхъ на дѣлѣ должно, по мнѣнію газетчика, осчастливить народы. Несчастная Кліо никогда дѣйствительно не бываетъ въ болѣе загнанномъ и бѣдственномъ положеніи, какъ въ подобныя времена.

Говорятъ, что когда Момусъ, этотъ извѣстный шутъ блаженныхъ боговъ, родился на свѣтъ, то онъ поднялъ на Олимпѣ такой крикъ,

что боги рѣшительно не знали, что имъ дѣлать. Всѣ богини спѣшили успокоить малютку разными бонбончиками, но малютка не унимался. Наконецъ, Юпитеръ подарилъ ему вновь созданнаго имъ человѣка, на котораго самъ онъ не могъ смотрѣть безъ смѣха. Эта разсуждающая кукла глупости успокоила ребенка. Когда она начинала смѣяться надъ разными предметами, то возбуждала въ высшихъ существахъ только неудовольствіе или состраданіе. За то ничто столько не смѣшило ихъ, какъ то, когда кукла начинала серьезно разсуждать о разныхъ вызывающихъ на размышленіе предметахъ.

Мы думаемъ, что всѣхъ истинныхъ политиковъ, болѣе или менѣе знающихъ намѣренія кабинетовъ, точно также потѣшаютъ разсужденія газетчиковъ о политическихъ дѣлахъ. Ибо разсужденія эти въ той части своей, въ которой тѣ истинны, никогда не принадлежатъ газетчикамъ, — имъ собственно они принадлежатъ только въ той части, въ которой они смѣшны, уродливы или несбыточны. Газетчики играютъ ту же роль, какую игралъ человѣчекъ, подаренный Юпитеромъ Момусу на Олимпѣ.

Мы еще въ прошедшемъ нашемъ обзорѣ замѣтили, что уже восемь мѣсяцевъ вниманіе нашей публики занято весьма сильно польскими событіями, что на тѣ же событія напряжено исключительно вниманіе газетъ. Вниманіе съ той и другой стороны весьма понятное! И мы бы не сказали ни слова, если бы газетчики ограничивались скромною ролью передатчиковъ извѣстій. Но въ томъ-то и сила, что этою ролью они не ограничиваются. Во всѣхъ нихъ есть затаенная тенденція управлять судьбами міра, какъ говоритъ о себѣ газетчикъ Харону въ царствѣ тѣней, — а вслѣдствіе этого писать планы и проекты, какъ и что должно быть и, даже, какъ что будетъ! Что, думаю часто я, если все, что они выдаютъ за долженствующее быть необходимо, не случится и не сбудется, а сбывается все какъ нибудь иначе! Въ какой они должны будутъ придти конфузъ! — А впрочемъ, что я говорю: въ конфузъ? Развѣ газетчики могутъ приходить въ конфузъ? «Чудовище вырвалось и показывается тамъ и сямъ, но ему не уйти отъ нашихъ войскъ; Тираниъ въ Ліонѣ; Бонапарте приближается быстрыми шагами; Наполеонъ завтра будетъ въ Парижѣ; императоръ Наполеонъ находится въ Фонтенебло; вчера вечеромъ его величество императоръ изволилъ прибыть въ Тюльери; все полно было неописаннаго восторга». Да впрочемъ, можно ли даже и приходить въ конфузъ отъ такой перемѣны декорацій? Измѣнилось событіе въ цвѣтѣ—измѣнилась и краска, его изображающая... Все это весьма легально и никакого несогласія тутъ съ закономъ противорѣчія нѣтъ, ибо законъ противорѣчія, основной законъ нашего мышленія, требуетъ только того, какъ мы уже и объясняли въ прошедшемъ на-

шемъ обзорѣніи, чтобы мы въ одно и то же время, объ одномъ и томъ же предметѣ, въ одномъ и томъ же отношеніи не утверждали и не отрицали одного и того же.

Однимъ словомъ, мы даже не противъ плановъ и прожектовъ, если уже безъ нихъ не можетъ обойтись человѣческая слабость. Но мы желали бы, чтобы эти планы и прожекты включительно съ политическими извѣстіями не занимали всей газеты; чтобы въ газетѣ основалось мѣсто и для чисто внутреннихъ событій и вопросовъ и для литературнаго отдѣла. Пусть газеты только пожалѣютъ хоть насъ внутреннихъ обозрѣвателей, гибнущихъ голодомъ отъ исключительной политичности газетъ! Кромѣ того, мы желали бы, чтобы самые планы и прожекты, какъ бы они ни были въ существѣ своемъ несбыточны и странны, развивались съ какою нибудь послѣдовательностію изъ извѣстныхъ началъ, безъ путаницы, и тѣмъ болѣе не уходили въ область мистицизма и чистыхъ химеръ.

Какъ образецъ послѣдовательности и ясности изложенія можно всѣмъ газетамъ рекомендовать «Московскія Вѣдомости». Можетъ быть, это и служитъ причиною ихъ успѣха въ извѣстной средѣ. Можно съ ними не соглашаться, можно считать ихъ взгляды неправильными, — но какъ вы будете отрицать, что они остаются неуклонно вѣрны взгляду, разъ ими принятому на польское событіе, и съ неизмѣнною послѣдовательностію и ясностію развиваютъ начала, лежащія въ основаніи этого взгляда.

«Польское возмущеніе — они говорятъ — есть шляхтская интрига, а не народное возстаніе. Руководителями интриги являются такіа и такіа-то партіи; орудіями интриги, распространенной вездѣ, являются частію сознательно, частію безсознательно такіа-то и такіа-то лица. Интрига эта будетъ сильна доколѣ, доколѣ будетъ какая нибудь автономія въ царствѣ. Ибо всегда эту интригу будутъ поддерживать западныя державы, завидующія нашему могуществу и старающіеся при каждомъ удобномъ случаѣ повредить намъ, свести наше отечество въ разрядъ державъ второстепенныхъ. — Для успокоенія Польши временнаго — необходимо быстрое подавленіе мятежа энергическими мѣрами, — для успокоенія окончательнаго необходимо уничтоженіе въ ней всякой автономіи и полное сліяніе ея съ Россіей».

Повторяемъ опять: вы можете не соглашаться ни съ однимъ изъ этихъ положеній, но вы не можете сказать, чтобы была неясность, непослѣдовательность изложенія, невѣрность принятому однажды взгляду.

Перейдемъ теперь въ область изслѣдованій мистическихъ.

«Польскій мятежъ — говорятъ мистики — это не интрига, не народное возстаніе, а борьба полонизма съ славянствомъ. Что такое

полонизмъ? *Полонизмъ* есть олатиненное, въ лицѣ польской націи, славянство, употребляемое западомъ какъ орудіе, какъ средство для подчиненія латинству всего славянства. Польша говоритъ Европѣ: «заступись за меня, я, вѣрный тебѣ слуга, я стану на стражѣ, чтобы оградить тебя отъ дикой силы, порожденной сочетаніемъ восточной схизмы съ монгольскимъ деспотизмомъ; развяжи мнѣ руки, и врагъ нашъ исчезнетъ, какъ призракъ; востокъ Европы будетъ твой, и я самъ потяну къ тебѣ моихъ скованныхъ братьевъ». Понятно, говорятъ мистики, почему Европа вступаетъ за Польшу.

Но возражаютъ имъ: за Польшу заступается не одинъ латинскій, но и протестантскій міръ Европы? Онъ чего хочетъ?

Мистики отвѣчаютъ, что «протестантство есть тоже латинство, только обращенное въ отрицаніе, латинство съ придачею частицы *не*. Это крайняя противоположность латинства, но противоположность столь же односторонняя, какъ и оно. Это страстный протестъ личной свободы, *отчаявшейся въ возможности осуществить единство неискusstvenное* (!?), но протестъ не выходящій изъ круга тѣхъ же разорванныхъ, одно другому противопоставленныхъ понятій, изъ которыхъ одно воплотилось въ Романскомъ мірѣ, другое въ Германскомъ. Подобно тому, какъ латинство въ окончательномъ (!!) своемъ результатѣ ограничивается требованіемъ внѣшняго, юридическаго признанія истины, облеченной въ образъ церковнаго самодержавія, такъ на оборотъ протестантство, жертвуя всякимъ объективнымъ содержаніемъ (!?), обращается наконецъ къ изолированной (!?) личности съ простымъ требованіемъ искренности (!?) и подчиняетъ всѣ формы общепітія договорному началу (!?), т. е. сдѣлкѣ, въ которой личный интересъ служитъ и побужденіемъ, и нормою (!?)».

Можетъ быть, въ приведенныхъ нами строкахъ и дѣйствительно есть мысли, показывающія, что латинство и протестанство составляютъ только два противоположныхъ полюса, двѣ крайности одного и того же полюса. Но понять этѣ мысли нѣтъ положительно никакой возможности. Такъ они изложены обще и отвлеченно для не посвященныхъ въ тайны славянофильскаго ученія. На предположимъ, что авторъ доказалъ, что хотѣлъ т. е., что латинство и протестанство суть два противоположные полюса. Все таки отсюда не слѣдуетъ того, что онъ хочетъ вывести.

«Оттого, говоритъ онъ, по противоположности вѣрованій, возрѣній и привычекъ, протестанская Европа, при всей враждебности ея къ латинству, внутренне сознаетъ свое тѣсное съ нимъ родство и проклиная папу, въ то же время всѣми своими сочувствіями склоняется къ Польшѣ, представляющей въ ея борьбѣ съ Россією римское знамя».

Никогда вражда не бываетъ болѣе искренна, болѣе непримирима, болѣе ожесточенна, какъ двухъ полюсахъ, разорвавшихся изъ одного начала въ силу принципа. Именно потому, что протестанство вышло изъ папизма, папизмъ и протестанство тѣмъ сильнѣе ненавидятъ другъ друга, чѣмъ они могутъ ненавидѣть кто нибудь, — и ужь никакъ не будутъ помогать другъ другу въ распространеніи тѣхъ именно началъ, за которыя они враждуютъ. Слѣдовательно даннымъ мистиками объясненіемъ, почему протестанство помогаетъ латинству, все такъ ничего не объясняется.

Нѣтъ, отвѣчаютъ мистики, объясняется. Надо только принять въ вниманіе различіе міровъ славянскаго и западнаго. Славянство, будучи въ существѣ своемъ совершенно инымъ, чѣмъ германство и романство, не поддается никакому вліянію послѣднихъ. Чтобы завоевать его нравственно, нужно сначала уничтожить его славянскую природу, ассимилировать его западу. А этого можно достигнуть только посредствомъ латинства.

«Глубокая несовмѣстность и непримиримость латинства съ славянствомъ доказана историческимъ опытомъ вѣковъ, хотя у насъ многіе не рѣшаются еще признать ее. Всегда и вездѣ, чѣмъ добровольнѣе и искреннѣе латинство принималось славянскою природою, чѣмъ глубже оно въ нее въѣдалось, тѣмъ быстрѣе подъ вліяніемъ этого тонкаго и всепроницающаго яда она чахла, разлагалась и гибла».

Позвольте, спрашиваете вы, что же такого можетъ быть разъѣдающаго въ латинствѣ. Вѣдь есть же государства, благоденствующія и при католической религіи. Отчего латинство, такая же христіанская религія какъ и другія, даже еще ближайшая всѣхъ другихъ по существу своего исповѣданія къ православію, можетъ разъѣдать славянство?

А вотъ почему, отвѣчаютъ мистики:

«Историческая задача латинства состояла въ томъ, чтобы отвлечь отъ живаго оріанизма церковь идеею единства, понятаго какъ власть, облечь ее въ видимый символъ, поставить, такъ сказать, надъ церковью полное олицетвореніе ея самой и чрезъ это (!?) превратить единеніе вѣры и любви въ юридическое признаніе, а членовъ церкви въ подданныхъ ея главы (курсивъ въ подлинникѣ). Эта задача, принесенная въ міръ славянскій, въ историческую среду общинности не въ тѣсномъ только значеніи совокупленія экономическихъ интересовъ, но въ самомъ широкомъ смыслѣ множества свободно слагающагося въ живое оріаническое единство (тоже курсивъ въ подлинникѣ) должна была возмутить естественное развитіе народной жизни до послѣдней ея глубины. Дѣйствительно, латинство по свойству внут-

реннихъ побужденій, изъ которыхъ оно возникло, было враждебно въ одинаковой степени: общинности, этой характеристической племенной особенностью славянства, и началу *соборнаго согласія*, по которымъ построена и держится православная церковь. Понятно (?), что разрывъ въ предѣлахъ церковной общины приводилъ неминуемо къ разложенію общины гражданской, и что на оборотъ, среда, въ которой предназначено было развиваться историческимъ силамъ славянства, такъ сказать, опредѣлялась внутреннимъ сродствомъ двухъ указанныхъ выше началъ общинности и соборности».

Если не ошибаемся, въ приведенной нами выдержкѣ, авторъ хочетъ сказать, что догматъ о признаніи папы главою церкви, внося монархически церковный элементъ въ религіозныя представленія, какъ законъ, какъ юридическое опредѣленіе, разрушаетъ тѣмъ самымъ естественное нравственное единеніе въ любви вѣрующихъ, дѣлая его ненужнымъ, неважнымъ, а вмѣстѣ и на общину гражданскую заставляетъ ихъ смотрѣть какъ на что-то не нужное, лишнее, ненормальное, а съ другой стороны, уничтожая *соборное* начало въ дѣлахъ вѣры и управленія церковнаго, такъ какъ при непогрѣшимомъ видимомъ владыкѣ нѣтъ никакой нужды разрабатывать религіозныя истины соборными успіями, тѣмъ самымъ опять и на общинное начало въ гражданскомъ устройствѣ заставляетъ смотрѣть, какъ на нѣчто ненормальное.

Противъ этого мы можемъ замѣтить, что 1, монархическій элементъ глубоко вѣдренъ въ славянскую природу помимо всякаго папства, какъ видно изъ исторіи всѣхъ славянъ. Однакожь это ни мало не разрушаетъ славянской общины. Напротивъ, именно эта общинность для своего правильнаго развитія всегда требовала подлѣ себя присутствія монархическаго начала, какъ показываетъ первоначальная исторія Россіи, въ особенности же исторія развитія Новгорода. 2, соборность была и останется основнымъ началомъ и православнаго, и католическаго христіанства. Самое папство — выработано этимъ началомъ, и послѣднее не исключается папствомъ точно такъ же, какъ не исключается въ гражданскомъ управленіи совѣщательное начало монархическимъ. Соборное начало въ дѣлахъ вѣры и управленія было въ частомъ употребленіи въ христіанствѣ при началѣ его, при разработкѣ религіозныхъ догматовъ, и потомъ при выработкѣ для него общественныхъ формъ, въ каждомъ народѣ. За тѣмъ когда выработаны были догматы, когда выработались формы церковнаго управленія, въ каждомъ народѣ, соборное начало, хотя и остается по прежнему единственнымъ началомъ, которымъ могутъ быть разрѣшаемы возникающія въ церкви недоразумѣнія, но по самому порядку управленія, выработанному и утвержденному соборами, оно не можетъ постоянно

употребляться въ дѣлахъ обыкновеннаго церковнаго управленія ни въ католическомъ мірѣ, ни въ православномъ.

Въ примѣръ разъѣдающаго вліянія латинства на славянство мистики указываютъ слѣдующіе факты:

«Прослѣдите, говорятъ они, до психологической основы ихъ, всѣ историческія явленія, которыми сопровождалась прививка латинства къ славянской стихіи — образованіе ненародной, строго замкнутой и примкнутой къ Риму іерархіи, постепенное возникновеніе около нея аристократіи военно-политической, отторженіе власти отъ подданныхъ, высшихъ слоевъ общества отъ низшихъ, быстрое развитіе цивилизаціи въ кругу привилегированныхъ сословій, но цивилизаціи не проникающей въ народныя массы, и постепенное сгущеніе тьмы въ низшихъ слояхъ общества и т. д., и вы убѣдитесь, что все это совершилось не случайно».

Все это конечно совершилось не случайно, но все это условливалось или совершенно другими причинами, или никакъ уже не однимъ латинствомъ. Даже образованіе ненародной, строго замкнутой и примкнутой къ Риму іерархіи, отторженіе власти отъ подданныхъ, весьма естественныя стремленія всякаго неограниченнаго властолюбія церковнаго, проявившіяся даже въ константинопольскомъ патріархатѣ при образованіи русской церкви, новые народы умѣютъ ограничивать и дѣлать безвредными. Что касается до другихъ недостатковъ, исчисляемыхъ авторомъ и приписываемыхъ только папству, то при тогдашнемъ развитіи обществъ они были вездѣ, при всѣхъ вѣроисповѣданіяхъ и католическомъ, и протестантскомъ, и православномъ, и папство въ нихъ не виновато.

Но положимъ, возражаютъ мистикамъ, вы правы, когда говорите, что латинство разъѣдаетъ славянскую натуру. Отчего же оно не разъѣло чеховъ, не разъѣло поляковъ, не разъѣло униатовъ?

Объ униатахъ мистики умалчиваютъ.

О чехахъ говорятъ вотъ что:

«Чехія возстала противъ латинства, требуя для всѣхъ приобщенія изъ чаши. Это былъ протестъ не противъ однихъ злоупотребленій латинства, а противъ самаго духа его (!). Дѣло шло о спасеніи цѣльности славянской общины, въ которую латинство вносило коренное раздвоеніе, и можетъ быть никогда, ни одинъ историческій символъ не выражалъ такъ поэтически и вѣрно совокупности духовныхъ требованій, вызвавшихъ его, какъ святая чаша въ рукѣ Гусситовъ. Едва ли (!!) не этому высокому протесту и слѣдовавшей за нимъ гигантской борьбѣ, въ которой она пролила свою кровь, обязана Чехія спасеніемъ своей народности. Племена, имѣющія за собою такія воспоминанія, не вымираютъ и въ недавнемъ своемъ возрожденіи къ новымъ

историческимъ судьбамъ. Чехія получила награду за своихъ великихъ мучениковъ».

Едва ли? говоритъ авторъ. Но какъ же: едва ли? Вѣдь если онъ самъ не увѣренъ, что только влѣдствіе своего протеста Чехія сдѣлалась неуязвимою для разъѣдающей силы латинства, то тѣмъ болѣе имѣетъ основанія не убѣждаться подобнымъ предположеніемъ читатель. Развѣ протестъ Лютера, вообще протестъ реформациі въ Германіи, измѣнилъ коренныя стремленія папства? Съ другой стороны, развѣ онъ умалилъ хоть на одну іоту въ истинныхъ католикахъ ихъ вѣру и привязанность къ католической религіи? Напротивъ, онъ еще увеличилъ ее. Точно то же самое было, конечно, и въ Чехіи. И какимъ образомъ мертвое воспоминаніе о Гусситахъ, остающееся теперь въ Чехіи, для простаго народа, конечно, вовсе и не существующее, можетъ быть противоядіемъ противъ разъѣдающей силы латинства, рѣшительно не понятно. Фраза автора, что «племена, измѣющія за собою такія воспоминанія, не вымираютъ и проч.»—фраза въ точномъ смыслѣ этого слова. Такія ли племена вымираютъ въ исторіи!

Но предположимъ, что авторъ правъ, что Чехія гусситизмомъ спаслась отъ разъѣдающей силы латинства; чѣмъ же спаслась Польша?

А вотъ въ томъ и дѣло, говоритъ авторъ, что Польша не спаслась.

«Сдѣлавшись отравленнымъ мечемъ и орудіемъ гибели для другихъ, сама Польша, какъ племя славянское, хотя и измѣнившее своей природѣ, должна была прежде всѣхъ заразиться тою же отравою; дѣйствительно, ту же враждебную силу, во имя которой она опогчалась на своихъ братьевъ, она внесла въ свою плоть и кровь. Далѣе самоубійства ни отдѣльное лицо, ни народъ идти не можетъ. Польша дошла до этого предѣла, но переродиться въ племя неславянское, измѣнить свою природу или промѣнять ее на другую она все таки не смогла». «Какъ двѣ души, заключенныя въ одномъ тѣлѣ, славянство и латинство вели и доселѣ ведутъ внутри самой Польши борьбу непримиримую, на жизнь и смерть. Въ ней-то и заключается глубокий трагическій интересъ польской исторіи и отъ невѣдомаго ея исхода зависитъ будущность Польши. Это не международная, а внутренняя ея домашняя тяжба, вопросъ народной совѣсти. Какимъ бы добровольнымъ истязаніямъ ни подвергала себя Польша, какъ бы ни бичевала себя, чтобъ окончательно очиститься въ глазахъ латинства отъ первороднаго грѣха своей славянской крови, ей не переродиться; будущность ея, если только для нея есть будущность—въ славянскомъ мірѣ и въ дружномъ общеніи со всѣми ей сродными племенами, а не въ хвостѣ латинства».

Такимъ образомъ, по убѣжденію автора «окончательное разрѣшеніе польскаго вопроса, такое разрѣшеніе, которое бы удовлетворило

поляковъ, *немыслимо безъ кореннаго, духовнаго ихъ возрожденія*. Нужно, чтобы Польша отеклась отъ своего союза съ латинствомъ и наконецъ помирилась бы съ мыслию быть *только собою*, то есть, однимъ изъ племенъ славянскихъ, служащихъ одному съ ними историческому призванію; нужно съ другой стороны, чтобы Россія рѣшилась и съумѣла сдѣлаться *вполнѣ собою*, то есть, историческимъ представителемъ православно-славянской стихіи. Иными словами: нужно торжество не военное и не дипломатическое, а торжество свободно признанное одного просвѣтительнаго начала надъ другимъ».

Хотя авторъ не только не теряетъ надежды, а напротивъ питаетъ, — какъ онъ выражается, — про себя полную вѣру въ несомнѣнность духовнаго примиренія Польши съ Россіею въ отдаленномъ будущемъ; — но въ настоящемъ и онъ не видитъ никакой возможности этого примиренія. «Польша, говоритъ онъ, потому враждуетъ съ Россіею, что та и другая носятъ въ себѣ совершенно различные идеалы религіозные и политическіе; обѣ при этомъ сознаютъ эту разницу. Поэтому политическое представительство, задуманное на русскихъ началахъ, какъ понимаетъ ихъ *Русскій Вѣстникъ*, то есть, безъ принудительной власти и въ смыслѣ организаціи общественнаго мнѣнія, было бы также непонятно для поляковъ, также не сродно и не сочувственно имъ, какъ церковь безъ папы, олицетворяющаго въ себѣ ея непогрѣшимость и всѣ духовныя ея дары. И власть со всѣми ея атрибутами и политическую свободу Поляки понимаютъ не такъ, какъ мы; то, въ чемъ бы мы нашли удовлетвореніе, показалось бы имъ горькою насмѣшкою, и проектъ государственнаго учрежденія, составленный по плану *Московскихъ Вѣдомостей*, былъ бы ими принятъ какъ новое посягательство на ихъ національность. Это было бы, въ полномъ смыслѣ, не сліяніе, а поглощеніе Польши Россіею, поглощеніе, въ которомъ бы на долю первой выпала чисто пассивная роль подчиненія внѣшней силѣ. Можно ожидать политическаго сліянія, какъ послѣдствія внутренняго перерожденія и духовнаго примиренія, но нельзя предполагать обратнаго, то есть, умиротворенія и соглашенія посредствомъ насильственнаго и внѣшняго сочетанія. Мѣра, предложенная *Московскими Вѣдомостями*, даже не прекратила бы борьбы, а только открыла бы ей новое болѣе широкое поприще не на одной окраинѣ, а въ самомъ средоточіи нашей политической жизни. Такая борьба была бы совершенно бесполезна для разрѣшенія политическаго вопроса, но далеко не безонасна для Россіи при той узкости и шаткости народнаго самосознанія, которую ежедневно обнаруживаютъ самые искренніе и даровитые поборники ея политическихъ интересовъ».

Что же, спрашивается, дѣлать съ Польшею при такомъ положеніи

дѣла? Авторъ отвѣчаетъ, что при невозможности духовнаго примиренія Россіи съ Польшею въ настоящее время, надобно позаботиться только о томъ, чтобы сдѣлать ее для Россіи безвредною. Но все до насъ не относится. Намъ важны были только тѣ основанія, водясь которыми, авторъ приходитъ къ своимъ выводамъ.

Статья, которую мы разбираемъ теперь, принадлежитъ г. Ю. Самарину, одному изъ лучшихъ нашихъ писателей, хотя рѣдко изъ подъ пера его выходитъ статья, которая бы была не испорчена извѣстною точкою зрѣнія и неразрывнымъ съ нею одностороннимъ воззрѣніемъ, объясненіемъ истинъ, иногда совершенно несомнѣнныхъ не изъ истинныхъ ихъ причинъ, а изъ чисто фактивныхъ, парадоксальностію и несостоятельностью доказательствъ, темнотою изложенія и т. п. Такова и настоящая его статья. Читатель видѣлъ, что въ ней нѣтъ почти ни одного звѣна, которое было бы прочно само по себѣ и стояло бы въ такой твердой связи съ другими, чтобы могло подпирать и утверждать ихъ. Напротивъ, при одномъ логическомъ разсмотрѣніи, все построеніе такъ шатко и въ частяхъ, и въ цѣломъ, что рушится при первомъ прикосновеніи. По тѣмъ таинственнымъ дѣателямъ, которыхъ авторъ отыскиваетъ въ явленіяхъ, производимыхъ дѣателями, общими въ жизни и исторіи всѣхъ народовъ, мы назвали эту статью мистическою; такую она покажется не намъ однимъ, и какъ статья публицистическая, конечно, никого не удовлетворитъ. Мы кромѣ того находимъ статью по мистическимъ приѣмамъ положительно вредною для нашей публики. Тѣмъ не менѣе не можемъ не сказать, что на статью г. Ю. Самарина мы не промѣнили бы цѣлаго ряда тѣхъ мѣло-ясныхъ статей, въ которыхъ все очень ясно, потому что все очень пошло и грубо до непосредственности самаго грубаго смысла и чувства. Въ статьѣ виднѣтъ не только ученый изслѣдователь, но и человекъ, который осторожно относится къ чужимъ нравственнымъ болѣзнямъ, и разсматривая ихъ со всею внимательностію, старается отыскать корень недуга. Это не фельдшеръ, для котораго различія въ болѣзняхъ не существуетъ, равно какъ не существуетъ никакого различія въ субъектахъ, подвергающихся его практикѣ, и который всѣ болѣзни и всѣхъ больныхъ лечитъ безъ дальнихъ размышленій однимъ знакомымъ ему средствомъ, кровопусканіемъ. Напротивъ, съ терпѣніемъ и умѣньемъ истиннаго медика г. Ю. Самаринъ ошупываетъ и характеризуетъ всѣ боли разсматриваемаго имъ субъекта. Мы говоримъ съ умѣньемъ; ибо, если мы въ діагнозисѣ его не согласны съ причинами, на іянію которыхъ онъ приписываетъ найденныя имъ боли, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они отвергали присутствіе самыхъ болей. На нашъ взглядъ они описаны имъ вѣрно. Вся бѣда въ томъ, что несомнѣныя истины, добытыя инстинктомъ

или ясновидѣніемъ разумѣнія, онъ поставилъ на плохія ученыя или логическія ходы.

И во первыхъ, что касается до *полонизма*, кто можетъ сомнѣваться въ дѣйствительности его существованія? Есть не только *полонизмъ*, но и *руссизмъ*, и *британизмъ* и т. п., однимъ словомъ, подобныхъ измовъ есть почти столько же, сколько есть и народовъ. У всякаго народа, достигшаго известной степени развитія, кромѣ національности обыкновенной, *schlechteste*, общей каждому изъ народовъ, условливаемой самымъ происхожденіемъ его, образомъ жизни, особенностію разнаго рода ея условій, становится примѣтною исторически сложившаяся и выработавшаяся національность высшая, сознательная, цвѣтъ его самосознательнаго представленія о себѣ самомъ въ сопоставленіи съ другими народами съ соприсущимъ всегда этому представленію идеаломъ политическихъ и другихъ стремленій, вѣрованій, надеждъ, даже если угоднo его мечтаній. Эта-то высшая національность и есть тотъ измъ, безъ котораго не можетъ быть ни одинъ достигшій известнаго развитія народъ, который составляетъ начало всѣхъ высокихъ патріотическихъ подвиговъ, будутъ ли то политическіе, общественные, гражданскіе и т. д., и движущую причину всего дѣйствительно великаго въ народѣ. Само собою разумѣется, что чѣмъ выше, развитѣе становится народъ, тѣмъ глубже, внутреннѣе становится его самопониманіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ становится выше и чище пониманіе своей національности, а сообразно этому и дѣйствительная, низшая національность видоизмѣняется. Мы русскіе XIX столѣтія, конечно, не менѣе русскіе, чѣмъ были и русскіе при Иванѣ Васильевичѣ III и IV, но не только между пониманіемъ нашимъ національности и ихъ пониманіемъ мало сходства, мало сходства даже между дѣйствительною національнію нашею и ихъ. Основныя стихіи народа остались тѣ же, но наше внутреннее отношеніе къ нимъ съ нашимъ развитіемъ сильно измѣнилось. Изъ этого видно, что національность, хотя и составляется изъ известныхъ стихій, но не есть, однакожъ, эти самыя стихіи, а нѣчто особое, самостоятельное отъ нихъ, властвующее надъ ними, могущее не только видоизмѣнять, но даже измѣнять ихъ. Русскіе были русскими и въ то время, когда они были язычниками. Раскольники русскіе остаются не менѣе людьми русскими, какъ и всѣ другіе. Такимъ образомъ мы думаемъ, что не латинство создало *полонизмъ*, но *полонизмъ* воспринялъ въ себя и питаетъ въ себѣ латинство, какъ могучее средство для своихъ національныхъ идеаловъ.

Но есть не только *полонизмъ*, *британизмъ* и т. п. есть даже *славянизмъ*, въ противоположность также несомнѣнно существующему *романизму*, *германизму* и вообще *европеизму*. И можетъ ли быть ина-

че, когда славянскій міръ сложился, выросъ и воспитался совершенно отдѣльно отъ міра европейскаго, когда его исторія, жизнь, міросозерцанія вырабатывались совершенно подъ другими условіями и не имѣютъ ничего общаго съ исторіей, жизнью, міросозерцаніемъ Европы? Понятно, что когда какой нибудь славянскій народъ вступаетъ въ семью европейскихъ народовъ, Европа смотритъ на него, какъ на пришлеца, какъ на паразита, который не участвовалъ съ нею въ тѣхъ трудахъ и страданіяхъ, которыя перенесла она для пріобрѣтенія благъ своей цивилизаціи, но который приходитъ пользоваться ими. Не отказывая ему въ этомъ, она однакожь, естественно, стремится уничтожить въ немъ враждебность, чуждость себѣ, сдѣлать его полезнымъ работникомъ въ своихъ будущихъ трудахъ, а для этого старается, какъ возможно лучше, ассимилировать его себѣ, употребляя все, что возможно, чтобъ истребить въ немъ прежнюю закваску, для этого даже и латинизируетъ его, и германизируетъ и т. п. Когда желаемое уподобленіе совершилось, Европа смотритъ на него, какъ на своего, какъ на безвозвратно вошедшаго въ семью европейскихъ народовъ, и натурально, и защищаетъ его какъ своего, въ случаѣ нападеній его прежнихъ родичей. Для Европы здѣсь не то важно, латинства ли онъ держится, лютеранства ли, православія ли, но то, что онъ вошелъ въ европейскій міръ, сдѣлался членомъ его семьи навсегда, — потому она вся, во всемъ своемъ составѣ — безъ различія разныхъ своихъ исповѣданій и сектъ, и защищаетъ его.

Тѣмъ не менѣе однакожь, всякій славянскій народъ, вошедшій въ семью европейскихъ народовъ, въ сравненіи съ другими коренными народами этой семьи, будетъ всегда только пріемышемъ, а не роднымъ сыномъ. Иначе не можетъ смотрѣть на него Европа и г. Ю. Самаринъ весьма справедливо говоритъ, что удѣлъ его быть если не всегда, то на весьма долгія времена, въ хвостѣ латинства, то есть всей семьи западныхъ народовъ.

Здѣсь-то, при этомъ представленіи, и становится славянскому чувству обидно,

Рождается первый вопросъ: чѣмъ мы виноваты, что, какъ народъ, родились послѣ европейцевъ?

Рождается второй вопросъ: чѣмъ мы хуже ихъ! Менѣе ли насъ числомъ? Ниже ли стоитъ наша духовная природа? Меньше ли ихъ мы имѣемъ даровъ умственныхъ?

Рождается третій вопросъ: развѣ для того, чтобы быть народомъ образованнымъ, надобно непременно ассимилироваться Европѣ, надобно непременно карикатурно перенимать все, что есть въ ней, переживать, хоть бы даже подражательно только, тѣ трудные процессы развитія, которые она переживала по требованію самой силы вещей, по

горькой нужды? Развѣ міръ славянскій не можетъ усвоить себѣ всего лучшаго, что выработала Европа, и идти себѣ потомъ не то, что совершеннымъ особнячкомъ, но особеннымъ самостоятельно развивающимся образованнымъ міромъ, не чуждающимся другаго образованнаго міра, но и не каррикуриющимъ его въ своей жизни и въ своихъ дѣйствіяхъ слѣною подражательностію?

Блага цивилизаціи, добытыя Европою, достались ей не даромъ. Упорною, вѣковою, ожесточенною борьбою побѣдителей съ побѣжденными, управляющихъ съ управляемыми, однихъ классовъ общества съ другими, корпорацій, партій, она приобрѣла себѣ всѣ общественныя и личныя гарантіи. Подъ видимою ея безмятежностію и спокойствіемъ таится взаимное недоверіе, зависть, ненависть, злоба, цѣлый вулканъ уничтожающихъ страстей, ярость которыхъ сдѣлана однакожь совершенно безвредною закономъ, учрежденіями, договорами, вообще всѣмъ, что можетъ гарантировать безопасность общества и личность отъ ихъ дѣйствія. Ясно, что Европа купила свой прочный и блестящій политическій и общественный бытъ цѣною очень дорогою. И внутри этотъ бытъ не такъ привлекателенъ, какъ могло бы казаться по виду. Въ основаніи его лежитъ не братская любовь, а начало какого-то насильственного соединенія и успокоенія.

Хотя г. Чичеринъ и утверждаетъ, что мы должны образовать и дворянство такое же, какое было въ Европѣ, и среднее сословіе такое же, какое было тамъ, и пройти ту же борьбу, какая была тамъ, чтобы достигнуть тѣхъ же результатовъ, какіе добыты Европой, но счастье, обѣщаемое такой перспективой бѣдъ, ни для кого не представляется лестнымъ. Конечно, желательно и пріятно было бы видѣть, чтобы люди другъ друга не обижали, чтобы они относились другъ къ другу правильно, почеловѣчески, какъ прилично человѣкамъ, но пріятно, чтобы такія отношенія они соблюдали по доброй волѣ, по человѣческому чувству, а не какъ машины по инструкціямъ, по заведенному порядку и т. п. Покупать хорошій политическій и общественный бытъ цѣною нравственнаго упадка, внутренней деморализаціи значитъ платить за него очень дорого.

Что же дѣлать?

Скептики, мало довѣряющіе добротѣ растлѣнной человѣческой природы, а слѣдовательно и добротѣ славянскаго міра, хотя и увѣренныя въ несомнѣнномъ натурально-нравственномъ превосходствѣ его въ настоящее время передъ Европою, говорятъ, что нѣтъ нужды проходить тѣхъ изнурительныхъ и тяжелыхъ процессовъ, какіе проходила Европа, вырабатывая разныя общественныя и личныя гарантіи. Нужно принять только эти самыя гарантіи. Отъ нихъ нравственная красота славянскаго міра нисколько не потерпитъ. Они существо-

нать будутъ только на всякій случай, т. е. на тотъ случай, если бы и между славянами нашлись испорченные по нравственности люди, которые захотѣли бы нарушить любовныя, нравственно-человѣческія отношенія съ другими. Для такихъ означенныя гарантіи были бы не только не лишніи, но и очень полезны.

На такой точкѣ зрѣнія стоятъ всѣ люди, смотрящіе на форму, легальность, какъ на необходимую ограду расплывающагося и неустойчиваго нравственнаго элемента, въ томъ числѣ и извѣстный нашъ публицистъ и законникъ г. Кавелинъ. Въ прекрасной статьѣ своей, помѣщенной недавно въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» подъ заглавіемъ: *Что желательно для Россіи?* онъ доказываетъ, что для насъ русскихъ именно потому, что, по нравственному нашему чувству, мы люди очень хорошіе, нужны законы болѣе, чѣмъ гдѣ нибудь строгіе.

«Мы, русскіе — говоритъ онъ — добрѣйшіе люди въ мірѣ; сердце наше исполнено милосердія, состраданія, великодушія и незлобія; мы охотно прощаемъ обиды и помогаемъ ближнимъ; изъ сердечной доброты мы легко отказываемся отъ всѣхъ правъ и даже отъ своихъ выгодъ. Но чувство законности и справедливости, къ сожалѣнію, развито въ насъ чрезвычайно слабо... точно будто законность и справедливость не про насъ писаны и послѣ насъ родились на свѣтъ Божій.» А между тѣмъ, продолжаетъ онъ, «законность и юридическая справедливость — первыя основы для тѣхъ дальнѣйшихъ, все выше и выше выходящихъ ступеней общественности и сожительства, на которыхъ внутреннее нравственное сознаніе правды — милосердіе, состраданіе и любовь къ ближнему, — дополняютъ недостаточность, односторонность и ограниченность внѣшняго юридическаго закона. Не всѣ люди поднимаются на эту нравственную высоту и изъ поднимающихся, далеко не всѣ достигаютъ высокихъ ступеней; поэтому-то и необходимо для общества общая, всѣмъ доступная и для всѣхъ обязательная внѣшняя форма сожительства, которая бы требовала отъ людей немногаго, но строго бы настаивала на точномъ соблюденіи и выполненіи этого немногаго; это немногое для всѣхъ обязательное и есть законность и юридическая справедливость. Безъ нея милосердіе, состраданіе, любовь къ ближнему, самоотверженіе, великодушіе и всѣ подобныя добродѣтели легко могутъ быть только маской, прикрывающей властолюбіе, гордость, тщеславіе, суетность, даже отсутствіе выдержки, бездѣятельность, апатію, словомъ все то, что убаюкиваетъ и обманываетъ насъ лживыми призраками высокаго нравственнаго совершенства. Только тамъ, гдѣ законность и юридическая справедливость составляетъ общее условіе, общее основаніе, общую всѣмъ и во всемъ предполагаемую подкладку вѣчныхъ отношеній людей, только тамъ, нравственное совершенство, на различныхъ своихъ ступеняхъ, допол-

нлетъ недостаточность юридической формы правды, поднимается надъ нею не для того, чтобы ее разрушить, а для того, чтобы ближе возвести ее къ идеалу правды, который лежитъ въ душѣ каждого. Когда я юридически обязанъ заплатить кому либо долгъ или возвратить принадлежащее ему имущество, но плохой законъ или плохое судопроизводство даютъ мнѣ возможность не дѣлать этого, — развѣ можно назвать милосерднымъ или нравственно-отличнымъ поступкомъ, если я, не смотря на это, отдамъ долгъ или возвращу имущество? А называютъ! Простое выполненіе юридической внѣшней обязанности возводится незаслуженно на степень нравственного дѣйствія. Нѣтъ, если я, не будучи юридически обязанъ, изъ одного состраданія прощу или разсрочу долгъ или иначе какъ помогу ближнему, вотъ тогда я дѣйствительно стану выше юридической правды, и такой поступокъ, какъ добровольный, не обусловленный юридическими обязанностями, въправду будетъ нравственнымъ поступкомъ, оставляющимъ за собою внѣшнюю юридическую правду и отодвигающимъ ее на второй планъ во имя высшаго нравственного начала. Мы убѣждены, что въ такой расплывающейся средѣ, какова наша, при нашей симпатической, доброй, мягкой натурѣ, потребность въ точномъ, ясномъ и даже строгомъ не по карамъ, а по исполненію юридическомъ законѣ гораздо больше, сильнѣе, чѣмъ гдѣ нибудь. У народовъ съ рѣзко очерченными бытовыми формами, съ ярко-угловато отчеканенными индивидуальностями нужно сглаживать эти рѣзкости, смягчать строгость юридическихъ формъ. У насъ, наоборотъ, они должны быть, гораздо строже, точнѣе, вышуклѣе».

Совсѣмъ на другой точкѣ зрѣнія стоятъ лица, твердо вѣрующія въ неизмѣнную доброту и любовь славянскаго міра. Для чего намъ, — говорятъ они, — формы и разныя общественныя и личныя гарантіи, придуманныя Европою? Мы не имѣли другъ къ другу никогда того недовѣрія, ненависти, зависти, злобы, какія испытали европейскія общества; мы всегда жили въ мирѣ, любви, единенія. Для чего гарантирующія формы тамъ, гдѣ сильно нравственное начало? Пусть всѣ славянскіе народы, каждый въ своемъ государствѣ, не увлекаясь блестящимъ внѣшнимъ строемъ Европы, въ нераздѣльномъ союзѣ, любви и согласіи всѣхъ сословій государства, всѣхъ корпорацій, управляющихъ и управляемыхъ, безъ всякаго недовѣрія другъ къ другу, безъ всякихъ гарантій и договоровъ идутъ мирно по пути прогресса и въ новой цивилизаціи, разработанной славянскимъ міромъ, покажутъ и Европѣ и остальному міру, что значитъ истинное человеческое образованіе!

Мы лично стоимъ на сторонѣ славянофиловъ. Величественнѣе того идеала, который они начертываютъ для славянскаго міра, невоз-

можно и представить для человѣческихъ обществъ. Что можетъ быть выше, когда безчисленные милліоны духовъ, облеченныхъ плотію, раздѣлившись на болѣе или менѣе значительныя группы, именуемыя государствами, будутъ жить во взаимномъ другъ къ другу довѣріи, любви и согласіи, не нуждаясь ни въ какихъ внѣшнихъ гарантіяхъ для благой дѣятельности, единственно по внутреннему чувству и долгу, чисто и честно служа одной великой цѣли взаимному духовному и матеріальному преуспѣянію! Такой міръ людей былъ бы небомъ на землѣ.

Къ несчастію, суровая дѣйствительность безжалостно подсмѣивается надъ всѣми подобными утопіями. Когда славянофилы, не волясь никакой заднею мыслію, изъ чистаго желанія добра всему человѣчеству, въ особенности же славянскому, любовно толкуютъ о братскомъ чисто нравственномъ единеніи всего славянскаго міра, съ пренебреженіемъ относясь къ тѣмъ внѣшнимъ гарантіямъ, — въ это самое время является славянинъ, который дѣлаетъ о нихъ такой приговоръ:

«Нѣтъ у насъ иного, болѣе непримиримаго врага, какъ славянофильская партія съ газетой «День», скажемъ мы въ свою очередь! Въ то время, когда нѣкоторые видятъ въ ней доброе, благочестивое патріотическое изданіе, мы видимъ въ этой газетѣ не свѣтъ и жизнь, а холодъ и мракъ ночи. Всего ужаснѣе для насъ то, что будучи самою радикальною изъ всѣхъ существующихъ газетъ и журналовъ, «День» драпировается въ мантию православія, древняго монархизма и народности. Скажи онъ откровенно, что онъ стоитъ за Сенъ-Симона и Фурье, намъ было бы легче и спокойнѣе. Онъ не былъ бы такъ опасенъ для простодушныхъ и легковѣрныхъ. Красное знамя напугало бы всѣхъ его нынѣшнихъ поклонниковъ. Но все горе, вся бѣда, все несчастіе—и коренится именно въ томъ, что онъ выставляетъ себя охранителемъ православія, монархіи и народности. Мы же положительно убѣдились, что между славянофильствомъ и ученіемъ сенъ-симонистовъ нѣтъ существенной разницы... «День» какъ бы не признаетъ права собственности... Известно, съ какою энергіею «Московскія Вѣдомости» преслѣдуютъ украинофильство, какъ направленіе, враждебное Россіи. Не пора ли раскрыть глаза и перестать обманывать себя невинностью и простодушіемъ славянофиловъ. Не пора ли, наконецъ, признать въ нихъ направленіе, способное при дальнѣйшемъ развитіи, подорвать всѣ основы, на которыхъ зиждется общественный порядокъ просвѣщенныхъ государствъ?»

Мы однакожь уклонились слишкомъ далеко отъ нашего предмета. Мы заговорили о газетахъ единственно съ тою цѣлію, чтобы сказать вамъ, читатель, что въ настоящее время, занятая исключительно вопросомъ польскимъ, она не доставляетъ намъ, внутреннимъ

обозрѣвателямъ, никакихъ матеріаловъ и никакихъ интересныхъ сюжетовъ для размышленія. При такой скудости газетной производительности, я хочу вамъ предложить, читатель, вмѣсто внутренняго обозрѣвія, мое путешествіе по Россіи. Ибо что такое путешествіе, если не обозрѣніе на мѣстѣ тѣхъ самыхъ вещей, происшествій, дѣйствій, о которыхъ пишется ко всеобщему свѣдѣнію въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ и другихъ газетахъ?—Можно сказать, что внутреннее обозрѣвіе, составленное по личному осмотру, есть еще болѣе внутреннее, чѣмъ составленное по газетнымъ даннымъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

— Такъ вы не были въ Европѣ? Вы путешествовали только по Россіи? спрашиваетъ меня читатель.

— Да, отвѣчаю я твердо, не только не приходя отъ этого лукаваго вопроса въ конфузъ, напротивъ, ощущая гордость самодовольствія, какъ прилично всякому благонамѣренному патріоту.—Да, я не былъ въ Европѣ. И ктожь нынѣ ѣздитъ въ Европу, кромѣ прикащиковъ, чиновниковъ, мастеровыхъ, аптекарей, больныхъ и tutti quanti человѣческой смолочи, со включеніемъ сюда и людей неблагонамѣренныхъ, рыщущихъ по Европѣ для собиранія разныхъ политическихъ плевелъ для того, чтобы потомъ разсѣвать ихъ или здѣсь же, или въ своемъ отечествѣ. Истинному туристу, туристу по призванію, въ Европѣ дѣлать нечего. Ни на Рейнѣ, ни въ Тиролѣ, ни за Пиренеями, ни на Альпахъ, ни за Альпами, ни за Кале, однимъ словомъ, нигдѣ онъ не найдетъ ни одного уголка, который бы не былъ обшаренъ, изслѣдованъ, разсмотрѣнъ чуть не въ микроскопъ и описанъ во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ путешественниками разныхъ странъ и народовъ. Едва ли есть даже изъ живыхъ личностей въ Европѣ хоть одна, которая не попала бы въ описаніе какого нибудь путешествія, если только она мало мальски чѣмъ нибудь замѣчательна. Въ настоящее время, даже профессоръ Дёдерлейнъ, авторъ латинской синонимики, даже докторъ Дитчъ, вѣроятно, къ несказанному своему изумленію, попали въ знаменитости и сдѣлались судьями въ дѣлѣ образованія народа, исторія и жизнь котораго столько же знакомы имъ, сколько знакомы исторія и жизнь обитателей луны. Послѣ этого что новаго могъ бы открыть въ Европѣ даже Діогенъ со своимъ фонаремъ? — Кромѣ того, процессъ путешествія по Европѣ давно уже потерялъ не только прелесть, но и всякую занимательность для истиннаго туриста. Помимо жажды знанія, помимо простаго любопытства, и даже, мы скажемъ, гораздо болѣе сихъ послѣднихъ, всякаго истиннаго туриста влечетъ къ путешествію жажда приключе-

ній, жажда сильныхъ впечатлѣній, жажда встрѣчи, вообще всего выходящаго изъ узкаго и пошлаго круговорота обыкновенной жизни, однимъ словомъ, жажда необычайнаго. — Что за удовольствіе въ путешествіи, когда во время путешествія вы чувствуете себя точно такъ же, какъ у себя дома въ халатѣ, и даже еще иногда спокойнѣе и комфортабельнѣе, чѣмъ у себя дома? — Такую по истинѣ безотрадную и горькую для всякаго истиннаго туриста перспективу представляютъ собою всѣ путешествія по Европѣ. У васъ никогда не переломится въ экипажѣ ось, не соскочитъ колесо, вы нигдѣ не засыдете въ грязь, на васъ не нападутъ ни воры, ни разбойники, васъ не только нигдѣ не побьютъ, даже не обругаютъ, однимъ словомъ, нигдѣ никакого даже скандала нѣтъ. На перечетъ впередъ вамъ извѣстны всѣ способы передвиженія по всей Европѣ, пространство и время передвиженія, цѣны всѣхъ дорогъ, всѣ гостиницы, цѣны, въ нихъ существующія, ихъ удобства и неудобства. Даже клоповъ и блохъ нигдѣ непредвидѣнно не встрѣтите. Тѣмъ болѣе вы не встрѣтите грязи въ гостиницахъ, грубой и неповоротливой прислуги, таракановъ въ кушаньяхъ, кушаньевъ изъ протухлой рыбы и говядины, и между тѣмъ весьма цѣнныхъ и т. д. Обо всемъ этомъ нѣмецкіе филистеры, любящіе покой, вспоминаютъ съ ужасомъ, какъ о чемъ-то давно прошломъ, очень историческомъ, бывшемъ у нихъ назадъ тому двѣсти лѣтъ. Спрашивается, гдѣ же занимательность и героизмъ путешествія по Европѣ?

На нашъ взглядъ англичане, народъ, безспорно, самый развитой въ мірѣ, справедливо смотрятъ на путешествіе по Европѣ съ презрѣніемъ, и ѣздятъ сюда только для того, чтобы дурачиться. «Изъ народовъ Европы, — такъ описываетъ одинъ пѣвецъ способъ путешествія англичанъ, относясь къ нимъ со всеѣмъ озлобленіемъ за пренебреженіе къ Европѣ, — болѣе всѣхъ любятъ путешествовать англичане. Путешествовать у нихъ въ тонѣ. Кто не видалъ по крайней мѣрѣ Германіи, Франціи и Италіи, тотъ не можетъ показаться въ фешенбельномъ обществѣ. Каждый молодой лордъ или сквайръ долженъ непременно путешествовать, и онъ исполняетъ этотъ долгъ со всею флегмою, свойственною его націи. Nil admirari (ничему не удивляться) Горация въѣлось, кажется, въ его плоть и кровь. Ежедневно отсчитываетъ онъ слѣдующее количество денегъ за число миль, которыя онъ проѣхалъ; что встрѣчается на пути, на то онъ не обращаетъ никакого вниманія. Съ самодовольствіемъ залѣзаетъ онъ въ закрытую со всѣхъ сторонъ карету и спитъ. Проснется, откроетъ окно, взглянетъ на небо и, сказавъ сквозь зубы: «ахъ какъ прекрасно», снова захлопнетъ окно, или если дорога проходитъ по мѣстности однообразной, не отличающейся красотами природы, захлопнетъ просто, не сказавъ ни слова. Въ гостиницѣ ворчитъ на невѣжество хозяина и еще болѣе

на невѣжество прислуги, обѣдаетъ за табль-д-отомъ, но не говоритъ ни съ кѣмъ ни слова, и ранѣе всѣхъ отирается въ путь, чтобы отмахать поскорѣе положенное число миль. Когда пріѣзжаетъ въ такой городъ, въ которомъ *guide des voyageurs* рекомендуетъ путешественнику обратить вниманіе на разныя достопримѣчательности, то онъ беретъ чичероне, осматриваетъ бѣгло всѣ достопримѣчательности, безъ разбора, останавливаясь передъ сикстинской мадонной ничуть не долѣе, чѣмъ передъ начканіемъ какого нибудь вывѣсочнаго малара. Многіе изъ англичанъ путешествуютъ съ своими семействами для того, чтобы поправить свои разстроенные финансы, такъ какъ на твердой землѣ на третью часть тѣхъ денегъ, которыя они издерживаютъ въ Англіи, они могутъ жить гораздо лучше. Къ такимъ уже нѣтъ никакого приступа. Въ своихъ они видятъ ежедневно истинно англійскіе нравы и тѣмъ съ большою, съ звѣрскою гордостію смотрятъ на каждый образъ жизни, имъ чуждый».

Изображеніе путешествующаго по Европѣ британца есть вмѣстѣ съ тѣмъ изображеніе всѣхъ истинныхъ туристовъ, попадающихъ въ Европу. Если послѣдніе не высказываютъ своихъ истинныхъ чувствъ такъ рѣзко, какъ англичане, и не ведутъ себя подобно имъ неприлично, то это зависитъ единственно отъ того природнаго благонравія, въ которомъ рождены и въ которомъ воспитаны другія націи въ сравненіи съ Джонъ-Булемъ. Однимъ словомъ, Европа не можетъ доставить настоящему туристу ни истиннаго интереса, ни истиннаго развлеченія. Его могутъ привлекать къ себѣ только страны отдаленныя, совершенно неизвѣстныя или малоизвѣстныя, каковы, напримѣръ, Китай, Японія, Тибетъ, Персія, Индостанъ и т. п., въ которыхъ остаются неизслѣдованными доселѣ и природа, и бытъ, и жизнь людей, въ которыхъ путешествіе, по своей трудности, имѣетъ для героизма, безъ котораго истинный туристъ не можетъ быть и мыслимъ, все обаяніе прелести. — Исключимъ ли изъ этого числа малоизвѣстныхъ странъ и наше любезное отечество! Конечно, наше отечество идетъ быстрыми шагами по пути преуспѣянія и прогресса, и мы оскорбили бы патріотическое чувство, если бы въ этомъ отношеніи стали ставить его въ какое нибудь сравненіе съ вышеозначенными государствами; тѣмъ не менѣе малоизвѣстность его и малоизслѣдованность не подлежатъ никакому сомнѣнію. Нѣтъ почти отрасли знанія, которая бы не представляла самой богатой жатвы для ума даже посредственнаго, если только онъ съ усердіемъ займется своимъ дѣломъ. Естественныя испытатели всѣхъ родовъ и видовъ, историки, этнографы, археологи, филологи, экономисты, социалисты и т. д. всѣ могутъ найти у насъ самую богатую и самую благодарную работу. Въ другихъ странахъ ученую знаменитость надобно и при большомъ талантѣ приоб-

рѣтатѣ цѣною долголѣтнихъ неуспынныхъ трудовъ, самостоятельныхъ разысканій и изслѣдованій, привнесеніемъ цѣлаго ряда новыхъ открытій или новыхъ идей въ науку. У насъ ученая знаменитость можетъ быть приобрѣтена при совершенномъ отсутствіи всякаго таланта трудами, хотя и утомительными иногда, но болѣе тѣлесными, чѣмъ умственными. Мы знаемъ людей, которые обходили значительное число колоколенъ, списали надписи съ колоколовъ, и за это сдѣлались членами ученыхъ обществъ и получили ученые дипломы. Другіе записали, сколько въ ихъ городѣ будокъ, кабаковъ, казармъ и т. п., и за это также удостоились приобщиться къ сонму русскійскихъ ученыхъ. Третьи запаслись еще въ юныхъ лѣтахъ шкапомъ съ тридцатью-пятью ящиками по числу буквъ русскаго алфавита, всю жизнь ничего болѣе не дѣлали, какъ записывали интересныя въ филологическомъ отношеніи слова на лоскуткахъ бумаги и бросали эти лоскутки въ подлежащіе ящики — и за такой трудъ приобрѣли почетъ не только глубокихъ ученыхъ, но и безсмертную въ Россіи славу. Мы не говоримъ уже о нашихъ ученыхъ съ талантомъ, оказавшихъ несомнѣнныя услуги отечеству, трудами, также впрочемъ болѣе тѣлесными, нежели умственными. Они справедливо заслужили извѣстность не только русскую, но и европейскую. Къ числу такихъ ученыхъ безспорно долженъ быть отнесенъ извѣстный нашъ историкъ и публицистъ М. П. Погодинъ.

Недавно перелистывая извѣстное: *Unsere Zeit* за 1861 годъ, мы встрѣтили въ одной тетради статью, подъ названіемъ: *Michail Petrovitch Pogodin, russischer Historiker*, т. е. Михаилъ Петровичъ Погодинъ, русскій историкъ. Само собою разумѣется, что статья не могла не заинтересовать насъ. Намъ любопытно было взглянуть: какъ завидующая нашему могуществу и процвѣтанію Европа смотритъ на славу и честь нашей родины, на нашихъ лучшихъ ученыхъ. Прочитавъ статью, мы нашли, что она написана со всѣмъ безпристрастіемъ, съ полнымъ отсутствіемъ всякой зависти, до того, что можно подуматъ, что она написана или русскимъ, или со словъ русскаго, глубоко оцѣнивашаго дѣятельность М. П. Погодина. Поэтому мы позволяемъ себѣ сдѣлать краткое извлеченіе изъ этой статьи, съ одной стороны въ вѣщающую славу самого М. П. Погодина, съ другой въ обличеніе тѣхъ, которые смотрятъ съ пренебреженіемъ на путешественниковъ по Россіи.

Пересчитавъ многочисленныя поэтическіе и ученые труды М. П. Погодина, авторъ статьи говоритъ:

«Главною задачею поставилъ себѣ Погодинъ написать исторію Россіи, такую, которая по своему стилю была бы равно понятна и для высшихъ и для низшихъ классовъ, и для образованнаго свѣтска-

го человека, и для разумнаго крестьянина, и которая бы вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяла взгляду современной критики и заключала въ себѣ все открытія и разысканія, сдѣланныя по части русской исторіи со времени Карамзина. Въ этихъ видахъ, чтобы посвятить себя предпринятому труду съ полнымъ спокойствіемъ, Погодинъ отказался отъ кѣседы въ университетѣ, имѣя при томъ намѣреніе изучить различныя фазы своей отечественной исторіи въ ея источникахъ на Балтійской морѣ, колыбели русскаго царства (sic!), въ Кіевѣ, столицѣ русскихъ князей, и въ Сибири, жилищѣ Монголовъ и Татаръ. Тяжелая болѣзнь, послѣдовавшая вслѣдствіе перелома ноги, и смерть его жены (урожденной Вагнеръ) воспрепятствовали исполненію этого плана. Чтобы возстановить свое разстроенное здоровье, онъ отправился на долго за границу. Уже прежде нѣсколько разъ посѣщалъ онъ Германію, Италію, Францію и Англію, въ Берлинѣ слушалъ лекціи Риттера, Бёкка (Böckks), Ранке, Савиньи, въ Копенгагенѣ изучалъ скандинавскія древности подъ руководствомъ финна Магнусена и Раона, и послѣднюю изъ этихъ поѣздокъ описалъ въ своемъ сочиненіи: «Годъ въ чужихъ краяхъ (Москва 1844)»; въ 1846 году онъ моремъ отправился въ Штеттинъ, чтобы оттуда чрезъ Маріенбадъ и Теплицъ проѣхать на Дунай и тамъ на мѣстѣ и въ корнѣ познакомиться съ жизнью южно-славянскихъ народовъ. Въ Пестѣ онъ встрѣтился съ Коляромъ, въ Карловицѣ прожилъ нѣсколько дней у митрополита Раячича, въ Бѣлградѣ познакомился съ главами Сербскаго движенія, Симичемъ, Вучичемъ, Петровиичемъ, Гарашадинымъ и другими. Эти знакомства онъ снова возобновилъ во время вторичнаго путешествія въ 1849 году, когда онъ собралъ точныя свѣдѣнія о состояніи славянъ въ австрійской имперіи послѣ революціоннаго 1848 года. Свѣдѣнія эти обнародованы имъ въ его «политическихъ письмахъ» (!!). Лѣтомъ 1856 года онъ снова былъ въ Эмсѣ, Остенде, Штуттартѣ, Прагѣ и Вѣнѣ, и проплылъ весь Дунай, начиная отъ его истоковъ до устья. Еще болѣе обширныя путешествія совершилъ онъ въ своемъ отечествѣ. Отъ Польской границы до Казани и Симбирска, отъ Вологды и Белоозера до Малоросіи и Одессы включительно едва ли можно найти одинъ пунктъ, который бы онъ не обозрѣлъ, гдѣ бы не обратилъ вниманія на мѣста значительныхъ событій и гдѣ бы не рылся въ монастыряхъ и архивахъ, чтобы отыскать какія нибудь рѣдкія извѣстія рукописныя и другіе памятники изъ древняго времени. Главною цѣлію этихъ поѣздокъ было обогащеніе уже прежде имъ начатаго собранія русскихъ и славянскихъ древностей, для котораго онъ не щадилъ ни трудовъ, ни издержекъ, и которое, умножаясь въ теченіи цѣлой четверти столѣтія, по своимъ размѣрамъ сдѣлалось наконецъ единственнымъ въ своемъ родѣ.

Начало Погодинскаго собранія совпадаетъ со смертію канцлера Румянцева (1826) и съ пріобрѣтеніемъ славянскихъ манускриптовъ и иконъ графа Толстаго правительствомъ. Оба эти магната щедрою платою возбуждали ревность къ изысканію древности; когда одинъ изъ нихъ умеръ, а другой пересталъ заниматься умноженіемъ своихъ коллекцій, торговцы стали обращаться преимущественно къ Погодину, котораго археологическій музей (Древле-хранилище) скоро пріобрѣлъ извѣстность во всей Россіи. Къ увеличенію его способствовали какъ пламенная любовь собирателя къ славянскимъ древностямъ, такъ и дѣятельность его многочисленныхъ корреспондентовъ. Не только всѣ случайно продававшіеся на ярмаркахъ и въ главныхъ городахъ Россіи и Польши древности были пріобрѣтаемы тотчасъ же музеемъ, но онъ былъ обогащенъ нѣсколькими цѣлыми собраніями, какъ-то: библиотеками Лаптева, Большакова, Филатова и Сандунова, мюнц-кабинетомъ Медынцева, бумагами Штелина, Голикова, Калайдовича, адмирала Шишкова и ученаго русина Холаковскаго, также серіею манускриптовъ, собранныхъ академикомъ Строевымъ во время его археологическаго путешествія и древностями, добытыми Спасскимъ изъ гуннскихъ Сибирскихъ могилъ. Даже раскольники не боялись нести свои старопечатныя книги и рукописи Погодину. Такимъ образомъ мало по малу образовалось собраніе, какое едва ли когда нибудь бывало въ рукахъ частнаго лица, которое по исторической важности содержащихся въ немъ памятниковъ имѣло еще большее значеніе, чѣмъ по ихъ богатству и разнообразію. Оно заключало въ себѣ 1,000 рукописей, въ числѣ которыхъ 78 были писаны на пергаментѣ, почти 1,300 книгъ, изъ которыхъ 600 были на древнеславянскомъ языкѣ, около 5,000 подлинныхъ документовъ и юридическихъ актовъ, значительное число автографовъ членовъ царскаго дома, множество бумагъ и писемъ русскихъ государственныхъ мужей, ученыхъ, писателей, 200 иконописныхъ и 600 литыхъ иконъ, почти 2,000 монетъ и медалей, оружіе и украшенія изъ кургановъ и финскихъ могилъ, рѣдкую и замѣчательную утварь, портреты, гравюры и полиטיפажы. Изъ манускриптовъ нѣкоторые относились къ 10, 11 и 12 столѣтіямъ; въ числѣ печатныхъ книгъ были не только древнѣйшія произведенія русскихъ, польскихъ и сербскихъ типографій, но и драгоценное собраніе венеціанскихъ изданій, которыя были пріобрѣтены частію лично самимъ Погодинымъ во время его путешествій по Европѣ, частію чрезъ посредство Шафарика, Ганки и Вука Стефановича. Вообще музей заключалъ себѣ болѣе 200 *униковъ*, т. е. изданій, существующихъ въ одномъ только экземплярѣ, и тысячи рѣдчайшихъ предметовъ. Собрать еще разъ подобную коллекцію было бы рѣшигельно невозможно, а между тѣмъ всѣмъ этимъ сокровищамъ, хранившимся въ частномъ

деревянномъ домѣ, достаточно не защищенномъ отъ разныхъ случайностей, угрожала постоянная опасность. А кромѣ того могло случиться и то, что обыкновенно случается, что по смерти владѣльца сокровища эти разсѣялись бы и растерялись. Имѣя это въ виду, Погодинъ рѣшился предложить ихъ русскому правительству, которое въ 1852 году купило ихъ за 150,000 рублей серебромъ и помѣстило частью въ императорской публичной библиотекѣ въ Петербургѣ, частью въ Петербургѣ въ Эрмитажѣ и въ оружейной палатѣ въ Москвѣ. Прежній владѣлецъ выговорилъ себѣ при продажѣ право пользоваться тѣми книгами и рукописями, которыя понадобятся бы ему при его ученыхъ занятіяхъ. Кромѣ того, онъ назначилъ 5,000 рублей на изданіе каталога, для котораго онъ уже самъ привелъ въ порядокъ матеріалъ».

Читатель видитъ, какое неоцѣненное приобрѣтеніе для науки можетъ сдѣлать въ нашемъ отечествѣ ученый настойчивый путешественникъ, не опускающій изъ вида разъ навсегда предпринятой имъ цѣли. Мы глубоко сожалѣемъ о томъ, что несчастіе воспрепятствовало г. Погодину привести въ исполненіе задушевное его желаніе написать русскую исторію, понятную и для высшихъ классовъ, и для низшихъ, и для свѣтскаго человѣка, и для разумнаго крестьянина. Но имѣя въ рукахъ такіе богатые результаты его *путешественной* дѣятельности, каковыя представляетъ собою его безпримѣрное собраніе древностей, проданное имъ для общаго пользованія, не можемъ не утѣшаться тѣмъ, что несчастный случай возбудилъ въ немъ счастливую мысль посвятить себя исключительно путешествіямъ, и такимъ образомъ помочь развиваться въ немъ той плодотворной дѣятельности, которая имя его сдѣлаетъ безсмертнымъ даже въ отдаленномъ потомствѣ.

Кромѣ занятій для дѣятельности специально ученой, путешествіе по Россіи можетъ дать богатый матеріалъ для наблюдений и любознательности всякаго рода. Россія для насъ terra incognita, непочатая почва знанія во всѣхъ родахъ ея жизни и дѣятельности. Мы не знаемъ ни умственного, ни нравственного, ни соціальнаго склада нашего народа, ни его міросозерцанія, ни его силъ и способностей, ни даже его матеріальнаго положенія. Для насъ онъ знакомъ едва ли болѣе, чѣмъ знакома была Скиѳія для древнихъ народовъ. Отъ того для свѣжаго человѣка странно и смѣшно читать тѣ, ни мало другъ на друга не похожія, а иногда даже діаметрально противоположныя изображенія русскаго народа, какія встрѣчаются каждодневно въ нашей литературѣ. Одинъ говоритъ, что нѣтъ умнѣе русскаго народа въ мірѣ, другой говоритъ, что не найди глупѣе его; одинъ говоритъ, что нѣтъ добрѣе и любезнѣе русскаго народа, другой говоритъ, что нѣтъ

его зѣрообразіе; одинъ говоритъ, что русскій народъ безъ крѣпостной зависимости, по крайней мѣрѣ, безъ сторонней опеки, не можетъ вести никакихъ дѣлъ, другой говоритъ, что нѣтъ народа способнаго его къ самоуправленію, что онъ создалъ самъ собою такую систему внутренняго самоуправленія, какой нѣтъ въ цѣломъ мірѣ; одни говорятъ, что лучшіе соки и будущую надежду Россіи составляютъ ея верхніе образованные слои, что для счастья Россіи нужно низшіе слои ея возвысить до этихъ верхнихъ слоевъ; — Боже сохрани отъ этого, говорятъ другіе, — наверху нѣтъ ничего, кромѣ пустоты, что соки и жизнь Россіи находятся въ нижнихъ слояхъ, что надобно образованные слои понизить до возрѣній и вѣрованій народныхъ.

Такая сумятица понятій и разнорѣчія начинается всегда, какъ скоро дѣло касается какого нибудь предмета изъ жизни народной. Сколько нужно наблюдений и изслѣдованій самыхъ тщательныхъ, чтобы ближе познакомиться съ народнымъ бытомъ и житіемъ и придти къ какимъ нибудь общимъ, болѣе твердымъ выводамъ о немъ!

Надѣмся, мы достаточно показали пользу путешествія по Россіи въ интересѣ знанія. Еще легче указать привлекательныя стороны самаго процесса путешествія по Россіи. Намъ кажется, что въ этомъ отношеніи нѣтъ страны въ мірѣ, болѣе интересной для истиннаго туриста. Европа, какъ мы видѣли уже, дѣлаетъ путешествіе слишкомъ спокойнымъ, не даетъ путешественнику никакого возбужденія, не удовлетворяетъ его жаждѣ приключеній ничѣмъ выходящимъ изъ ряду обыкновеннаго. Азія напротивъ представляетъ уже слишкомъ много возбужденій; она дѣлаетъ путешествіе непереносимымъ, невозможнымъ для слабыхъ силъ человѣческихъ; тутъ вы рискуете на каждомъ шагу быть ограбленнымъ, убитымъ, умереть голодною смертію, идти нѣшкомъ десятки верстъ, или ѣхать на верблюдахъ, не помышляя объ экипажѣ, не имѣть другаго пристанища для успокоенія, кромѣ даруемаго природою, и проч. и проч. Россія занимаетъ въ этомъ случаѣ среднее мѣсто между Европой и Азіей. Она даетъ путешественнику возбужденій именно столько, сколько онъ перенести можетъ. Путешественникъ не будетъ въ ней убитъ и ограбленъ, какъ въ Азіи; онъ не останется и безъ всякихъ совершенно удобствъ, какъ тамъ: онъ найдетъ и экипажи, и лошадей, и мѣсто для питанія, и мѣсто для отдохновенія и ночлега. Но все эти удобства мудрою судьбою какъ будто были предусмотрѣны впередъ и строго соображены съ потребностію возбужденія, необходимаго для истиннаго путешественника; отъ того и даются они въ такомъ размѣрѣ,

Чтобъ человекъ не баловался.

И кто отправляется въ путешествіе по Россіи, тотъ непременно долженъ имѣть героическое настроеніе духа.

Не всякій конечно путешественникъ, отправляясь въ путь, долженъ думать, что его могутъ иногда побить; съ людьми благородными, т. е. имѣющими чины, и людьми образованными, т. е. порядочно одѣтыми, этого никогда не случается, развѣ тамъ по какому нибудь уже особенному исключенію. Но человѣкъ неблагородный, необразованный, отправляясь въ путь, никакъ не долженъ быть совершенно чуждъ этой мысли. Очень можетъ случиться, что ни за что, ни про что, безъ всякой съ своей стороны вины, онъ получитъ и удѣ и тычка, а то и затрещину, и при томъ отъ лицъ, отъ которыхъ вовсе этого не ожидаетъ. Примѣры этому иногда бываютъ. Опять и здѣсь однакъ мы должны сдѣлать необходимое ограниченіе. Не всякій и изъ неблагородныхъ и необразованныхъ, и даже, скажемъ больше, далеко не большая часть ихъ бываютъ биты въ пути. Мы, можетъ быть, очень близко приблизимся къ истинѣ, если скажемъ, что число битыхъ относится въ этомъ случаѣ къ небитымъ, какъ въ лотерей число выигравшихъ къ невыигравшимъ. Чтожъ! сравнительно очень немного. Прежде было не въ примѣръ хуже.

Всякій человѣкъ, и благородный и образованный, и не благородный и не образованный, отправляясь въ дальній путь, долженъ сильно держаться той мысли, что его непременно гдѣ нибудь или обругаютъ или надѣлаютъ ему дерзостей и непріятностей, равносильныхъ или даже худшихъ брани, и притомъ надѣлаютъ все это иногда люди, отъ которыхъ онъ ничего подобнаго не ожидалъ. Здѣсь однакъ мы опять должны сдѣлать необходимое исключеніе. Во первыхъ, лица очень благородныя, т. е. имѣющія значительныя чины, и лица очень образованныя, т. е. уже очень хорошо или, лучше сказать, богато одѣтыя, или еще лучше сказать, очень богатые, подобныхъ непріятностей никогда не встрѣчаютъ. Во вторыхъ, и изъ остальныхъ лицъ благородныхъ и образованныхъ, и не благородныхъ и не образованныхъ, не рѣдко встрѣчаются экземпляры, которые, держа путь очень долгій, по счастію ускользаютъ отъ подобныхъ непріятностей. Мы говоримъ по счастію; ибо здѣсь мы видимъ также подобіе лоттерей, какъ и въ битѣ, — только отношеніе другое. Думаемъ, что мы опредѣлимъ это отношеніе очень близко къ истинѣ, когда скажемъ, что число получающихъ непріятности относится къ получающимъ, какъ число проигравшихъ въ лоттерей къ выигравшимъ. Просимъ однакожъ читателя твердо помнить, что мы говоримъ о людяхъ отправляющихся въ дальнія путешествія. Кто ѣдетъ въ путь короткій, тотъ можетъ совершить свой путь и совершенно благополучно.

Всякій путешественникъ и благородный и образованный, какъ бы онъ благороденъ и образованъ ни былъ, — въ данномъ случаѣ это все равно, а тѣмъ болѣе не благородный и не образованный можетъ быть твердо увѣренъ, что нигдѣ не найдетъ онъ чистой гостиницы. Грязь и нечистота — необходимая принадлежность русскихъ гостиницъ. Вы ее усмотрите вездѣ, во всѣхъ гостиницахъ, самыхъ дорогихъ, пользующихся громкимъ мѣстнымъ репутее и берущихъ страшныя цѣны сравнительно съ гостиницами демократическими. Какъ ни тщательно эти гостиницы, по видимому, *comme il faut*, стараются быть порядочными относительно чистоты, но грязь и нечистота непременно гдѣ нибудь прорвется, или въ грязныхъ драпри, или въ грязномъ постельномъ и столовомъ бѣльѣ, или въ грязной мебели, или въ грязномъ платьѣ прислуги, или въ грязныхъ ватеръ-клозетахъ, однимъ словомъ, гдѣ нибудь грязь непременно обнаружится; точно также клопы, блохи, тараканы составляютъ необходимую принадлежность всѣхъ гостиницъ. Присутствіе ихъ мы не относимъ вообще къ грязи гостиницъ, и упоминаемъ объ нихъ отдѣльно, во первыхъ, потому, что это — живыя, бѣгающія, ползающія и прыгающія созданія, нѣкоторымъ образомъ звѣрки, а не грязь, движенія самопроизвольнаго не имѣющая, а во вторыхъ, потому что если о грязи не двигающейся еще можно сказать, что она въ нѣкоторыхъ гостиницахъ владычествуетъ весьма умѣренно, по крайней мѣрѣ для наружнаго обзора весьма непримѣтно, то можно положительно сказать, что едва ли есть гостиница, гдѣ бы не было блохъ, клоповъ, таракановъ. Но дѣлая такое общее положеніе, мы опять таки должны сдѣлать необходимое ограниченіе. Не во всякое время всѣ эти животныя бываютъ въ гостиницахъ въ одинаковой пропорціи. Въ одно время бываетъ больше блохъ, въ другое клоповъ; число таракановъ, смотря по времени года, также бываетъ больше или меньше. Очень можетъ случиться, что иной неопытный путешественникъ, не встрѣтивъ въ извѣстное время года котораго нибудь изъ сихъ трехъ родовъ животныхъ въ какой нибудь гостиницѣ, по причинѣ его малочисленности въ это время года, можетъ поспѣшно заключить отсюда къ ихъ совершенному небытію въ ней и обвинить насъ въ клеветѣ, а чего добраго, даже и въ недостаткѣ патріотизма. Пусть удержится отъ такого поспѣшнаго заключенія.

Всякій путешественникъ и благородный и образованный какъ бы онъ благороденъ и образованъ ни былъ, — въ данномъ случаѣ это опять все равно, какъ и въ предыдущемъ, — а кольми паче не благородный и не образованный можетъ быть твердо увѣренъ, что нигдѣ ни даже въ блестящихъ вокзалахъ, ни въ гостиницахъ *comme il faut*, ни на пароходахъ, однимъ словомъ нигдѣ онъ не встрѣтитъ порядочной

прислуги, которая была бы достаточно расторопна, достаточно вѣжлива, достаточно опрятна. Подъ вѣжливостію мы разумѣемъ не только отсутствіе грубости, но и отсутствіе подобострастія, лакейскаго ухмылянья глухимъ шуткамъ и остротамъ людей, въ ихъ глазахъ находящихся. Сія два по видимому противорѣчащія другъ другу свойства т. е. грубость и подобострастіе въ самомъ дѣлѣ составляютъ только два крайнихъ полюса одного и того же начала, т. е. душевной подлости, и всегда бывають неразрывны между собою. Примѣчаніе сіе мы дѣлаемъ на тотъ конецъ, что иной очень благородный и очень образованный господинъ, встрѣчая по отношенію къ себѣ со стороны прислуги всюду подобострастіе, можетъ поспѣшно заключить отсюда къ ея вѣжливости. Намъ нѣтъ нужды говорить, что подобную вѣжливость всякій дѣйствительно порядочный человѣкъ долженъ считать для себя оскорбительнѣе грубости.

Всякій путешественникъ и благородный и образованный, и не благородный и не образованный, отправляясь въ дальнее путешествіе на своемъ экипажѣ, долженъ быть твердо увѣренъ, что у него дорогой непременно изломается или ось, или колесо, или то и другое вмѣстѣ, и пожалуй еще неоднократно, и что кромѣ того онъ просидитъ гдѣ нибудь по крайпей мѣрѣ четверть сутокъ, а то и полсутокъ и даже болѣе въ грязи. Истина сія такъ очевидна, что не нуждается, по нашему мнѣнію, ни въ какихъ доказательствахъ. Ибо всѣ ѣздившіе въ дальній путь, дознали ее на себѣ опытно. Но какъ въ настоящее время въ нашемъ отечествѣ размножилось очень много вольтеріанцевъ, которые кромѣ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ ни на чемъ покуда болѣе не ѣздили и потому опытно не успѣли выработать себѣ никакого понятія объ отечественныхъ дорогахъ, а въ заграничныхъ книжкахъ читають только объ усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія, то для таковыхъ означенная истина нуждается въ сильномъ подтвержденіи.

Разсматривая неизмѣримыя протяженія нашего отечества, въ силу которыхъ оно совмѣщаетъ въ себѣ всѣ возможные климаты, всѣ возможные почвы, иной совопросникъ можетъ рассуждать такимъ образомъ: «положимъ, дескать, что дороги вездѣ поправляются дурно, положимъ даже, хуже чего нельзя уже положить, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они вовсе не исправляются никогда, а остаются въ своемъ натуральномъ состояніи, — все-таки есть такіе благословенные грунты земли, гдѣ дорога можетъ оставаться если не хорошою, то весьма сносною и безъ всякихъ исправленій. Слѣдовательно, дескать, дѣлать такое общее заключеніе, — безъ всякаго ограниченія, — что куда бы вы ни поѣхали, у васъ непременно сломается или ось, или колесо, или то и другое вмѣстѣ, и что вы засидите въ грязи — очевидно, зна-

читъ клеветать не на людей уже только, но и въ некоторымъ образомъ и на самую природу». Чтобы дать надлежащую отвѣдь подобнаго рода совопросникамъ, мы не будемъ ссылаться на собственные наши опыты. Мы ломали оси, и оси и колеса, и сидѣли въ грязи во время путешествія и въ Сибири, и въ Великой Россіи, и въ южной полосѣ нашего отечества, — но наши единичные опыты слишкомъ ничтожны, чтобы убѣдить скептиковъ. Мы обратимся къ официальнымъ и нѣкоторымъ образомъ ученымъ показаніямъ, обнародованнымъ относительно состоянія нашихъ дорогъ въ разныхъ мѣстностяхъ. Для сего воспользуемся *Матеріалами для географіи и статистики Россіи*, собранными офицерами генеральнаго штаба. Къ счастью матеріалы, доселѣ изданные, относятся къ губерніямъ, лежащимъ по своему географическому положенію въ мѣстностяхъ самыхъ разнообразныхъ. Предварительно считаемъ нужнымъ замѣтить, что мы будемъ брать свѣдѣнія только о дорогахъ почтовыхъ.

Область Бессарабская. «Почтовые дороги въ Бессарабіи вообще содержатся на счетъ земскихъ повинностей. Уже при самомъ проложеніи дорогъ было обращено особенное вниманіе, чтобы онѣ проходили по мѣстоположенію сколь возможно ровному и по твердому грунту.

«Мѣста наиболѣе гористыя, которыхъ нельзя было избѣгнуть, находятся только по дорогамъ: отъ Кишинева до Кріулянъ и до г. Оргѣва, также у г. Сорокъ и м. Атакъ. Мѣста низменныя, затопляемыя иногда водою въ половодье и во время разлитія рѣкъ, такъ что проѣздъ становится затруднительнымъ, находятся: по дорогѣ изъ Бѣльцъ до м. Атакъ, на рѣкахъ Куйболтъ и Кайнарѣ, а также по вновь проложенной дорогѣ отъ колоніи Кубей до г. Аккермана, гдѣ на рѣкахъ и рѣчкахъ не построено еще прочныхъ мостовъ. По прежнимъ же старымъ почтовымъ дорогамъ сдѣланы работы для улучшенія проѣзда: вездѣ косогоры срыты, спуски и подъемы значительно срыты и нынѣ ежегодно постепенно срываются, и уже не представляютъ затрудненій не только для проѣзда, но даже для движенія тяжестей. Должно замѣтить однако же, что какъ во многихъ мѣстахъ Бессарабіи подпочва болѣею частію глинистая, то во время дождей подъемы на срытыхъ мѣстахъ становятся на нѣкоторое время очень затруднительны и проч.

«Всѣ почтовые дороги въ Бессарабіи не усажены деревьями, а только окопаны канавами и имѣютъ ту особенность, что проходятъ болѣею частію не среди пахатныхъ полей, а по выгонамъ и лугамъ. Это дѣлается возможность проѣзжающимъ, не смотря на запрещенія, пользоваться во время распутицы объѣзжими дорогами и дѣлаетъ то, что въ Бессарабіи дороги хороши едва ли не во всякое время года, исключая мѣсть, гдѣ подъемы крутые, или, хотя срытые, но вязкіе и не могутъ быть объѣзжаемы».

«Чтожь, можетъ сказать иной читатель, по прочтеніи приведенной нами выдержки, — въ Бессарабіи дороги еще — ничего, ладно». Конечно, ладно, — а все-таки благосклонный читатель, если вы отправитесь въ путь и по этимъ ладнымъ дорогамъ, очень легко можете во время неблагопріятной погоды посидѣть полсутокъ или сутки на подъемѣ, гдѣ подпочва глинистая, — а она въ Бессарабіи большею частию глинистая, — можете также въ полноводье или разлитіе рѣкъ посидѣть на тѣхъ изъ нихъ, гдѣ, по извѣстію автора, не построено еще прочныхъ мостовъ.

Все это мы замѣчаемъ однакожь мимоходомъ. Судя по приведенному нами отзыву описателя Бессарабскихъ дорогъ сравнительно онѣ лучшія въ Россіи. Но поспѣшно было бы заключить изъ сего, что здѣсь путешественникъ можетъ насладиться большимъ удобствомъ во время путешествія, чѣмъ въ Россіи. Мудрая судьба, давъ Бессарабіи хорошія дороги, не дала ей даже тѣхъ скверныхъ гостинницъ, какія есть въ Россіи, ни даже станціонныхъ домовъ, конечно на тотъ конецъ,

Чтобъ человекъ не баловался.

Путешественникъ по Бессарабіи, наслаждаясь ѣздою по хорошей дорогѣ, долженъ всюду погибать съ голоду и не имѣть для себя никакого успокоенія, кромѣ собственнаго экипажа, если только такъ счастливъ, что имѣетъ свой экипажъ.

«Станціонные дома въ Бессарабіи, — такъ повѣствуетъ тотъ же авторъ, который описываетъ и Бессарабскія дороги, — болѣе половины построены изъ землебитнаго кирпича (чумурные): они весьма удобны для проѣзжающихъ лѣтомъ тѣмъ, что сохраняютъ въ комнатахъ прохладу; но за то во время зимы они вообще сырые и холодные. Тѣмъ же неудобствами, если еще не въ большей степени, отличаются многіе изъ каменныхъ станціонныхъ домовъ. Вообще о бессарабскихъ станціяхъ надо сказать, что горько ошибется тотъ, кто въ ненастное или холодное время будетъ рассчитывать найти въ нихъ пріютъ, не смотря на то, что на починку и исправленіе станціонныхъ домовъ изъ суммъ земскаго сбора ассигновалось въ годъ 2337 р. 70½ к. с. Трактировъ и гостинницъ на станціяхъ нѣтъ нигдѣ, да и вообще надобно сказать, что заведеніями этого рода Бессарабія очень бѣдна. Мѣстные жители, отправляясь въ путь на почтовыхъ, ѣдутъ большею частию въ собственныхъ экипажахъ и запасаются на дорогу провизіею. Они не прихотливы: мамалыга, брынза (овечій сыръ) и домашнее вино, вотъ запасы молдавана — простолюдина и помѣщика; ими онъ дорогою сытъ, а собственный экипажъ, какъ бы дурень ни былъ, избавляетъ его отъ пытки — перекладной тележки».

Екатеринославская губернія. Авторъ описанія Екатеринославской

губернскій капитанъ генеральнаго штаба В. Павловичъ говоритъ, что въ сухое время лѣтомъ всѣ дороги въ Екатеринославской губерніи хороши, не хуже шоссе. Но

«Съ наступленіемъ глубокой осени, когда время сдѣлается болѣе дождливое, проѣздъ по дорогамъ становится затруднителенъ. Въ зимнее время дороги въ губерніи часто бываютъ весьма затруднительны къ переходу. По свойству здѣшняго климата, зимою случаются сильныя оттепели: снѣгъ или совершенно сходитъ, и дѣлаются топи и грязь, или же является гололедица, во время которой движеніе тяжестей на волахъ, и даже на лошадахъ, почти совершенно невозможно. Если же зима постоянна и снѣга глубокие, то встрѣчаются другія затрудненія, не менѣе важныя, чѣмъ и первыя. Всѣ дороги до такой степени, и иногда въ нѣсколько часовъ, заносятся снѣгомъ отъ вѣтровъ, которыя въ открытыхъ степяхъ бываютъ очень сильны, что часто въ продолженіи нѣсколькихъ дней дороги не замѣтно. Тогда не только дороги транспортныя дѣлаются непроѣзжаемы, пока мѣстные жители, знающіе хорошо окрестности, не пробьютъ слѣдовъ, но даже ѣхавшіе по почтѣ должны необходимо сворачивать на проселки, гдѣ дорога болѣе убивается отъ частой ѣзды. — Кромѣ того, число дорогъ зимою уменьшается и остаются только тѣ изъ нихъ, которыя пролегаютъ черезъ деревни или другія заселенныя мѣста, дороги же, проходящія по открытымъ степямъ, столь удобныя въ лѣтнее время, зимою остаются не пробитыми, потому что обозы зимою по нимъ не ходятъ, а каждый изъ проѣзжающихъ, боясь быть застигнутымъ вѣтрами, сворачиваетъ обыкновенно на путь, ведущій по заселеннымъ мѣстамъ, хотя бы чрезъ это даже приходилось сдѣлать значительный кругъ.

«Весною еще болѣе встрѣчается затрудненій при проѣздѣ по Екатеринославской губерніи. Червоная почва размокаетъ фута на полтора, вслѣдствіе чего образуется очень глубокая и вязкая грязь, такъ что даже на легкихъ экипажахъ и въ телегахъ проѣздъ возможенъ только шагомъ. Кромѣ того разлитіе рѣкъ весьма затрудняетъ, а иногда и преграждаетъ слѣдованіе. Всѣ рѣки въ губерніи протекаютъ въ глубинахъ, а иногда и широкихъ долинахъ, заливаемыхъ въ весеннее время водою. По непрочности мостовъ, устраиваемыхъ въ Екатеринославской губерніи, большая часть изъ нихъ сносятся водою, и переправы производятся на паромехъ, обыкновенно малыхъ, дурно устроенныхъ и поднимающихъ отъ одной до трехъ повозокъ, или же на небольшихъ лодкахъ еще болѣе неудобныхъ. Притомъ часто къ переправѣ ведутъ насыпныя гати столь узкія, что едва можно проѣхать тройкою лошадей. Часто эти гати прорываются водою или же дѣлаются чрезвычайно грязными, такъ что для тяжестей почти нѣтъ по нимъ проѣзда. Такое состояніе переправъ продолжается до спаденія весеннихъ водъ, когда представится возможнымъ исправить мосты и насыпи. Но въ рѣчныхъ долинахъ, заливаемыхъ водою, особенно при тихомъ теченіи рѣки, когда они остаются подъ водою продолжительное время, почва не скоро вы-

сыхаетъ, и эти мѣста остаются весьма трудными для проѣзда даже и тогда, когда на возвышенныхъ степяхъ дороги уже совершенно сухи.

«Во время таянія снѣговъ, что впрочемъ продолжается не долго, не болѣе двухъ недѣль, по многимъ проселочнымъ дорогамъ проѣздъ совершенно прекращается и проч.

«Такова, говоритъ въ заключеніе г. Павловичъ, общая характеристика состоянія дорогъ въ Екатеринославской губерніи во все время года, и почти на дорогахъ всякаго разряда, не исключая и почтовыхъ. На этихъ послѣднихъ грязь бываетъ глубже, по причинѣ частой ѣзды: въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ пунктахъ заботятся о переправѣ почты и лицъ, ѣдущихъ по казенной надобности, за то остальные проѣзжающіе по недѣлямъ дожидаются случая къ перевозу».

«Такъ вотъ видите ли, читатель, есть мѣста, гдѣ путешественникъ можетъ иногда посидѣть и нѣсколько недѣлекъ, — а не то, что полсутки или сутки, какъ мы предположили.

Казанская губернія. Авторъ описанія Казанской губерніи, г. Лаптевъ, описавъ весьма непривлекательными красками состояніе разныхъ дорогъ въ губерніи, дѣлаетъ общій выводъ такой:

«Главнѣйшій и общій недостатокъ всехъ описанныхъ нами путей заключается въ томъ, что дороги эти грунтовыя, поэтому именно весьма легко портятся отъ дождей и потомъ въ лѣтніе жары также скоро высыхаютъ кочками; проложенная между ними колея иногда очень сильно навивается по полотну дороги, такъ что все даже и извѣренныя разстоянія далеко не показываютъ того пространства, которое проѣзжаютъ въ дѣйствительности, потому что очень рѣдко встрѣчается, что колея идетъ по ровнѣнной линіи дороги. Велѣдствіе безпрестанной порчи дорогъ водою необходимы тоже и безпрестанныя ихъ починки; одинъ хорошій ливень можетъ размыть небольшую канавку и превратить ее въ глубокую рытвину».

«*Костромская губернія.* Сухопутные пути сообщенія, говоритъ авторъ описанія Костромской губерніи г. Кржишоблоцкій, не соответствуютъ важности губерніи въ промышленномъ и мануфактурномъ отношеніи; здѣсь почти нѣтъ путей вполне и всегда удобныхъ для проѣзда. Причина этого заключается отчасти въ дурной и неудобной починкѣ дорогъ натуральною повинностію; но главное зависитъ отъ самого характера мѣстности и грунта земли въ губерніи; дороги проходятъ или по сыпучему песку, или по глинистому грунту и въ дождливое время становятся вязкими; кромѣ того дороги почти по всемъ направленіямъ перерѣзаются множествомъ рѣкъ, рѣчекъ и ручейковъ, широко разливающихся въ весеннее время, и потому сносящихъ мосты и образующихъ на дорогахъ рытвины и обвалы. Съ начала таянія снѣговъ ѣзда по всей губерніи, недѣли на три, почти совсѣмъ прекращается или по крайней мѣрѣ становится опасною. Когда же снѣгъ сойдетъ, рѣки разольются, то на-

добно ждать, пока не устроятся и не починятся мосты на ручьяхъ и рѣкахъ, снесенныя водопоъемъ и не сравняются рытвины».

Рязанская губернія. «Почти всѣ рязанскія дороги, — такъ говоритъ авторъ описанія Рязанской губерніи, г. М. Барановичъ, — зимою и въ сухое лѣтнее время представляютъ сѣбѣ превосходныхъ сообщений, удобствомъ не уступающихъ шоссе; но послѣ двухъ трехъ ненастныхъ дней все измѣняется: грунтъ растворяется и обращается въ грязь, бѣгущіе ручьи образуютъ промоины, лощины и мѣста низменныя наполняются водой. Въ это время отъ прогона гуртовъ и движенія тяжестей дороги выбиваются ямами и глубокими колеями, и на нихъ образуются грядки, проѣздъ по которымъ почти невозможенъ. Особенно затрудненія встрѣчаются на мостахъ и гатяхъ; часто какой нибудь ничтожный ручей, въ сухое время не замѣтный, послѣ нѣсколькихъ дней дождей, становится препятствіемъ неодолимымъ, особенно для экипажей тяжелыхъ. Случись послѣ всего этого ясный день, и дорога въ нѣсколько часовъ поправляется и приходитъ въ прежній порядокъ.

«Весенніе мѣсяцы, мартъ и апрѣль, безспорно самые затруднительные для проѣзда по рязанскимъ дорогамъ. Главнымъ препятствіемъ въ это время года являются рѣки. Разливаясь на большое пространство по низменнымъ берегамъ, они не дѣли на двѣ или вовсе прекращаютъ проѣздъ, или дѣлаютъ его крайне затруднительнымъ и опаснымъ. Въ мещерокой сторонѣ весенніе разливы рѣкъ, наполняя собою всѣ низменныя мѣста, представляютъ еще болѣе затрудненій для сообщенія».

Дороги хотя и исправляются, говоритъ далѣе авторъ, но исправляются очень дурно. «Все это причиною, что исправленная дорога лишь на самое короткое время принимаетъ исправный видъ; а иногда послѣ перваго же дождя всѣ труды и жертвы бѣдныхъ крестьянъ исчезаютъ въ глубокой грязи, и они снова призываются на работы. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть также, что въ нѣкоторыхъ, лежащихъ на трактахъ селеніяхъ существуетъ особый родъ промысловъ, основанныхъ чисто на бѣдствіи проѣзжающихъ. Крестьяне этихъ селеній выгодно промышляютъ вытаскиваніемъ изъ грязи завязшихъ экипажей, починкою оныхъ и проч. Подобные промыслы нельзя преслѣдовать строго, какъ злоупотребленіе, но они явно способствуютъ дурному состоянію путей. Крестьяне, по условію предварительно заключенному съ попавшимъ въ бѣду проѣзжающимъ, вознаграждаютъ себя за труды всегда очень щедро и такимъ образомъ видятъ прямую пользу въ худомъ состояніи тѣхъ самыхъ дорогъ, исправное содержаніе которыхъ лежитъ на ихъ обязанности.

«Распространяться болѣе о дурномъ состояніи сухопутныхъ сообщений въ Рязанской губерніи было бы излишне, — говоритъ въ заключеніе своихъ разсужденій о дорогахъ г. Барановичъ. — Кому не извѣстны недостатки этой важной статьи государственнаго благоустройства?

Она касается не одной Рязанской губернии, а вообще всей Россіи. Обыкновенно проѣзжающій, подъ вліяніемъ непріятныхъ впечатлѣній утомительной и несносной ѣзды по дурнымъ дорогамъ, вымѣщаетъ досаду на мѣстномъ начальствѣ, упрекая его въ безпечность, но говоря справедливо, основательны ли его упреки и не играетъ ли въ этомъ случаѣ мѣстное начальство печальную роль того бѣднаго Макара, на котораго, по русскому выраженію, всё шишки валятся? Что пользы въ приказаніяхъ даже самыхъ строгихъ, если требованія не соразмѣрены съ возможностью ихъ исполненія, и какихъ улучшеній можно ожидать въ путяхъ сообщенія, когда для этого предназначены одни только исправники и натуральныя повинности? Средства эти слишкомъ ничтожны, чтобы устранить тѣ преграды, которыя на пути устраняетъ сама природа. Для этого нужны мѣры болѣе основательныя и цѣльныя. Много они потребуютъ усилій и капиталовъ; но не будутъ, подобно натуральнымъ повинностямъ, напрасной жертвой».

Авторъ далѣе рисуетъ картину благъ, которыя принесутъ съ собою хорошія дороги краю, и близкое исполненіе своего желанія видѣть въ устройствѣ предполагавшейся тогда саратовской желѣзной дороги, которая должна была пройти по срединѣ Рязанской губернии.

«Въ ожиданіи близкаго осуществленія этихъ общихъ надеждъ и желаній, говоритъ онъ, можно съ большимъ терпѣніемъ сносить всѣ трудности настоящей ѣзды, подвергаясь такимъ неудобствамъ и непріятностямъ, которыя будущему поколѣнію будутъ казаться преувеличенными».

Но довольно. Очень можетъ быть, что моими многочисленными выписками о скверномъ состояніи нашихъ дорогъ я давно уже надѣлъ читателю, за то; надѣюсь, теперь я несомнѣнно для всѣхъ и cadaго доказалъ, что въ Россіи нѣтъ такого уголка, гдѣ бы путешественникъ могъ быть увѣренъ, что у него не изломается ось или колесо, не опрокинется экипажъ или не засядетъ въ грязи. Зная это, съ невольнымъ смѣхомъ читаешь нѣмцевъ, когда они съ какимъ-то ужасомъ рассказываютъ въ доказательство, какъ прежде было скверно путешествовать по Германіи, анекдотикъ о томъ, какъ два нѣмца, отправившись изъ одного германскаго города въ другой, вмѣсто четырехъ проѣхали девять дней, какъ у нихъ въ это время на дорогѣ изломалось сначала колесо, потомъ ось. А анекдотикъ происходилъ назадъ тому 200 лѣтъ!—Бѣдные нѣмцы!—Они не догадываются, что подлѣ нихъ живетъ великій народъ, тоторый доселѣ не знаетъ, чтобы и можно было путешествовать иначе, народъ, по обширному царству котораго рѣдко проѣдетъ путешественникъ безъ того, чтобы не сломать нѣскольکو разъ осей и колесъ, не засѣсть гдѣ нибудь въ грязи и не протаскать пятидневнаго разстоянія десять или пятнадцать дней, у котораго

даже письма тащатся иногда вмѣсто недѣли по нѣскольку недѣль, телеграммы вмѣсто часу по нѣскольку дней и т. п.

Надѣемся, что всѣми вышеприведенными доказательствами мы достаточно доказали нашимъ читателямъ, что если гдѣ въ настоящее время можно путешествовать съ пользою и съ удовольствіемъ, доставляемымъ различными возбужденіями, то именно въ Россіи. Вооружайтесь же, читатель, необходимымъ героизмомъ и отправляйтесь въ путешествіе по Россіи. Но позвольте предварительно дать вамъ нѣсколько полезныхъ предостереженій.

НѢКОТОРЫЯ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЯ ДЛЯ ТУРИСТОВЪ ПО РОССІИ.

Да не подумаетъ какой нибудь туристъ, что заговоривъ о предостереженіяхъ, мы думаемъ навести на него страхъ, изобразить какіе нибудь ужасы путешествія, грозящіе его жизни или благосостоянію. Напротивъ, мы увѣрены, что путешествіе его будетъ вполне походить на добродѣтельный романъ, въ которомъ герой, испытавъ разныя непріятности и препятствія, въ концѣ концовъ остается все-таки живъ и здоровъ и благоденствуетъ. Такъ точно будетъ и съ нимъ. Въ концѣ концовъ онъ будетъ непременно дома цѣлъ и невредимъ. Но такъ какъ прежде, нежели онъ достигнетъ этого тихаго пристанища, онъ все-таки долженъ будетъ испытать извѣстныя непріятности и препятствія, какъ и герой добродѣтельнаго романа, то для успѣшной борьбы съ ними долженъ запастись извѣстнымъ знаніемъ. Безъ такого запаса трудно будетъ, а иногда и совсѣмъ невозможно препо-
бѣждать самыя легкія препятствія и непріятности.

Когда въ Европѣ путешествовать было такъ же трудно, какъ у насъ въ настоящее время, тогда образовалась тамъ почти что особенная наука *аподемика*, учившая искусству путешествовать съ удобствомъ и пріятностію. Впослѣдствіи, когда пути сообщенія сдѣлались удобнѣе, наука эта замѣнилась простымъ указателями достопримѣчательностей на пути, маршрута дорогъ, гостиницъ и т. п. Такіе указатели издаются тамъ доселѣ во множествѣ подъ именемъ гидовъ *guide des voyageurs*. У насъ доселѣ нѣтъ не только науки путешествовать, нѣтъ даже ни одного указателя для путешествія, кромѣ почтоваго дорожника, который, само собою разумѣется, ни о какихъ путяхъ сообщенія, кромѣ почтовыхъ, не говоритъ. Даже многочисленныя пароходныя компаніи, въ прямой выгодѣ которыхъ было бы дать извѣстіе о своемъ существованіи, не позаботятся объ изданіи пароходнаго дорожника. Отъ этого выходятъ прекомическія вещи. Одинъ молодой химикъ, харьковскій уроженецъ, ѣхавшій на службу въ Дербентъ изъ Харькова, рассказывалъ мнѣ, что во всемъ Харьковѣ онъ не могъ нигдѣ найти

свѣдѣній о рейсахъ пароходства по Дону. Даже транспортная харьковская контора, которая должна бы была имѣть свѣдѣнія о всѣхъ путяхъ сообщенія, отозвалась, что съ «обществомъ пароходства по Дону и Азовскому морю» она дѣлать никакихъ не имѣетъ, потому ничего объ немъ не знаетъ. Молодой человекъ, удостовѣренный слухами въ томъ, что «общество пароходства по Дону» существуетъ, направился на *авось* въ станицу Аксай, но прибылъ сюда на другой день отбытія парохода и долженъ былъ ждать слѣдующаго рейса дня четыре или пять. Не зная, какъ убить время, онъ рѣшился съѣздить въ Новочеркасскъ, находящійся въ недалекомъ разстояніи отъ Аксайской станицы. Но съ него казаки запросили такую цѣну, что, сообразивъ свои денежныя средства, онъ нашелъ невозможнымъ позволить себѣ удовольствіе побывать въ Новочеркасскѣ и прожилъ четверы, сутки въ Аксаѣ, не зная, что дѣлать отъ скуки. И уже отправившись изъ Аксая на пароходъ и разговорившись здѣсь съ кѣмъ-то о своемъ злополучномъ пребываніи въ Аксаѣ, узналъ, что изъ Аксая въ Новочеркасскъ есть желѣзная дорога, по которой проѣздъ до Новочеркасска стоитъ всего 25 к.!! Не смѣшно ли все это, други и братія! А между тѣмъ вѣдь у насъ есть теперь уже два путеводителя по Европѣ: одинъ *Старскаго*, другой *Майскаго*. Послѣдній едва ли не толще будетъ даже хрестоматіи г. Галахова. Въ немъ изъяснено не только все то, что путешественнику знать нужно, но, можно сказать, и то, чего ему вовсе знать не нужно. Авторъ съ предупредительностію и заботливостію матери входитъ во всѣ возможныя положенія путешественника, во всѣ случайности, могущія съ нимъ быть, и на всякій случай даетъ ему полезныя наставленія. Чтобъ показать, до какой степени доходитъ эта заботливость, мы выпишемъ нѣсколько наставленій изъ *общихъ правилъ для путешественника въ Лондонѣ*.

«2) Не надобно носить фуражку, а черную шляпу (не сѣрую и не вычурнаго фасона), чтобы не подвергнуться преслѣдованію уличныхъ мальчишескъ; 5) не должно подавать милостыню нищимъ, не смотря на выказываемую страшную нищету. Нѣтъ въ мірѣ города, въ которомъ общественная благотворительность была бы устроена лучше, какъ въ Лондонѣ, и можно держать закладъ сто противъ одного, что самое ужасное бѣдствіе — одно только притворство и уловка плутовъ, чтобы выманить деньги у иностранца. 8) При возвращеніи домой по отдаленнымъ частямъ города иногда подвергаешься нападенію дерзкихъ воровъ, которое начинается въ видѣ ссоры, по какой либо причинѣ, придуманной ворами. Въ подобныхъ случаяхъ первое стратегическое правило — прислониться спиною къ чему нибудь, чтобы имѣть противниковъ передъ собою и потомъ безпрестанно кричать: *полицъ*, но никогда на «помощь» или «воръ» — крикъ до такой степени из-

вѣстный при часто встрѣчающихся дракахъ ирландцевъ, что на это никто не обращаетъ вниманія. Ограбленный долженъ преслѣдовать убѣгающаго вора съ крикомъ: полисъ стопъ тифъ (Police, stop thief). 10) При приглашеніи на обѣдъ надобно спросить о времени; приглашеніе на чай вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ также приглашеніемъ на ужинъ и дѣлается къ 7 часамъ, а въ высшихъ классахъ общества между 8 и 9 часами. Приглашенія къ *первому завтраку* (нынѣ очень въ модѣ, особенно у литераторовъ и охотниковъ) въ 10 часовъ; приглашенія ко *второму завтраку* (лунчонъ, luncheon) въ 1 часъ. 11) Что касается этикета въ одеждѣ, строго соблюдаемаго въ Англіи, то нужно прибавить слѣдующія правила. Утромъ мужчина является всегда въ *сюртукъ*, *цѣпныхъ* брюкахъ и жилетѣ, *черномъ* галстукѣ и *цѣпныхъ* перчаткахъ; къ обѣду — во *фракѣ* и *черныхъ* брюкахъ, *бѣломъ* или *черномъ* жилетѣ, *черномъ* галстукѣ и *жолтыхъ* перчаткахъ; на балъ — во *фракѣ* и *черныхъ* брюкахъ, *бѣломъ* жилетѣ, *бѣломъ* или *черномъ* атласномъ галстукѣ, *бѣлыхъ* перчаткахъ и *лакированныхъ* сапогахъ. Прислугѣ не дается на водку. Вечеромъ всегда надобно имѣть наемную карету. *Дамы* къ обѣду надѣваютъ *шелковыя* платья, а на балъ то же самое, какъ и вездѣ».

Какъ были бы благодарны въ настоящее время всѣ путешественники по Россіи даже тому, если бы имъ дали въ руки книгу не то, что съ наставленіемъ, какъ имъ защищаться при нападеніи на нихъ и какъ одѣваться при приглашеніи на чай, обѣдъ и на ужинъ, а просто книгу, содержащую въ себѣ сборникъ объявленій обо всѣхъ существующихъ путяхъ по крайней мѣрѣ паровознаго и пароходнаго сообщенія, съ указаніемъ цѣнъ буфетовъ, перевоза пассажировъ, багажа, кладей, также съ указаніемъ времени прихода и отхода разныхъ пароходовъ и поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ въ разные мѣстности, гостиницы болѣе удобныхъ для пассажировъ разнаго класса въ этихъ мѣстностяхъ, цѣнъ въ нихъ существующихъ и проч. — ничего вѣдь этого не извѣстно. Путешественникъ, находясь въ самомъ томъ мѣстѣ, откуда долженъ ѣхать, бываетъ принужденъ обѣгать иногда цѣлый городъ, чтобъ узнать, гдѣ, какъ и что! — Но такая книга, о которой я говорю, нужна настоятельно только на первый разъ, пока нѣтъ ничего, а тамъ намъ необходимо нужна *аподемика* т. е. наука, излагающая искусство путешествовать по Россіи, руководство, въ которомъ были бы изложены не только во всей подробности и безъ утайки всѣ бѣдствія, озлобленія, лишенія, которымъ подвергается путешественникъ по Россіи, но даже чтобы все это было преувеличено, изображено въ краскахъ гораздо темнѣйшихъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Только тогда можетъ быть наше общество проснется, уяснитъ до корня и усвоитъ себѣ ту мысль, что у насъ пути сообщенія самые сквернѣйшіе, не

только тѣ, которые создаются натуральною полнотой, но и новые, создаваемые разнаго рода техническими сооружениями по своей безпорядочности, что гдѣ нѣтъ порядочныхъ путей сообщенія; тамъ народъ не можетъ благоденствовать ни въ матеріальномъ, ни въ умственномъ, ни даже въ нравственномъ отношеніи, — и тогда оно конечно прежде и больше всего позаботится объ устройствѣ хорошихъ дорогъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и о правильномъ содержаніи тѣхъ, которыя есть. Тогда конечно и всѣ частные туристы, возбужденные общимъ вниманіемъ общества, будутъ знать все, что нужно знать для пути, и будутъ имѣть возможность знать. Теперь же мы непременно должны писать для нихъ предостереженія. — Пусть потомство занесетъ въ свои лѣтописи фактъ, что мы первые полагаемъ начаткамъ аподемики въ Россіи.

На свѣтѣ нѣтъ народа прекраснѣйшаго русскаго. Какъ мы ни хотимъ притворяться людьми практическими, реальными, — но мы всѣ идеализируемъ отъ колыбели до гроба; въ этомъ наше главное и существеннѣйшее несчастіе. Оттого наши дѣла или вовсе нейдутъ впередъ или идутъ очень плохо, оттого насъ обманываютъ часто самые отъявленные глупцы, и мы являемся одураченными почти на каждомъ шагѣ, оттого наконецъ мы, когда насъ даже никто и не думаетъ обманывать, ухитряемся обманывать сами себя и терпимъ потомъ всѣ горькія послѣдствія своего самообольщенія, точно будто это было несчастіе, неизбежное въ нашей жизни. Примѣровъ на все сказанное мною я могъ бы представить безчисленное множество изъ современной практики жизни съ именами дѣятелей, — но чтобы не обижать никого, я буду представлять только примѣры общечеловѣческіе или историческіе, ни для кого не обидные.

Всякому образованному человѣку извѣстно, или по крайней мѣрѣ должно быть извѣстно, что выше своего времени стать невозможно никому, что даже выше того общества, въ которомъ человѣкъ рождается, живетъ, воспитывается и образовывается, стать очень трудно, что это возможно только для немногихъ избранныхъ натуръ. Имѣя все это въ виду, казалось бы, какъ не приспособить свою мысль къ дѣйствительному положенію вещей въ обществѣ и не понять, напримѣръ, хоть того, что въ томъ мірѣ, гдѣ могутъ процвѣтать и блистать только Федоры, Матрены, Акулины, Лукерьи, Аграфены и т. д., напрасный трудъ искать Офелій, Дездемонъ, Антигонъ и т. п. Нѣтъ, вы не найдете ни одного влюбленнаго, который бы не видѣлъ въ своей возлюбленной самаго граціознаго, самаго поэтичнаго, самаго возвышеннаго въ мысляхъ и чувствахъ созданія, какое могутъ давать и то не часто, только страны волюгъ развитыя и цивилизованныя. Положимъ еще, что всѣ влюбленные люди сумасшедшіе; съ

нихъ много и выискивать нельзя... Но наши поэты и романисты въ этомъ случаѣ ни чуть не лучше ихъ. Они вмѣняютъ себѣ въ особенную честь и удовольствіе, почитаютъ верхомъ искусства изображать дѣвъ и женщинъ, которыхъ не только нѣтъ, но и быть не можетъ у насъ при настоящемъ состояніи общества. Пріятнымъ исключеніемъ въ этомъ случаѣ является только одинъ г. Писемскій, у котораго женскіе типы всегда бываютъ болѣе или менѣе отмѣчены клубничнымъ колоритомъ. Но еще и поэтамъ и романистамъ мы готовы простить ихъ заблужденіе; они хотя люди и невлюбленные, но увлекающіеся опьяненіемъ вдохновенія, порывовъ котораго сдерживать они не въ силахъ, такъ какъ большая часть изъ нихъ никакимъ наукамъ не обучалась. Нельзя простить нашимъ знаменитымъ критикамъ, что они не только не налагаютъ узды на эти порывы, а, напротивъ, прищиприваютъ ихъ. Всѣ они помѣшаны на изысканіи женскихъ типовъ. Лучшая похвала ихъ автору разбираемаго романа или другаго произведенія: онъ создалъ женскій типъ, доселѣ не бывалый! Одинъ создалъ Ольгу, другой Елену, третій Софію и т. д. Чудаки, право! Если бы при наивности ихъ, въ нихъ хоть бы на столько доставало мужества, чтобы сказать, что, дескать, извините насъ, господа, мы ничего не понимаемъ въ художественныхъ произведеніяхъ, статейки пишемъ ради собственнаго удовольствія, — и вы, пожалуйста, не вѣрьте тому, что мы говоримъ вамъ о разныхъ типахъ! Нѣтъ вѣдь, не скажутъ этого; мало того, не скажутъ, не откажутся сдѣлаться даже присяжными цѣнителями художественныхъ произведеній, не откажутся даже медаль получить за свою оцѣнку, если бы имъ дали. — Но мы и имъ готовы простить, не смотря на всю ихъ незастѣнчивость. Мы не можемъ простить за поддержку общественной идеализаціи, въ этомъ случаѣ, а слѣдовательно и за распространеніе безчисленныхъ иллюзій только автору романа: «Что дѣлать?» г. Чернышевскому. Онъ такъ далеко пошелъ въ идеализаціи женщинъ, какъ далеко у насъ никто не заходилъ никогда. Возьмемъ, напримѣръ, хоть Елену Инсарову. Она увлекается предполагаемымъ величіемъ подвига въ своемъ возлюбленномъ; слѣдовательно въ ней предполагается и вообще способность увлекаться величіемъ подвиговъ, какъ скоро оно будетъ ею понято. Это для дѣвушекъ нашего общества, конечно, идеализація; ибо въ нашихъ дѣвушкахъ возбужденіе къ любви производится обыкновенно хорошими статьями предположеннаго къ обожанію предмета и соображеніемъ о томъ: можно ли будетъ съ этимъ предметомъ въ пріятствіи проводить время. Но все-таки это не такая идеализація, которой бы въ дѣйствительности, хотя бы и слабымъ образомъ, не соответствовали нѣкоторыя весьма рѣдкія, впрочемъ, исключенія. Еще что? Еще Елена, дѣвица благонравная и

благовоспитанная, какъ и всѣ русскія дѣвицы, вопреки всѣхъ отеческихъ нравовъ и заветовъ идетъ къ своему возлюбленному на холостую его квартиру и говоритъ: я твоя, дѣлай со мною, что хочешь. Это опять идеализація для дѣвицъ нашего общества, и нѣкоторымъ образомъ даже оскорбительная! Тѣмъ не менѣе должно сказать, что и эта идеализація не изъ такихъ, которой бы въ дѣйствительности никогда не было ничего соответствующаго. Помнится, о чемъ-то подобномъ разъ даже въ «Полицейскихъ Вѣдомостяхъ» было опубликовано. Все это показываетъ, что хотя у нашихъ поэтовъ и романтистовъ идеализація очень много, но все это идеализація такого рода, что не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго. Идеализація г. Чернышевскаго напротивъ не знаетъ никакихъ предѣловъ въ изображеніи женщины. Чтобы выяснитъ всю восторженность этой идеализаціи, мы остановимся нѣсколько времени на четвертомъ снѣ Вѣры Павловны, въ которомъ изложенъ взглядъ автора на постепенное развитіе красоты и пониманія ея въ человѣческомъ родѣ.

Первую ступень красоты и пониманія ея представляетъ собою царство *Астарты*. На этой ступени таковы атрибуты красоты:

«Роскошная женщина. На рукахъ и ногахъ ея тяжелые золотые браслеты; тяжелое ожерелье изъ перловъ и коралловъ, оправленныхъ золотомъ, на ея шеѣ. Ея волосы увлажнены миррою. Сладострастіе и раболопство въ ея лицѣ, сладострастіе и безсмысліе въ ея глазахъ».

Вторую ступень представляетъ царство *Афродиты*.

«На этой царицѣ нѣтъ никакихъ украшеній, — она такъ прекрасна, что ея поклонники не хотѣли, чтобы она имѣла одежду; ея дивныя формы не должны быть скрыты отъ ихъ восхищенныхъ глазъ».

«И въ ея глазахъ только нѣга физическаго наслажденія. Ея осанка горда, въ ея лицѣ гордость, но гордость только своею физическою красотою».

Третью ступень представляетъ царство «Непорочности».

Эта царица «скромная, кроткая, нѣжная, прекрасная, — прекраснѣе Астарты, прекраснѣе самой Афродиты, она задумчивая, грустная, скорбящая. Передъ нею преклоняютъ колѣна, ей подносятъ вѣнокъ розъ. Она говоритъ: «печальна до смертельной скорби душа моя. Мечъ пронзилъ сердце мое. Скорбите и вы. Вы несчастныя. Земля — долина плача».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такъ дѣйствительно исторически развивалась красота, и такъ восходило постепенно пониманіе ея въ родѣ человѣческомъ. Но это постепенное развитіе красоты и ея пониманія происходило не у насъ, — потому, то *разчлененіе* красоты, которое представляетъ авторъ, совершенно чуждо нашего общественнаго сознанія. Вдумываясь глубже въ предметъ, мы, конечно, можемъ нѣ-

которое слабое подобіе древней *Астарты* видѣть въ образѣ нашихъ купчихъ, *Афродиты* въ образѣ уѣздныхъ городничихъ и губернскихъ предсѣдательшъ, непорочности въ образѣ институтокъ, вышедшихъ замужъ за учителей и вообще бѣдныхъ чиновниковъ и потому не имѣющихъ возможности ѣздить ни въ театръ, ни въ маскарадъ, ни на балы и т. п. и потому, натурально плачевныхъ. Но все это, само собою разумѣется, будутъ сближенія произвольныя. У насъ пока не выработалось никакого понятія о какой либо другой красотѣ въ женщинѣ, кромѣ той, какую представляетъ ликъ каждой изъ нихъ съ служащими дополненіемъ къ этому лику разными пріятными округлостями. Однимъ словомъ, въ нашемъ общественномъ сознаніи есть только натуральный образъ красоты, не абстрактированный, не подложенный разными задними мыслями. Гражданинъ, не зная, что ему дѣлать отъ скуки, говоритъ своему демону:

Искуси меня, мой демонъ!
Соблазни хоть какъ нибуль,
Я родился человѣкомъ,
Страхъ, охотникъ до грѣховъ.

Демонъ отвѣчаетъ:

Вотъ красавица дѣвица
Съ гордымъ царственнымъ челомъ,
Съ взглядомъ огненнымъ Вакханки;
Поцалуй кипить въ устахъ.
Перси... чудо... пухъ лебяжій...
Ножки.... хочешь?

Гражданинъ, разумѣется, отвѣчаетъ: утвердительно. А тамъ ужъ какая это будетъ красота,—*Астарта* ли въ браслетахъ и кораллахъ, оправленныхъ въ золото, *Афродита* ли, дивныя формы которой увлекаютъ глаза восхищенныхъ поклонниковъ, томная ли Непорочность, прекраснѣйшая, однакожь, и *Астарты* и *Афродиты*,—это гражданину все равно. Такимъ образомъ, въ самомъ усланіи г. Чернышевскаго разчленивъ красоту, въ нашемъ представленіи всегда цѣльную и нераздѣльную, мы видимъ уже идеализацію, до которой никогда не доходили прежніе наши романисты.

Но г. Чернышевскій не довольствуется и этою выходящею изъ всякой мѣры идеализаціею. Онъ идетъ гораздо далѣе. Какъ ни хороши, говоритъ онъ,—были всѣ прежнія царицы красоты, но всѣ онѣ должны померкнуть, уничтожиться передъ тою царицею, которая теперь начинаетъ свое владычество въ мірѣ. Кто же это такая новая царица? Авторъ не называетъ намъ ее по имени; она для насъ остается ца-

рица, по имени *неизвѣстная*. Но вотъ какъ описываетъ себя эта новая царица:

«Во мнѣ наслажденіе чувства, которое было въ Астарѣ: она родоначальница всѣхъ насъ другихъ царицъ, сѣбѣявшихъ ее. Во мнѣ упоеніе созерцаніемъ красоты, которое было въ Афродитѣ. Во мнѣ благоговѣніе передъ чистотою, которое было въ «Непорочности».

«Но во мнѣ все это не такъ, какъ было въ нихъ, а выше, сильнѣе. То, что было въ «Непорочности», соединяется во мнѣ съ тѣмъ, что было въ Астарѣ, и съ тѣмъ, что было въ Афродитѣ. И соединяясь во мнѣ съ другими силами, каждая изъ этихъ силъ становится могущественнѣе и лучше отъ союза. Но больше, еще гораздо больше могущества и прелести дается каждой изъ этихъ силъ тѣмъ новымъ, что есть во мнѣ, чего не было ни въ одной изъ прежнихъ царицъ. Это новое во мнѣ, чѣмъ я отличаюсь отъ тѣхъ, — равноправность любящихъ, равное отношеніе между ними, какъ людьми, и отъ этого одного новаго все во мнѣ много, о, много прекраснѣе, чѣмъ было въ нихъ».

«Отъ равноправности и свободы, и то мое, что было въ прежнихъ царицахъ, получаетъ новый характеръ, высшую прелесть, прелесть, какой не знали до меня, передъ которой ничто все, что знали до меня».

«До меня не знали полного наслажденія чувства, потому что безъ свободнаго влеченія обоихъ любящихъ ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ свѣтлаго упоенія. До меня не знали полного наслажденія созерцаніемъ красоты, потому что если красота открывается не по свободному влеченію, нѣтъ свѣтлаго упоенія ея созерцаніемъ. Безъ свободнаго влеченія, и наслажденія, и восхищенія мрачны предъ тѣмъ, каковы они во мнѣ».

«Моя непорочность чище той «Непорочности», которая говорила только о чистотѣ тѣла: во мнѣ чистота сердца. Я свободна, потому что во мнѣ нѣтъ обмана, нѣтъ притворства: я не скажу слова, котораго не чувствую, не дамъ поцалуя, въ которомъ нѣтъ симпатіи».

«Если хочешь однимъ словомъ выразить, что такое я, это слово — равноправность, равенство. Безъ него наслажденіе тѣломъ, восхищеніе красою, скучны, мрачны, гадки; безъ него нѣтъ чистоты сердца, есть только обманъ чистотою тѣла. Изъ него, изъ равенства, и свобода во мнѣ, безъ которой нѣтъ меня».

Конечно, все это въ абстрактѣ мысли, въ идеалѣ фантазіи прекрасно; но покорнѣйше прошу васъ отыскать что нибудь похожее на все это въ дѣйствительности? Воплотите вы представленіе о русской купчихѣ, русской городничихѣ или предѣлательшѣ и томной институткѣ, находящейся замужемъ за учителемъ, въ одномъ существѣ и

дайте этому существу равенство съ мужемъ! Но вѣдь это будетъ нѣчто ужасное! Всякій согласится скорѣе имѣть трехъ законныхъ женъ въ одно время, еслибъ это было возможно, чѣмъ имѣть одну такую супругу.

Конечно, г. Чернышевскій съ своей точки зрѣнія правъ. Онъ пишетъ романъ будущаго. Придетъ время, — лѣтъ черезъ тысячу, а можетъ быть, и гораздо раньше, лѣтъ черезъ пять сотъ, когда у насъ будутъ истинныя Астарты, истинныя Афродиты, истинныя Непорочности, слѣдовательно будутъ необходимые элементы для образованія той царицы, которой нѣтъ имени, тогда явится и эта царица... Теперь же... Да что теперь! Мы можемъ только махнуть рукой и сказать, что авторъ поводитъ себя самую чудовищную идеализацію для настоящаго времени. Крѣпкому смыслу, трезвому взгляду она, конечно, и теперь можетъ доставить большую пользу. Но мы, руссіане, склонные къ идеальничанью отъ нашей юности, не извлечемъ изъ нея ничего поучительнаго для себя, напротивъ, будемъ почерпать здѣсь истинную пагубу для нашихъ нравовъ и для нашей жизни. Я увѣренъ, что всякая кончившая курсъ въ институтѣ барышня и барыня, прочтя романъ г. Чернышевскаго, будетъ думать, что она-то именно и есть та извѣстная царица которая воплощаетъ въ себѣ и Астарту, и Афродиту, и Непорочность. И всякій влюбленный будетъ представлять, что его возлюбленная есть именно та неизвѣстная царица, которая совмѣщаетъ въ себѣ Астарту, и Афродиту, и Непорочность. — и поспѣшистъ сойтись съ этой царицей узами законнаго брака. А на другой день послѣ брака вмѣсто неизвѣстной царицы подлѣ него и окажется извѣстная русская Федора или Лукерья, которая въ добавокъ еще къ тому будетъ и огрызаться.

Такія бывають печальныя послѣдствія всѣхъ идеализацій!!

Нѣчто подобное было и остается послѣдствіемъ той великой идеализаціи, которая извѣстна подъ именемъ реформы Петра Великаго. Петръ, отправившись въ Европу, увлекся ею. Увлеченіе было весьма естественное, если вспомнимъ, что и мы доселѣ увлекаемся еще Европой, хотя давно уже пора бы перестать увлекаться гнилымъ западомъ, ибо кромѣ пагубнаго и злобознаго ничего въ немъ нѣтъ. Но увлекшись Европой, Великій Петръ впалъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ идеализацію. Онъ подумалъ, что очень не трудно слѣвать и изъ Россіи Европу, и напрягъ для выполненія этой цѣли всѣ исподинскія силы своего генія и не менѣе исподинскія силы своего многочисленнаго народа. Громадная ошибка въ своемъ началѣ непримѣтна была даже для такого великаго ума, каковъ былъ умъ Петра. Но въ наше время до того стали очевидны для всѣхъ плачевныя послѣдствія идеализаціи великаго человѣка, что даже г. Селевскій не даетъ Петру покоя, подкапы-

ваясь то и дѣло подъ его величіе. Однимъ изъ многихъ порожденій этой идеализаціи было безъ сомнѣнія и учрежденіе Петромъ Академія Наукъ съ цѣлію «науки производить и совершать». Петръ думалъ, что пересадить науки въ Россіи также легко, какъ преобразовать армію, что стоитъ только для ихъ, какъ и для послѣдней, выписать хорошихъ командировъ, которые бы ихъ «производили и совершали». Но дѣло, какъ и должно было ожидать, не пошло на ладъ. Учрежденіе, выросшее не изъ народа, не соображенное нисколько съ его потребностями, осталось мертвымъ и бесполезнымъ для него. Даже многіе знаменитые ученые, бывшіе въ разное время ея членами, не могли доставить подобающаго ей значенія. Институтъ для народа совершенно чуждый въ своемъ началѣ, затѣмъ росшій и жившій всегда совершенно изолированно отъ него, онъ и впослѣдствіи, когда въ народѣ возникла потребность образованія, и стало распространяться наконецъ самое образованіе, не умѣлъ примѣниться къ требованіямъ образованнаго общества и привлечь къ себѣ его симпатіи. Бывали времена, что въ русскомъ обществѣ примѣтнымъ образомъ обнаруживалось усиленное стремленіе къ пріобрѣтенію научныхъ знаній въ извѣстныхъ отрасляхъ наукъ; бывали времена, что это стремленіе замѣтно ослабѣвало, но все это не состояло ни въ какой связи съ тѣмъ или другимъ ходомъ науки въ стѣнахъ академіи. Тамъ наука была всегда сама по себѣ, не имѣя рѣшительно никакого вліянія на ходъ общественнаго знанія. Въ такомъ странномъ положеніи академія наукъ находится доселѣ къ русскому обществу, хотя разсматривая занятія гг. Академиковъ за послѣднее время, нельзя не видѣть, что нѣкоторые изъ нихъ хлопочутъ о томъ, чтобы труды свои сдѣлать интересными и полезными для общества: предъ нами лежитъ теперь отчетъ о послѣднихъ засѣданіяхъ Академіи, и мы кстати упомянемъ здѣсь о трудахъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ сказанномъ родѣ.

Выше мы изъявили сожалѣніе, что несчастный случай воспрепятствовалъ маститому нашему ученому М. П. Погодину выполнить задушевное свое намѣреніе написать исторію Россіи. Оказывается, что нѣтъ... Въ одномъ изъ засѣданій академіи, по отдѣленію русскаго языка и словесности, онъ читалъ списокъ рисунковъ и картъ, изъ которыхъ предполагаетъ составить атласъ для приготавлиаемаго имъ изданія русской исторіи до монгольскаго ига. Слѣдовательно исторія Россіи, равно понятная и для высшихъ сословій, и для низшихъ, и для свѣтскаго человѣка, и для разумнаго крестьянина, у насъ будетъ...

Академикъ Срезневскій представилъ между прочимъ нынѣ напечатанное изслѣдованіе свое о древнихъ изображеніяхъ святыхъ князей Бориса и Глѣба. Цѣлью этого труда было разсмотрѣть древнія одежды князей, сколько возможно, по древнимъ изображеніямъ и по

памятникамъ древней литературы. «Такое изслѣдованіе, — говоритъ отчетъ, — показало явно различіе одеждъ древнихъ и не древнихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность отличать не древнія копія древнихъ изображеній отъ болѣе позднихъ произведеній».

Если отчетъ не ошибается въ своемъ отзывѣ, въ чемъ, впрочемъ, мы весьма сомнѣваемся, то сочиненіе г. Срезневскаго должно быть полезное!

Академикъ Я. К. Гротъ не перестаетъ со всею неутомимостію, свойственною всякому истинному ученому, хлопотать о собраніи матеріаловъ для предпринятаго имъ изданія сочиненій Державина. Нынѣшнимъ лѣтомъ собраніе этихъ матеріаловъ, какъ видно изъ доклада г. Грота академіи, значительно увеличилось.

Нынѣшнимъ же лѣтомъ почтенный академикъ предпринималъ поѣздки на водопадъ Кивачъ, вослѣдствіемъ Державинымъ и находящійся на рѣкѣ Сунѣ въ 63 верстахъ къ сѣверо-западу отъ Петрозаводска. Поѣздка едва не стоила г. Гроту, какъ видно изъ записки, представленной имъ въ академію, жизни, ибо пьяные гребцы едва не опрокинули лодки, въ которой долженъ былъ ѣхать академикъ на разстояніи 7 верстъ до водопада по рѣкѣ. Но за то поѣздка увѣнчалась полнымъ успѣхомъ относительно приобрѣтенія свѣдѣній, нужныхъ для поясненія стихотворенія Державина. Оказалось, дѣйствительно, что водопадъ похожъ на алмазную гору, что гора сыплется, дѣйствительно, четырьмя скалами, а не тремя, какъ думали нѣкоторые: однимъ словомъ, все такъ есть и въ дѣйствительности, какъ изображено въ стихотвореніи. Читатель, можетъ быть, забылъ начало Державина стихотворенія, — потому приведемъ его здѣсь, а затѣмъ комментарий г. Грота.

Алмазна сыплется гора
Съ высоты четырема скалами;
Жемчугу бездна и серебра
Каплетъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече реветъ въ лѣсу гремитъ.

«Въ 7 часовъ утра», говоритъ г. Гротъ, «туманъ разсѣлся, и Кивачъ предсталъ намъ во всемъ своемъ великолѣпіи. Алмазная гора сыпалась передъ нами четырьмя скалами, или, говоря прозой, четырьмя уступами съ высоты нѣсколькихъ саженъ. Академикъ Озерцовскій, видѣвшій водопадъ въ одинъ годъ съ Державинымъ, насчитываетъ только три уступа: въ самомъ дѣлѣ, верхній уступъ такъ малъ, что можно усомниться, считать ли его особо, или нѣтъ. Широкая полоса воды у подошвы большаго утеса падаетъ бѣлою клуб-

щеюся массою пѣвы съ далеко летящими брызгами; по срединѣ высоты, при сіяніи солнца, образуется радуга, ярко рисующаяся по зелени прибрежнаго лѣса. Возлѣ главнаго полетна вода падаетъ по разсѣлинамъ скалъ нѣсколькими узкими струями».

Далѣе въ «Водопадѣ» Державина есть слѣдующія строфы:

Волкъ рыщетъ вокругъ тебя и, страхъ
Въ ничто вмѣняя, становится;
Огонь горитъ въ его глазахъ
И шерсть на немъ щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Онъ воетъ, согласясь съ тобой.

Лань идетъ робко, чуть ступаетъ,
Внявъ подъ твоихъ падающихъ ревъ;
Рога на спину преклоняетъ
И быстро мчится межъ деревь;
Ее страшитъ вокругъ шумъ, бурь свистъ
И хрупкій подъ ногами листъ.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, къ тебѣ порой идетъ:
Крутую гривву, жарку морду
Поднявъ, храпить, ушми прыдетъ;
И подстрекаетъ бывъ, бодрится,
Отважно въ хлѣбъ твою стремится.

Въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Державина къ этимъ тремъ строфамъ, неизвѣстно кѣмъ, сдѣлано слѣдующее поясненіе: «Здѣсь описываются свойства звѣрей, совершенно между собою различныхъ. Волкомъ изображается злоба, которая отъ ужаса стервенѣетъ; ланью изображается робость въ опасности; конемъ—гордость или честолюбіе, которое отъ препятствій раздражается и растетъ».

Благодаря сдѣланнымъ на мѣстѣ наблюденіямъ г. Грота, мы можемъ теперь не вѣрить этому символическому объясненію поэтическихъ образовъ.

«Рисуя картину водопада, — говоритъ г. Гротъ, — Державинъ не случайно вставилъ въ рамку ея волка и лань. Едва мы отплыли на обратномъ пути нѣсколько сажень отъ Кивача, какъ слухъ нашъ былъ дѣйствительно пораженъ воемъ волка; за нѣсколько минутъ до нашего отъѣзда, одинъ изъ гребцовъ случайно узналъ, что лошадь его разорвалъ волкъ. Идея присоединить и коня къ картинѣ водопада; вѣроятно, была внушена поэту тѣмъ, что прежде, когда средства сообщенія въ этомъ краю были хуже, къ Кивачу часто ѣздили верхомъ,

и чтобы посмотреть на него съ другого берега, переплывали туда лошадей. Впрочемъ замѣтимъ, что какъ въ этомъ изображеніи животныхъ, такъ и въ другихъ картинахъ, входящихъ въ составъ оды *Водопадъ*, Державинъ воспользовался нѣкоторыми чертами, поразившими его въ нѣснихъ барловъ. Ни одно изъ его произведеній такъ не проникнуто духомъ величественной поэзіи *Ossiana*, какъ *Водопадъ*.

Читатель видитъ, что поѣздка академика Грота не была безплодна. Такихъ драгоценныхъ свѣдѣній въ кабинетъ не добудешь. Воображаемъ, какъ двинулась бы впередъ разработка исторіи нашей литературы и процвѣла бы самая исторія, если бы всѣ ученые, подражая почтеннымъ академикамъ, убивали время на кропотливое собраніе такихъ крохотныхъ и незначущихъ объясненій ко всѣмъ нашимъ древнимъ вирше- и одо-писателямъ!

Академикъ Биларскій своихъ трудовъ не представлялъ академіи въ пынѣшнихъ засѣданіяхъ, но за то представилъ вниманію академіи рядъ критическихъ статей учителя полтавскаго кадетскаго корпуса Повомарева о книгѣ преосвященнаго Филарета «Обзоръ духовной литературы», которыя адъюнктъ Пекарскій нашелъ дѣйствительно достойными вниманія и отдѣльнаго изданія, — каковое предположеніе и одобрено отдѣленіемъ академіи.

Онъ же, академикъ Биларскій, совмѣстно съ адъюнктомъ Пекарскимъ представили отдѣленію о пользѣ, имѣющей произтечь отъ продолженія изданія систематическаго указателя книгъ и журнальныхъ статей, касающихся отечественной исторіи. Указатель этотъ подъ названіемъ «Русская историческая библіотека» напечатанъ, по предположенію академика А. А. Кунича, на счетъ академіи наукъ, и заключается въ себѣ библиографическія свѣдѣнія не только объ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, брошюрахъ и статьяхъ, вышедшихъ въ свѣтъ въ 1855 и 1856 г., но и обо всѣхъ ихъ рецензіяхъ. Добросовѣстность, съ какою исполнили этотъ трудъ служащіе при русскомъ отдѣленіи академіи наукъ гг. П. и Б. Ламбины, одѣлена всеми, кто имѣлъ надобность справляться съ «русской исторической библіотекой». Отдѣленіе, вполне соглашалось съ мнѣніемъ названныхъ членовъ своихъ, представляло о томъ конференціи академіи наукъ, которою постановлено пригласить гг. Ламбиныхъ къ составленію историческаго указателя за 1857 и слѣдующіе года и издавать его подъ тѣмъ же названіемъ «русской исторической библіотеки» на счетъ академіи наукъ.

Мы вполне согласны съ пользою изданія предложеннаго указателя; но... прежде, нежели выскажемъ свое мнѣніе, приведемъ еще другое подобное опредѣленіе академіи.

Адъюнктъ Пекарскій, изъяснивъ неудовлетворительность суще-

ствующихъ переводовъ путешествія Герберштейна и сознавая однакожь необходимость хорошаго перевода такого важнаго для русской исторіи сочиненія, представилъ на усмотрѣніе отдѣленію академіи: не признаетъ ли оно возможнымъ принять на счетъ академіи изданіе и переводъ труда Герберштейна?—Отдѣленіе академіи, согласившись съ представленіемъ г. Пекарскаго, опредѣлило: «принять мѣры къ пріисканію способнаго человѣка, который взялъ бы на себя трудъ предполагаемаго перевода, подъ руководствомъ отдѣленія, а между тѣмъ снестись съ историко-филологическимъ отдѣленіемъ о настоящемъ предположеніи».

Когда мы читали оба эти опредѣленія, намъ представилась слѣдующая весьма простая мысль: гг. Ламбины, служащіе при академіи, а равно и тотъ способный человѣкъ, къ пріисканію котораго приняты мѣры, — даромъ ли будутъ — первые составлять указатель, а послѣдній переводить Герберштейна или за какое нибудь вознагражденіе? Въ чемъ бы это вознагражденіе ни состояло, въ полученіи ли мѣста при академіи за хорошій трудъ, въ денежной ли наградѣ, въ предоставленіи ли въ пользу трудившагося печатаемыхъ на счетъ академіи экземпляровъ, — это въ настоящемъ случаѣ все равно. Если трудъ будетъ производиться за вознагражденіе, то почему не допустить въ немъ публичную конкуренцію? почему не объявить печатно, что, дескать, академія предположила издать такой-то трудъ, съ предоставленіемъ такихъ-то условій трудящемуся, и приглашаетъ къ тому всѣхъ желающихъ. Мы увѣрены, что и гг. Ламбины могутъ отлично составить указатель, и принятыми академіею мѣрами пріискаемый способный человѣкъ отлично переведетъ Герберштейна. Но очень вѣдь можетъ быть, что при вольной конкуренціи найдутся люди, которые и указатель составятъ, и Герберштейна переведутъ еще отличнѣе и гг. Ламбинскихъ, и способнаго человѣка, пріисканнаго мѣрами, принятыми академіею?—Вообще хотя мы твердо увѣрены, что академія въ своихъ начинаніяхъ и предположеніяхъ водится чистѣйшими намѣреніями и цѣлями, тѣмъ не менѣе не можемъ не сказать, что подобною замкнутостію въ своемъ кружкѣ, подобнымъ предоставленіемъ ученыхъ работъ лицамъ, въ ней служащимъ, или способнымъ людямъ, принятыми ею мѣрами пріисканнымъ, она весьма много вредитъ себѣ въ общественномъ мнѣніи.

Еще извѣстіе о сопряженіи академіи съ живымъ міромъ: «с.-петербургская таможня, препроводивъ въ академію одну звѣриную шкуру, просила опредѣлить ее для того, чтобы можно было затѣмъ примѣнить къ ней статью тарифа. По разсмотрѣніи шкуры въ засѣданіи, оказалось, что это шкура обыкновеннаго тюленя, называемаго въ Россіи просто тюленемъ, а въ Сибири нерпою, и извѣстнаго въ

наукѣ подѣ именемъ *Phoca vitulina*. Этотъ родъ тюленей водится по всему сѣверному Атлантическому океану, отъ Ледовитаго моря до Средиземнаго и отъ береговъ Европы до прибрежья Америки, и встрѣчается также весьма часто въ моряхъ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ. Шкуры, не имѣя достоинства мягкой рухляди, употребляются обыкновенно на обшивку сундуковъ, на изготовленіе охотничьихъ сумокъ, патронташей и подобнаго рода предметовъ. Положено: свидѣнія сіи сообщить санктпетербургской таможнѣ, съ возвращеніемъ самой шкуры».

Еще «академикъ Наукъ прочелъ статью о глаголѣ «*приш*». Полагаемъ, что въ русской жизни и это какъ нибудь пригодится при усиленіи классическаго образованія.

Читатель видитъ, что какъ ни очевидны усилія современныхъ намъ почтенныхъ дѣятелей академіи приблизить свои занятія къ потребностямъ русскаго современнаго образованнаго общества, тѣмъ не менѣе нельзя не сказать, что единственною прочною связью между образованнымъ обществомъ и академіею остается доселѣ *мѣсяцословъ*, каждагодно издаваемый академіею. Но и подѣ эту твердую связь уже нѣсколько лѣтъ каждагодно подкапываются разные журнальные зоплы, доказывая очень ясно и убѣдительно для всѣхъ, что *мѣсяцословъ* издается неудовлетворительно. Не правы ли мы были, когда говорили, что Петръ сильно идеализировалъ, думая основаніемъ академіи основать науку въ русскомъ народѣ?

Нельзя не сказать, чтобы въ нѣсколько подобной этому идеализаціи не находились мы и относительно нашихъ университетовъ. Мы никакъ не можемъ помириться съ мыслию, что наши университеты, какъ бы они хороши не были, никакъ не могутъ стоять на той степени высоты знанія, на какой стоятъ университеты иностранные. А между тѣмъ всѣ мы знаемъ очень хорошо, что это такъ должно быть и иначе быть не можетъ. Почему?—Потому, что хорошій университетъ требуетъ для своего существованія крѣпкой мысли въ обществѣ, которая бы не болзась пытливаго духа изслѣдованій ни въ какихъ сферахъ человѣческаго вѣдѣнія. А всѣ мы знаемъ, что не только такой крѣпости мысли нѣтъ въ нашемъ обществѣ, но что его мнительность и опасливость въ самыхъ незначительныхъ даже по видимому предметахъ доходитъ до поразительнаго и смѣшнаго безсмыслія. Назадѣ тому не болѣе какъ 30 лѣтъ въ московскомъ университетѣ — тогда лучшимъ изъ нашихъ университетовъ — профессора, избѣгали употребленія слова: любовь въ своихъ лекціяхъ, чтобы не развратить своихъ слушателей. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ одинъ изъ тогдашнихъ студентовъ московскаго университета г. Г. Г. въ 42 № «Дня».

«Мы встрѣтили Шевырева съ восторгомъ и слушали его лекціи съ наслажденіемъ. Расскажу на всякій случай всѣ обстоятельства, при которыхъ, *тридцать лѣтъ* назадъ, онъ началъ свои чтенія. Предметомъ его чтеній была исторія всеобщей литературы, новая кафедра, придуманная для него и потому упраздненная, и нашъ курсъ прослушалъ у него исторію поэзіи востока и обзоръ литературы. Шевыревъ читалъ по своему, нѣсколько лирически, но безъ тѣхъ педагогически классическихъ приемовъ, которыми отличалось большинство преподавателей. Онъ первый говорилъ намъ о поэзіи, о любви, тогда какъ слово *любовь* не упоминалось никогда на кафедрѣ, и даже тщательно обходились всѣ историческія событія и литературныя произведенія, гдѣ эта непримиримая страсть играла какую нибудь роль. На лекціяхъ русской словесности мы разбирали древне-русскихъ писателей, потомъ Ломоносова, Державина, Дмитріева, Хераскова, Озерова, Карамзина; Жуковскій допускался съ большими ограниченіями, о Пушкинѣ упоминалось только по поводу эпической поэмы и читались отрывки изъ Полтавы, въ которыхъ тщательно избѣгалось все, что напоминало о любви Маріи и Мазепы; на лекціяхъ всеобщей исторіи пропускалось все, что могло бы оскорбить нашу нравственность, даже не упоминалось о вліяніи женщинъ во времена Людовика XIV и Людовика XV; осторожность въ этомъ отношеніи нашихъ профессоровъ по истинѣ умилительна; такъ напримѣръ, Каченовскій, читая лекцію изъ римской исторіи о второмъ триумviratѣ, сообщилъ намъ, что Антоній такъ сильно уважалъ Клеопатру, что лишилъ себя жизни. Послѣ всего этого какъ намъ было не придти въ восторгъ, когда мы слышали съ кафедры, хотя бы разборъ индійской драмы «Сакунтала», только что появившейся тогда въ переводѣ Шеза? какъ не возрадоваться намъ было услышавъ полное изложеніе Иліады и Одиссеи, тогда какъ прежде во избѣжаніе оскорбленія нашей нравственности намъ представляли одинъ островъ ихъ, лишенный всякой поэзіи? Понятно, что С. П. Шевыревъ заговорившій съ нами новымъ несслыханнымъ прежде языкомъ, столь пріятнымъ для молодежи, сразу сдѣлался нашимъ любимцемъ».

Намъ могутъ сказать, что описываемое въ приведенномъ нами отрывкѣ происходило назадъ 30 лѣтъ. Въ отвѣтъ на это мы можемъ указать на современныя журнальныя преслѣдованія матеріалистическихъ воззрѣній, малороссійской литературы и т. п., которыя показываютъ, что мы очень не далеко ушли отъ того состоянія, въ которомъ находилось наше общество за 30 лѣтъ назадъ. Устраняетъ ли новый университетскій уставъ тѣ препятствія, которыя можетъ встрѣтить свободное научное изслѣдованіе съ этой стороны!—Не видно этого. Новый уставъ университета ограничивается исключительно распредѣленіемъ

вышнихъ занятій, обязанностей, правъ разныхъ членовъ, принадлежащихъ къ составу университета; о преподаваніи самыхъ наукъ, характеръ этого преподаванія, духъ, направленіи и т. п., не говорится ни слова. Очень можетъ быть, что этимъ уже самымъ предоставляется самая широкая свобода духу свободного изслѣдованія. Однакожь изъ нѣкоторыхъ параграфовъ устава видно, что всѣ науки будутъ преподаваться не иначе, какъ по программамъ, утвержденнымъ совѣтомъ, что ректоръ университета (§ 28) будетъ наблюдать, чтобы «университетское преподаваніе шло правильно», что (§ 34) «о неисправности и неправильныхъ дѣйствіяхъ преподавателей онъ будетъ сообщать, по усмотрѣнію, университетскому совѣту или факультетскому собранію, а въ случаяхъ важныхъ доводить до свѣдѣнія попечителя», что (§ 26) «попечитель учебнаго округа принимаетъ всѣ нужныя по усмотрѣнію его мѣры, чтобъ принадлежащіе къ университету мѣста и лица исполняли свои обязанности, и въ случаяхъ чрезвычайныхъ уполномочивается дѣйствовать всѣми способами, хотя бы они и превышали его власть, съ обязанностію конечно доводить о подобныхъ случаяхъ до свѣдѣнія министра». Всѣ эти мѣста конечно не довольно ясны, однакожь даютъ поводъ думать, что въ рукахъ попечителей и ректоровъ будутъ инструкціи, въ которыхъ будетъ разъяснено, какое преподаваніе считать правильнымъ, какое нѣтъ. Очень жаль, что въ уставѣ опущена существеннѣйшая часть его, т. е. та часть, въ которой бы категорически былъ выраженъ взглядъ устава на свободу научныхъ изслѣдованій и обозначены тѣ предѣлы, далѣе которыхъ не можетъ идти эта свобода. Эту внутреннюю сторону преподаванія и желала бы болѣе всего знать публика; кромѣ того, эта же только сторона, облеченная въ букву закона, и можетъ упрочить постоянное процвѣтаніе университетской науки. Уставъ, изданный въ настоящее время, можетъ остаться неизмѣннымъ въ теченіи ста лѣтъ. Вzglды исполнителей его на науку могутъ сильно мѣняться; разнообразно этимъ взглядамъ могутъ сильно въ разное время мѣняться и частныя инструкціи, даваемые попечителямъ и ректорамъ о *правильномъ и неправильномъ* преподаваніи, при видимой неизмѣнности самаго устава. Ясно, что уставъ остается только вышшею формою, несколько не гарантирующею на будущее время высоты и широты университетскаго знанія.

Всякій вѣкъ имѣетъ весьма естественное право считать себя лучшимъ предшествовавшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ считать свои начинанія и дѣйствія лучшими. Такъ смотритъ и, конечно, не можетъ иначе смотрѣть на сдѣланныя имъ преобразованія и новый университетскій уставъ. Но достоинство преобразованій можетъ вполне оцѣнить только время. Говоря это, мы разумѣемъ, конечно, не матеріальныя преобра-

зованія, гдѣ улучшение осязательно доказывается прямою и очевидною цифрою. Если прежде на учебныя пособія каждый университетъ получалъ по 68,700 р. асс., а по новому уставу будетъ получать по 36,945 р. сер., то очевидно, что новый уставъ дѣлаетъ несомнѣнное улучшение, равнымъ образомъ, если прежде ординарный профессоръ получалъ 1,300 р. сер., а по новому уставу будетъ получать 3,000 р. сер., то и здѣсь не менѣе того очевидно, что новый улучшилъ матеріальное положеніе профессоровъ. Нельзя того же сказать о явленіяхъ нравственной жизни, которыя должны выродиться изъ возрѣній, проведенныхъ въ новомъ уставѣ. Ихъ достоинство и то или другое вліяніе на ходъ образованія можетъ опредѣлить только время — мы можемъ только гадать. По прежнему возрѣнію университетская корпорація, состоящая изъ профессоровъ и студентовъ, связывалась единственно интересомъ знанія; для тѣхъ и другихъ не существовало никакихъ обязательныхъ другъ къ другу отношеній, кромѣ отношеній, вытекающихъ непосредственно изъ этого интереса. Но вслѣдствіе именно отсутствія обязательности отношеній между тѣми и другими легко возрождалась и закрѣплялась связь внутренняя, нравственная, основанная на взаимномъ уваженіи личныхъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ. По новому возрѣнію университетскую корпорацію составляетъ только ученое его сословіе. Студенты, по отношенію къ университету, лица пришлые, и какъ выражается пояснительная къ уставу записка, «лица самостоятельныя и на время только приходящія въ университетъ». Принимая къ себѣ этихъ случайныхъ гостей, ученая корпорація не только учитъ ихъ, но въ лицѣ всѣхъ ординарныхъ и экстраординарныхъ профессоровъ, составляющихъ университетскій совѣтъ, блюдетъ за ихъ поведеніемъ въ стѣнахъ университета, т. е. держитъ здѣсь свою полицію, свой судъ, утверждая притомъ приговоры послѣдняго каждый разъ всѣмъ своимъ составомъ, т. е. становясь вмѣстѣ съ нимъ на одну степень низшей и при всемъ томъ, однакожь, безъапелляціонной инстанціи. Отношенія студентовъ къ профессорамъ, какъ видитъ читатель, по новому возрѣнію дѣлаются совершенно иныя, чѣмъ были прежде. Прежде студентъ состоялъ въ обязательныхъ отношеніяхъ и то лишь *учебныхъ* только къ тѣмъ профессорамъ, которыхъ онъ слушалъ. Теперь онъ подчиненъ вліянію всѣхъ профессоровъ и не *учебному* только. Всякій профессоръ теряетъ для него чисто ученый характеръ; онъ дѣлается по отношенію къ нему въ извѣстной степени чиновникомъ. Кромѣ того, можно навѣрное полагать, что небольшое ученое сословіе университета, тѣсно между собою связанное, выбиралъ изъ своей товарищеской среды органы полиціи и суда, не только будетъ, но и будетъ поставлено нѣкоторымъ образомъ въ необходимость утверждать своимъ,

замѣтить, безапелляціоннымъ согласіемъ ихъ приговоры, какъ бы они несправедливы ни были. Ибо какъ бы мы высоко ни представили себѣ гг. профессоровъ, облеченныхъ въ полицейскія и судебныя должности, но мы не можемъ не предполагать, что они могутъ имѣть тоже свое предубѣжденіе противъ извѣстныхъ студенческихъ личностей, свою неприязнь къ нимъ, могутъ личными несприятностями раздражаться, какъ все люди и т. п. Съ этой точки зрѣнія намъ кажется, что въ прежнемъ порядкѣ, гдѣ участь студентовъ зависѣла отъ инспектора и попечителя, для правосудія было больше гарантіи. Попечителю не было нужды и цѣля поддерживать неправильное рѣшеніе инспектора; къ тому же мы знаемъ, что попечители при своихъ рѣшеніяхъ важныхъ студенческихъ дѣлъ не по обязанности, конечно, а по естественному желанію быть справедливыми, всегда принимали во вниманіе отзывы извѣстныхъ членовъ совѣта о студентахъ. Въ пояснительной запискѣ къ уставу есть такое предложеніе, что члены полиціи и суда, избранные изъ ученаго сословія, будутъ имѣть нравственный авторитетъ. У насъ есть заведенія, гдѣ полиція и судъ принадлежатъ наставникамъ заведенія, но въ этихъ заведеніяхъ, все лица, исправляющія полицейскіе и судебныя обязанности, всегда пользовались и пользуются самою искреннею ненавистію питомцевъ заведенія. Мы уже не говоримъ о томъ, какъ при такомъ совмѣщеніи полицейскихъ и судебныхъ обязанностей съ обязанностію учителя, по слабости человѣческой, нерѣдко изъ учителя вырождается чистый начальникъ, совершенно неглижирующій наукою, а изъ питомцевъ образуются угодливые чиновники, старающіеся замѣнить ревность въ ученіи хорошимъ поведеніемъ, требуемымъ извѣстными наклонностями начальника.

Есть и еще неудобство для ученаго сословія, которое можетъ произойти изъ возложенныхъ на него полицейскихъ и судебныхъ обязанностей по университету. Ученое сословіе прежде радовалось, какъ и прилично ученому сословію, распространенію университетскаго знанія въ обществѣ, старалось всеми средствами сдѣлать доступъ къ нему удобнымъ какъ можно для большаго числа людей, однимъ словомъ, готово было отворить двери университета всему и каждому. Теперь это едва ли будетъ такъ. Обязанное охранять спокойствіе въ стѣнахъ университета и отвѣчать за порядокъ въ немъ, ученое сословіе будетъ съ подозрительностію смотрѣть на входящихъ искать знанія и возбѣжаніе отвѣтственности, могущей пасть на него въ случаѣ безпорядковъ, будетъ эгоистично стараться о томъ, чтобы разными стѣсненіями ограничить число посѣтителей университетскихъ лекцій. Въ этомъ случаѣ дѣйствія его будутъ идти въ разрѣзъ и съ намѣреніями правительства, конечно, желающаго возможно большаго распростра-

ненія знанія въ обществѣ, и самого устава, открывающаго двери университета для всѣхъ желающихъ. Въ этомъ случаѣ наши предположенія уже негадательныя, а могутъ быть подтверждены нѣкоторымъ опытомъ. Недавно обнародованы правила с.-петербургскаго университета для постороннихъ слушателей. Всякій, кто прочтетъ ихъ, увидитъ, что правила эти, условливая допущеніе вольныхъ слушателей въ университеты разными обременительными требованіями, отлично будутъ достигать своей цѣли, т. е. обезпечивать порядокъ въ стѣнахъ университета; но вмѣстѣ съ тѣмъ, они несомнѣнно поведутъ не только къ сокращенію числа вольныхъ слушателей въ университетахъ, но и къ совершенному ихъ прекращенію. Вотъ эти правила:

«Правила для постороннихъ слушателей лекцій въ санктпетербургскомъ университетѣ. — § 1) Къ посѣщенію университетскихъ лекцій допускаются посторонніе слушатели по нижеслѣдующимъ правиламъ. § 2) Посторонними слушателями могутъ быть только лица мужскаго пола, достигшія 17-ти-лѣтняго возраста, къ какому бы званію или сословію они ни принадлежали. Примѣчаніе: Въ случаяхъ заслуживающихъ особеннаго уваженія, могутъ, съ разрѣшенія совѣта, быть допускаемы посторонніе слушатели, имѣющіе не менѣе 16-ти лѣтъ отъ роду. § 3) Посторонніе слушатели допускаются на лекціи въ университетѣ не иначе, какъ съ вѣдома ректора, съ согласія каждаго профессора или доцента, котораго лекціи желаютъ посѣщать, и со взносомъ установленной платы. § 4) Желающій слушать университетскія лекціи, въ качествѣ посторонняго слушателя, подаетъ ректору университета прошеніе, съ означеніемъ, въ этомъ прошеніи, по какому факультету и разряду, всѣ ли лекціи курса или только лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ, и какихъ именно, желаетъ посѣщать, а также съ привосоккупленіемъ обязательства повиноваться университетскому начальству и соблюдать въ зданіяхъ и учрежденіяхъ университета порядокъ, установленный настоящими правилами. Въ прошеніи должны быть означены годъ, мѣсяцъ и число, когда оно подано, и адресъ просителя. § 5) Къ прошенію прилагаются: метрическое свидѣтельство, утвержденное духовною консисторіею, или другой документъ, могущій служить положительнымъ удостовѣреніемъ о возрастѣ просителя. Эти документы остаются въ университетѣ во все время, на которое выдается дозволеніе посѣщать университетскія лекціи. § 6) Прошенія о дозволеніи посѣщать университетскія лекціи въ качествѣ посторонняго слушателя можно подавать въ продолженіе всего академическаго года. § 7) Позволеніе постороннимъ слушателямъ посѣщать лекціи выдается не далѣе, какъ до конца текущаго полугодія, въ который подано прошеніе, а потому, въ началѣ каждаго полугодія, требуется возобновленіе прошенія порядкомъ, въ § 4 установленнымъ. Примѣчаніе: Полугодія опредѣляются: 1-е съ 15-го августа по январь, а 2-е съ января до каникулъ. § 8) Такія прошенія, по полученіи ихъ въ канцелярію, вмѣстѣ съ приложенными къ нимъ

документами, немедленно передаются тѣмъ преподавателямъ, лекціи которыхъ посторонній слушатель желаетъ посѣщать. Преподаватели на самомъ прошеніи отмѣчаютъ, согласны ли они на то, чтобы просителю выдано было дозволеніе посѣщать ихъ лекціи. § 9) На основаніи согласія профессоровъ и доцентовъ, если, притомъ, со стороны ректора университета не встрѣтится какихъ либо препятствій къ выдачѣ дозволенія, подавшій прошеніе вноситъ назначенную плату за слушаніе лекцій, по-рядкомъ, установленнымъ въ правилахъ о сборѣ этой платы, и засимъ немедленно получаетъ отъ секретаря по студентскимъ дѣламъ, за подписью ректора, свидѣтельство по установленной формѣ, съ обозначеніемъ профессоровъ и доцентовъ, которые изъявили согласіе допустить его на свои лекціи. Вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ выдается по одному экземпляру настоящихъ правилъ. При возобновленіи свидѣтельства на слѣдующій годъ или для слушанія другихъ лекцій, прежде выданное постороннему слушателю свидѣтельство должно быть возвращено въ канцелярію, для уничтоженія. § 10) Безъ такого свидѣтельства никакое постороннее лицо не можетъ являться на лекцію, безъ особеннаго на то дозволенія ректора университета или профессора, читающаго лекціи. Впрочемъ, ректоръ или профессоръ можетъ допустить посѣтить лекцію не болѣе 3-хъ разъ. § 11) Свидѣтельство, выданное отъ университета постороннему слушателю, ни въ какомъ случаѣ, не можетъ быть передано имъ другому лицу, подъ опасеніемъ отобранія его, безъ возврата внесенныхъ денегъ за слушаніе лекцій и съ потерю права на будущее время посѣщать университетскія лекціи. § 12) Посторонніе слушатели лекцій въ санктпетербургскомъ университетѣ не получаютъ отъ университета никакого документа для жительства въ городѣ или для отъѣзда изъ онаго, но обясаны имѣть для этого установленные документы, выданные имъ отъ надлежащихъ начальствъ. § 13) Отъ постороннихъ слушателей требуется соблюденіе приличія: не дозволяется выраженіе одобренія или порицанія на лекціяхъ. § 14) Постороннимъ слушателямъ запрещается курить въ университетѣ табакъ, составлять сборища или сходки въ университетѣ, дворахъ и садахъ его и выставять какія бы то ни было объявленія. § 15) Постороннимъ лицамъ, за нарушеніе установленныхъ правилъ, можетъ быть воспрещенъ, по распоряженію инспектора, дальнѣйшій входъ въ университетъ. Нодольные его распоряженія могутъ жаловаться правленію. Въ случаѣ важныхъ безпорядковъ, причиненныхъ въ университетѣ кѣмъ нибудь изъ ностороннихъ лицъ, воспрещеніе совѣтомъ входа такому лицу въ университетъ можетъ быть опубликовано въ вѣдомостяхъ. § 16) Если нарушеніе посторонними слушателями университетскихъ правилъ сопровождалось какимъ либо проступкомъ, а тѣмъ болѣе уголовнымъ преступленіемъ, то дѣло его, какъ неподлежащаго вѣдомству университета, препровождается въ обыкновенный судъ, для поступленія съ виновнымъ по законамъ».

Можетъ быть, впрочемъ, правила, опубликованныя теперь петербургскимъ университетомъ, только временная мѣра, вызванная осо-

бными обстоятельствами его, бывшими поводомъ къ закрытію самаго университета... Можетъ быть, они скоро измѣнятся къ лучшему... Можетъ быть, и опасенія, которыя мы высказываемъ по поводу соединенія въ рукахъ ученаго сословія университетовъ — полиціи и суда, имѣлись въ виду при составленіи устава и приняты мѣры для прелотворенія всего неудобнаго, могущаго произойти отъ такого соединенія... Дай Богъ! Мы высказывали наши замѣчанія единственно съ тою цѣлю, чтобы богатая надежда, ожидаемая отъ новаго преобразованія университетовъ, не осталась такой же идеализаціей, какой оказались и надежды прежнихъ преобразованій.

Однако же намъ давно пора обратиться къ нашему предмету.

Склонность къ идеализаціи, общая слабость всѣхъ насъ русскихъ, очень сильна и въ путешественникахъ, даже еще едва ли не сильнѣе, чѣмъ въ комъ нибудь другомъ. Особенно усилили эту склонность «усовершенствованные пути сообщенія». Прежде, отправляясь въ путешествіе, путешественникъ все-таки предпринималъ нѣкоторыя предосторожности: и экипажецъ посмотритъ со всѣхъ сторонъ, гдѣ нужно, починитъ, и ось одну, другую возьметъ въ запасъ, если оси у экипажа деревянные, и пирожковъ, булочекъ, сыру, вообще съѣстнаго возьметъ на дорогу, а главное денегъ захватитъ побольше; ибо на какое бы незначительное разстояніе онъ ни отправлялся, трудно было даже съ нѣкоторою приблизительностію гадать, когда пріѣдетъ на мѣсто. Все зависѣло, такъ сказать, отъ воли Божіей. Можно было при счастіи пріѣхать и въ недѣлю, а можно было проѣхать и два мѣсяца. Теперь же путешественникъ и ухомъ не ведетъ, отправляясь въ дорогу по путямъ усовершенствованнымъ. Ибо твердо вѣритъ въ газетныя объявленія разныхъ обществъ, владѣющихъ этими путями. Читая въ газетахъ, что пароходъ такого-то общества приходитъ туда тогда-то, отходитъ тогда-то и т. п., путешественникъ высчитываетъ дни, сколько онъ проѣдетъ и съ увѣренностію говорить: я проѣду столько-то дней, заплачу за проѣздъ столько-то, на продовольствіе себя во время пути пищею и питіемъ издержу столько-то, — всего столько-то. И эту сумму, оказавшуюся по его исчисленію нужною въ дорогѣ, онъ только и беретъ съ собою, — что называется въ обрѣзъ — ни больше, ни меньше. Несчастный путникъ, увлеченный идеализаціей, не хочетъ принять во вниманіе даже того, что на усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія также многое зависитъ отъ воли Божіей, какъ и на путяхъ натуральныхъ. Положимъ, что на пароходѣ есть всегда и дрова, и огонь, или уголь и огонь; — но если вѣтеръ выгонитъ воду изъ русла рѣки, какъ это бываетъ въ Донскихъ гирляхъ, при впаденіи Дона въ Азовское море, то не можетъ же пароходъ безъ воды идти по суху. А вѣдь неблагоприятный

нѣтеръ можетъ дуть и два, и три, четыре дня. Кто ему воспретить? Не можетъ также пароходъ въ назначаемое обществомъ пароходства по Дону и Азовскому морю время проходить изъ Ростова на Дону въ Галачъ, когда на Дону существуетъ безчисленное множество перекатовъ, и на большей части изъ нихъ пароходъ все нѣсколько времени и посидитъ, и посидитъ, — а посидѣвши, онъ, естественно, опоздаетъ совершенно неповинно и слѣдовательно юридически законно къ отходу поѣзда желѣзной дороги изъ Калача въ Царицынъ. Ибо отправляющійся неизмѣнно въ нѣкоторые часы дня поѣздъ не можетъ же васъ ждать съ пароходомъ; — слѣдовательно, приплывши позже, вы обязываетесь подождать его сутки. Волга, положимъ, не то, что Донъ; на ней нѣтъ перекатовъ, и пароходныхъ обществъ на ней много: пароходы отходятъ каждый день изъ всѣхъ ея пристаней. Но и Волга также не безъ препятствій, хотя она и глубока. И объ ней путешественникъ долженъ бывасть иногда повторить то же, что сказалъ поэтъ:

Средь Волги, рѣченьки глубокой,
Стоялъ я долго на мели,
И мыслилъ о судьбѣ высокой
Родимыхъ водъ, родной земли.
Вы хитры, — мнилъ я, — иноземцы,
Вы пароходъ изобрѣли;
Но все жъ на Волгѣ мы васъ, нѣмцы,
По суткамъ держимъ на мели.

Конечно, паровозы, имѣющіе поприщемъ своего дѣйствія стихію твердую, какова земля, и сами являются болѣе твердыми и солидными въ исполненіи своихъ обѣщаній, публикуемыхъ въ объявленіяхъ, чѣмъ пароходы, но и они, какъ все на Руси, не безъ нѣкоторыхъ отступленій отъ той рутины, которая возвѣщается въ ихъ объявленіяхъ.

Изъ сего слѣдуетъ, что всякій путешественникъ, отправляясь въ путь на болѣе или менѣе значительное разстояніе даже по усовершенствованнымъ путямъ сообщенія, никакъ не долженъ думать, что онъ проѣдетъ именно то число дней, какое выходитъ по объявленіямъ, публикуемымъ въ вѣдомостяхъ обѣихъ столицъ объ этихъ путяхъ, — а долженъ быть твердо увѣренъ, что проѣдетъ на худой конецъ вдвое долѣе, чѣмъ сколько значится въ объявленіяхъ.

А изъ сего вытекаетъ другое необходимое заключеніе, что и денегъ на худой конецъ онъ долженъ брать вдвое болѣе, чѣмъ сколько полагаетъ онъ взять по исчисленію, сдѣланному имъ по объявленіямъ о цѣнѣ и времени поѣзда, и по примѣрному соображенію о со-

державинъ въ тѣхъ мѣстахъ, отъ которыхъ цѣль не публикуется, и о непредвидѣнныхъ расходахъ.

Это два весьма важныя предостереженія. Но есть еще третье, которое едва ли не важнѣе ихъ. Именно, хотя на усовершенствованныхъ путяхъ сообщенія паспортовъ спрашивать у проѣзжающихъ у насъ не положено, тѣмъ не менѣе никакой путешественникъ не можетъ и думать отправиться въ путь на какое бы то ни было разстояніе безъ этого свидѣтельства о своей личности. Боже сохрани! Иначе я никакимъ образомъ ни за что не могу поручиться, ни даже за благополучное возвращеніе его домой.

Читатель! Какъ ни неважными представляются тебѣ сіи мои наставленія, но если у тебя есть намѣреніе путешествовать, сохрани ихъ въ сердцѣ своемъ. Вѣрь мнѣ, что въ пути, опытно ты поймешь всю ихъ мудрость и, быть можетъ, не одинъ разъ благословишь меня въ глубинѣ души своей.

РѢЧЬ НАПОЛЕОНА III.

Вся Европа, можно даже сказать, весь свѣтъ съ напряженнымъ нетерпѣніемъ ожидали рѣчи, которую произнесетъ французскій императоръ при открытіи законодательной сессіи сената и законодательнаго корпуса во Франціи; всѣ ожидали ее, какъ событія, которое непременно произведетъ болѣе или менѣе сильное колебаніе на вѣсахъ европейскаго положенія, наклонитъ судьбу Европы въ одну какую нибудь сторону и дастъ возможность опредѣлить напередъ, въ какую именно. Вотъ почти годъ, какъ надъ Европою тяготѣетъ мучительный вопросъ—быть или не быть войнѣ; вѣроятность войны и вѣроятность мира были совершенно одинаковы, положеніе дѣлъ постоянно измѣнялось и говорило то въ пользу первой, то въ пользу второй вѣроятности; одинъ день всѣ признаки предвѣщали войну, на другой день являлись признаки совершенно противоположные, подававшіе несомнѣнную надежду на миръ. Вслѣдствіе этого въ общественномъ мнѣніи образовались двѣ стороны, изъ которыхъ одна надѣялась на ненарушимость мира и имѣла основаніе для своей надежды, а другая предсказывала войну, и тоже имѣла основаніе для своихъ предсказаній. Всѣ были увѣрены, что рѣчь Наполеона положитъ конецъ спорамъ, рѣшитъ вопросъ, разъяснитъ положеніе и покажетъ, чего слѣдуетъ ожидать, мира или войны. Вотъ какое важное значеніе имѣютъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія всего свѣта слова Наполеона! Недавно произносились, или скоро будутъ произноситься тронныя рѣчи въ парламентахъ многихъ европейскихъ государствъ; но Европа спокойно и почти равнодушно относится къ этимъ рѣчамъ и интере-

суется ими только, какъ предметами простаго любопытства, а не какъ роковыми событіями, могущими имѣть вліяніе на общій ходъ европейскихъ дѣлъ. Провозглашаетъ ли, наприм., испанская королева въ своей тронной рѣчи предъ кортесами миръ, или обнаруживаетъ виновственныя намѣренія, — это для всей Европы имѣетъ небольшую важность и живо можетъ интересовать развѣ только Португалію, потому что только для нея одной могутъ быть страшны испанскія силы, отъ которыхъ остальная Европа ограждена съ суши и съ моря Франціей и Англіей. Также безопасно и безболзненно можетъ относиться Европа и къ намѣреніямъ всѣхъ другихъ несильныхъ государствъ, окруженныхъ и сдерживаемыхъ сильными сосѣдями; она увѣрена, что, каковы бы ни были ихъ намѣренія, до осуществленія этихъ намѣреній еще далеко, что они едва ли когда нибудь и осуществятся. Когда Викторъ-Эммануилъ говоритъ о своихъ надеждахъ на Римъ, то всѣ знаютъ, что его слова просто только *pium desiderium*, и даже папа не очень беспокоится по поводу ихъ, зная, что осуществленіе этихъ словъ вовсе не зависить отъ говорящаго и превышаетъ его средства. Даже между великими державами не всѣ кажутся одинаково важными въ глазахъ Европы; намѣреніями однихъ она интересуется и смущается болѣе, чѣмъ другихъ. Объ Англіи, напримѣръ, Европа знаетъ, что это страна неповоротливая, мало подвижная, сильнопривязанная къ старому и установившемуся, разсчитывая и осторожная, что она прежде сто разъ примѣритъ, и только одинъ разъ отрѣжетъ; поэтому намѣренія и замыслы Англіи не очень страшны, до приведенія ихъ въ исполненіе она будетъ очень долго думать, а можетъ, наконецъ, и совсѣмъ раздумаетъ. Понятно, что слова людей, руководящихъ судьбою Англіи, не могутъ возбуждать особенно сильнаго, такъ сказать, лихорадочнаго интереса; отъ нихъ рѣдко можно ожидать чего нибудь новаго, необыкновеннаго, рѣшительнаго, какихъ нибудь широкихъ неожиданныхъ замысловъ, направленныхъ къ измѣненію существующаго. Поэтому англійскія даже тронныя рѣчи и ихъ ожиданія не особенно волнуютъ сердце Европы. Кромѣ тронныхъ рѣчей англійскіе министры говорятъ свои торжественныя личныя рѣчи болѣею частію послѣ обѣдовъ, предъ слушателями, нѣсколько отуманенными вслѣдствіе обѣденныхъ возліаній, подобно самимъ ораторамъ, такъ что и у тѣхъ и у другихъ центръ тяжести, конечно, заключается въ желудкѣ; рѣчь говорится потому, что принято говорить ее, потому что нужно же что нибудь сказать, и потому она часто бываетъ просто ораторскимъ угощеніемъ слушателей. Подобныя рѣчи едва ли въ состояніи живо заинтересовать собою образованный міръ. — Напротивъ, намѣренія и замыслы Франціи важны для Европы, которая имѣетъ много причинъ беспокоиться на счетъ ихъ. Франція страна могуще-

ственная, нестѣсненная сильными сосѣдями; французы—совершенная противоположность англичанамъ—народъ живой, подвижный, впечатлительный, увлекающійся; въ увлеченіи имъ также легко отказаться отъ своего стараго, какъ легко сбросить съ себя старое платье; между тѣмъ, какъ англичане боятся наложить руку даже на какойнибудь частный, устарѣвшій двухсотлѣтній законъ, французы въ теченіи короткаго періода успѣли разъ десять передѣлать самыя основанія своего государственнаго устройства. Въ головѣ Франціи легко могутъ родиться самыя рискованныя, дерзкіе, даже безумныя планы, и она не задумается произвести попытку ихъ осуществленія; руки у ней не связаны, и она можетъ направлять свои удары во всѣ стороны; ее не удержитъ мозаическая Германія, неокрѣпшая и неустановившаяся Италія, ничтожная Швейцарія или Бельгія; даже Англія едва ли была бы въ состояніи обуздать французскіе порывы. Понятно, что Европѣ очень интересно знать, какія намѣренія имѣетъ Франція, и что говоритъ человѣкъ, управляющій ею. Впрочемъ, слова Наполеона интересуютъ Европу не только потому, что онъ императоръ французовъ, но еще и даже главнымъ образомъ потому, что онъ не ктонибудь другой, напримѣръ, не Людовикъ Филиппъ, а Людовикъ Наполеонъ. То обстоятельство, что Наполеонъ, не смотря на французскую конституцію, есть абсолютный монархъ, имѣетъ важное значеніе; въ его дѣйствіяхъ его никто не можетъ стѣснить, ни парламентъ, ограничивающій конституціонныхъ государей, ни отвѣтственные совѣтники министры. Россель сказалъ свою пресловутую рѣчь о непризнаніи трактатовъ 1815 года въ нѣкоторыхъ пунктахъ, касающихся Россіи; публика подумала, что въ такомъ смыслѣ онъ пошлетъ ноту въ Петербургъ, но Пальмерстонъ не согласился отправлять такую ноту, и дѣйствительно, Россель, вмѣсто грозной ноты, какой можно было ожидать, судя по его рѣчи, отправилъ ноту весьма дружественную; очевидно, что рѣчи Росселя не стоятъ особеннаго вниманія. Пальмерстонъ тоже недавно сказалъ обѣденную рѣчь, въ которой повторилъ вещи, всѣмъ давно извѣстныя, и высказалъ надежду, что Россія измѣнитъ свою систему дѣйствій; очевидно, эта надежда просто краснорѣчивая фраза, и Россія не измѣнится въ угоду Пальмерстону. Другое дѣло рѣчи Наполеона. Онъ не подчиняется ничѣмъ внушеніямъ, безотвѣтныя министры не совѣтники у него, а исполнители, не они на него, а онъ на нихъ имѣетъ вліяніе; всѣ его слова и намѣренія составляютъ продуктъ его собственной самостоятельной мысли, онъ ихъ не измѣнитъ, его не разубѣдятъ ни министры, ни партіи, ни сенаторы, ни депутаты оппозиціонные. Но самую большую важность словамъ Наполеона придаютъ его личныя качества, его таланты, которымъ одинаково удивляются и поклонники и враги его, и въ которыхъ общественное мнѣніе ви-

дѣтъ гениальность. Личныя качества Наполеона, т. е., умственная сила и матеріальная сила Франціи, состоящая въ его полномъ распоряженіи, дѣлають Наполеона существомъ всемогущимъ въ глазахъ общественнаго мнѣнія; всѣ болѣе или менѣе увѣрены, что, какъ онъ скажетъ, такъ и будетъ, что задумаетъ, то непремѣнно исполнитъ, потому что на исполненіе у него хватитъ и моральныхъ силъ, заключающихся въ немъ самомъ, и матеріальныхъ средствъ, на которыя неистощима могущественная и воинственная Франція. Здѣсь невольно вспоминается, какъ будто для утвержденія этой увѣренности, блестящій образъ Наполеона I, этого всемогущаго полу-бога, который игралъ почти всей Европой, какъ мячикомъ, и по стопамъ котораго идетъ Наполеонъ III, рѣшившійся какъ разъ теперь произвести на Вандомской колоннѣ «апотеозу» своего дяди.

Послѣ всего этого повлечено то нетерпѣніе, съ какимъ Европа ожидала рѣчи всемогущаго повелителя могущественной Франціи. Всѣ догадки и предсказанія, какова будетъ эта рѣчь, не оправдались; планы ея и все содержаніе были неожиданностью для всѣхъ, застали Европу такъ сказать врасплохъ, — что еще болѣе усилило интересъ и эффектъ рѣчи. Теперь эта рѣчь извѣстна всѣмъ, разсмотрѣна со всевозможныхъ сторонъ и точекъ зрѣнія; каждая фраза, каждое слово ея разобраны и истолкованы на тысячу ладовъ, такъ что объ ней кажется сказано уже все, что можно, и сказать что нибудь новое положительно невозможно. Въ нашей пастышечной замѣткѣ мы и не претендуемъ на особенную оригинальность; мы не будемъ касаться, такъ сказать, газетныхъ сторонъ рѣчи, относящихся до частныхъ текущихъ дѣлъ, а посмотримъ только на ея общія положенія, на ея сужденія объ общемъ ходѣ и направленіи событій современныхъ и предшествовавшихъ имъ. Мы также не будемъ удивляться великому ораторскому искусству и ловкости Наполеона, которыя справедливо заслужили всеобщее удивленіе и блистательно выказались въ его послѣдней рѣчи. Чтобы не впасть въ крайность, не скомпрометировать себя и къ то же время не возмущать преждевременно Европу, Наполеону слѣдовало пройти по опасному пути, такъ сказать по тонкой нити, перекинутой черезъ пропасть, ведущую къ крайностямъ, изъ которыхъ одна, названная у него «молчаніемъ», была бы опасна для его популярности и славы, а другая — «война» была бы во всякомъ случаѣ опасна для Европы, которая бы посмотрѣла на него, какъ на нарушителя мира; поэтому онъ прошелъ по нити безъ малѣйшаго колебанія въ ту или другую сторону. О томъ, какъ ловко рѣчь задѣла чувствительную сторону Франціи, — я говорить нечего: при чтеніи ея вѣроятно каждый французъ ставилъ себя на мѣсто Наполеона и воображалъ самого себя императоромъ, дающимъ тонъ всей Европѣ.

Первая часть рѣчи говоритъ о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, которыхъ мы не будемъ касаться. Замѣтимъ только, что эта часть подверглась строгой, даже слишкомъ строгой газетной критикѣ и преувеличеннымъ обличеніямъ. Конечно, защищать и хвалить внутреннюю политику Наполеона III нельзя; но нужно же и къ ней относиться справедливо, не предъявлять ей требованій больше и строже тѣхъ, какія предъявляются всѣмъ другимъ внутреннимъ политикамъ. А то обыкновенно о Франціи судятъ слишкомъ строго, по очень высокимъ идеаламъ, и потому естественно преувеличиваютъ ея недостатки, такъ что кажется, какъ будто Франція самая жалкая и несчастная страна въ Европѣ по своему внутреннему состоянію. Между тѣмъ на дѣлѣ это не такъ; очень и очень не многія страны европейскія могутъ похвастаться передъ Франціей превосходствомъ своего внутреннего состоянія, и на оборотъ очень многія изъ тѣхъ, которыя бросаютъ камни осужденія на Францію, сами страдаютъ недугами Франціи. Получить напримѣръ, предостереженіе французскаго газета, во всей Европѣ поднимается шумъ, со всѣхъ сторонъ слышатся рѣзкія порицанія, упреки, соболѣзнованія о несчастной французской прессѣ, для эффекта пересчитываются прежнія предостереженія другимъ газетамъ и т. д.; словомъ, одно французское предостереженіе возбуждаетъ больше толковъ и порицаній, чѣмъ введеніе въ Пруссіи системы предостереженій, которыхъ въ теченіи пяти мѣсяцевъ здѣсь роздано, вѣроятно столько, сколько во Франціи разошлось въ теченіи пяти лѣтъ; нечего и говорить о драконовскихъ судахъ надъ австрійскими газетчиками, эти суды считаются какъ будто милостями въ сравненіи съ французскимъ предостереженіемъ. Европа не вѣритъ французскому императору, искренность его намѣреній и словъ заподозривается, всѣ говорятъ, что онъ задерживаетъ развитіе Франціи, не даетъ ей ходу или даетъ очень мало и ведетъ ее слишкомъ медленно; тогда какъ почти всѣ вѣрятъ либеральнѣйшимъ намѣреніямъ напр. Шмерлинга, говорятъ, или подразумеваютъ, что онъ дастъ руководимой имъ странѣ большой и быстрый ходъ, будто бы быстрѣйшій французскаго. Все это конечно происходитъ только отъ того, что французскія внутреннія дѣла мѣряются слишкомъ большой, а дѣла сосѣдей Франціи слишкомъ малой мѣркой, и выходитъ разница, невыгодная для Франціи; между тѣмъ этой разницы не было бы, или она даже оказалась бы въ пользу Франціи, еслибы дѣла ея и другихъ мѣрялись одинаковой мѣркой. Только это мы и хотѣли сказать, не имѣя ни малѣйшаго намѣренія защищать внутреннія дѣйствія наполеоновскаго правленія.

Вторая часть рѣчи говоритъ о внѣшнихъ дѣлахъ, т. е. не о внѣшнихъ сношеніяхъ Франціи, а объ общихъ дѣлахъ всей Европы: эта

собственно часть ожидалась съ нетерпѣніемъ, при чтеніи ея у всей Европы захватывало дыханіе. Произнося эту часть рѣчи, Наполеонъ какъ будто забылъ, что онъ императоръ одной только Франціи, а вообразилъ себя императоромъ, такъ сказать, всей Европы; онъ забылъ, что передъ нимъ стояли представители одной только Франціи, которыми онъ долженъ былъ говорить только о своихъ, т. е. о французскихъ вѣнскихъ дѣлахъ и вообще держаться только государственной точки зрѣнія; онъ сталъ на международную точку зрѣнія, вообразилъ, что его слушаютъ представители всей Европы, предъ которыми онъ долженъ развить свой планъ новаго устройства не французскихъ, а общеевропейскихъ международныхъ отношеній. Это одно уже показываетъ, какое преувеличенное значеніе придаетъ Наполеонъ себѣ и своему плану, общія черты котораго представлены въ рѣчи такимъ образомъ:

«Не пришло ли время перестроить на новыхъ основаніяхъ зданіе, подкопанное временемъ и по частямъ разрушенное революціями? Не необходимо ли признать новыми конвенціями то, что совершилось неизмѣнно, и совершить общимъ согласіемъ то, чего требуетъ спокойствіе сѣтя? Трактаты 1815 года перестали существовать. Сила вещей уничтожила ихъ, или стремится уничтожить; почти вездѣ они нарушены: въ Греціи, въ Бельгіи, во Франціи, въ Италіи, равно какъ и на Дунаѣ. Германія волнуется, чтобы измѣнить ихъ, Англія великодушно измѣнила ихъ уступкою Ионическихъ острововъ и Россія попираетъ ихъ ногами въ Варшавѣ.

Посреди этого постепеннаго уничтоженія основнаго европейскаго договора возбуждаются горячія страсти, и на югѣ, какъ и на сѣверѣ, могущественные интересы требуютъ разрѣшенія. Поэтому, что можетъ быть законнѣе (*plus legitime*) и разумнѣе, какъ не пригласить европейскія державы на конгрессъ, гдѣ самолюбіе и несогласія исчезнутъ предъ верховнымъ третейскимъ судомъ? Что можетъ быть согласнѣе съ идеями эпохи, съ желаніями большинства, какъ не обратиться къ совѣсти, къ уму государственныхъ людей всѣхъ странъ и сказать имъ: не слишкомъ ли долго продолжались предубѣжденія и неудовольствія, разъединяющія насъ? Ужели завистливое соперничество между великими державами будетъ постоянно препятствовать успѣхамъ цивилизаціи? Ужели всегда мы будемъ возбуждать взаимное недоуловіе усиленными сооруженіями? Ужели самыя драгоценныя средства должны безконечно истощаться въ напрасномъ напряженіи нашихъ силъ? Ужели мы на вѣки удержимъ то положеніе, которое не есть ни миръ съ его безопасностью, ни война съ его счастливыми шансами? Не будемъ долѣе придавать искусственной важности разрушительному духу крайнихъ партій, противъ законнымъ стремленіямъ народовъ. Соединимся безъ предзанятой системы, безъ исключительнаго честолю-

бія, воодушевленные одною мыслью — утвердить порядок вещей, основанный на хорошо понятых интересах государей и народовъ.»

Такимъ образомъ Наполеонъ созываетъ европейскій ареопагъ изъ государственныхъ людей всѣхъ странъ, высшій третейскій судъ или, говоря обыкновеннымъ дипломатическимъ языкомъ, конгрессъ. Многие говорятъ, что конгрессъ не состоится, что онъ невозможенъ. Отчего? есть много вѣроятностей и за конгрессъ. Говорятъ, Англія не согласится и не потерпитъ пересмотра европейской карты. Конечно, Англія, т. е. собственно англійской аристократіи и плутократіи, очень хорошо жить при существующемъ положеніи Европы; и если она не расположена къ измѣненію его, то это происходитъ только отъ боязни, какъ бы при этомъ измѣненіи ей не стало хуже. Но она съ удовольствіемъ согласилась бы на всякую передѣлку, при которой ей была бы надежда получить на прим. Кале, или Шербургъ. Конечно, отъ наполеоновскаго конгресса она не можетъ ожидать подобной и вообще какой бы то ни было пользы и потому не можетъ особенно желать его; но за то конгрессъ можетъ состояться и безъ нея, и на немъ могутъ совершиться такія комбинаціи, которыя могутъ быть очень выгодны для другихъ и непріятны для Англіи, и потому простой расчетъ долженъ заставить ее принять участіе въ конгрессѣ, хоть бы для предупрежденія указавшихъ комбинацій. Англія не можетъ оставить безъ контроля и надзора такого государя-сосѣда, какъ Наполеонъ; это также должно побудить ее явиться на конгрессъ, чтобы вблизи видѣть, что затѣваетъ сосѣдъ, чтобы содѣйствовать, или противодѣйствовать ему; да и вообще, какъ-то неловко будетъ Англіи стоять въ сторонѣ и бездѣйствовать въ то время, когда другіе будутъ разсуждать о европейскихъ дѣлахъ. Далѣе, между приглашенными на конгрессъ есть такіе, которые рискуютъ услышать на немъ требованіе отъ нихъ жертвъ, но за то есть и такіе, которымъ могутъ представиться на немъ и счастливые шансы. Послѣднихъ поведетъ на конгрессъ надежда; а первыхъ могутъ повести желанія самимъ отстаивать свои интересы; вѣдь Наполеонъ такой человекъ, отъ котораго всего можно ожидать, и который можетъ рѣшиться на самыя энергическія мѣры. Все это вѣроятности за конгрессъ. — Впрочемъ для нашей цѣли вовсе не важенъ вопросъ о вѣроятности, или невѣроятности конгресса; будетъ ли конгрессъ, или нѣтъ, это для насъ все равно; потому что мы будемъ разсматривать идею конгресса, разбирать возможность осуществленія вообще какимъ бы то ни было конгрессомъ тѣхъ задачъ, которыя Наполеонъ думаетъ предложить своему Парижскому конгрессу.

Этому конгрессу, по словамъ Наполеона, предстоятъ два великія

дѣла: во первыхъ, трудная и обширная работа перестройки зданія, построеннаго Вѣскимъ конгрессомъ и другими трактатами современными ему; эта перестройка будетъ дипломатическая, т. е. внѣшняя, юридически формальная, она измѣнитъ внѣшній видъ Европы, какъ говорятъ, передѣляетъ карту ея; во вторыхъ, еще болѣе обширная работа нравственная, долженствующая измѣнить самый духъ Европы, произвести всеобщее умиротвореніе, найти новыя начала не только для международныхъ отношеній. При первой работѣ предполагается составленіе «новыхъ конвенцій», при второй же устраненіе «предубѣжденій», недовѣрія и соперничества между державами, примѣненіе идей нашей эпохи къ общеевропейской политической жизни. Двѣ задачи, какъ видите, одна другую превосходящія; разрѣшеніе ихъ дѣйствительно составляетъ потребность и предметъ стремленій нашего времени; но можетъ ли ихъ разрѣшить дипломатическій конгрессъ, подѣ силу ли они ему?

Опредѣляя первую задачу, Наполеонъ такъ точно охарактеризовалъ современное положеніе Европы, какъ этого можно было ожидать отъ самаго лучшаго историка. Зданіе Европы нуждается въ перестройкѣ, оно подкопано временемъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ разрушено революціями;—это историческое положеніе въ устахъ императора получило новое, такъ сказать, оффиціальное подтвержденіе, какого оно не имѣло бы въ устахъ обыкновеннаго историка. Отъ человѣка, стоящаго въ положеніи Наполеона, даже какъ-то странно слышать признаніе историческаго значенія и силы за революціями; не самъ ли онъ всѣ свои силы напругаетъ на предотвращеніе революцій? А съ другой стороны только отъ него одного и можно было ожидать такого признанія; не будь революцій, — Наполеониды пребывали бы въ неизвѣстности; не будь революцій, — Людовикъ Наполеонъ жилъ бы себѣ въ изгнаніи, занимаясь учеными и литературными трудами подобно тѣмъ, которыхъ онъ самъ изгналъ изъ Франціи. Понятно, почему онъ признаетъ революцій; но едва ли бы онъ призналъ ихъ, если бы они были не за него, а обратились противъ него. Какъ бы то ни было, а слова Наполеона о разрушеніи и перестройкѣ зданія вѣрны въ историческомъ отношеніи. Вся исторія есть не что иное, какъ разрушеніе и перестройка зданій, и эти два акта совершаются не революціями только, но и другими способами, реформаціями, реформами и даже нѣкоторыми случайностями. — Зданіе, такъ старательно и повидимому такъ прочно построенное римлянами, разрушилось, и на его развалинахъ воздвиглось зданіе среднихъ вѣковъ, въ свою очередь устарѣвшее и оказавшееся тѣснымъ и неудобнымъ для обновлявшагося духа Европы. Новое время стало подкапываться подъ средневѣковое зданіе и по частямъ разрушать его; эта разрушительная работа осо-

бенно дѣлательно и усердно велась въ XVIII вѣкѣ; ею занимались даже сами правители, государи и ихъ министры. Въ высшей степени разрушительный и страстный характеръ приняла эта работа во Франціи, въ концѣ XVIII вѣка; средневѣковое зданіе разрушено до основанія, сожжено до тла и, казалось, даже прахъ его развѣянъ былъ вѣтромъ. Французы отказались отъ религіи, которая въ среднія вѣка составляла великую историческую силу, двигала народами и управляла ходомъ событій; они отмѣнили королевскую власть, укрѣпившуюся въ теченіе среднихъ вѣковъ, и провозгласили верховную власть народа; уничтожили сословія, духовную и свѣтскую аристократію; у нихъ исчезли наследственные привилегіи и преимущества; вмѣсто разныхъ средневѣковыхъ правъ, принадлежавшихъ различнымъ сословіямъ и корпораціямъ, явились общія, неотъемлемыя права человека; объявлено торжественно, что всѣ граждане свободны и равны предъ закономъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; уничтожены даже самыя повинныя вещи, напоминавшія о старомъ порядкѣ вещей, лѣтосчисленіе, календарь, мѣры, вѣсы и т. д. Въ какія нибудь десять лѣтъ Франція, казалось, совершенно переродилась, и ея перерожденіе сопровождалось страшными, болѣзненными кризисами. Невольствуясь безжалостнымъ уничтоженіемъ всего стараго у себя дома, французы принялись за пропаганду; они хотѣли передѣлать на свой манеръ жизнь и общественныя отношенія въ другихъ государствахъ. Въ дѣйствіяхъ своихъ относительно сосѣдей они съ злою радостью нарушали положительныя права международныя, опредѣленныя трактатами, и такимъ образомъ въ значительной части Европы разрушили тотъ порядокъ, который издавна утвердился въ ней, и нѣсколько разъ передѣлывали карту ея, соображался при этомъ не съ положительнымъ правомъ, а только съ собственными разсужденіями, основанными на естественномъ правѣ, или на желаніи той или другой области, хотя это желаніе вынуждалось иногда самими же французами. Они низвергли съ престоловъ династіи, имѣвшія вѣковыя наследственные права, утвержденныя Европою; на мѣстѣ давнихъ монархій учреждены были республики: Батавская, Цизальпинская, Римская, Партенопейская; старыя аристократическія республики, Швейцарская и Генуэзская, передѣланы по новымъ демократическимъ идеямъ. Такимъ образомъ французы устроили новый порядокъ въ Бельгіи, Голландіи, Швейцаріи, Италіи и части Германіи; въ этихъ мѣстахъ, какъ и у себя дома, они уничтожали старыя средневѣковыя отношенія, вводили свои порядки и создавали все, что у нихъ самихъ было и хорошаго, и дурнаго. — Повидимому все старое погибло безвозвратно, и новый порядокъ утвердился прочно. Но скоро оказалось, что старое замерло только на время; оно начало возрождаться и воз-

становляться въ самой же Франціи. Возстановлена была религія, и не религія только, но и католичество и даже средневѣковой папизмъ; вмѣсто французской республики явилась французская имперія съ средневѣковымъ абсолютизмомъ подъ новыми формами; снова возникла аристократія съ наследственными титулами и привилегіями, въ лицѣ наполеоновскихъ маршаловъ, герцоговъ и кавалеровъ почетнаго легіона; права человека, провозглашенныя республикой, стали ограничиваться и забываться. Такое же возстановленіе стараго совершалось и въ странахъ, находившихся подъ вліяніемъ Франціи; и тамъ, вмѣсто новыхъ республикъ, Наполеонъ I учредилъ новыя монархіи и королевства: Голландское, Римское, Неаполитанское, Вестфальское; карта Европы подверглась еще новой передѣлкѣ, области соединялись, раздѣлялись, переходили изъ подъ власти одного правителя къ другому; соотвѣтственно этому мѣнялись и ихъ внутреннія учрежденія и порядки. При Наполеонѣ кругъ вліянія Франціи еще болѣе разширился; Наполеонъ властвовалъ почти надъ всею Европой. Будучи монархомъ, онъ однако дѣйствовалъ революціонными средствами; возстановляя монархіи, онъ однако не возстановлялъ ихъ прежнихъ монарховъ, а возводилъ въ короли своихъ братьевъ и родственниковъ; въ международныхъ сношеніяхъ онъ не соображался ни съ правами, ни съ трактатами, а единственно съ собственной волей; онъ передѣлалъ по своему всю Германію и хотѣлъ передѣлать всю Европу. — Такимъ образомъ Франція потрясала зданіе Европы и разрушала его части не мирнымъ дипломатическимъ путемъ, не конгрессами и договорами, а своей матеріальной силой, своей нравственной энергіей, укрѣпившей эту силу. Франція съ свѣжими, возрожденными національными силами побѣждала болѣзненную, дремавшую Европу, и потому была для ней законодательницей и перестраивала ее на новыхъ основаніяхъ.

Но вслѣдствіе постоянныхъ и усиленныхъ напряженій Франція скоро ослабѣла, силы ея истощились, за лихорадочною дѣятельностью послѣдовало бездѣйствіе. Вся Европа изнурилась немвогимъ меньше Франціи; постоянныя войны, частыя перемѣны и передѣлки, нерѣшительность положенія, страхъ передъ французскими замыслами тягело отозвались по Европѣ и возбудили въ ней жажду покоя и отдыха. Всѣ невольно обращались мыслію къ доброму и мирному старому времени и проникались негодованіемъ противъ французовъ, нарушавшихъ миръ и державшихъ всѣхъ въ непривычномъ напряженіи. Деспотизмъ Наполеона, охватившій всю Европу, вывелъ изъ терпѣнія даже терпѣливыхъ нѣмцевъ и унижалъ въ глазахъ Европы все французское, и дурное и хорошее; ненависть къ французамъ, служившимъ орудіями для Наполеона, переносилась на французскія идеи, на

историческія работы и открытія, сдѣланныя французами, на всѣ перестройки и передѣлки, произведенныя ими въ старомъ средневѣковомъ зданіи. Мысль, что въ возстановленіи всего стараго заключается спасеніе Европы, была почти всеобща. Среди такого общественнаго настроенія Франція была побѣждена, Наполеонъ палъ, и собрался Вѣнскій конгрессъ. Передъ конгрессомъ лежала карта Европы, передѣланная французами, и часть Европы, совершенно преобразованная ими сначала въ республики, а потомъ въ королевства для наполеоновскихъ родственниковъ. Дѣятельность конгресса естественно должна была принять характеръ противодѣйствія всему французскому. Все сдѣланное французами признавалось незаконнымъ, или собственно не легитимнымъ; на конгрессѣ формулировался принципъ-легитимность, то есть формальное юридическое право, основывающееся на давности, наслѣдствѣ, на дипломатическихъ актахъ и договорахъ, не признающее совершившихся фактовъ; — принципъ, противоположный революціонному, ставящему выше всего естественное право, и потому смѣло нарушающему положительныя права, несогласныя съ нимъ; съ точки зрѣнія легитимности, Бурбоны имѣли право на французскій престолъ, занятый Наполеономъ въ силу совершившихся фактовъ и воли французовъ. Конгрессъ не призналъ совершившихся фактовъ, возстановилъ вездѣ легитимныхъ монарховъ на мѣсто наполеоновскихъ, даже не призналъ трактатовъ, заключенныхъ въ наполеоновское время; новыя государства, устроенныя Наполеономъ, въ родѣ Вестфальскаго королевства, были уничтожены; возстановлены тѣ отдѣльныя, самостоятельныя государства, которыя существовали до французской революціи. Но однако конгрессъ не возстановилъ того распредѣленія областей между европейскими державами, какое существовало до революціи; онъ тоже началъ по своему передѣлывать карту Европы, соединять, раздроблять и дѣлить области между государствами, измѣняя ихъ прежнія границы. При этомъ онъ не соображался съ условіями, свойствами и требованіями дѣлаемаго матеріала, а руководствовался случайною волею дѣлившихъ; вообще цѣль распредѣленія заключалась не въ томъ, чтобы распредѣлить матеріалъ какъ слѣдуетъ, а въ разныхъ своекорыстныхъ видахъ и въ особыхъ соображеніяхъ, изъ которыхъ главнымъ было обезсиленіе Франціи и опасеніе французскихъ идей. Послѣ многихъ споровъ, ссоръ, вызванныхъ недовѣрчивостью и интригами и едва не приведшихъ къ формальному разрыву, карта Европы была размежевана и утверждена конгрессомъ. Опасаясь новыхъ бурныхъ передѣлокъ карты, подобныхъ французскимъ, конгрессъ желалъ, чтобы утвержденная имъ карта осталась неприкосновенною, и потому договаривающіяся стороны рѣшились защи-

пять общими силами ея неизмѣнность и противодействовать всѣмъ попыткамъ измѣнить ее, откуда бы они ни шли. Конгрессъ поставилъ задачей предотвращать нарушеніе постановленныхъ имъ правилъ, которое однако было неизбежно. — Вскорѣ же послѣ конгресса стали заявлять себя интересы и элементы, забытые имъ, или пренебреженные; то, что конгрессъ сдѣлалъ самаго несправедливаго и неестественнаго, стало прежде всего стремиться къ измѣненію и измѣнялось. Составители конгресса по принципу противодействовали такимъ и подобнымъ измѣненіямъ. Въ Италіи и Испаніи обнаружилось сильное и бурное недовольство королями, возстановленными конгрессомъ; тогда же австрійскія войска двинулись въ Италію, въ Сардинію и Неаполь, а французскія въ Испанію. Затѣмъ опредѣленія трактата стали насильственно измѣняться и въ другихъ мѣстахъ; то та, то другая область стремилась выйти изъ подъ его опеки и изъ положенія, имъ опредѣленнаго. Дѣятели конгресса сами сознали свои ошибки и новыми договорами измѣнили зданіе вѣнскаго конгресса; они утверждали самостоятельность Бельгіи, которая на конгрессѣ была соединена съ Голландіей. Измѣненіе трактата продолжалось, и теперь Наполеонъ въ своей рѣчи объявляетъ, что «сила вещей уничтожила его, или стремится уничтожить». Что же изъ этого слѣдуетъ? Вытекаетъ ли изъ этой исторической истины то заключеніе, что нужно составить новый парижскій конгрессъ на мѣсто упраздненнаго стараго, вѣнскаго? Для чего новый конгрессъ? Для того, «чтобы признать новыми конвенціями то, что совершилось»; но совершившійся фактъ, признавай его или не признавай, все останется фактомъ; признаніе конгрессомъ ни мало не усилитъ его. Для вѣнскаго конгресса рушились же, не смотря на то, что онъ былъ общеевропейскій конгрессъ; онъ призналъ на французскомъ престолѣ династію Бурбоновъ, однако это не предотвратило ее отъ паденія и не помѣшало Наполеону III сдѣлаться французскимъ императоромъ. Австрія уничтожила самостоятельность польнаго города Кракова и присоединила его нераздѣльно къ Имперіи, подобно тому, какъ Франція присоединила къ себѣ Савойю и Ниццу. Хотя эти факты и не признаны конгрессомъ, и даже отдѣльно всѣми державами; тѣмъ не менѣе Австрія и Франція спокойно владѣютъ своими приобрѣтеніями. Спокойствіе Европы ни на волосъ не сдѣлается прочнѣе отъ торжественнаго признанія конгрессомъ совершившихся фактовъ. Отчего же Наполеонъ такъ хлопочетъ объ этомъ признаніи и для чего ему нуженъ конгрессъ? Первая цѣль его, какъ можно догадываться, состоитъ въ томъ, чтобы легитимировать себя и свою династію на французскомъ престолѣ; конечно, всѣ государства, каждое отдѣльно, признали его императоромъ, но ему еще хочется добиться признанія отъ всѣхъ государствъ вмѣстѣ, такъ сказать, отъ

лица всей Европы. Ему неприятно, что въ «основномъ европейскомъ договорѣ» Наполеониды признаны узурпаторами французскаго престола и лишенными его; поэтому ему желательно, чтобы составилъ новый договоръ, въ которомъ бы его династія признана была легитимною, чтобы въ случаѣ какихъ нибудь превратностей Европа на основаніи этого договора относилась къ его династіи такъ, какъ она относилась въ 1815 году къ Бурбонамъ, чтобы она считала своею обязанностію поддерживать и даже возстановлять на французскомъ престолѣ Наполеонидовъ. Подобная забота о легитимности сильно занимала еще Наполеона I, и заставляла его, не смотря на его неуваженіе къ древнимъ легитимнымъ династіямъ, искать случая породниться съ этими династіями, и нашедши такой случай, онъ радовался ему какъ особенному счастью; это походитъ на то, какъ незнатные люди, вышедшіе въ аристократы, ревностно добиваются признанія отъ старой аристократіи, которую они прежде вовсе не уважали.

Кромѣ признанія совершившихся фактовъ проектируемому конгрессу предстоитъ устроить новый порядокъ въ Европѣ, совершить то, что пужно для ея спокойствія, — дѣло трудное, едва ли возможное, да едва ли и нужное. Какими принципами будетъ руководиться конгрессъ? Конечно онъ долженъ будетъ признать совершившіеся факты, а иначе къ нему лѣзутъ съ жалобами Бурбоны, Францискъ II, Итальянскіе герцоги, Оттонъ, и будутъ просить возвращенія незаконно отнятыхъ у нихъ престоловъ. Далѣе, какъ конгрессъ отнесется къ трактатамъ 1815 г.? Вѣдь строго говоря, не всѣ пункты ихъ перестали существовать; Россія, Англія, Австрія, Пруссія, Швеція владѣютъ нѣкоторыми областями, или отдѣльными пунктами на основаніи статей Вѣнскаго конгресса, неотмѣненныхъ юридически и неустраненныхъ фактически; все устройство Германіи основано на трактатахъ 1815 г., и она только волнуется для измѣненія ихъ, а еще не измѣнила. По мысли Наполеона для новаго конгресса не обязательны трактаты 1815 года, «не существуютъ» для него. Въ такомъ случаѣ передъ конгрессомъ откроется невообразимый и хаосъ; кромѣ европейскихъ вопросовъ, уже поднятыхъ силою вещей, возникнетъ множество новыхъ вопросовъ; въ такомъ случаѣ значить уничтожаются права, утвержденныя въ 1815 г., на основаніи которыхъ Австрія доселѣ владѣла Венеціей, Англія — Мальтой, Пруссія — Рейнскими провинціями, Швеція — Норвегіей. Можетъ быть, конгрессъ, чтобы не потеряться въ хаосѣ, приметъ за основаніе своихъ передѣлокъ какой нибудь общій принципъ, наприм. принципъ народностей, или естественныхъ границъ. Но это мало пособитъ дѣлу; многія европейскія области вовсе не имѣютъ естественныхъ границъ, или опредѣленіе ихъ дѣло спор-

ное. Принципъ же національностей не опредѣляетъ собою всѣхъ интересовъ народа или государства, и удовлетвореніе этому принципу не всегда можетъ служить средствомъ для возвышенія благосостоянія народа; соединеніе отдѣльныхъ частей въ одну государственную единицу имѣетъ въ виду еще и другія цѣли, кромѣ національнаго общенія и житія вмѣстѣ однородныхъ національностей. Народамъ, какъ и отдѣльнымъ личностямъ, не того только хочется, чтобы жить вмѣстѣ съ своими единоплеменниками и родственниками, но еще, и главнымъ образомъ, того, чтобы жить хорошо, покойно и съ хорошими людьми. Оттого-то разныя народности иногда прекрасно уживаются въ одномъ государствѣ; и наоборотъ одинаковыя народности ссорятся между собою и живутъ хуже, чѣмъ съ чужими, наприм. австрійскіе славяне гораздо больше любятъ нѣмцевъ, чѣмъ другъ друга. И потому раздѣлить государственную карту Европы по національностямъ было бы несправедливо въ нѣкоторыхъ случаяхъ. А главное, взявши за основаніе принципъ національностей и естественныхъ границъ, конгрессъ долженъ былъ бы до основанія перестроить Европу, нарушить вѣковыя права и давность и совсѣмъ уничтожить нѣкоторые государства. Кто же это согласится на потерю правъ, или на самоуничтоженіе? При устройствѣ новаго порядка на конгрессѣ, Наполеонъ дѣйствительно предвидитъ необходимость «нѣкоторыхъ жертвъ»; вѣроятно онъ самъ покажетъ примѣръ жертвъ, великодушно рѣшится вывести войска изъ Рима. Но многіе ли послѣдуютъ его примѣру и согласятся на болѣе существенныя жертвы? Всѣ признаютъ эти жертвы необходимыми для спокойствія Европы, но кто же и какъ убѣдитъ въ этомъ жертвователей? тутъ не помогутъ ни краснорѣчія, ни логика, если жертвователи считаютъ себя такими же полноправными и сильными, какъ и всѣ требующіе. Конгрессы собираются обыкновенно послѣ войнъ; дѣло ихъ идетъ успѣшно и приводится къ концу отъ того, что оно относительно легко, что конгрессамъ остается только привести въ порядокъ и формулировать результаты войны. На конгрессъ являются члены, интересы и элементы, уже испробовавшіе свою относительную силу и крѣпость; между ними большихъ споровъ быть не можетъ, потому что слабѣйшій изъ нихъ естественно уступаетъ сильнѣйшему и волею, неволею соглашается на жертвы, которыя отъ него требуются. Добровольныя жертвы и вообще рѣдки, а въ политикѣ они даже едва ли возможны. Поэтому нельзя не согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые думаютъ, что конгрессъ при обстоятельствахъ, въ какихъ онъ созывается Наполеономъ, можетъ произвести еще большую запутанность въ европейскихъ дѣлахъ и повести къ формальнымъ разрывамъ. — Но положимъ, дѣло прозектируемаго конгресса пойдетъ успѣшно, на конгрессѣ не бу-

детъ ни честолюбія, ни своекорыстія, а одно добровольное самоотверженіе и готовность подчиниться общему рѣшенію; въ такомъ случаѣ новый порядокъ будетъ утвержденъ и предписанъ Европѣ. Какихъ же качествъ можно ожидать отъ него? По словамъ Наполеона, новый порядокъ будетъ «основанъ на хорошо понятыхъ интересахъ государей и народовъ». Но эти интересы понять не легко; самъ Наполеонъ, безспорно умнѣйшій и провицательнѣйшій человѣкъ, и то, какъ говорятъ многіе, можетъ быть, не совѣмъ вѣрно понимаетъ свои интересы и интересы своего народа; нельзя ожидать и отъ всего конгресса безусловно вѣрнаго пониманія указанныхъ интересовъ; даже и при такомъ пониманіи со стороны конгресса все таки возможны ошибки и несправедливости, вслѣдствіе того, что предъ нимъ факты могутъ быть изображены пристрастно и односторонне. Хорошо еще, если объ одномъ фактѣ будетъ два противоположныхъ свидѣтельства, хотя и одностороннихъ, тогда истинную средину опредѣлить легко, въ противномъ же случаѣ весьма трудно и даже невозможно. Наприм., Австрія скажетъ, что интересъ Венеціи заключается въ подчиненіи австрійской имперіи, а Италия будетъ увѣрять, что венеціанскій интересъ состоитъ въ подчиненіи ей; Данія скажетъ и докажетъ, что Шлезвигу хорошо нераздѣльно слиться съ ней, а Германія представитъ ей доказательства противнаго; тутъ, взвѣсивши тѣ и другіе доводы, можно дойти до справедливаго рѣшенія. Но возьмемъ примѣрно Геную, или Краковъ; они были прежде самостоятельными политическими тѣлами; Сардинія и Австрія докажутъ, что самостоятельность ихъ вредна, что они даже и не хотятъ ея и считаютъ за счастье быть въ подчиненіи у своихъ настоящихъ владѣтелей, что это ихъ интересъ; какъ тутъ разобратъ, вѣрно ли опредѣляются такими словами интересы Генуи и Кракова. Вѣнскій конгрессъ соединилъ Норвегію съ Швеціей; послѣдняя конечно видитъ въ этомъ интересъ первой, такъ и скажетъ на конгрессѣ, который и утвердитъ за ней Норвегію; а какъ знать въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, для интересовъ Норвегіи было бы гораздо лучше или сдѣлаться совершенно самостоятельной, или быть присоединенной къ нѣсколько родственной ей Даніи. Такихъ случаевъ можетъ встрѣтиться множество и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ конгрессъ легко можетъ ошибиться, не смотря на всю свою добрую волю. Это предположеніе подтверждается опытомъ Вѣнскаго конгресса, который имѣлъ прекрасныя намѣренія при передѣлкѣ европейской карты, думалъ распредѣлять области самымъ справедливымъ образомъ, чтобы порядокъ былъ проченъ и всѣ были довольны. Однако эти намѣренія не осуществились, и самъ Наполеонъ можетъ указать нѣсколько несправедливостей въ опредѣленіяхъ конгресса. То же можетъ случиться и съ наполеоновскимъ конгрессомъ; каковы же будутъ слѣдствія оши-

бокъ общеевропейскаго конгресса? Гораздо худшія и опаснѣйшія тѣхъ, какія происходятъ отъ ошибокъ частныхъ договоровъ между нѣсколькими отдѣльными государствами. Положимъ, какое нибудь государство поставлено Наполеоновскимъ конгрессомъ въ неестественное положеніе; вынужденное силою вещей, оно должно будетъ выйти изъ этого положенія и нарушить предписаніе конгресса. Представьте себѣ, какое наказаніе постигнетъ то дерзкое государство, которое осмѣлится измѣнить то, что утверждено всей Европой, запечатлѣно общимъ согласіемъ всѣхъ державъ; какъ самъ Наполеонъ посмотритъ на народъ, который дерзнулъ нарушить трактатъ, подписанный имъ и всею Европой въ его столицѣ? Съ своими сосѣдями обиженное на конгрессѣ государство какъ нибудь могло бы управиться и облегчить свое положеніе; но тутъ въ дѣло вмѣшивается европейскій ареонагъ, обязанный поддержать значеніе своего закона и возстановить свой порядокъ, незаконно нарушенный. Вслѣдствіе этого такое государство силою будетъ возвращено въ прежнее положеніе и будетъ терпѣть снова всѣ его невагоды.

И такъ первая задача, дипломатическая, придуманная Наполеономъ, едва ли разрѣшима, даже нѣтъ основаній желать некускусвеннаго разрѣшенія ея конгрессомъ, потому что во всякомъ случаѣ оно будетъ невыгодно для Европы. Посмотримъ теперь на вторую задачу, нравственную. Наполеонъ думаетъ убѣдить государства, чтобы они оставили взаимныя предубѣжденія, зависть, недовѣріе, возбуждаемое вооруженіями, чтобы они не тратили драгоценныхъ средствъ на военныя потребности, чтобы они братски примирились, и такимъ образомъ устранили препятствія, задерживающія успѣхи цивилизаціи. Многіе не вѣрятъ искренности намѣреній Наполеона, говорятъ, что у него на устахъ миръ, а въ сердцахъ война, что подъ миролюбивой маской у него таятся воинственные замыслы; подобное недовѣріе не имѣетъ основанія. Напротивъ, все заставляетъ думать, что слова Наполеона искренни; восторженность и порывистость его рѣчи, открытый, даже можно сказать, задушевный тонъ его пригластительныхъ писемъ на конгрессъ, вовсе не похожихъ на холодный и разсчитанный дипломатическій документъ, воспоминаніе о «школахъ несчастій и многообразныхъ испытаніяхъ», имъ претерпѣнныхъ, прямодушное заявленіе, что его считаютъ честолюбивымъ, — все это показываетъ, что онъ самъ увлеченъ своею мыслію, страстно ей преданъ и стремится къ ея осуществленію; наконецъ и мотивы мысли въ немъ совершенно понятны. Человѣку, который терпѣлъ горе и нужду, потомъ и кровью составилъ себѣ состояніе, очень естественно желаніе успокоиться, обезопасить свое состояніе и спокойно наслаждаться имъ. Итакъ, можно думать, что Наполеонъ искренно желаетъ мира; каконъ

можетъ быть этотъ миръ, увидимъ дальше, но онъ его желаетъ.—Въ самомъ дѣлѣ, война есть величайшее несчастіе, какъ говорятъ, бичъ человѣчества; сколько на нее тратится матеріальныхъ и нравственныхъ силъ, сколько людей гибнетъ отъ войны! Какое ужасное бремя для государства войско, какихъ жертвъ и усилій стоитъ поддержаніе воинственнаго положенія; и благосостояніе государствъ удвоилось, даже утроилось бы, еслибъ силы, тратящіяся теперь на военное дѣло, были обращены на мирныя и полезныя занятія, и гораздо быстрее пошелъ бы прогрессъ. И было бы величайшимъ счастіемъ для Европы, если бы государства ея оставили воинственные замыслы и вооруженное положеніе и устроили свои извѣстныя отношенія на мирныхъ началахъ, т. е. относились между собою такъ же, какъ относятся между собою частныя лица въ отдѣльныхъ государствахъ. Возникнетъ напр. споръ между государствами; безъ всякой войны они просто отправляются на судъ въ европейскій ареопагъ и мирно подчиняются его рѣшенію справедливому и безпристрастному; тогда сдѣлались бы излишними войска, крѣпости, укрѣпленія границъ и т. д.; или все это приняло бы самыя ограниченныя размѣры. Крайнія партіи потеряли бы всякое значеніе, такъ какъ желанія народовъ удовлетворялись бы вполне; ареопагъ заботился бы, чтобы удовлетвореніе производилось вездѣ. Словомъ, былъ бы рай на землѣ. Такая блестящая мысль могла увлечь Наполеона, подобно тому, какъ она во всякое время увлекала многихъ мыслителей идеалистовъ, жаждавшихъ всеобщаго мира и безмятежія на землѣ; но странно, что она увлекла Наполеона, человѣка практическаго и политика, не похожаго на какого нибудь Э. Жирардена, тоже мечтающаго о всеобщемъ мирѣ и царствѣ свободы. Наполеонъ I непременно назвалъ бы такую мысль «идеологіей». При настоящемъ состояніи человѣческихъ отношеній, при современномъ положеніи Европы, сила и война составляютъ послѣдній аргументъ и безапелляціонное рѣшеніе; могутъ быть случаи, когда война становится неизбѣжною необходимостью и даже благодѣяніемъ. Но не говоря уже о совершенномъ устраненіи войны, чего вѣроятно и не ожидаетъ Наполеонъ III, даже обезоруженіе Европы, значительное уменьшеніе ея военныхъ силъ едва ли возможно; каждому государству войска и военныя средства необходимы для собственнаго употребленія, такъ сказать, для домашняго обихода; эта необходимость различна въ разныхъ государствахъ и въ одномъ и томъ же государствѣ она можетъ то увеличиваться, то уменьшаться вслѣдствіе разныхъ измѣненій въ его внутреннемъ положеніи. Конгрессъ поэтому не можетъ точно опредѣлить норму военныхъ силъ для разныхъ государствъ; если и опредѣлитъ, то нѣкоторые государства по внутренней необходимости превысятъ назначенную норму; это возбу-

дѣтъ опасеніе въ сосѣдяхъ, которые въ превышеніи увидѣтъ воинственные замыслы и сами начнутъ превышать опредѣленную для нихъ норму. Какъ бы удовлетворительно ни рѣшилъ конгрессъ международные вопросы и несогласія, все-таки останется возможность нарушенія, и каждое государство непременно станетъ готовить военныя средства на случай этой возможности, не говоря уже о государствахъ, обиженныхъ конгрессомъ, которые усиленно будутъ желать войны. Между Англіей и Франціей нѣтъ опредѣленныхъ несогласій и нерѣшенныхъ спорныхъ вопросовъ; однако Англія увеличиваетъ свои военныя силы, потому что Франція увеличиваетъ свои, а Франція въ свою очередь сильнѣе и сильнѣе вооружается потому, что видѣтъ усиленные вооруженія Англіи. Изъ подобнаго круга трудно выйти европейскимъ государствамъ, даже конгрессъ не въ состояніи разомкнуть этотъ кругъ.—Но если полное осуществленіе мысли Наполеона и невозможно, то во всякомъ случаѣ очень возможенъ конгрессъ съ обширными видами всеобщаго умиротворенія; онъ можетъ сдѣлать хоть въ половину свое дѣло; постановить общія правила и начала для утвержденія мира, устроить извѣстнаго рода мирный порядокъ, обязательный для всей Европы. Мы опять спрашиваемъ при этомъ,—каковы будутъ качества этого мирнаго порядка и какъ они подѣйствуютъ на политическое и моральное развитіе Европы?

Конгрессъ съ преимущественною цѣлью—устроить общее умиротвореніе можетъ въ извѣстныхъ случаяхъ пожертвовать для этой цѣли другими не менѣе важными и существенными цѣлями. Можно придумать для достиженія мира самыя дѣйствительныя средства, но эти средства могутъ быть стѣснительны для другихъ интересовъ, столь же настоятельныхъ, какъ и самый миръ. Одинъ добросовѣстный и благонамѣренный педагогъ замѣтилъ, что его воспитанники меньше шумятъ и шалятъ въ тѣ дни, когда ѣдятъ постную и скудную пищу; вслѣдствіе этого онъ рѣшилъ для сохраненія мира въ своемъ заведеніи постоянно кормить ихъ такою пищею; такая мѣра болѣзненно отзывалась на здоровьи воспитанниковъ и была отиѣвлена только благодаря внимательности высшаго начальства. Подобныя мѣры можетъ придумать и конгрессъ, онъ можетъ запретить оружейныя или селитренныя заводы съ цѣлю уменьшить военныя средства, можетъ учредить военную общеевропейскую стражу и назначить налогъ на содержаніе ея, можетъ распредѣлить эту стражу по тѣмъ государствамъ, у которыхъ недостаточно собственныхъ войскъ для подавленія попытокъ къ нарушенію мира и т. д. Конечно, все это мѣры грубыя, никакой конгрессъ ихъ не придумаетъ, но они указаны только для приѣбра; а мѣры сходныя съ этими, но болѣе тонкія, очень возможны со стороны конгресса. Но подобныя мѣры, принятыя конгрессомъ, были

бы обязательны для всей Европы, такимъ образомъ послужили бы для ней обремененіемъ и дѣйствовали бы разрушительно на ея интересы, опущенные изъ виду конгрессомъ. — Далѣе, общеевропейскій миротворный конгрессъ естественно постарается установить самую тѣсную солидарность между государствами; такая солидарность конечно и должна быть между ними, но она хороша только тогда, когда ограничивается извѣстными опредѣленными границами, за предѣлами которыхъ она можетъ быть стѣснительна для многихъ государствъ. Наполеонъ I посредствомъ трактатовъ установилъ солидарность между государствами, по которой всѣ они приняли его извѣстную континентальную систему, воспрещавшую торговлю съ Англіей. Такая солидарность была очень невыгодна для Россіи, которая по необходимости должна была нарушить ее и тѣмъ навлекла на себя гнѣвъ его. Выгодна ли была бы европейская солидарность до того тѣсная, чтобы она напр. исключала всякую возможность эмиграціи; а между тѣмъ Наполеонъ III пытался установить и такую солидарность между Франціей и Англіей, на что послѣдняя не согласилась. И такъ есть предѣлы солидарности; а кто можетъ поручиться, что конгрессъ не переступитъ ихъ, только бы достигнуть умиротворенія? Особенно опасна бываетъ солидарность тогда, когда она касается не только международныхъ отношеній между государствами, но даже и внутренняго положенія каждаго государства отдѣльно и такимъ образомъ даетъ поводъ ко вмѣшательствамъ во внутреннія дѣла. А Наполеонъ имѣетъ въ виду установить на будущемъ конгрессѣ и такую солидарность, включая въ число его занятій такіе предметы, какъ униженіе крайнихъ партій и удовлетвореніе законнымъ желаніямъ народовъ, т. е. строго говоря, предметы внутренней политики. Крайнія партіи обуславливаются внутреннимъ состояніемъ государства, и потому въ каждомъ государствѣ бываютъ различны; въ Англіи — такая крайняя партія, во Франціи — другая, въ Германіи — еще иная, и потому каждое государство должно само управляться съ своими партіями. Такъ же точно и народныя желанія у англичанъ одни, у французовъ другія, у нѣмцевъ третьи; каждое государство должно само заботиться объ удовлетвореніи желаній своего народа, и международный конгрессъ вовсе не имѣетъ права предписывать хоть бы напр. Наполеону, какимъ желаніямъ французовъ и какъ онъ долженъ удовлетворять. Хорошо, если конгрессъ вѣрно опредѣлитъ эти желанія, то его желанія будутъ имѣть хоть смыслъ, если не обязательное право. Но что же будетъ, если конгрессъ подъ французскимъ вліяніемъ будетъ опредѣлять всеобщія народныя желанія по масштабу настоящаго французскаго правительства? Вѣдь очень легко можетъ случиться, что при этомъ законныя желанія будутъ отнесе-

ны къ категоріи незаконныхъ и на оборотъ; такія категоріи конгрессъ утвердитъ какъ общую норму, обязательную для всѣхъ государствъ. Конечно, сильныя государства, не боящіяся конгресса, въ случаѣ надобности удобно отступятъ отъ этихъ нормъ; но каково будетъ слабымъ государствамъ, если народъ въ нихъ выскажетъ законныя желанія, которыя на конгрессѣ признаны незаконными, и если правительство ихъ удовлетворитъ этимъ желаніемъ? Въдѣ тогда это государство силою и насиліемъ будетъ приведено въ повиновеніе опредѣленіямъ конгресса; не сильное правительство принуждено будетъ отменить свои распоряженія, согласныя съ желаніями народа и эти желанія останутся такимъ образомъ неудовлетворенными; бывшее государство должно будетъ страдать, благодаря миротворному конгрессу. — И такъ общеевропейскій, предлагаемый Наполеономъ, конгрессъ можетъ быть благодѣтелемъ для Европы, если вѣрно опредѣлитъ интересы государствъ и народовъ; въ противномъ случаѣ, легко можетъ обратиться въ задержку ея развитія и стать препятствіемъ къ ея благосостоянію. На какой сторонѣ больше вѣроятности? Кажется на послѣдней, если конгрессъ устроится какъ разъ по мысли Наполеона; для доказательства снова обратимся къ Вѣнскому конгрессу.

Идея Вѣнскаго конгресса поразительно сходна съ идеей Наполеоновскаго; читая рѣчь и письмо Наполеона, кажется, будто читаешь воззванія и манифестъ Вѣнскаго конгресса; въ тѣхъ и другихъ одни мотивы, одни задачи и цѣли, одинаковыя средства, даже есть одинаковыя выраженія. — Французскій погромъ въ концѣ прошлаго столѣтія и началѣ нынѣшняго устранилъ Европу, ея государей и народовъ; самыя драгоценныя средства истощались въ напрасномъ напряженіи и увеличеніи военныхъ силъ; громадныя вооруженія поддерживали недобѣре, зависть и соперничество между великими державами; войны были непрерывны и мѣшали успѣхамъ цивилизаціи. Чтобы измѣнить это ужасное положеніе, государственные люди и государи всѣхъ странъ собрались на конгрессъ въ Вѣнѣ; многіе изъ государей, подобно Наполеону III, прошли «школу несчастій» и подвергались «многообразнымъ испытаніямъ» отъ Наполеона I. Государственные люди говорили другъ другу то самое, что Наполеонъ III предлагаетъ сказать Парижскому конгрессу, т. е., что нужно умиротворить Европу, прекратить усиленные вооруженія и утвердить прочный порядокъ. У всѣхъ было общее желаніе, какъ бы уничтожить въ будущемъ возможность повторенія погромовъ, подобныхъ французскому; возникла мысль, что нужно учредить европейскій и третейскій судъ, на которомъ бы справедливо рѣшались общеевропейскія дѣла и устранялись поводы къ нарушенію мира, что дер-

жавы должны быть солидарны между собою въ сохраненіи мира и общими силами подавлять всѣ попытки къ его нарушенію; признана была потребность и во внутреннихъ дѣлахъ соображаться съ хорошо понятыми интересами государей и народовъ. Подъ влияніемъ такой мысли и составился Священный союзъ, заключившіе который дали обѣтъ «пробывать всегда въ союзѣ истинной и неразрывной братской любви, оказывать во всѣхъ случаяхъ другъ другу содѣйствіе и помощь, отечески управлять своими подданными, поддерживать религію, миръ и справедливость». Таковы были прекрасныя идеи и цѣли Вѣнскаго конгресса; но какъ они осуществились? Въ первое время союзники дѣйствовали искренно, дѣйствительно думали управлять, руководствуясь хорошо понятыми интересами государей и народовъ; они сознавали, что старый порядокъ XVIII вѣка не годится для XIX. Это видно изъ того, что они заставили Людовика XVIII ввести во Франціи представительство, дать ей такъ называемую хартію, и сами общались своимъ подданнымъ, такъ ревностно сражавшимся за нихъ противъ Наполеона I, самыя широкія реформы, сообразныя съ потребностями новаго времени. Но ловкіе политики, предводимые Меттернихомъ, сдѣлали изъ Вѣнскаго конгресса и Священнаго союза орудіе реакціи и консерватизма; на основаніи гуманной солидарности между государствами, они стали вмѣшиваться во внутреннія дѣла чужихъ государствъ; всякое свободное движеніе они называли попыткой нарушить миръ и для подавленія его требовали на основаніи трактатовъ общаго содѣйствія; они предписывали правительствамъ, удовлетворившимъ желанію народа, не дѣлать такихъ удовлетвореній; наконецъ, они придумывали насильственные мѣры и навязывали ихъ всѣмъ государствамъ, какъ мѣры общаго спокойствія, требуемыя трактатами.

Сопоставленіе наполеоновскаго конгресса съ Вѣнскимъ даетъ возможность глубже и яснѣе понять обширныя идеи и планы Наполеона III. Наполеонъ предвидитъ такія же событія и опасности, какія видѣлъ Вѣнскій конгрессъ и старается предотвратить ихъ; онъ увѣренъ, что движеніе и развитіе Европы пойдетъ безостановочно, что при этомъ возможны будутъ разныя случайности и новыя испытанія для него. Поэтому онъ задумалъ захватить въ свои руки это движеніе, чтобы управлять и руководить имъ, чтобы оно совершалось по возможности спокойнѣй, безъ случайностей и опасностей для него самого. Онъ знаетъ, что въ Европѣ неизбеженъ новый порядокъ, и если таковой случится самъ собою, то еще неизвѣстно, какое мѣсто при этомъ порядкѣ достанется ему и его династіи; вслѣдствіе этого для гарантіи своего мѣста онъ хочетъ участвовать въ произведеніи новаго порядка и дать порядку видъ, благопріятный для себя. Задерживаніе движеній и эксплуатированіе ихъ есть какъ бы наследственная

задача и политика Наполеонидовъ. Наполеонъ I захватилъ въ руки движеніе Франціи конца прошлаго вѣка и обратилъ его въ свою пользу; нѣсколько времени онъ велъ Францію по своему; Наполеонъ III также овладѣлъ движеніемъ 1848 г., подчинилъ себѣ Францію и держитъ ее до сихъ поръ. Теперь онъ хочетъ овладѣть общевропейскимъ ходомъ, чтобы имѣть въ своихъ рукахъ средства для управленія будущими событіями, каковы бы они ни были. Но для этой обширной цѣли ему нужно содѣйствіе, если не всѣхъ, то многихъ европейскихъ государствъ, — для чего и созывается конгрессъ, который предупредитъ будущее и положитъ основанія новаго порядка. Что бы ни случилось потомъ, онъ созоветъ новый такой же конгрессъ, разъ уже установилась солидарность между государствами; а съ содѣйствіемъ конгресса онъ надѣется быть сильнѣе событій. Онъ непочтительно отзывается о Вѣнскомъ конгрессѣ, но ему нравится идея его, какъ средство удобно руководить всей Европой. Какъ видно, это задушевная мысль Наполеона. и о конгрессѣ онъ, говорятъ, мечтаетъ давно; она же выражается и въ его словахъ: «имперія — это миръ», т. е. задерживаніе и дисциплинированіе движеній. Если обстоятельства и приводили его къ войнамъ, то онъ видѣлъ въ нихъ средство для возвышенія себя и для притотвленія къ роли будущаго великаго миротворца. И теперь онъ въ душѣ желаетъ мира и видитъ удобный моментъ для осуществленія своихъ плановъ. Но — въ осуществленіи этихъ плановъ возможны страшныя ошибки. Управлять обширнымъ историческимъ движеніемъ невозможно; искусственное направленіе по необходимости дѣлается препятствіемъ и задержкой движенія; Наполеонъ I препятствовалъ развитію Франціи; то же говорятъ компетентные судьи и о Наполеонѣ III, который конечно успокоилъ волненіе Франціи, далъ ей миръ, но за то стѣснилъ ее, можетъ быть, задержалъ выѣстъ и ея хорошія движенія и поставилъ ее въ положеніе, которое не можетъ назваться ни благоденственной тишиной, ни движеніемъ съ счастливыми шансами. Такое положеніе онъ хочетъ навязать и всей Европѣ; его дядя поработилъ всю Европу войнами, а онъ хочетъ поработить ее миромъ, т. е. дипломатическими путями и конгрессами; такимъ образомъ, цѣль первой и второй имперіи одинакова, но только онѣ думаютъ достигнуть ее разными путями. Парижскій конгрессъ имѣетъ задачей стать для Европы во второй половинѣ XIX вѣка тѣмъ, чѣмъ была для нея Вѣнскій въ первой половинѣ вѣка, и Наполеону хочется играть роль, какую игралъ тогда Меттернихъ съ своей австрійской политикой, тоже предупреждавшій всякое движеніе посредствомъ европейскаго ареопага и конгрессовъ. Наполеонъ III замышляетъ сдѣлаться общевропейскимъ реакціонеромъ и консерваторомъ и сдѣлать Парижъ центромъ реакціонной по-

литики, какимъ прежде была Вѣна; въ своемъ приглашеніи онъ пишетъ: «можетъ быть, Европа найдетъ нѣкоторое вознагражденіе въ томъ, что столица, изъ которой такъ часто былъ подаваемъ сигналъ къ разрушеніямъ, сдѣлается мѣстомъ засѣданія конференцій, предназначенныхъ къ опредѣленію основаній для всеобщаго примиренія.» Эти слова имѣютъ такой смыслъ: прежде центромъ движенія и центробѣжной силы была Франція и Парижъ, а центромъ задерживанія и центростремительной силы Австрія и Вѣна; теперь же Наполеонъ хочетъ переставить центръ и сдѣлать такъ, что откуда бы ни происходило движеніе, Парижъ всегда бы служилъ инициативой его задержки. Едва ли Европа что нибудь выиграетъ отъ такого перемѣщенія центровъ, да едва ли оно и возможно. Замыслы Наполеона несогласны съ національными инстинктами и характеромъ Франціи, вслѣдствіе которыхъ она не можетъ сдѣлаться консервативной страной, задержкою и регуляторомъ движенія; такая роль прилична была бы Англіи, еслибъ она стояла въ срединѣ континента; а послѣ Англіи она всего сообразнѣе съ характеромъ Германіи и въ частности Австріи, которая дѣйствительно и теперь хочетъ овладѣть современными интересами и стремленіями Германіи, взять инициативу преобразованія Германскаго Союза, чтобы совершить его въ свою пользу и подъ видомъ удовлетворенія либеральнымъ тенденціямъ захватить ихъ въ свои руки и удовлетворить своимъ задушевымъ тенденціямъ; съ такою цѣлю и Наполеонъ хочетъ взять на себя инициативу преобразованія всей Европы... Франція восторгается блестящимъ планомъ своего императора, не проникая въ его сущность. Въ свою очередь Австрія боится замысловъ Наполеона, воображая ихъ французскими, разрушительными замыслами; но она успокоилась бы, еслибъ увидала, что онъ только хочетъ продолжать ея дѣло, конечно въ измѣненномъ видѣ, примѣнительно къ измѣнившемуся времени, — вѣдь и Меттернихъ же дѣйствовалъ не совершенно такъ, какъ напр. хотъ Тугутъ.

Спускаясь съ этихъ историческихъ отвлеченностей къ насущнымъ текущимъ событіямъ, мы снова видимъ передъ собой прежній вопросъ, — миръ, или война? Одни говорятъ, что война неизбежна, и ссылаются на одни мѣста наполеоновской рѣчи, другіе утверждаютъ, что миръ не будетъ нарушенъ, и указываютъ на другія мѣста той же рѣчи. И такъ рѣчь не разъяснила положенія, Наполеонъ не рѣшилъ главнаго вопроса или далъ рѣшеніе обоюдное; онъ зналъ, что Европа ждетъ его словъ, какъ прорицанія оракула; чтобы не уронить своего величія, онъ долженъ былъ дать прорицаніе вѣрное, которое бы сбылось; а онъ его не зналъ и потому, подобно древнимъ оракуламъ, незнавшимъ будущаго, далъ прорицаніе двусмысленное, чтобы оно

оправдалось во всякомъ случаѣ. Дѣло въ томъ, что благоговѣніе Европы предъ Наполеономъ преувеличено; на самомъ дѣлѣ онъ вѣдь не есть всемогущій полубогъ, а простой оракулъ, конечно сильный и проницательный, но не всемогущій и не предвидецъ. Онъ самъ не знаетъ, что будетъ, миръ или война; навѣрное можно сказать, что онъ искренно желаетъ мира, но сила вещей можетъ увлечь его и къ войнѣ. Если конгрессъ и не достигнетъ мирныхъ и миротворныхъ цѣлей, во всякомъ случаѣ онъ дастъ Наполеону возможность опредѣлить свою силу, узнать, кто его союзники и на кого изъ нихъ можно положиться во всякомъ случаѣ; онъ не хочетъ полагаться на своихъ министровъ, считал себя проницательнѣе ихъ всѣхъ, потому думаетъ явиться на конгрессъ самъ лично, чтобы своими глазами видѣть все. Если найдутся союзники надежные и сильные, онъ рѣшится на войну, отложивши миротворные планы до будущаго времени, и рѣшившись произнесетъ при какомъ нибудь случаѣ рѣшительное слово, опредѣленное пророчаніе въ родѣ того, какое онъ сказалъ въ новый годъ австрійскому посланнику передъ итальянскою войною. Теперь же самъ Наполеонъ не знаетъ, что будетъ, и всѣ гаданія и предсказанія, основанныя на его настоящей рѣчи, не могутъ считаться основательными.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО ВОСЬМАГО ТОМА.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

	Стр.
Некрологъ Н. Г. Помяловскаго.	
Вечерника у бѣдной родственницы. Сцены <i>Алексея Потахина</i> .	5
Напущеніе. Разсказъ <i>Е. Лукьянова</i> .	27
Жалобы музы. Стихотв. <i>Я. П. Полонскаго</i> .	37
Педагогическія бесѣды. — II — <i>А. Слюпцова</i> .	41
Три поколѣнія. Повѣсть. Часть вторая. <i>Неизвѣстная</i> .	67
Изъ Гейне. Стихотв. <i>А. Н. Плещеева</i> .	153
Очеркъ исторіи наказаній малолѣтнихъ преступниковъ и развитіе исправительныхъ колоній для малолѣтнихъ во Франціи. <i>А.</i> <i>Пассека</i> .	155
Тяжелые дни. Сцены изъ московской жизни. <i>А. Н. Островскаго</i> .	205
Вопросъ объ улучшеніи быта рабочихъ въ Германіи. — II. — <i>Э.</i> <i>Ватсона</i> .	251
«Прощаюсь, Ангелъ мой, съ тобою!» Провинціальныи романсъ въ дѣйствіи. <i>Н. Щедрина</i> .	292
Два стихотворенія. <i>Н. А. Некрасова</i> .	312
Мѣдный лобъ самаго низкаго сорта. Разсказъ несомременный. <i>Я.</i> <i>П. Полонскаго</i> .	313
Четыре стихотворенія. — I. «Съ честной любовью покойно живи». — II. На волѣ. — III. Горе. — IV. «Я пробудилъ, лаская и на- лужу». <i>А. Мих—лова</i> .	405

	Стр.
Изъ записокъ слѣдователя. <i>Н. Соколовскаго.</i>	509
Новыя изслѣдованія по вопросу о литературной собственности. <i>Ю. Г. Жуковскаго.</i>	547
Три полѣнія. Повѣсть. Часть третья и послѣдняя. <i>Неизвестнаго.</i>	569
Голубятники. Очеркъ изъ жизни тульскихъ оружейниковъ. <i>Вл. Соколова.</i>	509
Пожарище. Стихотв. <i>Н. А. Некрасова.</i>	519
Мои скитанія по бѣлу свѣту. — III. — <i>Н. В. Берга.</i>	521
Андрей Федорычъ Чебановъ. Изъ романа «Братъ и Сестра». <i>Н. Г. Помяловскаго.</i>	551
Натурщица. Стихотв. <i>Я. П. Полонскаго.</i>	561
Въ деревнѣ. — I. Полдень. — II. Лѣто. — III. Осень. Стихотв. <i>П. М. Ковалевскаго.</i>	563

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

СЕНТЯБРЬ.

Сельско-хозяйственныя бесѣды въ Москвѣ. <i>М. С.</i>	1
Очеркъ современной французской литературы.	31
Классическія или реальныя гимназіи? (По поводу спора гг. Каткова и Леонтьева съ г. Вороновымъ).	58
Русская литература. — Новыя книги: Повѣсти Кохановской (66). — Стихотворенія А. А. Фета. Изданіе К. Солдатенкова 2 части (83). — Народныя сказки, собранныя сельскими учителями. Изданіе А. А. Эрленвейна (87). — Крестовый походъ императора Фридриха втораго изъ дома тогенштауфенскихъ герцоговъ (18 іюня 1228—10 іюня 1229). Разсужденіе, представленное въ историко-филологическій факультетъ императорскаго с.-петербургскаго университета, для полученія степени магистра всеобщей исторіи. <i>В. Бильбасовымъ.</i>	95
Отвѣтъ московскимъ ученымъ.	97
Политика. (Отчего такъ мало говорятъ о событіяхъ въ Англіи?—Диктатура Пальмерстона. — Незначительность послѣдней парламентской сессіи. — Предполагаемыя реформы въ Швеціи и отношеніе къ этимъ реформамъ различныхъ сословій. — Борьба партій въ Бельгіи. — Борьба различныхъ партій между собою и съ правительствомъ въ Испаніи. — Столкновеніе между правительствомъ и народнымъ представительствомъ въ лунаискихъ княжествахъ).	105
Наша общественная жизнь. (Обращеніе къ читателю. — Нѣкоторые почти непреодолимые затрудненія, встрѣчаемыя фельетонистомъ. — О краснорѣчіи, какъ о силѣ врожденной и независимой. — Нѣчто о необходимости быть предусмотрительнымъ. — Литературный походъ противъ современнаго молодого поколѣ-	

нія.—Какъ приходитъ старость.—Одно слово хроникеру «Отечественныхъ Записокъ»).	127
Внутреннее обозрѣніе. (1) О стотысячной кражѣ на Николаевской желѣзной дорогѣ; 2) Объ убогой вдовѣ, претерпѣвшей убытку на 300 руб. сер., по случаю сдѣланнаго ей притѣсненія становымъ приставомъ; 3) Объ убогомъ больномъ, обиженномъ злонамѣренностью медиковъ; 4) О спорѣ г. Каткова съ г. Вороновымъ о классическомъ образованіи и 5) О спорѣ г. Каткова съ г. Костомаровымъ о малороссійскомъ нарѣчій).	149
Письмо къ редактору «Современника».	199

ОКТАБРЬ.

Международный конгрессъ для развитія соціальныхъ наукъ въ Ген-тѣ. Э. В.	201
Premiers-Moscou газеты «День» (1863, № 39—41).	217
Германское единство А. С.	237
Русская литература. — Методы юридической науки. II. — (Учебникъ уголовного права, составленный В. Спасовичемъ). Ю. Г. Жуковскаго.	325
Новыя книги. Настольный словарь для справокъ по всѣмъ отраслямъ знанія (Справочный Энциклопедическій Лексиконъ), издаваемый Ф. Толлемъ. (305).—Географическіе очерки и картины. Составлено по Грубе и другимъ источникамъ. Семь выпусковъ Изданіе А. Плещеева (313). — Сказаніе о томъ, что есть, и что была Россія, кто въ ней царствовалъ, и что она происходила. Князя В. В. Львова (Посмертное изданіе) (316). — Кіевскія волненія въ 1855 году. С. С. Громеки (321). — Руководство къ судебной защитѣ по уголовнымъ дѣламъ. К. Ю. А. Миттермайера. Изданіе А. Унковскаго.	326
Политика. (Французскія партіи въ 1863 году. — Приготовленія къ выборамъ и результаты ихъ.—Перемѣна лицъ и сохраненіе системы. — Приготовленія къ новой сессіи законодательнаго собранія).	327
Внутреннее обозрѣніе. (Газеты вообще. — Наши газеты въ настоящее время.—Мистическія воззрѣнія на польскій вопросъ.—Міръ славянскій и міръ европейскій. — Разныя точки зрѣнія на отношенія перваго къ послѣднему. — Предисловіе къ моему путешествію. — Безполезность и незанимательность современныхъ путешествій по Европѣ. — Польза путешествій по Россіи. — М. П. Погодинъ и его древлехранилище. — Возбужденія, доставляемыя путешествіемъ по Россіи.—Русскія натуральныя дороги. — Склонность русскихъ къ идеализаціи вообще.—Кой-что о женскихъ типахъ въ современныхъ произведеніяхъ русской поэзіи и беллетристики, въ особенности въ романѣ г. Чернышевскаго: Что дѣлать? — Кой-что о	

	Стр.
недавнихъ засѣданій академіи наукъ и о новомъ университетскомъ уставѣ. — Идеализація путешественниковъ относительно новыхъ усовершенствованныхъ путей сообщенія въ Россіи. — Нѣкоторыя самыя необходимыя предостереженія желающимъ путешествовать по Россіи.	359
Рѣчь Наполеона III.	419

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Олдинтонскій Малый Домъ. Романъ. Ант. Троллопа. (Переводъ съ англійскаго). Стр. (289—352).

ПРИГЛАШЕНИЕ КЪ ПОДПИСКѢ НА 1864 ГОДЪ.

ЗАГРАНИЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Н. М. ЦЕЙДЛЕРА.

Начнетъ выходить съ 1 января 1864 г. ежемѣсячно книжками отъ 160—200 стран. печати, въ 8 д. л.

Цѣль этого изданія доставить русскому человѣку возможность слѣдить за главными по крайней мѣрѣ явленіями современной иностранной литературы. Къ достиженію ея въ нашихъ рукахъ находятся всѣ возможные матеріалы, изъ которыхъ будемъ извлекать: 1) Разказы, повѣсти, и романы, характеризующіе направленіе изящной литературы извѣстной страны. 2) Біографіи, мемуары и т. п. матеріалы для русской или важнѣйшихъ эпохъ всеобщей исторіи. 3) Вопросы политическіе, административные, юридическіе и финансовые въ ихъ историческомъ развитіи. 4) Статистическіи и политико-экономическіи изслѣдованія. 5) Путешествія. 6) Обзоръ современнаго состоянія естественныхъ наукъ. 7) Замѣчательнѣйшія извѣстія о промышленныхъ, сельско-хозяйственныхъ и торговыхъ предпріятіяхъ. 8) Библиографическій указатель. 9) Смѣсь.

Цѣна въ годъ 7 р. 50 к., съ доставкою и пересылкою 9 р.

ПРИРОДА И ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ

ЖУРНАЛЪ

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ И ПУТЕШЕСТВІЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Н. ОЛЬХИНА.

12 выпусковъ въ годъ въ 4 д. л., каждый изъ 4 листовъ печати въ 2 столбца.

Въ журналѣ этомъ будутъ помѣщаться обширныя статьи о томъ, что въ последнее время открыто на общую пользу изслѣдованіями и опытами ученыхъ специалистовъ по частямъ естествознанія, физики, химіи и физиологіи. Вотъ имена авторовъ, которыхъ статьи до сихъ поръ были помѣщены въ этомъ журналѣ, а именно: Фохта, Дарвина, Молешотта, Люкса, Реки, и проч.

Цѣна въ годъ 3 р., съ доставкою 4 р., съ пересылкою 5 р.

ВОКРУГЪ СВѢТА

ЖУРНАЛЪ

ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ, ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ, НОВѢЙШИХЪ ОТКРЫТІЙ,
ИЗОБРЕТЕНІЙ И НАБЛЮДЕНІЙ.

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Н. ОЛЬХИНА.

12 выпусковъ въ 4 д. л., каждый изъ 4—5 листовъ печати, съ приложеніемъ 2 картинъ, гравированныхъ на мѣди и раскрашенныхъ, 1-й гравюры на стали и 10—15 политипажей.

Задача этого журнала состоитъ именно въ томъ: чтобы показать всю занимательность, всю прелесть и завлекательность близкаго знакомства съ различными странами земнаго шара, съ свойствами ихъ растений, съ бытомъ ихъ звѣрей, птицъ, насекомыхъ, съ нравами и обычаями общественной жизни населяющихъ эти страны племенъ и народовъ.

Подписная цѣна въ годъ 6 р., съ доставкою 7 р., съ пересылкою 7 р. 50 к. сер.

КАРТИННЫЯ ГАЛЛЕРЕИ ЕВРОПЫ

СОБРАНІЕ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЙ ЖИВОПИСИ ВЪ ГАВІЮРАХЪ НА СТАЛИ, СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ И БЮГРАФІЯМИ ЗНАМЕНИТЫХЪ ХУДОЖНИКОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. АНДРЕЕВА.

12 выпусковъ въ годъ, каждый изъ 2—4 листовъ печати, съ приложеніемъ 4-хъ гравюръ на стали портрета художника и одной копій съ его лучшей картины, гравированныхъ на деревѣ.

Цѣль журнала доставить пріятное чтеніе и служить лучшимъ и вѣрнѣйшимъ средствомъ для развитія вкуса и любви къ прекрасному, лучшею настольною книгой, необходимою принадлежностью въ библіотекѣ каждаго воспитательнаго учрежденія, каждаго дома, въ который истинное образованіе успѣло проложить путь изящному искусству.

Цѣна въ годъ 6 р., съ доставкою и пересылкою 8 р. сер.

ЗАБАВЫ и РАЗСКАЗЫ

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ ПЕРВАГО ВОЗРАСТА ОТЪ 6 ДО 10 ЛѢТЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. ПЧЕЛЬНИКОВОЙ.

12 книжекъ въ годъ въ 4 д. л., каждая изъ 6—8 листовъ печати съ приложеніемъ раскрашенной картинки и объяснительныхъ политипажей.

Забавы и Разказы служатъ для родителей существеннымъ пособіемъ въ исполненіи самой трудной ихъ обязанности—прискивать для дѣтей соотвѣтственные

ихъ понятіямъ, пріятіямъ и амѣтѣмъ полезныя занятія, которыя могли бы приковать ихъ вниманіе къ предмету и возбудить любознательность, а затѣмъ развить и укрѣпить сабія умышленныя силы и дать имъ правильное направленіе.

Подписная цѣна за годовое изданіе 5 р., съ доставкою и пересылкою во вся городъ Имперіи 7 р. сер.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ КНИГОПРОДАВЦА

М. О. ВОЛЬФА.

БЕРАНЖЕ. Пѣсни. Переводы В. Курочкина. 1 т. въ 8 д. л. съ 12 гравюрами на стали. Великолѣпное изданіе. Ц. 4 р., пер. за 3 ф. Въ переплетѣ. Ц. 5 р., пер. за 4 ф.

МИЦКЕВИЧЪ, КОНРАДЪ ВАЛЕНРОДЪ, ГРАЖИНА. Двѣ поэмъ Алама Мицкевича. Переводъ Бенедиктова. Рисунки Тысевича. 1 томъ въ большую 8-ю д. л., съ 82-мя иллюстраціями и портретомъ А. Мицкевича. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф. Изданіе на зеленой бумагѣ и въ парижскомъ переплетѣ, съ золотыми тисненіями. Ц. 5 р., пер. за 4 ф.

СКАВРОПСКІЙ. Воля. Два романа изъ жизни бѣглыхъ. 2 т. въ 12 д. л., Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф.

МЮЛЕРЪ, К. МІРЪ РАСТЕНІЙ. Опытъ космической ботаники. Переводъ полъ редакціею К. Резенера. 1 т. въ 8 д. л., съ 300 политипажами въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к., пер. за 3 ф.

ЦИММЕРМАНЪ. Міръ до сотворенія человѣка. Общепонятное изложеніе первобытнаго состоянія нашей планеты. Переводъ д-ра Ольхина. 1 т. въ 8 д. л., съ 200 политипажами въ текстѣ. Ц. 3 р. 50 к., пер. за 4 ф.

ПЛЕЙДЕНЪ. Растеніе и его жизнь. Переводъ съ пятого нѣмецкаго изданія, Павла Ольхина. Съ 16 рисунками, многими политипажами и 5 раскрашенными таблицами, гравированными на мѣди. Ц. 3 р., пер. за 2 ф.

МАЗУСЪ. Картины растительности. Переводъ Ф. Резенера. 1 т. въ 8 д. л., въ изящномъ переплетѣ. Ц. 1 р. 25 к., пер. за 1 ф.

РОСМЭСЛЕРЪ. Воля. Переводъ М. Яблонскаго. 1 т. въ 8 д. л., съ рисунками. Ц. 4 р., пер. за 4 ф.

ПОПУЛЯРНЫЙ КУРСЪ математической и физической географіи, по плану Бланка, съ измѣненіями и дополненіями по Кледену, Штеллеру и другимъ новѣйшимъ писателямъ, переведенный съ 7 нѣмецкаго изданія А. Е. Разинымъ. 1 т. въ 8 д. л. (до 600 стр.) съ 100 политипажами въ текстѣ. Ц. 3 р., съ пер. 4 р.

ДАДЪ, ВЛАДИМИРЪ. Сочиненія. Новое полное изданіе. 8 т. Въ 12 д. л. Ц. 10 р., съ пер. 13 р.

ФИНКЕЛЬ, ЭДУАРДЪ. Государственный строй Англіи. Переводъ П. М. Цейллера. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

НЕБОЛЬСИНЪ, Н. П. Около мужичковъ. Дневникъ (1861 г.). 1 т. въ 8 д. л. Спб. 1862 г. Ц. 1 р. 50 к., пер. за 2 ф.

- ФЕЙХТЕРСЛЕБЕНЪ. ПИГМЕНА ДУНИ.** По XX нѣмецкому и II французскому изданію переведено И. Ильинскимъ. 1 т. въ 16-ю д. л. Ц. 1 р., пер. за 1 ф.
- ФОНТОНЪ, Ф. П. ВОСПОМИНАНІЯ.** Юмористическія, политическія и военныя письма изъ главной квартиры дунайской арміи въ 1828 и 1829 годахъ. 2 т. въ 8 д. л. Ц. 4 р., съ пер. 5 р.
- ВЕГНЕРЪ, ВІЛЬГ. ЭЛЛАДА. КАРТИНЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ,** ея религій, могущества и просвѣщенія. Для любителей классической древности и просвѣщенія юношества. Перевелъ съ нѣмецкаго П. Евстафьевъ. Съ 234 пояснительными рисунками. Въ 8 д. л. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р. 25 к. Въ коленкоровомъ переплетѣ съ золотыми тисненіями 4 р., съ пер. 5 р.
- ИЕТИСКУСЪ. ОЛИМПЪ.** Мифологія грековъ, римлянъ, германцевъ и славянъ. Перевелъ П. Евстафьевъ. Съ приложеніемъ 67 изображеній мифологическихъ боговъ. Въ коленкоровомъ богатомъ переплетѣ. Въ 8 д. л. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 65 к.
- БЕРНАРДСКІЙ.** Земля и люди, или живописныя путешествія и рассказы изъ быта народовъ, жизни животныхъ, и описанія примѣчательнѣйшихъ и достопамятнѣйшихъ мѣстностей всѣхъ пяти частей свѣта. Второе исправленное изданіе. Съ 6-ю хромотографированными картинами. 2 т. въ 8 д. л. Спб. Ц. въ коленкоровомъ переплетѣ съ золотыми тисненіями 4 р., пер. за 5 ф.
- КЭНЪ.** Путешествія и открытія второй Гринельской экспедиціи въ сѣверныя и полярныя страны для отысканія Сира Джона Франклина, Переводъ А. Тихменева. 1 т. въ 8 д. л. съ 120 рисунками въ текстъ, 8 картинками, отпечатанными въ 2 тона, въ хорошемъ переплетѣ. Ц. 2 р., пер. за 2 ф.
- ЛЯВИНГСТОНЪ.** Путешествія во внутренней Африкѣ. Переводъ. Съ 100 рисунками въ текстъ 1 т. въ 8 д. л. Ц. въ хорошемъ переплетѣ 2 р., пер. за 2 ф.
- ФОГЕЛЬ.** Путешествія и открытія въ центральной Африкѣ, Великой пустынѣ и земляхъ Судана. Переводъ съ нѣмецкаго Дешвиша. 1 т. въ 8 д. л., съ 150 рис. въ текстъ, въ хорошемъ переплетѣ. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф.
- ФЛУРАНЪ. О ДОЛГОВѢЧНОСТИ ЧЕЛОВѢЧЕСКОЙ** и о количествѣ жизни на земномъ шарѣ. Сочиненіе Флурана. Переводъ съ французскаго. 1 т. въ 16 д. л. Ц. 1 р., пер. за 1 ф.
- ГРЕССЕ.** Исторія литературъ всѣхъ извѣстныхъ народовъ отъ древнѣйшихъ до новѣйшихъ временъ. 1 т. въ 8 д. л. Ц. 1 р. 25 к., пер. за 1 ф.
- СПАСОВИЧЪ, В. ОБЪ ОТНОШЕНІЯХЪ СУПРУГОВЪ** по древнему польскому праву. Разсужденіе, представленное юридическому факультету Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Въ 12 д. л. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 35 к.
- РУССКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗІЯ** для дѣвицъ. Часть I. Составлено В. Стоюнинымъ. 1 т., въ 16 д. л. Ц. 75 к., пер. за 1 ф.
Заключаетъ въ себѣ соч. Жуковскаго, Денисъ-Давыдова, Козлова, Языкова, Дельвига, Баратынскаго, Лермонтова, Кольцова.
- БУДЗИНСКІЙ.** О силѣ судебныхъ рѣшеній въ гражданскомъ и уголовномъ процессѣ. 1 т. въ 12 д. л. Ц. 1 р., пер., за 1 ф.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 ноября 1863 года.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

АЛЕКСѢЯ ИВАНОВА ДАВЫДОВА,

КОММИССІОНЕРА МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦІИ, И ОБЩЕСТВА РАСПРО-
СТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Арсенала
Николаевскаго дворца, въ домъ Лихачева, № 58.

ГЛАВНЫЯ КОНТОРЫ ЖУРНАЛОВЪ И ГАЗЕТЪ:

Современника, Военнаго Сборника, Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ,
Развлеченій и Русской сцены.

ПРОДАЖА ВСѢХЪ ПРЕЖДЕ ИЗДАННЫХЪ И НОВЫХЪ РУССКИХЪ КНИГЪ,
ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ КАРТЪ И ПР., КЪМЪ И ГДѢ БЫ ТО НИ БЫЛО
ПУБЛИКОВАННЫХЪ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА СЛѢДУЮЩІЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ 1864 ГОДА.

	ЦѢНА СЪ ПЕР.
АРТИЛЛЕРІЙСКІЙ ЖУРНАЛЪ, издаваемый временнымъ ар- тиллерійскимъ комитетомъ	4 50
БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ, журналъ словесности, наукъ и политики. 12 кн. въ годъ	16 50
БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ, ежедневная газета	15 —
ВАЗА. Журналъ вышиванія, моды и хозяйства. 24 №№ въ годъ	12 —
ВОЕННЫЙ СБОРНИКЪ, издаваемый по высочайшему повелѣ- нію. 12 кн. въ годъ	6 50
ВОКРУГЪ СВѢТА. Журналъ землѣвѣдѣнія, естественныхъ на- укъ, новѣйшихъ открытій, изобрѣтеній и наблюденій, издаваемый подъ редакціею П. Ольхина. 12 кн. въ годъ съ гравированными черными и раскрашенными рисун- ками. Цѣна за годовое изданіе съ декабря 1863 по де- кабрь 1864 года.	7 50
то же съ приложеніемъ журнала ПРИРОДА И ЗЕМЛЕ- ВѢДѢНІЕ	10 —
ГОЛОСЪ. Газета ежедневная, политическая и литературная, издаваемая А. А. Краевскимъ	16 —
ДЕНЬ. Газета ежедневная	7 —
ДѢЛО И ОТДЫХЪ. Чтеніе для мальчиковъ и дѣвочекъ отъ 7 до 14 лѣтъ всѣхъ сословій. Издав. Е. Ахматовою. 12 кн.	6 —
ДУХОВНАЯ БЕСѢДА, выходитъ еженедѣльно	4 —
ДУХЪ ХРИСТІАНИНА. Духовно-литературный журналъ: 12 кн. въ годъ (съ сентября 1863 по сентябрь 1864 года)	4 —

	цѣна съ пер.
ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ , ежемѣсячное изданіе общепонятныхъ сочиненій духовнаго содержанія. 12 кн. въ годъ .	3 50
ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ . Духовно-нравственное, историческое, естество-описательное литературное чтеніе, издав. М. Чистяковымъ. Выходитъ еженедѣльно	6 50
ЖУРНАЛЪ КОННОЗАВОДСТВА И ОХОТЫ . 12 кн. въ годъ .	4 50
ЖУРНАЛЪ М-ВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ . 12 книжекъ въ годъ	8 50
ЖУРНАЛЪ М-ВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ . 12 кн. въ годъ	13 50
ЖУРНАЛЪ М-ВА ЮСТИЦИИ . 12 кн. въ годъ	7 50
journal de S.-Petersbourg. Ежедневная газета	21 —
ЗАБАВЫ и рассказы для дѣтей отъ 6 до 10 лѣтъ. Сост. А. Пчельниковой. 12 книгъ въ годъ съ рисунками.	7 —
ЗАГРАНИЧНЫЙ ВѢСТНИКЪ . Подъ редакцію П. Цейдлера. 12 книжекъ	9 —
ЗАНОЗА . Юмористическая еженедѣльная газета	5 50
ЗАПИСКИ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА 4 книги въ годъ	6 50
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА 52 №№ въ годъ.	3 —
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА . (Бывшая Иллюстрація) 50 №№ въ годъ	8 —
ИСКРА . Сатирическій журналъ съ карриатурами, издаваемый Степановымъ и Курочкинымъ	7 50
КАРТИННЫЯ ГАЛЛЕРЕИ ЕВРОПЫ . Собраніе замѣчательнѣйшихъ произведеній живописи, находящихся въ главнѣйшихъ Европейскихъ галлерейхъ и коллекціяхъ, въ гравюрахъ на стали, съ объяснительнымъ текстомъ и съ приложеніемъ біографій и портретовъ знаменитыхъ художниковъ. Редакторъ А. Н. Андреевъ. 12 №№ въ годъ.	8 —
МОДНЫЙ МАГАЗИНЪ . Журналъ, издаваемый Софьею Мей. Съ приложеніемъ многихъ выкроекъ, модныхъ картинокъ и заграничныхъ гравюръ. Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ	8 —
МОРСКОЙ СБОРНИКЪ , издаваемый Морскимъ Ученымъ Комитетомъ. 12 кн. въ годъ	7 —
МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ , газета политическая и литературная. Выходитъ ежедневно.	15 —
МУЗЫКАЛЬНЫЙ СВѢТЪ 10 тетрадей въ годъ	13 50
НАРОДНОЕ БОГАТСТВО . Ежедневная политико-экономическая и литературная газета, издаваемая И. Балабиннымъ.	9 —
НУВЕЛИСТЪ . Музыкальный журналъ съ музыкально-литературнымъ прибавленіемъ 12 №№ въ годъ	11 50

	цѣна съ пер.
ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ. Журналъ учено-литератур- ный и политическій, издаваемый А. Краевскимъ 12 кн. въ годъ	16 50
ТОЖЬ съ модными картинками	17 50
ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ, издаваемое Сергіевскимъ. 12 кн. въ годъ	7 —
ПРИРОДА И ЗЕМЛЕВѢДѢНІЕ. Журналъ, издаваемый подъ ре- дакціей П. Ольхина 12 выпусковъ въ годъ	5 —
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. Журналъ мануфактуръ и торговли. издаваем. В. Струбинскимъ 24 №№ въ годъ	10 —
РАЗВЛЕЧЕНІЕ. Журналъ литературный и юмористическій съ политическими, издаваем. О. Миллеромъ. Выходитъ еженедѣльно	5 —
ТОЖЬ, съ 12 картинками модъ	6 —
Revue etrangere. Выходитъ еженедѣльно съ модными кар- тинками	24 —
ТОЖЬ безъ картинокъ	20 —
РУССКАЯ СЦЕНА. Театральный журналъ, издаваемый подъ редакцію Н. Михно 12 книжекъ въ годъ	12 —
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ. Журналъ литературный и политиче- скій, издаваем. М. П. Катковымъ. 12 кн. въ годъ.	15 —
РУССКІЙ ИНВАЛИДЪ. Военныя вѣдомости, выходятъ еже- дневно	13 —
РУССКОЕ СЛОВО. Литературно-ученый журналъ 12 кн. въ годъ	14 —
РУСЬ. Газета политическая и литературная, издаваемая В. Ба- жановымъ. Еженедѣльная	5 —
САМООБРАЗОВАНІЕ. Журналъ, издаваем. М. Ханомъ 12 №№.	6 —
С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ, газета политическая и литературная. Выходитъ ежедневно безъ прибавленій.	16 —
ТОЖЬ, съ прибавленіями	18 50
СЕНАТСКІЯ ВѢДОМОСТИ съ собраніемъ указовъ	8 50
СОБРАНІЕ ИНОСТРАННЫХЪ РОМАНОВЪ И ПОВѢСТЕЙ, въ переводѣ на русскій языкъ 12 кн. въ годъ	10 —
СОВРЕМЕННОСТЬ. Журналъ литературный и политическій, издаваемый Н. А. Некрасовымъ. 12 кн. въ годъ	16 50
СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА. Газета политическая, ученая и литера- турная, издав. А. Старчевскимъ. Выходитъ ежедневно	7 —
СѢВЕРНАЯ ПОЧТА. Газета ежедневная.	12 —
СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА. Газета политическая и литературная. Выходитъ ежедневно	11 —
СѢВЕРНОЕ СІЯНІЕ. Русскій художественный альбомъ. 12 вы- пусковъ въ годъ	8 —

УЧИТЕЛЬ. Журналъ для наставниковъ, родителей и всѣхъ желающихъ заниматься воспитаніемъ и обученіемъ дѣ- тей. 24 №№ въ годъ		4 —
Съ 2 приложеніями 1) Натуралистъ и 2) Чтеніе для юно- шества		7 —
ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНІЕ. 12 кн. въ годъ.		7 50
МѢСЯЦЕСЛОВЪ на 1864 годъ		1 50
тожь въ папкѣ		1 70
— въ сафьян. кор		2 —
ПАМЯТНАЯ КНИЖКА		2 30
тожь въ папкѣ		2 80
АДРЕСЪ-КАЛЕНДАРЬ		6 25

ИЗДАНИЯ А. УНКОВСКАГО.

Имѣя въ виду крайній недостатокъ въ книгахъ, могущихъ ближе ознакомить нашу публику съ характеромъ ожидаемыхъ нами судебныхъ учреждений и подробностями будущаго нашего судопроизводства, мы рѣшились по возможности содѣйствовать удовлетворенію этой потребности и выбрали на первый разъ четыре иностранныя сочиненія, которыя заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія, наиболѣе необходимыя для производства гласнаго уголовного суда при содѣйствіи присяжныхъ, обвинителей и защитниковъ. Припимая во вниманіе, что адвокатура является у насъ совершенно новымъ учрежденіемъ, мы начинаемъ это дѣло изданіемъ руководства къ судебной защитѣ, которое, не смотря на сухость содержанія и языка, представляетъ полный и подробный анализъ дѣятельности защитника и указываетъ на средства приготовленія къ ней. Затѣмъ, мы рѣшаемся представить публикѣ переводы трехъ сочиненій, изъ которыхъ первое можетъ ознакомить ее съ доказательствами, почти неизвѣстными въ нашей судебной практикѣ и имѣющими важное значеніе въ судѣ, произносящемъ приговоры на основаніи свободнаго обсужденія обстоятельствъ дѣла; второе—со всѣми подробностями отправленія уголовного правосудія въ странахъ, въ которыхъ начала, принятыя въ основаніе нашей судебной реформы, получили наиболѣе правильное развитіе; а третье—съ современнымъ состояніемъ судебной медицины, науки, необходимой для исполненія обязанностей слѣдователей, судей, присяжныхъ, повѣренныхъ и присяжныхъ засѣдателей. Если мы будемъ имѣть возможность продолжать наши изданія, то надѣемся представить публикѣ еще нѣсколько лучшихъ иностранныхъ сочиненій по части судопроизводства и нѣкоторые замѣчательные примѣры судебной защиты въ разныхъ странахъ Европы.

Въ настоящее время вышла и продается въ Москвѣ въ книжныхъ магазинахъ Бабунова (на Страстномъ бульварѣ) и Черенина (на Куз-

Т. ХСVIII. Отд. II. 287/4

нецкомъ мосту) и въ С. Петербургѣ въ книжныхъ магазинахъ: Кожанчикова, Серно-Соловьевича, Черенина и Тиблена, слѣдующая книга:

РУКОВОДСТВО КЪ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТѢ ПО УГОЛОВНЫМЪ ДѢЛАМЪ К. Ю. А. МИТТЕРМАЙЕРА. Переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1863. Цѣна 1 р. 20 коп., съ пересылкою 1 руб. 50 коп.

Лица, желающія приобрести эту книгу, въ количествѣ не менѣе 5-ти экзempl., могутъ получать ее съ уступкою 20%: въ Москвѣ въ типографіи Грачева и К^о, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, а въ С. Петербургѣ у М. Е. Салтыкова, близъ Александринскаго театра, въ Толмазовомъ переулкѣ, въ домѣ Афанасьева.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ОПЫТЪ ТЕОРИИ КОСВЕННЫХЪ УЛИКЪ У. УИЛЬЗА. Переводъ съ англійскаго.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО ВЪ АНГЛИИ, ШОТЛАНДІИ И СѢВЕРНОЙ АМЕРИКѢ К. Ю. А. МИТТЕРМАЙЕРА. Переводъ съ нѣмецкаго.

РУКОВОДСТВО КЪ СУДЕБНОЙ МЕДИЦИНѢ ДЛЯ ВРАЧЕЙ И ЮРИСТОВЪ А. ШАУЭНШТЕЙНА. Переводъ съ нѣмецкаго съ необходимыми для русскихъ врачей и юристовъ примѣчаніями и дополненіями И. А. Чацкого.

А. УНКОВСКІЙ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 октября 1863 года.

ВЪ МАГАЗИНАХЪ РУССКИХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ

КОММИССИОНЕРА ИМПЕРАТОРСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ: СВ. ВЛАДИМИРА,
ДЕРПТСКАГО И ХАРЬКОВСКАГО, АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССИИ И
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

Д. Е. КОЖАНЧИКОВА,

*въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Публичной
Библіотеки, въ домъ Демидова.*

въ Казани, на Воскресенской улицѣ домъ Алакова.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

РУКОВОДСТВО къ судебной защитѣ по уголовнымъ дѣламъ К. Ю.
А. Миттермайера, профессора законовѣдѣнія въ гейдельберг-
скомъ университетѣ. Переводъ съ четвертаго изданія. Изданіе
А. Унковскаго. Москва 1863 г. Ц. 1 р. 20 к.; съ пересылкою
1 р. 50 коп.

МАКОЛЕЙ. Полное собраніе сочиненій. Т. IX. (Исторія англи Т. 4).
Изданіе Н. Тиблена. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

ИСТОРИЯ ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА отъ времени Вѣнскаго кон-
гресса г. Гервинуса. Т. 2-й. Реакціи отъ 1815 до 1820 года,
Италія, Испанія, Франція, Германія. Переведено подъ редакціей
М. Антоновича. Спб. 1863 г. Ц. 2 р. 75 к.; почтовая пересылка
за 3 фунта.

то же выпускъ 7-й (окончаніе 2-го тома и начало 3-го), Револю-
ція романскихъ государствъ въ южной Европѣ и Америкѣ Спб.
1863 г. Ц. 75 к.; съ перес. 1 р.

ИСТОРИЯ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ и войны 1830 и 1831 годовъ.
Ф. Смита. Спб. 1863 г. 3 т. (вышли два, на третій томъ билетъ)
Ц. 6 руб.; въсвыхъ за 7 ф.

ПРОТИВНИКИ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО: Апраксинъ и Бестужевъ-
Рюминъ. (Очеркъ изъ русско-прусской войны 1756 — 1762 г.)
М. Семеваго. Спб. 1863 г. Ц. 30 к.; съ перес. 65 к.

УЧЕБНИКЪ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ въ очеркахъ быта народовъ и
жизнеописаніяхъ замѣчательныхъ людей. Составилъ Х. Вреденъ.
2-е изданіе, исправленное и дополненное. Спб. 1863 г. Ц. 1 руб.;
съ перес. 1 р. 30 к.

СОЧИНЕНІЯ Ивана Посошкова. Изданы Михайломъ Погодинымъ. 2
тома. Москва 1842 — 1863 г. Ц. 3 р.; съ перес. 4 р. Т. 2 от-
дѣльно 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ I. Шерра, переведено подъ
редакціей Пыпина; 3 в. Спб. 1863 г. Ц. 3 р. съ перес. 3 р. 60 к.

ИСТОРИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ, для гимназій и высшихъ учебныхъ
заведеній. Д-ра Эдуарда Мунка. Переводъ съ нѣмецкаго, текстъ
же образцовъ съ греческаго, Николая Соколова. Москва 1863 г.
Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Т. ХCVIII. Отд. II.

29%.

- ВСЕЛЕННАЯ.** Разказы изъ физической, математической и политической географіи. Сочиненіе Ф. Герштекера, переводъ подъ редакціею Ф. Резенера, съ 6 картинами и 7 геогр. картами Спб. 1863 г. Ц. 3 р. 50 к.; съ перес. 4 р. 25 к.
- ЗООЛОГІЯ** и зоологическая хрестоматія въ объемѣ среднихъ учебныхъ заведеній. Сост. Анатолій Богдановъ. Отдѣлъ второй Москва 1863 г. Ц. 1 р.; съ перес. 1 р. 30 к.
- То же отдѣлъ первый. Москва. 1862 г. Ц. р. 10 к. съ пер. 1 р. 40 к.
- ИСТОРІЯ КУСОЧКА ХЛѢБА.** Описаніе жизни человѣка и животныхъ въ письмахъ; соч. Масе. Съ французскаго. Изданіе Алексѣя Головачева. Москва 1863 г. Ц. 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 55 к.
- ФИЗИОЛОГИЧЕСКІЕ ЭСКИЗЫ.** Я. Моешотта. Переводъ съ примѣчаніями А. Пальховскаго. Москва 1863 г. Ц. 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 55 к.
- ПОѢЗДКА ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ.** Часть II. Очерки Днѣстра. А. Леанасьева-Чужбинскаго. Спб. 1863 г. Ц. 1 руб. 50 коп.; съ перес. 2 руб.
- УЧЕБНИКЪ ГЕОГРАФІИ РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.** Состав. П. Бѣлоха. Второе, исправленное изданіе. Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 55 коп.
- ЕСТЬ ЛИ ГДѢ КОНЕЦЪ СВѢТУ?** Сочиненіе Данилевскаго и Оссовскаго 3-е изданіе Москва 1863 г. Ц. 25 к.; съ перес. 55 к.
- РУССКАЯ ГРАММАТИКА.** Младшій 3-хъ лѣтній гимназическій курсъ состав. А. Антоновъ. 2-е изданіе. Спб. 1863 г. Ц. 70 коп.; съ перес. 1 руб.
- УЧЕБНИКЪ НѢМЕЦКАГО ЯЗЫКА,** составленный В. Пржибыльскимъ по методѣ Олендорфа. Спб. 1863 г. Ц. 1 руб. 50 коп.; съ перес. 2 руб.
- ОБРАЗЦЫ ТОРГОВЫХЪ КНИГЪ ДВОЙНОЙ БУХГАЛТЕРІИ,** составленные изъ курса г. Клинге учителемъ чистописанія Лапшинымъ. Спб. 1862 г. Ц. 2 р.; съ перес. 2 руб. 50 коп.
- О РАЗРАБОТКѢ** статистики народнаго просвѣщенія въ Россіи. Елєнія Карновича. Спб. 1863 г. Ц. 75 к.; съ перес. 1 руб.
- ТАБЛИЦЫ** первыхъ чиселъ и множителей отъ 1 до 251,647 составленные Б. Гольдбергомъ. Одобрено министерствомъ народнаго просвѣщенія Лейпцигъ. 1862 г. Ц. 2 р. 50 к.; съ перес. 3 р.
- ПОПУЛЯРНОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ФОТОГРАФІИ НА КОЛЛОДИОНѢ;** Сочиненіе Вилъ-Монкова, съ полнотипажми, переводъ съ французскаго Фрибесъ. Спб. 1863 г. Ц. 2 р.; съ пер. 2 р. 50 к.
- КЛИНИЧЕСКІЯ ЛЕКЦІИ** объ основаніяхъ медицины и искусства врачеванія Д-ра Беннетта. 2 тома Спб. 1863 г. Ц. 3 руб.; съ перес. 4 р.
- ОБЩЕПОЯТНЫЙ ЛЕЧЕБНИКЪ** и руководитель при кровати больного. Сочиненіе профессора Сосерота, переводъ съ французскаго Ив. Гиршфельдъ. Изданіе 2-е Спб. 1863 г. Ц. 1 р. 25 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 2 ноября 1863 года.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

М. БЕРНАРДА,

въ С.-Петербургѣ, на Невскомъ проспектѣ, противъ Малой Морской,
№ 10.

ЦѢНЫ ОЗНАЧЕНЫ НА СЕРЕБРО.

РАЗНЫЯ ШКОЛЫ.

БЕЙЕРЪ. *Дѣтская фортепіанная школа*, предназначенная исключительно для самыхъ малолѣтнихъ учениковъ и посвященная матерямъ семействъ; содержащая въ себѣ начальныя правила музыки, этюдъ, упражненій, гаммъ и маленькихъ пьесъ, съ прибавленіемъ 12 любимыхъ русскихъ романсовъ, переложенныхъ для фортепіано. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (3 руб.).

БЕРЮ. *Новѣйшая школа для скрипки*: съ многими примѣрами, упражненіями, этюдами и пьесами для одной и двухъ скрипокъ. На русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (4 руб.).

ГЮНТЕНЪ. *Полная школа для фортепіано* на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. 8-е изданіе, просмотрѣнное, исправленное и дополненное новыми уроками, легкими и постепенно возрастающей трудности въ двѣ и четыре руки (3 р. 50 к.).

КОНТСКІЙ. *Систематическое изложеніе игры на фортепіано*, основанной на теоріи музыки, содержащее въ себѣ руководство къ изученію Генералбаса и приложеніе примѣровъ, взятыхъ изъ произведеній классическихъ композиторовъ (3 р.). *Друзь дѣтей.* Упражненіе для маленькихъ рукъ, съ приложеніемъ пьесъ въ двѣ и четыре руки (2 руб.). *Необходимый руководитель для піаниста.* Ежедневныя упражненія. Новое дополненное изданіе (3 руб.).

ЛИ. *Новѣйшая школа для віолончели* (4 р.).

МАЙЕРЪ-МАРИКСЪ. *Школа для гармонифлейты* съ изъясненіемъ и описаніемъ сего инструмента (1 р.).

МАЗАСЪ. *Лучшій скрипичный учитель или новая школа игры на скрипкѣ.* Новое просмотрѣнное и дополненное изданіе (3 р.).

МОРКОВЪ. *Полная школа для семиструнной гитары*, съ объясненіемъ о вновь усовершенствованной десятиструнной гитарѣ и приложеніемъ нѣсколькихъ для нея пьесъ. При школѣ приложены два рисунка, кромѣ того гитарный грифъ для облегченія при самоученіи и портретъ автора (3 руб.).

ПАНСЕРОНЪ. *Музыкальная азбука или первоначальная школа пѣнія.* (Abc musical ou méthode de Chant) (3 р.).

РОДЕ. БАЛЬО и КРЕЙЦЕРЪ. *Скрипичный самоучитель или полная школа для скрипки.* Новое изданіе, просмотрѣнное и дополненное А. Киндингеромъ, съ прибавленіемъ 12 любимыхъ русскихъ романсовъ для одной или двухъ скрипокъ и изображенія скрипичнаго грифа для облегченія при самоученіи (3 р.).

ЧЕРНИ. Лучшій фортепіанный учитель или школа нынѣшней игры на фортепіано. Часть I. (2 р.).

ЧАРДИ. Новѣйшая школа для флейты, составленная для инструментальныхъ классовъ, учрежденныхъ при придворной пѣвческой капеллѣ и театральномъ училищѣ (3 р.).

ВАККАЙ. Практическія учрежденія для итальянскаго пѣнія, состоящія изъ 15 уроковъ (2 р. 50 к.).

РАЗНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

ГУНКЕ. Руководство къ изученію гармоніи, приспособленное къ самоученію (3 р.).

— Руководство къ сочиненію музыки: Отд. I, о Мелодіи (2 р.). Отд. II, о контрапунктѣ (4 р.). Отд. III, о формахъ музыкальныхъ произведеній (4 р.).

— Письма о музыкѣ (40 к., за перес. за 1 фунтъ).

ГЛЕЙХЪ. Руководство къ новѣйшей инструментовкѣ или правила къ изученію всѣхъ употребляемыхъ въ оркестрѣ инструментовъ (1 р., за перес. за 1 фунтъ).

ШУМАНЪ. Совѣты молодымъ музыкантамъ. (30 к. за пер. за 1 ф.).

СОКОЛОВЪ. Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди. Біографическій очеркъ (30 к., за перес. за 1 фунтъ).

МОРКОВЪ. Историческій очеркъ русской оперы съ самаго ея начала по 1862 г. (1 р. за перес. за 1 фунтъ).

БЕРНАРДЪ. Искусство настраивать фортепіано. Второе изданіе (40 к., за перес. за 1 ф.).

ГАРРАСЪ. Музыкальный словарь съ прибавленіемъ біографій извѣстныхъ композиторовъ, артистовъ и дилетантовъ (1 р. за пер. за 1 ф.). — Музыкальная терминологія (50 к., за пер. за 1 ф.).

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ получаютъ двадцать пять процентовъ уступки, а выписывающіе на десять рублей серебромъ, кромѣ того, ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.

Въ томъ же магазинѣ вышла 1-го октября 10-я тетрадь музыкальнаго журнала «Нувеллистъ» (годъ XXIV), содержащая въ себѣ новѣйшія пьесы: Бенделя, Ланге, Шлессера, Волемаунта, Рихардса, Эпарда, и др. 3 танцы, романсъ Булахова и Литературное Прибавленіе въ видѣ музыкальной газеты (годовая цѣна подписки 10 руб., съ пересылкою 11 р. 30 к.).

Желающіе подписаться на «Нувеллистъ» на 1863 г. получаютъ скидку на всѣ тетради этого журнала, вышедшія при началѣ нынѣшняго года.

Вновь получены иностранныя РОЯЛИ и ПИАНИНО, СКРИПКИ, СМЫЧКИ, ФЛЕЙТЫ, ГАРМОНИФЛЕЙТЫ, ГИТАРЫ, МЕТРОНОМЫ, КАМЕРТОНЫ, КАНИФОЛЬ и проч. по умѣреннымъ цѣнамъ.

ДЕПО ЛУЧШИХЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ СТРУНЪ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 октября 1863 года.

меки (321).—Руководство къ судебной защитѣ по уголовнымъ дѣламъ. К. Ю. А. Миттермайера. Изданіе А. Унковского. 326

XVII. — ПОЛИТИКА. (Французскія партіи въ 1863 году.—Приготовленія къ выборамъ и результаты ихъ. — Переѣзды на лицъ и сохраненіе системы. — Приготовленія къ новой сессіи законодательнаго собранія). 327

XVIII. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. (Газеты вообще.—Наши газеты въ настоящее время. — Мистическія воззрѣнія на польскій вопросъ. — Міръ славянскій и міръ европейскій. — Разныя точки зрѣнія на отношенія перваго къ послѣднему.—Предисловіе къ моему путешествію.—Безполезность и незанимательность современныхъ путешествій по Европѣ.—Польза путешествій по Россіи.—М. П. Погодинъ и его древлехранилище. — Возбужденія, доставляемыя путешествіемъ по Россіи. — Русскія натуральныя дороги. — Склонность русскихъ къ идеализаціи вообще. — Кой-что о женскихъ типахъ въ современныхъ произведеніяхъ русской поэзіи и беллетристики, въ особенности въ романѣ г. Чернышевскаго: *Что дѣлать?*—Кой-что о недавнихъ засѣданіяхъ Академіи наукъ и о новомъ университетскомъ уставѣ. — Идеализація путешественниковъ относительно новыхъ усовершенствованныхъ путей сообщенія въ Россіи.—Нѣкоторыя самыя необходимыя предостереженія желающимъ путешествовать по Россіи). 359

XIX. — РѢЧЬ НАПОЛЕОНА III. 419

ПРИЛОЖЕНІЕ:

ОЛЛИНТОНСКІЙ МАЛЫЙ ДОМЪ. Романъ АНТ. ТРОЛЛОПА. (Переводъ съ англійскаго). Продолженіе. Стран. (321—352).

Объявленія: 1) объ изданіи «Современника», въ 1864 году, 2) отъ книгопродавца М. О. Вольфа, 3) отъ книжнаго магазина А. И. Давыдова, 4) объ изданіи А. Унковского, 5) отъ музыкальнаго магазина М. Бернарда, 6) отъ книжнаго магазина Д. Е. Кожинчикова.

СОВРЕМЕННОЕ будетъ выходить въ 1864
году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печат-
ныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ.

въ С. Петербургѣ безъ доставки:
15 руб. серебромъ.

съ пересылкою или доставкой:
16 руб. 30 коп. серебромъ.

ПОДПСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ конторѣ Современника, на Не-
скомъ проспектѣ, противъ Арсенала
Аничкина дворца, въ домѣ Лихачева,
при книжномъ магазинѣ А. И. Давы-
дова.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ Конторѣ Современника, на углу
Большой Дмитровки, противъ Универ-
ситетской типографіи, въ домѣ Заграж-
скаго, при книжномъ магазинѣ Н. В.
Базунова.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ
своими требованіями **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО:** въ
контору Современника въ С.-Петербургъ.

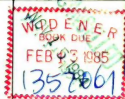
ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

Романъ въ Петербургскомъ полусвѣтѣ, Сочиненіе Н. Ста-
ницкаго. Цѣна въ С.-Петербургѣ и Москвѣ 75 коп., съ пере-
сылкою въ другіе города 1 руб. сер.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВО ВСѢХЪ ГЛАВНѢЙШЕХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

Исторія Всеобщей Литературы XVIII вѣка. Г. Геттнера.
Т. I. Англійская литература. Переводъ А. Пышина. Изданіе
Н. Тиблена. Спб. 1863.

THE BORROWER WILL BE CHARGED
AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT
RETURNED TO THE LIBRARY ON OR
BEFORE THE LAST DATE STAMPED
BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE
NOTICES DOES NOT EXEMPT THE
BORROWER FROM OVERDUE FEES.

3 2044 098 454 077